212

ИСТОРІЯ
РЕЛИГІЙ

ТАЙНЫХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ

ОБРЯДОВЪ и ОБЫЧАЕВЪ

ДРЕВНЯГО МІРА.

ПРОВЕРЕНО
1931 г.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

V ТОМЪ.

ГРЕЦІЯ И РИМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговка, д. № 16.
1883.

ГРЕЦІЯ И РИМЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе.—Источники миѳологическихъ сказаній.—Космогоніи: Орфея, Геріода и Овидія Назона.—Начало вселенной.—Династіи Титановъ. — Гея и Атисъ.—Праздники.—Разряды жрецовъ.

Каталогъ ученыхъ трудовъ, монографій, дисертацій, критическихъ изслѣдованій и т. п., посвященныхъ греческо-римской миѳологіи, могъ бы составить нѣсколько объемистыхъ томовъ, на составленіе которыхъ потребовались бы многіе годы. При всемъ томъ, послѣднее слово о греческой миѳологіи еще не сказано и множество новыхъ сочиненій, касательно этого предмета, ежегодно выходящихъ на разныхъ языкахъ, доказываютъ, что предметъ этотъ не утрачиваетъ и еще не скоро утратитъ своего интереса въ глазахъ ученаго міра и любознательныхъ читателей.

Изъ множества матеріаловъ, собранныхъ для составленія греческо-римской миѳологіи, вниманіе наше особенно привлекло на себя обширное сочиненіе абата Банье, изданное въ свѣтъ вторымъ изданіемъ въ 1748 году (1). Люди, незнакомые съ достоинствами этого труда, въ свое время надѣлавшаго много шуму въ ученомъ

---

(1) Abbe Banier La: Mythologie et les fables expliquées par l' histoire Paris 1748, VIII, volumes in 12°.

міръ ...гъ обвинить насъ въ пристрастіи къ старинѣ, но обвиненіе это было бы неосновательно. Руководясь старинными авторами, мы не теряли изъ виду и новѣйшихъ; сочиненіе Банье не мѣшало намъ справляться съ превосходными сочиненіями Крейцера, Дюпюи и другихъ. Во вторыхъ скажемъ въ свое оправданіе, что давность сочиненія не всегда порука за его негодность, особенно сочиненія историческаго. Трудъ абата Банье замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что авторъ къ каждому миѳу присоединяетъ изслѣдованія объ истинномъ историческомъ событіи, послужившемъ ему основою. Каждая басня, по мнѣнію абата Банье—истинное происшествіе, прикрашенное вымыслами и мишурою чудеснаго. Задавшись этой мыслію, ученый указываетъ на источники происхожденія миѳовъ, подтверждая свои указанія весьма остроумными примѣрами. Источники эти слѣдующіе:

1) *Врожденная человѣку страсть къ преувеличенію и къ чудесному.* Повѣствуя о подвигахъ своихъ предковъ, древніе приписывали ихъ явному содѣйствію боговъ и, такимъ образомъ, думая предать героямъ болѣе значенія, умаляли достоинство ихъ подвиговъ. Такъ Персей убиваетъ сонную Медузу, освобождаетъ Андромеду, будучи снабженъ крыльями Меркурія. Беллерофонъ побѣждаетъ Химеру при содѣйствіи Пегаса; Ахилесъ неуязвимъ, потому что доспѣхи его выкованы Вулканомъ и т. д.

2) *Отсутствіе грамотности*, вслѣдствіе котораго древніе довольствовались устными преданіями. Повѣствуя о подвигахъ одного героя, разскащики приплетали къ нимъ собственные вымыслы. Чѣмъ разскащикъ былъ краснорѣчивѣе, тѣмъ сомнительнѣе была правдивость его повѣствованій.

3) *Излишнія похвалы усопшимъ.* Люди издревле имѣли обыкновеніе лгать на мертвыхъ—преувеличивая ихъ заслуги или умаляя недостатки. Въ случайномъ совпаденіи дня смерти героя съ какимъ нибудь естественнымъ событіемъ, панегиристы видѣли явное проявленіе участія боговъ къ судьбѣ героя.

4) *Разсказы путешественниковъ.* Путешественники и заѣзжіе издалека купцы были также ревностными распространителями въ древнемъ мірѣ всякихъ басенъ и небылицъ. Отсюда,

изъ этого источника, проистекли разсказы о поляхъ елисейскихъ, о странахъ населенныхъ чудовищами, о гигантахъ, пигмеяхъ и т. п.

5) *Уподобленія поэтическія, понятыя буквально.* Читайте Иліаду, Одиссею и Энеиду переводя алегоріи на общепонятный языкъ, и герои этихъ поэмъ явятся передъ глазами вашими обыкновенными смертными. Въ Одиссеѣ (¹) (пѣснь XVI), чтобы сказать что Улиссъ, ради благоразумія инкогнито посѣтилъ Алкиная — Гомеръ говоритъ, что его „привела Минерва, одѣвъ облакомъ.“ Подражая греческому поэту, Виргилій въ своей Энеидѣ заставляетъ Венеру привести въ Энею Дидону. Изобиліе и пріятность плодовъ страны Лотофаговъ задерживаютъ тамъ спутниковъ Улисса, и поэтъ говоритъ, что „плоды этой страны имѣютъ свойство заставлять забывать объ отечествѣ“ (Одиссея кн. VII). При дворѣ Цирцеи путники предаются распутству: „чародѣйка превратила ихъ въ поросятъ;“ бури преслѣдуютъ Улисса: „гнѣвъ Нептуна за сына своего Полифема.“ Море разрушило стѣны, возведенныя греками во время осады Трои: „ихъ опрокинулъ Нептунъ своимъ трезубцемъ“ (Иліада II, IX).

6) *Сходство именъ героевъ.* Вслѣдствіе этого, въ греческой миѳологіи встрѣчаются герои, которымъ приписываются подвиги одного и того же лица или наоборотъ—одинъ герой—которому приписываются подвиги нѣсколькихъ лицъ. Меркуріевъ, Юпитеровъ и Геркулесовъ было нѣсколько; въ древней Греціи эти имена давались царямъ точно также какъ имена Фараоновъ въ Египтѣ, Цезарей въ Римѣ.

7) *Ограниченность познаній въ естественныхъ наукахъ.* Олицетворяя боговъ въ свѣтилахъ небесныхъ, жрецы, а

(¹) Въ любопытной книгѣ Guérin du Rocher: Histoire véritable des temps fabuleux, мы нашли слѣдующую замѣтку о названіи Одиссеи, такъ именуемой вслѣдствіе ошибки переписчиковъ. Настоящее имя ся *Улиссея*, такъ какъ она посвящена странствованіямъ *Улисса*; но переписчики, вмѣсто греческаго *U* поставили *O*, а вмѣсто *Л—Д* и такимъ образомъ исказили названіе поэмы. На сколько правъ авторъ—предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

за ними и весь народъ, объясняли астрономическія явленія баснями. Во время ущерба луны говорили, что Діана нисходитъ на землю къ Эндиміону. Впослѣдствіи о затмѣніяхъ луны сложили сказку, будто ихъ производятъ ѳессалійскія вѣдьмы своими чарами. Такимъ образомъ, вся видимая природа со всѣми ея явленіями, была олицетворена и раздѣлена на безчисленное множество божествъ. Громы и молніи названы были орудіями Юпитора, солнечные лучи—стрѣлами Аполлона, ночныя росы—нимфами Діаны; радуга - Изидою; вѣтры—Бореемъ, Аквилономъ, Зефиромъ и т. д.

8) ***Первое ознакомленіе людей съ искуствами.*** Основатели первыхъ государствъ, просвѣтители народа греческаго, ознакомившіе ихъ съ земледѣліемъ, кузнечнымъ мастерствомъ, строительнымъ искуствомъ и т. д. всѣ безъ изъятья были причислены къ богамъ.

9) ***Превратно истолкованныя библейскія сказанія.*** Въ миѳологіи встрѣчаются разсказы очевидно заимствованныя изъ библіи. Два старинные автора Лаво (Lavaux) и Фурмонъ (Fourmont) написали по этому поводу весьма любопытныя дисертаціи. Весьма возможно, что ***нѣкоторыя*** сказанія библейскія, переиначенныя и измѣненныя, были приняты греками, но не всѣ же. Нельзя, напримѣръ, не найдти разительнаго сходства между исторіей Агамемнона и Ифигеніи, съ исторіей Іеофая и его дочери Ифіанассы; между Девкаліономъ и Ноемъ. Къ сожалѣнію нѣкоторые изъ старинныхъ писателей (преимущественно іезуиты) старались и всю миѳологію объяснить книгами писанія и при этомъ, разумѣется, не могли избѣжать грубѣйшихъ натяжекъ.

10) ***Незнаніе греками иностранныхъ языковъ***—одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ басенъ и миѳологическихъ сказаній. Египетскіе и финикійскіе выходцы были основателями гражданскаго быта Греціи. Ни египетскій, ни финикійскій языкъ не былъ извѣстенъ ея жителямъ. По финикійски, напримѣръ, ***альфа*** или ***ильфа*** означаетъ быка и корабль. Изъ разсказа о похищеніи Европы и пріѣздѣ ея на островъ Критъ на ***корабль***, греки сложили басню о похищеніи Европы Юпитеромъ принявшимъ на себя видъ, ***быка***. Финикіяне именовались ***гевейцами*** или ***хивейцами*** отъ слова: ***хива***—змѣя. Греки, по стариннымъ сказаніямъ о Кадмѣ, въ которыхъ слово хива было соединено съ его имяемъ, сочинили будто онъ былъ превращенъ въ змѣя. Отъ слова ***сиръ***, пѣніе, произошло имя ***сиренъ***, пѣвицъ чарующихъ своими пѣснями; ***Эолъ***—по финикійски значитъ вѣтеръ; изъ этого слова у грековъ явилось собственное имя бога вѣтровъ. Откуда произошла басня о говорящемъ караблѣ Аргонавтовъ, у котораго руль былъ вырубленъ изъ дуба священной рощи Додона, гдѣ находилось прорицалище? Изъ финикійскаго синонимическаго слова, означающаго—разговоръ и управленіе кораблемъ. ***Кастала***, по еврейски значитъ—шумъ или журчаніе; отсюда произошло имя источника Кастальскаго; ***Гиппокрена*** или ***Гиппиграна***, изъ слова въ слово: брызжущій изъ земли ключъ... Основываясь на этомъ имени, что сочинили греки? ***Нагхашъ*** по финикійски: сторожъ и драконъ. Греки въ каждомъ расказѣ, заимствованиомъ у финикіянъ, передѣлали перваго во втораго.

Буквально переводя собственныя имена съ иностранныхъ языковъ на свой отечественный, греки точно также сочинили множество сказокъ и басенъ. Наставника дѣтей Ахамаса звали ***Кріосъ***, что означаетъ: овечье руно. Отсюда произошла басня о золотомъ рунѣ. ***Ликаонъ***—имя собственное (подобно русской фамиліи Волковъ) послужило темою для басни о превращеніи этого царя въ волка. Про персидскаго Кира греки расказывали будто онъ былъ вскормленъ собакою: эта сказка произошла отъ собственнаго имени его кормилицы, ***Спако***, означающаю ***собаку*** на мидійскомъ языкѣ. О храмѣ дельфійскомъ говорили будто онъ вылѣпленъ изъ воску... откуда могло произойти это сказаніе? Отъ имени архитектора ***Птераса*** (воскъ). ***Волчихами*** въ древнемъ Лаціумѣ называли женщинъ дурнаго поведенія: одна изъ таковыхъ вскормила Ромула и Рема—и римляне вѣрили, что основатели ихъ царства были дѣйствительно вскормлены волчихою.

11) ***Незнаніе географіи*** сосѣднихъ странъ. Боязнь пускаться въ дальнія страны породила множество расказовъ о странахъ, погруженныхъ въ вѣчный сумракъ, о чудовищахъ поглощающихъ пловцевъ; наконецъ объ адѣ и о тартарѣ со всѣми ихъ ужасами.

Орфей и ***Гезіодъ*** въ Греціи,— ***Овидій Назонъ*** въ Римѣ были первыми сочинителями космогоній этихъ народовъ древности. Въ позднѣйшія времена противниками ѳеогоніи явились философы разныхъ сектъ, повѣствовавшіе о происхожденіи міра совсѣмъ иное. О философскихъ сектахъ мы поговоримъ своевременно, теперь же сдѣлаемъ бѣглый обзоръ космогоній трехъ вышеупомянутыхъ авторовъ.

— Всего прежде (говоритъ ***Орфей***) былъ сотворенъ эѳиръ — жилище боговъ (свѣтилъ небесныхъ) окруженный хаосомъ; послѣдній, въ свою очередь, былъ окруженъ тьмою или ночью. Затѣмъ явился свѣтъ, потомъ образовалось первобытное яйцо, изъ котораго произошли всѣ живыя существа.

По словамъ ***Гезіода***, прежде всего былъ хаосъ, изъ котораго произошла земля, потомъ любовь — божество могущественнѣйшее и всетворящее. Каждая изъ этихъ трехъ силъ произвела сонмы боговъ, богинь содѣйствовавшихъ дальнѣйшему образованію вселенной.

Овидій, руководясь древними греческими сказаніями, говоритъ, что до образованія моря, земли и небесной тверди, вся вселенная представляла одно нестройное цѣлое называвшееся хаосомъ. Солнце тогда еще не свѣтило и луна еще не измѣняла своихъ фазисовъ, и земля не висѣла въ воздушномъ пространствѣ. Море было безбрежно; вода, воздухъ и земля были смѣшаны; водѣ не доставало текучести, свѣту не доставало воздуху... Холодъ боролся съ тепломъ, сухость съ влагою, тяжелыя тѣла нагнетали на легкія... Богъ, или природа, прекратилъ (или прекратила) эту борьбу стихій, отдѣливъ небо отъ земли, землю отъ воды, эѳиръ отъ воздуха. Каждой стихіи Богъ опредѣлилъ свое мѣсто: огонь, легчайшая изъ нихъ, занялъ область высшую; воздухъ — ниже, за нимъ — земля, за нею — вода. Послѣ этого перваго раздѣленія Богъ окружилъ поверхность земли и по лицу ея розлилъ моря. Онъ дозволилъ вѣтрамъ волновать водную поверхность не дозволяя, однако же, волнамъ выходить изъ начертанныхъ имъ границъ. Послѣ того Богъ создалъ ручьи, пруды, озера и рѣки... одѣлъ травою поля, деревьями — лѣса; воздвигъ горы и сравнялъ долины..."

Затѣмъ Овидій говоритъ о созданіи пяти поясовъ земли, о созданіи свѣтилъ, животныхъ и человѣка. Воздухъ или эѳиръ онъ называетъ жилищемъ боговъ. Отсутствіе религіознаго характера въ его космогоніи весьма понятно. Онъ жилъ черезъ восемь сотъ слишкомъ лѣтъ послѣ Гезіода, когда взглядъ людей на мірозданіе и на самое божество измѣнился и значительно просвѣтлѣлъ близясь къ правдѣ. Римъ, заимствуя у Греціи ея миѳологію въ теченіе многихъ вѣковъ своего бытія, переиначилъ многія сказанія и обогатилъ свою миѳологію новыми божествами и героями. Въ нашемъ трудѣ мы соединяемъ обѣ миѳологіи, какъ для удобства читателя, такъ равно и для возможнаго сжатія рамокъ нашего обзора, который даже и при этой предосторожности будетъ весьма объемистъ.

Теперь приступимъ къ дальнѣйшему повѣствованію.

Изъ мрака, въ который въ началѣ бытія была погружена вся вселенная, ***Демогоргонъ*** или духъ земли извлекъ стихіи. Изъ мрака же (***Ахлисъ*** у грековъ, ***Калиго*** у римлянъ) родился ***Хаосъ.*** Одновременно съ нимъ явились: ***Эревъ***, ***Тартаръ*** и ***Ночь*** (по мнѣнію нѣкоторыхъ — ***Земля***), а по словамъ Гезіода Эревъ, Тартаръ и ***Любовь.***

Дѣтьми Демогоргона были: ***Солнце***, ***Раздоръ***, ***Панъ***, ***Парки Ниѳо*** (убѣжденіе). Дѣтьми Хаоса: ***Эревъ*** и ***Ночь***: дѣтьми. Ночи: ***Немезида*** (мщеніе), ***Фортуна*** (счастіе) — мать ***Нужды; Геспериды***, ***Сны***, ***Несогласія***, ***Судьба***, ***Смерть***, ***Момусъ***, ***Обманъ*** или ***Плутня*** и ***Парки.*** Ночь отъ сожительства съ Эревомъ родила: ***День*** или ***Свѣтъ***, ***Эѳиръ***, ***Харона***, ***Эпафа***, ***Эпиффона***, ***Соревнованіе*** и ***Сострадавіе.*** Отъ сочетанія Эѳира съ Днемъ родились: ***Ѳаласса*** или ***Ѳетида*** супруга ***Понта*** или ***Океана***, отъ котораго имѣла: ***Форкиса***, ***Ѳаумаса***, ***Эвривію***, ***Кето*** и ***Землю.*** Отъ соединенія Ночи съ Хаосомъ родился слѣпой, но всемогущій ***Рокъ*** (***Эимармене*** грековъ, ***Фатумъ***—римлянъ) и ***Эвитерна*** или ***Вѣчность. Каллироя***, дочь Океана вышла за ***Фанеса***, перваго царя Фригии и имѣла отъ него сыновей: ***Акмона***, ***Котиса*** и ***Кара.*** Акмонъ былъ отцомъ ***Урана*** и ***Титеи***; Котисъ — ***Атиса*** и ***Азіи***, а Каръ — ***Кріаза***, ***Алаванда*** и ***Гидеи.***

Изъ этого легіона первозданныхъ боговъ и богинь греки признали покровителями своими — Урана (небо) и сестру его Титею (землю), названную также Гэ, Геею, Геридою и Апіею. Дѣтьми этой первой пары боговъ были: ***Океанъ, Хронъ;*** четыре титана: ***Кеосъ, Кріосъ, Гиперіонъ*** и ***Япитъ*** и шесть сестеръ: ***Ѳіа*** и ***Ріа*** (Цибелла), ***Ѳемида*** и ***Мнемозина; Фебея*** и ***Ѳетида.***

За титанами слѣдовали циклопы: ***Бронтъ, Стеропъ, Аргетъ*** или ***Гарнетъ;*** и ***гекатонхиры*** (сторукіе); ***Коттусъ, Бріарей*** и ***Гиесъ.*** Эти послѣдніе Титаны были до того чудовищно безобразны, что Уранъ низвергъ ихъ въ тартаръ или въ преисподнюю. Въ отмщеніе за дѣтоубійство Земля поручила сыну своему Хрону взять острую косу и отсѣчь Урану его части. Отъ крови его брызнувшей на землю родились: ***Эринисъ, гиганты, мелін*** и ***Афродита.*** Покинувъ изуродованнаго супруга, земля вошла въ связь съ Понтомъ (моремъ) и родила отъ него: ***Нерея, Ѳаумата, Форкита*** и дочерей: ***Кето*** и ***Эврибію.***

Хронъ и ***Рея*** были родителями дочерей: ***Гестіи*** (Весты), ***Даматеры*** (Цереры), ***Геры*** (Юноны) и сыновей: ***Гадеса*** (Плутона), ***Посидона*** (Нептуна) и ***Зевса*** (Юпитера). Дѣтьми Океана и Ѳетиды были ***Рѣки*** и три тысячи ***Океанидъ;*** отъ Кеоса и Фебеи родились: ***Латона*** (Луна) ***Астерія;*** отъ Кріоса и Эврибіи—***Астрея, Паллада*** и ***Персесъ;*** отъ Гиперіона и Реи: ***Геліосъ*** (солнце), ***Селена*** (луна), ***Эосъ*** (заря); отъ Япита и Климены: ***Атласъ, Менецій*** и ***Прометей.*** Фаркитъ и Кето были родителями ***Горгонъ*** и ***Грей...***

Такова безконечная генеалогія древнѣйшихъ боговъ Греціи, поклоненіе которымъ можно назвать первымъ періодомъ исторіи религіи этой страны. Первыя миѳологическія сказанія начинаются съ ***Геи*** или ***Цибеллы,*** поклоненіе которой изъ Фригіи перешло въ Грецію около 1580 года до Р. Х. Ей приписывали изобрѣтеніе музыкальныхъ орудій, медицины и искуства ветеринарнаго. Странствуя по вселенной, Цибелла встрѣтила молодаго ***Атиса,*** влюбилась въ него и склонила на преступную связь. О происхожденіи его существуютъ слѣдующія сказанія:

— Однажды Юпитеръ былъ возмущенъ страстнымъ сновидѣ-

ніемъ, вещественное послѣдствіе котораго пало на землю и произвело двухполое существо ***Адагоя*** или ***Агдистиду.*** Боги, испуганные рожденіемъ чудовища, оскопили его. Изъ крови Адагоя выросло миндальное дерево, прельстившее своими плодами нимфу ***Сангариду,*** которая сорвавъ ихъ съ вѣтки положила къ себѣ за пазуху... Отъ этого прикосновенія она сдѣлалась беременною и родила ***Атиса,*** воспитаннаго пастухами. Этотъ красавецъ плѣнилъ дочь царя Перинонга и въ тоже время свою мать—не Сангариду, но оперированную богами Агдистиду... Сведенный съ ума ласками своей матери, Атисъ оскопился и его мать вымолила у Юпитера, чтобы всѣ части его тѣла были одарены свойствомъ нетлѣнія. По другимъ сказаніямъ онъ изуродовалъ себя самъ избѣгая ласокъ Цибеллы; но третьимъ — изъ любви къ ней и переодѣтый въ женское платье скитался по землѣ, повсемѣстно воздвигая богинѣ алтари и обучая людей служенію Цибеллѣ. Въ память Атиса были въ глубочайшей древности установлены праздники ***Дендрофоріи*** или праздники сосенъ, начинавшіеся въ Греціи 21 марта и продолжавшіеся три дня. Подъ сосною Атисъ укрывался отъ преслѣдованій Цибеллы и потому въ первый день праздниковъ передъ входомъ въ храмъ богини сажали сосну. Жрецы, въ воспоминаніе операціи Атиса, дѣлали нарѣзы па корѣ дерева. Второй день посвящался оплакиванію страдальца, а на третій (***гиларіи:*** день ликованія) радовались возвращенію къ нему производительной способности. Какой же алегорическій смыслъ въ миѳѣ объ Атисѣ и Цибеллѣ? Онъ и она - солнце и земля. Первое, лишаясь осенью своей силы, какъ бы воскресаетъ весною... Очевидно, что Атисъ грековъ тотъ же Адонисъ сабистовъ Малой Азіи.

Праздники Цибеллы назывались ***Цибелеями*** или ***Цибебеями,*** а жрецы ея ***Корибантами.*** Праздники омовенія въ Римѣ (***Мегалезіи***) состояли въ погруженіи идола богини въ воды Альмо. Впослѣдствіи къ этимъ праздникамъ присоединили ***Тавроболіи*** или ***Кріоболіи*** принесеніе въ жертву быковъ и барановъ. При этомъ корибанты становились въ ровъ, на краю котораго рѣзались жертвы: кровь послѣднихъ орошала жрецовъ съ головы до ногъ. Во Фригіи, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, Цибеллу изоб-

ражалъ четырехъ угольный камень (*веѳиль*), подобный присланному въ Римъ Атталомъ, царемъ пессинонтскимъ въ 297 г. до Р. Х. При доставкѣ этого кумира въ Римъ, корабль сѣлъ на мѣль при устьи рѣки Альмо, съ которой былъ сдвинутъ весталкою **Клавдіею Квинтою**, не задолго передъ тѣмъ заподозрѣнною въ нарушеніи даннаго ею обѣта цѣломудрія. Подвигомъ своимъ весталка доказала неосновательность обидныхъ подозрѣвій. Впослѣдствіи, вмѣсто грубаго камня, богиню Цибеллу изображали въ видѣ беременной женщины въ дубовомъ вѣнкѣ, сидящею на колесницѣ, везомой двумя львами и держащей въ рукѣ ключъ. Ей были посвящены: букъ, сосна, дубъ; изъ животныхъ: свинья, быкъ, коза, угорь и змѣя. Въ Римѣ былъ храмъ **Опертумъ**, въ которомъ въ честь богини совершались особыя таинства исключительно жрицами. Жрецы Цибеллы: **галлы** и **корибанты**, были скопцы и составляли особенную корпорацію, о которой необходимо поговорить нѣсколько подробнѣе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Галлы и корибанты.—Секта скитальцевъ.—Рея или Рейя.—Ея дѣти.—Куреты и Дактили.—Веста.—Весталки.—Ихъ права и преимущества.—Праздники Весты.—Сатурнъ въ Италіи.—Янусъ.—Его храмъ.—Дѣти Сатурна.—Горы.—Кентавръ Хиронъ.—Его ученики.—Сатурналіи и матроналіи.

Въ первыя времена обожанія Цибеллы въ Греціи, галлы и корибанты пользовались большимъ могуществомъ и почетомъ, но впослѣдствіи презрѣнные и отверженные образовали особую секту, управлявшуюся собственными уставами. Въ эпоху мидійскихъ войнъ, галлы распространились по всей Греціи, а отсюда по Италіи. Они скитались изъ одной деревни въ другую, возя за собою пожитки на ослахъ, одѣвались пестро, причудливо, пѣли и плясали подъ звуки бубенъ и собирали съ зрителей доброхотныя подаянія, ко-

торыми и питались. Хотя, по правиламъ секты, галлы непремѣнно должны были быть скопцами, однако же въ числѣ ихъ было очень много и не таковыхъ, предававшихся отчаянному распутству. Впрочемъ, эти древніе бѣгуны (даже и тѣ, которые были оскоплены) не отличались строгостью правилъ и вслѣдствіе органическаго изуродованія, лишенные возможности предаваться одному пороку, они вознаграждали себя другимъ — пьянствомъ. Наконецъ самое свое имя корибантовъ они замѣнили именами: **агиріевъ**, **агиртовъ** и **метрагиртовъ** или скитальцевъ Матери. Эту касту можно назвать древнѣйшимъ, если не первымъ, тайнымъ обществомъ, родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ. Признавая единственнымъ своимъ божествомъ землю или Цибеллу, корибанты въ лицѣ богини боготворили природу и не признавали иныхъ — кромѣ ея, законовъ.

Рея или **Рейя** была вторымъ воплощеніемъ той же Цибеллы, подъ этимъ именемъ обожаемой на островѣ Критѣ. Ее олицетворяли въ видѣ дряхлой старухи и называли прародительницею боговъ. Изъ Фригіи поклоненіе Реѣ перешло въ Самоѳракію, затѣмъ на Киклады и на Спорады. Въ 207 г. до Р. Х. служеніе ей было введено и въ Римѣ. Такимъ образомъ одновременно, одному и тому же божеству только подъ разными именами поклонялись во Фригіи и на островѣ Критѣ; затѣмъ въ понятіяхъ древнихъ—Цибелла супруга Урана и Рея—супруга Сатурна слились въ одно лице.

Отъ Хрона или Сатурна, Рея родила: Плутона, Нептуна, Юпитера, Юнону, Веста и Цереру. Титаны уступили Хрону владычество надъ землею съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ убивалъ дѣтей своихъ мужескаго пола и Хронъ, соблюдая условіе, съѣдалъ новорожденныхъ, не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ (алегорическій смыслъ: люди, дѣти времени, имъ же и пожираются).

Будучи беременна въ седьмой разъ (Юпитеромъ) Рея, желая спасти будущаго ребенка, по разрѣшеніи своемъ и по сокрытіи младенца, принесла Хрону камень, завернутый въ пеленки, и онъ тотчасъ же его проглотилъ, но почувствовавъ на желудкѣ необыкновенную тяжесть выпилъ рвотнаго приготовленнаго ему **Митидою**... Вслѣдствіе дѣйствія лекарства онъ извергъ изъ себя со рвотою всѣхъ дѣтей прежде имъ проглоченныхъ, а съ ними и

камень, которымъ его угостила супруга. По другому варіанту Рея, супруга не Хрона, но солнца, имѣла съ первымъ преступную связь, послѣ которой Хронъ объявилъ ей, что она ни въ одинъ изъ мѣсяцевъ года не разрѣшится отъ бремени. Къ счастію для Реи, она встрѣтила *Меркурія*, который вызвался выручить ее изъ интереснаго, но весьма непріятнаго положенія. Онъ предложилъ Лунѣ партію въ кости со ставкою на конъ семьдесятъ второй доли каждаго дня года. Счастье или плутня были на сторонѣ Меркурія, но онъ выигралъ и изъ ставки образовалъ пять прибавочныхъ дней, въ теченіе которыхъ Рея родила пять египетскихъ божествъ: Изиду, Озириса, Горуэриса, Нефтонду и Тифона. Это сказаніе основано на явленіи астрономическомъ и ничто иное какъ алегорическій разсказъ о преобразованіи календаря.

Жрецы Реи назывались *куретами*. При служеніи ей они плясали побрякивая оружіемъ и металлическими головными украшеніями; на Критѣ и въ Троадѣ ихъ называли *дактилями*, въ память жителей горы Иды, которымъ Рея довѣрила воспитаніе Юпитера. Изъ храмовъ посвященныхъ Реѣ, особенно славился въ древней Греціи храмъ Мессеніи.

Третьимъ божествомъ, которое смѣшивали съ Цибеллою и Реею, была *Веста*, богиня внутренняго огня земли. Овидій разсказываетъ о ней, будто Цибелла или Рея родила Весту до брака. На свадебномъ пиру ея матери съ Хрономъ, всѣ гости подвыпили и задремали, кромѣ *Пріапа*—бога чувственныхъ вождѣленій. Пользуясь сумракомъ и дремотою боговъ, Пріапъ приблизился къ Вестѣ съ дурными намѣреніями, но она громкимъ крикомъ разбудила всѣхъ боговъ и соблазнитель обратился въ бѣгство.

У римлянъ служеніе Вестѣ было введено *Нумою Помпиліемъ* (714 - 670 г. до Р. Х.). Въ храмахъ ея на алтаряхъ горѣлъ неугасимый огонь, надзоръ надъ которымъ былъ довѣренъ *весталкамъ*, изъ которыхъ первою была *Тарпейя*. Сначала весталокъ при храмѣ полагалось четыре, но при *Сервіи Тулліи* (578—534 г. до Р. Х.) число ихъ было увеличено до шести. За нарушеніе обѣта цѣломудрія, весталку зарывали живую въ землю на полянѣ, называемой полемъ убійства (campus sceleratus).

Обѣтъ весталки былъ для нея обязателенъ на тридцать лѣтъ; по прошествіи этого срока жрицѣ предоставлялось на выборъ идти замужъ или доживать свой вѣкъ въ особомъ домѣ при храмѣ, называвшемся Atrium Vestae. На мѣсто увольняемой весталки верховный жрецъ выбиралъ новую изъ среды двадцати дѣвицъ шестнадцати лѣтъ и знатнѣйшихъ фамилій. Въ вознагражденіе за печальное одиночество весталкамъ въ древнемъ Римѣ были предоставлены почетныя права: ѣздить на колесницахъ, занимать первыя мѣста въ циркахъ и изрекать прощеніе приговореннымъ къ смерти. Въ циркахъ, при битвахъ гладіаторовъ, въ случаѣ если одному удавалось побороть другаго, побѣдитель обращался къ трибунѣ, на которой возсѣдали весталки, ожидая ихъ приказаній: если онѣ поднимали вверхъ указательные пальцы правыхъ рукъ — это означало помилованіе, опустивъ большіе пальцы внизъ — онѣ изрекали побѣжденному гладіатору смертный приговоръ. Къ стыду весталокъ—онѣ бывали щедрѣе на послѣднее.

И такъ Веста была богинею огня и цѣломудрія, покровительницею дѣвственницъ. Жертвы ей приносимыя назывались *эстіеми*. Около 9 іюня праздновались *Весталіи*, во время которыхъ жители пировали за столами, накрытыми на улицахъ; особенное участіе въ весталіяхъ принимали мельники и хлѣбопеки. Они передавали муку и печеные хлѣбы весталкамъ для приношенія богинѣ. Въ майскія иды былъ еще праздникъ—*аргеи*, при которомъ весталки бросали въ Тибръ тростниковыя мужскія фигуры. Въ глубочайшей древности вмѣсто куколъ, во время аргей топили живыхъ мужчинъ, преимущественно иноземцевъ. Впрочемъ о весталкахъ и ихъ участіи въ празднествахъ древняго Рима, впослѣдствіи мы поговоримъ подробнѣе; теперь же окончимъ обзоръ группы первыхъ, старшихъ боговъ, разсказомъ о Хронѣ или Сатурнѣ.

Извергвувъ изъ своего ненасытнаго желудка *Юпитера*, *Нептуна* и *Плутона*, родитель ихъ подвергся нападенію Титановъ, которые заточили его въ подземную темницу, въ которой онъ пробылъ болѣе года. Сыновья освободили его и опять вручили ему управленіе вселенной. Неблагодарный старикъ опасаясь, чтобы Юпитеръ не отнялъ у него престола, началъ его преслѣдовать, и Юпитеръ, выведенный изъ терпѣнія, низвергъ его съ

неба на землю. Сатурнъ упалъ на участокъ, называемый Италіею, гдѣ былъ радушно принятъ царемъ Лаціума — *Янусомъ*, предложившимъ Сатурну быть его соправителемъ. Сатурнъ научилъ жителей Лаціума земледѣлію, далъ имъ мудрые законы; при немъ процвѣтали миръ, блаженство и повсемѣстное довольство и вѣкъ его владычества названъ былъ *золотымъ вѣкомъ*. Чтобы достойно вознаградить Януса за его гостепріимство, Сатурнъ одарилъ его способностью знать прошедшее и будущее. Благодаря этому дару, Янусъ впослѣдствіи времени былъ удостоенъ божескихъ почестей. Его изображали въ видѣ двулицаго старика съ ключемъ въ правой рукѣ и жезломъ въ лѣвой, или же съ дощечками съ цифрою 300 на одной, и 65 на другой, для означенія чиселъ дней года, которымъ онъ завѣдуетъ. Янусу былъ посвященъ январь мѣсяцъ. Царь римскій Ромулъ (753 г. до Р. Х.) и Тацій — сабинскій, заключивъ миръ, построили въ честь Януса храмъ съ двѣнадцатью алтарями, по числу двѣнадцати мѣсяцевъ. Открытый во время войны онъ запирался при ея окончаніи.

Во время пребыванія своего на землѣ, Сатурнъ женился на *Энторіи*, матери Януса, и имѣлъ связь съ *Эвонимою*, которая родила ему *Парокъ* и *Фурій*. Отецъ Сатурна, Уранъ, имъ изуродованный, послалъ къ нему на землю *Гору* (часъ) съ тремя сестрами, затѣмъ, чтобы онѣ обольстивъ Сатурна умертвили его. Однако же горы вмѣсто того, влюбились сами въ Сатурна и стали съ нимъ неразлучны. Здѣсь алегорическій смыслъ таковъ: время измѣряется часами; годъ своими временами, т. е. весною, лѣтомъ, осенью и зимою. Четыре горы — четыре поры дня и четыре времени года. *Ауксо* (цвѣточный ростокъ), *Өалло* (цвѣтокъ распустившійся) и *Карпо* (плодъ) олицетворяли въ древней Греціи весну, лѣто и осень; старшая сестра *Гора* олицетворяла зиму. Римляне посвятили четыре времени года: Меркурію, Аполлону, Бахусу и Геркулесу. На островѣ Критѣ имена горъ были другія: *Дикэ*—правосудіе, *Ирена*—согласіе, гармонія и *Эвномія* или *Эвриномія* — хорошій законъ. Впослѣдствіи греки вмѣсто дѣленія дня на четыре поры, т. е. утро, полдень, вечеръ и ночь, раздѣлили его на десять частей или горъ, слѣдующимъ образомъ:

1) *Авге*—разсвѣтъ; 2) *Анатоле*—восходъ солнца; 3) *Музіа* или *Музеа*—часъ ученія; 4) *Гимназія*—часъ упражненій тѣлесныхъ; 5) *Нимфэ*—часъ купанья; 6) *Мезембрія*—полдень; 7) *Спонде*—часъ возліяній; 8) *Лите*—часъ молитвъ; 9) *Актэ*—обѣденный часъ; 10) *Дазисъ*—закатъ солнца. Четыре послѣдніе часа изображались буквами: ϑ (7), η (8), ς (9) и ι (10); слово ϑηςι, образуемое ихъ сочетаніемъ, означаетъ: *предавайся удовольствію...* Такъ затѣйлива и остроумна женская символистика!

Въ древнихъ Аѳинахъ въ честь горъ былъ праздникъ *гореи*; въ Аргосѣ былъ храмъ имъ посвященный.

Сатурнъ однажды встрѣтилъ *Филиру* или *Наиду* одну изъ океанидъ, высокую стройную красавицу и прельстился ею. Принявъ видъ коня онъ погнался за Наидою и настигнувъ ее въ прибережныхъ тростникахъ, почти силою добился взаимности... Рея застала влюбленныхъ: Сатурнъ ускакалъ, а Наида удалилась въ горы Өессаліи, и здѣсь въ пещерѣ родила сына *Дилонса*, болѣе извѣстнаго подъ именемъ *Кентавра Хирона*. Новорожденный оказался чудовищемъ и состоялъ изъ смѣси двухъ туловищъ, лошадинаго и человѣческаго. Горесть океаниды, его матери, не знала границъ и боги, тронутые ея бѣдствіями, превратили Наиду въ липу. Сынъ ея, войдя въ возрастъ, посвятилъ себя изученію астрономіи и медицины. Пещера, въ которой онъ жилъ, у подножія горы Пеліона, сдѣлалась первымъ разсадникомъ наукъ и полезныхъ знаній. Учениками Хирона были: *Ахиллесъ*, *Амфіорай*, *Антилохій*, *Бахусъ*, *Геркулесъ*, *Діомидъ*, *Эней*, *Эскулапъ*, *Ипполитъ*, *Кефалъ*, *Касторъ и Поллуксъ*. *Махаонъ*, *Меленіонъ*, *Мелеагръ*, *Менесѳей*, *Несторъ*, *Паламидъ*, *Пелей*, *Подалиръ*, *Теламонъ*, *Тезей* и *Улиссъ*.

Отъ нимфы Харикло у Хирона была дочь, прорицательница *Окирои* и отъ него же пошло племя кентавровъ истребленныхъ Геркулесомъ. Преслѣдуемые имъ кентавры бѣжали въ Малею, гдѣ жилъ Хиронъ. Ученикъ его, Геркулесъ, поражая кентавровъ отравленными стрѣлами, нечаянно попалъ въ Хирона и не смотря на всѣ свои старанія не могъ спасти его отъ смерти. Юпи-

теръ помѣстилъ Хирона между звѣздами, гдѣ кентавръ образовалъ созвѣздіе ***Стрѣльца.***

Кромѣ Хирона у Сатурна было еще нѣсколько побочныхъ дѣтей: ***Пикусъ***, царь латинскій, мужъ Цирцеи, превращенный послѣ смерти въ дятла (Picus viridis); дочери: ***Фтонія***, ***Лихорадка*** (намекъ на ея періодическія появленія), ***Правда***— мать правосудія и добродѣтели. Греки, подобно восточнымъ народамъ дѣля бытіе міра на четыре вѣка, золотой, серебряный, мѣдный и желѣзный, называли первый вѣкомъ Сатурна или ***Астреи***, предполагая что въ его царствованіе эта дочь неба нисходила на землю для дарованія людямъ счастія и благополучія. Изображенія Сатурна въ видѣ крылатаго старика вооруженнаго косою и песочными часами извѣстны каждому, иногда у ногъ его изображали крокодила, символъ алчности всепожирающаго времени. Въ Греціи, за исключеніемъ Ѳессаліи, Сатурна особенно не уважали; въ этой странѣ его чествовали праздниками ***петорій***, послужившими образцомъ для римскихъ ***сатурналій.*** Въ Римѣ ихъ праздновали впервые въ 596 г. до Р. Х. и съ этого времени сатурналіи совершались ежегодно. Начинаясь 17 декабря они продолжались три дня, а при императорахъ Калигулѣ и Клавдіи—пять. Впослѣдствіи сатурналіи были увеличены еще двумя днями ***сигилларіями***, во время которыхъ взрослые дарили другъ другу и дѣтямъ куколокъ. Въ воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ, въ которомъ свобода и равенство владычествовали на землѣ, во время празднованія сатурналій въ Римѣ, старшіе и начальствовавшіе слагали свою власть надъ младшими и надъ подчиненными, господа прислуживали рабамъ разрѣшая имъ говорить все что у нихъ на умѣ, и прощая имъ всѣ ихъ провинности. При цезаряхъ, сатурналіи отличались крайней разнузданностью и безстыдными выходками, точно также какъ и ***матроналіи*** (праздникъ женщинъ), которыя праздновались перваго марта. Жрецы Сатурна (базиліи) ходили съ непокрытыми головами въ знакъ того, что отъ времени нѣтъ ничего сокровеннаго... Таковы были древнѣйшіе боги Греціи и Рима, служеніе которымъ было впослѣдствіи вытѣснено поклоненіемъ божествамъ новымъ, длинная династія которыхъ начинается съ воцареніемъ ***Юпитера.***

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Зевсъ или Юпитеръ.—Амальѳея.—Рогъ изобилія.—Эгида.—Титаниды.—Борьба ихъ съ богами.—Семейство Юпитера.—Олимпъ. — Классификація боговъ.—Амврозія.—Нектаръ.—Ореолы.—Мѣдный вѣкъ.—Битва боговъ съ гигантами.—Геркулесъ.—Побѣда боговъ.—Истолкованія миѳа о гигантахъ.—Борьба Юпитера съ Тифономъ.—Что означаетъ этотъ миѳъ.—Эхидна и ея дѣти.—Алоиды.—Кошемаръ.—Убіеніе Алоидовъ Аполлономъ.—Смыслъ миѳа объ Алоидахъ.

Мы уже говорили въ предыдущей главѣ, какимъ образомъ Рея спасла жизнь новорожденному Юпитеру, отдавъ вмѣсто его на съѣденіе Сатурну камень (***Абадиръ***); ребенка же скрыла на островѣ Критѣ довѣривъ его воспитаніе ***куретамъ*** или ***дактилямъ***, которые громкой музыкой и пѣснями заглушали его крики, чтобы они не достигли до ушей Сатурна. Кромѣ куретовъ, за маленькимъ Юпитеромъ присматривали: ***Телемскъ***, сынъ Пеласга и нимфы ***Мелиссиды*** (пчелы); молокомъ его вскармливала коза ***Амальѳея*** или ***Эга*** (буквально: коза). Однажды кормилица бога сломала рогъ и одна изъ мелиссидъ наполнивъ его плодами и цвѣтами подарила Юпитеру. Послѣдній далъ этому рогу свойство быть неистощимымъ—(такъ произошелъ ***рогъ изобилія***), а впослѣдствіи помѣстилъ его въ числѣ созвѣздій и именемъ: рога Амальѳеи греки называли яркую звѣзду на лѣвомъ плечѣ Возничаго. Когда коза-кормилица околѣла, Юпитеръ изъ ея кожи сдѣлалъ себѣ непроницаемый щитъ (***эгиду***), оказавшій ему большую пользу во время его битвъ съ Титанами. Эти битвы, имѣвшія цѣлію освобожденіе Сатурна заточеннаго Титанами въ тартаръ, были съ обѣихъ сторонъ ознаменованы самыми чудесными подвигами. Юпитеръ, Нептунъ, Плутонъ, ихъ сестры, ***циклопы*** и гекатонхиры (сторукіе), послѣ десятилѣтней борьбы одолѣли Титановъ, низвергли ихъ въ тартаръ и возвратили, отнятый ими престолъ Сатурну. Такъ какъ о Титанахъ въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ уже не будетъ болѣе упомянуто, то не лишнимъ полагаемъ представить здѣсь поименный ихъ перечень:

Кеосъ, ***Кріосъ*** и ***Гиперіонъ***, имѣли нѣсколько дочерей, подъ именами которыхъ: ***Эврифа***, ***Эсса*** (яркосвѣтлая), ***Фаэтуза*** (пламенная) и ***Лампетія*** (блестящая) слѣдуетъ подразумѣвать кометы; предположеніе тѣмъ болѣе основательное, что Гомеръ называетъ ихъ также носящимися въ воздухѣ.

Япитъ былъ родителемъ: ***Атласа***, ***Эпиметея***, ***Менетія*** и ***Промеѳея*** или ***Прометея***. Всѣ эти сыновья Титана Япита принимали участіе въ войнѣ съ богами и каждый изъ нихъ занялъ видное мѣсто въ греческой миѳологіи. Атласъ былъ превращенъ въ гору этого имени и въ этомъ видѣ поддерживалъ на плечахъ своихъ сводъ небесный (намекъ на горныя вершины, какъ бы упирающіяся въ небеса). Нѣкоторые коментаторы видятъ въ миѳѣ объ Атласѣ исторію перваго астронома, занимавшагося наблюденіями на горныхъ высотахъ. Баснословіе говоритъ, будто онъ владѣлъ садами, въ которыхъ росли золотые плоды (сады — небо, золотые плоды – звѣзды); въ жены ему оно даетъ ***Плейону*** или ***Эѳру***. Отъ этого брака родились ***Атлантиды***: (созвѣздія ***Плеядъ*** и ***Гіадъ***) и сыновья ***Гіатъ*** и ***Віатъ***.

Имена Плеядъ: ***Майя***, ***Электра***, ***Тайгета***, ***Астерона***, ***Альціона***, ***Меропа***, и ***Келена***; имена Гіадъ: ***Фаола***, ***Амврозія***, ***Эвдора***, ***Коронита***, ***Поликсо***, ***Придика***, ***Ѳіэна*** и ***Діона***... Все это звѣзды и созвѣздія, открытыя Атласомъ. Были у него еще три дочери ***Геспериды***: ***Эглея***, ***Эриѳія*** и ***Ареѳуза***.

Титанъ ***Палласъ*** былъ низвергнутъ въ тартаръ; титанида ***Астрея*** была превращена въ звѣзду и прикована къ небесному своду; ***Форкитъ*** былъ превращенъ въ груду подводныхъ камней; ***Сикей*** или ***Сицей*** въ цѣлый островъ Сицилію. Съ именемъ этого Титана сопряжена оригинальная игра словъ. Слово ***Сика***, по гречески, означаетъ смокву, дерево, въ которое, по мнѣнію древнихъ, никогда не ударяетъ молнія и которое въ изобиліи водится на островѣ Сициліи. Давъ титану имя дерева, греки сложили басню, будто Юпитеръ не могъ поразить его своими громовыми стрѣлами и потому превратилъ его въ островъ.

Одержавъ побѣду надъ Титанами, Юпитеръ возвратилъ престолъ небесный Сатурну. Въ этотъ періодъ времени вторичнаго

воцаренія Сатурна, семейство боговъ значительно пріумножилось. Юнона, супруга Юпитера, родила ему сына ***Вулкана*** и дочь ***Гебу***. Затѣмъ Юпитеръ, въ одинъ прекрасный день, проглотивъ ***Метиду*** (провидѣніе), почувствовалъ жестокую головную боль и попросилъ Вулкана молотомъ разбить ему голову. Изъ расколотаго и тотчасъ же сомкнувшагося черепа Юпитера явилась на свѣтъ богиня мудрости — ***Минерва***, съ ногъ до головы вооруженная. Не желая остаться въ долгу передъ своимъ супругомъ, Юнона отъ прикосновенія къ цвѣтку сдѣлалась беременною и родила бога войны — ***Марса***... Вскорѣ Юпитеръ, которому Юнона прискучила, вошелъ въ связь: съ Майею, одною изъ Атлантидъ, родившею ему ***Меркурія***; съ ***Латоною***, отъ которой имѣлъ ***Діану*** и ***Аполлона***; съ ***Эгипаною*** родившею ***Пана***; съ ***Алкменою***, матерью ***Геркулеса*** и т. д.

Сатурнъ, видя размноженіе семейства Юпитера и помня предсказаніе о томъ, что сынъ свергнетъ его съ престола, замыслилъ заточить Юпитера и тѣмъ застраховать себя отъ всякихъ его властолюбивыхъ покушеній; но во время предувѣдомленный Юпитеръ свергнулъ отца съ неба на землю и занялъ его мѣсто въ управленіи вселенною. Отдавъ въ удѣлъ брату своему ***Плутону*** царство подземное, ***Нептуну*** морское, Юпитеръ приступилъ къ организаціи новаго порядка управленія землею и небомъ. Жилищемъ своимъ онъ избралъ ***Эмпирей*** или ***Эѳиръ***, въ которомъ назначилъ на ***Олимпѣ*** мѣсто собранія совѣта боговъ; ввѣрилъ поддержку своего трона ***Аидосу*** (непорочности) и ***Дикеѣ*** (правосудію). Выше своей власти Юпитеръ призналъ власть ***Рока*** (***Эимармена*** у грековъ, ***Фатумъ*** у римлянъ). Приговоры свои Рокъ начертывалъ въ особой книгѣ, положенной на желѣзный алтарь и ему покорялись сами боги. Въ товарищи Року Юпитеръ далъ ***Эвитериу*** (вѣчность); исполнителями его приговоровъ назначилъ быть ***Паркамъ***. Членами олимпійскаго совѣта назначены были шесть боговъ и шесть богинь, названные ***могучими*** (Dividotes). Таковыми были: ***Зевсъ*** — ***Юпитеръ*** (1),

(1) Первое имя каждаго бога и богини — греческое, второе — латинское

Аресъ—*Марсъ*, *Гермесъ*—*Меркурій*, *Посейдонъ*—*Нептунъ*, *Гефестъ*—*Вулканъ*, *Аполлонъ* (солнце). *Гера*—*Юнона*, *Геста*—*Веста*, *Даматеръ*—*Церера*, *Афродита*—*Венера*, *Артемида*—*Діана*. Второстепенными членами Олимпа (безъ права голоса) были боги *избранные* (Selecti); таковыми были: *Плутонъ*, *Вакхъ*—*Бахусъ*, *Купидонъ* или *Амуръ*, *Сатурнъ*, *Фортуна*, *Цибелла*, *Прозерпина* и *Амфитрида*. Вокругъ этихъ первостепенныхъ боговъ и богинь группировались второстепенные, воздушные или *медіонимы*... Вообще же древніе раздѣляли своихъ боговъ на пять классовъ, слѣдующимъ образомъ:

A. 1) *Боги великіе* (Dii majores): Юпитеръ, Нептунъ, Марсъ, Меркурій, Вулканъ, Аполлонъ, Веста, Юнона, Церера, Діана, Венера и Меркурій. Каждому изъ нихъ былъ посвященъ который нибудь изъ двѣнадцати мѣсяцевъ года. Праздники въ ихъ честь, въ Римѣ назывались *консентіями*.

2) *Боги помощники* (Dii patricii): Уранъ, Сатурнъ, Геній. Бахусъ, Плутонъ, Земля (Цибелла). Солнце и Луна. Впослѣдствіи къ нимъ были присоединены: Янусъ, Прозерпина и Амуръ. Имъ были подчинены: 3) боги *младшіе:* Панъ, Помона, Флора и другіе покровители садовъ, лѣсовъ и полей. За ними слѣдовали: 4) *божества естественныя*: солнце, луна и свѣтила небесныя. 5) *Полубоги* (Semones, Divi), къ разряду которыхъ причисляли героевъ и великихъ людей, каковыми были: Геркулесъ, Эскулапъ, Касторъ и Поллуксъ и мн. другіе. 6) *божества аллегорическія*, олицетворенія добродѣтелей и пороковъ: Непорочность, Милосердіе, Благодарность, Зависть, Злость, Сомнѣніе, Богатство, Нищета и т. д.

B) По второй классификаціи, боги и богини дѣлились на: 1) боговъ *верховныхъ* или *небесныхъ* (Dii superi): Уранъ, Сатурнъ, Юпитеръ, Юнона съ нхъ дѣтьми; 2) на боговъ *земныхъ*: Цибелла, Веста, Панъ, фавны, нимфы, дріады и т. д. 3) боговъ *морскихъ*: Океанъ, Ѳемида, Нептунъ, Амфитрида, Нерей, тритоны, нереиды, наяды и т. д. Эолъ и вѣтры. 4) боговъ *подземныхъ* или *адскихъ* (Dii inferi): Плутонъ, Прозерпина, Эакъ, Миносъ, Радамантъ, Парки, Фуріи и Харонъ.

C) Къ третьему классу принадлежали: 1) боги *общественные* и 2) *домашніе*: тѣни предковъ, лары и пенаты. D) Къ четвертому классу причисляли: боговъ брачныхъ, домашнихъ и боговъ-покровителей и E) къ пятому: боговъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ.

Пищею олимпійскихъ божествъ была *амврозія*—ароматическое яство, дававшее вкушавшимъ безсмертіе и неуязвимость, а питьемъ *нектаръ*, сладкій напитокъ—по словамъ Гомера—сладкій и краснаго цвѣта. Отличительнымъ знакомъ каждаго божества, кромѣ данныхъ каждому атрибутовъ, была *ореола* или лучезарное сіяніе, обрамлявшее его голову.

Съ воцареніемъ Юпитера начался *мѣдный вѣкъ* на землѣ, а въ нашемъ разсказѣ вмѣстѣ съ нимъ начнется болѣе стройный порядокъ и возрастетъ интересъ, котораго очень мало въ сказаніяхъ о богахъ, прародителяхъ Юпитера. Теперь, передавая каждое миѳологическое сказаніе мы будемъ объяснять его сущность съ различныхъ точекъ зрѣнія, т. е. аллегорическій его смыслъ, явленіе естественное или событіе историческое, замаскированное баснословіемъ.

Лишь только Юпитеръ привелъ въ порядокъ правленіе вселенною, какъ жители земли *гиганты* или исполины, поднявъ знамя мятежа, рѣшились свергнуть царя боговъ съ его престола. Эта битва боговъ съ гигантами или *гигантомахія*, въ своемъ родѣ едва ли не была ужаснѣе ей предшествовавшей *титаномахіи*. Враги боговъ были многочисленнѣе, отважнѣе и по приговору Рока, Юпитеръ могъ одолѣть ихъ не иначе, какъ при содѣйствіи простаго смертнаго. Этимъ сподвижникомъ боговъ былъ *Геркулесъ*. Гиганты приступили къ осаднымъ работамъ, и чтобы добраться до Олимпа нагромоздили горы Аѳонъ и Оссу на Пеліонъ... Испуганный Зевсъ кликнулъ призывный кличъ богамъ и богинямъ и первою къ нему явилась рѣка *Стиксъ*, сопровождаемая дѣтьми своими: *Мужествомъ*, *Силою*, *Соревнованіемъ* и *Побѣдою*. Въ благодарность за эту готовность защищать его, царь боговъ далъ слово рѣкѣ Стиксу, что имя ея при его клятвахъ будетъ священнымъ залогомъ ихъ ненарушимости. Подробности битвы боговъ съ гигантами описаны Гезіодомъ и Аполлодоромъ.

Гиганты, по словамъ послѣдняго, кромѣ непомѣрнаго роста отличались дикими взорами, страшными голосами, длинными косматыми волосами и ноги ихъ имѣли видъ извивистыхъ змѣй. Жилищемъ ихъ были ***Флегрейскія поля*** (нынѣшнія окрестности Пуццоло въ Неаполитанскомъ королевствѣ). Страшнѣйшими изъ нихъ были: ***Порфиріонъ*** и ***Алкіоней***; послѣднему было даровано безсмертіе на все время его пребыванія на землѣ... Бой начался и до прибытія Геркулеса побѣда клонилась на сторону гигантовъ; имъ намѣревалась помогать Земля, ихъ родительница. Юпитеръ, запретивъ Аврорѣ, Солнцу и Лунѣ восходить на небо, призвалъ Геркулеса. Многіе изъ жителей и жительницъ Олимпа бѣжали въ Египетъ, и гиганты, превосходя боговъ численностью, угрожали имъ великою опасностью, но Геркулесъ при первомъ своемъ появленіи далъ всему сраженію благопріятнѣйшій оборотъ. Ударомъ своей палицы онъ сразилъ ***Ѳуріоса***, раздавилъ ***Эврита***, убилъ стрѣлами ***Порфиріона***, сраженнаго молніями Юпитера. Подвиги Геркулеса одушевили боговъ и богинь. ***Вулканъ*** раскаленной желѣзной полосой убилъ ***Клитія***; Цибелла превратилась въ скалу ***Діофора***. Минерва, тяжело ранивъ копьемъ ***Палласа***, содрала съ него кожу и обтянула ею свой щитъ, его же самого и ***Эхіона*** окаменила, показавъ имъ страшную ***Медузину голову***. Въ память одолѣнія Палласа она назвалась Палладою. Гиганта ***Алкіонея*** она отбросила отъ земли въ лунную область, гдѣ онъ и погибъ, такъ какъ былъ разобщенъ съ землею; ***Энкелада*** она придавила горою Этною. Меркурій, въ шлемѣ Плутона, побѣдилъ ***Ипполита;*** Нептунъ задавилъ ***Оромедона*** островомъ Косомъ, а ***Полибота*** островомъ Низорою. Парки умертвили ***Агрія*** и ***Ѳаона*** желѣзными палицами. Даже Венера, богиня любви и красоты, одолѣла ***Кебріона!*** По мѣрѣ убыли въ ихъ рядахъ храбрость гигантовъ удесятерялась. ***Дамастеръ*** по неимѣнію оружія, взявъ въ руки окаменѣлаго Палласа пустилъ имъ въ противниковъ. Юпитеръ, снабженный новыми стрѣлами, выкованными ему Вулканомъ, окончательно разгромилъ гигантовъ опрокинувъ ихъ, живыхъ и мертныхъ въ тартаръ ([1]).

([1]) Вотъ имена всѣхъ гигантовъ, о которыхъ упомянуто въ миѳоло-

Въ миѳологическомъ сказаніи о битвѣ гигантовъ съ богами скрывается многосторонній смыслъ. Во первыхъ, основаніемъ ему послужилъ великій геологическій переворотъ, одинъ изъ тѣхъ, которыми ознаменованы были первые вѣка бытія міра. „Гиганты метали въ боговъ глыбами скалъ, пламенемъ, зажженными деревьями,“ т. е. было землетрясеніе и изверженіе вулкановъ. „Юпитеръ поражалъ ихъ громовыми стрѣлами,“ эти явленія сопровождались громами и молніями. „Юпитеръ запретилъ Аврорѣ, Солнцу и Лунѣ восходить на небо,“ т. е. былъ повсемѣстный мракъ, среди котораго въ хаотическомъ безпорядкѣ вращались планеты, измѣнявшія свой видъ и цвѣтъ (Меркурій въ шлемѣ Плутона, голова Медузы, Алкіоней заброшенный въ лунную область и т. д.). Слѣдствіемъ этого геологическаго переворота было измѣненіе поверхности земли, на которой появились новыя горы, образовались острова и полуострова – первые отъ напора водъ на окраины материка, вторые отъ образовавшихся въ приливахъ отмелей. Такъ между прочимъ нынѣшняя Великобританія (гигантъ ***Альбіонъ***) примыкала прежде къ материку Франціи. Какъ говоритъ объ этомъ миѳологія? „Гигантъ Альбіонъ, преграждавшій путь Геркулесу въ Галлію, былъ имъ убитъ и ввергнутъ въ пучины океана,“ т. е. перешеекъ соединявшій Великобританію съ Франціею осѣлъ на дно и образовался на его мѣстѣ проливъ (нынѣшній Ла-Маншъ). ***Плиній*** въ своей исторіи міра (кн. II, 89) говоритъ, что остро-

гіи: Авсей, Алкіоней, Антей, Агрій. Алемонъ, Алмонсъ, Анонимъ, Астарій или Анаксъ, Аѳонъ; Альбіонъ, Аллоиды, Антифатъ, Аскъ, Гиллъ, Гратіонъ, Дамастеръ, Дамизъ, Диканъ, Діофоръ. Эхіонъ, Эгій; Энкеладъ, Эвримедонъ, Эвритъ, Ипполитъ, Ифимоней, Кебріонъ, Клитій, Колофомъ, Коринонъ, Кресъ или Кретъ, Керкіонъ, Какъ, Касталій, Кріосъ, Мнефирасъ, Мропсъ. Мимасъ, Офіонъ, Оріонъ, Оромедонъ, Оръ, Палласъ или Палладъ, Пелоръ, Полиботъ, Порфиріонъ. Перифетъ, Пурпурей, Пиринной, Рекусъ, Телегонъ, Титіэй. Тифей, Тифонъ. Ѳаонъ. Ѳуріосъ. Ѳеодамасъ. Многими изъ этихъ именъ назывались въ древности скалы, горы и острова, въ которые будто бы обращены были великаны. Замѣчательно, что преданія о великанахъ сохранилось во всѣхъ миѳологіяхъ: въ нашей, славянской они названы волотами. Въ слѣдующей главѣ мы подробно поговоримъ о нихъ.

ва *Делосъ*, *Родосъ*, *Анафэ* близъ Мелоса, *Неа*—между Лемносомъ и Геллеспонтомъ всплыли со дна моря; нѣкоторые изъ Цикладъ и Эоловыхъ острововъ въ недавнее время (237 г. 107 до Р. Х. и 17 г. по Р. Х.). Нѣкоторые комментаторы утверждаютъ, что все повѣствованіе о гигантомахіи имѣетъ цѣлію весьма узкую мораль о томъ, что зло (гиганты) какъ бы ни возставало противъ добра (боги) никогда его не одолѣетъ. Во первыхъ, „чтобъ эту новость разсказать“ не стоило выдумывать такой затѣйливой алегоріи, а во вторыхъ дѣйствительно ли добро *всегда* беретъ верхъ надъ зломъ—это еще вопросъ нерѣшенный. Абатъ Банье [1] принимаетъ миѳологическое сказаніе о гигантахъ въ буквальномъ смыслѣ и утверждаетъ, что въ глубочайшей древности дѣйствительно была борьба между двумя народами первозданныхъ людей изъ за обладанія землею. Изслѣдованія Банье до того любопытны, что въ слѣдующей главѣ мы передадимъ ихъ читателю отъ слова до слова.

Юпитеру, побѣдителю гигантовъ, вскорѣ представилась новая опасность со стороны чудовища *Тифона*, сына Эрева и Ночи, или (по другимъ сказаніямъ) Юноны. Когда Минерва родилась изъ головы Юпитера, ревнивая его супруга родивъ Марса вслѣдствіе прикосновенія своего къ цвѣтку, попросила Сатурна дать ей возможность произвести на свѣтъ свое другое созданіе страшнѣе и опаснѣе. Сатурнъ, давъ дочери два яйца, велѣлъ ей зарыть ихъ поглубже въ землю и ждать выхода изъ нихъ страшнѣйшаго чудовища, которое современемъ свергнетъ Юпитера съ престола. Юнона поступила по совѣту Сатурна, но послѣ раскаялась и обо всемъ сообщила Юпитеру, но было уже поздно: чудовище родилось въ Киликіи и скрылось въ пещеру, называемую *Тифоніумъ*. Это дѣтище не имѣвшее ни отца, ни матери, будучи исполинскаго роста, представляло странную смѣсь частей тѣла человѣческаго и всякихъ пресмыкающихся. Вмѣсто одной головы у него было сто змѣиныхъ, извергавшихъ пламя и удушливый дымъ изъ своихъ пастей; такимъ же числомъ змѣиныхъ головъ оканчивались руки, вмѣсто кистей, руки до того длинныя, что будучи растянуты достигали окраинъ горизонта. Туловище и бедра Тифона были одѣты змѣями и перьями; на сто верстъ онъ распространялъ ужасъ издавая свистъ, мычаніе, ревъ, вой или рыканіе разъяреннаго льва. Очень скоро войдя въ возрастъ Тифонъ напалъ на Олимпъ осыпавъ его градомъ каменьевъ; достигъ до неба и обратилъ въ бѣгство боговъ и богинь скрывшихся въ Египетъ въ образѣ собакъ, кошекъ и другихъ животныхъ. Аполлонъ обратился въ ворона, Юнона въ корову, Вакхъ въ козла, Меркурій въ ибиса, Діана въ кошку, Венера въ рыбу (символы египетскихъ боговъ). Оставшись одинъ Юпитеръ до утомленія громилъ Тифона своими стрѣлами, потомъ вооружась косой Сатурна, къ которой онъ приладилъ алмазное лезвіе, Юпитеръ гналъ своего врага до горы Казія въ Сиріи. Здѣсь Тифонъ, оборотясь вспять, схватился съ Юпитеромъ, задушилъ его въ кольцахъ своихъ змѣевидныхъ членовъ, изрубилъ въ куски и зашивъ въ медвѣжью шкуру отдалъ ее на сохраненіе другаго чудовища *Дельфинэ*, имѣвшаго туловище дракона съ головою женщины.

Дѣти Юпитера Меркурій и *Эгипанъ* (или *Кадмъ*) нашли его останки и похитили ихъ обманувъ Дельфину, собрали ихъ въ цѣлое тѣло, оживили его и увезли на колесницѣ, запряженной двумя крылатыми конями. Оживщій Юпитеръ, опять ударилъ на Тифона и гналъ его до горы Низы, гдѣ чудовище значительно ослабѣло, вслѣдствіе питанія его *эфемерами*. Не смотря на это оно однако же отбивалось отъ Юпитера осколками скалъ!. у горы Гемуса онъ началъ истекать кровью и достигнувъ Сициліи былъ задавленъ горою Этною брошенною въ него Юпитеромъ. Здѣсь Тифонъ остался заживо погребеннымъ на вѣки вѣчные. По словамъ греческаго поэта *Пиндара*—туловище Тифона лежитъ подъ Этною, грудь подъ водою моря и Вулкановыми островами, голова подъ Везувіемъ. *Овидій* располагаетъ погребеннаго Тифона иначе: голову его подъ Этною, правую руку подъ мысомъ Пелоромъ, лѣвую подъ Пахиною, а ноги подъ Лиливіею.

Женою Тифона была *Ехидна*, дочь Титанидъ Хризаора и Каллирои: она питалась живыми людьми покуда не была заточена

[1] Abbé Banier. Mythologie et les fables. P. 1739, tome III, p.p. 306—330.

богами въ пещеру близъ неаполитанской Кампаніи. Дѣтьми Тифона и Ехидны были: *Церберъ*, трехглавый песъ, стражъ адскаго преддверія, *Орхъ*, песъ двуглавый, *Лернская Гидра* убитая Геркулесомъ, *Химера*, *Сфинксъ*, *Немейскій Левъ*, *Сцилла*, *Драконы* Колхаса и садовъ Гесперидскихъ, *Коршунъ* Прометея, бурные вѣтры: *Нотусъ Борей* и даже *Зефиръ*.

Объяснимъ теперь смыслъ миѳа о Тифонѣ.

Рожденіе его изъ яицъ зарытыхъ въ землю – намекъ на сѣрнистый запахъ волканическихъ испареній, излетавшихъ изъ пещеры Тифоніума *Змѣи, части тѣла Тифона*: ядовитое свойство вышеупомянутыхъ испареній. *Каменный градъ пущенный имъ въ боговъ*: волканическое изверженіе пемезы и мелкихъ камешковъ (lapilli). *Онъ побѣждаетъ Юпитера*: небо затмѣвается отъ дыму и зараза распространяется по воздуху. *Преслѣдуемый ожившимъ Юпитеромъ, Тифонъ бѣжитъ*: къ горѣ Низѣ (изверженіе волкана), *питается эфемерами и слабѣетъ* (появленіе мошекъ—знакъ очищенія воздуха) у *Гемуса истекаетъ кровью* (гемусь, по гречески: кровь, намекъ на красный цвѣтъ лавы), наконецъ погибаетъ подъ *Этною...* Цѣлый рядъ волкановъ, изверженія которыхъ сопровождаются землетрясеніями.

Ехидна, жена Тифона, и дѣти ихъ: олицетворенія моровыхъ повѣтрій, которыя въ южныхъ странахъ бываютъ неизбѣжными послѣдствіями землетрясеній.

Третьимъ врагомъ Юпитера были *Алоиды*, сыновья Нептуна и внучки его Ифимедіи. Алоидовъ звали *Отусомъ* (сова) и *Эфіальтомъ* (кошемаромъ). Нептунъ одарилъ ихъ исполинскимъ ростомъ на вершокъ каждый мѣсяцъ. Малолѣтные но огромные Алоиды покусились на овладѣніе Юноною и Діаною. Марсъ сразился съ ними, но побѣжденный былъ ими заточенъ въ мѣдный замокъ откуда его освободилъ Меркурій. Впослѣдствіи Алоиды были убиты Аполлономъ и Діаною.

Геологическіе перевороты для земли тоже что волненія крови для человѣческаго организма. Всего чаще кровь волнуясь у спящаго причиняетъ ему удушье (кошемаръ), сопровождаемое страшными сновидѣніями, а по пробужденіи безотчетнымъ ужасомъ. Никакая физическая сила не въ состояніи преодолѣть кошемара (Марсъ побѣжденный Алоидами) и только съ первыми лучами солнца человѣкъ приходитъ въ себя и страшныя ночныя грезы изглаживаются изъ его памяти (стрѣлы Аполлона убиваютъ Алоидовъ.)

Такъ всего вѣрнѣе можно истолковать сказанія объ этихъ чудовищахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всемірный потопъ.—Прометей.—Созданный имъ человѣкъ.—Божественная искра.—Созданіе Пандоры.—Ея ларецъ.—Девкаліонъ и Пирра.—Прометей прикованный къ горамъ Кавказа.—Его прощеніе.—Первый перстень.—Сказанія о потопахъ.—Эскулапъ.—Ликаонъ.—Иксіонъ.—Смыслъ басни объ Иксіонѣ.—Танталъ.—Его мученія.—Салмоней.—Сизифъ.—Филемонъ и Бавкида.—Жены и наложницы Юпитера.

Во время борьбы боговъ и богинь (¹) съ гигантами, союзниками послѣднихъ были первозданные люди, населявшіе землю. За этотъ союзъ съ мятежниками, равно какъ и за ихъ нечестіе, Юпитеръ рѣшилъ истребить родъ людской всемірнымъ потопомъ. Отъ проливныхъ дождей рѣки выступили изъ береговъ, море хлынуло на землю и вся эта громадная масса водъ, подымаясь все выше и выше до горныхъ вершинъ, поглотила всѣхъ людей, живущихъ на землѣ, кромѣ титана *Прометея*, сына Япита. Выждавъ отлива и видя опустѣлую землю, Прометей рѣшился создать новыхъ лю

(¹) На страницѣ 24 вкралась по недосмотру переписчика двѣ ошибки, которыя спѣшимъ исправить. При исчисленіи двѣнадцати боговъ въ первомъ перечнѣ пропущено имя Паллады-Минервы, а при второмъ оно замѣнено имемъ Меркурія.

дей и такимъ образомъ быть соперникомъ всемогущаго Юпитера. Взявъ комокъ сырой глины, Прометей вылѣпилъ изъ него стройную мужскую фигуру, которой не доставало только души, чтобы быть человѣкомъ. По совѣту Минервы, Прометей прокрался на небо, похитилъ отъ колесницы солнца искру божественнаго его огня и скрывъ ее въ стволѣ растенія ферулы (Ferula glauca L.) принесъ на землю и оживилъ свою статую этой искрою, называемой творческою. Созданнаго такимъ образомъ человѣка Прометей назвалъ *Эпимеѳеемъ* и возгордился передъ Юпитеромъ. Царь боговъ еще не могъ пріидти въ себя отъ гнѣва на дерзкаго, отважившагося подшутить надъ Юпитеромъ и съ тѣмъ вмѣстѣ доказать, что властитель Олимпа далеко не такъ прозорливъ, какъ онъ о себѣ думаетъ и другимъ велитъ о себѣ думать. Зарѣзавъ двухъ быковъ и снявъ съ нихъ кожи, Прометей, одну изъ нихъ набилъ мясомъ, а другую костями обоихъ быковъ и булыжниками; ту и другую фигуру быка онъ предложилъ на выборъ Юпитеру. Послѣдній, по необъяснимой оплошности, указалъ на бычачье чучело, набитое костями и Прометей смѣясь объяснилъ Юпитеру его ошибку. Царь боговъ, возвратясь на Олимпъ, позвалъ Вулкана и приказалъ ему выковать изъ желѣза фигуру прелестной, стройной дѣвственницы; Вулканъ исполнилъ данное ему приказаніе, какъ нельзя лучше. Минерва облекла созданное Вулканомъ существо въ одежды ослѣпительной бѣлизны, увѣнчала его золотой короною, осѣнила покрываломъ, одарила разумомъ и познаніями, необходимыми женщинѣ въ домашнемъ быту. Венера придала чудной дѣвственницѣ свойства чаровать красотою, возбуждать страстные помыслы, любовную тоску и завлекать кокетствомъ. Меркурій одѣлилъ ее краснорѣчіемъ, а Пиоо... даромъ убѣжденія.... Наконецъ Граціи украсили шею красавицы золотымъ ожерельемъ. Юпитеръ, назвавъ ее *Пандорою*, вручилъ ей запертой ларецъ, невѣдомо чѣмъ наполненный и предназначенный для передачи Прометею, котораго кромѣ того Пандора должна была обольстить своими ласками. Съ этими порученіями она съ Олимпа спустилась на землю. Прозорливый Прометей, подозрѣвая западню, съумѣлъ не поддаться обаянію ласокъ Пандоры и не принялъ отъ нея таинственнаго ларца. Тогда эта красавица явилась къ молодому, довѣрчивому Эпиме-

ѳею; онъ съ перваго же взгляда плѣнился Пандорою, женился на ней и, въ видѣ приданаго, получилъ изъ ея рукъ ларецъ, который немедленно открылъ, подстрекаемый любопытствомъ. Изъ ларца, въ видѣ тучи, вылетѣли и распространились по всей землѣ всевозможныя бѣдствія, постигающія смертныхъ; на днѣ осталась только Надежда — единственная утѣха страждущихъ и бѣдствующихъ. Съ этого времени для человѣчества наступилъ четвертый вѣкъ бытія, называемый *желѣзнымъ*. Отъ Девкаліона и Пирры, дѣтей Пандоры и Эпимеѳея, размножился родъ человѣческій послѣ потопа.

И такъ, по сказаніямъ миѳологіи, мужчина созданъ былъ Прометеемъ, женщина Юпитеромъ; первый былъ одаренъ божественною искрою творчества, похищенною съ неба; вторую — богъ одѣлилъ всѣми возможными добрыми и злыми свойствами, далъ ей сверхъ того въ руки ларецъ — источникъ всѣхъ грядущихъ бѣдствій человѣчества. Любопытство побудило Эпимеѳея открыть ларецъ и оно было главною причиною страданій рода человѣческаго. Во всемъ этомъ разсказѣ странная, пестрая смѣсь сказаній миѳологіи восточныхъ съ повѣствованіями библейскими о грѣхопаденіи первыхъ человѣковъ. Разница однако же въ томъ, что Пандора и Эпимеѳей были родоначальниками человѣчества послѣ всемірнаго потопа.

Юпитеръ, продолжая мстить Прометею, приказалъ Кратосу, Бію и Вулкану приковать его къ вершинамъ горъ Кавказскихъ и объявилъ притомъ своему плѣннику, чтобы онъ не смѣлъ и надѣяться на прощеніе. Ежедневно съ высоты небесной къ прикованному Прометею прилеталъ *Эѳіонъ*, огромный орелъ или коршунъ, и клевалъ ему печень, ежедневно вновь выраставшую, и эти истязанія продолжались тридцать тысячъ лѣтъ. По прошествіи этого срока Прометей былъ освобожденъ Геркулесомъ, по повелѣнію Юпитера за то, что узникъ предостерегъ царя боговъ отъ вступленія его въ бракъ съ Ѳетидою. Прощая Прометея, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желая нарушить даннаго ему слова, что онъ на вѣки будетъ прикованъ къ горамъ Кавказа, Юпитеръ приказалъ ему постоянно носить на пальцѣ одно изъ звѣньевъ его цѣпей, въ которое былъ вправленъ обломокъ скалы... Таково происхожденіе перстней.

Девкаліонъ съ супругою своею Пиррою поселился въ Ѳессаліи. При немъ былъ опять потопъ, зачѣмъ и для чего? этого миѳоло-

гія не объясняетъ: истреблять на землѣ было некого, такъ какъ кромѣ двухъ людей на землѣ другихъ не было. Отъ погибели Девкаліонъ и Пирра спаслись на кораблѣ *Ларнассъ*, который послѣ девятидневнаго плаванія по волнамъ остановился на вершинѣ Парнасса, по другимъ сказаніямъ—Этны или Атласа. Ступивъ на землю, супруги отправились въ Дельфійскій храмъ для совѣщанія съ тамошнимъ оракуломъ о средствахъ вновь заселить опустѣлый міръ. Ѳемида, жившая тогда въ храмѣ, приказала Девкаліону и Пиррѣ распоясаться и закрывъ себѣ головы покрывалами бросать черезъ головы кости ихъ матери. Девкаліонъ угадавъ, что матерь ихъ - земля, кости ея — камни, отправился съ женою въ Фокиду и здѣсь на обширной равнинѣ они оба, поднимая камни, бросали ихъ; брошенные Девкаліономъ превращались въ мужчинъ; Пиррою — въ женщинъ. Такимъ образомъ размножился родъ человѣческій. Кромѣ Девкаліона и Пирры, греческая миѳологія называетъ свидѣтелемъ всемірнаго потопа—царя Аттики и Віотіи—*Огигеса*; древніе историки утверждаютъ, что всемірныхъ потоповъ было три: при Прометеѣ, при Огигесѣ и при Девкаліонѣ, называя (по всей вѣроятности) потопами всемірными—наводненія частныя.

Взирая на землю съ вершины небеснаго Олимпа, Юпитеръ слѣдилъ за дѣяніями людей, награждая ихъ за добрыя и карая за злыя; послѣднее случалось гораздо чаще перваго. *Эскулапъ* или *Асклепій*, сынъ Аполлона, изобрѣтатель врачебнаго искуства, пытался доискаться способа воскрешать мертвыхъ. За это Юпитеръ поразилъ его громовою стрѣлою, когда же Аполлонъ, вступаясь за своего сына убилъ циклоповъ, выковавшихъ эту стрѣлу Юпитеру, послѣдній изгналъ и Аполлона съ небесъ на землю. *Ликаонъ*, царь аркадійскій былъ убитъ громомъ вмѣстѣ съ своими пятьюдесятью сыновьями за то, что принимая у себя во дворцѣ Юпитера онъ осмѣлился угостить его человѣческимъ мясомъ [1]. Овидій говоритъ, что Ликаонъ убитъ не былъ, но за наказаніе періодически превращался въ волка. Это послѣднее сказаніе любопытно въ томъ отношеніи, что служитъ доказательствомъ древности вѣрованія въ *оборотней*, перешедшаго и къ народамъ славянскаго племени. Подъ ударами громовыхъ стрѣлъ Юпитера погибли куреты, похитившіе изъ Египта по повелѣнію Юноны, *Эпафа*, сына Іо и Юпитера. Затѣмъ навлекъ на себя его гнѣвъ *Иксіонъ*, царь ѳессалійскій.

(1) Намекъ на человѣческія жертвоприношенія.

Этотъ Иксіонъ былъ женатъ на Діи, дочери Дейонея. Тесть, не получая отъ зятя вѣна обѣщаннаго имъ за Дію, во время сватовства, отнялъ у него всѣхъ коней. Иксіонъ пригласивъ къ себѣ Дейонея, будто бы для примиренія, умертвилъ его ввергнувъ въ яму наполненную горячими угольями и послѣ того покинувъ жену бѣжалъ изъ своего царства, нигдѣ не находя себѣ пристанища. Юпитеръ, тронутый мольбами и бѣдственной участью скитальца, принялъ его и пріютилъ въ областяхъ Олимпійскихъ. Въ первый же день своего пребыванія въ жилищѣ боговъ, Иксіонъ ослѣпленный прелестями Юноны, почувствовалъ къ ней непреодолимую страсть и забывая благодѣяніе Юпитера сталъ домогаться благосклонности его супруги. Юнона пожаловалась мужу на дерзкаго обожателя. Юпитеръ, пылая гнѣвомъ, приказалъ Юнонѣ притворно склониться на предложенія Иксіона, но въ самую минуту страстнаго свиданія, замѣнилъ свою жену облакомъ, разительно на нее похожимъ. Этотъ призракъ богини былъ родительницею *Кентавровъ*, о которыхъ мы впослѣдствіи поговоримъ подробнѣе. Иксіонъ, изгнанный изъ небеснаго жилища, опять скитаясь по землѣ, сталъ всюду хвалиться своею мнимою побѣдою надъ Юноной, приписывая свое изгнаніе единственно досадѣ и ревности Юпитера. Царь боговъ, окончательно выведенный изъ терпѣнія хвастовствомъ Иксіона, низвергъ его въ мрачныя пропасти Тартара (преисподней), гдѣ онъ былъ прикованъ къ колесу, окруженному змѣями и вертѣвшемуся непрерывно. Только дважды, во все продолженіе пребыванія Иксіона въ Тартарѣ, страшное колесо остановилось: въ первый разъ при появленіи въ аду *Прозерпины*, похищенной Плутономъ, во второй при звукахъ лиры *Орфея*, нисходившаго въ подземное царство за своей возлюбленной *Эвридикой*. Сыновей Иксіона рожденныхъ отъ него облакомъ называли *Флегреемъ* и *Пнокомъ*.

Основаніемъ басни объ Иксіонѣ послужило событіе историческое. Одинъ изъ греческихъ царей, призванный Юпитеромъ, пріютилъ изгнанника при своемъ дворѣ (около 1061 года до Р. Х.) и

здѣсь Иксіонъ влюбился въ царицу. Юпитеръ при свиданіи вымоленномъ Иксіономъ у его жены, замѣнилъ послѣднюю ея рабынею, называвшеюся *Нефелеею* (по гречески: облако). Прогнанный Юпитеромъ за свое коварство, Иксіонъ, преслѣдуемый угрызеніями совѣсти, всю жизнь свою скитался по землѣ, бродя изъ одной страны въ другую (*змѣи*—угрызенія совѣсти, *колесо*—символъ непрерывныхъ скитаній Иксіона). Сказаніе о рожденіи Кентавровъ, древніе астрономы истолковывали тѣмъ, что во время осеннихъ дождей на небесномъ сводѣ являются созвѣздія Стрѣльца или Кентавра.

Другою жертвою ярости Юпитера былъ *Танталъ*, царь фригійскій или пафлагонійскій. Древніе оправдывали постигшее его наказаніе слѣдующими преступленіями: 1) онъ похитилъ *Ганимеда*, небеснаго кравчаго царя боговъ; 2) былъ укрывателемъ вора *Пандарея* и похищаемыхъ имъ сокровищъ. Въ числѣ послѣднихъ находилась золотая собака, украденная Пандареемъ у Юпитера; Танталъ поклялся, что онъ ее не пряталъ у себя; 3) онъ донесъ на Юпитера *Азопу*, когда дочь его, *Европа*, была похищена царемъ боговъ; 4) обѣдая за столомъ на Олимпѣ, укралъ нектаръ и амброзію, чтобы принести ихъ на землю; 5) разгласилъ людямъ какую-то божественную тайну; 6) за угощеніе боговъ у себя на обѣдѣ, мясомъ *Пелопса*, брата *Ніобеи*. Юпитеръ воскресилъ убитаго и изжареннаго, причемъ замѣнилъ ему плечо, съѣденное Минервою или Церерою, новымъ, изъ слоновой кости. Боги и богини упросили своего царя наказать Тантала сообразно его преступленіямъ, и Юпитеръ, заточивъ его въ Тартаръ, возбудилъ въ немъ на вѣки неутолимый голодъ и жажду. Танталъ былъ погруженъ по самыя уста въ прудъ, наполненный свѣжею прозрачною водою, по берегамъ котораго росли деревья, простиравшія къ страдальцу свои вѣтви, обремененныя вкусными, спѣлыми плодами. Томимый голодомъ, Танталъ прикасался къ нимъ, но плоды скользили изъ его рукъ и вѣтви сами собою поднимались выше и выше; когда же онъ пытался погрузиться въ воду, чтобы глотнуть хоть одну ея каплю—вода убывала, все ниже и ниже... Можно ли лучше изобразить мученія человѣка, томимаго желаніями неисполнимыми, или стремящагося къ осуществленію мечты неосуществимой?

Салмоней, царь Ѳессаліи и Пелопонеса и братъ его *Сизифъ* были также приговорены Юпитеромъ къ страшнымъ адскимъ мукамъ. Салмоней, жестокій и нечестивый сумасбродъ, во всемъ своемъ царствѣ велѣлъ упразднить храмы, разрушить капища и служеніе Юпитеру замѣнить обрядами и пѣснопѣніями въ честь его самого, Салмонея. Желая уподобиться царю боговъ, громовержцу, онъ приказалъ надъ одной половиною города построить мостъ, вымощенный мѣдными листами, по которому онъ разъѣзжалъ въ колесницѣ, производя громъ и бросая въ народъ, бывшій подъ мостомъ, зажженные факлы, исправлявшіе должность громовыхъ стрѣлъ и молній. Разставленные между народомъ воины закалывали тѣхъ, на которыхъ попадали факлы; это дѣлалось для того, чтобы люди вѣрили, что перуны Салмонея дѣйствительно смертоносны. Юпитеръ, сразивъ злодѣя неподдѣльною стрѣлою, низвергъ его въ Тартаръ.

Сизифъ, братъ Салмонея, славился злодѣйствами и распутствомъ; кромѣ того, онъ разгласилъ тайну похищенія Европы Юпитеромъ. Убитый Тезеемъ, онъ ожилъ въ преисподней для вѣчныхъ мукъ, заключавшихся въ томъ, чтобы вкатывать на вершину крутой скалы огромный камень съ цѣлію утвердить его тамъ. Задыхаясь отъ усилій, облитый потомъ, Сизифъ, подталкивая камень мощными плечами, докатывалъ его до вершины скалы, уставливалъ тамъ и не успѣвалъ перевести духъ, какъ камень съ грохотомъ обрывался внизъ и ложился къ подножію скалы... И снова принимался Сизифъ за свою безконечную работу.

Миѳологія поименно исчисляетъ еще многихъ грѣшниковъ, сраженныхъ стрѣлами гнѣвнаго Юпитера, изъ чего можно заключить, что древніе греки, въ каждомъ человѣкѣ, *убитомъ громомъ*, видѣли нечестивца, навлекшаго на себя гнѣвъ божій. Это не препятствовало имъ однако считать деревомъ священнымъ, особенно любимымъ Юпитеромъ—дубъ (Quercus aegilops L), въ который особенно часто ударяетъ молнія.

Пораженіе громовыми стрѣлами и низверженіе въ тартаръ были не единственными видами наказаній, которымъ Юпитеръ подвергалъ грѣшниковъ. Онъ обращалъ ихъ иногда въ животныхъ, въ растенія, въ камни. *Перифасъ*, царь аѳинскій, за благодѣянія

расточенныя имъ своимъ подданнымъ, былъ признанъ ими за божество и удостоился обрядовъ подобавшихъ единственно Юпитеру. Гевпуя къ своему величію, царь боговъ превратилъ Перифаса въ орла—символа могущества, которому онъ и довѣрилъ охраненіе своихъ громовъ и молній. Такимъ образомъ властитель Олимпа съумѣлъ соединить гнѣвъ съ милостью. Однажды, смотря на землю онъ увидѣлъ во Фригіи убогую хижинку, въ которой съ незапамятныхъ временъ жили дряхлые супруги *Филемонъ* и *Бавкида*, не слышавшіе души другъ въ другѣ и ежедневно благодарили боговъ за ихъ щедроты. Тронутый нѣжностью старцевъ, Юпитеръ сопровождаемый Меркуріемъ снизошелъ на землю и инкогнито, въ видѣ усталаго путника, явился у дверей хижины Филемона и Бавкиды. Радушные старики не знали какъ принять гостей: умыли имъ ноги, подали имъ медъ, молоко, плоды и бутылку вина хранившуюся въ домѣ съ давнихъ поръ на случай особенно важнаго событія. Бутылка была не велика, но въ рукахъ Юпитера сдѣлалась неистощимою; онъ самъ и его спутникъ пили усердно, а между тѣмъ вино въ бутылкѣ не убывало... Хозяева поняли кто именно ихъ гость и рѣшились для его угощенія пожертвовать единственнымъ гусемъ бывшимъ у нихъ на дворѣ; принялись ловить его, но бѣдный гусь укрылся у ногъ Юпитера. Царь боговъ взявъ птицу подъ свое особенное покровительство, отказался отъ этого угощенія. Послѣ того, пригласивъ за собою Филемона и Бавкиду, онъ возвелъ ихъ на высокую гору и показавъ, что вся окрестность затоплена водою, за исключеніемъ ихъ хижины, предложилъ имъ исполнить любое ихъ желаніе въ награду за ихъ благочестіе и гостепріимство.

— Посели насъ во храмѣ тебѣ посвященномъ, сказалъ Филемонъ.

— И дозволь намъ обоимъ умереть въ одинъ и тотъ же день! досказала Бавкида.

Скромное желаніе почтенной четы было исполнено: изъ земли мгновенно явился великолѣпный храмъ и въ немъ Филемонъ и Бавкида коротали свой вѣкъ, впрочемъ довольно еще долгій. Въ день смерти онъ былъ превращенъ въ дубъ, она — въ липу, съ того времени признанную греками символомъ гостепріимства.

Отношенія Юпитера къ смертнымъ не ограничивались единственно наказаніями грѣшниковъ и наградами праведныхъ; грозный къ однимъ и милостивый къ другимъ, царь боговъ имѣлъ страшную слабость къ прекрасному полу и обогатилъ страницы миѳологіи множествомъ сказаній о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Кромѣ законной супруги—ревнивой Юноны у него было еще шесть женъ и сорокъ пять наложницъ. Представляемъ именной списокъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми обоего пола.

Женами Юпитера были: ***Метида***, ***Ѳемида***, ***Эвринома***, ***Церера***, ***Мнемозина*** и ***Латона***, или, по другимъ сказаніямъ: ***Венера***, ***Прозерпина***, ***Стиксъ***, ***Физисъ*** (Природа), ***Діонея*** и ***Протогенія***. Имена наложницъ и дѣтей ихъ слѣдующія: ***Алкмена*** (Геркулесъ) ***Анаксиѳея*** (Оленъ) ***Антіопа*** (Амфіонъ, Калафъ, Зеѳъ), ***Астерія***, ***Астеропа***, ***Гарамантида*** (Ярбъ, Пилумнъ или Пикумнъ), ***Гезіона*** (Опунсъ, Орхоменъ), ***Гелика*** (дочери: Арге, Бура) ***Гималія*** (Кринакъ, Кроній, Клитъ, Спартэй), ***Гибрита***, ***Даная*** или ***Акризіонеита*** (Пеласгъ, Персей), ***Эга*** (дочь: Эгипана), ***Эгина*** (Эакъ), ***Элара***, ***Электра*** (сыновья: Кирнъ, Дарданъ, Гаргаръ, Геній, Герестъ, Язіонъ или Язій; дочь: Гармонія или Герміона), ***Европа*** (Аркезій, Карнъ или Карней, Миносъ, Радамантъ; дочери: Алагонея, Дидона, Гидарнида), ***Эврімедуза*** (Мирмидонъ), ***Идеа*** (Корнѳъ, Критъ). ***Іо*** (Эліопсъ, Энафъ) ***Іодамея***; ***Калисто*** (Аркасъ), ***Кассіопея*** (Алимній), ***Калдена***, ***Климена***, ***Корифа*** (дочь Корія) ***Кирно***; ***Ламія*** (Ахиллесъ), ***Лаодамія*** (Сарпедонъ) ***Лардана*** (Аргусъ, Сарпедонъ II), ***Леда*** (Касторъ и Поллуксъ, дочь: Елена), ***Меналиппа***, ***Мера*** (Локръ), ***Неэра***, ***Ніобея*** (Анисъ, Аргусъ II). ***Онсита***, ***Ора*** (Колаксетъ) ***Оѳреита***, (Мелитей), ***Плота*** (Танталъ) ***Семела*** (Бахусъ), ***Сиѳиндета*** (Мегаръ), ***Тайгета*** (Лакедемонъ, Тайгетъ) ***Тмола*** (Эѳонъ), ***Торребія*** (Аркезилай, Коритъ или Карій) ***Фтоія***; ***Хармея*** (Бритомартъ), ***Халдена***, ***Ѳесалія*** (боги Палисы) ***Ѳивея***, ***Ѳеія***. Къ нимъ же можно причислить и любимца царя боговъ—прелестнаго Ганимеда [1].

---

[1] О любовныхъ похожденіяхъ Юпитера будетъ упомянуто въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Прозвище Юпитера. — Его изображенія. — Богини спутницы.—Слава. — Побѣда.—Эвмениды или фуріи.—Праздники.—Олимпійскія игры.—Установленія до нихъ относящіяся.—Борьба.—Метаніе дисковъ.—Өеагенъ.—Милонъ кротонскій.—Полидамасъ.

Къ имени Юпитера древніе прибавляли до тысячи прозвищъ, смотря потому, въ какомъ видѣ представляли себѣ могучаго властителя вселенной. Прозвища эти можно раздѣлить на слѣдующіе разряды:

А) Прозвища ***мѣстныя***, заимствованныя отъ городовъ, областей и царствъ, особенно прославлявшихъ царя боговъ. Въ древней Греціи не было ни одного города, который не гордился бы *своимъ* собственнымъ Юпитеромъ. Въ Аркадіи чествовали Юпитера Акрея (нагорнаго), Апезантійскаго, Хармона и т. д. въ Аттикѣ: Анхесмійскаго, Парнасскаго и т. д. Изъ подобныхъ прозвищъ славнѣйшимъ было прозвище ***Олимпійскаго*** въ Греціи и ***Капитолійскаго*** въ Римѣ.

В) Прозвища, заимствованныя ***отъ явленій физическихъ***, въ которыхъ, по мнѣнію древнихъ, проявлялись божественныя силы Юпитера. Таковыми были: ***громовержецъ Эѳіосъ*** (богъ ясной погоды), ***Апоміосъ*** (мухогонитель) древесный (arboreus), пожигающій молніями (argiceraunus), ***Бронтонъ*** (громоносный), ***Катебатъ*** (мечущій молніи), ***Коніосъ*** (пыльный), ***Эпикарсій*** (плодоподатель), ***Эвеній*** (дающій попутный вѣтеръ) дождливый, сухой и т. п.

С) Прозвища, заимствованныя отъ ***явленій нравственныхъ***, какъ добрыхъ такъ и злыхъ: сильный, мудрый, мститель, добрый, хитрый, примиряющій, непостоянный, щедрый и т. д.

D) Прозвища ***сословныя***, какъ въ древней Греціи, такъ и въ Римѣ каждое сословіе, каждый ремесленный цехъ имѣли въ лицѣ Юпитера своего покровителя. Такимъ образомъ съ именемъ его были соединены прозвища: пахаря (***Аратрій***), строителя, скотовода, дровосѣка, хлѣбопека, насѣчника и т. д.

Юпитера обыкновенно изображали въ видѣ красиваго, превосходно сложеннаго мужчины среднихъ лѣтъ, съ высокимъ лбомъ, нахмуренными бровями и кудрявой окладистой бородой, сидящимъ на тронѣ со скипетромъ въ одной рукѣ и пучкомъ громовыхъ стрѣлъ въ другой. У ногъ его изображали орла, нижнюю часть тѣла прикрывали драпировкой. Критяне представляли его безухимъ въ знакъ его безпристрастія; спартанцы же напротивъ давали ему четыре уха, чтобы онъ былъ внимательнѣе къ мольбамъ смертныхъ. По мнѣнію древнихъ Юпитеръ, нисходившій на землю, бывалъ всегда сопровождаемъ цѣлою свитою божествъ второстепенныхъ, изъ которыхъ слѣдуетъ назвать: ***Славу***, ***Побѣду***, ***богинь гнѣва*** и ***богинь молитвъ***. Слава, дочь Земли, родилась (по словамъ Виргилія) чтобы во всѣ концы свѣта разгласить о злодѣйствѣ боговъ, умертвившихъ титановъ и гигантовъ. Досадуя на болтливую богиню, Юпитеръ приказалъ ей разглашать только о подвигахъ людскихъ, не касаясь дѣяній божескихъ. Ее изображали или въ видѣ крылатой женщины съ трубою и лавровымъ вѣнкомъ въ рукахъ; или въ видѣ чудовища съ сотнею ртовъ, ушей и съ длинными крыльями, въ нижней части усыпанными глазами. Ее боготворили аѳиняне и въ Римѣ она имѣла особенный храмъ. Побѣду (***Никэ*** у грековъ, ***Викторія*** у римлянъ) изображали также въ видѣ женщины съ лавровою и пальмовою вѣтвями въ рукахъ, но у римлянъ она была крылатая, у грековъ же, напротивъ, безъ крылъ въ знакъ ея постоянства. Диктаторъ Силла воздвигъ ей первый храмъ въ Римѣ и служеніе ей продолжалось въ немъ до 382 года по Р. Х. Три ***гнѣвныя богини*** (Dires, Deorum irae), дочери Ахерона и Ночи, нисходя съ неба на землю, приносили злодѣямъ лютыя угрызенія совѣсти и тогда назывались ***эвменидами*** или ***фуріями***; въ преисподней же ***собаками Стикса***. Раздоръ (***Атэ*** грековъ, ***Дискордія*** римлянъ) былъ то же неизмѣннымъ спутникомъ Юпитера при появленіи его на землѣ; какъ бы для смягченія непріятнаго впечатлѣнія этихъ спутниковъ на зрителя, вслѣдъ за царемъ боговъ, прихрамывая и скромно потупясь шли заступницы молящихся (Oetae) и богини молитвъ (***Литы***).

Въ жертву Юпитеру приносили козъ, овецъ, бѣлыхъ быковъ,

муку, соль, ладанъ, маслину и дубовые желуди—пищу первобытныхъ людей. Изъ праздниковъ греческихъ и римскихъ (кромѣ *игръ олимпійскихъ*, о которыхъ ниже мы поговоримъ подробнѣе) главнѣйшими были: 1) *Аквиліи* во время продолжительныхъ засухъ для испрошенія дождя; 2) *Буфоніи* (въ Аѳинахъ), на которыхъ въ жертву богу приносили огромное количество быковъ; 3) *Дауліи* (у агрійцевъ) въ память превращенія Юпитера въ золотой дождь при обольщеніи имъ Данаи; 4) *Дедаліи* въ память примиренія Юпитера съ Юноною; 5) *Діазіи* (въ Аѳинахъ) въ честь Юпитера-сладчайшаго или изрекающаго законы словами медоточивыми; 6) *Діиполіи* (въ Греціи повсемѣстно) въ честь Юпитера-градохранителя; 7) приношенія въ жертву богу, на островѣ Милетѣ, быка; 8) *Элевстеріи* (въ Платеѣ) праздновавшіяся каждыя пять лѣтъ въ память освобожденія Греціи отъ нашествія персовъ подъ предводительствомъ Мардонія, побѣжденныхъ Павзаніемъ; 9) *Гекалезіи* или *Гомоліи* въ Аттикѣ и Ѳессаліи; 10) *Іовіаліи* (въ Римѣ) повтореніе даулій у агрійцевъ; 11) *Лауренталіи* (въ Римѣ, 22 декабря) въ честь Юпитера и Акке Лауренціи, кормилицы Ромула. 12) *Лаціаръ*—праздникъ союза всѣхъ народовъ Лаціума, установленный Тарквиніемъ Гордымъ; 13) *Лицеи* (въ Аркадіи), установленные Ликаономъ и въ глубочайшей древности сопровождавшіеся человѣческими жертвоприношеніями; 14) *Мемактеріи* (въ Аѳинахъ) при наступленіи зимы, для испрошенія у Юпитера умѣреннаго холода; 15) *Пандіи* (въ Аѳинахъ); 16) *Пангэлленіи*, тамъ же; праздники, на которые собирались всѣ племена Греціи; наконецъ 17) игры *капитолійскія* и *тарпейскія*, совершавшіяся въ Римѣ каждыя пять лѣтъ въ честь Юпитера-спасителя Капитолія.

Вотъ, что говоритъ Діодоръ Сицилійскій о происхожденіи славныхъ Олимпійскихъ игръ.

— Храмъ Сатурна въ Олимпіи [1]) существовалъ еще во времена золотаго вѣка. Когда родился Юпитеръ, его мать Рея отдала его на воспитаніе дактилямъ горы Иды, иначе называвшимся

[1]) Городъ Олимпія находился въ Пелопонезѣ на берегу рѣки Алфея, нынѣшняго Лонганико.

куретами. Эти дактили съ острова Крита прибыли въ Элиду. Ихъ было пять братьевъ: Геркулесъ, Пеоней, Эпимедъ, Іазій и Ида. Геркулесъ, какъ старшій, предложилъ братьямъ бѣгъ въ запуски, предлагая въ награду побѣдителю масличный вѣнокъ, ибо маслина была тогда столь обыкновенна, что листья ея употребляли ложась спать вмѣсто подстилки. Геркулесъ вывезъ маслину изъ страны Гиперборейской. И такъ, онъ былъ истиннымъ изобрѣтателемъ игръ названныхъ *олимпійскими*, въ память пяти братьевъ праздновавшихся каждыя пять лѣтъ. Говорятъ будто на этихъ играхъ Юпитеръ и Сатурнъ боролись между собою на призъ обладанія свѣтомъ; другіе же, будто ихъ установилъ самъ Юпитеръ въ память побѣды надъ титанами.

Эти игры праздновались однако же съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами до 777 года до Р. Х. Съ этого времени онѣ возобновлялись каждые четыре года и по *олимпіадамъ* греки вели свое лѣтосчисленіе. Мѣсто, на которомъ происходили игры, называлось *стадіею* и заключало въ себѣ пространство въ шесть сотъ шаговъ, обнесенное стѣнами. На одномъ концѣ стадіи помѣщались конюшни и сараи для колесницъ, на другомъ находилась арена—мѣсто ристаній и бѣговъ. Перегонявшіеся на колесницахъ разъѣзжались по аренѣ въ противуположныя стороны отъ столба, стоявшаго у края изгороди: побѣдителемъ признавался тотъ изъ возничихъ, который прежде другаго достигалъ столба, объѣхавъ вокругъ всей арены. Эти бѣги сопряжены были съ большими опасностями; кромѣ столкновеній колесницъ одной съ другою, онѣ отъ удара о столбъ могли разбиваться въ дребезги. Другимъ препятствіемъ на аренѣ былъ страшный идолъ генія Траксиппа, котораго постоянно пугались лошади. Игры совершались въ эпоху лѣтняго солнцестоянія и продолжались пять дней. Въ первый приносили жертвы, во второй происходили бѣги пѣшеходовъ, на третій—борьба, на четвертый и пятый бѣги колесницъ. Такъ какъ борцы боролись совершенно нагіе, дѣвицамъ и женщинамъ строжайше было воспрещено присутствовать при играхъ, даже смотрѣть на нихъ издали. Это запрещеніе было однако же нарушено дважды, во все время существованія олимпійскихъ игръ. Въ первый разъ, на аренѣ состязалась съ возничими переодѣтая въ муж-

ское платье ***Киниска***, дочь Архидамаса, царя македонскаго; во второй нѣкая ***Каллипатира*** или ***Февенія***, такъ же переодѣтая, присутствовала при состязаніи своего сына Пизидора и не могла скрыть своего восторга, когда онъ получилъ призъ. Обѣ преступницы были прощены не въ примѣръ другимъ, такъ какъ за нарушеніе запрета женщинамъ посѣщать игры, виновныхъ сталкивали въ рѣку Алфей съ крутой горы Типеи. Не менѣе строгому взысканію подвергались борцы, скороходы и возничіе, пытавшіеся обманомъ одержать верхъ надъ соперниками; уличенные въ томъ платили штрафы, размѣръ которыхъ зависѣлъ отъ степени обмана. Павзаній говоритъ, что въ храмѣ Матери боговъ близъ Стадіи находилось шесть бронзовыхъ статуй Юпитера, отлитыхъ на деньги, вырученныя отъ штрафовъ. Надписи на статуяхъ гласили, что не хитрость, а ловкость должна быть помощницею состязующихся, тѣ же изъ нихъ, которые рѣшаются на обманъ должны страшиться гнѣва боговъ. Не смотря на это примѣры подкуповъ, плутней и обмановъ были довольно часты на олимпійскихъ играхъ.

Потомкамъ ***Эллина*** было вмѣнено закономъ въ непремѣнную обязанность являться на состязанія, и Геродотъ говоритъ по этому случаю, что Александръ Македонскій принужденъ былъ назваться родственникомъ Эллиновъ, чтобы быть допущеннымъ къ играмъ... Впослѣдствіи каждый грекъ величался эллиномъ и имя это наконецъ было усвоено всѣмъ греческимъ народамъ.

Атлетъ или борецъ вступалъ въ борьбу намазывая себѣ все тѣло оливковымъ масломъ, какъ для приданія ему болѣе гибкости, такъ и для того, чтобы выскальзывать изъ рукъ противника. Борьба состояла въ томъ, чтобы сбить соперника съ ногъ; иное дѣло былъ бой рукопашный. Здѣсь атлеты бились на кулакахъ въ толстыхъ кожаныхъ рукавицахъ, подбитыхъ пластинками свинца. Случалось, что ударъ въ голову убивалъ атлета на мѣстѣ. ***Арахіонъ***, побѣдившій всѣхъ своихъ противниковъ, послѣднимъ изъ нихъ былъ сбитъ съ ногъ и задушенъ имъ; однако же умирая Арахіонъ откусилъ ему палецъ и побѣдитель принужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ: онъ отказался отъ наградного вѣнка надѣтаго по приговору судей на мертваго Арахіона.

Метаніе дисковъ состояло въ томъ, что состязавшіеся становились одной ногой на коническую подставку и въ этомъ неловкомъ положеніи бросали дискъ, т. е. каменный или металлическій кружокъ.

Судьи присуждавшіе призы побѣдителямъ называлась ***гелланодиками***, и изъ двухъ число ихъ впослѣдствіи времени возросло до десяти. Вступая въ отправленіе должности они давали клятву рѣшать дѣла безъ всякаго лицепріятія. Изъ атлетовъ древности славнѣйшими были: ***Ѳеагенъ***, ***Милонъ Кротонскій***, ***Полидамасъ*** и ***Евѳимій***. Лакедемонянинъ Ѳеагенъ двѣнадцать разъ выигрывалъ призы на олимпійскихъ играхъ и за это удостоился монумента отъ своихъ согражданъ. Какой-то завистникъ каждую ночь прокрадываясь къ статуѣ билъ ее палкою. Въ одну изъ подобныхъ экспедицій статуя упала и раздавила сумасброда. Дѣти убитаго предъявили искъ на статую и согласно законамъ Ликурга судьи приговорили ее къ утопленію въ морѣ. Вскорѣ по приведеніи въ исполненіе этого смѣшнаго приговора въ городѣ и его окрестностяхъ обнаружился голодъ. Оракулъ, вопрошенный отчаянными жителями, объявилъ имъ, что бѣдствіе прекратится, если они вытащатъ изъ моря статую Ѳеагена и поставятъ ее на прежнее мѣсто. Жители повиновались оракулу, голодъ прекратился, а Ѳеагенъ былъ причисленъ къ полубогамъ.

Милонъ Кротонскій былъ феноменомъ своего времени. Однажды на играхъ онъ не переводя духу пробѣжалъ по аренѣ съ двухлѣтнимъ бычкомъ на плечахъ, убилъ его ударомъ кулака и въ тотъ же день съѣлъ до послѣдняго хрящика. Къ сожалѣнію, старѣя, Милонъ лишался силъ, хотя и не сознавался въ томъ. Какъ-то гуляя по лѣсу онъ увидѣлъ дерево на половину расщепленное отъ частыхъ колебаній вѣтромъ его вершины. Милону вздумалось доломить дерево; но едва онъ запустилъ руки въ расщелину какъ она сомкнулась и прищемила ему пальцы. Не будучи въ состояніи высвободить рукъ, одряхлѣвшій атлетъ сдѣлался добычею дикихъ звѣрей.

Полидамасъ, его другъ и вмѣстѣ соперникъ, погибъ не менѣе трагической смертью. Однажды, когда онъ пировалъ со своими друзьями въ пещерѣ, сводъ ея треснулъ и всѣ собесѣдники разбѣжались,

за исключеніемъ Полидамаса, отважившагося поддержать падавшій сводъ и погибшаго подъ его развалинами. Въ юности онъ задушилъ на Олимпѣ льва непомѣрной величины; убивалъ человѣка ударомъ кулака, одной рукою останавливалъ несущуюся во всю прыть колесницу... Оба эти сказанія о состарѣвшихся атлетахъ не лишены своего рода грустнаго нравоученія: зачѣмъ по старости лѣтъ рѣшаться на предпріятія, исполнимыя только въ цвѣтущемъ возрастѣ?

Объ Евѳиміи мы поговоримъ при обзорѣ похожденій Улисса при возвращеніи его на родину послѣ осады Трои.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Юнона. — Бракъ ея съ Юпитеромъ. — Ревность. — Шутка Юпитера. — Рожденіе Марса. — Тирезій. — Сидея. — Кассіопея. — Созвѣздіе этого имени. — Претиды. — Пріамиды. — Деіонея. — Праздники Юноны. — Ея изображенія. — Геба. — Вулканъ. — Праздники. — Марсъ, его наложницы и дѣти. — Ѳерей, Прогнея, Филомела и ихъ превращенія. — Дочери Марса.

Юнона, первая и единственная законная супруга Юпитера, въ Греціи была извѣстна подъ именемъ ***Геры*** (властительницы), въ Римѣ подъ именемъ ***Юно*** (Juno): помощницы. Кромѣ того, подобно своему супругу, пользовалась многими прозвищами, исчислять которыя было бы слишкомъ утомительно для читателя. Дочь Сатурна и Реи, проглоченная первымъ, а потомъ извергнутая его ненасытнымъ желудкомъ, Юнона была отдана на воспитаніе въ Аркадію или на островъ Самосъ. Жители Аргоса разсказывали будто кормилицами Юноны были три дочери рѣки Астеріона: ***Акрея***, ***Эвбея*** и ***Порсимна***, а воспитателемъ ея былъ ***Теменъ*** сынъ Пеласга. Жители Самоса, отрицая сказанія аргосцевъ, утверждали, что богиня родилась на берегахъ рѣки Имвраза и выросла на попеченіи Ѳетиды и Океана.

Строгость правилъ, съ которою Юнона постоянно держала себя, ограждала ее отъ всякихъ дерзкихъ покушеній какъ боговъ, такъ и титановъ. Юпитеру посчастливилось овладѣть сердцемъ гордой и неприступной красавицы. Послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ снискать ея взаимность, царь боговъ навелъ на небо страшную грозу и проливной дождь, а самъ превратясь въ кукушку прилетѣлъ къ Юнонѣ, отыскивая убѣжище на ея груди. Не подозрѣвая обмана, Юнона пригрѣла промоклую кукушку, ласкала ее и птица отвѣчала ей ласками, вскорѣ заставившими ее погрузиться въ сладостное самозабвеніе, очнувшись отъ котораго она увидѣла себя въ объятіяхъ Юпитера. Гнѣваясь на обольстителя она потребовала отъ него вознагражденія, назначивъ его цѣною вступленіе съ нею въ законный бракъ (по гречески: ***Телейосъ Гамосъ***). Юпитеръ согласился и поручилъ Меркурію созвать на брачный пиръ всѣхъ боговъ и богинь. Изъ послѣднихъ, нимфа ***Хелонея*** замѣшкалась съ нарядомъ и прибыла на пиршество послѣ всѣхъ. За это разгнѣванный Юпитеръ превратилъ ее въ черепаху, эмблему медленности и копотливости.

Привязавъ къ себѣ Юпитера брачными узами, Юнона вскорѣ превратила ихъ въ тяжкія для него цѣпи. Гордясь своей вѣрностью она требовала и отъ своего вѣтреннаго супруга вѣрности ненарушимой и постоянства непоколебимаго. Тревожимая ревнивыми и весьма часто основательными подозрѣніями, Юнона слѣдила за каждымъ шагомъ Юпитера, надоѣдала ему докучливыми, навязчивыми ласками, язвила насмѣшками... однимъ словомъ, въ лицѣ Юноны, древніе воплотили вѣчный типъ ***жены*** — опостылой, требующей отъ мужа неутомимой нѣжности и совершеннѣйшаго самоотверженія. Сцены между супругами бывали чуть не ежедневныя, нерѣдко безъ малѣйшаго повода со стороны Юпитера. Однажды, желая подшутить надъ разгнѣванной Юноной, ея супругъ объявилъ ей, что онъ намѣренъ взять себѣ второй женою Платею, дочь рѣки Азопа и показалъ ей свою нарѣченную съ головы до ногъ покрытую фатою. Взбѣшенная Юнона сорвала покрывало, но вмѣсто соперницы увидѣла древесный пень съ посаженною на

него куклою. Смущенная, сгорая отъ стыда, она бросилась въ объятія Юпитера, прося прощенія и если не миръ, то перемиріе было заключено между супругами. Притворно смиряясь передъ супругомъ, Юнона однако же рѣшилась отомстить ему. Съ этой цѣлію она попросила совѣта у богини цвѣтовъ ***Флоры***, нѣтъ ли возможности родить сына или дочь безъ содѣйствія Юпитера или какого бы то ни было другаго мужчины? Флора повела Юнону въ поле и указала ей на какой то цвѣтокъ, къ которому велѣла прикоснуться; Юнона повиновалась, вслѣдствіе этого прикосновенія сдѣлалась беременною и родила бога войны — ***Марса*** (¹). Точно также въ отмщеніе Юпитеру она родила и Тифона, о чемъ мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ. Любовницъ Юпитера она преслѣдовала съ неутомимой яростью: ***Іо***, ***Латона***, ***Калисто***, ***Семела*** были жертвами ея мстительности; ***Сфинксъ*** по ея повелѣнію мучилъ ѳивянъ единственно за то, что онѣ были соотечественниками ***Алкмены***; ***Галанѳида***, служанка ея, была обращена Юноною въ звѣрька ласточку (порода хорька); она же ослѣпила ***Тирезія***; покарала ***Сидею***, ***Кассіопею***, ***Антигону***, ***Анаксивію*** жену Пеліаса, ***Пегаса***, ***Претидъ*** и ***Пріамидовъ*** потомковъ Париса.

Ослѣпленіе Тирезія было слѣдствіемъ страннаго спора между Юпитеромъ и Юноною: супруги не могли никакъ согласиться между собою въ томъ, кому изъ двухъ — мужчинѣ или женщинѣ — нѣжныя ласки доставляютъ болѣе наслажденія? Этого вопроса и изъ боговъ никто не могъ рѣшить, а потому спорившіе прибѣгли къ посредничеству знахаря по имени Тирезія. Онъ объявилъ, что избытокъ наслажденія на сторонѣ мужчины. Разгнѣванная Юнона бросила ему въ глаза нѣсколько капель воды, отчего онъ мгновенно ослѣпъ. Въ награду за потерю зрѣнія Юпитеръ продлилъ жизнь Тирезія на одинадцать вѣковъ человѣческихъ и сверхъ того далъ способность угадывать будущее, посредствомъ жезла или

(¹) Здѣсь скрывается истинное астрономическое событіе, именно: происхожденіе новой звѣзды и появленіе ея близъ планеты, которую древніе называли Юноною.

тросточки. По другимъ сказаніямъ Тирезій ослѣпъ за то, что подглядѣлъ какъ Минерва выходила изъ купальни вмѣстѣ съ Харикло любимою, своею нимфою. Лишенный зрѣнія Тирезій понималъ смыслъ пѣнія птицъ и крика звѣрей.

Красота Сидеи, жены Оріона, возбудила въ Юнонѣ ревнивыя опасенія и она низвергла красавицу въ преисподнюю (¹). Иное наказаніе постигло Кассіопею, супругу Цефея и мать Андромеды. Эта царица, гордившаяся своею красотою и почитавшая себя красивѣе самой Юноны, была за это наказана опустошеніемъ своихъ областей страшнымъ наводненіемъ. Чтобы умилостивить разгнѣванную богиню, Кассіопея принуждена была выдать свою дочь Андромеду на съѣденіе морскому чудовищу, отъ котораго она была спасена Персеемъ. Персей женившись на Андромедѣ, упросилъ Юпитера помѣстить Кассіопею между созвѣздіями.

Претиды, дочери аргосскаго царя Прета, навлекли на себя гнѣвъ Юноны за тоже самое, за что ее прогнѣвала Кассіопея: онѣ не признавали ее первою красавицею въ мірѣ и отрекались отъ служенія ей. За это Юнона поразила ихъ страннымъ помѣшательствомъ — Претиды, воображая, что онѣ превратились въ коровъ, бѣгали по полямъ Арголиды и бросаясь на прохожихъ дѣлали видъ, что бодаютъ ихъ. Братъ помѣшанныхъ ***Мегапенѳъ*** просилъ волхва ***Мелампа*** излечить несчастныхъ. За это Мелампъ потребовалъ у него одну треть его царства; Мегапенѳъ отказалъ; когда же одна изъ его сестеръ умерла и онъ повторилъ свою просьбу Меламну, волхвъ потребовалъ у него въ награду за излеченіе остальныхъ сестеръ двѣ трети царства и сверхъ того руку одной изъ Претидъ Ифіанассы. Мегапенѳъ отдалъ Меламну и то и другое и волхвъ вылечилъ его сестеръ, давъ имъ нѣсколько пріемовъ чемирицы (Helleborus niger L).

Анаксивія, дочь Віаса, двоюроднаго брата Язона, подобно Кассіопеѣ и Претидамъ имѣла неосторожность похваляться красотою и за это была выдана богинею за Пелія, съ которымъ Анаксивія была весьма несчастлива. Гнѣвъ Юноны распространился даже на позднѣйшее потомство Пелія и Анаксивіи.

(¹) Исчезновеніе звѣзды съ горизонта.

Антигону, дочь Лаомедона, Юнона превратила въ цаплю; Пріамидовъ, потомковъ Париса, она преслѣдовала за то, что послѣдній отдалъ предпочтеніе красотѣ Венеры передъ красотою Юноны и Минервы, избравшихъ его въ посредники для рѣшенія вопроса: которая изъ трехъ богинь красивѣе. Выведенный изъ терпѣнія несносным, сварливымъ характеромъ Юноны, Юпитеръ однажды приковалъ ее къ горѣ Олимпу золотой цѣпью и освободилъ единственно вслѣдствіе ходатайства за нее всѣхъ боговъ и богинь.

Неизмѣнными спутницами Юноны были четырнадцать нимфъ называемыхъ ***Горезидіями***. Прелестнѣйшею изъ нихъ была ***Деіонея***. На ихъ попеченія возложены были: туалетъ богини и приготовленіе ей ароматическихъ купаній. Покровительница законныхъ женъ, блюстительница вѣрности супружеской, Юнона, по мнѣнію древнихъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ незримою помощницею рожениц и беременныхъ. Вслѣдствіе этой спеціальности, Юнона пользовалась особеннымъ почетомъ у римскихъ матронъ, т. е. замужнихъ и семейныхъ женщинъ. Легкаго поведенія женщины не имѣли права молиться Юнонѣ, а указомъ царя Нумы Помпилія имъ былъ строжайше воспрещенъ входъ въ храмы богини. Изъ праздниковъ въ ея честь въ древнемъ Римѣ главнѣйшими были: 1) ***Ноны капитолійскія*** (7 іюля), когда поклонницы богини собирались подъ дикою смоковницею, допуская въ свою среду даже рабынь и наемныхъ служанокъ. Послѣднее дѣлалось въ память событія достопамятнаго въ исторіи великаго народа. По изгнаніи Галловъ изъ предѣловъ республики, римляне, подъ предводительствомъ диктатора Луція, тревожимые сосѣдними народами, обязаны были по требованію послѣднихъ выдать имъ своихъ женъ и дочерей. Рабыня ***Филотида*** предложила консулу отправить въ непріятельскій станъ вмѣсто женъ и дочерей — ихъ рабынь, одѣтыхъ въ нарядныя платья. Консулъ послѣдовалъ данному совѣту; рабыни отдались позорнымъ ласкамъ враговъ, пировали съ ними нѣсколько дней, а потомъ, напоивъ ихъ виномъ, дали условный знакъ римскимъ войскамъ, расположеннымъ неподалеку въ засадѣ: они ударили на непріятелей и изрубили ихъ. Знакъ къ избіенію поданъ былъ съ вершины дикой смоковницы. 2) ***Каллистеи*** на Лесбосѣ — праздники красоты, на которыхъ получали призы

женщины, особенно отличавшіяся красотою; 3) ***Эпидеміи*** на островѣ Милетѣ — всенародныя моленія богинѣ о защитѣ и покровительствѣ; 4) ***Гамеліи***, въ Аѳинахъ — въ первыхъ числахъ января мѣсяца (гамеліона); 5) ***Герателеи***, праздники жертвованія богинѣ волосъ, остригаемыхъ новобрачными; 6) ***Юноніи*** въ Римѣ и ***Гореи*** въ Греціи; 7) ***Лизандріи*** на островѣ Самосѣ.

Юнону изображали обыкновенно въ видѣ красивой, стройной женщины съ веретеномъ или гренадовымъ яблокомъ въ одной рукѣ и скипетромъ въ другой. У ногъ ея ставили павлина, игравшаго при Юнонѣ ту же роль безсмѣннаго спутника, которую орелъ игралъ при Юпитерѣ. Объ этомъ павлинѣ мы поговоримъ подробнѣе, разсказывая исторію ***Аргуса***. Изъ животныхъ и птицъ Юнонѣ были посвящены и приносились въ жертву: овца, поросная свинья, ястребъ, гусь, павлинъ, коршунъ; изъ цвѣтовъ: бадьянъ, макъ, гренада, лилія. О послѣднемъ цвѣткѣ у древнихъ существовало сказаніе будто онъ выросъ изъ капли молока Юноны, оброненной ею на землю; маковыя головки и гренадовыя яблоки въ рукахъ богини были символами женскаго плодородія. Изъ храмовъ Юноны славнѣйшій находился въ Аргосѣ; бывшая здѣсь статуя богини, изъ золота и слоновой кости, была такимъ же совершенствомъ своего рода какъ статуя Юпитера въ храмѣ олимпійскомъ.

Теперь перейдемъ къ разсказу о дѣтяхъ Юноны: о дочери ея ***Гебѣ*** и сыновьяхъ ***Вулканѣ*** и ***Марсѣ***.

Геба, богиня юности, завѣдывала на Олимпѣ столомъ боговъ и богинь, которымъ подавала нектаръ и амброзію. Однажды, прислуживая Юпитеру она поскользнулась, упала и за эту неловкость была уволена отъ должности и прикомандирована единственно къ Юнонѣ. Выданная за ***Геркулеса*** послѣ взятія его на Олимпъ, она имѣла отъ него сыновей: ***Алексіареса*** и ***Аникета***. Вѣчно и неизмѣнно юная, прелестная собою Геба, какъ въ Греціи такъ и въ Римѣ, была покровительницею обоего пола молодыхъ людей, недавно вышедшихъ изъ лѣтъ отроческихъ.

Вулканъ, богъ огня, при появленіи своемъ на свѣтъ до того поразилъ Юнону своимъ чудовищнымъ безобразіемъ, что она

столкнула его съ Олимпа на землю. Девять дней летѣлъ бѣдный уродъ съ неба и упалъ на островъ Лемносъ близъ острововъ Липарскихъ. При паденіи онъ вывихнулъ себѣ ногу и остался хромымъ. На Лемносѣ онъ занялся кузнечнымъ мастерствомъ: ковалъ громовыя стрѣлы Юпитеру, сдѣлалъ золотой тронъ Юнонѣ, сѣвъ на который она была такъ имъ сжата, что не могла подняться съ мѣста безъ помощи того же Вулкана; этимъ онъ отомстилъ матери за свое изгнаніе изъ жилища боговъ. Изъ прочихъ произведеній бога-кузнеца нельзя не назвать вооруженій Ахиллеса, Энея, скипетра Агамемнона; олимпійскій дворецъ изъ стали, мѣди и золоченаго серебра, дворецъ солнца, корону Аріаны и ожерелье Герміоны. Женатый на Венерѣ, Вулканъ вскорѣ убѣдился въ ея невѣрности и въ преступной ея связи съ Марсомъ; самъ домогался благосклонности Минервы—разумѣется тщетно и былъ особенно друженъ съ богомъ пьянства *Бахусомъ*. Покинутый женою онъ утѣшался ласками другихъ богинь, правда весьма немногихъ, но во всякомъ случаѣ красавицъ даже безъ сравненія съ нею. Такъ Вулканъ пользовался благосклонностью одной изъ грацій *Аглаи* или *Хариты;* за нею слѣдовали; *Пізнеста*, *Кабира*, *Пренеста*—сдѣлавшаяся беременною отъ искры, вылетѣвшей изъ кузницы Вулкана и упавшей къ ней на грудь. Она была матерью огнеглазаго разбойника Цэкулуса... Изъ множества дѣтей Вулкана нельзя не упомянуть о *Купидонѣ* его законномъ сынѣ отъ Венеры, остальные сыновья бога-кузнеца славились грубостью безобразіемъ, а нѣкоторые изъ нихъ и злодѣйствами. *Кабиры*, *Тельхины*, и одноглазые *Циклопы* были постоянными спутниками и сотрудниками Вулкана; кузницы его находились на островѣ Лемносѣ; кратеры огнедышащихъ горъ замѣняли въ этихъ кузницахъ дымовыя трубы. Миѳологическое сказаніе о низверженіи Вулкана съ небесъ на землю ничто иное, какъ аллегорія, заимствованная изъ событія естественнаго: паденія аэролита и появленіе на стровахъ Липарскихъ и на Лемносѣ огнедышущихъ горъ; самъ Вулканъ ничто иное, какъ олицетворенный огонь, извергаемый земными нѣдрами изъ вулканическихъ кратеровъ или, въ искусныхъ рукахъ, служащій на пользу людямъ. Подъ изгнаніемъ Вулкана съ Олимпа, его пребываніемъ

на землѣ и возвращеніемъ на небо должно подразумѣвать затмѣніе какой нибудь звѣзды и вторичное появленіе ея на небесномъ сводѣ. Связь Венеры съ Марсомъ — намекъ на сочетаніе этихъ двухъ планетъ, изъ которыхъ первая отдалилась отъ той звѣзды, которую древніе называли Вулканомъ. Замѣтимъ разъ навсегда, что каждое сказаніе греко-римской миѳологіи въ тѣсной связи съ астрономическими наблюденіями древнихъ, или съ переворотами геологическими.

Изъ праздниковъ въ честь Вулкана достойны замѣчанія: *Керамикіи* или *Гефестійскія* празднества въ Аѳинахъ, на которыхъ трое юношей бѣгали въ запуски съ зажженными факлами на призъ, который выдавался тому изъ нихъ, кто сохранялъ во время бѣга огонь на своемъ факлѣ. Въ Римѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, праздновались *Вулканаліи*, длившіяся восемь дней, во все продолженіе которыхъ разжигали костры и бросали въ нихъ разныхъ животныхъ; кромѣ того были и *Цeрамиціи* въ подражаніе греческимъ. Ромулъ за чертою города воздвигъ храмъ Вулкану, посвятилъ ему четырехконную колесницу и установилъ праздникъ огня *Люстрію* съ процесіями, наименованными *юстраціями*.

Вулкану былъ посвященъ левъ; его покровительству ввѣренъ былъ сентябрь мѣсяцъ; при дверяхъ его храма содержались сторожевыя собаки. Изображали его въ видѣ безобразнаго, бородатаго горбуна, во фригійскомъ колпакѣ, небрежно надѣтомъ на всклоченную голову; кузнечный молотъ и клещи были его непремѣнными атрибутами. Изъ прозвищъ, сопряженныхъ съ его именемъ, особенно замѣчательны: хромой (*амфигіей*, *киллоподъ*), хозяинъ пламени (flammipotens), рожденный изъ огня (ignigenus), блестящій (pamphanes), всепокоряющій (*пандаматоръ*).

Второй сынъ Юноны, рожденный ею не отъ Юпитера [1], былъ *Аресъ* или *Марсъ* богъ войны, особенно чтимый римлянами. Подобно прочимъ богамъ и богинямъ и у Марса были многія прозвища: *непобѣдимый* (adamus), *внезапный* (афиэ), *вои*-

---

[1] См. выше, главу V.

тель (bellator), *копьеносный* (curinus), *оруженосецъ* (гоплофоръ), *богъ смерти* (Некисъ), *мститель* (ultor) и т. д.

Воспитаніе его Юнона ввѣрила титану *Пріапу*, который обучилъ Марса искуству воинскому и бѣшенымъ плясками корибантовъ; кормилицею его была Титанида *Ѳера*. Онъ прославился своими подвигами во время борьбы боговъ съ титанами и принималъ дѣятельное участіе въ троянской войнѣ. Списокъ его женъ или любовницъ можетъ поспорить со спискомъ возлюбленныхъ Юпитера. *Аглаура* дочь Кекропса, *Аеэса*, *Астіохея*, *Аталанта*, *Бистонида*, *Венера*, *Гарпинна*, *Датида*, *Эропа*, *Каллироя*, *Келено*, *Кирена*, *Критовула*, *Нерина* (кротость), *Отрера*, *Парнасса*, *Пелопія*, *Перивея*, *Рея-Сильвія*, *Сета*, *Стеропа*, *Тавея*, *Тельфусса*, *Терена*, *Фабидія*, *Хризе*, *Ѳеогена*, *Ѳрокка*, *Ѳриттія*. Отъ нихъ Марсъ имѣлъ многочисленное потомство героевъ. Изъ нихъ назовемъ: *Аскалафа*, *Цикна*, убитаго Геркулесомъ; *Діомида* владѣтеля знаменитыхъ огнедышащихъ коней, которыхъ онъ кормилъ человѣческимъ мясомъ; *Ромула* и *Рема* (отъ Реи-Сильвіи), *Ѳерея*, о которомъ находимъ слѣдующую басню у Овидія. Ѳерей, царь ѳракійскій былъ женатъ на *Пронеѣ*, дочери аѳинскаго царя Пандіона. Вмѣстѣ съ нею ко двору Ѳерея прибыла и сестра ея *Филомела*, въ которую Ѳерей вскорѣ влюбился. Съ негодованіемъ отвергнутый ею, онъ хитростью заманилъ ее въ уединенный свой замокъ и здѣсь силою овладѣлъ Филомелою. Осыпаемый упреками, взбѣшенный ея постоянными жалобами, Ѳерей отрѣзалъ ей языкъ и оставивъ въ заточеніи, объявилъ женѣ своей, что сестра ея умерла. Плѣнная Филомела нашла однако же возможность увѣдомить Пронею о постигшихъ ее бѣдствіяхъ: обыкновенное письмо она замѣнила вышивкой, въ которой вмѣсто узоровъ были буквы. Пронея внѣ себя отъ ярости убила своего сына *Итиса*, потомъ пользуясь правами свободы, предоставляемыми женщинамъ во время праздниковъ Вахуса, освободила Филомелу и вмѣстѣ съ нею убѣжала къ отцу въ Аѳины, угостивъ мужа своего передъ отъѣздомъ кушаньемъ, приготовленнымъ изъ мяса Итиса. Овидій говоритъ, будто Пронея превратилась въ ласточку, Филомела — въ соловья; Ѳерей и Итисъ превратились — первый въ удода, второй въ щегленка. Это странное сказаніе требуетъ объясненія.

По мнѣнію абата Банье ([1]), герои этой трагедіи дѣйствительно жили въ Греціи за 1440 лѣтъ до Р. Х., но, само собою, не превращались въ птицъ. Пронея и Филомела успѣли убѣжать отъ Ѳерея, благодаря парусамъ, которыми былъ *окрыленъ* ихъ корабль, за которымъ не могъ поспѣть нагонявшій ихъ Ѳерей. Его превращеніе въ удода—птицу грязную, вонючую - намекъ на его безнравственность; превращеніе Филомелы въ соловья, намекъ на ея жалобы и стенанія, послѣ постигшихъ ее бѣдствій.

Изъ дочерей Марса особенно достойны упоминанія: *Гермонія* и *Герміона* отъ Венеры и *Гипполита*, царица амазонокъ отъ Ѳареры. Герміона была супругою Кадма. При ея бракосочетаніи всѣ боги и богини, кромѣ Юноны, пожаловали ей драгоцѣнные подарки; Вулканъ же, въ свою очередь, желая отомстить Венерѣ за ея невѣрность, подарилъ ея дочери платье, окрашенное всевозможными преступленіями. Вслѣдствіе этого всѣ дѣти Герміоны были отъявленные злодѣи. Гипполита и сестры ея *Лампето* и *Марѳезія* были побѣждены Геркулесомъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Служеніе Марсу.—Жрецы.—Праздники.—Спутники Марса. — Свита Юноны. — Ирида. — Богини-родовспомогательницы. — Латона. — Діана и Аполлонъ.—Его подвиги.—Пиѳонъ.—Дѣти Ніобеи.—Прозвища Діаны.—Ея нимфы.—Каллисто и Буфага.—Созвѣздія.

Греки, народъ миролюбивый, не воздавали богу войны особенныхъ почестей; у нихъ не было храмовъ Марса, а поклонялись

([1]) La Mythologie et les fables expliquées par l'histoire P. in 12. 1739, tome VIII, pp. 5—8.

они его идоламъ, поставленнымъ на открытыхъ мѣстахъ. За то въ Римѣ, бога войны почитали чуть ли не выше самаго Юпитера, называя его *отцомъ*, *спасителемъ* и *хранителемъ*. Символическимъ его изображеніемъ было копье (quirinus) и этимъ именемъ замѣняли собственное. Ромулъ при клятвахъ называлъ копье (ē quirine!), бывшее для него главнѣйшей святыней. Въ жертву богу войны приносили: быковъ, телятъ, барановъ и коней. Нѣкоторые изъ народовъ, подвластныхъ римлянамъ и усвоившихъ религію своихъ властителей, въ жертву Марсу приносили собакъ, козловъ и ословъ, а также и военноплѣнныхъ. Нума Помпилій установилъ въ честь Марса правильное богослуженіе, назначивъ въ жрецы двѣнадцать знатнѣйшихъ патриціевъ, именовавшихся *саліанами*; верховный жрецъ назывался *презуломъ*. Установлено же было служеніе Марсу вслѣдствіе слѣдующаго событія. Въ Римѣ была чума, прекратившаяся послѣ паденія съ неба щита, о которомъ нимфа Эгерія, совѣтница царя Нумы, сказала, что городъ, въ которомъ щитъ этотъ будетъ храниться, сдѣлается обладателемъ цѣлаго свѣта. Нума поручилъ оружейнику Ветерину Мамурію по образцу чудеснаго щита выковать еще одиннадцать и сохраненіе ихъ препоручить саліанамъ. Ежегодно они, шествуя пышной процессіей, обносили эти щиты вокругъ римскихъ стѣнъ съ пѣснями, плясками и заканчивали праздникъ великолѣпнымъ пиршествомъ. Одѣяніе ихъ состояло изъ пурпуровой туники, вышитой золотомъ, хламиды (trabea), опоясанной металическимъ поясомъ и особаго вида шапки (galerus). Вооруженіе ихъ состояло изъ мечей, копій въ правой рукѣ и щитовъ—въ лѣвой. Помощницами ихъ были молодыя дѣвушки, носившія воинское одѣяніе (paludamentum). Царь Туллъ Гостилій увеличилъ вдвое число саліанъ, назвавъ ихъ *агоналами* или *коллинами*; Тарквиній переименовалъ ихъ въ *альбановъ*; Антоній Каракалла въ *антоніановъ*. Впослѣдствіи возникли какъ бы отдѣльныя касты: *эаны*, *палатины* и *квириналы*. Кромѣ этихъ жрецовъ для служенія Марсу былъ въ древнемъ Римѣ верховный жрецъ (Flaminius quirinalis) и его помощники (Martiales lacini).

Праздники Марса назывались: *Анциліями*; начинались они въ мартовскія календы и продолжались три дня, признававшіеся

римлянами днями тяжелыми, бѣдственными, въ которые не слѣдовало предпринимать никакихъ дѣлъ. Были кромѣ того *Эквиріи*, конскія ристанія, установленныя Ромуломъ и совершавшіяся 26 февраля. Въ Лаконіи былъ ежегодный праздникъ *Герантры*; у скиѳовъ игры *арреійскія*. Въ Римѣ, на праздникѣ *Триктиріяхъ*, въ жертву Марсу приносили трехъ животныхъ: быка, барана и борова; кромѣ того были игры *марціальныя* (1 августа), на которыхъ однажды Германикъ убилъ до двухсотъ львовъ. Храмы бога войны находились за чертою города.

Марса изображали въ видѣ пожилаго мужчины, мощнаго тѣлосложенія, въ шлемѣ, латахъ, съ мечемъ или копьемъ въ рукахъ. Во время битвъ, по повѣрью римлянъ, онъ незримо носился по полю сраженія на колесницѣ, запряженной парою коней, называемыхъ *Ужасомъ* и *Бѣгствомъ* (Deimos et Fuga) или *Эринніемъ* и *Бореемъ* и управляемыхъ *Беллоною*. Свиту Марса составляли *Ярость*, *Смятеніе*, *Страхъ* и *Смущеніе*. Беллона (*Эніо* у грековъ и первоначально *Дуэллона* у римлянъ) была въ особенномъ почетѣ у жителей Каппадокіи. Въ Римѣ ей посвященъ былъ особый храмъ, на жрецовъ котораго, называвшихся *беллонаріями*, возложена была обязанность встрѣчать иностранныхъ посланниковъ. Во время праздниковъ въ честь богини, жрецы ея дѣлали себѣ надрѣзы на тѣлѣ и собранную изъ надрѣзовъ кровь приносили ей въ жертву. Въ Греціи служеніе Беллонѣ было введено *Орестомъ* и *Ифигеніею*, дѣтьми Агамемнона.

Теперь возвратимся къ Юнонѣ и скажемъ нѣсколько словъ о ея придворномъ штатѣ. *Березидіи*, ея прислужницы, отличались красотою и граціозностью; изъ нихъ особеннымъ расположеніемъ Юноны пользовались: *Деіопея*, выданная замужъ за Эола, единственно для того, чтобы родить бурю противъ Энея, потомка Париса, ненавистнаго Юнонѣ. Другая березидія— *Ирида* (радуга) исправляла при богинѣ должность вѣстницы и разсыльной. Въ древнѣйшія времена Ириду признавали посланницею небесъ на землю за душами умирающихъ; впослѣдствіи же ея появленіе было предтечею божескихъ милостей къ роду человѣческому. Впрочемъ, у всѣхъ языческихъ народовъ, съ понятіями о радугѣ непремѣнно соединялось или соединяется какое нибудь религіозное повѣрье.

Какъ покровительница женъ и матерей, Юнона дѣлила свои труды и заботы съ *Луциною*, *Илиѳіею*, *Майею и Латоною*. По мнѣнію нѣкоторыхъ коментаторовъ эти четыре богини въ сущности ничто иное, какъ четыре олицетворенія одной и той же Юноны; мнѣніе это однако же не совсѣмъ основательно, ибо римляне называли помощницъ Юноны особеннымъ именемъ *брачныхъ богинь* (Gameliae Deae). Илиѳія и Майя — въ древней Греціи — были богинями родовспомогательницами; у римлянъ кромѣ этихъ двухъ богинь была еще Луцина, которой молились замужнія женщины передъ наступленіемъ родовъ. Ей были воздвигнуты особые храмы, и ее чествовали ежегодными праздниками, во время которыхъ мужчины, совершенно нагіе, прибѣгали къ замужнимъ женщинамъ и слегка били ихъ по рукамъ и по животу козлиными кожами. При Луцинѣ полагали цѣлую свиту боговъ помощниковъ и богинь-помощницъ; таковыми были: *Алемона* (млекопитательница), *Куба* (усыпительница) *Куна* или *Кунія* (хранительница колыбели, *Евгерія* (начальщица), *Генета* или *Малагенета* (богиня, присутствовавшая при родахъ всѣхъ самокъ), *Ингеникола*, *Интерцидуа* (богъ родильницъ), *Югартинъ* (богъ брачныхъ союзовъ), *Лаллъ* (богъ перваго дѣтскаго лепета), *Левона* (покровительница новорожденныхъ), *Матурна* (покровительница матерей), *Никси*, *Діи* (три покровителя беременныхъ), *Нундина* (очистительница), *Орбона*, *Оссинага* (строительница дѣтскихъ костей), *Парты* (двѣ богини, которыхъ женщины призывали на помощь при наступленіи родовыхъ болей), *Портута* (оберегательница беременныхъ), *Сентія* (хранительница невоврожденныхъ), *Статина* (путеводительница дѣтей, начинающихъ ходить), *Вагитанъ* (богъ, утѣшающій дѣтей крикливыхъ), *Витумра* (покровительница утробныхъ младенцевъ до ихъ появленія на свѣтъ).

Отъ этого легіона богинь спеціалистокъ рѣзко выдѣляется *Латона*, мать Діаны и Аполлона, покровительница всѣхъ рожениць безъ изъятья и даже преимущественно безпомощныхъ и незамужнихъ. Сказаніе о Латонѣ принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ миѳологическихъ сказаній.

Латона, дочь Титана Цэоса и Титаниды Фебеи, была первою

возлюбленною Юпитера, уже женатаго на Юнонѣ. Узнавъ объ этой связи своего супруга, Юнона умолила землю не удѣлять Латонѣ ни малѣйшаго уголка, гдѣ бы она могла разрѣшиться отъ бремени; кромѣ того она послала на Латону страшнаго Пифона, который ее преслѣдовалъ... Такъ бѣдная любовница царя боговъ принуждена была скитаться изъ одной страны въ другую, терпя голодъ и нужду. Однажды, приблизясь къ озеру, она хотѣла напиться воды, но окрестные жители отогнали ее въ угоду Юнонѣ. Вспомнивъ о своемъ божественномъ происхожденіи Латона превратила ихъ въ лягушекъ. Скитаясь по Азіи, она сама была принуждена превратиться въ волчиху. Наконецъ Нептунъ, по просьбѣ Юпитера утвердилъ на волнахъ Эгейскаго моря — до того времени плававшій по нимъ — островъ Делосъ, на которомъ Латона и нашла себѣ пристанище. Здѣсь подъ сѣнью дикой пальмы и лавра она родила сперва *Діану*, а потомъ при ея содѣйствіи — *Аполлона*. Змѣй Пифонъ, явившійся на островѣ, чтобы пожрать дѣтей, былъ убитъ стрѣлою, пущенною Аполлономъ; та же участь постигла и гиганта *Титія*, покушавшагося на честь Латоны.. Стрѣлы Аполлона — солнечные лучи; Пифонъ — болотистыя испаренія или разгоняемыя; Титій — грязь или илъ, осушаемые солнечными лучами. Повѣрье древнихъ, будто стрѣлы Аполлона смертельны — было весьма основательно: въ южныхъ странахъ лучи лѣтняго солнца дѣйствительно убійственны. Тоже самое говорили древніе и о стрѣлахъ Діаны, т. е. лунныхъ лучахъ, намекая на ихъ вредное вліяніе на человѣческій организмъ.

Латона, гордившаяся благосклонностью Юпитера, не менѣе Юноны была гнѣвлива и мстительна. *Ніобея*, супруга *Амфіона*, мать огромнаго семейства, состоявшаго изъ красивыхъ сыновей и дочерей ([1]), имѣла неосторожность хвалиться предъ Латоною своимъ

([1]) О точномъ числѣ дѣтей Ніобеи свѣдѣній не имѣется; она варьируется между 12 и 20. Вотъ имена сыновей: Агеноръ, Дамасихтонъ, Исменій, Илліоней, Нпнитъ, Федимъ, Синилъ, Тантанъ и Эхадей. Имена семи дочерей Ніобеи: Амикла, Астикратія (Кашароя, Хіоса, Хлорида), Клеодоза (Хилаира, Мелибея), Огигія, Неэра, (Асхіохея), Ѳера (Эхидія Фтоія) и Пехонія. Причина этого разногласія въ миѳологіи вѣроятно въ

плодородіемъ и ихъ красотою, говоря, что за то и за другое она достойна, чтобы ей воздавали божескія почести. Обиженная Латона упросила сына своего отомстить дерзкой Ніобеѣ и Аполлонъ истребилъ всѣхъ ея сыновей своими стрѣлами; та же участь постигла и дочерей Ніобеи, умерщвленныхъ стрѣлами Діаны. Девять дней трупы невинныхъ жертвъ оставались безъ погребенія, орошаемые слезами безутѣшной матери. Боги, тронутые скорбію Ніобеи, превратили ее въ скалу.

Въ основаніи этой басни лежитъ истинна. Чума—слѣдствіе жестокихъ жаровъ — опустошая Ѳивы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ жертвъ — поглотила и дѣтей тамошней царицы Ніобеи. Девять дней трупы ихъ оставались непогребенными, такъ какъ жители боялись прикасаться къ нимъ изъ опасенія заразы. Мать обезумѣвшая отъ горя удалилась въ Лидію, гдѣ и умерла отъ горести. По словамъ Павзанія, находящаяся въ этой странѣ скала, издали напоминающая фигуру плачущей женщины, подала поводъ въ выдумкѣ о превращеніи Ніобеи въ камень. Іезуиты — коментаторы видятъ въ исторіи Ніобеи искаженія библейскаго сказанія о женѣ Лота, превращенной въ соляной столбъ, но подобное толкованіе по очевидной натяжкѣ даже не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. По мнѣнію другихъ, семь сыновей и семь дочерей Ніобеи ничто иное, какъ семь дней и семь ночей, образующіе недѣлю. Это объясненіе болѣе остроумно нежели справедливо: солнечные лучи не убиваютъ дня, а скорѣе его оживляютъ, точно также какъ лунные лучи оживляютъ ночи. Латона послѣ истребленія семейства Ніобеи превратилась въ божество адскую губительницу дѣтей и въ этой ужасной должности была нерѣдко смѣшиваема въ понятіяхъ древнихъ съ дочерью своею, Діаною.

Приступая теперь къ разсказу объ этой богинѣ полагаемъ необходимымъ предпослать ему алфавитный перечень прозвищъ, съ которыми древніе сопрягали ея имя. По этимъ прозвищамъ читатель можетъ составить себѣ самое точное понятіе о свойствахъ, которыя приписывались древними дочери Латоны: ***Артемиза***

томъ, что нѣкоторыя изъ дочерей имѣютъ по два и по три имени; Гомеръ ограничиваетъ число дѣтей Ніобеи—двѣнадцатью.

Амфипироса (факелоносица), ***Амфипирія*** (огненосная), ***Аристовула*** (совѣтодательница), ***Ароенуса*** (кроткая), ***Астратея*** (противувоинственная), ***Асксомена*** (растущая), ***Бискорнида***, (двурогая), ***Брито*** (кроткая дѣва), ***Геката*** (царица ада, подземная), ***Гегемаха*** (ведущая на битву), ***Гіерра*** (цѣломудренная), ***Девіана*** (сбивающая съ дороги звѣролововъ), ***Дидимія*** (двойня), ***Элафеболія*** (истребительница оленей), ***Іохара*** (метательница стрѣлъ), ***Каллиста*** (прелестная), ***Кареатиди*** (подобная кедру), ***Кориѳалія*** (принимающая поросятъ въ жертву) — ***Лимнатида*** (болотная), ***Люцифера*** (свѣтоносная), ***Луна***, ***Ликеи*** (избавительница отъ волковъ), ***Лизизона*** (присутствующая) при первыхъ часахъ бракосочетанія), ***Монтана*** (горная), ***Неморанзида*** (богиня лѣсовъ), ***Омнивага*** (блуждающая), ***Орѳіона*** (непреклонная), ***Пангея*** (всеуправляющая), ***Селена***, ***Сева Дея*** (жестокая). Такимъ образомъ одна и та же богиня была и доброю и злою, судя потому въ какомъ видѣ древніе ее себѣ изображали. Кроткая царица ночи въ видѣ полной луны та же Діана, скрывающаяся за горизонтомъ, превращается въ грозную Гекату истязательницу усопшихъ.

Строгая дѣвственница, Діана посвятила себя охотѣ. Вооруженная лукомъ и стрѣлами сопутствуемая нимфами: шестьюдесятью ***океанями*** и двадцатью ***азіями***, она бѣгала по лѣсамъ, истребляя мирныхъ оленей. Отъ спутницъ своихъ она требовала соблюденія строжайшаго цѣломудрія и жестоко наказывала виновныхъ. Таковыми были: ***Калисто*** и ***Буфага***.

Калисто, любимица Діаны была дочерью Ликаона. Обольщенная Юпитеромъ она родила отъ него сына, Аркаса. За это Діана превратила ее въ медвѣдицу; Юпитеръ въ свою очередь взявъ ее на небо превратилъ тоже въ созвѣздіе, называемое ***Большой Медвѣдицей***, изъ восьми звѣздъ котораго особенно замѣтны: ***Боотесъ*** и ***Арктуръ*** восходъ котораго, по мнѣнію древнихъ, всегда сопроовождается грозами или ненастьемъ. Взбѣшенная Юнона, желая хоть чѣмъ нибудь отомстить сопернцѣ, уговорила океанъ не допускать Большой Медвѣдицы до своихъ предѣловъ. Съ того времени созвѣздіе это не покидаетъ небеснаго свода.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Актеонъ.—Эндиміонъ.—Оріонъ. — Діана Триформида.—Ея праздники.—Геката.—Храмы ея.—Аполлонъ.—Его изгнаніе на землю.—Царь Адметъ.— Альцеста.—Лаомедонъ.—Кона солнца.—Музы ихъ прозвища.—Кліо.—Калліопа.—Эрато.—Эвтерпа. — Мельпомена. — Полимнія.—Терпсихора.—Талія.—Уранія.—Парнассъ.

Неумолимо строгая къ своимъ нимфамъ, Діана жестоко наказала юнаго *Актеона* за его нескромность. Объ этомъ въ миеологіи находимъ слѣдующее сказаніе:

Актеонъ, страстный охотникъ, съ утра и до глубокой ночи сопровождаемый своими собаками, скитался по горамъ и по доламъ, преслѣдуя оленей, кабановъ и прочихъ дикихъ звѣрей. Страсть къ охотѣ поглотила въ немъ всѣ человѣческія чувства и сердце его никогда не вѣдало любви. Однажды, преслѣдуя кабана въ беотійской долинѣ Гаргафіи, Актеонъ засталъ на берегу рѣки выходившую изъ нея Діану. Стыдливая богиня плеснувъ ему водою въ лице превратила его въ оленя и Актеонъ былъ истерзанъ собственными своими собаками. Кромѣ Актеона жертвами гнѣвной богини были; *Меланиппъ* за преступную связь съ жрицею ея храма *Комито; Хіона* дочь Дедаліона за то, что хвалилась красотою, ставя себя выше Діаны; *Гратіонъ* за нечаянное убіеніе любимой богинею лани; *Гіадъ*, пожранный львомъ; *Пердикка*, угаснувшій отъ сухотки вслѣдствіе безнадежной любви къ родной матери; *Саронъ*, утонувшій въ морѣ, въ которое упалъ преслѣдуя оленя.

Здѣсь остановимся для объясненія прямаго смысла всѣхъ этихъ аллегорическихъ сказаній.

Актеонъ, т. е. блестящій — звѣзда или комета, приблизившаяся въ теченіе своемъ къ лунѣ, а послѣ того быстро исчезнувшая съ небеснаго свода или сокрывшаяся въ кучѣ другихъ звѣздъ (стая собакъ пожирающая оленя). *Меланиппъ* и *Комито* двѣ

звѣзды, померкшія послѣ своего сочетанія; *Хіона* невѣдомая намъ комета, блескомъ своимъ, а можетъ быть и величиною ровнявшаяся лунѣ... *Гіадъ* пожранный львомъ — тоже звѣзда, исчезнувшая въ созвѣздіи этого имени, точно также какъ и *Пердикка* умершій отъ сухотки... Наконецъ и *Саронъ* какая нибудь звѣздочка, исчезнувшая съ небосклона, какъ будто утонувшая въ волнахъ Океана, или просто метеоръ, въ родѣ, такъ называемыхъ, падающихъ звѣздъ. Читателю безъ сомнѣнія извѣстно, что въ глубочайшей древности расположеніе свѣтилъ и созвѣздій на небесномъ сводѣ было совсѣмъ иное, какъ въ наши дни, а явленіе кометъ, новыхъ звѣздъ и исчезновеніе нѣкоторыхъ изъ видимыхъ прежде — случались чаще нежели нынѣ.

Не смотря на данное обѣщаніе хранить дѣвство, Діана впослѣдствіи времени нарушила этотъ обѣтъ и удостоивала любви своей двухъ счастливцевъ: *Эндиміона* и *Оріона*. Первый, внукъ Эола, бога вѣтровъ, былъ пастухомъ и жилъ въ Каріи, на горѣ Латмосѣ. Имя его по гречески значитъ, *спящій*. Каждую ночь Діана, спускаясь съ небесъ, навѣщала спящаго Эндиміона и нѣжно лобзала, не пробуждая отъ сна. По другимъ сказаніямъ Юпитеръ взялъ его на небо, но за неуваженіе его къ Юнонѣ приговорилъ его къ тридцатилѣтнему сну. Въ этомъ спящемъ красавцѣ одни коментаторы видятъ древняго астронома, посвящавшаго свои ночи наблюденіямъ надъ движеніемъ луны; другіе (и это мнѣніе едва ли не основательнѣе) признаютъ Эндиміона за звѣзду-спутницу луны. Что же касается до втораго любовника Діаны, *Оріона*, то въ томъ, что это одно изъ свѣтилъ небесныхъ, не можетъ быть и малѣйшаго сомнѣнія.

Отецъ его Энопей, человѣкъ крайне бѣдный, однажды удостоился чести принимать въ убогой своей хижинѣ Юпитера, Нептуна и Минерву, принявшихъ на себя видъ странниковъ. Радушный бѣднякъ, для угощенія путниковъ, зарѣзалъ единственнаго своего быка и въ награду за это, боги предложили ему просить отъ нихъ какой угодно милости. Энопей попросилъ ихъ, чтобы они дали ему сына, уволивъ однако отъ супруги. Тогда боги взявъ земли и размочивъ со водою, набили этимъ мѣсивомъ кожу убитаго быка и изъ нея вышелъ красавецъ Оріонъ, впослѣдствіи лю-

бимый Діаною и ею же убитый изъ ревности. По другимъ сказаніямъ Оріонъ умеръ отъ уязвленія овода и послѣ смерти взятый на небо былъ помѣщенъ въ созвѣздіи Скорпіона. Кромѣ двухъ упомянутыхъ нами возлюбленныхъ, Діана была благосклонна къ ***Ипполиту*** сыну Тезея и ***Пану*** богу лѣсовъ, являвшемуся къ ней въ видѣ бѣлаго козла.

Нимфы, спутницы Діаны—олицетворенія ночныхъ росъ и нѣкоторыхъ источниковъ въ Греціи. Таковы: сладкоструйная ***Ареѳуза*** или ***Аретуза***, соединившаяся съ ***Алфеемъ; Аура; Пирена*** мать нимфы ***Кенареи;*** и мн. др. Кромѣ исчисленныхъ нами прозвищъ Діаны, древніе называли ее ***Триформидою*** или богинею трехъ видовъ. 1) Діана охотница; 2) она же въ видѣ луны и 3) Діана подземная или Геката. Сообразно этому измѣнялись и изображенія богини. Геката—трехглавое чудовище (головы: лошади, собаки и кабана) съ змѣями вмѣсто волосъ и съ бичемъ въ рукахъ. Ей были посвящены дубъ, собака и число три; для ея умилостивленія древніе приносили ей сточисленныя жертвы (***гекатомбы***). Діану-охотницу изображали въ видѣ молодой стройной дѣвушки, въ короткой туникѣ, съ колчаномъ стрѣлъ за плечами и съ полумѣсяцемъ на головѣ.

Праздниковъ въ честь Діаны въ Греціи было весьма много. ***Амаринтіи***, ***Артемизіи***, на которыхъ въ жертву богинѣ приносили лошака; ***Бендиди***, сопровождавшіяся въ Аѳинахъ возмутительными неблагопристойностями. При праздновавіи ***Брауроній*** въ Греціи, на алтаряхъ зарѣзывали бѣлыхъ козловъ и кромѣ того разсѣкали головы дѣвочкамъ лѣтъ пяти или семи, одѣтымъ въ желтыя платья и собранную кровь сожигали передъ изображеніями богини. ***Канефоріи*** въ Сициліи, сопровождались избіеніемъ собакъ; при ***Каріяхъ*** и ***Калаѳидахъ*** плясали и пѣли. Въ Спартѣ, Ликургъ установилъ праздникъ ***Діамартигозъ***, на которомъ сѣкли дѣтей для пріученія ихъ къ терпѣнію. При ***Элафеболіяхъ*** въ Афинахъ, въ жертву Діанѣ приносили оленей, впослѣдствіи замѣненныхъ изображеніями этихъ животныхъ, выпеченныхъ изъ тѣста [1]. ***Эфезіи***, которыя праздновались при знаменитомъ храмѣ эфезскомъ, сопровождались неумѣрными попойками. Во время двухдневнаго праздника ***Лафрій***, на кострахъ сожигали дикихъ звѣрей и въ случаѣ, если который нибудь изъ нихъ, выбѣжавъ изъ пламени, въ ярости бросался на присутствовавшихъ, они не уклонялись отъ его укушенія, почитая бѣгство за непростительный грѣхъ. ***Лимнатидіи*** были праздникомъ рыболововъ. Во время ***Минихій***, въ храмъ богини, при свѣтѣ факловъ, приносили небольшіе пирожки ***афифанты***, т. е. лучезарные. Остальные праздники второстепенные назывались: ***Немиды***, ***Немораліи***, ***Сароніи*** и ***Ѳаргеліи***. Каждый мѣсяцъ въ вечеръ новолунія аѳиняне справляли ***Гекаторіи***, на которыхъ богатые люди кормили бѣдныхъ великолѣпными ужинами.

(1) Обычай замѣнять живыя жертвы ихъ изображеніями, выпеченными изъ тѣста, въ глубочайшей древности существовалъ на востокѣ и оттуда перешелъ въ Грецію. У насъ жаворонковъ, которыхъ пекутъ въ день 40 мучениковъ (9 марта) можно назвать чисто языческимъ обычаемъ, привятымъ къ быту народному.

Изъ храмовъ Діаны славнѣйшими были Эфезскій и Херсонисо-Таврическій. Первый почитался однимъ изъ семи чудесъ древняго свѣта; его строили 220 лѣтъ по плану знаменитаго архитектора Херсифрона и онъ былъ сожженъ Геростратомъ въ ночь рожденія Александра Македонскаго (6 іюня 356 г. до Р. Х.) Въ храмѣ херсонскомъ совершались человѣческія жертвоприношенія, уничтоженныя ***Орестомъ*** и ***Пиладомъ***. Славнѣйшею жрицею этого храма была сестра перваго, ***Ифигенія***, о которой мы поговоримъ подробно при жизнеописаніи героевъ древняго міра.

Аполлонъ олицетвореніе солнца. Онъ же богъ изящныхъ искуствъ, покровитель художниковъ, артистовъ и поэтовъ, близнецъ Діаны, нѣсколькими часами ея моложе. При появленіи его на свѣтъ на островѣ Делосѣ, нимфы, вышедшія изъ волнъ морскихъ, воспѣли торжественный гимнъ, въ которомъ новорожденнаго превозгласили безсмертнымъ. ***Ѳемида***, богиня правосудія, предложила Латонѣ быть его воспитательницею, три нимфы ***Ѳріи*** вскормили его нектаромъ и амброзіей. Отвѣдавъ этой божественной пищи Аполлонъ почувствовалъ въ себѣ мощь и силу; имѣя не болѣе пяти дней отъ роду, онъ уже побѣдилъ чудовище Пи-

өона и умѣлъ извлекать изъ лиры очаровательные звуки, сливая съ ними чудный свой голосъ. Мѣстопребыванiемъ своимъ онъ избралъ равнину близъ Дельфъ и здѣсь, приказавъ людямъ воздвигнуть себѣ храмъ, установилъ ***Пиөійскія игры*** въ память побѣды своей надъ Пиөономъ.

При заселеніи Олимпа богами и богинями, Аполлонъ обратилъ на себя ихъ вниманіе чудесными своими способностями и дарованіями. Онъ состязался съ Меркуріемъ въ быстротѣ бѣга и обогналъ своего противника; боролся съ Марсомъ и одолѣлъ его. Наконецъ, принятый въ сонмъ боговъ занялъ на Олимпѣ одно изъ почетныхъ мѣстъ. Къ несчастію пребываніе его въ жилищѣ боговъ было непродолжительно. Сынъ его ***Эскулапъ***, воспитанный кентавромъ Хирономъ, былъ убитъ Юпитеромъ за изобрѣтенный имъ способъ воскрешать усопшихъ. Аполлонъ въ ярости стрѣлами своими умертвилъ циклоповъ, выковавшихъ царю боговъ громовую стрѣлу, убившую Эскулапа. За это Аполлонъ былъ изгнанъ съ небесъ на землю на одинъ годъ.

Здѣсь, превращенный въ простаго смертнаго, онъ нашелъ себѣ пріютъ у өессалійскаго царя ***Адмета***; пасъ его стада и обучалъ его пастуховъ правиламъ мирной сельской жизни. Когда Адметъ заболѣлъ при смерти, Аполлонъ спасъ ему жизнь исхитивъ ея нить изъ рукъ завистливыхъ Парокъ. Послѣ того царь влюбился въ Альцесту, дочь царя Пеліаса, внучку Нептуна. Отецъ ея, видя множество искателей ея руки, объявилъ имъ, что выдастъ Альцесту за того изъ нихъ, кто впряжетъ въ ея колесницу двухъ дикихъ звѣрей, Аполлонъ помогъ Адмету впречь ручныхъ: льва и вепря, на которыхъ торжествующій царь и привезъ свою невѣсту въ свои владѣнія. Этимъ благодѣянія Аполлона Адмету не ограничились. Когда отецъ Альцесты Пеліасъ умеръ, братъ ея ***Акастъ*** обвинилъ ее въ отцеубійствѣ, пошелъ войною на Адмета и взявъ его въ плѣнъ, приговорилъ къ смерти. Альцеста, чтобы спасти мужа, сама себя предала въ руки побѣдителю, изъ которыхъ, по просьбѣ Аполлона, ее избавилъ ***Геркулесъ***. Годичный срокъ изгнанія Аполлона кончился; онъ возвратился на Олимпъ, откуда вторично былъ изгнанъ вмѣстѣ съ Нептуномъ за заговоръ противъ Юпитера. Боги изгнанники отправились въ

Троаду и предложили свои услуги царю ***Лаомедону***. Аполлонъ обнесъ его городъ несокрушимыми стѣнами, а Нептунъ укрѣпилъ плотинами. По окончаніи работъ Лаомедонъ отказался отъ уплаты строителямъ обѣщаннаго вознагражденія и за это была почти вся страна опустошена моровой язвою и страшнымъ чудовищемъ, вышедшимъ по мановенію Нептуна изъ волнъ морскихъ. Для прекращенія бѣдствій царь совѣщался съ оракуломъ, который отвѣчалъ ему, что для умилостивленія небесъ необходимо отдать на съѣденіе чудовищу сына или дочь изъ знатнаго рода троянскаго по указанію жребія. Роковой жребій палъ на ***Гезіону*** младшую дочь Лаомедона. Окованная цѣпями она была оставлена на берегу моря, гдѣ ее увидѣлъ Геркулесъ, проѣзжавшій мимо вмѣстѣ съ Аргонавтами и освободивъ возвратилъ отчаянному отцу. Лаомедонъ въ награду предложилъ ему руку дочери и легконогихъ коней, одаренныхъ способностью бѣгать по водяной поверхности. Не желая везти съ собою въ походъ ни невѣсты, ни коней, Геркулесъ, оставивъ ихъ на попеченіе Лаомедона, отправился въ Колхиду. По окончаніи похода, онъ прислалъ къ Лаомедону за невѣстою и за конями ***Теламона***, которому царь не только отказалъ въ требованіяхъ его, но котораго еще и засадилъ въ темницу. Тогда Геркулесъ осадилъ Трою, разрушилъ городъ, убилъ Лаомедона, а дочь его выдалъ за своего друга Теламона.

Эту басню, въ которой главными дѣйствующими лицами являются Аполлонъ, Нептунъ и Геркулесъ нѣкоторые коментаторы истолковываютъ слѣдующимъ образомъ:

Троянскій царь Лаомедонъ обнесъ городъ свой стѣнами и укрѣпилъ плотинами, употребивъ на ихъ сооруженіе деньги, принадлежавшія храмамъ Аполлона и Нептуна—съ обѣщаніемъ возвратить ихъ—чего однако же не исполнилъ. Вскорѣ жестокое наводненіе порвало плотины, разрушило стѣны и покрыло окрестности города вонючимъ иломъ и трупами животныхъ, испаренія отъ которыхъ произвели моровую язву. И въ наводненіи и въ язвѣ народъ видѣлъ проявленія гнѣва Нептуна и Аполлона. Царь сосѣдней страны Геркулесъ помогъ Лаомедону, который отплатилъ ему самой черной неблагодарностью.

По истеченіи двухъ лѣтъ вторичнаго своего изгнанія Апол-

лонъ былъ прощенъ и возвратился на Олимпъ, гдѣ переименованный въ *Феба* получилъ отъ Юпитера должность возничаго колесницы солнца, запряженной четырьмя бѣлыми конями: *Эоусомъ* (востокъ), *Эдономъ* (лучезарный), *Пироусомъ* (жгучій) и *Флегономъ* (пылающимъ). Этихъ же коней называли еще: *Эритресмъ*, *Актеономъ*, *Ламносомъ* и *Филагеемъ*. При наступленіи вечера Аполлонъ отпрягалъ ихъ, а самъ уходилъ въ морскія пучины для отдохновенія. Во время вторичнаго своего пребыванія на землѣ, Аполлонъ ознакомилъ людей съ искуствомъ играть на лирѣ, съ поэзіей, краснорѣчіемъ, изящными художествами, медициною и разнаго рода гаданіями. Сотрудницами его въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія людей были *Музы*, избиравшія своимъ мѣстопребываніемъ попеременно то горы: Парнасъ и Геликонъ, то берега рѣкъ Иппокрены и Пермессы. Онѣ въ числѣ девяти сестеръ, были дочери Юпитера и Мнемозины, богини памяти. Независимо отъ нарицательнаго своего имени, музы имѣли еще многія прозвища. *Аганикіи* или *Аганиппиды* отъ имени ключа Аганиппы, воды котораго обладали свойствомъ вдохновлять поэтовъ; *Аониды*, отъ Аонійскихъ горъ въ Беотіи; *Архесимолпеды* (воспѣвающія); *Ардалиды* отъ пещеры Ардала, сына Вулкана, изобрѣтателя флейты; *Беотійскія богини*; *Геликоніады*; *Гиппокрениды*; *Гіантиды*; *Келициды* отъ рѣки Келисса; *Касталиды*. *Кастальскія дѣвы*; *Камены*; *Кидериды* отъ горы Кидерана въ Беотіи; *Корикиды*, отъ Корики, пещеры у подножія Парнасса; *Либеориды*; *Инемониды*; *Олимпіады*; *Парнассиды*; *Пегассиды*; *Мермессиды*; *Помплеиды*; *Сицилиды*—прозвище данное имъ Виргиліемъ; *Θеспіады*—отъ города Θеспіи въ Беотіи. Первоначально, древніе праздновали только трехъ музъ: *Аэдею*, *Мелету* и *Мнемею*; къ нимъ, впослѣдствіи, присоединили четвертую *Θельксіону*; затѣмъ еще трехъ, наконецъ увеличили ихъ число до девяти. Онѣ были вскормлены вмѣстѣ съ *Кротосомъ* или *Крокосомъ* (стихотворный размѣръ, темпъ) сыномъ нимфы *Эвфиміи* (краснорѣчія) и бога лѣсовъ Пана. Юпитеръ помѣстилъ Кротоса между зодіакальными созвѣздіями, давъ ему лошадиныя ноги (въ знакъ быстроты) и

козлиный хвостъ (знакъ веселости). *Аллоиды* перенесли музъ въ Грецію, гдѣ онѣ удостоились обоготворенія. Вотъ имена ихъ: *Кліо*, *Калліопа*, *Эрато*, *Эвтерпа*, *Мельпомена*, *Полимнія* или *Полигимнія*, *Терпсихора*, *Талія*, и *Уранія*.

Кліо (прославляющая), муза исторіи посвятила себя прославленію подвиговъ великихъ людей и сохраненію отъ забвенія ихъ памяти. Ее изображали въ лавровомъ вѣнкѣ съ книгою въ одной рукѣ и трубою въ другой; у ногъ ея положили свитки хартій и скрижали лѣтописей. За укоризны Венеры въ легкомъ ея поведеніи Кліо была наказана тѣмъ, что почувствовала въ сердцѣ до этого времени безстрастномъ пылкую любовь, плодомъ которой былъ поэтъ *Линъ*.

Калліопа (сладкогласная) создала эпическую поэзію, плѣняя вмѣстѣ съ тѣмъ слушателей увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Отъ Юпитера она родила знаменитаго *Орфея*. Изображенія ея и атрибуты отчасти схожи съ изображеньями и атрибутами Кліо: также лавровый вѣнокъ на головѣ, книга и труба въ рукахъ [1].

Эрато, богиню элегій и любовныхъ пѣснопѣній, изображали въ миртовомъ вѣнкѣ съ лирою въ рукахъ, давая ей въ спутники Амура съ зажженнымъ факломъ и двухъ цѣлующихся голубковъ.

Эвтерпа (чарующая) богиня музыки, изобрѣтательница флейты и духовыхъ инструментовъ; та и другія были неизбѣжными ея атрибутами.

Мельпомена (поющая пѣсни героическія)—муза трагедіи. Ее изображали въ видѣ молодой женщины, съ задумчивымъ лицемъ, одѣтой въ широкую мантію, обутой въ котурны (сапожки съ высокими каблуками, которые въ древности служили обувью трагическимъ актерамъ) съ кинжаломъ въ одной рукѣ и страшной маской въ другой. Спутниками ея почитали *Ужасъ*—сына Марса и Венеры, *Жалость* и *Сострадание* съ кедровою вѣтвію въ рукахъ и вороною у ногъ.

---

(1) Кромѣ Орфея, дѣтьми Юпитера и Калліопы, древніе называли: Карибантовъ, Ахелоя. Сиренъ и Ялмена—бога мрачныхъ пѣснопѣній, незримо присутствовавшаго при поминовеніяхъ усопшихъ.

Полимнія или ***Полигимнія*** (многопѣсенница) богиня поэзіи лирической, изобрѣтательница легкихъ пѣсенокъ, диѳирамбовъ (вакхическихъ пѣсенъ) и гармоніи. Въ бѣломъ одѣяніи и царскомъ вѣнцѣ, съ вытянутою впередъ правою рукою, Полимнія въ лѣвой держитъ свитокъ, на которомъ римляне начертывали слово suadere (убѣждать). Эта же муза была покровительницею пѣвцовъ и пѣвицъ.

Терпсихора (чарующая пляскою), муза танцевъ, изображаемая древними въ видѣ пляшущей красавицы, съ гирляндою или бубнами въ рукахъ. Она была матерью ***Реза***, одного изъ героевъ Иліады и ***Бистона***—героя ѳракійскаго.

Талія (подруга пиршествъ), муза комедіи, эпиграммы невинныхъ забавъ и веселья. Плющевый вѣнокъ, смѣющаяся маска и обезьяна (символъ подражанія), неизбѣжные ее атрибуты. Веселье и смѣхъ — области Таліи, какъ грусть и слезы — Мельпомены. Прозвища жрецовъ Таліи и Мельпомены, навсегда усвоены артистами комическими и трагическими, также точно какъ прозвища жрицъ Терпсихоры усвоено танцовщицами.

Уранія (небесная) была музою астрономіи, математики и вообще точныхъ наукъ, къ которымъ впослѣдствіи примѣшали умозрительную астрологію и гаданіе. Въ голубой мантіи, въ вѣнкѣ изъ звѣздъ, Уранію окружали математическими инструментами и свитками хартій. Впрочемъ изображенія музъ не всегда одинаковы на памятникахъ древности; онѣ измѣнялись сообразно вкусу художниковъ. Значеніе девяти музъ въ гражданскомъ быту древней Греціи—было высокое, а служеніе имъ—первымъ признакомъ цивилизаціи этой страны.

Аполлонъ встрѣтилъ прелестныхъ сестеръ на вершинѣ Парнаса, дружелюбно привѣтствовалъ ихъ и предложилъ составить одну братскую общину, подъ его председательствомъ. На это предложеніе музы съ удовольствіемъ согласились. Въ самое то время, когда они совѣщались, въ воздухѣ появился крылатый конь, опустившійся на вершину скалы, изъ которой отъ прикосновенія его копыта брызнулъ ключъ ***Иппокрены***, вдохновляющій поэтовъ. Аполлонъ удержалъ коня на мѣстѣ однимъ своимъ взглядомъ: конь этотъ былъ ***Пегасъ***, котораго до того времени пытались

укротить Нептунъ и Минерва для ***Беллерофона***, сына Главка, царя эпирскаго. Здѣсь необходимо сдѣлать небольшое отступледля разсказа о чудесномъ Погасѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Пегасъ и его происхожденіе. — Беллерофонъ.—Его битва съ Химерою. — Объясненіе этого миѳа. — Странствованіе Аполлона и музъ.—Піериды.—Тамиридъ.—Пириней.—Служеніе музамъ въ Греціи.—Мидасъ и его ослиныя уши.—Говорящіе тростники.—Объясненіе этой сказки.—Марсій.—Левкотея.—Карманоръ.—Янисъ. — Гедаліонъ.—Кипарисъ.—Эпитъ.—Гіацинтъ.—Ботресъ.—Двѣнадцать небесныхъ домовъ Аполлона и соотвѣтствующіе имъ знаки зодіака.—Растенія, звѣри и птицы посвященные Аполлону.

Медуза, царица Горгонъ была обезглавлена ***Персеемъ*** и изъ крови ея родился Пегасъ, котораго Минерва желала отдать Беллерофону изобрѣтателю искуства вѣрховой ѣзды. Беллерофонъ убилъ нечаянно на охотѣ брата своего Беллера (***Беллерофонъ***: убійца Беллера), бѣжалъ къ аргосскому царю ***Прету*** или ***Проклу***. Здѣсь въ него влюбилась супруга царя ***Антея*** или ***Стеновея*** и въ отмщеніе за равнодушіе къ себѣ Беллерофона, оклеветала его передъ мужемъ въ преступномъ будто-бы покушеніи па ея цѣломудріе. Антей, не говоря ни слова своему гостю, послалъ его въ Ликію къ тестю своему царю ***Іовату*** съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ его о преступленіи Беллерофона, просилъ его отомстить мнимому обольстителю своей супруги (1). Іоватъ принялъ Беллерофона какъ нельзя лучше и девять дней

---

(1) Посланіемъ Беллерофона донынѣ называютъ письмо, въ которомъ содержатся непріятности для его подателя, которому содержаніе его невѣдомо.

тѣшилъ его всякими пиршествами и забавами; на десятый же день прочитавъ письмо зятя предложилъ своему гостю выйдти на единоборство съ чудовищемъ *Химерою*, дочерью Тифона и Ехидны; сестрою: *Орка*, *Цербера*, *Гидры Лернской*, *Сфинкса* и *Немейскаго льва*. Химера имѣла голову львиную, туловище козы и извилистый хвостъ дракона, непомѣрной длины... Таково алегорическое изображеніе химеры, т. е. несбыточной мечты, и можно ли лучше изобразить ее? Подобно сильному льву, она овладѣваетъ разумомъ, какъ рѣзвая коза, уносится съ нимъ вдаль и наконецъ опутываетъ и душитъ его какъ змѣй въ своихъ кольцахъ! И кто изъ насъ, подобно Беллерофону не боролся или не борется каждый со своей химерою; а изъ множества надеждъ, которыми мы стараемся пополнить пустоту жизни большая часть не тѣ ли химеры? Миѳологическое чудовище, химера—ужасала всю страну, но Беллерофонъ ни мало не смущаясь, сѣвъ на Пегаса, даннаго ему Минервою (благоразуміемъ), побѣдилъ его точно также какъ впослѣдствіи побѣдилъ Солимовъ, Амазонокъ и Ликійцевъ. За эту побѣду Іоватъ выдалъ за Беллерофона дочь свою *Ахемону* и объявилъ его своимъ наслѣдникомъ; но Беллерофонъ, негодуя на него, просилъ Нептуна опустошить его царство наводненіемъ.. Однако же Нептунъ, тронутый мольбами женъ ликійскихъ, пощадилъ страну. Гордясь побѣдой надъ Химерою Беллерофонъ вздумалъ взлѣтѣть на небо на крылатомъ своемъ Пегасѣ, но Юпитеръ послалъ ему на встрѣчу овода, который уязвилъ коня и сброшенный съ него Беллерофонъ убился, оставивъ послѣ себя многочисленное потомство. Доказывать ли нравоученіе этой басни? Человѣкъ можетъ силой ума побѣдить мечту несбыточную, но никогда умомъ этимъ не долженъ возноситься выше того предѣла, который показанъ ему Богомъ. Беллерофонъ побѣдилъ Химеру, а самъ погибъ вслѣдствіе уязвленія его коня ничтожнымъ оводомъ. Не напоминаетъ ли эта развязка его исторіи, жизни человѣка умнѣйшаго, оканчивающейся помѣшательствомъ?

Теперь возвратимся къ Аполлону и его пріятельницамъ музамъ. Сѣвъ на Пегаса, они прилетѣли ко двору *Бахуса* и здѣсь, на первый случай, вступили въ состязаніе съ девятью *Піеридами*, дочерьми царя македонскаго *Піера*, превосходными пѣвицами и декламаторшами. Нимфы, избранныя въ посредницы между состязавшимися, объявили побѣдительницами—музъ... Раздосадованныя Піериды хотѣли было изувѣчить и избить соперницъ, но были превращены Аполлономъ въ сорокъ—птицъ, напоминающихъ стрекотаньемъ болтовню говорливыхъ женщинъ. *Тамиридъ*, подобно Піеридамъ, осмѣлившійся состязаться съ музами, былъ ими побѣжденъ: онѣ лишили его зрѣнія, голоса и разбили въ дребезги его лиру, которою онъ такъ искусно владѣлъ. Странствуя изъ одного царства въ другое, музы, послѣ того, посѣтили *Пиринея*, царя фокидскаго, который принялъ ихъ весьма радушно и пригласилъ для отдохновенія въ свой дворецъ. Музы приняли его предложеніе, но здѣсь Пириней вздумалъ отважиться на насиліе надъ своими гостьями. Музы спаслись, улетѣвъ изъ дворца; Пириней, вообразивъ, что можетъ летать подобно имъ, бросился за ними въ погоню съ высокой кровли своего дворца и разбился. Коментаторы объясняютъ эту басню истиннымъ событіемъ: Пириней былъ грубый невѣжда, гонитель всего изящнаго, жизнію поплатившійся за свое мракобѣсіе...

Послѣ каждаго путешествія своего, музы возвращались на Парнассъ, гдѣ собесѣдницами ихъ были нимфы: *Корициды*, *Кассотія* и *Касталія*, давшія свои имена источникамъ Кассотидѣ и Кастальскому.

Въ Греціи и въ Македоніи музы удостоивались особеннаго обожанія; ихъ храмъ въ Аѳинахъ отличался богатствомъ и великолѣпіемъ, три храма *Каменъ* въ Римѣ пользовались громкою извѣстностью. *Музеи*, праздники музъ въ Греціи, привлекали тысячи посѣтителей; ѳеспійцы чествовали богинь празднествами, каждыя пять лѣтъ. Въ Римѣ имена музъ призывали въ началѣ и при окончаніи пиршествъ. Каждому поэту древности вмѣнялось въ обязанность, начиная оду или героическую поэму, непремѣнно призывать которую нибудь изъ девяти парнасскихъ сестеръ. Примѣру древнихъ слѣдовали и донынѣ слѣдуютъ позднѣйшіе и новѣйшіе поэты.

Аполлонъ по возвращеніи на небо нерѣдко посѣщалъ землю, какъ для похожденій любовныхъ, такъ и для наказанія смерт-

ныхъ, дерзавшихъ навлекать на себя его гнѣвъ. Изъ таковыхъ, прежде прочихъ, назовемъ ***Мидаса*** и сатира ***Марсія.***

Фригійскій царь Мидасъ, былъ сыномъ Горгія или Гордія, и славился несмѣтными своими богатствами, источниками которыхъ были рудники и золотоносная рѣка Пактолъ.

Его избрали въ цари вслѣдствіе предсказанія волхвовъ его отцу, бѣдному земледѣльцу, на соху котораго однажды спустился орелъ. Въ память этого знаменательнаго событія, Мидасъ посвятилъ Юпитеру колесницу, на которой, по избраніи своемъ въ цари, прибылъ въ Фригію. Другомъ его былъ ***Панъ***, богъ лѣсовъ, искусный игрокъ на свирѣли, флейтѣ и лирѣ и весьма пріятный пѣвецъ. Хвалясь однажды своимъ искуствомъ, Панъ объявилъ Мидасу, что онъ талантливѣе самого Аполлона и предложилъ богу состязаніе, взявъ въ судьи Мидаса и разбойника Тмола, его пріятеля. Послѣдній, прослушавъ конкурентовъ, отдалъ предпочтеніе Аполлону, Мидасъ — Пану. Въ отмщеніе за это, Аполлонъ превратилъ уши фригійскаго царя въ ослиныя, которыя бѣдный Мидасъ принужденъ былъ прятать подъ своей короною, тщательно скрывая свое безобразіе отъ всѣхъ окружающихъ, кромѣ своего брадобрѣя, съ котораго взялъ клятву: никому въ мірѣ не говорить, что у царя Мидаса ослиныя уши. Первые дни брадобрѣй крѣпился и клятвы своей не нарушалъ, но тамъ, чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе его тяготила царская тайна, а на языкѣ вертѣлись постоянно слова: „у царя Мидаса ослиныя уши!“ Дошло до того, что брадобрѣй, для успокоенія совѣсти, рѣшился довѣрить тайну землѣ. Онъ вырылъ ямку на берегу рѣки, шепнулъ въ эту ямку о секретѣ и засыпалъ ее землею. Черезъ нѣсколько дней тростники, росшіе на берегу, вмѣсто своего однообразнаго, сухаго шелеста, очень явственно стали выговаривать:

— У царя Мидаса ослиныя уши!

Благодаря говору тростниковъ, молва разнеслась по всему царству. Какому наказанію подвергся нескромный брадобрѣй объ этомъ миѳологія умалчиваетъ. Сказаніе это истолковываютъ слѣдующимъ образомъ: царь Мидасъ, имѣвшій претензію слыть знатокомъ въ изящныхъ художествахъ и покровителемъ артистовъ, ни мало не смысля въ музыкѣ, призналъ геніальнымъ какого-то бездарнаго музыканта въ ущербъ истинно даровитому его сопернику. Люди просвѣщенные возмутились этой несправедливостью, но не смѣли протестовать гласно, а передали невѣжество Мидаса на позоръ потомству путемъ письма. Древніе писали заостренными тростинками и эти орудія письма дѣйствительно разболтали тайну Мидаса. Наказаніе этого невѣжды Аполлономъ было шуточное; но не такъ великодушно поступилъ богъ изящныхъ искуствъ съ сатиромъ ***Марсіемъ.*** Встрѣтивъ его въ Низѣ, Аполлонъ принялъ его вызовъ состязаться съ нимъ въ игрѣ на флейтѣ, съ условіемъ, чтобы побѣжденный былъ отданъ на произволъ побѣдителя. Судьями избраны были низійцы и музы. Первый игралъ Марсій и удивилъ своей игрою всѣхъ слушателей; но Аполлонъ своимъ пѣніемъ и игрою на лирѣ привелъ ихъ въ восторгъ и былъ признанъ побѣдителемъ. Пользуясь своимъ правомъ онъ привязалъ Марсія къ дереву и содралъ съ него живаго, кожу. Изъ слезъ или изъ крови несчастнаго образовалась рѣка, носившая его имя. Той же участи Аполлонъ хотѣлъ подвергнуть и брата его ***Бабиса***, но пощадилъ его по просьбѣ Минервы. Кожу Марсія долгое время сохраняли въ Киленѣ и по древнему повѣрью она обладала свойствомъ дрожать при звукахъ флейты и оставаться неподвижною когда близъ нея играли на лирѣ. Въ Римѣ въ честь Марсія были воздвигнуты статуи на форумѣ, на которые адвокаты возлагали вѣнки послѣ удачныхъ рѣчей въ защиту своихъ кліентовъ.

Изъ прочихъ лицъ обоего пола, навлекшихъ на себя гнѣвъ или милость Аполлона, назовемъ: ***Артенику***, превращенную имъ въ птицу ***Ацфію***; стараго пастуха ***Крагалея*** — превращеннаго въ скалу; ***Мегалитора*** — въ ихневмона; рыбака ***Помпалія*** — въ раковину и ***Левкатею***, погибшую жертвою сластолюбія Аполлона. Съ высокаго мыса Левката она бросилась въ море, чтобы избавиться отъ докучливыхъ преслѣдованій бога и въ ея память Аполлонъ назвалъ этотъ мысъ ея именемъ. Въ древности онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность частыми самоубійствами влюбленныхъ и ***скачки Левкатеи*** съ выступа мыса въ морѣ, долгое время были въ модѣ между молодежью, даже какъ увидимъ были облечены въ форму обряда религіознаго.

Изъ именъ любимцевъ Аполлона можно составить довольно

длинный списокъ: *Карманоръ*, *Яписъ*, *Дедаліонъ*, *Кипарисъ*, *Эпитъ*, *Гіацинтъ* и *Ботресъ*. Съ каждымъ изъ этихъ именъ сопряжено любопытное сказаніе. Карманоръ омылъ Аполлона послѣ убіенія послѣднимъ Пифона. Япису, въ знакъ своего благоволенія богъ предложилъ свои лукъ, стрѣлы и даръ прорицанія, но Яписъ взамѣну всего этого просилъ у Аполлона только способности врачевать и то единственно для спасенія жизни больному своему отцу, престарѣлому Язусу. Дедаліонъ, отецъ Хіонеи огорченный ея смертью, бросился съ вершины Парнасса, но Аполлонъ, удержавъ его въ воздухѣ отъ паденія, превратилъ его въ ястреба. Кипарисъ, сынъ Аниклеи, пользовавшійся расположеніемъ Аполлона за свою необыкновенную стройность и красоту, былъ имъ нечаянно убитъ на охотѣ. Желая увѣковѣчить память своего друга, Аполлонъ превратилъ его въ соименное ему дерево (Cypressus sempervirens *L*)—символъ скорби, осѣняющій могилы. Эпитъ былъ уязвленъ на охотѣ змѣею Сепсою, давшею имя свое той странѣ, гдѣ онъ погибъ... Гіацинта, Аполлонъ оплакивалъ болѣе всѣхъ прочихъ своихъ любимцевъ. Кромѣ Аполлона его особенно любилъ *Зефиръ*, а по инымъ сказаніямъ *Борей*. Ревнуя Гіацинта къ Аполлону, тотъ или другой, во время игры друзей въ диски, отнесъ своимъ дуновеніемъ дискъ Аполлона въ голову Гіацинта и юноша былъ убитъ на мѣстѣ. Безутѣшный Аполлонъ помѣстилъ его между звѣздами, а изъ его крови создалъ прелестный цвѣтокъ (Hyacynthus comosus *L*), въ чашечкѣ котораго до нынѣ сохранились заглавныя буквы его имени I. A. Спартанцы чествовали память Гіацинта трехдневными празднествами: первые два дня они оплакивали его кончину, третій посвящали веселью и пиршествамъ. Ботресъ снискалъ любовь Аполлона за то, что онъ съѣлъ мозгъ принесенной ему жертвы. Отецъ Ботреса разгнѣванный этимъ, убилъ его, въ чемъ вскорѣ раскаялся... Аполлонъ, желая утѣшить его, превратилъ Ботреса въ птицу *арапуса*.

Аполлонъ, какъ олицетворенное дневное свѣтило, имѣлъ на небесахъ двѣнадцать домовъ, въ которыхъ пребывалъ поочередно въ теченіе каждаго изъ двѣнадцати мѣсяцевъ образующихъ годъ. Въ мартѣ овъ занималъ созвѣздіе *Овна*, того самаго златоруннаго овна, который былъ виновникомъ похода Аргонавтовъ. *Телецъ* (апрѣль) былъ тотъ самый, въ котораго превратился Юпитеръ для похищенія Европы. *Близнецы* (май) Касторъ и Поллуксъ, дѣти Леды и Юпитера. *Ракъ* (іюнь) устрашилъ Геркулеса во время его борьбы съ гидрою Лернскою. *Левъ* (іюль)—левъ Немейскій. *Дѣва* (августъ) Ѳемида, Астрея или Эригона; созвѣздіе символа правосудія, соотвѣтствовало сентябрю; за нимъ слѣдовалъ *Скорпіонъ* (октябрь) мѣсяцъ гибельный (formidulosus) для рожденныхъ подъ его созвѣздіемъ. Стрѣлецъ (ноябрь) никто другой какъ кентавръ Хиронъ; *Козерогъ* (декабрь) Амальоея, кормилица Юпитера; *Водолей* (январь)—Ганимедъ, кравчій царя боговъ; наконецъ *Рыбы* (февраль) были тѣ самыя, на которыхъ Венера и Амуръ переплыли Евфратъ, спасаясь отъ преслѣдованій Тифона.

Того же Аполлона древніе обожали подъ именемъ Миѳры, въ честь котораго совершали особенныя таинства. Мы говорили о нихъ при обзорѣ религіи древнихъ Персовъ (Томъ III). Изъ растеній Аполлову были посвящены: пальма, олива (Olea europaea *L*) лавръ (Laurus nobilis *L*), лотосъ и можевельникъ (juniperus *L*), кипарисъ, миртъ, подсолнечникъ, гіацинтъ, геліотропъ; изъ звѣрей и птицъ: пѣтухъ, лебедь, ястребъ, грифъ, воронъ, ворона, фламинго, левъ и волкъ. Обзору праздниковъ посвящаемъ слѣдующую главу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Праздники въ честь Аполлона.—Его изображенія.—Храмъ Дельфійскій.—Славнѣйшіе ихъ жрецы.—Капища.—Оракулы.—Гаданія.—Суевѣріе древнихъ.—Авгуры.—Примѣты и повѣрья.—Пиѳіи.—Причины экстаза пиѳій.—Додонская роща.—Прорицаніе звонками.—Пещера Трофонія.—Обряды совѣщанія съ оракуломъ.—Имена древнѣйшихъ волхвовъ.

Въ Акціумѣ—каждые три года, въ Римѣ—каждыя пять лѣтъ

праздновались *Актіатическія игры*, въ память побѣды Августа надъ Антоніемъ. *Адрастіи* — въ Греціи; *Аполлинаріи* (въ Римѣ), на которыхъ въ жертву Латонѣ приносили телку съ позолоченными рогами, а Аполлону быковъ и бѣлыхъ козлятъ. Ежегодныя *Аполлоніи* въ Эгіалеѣ были установлены въ память освобожденія города отъ моровой язвы, которою Латона наказала жителей, не успѣвшихъ дать пріюта ей и ея дѣтямъ. При Аполлоніяхъ въ храмъ Латоны, Діаны и Аполлона въ процессіи шли семь мальчиковъ и семь дѣвочекъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ. *Карнеи* воинскіе праздники въ Лакедемонѣ, совершавшіеся въ каждое полнолуніе, сопровождались борьбою атлетовъ, музыкою и чтеніемъ стиховъ. Жрецамъ-карнеотамъ, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ ихъ вступленія на службу, было воспрещено жениться. *Каррусели* — бѣги колесницъ были установлены Цирцеею, именовавшеюся дочерью солнца. *Дафнефоріи* (въ Беотіи) праздновались каждыя девять лѣтъ. Изъ города къ храму Аполлона-Исменійскаго шла длинная процессія молодыхъ людей съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ. Предводитель шествія несъ длинныя вѣтви лавра и оливы, переплетенныя цвѣтами, на вершинѣ которыхъ былъ прикрѣпленъ мѣдный шаръ, съ привѣшенными къ нему 365 коронками: шаръ былъ символомъ солнца, а коронки символами дней. *Деліи* (въ Аѳинахъ) въ честь Аполлона Делія или Делосскаго; *Дельфиніи* (по всей Греціи въ іюлѣ мѣсяцѣ). *Эпидеміи* праздновались всенародно на Делосѣ, въ Дельфахъ, въ Милетѣ и частнымъ образомъ въ каждомъ семействѣ, при возвращеніи кого либо изъ родныхъ изъ дальняго путешествія. Во время *Галаксій* въ жертву Аполлону приносили ячменныя лепешки; *Галіями* на островѣ Родосѣ назывались праздники въ честь рожденія солнца; при *Гекатомбеяхъ* въ Аѳинахъ, на жертвенникахъ сожигали сотню быковъ; *Геліакіи* (праздники солнца), грекамн были заимствованы у персовъ и жителей Каппадокіи. *Гіацинтіи* въ Лакедемонѣ — три дня скорби и стенаній по любимцѣ Аполлона—Гіацинтѣ, имъ же самимъ нечаянно убіенномъ. *Мелитніи* и *Митиленіи* — празднества мѣстныя, установленныя жителями Мелиты и Митилены въ память ихъ благополучнаго переселенія въ эти мѣстности. *Неоминіи* въ Греціи, *Календы* въ Римѣ—были праздники новолунія, въ которыхъ безъ различія принимали участіе какъ бѣдные, такъ и богатые, *Поліеи* въ честь Аполлона Полинса (сѣраго) праздновались въ Ѳивахъ, а *Піанепсіи* въ седьмой день октября—въ Аѳинахъ. На этомъ праздникѣ богу приносили вареные бобы. *Пиѳійскія игры* праздновались по всей Греціи, сначала каждые девять лѣтъ, а впослѣдствіи чрезъ четыре года на пятый. Состязатели, по древнимъ сказаніямъ, состояли единственно изъ музыкантовъ. Установленіе этихъ игръ приписываютъ самому Аполлону, Діомиду или Амфиктіону. На первомъ праздникѣ удостоились получить лавровыя вѣтви изъ рукъ самого Аполлона: Касторъ, Поллуксъ, Калаисъ, Геркулесъ, Зеостъ, Теламонъ и Пелей, отецъ Ахиллеса. Они отличились въ борьбѣ, конскомъ ристаніи, пѣшемъ бѣгѣ и метаніи дисковъ. *Септеріи* праздновались въ Дельфахъ каждыя семь лѣтъ. На этихъ празднествахъ брали приступомъ храмъ Аполлона. *Ѳаргеліи* въ Аѳинахъ совершались въ честь солнца и луны (Аполлона и Діаны), подателей плодовъ и разнаго рода овощей и хлѣбовъ; то и другое приносили въ жертву богу и богинѣ. Въ первыя времена существованія Греціи на Ѳаргеліяхъ совершались человѣческія жертвоприношенія. *Ѳеофаніи* въ Дельфахъ были установлены въ память перваго появленія Аполлона на землѣ. *Ѳеоксеніи* — праздники гостепріимства учреждены были въ Палонѣ Касторомъ и Поллуксомъ. Только туземцамъ предоставлено было право принимать участіе въ игрищахъ на этихъ праздникахъ, оканчивавшихся жертвоприношеніемъ всему сонму боговъ. *Ѳріямми*, во всей Греціи, назывались праздники въ честь Аполлона-волхва или гадателя.

Объ изображеніяхъ Аполлона особенно не распространяемся потому, что всѣ они болѣе или менѣе знакомы читателю. Изъ древнихъ его статуй славнѣйшими были: *Родосская* (колоссъ Родосскій) въ 500 футовъ вышины. Начатая Харесомъ (за 300 л. до Р. Х.), она была окончена Лахисомъ послѣ двѣнадцатилѣтней работы; *Делосская* — была въ 24 фута, а заказанная Нерономъ и сооруженная въ Римѣ — 120 футовъ. Славнѣйшая изъ всѣхъ, безспорно, статуя *Аполлона Бельведерскаго*, донынѣ служащая типомъ безукоризненной мужской красоты. Апол-

лопа-солнца изображали всегда на лучезарной колесницѣ, везомой четырьмя конями и окруженной атрибутами дневнаго свѣтила, въ числѣ которыхъ находится и пѣтухъ—вѣстникъ близкаго восхода солнечнаго.

Изъ храмовъ Аполлона особенно *Дельфійскій*, при которомъ находилось знаменитое капище съ оракуломъ. Жрецы его: *Хризъ*, *Эванхъ*, *Аварисъ*, *Оаній*, *Кранотъ* и *Меланиппъ* заслуживаютъ упоминанія. Хризы,—дѣдъ и внукъ играютъ довольно важныя роли въ Иліадѣ, первымъ былъ отцомъ красавицы Хризеиды, рабыни Ахиллеса, изъ за которой сынъ Пелея поссорился съ Агамемнономъ. Отъ послѣдняго Хризеида родила сына Хриза. Тайну рожденія отъ него скрывала до того дня, когда, будучи жрецомъ храма Аполлона въ Смирнѣ, онъ узналъ о своемъ происхожденіи отъ Ореста и Ифигеніи, прибѣжавшихъ съ похищенною ими статуей Діаны изъ Херсонеса Таврическаго. По ихъ совѣту онъ отправился въ Микену за отцовскимъ наслѣдствомъ. Эвангъ, верховный жрецъ Аполлова въ Исмарѣ, былъ отцомъ *Марона*, радушнаго хозяина котораго посѣтилъ Улиссъ, угощенный Марономъ, отличнымъ виномъ. Аварисъ, родомъ скиѳъ, удостоился чести попасть въ жрецы за то, что воспѣлъ путешествіе Аполлона въ страну Гиперборейцевъ. Богъ наградилъ его даромъ прозорливости и золотой стрѣлою, съ помощью которой Аварисъ леталъ по воздуху. Онъ умѣлъ предсказывать землетрясенія, утишалъ бури, прогонялъ моровыя повѣтрія, а окрестности Лакедемона на всегда отъ нихъ очистилъ. Древніе говорили о немъ будто онъ живя на свѣтѣ не вкушалъ никакой пищи. Изъ костей Пелопса онъ выточилъ статую Минервы (Паллады) съ копьемъ въ одной рукѣ и веретеномъ въ другой, двигавшуюся подобно живому существу. Этого автомата жители Трои купили у Авариса въ полной увѣренности, что она спустившаяся съ небесъ. Впослѣдствіи съ этой статуею или палладіумомъ была сопряжена участь царства троянскаго. Аній былъ отцомъ трехъ дочерей, одаренныхъ Бахусомъ способностями превращать въ вино, въ хлѣбъ и въ елей все къ чему бы ни прикасались. Сообразно этому дочери Анія и назывались: *Эно* (вино), *Спермо* (зерновый хлѣбъ) и *Элейя* (растительное масло). Когда овѣ не пожелали слѣдовать

за Агамемнономъ въ троянскій походъ, Вахусъ обратилъ ихъ въ трехъ голубокъ, а отецъ ихъ бѣжалъ въ Трою. Кринитъ, въ началѣ своего жреческаго поприща, пренебрегалъ своими обязанностями и за это былъ наказанъ Аполлономъ, наславшимъ на его поле множество крысъ и мышей. За чистосердечное раскаяніе Кринита, богъ истребилъ ихъ своими стрѣлами и наградилъ его сторичною жатвою.

Меланиппъ жрецъ Аполлона въ Киренѣ былъ убитъ тираномъ Ніократомъ. Изъ жрицъ особенно славилась *Деліада* на Делосѣ и *Пановея* въ Акритѣ. Имена жрицъ и жрецовъ были разныя, смотря по мѣстностностямъ; такъ въ храмѣ Дидима ихъ называли *Бронхидами*, у римлянъ *Фебадами*, въ нѣкоторыхъ городахъ Греціи *Энгастриманѳами* (чревовѣщателями).

Храмы и капища Аполлона были для всей Европы разсадниками гибельной для человѣчества склонности къ гаданіямъ и волхованію. Способы древнихъ угадывать будущее состояли въ *оракулахъ*, *гаданіяхъ*, *авгурахъ* и *авруспиціяхъ* (въ Римѣ). Во второй части этой исторіи мы подробно поговоримъ объ этомъ видномъ предметѣ, здѣсь же ограничимся бѣглымъ обзоромъ славнѣйшихъ оракуловъ Греціи и Рима и всего прежде объяснимъ значеніе слова оракулъ.

Въ буквальномъ смыслѣ, оракуломъ называли идола божества, изрекавшаго прорицанія; въ переносномъ смыслѣ это имя давалось всякому устному или письменному пророчеству. Относительною характеристическою чертою оракуловъ древности—была двусмысленность ихъ отвѣтовъ на предназначенные вопросы; отвѣтовъ, которые *послѣ событій* истолковывались жрецами разумѣется въ пользу прорицанія. Возьмемъ для примѣра самый обыкновенный вопросъ. Положимъ, у оракула спрашивали: будетъ-ли завтра дождь? и получали въ отвѣтъ: завтра мостовая будетъ увлажена. Въ случаѣ дождя оракулъ былъ правъ, и не лгалъ въ случаѣ засухи и ясвой погоды, когда во избѣжаніе пыли мостовую поливали водой. Точно въ такомъ же родѣ бывали отвѣты оракуловъ и на важнѣйшіе вопросы.

Что касается до гаданій, то для исчисленія ихъ понадобилось бы написать нѣсколько томовъ. Для суевѣрія вся вселенная,

весь міръ божій были и суть книги, написанныя таинственными пророческими письменами. Небо съ его свѣтилами, воздухъ, земля, вода, растенія, звѣри, птицы, насѣкомыя и самъ человѣкъ—неистощимые источники для суевѣрныхъ примѣтъ и гаданій. Христіанство, а съ нимъ и здравый смыслъ, подъ сѣнію креста, боролись и донынѣ борятся съ суевѣріемъ, но когда же, наконецъ, они одолѣютъ этого врага, налагающаго путы на разумъ человѣческій? Суевѣріе, будто ползучее растеніе, прилелось къ самому древу креста; оно распространило свои побѣги во всѣ сферы общества и нѣтъ кажется человѣка въ мірѣ, чуждаго повѣрьямъ или примѣтамъ. У каждаго сословія свои причуды: человѣкъ простой вѣритъ въ порчу, въ лѣшихъ, въ домовыхъ; люди развитые, смѣясь надъ нимъ, вертятъ столы и очень серьезно толкуютъ о спиритизмѣ. Августъ, цесарь Римскій, жившій за 1872 года до нашего времени, въ одно прекрасное утро обулъ лѣвую ногу прежде правой и послѣ того хмурился весь день, опасаясь несчастія. Смѣшно. А между тѣмъ изъ насъ людей просвѣщенныхъ, рѣдкій сядетъ тринадцатымъ за столъ, или не встрѣвожится увидя три свѣчки, разбитое зеркало или просыпанную солонку.

Авгурами въ древнемъ Римѣ называли какъ жрецовъ-прорицателей, гадавшихъ по полету птицъ, явленіямъ естественнымъ, метеорамъ; такъ равно и самыя примѣты. Знаніе вѣдуновъ или вѣщая, авгуральная наука по мнѣнію иныхъ была изобрѣтена въ Каріи ***Каресомъ***; но мнѣніе это ошибочно, она существовала на востокѣ съ незапамятныхъ временъ. Въ Римѣ, вначалѣ, народъ вѣрилъ авгурамъ, да и сами они вѣрили въ свое знаніе; но въ послѣдніе годы бытія имперіи, авгуры безстыдно морочили легковѣрныхъ и, по словамъ историка, безъ смѣха не могли смотрѣть другъ на друга. Добрая и злая примѣта были олицетворены и назывались божествами. Первую изображали въ видѣ статнаго, молодаго человѣка, съ открытымъ, веселымъ лицемъ, въ зеленой туникѣ, съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ, украшенной звѣздою. Злую примѣту олицетворяли въ видѣ угрюмаго старика, въ туникѣ цвѣта блеклыхъ листьевъ, съ жезломъ въ рукѣ и съ ласточкою (звѣремъ) у ногъ. Ромулъ, независимо отъ авгуровъ, установилъ греческую касту ***аруспиціевъ***, гадавшихъ по внутренностямъ жертвъ. Изъ многаго множества примѣтъ, въ которыя вѣрѣли древніе, особеннымъ уваженіемъ пользовались: случайно сказанныя слова (***Фэменъ***, ***Кледона*** у грековъ, ***Оменъ*** или ***Орименъ*** у римлянъ), дрожаніе сердца, подергиваніе бровей, звонъ въ ушахъ, чиханіе, нечаянное паденіе, пріятная или непріятная встрѣча съ людьми или животными, крикъ птицъ.

Изъ оракуловъ Аполлона славнѣйшіе находились въ городахъ: ***Авп***, ***Афитисъ***, ***Аполлоніи***, ***Милетъ***, ***Делосъ***, ***Дельфахъ*** и ***Патаръ***; изъ оракуловъ Юпитера, соперничавшихъ съ первыми: оракулы ***Додонской рощи***, ***степи Аммона*** и ***пещеры Трофонія***. Жрицы прорицательницы капищъ Аполлона назывались ***пиѳіями*** или ***февадами***. Изъ нихъ особенно прославилась ***Фемоноя***, жившая около 1284 г. до Р. Х. Пиѳій называли также и ***евхолніями*** (сидящими на треножникахъ), по той причинѣ, что по склону горы Парнаса, на которомъ былъ расположенъ городъ Дельфы, находилась пещера, изъ которой излетали одуряющіе газы, вдыхая которые пиѳія, сидѣвшая на треножникѣ, приходила въ опьяненіе и въ этомъ состояніи изрекала свои пророчества. Бывали примѣры, что прорицательницы угарали до безпамятства и съ треножниковъ падали въ пропасть, находившуюся въ пещерѣ. Пиѳія пророчила не постоянно; благопріятнѣйшимъ временемъ для прорицаній были первые дни весны. Приступая къ таинству, пиѳія постилась три дня, купалась въ струяхъ Кастальскаго источника и пила его воду, закусывая лавровымъ листомъ. Приближеніе ***духа Аполлона*** возвѣщалось землетрясеніемъ, колебавшимъ стѣны храма. Тогда пиѳію вели въ пещеру, сажали на треножникъ, гдѣ вскорѣ она, угорѣлая, приходила въ неистовство, мучилась судорогами и съ пѣною у рта произносила отрывистыя слова, въ которыхъ, по толкованію жрецовъ, именно и таился пророческій смыслъ. Послѣ того ее уводили въ ея жилище, гдѣ она приходила въ себя, если не умирала отъ изнуренія. ***Коретъ*** былъ первый изъ жрецовъ Аполлона, истолковывавшій слова пиѳіи. Ихъ обыкновенно слагали въ стихи, всегда съ двоякимъ смысломъ и, какъ мы уже говорили, благодаря этому, пророчества пиѳій оказывались всегда безошибочны - ***послѣ событій*** разумѣется.

Приверженцы ученія о месмеризмѣ подозрѣваютъ въ древнихъ пиѳіяхъ современныхъ ясновидящихъ; намъ ихъ напоминаютъ наши деревенскія *кликуши* или *порченныя* (т. е. одержимыя падучею болѣзнію). Во всякомъ случаѣ, въ этомъ явленіи нѣтъ ни чего ни таинственнаго, ни загадочнаго. Пещера Дельфійскаго храма имѣла сообщеніе съ кратеромъ Парнаса (въ тѣ времена волкана), изъ котораго отдѣлялись удушливые газы, производившіе въ пиѳіи опьяненіе и доводившіе ее до экстаза, т. е. самозабвенія. Всѣ ея прорицанія были тѣмъ же, что болтовня пьянаго или бредъ горячечнаго больнаго.

При оракулѣ *Дидима* въ Милетѣ служили жрецы *бранхиды*, въ память Бранха, основателя храма; преемникомъ его былъ *Евангелъ* (благовѣститель), давшій свое имя и жрецамъ-прорицателямъ.

Объ оракулѣ Юпитера-Аммона мы упоминали при обзорѣ религіи древняго Египта. Финикіяне, похитивъ двухъ жрицъ изъ капища Аммона, одну изъ нихъ привезли въ Додовскую рощу въ Эпирѣ и здѣсь помѣстили въ капище Юпитера. Иноземный языкъ, на которомъ говорила жрица, принятъ былъ греками за особенный, пророческій. По другимъ сказаніямъ, при Додонскомъ храмѣ служили не жрицы, но *голубки*. Поводомъ къ этой сказкѣ послужило греческое слово: *пелейэ*, означающее и голубку и старуху. Прорицанія въ Додонской рощѣ совершались посредствомъ развѣшанныхъ на деревьяхъ металлическихъ полушарій, изъ которыхъ извлекали звуки вѣтви, колеблемыя вѣтромъ, или стоявшая тутъ статуя, вооруженная бичемъ, который отъ вѣтра раскачивался и ударялъ по полушаріямъ. Судя по звукамъ, веселымъ или унылымъ, жрецы рѣшали вопрошавшимъ оракула, благопріятный или неблагопріятный онъ даетъ имъ отвѣтъ. Впослѣдствіи времени *додонскимъ звономъ* стали называть всякаго болтуна и пустослова и это прозвище вошло въ пословицу у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ. Жрицъ додонскаго капища называли *Додонидами* или *Пелеадами*; при храмѣ ихъ полагалось три и были онѣ или старухи, или очень молоденькія дѣвственницы. Послѣднія пользовались названіемъ святыхъ.

Пещера Трофонія находилась въ Беотіи и состояла изъ лабиринта со множествомъ переходовъ и галерей. Трофоній и братъ его Агамедъ славились, какъ искусные архитекторы. При постройкѣ дома богатому аркадійцу Гарсійю они проложили потайной ходъ въ его кладовую и похитили изъ нея часть хранившихся въ ней сокровищъ. Замѣтивъ покражу и желая поймать воровъ Гарсій устроилъ западню, въ которую и попался Агамедъ. Трофоній, отрубивъ ему голову, скрылся съ нею невѣдомо куда. Вскорѣ страшная засуха поразила всю страну и оракулъ Аполлона отвѣчалъ народу, чтобы онъ посовѣтовался съ Трофоніемъ, находящимся въ пещерѣ Ливадійской. Народъ послѣдовалъ совѣту, данному оракуломъ и засуха прекратилась. Послѣ того при пещерѣ построили храмъ и капище. Приходившіе за совѣтомъ къ оракулу обязаны были провести нѣсколько дней въ храмѣ Фортуны и добраго генія, выкупаться въ водахъ рѣки Геркины, принести жертвы Юпитеру и имени Трофонія, питаться мясомъ жертвъ, пить воды Леты, потомъ изъ источника Мнемозины, наконецъ, поклониться статуѣ Трофонія. По совершеніи всѣхъ этихъ предварительныхъ обрядовъ, приходившій для совѣщанія съ оракуломъ одѣвался въ холщевую тунику и всходилъ на пригорокъ, покрытый мѣдными обелисками; оттуда спускался въ подземную пещеру, гдѣ находилось отверстіе, къ которому слѣдовало прилечь держа въ обѣихъ рукахъ комки меду. Голосъ оракула исходилъ изъ глубины отверстія, отвѣтъ передавалъ онъ жрецамъ и они записывали его на стѣнахъ сосѣдняго храма Мнемозины, богини памяти.

Славнѣйшими капищами въ Римѣ были *Ватиканъ* и *Айлокуцій*. Къ оракуламъ ихъ стекались многочисленныя толпы суевѣровъ.

Изъ *вѣдуновъ* или *волхвовъ* и прорицательницъ древности особенно прославились *Алкандеръ Амфіарай*, *Алфиликій*, *Андръ*, *Асволъ*, *Калхасъ*, *Корнъ*, *Эвридамасъ*, *Эврипилъ*, *Идмонъ*, *Ліадъ*, *Мопсъ*, *Ѳесторъ* и мн. др.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Прорицатели.—Сивиллы.—Деифоба.—Книги сивиллы Кумской.—Кармента.—Чародѣйки.—Стихотворцы священныхъ пѣснопѣній.—Амфіонъ.—Оріонъ.—Линъ.—Орфей.—Смерть Эвридики.—Орфей въ аду.—Разлука съ Эвридикою.—Смерть Орфея.—Его послѣдователи.—Аврора.—Ея дѣти.—Кефалъ и Прокрида.—Оріонъ.—Объясненіе аллегорическаго смысла этихъ миѳовъ.

Къ другому разряду древнихъ волхвовъ принадлежатъ такъ называемые *пророки* или *прорицатели*. Изъ таковыхъ особенно замѣчательны были: *Эвклъ* кипрскій, предсказавшій славу Гомера; *Исменъ; Сцирось* фалерскій, или, додонскій. За ними слѣдуютъ пророчицы: *Вагоя* тосканская, научившая соотечественниковъ искуству гадать по грому; *Фаэнноса* эпирская, жившая около 136, олимпіады и предсказавшая вторженіе галловъ въ Азію. Послѣ пророчицъ первое мѣсто принадлежитъ *сивилламъ*, которыхъ, по словамъ Варрона было десять: 1) *Самбета* или сивилла персійская, выдававшая себя за невѣстку патріарха Ноя; 2) *сивилла ливійская*, прорицавшая въ Дельфахъ и на островѣ Самосѣ; 3) *Дельфійская* дочь волхва Тирція;— 4) *Кумская*, славившаяся въ Италіи, въ Кумахъ; 5) *Эриѳрейская*, предсказавшая грекамъ разореніе ими Трои; 6) *Самійская*, прославившаяся на Самосѣ; 7) *Куманская*—въ Ѳолидѣ; 8) *Гелеспонтинская* современница Солона, 9) *Фригійская*—жившая въ Анкирѣ, наконецъ 10) *Тибуртинская*, жившая въ лѣсахъ Тибура (нынѣшнее Тиволи). О каждой изъ нихъ мы разскажемъ подробно въ слѣдующей части миѳологіи, посвященной обзору нравовъ и обычаевъ древнихъ грековъ и римлянъ.

Плѣненный красотою сивиллы *Деифобы*, Аполлонъ предложилъ ей за ея взаимность исполнить ея желаніе какое-бы то ни-было. Захвативъ горсть песку, Деифоба попросила у бога,

чтобы онъ дозволилъ ей прожить столько лѣтъ сколько у нея песчинокъ въ горсти... Къ сожалѣнію она позабыла прибавить, чтобы съ годами она оставалась юною. Аполлонъ, напомнивъ ей объ этомъ, предложилъ одарить ее и вѣчною юностью, если только она согласна уступить его страстнымъ желаніямъ; Деифоба отказалась и тогда первая половина награды обратилась ей въ наказаніе. Она жила на свѣтѣ несчетное число вѣковъ и дряхлѣла соразмѣрно возрасту. Эней видѣлъ Деифобу, когда ей было семь сотъ лѣтъ, а оставалось прожить еще свыше трехсотъ... Наконецъ отъ животолюбивой Деифобы остался одинъ голосъ. Къ этой сказкѣ иные приплетаютъ двоякое нравоученіе, что во первыхъ цѣломудріе способствуетъ долголѣтію, а во вторыхъ, что вѣщій голосъ мудраго переживаетъ, такъ сказать, его самого въ его изреченіяхъ и афоризмахъ. Народныя пословицы — голосъ Деифобы ее пережившій.

Амальѳея сивилла кумская была современницею Тарквинія Гордаго (534—509 л. до Р. X.). Она принесла однажды къ этому царю девять книгъ, содержавшихъ въ себѣ пророчества о грядущей участи Рима. Цѣна запрошенная сивиллою показалась Тарквинію до того высокою, что онъ отказался отъ покупки книгъ. Сивилла сожгла три книги и за остальныя шесть спрашивала у царя прежнюю цѣну; онъ опять отказалъ и она сожгла еще три и настаивала, чтобы Тарквиній купилъ послѣднія три книги, все таки за требуемую сивиллою цѣну: Царь, купивъ книги, по совѣщаніи съ авгурами, отдалъ ихъ на сохраненіе двумъ жрецамъ (дуумвирамъ) положивъ книги предварительно въ каменный ковчегъ, который приказалъ замуровать въ сводѣ Капитолія. Съ этими сивиллинскими книгами запрещено было совѣщаться, подъ опасеніемъ казни, кромѣ настоятельной надобности во время народныхъ бѣдствій. Диктаторъ *Силла* сжегъ ихъ при разрушеніи Капитолія (88 л. до Р. X.); но сенатъ замѣнивъ ихъ другими, состоявшими изъ выписокъ, заимствованныхъ изъ книгъ греческихъ сивиллъ, и эти книги существовали до временъ *Ѳеодосія* (379—395 по Р. X.), когда они были сожжены *Стиликономъ*.

Изъ прочихъ сивиллъ, *Никистрата* или *Кармента*

аркадійская пользовалась въ древнемъ Римѣ особеннымъ почетомъ, какъ составительница гороскоповъ новорожденнымъ. Ежегодно въ 11 и въ 15 числа января матери семействъ чествовали ея память праздниками *Карменталіями*, учрежденными въ Италіи за шесть лѣтъ до разоренія Трои (1191 г. до Р. Х.) въ память примиренія между мужьями и женами, поссорившимися изъ за запрещенія послѣднимъ ѣздить въ колесницахъ.

Волшебницы или ***чародѣйки*** составляютъ особый отдѣлъ въ сонмѣ служителей и служительницъ Аполлона. Богинею и покровительницею ихъ была нимфа ***Кратеида***, мать Сциллы, страшной пучины морской, которая вмѣстѣ съ Харибдою угрожала Улиссу при его возвращеніи на родину. ***Цирцея*** обратила Сциллу въ чудовище; другая чародѣйка ***Медея*** возлюбленная ***Язона*** прославилась во время похода Аргонавтовъ.

Прорицанія оракуловъ и сивиллъ, какъ мы уже говорили, выражались стихами; отсюда-же и начало гимновъ и священныхъ пѣснопѣній, въ честь божества. ***Оленъ*** ликійскій былъ первымъ жрецомъ Аполлона на Делосѣ и онъ же первый слагалъ священные гимны... За нимъ слѣдовали: ***Орабонтъ***, ***Филамонъ***, ***Пизандръ*** и ***Сіагръ***, жившіе за два или даже за три вѣка до ***Гомера*** (слѣдовательно за 1200 л. до Р. Х.). Пизандръ, какъ полагаютъ, воспѣлъ первое разореніе Трои Геркулесомъ, а Сіагръ успѣшно соперничалъ съ двумя славнѣйшими поэтами древности— ***Орфеемъ*** и ***Музеемъ***. За ними слѣдуютъ: ***Гезіодъ***, творецъ ***ѳеогоніи*** и поэмы: ***Труды и дни*** и безсмертный ***Гомеръ***, завѣщавшій потомству на многіе грядущіе вѣка ***Иліаду*** и ***Одиссею***. Изъ прочихъ бардовъ древней Греціи достойны упоминанія: ***Демидокъ***, подобно Гомеру—слѣпецъ, воспѣвшій любовныя похожденія Марса и Венеры; ***Мелаnонъ***—кумскій; ***Памэосъ*** воспѣвшій Грацій; ***Фемій*** превосходный музыкантъ родственникъ Гомера и—***Скафизій*** авторъ гимна во славу побѣды Аполлона надъ Пиѳономъ.

Амфіонъ, сынъ Юпитера и Антіопы, основатель Ѳивъ, обезсмертилъ свое имя чудесною своею игрою на лирѣ. При построеніи города онъ, звуками лиры, заставлялъ камни самихъ собою складываться въ громадныя стѣны... Смыслъ этой метафоры

тотъ, что Амфіонъ, своимъ краснорѣчіемъ, заставилъ полудикихъ грековъ заняться строительнымъ искуствомъ. Супругою его была несчастная Ніобея, а семейство его было истреблено Діаною и Аполлономъ по приказанію мстительной Латоны. Соперникомъ Амфіона по искуству былъ ***Аріонъ***, уроженецъ лемносскій. Благодаря своему таланту, наживъ огромное состояніе при дворѣ Періандра, царя коринѳскаго, Амфіонъ отправился путешествовать на кораблѣ, со всѣми своими сокровищами. Матросы, желая овладѣть ими, рѣшили убить виртуоза. Тщетно онъ умолялъ ихъ пощадить его, сопровождая свои мольбы игрою на лирѣ... видя, что все напрасно онъ бросился въ море и дельфинъ, привлеченный къ кораблю звуками лиры, помѣстилъ Аріона на свою спину, приплылъ съ нимъ въ Коринѳъ. Матросы грабители, по повелѣнію Періандра, были настигнуты и казнены, а Аріону были возвращены его сокровища; дельфинъ, спасшій ему жизнь былъ включенъ въ число звѣздъ небесныхъ. ***Линъ***, пѣвецъ и поэтъ, сынъ одной изъ музъ, былъ учителемъ Орфея, Ѳамизиса и Геркулеса. Ѳамирисъ, уроженецъ ѳракійскій, за свое искуство и музыкальный талантъ былъ избранъ скиѳами въ цари... Выше мы уже говорили, какъ онъ былъ наказанъ музами за то, что отважился состязаться съ ними. Но таланты Ѳамириса и Геркулеса даже ихъ учителя Лина, меркнутъ предъ дарованіями ***Орфея*** поэта, виртуоза и основателя богослужебныхъ обрядовъ во Ѳракіи. Онъ жилъ (если только существовалъ когда либо) во времена похода Аргонавтовъ. Цицеронъ утверждаетъ, что въ древности было пять пѣвцовъ, называвшихся Орфеями, и что древнѣйшій изъ нихъ жилъ въ Беотіи въ 1248 г. до Р. Х. Уклоняясь отъ всякаго разбирательства вопроса о числѣ пѣвцовъ, носившихъ это имя, и о времени, когда они жили, мы поговоримъ объ одномъ Орфеѣ, прославленномъ въ греческой миѳологіи.

Греки, приписывая Орфею божественное происхожденіе, называли его сыномъ Аполлона и музы Кліо. Для точнѣйшаго опредѣленія его таланта греки говорили, будто Орфей, звуками чудесной своей киѳары, заставлялъ плясать бездушныя скалы и усмирялъ дикихъ звѣрей и хищныхъ птицъ; чтобы внимать Орфею, вѣтры—дѣти Эола, затаивали дыханіе, ручьи прерывали свое жур-

чаніе, а рѣки—теченіе. Путешествія Орфея по Египту и многимъ странамъ востока дали ему возможность изучить тамошніе богослужебные обряды и попасть въ число немногихъ избранниковъ, посвященныхъ въ тамошнія таинства. По возвращеніи въ Грецію онъ установилъ: обрядъ искупленія преступленій, служеніе Гекатѣ—*хѳоніи* (земной), Церерѣ, Бахусу и орфическія таинства. Онъ воздерживался подобно египтянамъ отъ употребленія въ пищу мяса и яицъ, называя яйцо—началомъ всего живущаго (¹). Богословъ, философъ, поэтъ и виртуозъ Орфей совмѣстилъ въ своемъ лицѣ званіе царя и санъ первосвященника и вотъ почему Горацій назвалъ его посредникомъ между богами и людьми. Нѣжное и пламенное сердце Орфея не могло быть чуждо нѣжнымъ чувствамъ любви и выборъ его палъ на *Эвридику*—по сказаніямъ однихъ—Гамадріаду, по словамъ другихъ дочь ѳивскаго царя, прелестную, граціозную красавицу, страстно любимую *Аристеемъ*, ею презрѣннымъ. Орфей, на предложеніе свое Эвридикѣ быть ея мужемъ, получилъ согласіе; назначили день свадьбы, но въ самый этотъ день, Эвридика, спасаясь отъ преслѣдованій Аристея, была ужалена въ пятку змѣею и умерла, къ безутѣшной горести своего возлюбленнаго Орфея; она скрылась въ подземное царство. Безутѣшный Орфей, желая возвратить къ жизни Эвридику, снизошелъ въ преисподнюю и играя на своей киѳарѣ достигъ до престола Плутона... При появленіи Орфея и при звукахъ его киѳары умолкъ лай Цербера; *Данаиды* пріостановили свою безконечную работу (²); отдохнулъ Сизифъ; глотнулъ воды Танталъ—томимый неутолимою жаждою; пріостановилось колесо несчастнаго Иксіона... даже Плутонъ и Прозерпина были очарованы игрою и пѣніемъ Орфея. Тронутый его мольбами Плутонъ объявилъ Орфею, что онъ согласенъ отпустить Эвридику изъ преисподней, однако же съ условіемъ, чтобы онъ, Орфей, выводя ее изъ Тартара, не оглядывался на нее, вплоть до выхода на

(¹) «Все живое — отъ яйца» (omnia viva ex ovo); эти слова были основнымъ закономъ ученія Эмпедокла.

(²) О нихъ будетъ упомянуто въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

поверхность земли. Принявъ это условіе нетерпѣливый Орфей однако же оглянулся и на вѣки лишился своей Эвридики, она безвозвратно исчезла въ преисподней, а онъ одинокій, осиротѣлый возвратился на землю.

Возвращеніе Эвридики къ жизни и вторичную ея смерть нѣкоторые коментаторы объясняютъ тѣмъ, что она, ужаленная змѣею была излечена Орфеемъ, но вслѣдствіе возврата болѣзни скончалась. Другіе, въ трогательной этой исторіи видятъ тотъ нравоучительный смыслъ, что человѣкъ, надѣющійся воротить утраченное счастіе, долженъ быть терпѣливъ, возлагая упованіе на промыслъ Божій. Дальнѣйшая судьба Орфея вообще весьма печальна, хотя сказанія о ней довольно разнорѣчивы. Одни миѳологи говорятъ, будто онъ, безутѣшный, лишилъ себя жизни; другіе что онъ былъ убитъ громовою стрѣлою за то, что открылъ людямъ божескія тайны; третьи,—наконецъ, и между прочимъ, Платонъ, утверждаютъ будто боги умертвили Орфея за лицемѣрную его скорбь по Эвридикѣ, къ которой онъ не чувствовалъ никакой привязанности. По четвертому сказанію, Орфей, послѣ кончины Эвридики удалился во Ѳракію на гору Родопу, чтобы въ уединеніи оплакивать свою возлюбленную. Ѳракійскія женщины, восхищенныя его игрою на лирѣ, плѣнились пѣвцомъ, но всѣ ихъ усилія завлечь его въ свои сѣти оставались тщетными; Орфей, не только самъ отвѣчалъ на страстныя предложенія отказомъ, но и другихъ мужчинъ отклонялъ отъ чувственныхъ наслажденій... Тогда женщины Ѳракіи, во время празднествъ Вакха, разгоряченныя виномъ, яростныя какъ тигрицы толпами устремились къ скромному отшельнику Орфею и растерзали его въ куски, бросивъ ихъ въ рѣку Гебръ. Голову его нашелъ рыбакъ въ устьяхъ рѣки Меласа и здѣсь жители воздвигли въ честь Орфея храмъ, входъ въ который былъ воспрещенъ женщинамъ. На могилѣ пѣвца, соловьи пѣли особенно громко и жалостно; осѣнявшія ее деревья шелестили вѣтвями съ упоительной гармоніей. Къ этимъ баснямъ древніе прибавляли, что Орфей послѣ смерти превращенный въ лебедя былъ взятъ на небо, вмѣстѣ со своею лирою, которую каждая изъ музъ украсила звѣздою. Онъ изобрѣлъ четырехструнную киѳару, гекзаметрическій размѣръ стиховъ и сочинилъ множество гимновъ, эпо-

пей и ученныхъ разсужденій. Установленная имъ секта, требовавшая отъ членовъ своихъ строгаго соблюденія поста, чистоты тѣлесной и душевной—была предшественницею секты платониковъ. О таинствахъ орфическихъ мы поговоримъ въ слѣдующей части нашего очерка.

Послѣдователями Орфея, какъ составители религіозныхъ пѣснопѣній и учредители таинствъ, были сыновья его: *Миѳонъ* и *Музей* и *Ономакритъ* (за 600 л. до Р. Х.); сынъ Музея *Эвмолпъ* былъ основателемъ таинствъ Элевзинскихъ (1180 л. до Р. Х.) и *Элевѳеръ*, удостоившійся получить призъ на играхъ пиѳійскихъ.

Лиру Орфея, соотечественники его, какъ святыню, положили на сохраненіе въ храмѣ Аполлона. Сынъ Титана, тирана лесбосскаго, *Неанѳъ* за огромную цѣну купилъ ее у жрецовъ и воображая, что тайна очаровательной лиры Орфея заключалась въ самой его лирѣ, заигралъ на ней, но вмѣсто укрощенія звѣрей, привлекъ къ себѣ цѣлую стаю собакъ, которыя его растерзали за дерзкое святотатство... Дайте въ наше время скрипку Паганини или Контскаго въ руки плохому гудочнику и передъ вами явится тотъ же Неанѳъ, играющій на лирѣ Орфея!

Теперь возвратимся къ Аполлону и доскажемъ дальнѣйшія подробности объ этомъ богѣ солнца и о прочихъ богахъ и богиняхъ, а равно и герояхъ вокругъ него группирующихся.

Предшественницею его была *Аврора* (заря) блестящая, бѣлокурая красавица, которую называли также: *Ѳосъ* (восточная), *Ангелейя* (вѣстница) Троксопеплосъ (съ желтою фатою), *Монополосъ* (однокониая), *Рододактилосъ* (розовоперстая). Упреждая Аполлона, Аврора отворяла ему золотыя ворота дня и запрягала коней въ его колесницу. Отъ мужа своего *Персеса* она имѣла дѣтей: *Зефировъ*, *Вѣтровъ*, многія звѣзды и между ними *Люциферу*, денницу или утреннюю звѣзду. Братъ Пріама, царя троянскаго *Тиѳонъ*, влюбясь въ Аврору похитилъ ее, и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, погибшихъ безвременно. Смерть ихъ Аврора оплакивала вѣчно, орошая поля каплями утренней, предразсвѣтной росы. Перваго сына звали *Мемнономъ* и онъ былъ царемъ Эѳіопіи; втораго, царя Македонскаго *Эмаѳіономъ*. Страст-

но любя Тиѳона, Аврора, по его просьбѣ вымолила ему безсмертіе у Юпитера. Къ несчастію, подобно Деифобѣ (см. выше), позабывъ выговорить себѣ и вѣчную юность, Тиѳонъ дряхлѣлъ соотвѣтственно безконечному числу вѣковъ и наконецъ по собственной просьбѣ былъ превращенъ въ полеваго кузнечика. Вторымъ (правильнѣе третьимъ) любовникомъ Авроры былъ *Кефалъ*, сынъ Эола, мужъ *Прокриды*, царевны аѳинской. Похищенный Авророю, онъ оставался холоденъ къ ея ласкамъ и суровый съ нею, не переставалъ произносить имя своей безцѣнной Прокриды. Аврора видя, что Кефала нѣтъ возможности соблазнить, отпустила его съ небесъ на землю, одаривъ способностью по произволу измѣнять свой наружный видъ и превращаться въ разныя существа. Желая удостовѣриться въ постоянствѣ своей жены, Кефалъ, являясь къ Прокридѣ въ видѣ разныхъ красивыхъ мужчинъ, пытался, по безуспѣшно, обольстить ее... Однако же черезъ нѣсколько времени ему удалось поколебать ея твердость драгоцѣнными подарками и она согласилась на нѣжныя его предложенія. Тогда Кефалъ, принявъ свой настоящій видъ, привелъ Прокриду въ такое смущеніе, что она убѣжала отъ него въ лѣсъ, къ Діанѣ, откуда самъ Кефалъ привелъ ее домой и примирился съ нею. Скрѣпляя миръ, Прокрида подарила ему собаку Леланса и дротикъ, имѣвшій свойство безъ промаха попадать въ задуманную цѣль. Однажды, когда Кефалъ, утомленный охотою, прилегъ отдохнуть подъ деревомъ, жена его подкравшись къ нему, услышала, что онъ шепчетъ во снѣ чье-то имя: онъ призывалъ Зефира, но Прокрида думая, что онъ призываетъ какую нибудь ея соперницу, зашелестила вѣтвями и разбудила мужа... Кефалъ, думая, что къ нему подкрадывается дикій звѣрь, метнулъ свой смертоносный дротикъ и—пораженная въ сердце, Прокрида, упала мертвая. Въ отчаяніи Кефалъ, тѣмъ же самымъ дротикомъ пронзилъ себѣ грудь и послѣ того, вмѣстѣ съ Прокридою, вревращенный въ звѣзду, былъ взятъ на небо.

Не смотря на холодность Кефала къ Аврорѣ, она имѣла отъ него сына, а по возвращеніи Кефала на землю, похитила *Оріона*, сына Нептуна и Эвріалы. Это былъ юный исполинъ, который, когда стоялъ на днѣ глубочайшихъ пучинъ морскихъ, то вода достигала ему только до горла. Первую жену его *Сидею*

Юнона низвергла въ тартаръ за то, что та осмѣливалась хвалиться передъ ней своею красотою; второю супругою Оріона была *Меропа* дочь хіосскаго царя Энопея. Этотъ царь, ненавидя своего зятя, опоивъ его виномъ, выкололъ ему глаза и приказалъ въ этомъ несчастномъ положеніи бросить на берегу моря. Прійдя въ себя Оріонъ попросилъ проходившаго мимо его мальчика сѣсть къ нему на плечи и довести до того мѣста, гдѣ выходитъ солнце. Отъ теплоты лучей зрѣніе возвратилось къ слѣпцу и онъ отомстилъ своему злодѣю. Послѣ того онъ прославился кузнечимъ своимъ мастерствомъ и выковалъ подводный дворецъ отцу своему Нептуну и тогда-то Аврора, въ сердцѣ которой Венера возбудила страстную любовь къ Оріону, похитила его и перенесла на островъ Делосъ. Здѣсь онъ погибъ жертвою мщенія Діаны, по однимъ сказаніямъ уязвленный скорпіономъ; по другимъ пронзенный ея стрѣлами. И о причинѣ его гибели сказанія разнорѣчивы: одно гласитъ: за то погибъ Оріонъ, что преслѣдовалъ своими докучливыми ласками *Опиду*, нимфу Діаны; другое за то, что прикоснулся къ самой богинѣ. Взятый послѣ смерти своей на небо, Оріонъ былъ превращенъ въ созвѣздіе южнаго полушарія, состоящее изъ девяноста звѣздъ, изъ которыхъ самая главная яркостью ровняется съ луною.

Послѣ Оріона у непостоянной Авроры были еще многіе любовники; эта богиня умѣла скорбѣть только о своихъ сыновьяхъ.

Здѣсь необходимо объяснить что именно разумѣли древніе подъ всѣми этими баснями объ Аврорѣ. Аврора, какъ мы уже говорили—*заря*. Многочисленные любовники ея звѣзды и планеты, сопровождающія зарю въ разныя времена года. „Отъ Тиѳона она имѣла дѣтей, которыхъ оплакивала.“ Тиѳонъ предразсвѣтный мракъ, слезы Авроры по дѣтямъ—утренняя роса. Кефалъ и Прокрида—звѣзды; ослѣпленный Оріонъ—то же звѣзда, сначала потускнѣвшая, потомъ принявшая красноватый блескъ (занятія Оріона кузнечною работою), сходящая съ небольшою спутницею (мальчикъ путеводитель Оріона) и появляющаяся на восточномъ краю горизонта, но не скрывающаяся за нимъ („волны моря никогда не покрывали Оріона съ головою“). Такимъ образомъ всѣ басни объ Аврорѣ и ея любовникахъ, алегорическіе разсказы о звѣздахъ, спутникахъ зари въ разныя времена года и уязвленіе Оріона скорпіономъ, въ переводѣ на обыкновенный языкъ означаетъ закатъ этого созвѣздія въ октябрѣ мѣсяцѣ.

—

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Любовницы Аполлона и ихъ дѣти.—Гамадріады.—Дафна.—Кассандра.—Клитія и Левкоѳея.—Коронида.—Аристей и его пчелы.—Эскулапъ.—Гигея.—Его праздники.—Геліады.—Фаэтонъ.—Его гибель.—Управленіе Фаэтономъ колесницы солнца.—Бѣдствія неба и земли.—Астрономическое и геологическое объясненіе миѳа о Фаэтонѣ.

Во время пребыванія своего на землѣ Аполлонъ имѣлъ множество любовныхъ связей, вслѣдствіе которыхъ у бога животворца было множество дѣтей, занявшихъ въ миѳологіи не послѣднее мѣсто. Вотъ алфавитный перечень возлюбленныхъ Аполлона:

Ахалида, мать Дельфуса; *Алкіонея*, мать Гиперенара; *Анатроппа*, родившая Хія; *Анхіалея*—Ѳакса; *Антіанира*—Идмона, одного изъ Аргонавтовъ; *Аркея*—родительница: Амфитемиса, Накса, Филаксиса, Филандра и Милета. Послѣдній отъ Нимфы *Кіанеи* имѣлъ дочь *Библиду* и сына *Каунуса*. Сестра, воспылавъ преступной страстью къ брату, заставила его бѣжать изъ родительскаго дома и скрыться невѣдомо куда. Отчаянная Библида, заливаясь слезами, побѣжала отыскивать его по лѣсамъ и была превращена въ ключь, названный ея именемъ. По другимъ сказаніямъ, она низринулась съ высокой скалы и у ея подножья превратилась въ *гамадріаду*, т. е. нимфу хранительницу древесную. По мнѣнію древнихъ, у каждаго дерева была своя гамадріада, жизнь которой была тѣсно связана съ его жизнію: короче сказать гамадріада душа дерева; лепетъ его листьевъ—ея голосъ. Продолжаемъ перечень любовницъ Аполлона:

Арсиноя или *Коронида*, мать Эскулапа; *Астиномея*. *Болина*, бросившаяся въ море, чтобы избавиться отъ преслѣдованій бога солнца; *Вавилона* родительница *Аравуса*, давшаго свое имя Аравіи. *Гипермнестра* мать Амфіарая; *Гирія*—Цикна; *Дафна* или *Пазифая* первая любовь Аполлона. Невинная, стыдливая дочь рѣки Пенея она, отвергая страстныя его предложенія, была неравнодушна къ юношѣ *Левкиппу*. Видя, что Дафна непреклонна, Аполлонъ вздумалъ овладѣть ею силою и пустился за нею въ погоню до самыхъ береговъ Пенея. Здѣсь, утомленная, бѣдная нимфа стала молить отца своего спасти ее и рѣка Пеней превратила Дафну въ лавровое дерево. Аполлонъ, сорвавъ нѣсколько вѣтокъ, сплелъ изъ нихъ себѣ вѣнокъ и съ этой минуты повелѣлъ людямъ, чтобы они посвятили ему лавръ, а вѣнками и вѣтвями его награждали побѣдителей на играхъ пиѳійскихъ. Помня этотъ завѣтъ, древніе во время моровыхъ повѣтрій вѣшали лавровыя вѣтви у дверей своихъ домовъ; Юпитеръ, бросая моліи на землю, никогда не направлялъ ихъ на лавръ. Вообще въ гражданскомъ быту древнихъ дерево это играло весьма важную роль, о чемъ мы подробно поговоримъ при обзорѣ ихъ нравовъ и обычаевъ. *Дріопа* свояченица Геркулеса, мать Амфиза и Амбраска, за прикосновеніе къ священному дереву была превращена въ *лотосъ*, такъ высоко чтимый язычествомъ на востокѣ. *Энопа* была матерью Макарея; *Эвуза* Элевѳера; *Эвринома* родила отъ Аполлона Левкоѳею. Чтобы обольстить *Иссу*, Аполонъ принялъ на себя видъ пастуха. *Калліопа* была матерью Орфея; *Касталія* была превращена въ источникъ, обладавшій свойствомъ вдохновлять поэтовъ; *Келено* родила отъ Аполлона Дельфа; *Клеовула* Эврипида.. *Климена* пользовалась нѣкоторое время благосклонностію Аполлона послѣ *Кассандры*, дочери Пріама и Гекубы, царя и царицы троянскихъ. Увлекаемый страстью богъ солнца предложилъ Кассандрѣ за любовь ея исполнить какое-то ни было бы ея желаніе. Она потребовала у него дара пророчества, но получивъ его, отказалась отвѣчать страсти Аполлона; разгнѣванный этимъ, богъ превратилъ всѣ пророчества Кассандры въ пророчества несбыточныя и имъ не вѣрилъ никто, даже и тогда, когда въ видѣ исключенія, Кассандра предостерегала отца и всѣхъ Пріамидовъ отъ близкой опасности, предъ осадою Трои. Оставивъ Кассандру Аполлонъ утѣшился ласками Климены и имѣлъ отъ нея дочерей Геліадъ: *Фаэтузу*, *Лампетію*, *Лампетузу*, или *Фебею* и сына *Фаэтона*.

Дочери Океана и Ѳетиды: *Клитія* и *Левкоѳея* были одна за другою любимы Аполлономъ. Когда первая родила ему сына *Диркен*, онъ вступилъ въ связь съ Левкоѳеею. Въ бѣшеной ревности Клитія донесла своему отцу на сестру и тѣмъ пуще навлекла на себя ненависть Аполлона. Тогда съ распущенными по плечамъ волосами Клитія бросилась на землю и въ нѣсколько дней, слѣдя глазами за теченіемъ солнца по небесному своду, уморила себя голодомъ. Аполлонъ превратилъ ея прахъ въ *подсолнечникъ* (Helianthus annuus L) или въ *геліотропъ* (Heliotropium L). И съ той поры эти цвѣты подобно лотосу одарены свойствомъ оборачиваться на стеблѣ вслѣдъ за солнцемъ. Что же касается до Левкоѳеи, то она своимъ отцомъ была заживо зарыта въ землю и надъ ея тѣломъ былъ насыпанъ высокій песчаный курганъ. Не имѣя власти воскресить своей возлюбленной, Аполлонъ полилъ могилу ея нектаромъ и на ней выросло *ладонное дерево* (Cistus creticus L или Lawsona inermis D. C.) По наблюденіямъ древнихъ, учеными изслѣдованіями не подтверждаемыми, подсолнечникъ, посаженный по близости ладоннаго дерева, засыхаетъ, хотя оба растенія любятъ солнце и песчаную почву. Не ошибаются ли позднѣйшіе коментаторы, смѣшивая ладонникъ съ *левкоемъ* (Matthiola incana L), самое имя котораго напоминаетъ имя Левкоѳеи?

Коронида или *Арсиноя* была матерью Эскулапа. Будучи беременна она влюбилась въ Искига, сына Элата, основателя Элатеи. Нѣкто *Ликій* или по другимъ сказаніямъ бѣлый воронъ донесъ Аполлону о невѣрности его возлюбленной и за это богъ превратилъ бѣлый цвѣтъ его перьевъ въ черный, а Корониду превратилъ въ ворону, исторгнувъ передъ тѣмъ изъ ея чрева Эскулапа. Воронъ взятый на небо образовалъ на немъ созвѣздіе этого имени. Изъ прочихъ любовницъ Аполлона менѣе извѣстныхъ назовемъ: нимфу *Корикію*, аонскую царевну *Креузу* и двухъ *Киренъ*. Отъ первой изъ нихъ Аполлонъ имѣлъ сына *Аристея*,

отъ другой волхва-аргонавта *Идмона*; *Ликію* (мать *Патара* и *Икадія*); *Мелію* (мать нимфъ Меліадъ); *Минерву*, родившую отъ Аполлона *тельхиновъ*; *Манто*, *Нэру*, *Навпидаму*; *Оѳреиду*, бывшую впослѣдствіи любовницею Юпитера; *Окирхою*; *Парѳенопу*, мать Ликомеда; *Персею*; *Псамаѳею*, мать Лина, родительницами котораго, кромѣ ея, называли еще до десяти богинь и нимфъ. За ними слѣдуютъ по азбучному порядку: *Рео*; *Родеа*, *Синопа*, родительница Скироса; *Стильвія*, мать Кентавра и Лапиѳета; *Силлита*; *Талія*, мать Корибанта; *Уранія*; *Фтія* (сынъ Лаодокъ). *Хіонея*, дочь Дедаліона, одновременно любила и Аполлона и Меркурія, отъ послѣдняго она родила знаменитаго вора Антолика, а отъ перваго не менѣе знаменитаго музыканта на лютнѣ *Филаммона*. Гордясь своей красотой Хіонея сказала однажды, что ея плодородіе, конечно выше цѣломудрія Діаны. За это богиня стрѣлою пронзила ей языкъ и вскорѣ отъ этой раны Хіонея умерла. Отецъ ея Дедаліонъ въ отчаяніи бросился съ вершины горы Парнасса, но Аполлонъ сжалясь надъ нимъ превратилъ его въ ястреба. *Хризеида*, дочь Хриза, жреца Аполлона, при разореніи троянскаго города Лирнесса была взята въ плѣнъ Ахиллесомъ, а отъ него перешла къ Агамемнону. На требованія Хриза возвратить ему дочь, послѣдній отвѣчалъ отказомъ; когда же послѣ того въ греческомъ станѣ обнаружилась чума Улиссъ отвелъ Хризеиду къ ея отцу. Она была тогда беременна и рожденнаго ею сына Хриза признала сыномъ Аполлона.

Хризаѳемида была родительницею Пароснона. *Ція* одна изъ дочерей Ликаона родила отъ бога солнца Дріопса, родоначальника дорійцевъ. *Цирцея* дочь Аполлона, отъ преступной съ нимъ связи родила Алон. *Ѳемисто* (сынъ Галей) *Ѳалія* (Корибантъ), *Ѳеро* и муза *Уранія* заключаютъ списокъ возлюбленныхъ Аполлона. Поименный перечень его сыновей обиліемъ своимъ превосходитъ предыдущій:

Аэрефей основатель города Аэрефіи въ Беотіи; *Агетъ*. *Аргей*, *Аристей*, *Автохъ*. Изъ нихъ Аристей, сынъ Кирены, прославился своими свѣденіями въ сельскомъ хозяйствѣ и въ пчеловодствѣ. Влюбленный въ Эвридику онъ безуспѣшно соперни-

чалъ съ Орфеемъ и былъ невольною причиною смерти его жены, отъ уязвленія змѣею въ то время, когда она бѣжала отъ преслѣдовавшаго ее Аристея. Нимфы и гамадріады — мстя за смерть ихъ подруги, истребили всѣхъ его пчелъ и тогда онъ, по совѣту Протея принесъ жертву памяти Эвридики, состоявшую изъ четырехъ тельцовъ и четырехъ телокъ. Когда тѣ в другія были зарѣзаны и разсѣчены, изъ ихъ внутренностей вылетѣли цѣлые рои новыхъ пчелъ. Впослѣдствіи Аристей женился на *Автонеѣ*, дочери Кадма и имѣлъ отъ нея сына Актеона. Послѣ гибели послѣдняго, Аристей отправился въ странствованіе по разнымъ странамъ земли; наконецъ поселился на горѣ Гемусѣ, откуда исчезъ безъ вѣсти. Тогда жители, признавъ его божествомъ, олицетворили Аристея въ созвѣздіи Водолея, состоящемъ изъ 117 звѣздъ. Греческіе и сицилійскіе пастухи особенно чтили его память, называя Аристея своимъ покровителемъ. Ограничиваясь именами: *Амфисса*, *Амфіарая*, Анія, *Авгія*, *Камира*, *Кандала*, перейдемъ къ *Эскулапу* или *Асклепію*, славнѣйшему изъ всѣхъ сыновей Аполлона.

О рожденіи его отъ Корониды, мы уже говорили; но кромѣ этой сказки существуетъ еще нѣсколько миѳологическихъ сказаній. По словамъ историковъ, *Эскулапъ* первый изъ грековъ, занимавшійся медициною, дѣйствительно жилъ въ Ѳессаліи въ 1321 году до Р. Х. и подобно многимъ великимъ мужамъ древности, удостоился высокой чести быть названнымъ сыномъ бога солнца. Положенный Аполлономъ на поляхъ Тельфійскихъ, Эскулапъ былъ вскормленъ козою, а потомъ воспитанъ пастухомъ Арисѳеномъ, догадавшимся о божественномъ происхожденіи младенца по лучезарному сіянію, окружавшему его голову. По другому общепринятому сказанію Эскулапъ родился въ Эпидаврѣ и былъ сыномъ Арсипна и Арсинои; третья басня говоритъ, что богъ медицины родился въ видѣ змѣи изъ яйца, снесеннаго Коронидою послѣ ея превращенія въ ворону. Образованіе Эскулапа было ввѣрено кентавру *Хирону*, научившему его узнавать цѣлебныя свойства травъ. Окончивъ ученіе Эскулапъ сопровождалъ Язона и Аргонавтовъ въ Колхиду, вѣроятно, въ качествѣ штабъ-доктора. Онъ воскресилъ *Аретоя*, *Капанею* и *Ипполита*, о которыхъ будетъ

нами упомянуто своевременно. Плутонъ, опасаясь, что подземное царство опустѣетъ по милости Эскулапа, жаловался Юпитеру, который и убилъ своего внука громовою стрѣлою. Отъ жены своей Эпіоны Эскулапъ имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ особенно прославилась *Гигея* — богиня здравія (*Салусъ* — у римлянъ). Ее изображали въ видѣ худенькой, едва сформированной дѣвушки, закутанной въ длинную хламиду, въ рукахъ съ чашею, обвитою змѣею. Греческія женщины приносили ей въ жертву свои волосы; въ Римѣ ей были посвящены многіе храмы, при которыхъ находились особенные жрецы, имѣвшіе исключительное право снимать покровъ со статуи богини, постоянно закрытой. Служеніе ей совершалось только во время мира и въ жертву богинѣ Салусъ приносили куски тѣста, которые бросали въ воду.

Что касается до аллегорическихъ изображеній Эскулапа, то они были весьма разнообразны: то въ видѣ старика, закутаннаго въ плащъ и вооруженнаго палкою съ обвивающеюся вокругъ нея змѣею, то въ видѣ змѣи, выходящей изъ яйца. Змѣя, въ этомъ случаѣ, была символомъ обновленія. Въ Эпидаврѣ рядомъ съ изображеніями Эскулапа ставили фигурку карлика въ плащѣ. Въ Римѣ въ 293 году до Р. Х. былъ построенъ храмъ *пергамскому змѣю*, въ честь змѣи, выползшей изъ корабля у береговъ Тибра и почему-то принятой за Эскулапа, явившагося въ этомъ видѣ. Жрецы этого храма продавали колечки, ожерелья и разныя амулетки, по ихъ словамъ, обладавшія цѣлебными свойствами. Въ Греціи обожаніе Эскулапа введено было *Аристехмомъ*. Въ жертву богу медицины приносили быковъ, ягнятъ, борововъ, но въ особенности пѣтуховъ. Храмъ въ Эпидаврѣ былъ окруженъ священною рощею, въ которой не допускали умирать ни одного больнаго, а равно и рожать ни одной беременной. Идолъ бога былъ изъ золота и слоновой кости; колонны храма были покрыты благодарственными надписями изцѣленныхъ и нѣкоторыми, особенно удачными рецептами. Тутъ же находилась и статуя Гигеи, вмѣсто покрывала окутанная женскими волосами, принесенными ей въ жертву больными и за больныхъ молившимися. Изъ праздниковъ въ честь Эскулапа, назовемъ: *Асклепіи*, *Эпидавріи* и *Мегасклепіады* въ Греціи и *Эскулапіи*—въ Римѣ.

Къ свитѣ бога причисляли боговъ помощниковъ: *Апотропеи* (въ Греціи) и *Аверрунки* (въ Римѣ); сверхъ того, у древнихъ, какъ грековъ, такъ и римлянъ, были особенные боги, спеціальные цѣлители болѣзней: лихорадокъ, горячекъ, накожныхъ сыпей и т. д. Нѣкоторые ученые въ миѳѣ объ Эскулапѣ видятъ астрономическую аллегорію. Эскулапъ -созвѣздіе Змѣя (*Офіея* у грековъ). Рожденіе бога — восходъ созвѣздія, послѣ заката солнца въ знакѣ Тельца, а такъ какъ вслѣдъ за Змѣемъ восходитъ Кентавръ — то этимъ объясняютъ воспитаніе Эскулапа Хирономъ. Тѣмъ же именемъ Эскулапа называютъ и созвѣздіе Дракона.

Чтобы не утомлять вниманія читателя сухимъ поименнымъ перечнемъ всѣхъ сыновей и дочерей Аполлона, мы заключимъ разсказъ нашъ о его потомкахъ сказаніями о *Геліадахъ* и *Фаэтонѣ*.

Геліадами назывались дочери нимфы Климены, т. е. купа звѣздъ, которыхъ древніе именовали: *Фаэтуза*, *Лампетія*, *Лампехуза*, *Эгесея*, *Этерія*, *Эгіалея*, *Діоксиппа*, *Гелія* и Меропа или Мирона. Братъ ихъ Фаэтонъ до такой степени былъ хорошъ собою, что Венера плѣнилась имъ и поручила ему надзоръ за своими храмами. Однажды, когда онъ хвалился предъ Эпафомъ высокимъ своимъ происхожденіемъ, послѣдній, смѣясь надъ нимъ, сказалъ, что онъ напрасно воображаетъ себя сыномъ Аполлона ([1]). Фаэтонъ пожаловался матери своей Климепѣ; она—Аполлону, а послѣдній, въ порывѣ отеческой любви, поклялся Стиксомъ исполнить все, чего бы отъ него не потребовалъ Фаэтонъ. Безразсудный юноша попросилъ, чтобы богъ солнца на одинъ день довѣрилъ ему управленіе своей колесницы... Никакія убѣжденія не могли образумить Фаэтона и, связанный ненарушимою клятвою, Аполлонъ уступилъ. Тотчасъ же неопытный возничій сталъ на колесницу, пустилъ коней во всю прыть; но не умѣя управлять ими поскакалъ вкривь и вкось, то забираясь въ небесную высь, то приближаясь къ землѣ. Страшная засуха и повсемѣстные по-

---

([1]) По другимъ сказаніямъ онъ былъ сыномъ Кефала и Авроры. См. выше гл. XI, стр 93.

жары были послѣдствіями этой скачки Фаэтона, котораго разгнѣванный Юпитеръ поразилъ громовою стрѣлою и низвергъ въ Эриданъ. Геліады четыре мѣсяца оплакивали ихъ несчастнаго брата и наконецъ были превращены въ тополевыя деревья, источающія смолу. Сынъ Фаэтона *Лигистъ* былъ основателемъ Лигуріи.

Опять остроумная аллегорическая сказка о великихъ астрономическихъ и геологическихъ переворотахъ. Въ глубочайшей древности вслѣдствіе появленія кометы въ созвѣздіи Кормчаго были страшныя засухи, сопровождаемыя пожарами. Легко можетъ быть, что въ сказаніяхъ о Фаэтонѣ слѣдуетъ подразумѣвать одинъ изъ тѣхъ пожаровъ на поверхности земли, который предшествовалъ потопу. Четыре мѣсяца слезъ проливаемыхъ Геліадами — дожди, наступившіе послѣ засухи; а превращеніе этихъ сестеръ Фаэтона въ деревья, источающія смолу, можетъ быть намекъ на образованіе янтаря, который ничто иное, какъ окаменѣлая смола допотопныхъ деревьевъ. *Аристотель* въ своей метеорологіи упоминаетъ объ огненномъ дождѣ, современномъ Девкаліонову потопу и самое имя Фаэтона знаменитый ученый производитъ отъ греческаго: *фаэто*—лучезарный. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что колесница—солнца (Геліоса) древнихъ есть превратное истолкованіе огненной колесницы Иліи пророка, что подтверждается самымъ сходствомъ именъ: Илія и Геліосъ или Эліосъ. Вообще о паденіи Фаэтона существуетъ множество коментаріевъ и весьма обширныхъ дисертацій, которыя даже въ наше время не лишены научнаго интереса. Въ заключеніе скажемъ, что по повѣрью древнихъ съ того времени тѣло жителей Эѳіопіи приняло свой черный цвѣтъ, самое же событіе совершилось въ октябрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ, говоря языкомъ аллегорическимъ „Фаэтонъ испугался, увидя небеснаго Скорпіона.“

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Церера.—Ея прозвища.—Рожденіе ея и воспитаніе; связь съ Юпитеромъ и Нептуномъ. Дочери ея. Прозерпина. Ея похищеніе Плутономъ. Похожденія Цереры.—Триптолемъ и начало земледѣлія.—Обрѣтеніе Прозерпины.—Объясненіе этого миѳа. Дальнѣйшая судьба богини. Служеніе ей. Славнѣйшіе жрецы. Эвмолпъ. Элевзинскія таинства. Малыя таинства. Девять дней празднованія великихъ таинствъ. Символическое ихъ значеніе. Понятія древнихъ о жизни будущей.

Гея, Рея или Цибелла (см. гл. I) въ древнѣйшей миѳологіи была олицетвореніемъ земли родительницы всего живущаго; *Церера* была воплощеніемъ земли кормилицы, по преимуществу земли плодородной. По этой самой причинѣ греки называли ее *Деметеръ* (великая матерь) и кромѣ этого прозвища у Цереры было ихъ очень много, смотря по мѣстностямъ, въ которыхъ ей поклонялись и по свойствамъ, которыя ей приписывали. *Актея* (аѳинская), *Ахэа* (стенящая, въ память ея стенаній послѣ похищенія Прозерпины), *Алитарія*, *Алумна* (питательница, *Алэа* (молотильщица), *Амфиктіонида*, *Анезидора* (осыпающая дарами), *Авксиоалета* (усиливающая растительность); *Віодора* (жизнегадательница), *Калорія* (въ Самоѳракіи). Здѣсь былъ у нея храмъ со священной рощею, для непосвященныхъ недоступною. *Карпофора* (плодоносная), *Катонская*, на идола которой запрещено было смотрѣть подъ опасеніемъ смертной казни. *Хлоя* (зеленая). *Хризэора* (вооруженная золотымъ мечемъ), *Хтонія* (подземная), *Кира* (властительница надъ жизнію), *Да* или *Деа* (божественная у пелазговъ), *Дамія* (хозяйка въ Эгинѣ, въ Эпидаврѣ и Трезенѣ), *Деспена* (государыня въ Аркадіи), *Эльвансa* и *Энна* (въ Сициліи, гдѣ находился храмъ съ пещерою, сквозь которую Плутонъ унесъ

Прозерпину въ подземное свое царство). ***Эриннія*** (бѣшеная), ***Эризивія*** (охраняющая зерновой хлѣбъ отъ головни и спорынья). ***Эвбубея Эвріанасса*** (могучая царица), плодносная, цвѣтоносная (***Фругифера*** и ***Флорифера*** въ Римѣ), ***Герита*** (богиня молотаго хлѣба, въ Акарѣ), ***Гелекрита*** (желтящая колосья), ***Гелосская*** (въ Гелосѣ, гдѣ былъ храмъ, доступъ въ который былъ разрѣшенъ только женщинамъ). ***Лангера*** (сидящая на тельцѣ: символъ начала полевыхъ работъ въ мартѣ мѣсяцѣ) ***Гербифера*** (травоносица), ***Лузія*** (капальница), ***Мелафора*** (медоносная), ***Маммоза*** (многогрудая), ***Мелена*** (черная въ память ея траура по Прозерпинѣ; въ прямомъ смыслѣ черноземъ или тучная земля); ***Мегамертосъ*** (до посѣва хлѣбъ), ***Миріанима*** (десятитысячеименная), ***Ольбидаторія*** (дающая довольство), ***Орея*** (горная), ***Панда*** (хлѣбная), ***Памботанасъ*** (питательница всѣхъ травъ), ***Патрэйская*** —въ Аѳинѣ, гдѣ находился храмъ богини съ оракуломъ, изрекавшимъ свои пророчества посредствомъ явленія разныхъ призраковъ въ зеркалѣ, повѣшенномъ на спуркѣ надъ водою ***Педофила*** и ***Податифа*** (любительница и кормилица дѣтей); ***Плоутодотира*** (дающая изобиліе), ***Поливія***, или ***Полибія*** (много питающая), ***Простазида*** (скорая на помощь), ***Пилагора*** (которой члены Амфиктіонова суда приносили жертвы передъ собраніемъ ия совѣщаніе); ***Рарейская***—отъ равнины Раріи въ Аттикѣ, на которой ученикъ Цереры Триптолемъ впервые посѣялъ пшеницу. ***Сатира*** (спасительница), ***Спицикрера*** (колосоносица въ Римѣ), ***Тэдифера*** (несущая смолистые факелы), ***Ѳормезія*** (согрѣвающая воду), ***Ѳесмофора*** (несущая законы), ***Зелдора*** или ***Зидора*** (живоносная). Наконецъ отъ имени Цереры произошло и латинское слово: cereales, означающее хлѣбныя жита, какъ озимовыя такъ и яровыя.

Церера, дочь Сатурна и Реи была вскормлена Каллигеніею. О мѣстѣ ея рожденіи вели споръ Египетъ, Критъ, Греція и Сицилія. По словамъ нѣкоторыхъ поэтовъ она была любима братьями своими Юпитеромъ и Нептуномъ (небо и вода любятъ землю), отъ перваго она имѣла дочерей: ***Перефату*** и ***Прозерпину***, отъ втораго ***Гиру***. Преслѣдуемая Нептуномъ Церера приняла видъ кобылицы, онъ же въ кони и достигъ цѣли страстныхъ своихъ желаній, слѣдствіемъ исполненія которыхъ было рожденіе Церерою коня ***Аріона***. Послѣ того, стыдясь своей слабости она убѣжала съ Олимпа и скрылась въ уединенную пещеру, невѣдомую ни людямъ, ни богамъ. Здѣсь, Церера одичала и превратилась въ яростную фурію; земля, лишенная ея попеченій, стала безплодною; голодъ угрожалъ людямъ. По счастію ***Панъ***, блуждая по лѣсамъ Аркадіи, открылъ пріютъ Цереры и уговорилъ ***Парокъ*** убѣдить ее возвратиться на поверхность земли. Съ возвращеніемъ Цереры и водвореніемъ ея на островѣ Сициліи земля опять стала давать людямъ свои дары и воцарилось повсемѣстно довольство.

Связь Цереры съ Нептуномъ, при чемъ они оба приняли видъ лошадей—ничто иное какъ аллегорическій разсказъ о разливѣ быстро текущихъ рѣкъ, покрывшемъ землю. Слѣдствіемъ разлива было образованіе поемныхъ луговъ, представлявшихъ лошадямъ обильныя пастбища (рожденіе Церерою коня Аріона, т. е. появленіе корневыхъ травъ на поверхности земли). Затѣмъ послѣдовали многолѣтніе неурожаи (исчезновеніе Цереры), а за нимъ плодородіе и преимущественно на островѣ Сициліи, въ глубочайшей древности названной житницею Италіи и Греціи. На этомъ островѣ воцарилась Церера, взявъ сюда съ собою и любимую дочь свою Прозерпину. Однажды ранней весною, когда эта красавица, сопровождаемая Юноною, Минервою, Венерою и нимфами гуляла въ долинѣ Энны, собирая цвѣты, ее увидѣлъ Плутонъ и плѣнясь ею похитилъ въ свое подземное царство сквозь разсѣлину, происшедшую отъ удара по ней своимъ двузубцомъ.

Узнавъ о похищеніи дочери, Церера въ отчаніи и горести зажгла два смоляные факла о жерло Этны; сѣла въ колесницу, запряженную двумя крылатыми драконами и поскакала по всѣмъ концамъ земли разыскивать свою возлюбленную дочь. Въ Ликіи, она желала утолить жажду у источника, но отогнанная поселянами, подобно Латонѣ, превратила ихъ въ лягушекъ. Въ другой разъ, скитаясь по Аттикѣ, Церера зашла въ тамошнюю степь Элевзисъ и принявъ видъ дряхлой старухи сѣла на камень ***Аге-***

ласть (противникъ смѣха) близъ источника Эннеакрузіи. Сюда пришли за водою четыре дочери *Целея*, царя Элевзискаго: *Каллидика*, *Клизидика*, *Демо* и *Каллиѳоя*. Тронутыя печальнымъ видомъ старухи онѣ стали распрашивать ее объ имени и о причинѣ грусти. Назвавшись *Досою*, Церера сказала имъ, что ее высадили на берегъ критскіе морскіе разбойники и что она, ради пропитанія, ищетъ мѣста няни при дѣтяхъ. Царскія дочери привели ее во дворецъ къ отцу и представили ее ихъ матери, царицѣ *Меганирѣ* или *Неэрѣ*. Послѣдняя предложила гостьѣ своей сѣсть, но та отказалась. *Ямба*, служанка царицы, приготовивъ для мнимой Досы мѣсто, подъ тѣнью вѣтвей, начала передъ нею пѣть, плясать, шутить и этимъ вызвала минутную улыбку на угрюмое лице печальной Цереры. Эту Ямбу древніе называли изобрѣтательницею стихосложенія, которому дали ея имя (ямбъ); другіе, вмѣсто молодой служанки именуютъ старуху *Баубо* жену флейщика Дисавла. Эта старуха вмѣстѣ съ *Яккосомъ* или *Бахусомъ* (виноградный сокъ) плясала предъ Церерою неблагопристойную пляску и уговорила ее выпить хмѣльной напитокъ въ родѣ пива. Прежде нежели перейдемъ къ третьему варіанту этого эпизода похожденій Цереры, объяснимъ предыдущую аллегорію.

Странствованія богини по землѣ—это постоянное распространеніе земледѣлія, а съ нимъ и плодородія. Ея улыбка при дворѣ элевзискаго царя: обильный урожай послѣ долгой засухи и лѣсныхъ пожаровъ (факлы зажженные Церерою надъ кратеромъ Этны), наконецъ Баубо или Ямба, та или другая, ничто иное какъ олицетворенія хмѣля, растеніи живаго, такъ сказать рѣзваго, наружнымъ видомъ похожаго на виноградъ и обладающаго отчасти его свойствами.

Третій варіантъ —о пребываніи богини въ домѣ *Гесперы* (вечерняя звѣзда), говорятъ, будто сынъ этой женщины *Аскалафъ* или *Стелліо* посмѣялся надъ жадностью, съ которою усталая Церера ѣла и пила поданное ей кушанье и питье и за это ею превращенъ былъ въ ящерицу... Опять весьма остроумная аллегорія: Церера, жадно поглощающая питье и пищу -земля, впитывающая въ себя поливку, излишествъ которой можетъ породить пресмыкающихся или амфибій. По продолженію перваго сказанія, ца-

рица Меганира, мать *Триптолема*, *Демофона* и *Деифона* довѣрила ей воспитаніе одного изъ нихъ. Желая оправдать это довѣріе и отблагодарить радушную царицу, Церера одарила воспитанника своего безсмертіемъ. Днемъ она омывала его амброзіею, ночью грѣла на своей груди и очищала, пронося надъ огнемъ. Меганира, заставъ однажды ночью няню своего сына за подобной операціей въ ужасѣ вскрикнула. Тогда Церера принявъ свой божественный видъ упрекнула царицу за ея недовѣріе и за то, что она своею нескромностью лишила своего сына безсмертія. Въ память же таинственныхъ, ночныхъ операцій надъ царевичемъ, богиня приказала совершать таинства элевзискія въ особенномъ, для нихъ предназначенномъ храмѣ. Триптолема она обучила земледѣлію, которому подарила плугъ, соху и борону; но до того она еще посѣтила нѣсколькихъ царей Арголиды и Аттики и между прочими *Фитала*, котораго научила сажать смоковницу.

Впрочемъ, объ изобрѣтеніи земледѣльческихъ орудій у древнихъ существовали многія другія сказанія. Такъ они говорили, что первую соху подарила Минерва любимицѣ своей *Мирмексѣ*, которая, сдѣлавъ въ этомъ орудіи кой-какія измѣненія, назвалась его изобрѣтательницею и за это была превращена въ муравья (по гречески: мирмексъ). Изъ муравьевъ, по просьбѣ Эака, одного изъ адскихъ судей, Юпитеръ впослѣдствіи создалъ цѣлое племя людей пигмеевъ —*мирмидоновъ*. Изобрѣтателемъ сохи величался и Филомелъ, братъ Плутуса. Какъ бы то ни было, но греки, отдавая преимущество Триптолему, обоготворили память этого перваго земледѣльца. Обученный Церерою Триптолемъ подъ ея покровительствомъ отправился странствовать по разнымъ странамъ земли, чтобы подѣлиться съ людьми своими познаніями. Прибылъ въ Скиѳію, ко двору царя *Линка*, который изъ зависти намѣревался убить его, но Церера, проникая умыслы злодѣи, превратила его въ рысь. Изъ Скиѳіи Триптолемъ отправился въ страну Гетовъ, въ Мизію, гдѣ былъ радушно принятъ царемъ *Карнобутою*. Выученный Триптолемомъ послѣдній изъ ревности, чтобы его наставникъ не дѣлился болѣе своими знаніями ни съ кѣмъ, рѣшился, подобно Линку, умертвить его, но и на этотъ разъ Церера спасла своего ученика, поразивъ Карнобуту безу-

уміемъ, въ припадкѣ котораго, онъ самъ лишилъ себя жизни. Боги превратили его въ созвѣздіе змѣя или дракона.

По возвращеніи въ Аттику Триптолемъ посвятилъ себя совершенно благодѣтельному искуству земледѣлія и близъ Аѳинъ, на поляхъ Раріона посѣялъ первый ячмень. Въ трудахъ своихъ онъ имѣлъ четырехъ помощниковъ: *Гемонира*, который первый впрегъ воловъ въ плугъ и былъ убитъ громомъ въ то время, какъ проходилъ по полосѣ; *Милеса*, изобрѣтателя мельничныхъ жернововъ; *Мегалорта* и *Мегаломара*, изобрѣтателей хлѣбопеченія Въ Беотіи имъ воздавали божескія почести, а на Делосѣ въ ихъ честь учреждены были праздники *Мегалоритіи*, на которыхъ въ торжественномъ шествіи носили караваи печенаго хлѣба.

Послѣ пребыванія своего въ Элевзисѣ, Церера возвратилась на островъ Сицилію, гдѣ провела два года и напала наконецъ на слѣдъ похищенной Прозерпины. На берегу источника Кіанеи она нашла покрывало своей дочери, отъ паросскаго пастуха Кабарна узнала, что похититель ея дочери Плутонъ и что Прозерпина находится въ преисподней. Не теряя времени Церера отправилась на Олимпъ и пожаловалась Юпитеру на его брата, прося суда и расправы. Царь боговъ, выслушавъ обѣ стороны, рѣшилъ согласно волѣ Судьбы, что Прозерпина въ такомъ только случаѣ должна быть возвращена ея матери, если во все время пребыванія своего въ аду не вкушала никакой пищи. Восхищенная Церера готовилась уже обнять свою дочь, какъ явившійся на судъ боговъ *Аскалафъ*, сынъ Мрака и Ахерона или Стикса, объявилъ, что Прозерпина, недавно почувствовавъ голодъ, утолила его зерномъ гранадоваго яблока... Чтобы утѣшить огорченную Цереру, Юпитеръ смягчилъ приговоръ и постановилъ, чтобы Прозерпина въ теченіе одного полугодія пребывала на землѣ, съ матерью; въ теченіе-же другаго — въ преисподней, съ Плутономъ. Церера, бросивъ Аскалафу нѣсколько капель воды въ лице, превратила его въ филина, какъ она превратила его теску или Стелліо — въ ящерицу. Послѣ того богиня опять отправилась путешествовать по странамъ древняго міра, особенно славившагося плодородіемъ. Въ одной изъ этихъ странъ плѣнясь *Язіономъ*, однимъ изъ побочныхъ сыновей Юпитера, она вступила съ нимъ въ связь и родила отъ него *Плутуса*, бога богатствъ и *Корита* или *Корибата*, бога гражданскаго благоустройства. Дальнѣйшая участь богини неизвѣстна.

Миѳъ о похищенной Прозерпинѣ принадлежитъ къ числу самыхъ остроумныхъ аллегорій древности. Эта дочь Цереры, похищенная богомъ преисподней, ничто, или вѣрнѣе, ничто иное, какъ пшеничное зерно посѣянное весною; покрывало Прозерпины — ростокъ, вышедшій изъ зерна на поверхность земли, Юпитеръ согласился возвратить Прозерпину матери, если она, подъ землею, не вкушала никакой пищи: такъ зерно покуда не дастъ ростка можетъ быть вырыто изъ земли. Полгода пребыванія на поверхности земной и полгода въ преисподней — два срока въ которые посѣянное жито выходитъ, колосится и пожинается.

Начало обоготворенія Цереры положено было въ Элевзисѣ. Цари: *Дисавлъ* и *Келей* по приказанію богини построили ей здѣсь храмъ и установили таинства, опредѣливъ для совершенія ихъ четырехъ первосвященниковъ, которыхъ имена сохранились въ миѳологіи; то были: *Діоклъ*, *Эвмолпъ*, *Доликъ* и *Племней*. Таинства эти названы были Элевзиніями.

Эвмолпъ, выходецъ ѳракійскій, былъ сыномъ нимфы Хіоніи (снѣга) и Нептуна, воспитала его нимфа Бевѳесикимія. Распутный въ юности онъ былъ изгнанъ изъ Греціи и нашелъ себѣ пріютъ у ѳракійскаго царя Тегира, но и здѣсь неужился долго и возвратился на родину въ Элевзисъ. Отсюда Тегиръ вызвалъ его къ себѣ обратно и передалъ ему свою царскую власть. Во время войны между аѳинянами и элевзисцами, Эвмолпъ, заключивъ союзъ съ послѣдними, побѣдилъ царя аѳинскаго Эрехѳея, сына Кокропса. Эрехѳей, тѣснимый непріятелями, принесъ въ жертву Аѳинѣ или Минервѣ родную свою дочь и со слѣдующаго же дня началъ брать верхъ надъ Эвмолпомъ и войсками элевзискими. Долгая война окончилась миромъ, основою которому послужило раздѣленіе власти Аѳинъ и Элевзиса надъ прочими городами Греціи: Аѳины сдѣлались городомъ царственнымъ, Элевзисъ — священнымъ и верховнымъ; жрецомъ назначенъ былъ Эвмолпъ.

Такимъ образомъ, миѳологи не согласны въ томъ, кому первому принадлежитъ установленіе элевзискихъ таинствъ: Эвмолпу, Эрехѳею или Дисавлу? Иные учредителемъ ихъ называютъ и Ор-

фея; но, какъ бы то ни было, таинства праздновались каждыя пять лѣтъ въ Элевзисѣ, каждые четыре года у келейцевъ и ежегодно въ Спартѣ и на островѣ Критѣ. Элевзипіи, или таинство богини опечаленной (*Эхвейи*) продолжались девять дней, а на десятый оканчивались гимнастическими играми. Таинства дѣлились на *малыя* и *великія;* первыя происходили весною, въ мартѣ мѣсяцѣ, вторыя въ сентябрѣ. Впрочемъ осенью числа мѣсяцевъ колебались между 11 числомъ августа и 6 сентября. Малыя таинства состояли изъ обрядовъ посвященіи неофитовъ. Онѣ совершались близъ Аѳинъ въ Агрѣ на берегахъ Илисса. Въ назначенный день посвящаемые купались въ этой рѣкѣ, потомъ облачались въ окровавленныя кожи жертвъ, принесенныхъ Юпитеру (*Діосъ Кодіонъ*); постились нѣсколько дней, давали клятву хранить ненарушимое молчаніе обо всемъ, чтобы они ни увидали въ капищѣ богини; произносили вслѣдъ за жрецомъ особенныя, непонятныя слова. Послѣ того, неофитовъ быстро проводили съ дневнаго свѣта въ темноту и наоборотъ, ужасали ихъ внезапнымъ землетрясеніемъ или явленіемъ призраковъ. Удостоенные первой степени посвященія именовались *мистами* или новичками. Черезъ годъ, они приносили въ жертву царицѣ борова и тогда имъ открывали уже высшія таинства, давая имъ имена *эпоптовъ* или *эфировъ* (созерцателей). Великія таинства праздновались девять дней, изъ которыхъ каждый имѣлъ особыя названія: 1) *Агирма* (день сборища); 2) *Галадэ мисте* (море посвященныхъ); 3) день жертвы; 4) *Ѳійя*: 5) *Лампадефоріи* (день факлоносцевъ); 6) *Яккосъ;* 7) *Эпидавріи;* 8) *Племохоэ* (день глинянаго сосуда).

Въ первый день, какъ показываетъ самое его названіе, всѣ посвященные или мисты собирались близъ храма, чтобы удостоиться возведенія во вторую степень—*телетовъ* или совершенныхъ. Во второй день они купались въ соляныхъ источникахъ, находившихся между Аѳинами и Элевзисомъ и обладавшихъ (по словамъ жрецовъ) свойствомъ очищать и просвящать тѣло и душу. На третій день въ жертву богинѣ приносили лошаковъ и лепешки изъ ячмени, сорваннаго на поляхъ Раріона; участвовавшимъ дозволялось нарушать постъ, вкушая сласти, печенья и плоды кромѣ

гренадовыхъ яблоковъ. Въ память похищенія Прозерпины Плутономъ въ ночь съ третьяго на четвертый день участвовавшіе въ празднествахъ мужчины и женщины предавались любовнымъ наслажденіямъ. Въ четвертый день посвященные ходили процессіей вокругъ храма, везя колесницу богини, съ посаженною на ней священною вороною. За ними слѣдовали *кистофоріи* —женщины, которыя несли корзины, наполненныя хлѣбными лепешками, пшеномъ, льномъ, гренадами и змѣями. Народъ, замыкавшій процессію, кричалъ: привѣтъ Церерѣ! День оканчивался плясками. На пятый день *лампадефорій*, посвященные, предводимые *додукомъ*, попарно бѣгали по городскимъ улицамъ съ факлами въ рукахъ, а потомъ въ глубокомъ молчаніи обходили вокругъ наружныхъ стѣнъ храмовой ограды и по окончаніи этой процессіи передавали свои факлы додуку, который махалъ ими на присутствовавшихъ, такъ какъ огонь долженъ былъ очищать ихъ. Эти хожденія съ факлами совершались въ память Цереры, когда она съ факлами въ рукахъ отыскивала Прозерпину.

Шестой день (*Яккосъ*) былъ самый торжественный. Празднества его имѣли предметомъ чествованіе Яккоса или Бахуса (Вакха), сына Цереры (хотя вообще его признавали сыномъ *Семелы* и Зевса). Въ сущности, во время праздника, чествовали не бога вина, но виноградъ, олицетворенный въ видѣ мальчика, увѣнчаннаго миртами и съ факломъ въ рукѣ. Этого идола несли въ процессіи отъ Керамики до Элевзиса. Вслѣдъ за нимъ несли серпы, виноградные тиски, разныя земледѣльческія оружія и символъ производительныхъ животныхъ силъ въ видѣ *пріапа* или *фаллуса* [1]. Во время процессіи пѣли гимны и возглашали имя виновника торжества; вообще она имѣла характеръ буйной вакханаліи. Изъ Аѳинъ выходили священными воротами (*Гіера пилэ*) и священною дорогою (*Гіера годосъ*), всю ночь шли къ Элевзису. На одномъ изъ приваловъ происходило посвященіе мистовъ въ эпопты при совершеніи обрядомъ *гіерокериксомъ* или

---

[1] Лингамъ индусовъ, бель-пеоръ халдеевъ. Символистика древнихъ была чужда всякаго чувства стыдливости; трудно рѣшить было-ли это признакомъ патріархальной наивности или крайняго безстыдства.

главою жрецовъ-глашатаевъ. Послѣ многихъ омовеній, посвящаемымъ надѣвали черезъ плечо *небраду* (лосину), облачали ихъ въ бѣлыя льняныя одежды и вѣнчали миртомъ. По окончаніи обрядовъ жрецы поздравляли новыхъ своихъ собратьевъ, называя ихъ *эвдемонами, ольбіосами* (счастливыми). Затѣмъ двери храма отворялись и эпопты вступали въ святилище и преклонялись предъ статуею прелестной женщины. Эта послѣдняя часть церемоніи называлась *фотагогіею* (вступленіемъ въ просвѣтленіе).

Утромъ седьмаго дня праздновался возвратъ Цереры (*гефиризма*) послѣ ея скитаній по разнымъ странамъ земли. Не доходя Элевзиса процессія останавливалась подъ смоковницею (въ память отдыха богини) и здѣсь происходила борьба между жрецами и богомольцами, всегда оканчивавшаяся пораженіемъ послѣднихъ; послѣ борьбы верховный эпоптъ обвязывалъ себѣ голову лентою и получалъ мѣру ячменя, собраннаго на священныхъ поляхъ Элевзиса. Восьмой день—*эпидаврій* былъ посвящаемъ чествованію Цереры и Эскулапа; послѣ благодареній богинѣ за хлѣбъ, плоды и виноградъ поклонники выражали ей свою признательность за даруемыя ею лекарственныя травы. Въ девятый день—*племохоэ*, т. е. день глиняннаго сосуда, жрецы, наполнивъ виномъ два сосуда, выливали изъ нихъ вино, изъ одного на востокъ, изъ другаго на западъ; потомъ наполнивъ сосуды освященною водою кропили ею присутствовавшихъ, которые расходились по домамъ, когда Гіерофонтъ или верховный жрецъ произноситъ таинственныя слова: *конксъ омпаксъ*.

Глубокъ былъ символическій смыслъ празднества девятаго дня: эти обряды напоминали людямъ, что съ окончаніемъ скоротечной жизни земной, начинается жизнь вѣчная; что человѣкъ на землѣ зерно человѣка будущаго; что наконецъ, подобно тому, какъ зерно даетъ ростокъ на девятый день, такъ въ этотъ же періодъ времени для усопшаго сына персти начинается конечное разрушеніе. Очевидно, что сущность таинствъ элевзискихъ заимствована изъ древнѣйшихъ вѣрованій востока.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Степени жрецовъ.—Духовный судъ.—Праздники Цереры—Жертвы.—Изображеніе богини.—Божества сотрудники Цереры.—Флора.—Феронія.—Помона.—Вертумнъ.—Служеніе имъ.—Времена года.—Символы ихъ.—Палеса.—Праздники.—Эризихтонъ.—Что подразумѣвали древніе подъ этимъ именемъ.—Миѳъ Діонеи.

Жрецы, участвовавшіе въ обрядахъ таинствъ великихъ и малыхъ, раздѣлялись на нѣсколько степеней или классовъ. *Гіерефонтъ* или верховный жрецъ олицетворялъ создателя; *Додукъ* факелоносецъ былъ живымъ символомъ солнца; *Гіерокерій*—Меркурія; *Эпибомъ*—луны; *Архонтъ-царь* воспѣвалъ молитвы. При нихъ состояли еще четыре *эпимелета* (распорядители) и десять *гіерополоіевъ* (жертвоприносители).

Каждый аѳинянинъ свободнаго состоянія обязанъ былъ въ теченіе своей жизни быть посвященнымъ въ таинства. За несоблюденіе этого закона ослушниковъ называли безбожниками, или отступниками. Рабамъ, людямъ дурнаго поведенія, а равно и публичнымъ женщинамъ входъ въ храмы Цереры былъ строго воспрещенъ; иноземцамъ храмы эти были также недоступны. Геркулесъ, Касторъ и Поллуксъ принуждены были приписаться къ сословію аѳинскихъ гражданъ, чтобы удостоиться чести быть посвященными въ таинства; скиѳъ *Анахарзисъ*, въ этомъ случаѣ былъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Жрецы элевзискаго храма составляли отдѣльную корпорацію, образовывавшую духовный судъ, преслѣдовавшій и наказывавшій безбожниковъ, или людей разглашавшихъ таинства храма. *Эсхилъ* и *Аристотель* едва спаслись отъ преслѣдованій этого суда, который можно назвать первообразомъ инквизиціи. Небольшіе проступки гражданъ противъ религіозныхъ уставовъ были для жрецовъ самою доходною статьею, такъ какъ за нихъ, виновные

платили штрафы; послѣдніе же налагались и за малѣйшее нарушеніе обрядовъ: прислониться къ священному колодцу близъ храма; поѣсть бобовъ, чечевицы или гренадовыхъ яблоковъ; быть одѣтымъ слишкомъ богато; пріѣхать на праздникъ въ колесницѣ, вмѣсто того чтобы придти пѣшкомъ — одного изъ этихъ *грѣховъ* достаточно было, чтобы жрецы заставили внести въ храмовую кассу значительную денежную сумму.

Кромѣ упомянутыхъ таинствъ, въ честь Цереры, у древнихъ, существовало еще нѣсколько праздниковъ. Послѣ *элевзиній*, самымъ важнымъ были *Ѳесмофоріи*—праздникъ Цереры законодательницы, на которомъ присутствовали только женщины. Совершался онъ близъ Аѳинъ, ночью, въ концѣ октября и въ началѣ ноября и продолжался пять дней. Участвовавшія въ праздникѣ женщины, девять дней передъ тѣмъ постились, омывались и умерщвляли въ себѣ побужденія чувственныя, ложась спать на постеляхъ изъ травъ: камелея (Cneorum L), чабера (Satureia L) или цѣломудренника (Agnus castus L), которымъ древніе приписывали успокоительныя свойства. Послѣ этихъ приготовленій начинался праздникъ, состоявшій изъ церемоніальныхъ шествій. Первые два дня назывались: *діогма* и *аподіогма;* въ третій день — *нестисъ* (постъ) всѣ присутственныя мѣста закрывались; прерывались торговля, полевыя и ремесленныя работы; содержимымъ въ тюрьмахъ за незначительные проступки давалась свобода. На островѣ Сизоніи, въ этотъ день, женщины бѣгали по улицамъ съ зажженными факлами, за ними слѣдовали толпами другія, босыя, съ распущенными волосами, испуская неистовые вопли. Четыре коня везли калаѳу или кошницу (корзинку), посвященную Прозерпинѣ. Четвертый день проходилъ въ пѣніи гимновъ; а на пятый приносили богинѣ жертву очищенія (*Земія*) и носили на головахъ скрижали законовъ; плясали, ѣли лепешки изъ кунжутнаго сѣмени и кончали играми, на которыхъ гасили и зажигали факлы.

Ежегодно праздновались *Хтоніи*, жертвоприношенія, которымъ предшествовали процессіи съ участіемъ въ нихъ лицъ обоего пола всѣхъ сословій и возрастовъ, причемъ на всѣхъ присутствовавшихъ надѣты были вѣнки изъ гіацинтовъ (Hyacinthus comosus L.).

Вели телицу еще не бывшую подъ ярмомъ и на алтарѣ богини ее рѣзали четыре дряхлыя *гереры*. На Аргосѣ Цереру чествовали особеннымъ образомъ. На праздникѣ лернейскомъ въ память прибытія богини въ Арголиду изъ Египта бросали факлы въ пропасть, находившуюся близъ лернскихъ трясинъ и потомъ поклонялись богинѣ въ священной чинаровой рощѣ - *платаномъ*. Въ Аркадіи ночныя празднества Цереры назывались *Фенеатиками;* причемъ Гіерофонтъ каждому изъ присутствовавшихъ наносилъ нѣсколько ударовъ палкою. Въ Эсипѣ (въ Аркадіи же) въ память связи Цереры съ Нептуномъ въ видѣ коня и кобылицы, молодой человѣкъ и молодая дѣвушка въ маскахъ, изображавшихъ лошадиныя головы, предавались любовнымъ наслажденіямъ въ самой чертѣ храмовой ограды. Въ Ахаіи, на Сикіонѣ и въ Мизіи женщины праздновали трехдневныя *Мизіенніи*, при которыхъ изъ храма выгоняли всѣхъ мужчинъ и запирали въ немъ собакъ-самокъ... Кромѣ упомянутыхъ праздниковъ, назовемъ еще: *Алоинніи*—приношеніе первыхъ плодовъ и злачныхъ всходовъ; *Деметеріи*, на которыхъ присутствовавшіе сѣкли другъ друга лозами; *Эпискаріи* и *Оскоффіи*—ношенія идоловъ Цереры и Прозерпины, а также и виноградныхъ гроздовъ; *Проактуріи*—жертвоприношенія предъ началомъ посѣвовъ и, наконецъ *Пилеи*—праздновавшіяся въ Ѳермопилахъ.

Въ Римѣ эдилій Меммій установилъ праздникъ *Цереалій* (съ 7-го по 22-е августа), на которомъ въ память похищенія Прозерпины, одна изъ молодыхъ жрицъ проваливалась подъ полъ храма. Въ жертву богинѣ приносили свиней (отъ которыхъ земледѣльцы научились рыть землю), барановъ, украшенныхъ миртовыми и цвѣточными гирляндами; ей посвящены были макъ и буковое дерево (Buxus L.). Оба растенія, какъ обладающія снотворной силой, назывались у древнихъ *утоляющими душевную скорбь* и служили ей символами. Изъ мѣсяцевъ года Церерѣ былъ посвященъ августъ; зодіакальный его знакъ дѣва съ колосомъ въ рукахъ—сама Церера. Кромѣ вышеупомянутыхъ жертвъ, въ Римѣ приносили Церерѣ лисицъ, медъ, молоко, муку, зерна, сѣмена, ладонъ и растительные ароматы. Мистеріи или таинства продолжались праздноваться до временъ императора Ѳеодосія.

Богиню изображали въ видѣ статной, красивой женщины съ открытою грудью, съ колосьями и факлами въ рукахъ, увѣнчанную вѣнкомъ изъ маковыхъ цвѣтовъ. У ногъ ея изображали рогъ изобилія и орудія земледѣльческія; иногда — быковъ или же представляли ее въ видѣ женщины, кормящей младенца грудью. Впрочемъ, отъ прозвищъ богини зависѣли самыя ея изображенія; такъ идолы Цереры многогрудой (*Маммозы*) были покрыты со всѣхъ сторонъ женскими грудями. Церера была у древнихъ воплощеніемъ Земли-кормилицы, но производительныя ея силы и ихъ проявленія были олицетворены цѣлымъ легіономъ боговъ и богинь, помощниковъ и помощницъ, именнымъ спискомъ которыхъ считаемъ не лишнимъ закончить разсказъ нашъ о Церерѣ.

У римлянъ: *Урожай* (Bonus Eventus) имѣлъ особые алтари и кумировъ въ видѣ нагого мужчины съ кубкомъ и снопомъ колосьевъ въ рукахъ. *Бубона* — богиня хранительница быковъ и домашней скотины; *Кандитора* или *Конвектора* — хранительница сноповъ; *Консивій* — богъ посѣвовъ; *Деверра* или *Деварона* — молотильщица; *Консива* и *Опсъ* — зерна посѣвовъ; *Фаіацеръ* — богъ плодовыхъ деревьевъ: *Фауститасъ* — размножительница стадъ; *Феронія* — богиня плодовыхъ завязей: *Флора* — цвѣтовъ [1]; *Фругерія* — обильныхъ жатвъ; *Гадрей* — богъ созрѣванія колосьевъ; *Гиппона* — богиня лошадей; *Гостилина* — жатвъ; *Импорциторъ* — богъ вспахиванія; *Инситоръ* — прививки; *Лактунусъ* и *Ликтуція* — хранители колосящихся хлѣбовъ, когда зерна наливаются молокомъ; *Лимфа* — богини поливки; *Матурнъ* — богъ созрѣванія; *Меллона* — покровительница пчелъ; *Мессоръ* и *Мессія* — покровители жатвъ; *Нинея* — богиня луговъ; *Нодинусъ* — богъ плетней; *Надутерусъ* — молотьбы, равно и *Нилумнъ*. *Обараторъ* — богъ первыхъ полевыхъ работъ; *Оккаторъ* боронеиья; *Опора* — богиня плодородія; *Ореады* — богини нагорьевъ; *Палесы* — полей; *Панъ* — богъ лѣсовъ; *Панисъ* — хлѣба; *Пателена* — спѣлыхъ колосьевъ; *Помона* — богиня плодовъ; *Популонія* — оберегательница полей отъ градобитія и вредныхъ насѣкомыхъ; *Пута* (стрижка деревьевъ), *Редераторъ* (двоеніе), *Робига* (хранительница хлѣбовъ отъ спорыньи). Ей приносили въ жертву овецъ, собакъ, ладонъ и чествовали ее особыми праздниками — Робигаліями. *Рурина* (полеводство), *Саторъ* (жатва), *Спинензелъ Деусъ* (богъ живыхъ изгородей), *Стерцесъ* (навозъ), а равно и *Стеркулусъ*; *Теллуръ* (хлѣбородная земля), *Вертумнъ* — богъ садовъ, огородовъ и сбора плодовъ; *Вакуна* — богиня отдыха послѣ уборки хлѣба (праздники ея *Вакунаіи* были въ ноябрѣ); *Волутина* — богини отрубей и т. д.

---

[1] О ней и о нѣкоторыхъ другихъ мы подробно поговоримъ ниже.

Изъ этой массы боговъ и богинь особенно замѣчательны немногіе; къ таковымъ мы причисляемъ: Флору, Феронію, Полину, Вертумна и Палесу.

Служеніе *Флорѣ* въ Римѣ установлено было въ 241 году до Р. Х. учрежденіемъ праздника *Флоралій* (съ 28-го апрѣля по 3-е мая), сопровождавшагося цвѣточными играми и неблагопристойностями. Нагія женщины боролись на аренѣ цирка и бѣгали взапуски; обогнавшую своихъ соперницъ награждали цвѣточнымъ вѣнкомъ, а всѣхъ присутствовавшихъ осыпали бобовыми зернами. Миѳы и богини цвѣтовъ ни мало не любопытны. Флора, жена или любовница Зефира имѣла репутацію богини непостоянной, алчной до наслажденій чувственныхъ и любящей разнообразіе. Ея спутницею называли *Феронію* — богиню плодовыхъ завязей или правильнѣе — богиню переходнаго времени отъ весны къ лѣту. Дары Флоры — цвѣты и ароматы, въ рукахъ Фероніи осыпались, превращаясь въ завязи будущихъ плодовъ — даровъ Помоны. Эти три богини были подобіемъ трехъ Парокъ тартара, съ тою разницею, что послѣднія держали въ своихъ рукахъ нить жизни человѣческой, а Флора, Феронія и Помона завѣдывали тремя эпохами жизни растительной: цвѣтомъ, завязью и плодомъ. Сравненіе юности съ цвѣткомъ, лѣтъ мужества — съ плодовою завязью и старости — съ зрѣлымъ плодомъ существовало въ глубочайшей древности, и не могло оно ускользнуть отъ вниманія грековъ, народа умѣвшаго такъ прекрасно поэтизировать всю природу. Въ честь Фероніи были праздники, на которыхъ жрецы безвредно ходили по горячимъ угольямъ и брали въ руки полосы раскаленнаго желѣза.

Этимъ гаерствомъ они доказывали присутствовавшимъ, что огонь Фероніи, т. е. теплота необходимая для растеній, не можетъ быть гибельна. Въ землѣ сабинянъ на горѣ Соравтѣ, Фероніи посвящены были двѣ рощи. Въ той, которая находилась близъ нынѣшней Террачины, былъ источникъ какой-то чудесной воды и храмъ, въ который сходились на богомолье сабиняне и латины. Здѣсь же совершался обрядъ освобожденія рабовъ, приносившихъ въ жертву богинѣ волосы свои, остриженные тутъ же въ храмѣ. Мужемъ Фероніи называли бога *Анксура*.

Помона, невѣдомая грекамп, по сказаніямъ миѳологіи римской, родилась въ Этруріи, гдѣ съ нѣжнѣйшей юности занималась огородничествомъ и садоводствомъ. Прелестная собою она дала обѣтъ оставаться дѣвственницею, не смотря на преслѣдованія многихъ искателей ея руки. Изъ нихъ особенно настойчивъ былъ *Вертумнъ*, богъ временъ года и сбора плодовъ. Обладая способностью по произволу перемѣнять наружный видъ, Вертумнъ являлся къ Помонѣ въ разное время подъ четырьмя разными видами: молодаго пахаря, жнеца, винотрадари и старухи. Красавица Помона, занятая своими деревьями не обратила на него вниманія три раза и только на четвертый разговорилась съ нимъ, не подозрѣвая, что подъ личиною старухи скрывается ея неутомимый обожатель. Однажды, бесѣдуя со своей пріятельницей, старуха навела разговоръ на Вертумна, представила Помонѣ всю неосновательность и скуку одиночества и дѣло окончилось тѣмъ, что богиня плодовъ отдала руку и сердце Вертумну, мгновенно превратившемуся изъ старухи въ себя самого. Жили они долго и счастливо, дѣля другъ съ другомъ заботы о виноградникахъ, огородахъ и плодовыхъ садахъ.

Для служенія Помонѣ, въ Римѣ существовали особые жрецы подъ начальствомъ верховнаго, называвшагося Фламиномъ-помоналомъ. Въ честь Вертумна праздновались *Вертумналіи* (въ октябрѣ), во время которыхъ въ жертву богу приносили первые спѣлые плоды. Какъ Помона, такъ и Вертумнъ — олицетворенія временъ года. Ухаживая за Помоною онъ являлся ей въ видѣ пахаря (весна), жнеца (лѣто), винотрадаря (осень) и старухи (зима). Круговоротъ земледѣльческихъ занятій былъ у римлянъ олицетворенъ богинею, называвшеюся *Анна Перенна;* сверхъ того, каждое время года было посвящено отдѣльному божеству: весна Меркуріи или Флорѣ, лѣто Аполлону или Церерѣ, осень Вакху, Помонѣ и Вертумну, зима Геркулесу. Символомъ первой было яйцо, втораго — сосудъ и тирсъ, третьей — плоды и сѣти, четвертой — заяцъ.

Палеса или *Пареса* завѣдывала пашнями и стадами. Палиліи въ ея честь праздновались 21-го апрѣля или въ одиннадцатый день мартовскихъ календъ. Испрашивая у богини покровительства, земледѣльцы въ то же время испрашивали у нея прощенія за всѣ ошибки минувшаго года: за порчу деревьевъ, ихъ рубку въ священныхъ рощахъ, за неуборку падали съ пахатныхъ полей, за укрывательство въ храмахъ во время грозы и т. п. При этомъ весталка раздавала молящимся золу отъ сожженнаго на алтарѣ теленка-выпоротка. Въ праздникъ *Фордикидій* эту золу бросали на горячіе угольи, поливая ихъ лошадиною кровью; потомъ жгли копны соломы, сквозь которыя пастухи троекратно перепрыгивали. По возвращеніи стадъ съ пастбища ихъ, не впуская въ хлѣвы и стойла, кропили освященной водой съ лавровыхъ вѣтвей, потомъ весь скотъ, хлѣвы и стойла окуривали смѣсью сѣры, можжевельника, маслины, розмарина, сосновыхъ почекъ, лавроваго листа, бобовыхъ стеблей и лошадиной крови. Затѣмъ слѣдовали молитвы и приношенія богинѣ, состоявшія изъ медовыхъ лепешекъ и бобовъ, политыхъ молокомъ и вареньимъ виномъ. Праздникъ заключался пиромъ, на которомъ пили *бурранику* — смѣсь меда съ вареньимъ виномъ и зажигали костры, чрезъ которые прыгали.

Эти языческія празднества совершались въ Италіи до 692 г. до Р. Х., когда были запрещены константинопольскимъ соборомъ; многіе изъ этихъ суевѣрныхъ обрядовъ еще и донынѣ существуютъ почти повсемѣстно, а именно святыхъ, покровителей стадъ встрѣчаемъ во всѣхъ народныхъ святцахъ христіанскаго міра. Другой праздникъ *Периліи* состоялъ въ томъ, что хозяйки домовъ ложась на домашніе очаги молили богиню о ниспосланіи имъ терпѣнія во время родовъ, а послѣднимъ легкости.

Заклятымъ врагомъ Цереры и всѣхъ боговъ и богинь полевод-

ства былъ *Эризихтонъ*, о происхожденіи котораго въ миѳологіи существуетъ два сказанія. По первому, онъ былъ сынъ Кекропса и строилъ храмъ Аполлону на островѣ Делосѣ; по второму, отцемъ его былъ царь ѳессалійскій Тріопасъ. Однажды Эризихтонъ приказалъ вырубить священную рощу Цереры и такъ какъ никто не хотѣлъ ему повиноваться, то онъ самъ совершилъ это святотатство. За него Церера наказала Эризихтона неутолимымъ голодомъ; онъ распродалъ все свое движимое и недвижимое имущество, разорился и вмѣстѣ съ дочерью *Метрою* или *Гиперместрою* принужденъ былъ идти по міру. Ради пропитанія онъ продавалъ свою дочь, одаренную способностію превращенія въ быка, лошадь, собаку, птицу. Чѣмъ и какъ окончилъ свои похожденія отецъ съ дочерью, о томъ миѳологія умалчиваетъ; за свой голодъ Эризихтонъ прозванъ былъ *Эѳономъ*, т. е. жгучимъ, снѣдающимъ. Это таинственное лицо ничто иное какъ болѣзнь ржи и вообще хлѣбныхъ злаковъ, извѣстныхъ подъ именемъ головли: она поѣдаетъ хлѣбъ какъ страдающій голодомъ. По мнѣнію другихъ коментаторовъ Эризихтонъ олицетвореніе засухи и неурожая. Оба предположенія одинаково основательны и аллегорія не лишена остроумія, какъ и многія аллегоріи древности.

Окончивъ обзоръ исторіи Цереры, мы должны сказать нѣсколько словъ о *Діонеѣ*, дочери Эѳира и земли, которую древніе называли матерью богини любви *Венеры*. Подъ этимъ именемъ должно подразумѣвать производительную силу природы, силу женственную, оплодотворенную, которой противупоставляютъ силу мужественную оплодотворяющую. Впрочемъ сказанія о происхожденіи Венеры до того разнорѣчивы, что права Діонеи на имя матери богини любви подлежатъ большому сомнѣнію.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Венера.—Прозвища.—Ея рожденіе.—Воспитаніе.—Поясъ Венеры.—Ея появленіе на Олимпѣ.—Супружество съ Вулканомъ.—Частыя измѣны.—Дѣти ея.—Адонисъ.—Празднества въ его память.—Ихъ символическое значеніе.—Похожденія Венеры.—Ея отношенія къ богамъ и смертнымъ.

Богиня любви и красоты *Афродита* грековъ, *Венера* римлянъ, у тѣхъ и у другихъ пользовалась еще великимъ множествомъ прозвищъ, изъ нихъ же нѣкоторыя достойны упоминанія. *Адикосъ* (несправедливая), *Алигена* (моремъ рожденая), *Амбалогра* (замедляющая старость), *Андіомена* (спасительница утопающихъ), *Анаксорета* (осторожная), *Андрофона* и *Анозія* (безжалостная), *Анѳея* (цвѣтущая), *Анатурія* (обманчивая), *Апострофія* (предохранительница), *Архитисъ* (опечаленная), *Арсута* (покровительница влюбленныхъ), *Бабата* (растительница волосъ), *Каллипига* (съ красивыми бедрами), *Киприда* (кипрская), *Кальва* (лысая), *Коньюгалисъ* (присутствующая при союзахъ любовныхъ), *Кипрская*, оживившая мраморную статую Галатеи, въ которую влюбился изваявшій ее Пигмаліонъ. Отъ него Галатея родила сына Пафоса. *Эпистрофія* (предохранительница), *Эпилимбія* (спутница человѣка отъ колыбели до могилы), *Генетрикса* (зарождающая), *Меминія* (памятливая), *Меретрикса* (покровительница развратницъ), *Морфо* (окованная; въ память статуи, на которую Тиндаръ надѣлъ цѣпи въ знакъ подчиненности женщины), *Мурзія* (лѣнивая), *Пафосская*, *Пеласгія* (морская), *Препотенса* (всемогущая), *Иситиросъ* (говорливая), *Риденсъ* (смѣющаяся), *Спрмигена* (изъ пѣны рожденная), *Верткордія* (цѣломудренная), *Уранія* (небесная). Кромѣ этихъ прозвищъ въ видѣ именъ прилагательныхъ качественныхъ, можно было бы прибрать до сотни прозвищъ мѣст-

ныхъ, такъ какъ каждый городъ Греціи имѣлъ притязаніе на особенное къ нему благоволеніе и покровительство богини.

Въ одной изъ первыхъ главъ мы говорили о томъ, какъ Сатурнъ изувѣчилъ отца своего Урана. Капля крови послѣдняго упала въ море, которое вспѣнилось, заклокотало и изъ клубовъ млечно-бѣлой пѣны появилась *Афродита* во всемъ блескѣ юности и красоты. Природа восхищенная появленіемъ богини возликовала; жители пучинъ морскихъ; тритоны, наяды, нереиды столпились вокругъ новорожденной, впряглись въ раковину, послужившую ей колесницею или ладьею и напутствуемые Зефиромъ примчали ее на островъ Кипръ, откуда она отправилась на Олимпъ.

Здѣсь ее встрѣтили *Горы* (часы), дочери Ѳемиды и Юпитера и занялись ея воспитаніемъ. Первая ее будила; вторая учила искуству плѣнять безъ нарядовъ; третья кормила ее плодами; четвертая учила говорить сердцемъ; пятая наставляла въ правилахъ мудрости; шестая укрѣпляла въ чувствахъ дружбы; три слѣдующія объясняли ей обязанности человѣколюбія, супружеской вѣрности и любви материнской. Послѣднія три горы учили ее пѣнію, пляскамъ и граціозному обхожденію. По окончаніи образованія, учительницы опоясали свою питомицу чудеснымъ поясомъ, одареннымъ силою плѣнять боговъ и людей. На лицевой его сторонѣ была изображена любовь, которую ведетъ надежда, сопровождаемая признаньями и наслажденьями. Далѣе въ свитѣ любви находились: восторги, блаженства, сладостная истома, вздохи, клятвы, побранки, и примиренія. Иной рисунокъ былъ изображенъ на изнанкѣ пояса. Тутъ видны были угрызенія совѣсти, подозрѣніе, рѣвность, ненависть, коварство, измѣна, мщеніе и лицемѣріе. Сіяющая красотою Венера была представлена горами всѣмъ олимпійскимъ богамъ и богинямъ и всѣхъ ихъ чуть не свела съ ума первыхъ отъ любви вторыхъ отъ зависти. Юпитеръ тотчасъ же призналъ ее своею дочерью и провозгласилъ царицею красоты къ крайней досадѣ ревнивой своей Юноны. Послѣ того, когда пришло время подумать объ избраніи мужа богинѣ, Юпитеръ выдалъ ее за *Вулкана*, безобразнѣйшаго изъ всѣхъ боговъ, думая (весьма ошибочно), что онъ будетъ блюстителемъ нравственности своей

супруги. Къ несчастію Венера не замедлила войдти въ преступныя связи съ Юпитеромъ, Марсомъ, Меркуріемъ, Аполлономъ, Вакхомъ, а изъ героевъ съ Адонисомъ, Анхизомъ и Бутесомъ. Отъ Юпитера она имѣла *Грацій*; отъ Марса *Гармонію* или *Амура*, отъ Меркурія *Гермафродита*, отъ Вакха *Пріапа* и *Гименея*. Отъ Анхиза *Энея*, отъ Бутеса Эгикса. Свиту вѣтреной богини составляли *Игры*, *Смѣхи* и цѣлый легіонъ нимфъ, одна другой прелестнѣе.

Послѣ связи своей съ Юпитеромъ, Венера удостоила своею благосклонностію Марса. При первомъ своемъ появленіи богъ войны испугалъ Венеру, но когда онъ сложилъ свой шлемъ и все оружіе къ ея ногамъ, она пала въ его объятія и любовники блаженствовали, охраняемые отъ глазъ нескромныхъ свидѣтелей *Алектріономъ* или *Галлусомъ*. Аполлонъ съумѣлъ обмануть этого бдительнаго сторожа: скрывшись за облакомъ онъ подкараулилъ ихъ и обо всемъ довелъ до свѣденія Вулкана. Бѣдный мужъ внѣ себя отъ ярости, выковалъ тонкую проволоку, сплелъ изъ нея сѣть и накрывъ ею Венеру и Марса, созвалъ всѣхъ боговъ и богинь, чтобы они были свидѣтелями его позора и вѣроломства Венеры. Боги и богини посмѣялись; Юпитеръ приказалъ снять сѣть съ пойманныхъ; Марсъ бѣжалъ въ горы Ѳракіи, превративъ передъ тѣмъ Алектріона въ пѣтуха. Съ той поры птица эта (символъ мужества и бодрости) крикомъ своимъ возвѣщаетъ людямъ о приближеніи солнца къ восходу. Венера, чтобы утѣшиться, въ отсутствіе Марса полюбила недавняго своего доносчика Аполлона. Богъ изящныхъ искуствъ плѣнилъ ее пѣніемъ гимна въ честь постоянства и въ осужденіе вѣтренности. Съ этого самаго дня влюбленные въ часы утра стали встрѣчаться на небесномъ сводѣ: Венера неслась на встрѣчу Аполлону, несомая лучистою, алмазною утреннею звѣздою или денницею; островъ Родосъ служилъ имъ мѣстомъ нѣжныхъ свиданій до того вечера, когда Венера замѣтила, что Аполлонъ ушелъ отъ нея въ океанъ, чтобы пасть въ объятія супруги Нептуна *Амфитриды*. Оскорбленная этой невѣрностью, она нѣсколько времени плакала, потомъ утѣшилась полюбивъ *Адониса*.

О происхожденіи этого красавца, любовника двухъ богинь, Ве-

неры и Прозерпины, существовало сказаніе будто онъ родился отъ *Мирры* и роднаго отца ея *Θоаса*. Влюбленная въ отца Мирра хотѣла удавиться, но была спасена своею нянькою, давшею ей послѣ того возможность удовлетворить преступную свою страсть, свидясь съ Θоасомъ на ночныхъ сходбищахъ таинствъ Цереры. Почувствовавъ себя беременною, она, чтобы скрыть свой стыдъ, бѣжала въ землю сабейцевъ или въ страну Савскую и здѣсь была превращена въ дерево, источающее мирру. Въ опредѣленный природою срокъ изъ дерева мирры явился на свѣтъ Адонисъ, взятый наядами и воспитанный ими въ одной уединенной пещерѣ Аравіи. Отсюда Адонисъ отправился въ финикійскій городъ Библосъ, въ которомъ встрѣтилъ Венеру (Астарту) и тѣсно сблизился при содѣйствіи ея служанки *Эпидамніи*, впослѣдствіи обоготворенной въ Эпидаврѣ въ качествѣ покровительницы влюбленныхъ, жаждущихъ скораго успѣха. Венера и Адонисъ отправились въ лѣса Ливана и здѣсь на свободѣ предались упоенію страстной любви, посреди блаженства грозная туча невзгоды поднималась надъ любовниками; соперничество Адониса съ богами должно было имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ его гибель. Марсъ, возвращаясь на Олимпъ послѣ своихъ скитаній, узналъ о новой связи Киприды съ Адонисомъ. Желая отмстить сопернику богъ войны внушилъ ему несчастную мысль перемѣнить образъ жизни и вмѣсто житія въ мирномъ уединеніи искать сильныхъ ощущеній и опасностей. Адонисъ сдѣлался охотникомъ и по цѣлымъ днямъ, вмѣстѣ съ Венерою, блуждалъ по лѣсамъ и по горамъ, отыскивая дикихъ звѣрей. Однажды, пользуясь отсутствіемъ своей возлюбленной, Адонисъ не смотря на данное ей обѣщаніе никогда не охотиться одному, взялъ лукъ, стрѣлы и отправился въ ливанскій лѣсъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ чудовищнаго вепря, ранилъ его, а разъяренный звѣрь въ свою очередь опрокинувъ Адониса, нанесъ ему смертельную рану въ пахъ. Зефиръ, свидѣтель этой битвы, донесъ Венерѣ отчаянный крикъ Адониса и она поспѣшила къ нему на помощь, не смотря на терновники, царапавшія ея нѣжныя ноги: нѣсколько капель ея крови попали на розы и онѣ изъ бѣлыхъ сдѣлались нѣжнаго, имъ свойственнаго цвѣта. Прибѣжавъ на мѣсто, гдѣ лежалъ Адонисъ, Венера уже не застала его въ живыхъ — онъ скончался

Не имѣя власти возвратить ему жизнь, Венера изъ его крови, пролитой на землю, создала прелестный цвѣтокъ, названный его именемъ [1] и отправилась на Олимпъ просить Юпитера воскресить Адониса. При этомъ произошелъ споръ между нею и Прозерпиною. Супруга Плутона, влюбленная въ новаго жителя ада, не соглашалась возвратить его Венерѣ и Юпитеръ, чтобы уладить споръ, постановилъ, чтобы Адонисъ принадлежалъ полгода Венерѣ и полгода Прозерпинѣ. По другимъ сказаніямъ Венера довѣрила своей соперницѣ ларецъ съ тѣломъ Адониса на сбереженіе, но та не хотѣла возвратить ей этого драгоцѣннаго залога. Тутъ рѣшеніе Юпитера было иное. Изъ двѣнадцати мѣсяцевъ года первые четыре Адонисъ долженъ былъ принадлежать Венерѣ; во вторую треть Прозерпинѣ, въ третью самому себѣ. На этихъ условіяхъ соперницы волей неволей должны были примириться.

Въ память своего возлюбленнаго Венера установила праздники *Адоніи*, которые съ великимъ торжествомъ соблюдались въ Ассиріи, въ Финикіи, въ Египтѣ и наконецъ въ Греціи; Адоніи продолжались два, три дня, а въ нѣкоторыхъ странахъ и цѣлую недѣлю. Мы уже говорили о праздникахъ Адониса у сабистовъ [2], но здѣсь считаемъ не лишнимъ расказать объ Адоніяхъ у грековъ. Празднество раздѣлялось на двѣ части, на *Афанисму* (исчезновеніе) и на *Эврорію* (обрѣтеніе).

Афанисма начиналась погребальнымъ шествіемъ, въ которомъ въ траурныхъ одѣяніяхъ принимали участіе мужчины и женщины. Шествіе открывали жрецы, между которыми находились *канефоры* (носильщики кошницъ), несшіе корзины, наполненныя разными печеньями, цвѣтами и ароматами. При пѣніи жалобныхъ надгробныхъ гимновъ, которымъ присутствовавшіе вторили воплями и рыданьями, молельщики подходили къ катафалку, покрытому пурпуровыми коврами. На этотъ катафалкъ клали статую мертваго Адониса, подлѣ которой садилась женщина, представлявшая Венеру *эпитимвію* (могильную), которая стенала и голосила

(1) Цвѣтокъ этотъ—Адонисъ или по мнѣнію другихъ Анемонъ.
(2) См. Томъ IV. Сабизмъ.

надъ мнимымъ мертвецомъ, подъ акомпаниментъ надгробныхъ пѣсень—адовидій. Къ вечеру статую Адониса погребали, прикрывая ея цвѣтами и драгоцѣнными тканями и день оканчивался обрядомъ, называвшимся *каѳедра* и состоявшихъ въ томъ, что присутствовавшіе сидя вокругъ гробницы плакали и причитывали. Въ Александріи (въ Египтѣ) статую Адониса бросали въ море; въ другихъ странахъ куклу его пускали на воду въ корзинѣ, въ которую клали дощечки съ надписями о его возвращеніи. Корзину приносило теченіемъ къ берегамъ Финикіи, гдѣ ее принимали жители съ особенными обрядами. Въ Греціи женщины, участвовавшія въ празднествѣ Афанизмы, были одѣты въ траурныя, не опоясанныя платья, съ распущенными по плечамъ или даже выбритыми волосами.

Вторая половина праздника Адоній—*Эврерія* была посвящаема веселью и ликованію по случаю воскресенія Адониса. Въ Сиріи и въ Финикіи день этотъ наступалъ когда къ ихъ берегамъ приплывала корзина, пущенная изъ Александріи.

О символическомъ значеніи Адоній написаны сотни книгъ и дисертацій и не смотря на это донынѣ вопросъ этотъ не рѣшенъ. Одни коментаторы говорятъ будто Адонисъ умершій и Адонисъ воскресшій олицетвореніе солнца осенняго и весенняго. Другіе утверждаютъ, что Адоніи были праздникомъ воскресенія, символически намекавшимъ на жизнь будущую. Мысль о жизни загробной—лежащая краеугольнымъ камнемъ въ основаніи вѣрованій всего міра, выразилась и въ Адоніяхъ греческихъ. Третье толкованіе гласитъ, что миѳъ Адониса въ мужскомъ родѣ, то же самое что миѳъ Прозерпины — въ женскомъ: она—олицетвореніе хлѣбнаго зерна (дочь Цереры); онъ—олицетвореніе цвѣтка (сынъ Мирры, т. е. благоуханія). Цвѣтокъ Адонисъ *весенній* принадлежалъ Венерѣ; *осенній*—Прозерпинѣ; первый былъ символомъ обновленія и воскресенія, второй—разрушенія и смерти.

Венера не долго тосковала по утраченномъ Адонисѣ; она нашла себѣ утѣшителя въ лицѣ Меркурія. Плодомъ этой связи былъ красавецъ *Гермафродитъ*, воспитанный наядами. Одна изъ нихъ *Салмакида*, видя его купающимся, плѣнилась имъ и вымолила у Юпитера, чтобы онъ соединилъ ее навсегда съ

ея возлюбленнымъ. Царь боговъ исполнилъ желаніе Салмакиды и въ ту же минуту тѣло Гермафродита слилось съ ея тѣломъ въ одно нераздѣльное цѣлое. Съ того времени именемъ сына Гермеса и Афродиты начали называть отвратительныхъ уродовъ, соединяющихъ въ своей организаціи отличительныя черты мужскаго и женскаго половъ. Изъ всѣхъ игръ природы гермафродитизмъ едва-ли не самая пошлая.

Связь Венеры съ Меркуріемъ была непродолжительна. Принявъ на себя видъ Ликасты супруги Бутеса царя Бебрикійскаго, Венера обольстила Нептуна и родила отъ него *Эрикса*, который ввелъ служеніе Венерѣ на островѣ Сициліи. Послѣ того она имѣла связь съ пастухомъ горы Иды *Анхизомъ* и имѣла отъ него *Энея*, женившагося на *Креузѣ* дочери Пріама, царя троянскаго. По другимъ сказаніямъ, Венера въ видѣ Калликопеды, жены царя Лемносскаго Ѳоаса, родила отъ него не Энея, но *Гипсипила*, красавца, которымъ плѣнился Бахусъ и котораго онъ научилъ виподѣлію. Гипсипилъ въ честь своего наставника установилъ празднество *оргій*. Послѣ связи своей съ Анхизомъ, Венера сблизилась съ Бахусомъ. Отъ него она имѣла двухъ сыновей: *Пріапа*, бога чувственныхъ наслажденій и *Гименея* бога союза брачнаго или, вѣрнѣе—бога дѣвства физическаго. Затѣмъ Венера удостоила своею благосклонностью *Париса*, сына троянскаго царя Пріама и супруги его Гекубы. Красивѣйшій изъ всѣхъ юношей своего времени Парисъ былъ воспитанъ пастухами горы Иды. Во время бракосочетанія Пелея и Ѳетиды, на которомъ присутствовали всѣ боги и богини, *Раздоръ* (Дискордія), желая возмутить пиршество подала послѣднимъ яблоко съ надписью: „прелестнѣйшей," на которое изъявили притязаніе Юнона, Минерва и Венера. Посредникомъ для рѣшенія спора Юпитеръ избралъ Париса. Юнона, за присужденіе ей роковаго яблока обѣщала ему громадныя сокровища и неограниченное могущество, Минерва—всѣ возможныя добродѣтели: Венера обладаніе прелестнѣйшею женщиною въ мірѣ. Парисъ отдалъ яблоко Венерѣ и за это былъ награжденъ любовью Елены, супругою царя Менелая. Эта красавица, въ свою очередь, была яблокомъ раздора между греками и троянцами.

При содѣйствіи Венеры уладился бракъ *Гиппомена* съ *Аталантою*. Послѣдняя, суровая дѣва, объявила, что отдастъ свою руку тому изъ ея искателей, который обгонитъ ее на бѣгу; побѣжденнаго же она грозилась умертвить стрѣлою. Гиппоменъ попросилъ Венеру помочь ему и богиня давъ ему три золотыя яблоки велѣла бросить ихъ предъ Аталантою во время бѣга. Гиппоменъ исполнилъ въ точности приказаніе богини. Аталанта пріостановилась на бѣгу, чтобы поднять яблоко, и была опережена своимъ женихомъ. Вѣрная слову она вышла за него. Впослѣдствіи оба, за неуваженіе къ храму Цибеллы, были превращены во льва и во львицу. Ласковая и милостивая къ нѣкоторымъ смертнымъ, Венера была жестока и мстительна къ другимъ. *Главкъ* сынъ Сизифа и отецъ Беллерофона, не поклонявшійся богинѣ, былъ пожранъ собственными своими кобылицами; *Керасты* жители Кипра были превращены въ быковъ за то, что чтили Юпитера выше Венеры... Мести ея подверглись также: *Пазифая*, *Феура*, *Медея* и *Елена*, а также и *Пропетиды*. Эти нимфы, пораженныя неутолимымъ сладострастіемъ, впали въ распутство и наконецъ были превращены въ скалы.

Жительницы Лемноса за неуваженіе къ Венерѣ были наказаны ею тѣмъ, что испарина ихъ получила отвратительный запахъ, принудившій ихъ мужей бѣжать отъ нихъ и набрать себѣ наложницъ между жительницами Ѳракіи. За это лемнитянки перерѣзали на своемъ островѣ всѣхъ мужчинъ, избрали себѣ въ царицы *Гипсипилу* и предались противуестественному удовлетворенію страстей, сообщаясь съ козлами и другими самцами животныхъ. Впослѣдствіи лемнитянки образумились и послѣ посѣщенія ихъ острова Аргонавтами имѣли многочисленныхъ потомковъ.

Дочь Кинира Брэзія была превращена Венерою въ птицу Альціону (буревѣстникъ); Полифонта въ медвѣдицу. Эти превращенія людей въ животныхъ, столь частыя въ греко-римской миѳологіи, можно назвать источникомъ повсемѣстнаго, еще донынѣ неискорененнаго повѣрья объ *оборотняхъ*.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Праздники.—Птицы и растенія, посвященныя Венерѣ.—Храмы.—Мысъ левкадійскій.—Сафо.—Рѣка Селемнъ.—Гермохаресъ.—Геро и Леандръ.—Идолы Венеры.—Богини спутницы.—Граціи.—Амуръ или Эротъ—Купидонъ.—Миѳъ объ Амурѣ и Психеѣ.—Аллегорическое его значеніе.

Любимѣйшая изъ всѣхъ богинь Олимпа, Венера всѣхъ болѣе была чествуема многочисленными праздниками. Кромѣ *Первалій* въ Римѣ, *Гистерій* и *Калистей* въ Греціи, особенно славились *Афродизіи* на островѣ Кипрѣ. Жрицы, увѣнчанныя миртами, приносили въ жертву богинѣ медъ, молоко и пару голубей; дѣлали возліянія вина и принимали въ свою общину вновь посвящаемыхъ дѣвицъ и женщинъ. На Пафосѣ жрицы Венеры въ извѣстные дни обязаны были продавать себя за деньги чужеземцамъ по примѣру жрицъ Астарты въ Сиріи и въ Вавилонѣ. Въ жертву богинѣ приносили борововъ, голубей, козъ; женщины сожигали на ея алтаряхъ свои волосы. Изъ мѣсяцевъ ей былъ посвященъ апрѣль; изъ дней недѣли пятница; изъ птицъ кромѣ голубей—лебеди и воробьи. Что касается до плодовъ, цвѣтовъ, посвященныхъ Венерѣ, то изъ нихъ перечня можно составить довольно пространный списокъ: миртъ (Myrthus communis L), грушевое дерево (Pyrus communis L), айва (Pyrus cydonia L), роза (Rosa centifolie L), майоранъ (Origanum majorana L), мята (Mentha sylvestris L) и медуника (Melissa officinalis). Каждое изъ этихъ растеній прямо или косвенно относилось къ богинѣ любви и служило символами и эмблемами на празднествахъ. Что касается до голубей, будто-бы особенно любимыхъ Венерою, тому въ миѳологіи находимъ двѣ причины, первая та, что нимфа ея *Перистера* была превращена въ голубку; вторая—изъ всѣхъ птицъ голуби издревле признаны самыми кроткими и нѣжными.

Изъ храмовъ Венеры особенно славились: *Пафосскій* на

островѣ Кипрѣ, храмы: *Киѳеры*, *Книда*, *Галикарнасса*, *Милета*, *Эфеза*, *Афородизіума*, *Аѳинъ*, и горы *Эрикса* въ Сициліи. Храмъ Левкадійскій на берегу моря пользовался громкою извѣстностью какъ мѣсто исцѣленія сердецъ больныхъ любовью. По преданіямъ, у мыса Левкады, Венера послѣ смерти Адониса погрузилась въ море и этимъ купаньемъ успокоила свою скорбь по возлюбленномъ. Вслѣдствіе этого жрецы предлагали всѣмъ влюбленнымъ бросаться съ Левкадійскаго мыса и эти купанья вошли въ моду. Больные сердцемъ обоего пола, съ большимъ или съ меньшимъ успѣхомъ пользовались этими купаньями. *Девкаліонъ*, поэтъ *Никостратъ*, *Артемиза* царица карійская и *Сафо* прелестная пѣвица эротическихъ пѣсенъ утонули въ морѣ, отыскивая въ немъ исцѣленія. Послѣдняя, прозванная десятою музою, была влюблена въ красавца *Фаона*, отвѣчавшаго ей полнымъ равнодушіемъ: Сафо бросилась съ вершины Левкадійскаго мыса и погибла въ волнахъ. Въ предупрежденіе подобныхъ несчастій жрецы помѣстили у береговъ рыбачьи лодки съ сѣтями и искусными водолазами для подапія помощи купающимся. Впослѣдствіи посѣтители храма на мысѣ Левкадійскомъ бросали съ него деньги, не отваживаясь на скачки. Приносили-ли имъ пользу эти брошенныя деньги — объ этомъ исторія умалчиваетъ, но что жрецы богатѣли, ловя этихъ золотыхъ и серебряныхъ рыбокъ въ мутной водѣ — это не подлежитъ сомнѣнію.

Воды рѣки *Селемна* въ Ахаіи также славились своею цѣлебною силою. Расказывали будто пастухъ Селемнъ такъ скорбѣлъ объ измѣнившей ему нимфѣ Аргирѣ, что Венера превратила его въ рѣку, одаривъ ее свойствомъ изглаживать изъ памяти купающихся въ ея волнахъ мысли о любимомъ предметѣ.

Изъ людей особенно прославившихся служеніемъ Венерѣ назовемъ *Кинира*, строителя храма Пафосскаго; жреческое семейство *Тамирадовъ*; *Климена*, жрицу *Меру* и *Гермохареса*. Въ бытность свою на иноійскихъ играхъ онъ плѣнился плясками *Ктезиклы*, дочери царя кіосскаго *Алхидамаса*. Онъ призналея красавицѣ въ любви, предложилъ ей свою руку и отвергнутъ ею не былъ, но Алхидамасъ отказалъ ему, находя его бѣднымъ. Тогда Ктезикла убѣжала съ нимъ въ Аѳины и здѣсь умерла во

время родовъ. Когда тѣло ея несли на погребальный костеръ, изъ него вылетѣла бѣлая голубка и скрылась въ поднебесьи. Въ память этого событія Гермохаресъ по повелѣнію оракула построилъ храмъ Венерѣ.

Исторія жрицы *Геро* и возлюбленнаго ея *Леандра* имѣетъ тѣсную связь съ миѳомъ о богинѣ. Геро жила въ храмѣ Сестоса на европейскомъ берегу, а Леандръ въ Абидосѣ на берегу азіатскомъ; ихъ отдѣлялъ другъ отъ друга Гелеспонтъ (Дарданельскій проливъ). Они встрѣтились на праздникѣ Венеры и воспылали взаимной страстью. Каждую ночь Геро зажигала факелъ на берегу и Леандръ переплывая проливъ находилъ отдыхъ и блаженство въ ея объятьяхъ. Такъ провели любовники лѣто; настала осень, а съ нею начались ненастные дни и бурныя ночи. Семь ночей Леандръ не видалъ завѣтнаго свѣточа, служившаго ему маякомъ и на восьмую ночь рѣшился поплыть на удачу, но не совладѣвъ съ бурными волнами утонулъ, и къ утру его трупъ былъ выброшенъ на берегъ у Сестоса. Геро не желая пережить Леандра утопилась. Воспоминаніе о несчастныхъ любовникахъ сохранилось въ Греціи до нынѣ; у береговъ Анатоліи есть островокъ, называемый Леандровой башнею. Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія лордъ Байронъ въ бытность свою на берегахъ Гелеспонта вздумалъ переплыть его по примѣру Леандра; подвигъ тѣмъ болѣе странный, что на берегу никакая Геро не ожидала великаго поэта.

Объ изображеніяхъ Венеры не говоримъ по той причинѣ, что они конечно извѣстны читателямъ. Идолы Венеры были типомъ красоты женской, какъ идолы Аполлона — мужской. Венеры: *Милосская*, *Каллипига*, въ особенности же *Медицейская* до нынѣ признаются образцами совершенства искуства ваянія. Изъ глыбы мрамора создать типъ безукоризненной женской красоты въ древности могли только Фидій и Пракситель, какъ въ наше время — Канова и Торвальдсенъ. Только геніальному художнику возможно разрѣшить эту трудную задачу.

Кромѣ дѣтей Венеры, о которыхъ ниже мы поговоримъ подробно, свиту ее составляли нѣсколько богинь, заслуживающихъ упоминанія. *Кикиннія* присутствовала при распутствахъ; *Ка-*

титто была богинею безстыдства. Жрецы ея славились безнравственностью, а праздники ея въ Аѳинахъ, Каринѳѣ, въ Ѳракіи и на островѣ Хіо отличались страшною разнузданностью. *Нарфика* была незримою свидѣтельницею наслажденій чувственныхъ—незаконныхъ; точно также какъ *Пертунда*—исполненія обязанностей супружескихъ. Ея изображенія помѣщали въ спальняхъ новобрачныхъ. *Стыдливость* (Волумна) и *Мщеніе* (Немезида) выбыли изъ свиты Венеры, находя присутствіе свое излишнимъ. Въ древнемъ Римѣ, правда, былъ храмъ Венеры-стыдливой (Venus pudica), но посѣтительницъ въ немъ бывало не много...

Виргиналія присутствовала при снятіи пояса съ новобрачной. Мы уже называли поименно дѣтей Венеры, причемъ подробно разсказывали о Гермафродитѣ; займемся же теперь остальными.

Граціи или *Хариты:* Аглая (блестящая) Эвфрозина и Талія или Ѳалія родились у Венеры отъ Юпитера. Ихъ изображали въ видѣ прелестныхъ дѣвушекъ совершенно нагихъ, дружелюбно обнявшихся и перевитыхъ цвѣточною гирляндою. Этеокъ, царь беотійскій установилъ въ честь харитъ правильное богослуженіе; съ обожаніемъ ихъ было неразлучно поклоненіе Бахусу и Меркурію; греки на пиршествахъ выпивали три кубка въ честь грацій Спутниками ихъ называли: *Игры*, *Смѣхи*, *Желаніе* (Паѳосъ) и *Убѣжденіе* (Пиѳо). Первыхъ изображали въ видѣ рѣзвящихся дѣтей на пестрыхъ крыльяхъ бабочекъ. *Гелазій*, богъ смѣха, особенно чтимый въ Спартѣ, назывался усладителемъ жизни. Суровый законодатель Ликургъ воздвигъ ему алтарь, а римляне послѣ битвы при Каннахъ построили храмъ въ честь этого бога (Aedicula Ridiculi). Убѣжденіе: *Пиѳо*—грековъ, *Суадела*—римлянъ называли дочерью Венеры и дѣйствительно красота едвали не сильнѣйшее орудіе убѣжденія. Конечно, по законамъ здраваго смысла убѣжденіе, внушенное красотою правильнѣе назвать лицепріятіемъ, съ этимъ же словомъ неразлучна мысль о несправедливости... но, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденіи, не будемъ оспаривать у богини Пиѳо ея правъ на происхожденіе отъ Венеры. Изъ всѣхъ ея дѣтей, любимѣйшимъ и могущественнѣйшимъ былъ *Эротъ*, *Амуръ*—олицетворение любви. Въ первыхъ главахъ этой миѳологіи мы говорили, что происхожденіе любви

приписывали Эреву и Ночи. Аристофанъ проповѣдывалъ будто ночь, оплодотворенная Зефиромъ или Эѳиромъ снесла яйцо, изъ котораго родилась Любовь или Эротъ; Платинъ называлъ его сыномъ Бѣдности и Богатства; но впослѣдствіи времени матерью Амура единогласно признали Венеру (красоту), а отцомъ—силу (Марса).

Сортируя любовь на разряды, древніе признавали нѣсколько видоизмѣненій одного и того же Амура. Эти видоизмѣненія называли себялюбіемъ, честолюбіемъ, любовью чувственной, любовью платонической. Объ Эротѣ или Амурѣ у древнихъ сложилось множество остроумныхъ сказаній, основанныхъ на выводахъ житейской опытности. Такъ великая истинна, что „любовь заставляетъ человѣка дѣлать тысячи глупостей,“ послужила темою сказанію о томъ, что Амуръ заспоривъ однажды съ Глупостью обратился къ посредничеству совѣта боговъ, но Глупость, не дожидаясь ихъ рѣшенія, ударила его такъ сильно, что онъ ослѣпъ. За это совѣтъ боговъ присудилъ Глупость носить шутовской нарядъ съ погремушками и быть навсегда руководительницею Амура, котораго она лишила зрѣнія.

Предвидя, что присутствіе Амура на Олимпѣ можетъ быть неизсякаемымъ источникомъ распрей и раздоровъ, Юпитеръ изгналъ его на землю, гдѣ Венера отдала его на попеченіе жителей лѣсовъ острова Кипра. Здѣсь онъ былъ вскормленъ дикими звѣрями, отъ которыхъ отчасти усвоилъ неукротимость характера. Будучи еще малюткою онъ сдѣлалъ себѣ лукъ изъ гибкаго сучка ясеня и стрѣлы изъ вѣтвей кипариса (грусть неразлучна съ любовью). Первый опытъ стрѣльбы Амуръ дѣлалъ надъ животными: онъ стрѣлялъ мѣтко и билъ постоянно прямо въ сердце. Впослѣдствіи онъ замѣнилъ стрѣлы кипарисовыя — золотыми и свинцовыми; люди, пораженные первыми, любили страстно и удостоиваясь любви взаимной блаженствовали; наоборотъ, пораженные свинцовыми стрѣлами только страдали, мучились ревнивыми подозрѣніями и ненавидѣли жизнь. Долгое время Амуръ оставался холостякомъ, на что Венера часто сѣтовала Ѳемидѣ. Послѣдняя присовѣтовала ей родить другаго сына—*Антероса* или *Купидона* (бога любовныхъ желаній), заклятаго врага любви. Здѣсь скрывается глубо-

кій, аллегорическій смыслъ: прочною любовью можетъ назваться только та, которая безкорыстна и чужда желаній обладать любимою или любимымъ. Достиженіе этихъ желаній — первый шагъ къ охлажденію.

Любя своего сына Венера всѣми силами старалась вымолить ему прощеніе у Юпитера съ тѣмъ, чтобы царь боговъ позволилъ ему возвратиться на Олимпъ. Случай къ тому вскорѣ представился. На бракосочетаніе Пелея съ Ѳетидою были приглашены всѣ боги, кромѣ Раздора и Амура. Венера уговорила Ѳетиду выпросить у Юпитера позволеніе пригласить послѣдняго и Амуръ былъ принятъ на Олимпъ и включенъ въ списокъ боговъ. Съ этого времени онъ сдѣлался первымъ министромъ своей матери и исполнителемъ ея мести людямъ и богамъ. Первою жертвою ея была *Душенька* (Психея), которой въ какомъ-то царствѣ воздавали божескія почести.

У Психеи или Душеньки было двѣ сестры, обижавшія ее постоянно за то, что она была ихъ милѣе, красивѣе и умнѣе. Обѣ онѣ вышли замужъ, Психея же осталась въ дѣвицахъ въ намѣреніи посвятить всю свою жизнь попеченіямъ объ отцѣ и матери. Это самопожертвованіе и красота снискала ей всеобщую любовь и люди обожая ее поставили Психею выше Венеры (т. е. душевныя качества выше наружной красоты). Ей воздвигли храмы, оставивъ прежнее служеніе Венеры (перевѣсъ чистой любви надъ чувственною). Обиженная богиня поручила Амуру отомстить своей соперницѣ и заронить въ ея сердце чувства нѣжности къ какому-то ужаснѣйшему чудовищу. Въ то же время оракулъ приказалъ родителямъ Психеи отвести ее на вершину уединенной скалы и оставить тамъ впредь до появленія этого чудовища.. Родители заливаясь слезами повиновались велѣніямъ оракула и Психея, сопровождаемая плачущимъ народомъ, была отведена на предназначенное мѣсто. Здѣсь, въ дикой, пустынной мѣстности, окруженная мрачными пропастями утомленная Психея уснула, а пробудилась въ великолѣпномъ дворцѣ, окруженномъ цвѣтущими садами и прелестнѣйшими рощами; воздухъ, упоенный ароматами, дрожалъ отъ звуковъ невидимой музыки. Долго бродила Психея по чертогамъ дворца и его садамъ, никого не встрѣчая; слышала только чей-то

голосъ, говорившій ей: „ты здѣсь царица, властвуй! Всѣ желанія твои будутъ исполнены.“ Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ явился столъ съ отборными яствами и напитками и туалетъ съ прекраснѣйшими нарядами.

Настала ночь; Психея удалилась въ спальный покой и здѣсь съ ужасомъ ожидала прихода чудовища, на жертву которому была обречена. Въ темнотѣ къ ея ложу приблизилось какое-то невидимое во мракѣ существо и стало расточать ей нѣжнѣйшія ласки, настоящему чудовищу несвойственныя. Подъ обаяніемъ силы любви Психея отвѣчала на нихъ и сладко уснула въ объятьяхъ невидимаго своего обожателя. По пробужденіи она нашла ложе свое опустѣлымъ и снова начался для нея безконечный день, казавшійся ей особенно долгимъ въ ожиданіи ночи. Когда вмѣстѣ съ наступившимъ сумракомъ явился ея страстный любовникъ Психея стала упрашивать его открыться ей и сказать свое имя.

— Психея, отвѣчалъ невидимка — любопытство подводный камень счастія. Пуще всего берегись совѣтовъ твоихъ сестеръ и остерегайся имъ слѣдовать.

На утро исчезъ супругъ Психеи и на смѣну ему явились ея сестры. Съ завистью худо скрываемою онѣ восхищались жилищемъ Психеи, распрашивали о ея мужѣ, на что она отвѣчала уклончиво по невозможности дать прямой отвѣтъ. Одаривъ сестеръ Психея поручила Зефиру отнести ихъ домой на своихъ крыльяхъ. На третью ночь Психея опять стала распрашивать своего незримаго супруга о его имени, но и на этотъ разъ онъ отвѣчалъ, что желаніе ея пагубно. Этотъ отвѣтъ сильно ее опечалилъ и въ этомъ настроеніи духа ее нашли прибывшія къ ней сестры. Огорченная она не могла не открыть имъ причины своей грусти и злодѣйки присовѣтывали ей, спрятавъ въ опочивальнѣ зажженную лампаду, взглянуть при ея свѣтѣ на спящаго мужа, улучивъ къ тому удобную минуту. „Если онъ чудовище“ прибавили онѣ къ этому — „отруби ему голову заранѣе приготовленнымъ мечемъ.“ Простодушная Психея послѣдовала этому коварному совѣту, но велики была ея радость и изумленіе когда вмѣсто спящаго чудовища она увидѣла красавца Амура! Притаивъ дыханіе она, держа лампаду въ рукѣ, наклонилась надъ нимъ... капля горячаго елея упала ему

на грудь; онъ пробудился и улетѣлъ, укоряя ее въ любопытствѣ и обѣщая отомстить завистливымъ ея сестрамъ. Вслѣдъ за нимъ исчезъ дворецъ со всѣми его украшеніями и бѣдная Психея опять очутилась въ безлюдной пустынѣ, подавленная горемъ и отчаяніемъ. здѣсь она покушаясь на самоубійство бросилась въ воду—но волны нѣжно покачивали ее и не допустили погрузиться на дно потока.. три дня провела она въ жестокихъ страданіяхъ и наконецъ побрвла въ сосѣдній городъ, гдѣ царствовала ея старшая сестра. Желая отомстить злодѣйкѣ Психея вдохновленная Амуромъ сказала ей, что мужъ ее покинулъ и женился на второй сестрѣ; этой же она тоже самое сказала про старшую. Та и другая желая убѣдиться въ истиннѣ вздумала полетѣть во дворецъ принадлежавшій Психеѣ и призывая Зефира прыгнули съ вершины скалы, но не подхваченныя его крыльями разбились до смерти. Амуръ тоскуя по Психеѣ трудно заболѣлъ; она же, продолжая его отыскивать, скиталась по разнымъ странамъ; искала пріюта въ храмахъ Цереры и Юноны, но была прогнана этими богинями... прибѣгла къ защитѣ Венеры, но богиня, не взирая на беременность Психеи, приказала заковать ее въ цѣпи и сѣчь безжалостно! Мольбы Амура смягчили однако же Венеру, которая вмѣсто тѣлеснаго наказанія приговорила свою невѣстку къ тяжкимъ, изнурительнымъ работамъ. Заставляла ее черпать черную вонючую воду изъ колодца, окруженнаго ядовитыми змѣями; ходить за хлопкомъ золотаго руна въ отдаленныя дебри; въ опредѣленный срокъ отдѣлить по сортамъ нѣсколько мѣръ разныхъ зеренъ.. Все это исполняла бѣдная Психея безпрекословно, не безъ помощи Амура конечно; но и этимъ недовольная Венера приказала ей сходить въ адъ и достать у Прозерпины ларчикъ со снадобьемъ для возстановленія красоты утраченной Венерою во время болѣзни ея сына. Психея спустилась въ область тѣней, благополучно миновала Цербера, переплыла Стиксъ и предстала Прозерпинѣ. Супруга Плутона, вручая ей ларецъ особенно наказывала не открывать его, но Психея, подстрекаемая любопытствомъ, не утерпѣла, открыла ларецъ и задушенная вылетѣвшимъ изъ него чернымъ паромъ погрузилась въ летаргическое усыпленіе. Амуръ собралъ этотъ паръ обратно въ ларецъ, оживилъ Психею поцѣлуями, вымолилъ ей прощеніе у Венеры и согласіе на

бракъ, съ нею у Юпитера. Радушно принятая на Олимпѣ Психея вкусила амброзіи и стала безсмертною и богинею.

Аллегорія миѳа объ Амурѣ и Психеѣ не нуждается даже и въ толкованіяхъ, до того она ясна и понятна: это связь души съ любовью. Нашъ *Богдановичъ* обезсмертилъ свое имя созданіемъ своей прелестной поэмы *Душенька*, написанной чуть не сто лѣтъ тому назадъ, но еще и донынѣ не утратившей своихъ достоинствъ. Упоминая о ней, не можемъ умолчать и о рисункахъ къ ней графа Толстого, запечатлѣнныхъ всей мощью таланта этого даровитаго нашего художника.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Изображенія Амура. — Праздники. — Нарцисъ и Эхо.— Истолкованія этихъ миѳовъ. — Гименей. — Пріапъ. — Любовницы Юпитера. — Астерія. — Эгина. — Алкмена. — Даная. — Золотой дождь. — Европа. — Чудесный быкъ. — Семела. — Іо. — Аргусъ. — Его превращеніе въ павлина. — Леда. — Дочери Юпитера. — Фортуна. — Плутусъ. — Вѣчность. — Елена. — Немезида. — Правда. — Минерва.— Ея прозвища. — Чудесное рожденіе. — Состязаніе съ Нептуномъ. — Первая маслина. — Арахна. — Медуза. — Никтимена. — Изобрѣтеніе флейты.

Амуръ, сынъ Венеры, которому всѣ боги и богини были покорны, не былъ однако же одаренъ вѣчной юностью. Во время его похожденій съ Психеею онъ былъ уже взрослымъ и мужественнымъ, а прелестное его лице было оттѣнено грустью и, вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ замѣтно было выраженіе коварства. Впослѣдствіи времени греки, классифируя любовь на нѣсколько разрядовъ, размножили и разнообразили олицетворенія Амура. *Купидонъ* или *Юмеросъ* (страстное желаніе) изображался въ видѣ прелестнаго крылатаго мальчика съ лукомъ въ рукахъ и съ колчаномъ, наполненнымъ золотыми и свинцовыми стрѣлами, у *Эрота* (наслажденіе любви) повязка на глазахъ въ знакъ того, что страстная

любовь въ слѣпотѣ своей не видитъ недостатковъ въ любимомъ существѣ. *Антеросъ* (любовь проходящая, остывающая)—амуръ борящійся съ своимъ двойникомъ. Любовь къ изящному древніе изображали въ видѣ амура, играющаго на киѳарѣ; онъ же увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ олицетворялъ любовь къ славѣ; обнимающій Гарпократа — любовь молчаливую; съ нарцисомъ въ рукахъ — себялюбіе.

Праздниковъ въ честь Амура, какъ у грековъ такъ и у римлянъ, было множество. Изъ нихъ назовемъ *Элевѳеріи* на островѣ Самосѣ, въ которыхъ принимали участіе и рабы; *Эресанѳіи* на Пелопонезѣ, гдѣ женщины приносили цвѣты въ жертву богу любви и *Эротидіи*, праздновавшіяся по всей Греціи. Изъ растеній Амуру посвящены были: миртъ, каприфолія (узы любви), липа (любовь супружеская), гвоздика (любовь сильная), акація (любовь чистая, платоническая) и мохъ (материнская любовь, ибо мохомъ птицы устилаютъ свои гнѣзда)... Кромѣ того: шафранъ и повой (Smilax aspera L) были символами любви нѣжной и невинной. Крокосъ (шафранъ) и жена его Смилакса (повой) въ награду обоюдной супружеской вѣрности были превращены богами въ вышеупомянутые два цвѣтка.

Здѣсь кстати разсказать миѳъ о *Нарцисѣ*. Красотою его плѣнилась *Эхо* одна изъ нимфъ Юноны, и долгое время преслѣдовала его, домогаясь взаимности. Огорченная его равнодушіемъ она удалилась въ уединеніе, что бы на свободѣ оплакивать горькую свою участь. Юнона, досадуя на эту нимфу, когда то веселую, говорливую, присудила ее къ безмолвію, которое бѣдная Эхо могла нарушать тогда только, когда ее, невидимку, о чемъ нибудь спрашивали: она могла повторять только послѣднее слово вопроса. Съ этой самой поры Эхо превратилась въ божество вездѣсущее, откликающееся на человѣческій призывъ изъ своего уединенія и имя ея сдѣлалось нарицательнымъ. Не распространяясь объ Эхо, какъ о явленіи акустическомъ, мы замѣтимъ только, что въ сказаніи объ этой нимфѣ скрывается глубокій, алегорическій смыслъ. Эхо — олицетвореніе любви безотвѣтной. Влюбленный или влюбленная, томясь грустью, ищетъ вообще уединенія; здѣсь онъ или она задаетъ себѣ вопросъ о томъ, отвѣчаютъ-ли ему или ей взаимностью?.. Но отвѣта нѣтъ и только отголосокъ вопроса раздается изъ глубины сердца, какъ откликъ Эхо изъ глубины ея уединенія! И мало ли есть въ жизни вопросовъ, на которые одно Эхо отвѣчаетъ намъ?

Сожалѣя объ участи Эхо, богиня мщенія, Немезида, рѣшилась наказать Нарциса. Волхвъ Тирезій предупреждалъ его родителей, что онъ долженъ погибнуть тогда, когда увидитъ себя самого. Вслѣдствіе этого отъ Нарциса постоянно отдаляли зеркала [1]) и ему самому не позволяли приближаться къ гладкой, водной поверхности, на которой онъ могъ увидѣть свое отраженіе. Зная это, Немезида однажды привела его на берегъ источника и Нарцисъ, увидя себя въ водномъ зеркалѣ, влюбился въ себя, и томясь страстью изсохъ на берегу источника и послѣ смерти превращенъ былъ въ прелестный цвѣтокъ, въ честь его названный Нарцисомъ. — Ссылаясь на слова Павзанія, абатъ Банье [2]) объясняетъ этотъ миѳъ событіемъ историческимъ, будто Нарцисъ влюбился въ родную свою сестру разительно на него похожую и потерявъ ее умеръ съ горя. Коментаторы, іезуиты минувшаго столѣтія, видя въ каждомъ миѳологическомъ сказаніи искаженія сказаній библейскихъ, утверждали, что Нарцисъ никто иной, какъ Онанъ, чуждавшійся любви Ѳамари или Амнонъ сынъ Давида и Ѳамарь сестра его (Вторая кн. Царст. Гл. XIII ст. 1 — 29). Истолкованіе это можетъ быть по своей смѣлости даже и не заслуживаетъ опроверженія, однако же нельзя не допустить, что Нарцисъ (если только онъ существовалъ) погибъ какъ жертва гибельной привычки, которой Онанъ далъ свое имя. Отъ греческаго слова *нарцисъ* или *наркисосъ* (оцѣпленный, безчувственный) произошло: слово *наркотическій* (усыпляющій, притупляющій чувства). Сколько извѣстно цвѣтокъ нарцисъ этими свойствами не обладаетъ. Въ какомъ же смыслѣ принимать имя собственное? Въ томъ ли, что Нарцисъ былъ безстрастенъ и безчувственъ, или чув-

(1) Тогда стеклянныхъ зеркалъ еще не было изобрѣтено. Древніе смотрѣлись въ гладкія металическія дощечки.

(2) Abbé Banier: Mythologie et la fable expliquée par l'histoire. Paris 1710 in 12° tome VIII p. 14.

ства притупились въ немъ вслѣдствіе безумныхъ любовныхъ мечтаній въ одиночествѣ? Послѣдняя ипотеза, какъ намъ кажется, едва ли не близка къ правдѣ.

Братъ Амура—***Гименей***, былъ богомъ брачнаго союза и сыномъ Венеры и Вахуса. По другимъ сказаніямъ Гименей былъ аѳинянинъ, страстно влюбленный въ одну изъ согражданокъ, но не осмѣливавшійся признаться ей въ своей страсти. Чтобы видѣть ее онъ переодѣвался въ женское платье и однажды въ такомъ видѣ былъ вмѣстѣ съ прочими аѳинянками похищенъ морскими разбойниками, отъ которыхъ бѣжалъ въ Аѳины и здѣсь получивъ руку своей возлюбленной установилъ празднества ***Гименеи***. Римляне то же самое расказывали о Таларіи, называя его богомъ законнаго брачнаго сожительства. Спутниками его называли: ***Субига*** или ***Субвюга*** (божество, присутствовавшее при снятіи пояса новобрачной) ***Югитана*** (бога брачныхъ пиршествъ), ***Домиція*** (домовода или домостроя), ***Суаду*** (согласіе), ***Волумну*** (богиню наслажденія) и ***Вириплаку*** (примирительницу). Гименея изображали въ видѣ юноши въ вѣнкѣ изъ маіорана и съ факломъ въ рукахъ.

Третьимъ сыномъ Венеры былъ ***Пріапъ***. Чѣмъ его олицетворяли объ этомъ мы умалчиваемъ изъ приличія и скажемъ только, что это *лингамъ* индусовъ и *бэль-пегоръ*—сабистовъ. Праздники въ его честь отличались крайнею неблагопристойностью; символы этого божества помѣщали въ садахъ, на улицахъ и на площадяхъ древняго Рима; ихъ носили на серьгахъ и ожерельяхъ римскія женщины и дѣвицы... когда же развращеніе нравовъ римлянъ достигло своего апогея—Пріапъ или ***Фаллусъ*** сдѣлался единственнымъ ихъ божествомъ. Имя Фаллуса сохранилось въ ботаникѣ для означенія цѣлаго семейства грибовъ, формою напоминающихъ предметъ обожанія древнихъ (между таковыми особенно замѣчателенъ грибъ—Phallus impudicus L).

Чтобы покончить съ обзоромъ миѳовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ богинѣ любви и ея дѣтямъ, мы перейдемъ къ перечню любовницъ Юпитера и къ описанію ихъ приключеній. Намъ уже извѣстны ихъ имена и потому ограничимся разсказами о тѣхъ, которыя особенно замѣчательны.

Астерія, родившая отъ Юпитера—Геркулеса Тирскаго. Раздосадованный ея постоянными жалобами, Юпитеръ превратилъ ее въ перепелку.

Эгина, дочь рѣки Азона, послѣ долгаго сопротивленія была обольщена Юпитеромъ, явившимся ей сначала въ видѣ орла, потомъ въ видѣ яркаго пламени. Отецъ ея Азонъ, узнавъ отъ Сизифа объ обольщеніи дочери, поклялся отмстить и ей, и обольстителю и съ этой цѣлью вышелъ изъ береговъ своихъ. Юпитеръ, поразивъ его громовою стрѣлою, скрылъ Эгину на островѣ Лепантѣ (долгое время носившимъ ея имя) и здѣсь она родила сына ***Эака***—одного изъ трехъ судей преисподней.

Алкмена, супруга Амфитріона, царя ѳивскаго. Чтобы обольстить ее Юпитеръ принялъ на себя видъ ея мужа, отправившагося на войну, но возвратившагося въ объятія Алкмены въ ту же самую ночь, въ которую Юпитеръ наслаждался ея ласками. Отъ бога и отъ мужа Алкмена родила двойней: ***Геркулеса*** и ***Ификла***, о которыхъ мы подробно поговоримъ въ слѣдующихъ главахъ. Послѣ смерти Алкмены тѣло ея было превращено въ камень, которому греки воздавали божескія почести. Воскрешенная Юпитеромъ, она была имъ выдана за Радаманта, старшаго изъ трехъ адскихъ судей. Объясняя исторію Алкмены событіями естественными, нѣкоторые комментаторы доказываютъ, что Алкмена—водный источникъ, вслѣдствіе дождей (нисхожденіе Юпитера на землю), залившій глубокій оврагъ (Амфитріонъ) и образовавшій два ручья (Ификла и Геркулеса), первый незначительный и тихій, второй сильный въ своемъ теченіи. Подобнаго толкованія нельзя такъ же точно оспаривать, какъ мудрено и вѣрить ему безусловно.

Даная, дочь арагосскаго царя Аскризія и супруги его Эвридики. Отцу ея было предсказано волхвами, что внукъ свергнетъ его съ престола. Желая, по возможности, отклонить приговоръ судебъ Аскризій заточилъ Данаю въ мѣдную башню и тѣмъ лишилъ всякаго сообщества съ людьми. Юпитеръ однакоже проникъ въ башню, превратясь въ золотой дождь, обольстившій часовыхъ и самую узницу. Сосланная отцемъ на одинъ изъ островов Циклад-

скихъ, Даная родила здѣсь ***Персея***, который въ исполненіе пророчества свергъ Акризія съ престола.

Европа, дочь финикійскаго царя Агенора, сестра Кадма, Киликса и Өазоса. плѣнила Юпитера бѣлизною лица, не уступавшею бѣлизнѣ лица Юноны. Превратясь въ быка, царь боговъ нѣсколько разъ являлся Европѣ близъ того мѣста на берегу морскомъ, гдѣ она часто прогуливалась. Однажды, тронутая кротостью животнаго, Европа покормила, приласкала его и довѣрчиво сѣла къ нему на спину. Тогда Юпитеръ по волнамъ морскимъ примчалъ ее на островъ Критъ м, высадивъ подъ тѣнью платана, принялъ свой обыкновенный видъ и предался порывамъ нѣжнѣйшей страсти. Отъ Юпитера Европа родила: ***Миноса***, ***Сарпедона*** и ***Радаманта;*** впослѣдствіи вышла за критскаго царя Астерія. Превращеніе Юпитера въ быка объясняютъ именемъ похитителя Европы — ***Таурусъ*** (быкъ), или тѣмъ, что на кормѣ его корабля былъ изображенъ быкъ; всего же правдоподобнѣе видѣть въ миѳѣ о Европѣ сказаніе о первыхъ переселенцахъ въ ту часть свѣта, которая сохранила за собою ея имя, и о началѣ у этихъ переселенцевъ скотоводства, а съ нимъ и земледѣлія, когда быкъ былъ вѣрнымъ сотрудникомъ человѣка.

Влюбясь въ ***Семелу***, дочь Кадма и Гармоніи, Юпитеръ явился ей въ видѣ красиваго юноши и открывшись ей, что онъ царь боговъ, не долго домогался ея взаимности. Юнона, свѣдавъ о связи своего вѣтреннаго супруга съ Семелою, взяла на себя видъ Берои, старой ея кормилицы, и со слезами убѣдила потребовать отъ Юпитера, чтобы онъ явился ей въ томъ видѣ, въ которомъ является Юнонѣ. При первомъ же свиданіи Семела взяла съ Юпитера ненарушимую клятву Стиксомъ, что онъ исполнитъ ея желаніе и, когда Юпитеръ поклялся, выразила ему желаніе подсказанное ей Юноною. Глубоко огорченный Юпитеръ понялъ какую западню жена разставила его возлюбленной: ни одна смертная не могла видѣть бога во всемъ его величіи, не поплатясь за то жизнію... но клятва была дана и желаніе Семелы должно было исполниться. Тучи заволокли все небо, стѣны дворца задрожали отъ громовыхъ раскатовъ и вспыхнули отъ ослѣпительной молніи, неизбѣжной спутницы Юпитера во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда богъ

являлся на землѣ не инкогнито. Семела погибла въ пламени, но Юпитеръ исторгъ изъ ея утробы семимѣсячнаго младенца, которымъ она была беременна, спрятавъ его въ свое бедро, доносилъ узаконенный срокъ и произвелъ на свѣтъ, назвавъ его ***Вакхомъ*** или ***Бахусомъ***.

Полюбивъ ***Io***, дочь царя Инака, Юпитеръ превратилъ ее въ телку, чтобы скрыть отъ гоненій Юноны. Однако же ревнивая богиня, узнавъ объ этой продѣлкѣ Юпитера, попросила у него, чтобы онъ подарилъ ей прелестное животное. Царь боговъ, съ притворнымъ равнодушіемъ, отдалъ ей бѣдную Io, а Юнона поручила надзирать за нею ***Аргусу***, стоглазому сторожу, денно и нощно бодрствовавшему надъ плѣнницею. Меркурій, по порученію Юпитера, усыпилъ Аргуса игрою на флейтѣ; отрубилъ ему голову и освободилъ Io... Юнона, взбѣшенная неудачей, ниспослала на нимфу-телку злаго овода, который уязвленьями своими заставилъ ее бѣжать за море, въ Египетъ, гдѣ она приняла прежній видъ женщины и была обоготворяема подъ именемъ ***Изиды***. Что же касается до Аргуса — Юнона глазами его украсила перья на хвостѣ павлина, любимой своей птицы. Имя Аргуса, въ нарицательномъ смыслѣ, до нынѣ дается зоркому сторожу, а всего чаще шпіону, неутомимо за кѣмъ нибудь слѣдящему.

Леда, супруга Тиндара, была обольщена Юпитеромъ, превратившимся въ лебедя. Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ этого страннаго свиданія, Леда снесла два яйца; изъ одного явились на свѣтъ: ***Поллуксъ*** и ***Елена***, изъ другаго: ***Касторъ*** и ***Клитемнестра***. О Касторѣ и Поллуксѣ мы уже говорили (см. т. IV, стр. 297) и еще возвратимся къ нимъ, равно какъ и къ ихъ сестрамъ, игравшимъ столь важныя роли въ исторіи первобытной Греціи. Выраженіе: „начинать отъ яицъ Леды" (ab ovo, у римлянъ) до нынѣ употребляется въ разговорномъ языкѣ, для означенія начала какого нибудь повѣтствованія очень издалека и съ подробностями о предшествовавшемъ, вообще мало идущими къ самому дѣлу. Миѳъ объ Io былъ заимствованъ греками у египтянъ; о Ледѣ — у сабистовъ, или восходя далѣе — у браминовъ.

Изъ дочерей Юпитера особенно заслуживаютъ упоминанія: ***Фор-***

туна (счастье, удача, случай) — отъ Немезиды; *Вѣчность*; прекрасная *Елена*. *Немезида*, *Правда* и *Минерва* [1]).

Слѣпая Фортуна, у грековъ не пользовавшаяся особеннымъ уваженіемъ, была въ великомъ почетѣ у римлянъ. Цари: Туллъ Гостилій и Сервій Туллій первые соорудили ей храмы и учредили празднество въ ея честь; впослѣдствіи тѣ и другіе, вмѣстѣ съ прозвищами Фортуны, размножились, такъ какъ каждый храмъ и каждое прозвище должны были напоминать о какомъ нибудь великомъ, счастливомъ или горестномъ для Рима событіи. Подобно дикарямъ—которые при удачѣ подчуютъ идоловъ своихъ лакомствами и при неудачѣ сѣкутъ ихъ—римляне одну и ту же Фортуну называли доброю (Bona) и коварною (Mala), сильною (Fors) и вѣтреною (volucris). Изображенія Фортуны всѣмъ извѣстны: крылатая, съ завязанными глазами, одной ногой опирающаяся на быстро вертящееся колесо и съ рогомъ изобилія въ рукахъ; колесо—символъ превратности счастья — самое приличное для него подножіе. Дочерью Фортуны древніе называли *Нужду* (Necessitas) и спутникомъ *Плутуса*, бога благопріобрѣтенныхъ богатствъ. Родителями его Гезіодъ называетъ Цереру и Язіона, а Платонъ—*Пора* (бога изобилія) и *Нищету* (Poenia). Какъ-то, послѣ пиршества боговъ, Нищета явилась къ уборкѣ со стола, чтобы попользоваться остатками отъ яствъ. Пьяный Поръ плѣнился ею, обольстилъ ее и она родила отъ него слѣпаго Плутуса. Существенная разница между Фортуною и Плутусомъ полагалась въ томъ, что первый давалъ богатства въ награду за труды, вторая такъ же слѣпо расточала свои дары какъ и отнимала ихъ; Плутусъ былъ постояненъ, вѣтреность же и измѣнчивость Фортуны вошли въ пословицу.

Древніе называя *Вѣчность* дочерью Юпитера, не упоминали объ имени ея матери, видимо затрудняясь разрѣшеніемъ вопроса: вѣчность-ли мать боговъ и богинь, или она сама дочь божества? Символами ея у грековъ были: фениксъ, и змѣя, кусающая свой хвостъ; послѣдній символъ былъ ими заимствованъ у египтянъ.

[1]) О Діанѣ мы уже говорили.

Прекрасная *Елена*, виновница гибели Трои, на одиннадцатомъ году отъ рожденія была похищена Тезеемъ и отдана имъ на попеченіе своей матери Эеры. Обольщенная похитителемъ она родила сына, объ имени котораго миѳологія умалчиваетъ. Касторъ и Поллуксъ, узнавъ о позорѣ ихъ сестры, освободили ее изъ заключенія, взявъ въ плѣнъ и Эеру, которая до конца дней оставалась плѣнницею Елены. Не смотря на непріятное приключеніе свое, Елена плѣнила красотою Менелая, вышла за него и родила ему дочь Герміону. Парисъ, сынъ Пріама, царя троянскаго, похитилъ Елену и привезъ къ отцу, который принялъ бѣглецовъ съ радостью. Менелай, послѣ тщетныхъ требованій выдать ему супругу, съ сильнымъ ополченіемъ предводимымъ царями и героями Греціи, при содѣйствіи боговъ и богинь, осадилъ Трою и овладѣлъ ею черезъ десять лѣтъ. Елена содѣйствовала грекамъ къ овладѣнію столицею царства Пріама; по разрушеніи Трои возвратилась къ супругу и послѣ его смерти была взята на небеса и превращена въ звѣзду, равно какъ и братья ея Касторъ и Поллуксъ, образовавшіе созвѣздіе Близнецовъ.

Немезида и *Правда*, подобно Вѣчности назывались, дочерьми Юпитера, невѣдомо на какомъ основаніи. Первая была олицетвореніемъ кары небесной и гонительницею преступниковъ; не ярость и не мщеніе руководили Немезидою: она повиновалась только непреложному закону возмездія; она являлась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ каждаго злодѣйства и оно не могло укрыться отъ Немезиды ни въ небесахъ, ни въ преисподней.. Эта область Плутона, покорствуя Немезидѣ, высылала даже изъ мрачныхъ нѣдръ своихъ страшныхъ *Эвменидъ* или *Фурій* (угрызенія совѣсти), которыя денно и нощно терзали преступника по указанію Немезиды. Это символическое божество, по мѣрѣ очищенія разума человѣческаго отъ миѳологическихъ бредней, перемѣнило имя и въ мірѣ христіанскомъ называется оно: *перстъ божій* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда изъ преступленія вытекаетъ самое его наказаніе: первое—посѣвъ, второе—жатва, а „что посѣешь, то и пожнешь“, говоритъ мудрость народная.

Изъ легіона дочерей Юпитера рѣзко выдѣляется самородная дочь его *Минерва*, богиня мудрости. Родилась она, какъ мы уже

говорили (глава III, стр. 23), изъ головы царя боговъ, расколотой молотомъ Вулкана, и явилась на свѣтъ въ полномъ вооруженіи: въ шлемѣ, въ латахъ и съ копьемъ въ рукахъ. Въ первый же день чудеснаго рожденія Минервы, Аполлонъ приказалъ воздвигнуть ей храмъ на островѣ Родосѣ и воздавать божескія почести. Юпитеръ указалъ ей почетное мѣсто на Олимпѣ въ сонмѣ боговъ и богинь. Строгая дѣвственница, она отвергла предложенія Нептуна и Вулкана быть ихъ супругою. Ея подвиги, во время борьбы боговъ съ Титанами, прославили имя Минервы на небесахъ и на землѣ и съ этимъ именемъ въ послѣдствіи сопрягли многія прозвища. *Ахэя*, по имени храма въ Доридѣ, охраняемаго собаками, лаявшими только на чужеземцевъ; *Агалея* (водительница народа); *Алкида* (сильная, мощная); *Ахибулія* (холящая); *Армифера* (оруженосица); *Аѳена*, давшая имя Аѳинамъ; *Авлида* (изобрѣтательница флейты); *Булея* (мудрая совѣтница); *Вираго* (мужественная); *Вирго* (дѣвственница); *Главконида* (голубоокая); *Гиппія* (конная); *Гоплосмія* (всевооруженная); *Гигіейя* (врачующая); *Эргана* (художница); *Капта* (плѣнница); *Корифагера* (вышедшая изъ мозгу); *Медика* (исцѣляющая); *Оксидерка* (проницательная); *Парѳенія* (дѣвственная); *Престета* (внушающая мудрость); *Пронеа* (прозорливая); *Соспета* (хранительница); *Тритогенія* (третьеродная: послѣ Діаны и Аполлона) *Тритонія* (тройственная, т. е. мудрая, искренняя и правосудная); *Унигена* (рожденная единымъ). Когда были основаны Аѳины, Нептунъ и Минерва заспорили о томъ, кто изъ нихъ достойнѣе дать имя городу. Для прекращенія спора рѣшили отдать преимущество тому изъ спорившихъ, кто создастъ болѣе полезную вещь. Нептунъ, ударивъ трезубцемъ въ землю, создалъ коня; Минерва, прикосновеніемъ копья, извлекла изъ нѣдръ земныхъ оливу или масличное дерево и за нею осталось первенство.

Конь — символъ войны; олива или маслина — символъ мира. Благо народа въ мирѣ и спокойствіи, а не въ кровопролитіи: вотъ причина преимущества маслины предъ конемъ.

Арахна, дочь Идмона, хвалясь своимъ искуствомъ ткать полотна, имѣла неблагоразуміе вызвать Минерву на состязаніе. Отдавая справедливость искуству соперницы, Минерва однако-же подъ

вліяніемъ зависти ударила ее ткацкимъ челнокомъ и превратила въ паука (*Арахнэ*, по гречески паукъ) — символъ терпѣнія и трудолюбія. Она же превратила въ змѣй волнистыя кудри *Медузы*, прелестнѣйшей изъ Горгонъ, обольщенной Нептуномъ, а *Никтимену* въ — сову, за ея кровосмѣсительную связь съ отцемъ.

Изобрѣтя флейту, Минерва нерѣдко играла на ней; когда же Юнона и Венера, смѣясь надъ нею, замѣтили, что игра на флейтѣ искажаетъ ея лице, Минерва бросила инструментъ на землю, предрекая гибель тому, кто его подниметъ. Сатиръ *Марсій* нашелъ флейту и игра на ней была причиною мучительной его смерти, какъ мы уже говорили въ исторіи Аполлона (Гл. IX, стр. 75).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Паллада. — Праздники Минервы. — Кекропсъ и цари аѳинскіе. — Сыновья Юпитера. — Вакхъ или Бахусъ. — Его прозвища. — Аріадна. — Эригона. — Созвѣздіе. — Странности коментаторовъ. — Праздники Вакха. — Вакханаліи. — Средневѣковые шабаши. — Суевѣріе христіанскихъ народовъ. — Вакханки. — Силенъ. — Панъ. — Первая свирѣль. — Паническій страхъ. — Видѣніе Ѳамуса при Тиверіи. — Луперкаліи. — Сатиры. — Фавны. — Сильванъ. — Термъ. — Комусъ. — Обжорство древнихъ.

Хотя и трудно сочетать понатіе о мудрости съ кровопролитіемъ и душегубствомъ, однако же у древнихъ Минерва, богиня мудрости, была также и богинею войны и тогда называлась *Палладою*. Она покровительствовала Персею, Геркулесу, Беллерофону и Аргонавтамъ въ ихъ подвигахъ, а также принимала дѣятельное участіе въ осадѣ Трои.

Начало служенія Минервѣ въ Греціи относятъ къ 1582 г. до Р. Х.; и введено оно было въ эту страну египтяниномъ *Кекропсомъ*. Аѳиняне особенно чтили эту богиню подъ именемъ: Пала-

ѳеносъ (дѣвственница). Эриктоній учредилъ въ честь ея празднества *Аѳенеи*, а Тезей—*Панаѳенеи*. Послѣднія дѣлились на великія и малыя, великія праздновались каждыя пять лѣтъ, малыя ежегодно.

На этихъ праздникахъ молодыя дѣвушки раздѣлялись на нѣсколько отрядовъ, вооруженныхъ палками и камнями и не на шутку дрались между собою. Убитыя на этихъ маневрахъ признавались безчестными и тѣла ихъ бросали въ воду. На большихъ Панаѳенеяхъ всѣ присутствовавшіе обязаны были имѣть въ рукахъ масличныя вѣтви, участвуя въ процессіи везенія корабля или ковчега, на которомъ водруженъ былъ бѣлый пеплумъ (женская одежда) вышитый золотомъ. Послѣ процессіи происходили игры атлетовъ и состязанія поэтовъ и музыкантовъ; наградою послѣднимъ были масличные вѣнки. Изъ прочихъ праздниковъ въ честь Минервы назовемъ: *Алесны* или *Алеи* у аркадійцевъ; *Аррефоріи* у аѳинянъ; *Керамикіи*—праздникъ факловъ; *Калкеи*—праздникъ литейщиковъ. *Минерваліи* въ Римѣ праздновались учениками въ школахъ и учителями въ январѣ и въ мартѣ. *Прохаристеи* въ Аѳинахъ были празднествомъ весеннимъ, по случаю появленія первыхъ листьевъ на оливковыхъ деревьяхъ. *Квинкватріи* въ Римѣ съ 19 марта (день рожденія Минервы) длились четыре и пять дней; *Сѳеніи* и *Синекіи*—въ Аѳинахъ.

На этихъ праздникахъ вообще богинѣ приносили въ жертву маслину и сову—символъ ночныхъ размышленій мудрецовъ. Изъ храмовъ славнѣйшимъ былъ аѳинскій акрополисъ (кремль) и троянскій палладіумъ, въ которомъ сохранялся идолъ Паллады. Послѣ побѣды при Мараѳонѣ, аѳиняне воздвигли въ честь Паллады бронзовый колоссъ, а впослѣдствіи Фидій, по приказанію Перикла, изваялъ статую Паллады изъ золота и слоновой кости въ 26 футовъ вышиною. Она была поставлена въ Парѳенонѣ. Изображенія Минервы извѣстны: красивая, величавая дѣвица въ шлемѣ и въ латахъ, съ копьемъ въ одной рукѣ и щитомъ въ другой; на щитѣ—голова Медузы; у ногъ—сова.

Въ дополненіе ко всему нами сказанному о Минервѣ, о служеніи ей замѣтимъ, что египтянинъ Кекропсъ, просвѣтитель Аттики, собралъ кочевыя племена этой области въ одинъ народъ, котораго обучилъ земледѣлію, строительному искуству; далъ ему первые законы и ознакомилъ съ обрядами религіозными. Минерва, по происхожденію своему, божество египетское: Неиѳа и Изида, соединенныя въ одно лице, но чтобы заставить грековъ признать ея божественное происхожденіе, Кекропсъ назвалъ ее дочерью Юпитера, исшедшаго изъ головы царя боговъ. Когда построены были Аѳины, Нептунъ или Посейдонъ спорилъ съ Минервою о правѣ дать имя новому городу и принужденъ былъ уступить ей. Это столкновеніе бога морей и богини мудрости ничто иное какъ аллегорическое преданіе о морякахъ, жившихъ въ Аѳинахъ и заспорившихъ съ земледѣльцами о томъ, Нептуну или Минервѣ отдать подъ покровительство ихъ городъ; ареопагъ разрѣшилъ споръ въ пользу земледѣльцевъ, верховнымъ божествомъ которыхъ была Минерва.

Кекропсъ былъ родоначальникомъ царей аѳинскихъ; владычество его династіи продолжалось съ 1582 по 1100 г. до Р. Х. Считаемъ не лишнимъ представить ихъ списокъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ признаны были полу-богами и героями и играли важныя роли въ миѳологическихъ сказаніяхъ: *Кекропсъ*, Кранай, *Амфиктіонъ*, Эрехѳей I, Пандіонъ I, Эрехѳей II, Кекропсъ II, Пандіонъ II, *Эгей*, *Тезей*, Менесѳей, Демофонъ, Оксинѳетъ, Афидъ, Ѳимеѳетъ, Меланѳ и Кодръ.

Перейдемъ теперь къ огромной группѣ побочныхъ сыновей Юпитера, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ *Вакху* или *Бахусу*, сыну царя боговъ отъ Семелы.

Богъ вина и веселья, Вакхъ—у грековъ, Бахусъ у римлянъ, имѣлъ многія прозвища, на которыя нельзя не обратить вниманія. *Акратофоръ* (несущій вино); *Ализій* (избавляющій отъ заботъ); *Анѳей* (родитель цвѣтовъ); *Арбореусъ* (древесный); *Вакхипеанъ* (старецъ и врачъ); *Бабектъ* (заика); *Бикорнисъ* (двурогій); *Биматеръ* или *Диматеръ* (имѣющій двухъ матерей); *Брумалій* (туманный); *Діогеносъ* (богородный); *Діонизій* или *Діонисій* [1]), *Диѳирамусъ* (бывшій во чревѣ ма-

---

[1]) Прозвища Бахуса: Вакхъ, Димитеръ, Діонисій и Элевѳерій впослѣдствіи времени, какъ собственныя имена вошли въ употребленіе и въ христіанскомъ мірѣ. Средневѣковые монахи католическіе, сочиняя

тери и въ бедрѣ Юпитера); *Эванъ, Эвоэ* („хорошо, мой сынокъ!" одобрительный призывъ Юпитера Бахусу и вмѣстѣ съ тѣмъ крикъ вакханокъ); *Гіэсъ* (дождливый); *Леней* (богъ виноградныхъ гнетовъ); *Ликнитъ* (богъ хлѣбнаго вѣяла); *Лебазій* (богъ возліяній); *Милихій* (сладкій); *Омфакитъ* (зеленый виноградъ); *Псилэ* (придающій бодрости); *Сфалій* (шатающійся); *Θеэнусъ* (богъ вина); *Витизаторъ* (виноградарь); *Элевθерій* (чуждый скорбей).

Спасенный Юпитеромъ изъ огня, въ которомъ погибла Семела, Бахусъ былъ отданъ на воспитаніе ореадамъ горы Низы. По другимъ сказаніямъ, *Кадмъ*, дѣдъ Бахуса, велѣлъ пустить его на воду въ корзинѣ, откуда онъ былъ взятъ жителями Бразіаты и ими воспитанъ. Юнона, преслѣдуя малютку, послала на него двухглаваго змѣя, котораго Бахусъ задушилъ своими рученками; въ другой разъ она поразила его безуміемъ, отъ котораго его излечила Цибелла; въ третій разъ на островѣ Наксосѣ Бахусъ былъ похищенъ финикійскими морскими разбойниками, отъ которыхъ его избавилъ *Акететъ*, бывшій впослѣдствіи верховнымъ его жрецомъ. Содѣйствуя богамъ при борьбѣ ихъ съ гигантами (Гл. III, стр. 24), Бахусъ послѣ пораженія послѣднихъ собралъ огромное ополченіе и отправился завоевывать царство земли для того, чтобы просвѣщать ихъ и обучать народовъ винодѣлію. Онъ шествовалъ въ колесницѣ, запряженной двумя тиграми, съ тирсомъ въ рукахъ [1]) увѣнчанный плющемъ и окруженный свитою *фавновъ, силеновъ, сатировъ, сильвановъ* и *вакханокъ*. Изъ спутниковъ его особенно замѣчательны были: *Ампелосъ* (виноградная лоза); *Серазосъ* (вино разведенное водою); *Киссосъ* (плющъ); *Лузусъ* (игра, веселье—давшій имя свое древней Лузитаніи, нынѣшней Португаліи) и *Полимъ* — указавшій ему путь въ подземную область.

легенды о святыхъ, носившихъ эти имена, приплетали къ нимъ и миθологическія сказанія о Бахусѣ.. Sancta simplicitas!

[1]) Тирсъ Вакха деревянный жезлъ, оплетенный плющемъ и въ верхней части украшенный еловой шишкою. Плющъ — символъ забвенія, былъ посвященъ Бахусу въ знакъ того, что вино даетъ забвеніе горя и печали.

Покоривъ Индію, Бахусъ приплылъ на пустынный островъ Наксосъ. Однажды прогуливаясь здѣсь, онъ услышалъ жалобные вопли, исходившіе изъ пещеры, и когда приблизился къ ней, оттуда выбѣжала женщина и опрометью бросилась къ морю, но во время имъ остановленная лишилась чувствъ. Прійдя въ себя, она сказала Бахусу, что она *Аріадна*, дочь Миноса, царя критскаго, покинутая Тезеемъ. Плѣненный ея красотою и тронутый ея бѣдственною участью Бахусъ женился на Аріаднѣ и многіе годы жилъ съ нею въ совершенномъ согласіи. Послѣ смерти своей Аріадна была взята на небо, гдѣ превратилась въ созвѣздіе, называемое короною или вѣнцемъ Аріадны. Схоронивъ супругу, Бахусъ продолжалъ странствовать по Греціи, распространяя винодѣліе. Въ Аθинахъ его радушно принялъ царь *Икарій*, отецъ прелестной *Эригоны*, которою Бахусъ плѣнился. На всѣ нѣжныя его предложенія она однако же отвѣчала сурово и долгое время оставалась равнодушною. Чтобы овладѣть Эригоною онъ употребилъ хитрость. Зная, что она страстно любитъ виноградъ, Бахусъ превратился въ пурпуровый гроздъ, отвѣдавъ котораго Эригона почувствовала опьяненіе и вообразила, что она отравлена... Тогда Бахусъ, принявъ прежній свой видъ, предложилъ излечить ее, если она согласна вознаградить его своею любовью, и Эригона согласилась. Отецъ ея, Икарій, давъ выпить виноградного соку жителямъ Аттики, привелъ ихъ въ бѣшенство и *былъ ими жестоко изувѣченъ* и истерзанъ въ куски [1]); трупъ его нашла Лира, собачка Эригоны, повѣсившейся съ отчаянія. Юпитеръ, взявъ на небо Икарія, Эригону и Лиру, превратилъ перваго въ созвѣздіе Возничаго, дочь его — въ созвѣздіе Дѣвы, а Лиру въ одну изъ звѣздъ купы Большаго Пса, называемую Прокіономъ или Сиріусомъ. Въ память Икарія были въ Аттикѣ учреждены *Икарійскія игры*, на которыхъ присутствовавшіе качались на качеляхъ, введеніе которыхъ въ Греціи относится именно ко времени учрежденія икарійскихъ игръ; изобрѣтены же качели на востокѣ и въ Индіи, и были извѣстны съ незапамятныхъ временъ.

---

[1]) Искаженіе библейскаго сказанія о патріархѣ Ноѣ.

Желая свидѣться съ Аріадною, Бахусъ нисходилъ въ царство Плутона, въ преисподнюю; влюбился тамъ въ Прозерпину и прожилъ три года. Потомъ возвратился на землю, долгое время обучалъ людей винодѣлію и, наконецъ, вознесся на Олимпъ, гдѣ занялъ почетное мѣсто между второстепенными богами, сдѣлавшись младшимъ между старшими и старшимъ между младшими.

Теперь, прежде нежели мы перейдемъ къ обзору праздниковъ въ честь Бахуса, мы, согласно толкованіямъ коментаторовъ, постараемся представить опытъ разоблаченія аллегорическаго смысла всѣхъ сказаній о богѣ вина и сопоставленія имъ событій историческихъ:

Бахусъ—первый виноградарь у грековъ (патріархъ Ной у іудеевъ), внукъ Кадма, сынъ дочери его Семелы, рожденный ею чрезъ семь мѣсяцевъ послѣ брака. Греки говорили, что Кадмъ, желая скрыть позорную связь дочери, до брака, объявилъ, что два мѣсяца Бахусъ находился въ бедрѣ Юпитера, т. е. происходилъ *отъ кольна* царя боговъ. Выраженіе: *отъ кольна*, понятое буквально, подало поводъ къ нелѣпой сказкѣ. Ученые Фоссъ (Tractatus de idolatria), о. Томассенъ (Lecture des Poètes) и Гюэ (Demonstrat, Evang) доказываютъ, что Бахусъ и Моисей одно и тоже лицо на основаніи нижеслѣдующихъ данныхъ:

1) Орфей называетъ Бахуса *Мизасъ*: взятый изъ воды. Кромѣ сходства именъ *Мизасъ* и *Моисей* напоминаетъ, что Бахусъ былъ пущенъ на воду въ корзинѣ.

2) Бахусъ былъ воспитанъ на горѣ Низѣ. *Низа* или *Ниса* искаженное имя Синая.

3) Бахусъ велъ ополченіе въ Индію: это ничто иное какъ переходъ іудеевъ изъ Египта въ Палестину.

4) Бахуса изображали двурогимъ, точно такъ же какъ и Моисея.

5) Тирсъ Бахуса—жезлъ пророка Моисея; ударомъ его въ землю Бахусъ извлекъ источникъ вина, подобно тому какъ Моисей источилъ воду изъ камня.

6) Бахусъ соблазнилъ Эригону, превратясь въ виноградный гроздъ. Моисей, желая побудить народъ израильскій къ овладѣнію

землею Ханаанскою, показалъ ему гроздъ, срѣзанный тамъ соглядатаями (кн. числъ гл. XIII ст. 23, 24, и 25).

Въ первой главѣ нашего обзора греческо-римской миѳологіи мы говорили о тѣхъ коментаторахъ, которые библейскими сказаніями старались объяснить миѳы и сказки—и вотъ образчикъ подобнаго рода толкованій: очевидная натяжка и искаженіе словъ по собственному произволу! Такъ, напримѣръ: гора *Ниса* и *Синай*, по мнѣнію о. Тамассена, одно и тоже. Въ такомъ случаѣ, кто мѣшаетъ какому нибудь исторіографу производить этимологію *Москвы* отъ ея анаграммы: *смоква* и доказывать, что имя нашей древней столицы происходитъ отъ имени: *Сицилія*, такъ какъ *сика* по гречески *смоква*.

Служеніе Бахусу—изъ Египта, гдѣ его обоготворяли подъ менемъ Озириса, было введено во Ѳракію—Орфеемъ; изъ Ѳракіи, дочерьми Кадма въ Беотію; отсюда распространилось по всей Греціи. Изъ праздниковъ, установленныхъ въ его честь, особенно замѣчательны были *Діонизіи*, *Агріоніи*, *Брумаліи и Гіемаліи, Анѳестеріи Вакханаліи*, *Дендрофоріи*, *Эпиленіи*, *Лампетріи*, *Лаизіи*, *Ленеи*, *Лернеи*, *Либераліи*, *Неоніи*, *Никтеліи*, *Омофагіи*, *Оргіи*, *Рамаліи*, *Рапсодіи*, *Сабазіи*, *Ѳеэніи*, *Ѳіи*, *Тріенналіи*, *и Вендеміаліи*.

Во время *Діонизій* храмы Бахуса украшали плющемъ и виноградными лозами и статуи его носили въ процессіяхъ по окрестностямъ города. Въ процессіи принимали участіе жрицы, *вакханки* полунагія, съ корзинами плодовъ въ рукахъ, распѣвая гимны. При остановкѣ процессіи подъ дубомъ или смоковницей, идола ставили на алтарь и приносили ему въ жертву козла—животное ненавистное Бахусу за то, что козелъ пожираетъ молодые виноградные побѣги и портитъ виноградники. Жители домовъ, мимо которыхъ проходила процессія, приносили въ жертву борововъ. По возвращеніи въ храмъ—всѣмъ присутствовавшимъ раздавали мясо жертвъ и праздникъ заключался пиршествомъ съ обильными возліяніями. Діонизіи раздѣлялись на *древніе*, которыми распоряжались старухи въ числѣ четырнадцати, и на *аркадійскіе*, въ которыхъ принимали участіе исключительно дѣти.

Въ *Агріоніяхъ*, ночныхъ празднествахъ участвовали однѣ

женщины; *Брумаліи* и *Гіэмаліи* въ Римѣ праздновались въ мартѣ и въ сентябрѣ во время осенняго и весенняго равноденствій. При *Анактеріяхъ* въ Аѳинахъ, господа въ теченіе трехъ дней прислуживали своимъ рабамъ. Въ первый день (*Пиѳегія*) выбивали днища у бочекъ съ виномъ; во второй (*Хэ*) пили вино взапуски, награждая побѣдителя плющевымъ вѣнкомъ; въ третій (*Хитро*) въ жертву Меркурію приносили сосуды, наполненные жиромъ.

Вакханаліи отличались такимъ страшнымъ распутствомъ, что римскій сенатъ въ 185 г. до Р. Х. запретилъ ихъ указомъ, которому впрочемъ рѣшительно никто не повиновался. Не нарушая приличія невозможно передать словами всѣ тѣ мерзости и безчинства, которыя совершались во время вакханалій, праздновавшихся ночью, при свѣтѣ факловъ. Опьянѣлые до одурѣнія мужчины и женщины безъ стыда предавались порывамъ самаго необузданнаго сладострастія какъ естественнаго, такъ и противуестественнаго, ибо дѣйствующими лицами при вакханаліяхъ, кромѣ людей, являлись и животныя: козлы и козы... *Фавновъ* и *сатировъ*, людей на козьихъ ногахъ долгое время почитали не фантастическими существами, но порожденіями гнусной содоміи, которая при вакханаліяхъ была самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Когда ученіе христіанское распространилось въ Римѣ, жители отдаленныхъ селъ и деревень (хотя и обращенныя въ христіанство, но придерживавшіеся языческихъ обычаевъ старины), въ извѣстныя числа, ночью, сходились для празднованія вакханалій, чествуя на нихъ древняго Бахуса. Впослѣдствіи времени къ поклоненію ему примѣшалось и служеніе духу тьмы: языческое суевѣріе смѣшалось съ демонологіей... Такимъ образомъ возникли въ средневѣковой Европѣ ночныя сходбища колдуновъ и чернокнижниковъ, извѣстныя подъ именемъ *шабашей*, и донынѣ за многими мѣстностями сохранилась репутація мѣстъ нечистыхъ и проклятыхъ; таковы напримѣръ: гора Брокенъ въ Германіи, Лысая гора у насъ, подъ Кіевомъ, и всѣ вообще горы, долины, овраги и лѣса, къ которымъ народная молва присоединяетъ эпитеты: *чертовыхъ, дьявольскихъ* и т. п. Мы уже говорили не разъ, что язычники

при отступленіи отъ вѣры праотцевъ и при переходѣ въ христіанство, къ чистому этому ученію всегда и повсемѣстно примѣшивали повѣрья, съ которыми сроднились съ дѣтства. Въ святыхъ угодникахъ они находили тождество со своими кумирами, къ церковнымъ праздникамъ примѣшивали обряды языческіе [1]). Чтобы не ходить далеко за примѣрами укажемъ на наши народные праздники. *Коляда*, о которой распѣваютъ объ Рождествѣ, наши: *масляннница кладбищенскія гулянья, ночь на Ивана Купалу*, вѣрованіе въ русалокъ, въ лѣшихъ домовыхъ: что все это, если не остатки язычества? Такъ же точно въ западной Европѣ всѣ праздники сбора винограда донынѣ носятъ на себѣ остатокъ древнихъ праздниковъ Бахуса.

Дендрофоріи и *Эпиленіи* — были праздниками древоносцевъ и винодѣлателей. *Лампетріи* праздновались въ Греціи простымъ народомъ, предававшимся во время этихъ любимыхъ праздниковъ страшному пьянству; *Ларизіи* были праздниками весны; во время *Леней* происходило состязаніе поэтовъ на призы; *Лернеи* въ пещерѣ лернской, на Аргосѣ, сопровождались особенными таинствами или мистеріями. *Либераліи* въ Римѣ (17 марта) продолжались тридцать дней, въ теченіе которыхъ рабы пользовались свободою. *Неэніи* — праздники питія новыхъ винъ; *Никтеміи* — празднества ночныя, во время которыхъ ходили процессіи съ факлами и кубками вина, при *Омофагіяхъ* на островахъ Хіо и Тенедосѣ совершались человѣческія жертвоприношенія. *Оргіи* были совершеннымъ подобіемъ вакханалій. Въ нарицательномъ смыслѣ оргіею донынѣ называется буйное пиршество, запечатлѣнное характеромъ возмутительнаго цинизма.

Рамаліи, праздновались въ воспоминаніе сближенія Бахуса съ Аріадною; во время Рамалій въ процессіяхъ носили зрѣлую виноградную гроздь. *Рапсодіи* были праздникомъ поэтовъ, воспѣ-

---

[1]) Повѣрья земледѣльческія и метеорологическія въ нашемъ народномъ календарѣ особенно отличаются отпечаткомъ древняго язычества. Прозвища даваемыя святымъ: грачевника, замарай проруби, съ мостомъ, съ гвоздемъ, купальница, полухлѣбница и т. п. конечно приличествуютъ болѣе, какимъ нибудь Перунамъ, Волосамъ, Бѣлбогамъ, нежели угодникамъ божіимъ.

вавшихъ подвиги Бахуса. *Сабазіями* назывались бѣги и пляски въ честь бога вина; *Өеэніями* въ Аөинахъ — праздники въ честь Бахуса — виннаго (Теэна или Өеэна). Во время праздника *Хій* жрецы морочили народъ, представляя ему три пустыя амфоры, которыя вслѣдствіе ихъ молитвъ сами собою наполнялись виномъ. *Тріэнналіями* назывались празднества, совершавшіяся каждые три года въ память трехлѣтняго путешествія Бахуса по Индіи. *Вендеміаліи* были установлены Юліемъ Цезаремъ, это были ежегодные праздники сбора винограда.

На этихъ праздникахъ богу вина приносили въ жертву: сорокъ (символъ болтливости пьяныхъ), козловъ, змѣй и быковъ. Бахусу же были посвящены фазанъ (феиниксъ древнихъ), слонъ, пантера, тигръ, боровъ, заяцъ, пѣтухъ; а изъ растеній: букъ, сосна, плющъ, хмѣль, дурнопахучникъ (Ferula glauca L), смоковница и дубъ (Quercus suber D. C.). Вакханки были непремѣнною принадлежностью каждаго вакханскаго праздника. На оргіяхъ онѣ носили изображеніе Пріапа или Фаллуса; на прочихъ празднествахъ пѣли, плясали или бѣгали съ громкими криками: *„эванъ! эвоэ!? Іао Пеонъ! Эо Вакхе!!“* бросались въ объятья мужчинъ и склоняли ихъ къ чувственнымъ наслажденіямъ. Онѣ дѣлились на нѣсколько категорій; *Эксалэнды* (кричащія), *Лонады* (пляшущія), изъ которыхъ особенно славилась Хоріада, принимавшая участіе въ осадѣ Аргоса; *Потніады* и *Эіады* (бѣснующіяся).

Бахуса изображали въ видѣ красиваго юноши, увѣнчаннаго плющемъ или виноградомъ на колесницѣ, везомой двумя тиграми; иногда, вмѣсто вѣнка, голову его украшали парою небольшихъ роговъ въ память обученія людей обработкѣ земли волами. Безсмѣнными его спутниками были: пьяный *Силенъ* верхомъ на ослѣ, *Панъ*, *Сатиры*, *Фавны* и *Сильваны* (лѣшіе, лѣсовики).

Силенъ, воспитатель Бахуса, былъ покровителемъ аркадскихъ пастуховъ и пастушекъ, которые въ благодарность воздвигли ему храмъ и признали его божествомъ. Силенъ проповѣдывалъ людямъ, чтобы они пользовались жизнію, не сокрушаясь ни о прошедшемъ, ни о будущемъ и жили припѣваючи и пропиваючи здоровье, силы и умственныя способности. Изъ этого явствуетъ, что Силенъ, у древнихъ, былъ олицетвореніемъ запоя и той мертвой чаши, ко-

торой не чужды и южане какъ жители сѣвера. Радость и горе не всякій человѣкъ умѣетъ переносить безъ искуственной приправы — виномъ и хмѣлемъ.

Панъ, богъ долинъ, полей, пастбищъ и лѣсовъ, безобразный, мохнатый, съ рогами и на козьихъ ногахъ, былъ сыномъ Юпитера и нимфы *Өимбриды* или *Калисто*. При появленіи его на свѣтъ онъ былъ взятъ Меркуріемъ и принесенъ на Олимпъ, гдѣ всѣ боги и богини осмѣяли бѣднаго уродца. Войдя въ возрастъ онъ отличался страшною влюбчивостью, преслѣдуя: *Эхо*, *Питиду*, *Сенелею*, *Эгу*, и *Сизоинксу*. Эхо, влюбленная въ своего Нарциса, отвергала Пана съ негодованіемъ; нимфа Питида, имъ преслѣдуемая, предпочла ему Борея, бога вѣтровъ и убитая Паномъ была превращена въ сосну; неудачно ухаживалъ онъ за Сенелею. Эхо болѣе благосклонная къ Пану родила отъ него цѣлое племя *Эгипановъ*, крошечныхъ сатировъ. — Сиринкса убѣжавъ отъ Пана на берега Ладона умоляла нимфъ, своихъ сестеръ, спасти ее отъ докучливаго обожателя и онѣ превратили ее въ тростникъ.. Заплакалъ бѣдный Панъ, увидя это превращеніе, и вмѣсто привѣта услыхалъ жалобный ропотъ тростинокъ, будто укорявшихъ его за доведеніе Сиринксы до этой крайности... Срѣзавъ нѣсколько стволовъ Панъ связалъ ихъ и такимъ образомъ создалъ первую свирѣль; онъ же былъ изобрѣтателемъ такъ называемаго безотчетнаго ужаса, въ его честь названнаго *паническимъ страхомъ*. Это было во время борьбы боговъ съ гигантами. Панъ, найдя на берегу моря пустую раковину, извлекъ изъ нея такой страшный ревъ, что враги, сами себя не помня, обратились въ бѣгство. Этотъ фактъ въ миөологіи греческой по видимому заимствованъ изъ сказаній библейскихъ: такимъ же точно образомъ *Гедеонъ* побѣдилъ мадіанитянъ (Кн. Суд. Гл. VII ст. 16 — 22). Ученый Бошаръ въ подтвержденіе заимствованію миөологіи говоритъ, что *панъ* или *фанъ* по еврейски означаетъ: испуганный или ужаснувшійся.

Имя Пана (по-гречески *богъ всего*) приводитъ на память таинственное событіе, о которомъ упоминаетъ Плутархъ. Въ царствованіе Тиверія-цезаря (14 — 37 г. по Р. Х.) кормчій *Өамусъ*, проѣзжая по Іонійскому морю близъ острововъ Эхинад-

скихъ слышалъ въ воздухѣ громкій вопль: „Умеръ великій Панъ!“ и довелъ о томъ до свѣденія Тиверія. Астрологи увѣрили его, что голосъ этотъ былъ о Панѣ, сынѣ Пенелопы, но *Евсевій*, писатель первыхъ вѣковъ христіанства утверждаетъ, что голосъ, слышанный Θамусомъ, возвѣщалъ міру о крестной кончинѣ Христа-Спасителя. Самымъ могущественнымъ и неотразимымъ опроверженіемъ этого страннаго истолкованія галлюцинаціи язычника могутъ служить сказанія св. Евангелія: въ числѣ чудесъ, сопровождавшихъ послѣднюю минуту земнаго бытія Богочеловѣка не упомянуто ни слова о голосѣ возвѣщавшемъ Его кончину. Служеніе Пану было особенно распространено въ Римѣ съ первыхъ лѣтъ его основанія. Ромулъ и Ремъ были вскормлены волчихою (?) у подножія горы Авентинской на полѣ, называемомъ *Луперкаль*, посвященномъ Пану. Основатели Рима воздвигли ему храмы; для служенія въ нихъ назначили жрецовъ — *луперковъ* и учредили праздники *Луперкалій* (ежегодно 15 февраля).

На этихъ праздникахъ Пану приносили въ жертву медъ и козье молоко; зарѣзывали на его алтаряхъ двухъ козъ и собаку; дѣлали надрѣзы на лбу мальчикамъ, которые, послѣ того, нагіе бѣгали по улицамъ, стегая прохожихъ ремнями изъ кожи зарѣзанныхъ жертвъ, въ особенности же женщинъ — по животу. Удары эти, по повѣрью римлянъ, облегчали роды беременнымъ. Впослѣдствіи времени съ Луперкаліями соединились и гнусные обряды вакханалій.

Сатиры или *Каприпеды* (козлоногіе) — полулюди, полукозлы, были подобно Пану покровителями пастуховъ. Плиній въ *Исторіи міра* говоритъ, что сатиры древнихъ ничто иное, какъ обезьяны; средневѣковые *ученые*, вѣровавшіе въ лѣшихъ, называли сатировъ породою чудовищъ, происшедшихъ отъ противоестественной помѣси женщинъ съ козлами.

Фавны не столь безобразные, какъ сатиры и нравомъ болѣе кроткіе были покровителями полевыхъ работъ. У главнаго *Фауна* или *Фавна* была супруга одинаковаго съ нимъ имени. Въ честь ихъ были праздники *Фауналіи* (9 ноября, 5 декабря и 11, 13 и 15 февраля). Дѣтьми Фавновъ были: *Дріада*, *Латинъ*, царь Аборигеновъ, давшій свое имя Латіуму или Лаціуму и *Интерцидоны*, боги, присутствовавшіе при рубкѣ лѣса.

Сильванъ богъ лѣсовъ, другъ Кипариса, имѣлъ въ Римѣ многіе храмы и былъ чествуемъ праздниками *Дендрофоріями*, при которыхъ на его алтари, украшенные еловыми и кипарисовыми вѣтвями, приносили въ жертву молоко, лошаковъ и свиней. Его почитали особенно враждебнымъ дѣтямъ и беременнымъ женщинамъ. Послѣднія противъ Сильвана просили защиты у богинь *Интерциды* и *Деверры* или *Деверроны*.

Богъ пограничныхъ межей *Термъ*, котораго нерѣдко смѣшиваютъ съ Сильваномъ, грекамъ былъ неизвѣстенъ; служеніе ему было введено въ Римѣ царемъ Нумою Помпиліемъ. Изображали его въ видѣ четырехугольнаго столба съ человѣческою головою на вершинѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ въ его честь праздновались *Терминаліи*, во время которыхъ всѣ вѣхи украшались цвѣточными гирляндами, а кумирамъ Терма приносили въ жертву молоко и овецъ, окропляя ихъ кровью пограничные межевые столбы.

Всѣ вышепоименованные боги принадлежатъ къ группѣ спутниковъ и пріятелей Бахуса. Дополнимъ ихъ перечень *Комусомъ*, богомъ-предсѣдателемъ веселыхъ пиршествъ и угощеній. Спартанцы называли его *Кераонъ*. Во время празднествъ въ честь Комуса, мальчики и дѣвочки съ факлами въ рукахъ, бѣгали изъ дома въ домъ, позволяя себѣ при этомъ всякія неблагопристойности. Комуса изображали въ видѣ полнаго молодаго человѣка въ розовомъ вѣнкѣ, подрумяненнаго виномъ и держащимъ въ правой рукѣ факлъ, а въ лѣвой золотой кубокъ. Въ спутники ему давали *Адельфагію* (обжорство), *Дасетеса* (стряпню) и *Спланхнотома* (разрѣзывателя мяса). Въ послѣдніе годы бытія Рима, Комусъ почитался едва ли не верховнымъ божествомъ и хотя его не чествовали ни празднествами, ни жертвами, но на алтари его, т. е. на обѣды и ужины тратились тогда милліоны и имена *Лукулла*, *Апиція*, *Вителлія* и многихъ другихъ перешли къ позднѣйшему потомству, какъ синонимы обжорства и невоздержности.

При обзорѣ нравовъ и обычаевъ древнихъ, мы подробно поговоримъ и о пирахъ греческихъ и римскихъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Діоскуры: Касторъ и Поллуксъ.—Ихъ подвиги.—Созвѣздіе Близнецовъ.— Геркулесъ.— Его рожденіе.—Млечный путь и лилія.—Подчиненіе Геркулеса Эврисѳеу.— Двѣнадцать подвиговъ Геркулеса.—Немейскій левъ.—Птицы озера Стимфала.—Лернская гидра.—Эриманѳскій вепрь.—Мѣдноногая лань.—Конюшни царя Авгія.—Мараѳонскій быкъ.—Кобылицы Діомеда.—Гигантъ Антей.—Пигмеи.—Геспередскія золотыя яблоки.—Геркулесовы столбы.—Церберъ.—Геркулесъ въ аду.—Гезіона.—Амазонки.—Кентавръ Эвритіонъ.

Касторъ и ***Поллуксъ***, называемые вообще ***Діоскурами***, были, какъ мы выше упомянули, сыновьями Юпитера и Леды. Древніе, разсказывая нелѣпую басню, о снесенныхъ Ледою яйцахъ, говорили будто изъ одного яйца вышли: Поллуксъ и Елена, дѣти Юпитера; изъ другаго: Касторъ и Клитемнестра, дѣти супруга Леды—Тиндара. Тотчасъ по рожденіи Діоскуровъ, Меркурій перенесъ ихъ въ Паллену, гдѣ они были воспитаны. Нѣжнѣйшая дружба всю жизнь связывала Кастора и Поллукса неразрывными узами, не смотря на усилія *Эврима* (раздора) разладить ихъ между собою. Войдя въ возрастъ, Діоскуры прославились многими подвигами на сушѣ и на морѣ. Сначала они истребили разбойниковъ на Эгейскомъ морѣ и за это были причислены къ богамъ-покровителямъ мореплавателей; потомъ принимали участіе въ походѣ Аргонавтовъ въ Колхиду. Здѣсь Поллуксъ убилъ Амикуса, сына Нептуна, и съ этого времени былъ признанъ богомъ-покровителемъ борцевъ и атлетовъ на Олимпійскихъ играхъ; Касторъ покровителемъ всадниковъ за свое искуство укрощать и выѣзжать дикихъ коней. Во время похода Аргонавтовъ, въ сильную бурю, надъ головами Діоскуровъ явилось яркое сіяніе и вслѣдъ затѣмъ буря утихла. Съ тѣхъ поръ моряки приняли за доброе предзнаменованіе появленіе на мачтахъ двухъ огней и за зловѣщее—

одного, названнаго ***Еленою.*** При обзорѣ религіи сабеизма, мы уже говорили (томъ IV, гл. XVI, стр. 299), что эти огни (въ южныхъ странахъ называемые *огнями св. Эльма)* ничто иное какъ проявленіе воздушнаго электричества, въ родѣ зарницы или сѣвернаго сіянія. По возвращеніи на родину, Діоскуры освободили Елену взятую въ плѣнъ Тезеемъ и женились на двоюродныхъ своихъ сестрахъ ***Фебеѣ*** и ***Талиръ***, которыхъ похитили у ихъ жениховъ ***Линкея*** и ***Ида.*** Близъ горы Тайгета женихи настигли похитителей, вступивъ съ ними въ бой, исходъ котораго былъ обоюдно несчастливъ: Линкей былъ убитъ Касторомъ, послѣдній—Идомъ, а этотъ въ свою очередь Поллуксомъ. Опечаленный смертью брата, Поллуксъ просилъ Юпитера или воскресить его брата, или его самого лишить жизни. Царь боговъ дозволилъ братьямъ чередоваться жизнію по полугодіямъ, т. е. въ теченіе шести мѣсяцевъ жизни Кастора, Поллуксъ оставался въ области подземной, а на слѣдующіе шесть мѣсяцевъ занималъ его мѣсто. Возвращавшійся на землю объѣзжалъ ее на небольшомъ конѣ ***Килларъ.*** Впослѣдствіи Діоскуры были взяты на небо, гдѣ образовали созвѣздіе ***Близнецовъ.***

Служеніе Діоскурамъ было распространено какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ. Римляне, принося клятвы, призывали въ свидѣтели Кастора и Поллукса (Ecastor! Mecastor!) Праздники въ ихъ честь назывались; ***Анакси***, ***Анактеи*** и ***Діоскуріи.*** Братьевъ близнецовъ изображали обыкновенно въ видѣ двухъ всадниковъ, скачущихъ съ обнаженными мечами на бѣлыхъ коняхъ.

Слава Діоскуровъ и ихъ подвиги должны померкнуть въ сравненіи со славою и подвигами ***Геркулеса*** или ***Алкида***, знаменитѣйшаго изъ всѣхъ побочныхъ сыновей Юпитера. Разсказы о немъ наполнены множествомъ замысловатыхъ аллегорій и потому, послѣ каждаго изъ нихъ, мы представимъ читателю соотвѣтствующее объясненіе. Начнемъ съ того, что Геркулесъ въ древнемъ мірѣ былъ не одинъ; Варронъ говоритъ, что героевъ, носившихъ это имя, было до сорока пяти и жили они въ разное время, но подвиги ихъ приписали одному лицу. Діодоръ Сицилійскій насчитываетъ четырехъ Геркулесовъ: египетскаго, критскаго, греческаго

и финикійскаго. По словамъ Цицерона, Геркулесовъ было шесть: 1) древнѣйшій, сынъ Лизита, не желавшій поклоняться Аполлону; 2) сынъ рѣки Нила, египтянинъ; 3) одинъ изъ дактилей горы Иды; 4) финикіанинъ, признанный божествомъ въ Тирѣ; 5) Белъ или Ваалъ богъ ассиріанъ и индусовъ; 6) сынъ Юпитера и Алкмены, супруги Амфитріона. Послѣдній и есть именно герой миѳологіи, о которомъ теперь у насъ идетъ рѣчь.

Внукъ Персея, ***Амфитріонъ***, убивъ нечаянно дядю своего Электріона, принужденъ былъ покинуть свою родину и удаляясь въ Ѳивы женился на двоюродной своей сестрѣ, ***Алкменѣ***. Война съ ѳимбейцами заставила его оставить жену, а въ разлукѣ съ нею утѣшаться ласками ***Камэо***, дочери Птерелая, царя ѳимбейскаго. Пользуясь отсутствіемъ Амфитріона, Юпитеръ, влюбленный въ Алкмену, явился къ ней въ образѣ ея мужа и провелъ съ нею три ночи... Едва царь боговъ удалился отъ Алкмены, введенной въ обманъ, какъ къ ней возвратился мужъ и воспользовался своими супружескими правами. Удивленная скорымъ его возвращеніемъ, Алкмена сказала мужу о чудномъ его двойникѣ, обманувшемъ ее разительнымъ своимъ сходствомъ съ Амфитріономъ. Мужъ, въ негодованіи, осыпалъ жену упреками, но въ это самое время надъ дворцемъ разразился громовый ударъ и голосъ Юпитера возвѣстилъ Амфитріону, что Алкмена родитъ отъ царя боговъ героя великаго и знаменитаго. Алкмена разрѣшилась отъ бремени двойнями ***Ификломъ*** отъ мужа и ***Геркулесомъ*** отъ Юпитера. Юнона, негодуя на супруга, ниспослала во дворецъ двухъ змѣй, чтобы онѣ задушили младшаго изъ двойней, т. е. Геркулеса; но герой младенецъ самъ задушилъ змѣй своими рученками. Паллада умолила Юнону сжалиться надъ сыномъ Юпитера и ревнивая богиня не только помиловала младенца, но даже позволила ему пососать ея молока. Приложенный къ груди Юноны, Геркулесъ сталъ сосать съ такою жадностью, что богиня оттолкнула его и молоко разлилось по небу, а капли его упали на землю. Изъ струи молока на небѣ образовался ***млечный путь***; изъ капли выросла лилія (Lilium candidum L). Венера, увидя цвѣтокъ, красотою равный розѣ, ей посвященной, обезобразила лилію внутреннимъ пестикомъ, видомъ похожимъ на ослиный хвостъ.

Быстро возрастая, Геркулесъ съ юныхъ лѣтъ обнаружилъ необыкновенную силу и развивалъ ее во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Амфитріонъ научилъ его управлять конями, запряженными въ колесницу; Автоликъ—искуству бороться; Эвритъ или Радамантъ—стрѣльбѣ изъ лука; Эвмолпъ—музыкѣ; Линъ игрѣ на всевозможныхъ инструментахъ, наконецъ: Гарпаликъ, Касторъ и Поллуксъ—гимнастикѣ. Строптивый и неукротимый Геркулесъ убилъ своего учителя Лина, за то, что тотъ упрекнулъ его за лѣность. До восемнадцати лѣтъ Геркулесъ пасъ стада отчима, Амфитріона и именно въ это время къ нему явились ***Нѣга*** и ***Доблесть***, оспаривая другъ у друга сердце героя. Первая роскошная, полная красавица предложила ему всевозможныя наслажденія, а съ ними и праздность: вторая величавая, со скромно потупленными взорами вызывала его на подвиги мужества, обѣщая славу и свое содѣйствіе. Геркулесъ принялъ ея предложенія.

На первый случай Доблесть помогла ему освободить ѳивянъ отъ позорной дани, которую они платили ***Эргину***, царю орхменійцевъ. Онъ встрѣтилъ посланныхъ, одинъ сразился съ ними, побѣдилъ ихъ и обрѣзалъ имъ уши и носы. Послѣ этой первой побѣды Геркулесъ женился на ***Мегарѣ*** и поселился въ Арголидѣ... Около этого же времени онъ содѣйствовалъ богамъ къ одолѣнію гигантовъ. По непреложной волѣ судебъ Геркулесу суждено было подчиняться и повиноваться ***Эврисѳею*** сыну Сѳенелія, царю микенскому. Виною такому предопредѣленію была ошибка самого Юпитера. Въ день рожденія Геркулеса Алкменою, царь боговъ объявилъ на Олимпѣ и подтвердилъ слова свои клятвою, что рожденный младенецъ будетъ властвовать со временемъ надъ всѣми ему сосѣдними царями. Юнона немедленно помогла женѣ Сѳенелія родить ***Эврисѳея***, роды же Алкмены затруднила—и такимъ образомъ Геркулесъ былъ подчиненъ самъ, вмѣсто того чтобы повелѣвать, царямъ сосѣднихъ странъ. Юпитеръ, досадуя на ошибку (***Атэ***), которая такъ жестоко измѣнила судьбу Геркулеса къ худшему, низвергъ ее на землю, гдѣ назначилъ ей пребывать между

смертными безотлучно. При вѣсти, что онъ долженъ быть чуть не рабомъ Эврисѳея, Геркулесъ пришелъ въ ярость и не помня себя убилъ дѣтей своихъ... Юнона сжалилась надъ нимъ и исцѣлила его. Оракулъ, вопрошенный Геркулесомъ, отвѣчалъ, что въ теченіе двѣнадцати лѣтъ онъ долженъ находиться въ совершенномъ повиновеніи у Эврисѳея, за что впослѣдствіи удостоенъ будетъ сопричисленія къ полу-богамъ. Слабый и малодушный Эврисѳей, послѣ долгаго раздумья, пріискалъ для Геркулеса двѣнадцать задачъ, разрѣшеніе которыхъ его отвагою и мужествомъ казалось Эврисѳею невозможнымъ. Эти двѣнадцать подвиговъ были слѣдующіе: 1) *убіеніе немейскаго льва;* 2) *истребленіе птицъ озера Стимфана;* 3) *уничтоженіе лерискон гидры;* 4) *убіеніе эриманѳскаго вепря;* 5) *поимка мѣдноногой лани;* 6) *очистка конюшень царя Ав...;* 7) *укрощеніе быка мараѳонскаго;* 8) *истребленіе кобылицъ Діомида;* 9) *побѣда надъ Геріономъ;* 10) *одолѣніе Антэя;* 11) *похищеніе гесперидскихъ яблоковъ;* 12) *усмиреніе Цербера.* По другимъ сказаніямъ, въ числѣ двѣнадцати подвиговъ Геркулеса были еще: *освобожденіе Гезіоны, побѣды надъ Амазонками и надъ Кентавромъ Эвритіономъ.*

Каждому подвигу Геркулеса есть нѣсколько историческихъ или астрономическихъ истолкованій. *Дюпюи* въ любопытной своей книгѣ [1]) весьма остроумно подводитъ подвиги Геркулеса подъ законы астрономическіе и доказываетъ, что каждый изъ нихъ — зодіакальное созвѣздіе того мѣсяца, въ которое въ опредѣленные періоды вступаетъ солнце (Геркулесъ). Вѣрить французскому ученому на слово въ этомъ случаѣ было бы несправедливо, по той причинѣ, что Дюпюи, признавая источникомъ всѣхъ религій только небо съ его свѣтилами, нерѣдко впадаетъ въ заблужденія, преслѣдуя только свою мысль и не принимая во вниманіе фактовъ, которые ей противорѣчатъ. Изъ коментаріевъ на подвиги Геркулеса мы выберемъ только подходящіе ближе всякихъ другихъ къ правдѣ.

[1]) Dupuis, Origiene de tous les cultes ou Religion universelle. Paris 1794. 5 vol. in 4.

1) *Убіеніе немейскаго льва.* Этотъ левъ, чудовищной величины опустошалъ лѣса между Клеоною и Немеею въ Арголидѣ. Геркулесъ, будучи не въ состояніи убить его своею желѣзною палицею, задушилъ его руками, содралъ съ него кожу и облекся въ нее съ головы до ногъ. Этотъ левъ былъ превращенъ въ соименное ему созвѣздіе и образовалъ на небѣ зодіакальный знакъ льва.

Самое правдоподобное толкованіе этого подвига: побѣда, одержанная Геркулесомъ надъ какимъ нибудь хищникомъ, который разбойничалъ въ лѣсахъ немейскихъ. Львиная кожа ничто иное какъ добыча, доставшаяся побѣдителю.

2) *Истребленіе птицъ озера Стимфала, въ Арголидѣ.* Эти птицы съ желѣзными головами и когтями метали стрѣлы въ тѣхъ, которые приближались къ озеру. Геркулесъ распугалъ ихъ мѣдными кимвалами и, заманивъ въ лѣсную чащу, перебилъ всѣхъ до единой.

По объясненію Мназеаса птицы — разбойники, свирѣпствовавшіе на озерѣ Стимфалѣ и по его прибрежьямъ; крылья птицъ, паруса на разбойничьихъ ладьяхъ; желѣзные когти и головы — ихъ вооруженіе.

3) *Уничтоженіе лерской гидры.* Это чудовище гнѣздилось въ болотахъ лерискихъ близъ Аргоса, умерщвляло людей своимъ дыханіемъ и обладало свойствомъ производить на туловищѣ своемъ въ замѣну одной отрубленной головы — семь новыхъ. Геркулесъ отсѣкъ гидрѣ всѣ ея головы *золотой косою* и тѣмъ избавилъ весь край отъ этого чудовища, почитавшагося непобѣдимымъ. Во время борьбы съ гидрою Геркулесъ былъ уязвленъ въ пятку морскимъ ракомъ, посланнымъ на него Юноною; онъ убилъ его своей палицею и ракъ взятый на небо превратился въ созвѣздіе, соотвѣтствующее мѣсяцу іюню.

Гидра: огромное, непроходимое болото; убійственное ея дыханіе — испаренія порождавшія эпидеміи; головы, возраставшія по мѣрѣ ихъ отсѣченія: — источники воды, выступавшіе изъ болота при попыткахъ осушить его канавами. *Золотая коса,* которою Геркулесъ отрубилъ головы гидрѣ: — огонь, которымъ этотъ герой выжегъ болотные тростники или громадныя денежныя суммы, потра-

ченныя имъ на осушку болота. Кровь и желчь гидры, въ которыя онъ омочилъ свои стрѣлы, разносившія смерть на далекое разстояніе:—моровыя повѣтрія изъ Аргоса, распространившіяся по сосѣднимъ областямъ.

4) *Убіеніе эриманѳскаго вепря,* котораго Геркулесъ, взявъ живымъ, на плечахъ принесъ къ Эврисѳею—плѣненіе и казнь какого нибудь разбойника, наводившаго ужасъ на область Эриманѳы.

5) *Поимка мѣдноногой лани,* за которою Геркулесъ гонялся цѣлый годъ—подвигъ необъясненный коментаторами. Можно предполагать, что и эта лань подобно немейскому льву и эриманѳскому вепрю была не четвероногимъ животнымъ, а человѣкомъ, которому прозвище лани дано было въ переносномъ смыслѣ.

6) *Очистка конюшень царя Авгія,* обладателя огромныхъ стадъ, которыя по неимѣнію помѣщенія въ стойлахъ и конюшняхъ вомѣщались въ открытыхъ поляхъ и до того обременили ихъ пометомъ, что они сдѣлались безплодны. Геркулесъ провелъ каналомъ воду изъ рѣки Алфея на это поле и возвратилъ имъ прежнее плодородіе. Авгія, не отблагодарившаго Геркулеса за эту услугу, онъ умертвилъ и посадилъ на престолъ сына его, Филея.

7) *Укрощеніе мараѳонскаго быка.* Окрестности Мараѳона въ Аттикѣ ежедневно были опустошаемы дикимъ быкомъ, извергавшимъ пламя изъ ноздрей и ниспосланнымъ на эту страну разгнѣваннымъ Нептуномъ. По приказанію Эврисѳея, Геркулесъ поймалъ этого быка, укротилъ его, а потомъ пустилъ на свободу.

Быкъ—водный источникъ или потокъ, частыми своими наводненьями опустошавшій Мараѳонъ. Каналы, прорытые Геркулесомъ, отстранили наводненіе и въ этомъ вся разгадка укрощенія быка, *созданнаго Нептуномъ,* какъ говоритъ миѳологія.

8) *Истребленіе кобылицъ Діомида.* У царя ѳракійскаго Діомида были кобылицы, дышавшія огнемъ, которыхъ царь кормилъ человѣческимъ мясомъ. Геркулесъ принудилъ ихъ съѣсть самаго Діомида, потомъ привелъ ихъ къ Эврисѳею. По повелѣнію послѣдняго кобылицы были пущены на гору Олимпъ и здѣсь сдѣлались сами добычею дикихъ звѣрей.

Миѳологическія исторіи подобны іероглифамъ, истолковываемымъ людьми, не всегда понимающими ихъ значеніе. Царь Діомидъ — страстный любитель лошадей, тратилъ на ихъ содержаніе огромныя суммы, пренебрегая нуждами обнищавшаго и голоднаго народа... Въ переносномъ смыслѣ, развѣ этого нельзя было назвать кормленіемъ кобылицъ человѣческимъ мясомъ? Такъ точно мы называемъ кровопійцею злодѣя, находящаго наслажденіе въ страданіяхъ ближняго, но не придаемъ этому слову буквальнаго значенія. Геркулесъ угналъ табуны коней Діомида, которые пали по недостатку пастбищъ во владѣніяхъ Эврисѳея. Замѣчательно, что большая часть подвиговъ Геркулеса относится къ убіенію, поимкѣ или укрощенію звѣрей и хотя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, это звѣри только аллегоріи, но нельзя не придти и къ тому убѣжденію, что древніе, въ прирученіи звѣрей и въ скотоводствѣ видѣли такую же заслугу какъ и въ самыхъ геройскихъ подвигахъ.

9) *Побѣда надъ Геріономъ.* Геркулесъ, томимый жаждою славы, избралъ новое мѣсто для своихъ подвиговъ и отправился въ Испанію. На пути онъ сразился съ великаномъ Геріономъ, имѣвшимъ три туловища, одолѣлъ его и отнялъ у него всѣ стада.

Подъ тремя туловищами Геріона должно подразумѣвать три острова: Маіорку, Минорку и Эбузу, на которыхъ онъ царствовалъ, или три отряда войскъ, которыми предводительствовалъ, защищаясь отъ Геркулеса, вторгнувшагося въ его предѣлы, такъ какъ по финикійски слова: *Гріона* означаетъ—три арміи. Изъ владеній Геріона Геркулесъ отправился въ Италію, гдѣ побѣдилъ разбойника *Кака,* дерзнувшаго похитить у него стада, отбитыя имъ у Геріона. Покоривъ нѣкоторыя племена Италіи, Геркулесъ принудилъ ихъ прекратить человѣческія жертвоприношенія, замѣнивъ ихъ животными или растеніями. Напоминаемъ читателю, что подвиги, приписываемые миѳологіею *одному* Геркулесу, были совершены въ разное время *нѣсколькими,* ему одноименными героями. Ревнуя о своей отечественной славѣ, греки въ своемъ Геркулесѣ соединили подвиги Геркулесовъ египетскаго и финикійскаго.

10) *Одолѣніе Антея.* Гигантъ Антей, сынъ Земли, былъ непобѣдимъ, такъ какъ его мать Земля придавала ему силы лишь только онъ къ ней прикасался. Геркулесъ, схвативъ его на руки,

поднялъ въ воздухъ и задушилъ Антея... Такъ говоритъ миѳологія; посмотримъ, на сколько въ этомъ сказаніи есть правды.

Желая основать колонію въ Африкѣ, Геркулесъ отправился въ эту страну и встрѣтилъ въ Ливіи могучаго поселенца Антея, котораго никакъ не могъ вытѣснить изъ занятой имъ мѣстности, потому что сосѣднія племена посылали Антею постоянную помощь войсками. Заманивъ противника на море, Геркулесъ прервалъ ему сообщеніе съ берегомъ и безъ особеннаго труда побѣдилъ его. Вотъ и весь источникъ басни о гигантѣ Антеѣ, силы котораго возрастали отъ прикосновенія къ землѣ [1]) или который былъ непобѣдимъ покуда находился на землѣ.

Утомленный борьбою съ Антеемъ, Гуркулесъ уснулъ и въ это время на него напало цѣлое ополченіе *пигмеевъ*, крохотныхъ человѣчковъ въ вершокъ ростомъ. Пробужденный щекотаньемъ, произведеннымъ на его тѣлѣ этими воинами, облѣпившими его будто мухи кусокъ сахару, Геркулесъ горстями собралъ ихъ въ свою львиную кожу завязалъ въ узелъ и принесъ къ Эврисѳею. Эта сказка понятна даже безъ объясненій. *Пигмеи*, племя безсильное, но отважное, напали на войска Геркулеса во время ихъ роздыха послѣ сраженія съ войсками Антея. Не смотря на усталость они побѣдили пигмеевъ и множество ихъ забрали въ плѣнъ. Миѳологія говоритъ, что Геркулесъ завязалъ ихъ въ узелъ въ свою львиную кожу... но чѣмъ это метафорическое выраженіе хуже нашего хвастливаго возгласа: „шапками закидаемъ“, одно стоитъ другаго.

Въ бытность свою въ Африкѣ Геркулесъ подружился съ *Атласомъ*, отцемъ Гесперидъ [2]), умертвилъ его противника, Бузариса, и помогъ Атласу въ его тяжкомъ трудѣ поддерживать на плечахъ весь сводъ небесный. Вслѣдъ за этимъ онъ совершилъ свой *одиннадцатый подвигъ*, похитивъ золотыя яблоки изъ садовъ Гесперидъ, дочерей Атласа, охраняемые страшнымъ дракономъ. Золотыя яблоки обладали многими чудесными свойствами

---

[1]) Abbé Banier. Mythologie et les fables expliquées par l'histoire. Paris 1740 in 12 tome VII p. 32–33.

[2]) См. Томъ IV, Сабизмъ. Гл. XIX стр. 352.

и Эврисѳей настоятельно требовалъ отъ Геркулеса, чтобы онъ добылъ ихъ. Герой попросилъ морскаго бога *Нерея* указать ему путь въ Гесперидскіе сады; Нерей отвѣчалъ, что мѣсто гдѣ они находятся извѣстно одному Прометею, тогда прикованному къ скаламъ Кавказа. Геркулесъ освободилъ страдальца, который въ благодарность за это объявилъ ему, что Гесперидскіе сады находятся въ Мавританіи. Герой отправился по этому указанію, убилъ дракона нарвалъ въ саду золотыхъ яблоковъ и доставилъ ихъ къ Эврисѳею.

Въ этой баснѣ подвигъ Геркулеса финикійскаго приписанъ греческому. Финикійскій мореплаватель вывезъ изъ Испаніи въ Грецію первые лимоны и апельсины, названные *золотыми яблоками*. Къ этому событію греки приплели сказку о драконѣ и кромѣ того о чудесномъ образованіи пролива Гибралтарскаго. Путь въ Испанію былъ прегражденъ Геркулесу скалою, которую онъ разбилъ пополамъ ударомъ своей палицы, и такимъ образомъ побѣдилъ самую природу. „Далѣе невозможно (Nec plus ultra!)“ воскликнулъ онъ при этомъ. Это выраженіе вмѣстѣ со словами: *Геркулесовы столбы* отъ глубочайшей древности сдѣлалось пословицею для означенія великой, преодолѣнной трудности или достиженія въ какомъ нибудь дѣлѣ успѣха или совершенства. Въ повѣствованіи своемъ объ образованіи Гибралтарскаго пролива, греческіе миѳологи сдѣлали грубый анахронизмъ: проливъ образовался гораздо ранѣе существованія древнѣйшаго изъ Геркулесовъ. Несомнѣнно, что въ эпоху доисторическую, Средиземное море не соединялось проливомъ съ Атлантическимъ океаномъ, а берега южной Испаніи и сѣверной Африки соединялись въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся Тарифа въ Испаніи и Сеута въ Африкѣ.

12) *Укрощеніе Цербера* было величайшимъ изъ всѣхъ подвиговъ Геркулеса. Исполняя прихоть Эврисѳея, герой нисходилъ въ адъ, надѣлъ цѣпь на трехглаваго пса, Цербера, охранявшаго входъ въ подземное царство и притащилъ его на поверхность земли въ Ѳессаліи. Пѣна и слюна Цербера, которыми это чудовище оросило землю, породило множество ядовитыхъ растеній. Подержавъ нѣсколько времени Цербера на цѣпи, Геркулесъ вторично посѣтилъ область Плутона для освобожденія *Альцесты* или, по

другимъ сказаніямъ, матери своей *Алкмены* или *Тезея* и нагналъ ужасъ на всѣхъ обитателей преисподней.

Изъ всѣхъ баснословныхъ сказаній о подвигахъ Геркулеса, укрощеніе Цербера и сошествіе въ адъ донынѣ еще не объяснено коментаторами. Одни говорятъ, будто Церберъ былъ дѣйствительно собакою особенной породы, вывезенной Геркулесомъ изъ чужихъ краевъ въ Грецію. Другіе, подъ именемъ Цербера подразумѣваютъ кипящій источникъ о трехъ рукавахъ (три головы), со страшнымъ ревомъ извергавшійся изъ пещеры въ Ѳессаліи, причинявшій много вреда своими испареніями и засыпанный Геркулесомъ... Однако же всѣ эти толкованія слишкомъ смѣлы, чтобы вѣрить имъ. Мы увидимъ далѣе, что древніе, освобожденіемъ изъ ада называли исцѣленіе отъ трудныхъ смертельныхъ болѣзней; выраженіе подобное нашему: „одной ногой стоять въ гробу." Сошествіе Геркулеса въ адъ для освобожденія Альцесты или Тезея означаетъ можетъ быть спасеніе этихъ лицъ отъ смерти пользовавшимъ ихъ Геркулесомъ. Въ такомъ случаѣ и укрощенный, окованный Церберъ означаетъ горячій минеральный источникъ, которымъ эти больные пользовались по совѣту Геркулеса.

Освобожденіе Гезіоны, побѣды Геркулеса надъ амазонками и надъ Кентавромъ Эвритіономъ, включенные въ число двѣнадцати подвиговъ героя, не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Гезіона, обреченная на съѣденіе морскимъ чудовищемъ, но спасенная Геркулесомъ — та же Андромеда, избавленная отъ подобной же опасности Персеемъ. Побѣда надъ амазонками и похищеніе пояса у ихъ царицы *Ипполиты*, впослѣдствіи вышедшей за Тезея — едва можетъ быть названа великимъ подвигомъ, такъ какъ борьба героя съ женщинами скорѣе унизительна, нежели славна для него... Сказаніе о Кентаврѣ Эвритіонѣ, убитомъ Геркулесомъ, варіантъ сказанія объ убіеніи Кентавра *Несса*, покушавшагося отнять у героя его возлюбленную Діяниру.

Совершая удивительные свои подвиги въ угоду Эврисѳею и его заказамъ, Геркулесъ еще находилъ время удивлять міръ другими подвигами, совершенными имъ, такъ сказать, мимоходомъ. Таковыми были: *побѣда надъ кентаврами, убіеніе льва киѳеронскаго* и *борьба съ рѣкою Ахелоемъ.*

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Истребленіе кентавровъ. — Убіеніе киѳеронскаго льва. — Царь Ѳеспій — Ѳеспіады. — Объясненіе сказки о пятидесяти двухъ Ѳеспіадахъ. — Деянира. — Борьба Геркулеса съ рѣкою Ахелоемъ. — Кентавръ Нессъ. — Битвы Геркулеса съ богами. — Его нечестіе. — Продажа его Омфалѣ. — Хитонъ Деяниры. — Смерть Геркулеса. — Обоготвореніе его памяти. — Праздники. — Жрецы. — Потомки Геркулеса. — Гераклиды. — Догадки коментаторовъ о томъ, что Геркулесъ олицетвореніе солнца. — Сходство Геркулеса съ библейскимъ Самсономъ.

Незадолго до убіенія эриманѳскаго вепря, Геркулесъ случайно истребилъ кентавровъ. Принятый какъ гость у одного изъ нихъ по имени *Фола*, герой, обѣдая съ его друзьями, вздумалъ отнять поданный имъ мѣхъ вина. Завязалась драка. Кентавры бросали въ Геркулеса обломки скалъ и съ корнемъ вырванныя деревья; онъ металъ въ нихъ стрѣлы и изувѣчилъ кентавровъ своею палицею. Они были принуждены отступить въ Малею, гдѣ жилъ Хиронъ, учитель Геркулеса, но и это убѣжище не спасло кентавровъ отъ ярости ихъ врага и онъ перебилъ ихъ всѣхъ, причемъ нечаянно ранилъ отравленной стрѣлой и Хирона, который и умеръ отъ этой раны.

Огромный левъ, появившійся близъ горы Киѳерона, въ Ѳессаліи, подобно немейскому льву свирѣпствовалъ въ окрестностяхъ и былъ убитъ Геркулесомъ. Царь *Ѳеспій*, не зная, чѣмъ достойно наградить избавителя страны, отдалъ ему въ жены своихъ дочерей, въ числѣ пятидесяти двухъ, и каждая изъ нихъ подарила Геркулесу сына или дочь, по прошествіи извѣстнаго срока. Эту сказку нѣкоторые коментаторы довольно вѣроятно объясняютъ такъ, что въ ней Геркулесъ олицетворяетъ годъ, а жены его — пятьдесятъ двѣ недѣли, дѣти ихъ — дни.

По возвращеніи въ Грецію Геркулесъ страстно влюбился въ Деяниру, дочь царя Калидонскаго. Соперникомъ героя явился *Ахелой*, сынъ Океана и Ѳетиды. Желая отнять Деяниру у Геркулеса, Ахелой превратился въ змѣю, напалъ на героя — но побѣжденный имъ превратился въ бѣшенаго быка и въ этомъ видѣ

съ обломаннымъ рогомъ, весь избитый, принужденъ былъ скрыться въ волнахъ рѣки Ѳооса, названной съ того времени именемъ Ахелоя. Рогъ, обломанный Геркулесомъ, былъ руками нимфъ наполненъ плодами, цвѣтами и поднесенъ въ даръ богинѣ изобилія.

Трудно найдти въ миѳологіи басню болѣе остроумную. Рѣка Ахелой, струившаяся въ своемъ истокѣ въ видѣ извивистой змѣи, была бурнѣе и быстрѣе по мѣрѣ приближенія къ устью и частыми разливами опустошала прибрежныя поля. Геркулесъ преградивъ плотиною одинъ изъ рукавовъ рѣки, далъ ея водамъ другое направленіе и тѣмъ обогатилъ прибрежья, возвративъ прежнее плодородіе болотистой и безплодной почвѣ. Рогъ бѣшенаго быка—рукавъ рѣки Ахелоя. Такимъ образомъ, сказаніе о трудахъ искуснаго инженера, превратилось въ устахъ древнихъ грековъ въ цѣлую поэму.

Побѣдивъ Ахелоя, Геркулесъ продолжалъ дальнѣйшій путь съ Деянирою и встрѣтилъ новое препятствіе въ разлившейся рѣкѣ Эвенѣ. Тогда кентавръ *Нессъ*, бродившій по берегу, предложилъ Геркулесу свои услуги и вызвался перенести Деяниру на своихъ плечахъ. Герой принялъ предложеніе, но приплывъ на противоположный берегъ, увидѣлъ, что Нессъ, хочетъ силою овладѣть Деянирой. Внѣ себя отъ бѣшенства Геркулесъ бросилъ стрѣлу въ Несса и ранилъ его смертельно. Умирающій Нессъ отдалъ Деянирѣ свой окровавленный хитонъ, сказавъ ей при этомъ, чтобы она въ случаѣ измѣны ей Геркулеса дала ему одѣть это одѣяніе, которое, по словамъ кентавра, обладаетъ свойствомъ удерживать отъ непостоянства. Деянира приняла изъ рукъ умирающаго Несса его подарокъ и, послѣ того, вмѣстѣ съ Геркулесомъ прибыла въ Ѳессалію, гдѣ Геркулесъ побѣдилъ разбойниковъ *Дріоповъ*, *Ѳеспратовъ* и *Лапиѳовъ*. Воображая себя непобѣдимымъ, герой рѣшился потягаться съ самыми богами. Онъ ранилъ Юнону стрѣлою въ грудь; нанесъ тяжелую рану Плутону, отъ которой тотъ едва исцѣлился благодаря Эскулапу; металъ стрѣлы въ солнце, за то, что оно безпокоило его своими лучами и за эту отвагу былъ награжденъ Аполлономъ, подарившимъ ему золотой кубокъ. Наконецъ, на олимпійскихъ играхъ, Геркулесъ боролся съ самимъ Юпитеромъ.

Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, Геркулесу, какъ казалось, можно было бы отдохнуть на лаврахъ, но неугомонный герой не вѣдая усталости не нуждался и въ отдыхѣ. Узнавъ, что царь *Эвритъ* обѣщалъ руку дочери своей Іолы тому, кто превзойдетъ его въ искуствѣ стрѣлять изъ лука—Геркулесъ прибылъ къ его двору и одержалъ верхъ надъ царемъ, послѣ чего требовалъ у него обѣщанной награды—но Эвритъ отказалъ герою. За это Геркулесъ, убивъ царя и съ нимъ еще девяносто шесть человѣкъ, подружился съ его сыномъ *Ифитомъ*. Къ несчастію вскорѣ послѣ того Ифитъ обвинилъ Геркулеса въ покражѣ лошадей, уведенныхъ Автомакомъ. Возведя Ифита на высокую скалу, Геркулесъ съ вершины ея показалъ ему, что лошадей нѣтъ на окрестныхъ пастбищахъ и затѣмъ сбросилъ Ифита со скалы. Іолу онъ похитилъ и не взирая на увѣщанія жрицы Ксеноклеи, предался вмѣстѣ съ Іолою страстнымъ ласкамъ въ стѣнахъ храма Аполлона Дельфійскаго. За это нечестіе Геркулеса посѣтилъ жестокій недугъ и оракулъ приказалъ продать его какъ раба, а деньги, вырученныя отъ продажи, раздать дѣтямъ Ифита. Меркурій продалъ Геркулеса лидійской царицѣ *Омфалѣ*, женщинѣ слабой, нѣжной и прелестной собою. Къ ея ногамъ Геркулесъ привелъ *перкиновъ*, жителей Эфеза, окованныхъ цѣпями. Плѣненная мужествомъ своего раба Омфала дала ему свободу, которою Геркулесъ не пожелалъ однако же воспользоваться и три года провелъ при ея дворѣ въ нѣгѣ и въ постыдной праздности. Сбросивъ съ себя львиную кожу и сложивъ къ ногамъ Омфалы палицу, Геркулесъ по цѣлымъ днямъ забавлялъ свою властительницу вертя веретено: непобѣдимый ни людьми, ни богами, былъ наконецъ побѣжденъ слабою женщиною! Можно ли лучше изобразить могущество красоты, какъ не въ лицѣ Омфалы и прядущаго у ея ногъ Геркулеса? Однако же онъ опомнился, устыдился своего увлеченія и бѣжалъ отъ обольстительницы въ Трохину, куда привелъ за собою и плѣнницу свою Іолу. Деянира, увѣдомленная своимъ рабомъ *Лихомъ* о возвращеніи Геркулеса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о его невѣрности, прислала ему въ подарокъ ларчикъ, въ который положила хитонъ кентавра Несса. Едва Геркулесъ надѣлъ на себя этотъ роковой подарокъ, какъ почувствовалъ жгучую боль во всемъ тѣлѣ, въ которое хитонъ

впился, будто тысячами невидимыхъ глазу раскаленыхъ иголъ; силясь сорвать съ себя хитонъ, Геркулесъ вырывалъ клочья собственной кожи. Въ бѣшенствѣ, схвативъ Лиха за ногу, онъ, послѣ нѣсколькихъ размаховъ по воздуху, бросилъ его въ Эвбейское море, гдѣ Лихъ превратился въ скалу въ видѣ человѣческой фигуры... Видя, что смерть приближается и желая избавиться отъ мучительной агоніи Геркулесъ приказалъ друзьямъ своимъ Филоктету и Пеасу сложить костеръ на горѣ Этѣ, легъ на него, положивъ подъ себя львиную кожу, палицу подъ голову и приказавъ зажечь костеръ скрылся въ клубахъ огня и дыма... Грянулъ громъ, молнія ударила въ костеръ и оживила прахъ Геркулеса, котораго Юпитеръ взялъ на Олимпъ и женилъ тамъ на богинѣ юности—Гебѣ.

Басня о хитонѣ Деяниры, приросшемъ къ тѣлу Геркулеса, прошла сквозь длинный рядъ вѣковъ и въ видѣ пословицы сохранилась у многихъ просвѣщенныхъ народовъ. „Хитономъ Деяниры" всего ближе можно назвать всякое увлеченіе, страсть или привычку, отъ которыхъ не въ силахъ отстать и сильнѣйшій человѣкъ. Игра въ карты, пьянство, сластолюбіе въ людяхъ — развѣ не тѣ же хитоны Деяниры—въ нравственномъ отношеніи? Геркулесъ, чтобы избавиться отъ мученій бросился на костеръ: не такъ ли бываетъ и съ людьми, которыхъ пылкія страсти доводятъ до самоубійства?

Послѣ смерти Геркулеса Филоктетъ собралъ золу отъ его тѣла въ урну, зарылъ ее въ землю и воздвигнувъ надъ нею алтарь, приносилъ на немъ жертвы памяти героя. Обожаніе Геркулеса, мало по малу отъ ѳивянъ распространилось по всей Греціи. Римляне воздвигали храмы Геркулесу *хранителю*, но его особенно чтили въ Кадиксѣ. Тамошній храмъ, славившійся богатствомъ, былъ украшенъ двумя колоннами, которыя называли ***столбами Геркулеса***. Въ Италіи для служенія Геркулесу, Эвандръ назначилъ двухъ ѳессалійцевъ: ***Пинарія*** и ***Потатія***, бывшихъ родоначальниками двухъ племенъ жрецовъ ***пинаріевъ*** и ***потатіевъ***. Жертвы Геркулесу приносились утромъ и вечеромъ и приношенія заключались пиршествомъ, на которомъ потатіи прислуживали пинаріямъ, пользуясь остатками ихъ трапезы. Впослѣдствіи времени,

однако, это дѣленіе жрецовъ на старшихъ и младшихъ—исчезло. Именемъ Геркулеса римляне клялись и выраженіе „me Hercule!" было равносильно нашему простонародному: „разрази меня Богъ."

Изъ праздниковъ въ память Геркулеса славились въ Греціи ***Антилахіи***, ***Эргастіи***, ***Іоліи*** и ***Ономаты***, сопровождавшіеся пиршествами, процессіями и жертвоприношеніями, между которыми первое мѣсто принадлежало перепелкамъ—птицамъ, посвященнымъ Геркулесу [1]).

Отъ многихъ наложницъ Геркулесъ имѣлъ множество сыновей, бывшихъ основателями городовъ или давшихъ свое имя народамъ древности. Таковыми были: ***Агаѳирсъ*** родоначальникъ изнѣженнаго сарматскаго племени; ***Амаѳъ***—основатель Амаѳонта; ***Антіохъ***—родоначальникъ греческаго племени антіохидовъ; ***Авентинъ***—давшій свое имя горѣ, близъ Рима; ***Брентъ***—основатель Бриндизіума; ***Креттъ*** — города Бретты, въ Этруріи; ***Кельтъ*** — отъ котораго произошли кельты; ***Клеолъ*** — родоначальникъ царей лидійскихъ; ***Кирнъ***—основатель Корсики; ***Гельветикъ***—Гельвеціи; ***Лидъ*** Лидіи; ***Мискеллъ***—Кротоны; ***Никандръ*** — Никеи; ***Софаксъ*** — Тинги, въ Мовританіи; ***Ѳессалъ***—Ѳессаліи; ***Тибурнъ***—Тибура; ***Тигаръ*** или ***Тускулъ***—давшій свое имя Тускулуму въ Этруріи. Но изъ всѣхъ потомковъ Геркулеса особенно прославились ***Гераклиды***—три семьи, происшедшія: первая отъ ***Гилла***, сына Деяниры. Сначала гонимые Эврисѳеемъ дѣти Гилла, въ свою очередь вытѣснили его изъ Пелопонеза и поселились въ этой части Греціи. Изъ нихъ ***Коранъ*** былъ первымъ колонизаторомъ Македоніи. Вторая вѣтвь—овладѣла Коринѳомъ; третья — Лидіею. Послѣдній царь лидійскій ***Кандавлъ*** былъ потомкомъ Геркулеса въ двадцать второмъ колѣнѣ.

Скажемъ въ заключеніе, что тѣ изъ комментаторовъ, которые непремѣнно хотятъ видѣть въ Геркулесѣ олицетвореніе солнца, приводятъ въ подтвержденіе своихъ догадокъ сказаніе древнихъ

[1]) Ниже мы объяснимъ причину этого посвященія.

о томъ, что Геркулесъ былъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни и выходилъ изъ безпамятства, когда ему давали понюхать живую перепелку. Падучая болѣзнь Геркулеса (по словамъ вышеупомянутыхъ коментаторовъ), ничто иное, какъ ослабленіе дѣятельности солнца въ зимнее время, а выздоровленіе отъ духа перепелки въ началѣ весны и теплыхъ дней, возвѣщаемыхъ прилетомъ перепелокъ. Древніе, принимая аллегорію буквально, лечили эпилептиковъ, давая имъ ѣсть сырыхъ или жареныхъ перепелокъ.... Не знаемъ полезно ли было это лекарство, но его выхваляла впослѣдствіи времени и Салерниская школа.

Дѣйствительно ли Геркулесъ былъ олицетвореніемъ солнца — это вопросъ нерѣшенный и довольно спорный; но несомнѣнно то, что темою для многихъ разсказовъ о его подвигахъ послужили древнимъ библейскія сказанія о ***Самсонѣ***. Знаменитый герой народа израильскаго боролся со львомъ и одолѣлъ его: у грековъ Геркулесъ прославился убіеніемъ двухъ львовъ немейскаго и киоеронскаго. Далила была виновницею гибели Самсона: Деянира была невольною убійцею Геркулеса.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Меркурій.—Его прозвища.—Соединеніе его имени съ именами другихъ боговъ и богинь.—Меркурій древній и новый.—Его рожденіе и подвиги.—Пастухъ Баттусъ.—Кражи у боговъ.—Помощь Меркурія богамъ и смертнымъ.—Происхожденіе Кадуцея.—Любовницы Меркурія.—Его дѣти.—Лары и Пенаты.—Служеніе Меркурію у древнихъ.—Праздники.—Изображенія.—Боги помощники.

Богъ покровитель ораторовъ, воровъ и торговцевъ—***Гермесъ*** или ***Меркурій***, сынъ Юпитера и атлантиды Майи—вмѣстѣ съ великимъ почетомъ снискалъ отъ древнихъ великое множество прозвищъ, дававшихъ понятіе или о его подвигахъ или о спе-

ціальной помощи людямъ, прибѣгавшимъ къ его покровительству. ***Акакетъ*** (безвредный, незлобный), ***Агеторъ*** (путеводитель), ***Агоній*** (присутствующій при кончинѣ человѣка), ***Агорей*** (богъ народныхъ собраній), ***Алхимій*** (металлургъ), ***Алей*** (игрокъ въ кости или жеребьи); ***Алесъ-Деусъ*** (крылатый богъ), ***Ангелъ*** (вѣстникъ), ***Аргифонтъ*** (убійца Аргуса), ***Бландилоквусъ*** (краснорѣчивый), ***Гарнедофоръ*** (несящій серпъ), ***Годіосъ*** (покровитель дорогъ), ***Долій*** (богъ плутни), ***Эмполей*** (покровитель купцовъ и содержателей питейныхъ домовъ), ***Эпактій*** (проводникъ усопшихъ въ адъ), ***Эпимелій*** (покровитель стадъ), ***Эпихалалитъ*** (поющій свадебныя пѣсни, или спутникъ мореходовъ), ***Кадминъ*** (прислужникъ другихъ боговъ), ***Кадуциферъ*** (носящій кадуцей), ***Кердой*** (богъ торговли), ***Ктезій*** (покровитель промышленности), ***Логій*** (богъ рѣчей), ***Медикарій*** (заговаривающій недуги), ***Міагръ*** (мухогонитель), ***Номій*** (богъ переговоровъ), ***Оккупо*** (захватывающій), ***Петаратусъ*** (въ шапкѣ съ крыльями), ***Психагогъ*** (проводникъ души), ***Стильбо*** (блестящій, управляющій планетою Меркурій), ***Трицепсъ*** (тривластный: на небѣ, на землѣ, въ преисподней), ***Трисмегистъ*** (трижды великій), ***Трифоній*** (подземный), ***Харидотъ*** (подател милостей), ***Хаоній*** (адскій вѣстникъ), ***Хризоррапись*** (съ золотымъ жезломъ).

Кромѣ этихъ прозвищъ у Меркурія были и двойственныя имена: ***Гермаммонъ*** (Меркурій-Юпитеръ), ***Германубисъ*** (Меркурій-Анубисъ), ***Гермаполлонъ***, ***Гермаѳена*** (Меркурій-Минерва), ***Гермерогъ*** (Меркурій-Амуръ) и т. д. Трудно рѣшить что именно разумѣли древніе подъ этимъ сочетаніемъ имени Меркурія съ именами прочихъ боговъ? Средневѣковые ученые предполагали, что это соединеніе именъ на таинственномъ языкѣ жрецовъ означало *амальгаму* или сортутку, такъ какъ у древнихъ каждый металлъ, посвященный которому нибудь изъ боговъ, былъ названъ его именемъ. Золото было синонимомъ Аполлона, серебро—Діаны, желѣзо—Марса, мѣдь—Юпитера, олово—Венеры, свинецъ—Сатурна и ртуть—Меркурія.

Гермесъ или Меркурій у древнихъ былъ не одинъ. Лактанцій утверждалъ, что четыре героя, жившіе въ разное время, носили

это имя; по мнѣнію Цицерона, таковыхъ было пять. Изъ нихъ особеннымъ уваженіемъ древнихъ пользовались два Меркурія: старшій и младшій, или ветхій и новый.

Меркурій старшій, сынъ Юпитера и атлантиды Майи, былъ сподвижникомъ своего отца во время его борьбы съ титанами и наслѣдовалъ отъ него Испанію, Галлію и Италію, а отъ дѣда своего Атласа, Мавританію. Царствуя надъ этими странами Меркурій часто посѣщалъ Египетъ, гдѣ научился магіи и былъ посвященъ въ таинство Озириса. Послѣ смерти Гермеса, египтяне причислили его къ богамъ подъ именемъ *Аѳопипса* или *Титая*. Такъ повѣствуетъ греческая миѳологія о божествѣ чужестранномъ, называя его уроженцемъ Греціи. Національная гордость древнихъ эллиновъ не позволяла имъ сознаться въ томъ, чтобы божество иноземное могло быть включено въ число боговъ греческихъ. Вотъ почему Гермеса египетскаго они называли старшимъ, но въ тоже время и сыномъ Юпитера.

Меркурій младшій, родился точно также отъ Майи и Юпитера, на горѣ Килленѣ въ Аркадіи, попечителями его были *Акакъ*, отецъ Мекагна и нимфы временъ года. На другой же день своего рожденія Меркурій удивилъ ихъ своимъ искуствомъ, похитивъ быковъ царя Адмета, охраняемыхъ Аполлономъ. Чтобы скрыть слѣды похищенія Меркурій велъ быковъ за хвосты, чѣмъ затруднилъ Аполлона, уличившаго его однако въ кражѣ. Какъ-бы смѣясь надъ богомъ солнца, Меркурій вскорѣ похитилъ у него его лукъ и стрѣлы. Подозрѣвая, что о похищеніи быковъ донесъ Аполлону пастухъ *Баттусъ*, соучастникъ Меркурія, которому послѣдній подарилъ за его молчаніе прекрасную корову, онъ принялъ видъ поселянина и явясь Баттусу предложилъ ему двухъ быковъ съ тѣмъ, чтобы онъ назвалъ похитителя. Прельщенный подаркомъ Баттусъ назвалъ Меркурія, и за это былъ превращенъ имъ въ пробный камень или оселокъ. Совершенствуясь въ искуствѣ красть, по мѣрѣ своего возраста, Меркурій похитилъ у Нептуна его трезубецъ, у Марса — мечъ, у Венеры — ея поясъ, у Вулкана — молоты и кузнечныя орудія. За эту ловкость, Юпитеръ произвелъ Меркурія въ свои кравчіе. а впослѣдствіи времени сдѣлалъ его повѣреннымъ въ своихъ любовныхъ интрижкахъ.

Вѣрный своему призванію, Меркурій продолжалъ красть даже и находясь при должности: онъ похитилъ скипетръ у самого царя боговъ и покусился было украсть даже и молніи — но обжегъ себѣ пальцы и жалобнымъ крикомъ выдалъ себя. Разсерженный Юпитеръ уволилъ его отъ должности кравчаго, давъ ее *Ганимеду* и прогналъ Меркурія на землю, въ товарищи Аполлону, тогда точно также удаленному отъ олимпійскаго двора. Недолго однако же Меркурій находился подъ опалою. Юпитеръ, затѣявшій связь съ Іо, превращенной Юноною въ телицу и отданной на охраненіе Аргусу, поручилъ Меркурію усыпить этого бдительнаго, стоглазаго стража. Усыпивъ его игрою на лирѣ, Меркурій отрубилъ ему голову. Онъ же отдалъ Бахуса на попеченіе его воспитательницамъ; помогъ Вулкану приковать Прометея къ скаламъ Кавказа; привязалъ Иксіона къ колесу, на которомъ несчастному суждено было вѣчно вращаться въ преисподней; охранялъ отъ волковъ золотое руно и наконецъ сопровождалъ Персея въ его походѣ противъ Горгонъ. За симъ слѣдовали другіе, не менѣе важные подвиги. Меркурій привелъ Пріама въ станъ грековъ, куда несчастный царь Иліона пришелъ, чтобы вымолить у Ахилла останки Гектора; освободилъ Юпитера изъ рукъ Тифона; Марса изъ цѣпей, въ которыя его заковали Алоиды; сопровождалъ колесницу Плутона во время похищенія имъ Прозерпины; перенесъ Кастора и Поллукса въ Палену; продалъ Геркулеса Омфалѣ; похитилъ у Плутона шлемъ-невидимку. Во время бѣгства боговъ въ Египетъ отъ преслѣдованій Титановъ, Меркурій принялъ видъ *ибиса*, птицы, съ того времени боготворимой египтянами.

Другъ мира и тишины, Меркурій въ бытность свою на землѣ увидѣлъ однажды двухъ грызущихся змѣй и желая разнять ихъ бросилъ между ними свой посохъ: змѣи обвились вокругъ и когда достигнувъ вершины очутились головами одна противъ другой, тогда Меркурій надѣлъ имъ на головы по крылу... Таково происхожденіе *кадуцея*, символа мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ скипетра торговли и промышленности. По другимъ сказаніямъ кадуцей былъ подаренъ Меркурію Аполлономъ за то, что тотъ изобрѣлъ лиру — натянувъ струны на пустую черепаховую скорлупу.

По возвращеніи на Олимпъ, Меркурій былъ заваленъ разно-

образнѣйшими занятіями. На него возложено было возвѣщать людямъ волю боговъ, наблюдать за Юноной, вести переговоры о мирѣ и о войнѣ, заниматься хозяйственной частью на Олимпѣ, присутствовать на всѣхъ торжествахъ, играхъ и засѣданіяхъ олимпійскихъ жителей. Кромѣ упомянутыхъ должностей, на него же была возложена обязанность провожать души усопшихъ въ преисподнюю, и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ—выводить ихъ изъ преисподней на бѣлый свѣтъ. При множествѣ занятій Меркурій однако же находилъ возможность удѣлять время и любовнымъ похожденіямъ. Изъ многихъ любовницъ Меркурія особеннаго вниманія заслуживаютъ: жрица Аполлона ***Карментa*** или ***Никострата***, сестра Кекропса ***Герса***, и наяда, дочь рѣки Алкмена—***Лара***.

Кармента по прибытіи изъ Аркадіи въ Италію вмѣстѣ съ сыномъ своимъ ***Эвандромъ***, была принята Фаунусомъ, царемъ Латіума и послѣ смерти удостоилась божескихъ почестей. Жрецы, ей служившіе, именовались, *карменталами*, праздники въ ея честь—*карменталіями* (11 и 15 января). Сестра Кекропса ***Герса***, плѣнила Меркурія, возвращаясь изъ храма Минервы. Старшая ея сестра Аглаура, желавшая воспрепятствовать нѣжнымъ объясненіямъ Меркурія, была имъ превращена въ скалу—символъ безмолвности и безчувственности. Наяду ***Лару*** римляне называли также ***Ланіею*** и ***Лутою*** (нѣмою), именно по слѣдующему случаю: Юпитеръ однажды преслѣдовалъ нимфу Ютурву, скрывшуюся отъ него въ волнахъ Тибра. Юпитеръ немедленно приказалъ нимфамъ окрестныхъ рѣкъ отказывать Ютурнѣ, если она будетъ просить у нихъ пріюта. Лара сообщила объ этомъ распоряженіи царя боговъ ревнивой его супругѣ и всѣ намѣренія Юпитера не удались. Разгнѣванный царь боговъ приказалъ Меркурію отрѣзать языкъ нескромной Ларѣ и спровадить ее въ Тартаръ. Во время этого пути Меркурій плѣнился красотою Лары и плодомъ нѣжныхъ ласокъ проводника были двойни ***Лары*** или ***Пенаты***—боги домашняго крова, хранители добраго семейнаго согласія. Переводя аллегоріи на обыкновенный языкъ видимъ, что по понятіямъ древнихъ—умѣстное молчаніе самый вѣрный источникъ домашняго согласія, такъ какъ слово, выговоренное не кстати

однимъ изъ супруговъ, весьма часто бываетъ причиною многихъ ссоръ и непріятностей. Окончивъ перечень прочихъ дѣтей Меркурія, ниже—мы подробнѣе поговоримъ о Ларахъ и Пенатахъ. ***Ангелія***, дочь Меркурія исполняла весьма печальную обязанность: она сообщала мертвымъ о томъ, что дѣлалось на землѣ между живыми.—***Автоликъ***, рожденный Хіонеею, наслѣдовавъ отъ Меркурія его ловкость и умѣнье красть, особенно изощрялъ свое дарованіе, уводя домашнюю скотину и лошадей, которыхъ потомъ перекрашивалъ или съ которой сглаживалъ тавра и дѣлалъ трудно узнаваемыми даже для ихъ хозяевъ. Другой конокрадъ Сизифъ, зная искуство Автолика помѣтилъ своихъ быковъ по рогамъ, а коней по копытамъ и, такимъ образомъ, имѣлъ возможность уличить Автолика, когда тотъ, не подозрѣвая хитрости Сизифа, увелъ у него нѣсколько головъ скота. Въ отмщеніе за кражу Сизифъ похитилъ у него дочь ***Антиклею***, и обольстилъ ее. Плодомъ этой связи былъ ***Улиссъ***—одинъ изъ славнѣйшихъ героевъ Иліады. ***Кефалъ*** (котораго смѣшиваютъ съ одноименнымъ ему супругомъ Прокриды и любовникомъ Авроры) за убійство жены былъ изгнанъ изъ Аѳинъ и найдя пріютъ въ Ѳивахъ, сопровождалъ Амфитріона въ его походѣ противъ ѳеѳбійцевъ. ***Кериксъ*** былъ родоначальникомъ кериксовъ или народныхъ глашатаевъ, въ древности замѣнявшихъ нынѣшнія газеты и афиши. ***Дафнисъ*** имѣлъ отъ неизвѣстной нимфы двухъ сыновей. Старшій, носившій его имя и бывшій пастухомъ на островѣ Сициліи, выучился у Пана игрѣ на флейтѣ, а у музъ буколической или пасторальной поэзіи. Послѣ его смерти, его собаки переколѣли съ горя. Братъ Дафниса — нѣжный, страстный и непостоянный юноша, поклялся любимой нимфѣ скорѣе ослѣпнуть нежели измѣнить ей, и ослѣпнуть не замедлилъ. ***Эѳамедъ***, вѣстникъ Аргонавтовъ, не будучи безсмертнымъ, обладалъ способностью пребывать извѣстное время на землѣ и въ тартарѣ. ***Гермафродитъ***, сынъ Меркурія и Венеры, сочетавшій въ себѣ оба пола, былъ богомъ покровителемъ гнуснаго, противуестественнаго удовлетворенія страстей (pederastia). ***Миртилъ*** прославился какъ искусный возничій и послѣ смерти былъ превращенъ въ соименное ему созвѣздіе. ***Прилъ*** или ***Прилисъ*** былъ волхвомъ въ Иліумѣ и во

время троянской войны подкупленный греками указалъ имъ путь въ городъ.

Лары или ***Пенаты***, пользовавшіеся у римлянъ особенныиъ уваженіемъ, дѣлились на нѣсколько категорій. Были между ними лары ***Компиталіи***, ***Фамиліаріи***, ***Гостиліи***, ***малые*** (парва), ***Публичные***, ***Руралiи*** (полевыя), ***Урбани*** (городскіе) и ***Діаліи*** (дорожные). Компиталіямъ на распутіяхъ и у городскихъ воротъ поклонялись рабы и вольноотпущенники; Фамиліаріи невидимо присутствовали въ домахъ у гражданъ; Гостиліи—отгоняли градъ и засуху отъ жатвъ, сглазъ и порчу отъ людей и оберегали страну отъ нашествія непріятельскаго. Великими ларами называлось у римлянъ двѣнадцать боговъ—покровителей: Аполлонъ, Церера, Діана, Юнона, Юпитеръ, Марсъ, Меркурій, Минерва, Нептунъ, Венера, Веста и Вулканъ. Віаліи охраняли дороги и этимъ именемъ нерѣдко называли Меркурія, Аполлона, Бахуса и Геркулеса. Публичными или народными ларами величали царей и героевъ послѣ смерти удостоившихся божественныхъ почестей и признанныхъ посредниками между смертными и богами. Изъ таковыхъ, между прочимъ, назовемъ: ***Анахису*** или ***Ананке*** (неизбѣжность, рокъ, предопредѣленіе), ***Димона*** (непреодолимую силу, влекущую къ добру или къ злу), ***Героса*** (любовь, сочувствіе), ***Тихэ*** (удачу).

Ларъ изображали въ видѣ двухъ мальчиковъ съ собакою между ними—символомъ вѣрности и бдительности, иногда ихъ замѣняли только изображеніемъ собакъ. Въ Помпеѣ во время раскопокъ въ наше время отрыто было нѣсколько домовъ съ изображенными на стѣнахъ, при входѣ, собаками и подписями: cave canem (бойся сабаки); несомнѣнно, что это символы ларъ помпейскихъ. Кромѣ того, у древнихъ, во внутренности домовъ въ прихожихъ, въ каждой комнатѣ были выставлены изображенія домашнихъ боговъ изъ дерева, слоновой кости; серебра или золота; у богатыхъ, лары помѣщались въ особенномъ кивотѣ, называвшемся ***ларарiей***. Въ честь ларъ Компиталій въ Римѣ дважды въ годъ (въ маѣ и декабрѣ) совершались празднества, на которыхъ рабы исправляли должность жрецовъ.

Пенаталіями или ***Пенетраліями*** назывались первоначально тѣни усопшихъ предковъ, но впослѣдствіи подъ этимъ именемъ подразумѣвали изображеніе великихъ боговъ, особенно Юпитера или Весты. Если лары были богами дома вообще, то пенаты были богами домашняго очага, на которомъ огонь точно также долженъ быть неугасимъ, какъ и на алтаряхъ Весты. Часть дома, въ которой стояли изображеніе пенатовъ была святилищемъ, недоступнымъ человѣку постороннему. Здѣсь домохозяева приносили жертвы пенатамъ, разъ въ мѣсяцъ—состоявшія изъ овецъ, козъ, вина, ладону и фруктовъ. Во времена первыхъ царей римскихъ (съ 753 по 509 г. до Р. Х.), пенатамъ приносилъ въ жертву и людей, но Брутъ уничтожилъ это варварское обыкновеніе.

Меркурія чтили въ Египтѣ, въ Греціи и въ Италіи. Греки приносили на его алтари языки жертвъ, въ знакъ признанія Меркурія богомъ краснорѣчія; въ Галліи въ жертву ему приносили плѣнниковъ, въ Римѣ — первыя спѣлыя смоквы. Статуи его ставили у дверей домовъ для отогнанія воровъ и недоброжелателей; на верстовыхъ дорожныхъ столбахъ ставили также его изображеніе, называвшееся ***Гермесами***. Кромѣ языковъ, въ жертву Меркурію приносили телятъ и пѣтуховъ. Изъ храмовъ и оракуловъ особенно славились храмы и оракулы Крита, Пелопонеза, Аркадіи, Элиды и Ахаіи. Совѣщавшіеся съ оракуломъ этого послѣдняго храма обязаны были выходить изъ него заткнувъ себѣ уши: первое слово, услышанное за стѣнами храма было отвѣтомъ оракула на предложенный ему вопросъ. Гаданье этого рода имѣетъ большое сходство съ нашимъ святочнымъ слушаніемъ подъ окномъ или на распутіи. Въ Римѣ въ 78 г. до Р. Х. Меркурію былъ сооруженъ храмъ, въ которомъ ежегодно 15 мая былъ торжественный праздникъ, на которомъ присутствовали вновь пріѣзжіе купцы. Послѣ предварительныхъ молитвъ и по окропленіи себя освященною водою они благодарили Меркурія за его милости и просили прощенія за всѣ плутни, ими сдѣланныя въ теченіе года. Послѣ того ему приносили въ жертву свиней, медъ и смоквы.

Изъ прочихъ праздниковъ замѣчательны были: ***Хитры*** (въ Аѳинахъ), во время которыхъ, принося въ храмъ вареные овощи,

Меркурія просили покровительствовать мореходамъ—и ***Гермесіи*** (въ Греціи) или ***Меркуріаліи*** (въ Римѣ). при которыхъ господа прислуживали рабамъ; въ Римѣ меркуріаліи праздновались шесть дней и начинались наканунѣ іюльскихъ идъ.

Меркурія изображали обыкновенно въ видѣ стройнаго молодого человѣка съ крыльями у щиколотокъ, съ головой, покрытою ***петазомъ*** (шапочка съ крыльями) и съ кадуцеемъ въ рукахъ. Самыя изображенія и атрибуты Меркурія измѣнялись въ тѣхъ случаяхъ когда ихъ ставили передъ дверьми храмовъ другихъ боговъ; тогда прилагали къ статуѣ Меркурія ихъ символы и его называли двойственными именами: Германубиса, Гермаполлона, Гермероса и т. п.

Богами-помощниками Меркурія называли: ***Дримака*** (богъ воровъ) на островѣ Хіо; ***Лаверну*** (у римлянъ), ***Мерцедону*** (богиню торговли) и ***Сизифа*** (генія плутни, подлога и мошенничества.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Прочіе сыновья Юпитера.—Миносъ I и II.—Пазифая.—Происхожденіе Минотавра.—Лабиринтъ.—Войны Миноса съ Эгеемъ.—Дедалъ.—Икаръ.—Первый воздухоплаватель.—Братья Палики.—Песей.—Полидектъ.—Горгоны.—Андромеда.—Подвиги и похожденія Персея.—Медуза.—Пилумнъ.—Сарпедонъ.

Изъ группы сыновей Юпитера, именовавшихся у древнихъ полубогами или героями, назовемъ царей ***Миносовъ***, перваго и втораго. Царь Миносъ I, сынъ Юпитера и Европы, прославился мудростью правленія и правосудіемъ. Черезъ каждыя девять лѣтъ онъ на нѣсколько дней удалялся въ пещеру для совѣщаній съ отцомъ своимъ Юпитеромъ о благѣ подданныхъ. Послѣ смерти своей Миносъ ожилъ въ преисподней, чтобы вмѣстѣ съ Эакомъ

и Радамантомъ, исправлять должность судьи дѣяній усопшихъ, являвшихся въ подземное царство, приговаривая ихъ къ вѣчнымъ мукамъ или къ наградамъ, по заслугамъ.

Внукъ его ***Миносъ II***, царь Критскій, былъ мужемъ красавицы ***Пазифаи***, о которой въ миѳологіи существуетъ крайне грязное, отвратительное сказаніе. Миносъ имѣлъ обыкновеніе, ежегодно приносить быка въ жертву Нептуну, покровителю острова Крита. Однажды, готовясь къ жертвоприношенію, Миносъ обратилъ особенное вниманіе па бѣлаго быка очень стройнаго, красиваго и пожалѣвъ его зарѣзать, приказалъ замѣнить другимъ, а рогатаго красавца взять во дворецъ и помѣстить въ особое стойло. Нептунъ, обиженный поступкомъ Миноса, отомстилъ ему, внушивъ Пазифаѣ непреодолимую страсть къ быку, доведенную до непозволительной гнусности. Она поручила придворному механику ***Дедалу*** отлить изъ мѣди полую статую коровы, скрываясь въ которую, она могла наслаждаться ласками своего четвероногаго любовника [1]). Плодомъ этой чудовищной связи былъ рожденный Пазифаею ***минотавръ***—человѣкъ съ бычачьимъ туловищемъ, питавшійся человѣческимъ мясомъ. Исторію Пазифаи истолковываемъ болѣе естественно, а потому и болѣе правдоподобно. Супруга царя Миноса влюбилась въ придворнаго, называвшагося ***Тавромъ*** (быкомъ); имѣла съ нимъ свиданіе въ жилищѣ Дедала и родила отъ него сына, имѣвшаго сходство съ Миносомъ и съ Тавромъ, а потому и названнаго Минотавромъ. Какъ бы то ни было, одинъ изъ двухъ рогоносцевъ (т. е. не быкъ, возлюбленный Пазифаи, а законный ея супругъ—Миносъ) приказалъ Дедалу построить для помѣщенія Минотавра лабиринтъ, заблуждавшіеся въ которомъ люди дѣлались жертвами алчности чудовища. И жилъ такимъ образомъ Минотавръ въ лабиринтѣ, мстя своей милой родительницѣ тѣмъ, что поѣдалъ людей, какъ люди, въ свою очередь, ѣдятъ бычачье мясо... Каждому свое: Пазифая

---

[1]) Въ одной изъ книгъ Военно-медицинскаго журнала за 1851 годъ, въ статьѣ. «Извращеніе половаго инстинкта» тоже самое расказано о какой-то сумашедшей помѣщицѣ, влюбившейся не въ быка, но въ жеребца. Нѣтъ предѣла мерзости человѣческой!

возвела быка на степень человѣка, Минотавръ низводилъ людей на степень быковъ.

Около этого времени *Андрогей*, сынъ Миноса, отличный боецъ, прославясь на играхъ пэнаѳенейскихъ, возбудилъ ревность въ Эгеѣ, присудившемъ тайно умертвить царевича при его возвращеніи изъ Аѳинъ въ Ѳивы. До сего злодѣйства Миносъ, собравъ войско и снарядивъ флотъ, вторгся въ Аттику, произведя въ ней страшныя опустошенія и убійства. Устрашенные аѳиняне взмолились Миносу о пощадѣ и онъ смиловался, потребовавъ съ нихъ, во первыхъ, чтобы они ежегодно чествовали память Андрогея празднествами *Андрогеоніями*, а во вторыхъ платили критянамъ ежегодную дань, присылая въ лабиринтъ, на съѣденіе Минотавру семь красивыхъ юношей и семь дѣвственницъ. По возвращеніи въ свое царство Миносъ прилежно занялся кораблестроеніемъ, замѣнивъ утлыя лодки большими барками, а весла (по совѣту Дедала) парусами; эти усовершенствованія дали возможность жителямъ Крита расширить кругъ ихъ торговой и промышленной дѣятельности. Царь Миносъ II погибъ въ 1155 г. до Р. Х., удушенный въ банѣ и оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей: ***Астерія***, ***Кратея***, ***Девкаліона*** и ***Главка*** и четырехъ дочерей: ***Аріадну***, ***Гекату***, ***Федру*** и ***Каподику***.

Дедалъ, о которомъ мы упоминали, родомъ аѳинянинъ, своими совѣтами и полезными изобрѣтеніями много содѣйствовалъ Миносу въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія его подданныхъ. Еще въ бытность свою въ Аѳинахъ, Дедалъ изобрѣлъ топоръ, нивелиръ, коловоротъ, корабельные паруса и самодвигающихся куколъ (автоматовъ). За убіеніе племянника своего *Тала*, Дедалъ по приговору ареопага былъ изгнанъ изъ Аѳинъ и нашелъ пріютъ при дворѣ Миноса. Здѣсь, за пособничество Пазифаѣ въ ея превращеніяхъ въ корову, Дедалъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, *Икаромъ*, былъ заточенъ въ лабиринтъ, имъ же самимъ построенный. Изобрѣтательный узникъ нашелъ однако же возможность освободиться изъ лабиринта, сдѣлавъ себѣ и Икару по парѣ крыльевъ изъ птичьихъ перьевъ, склеенныхъ воскомъ. Отецъ и сынъ поднялись на воздухъ; къ несчастію Икаръ, позабывъ наставленія Дедала, чрезъ мѣру приблизился къ солнцу: воскъ на крыльяхъ растаялъ и онъ упалъ

въ море, съ того времени названное Икарійскимъ. Дедалъ совершилъ воздушное свое путешествіе благополучно. Его пріютилъ у себя Кокалъ царь сицилійскій, врагъ Миноса. Въ отплату за всѣ благодѣянія Кокала, даровитый Дедалъ украсилъ многіе города Сициліи великолѣпными зданіями. Существуетъ преданіе будто Миносъ требовалъ у царя сицилійскаго выдачи Дедала, грозясь, въ случаѣ отказа, идти на него войной. Не желая ни покориться, ни вести войны, Кокалъ умертвилъ Дедала.

Братья двойни ***Палики*** или ***Палицы*** были рождены отъ Юпитера и ***Этною*** дочерью Вулкана, которая была принуждена спрятаться подъ землю во избѣжаніе преслѣдованій Юноны. Палики, выйдя изъ огненныхъ нѣдръ огнедышащей горы, были признаны за божество жителями Катаны, близъ озера Делли, гдѣ имъ воздвигали храмъ, служившій неприкосновеннымъ убѣжищемъ для провинившихся и бѣглыхъ рабовъ. Прорицанія Паликовъ были правдивы; велѣніямъ ихъ люди повиновались безпрекословно, такъ какъ за ослушаніе, виновнаго постигала смерть. По объясненію аббата Банье служеніе Паликамъ было ничто иное, какъ *обожаніе огня*, одинъ изъ видовъ сабизма, занесенный на островъ Сицилію финикіянами.

При обзорѣ любовныхъ похожденій Юпитера, мы говорили, что онъ обольстилъ Данаю, превратясь въ золотой дождь. Плодомъ этой связи былъ ***Персей*** или ***Хризаперой*** (рожденный изъ золота) одинъ изъ главнѣйшихъ миѳологическихъ героевъ. Еще будучи ребенкомъ, Персей защитилъ свою мать отъ насилія Полидокта, давшаго Данаѣ пріютъ на островѣ Серифѣ. Желая отдѣлаться отъ Персея, Полидектъ рѣшился отдалить его отъ матери и съ этой цѣлью, разсказами своими о подвигахъ Беллерофона, развилъ въ юношѣ страсть къ геройскимъ подвигамъ. Однажды во время пиршества, Полидектъ потребовалъ отъ своихъ придворныхъ, чтобы каждый изъ нихъ подарилъ ему коня. Всѣ исполнили желаніе царя, кромѣ Персея, предложившаго взамѣнъ подарка, принести голову ***Медузы***, одной изъ Горгонъ, не одаренной безсмертіемъ. Радуясь предложенію Персея и принявъ его, Полидектъ былъ въ полной увѣренности, что храбрецъ погибнетъ, но боги ему покровительствовали. При отправленіи Персея въ

опасный походъ Минерва снабдила его своей эгидой, Плутонъ далъ ему шлемъ-невидимку, Меркурій—свои крылья, а Вулканъ—алмазный несокрушимый мечъ... Принимая каждый изъ этихъ даровъ въ смыслѣ аллегорическомъ, скажемъ, что боги надѣлили Персея скромностью, осторожностью, быстротой и храбростью.

Первымъ подвигомъ Персея была его побѣда надъ ***Греями***, сестрами Горгонъ, тремя старухами: ***Энiо***, ***Исфредо*** и ***Динаною*** или ***Ферсидою***. У этихъ трехъ уродовъ былъ одинъ только глазъ и одинъ зубъ, которымъ онѣ поочередно пользовались. Желая выпытать у Грей свѣденія о мѣстѣ жительства Горговъ, отнялъ у старухъ ихъ глазъ и зубъ и возвратилъ ихъ тогда когда Греи указали ему путь къ Горгонамъ. Прибывъ къ жилищу чудовищъ онъ нашелъ ихъ спящими. Зная, что взглядъ ихъ окаменяетъ, Персей прикрываясь эгидою отсѣкъ голову спящей Медузѣ, другія двѣ сестры ***Эвріала*** и ***Сөената*** пробудясь хотѣли отомстить за убіеніе сестры, но изъ ея крови родилось множество змѣй и крылатый конь Пегасъ, сѣвъ на котораго Персей умчался въ воздушное пространство. Прилетѣвъ въ Мавританію, герой просилъ пристанища у тамошняго царя Атласа; царь отказалъ ему и за это Персей, обративъ на него глаза отрубленной головы Медузы, превратилъ его въ гряду каменныхъ горъ, съ того времени носящихъ имя Атласа. Изъ Мавританіи онъ полетѣлъ въ садъ Гесперидскій и, подобно Геркулесу, похитилъ оттуда золотыя яблоки; послѣ того онъ прибылъ въ Эөіопію, гдѣ освободилъ ***Андромеду***, прикованную къ уединенной скалѣ и оставленную на съѣденіе морскому чудовищу. Родители Андромеды, въ вознагражденіе Персея, согласились выдать ее за него и брачный пиръ не замедлилъ, къ крайнему отчаянію ***Финея***, дяди Андромеды, страстно въ нее влюбленнаго. Набравъ толпу приверженцевъ Финей ворвался во дворецъ, чтобы отнять Андромеду отъ Персея. Завязалась ожесточенная битва, ознаменованная огромными потерями съ обѣихъ сторонъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и торжествомъ Персея надъ дерзкимъ соперникомъ. Побѣдивъ Финея, Персей вмѣстѣ съ Андромедою отправились домой ко дворцу Полидекта, куда прибылъ именно въ то самое время когда Даная, преслѣдуемая Полидектомъ скрылась въ храмѣ Минервы. Персей,

вступаясь за честь матери, превратилъ ея докучливаго обожателя въ камень, оборотивъ на него глаза Медузиной головы (съ которой онъ не разставался); отдалъ его тронъ Диктису и затѣмъ, возвративъ богамъ одолженныя ему оружія, вмѣстѣ съ Данаею и Андромедою отправился въ Пелопонезъ. Дальнѣйшая его участь не представляетъ ничего любопытнаго. Послѣ смерти его причислили къ богамъ; воздвигли ему храмы и алтари. Хемниты, жители одной изъ областей Египта, сохраняли въ храмѣ Персея сандалію въ два локтя длиною, по преданію принадлежавшую герою.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ въ объясненіе сказаній о его подвигахъ.

Горгоны, по мнѣнію Діодора Сицилійскаго, были царицы воинственнаго племени амазонокъ, жившихъ въ Ливіи; по мнѣнію нѣкоторыхъ другихъ коментаторовъ, подъ именемъ Горгонъ должно разумѣть корабли, взятые въ плѣнъ Персеемъ. Въ подтвержденіе этой догадки указываютъ на желѣзныя ногти, которыми были вооружены руки Горгонъ и утверждаютъ, что эти ногти—крючья, которыми были покрыты борты кораблей для схватки на абордажъ. Что же касается до Медузы. то сказать о ней можно, что первоначально она была удивительной красоты и плѣнивъ Нептуна имѣла съ нимъ нѣжное свиданіе въ храмѣ Минервы, за что были наказаны богинею. Минерва превратила ея бѣлокурые волосы въ змѣй, вѣжному цвѣту лица придала отливъ мѣди, и взгляду придала свойство окаменять того, на кого Медуза его обращала... Отрубленная Персеемъ голова Медузы была впослѣдствіи времени взята на небо и включена въ число звѣздъ. Въ этой послѣдней присказкѣ разгадка всей басни о Медузѣ, которая есть ничто иное какъ ***комета***, или какая нибудь звѣзда, перемѣнившая видъ и цвѣтъ, чему въ древности бывали многіе примѣры. Медуза (какъ гласитъ миөологія) „была прелестна собою, бѣлолицая, съ роскошными бѣлокурыми волосами,“ т. е. при появленіи своемъ на горизонтѣ. звѣзда была свѣтлая, съ золотистыми лучами—„имѣла свиданіе съ Нептуномъ“; звѣзда въ теченіи своемъ приблизилась къ морю или къ части горизонта, окаймленной моремъ и послѣ того перемѣнила видъ и цвѣтъ: лучи ея приняли видъ

змѣй, изъ свѣтлой она сдѣлалась мѣдно-красной и „окаменяла взглядомъ", т. е. приводила въ ужасъ людей, видѣвшихъ въ ея появленіи нѣчто зловѣщее. Благодаря этому подарку Минервы, Персей успѣлъ избѣгнуть гибельнаго дѣйствія взора Медузы. Точно также и каждый человѣкъ, вооружась благоразуміемъ, не вѣдаетъ безотчетнаго ужаса, свойственнаго слабоумному суевѣру.

Сказанія о египетскомъ богѣ Сараписѣ подали поводъ грекамъ къ сложенію басни о *Сарпедонѣ*, сынѣ Юпитера и Европы и брата адскихъ судей Миноса и Радаманта. Послѣ долгихъ распрей съ Миносомъ Сарпедонъ удалился въ Киликію, гдѣ принялъ участіе въ войнахъ тамошнихъ жителей противъ ликійцевъ. Прославился побѣдами и основалъ въ завоеванныхъ ликійскихъ областяхъ особое царство. Затѣмъ, передавъ престолъ сыну своему, Эвандру, Сарпедонъ помогалъ *Пріаму*, царю Иліона, воевавшему съ греками. Подъ стѣнами Трои Сарпедонъ убилъ Тлептолема, сына Геркулеса, отразилъ Марса и палъ подъ мечемъ Патрокла, друга Ахиллеса. Тѣло Сарпедона, омытое въ струяхъ рѣки Ксанѳа, было обернуто пеленами безсмертія и на рукахъ Сна и Смерти перенесено въ Ликію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Нептунъ.—Его прозвища.—Морскіе боги древнихъ.—Нептунъ грековъ.—Его подвиги.—Амфитрида.—Праздники Нептуна.—Посейдоніи.—Консуаліи.—Истмійскія игры.—Любовницы и дочери Нептуна.—Гарпіи.—Ламіи.—Кадмъ и его потомки.

Нептунъ, братъ Юпитера, богъ морей, родитель многихъ рѣкъ и источниковъ, пользовался у древнихъ многими прозвищами, ***Алексикамъ*** (освободитель), ***Асфалiей*** (царь имѣющій землю), ***Василiей*** или ***Василiй*** (царь), ***Доскатитъ*** (укротитель бурь), ***Эннадилей*** (колеблющій землю), ***Эпактей*** (прибрежный), ***Генезiй*** (родитель водъ), ***Гипподромъ*** (ѣздокъ на рысистыхъ бѣгахъ), ***Мосопонтiй*** (живущій среди морей), ***Микетасъ*** (ревущій), ***Петрей*** (богъ скалъ), ***Посейдонъ*** (супругъ моря), ***Сальсипотенсъ*** (богъ соленыхъ водъ), ***Таурeусъ*** (рогатый), ***Тридентиферъ*** (носящій трезубецъ).

По сказаніямъ Геродота первый герой древности, носившій имя Нептуна, жилъ въ Ливіи, гдѣ прославился искуствомъ укрощать и выѣзжать коней; впослѣдствіи его именемъ назвали бога морей — укротителя волнъ. Древніе признавали, кромѣ того, Нептуна — египетскаго родителя, Агенора и Бела основателя Вавилона: Нептуна Эгея — отца Тезея и нѣкоторыхъ другихъ менѣе извѣстныхъ, нежели братъ Юпитера, получившій отъ него въ удѣлъ водное царство. Еще въ дѣтствѣ, онъ былъ сподвижникомъ Юпитера въ его борьбѣ съ Титанами и когда они были побѣждены, Нептунъ низвергъ ихъ въ тартаръ, замкнувъ его врата желѣзными цѣпями. Когда боги преслѣдуемые гигантами принуждены были искать спасенія въ чужихъ странахъ, Нептунъ преобразясь въ коня, бѣжалъ въ Египетъ. Замѣчательно, что древніе неразрывно соединяли идею о волнахъ морскихъ съ идеею о быстроногихъ коняхъ и дѣйствительно, сравненіе одного съ другимъ невольно приходитъ въ голову при видѣ бурнаго моря, когда волна нагоняетъ волну, когда цѣлыя гряды волнъ будто табунъ дикихъ коней, несутся къ берегу и со стономъ отпрядываютъ отъ него, разсыпаясь бѣлою пѣною, напоминающею бѣлую гриву коня. По возвращеніи въ Грецію, Нептунъ вступилъ въ обладаніе морями, проводя время въ праздности и въ обольщеніи молоденькихъ нимфъ, производившихъ на свѣтъ великое множество источниковъ. Намъ уже извѣстна тяжба Нептуна съ Минервою изъ-за обладанія Арголидою; она же отняла у бога морей и Трезену. Юнона оттянула у Нептуна царство Аргосское, которое богъ морей покаралъ, изсушивъ въ нихъ всѣ рѣки и источники. Впослѣдствіи времени онъ заспорилъ съ Аполлономъ изъ-за обладанія Коринѳомъ и, по приговору Юпитера, Аполлону присужденъ былъ Коринѳскій мысъ, а Нептуну — перешеекъ.

Въ этихъ сказаніяхъ о тяжбахъ Нептуна съ другими богами скрывается глубокій смыслъ. Въ древности, чаще, нежели въ наше время, твердая земля подвергалась наводненіямъ; сильный морской приливъ образовывалъ заливы, нерѣдко отторгалъ полуострова отъ материка, размывая перешейки. Укрѣпленіе береговъ плотинами,

прорытіе каналовъ до извѣстной степени ограждали землю отъ хищеній моря и эту борьбу ума человѣческаго съ бурною стихіею, древніе называли тяжбою боговъ съ Нептуномъ. Когда онъ тягался съ Минервою, то ударомъ трезубца извлекъ изъ земли коня; Минерва, прикоснувшись къ землѣ копьемъ, мгновенно выростила на ней масличное дерево... Какой смыслъ этой аллегоріи? Конь, созданный Нептуномъ—поемные луга; масличное дерево Минервы—земля плодоносная и воздѣланная, имѣющая надъ невоздѣланною, болотистою неотъемлемыя преимущества. Такъ въ каждомъ сказаніи греческой миѳологіи, подъ яркими красками аллегорій, всегда есть идея свѣтлая и здравая и каждое сказаніе—картинный іероглифъ или остроумная загадка.

Обладая несмѣтными сокровищами, окруженный прелестными нимфами, Нептунъ однако же тяготился своимъ одиночествомъ и сталъ искать себѣ подругу жизни. Выборъ его палъ на дочь Нерея, прелестную и стыдливую *Амфитриду*. При первыхъ словахъ признанія, она скрылась отъ Нептуна въ пещеру горы Атласа, изъ которой была освобождена *Дельфиномъ*, примчавшимъ ее къ Нептуну, которому Амфитрида отдала, наконецъ, руку и сердце. Благодарный Нептунъ помѣстилъ Дельфина въ число созвѣздій. Таково было обыкновеніе древнихъ: по ихъ понятіямъ лучшей награды заслугамъ быть не могло, кромѣ превращенія заслуженнаго въ звѣзду небесную; въ наше время, на оборотъ, звѣзды даются людямъ заслуженнымъ.

Амфитрида олицетвореніе моря въ тихую погоду, когда оно кажется голубымъ зеркаломъ, свѣтлое, спокойное. Жилищемъ Нептуна древніе называли глубочайшія морскія пучины; но были мѣстности и на сушѣ особенно имъ любезныя: Низира въ Ахаіи, Эгесъ на берегахъ Эвбеи. Коринѳскій перешеекъ, мысъ Тенаръ и Онхестръ.

Служеніе Нептуну въ древнемъ мірѣ было повсемѣстно; особеннымъ почетомъ пользовался онъ у ливійцевъ, называвшихъ Нептуна своимъ покровителемъ. Праздники въ его честь были немногочисленны. Въ Аѳинахъ имъ былъ посвященъ мѣсяцъ Посейдонъ (декабрь), во время праздниковъ котораго притворы храмовъ украшались сосновыми вѣтвями, такъ какъ сосна была деревомъ по-

священнымъ Нептуну. Въ Римѣ его праздники бывали въ февралѣ мѣсяцѣ, предъ открытіемъ навигаціи. Чтобы умолить бога морей, ему приносили въ жертву бѣлыхъ быковъ или коней, совершивъ возліяніе прѣсною или морскою водою. Зарѣзавъ жертву, жрецы орошали ея желчью алтарь Нептуна, въ знакъ горькаго вкуса морской воды. Праздникъ *Консуалій* въ Римѣ (въ іюлѣ мѣсяцѣ) былъ тотъ самый, на которомъ римляне похитили сабинокъ. Во все продолженіе Консуалій, хозяева давали отдыхъ своимъ лошадямъ, лошакамъ и осламъ. Тоже самое совершалось и во время празднованія *Нептуналій*. Во время празднованія *Монифалій* (въ Эгинѣ), господа прислуживали сами себѣ за столомъ, не допуская рабовъ; *Тавроколіи* (въ Казикѣ) сопровождались боемъ быковъ, приносимыхъ послѣ въ жертву Нептуну. *Ѳинніи* или *Тинніи* были праздникомъ рыболововъ, на которомъ они приносили въ жертву богу морей рыбу тунца (Scomber tynnus), для того, чтобы Нептунъ отдалялъ отъ ихъ сѣтей разрывавшую ихъ мечь-рыбу (Xiphias). Но славнѣйшимъ изъ всѣхъ праздниковъ Нептуна были, безъ сомнѣнія, *Истмійскія игры*, происходившія на Коринѳскомъ перешейкѣ, на которомъ, изъ за почетныхъ призовъ—сосновыхъ вѣнковъ, состязались возничіе колесницъ, метатели дротиковъ, поэты и музыканты. Во время римскаго владычества, къ этимъ мирнымъ состязаніямъ были присоединены и звѣриныя травли. Истмійскія игры были эрою Коринѳянъ.

Кромѣ законной жены, Амфитриды, у Нептуна было очень много любовницъ, для обольщенія которыхъ, онъ, подобно Юпитеру, нерѣдко превращался въ разныхъ животныхъ, или принималъ видъ предметовъ неодушевленныхъ. Чтобы обольстить одну изъ дочерей Ѳола, Нептунъ превратился въ быка; принялъ видъ рѣки, чтобы овладѣть *Ифимедіей*: коня—чтобы овладѣть Церерой: птицы—Медузой; дельфина—Меланеей. Дѣтьми его отъ многихъ любовницъ были источники, рѣки, ручьи, горы, основатели многихъ царствъ и родоначальники царственныхъ династій. Приписывая своимъ царямъ и героямъ божественное происхожденіе, древніе сочиняя имъ родословія имѣли обыкновеніе, въ четвертомъ или въ пятомъ восходящемъ колѣнѣ, ставить какого нибудь изъ своихъ многочис-

ленныхъ боговъ. Изъ группы обоего пола дѣтей Нептуна, назовемъ нѣкоторыхъ, особенно замѣчательныхъ.

Гарпіи - чудовища, были дочерьми Нептуна и Моря; ихъ было три сестры и онѣ, какъ божества зловредныя, присутствовали при ураганахъ, буряхъ и моровыхъ повѣтріяхъ. Ихъ изображали въ видѣ отвратительныхъ старухъ съ крючковатыми носами, птичьими туловищами, крыльями, лапами хищныхъ птицъ и висячими грудями. Онѣ утаскивали яства со столовъ или сквернили ихъ своимъ вонючимъ дыханіемъ. Онѣ жили сначала въ Ѳракіи, но вытѣсненныя оттуда сыновьями Борея, *Зефиромъ* и *Калаитомъ*, поселились на островахъ Строфадскихъ, моря Іоническаго, и здѣсь, впослѣдствіи времени много тревожили Энея и его спутниковъ, Отсюда онѣ улетѣли на берега Тигра. Подъ именемъ Гарпій, какъ говорятъ коментаторы, должно подразумѣвать морскихъ разбойниковъ.

Ламіи —дочери Нептуна и сивилы Герофилы—были также чудовищныя созданія. съ прелестными лицами и женскими грудями на змѣиныхъ туловищахъ. Онѣ пожирали дѣтей и особенное наслажденіе находили въ людскихъ страданіяхъ. Ламіею называлась также одна древняя царица, свирѣпость которой вовсе не согласовалась съ красотою ея лица. Предаваясь пьянству, она въ минуты хмѣля позволяла дѣлать съ собою всякія непристойности, ибо, въ эти минуты —какъ гласило преданіе. она прятала глаза свои въ мѣшокъ: другими словами—забывала всякій стыдъ и всякое приличіе.

Сыновьями Нептуна древніе называли славнѣйшихъ мореплавателей. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ *Агенору*, царю финикійскому. Онъ былъ отцемъ Европы, похищенной Юпитеромъ, и четырехъ сыновей: *Кадма*, *Ѳазоса*, *Киксикса* и *Феникса-Кадма*. Когда Юпитеръ похитилъ Европу, Агеноръ поручилъ своимъ сыновьямъ непремѣнно отыскать ее, безъ нея же не смѣть показываться ему на глаза. Собравъ огромный флотъ, Кадмъ поплылъ къ берегамъ острова Родоса и здѣсь соорудилъ храмъ Нептуну, чтобы снискать благоволеніе бога морей. Съ Родоса онъ поплылъ въ Самоѳракію и въ Ѳракію. гдѣ основалъ колоніи и подружился съ греческими жрецами. Въ Ѳракіи Кадмъ открылъ и разработывалъ золотые рудники Сканта-Гилы и здѣсь же женился на Гармоніи или Герміонѣ, дочери Венеры и Меркурія. Брачный пиръ Кадма былъ удостоенъ посѣщеніемъ боговъ, подарившихъ Гармоніи великолѣпный пеплумъ и драгоцѣнное ожерелье.

При всѣхъ своихъ стараніяхъ отыскать сестру, Кадмъ не попадалъ ни на малѣйшій ея слѣдъ. Дельфійскій оракулъ вопрошенный Кадмомъ отвѣчалъ ему, чтобы онъ прекратилъ напрасные свои поиски, а встрѣтивъ молоденькую телку слѣдовалъ за нею и на томъ мѣстѣ, гдѣ она остановится основывалъ бы городъ. Въ исполненіе повелѣній оракула, Кадмъ послѣдовалъ за коровою изъ стада Пелагона и она привела его въ Беотію. Приступая къ закладкѣ города, Кадмъ попросилъ двухъ своихъ спутниковъ поискать по близости источника, который они отыскали, но были пожраны дракономъ, охранявшимъ источникъ. Долго и тщетно ожидая возврата спутниковъ, Кадмъ отправился за ними, но вмѣсто нихъ нашелъ дракона и вокругъ него окровавленые клочья человѣческаго мяса. Призвавъ на помощь Минерву, Кадмъ вооружась копьемъ убилъ дракона и вырвавъ у него зубы посѣялъ ихъ въ землю и тотчасъ же изъ земли вышли вооруженные люди *спарты* или *спартанцы*. Они устремились на Кадма, но онъ, по совѣту Минервы, бросивъ камень въ ихъ толпу, заставилъ ихъ обратить оружіе другъ противъ друга. Уцѣлѣвшіе отъ этого кровопролитія покорились Кадму и вмѣстѣ съ нимъ построили въ Беотіи городъ Ѳивы, по образцу египетскаго города этого имени. Кадмъ, изобрѣтатель греческаго альфавита, былъ однимъ изъ четырехъ просвѣтителей этой страны, жители которой не могли иначе отблагодарить своего благодѣтеля, какъ причисливъ его къ богамъ и переложивъ на сказочный ладъ всѣ его приключенія. Отплытіе изъ Финикіи на поиски Европы — ничто иное, какъ путешествіе Кадма въ эту часть свѣта съ береговъ Малой Азіи; его женитьба на Гармоніи — начало гражданскаго благоустройства Греціи имъ предпринятое; борьба съ дракономъ—войны съ непокорными племенами, впослѣдствіи времени покоренными.

Дочери Кадма: *Ино*, *Автонея*, *Агава* и *Семелла*—погибли вслѣдствіе излишней къ нимъ любви Юпитера и ненависти Юноны. Одинъ изъ сыновей Кадма, *Иллиръ*, основатель

Иллиріи, далъ ему пріютъ въ своихъ владѣніяхъ, въ которыхъ Кадмъ и скончался вмѣстѣ съ Гармоніею. Изъ прочихъ сыновей Кадма *Полидоръ*, царь ѳивскій, былъ родителемъ *Лавдака*, дѣда знаменитаго Эдипа.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Исторія Эдипа.—Лаій и Іокаста. — Предсказаніе оракула.—Сфинксъ.—Загадка о человѣкѣ, разгаданная Эдипомъ.—Іокаста. — Плачевная участь Эдипа. — Его прибытіе въ Аѳины.—Его смерть.—Вопросъ о предопредѣленіи.—Фатализмъ преступленіи.—Полиникъ и Этеоклъ.—Ихъ вражда.—Походъ семи вождей.—Амфіарай. — Тидей. — Капаней.—Гиппомедонъ и Парѳенопей.—Поединокъ Этеокла и Полиника.—Ихъ гибель.—Годъ похода семи вождей.

Ликъ, правитель царства во время малолѣтства *Лаія*, сына Лавдака, прибралъ къ рукамъ верховную власть, отдаляя питомца своего отъ престола, даже и при достиженіи Лаіемъ совершеннолѣтія. Смерть, положившая предѣлъ властолюбивымъ замысламъ правителя, помогла наконецъ Лаію взойти на родительскій престолъ. Оракулъ предсказалъ ему при этомъ, что сынъ рожденный отъ него супругою его *Іокастою*, будетъ его убійцею и супругомъ родной своей матери. Для отклоненія подобныхъ бѣдствій, Лаій далъ клятву быть мужемъ Іокасты только по имени, но однажды подъ вліяніемъ винныхъ паровъ позабылъ о клятвѣ и палъ въ объятія супруги. Слѣдствіемъ нѣжныхъ ласкъ, расточенныхъ царемъ, было рожденіе Іокастою сына, котораго Лаій, немедленно при появленіи его на свѣтъ, приказалъ Іокастѣ умертвить. Несчастная мать, не имѣя духу исполнить это варварское приказаніе, поручила старому прислужнику *Итемалу* занести куда нибудь новорожденнаго (подобно тому, какъ заносятъ щенковъ и котятъ) и Итемалъ повѣсилъ его за ноги на деревѣ горной вершины Киѳерона. Здѣсь еще живаго ребенка нашелъ пастухъ *Форбасъ* и принесъ его къ *Полибію*, царю коринѳскому, который по неимѣнію дѣтей, съ согласія своей супруги *Перибеи*, усыновилъ найденыша и назвалъ его *Эдипомъ* (по гречески: опухлыя ноги).

Когда онъ былъ еще въ юныхъ годахъ, одинъ изъ товарищей упрекнулъ его таинственностью его происхожденія, но объявилъ однако при этомъ, что Эдипъ вовсе не сынъ Полибія и Перивеи, какъ воображаетъ. Оскорбленный этимъ укоромъ Эдипъ вопросилъ Дельфійскаго оракула, который отвѣчалъ ему, что онъ никогда не возвратится въ свое отечество, но будетъ убійцею своего отца и мужемъ матери. Въ полной увѣренности, что Полибій и Перивея его родители, Эдипъ уже не возвратился въ Коринѳъ, но путеводимый звѣздами пошелъ по дорогѣ въ Фокиду. На узкомъ перекресткѣ между Дельфами и Давлидою онъ встрѣтилъ ѣхавшаго въ колесницѣ богато одѣтаго человѣка, который съ высокомѣріемъ закричалъ Эдипу, чтобы онъ сторонился. Взбѣшенный тономъ путника Эдипъ убилъ его возничаго *Полифонта* и самаго сѣдока — *Лаія*, своего отца, котораго онъ не видалъ въ глаза съ самой минуты своего рожденія. Такъ сбылась первая половина пророчества оракула! Послѣ того Эдипъ прибылъ въ Ѳивы, тогда угнетенные чудовищемъ *Сфинксомъ*, отродьемъ Тифона и Ехидны или Хаосомъ и Химерою и посланнымъ Юноною для мученія племени Кадма. Сфинксъ имѣлъ лице и грудь дѣвушки, туловище собачье, когти львиные, крылья орлиныя и хвостъ, оканчивавшійся острымъ жаломъ. Онъ жилъ на горѣ Киѳеронѣ близъ Ѳивъ и пожиралъ прохожихъ, не умѣвшихъ разгадать задаваемой имъ загадки: назвать животное *ходящее утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень—на двухъ, а вечеромъ—на трехъ*. По опредѣленію судьбы, страна только тогда могла освободиться отъ Сфинкса когда-бы отыскался счастливый угадчикъ. *Креонъ*, отецъ Іокасты и правитель Ѳивъ, объявилъ, что человѣкъ, который побѣдитъ Сфинкса, получитъ въ награду царскій вѣнецъ и руку царицы.

Эдипъ ничего не знавшій ни о Сфинксѣ, ни объ обѣщанной наградѣ, проходя мимо горы Киѳерона, былъ остановленъ чудовищемъ и выслушавъ изъ его устъ вопросъ, рѣшавшій судьбу ихъ обоихъ, отвѣчалъ, что *человѣкъ*, начиная ходить — ползаетъ на четверенькахъ; въ полдень, т. е. въ лѣтахъ юности и мужества ходитъ на двухъ ногахъ; а вечеромъ, т. е. на старости лѣтъ, облегчаетъ ходьбу, опираясь на костыль, свою третью ногу...

При этихъ словахъ Сфинксъ низринулся съ вершины скалъ и исчезъ въ морскихъ волнахъ, а Эдипъ провозглашенный царемъ, сталъ мужемъ Іокасты. Отъ этого кровосмѣсительнаго союза родились два сына: *Этеоклъ* и *Полиникъ* и двѣ дочери: *Антигона* и *Исмена*. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ воцаренія Эдипа въ Ѳивахъ, открылась жестокая моровая язва, которой, по словамъ оракула, суждено было прекратиться только тогда, когда смерть Лаія будетъ отомщена. Тотчасъ же стали дѣлать строжайшіе розыски для открытія неизвѣстнаго убійцы, розыски, въ которыхъ самъ Эдипъ принималъ живѣйшее участіе. Они привели къ открытію страшной тайны отцеубійства и кровосмѣшенія— двухъ страшнѣйшихъ грѣховъ, совершенныхъ Эдипомъ по невѣдѣнію. Въ отчаяніи Іокаста повѣсилась, а Эдипъ вырвалъ себѣ глаза застежкой хламиды и ведомый доброю Антигоною пошелъ въ Аттику и забрелъ близъ Колона въ священный лѣсъ *Эвменидъ* или фурій. За это оскорбленіе святыни аѳиняне хотѣли умертвить слѣпаго скитальца, но Антигона вымолила ему прощеніе у царя Тезея. Эдипъ, предсказавъ ему, что побѣда будетъ неизмѣнной спутницей аѳинянъ, покуда тѣло его будетъ находиться среди ихъ—пошелъ въ лѣсъ Эвменидъ и здѣсь былъ поглощенъ разверзнувшеюся подъ его ногами землею.

Сказанія объ Эдипѣ, доказывавшее древнимъ неизбѣжность рока— въ тѣсной связи съ ученіемъ о *предопредѣленіи*, слѣпое вѣрованіе, которое ведетъ къ полнѣйшему отрицанію въ человѣкѣ воли и разсудка. Лаій, и Эдипъ, думая отклонить исполненіе предсказавій оракула, только болѣе тому способствали. Эдипъ, скиталецъ, гонимый и преслѣдуемый рокомъ (богъ вѣсть за какія провинности), не можетъ назваться преступникомъ въ самомъ строгомъ юридическомъ смыслѣ. Онъ ослѣпилъ себя на старости лѣтъ, но всю свою жизнь онъ былъ похожъ на слѣпца, ведомаго судьбою, или на актера, разыгрывающаго данную ему роль. Всѣ его преступленія невольныя; всѣ они совершены имъ по предопредѣленію, а между тѣмъ боги его наказываютъ, его преслѣдуютъ эвмениды, его поглощаетъ земля... За что же? за неповиновеніе волѣ судебъ? Но неповиновеніе ей—то же грѣхъ и преступленіе. Эдипу, какъ говорится, „на роду было написано" быть преступникомъ. Допуская подобный фатализмъ, мы естественно можемъ прійдти къ тому убѣжденію, что преступниковъ нѣтъ на свѣтѣ и что каждый злодѣй только исполнитель верховнаго предопредѣленія. Въ такомъ случаѣ не должно быть на землѣ и законовъ, карающихъ за преступленія и награждающихъ за заслуги, такъ какъ каждый человѣкъ есть ничто иное, какъ слѣпое орудіе судьбы... Но на такихъ нелѣпыхъ основахъ возможно ли существованіе благоустроеннаго общества и можетъ ли быть мыслимо нравственное усовершенствованіе людей? Искусный угадчикъ сфинксовой загадки, Эдипъ, конечно не могъ бы разрѣшить этой загадки и дать отвѣтъ на весьма простой вопросъ: если существуетъ предопредѣленіе, то можно ли преступника называть преступникомъ и слѣдуетъ ли его подвергать наказанію?

Бѣдствія Эдипа послужили богатою темою для многихъ трагическихъ писателей древнихъ и новѣйшихъ временъ и эта жертва судебъ на сценѣ возбуждаетъ столько же жалости, сколько ея гонители, обитатели Олимпа, карающіе за повиновеніе имъ—возбуждаютъ смѣхъ или негодованіе. Изъ всѣхъ ролей въ трагедіяхъ объ Эдипѣ, глупѣйшую роль играютъ безспорно эвмениды и оракулы.

Гнѣвъ боговъ тяготѣлъ и надъ потомками Эдипа. *Полиникъ*, женатый на дочери Адраста, царя Аргосскаго, послѣ смерти отца возвратился въ Ѳивы, требуя у своего брата *Этеокла* своей доли наслѣдства. Этеоклъ предложилъ ему чередоваться на престолѣ, царствуя черезъ годъ. Полиникъ принялъ это предложеніе; но когда пришелъ его черёдъ взойти на престолъ, то Этеоклъ, забывъ договоръ, отклонилъ Полиника. Послѣдній въ негодованіи обратился къ своему тестю, Адрасту, съ просьбою о защитѣ. Собравъ многочисленную рать, Адрастъ и Полиникъ съ шестью спутниками пошли походомъ на Ѳивы. За исключеніемъ *Ликурга*, принимавшаго участіе въ походѣ въ качествѣ охотника, прочіе вожди были въ числѣ *семи*, именно: *Адрастъ*, *Полиникъ*, *Капаней*, волхвъ *Амфіарай*, *Гиппомедонъ*. *Парѳенъ* или *Амфилохій* и *Мекастей* или *Тидей*; потому и походъ Полиника и Адраста названъ былъ *походомъ семи вождей*. По прибытіи въ Немею, военачальникм, томясь жаждою,

попросили нѣкоего Гипсипила поискать въ окрестностяхъ ключа или рѣки. Гипсипилъ, положивъ на траву сына Ликурга, малолѣтняго Офельта, повелъ за собою семерыхъ вождей и въ это время Офельтъ былъ смертельно уязвленъ змѣею, и вожди, по возвращеніи своемъ къ мѣсту привала, нашли Офельта уже мертвымъ. Въ память этой невинной жертвы вожди и воины установили немейскія игры и назвали Офельта *Архемороиъ*. Похоронивъ его съ должными почестями, вожди повели свои войска къ Ѳивамъ и вскорѣ достигли ихъ стѣнъ. Не желая вступать въ враждебныя дѣйствія, не сдѣлавъ попытки къ мирному соглашенію съ Этеокломъ, вожди послали къ нему для переговоровъ—Тидея. Царь Ѳивскій, отвергнувъ всѣ его предложенія, имѣлъ коварство спрятать въ засадѣ пятьдесятъ злодѣевъ, чтобы умертвить Тидея при его возвращеніи въ станъ. Герой, перебивъ убійцъ, возвратился однако благополучно и разсказалъ товарищамъ о своемъ приключеніи. Тогда войска Поливика устремились на приступъ Ѳивъ и сложили подъ ихъ стѣнами свои головы; спасся только Адрастъ, ускакавшій на Аріонѣ, быстромъ конѣ, созданномъ Нептуномъ.

Волхвъ *Амфіарай*, задолго до Ѳивскаго похода, узналъ благодаря чарамъ, что ему суждено погибнуть въ Ѳивахъ, и потому, не желая принимать участія въ походѣ, спрятался въ то самое время, когда Поливикъ собиралъ своихъ союзниковъ. *Эрифила*, жена Амфіарая, плѣненная обѣщаніемъ Поливика подарить ей ожерелье и одѣяніе Гармоніи, указала ему то мѣсто, гдѣ спрятался ея мужъ и Амфіарай не могъ отказаться отъ предстоявшаго похода. Садясь на колесницу онъ объявилъ женѣ и сыну, что ему уже не возвратиться къ нимъ и просилъ послѣдняго отомстить за его смерть. Во время приступа, Амфіараю поручено было напасть на Ѳивы со стороны Гомолоидскихъ воротъ и здѣсь онъ убилъ *Меланиппа*, ранившаго Тидея. Отрубивъ голову Меланиппу, Амфіарай принесъ ее къ Тидею, который при видѣ ея пришелъ въ бѣшенство и расколовъ ее—съѣлъ мозгъ Меланиппа. За эту возмутительную гнусность, Минерва до сихъ поръ руководившая Тидеемъ на вѣки его покинула... Другими словами: Тидей, отвѣдавъ омерзительной пищи, навсегда лишился разсудка.

Въ одну изъ послѣдующихъ битвъ съ ѳивянами Амфіарай, преслѣдуемый Периклименомъ, былъ, вмѣстѣ со своими конями и колесницею, поглощенъ разверзнувшеюся землею.

Тидей, уроженецъ Калидона бѣжалъ съ родины въ Аргосъ, нечаянно убивъ своего брата *Меланиппа*. По предопредѣленію судебъ (а можетъ быть и по ошибкѣ древнихъ разскащиковъ, перепутавшихъ имена) Тидей былъ смертельно раненъ человѣкомъ, носившимъ имя Меланиппа и умеръ, какъ мы говорили въ помѣшательствѣ, закусивъ передъ смертью мозгами своего убитаго врага.

Капаней, во время приступа на Ѳивы, напавшій на Огигейскія ворота, былъ убитъ громовою стрѣлою, пущенною Юпитеромъ и убитъ былъ за то, что въ слѣпой самонадѣянности хотѣлъ овладѣть городомъ, охраняемомъ богами или безъ ихъ содѣйствія неприступнымъ.

Гиппомедонъ и *Порѳенопей* были убиты въ единоборствѣ съ *Измаромъ* и *Периклименомъ*. Что касается до Полиника, ненавистника своего брата Этеокла, дравшагося съ нимъ еще въ утробѣ матери (они были двойни), онъ предложилъ брату покончить распрю поединкомъ. Братья сразились и Этеоклъ, смертельно раненый, палъ... Наслаждаясь торжествомъ, Полиникъ наклонился къ нему и тогда раненый, собравъ послѣднія силы, въ свою очередь, нанесъ ему смертельный ударъ. Такимъ образомъ погибли оба. Трупъ Этеокла былъ преданъ честному погребенію; трупъ Полиника былъ брошенъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ.

Походъ семи вождей, первое историческое событіе въ древней Греціи, о которомъ сохранилось преданіе почти безъ миѳологическихъ прикрасъ. Участіе боговъ въ этой борьбѣ—весьма понятныя аллегоріи, подобныхъ которымъ находимъ великое множество въ Иліадѣ и въ Одисеѣ. Коментаторы опредѣляютъ точною цифрою годъ похода семи вождей, именно показывая 1226 г. до Р. Х. Знаменитый походъ Аргонавтовъ происходилъ не задолго передъ симъ, а Троянскій черезъ 41 годъ именно въ 1185 г. до Р. Х.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Прочіе сыновья Нептуна. — Аріонъ. — Бузирисъ. — Керкіонъ.—Эолъ.—Главнѣйшіе вѣтры у древнихъ.—Зефиръ или Фавоній. — Аргестъ. — Борей.—Эвностъ.—Главкъ. — Навплій.—Нелей.—Отіесъ.—Пеліасъ.—Протей.—Его превращенія.—Терамбъ.—Тритонъ.—Хризомаллонъ, или златорунный овенъ. — Происхожденіе сказки о золотомъ рунѣ.

Аріонъ, сынъ Нептуна и Цереры, рожденный ею когда она приняла видъ кобылицы—былъ чудовище—полу-конь, полу-рыба, одаренное даромъ слова. Нептунъ подарилъ его царю Карнею, этотъ въ свою очередь Геркулесу, а уже отъ Геркулеса Аріонъ достался Абрасту. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что подъ именемъ Аріона должно подразумѣвать какой нибудь корабль, особенно легкій на ходу. Миѳологія называетъ Аріона сыномъ Цереры и Нептуна; но Церера—богиня растительнаго царства, слѣдовательно и строевыхъ лѣсовъ: вслѣдствіе этого корабль, носящійся по волнамъ, очень могъ быть названъ сыномъ Нептуна и Цереры.

Бузирисъ, сынъ Нептуна и Ливіи (т. е. степи Ливійской), царствовалъ въ Египтѣ (онъ есть олицетвореніе этой страны), славился морскими разбоями и приносилъ въ жертву богамъ всѣхъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ его владѣнія. За эти злодѣйства Геркулесъ умертвилъ Бузириса.

Разоблачивъ истину отъ сказочной мишуры, видимъ, что климатъ Египта, гибельный для заѣзжихъ чужеземцевъ, не имѣлъ вреднаго вліянія на странствованіе Геркулеса, личность котораго древніе слили во едино съ личностью ихъ любимаго героя.

Керкіонъ былъ страшный разбойникъ, жившій на Коринѳскомъ перешейкѣ. Каждому чужеземцу онъ предлагалъ бороться съ собою и, одолѣвъ противника, безжалостно его убивалъ. Этотъ злодѣй былъ убитъ Тезеемъ.

И эта басня—варіантъ предыдущей. Керкіонъ — бурное, не-

преступное мѣсто у береговъ Коринѳа, на которомъ погибло множество неопытныхъ или неосторожныхъ плавателей. Тезею первому удалось переплыть чрезъ это опасное мѣсто и древніе провозгласили его побѣдителемъ Керкіона.

Эолъ, богъ вѣтровъ и бурь, былъ рожденъ отъ Нептуна нимфою ***Меланиппою***. Мѣстопребываніемъ своимъ онъ избралъ семь островов, названныхъ его именемъ. Въ пещерѣ, на островѣ Липари, онъ держалъ на цѣпи всѣ вѣтры, попутные или противные мореходамъ и спускалъ ихъ по своему благоусмотрѣнію. Улиссу, во время его странствованій, Эолъ подарилъ мѣхъ, наполненный вѣтрами, много ему вредившими во время плаванія.

Повѣрье, будто пещеры острововъ Липари — жилище вѣтровъ, произошло у древнихъ отъ шума и гудѣнья, раздающихся въ ихъ глубинѣ. Вулканическое происхожденіе этихъ острововъ подало поводъ назвать ихъ дѣтьми Вулкана. По словамъ путешественниковъ, изъ пещеръ Липарскихъ или Эоловыхъ острововъ донынѣ излетаютъ иногда вихри и дуютъ вѣтры довольно продолжительные. Древніе греки, называвшіе вѣтры дѣтьми неба и земли, каждаго изъ нихъ весьма остроумно олицетворяли. Вѣтеръ восточный—***Афеліотъ*** (Соланусъ или Субсоланусъ: солнечный или подсолнечный у римлянъ) они изображали въ видѣ красиваго юноши, несущаго за пазухой гренады, апельсины и прочіе плоды теплыхъ странъ. ***Эвръ*** или ***Вултурнъ*** (***Дифей*** у Виргилія) — вѣтеръ юго-восточный, былъ, по мнѣнію грековъ, постоянно растрепанный шаловливый юноша, своими проказами и шалостями будившій бурю. ***Австеръ*** или ***Нотосъ*** (южный вѣтеръ) именовали родителемъ дождей и изображали его въ видѣ старца съ челомъ увитымъ облаками и въ длинномъ одѣяніи, по которому струятся дождевыя капли. ***Африкъ*** или ***Липсъ*** (юго-западный вѣтеръ) навѣвалъ туманы своими влажными крыльями.

Вѣтеръ западный—***Зефиръ*** (***Фавоній*** или ***Япиксъ*** у римлянъ), попутный пловцамъ изъ Италіи въ Грецію, древніе изображали въ видѣ прелестнаго юноши съ крыльями бабочки и увѣнчаннаго цвѣтами. Онъ повелѣвалъ цѣлымъ легіономъ легкихъ вѣтерковъ, въ видѣ легкокрылыхъ дѣтей, дуновеніемъ своимъ едва колебавшихъ цвѣточныя чашечки. Эти прелестныя созданія пылкаго

воображенія древнихъ грековъ можно назвать родоначальниками средневѣковыхъ сильфовъ и аріэлей.

Аргестъ, грековъ *Корусъ* или *Сциронъ*—римлянъ (сѣверо-западный вѣтеръ) олицетворяли въ видѣ стараго, бородатаго человѣка съ сосудомъ воды въ рукахъ и закутаннаго въ теплую одежду. *Кекій* (сѣверо-восточный вѣтеръ) несъ въ рукахъ дискъ, покрытый градинками. *Аквилонъ* (сѣверный вѣтеръ), сѣдовласый, съ змѣинымъ хвостомъ, являлся съ блюдомъ, наполненнымъ зрѣлыми маслинами... Но страшнѣйшимъ изъ всѣхъ вѣтровъ былъ *Борей*—бурный, неукротимый, производившій бурю и землетрясенія, закутанный въ хламиду, сотканную изъ тумановъ. Изъ его сыновей назовемъ только *Калаиса* и *Зевеса* близнецовъ, покровителей мореходовъ. Кромѣ этихъ главныхъ вѣтровъ были еще періодическіе, *Этезіи*, дувшіе весною въ теченіе шести недѣль и порожденные Юпитеромъ по просьбѣ знаменитаго въ древности сельскаго хозяина и пчеловода Аристея. Къ группѣ второстепенныхъ вѣтровъ можно причислить и *Эвносто*—богиню покровительницу вѣтряныхъ мельницъ.

Главкъ или *Глаукосъ* (желтый), усыновленный Нептуномъ до превращенія своего въ морское божество, жилъ въ Беотіи и промышлялъ рыбною ловлею. Замѣтивъ однажды, что сонныя рыбы, положенныя на какую-то особенную траву —оживаютъ и упрыгиваютъ въ море—онъ вздумалъ отвѣдать этой травы и самъ прыгнулъ въ морскія пучины. Здѣсь боги одарили его безсмертіемъ и свойствомъ пророчествовать. Послѣ своего превращенія въ морское божество Главкъ влюбился въ *Сциллу*, прелестную дочь Форка, равнодушную къ его воздыханіямъ. Желая во что бы то ни стало снискать благосклонность жестокой, Главкъ прибѣгнулъ къ чародѣйкѣ *Цирцеѣ*, моляя ее приворожить къ нему Сциллу. Цирцея, сама въ него влюбленная, отравила тотъ ручей, въ которомъ бѣдная нимфа имѣла обыкновеніе купаться... Едва Сцилла погрузилась въ воду, какъ была превращена въ страшное чудовнще съ шестью головами, двѣнадцатью лапами, окаймленное по поясу постоянно лающими собаками. Виргилій изображаетъ ее иначе. Сохранивъ прежнюю привлекательную наружность, Сцилла отъ пояса вмѣсто ногъ имѣла рыбій хвостъ... Въ такомъ видѣ, вы-

глядывая изъ пещеры, она соблазняла мореходовъ, завлекла ихъ на подводныя скалы. По другимъ сказаніямъ Сцилла бросилась въ море близъ сицилійскихъ береговъ и была превращена въ подводную скалу, подобно *Харибдѣ*. Миновать ту и другую было самой трудной задачей для пловцевъ и выраженіе: *проплыть между Сциллою* и *Харибдою* сохранилось донынѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ сказать о благополучномъ избавленіи человѣка отъ одной изъ двухъ, по видимому, неминуемыхъ непріятностей.

Навплій, сынъ Данаиды Амимоны, былъ олицетвореніемъ мореплаванія. Сынъ его *Паламидъ* при осадѣ Трои былъ побитъ камнями по повелѣнію Улисса, за это Навплій разрушилъ корабли Улисса, разведя маячные огни именно около подводныхъ скалъ.

Нелей, сынъ Нептуна и Тира, вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Пеліасомъ* царствовалъ въ Элидѣ. Отъ жены своей *Хлориды* онъ имѣлъ дочь *Перо* и сыновей: *Нестера*, *Периклимена*, и *Хромія*. Геркулесъ отнилъ у него часть владѣній и, за исключеніемъ Нестора, умертвилъ его сыновей. Нелей умеръ съ горя и и *Сизифъ*, другъ его, похоронилъ Нелея такъ уединенно, что Несторъ никогда не могъ отыскать его гробницу.

Огигесъ, основатель Ѳивъ и Элевзиса, былъ свидѣтелемъ страшнаго всемірнаго потопа въ 1764 г. до Р. Х. и спасся отъ него благодаря покровительству Нептуна, своего родителя. При немъ же, какъ гласило древнее преданіе, планета Венера измѣнила свой видъ, цвѣтъ, размѣры и свое теченіе. Послѣ его царствованія Беотія называлась Огигіею, именемъ, которое греки давали вообще древнѣйшимъ областямъ и городамъ.

Авлида, дочь Огигеса, дала имя свое городу, впослѣдствіи прославленному пребываніемъ въ немъ Ифигеніи.

Пеліасъ братъ-близнецъ Нелея, овладѣлъ престоломъ Іолкоса, огнявъ его у Эзова, отца *Язона*, возлюбленнаго *Медеи*. Когда послѣдняя помолодила Эзона, дочери Пеліаса стали просить чародѣйку, чтобы помолодила и ихъ отца. Медея велѣла имъ изрѣзать его на куски и бросить въ котелъ съ горячей водой, увѣривъ, что куски мяса въ ней сростутся и Пелей выйдетъ

изъ воды красивымъ юношей. Дочери царя въ точности исполнили приказаніе Медеи—однако же изъ его мяса, кромѣ отвратительнаго бульона, ничего не было; престолъ же его достался Эзону.

Замѣтимъ здѣсь, что древнее преданіе о томъ, будто Медея возвращала молодость, сваривая живыхъ людей въ кипяткѣ, основано на томъ, что она первая изобрѣла теплыя ванны. можетъ быть даже и бани. Изнуренные усталостью люди, послѣ теплой ванны, чувствовали себя бодрѣе и свѣжѣе. и ванна, во многихъ случаяхъ, дѣйствуетъ цѣлебно на организмъ. Наше народное преданіе о *живой водѣ* ничто иное какъ намекъ на источники воды минеральной, которыми пользовались въ глубочайшей древности.

Протей, сынъ Нептуна и Финикіи, бѣжалъ изъ Греціи въ Египетъ тайнымъ подводнымъ каналомъ, и здѣсь Нептунъ поручилъ ему пасти принадлежавшія ему стада тюленей, дельфиновъ и морскихъ коней. Протей обладалъ свойствомъ принимать на себя какой угодно видъ и превращаться нетолько въ звѣрей или въ птицъ, но и въ огонь, въ водяной источникъ, въ дерево, въ камень, и дѣлаться невидимымъ. Онъ же обладалъ даромъ пророчества, но прорицалъ тогда только, когда его принуждали къ тому силою. Въ нарицательномъ смыслѣ Протеемъ называютъ человѣка ловкаго. изворотливаго, мѣняющаго свои убѣжденія, какъ Протей свою наружность. По словамъ Геродота, Протей дѣйствительно царствовалъ въ Египтѣ, былъ современникомъ троянскаго похода, и давъ пріютъ бѣглецамъ, Парису и Еленѣ, возвратилъ послѣднюю Менелаю.

Тритонъ, сынъ Нептуна и Амфитриты, увѣнчанный водяными травами, осокой и тростникомъ. былъ непремѣннымъ лицемъ въ свитѣ своихъ родителей вмѣстѣ съ толпою другихъ тритоновъ, нереидъ (тритоновъ женскаго рода), дельфиновъ и морскихъ коней. Огромныя трубчатыя раковины, на которыхъ спутники и спутницы Нептуна и Амфитриды разыгрывали туши и фанфары, были какъ музыкальныя орудія введены въ употребленіе *Терамбомъ*. О немъ древніе сложили сказку будто онъ самъ завистливыми нимфами былъ превращенъ въ морскую раковину. Заключимъ

длинный списокъ сыновей Нептуна знаменитѣйшимъ изъ нихъ всѣхъ. Влюбясь въ нимфу *Θеофанію*. Нептунъ превратилъ ее въ овцу, а самъ превратился въ барана. Плодомъ нѣжныхъ ласкъ этихъ животныхъ былъ *Хризомаллонъ* или овенъ съ золотымъ руномъ— виновникъ похода Аргонавтовъ въ Колхиду (нынѣшнюю Грузію). Походъ этотъ совершенъ былъ греками около 1270 г. до Р. Х. Въ этой глубочайшей древности, богатѣйшія золотоносныя рѣки Закавказья разработывались посредствомъ овчинокъ, которыя клали въ воду и съ которыхъ послѣ вытрясали набившійся въ руно золотой песокъ. Не совсѣмъ понимая этотъ пріемъ промывки у кавказскихъ жителей, греки сплели сказку о золотомъ рунѣ, перемѣшавъ золотоносную рѣку съ названіемъ овчины. Въ наше время при томъ вниманіи, которое обращено на Кавказъ, горное дѣло этой страны конечно не будетъ забыто и сказка о золотомъ рунѣ окажется весьма пріятною, т. е. выгодною дѣйствительностью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Походъ Аргонавтовъ. — Аэтесъ, царь Колхиды. — Убіеніе Фрикса.—Притязанія Пеліаса.—Язонъ.—Корабль Арго.—Приключенія Аргонавтовъ. —Островъ Лемносъ. — Буря. — Волхвъ Финей.—Скалы Кіанейскія. -Островъ Аретіада.—Колхида —Три подвига.—Ихъ объясненіе.—Медея и Язонъ.—Похищеніе Золотаго руна.—Возвращеніе на родину.—Измѣна Язона.—Судьба Медеи.—Число Аргонавтовъ и имена главнѣйшихъ —Тезей.—Его происхожденіе.—Его подвиги.—Пребываніе въ Аѳинахъ. — Побѣда надъ Кентавромъ. — Аріадна. — Смерть Эгея.—Праздники, установленные Тезеемъ. — Учрежденія государственныя.—Ипполита, царица амазонокъ.—Битва лапиѳовъ съ кентаврами. —Пириѳей.—Смерть Тезея.—Его дѣти.—Федра. —Ея любовь къ Ипполиту.—Предательство. — Гибель Ипполита. — Судьба его послѣ смерти.

Чтобы овладѣть золотымъ руномъ, принадлежавшимъ *Фриксу*, бѣжавшему изъ Греціи ко двору Колхидскаго царя *Аэтеса*,

послѣдній умертвилъ бѣглеца и присвоилъ себѣ это сокровище. *Пелiасъ*, царствовавшій тогда въ Іолхосѣ, родственникъ Фрикса, изъявилъ притязаніе на оставшееся послѣ него имущество и въ томъ числѣ на золотое руно. Похититель престола у законнаго царя Язона, Пеліасъ, объявилъ ему, что готовъ возвратить ему престолъ, если Язонъ отмститъ за смерть Фрикса и похититъ у Аэтеса золотое руно. Язонъ съ радостью принялъ это предложеніе и собравъ цѣлую рать героевъ, отплылъ на кораблѣ *Арго* изъ Греціи къ берегамъ Колхиды. Предводителемъ Аргонавтовъ (т. е. пловцовъ на кораблѣ Арго) отъ имени Язона былъ Геркулесъ и занималъ первое мѣсто; Пелей и Теламонъ заняли кормовую часть корабля. Предъ отплытіемъ изъ Греціи, Аргонавты принесли торжественную жертву богамъ и присягнули Язону, и отправились въ путь снявшись съ якоря у мыса Магнезійскаго въ Ѳессаліи. Миновавъ гору Пеліонъ — жилище стараго кентавра Хирона и воспитанника его *Ахиллеса*, обогнули берегъ Македоніи, миновали гору Аѳонъ и вскорѣ достигли Самоѳракіи; отъ этого острова они поплыли къ сѣверу и въ Мизіи расположились на роздыхъ и запаслись проніантомъ.

Здѣсь Геркулесъ отсталъ отъ Аргонавтовъ, или, какъ гласитъ преданіе, былъ умышленно оставленъ Язономъ, нетерпѣвшимъ совмѣстничества; по другимъ сказаніямъ, — ради экономіи, такъ какъ Геркулесъ въ самое короткое время могъ поѣсть запасы, заготовленные надолго. Отъ Мизіи противные вѣтры направили Арго къ югу и пригнали его къ острову Лемносу, заселенному женщинами. Здѣсь, предавшись нѣгѣ, Аргонавты провели два года, позабывъ о главной цѣли своего путешествія. Наконецъ, покинувъ это жилище сладострастія, пустились въ дальнѣйшій путь и проплывъ Геллеспонтъ, бросили якорь у береговъ острова Долійцевъ, гдѣ царь Кизикъ принялъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ и одѣлилъ щедрыми подарками. Отплывъ отъ его владѣній, Аргонавты ночью снова были пригнаны бурею къ берегамъ острова. Долійцы, принявъ ихъ за морскихъ разбойниковъ, встрѣтили ихъ съ оружіемъ; завязался бой, въ которомъ погибъ царь Кизикъ, сраженный Язономъ. Утро озарило мѣсто побоища и горько раскаялись Аргонавты въ своей кровавой ошибкѣ. Царя Кизика они торжественно похо-

ронили; установили игры въ его память и для умилостивленія разгнѣванныхъ боговъ, принесли имъ жертву.... Но *Рея*, наказывая Аргонавтовъ за убіеніе невиннаго Кизика, приковала Арго къ землѣ и впродолженіе двѣнадцати дней онъ былъ игрушкою бурь и ураганов. Другими словами: корабль сѣлъ на мѣль. Орфей вымолилъ прощеніе у богини и корабль приплылъ къ устьямъ Риндака; отсюда въ страну Бебриковъ, управляемую царемъ Амикомъ. Послѣдній предложилъ Аргонавтамъ состязаться съ Бебриками въ борьбѣ и спутники Язона, принявъ предложеніе, отколотили Бебриковъ на славу. Въ Салмидессѣ у береговъ Ѳракіи, они освободили отъ Гарпій тамошняго царя, славнаго волхва *Финея*, который за эту услугу далъ имъ совѣты, какъ въ проливѣ Симплегадскомъ миновать подвижныя скалы Кіанейскія, которыя безпрестанно, сталкиваясь одна съ другою, разбивали въ щепы корабли, отваживавшіеся пускаться въ это страшное мѣсто. Достигнувъ этихъ скалъ, Аргонавты, по совѣту Финея, спустили съ корабля голубку, которая полетомъ своимъ указывала имъ путь, между тѣмъ какъ Орфей, играя на лирѣ, заставилъ движущіяся скалы пріостановиться. Въѣхавъ въ Понтъ-Эвксинскій (Черное море) Аргонавты посѣтили страну Маріандинійцевъ, въ которой схоронили двухъ своихъ спутниковъ волхва: *Идмона* и кормчаго *Тифиса*. Послѣднія испытанія ожидали Аргонавтовъ на островѣ Аретіадѣ, гдѣ они нашли птицъ Стимфалидъ, метавшихъ свои перья будто стрѣлы. Бряцаньемъ оружія Аргонавты отогнали отъ себя этихъ чудовищъ. Здѣсь же они нашли сыновей Фрикса, отправившихся въ Орхоменъ за отцовскимъ наслѣдствомъ, но заброшенныхъ бурею на островъ Аретіаду.

Наконецъ показались вожделенные берега Колхиды и ночью достигнувъ устьевъ рѣки Фазоса, Аргонавты высадились у стѣнъ города Эи. Царь Аэтесъ, извѣщенный о прибытіи нежданныхъ гостей и о цѣли ихъ появленія, согласился выдать Язону золотое руно, съ тѣмъ однако же непреложнымъ условіемъ, чтобы онъ въ одинъ день совершилъ три подвига, почти неисполнимые. *Во первыхъ* — Язонъ долженъ былъ вспахать четыре десятины земли, посвященной Марсу и потому неприкосновенной, алмазною сохою съ впряженною въ нее парою быковъ Вулкана съ мѣдными рога-

ми и извергающими пламя изъ ноздрей. *Во вторыхъ*—посѣять драконовы зубы и перебить всѣхъ воиновъ, порожденныхъ землею изъ этихъ зубовъ. *Въ третьихъ* вступить въ бой съ дракономъ, хранителемъ золотаго руна и умертвить его.

Здѣсь пріостановимся на минуту и отъ сказки перейдемъ къ правдѣ. Смыслъ задачи первой: Язону предстояло овладѣть землею, охраняемою сильнымъ войскомъ и кромѣ того *огнедышущими* быками. Эти чудовища, можетъ быть, огнестрѣльные снаряды, бывшіе въ употребленіи у жителей Колхиды за двѣ тысячи лѣтъ до изобрѣтенія греческаго огня. Воины, родящіеся изъ зубовъ дракона—намекъ на ихъ многочисленность, наконецъ самый драконъ—олицетвореніе бдительныхъ стражей, охранявшихъ золотые Колхидскіе пріиски. Дочь царя, чародѣйка Медея. страстно влюбившаяся въ Язона, предложила ему свое содѣйствіе при совершеніи подвиговъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ увезъ ее съ собою на свою родину въ качествѣ законной супруги. Язонъ согласился и тогда Медея вручила ему стклянку съ волшебнымъ составомъ, которымъ онъ долженъ былъ натереться до выступленія на бой; камень, который онъ долженъ былъ бросить въ воиновъ, рожденныхъ изъ зубовъ дракова; наконецъ травы и напитокъ, для усыпленія дракона, хранителя золотаго руна.

Благодаря этимъ снадобьямъ, Язонъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ трехъ испытаній, предложенныхъ ему Аэтесомъ, и овладѣлъ золотымъ руномъ, висѣвшимъ на дубу. Взбѣшенный Аэтесъ далъ себѣ клятву перебить всѣхъ Аргонавтовъ и сжечь ихъ корабль; но Язонъ, во время увѣдомленный Медеею, сѣлъ съ нею и со своими спутниками на Арго и ночью отплылъ изъ Колхиды. На слѣдующій день Аэтесъ бросился въ погоню за бѣглецами и, настигнувъ ихъ въ устьяхъ Дуная, послалъ къ нимъ сына своего Абсирта съ требованіемъ, чтобы они сдались, но Медея, зарѣзавъ Абсирта, раскидала по берегамъ куски его тѣла и покуда Аэтесъ подбиралъ ихъ, Аргонавты скрылись изъ виду.

Маршрутъ обратнаго пути Аргонавтовъ заключаетъ въ себѣ чуть не всѣ моря и страны древняго міра и доказываетъ только, что древніе сказочники о Язонѣ и его спутникахъ были весьма плохіе географы. Изъ Понта Эвксинскаго они попали въ Палусъ-Меотидъ (Азовское море), попали на островъ Певкестъ и на островъ *Цирцеи*, гдѣ эта волшебница предсказала Язону всѣ его будущія бѣдствія... Изъ Азовскаго моря, будто на коврѣ самолетѣ, Аргонавтовъ занесло къ Гибралтарскому проливу (столбы Геркулеса) и чрезъ него въ Средиземное море. Здѣсь было съ ними также не мало приключеній: они попали между Сциллою и Харибдою и избавились отъ гибели благодаря Өетидѣ, любовницѣ аргонавта Пелея, и ея нимфамъ; плыли мимо острова сладкогласныхъ сиренъ, усмиренныхъ пѣніемъ Орфея; около острова Дрепанны (Корфу) столкнулись съ морскими разбойниками, требовавшими у царя Алкиноя выдачи имъ Медеи... послѣ того, буря забросила ихъ на берега Африки и наконецъ-то прибыли они въ Пелепонезъ, а отсюда перебрались въ Өессалію.

По другому варіанту сказки объ Аргонавтахъ—они по Дунаю перебрались въ Адріатическое море и этимъ путемъ возвратились въ Грецію; посѣтили Цирцею на островѣ Эи, гдѣ Язонъ очистился отъ оскверненія себя убійствомъ Абсирта. Этотъ путь короче и не богатъ чудесными встрѣчами, за то гораздо правдоподобнѣе перваго. Язонъ, по возвращеніи на родину, не смотря на умерщвленіе Пеліаса Медеею, не воротилъ себѣ отцовскаго престола, а вмѣстѣ съ супругою поселился въ Коринөѣ. Четыре года онъ былъ вѣренъ Медеѣ, на пятый влюбился въ ***Главкею***, дочь Коринөскаго царя Сизифа. Медея зарѣзала обоихъ своихъ сыновей, прижитыхъ съ Язономъ, отравила соперницу и на колесницѣ влекомой двумя драконами улетѣла въ Аөины, гдѣ на ней женился ***Эгей***, которому она совѣтовала отравить ***Тезея***. Узнавъ, что это его сынъ, Эгей прогналъ Медею, которая убѣжала въ Финикію; вышла за царя этой страны и родила отъ него ***Мидаса***. Что касается до Язона онъ умеръ въ Коринөѣ, не оставивъ по себѣ потомства.

Число аргонавтовъ, спутниковъ Язона, простиралось до 90 человѣкъ. Изъ нихъ заслуживаютъ напоминанія немногіе.

Аргосъ, сынъ Фрикса, былъ строителемъ корабля, на которомъ походъ былъ совершенъ. Этому кораблю онъ далъ свое имя.

Бутесъ, сынъ Борея, при возвращеніи на родину, до того плѣнился пѣніемъ сиренъ, что бросился въ море, но спасенный Ве-

нерою былъ перенесенъ въ Сицилію, гдѣ женился на *Ликэстъ* прелестной собою, но весьма разгульнаго поведенія.

Ификлъ, супругъ *Діомедеи*, замѣчателенъ какъ первый субъектъ, въ глубочайшей древности лечившійся желѣзною окисью — лекарствомъ, столь распространеннымъ въ наше время. Будучи бездѣтнымъ, онъ жаловался на это Мелампу и по его совѣту, въ теченіе десяти дней пилъ ржавчину съ ножа, распущенную въ винѣ. Благодаря этому средству Ификлъ излечился отъ безплодія.

Тезей, потомокъ Эрехтея и внучатный племянникъ Геркулеса, родился въ Трезенѣ отъ тайнаго брака царя Аѳинскаго *Эгея* съ *Эѳрою*, дочерью Питѳея, царя пелопонезскаго. Онъ воспитывался при дворѣ послѣдняго и чуть не съ колыбели выказывалъ воинственныя наклонности. Когда ему было только семь лѣтъ, къ Питѳею, его дѣду, пришелъ Геркулесъ, и Тезей, принявъ его за непріятеля, схватилъ топоръ и смѣло бросился къ нему на встрѣчу. Узнавъ свою ошибку, Тезей, при разсказахъ о подвигахъ Геркулеса, рѣшился взять его себѣ за образецъ и посвятить всю свою жизнь на геройскіе подвиги. Достигнувъ юношескихъ лѣтъ онъ покинулъ родину и отправился добывать славу. Передъ тѣмъ дѣдъ его Питѳей открылъ ему тайну его рожденія, сказавъ что ласками его матери въ одну и туже ночь пользовались Нептунъ и Эгей, а потому царь аѳинскій уѣхалъ въ свое царство не взявъ Эѳры съ собою, но сказавъ, что въ случаѣ рожденія его сына онъ готовъ его признать, если тотъ принесетъ къ нему въ Аѳины его мечь и сандаліи, зарытые подъ огромнымъ камнемъ. Питѳей привезъ Тезея къ этому камню и юноша герой, одной рукою приподнявъ его, нашелъ подъ нимъ мечь и сандаліи и тотчасъ же отправился въ Аѳины, презирая предстоящими опасностями долгаго пути. Близъ Эпидавра онъ встрѣтилъ великана *Перифета* вооруженнаго огромной булавой: Тезей убилъ его и взявъ палицу никогда не разлучался съ нею какъ съ первымъ трофеемъ добытымъ съ бою. Убилъ разбойника *Синиса*, точно также какъ онъ самъ убивалъ прохожихъ, разорвавъ его двумя деревьями, у которыхъ развязалъ связанныя вершины; утопилъ *Скирона*, откармливавшаго своихъ черепахъ человѣческимъ мясомъ; той же участи подвергся и *Керкіонъ*. Послѣ того Тезей избавилъ Грецію отъ

разбойника *Прокуста*, обладателя знаменитой кровати, на которую онъ укладывалъ своихъ жертвъ, успокоивая ихъ тѣмъ, что пощадитъ имъ жизнь, если кровать придется по мѣрѣ ихъ роста Но этого никогда не случалось: кровать была раздвижная и удлинялась или укорачивалась по произволу Прокуста; людямъ высокаго роста онъ отрубалъ ноги, а малорослымъ вытягивалъ ихъ суставы по длинѣ кровати. Въ переносномъ смыслѣ и до нынѣ упоминаютъ о „прокустономъ ложѣ,“ говоря о безисходности изъ непріятнаго положенія.

Умертвивъ Прокуста, Тезей убилъ *Фею* или *Пею*, дикую свинью, опустошавшую окрестности Коринѳа и оставившую по себѣ достойнѣйшаго преемника въ особѣ знаменитаго *Калидонскаго вепря*, о которомъ поговоримъ въ исторіи Мелеагра. По обычаю древности, Тезей, послѣ такого множества убійствъ, долженъ былъ подвергнуться очистительному омовенію и принести жертву богамъ. Исполнивъ этотъ обрядъ, онъ вошелъ въ Аѳины и явился къ царю Эгею. Медея, увѣривъ его, что Тезей разбойникъ, предложила царю отравить его ядомъ, и Эгей согласился. За обѣдомъ онъ подалъ сыну кубокъ съ отравою, къ которому тотъ не прикоснулся, но именно въ эту минуту вынулъ мечь, чтобы порѣзать мясо: Эгей узналъ, что этотъ мечь его, а по мечу призналъ въ Тезеѣ своего сына. Онъ тотчасъ же провозгласилъ его своимъ наслѣдникомъ; Медея (какъ мы уже говорили) убѣжала въ Финикію. Пятьдесятъ сыновей Палласа, брата Эгея, надѣявшіеся послѣ него наслѣдовать престолъ, были изрублены Тезеемъ. Въ видѣ покаянія въ этомъ убійствѣ, Тезей на годъ удалился изъ Аѳинъ, но былъ оправданъ судьями храма Аполлона Дельфійскаго. Послѣ того, захвативъ живьемъ быка Мараѳонскаго, онъ принесъ его въ жертву Аполлону.

Ежегодная дань, которую платили аѳиняне Минотавру, побудила Тезея избавить отъ нея своихъ будущихъ подданыхъ. Дань эта, какъ мы уже говорили, состояла изъ семи юношей и семи дѣвъ, отправляемыхъ на съѣденіе Минотавра. Тезей попросилъ позволенія у отца отправиться вмѣстѣ съ ними; кромѣ того Эгей взялъ съ него обѣщаніе, что онъ, въ случаѣ побѣды, при возвращеніи, вывѣситъ на кораблѣ бѣлый флагъ. По прибытіи на

Критъ, Тезей плѣнилъ своей красотою дочь царя Миноса *Аріадну.* Она дала ему путеводную нить для выхода изъ лабиринта, изъ котораго до Тезея еще никто не возвращался. Минотавръ былъ убитъ, а Тезей со всѣми спутниками, съ Аріадною и ея сестрою *Федрою*, поплылъ въ обратный путь, позабывъ вывѣсить на своемъ кораблѣ бѣлый флагъ. Во время пути Аріадна родила отъ Тезея двухъ сыновей *Энопіона* и *Стафила*, и не смотря на то Тезей имѣлъ жестокосердіе покинуть ее на островѣ Наксосѣ. По прибытіи въ Аѳины онъ былъ встрѣченъ всеобщими воплями, слезами и вѣстію, что отецъ его, Эгей, утопился съ горя, будучи увѣренъ, по отсутствію бѣлаго флага на кораблѣ, что Тезей погибъ. Похоронивъ Эгея съ должными почестями, назвавъ его именемъ море, въ которое онъ бросился, Тезей далъ обѣтъ посылать ежегодно въ храмъ Аполлона Дельфійскаго богатыя приношенія съ депутатами, увѣнчанными масличными вѣтвями и на томъ самомъ кораблѣ, на которомъ плавалъ самъ Тезей. Корабль этотъ, названный *Пораліемъ* или *Деліакомъ*, сохранялся болѣе тысячи лѣтъ. Въ тоже время Тезей учредилъ два праздника, названныхъ *Деліями.* Первый совершался каждыя пять лѣтъ въ честь Венеры Делосской, статуя которой, подаренная Тезею Аріадною, была во время праздника обвиваема цвѣточными гирляндами; затѣмъ происходили конныя скачки и праздникъ оканчивался плясками, участвовавшіе въ которыхъ ходили въ разныя стороны возвращаясь нѣсколько разъ на одно и тоже мѣсто и тѣмъ подражая хожденію по извилистымъ переходамъ лабиринта. Другой праздникъ бывалъ ежегодно. Тогда присылали на островъ Делосъ изъ Аѳины *Деліастова* или *Ѳеорова*, на священномъ кораблѣ Деліакѣ, украшенномъ цвѣтами. Ихъ встрѣчалъ жрецъ и увѣнчанныхъ лаврами велъ въ храмъ, гдѣ они приносили благодарственную жертву богамъ, въ память истребленія разбойниковъ Тезеемъ. Ихъ путешествіе продолжалось дней тридцать, и въ это время въ Аѳинахъ не казнили преступниковъ. Такимъ образомъ, по случаю празднованія Делій, казнь *Сократа* была отложена.

Вскорѣ Тезей сдѣлался верховнымъ обладателемъ всей Аттики: далъ ей мудрые законы и затѣмъ, сложивъ съ себя царскій санъ, установилъ правленіе республиканское, предоставивъ быть во главѣ его народу и воинамъ; учредилъ еще нѣсколько праздниковъ, и въ честь Нептуна возобновилъ *Истмійскія игры.* Сдѣлавъ все что было возможно для блага подданныхъ, Тезей опять отправился искать приключеній и героическихъ подвиговъ. Побѣдилъ амазонокъ на берегахъ Термодона и взялъ въ плѣнъ ихъ царицу *Ипполиту*, отъ которой имѣлъ сына *Ипполита.* Принималъ участіе въ походѣ Аргонавтовъ и, уже будучи лѣтъ пятидесяти отъ роду, вмѣстѣ съ *Пириѳоемъ* похитилъ *Елену* (впослѣдствіи виновницу Троянской войны), отнятую у него ея братьями Діоскурами. Пириѳой, царь лапиѳовъ, сблизился и подружился съ Тезеемъ послѣ своего вторженія въ Аттику, когда не вступая въ бой съ его войсками онъ съ восхищеніемъ бросился въ объятья Тезея, давъ ему клятву въ вѣчной дружбѣ и вѣрности. Брачный пиръ Пириѳоя, женявшагося на Гипподаміи, былъ печально ознаменованъ битвою Лапиѳовъ съ пьяными кентаврами, въ которой принимали дѣятельное участіе Геркулесъ и Тезей. Кентавры были истреблены.

Оставивъ престолъ сыну своему Пеиниету, Пириѳой сопровождалъ Тезея въ его послѣднихъ скитаніяхъ. Онъ влюбился въ *Прозерпину*, супругу царя Аидонея, и былъ убитъ имъ, а Тезей былъ захваченъ въ плѣнъ, изъ котораго его освободилъ Геркулесъ. Древніе сказочники, перепутавъ имена и воображая, что Аидоней тоже что Плутонъ, сплели басню о сошествіи Пириѳоя и Тезея въ Тартаръ, изъ котораго Тезей былъ освобожденъ Геркулесомъ.

По возвращеніи въ Аѳины, Тезей вздумалъ было опять царствовать, но возмутившіеся жрецы и воины принудили его удалиться. Онъ явился къ царю Скироса *Ликомеду*, который принявъ его съ почетомъ, столкнулъ съ высокой скалы въ море. Останки его были привезены въ Аѳины и погребены на мѣстѣ, названномъ *Тезеумомъ.* Въ память героя воздвигли алтари и совершали въ его честь жертвоприношенія въ восьмое число каждаго мѣсяца.

Тезей оставилъ послѣ себя сыновей: *Ипполита*, отъ царицы амазонокъ Ипполиты; *Стафила* и *Энопіона*, отъ Аріадны и *Акамаса* и *Демофона*, отъ Федры. *Федра*, дочь Миноса и

Пазифаи, по прибытіи въ Аѳины страстно влюбилась въ Ипполита, своего пасынка и во время отсутствія супруга своего открылась Ипполиту въ любви, но съ негодованіемъ была отвергнута. Въ отчаяніи она повѣсилась, оставивъ Тезею записку, въ которой обвиняла Ипполита въ томъ, въ чемъ была виновата сама. Разгнѣванный Тезей, по возвращеніи своемъ изъ скитаній, прочтя эту записку накинулся на невиннаго Ипполита, въ жизни своей не любившаго никого и ничего, кромѣ охоты. Оторопѣлый юноша не зналъ что отвѣчать отцу на гнусныя обвиненія, Тезей въ свою очередь, принимая молчаніе за явное доказательство виновности, рѣшилъ погубить сына. Когда-то Нептунъ далъ Тезею слово исполнить его три желанія и Тезей попросилъ на первый случай умертвить Ипполита. У воротъ Трезены на Ипполита, ѣхавшаго на колесницѣ, напало чудовище, выплывшее изъ волнъ морскихъ; лошади взбѣсились, понесли и Ипполитъ разбился о прибережныя скалы. По другому варіанту Федра, живая, обвинила Ипполита передъ его отцемъ и повѣсилась послѣ гибели Ипполита. Это обвиненіе невиннаго виноватою—было, можетъ быть, заимствовано греками изъ библейскихъ сказаній о женѣ Пентефрія и Іосифѣ Прекрасномъ.

Эскулапъ по просьбѣ Діаны, покровительствовавшей Ипполиту, воскресилъ его и онъ, подъ именемъ *Вирбія*, состоялъ при богинѣ въ качествѣ егермейстера. Впослѣдствіи времени *Діомидъ* соорудилъ въ Трезенѣ храмъ въ честь Ипполита. Сюда приходили невѣсты и въ жертву приносили свои косы. Дѣлалось это, во-первыхъ, въ память Федры, удавившейся собственными волосами; во-вторыхъ, въ знакъ соблюденія вѣрности будущимъ супругамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Мелеагръ. — Его происхожденіе. — Роковая головня. — Калидонскій вепрь. — Облава въ видѣ ополченія. — Мелеагръ побѣдитель. — Убіеніе дядей. — Сожженіе головни и смерть Мелеагра. — Теламонъ. — Пелей. — Повтореніе исторіи Федры. — Яблоко раздора. — Судъ Париса. — Боги подвластные Нептуну. — Океанъ и Ѳетида. — Рѣки. — Ахелой. — Ацисъ и Галатея. — Алфей. — Азопъ. — Кефиза. — Эриданъ. - Эвротасъ. — Пактолъ. — Скамандръ. — Океаниды. — Нереиды. — Нерей. — Ѳетида. — Рожденіе Ахиллеса. — Нимфы. — Ихъ разряды. — Киферониды. — Кренеи. — Эфидріады. — Гамадріады. — Ихъ имена. — Глифія. — Іониды. — Наяды. — Напеи. — Дріопа и Лотосъ. — Эгерія. — Герцинія.

Мелеагръ, сынъ Енея и Алѳеи, былъ также въ числѣ аргонавтовъ и послѣ Тезея, едва ли не славнѣйшій изъ нихъ. При его рожденіи его мать, Алѳея, совѣщалась съ оракуломъ о его будущности и получила въ отвѣтъ, что онъ умретъ, когда догоритъ головня, пылавшая въ то время на очагѣ. Алѳея тотчасъ же залила ее водою и зарыла въ землю. Еней, обрадованный рожденіемъ сына, принесъ благодарственную жертву всѣмъ богамъ, кромѣ Діаны, о которой онъ позабылъ. Разгнѣванная богиня послала за это на Калидонскіе лѣса и поля огромнаго вепря, ростомъ съ быка, съ иглами щетины въ видѣ дротиковъ, съ клыками, подобными слоновымъ и, кромѣ того, съ заразительнымъ смертоноснымъ дыханіемъ. Какъ только Мелеагръ вошелъ въ возрастъ и въ состояніи былъ носить оружіе, онъ собралъ цѣлое ополченіе молодыхъ смѣльчаковъ, большею частію князей, числомъ до 40 человѣкъ (тутъ были между прочими: *Аталанта* дочь Скенея, ***Касторъ*** и ***Поллуксъ***, ***Язонъ***, ***Мопсъ***, ***Пелей***, ***Протей*** и ***Тезей***) и отправился на охоту за вепремъ. Встрѣтясь съ чудовищемъ охотники стали пускать въ него стрѣлы, большею частью неудачно; Аталанта, любовница Мелеагра, первая ранила вепря

въ ухо. Тогда Мелеагръ поразилъ его мечемъ, Амфіарай дорѣзалъ и, отрубивъ ему голову, поднесъ ее Аталантѣ. Это предпочтеніе разобидѣло всѣхъ прочихъ охотниковъ; они перессорились; ссора перешла въ драку; драка превратилась въ серьезную битву, въ которой отъ руки Мелеагра пали оба его дяди, со стороны матери: Плексиппъ и Токсей. Тогда Алѳея, негодуя на сына, отрыла изъ земли роковую головню, съ которою тѣсно была связана жизнь Мелеагра и бросила ее въ огонь. Тотчасъ же Мелеагръ почувствовалъ палящій жаръ во всемъ тѣлѣ, усиливавшійся по мѣрѣ сгоранія головни и когда она догорѣла тогда и Мелеагръ испустилъ послѣдній вздохъ. По сказаніямъ древнихъ поэтовъ, не оракулъ, но ***Парки*** посѣтили Алѳею при рожденіи Мелеагра: ***Клото*** предсказала его будущую славу; ***Лахезисъ*** — необыкновенную силу, а ***Атропа***—связь его смерти съ горящею головнею. Когда Мелеагръ скончался, Алѳея одумалась и повѣсилась съ отчаянія.

Дѣти Эака, ***Теламонъ*** и ***Пелей***, въ юности были изгнаны изъ отечества. Теламонъ бѣжалъ къ Кихрею, царю Саламинскому, послѣ котораго наслѣдовалъ престолъ. Онъ былъ женатъ на трехъ женахъ: на ***Главкѣ***, на ***Парибеѣ*** (которая родила ему героя ***Аякса***) и на ***Гезіонѣ***, сестрѣ Пріама и матери Тевкира. Не будучи въ силахъ участвовать въ троянскомъ походѣ, Теламонъ послалъ въ Иліонъ своихъ сыновей, прославившихся своими подвигами.

Пелей бѣжалъ въ Ѳессалію, гдѣ женился на ***Антигонѣ***, дочери царя Эвротіана, взявъ за нею въ приданое треть царства. Она была матерью ***Полидоры***, родившей въ свою очередь отъ рѣки Сперкія — Линесѳея. Убивъ нечаянно на охотѣ Полидору, Пелей бѣжалъ въ Іолкосъ, гдѣ царь ***Акастъ*** снялъ съ него клятву за дѣтоубійство. Жена Акаста ***Астидамія***, подражая Федрѣ или женѣ Пентефрія, отвергнутая Пелеемъ, сложила вину свою на него и оклеветанный Пелей былъ заточенъ въ темницу, изъ которой былъ освобожденъ Касторомъ и Поллуксомъ, или самимъ Юпитеромъ. Во время нахожденія Пелея въ темницѣ, мстительная Астидамія извѣстила супругу его Антигону, что онъ намѣренъ жениться на другой и она съ отчаянія повѣсилась. Немедленно

по своемъ освобожденіи, Пелей въ отмщеніе Астидаміи женился на ***Ѳетидѣ***, дочери Нерея и Дориды. Мы уже говорили, что на брачномъ пиру Раздоръ бросилъ яблоко съ надписью: „прекраснѣйшей“, на которое изъявили притязаніе Юнона, Минерва и Венера, избравъ въ судьи царевича Париса, сына Пріама, царя троянскаго. Онъ присудилъ яблоко Венерѣ, и за это былъ награжденъ любовью прекрасной Елены; эта же самая любовь, по проискамъ Юноны и Минервы, была причиною гибели царства троянскаго. Отъ брака Пелея и Ѳетиды родился знаменитый ***Ахиллъ*** или ***Ахиллесъ***, герой Иліады, прославившій своего отца. За тѣмъ Пелей мирно жилъ и мирно отошелъ къ предкамъ.

Займемся теперь огромной группой морскихъ божествъ, подвластныхъ Нептуну. О ***Тритонѣ*** мы уже говорили. Это второстепенное божество (полу-рыба, полу-человѣкъ) было подчинено Нептуну и Амфитридѣ. Его изображенія подали поводъ къ сочиненію сказки о морскихъ людяхъ, въ существованіе которыхъ вѣрили въ Европѣ еще въ весьма недавнее время. Въ газетахъ минувшаго столѣтія находимъ весьма серьезныя извѣстія о неоднократныхъ поимкахъ морскихъ людей у береговъ Сициліи, Португаліи, Голландіи, Англіи, Даніи и Швеціи. Эти расказы о морскихъ людяхъ по всей справедливости можно назвать газетными утками.

Старый ***Океанъ***, братъ и супругъ Ѳетиды, сынъ неба и земли, владычествовалъ надъ морями въ то время, когда небо и земля были подвластны одному Сатурну. По раздѣленіи его царствъ между сыновьями, когда земля и небо достались Юпитеру, преисподняя—Плутону, а воды—Нептуну, Океанъ подчинился послѣднему и призналъ надъ собою его главенство. Океанъ изображали въ видѣ старика съ длинной бородою, увѣнчанною двумя раковыми клешнями, съ весломъ въ рукахъ. Жена его Ѳетида была кормилицею Юноны (когда именемъ богини называли землю) и это названіе какъ нельзя лучше приличествуетъ водѣ, истинной кормилицѣ земли. Кромѣ Ѳетиды, женами Океана были: ***Памфолига*** и ***Парѳенопа***. Отъ послѣдней у него были дочери: ***Азія*** и ***Ливія***, отъ первой ***Европа*** и ***Ѳракія***. Ѳетида же

была матерью трехсотъ рѣкъ земли, и трехъ тысячъ нимфъ, называемыхъ *Океанидами*.

Поклоненіе Океану было неразрывно связано съ поклоненіемъ Нептуну. Въ жертву имъ приносили бѣлыхъ быковъ, а потому, того и другаго называли *Таурицепсами* или *Таурифагами* (быкоѣдами). Многія рѣки точно также удостоивались божественныхъ почестей. Изъ таковыхъ особенно славились:

Ахелой, съ которымъ Геркулесъ боролся изъ за Деяниры. Ему прислуживали нимфы. Когда пять нимфъ, приносившихъ жертвы богамъ, забыли принести ихъ Ахелою, онъ поглотилъ ихъ и превратилъ въ острова *Эхинадскіе* (нынѣшніе *Курцзоле*). Отъ супруги своей *Перимелы*, дочери Эола, Ахелой имѣлъ *Орестá* и *Гипподамаса*; отъ связи съ музою Мельпоменою или Калліопою—*Сиренъ*. Нынѣ рѣка Ахелой именуется Аспропотамосъ (бѣлая рѣка), истокъ его съ вершинъ горы Пинда. *Ацисъ* сынъ Фавна и нимфы Симееы былъ счастливымъ обожателемъ нереиды Галатеи, въ которую былъ влюбленъ циклопъ Полифемъ. Ацисъ и Галатея, видаясь ежедневно и въ уединенной пещерѣ, предавались нѣжнымъ ласкамъ. Однажды Полифемъ засталъ счастливыхъ любовниковъ въ объятьяхъ другъ друга. Испуганный Ацисъ убѣжалъ и спрятался въ тростникѣ; но Полифемъ желая умертвить соперника опрокинулъ на эти тростники цѣлую скалу. Кровь раздавленнаго Ациса брызнула на Галатею, которая умолила боговъ даровать Ацису безсмертіе. Боги превратили его тѣло въ утесъ, а кровь—въ рѣку, нынѣ называемую Іаки.

Алфей, убивъ нечаянно своего брата Керкафа, утопился въ рѣкѣ Никтимѣ съ того времени названной Алфеемъ. По другимъ сказаніямъ Алфей, охотникъ, встрѣтилъ однажды нимфу Діаны—*Ареѳузу* или *Аретузу* и плѣнился ею. Когда нѣжныя его признанія были отвергнуты, онъ рѣшился овладѣть ею силою, но боги превратили ихъ обоихъ въ водные источники, струи которыхъ слились въ одну рѣку; воды послѣдней, по словамъ древнихъ сказочниковъ, имѣли невыразимую сладость... Медовыя и молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ и въ нашихъ народныхъ сказкахъ играютъ не послѣднюю роль.

Азопъ сынъ Юпитера и Климены царствовалъ въ Платеѣ и былъ счастливымъ отцомъ двухъ сыновей: *Исмена* и *Пелагіа* и двадцати дочерей, за нравственностью которыхъ наблюдалъ весьма строго. Влюбясь въ *Эгину*, одну изъ дочерей Азопа, Юпитеръ превратилъ его въ рѣку. Желая отомстить царю боговъ рѣка Азопъ вышла изъ своихъ береговъ, угрожая наводненіемъ всей странѣ; но Юпитеръ, поразивъ его громовою стрѣлою, принудилъ возвратиться въ свое русло.

Изъ прочихъ рѣкъ, которымъ воздавали божескія почести и приносили жертвы, назовемъ; *Каистрій*; *Кефизъ* въ Аттикѣ; *Хризасъ* и *Кринизъ* въ Сициліи; *Кладея* въ Элидѣ; *Клитумнъ* въ Умбріи; *Эриданъ* (По) въ Ломбардіи, въ честь котораго названо было его именемъ одно изъ созвѣздій.

Эвротасъ одинъ изъ древнѣйшихъ царей Лаконіи, былъ благодѣтелемъ Спарты. Желая избавить страну отъ болотистыхъ испареній, причинявшихъ эпидеміи, онъ для осушки болотъ прорылъ каналъ названный рѣкою Эвротасомъ (нынѣшній Василиотамосъ). Берега Эвротаса прославились любовными похожденіями Юпитера и Леды, похищеніемъ Елены Тезеемъ, охотою Діаны и превращеніемъ Дафны въ лавръ. Рѣку Василипотамосъ (царственную), турки до нынѣ особенно чтутъ и купаясь въ ней увѣрены снискать особенную милость божію. *Инакъ*, *Ладонъ*, *Леандръ*, *Иссъ* именовались въ древности также священными рѣками. Извилистое теченіе Меандра подало грекамъ мысль сочинить извѣстный рисунокъ бордюра, называемаго *а ла-грекъ* (à la-grecque), употребляемаго донынѣ въ архитектурныхъ украшеніяхъ.

Рѣка *Пактолъ* отъ прикосновенія Мидаса, царя келенскаго, пріобрѣла свойство превращать въ золото прибрежный песокъ (т. е. она въ древности была золотоносною). *Пеней* орошалъ плодоносную долину Темпейскую въ Ѳессаліи и за это плодородіе именовался кормильцемъ, отцемъ, богомъ... Не такъ-ли точно и у насъ донынѣ называютъ Донъ—*батюшкой*, а Волгу—*матушкой*. Миѳологіи разныхъ странъ точно также похожи одна на другую какъ и дѣтскія игры у разныхъ народовъ. Идеи младенчествующихъ народовъ разительно схожи между собою.

Скамандръ въ Троадѣ назывался также *Ксанѳомъ* за свойство будто-бы превращать купавшихся въ немъ черноволосыхъ

женщинъ въ бѣлокурыхъ. Невѣсты наканунѣ свадьбы приносили ему въ жертву свою дѣвственность: для этого онѣ удалялись въ прибережную пещеру и здѣсь Скамандръ, въ образѣ человѣка, посвящалъ ихъ въ таинства любви, на что мужья этихъ дѣвицъ ни мало не обижались. Этотъ обычай былъ вѣроятно заимствованъ жителями Троады отъ индусовъ или отъ халдеевъ. Рѣка Ксанѳъ, соединивъ воды свои съ водами Симоиса, угрожала грекамъ во время осады Трои, но этихъ союзниковъ усмирилъ Вулканъ. Рѣкѣ ***Сперкію*** Пелей, отецъ Ахиллеса, посвятилъ волосы своего сына предъ отправленіемъ его въ троянскій походъ, римляне боготворили свой ***Тибръ:*** рѣку ***Вольтурнъ*** признавали за божество въ Кампаніи.

Голубоокія ***океаниды*** (русалки славянскихъ народовъ) назывались покровительницами мореходовъ, которые молились имъ и приносили въ жертву—овецъ, въ тихую погоду, и черныхъ быковъ, во время бури. Дочери ***Нерея***—Нереиды, подвластныя Нептуну, въ числѣ пятидесяти, жили вмѣстѣ съ ихъ родителемъ въ Эгейскомъ морѣ. Синебородый Нерей славился даромъ пророчества; онъ предсказалъ Парису бѣдствіе Трои. Замѣтимъ, что гаданіе водою или ***гидромантія***, извѣстное грекамъ въ глубочайшей древности, называлось вообще пророчествомъ рѣкъ или морей. Гадатель или волхвъ говорилъ вопрошавшимъ его, отъ имени водяныхъ божествъ. ***Гезіодъ, Гомеръ, Гигинъ*** и ***Аполлодоръ*** называютъ Нереидъ поименно: однакоже мы избавляемъ читателя отъ скуки чтенія этихъ длиннѣйшихъ списковъ. Славнѣйшая изъ всѣхъ нереидъ была ***Теѳида, Ѳетида*** или ***Тетиса***, въ которую были влюблены Аполлонъ, Нептунъ и Юпитеръ. Однакоже они всѣ трое отстали отъ красавицы, когда Ѳемида, богиня правосудія, объявила имъ, что сынъ рожденный Теѳидою будетъ славнѣе своего отца. Менѣе самолюбивый Пелей, сынъ Эака, былъ счастливѣе боговъ. Послѣ долгихъ преслѣдованій Теѳиды, во время которыхъ она измѣняла свой видъ, Пелей по совѣту Хирона оковалъ ее цѣпями и принудилъ быть своею женою. Отъ Пелея у Теѳиды было много дѣтей, но она ихъ всѣхъ убивала, доискиваясь который именно безсмертенъ. Родивъ ***Ахиллеса*** она опустила его въ воды Стикса и герой сталъ неуязвимъ всѣмъ

тѣломъ кромѣ пятокъ, за которыя его держала Теѳида. Со времени глубочайшей древности ***Ахиллесовою пяткою*** называютъ слабую сторону сильнаго или могучаго человѣка. Въ людяхъ обыкновенныхъ ахиллесовою пяткою можно назвать ихъ ***самолюбіе***—и щекотливое подобно пяткѣ, и всегда уязвимое.

Нимфами назывались у древнихъ жившія въ струяхъ рѣкъ ихъ покровительницы и также легкія облака, росы и волны тумана. Нимфы—граціознѣйшія созданія греческой миѳологіи. Кому изъ насъ не случалось, всматриваясь въ клубы росы, стелющейся на поляхъ, находить въ очертаніи этихъ клубовъ сходство съ человѣческими фигурами? Пылкое воображеніе грековъ не замедлило создать изъ нихъ нимфъ, которыхъ дѣлили на множество разрядовъ, съ которыми и знакомимъ читателя.

Начнемъ съ того, что ***нимфъ***, вообще, глубоко чтили римляне, приносившіе имъ въ жертву медъ, молоко, плоды; иногда козъ и овецъ. Праздники ихъ назывались ***нимфеями.*** Затѣмъ нимфы дѣлились на многія группы. 1) ***Амнизіады***—жившія по прибережьямъ рѣки Амназія; 2) ***Анигриды*** —у береговъ Анигра въ Ѳессаліи. Воды этой рѣки славились цѣлебными свойствами при накожныхъ болѣзняхъ. 3) ***Азіи***—нимфы Діаны (росы и ночные туманы). 4) ***Авлоніады*** и ***Анкситрофы***—нимфы холмовъ и способствующія урожаю. 5) ***Киѳерониды***—подруги и спутницы музъ. 6) ***Коммотіи*** или ***Корикиды***—въ Аркадіи. 7) ***Киѳеріады***—спутницы Венеры. 8) ***Кренеи***—на островѣ Критѣ у источника Кретида. 9) ***Кикклады***—на островахъ этого же имени. 10) ***Дориды.*** 11) ***Дріады***—нимфы лѣсовъ, покровительницы деревьевъ и дубовъ преимущественно. Одаренныя безсмертіемъ, дріады переживали деревья ими охраняемыя. Ихъ изображали въ видѣ статныхъ женщинъ, съ распущенными волосами, съ нижними оконечностями туловища, въ видѣ древесныхъ корней. Гнѣвомъ дріадъ угрожали лѣснымъ ворамъ, покушавшимся на рубку въ заповѣдныхъ лѣсахъ. 12) ***Эхинады***—нимфы имъ соименныхъ островомъ. 13) ***Эфидріады***—нимфы питательницы растеній вообще. 14) ***Эпигеи***—подземныя; 15) ***Фанеи***—прорицательницы. 16) ***Флувіаліи***—рѣчныя. 17) ***Эпимелиды***—нимфы пастбищъ. 18) ***Геннаиды***—жительницы Фокиды. 19)

Гамадріады—нимфы, жизнь которыхъ была связана съ существованіемъ деревьевъ, которымъ онѣ покровительствовали. Это, собственно говоря, олицетворенныя растительныя силы. Гамадріады особенно благоволили людямъ, заботившимся о деревьяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовавшимъ о продолженіи жизни гамадріадъ, крайній предѣлъ которой простирался до 9720 лѣтъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли собственныя имена, соотвѣтствовавшія именамъ деревьевъ: ***Эгироса*** (тополь), ***Ампелосъ*** (виноградная лоза), ***Баланэ*** (дубъ), ***Каріа*** (орѣшникъ), ***Краніонъ*** (волошскій орѣхъ), ***Краніонъ*** (кизильникъ), ***Орea*** (букъ), ***Птелеа*** (ясень), ***Сикэ*** (смоковница). 20) ***Горезиды***—нимфы прислужницы Юноны. 21) ***Глифіи***—жительницы горы Глифа. 22) ***Гоніады***—въ Элидѣ. Воды ручья, протекавшаго близъ храма Гоніадъ, обладали чудеснымъ свойствомъ возвращать утраченную красоту. 23) ***Илиссады***—нимфы рѣки Илисса. 24) ***Іониды***—четыре нимфы рѣки Киѳера (Каллифая, Синаллаксида, Пегея и Язида), исцѣляли страдавшихъ болью въ сочлененіяхъ и ревматизмомъ. Эти повѣрья, будто при каждомъ минеральномъ источникѣ есть свой духъ-покровитель, до нынѣ сохраняются въ простомъ народѣ повсемѣстно. 25) ***Исмениды***—нимфы рѣки Исмена. 26) ***Лимнады***, ***Лимніады***, ***Лимнакиды*** или ***Лимнеи***—нимфы озерныя. 27) ***Лизіады*** — нимфы холодныхъ ключей. 28) ***Меліи***, ***Мелиды*** или ***Эпимеліи***—хранительницы стадъ. 29) ***Меніи***—нимфы жатвъ. 30) ***Напды*** или ***Абарбареи***—вообще покровительницы рѣкъ и минеральныхъ источниковъ. Въ первомъ случаѣ ихъ изображали въ видѣ молодыхъ красавицъ, увѣнчаныхъ осокою, съ урною въ рукахъ; во второмъ, къ этимъ атрибутамъ присоединяли змѣю—символъ здравія или исцѣленія. Онѣ были въ большей дружбѣ съ Флорою и орошали цвѣты изъ небольшихъ серебряныхъ сосудовъ. Въ Римѣ, 13 октября, въ честь наядъ праздновались ***фонтиналіи***, во время которыхъ на дѣтей надѣвали цвѣточные вѣнки, окропленные рѣчной или колодезной водою. 31) ***Напеи***—подвластныя Палесѣ, были покровительницами луговъ, полей, нивъ, долинъ, холмовъ и рощъ. 32) ***Ореады***, ***Ороніады*** или ***Ородемніады***—хранительницы горъ. 33) ***Оактолиды***. 34) ***Сиѳниды***—нимфы водопровода Ѳеагія въ Мегарѣ и водопроводовъ вообще. 35) ***Сфрагитиды***—нимфы пещеры, Сфрагидія на горѣ Киѳеронѣ; 36) ***Тиберіадъ***—нимфы Тибра и 37) ***Ѳемистіады***—прислужницы Ѳемиды богини правосудія.

Въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ миѳологія насчитываетъ поименно еще по нѣсколько нимфъ, прославившихся связью съ богами, или открытіемъ источниковъ, но вдаваться въ дальнѣйшія исчисленія было бы трудомъ, столь же безполезнымъ и тяжелымъ какъ поименное исчисленіе звѣздъ небесныхъ. Изъ этого легіона нимфъ, упомянемъ только о нимфѣ ***Эгеріи*** таинственной собесѣдницѣ римскаго царя ***Нумы-Помпилія***, которому она диктовала его мудрые законы. Послѣ смерти своей Эгерія была превращена въ источникъ, тихимъ своимъ журчаньемъ постоянно напоминавшій царю о его безвозвратной потерѣ. Въ слѣдующей части мы поговоримъ подробнѣе о связи царя Нумы съ нимфою, созданною воображеніемъ признательнаго народа.

Кромѣ Нептуна, римляне называли богомъ мореплаванія—***Портумна***, въ честь котораго совершались 17 августа ежегодныя празднества и его мать ***Матуту***. На праздникахъ въ ея честь, знатныя римлянки имѣли обыкновеніе давать вольную своимъ крѣпостнымъ рабынямъ, причемъ наносили имъ легкіе удары по щекамъ... должно быть на прощанье.

Саронъ, царь коринѳскій, утонулъ въ морѣ, преслѣдуя оленя. Подданные Сарона, съ честію похоронивъ его тѣло, причислили царя къ богамъ, назвавъ покровителемъ мореходовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Плутонъ.—Его прозвища.—Колесница Плутона.—Праздники.—Жертвоприношенія.—Прозерпина.—Прозвища..—Менеа.—Праздники.—Адъ древнихъ.—Тартаръ.—Елисейскія поля.—Эревъ.—Адъ злыхъ.—Адъ по понятіямъ римлянъ.—Семь областей.—Маны.—Лиры.—Лемуры.—Поминовенія.—Возможность произвольныхъ сновидѣній.—Хашишъ.—Бобы.—Блудящие огни.—Лемуріи.—Обрядъ лемурій.—Ахеронъ.—Харонъ.—Оболъ Харона и золотая вѣтка.—Коцитъ.—Флегетонъ.—Лета.—Древніе сказочники и новѣйшие спириты.—Стиксъ.

Плутонъ, братъ Юпитера и Нептуна, былъ обладателемъ преисподней и повелителемъ надъ божествами подземными; погребальные обряды были для него любимѣйшими торжествами, вопли и слезы вдовъ и сиротъ—наслажденіемъ. Если мы сравнимъ трехъ греческо-римскихъ боговъ, обладателей вселенной, съ божествами Индіи мы увидимъ въ Юпитерѣ—Браму, въ Нептунѣ—Вишну, а въ Плутонѣ—Сиву, т. е. создателя, хранителя и разрушителя. Прозвища Плутона характеризовали его дѣятельность, довольно многостороннюю. ***Адесъ*** и ***Аидоней*** (темный), богъ гробовъ и могилъ, ***Агеластъ*** (чуждый или лишенный веселости, смѣха), ***Агезилай***, ***Агестъ*** (уносящій людей); ***Альторъ*** (питатель. Подразумѣвается: древесныхъ корней), ***Аментесъ*** (лишенный мечты); ***Хѳоній*** (подземный); ***Деусъ-Фетоалисъ*** (богъ погребаній); ***Нигеръ*** (черный); ***Дисъ*** (хранитель подземныхъ сокровищъ), ***Мантусъ*** (повелитель тѣней усопшихъ); ***Перагетъ*** (водитель Парокъ), ***Оркусъ*** (сумрачный); ***Полидегменъ*** (хозяинъ всѣхъ смертныхъ). ***Профундусъ*** (глубокій); ***Стигей*** (низменный); ***Сарапусъ*** (гробовой); ***Теллуминъ***—(подземный); ***Уригусъ*** (огнепроводный).

Мрачный, суровый Плутонъ тщетно домогался расположенія олимпійскихъ богинь, питавшихъ къ нему непреодолимое отвращеніе. Не желая однако же приводить вѣчность въ тоскливомъ одиночествѣ, онъ похитилъ ***Прозерпину***, дочь Цереры, о чемъ мы уже говорили въ одной изъ первыхъ главъ. Похищенная Прозерпина покорилась волѣ судебъ и, волею неволею, сдѣлалась супругою Плутона. Подземный его дворецъ отличался великолѣпіемъ, будучи построенъ изъ золота, серебра, мѣди и изукрашенъ драгоцѣнными камнями, золотая его колесница была запряжена четырьмя вороными конями; ***Орфе***, ***Аѳонопъ***, ***Никтеемъ*** и ***Аласторомъ***. Вмѣсто короны, чаще всего, Плутонъ вѣнчалъ свое чело шлемомъ невидимкою; въ правой вмѣсто скипетра держалъ двузубецъ. У подножія его трона протекали адскія рѣки: ***Ахеронъ***. ***Кацитъ***, ***Летъ***, ***Флогитонъ*** и ***Стиксъ***; у ногъ Плутона лежалъ трехглавый песъ—***Церберъ***; свиту Плутона составляли ***Горы*** (часы) и ***Фуріи*** (эвмениды). Подземнаго бога особенно чтили на Пилосѣ, въ Коронеѣ, въ Кротонѣ, на Трезенѣ и въ Никѣ, гдѣ ему былъ посвященъ огромный лѣсъ. прославившійся капищемъ и оракуломъ. Въ древнемъ Лаціумѣ Плутону первоначально приносили въ жертву людей, замѣненныхъ впослѣдствіи быками и овцами, непремѣнно черными и въ четномъ числѣ. Мясо жертвъ сожигали въ пепелъ. Въ Римѣ Плутону былъ посвященъ второй мѣсяцъ года и жертвоприношенія въ его честь совершались по ночамъ. Верховный жрецъ съ непокрытой головою связывалъ жертву черными лентами, жегъ ладонъ между ея рогами, потомъ, пригнувъ голову къ землѣ, распарывалъ ей животъ особымъ орудіемъ, называвшимся ***суцеспита***. Кровь стекала въ яму, заблаговременно вырытую и въ нее же вливали вино приношеній. Этотъ обрядъ назывался ***Тавроболъ*** и происходилъ въ февралѣ въ дни называвшіеся ***очистительными*** (февруаріями), а также съ 21 іюня, въ день съ котораго начинаютъ дни уменьшаться. Плутону отдавали на жертву преступниковъ, заслуживавшихъ казни, ибо за укрывательство таковыхъ, по народному повѣрью, богъ преисподней жестоко мстилъ. Во время празднествъ Плутона, храмы всѣхъ прочихъ боговъ были закрыты и не совершалось брачныхъ торжествъ. Римляне говорили, что въ эти дни ворота ада открываются настежъ и души усопшихъ возвращались на землю и незримо присутствуютъ между жи-

вами. Изъ растеній, Плутону были посвящены: кипарисъ, нарцисъ, заря (Livsitiocum ligusticum L) черподеревникъ, букъ (Buxus sempervirens L), кукушкинъ левъ (Adiantum pedatum L) и кукушникъ (Satyrium L). Ему же были посвящены всѣ четныя числа (въ особенности 2) и второй день каждаго мѣсяца.

Прозерпина супруга Плутона имѣла многія прозвища. *Андрогина* (двухполая), *Анѳесфора* (цвѣтоносица), *Аксіоцерса* (почтенная), *Азезія* (лишающая жизни); *Брино* (навидящая ужасъ), *Кабира*; *Кадомента* (прорицательница), *Касфора* (дающая плодородіе), *Каста* (чистая, непорочная), *Корея* (юная, прелестная), *Дамна* (могущая), *Дета* (надгробная), *Деспена* (государыня), *Фаронія* (лѣсная), *Илиѳія* (родовспомогательница), *Либитина* (присутствующая при погребеніяхъ), *Персафона* (свѣтлая голубка), *Полибія* (питательница), *Праитанія* (перворо́дная), *Ѳогигеія* (супруга бога), *Праксидика* (правосудная). Въ числѣ обязанностей Прозерпины находилась весьма тяжкая: по ея приговору *Атропа*, одна изъ Парокъ, перестригала нить жизни человѣческой. Похищенная Плутономъ, Прозерпина вскорѣ свыклась съ жизнію въ преисподней и не только полюбила, но даже ревновала своего супруга. До похищенія Прозерпины онъ сожительствовалъ съ нимфою рѣки Коцита *Менѳою*. Послѣдняя осмѣлилась оказать неуваженіе Прозерпинѣ и за это была превращена ею въ мяту (Mentha piperata L), которую древніе называли могильнымъ цвѣткомъ... Въ слѣдующей части нашей миѳологіи мы поговоримъ подробно о священныхъ растеніяхъ древнихъ, но здѣсь не можемъ не замѣтить, по поводу растеній, посвященныхъ Плутону, что почти каждыя изъ нихъ, дѣйствительно, чаще нежели на прочихъ мѣстностяхъ, встрѣчаются на кладбищахъ.

Строгая и взыскательная къ мужу, Прозерпина сама не могла похвалиться постоянствомъ и какъ мы говорили въ статьѣ объ *Адонисѣ* питала къ этому красавцу преступную страсть. Дѣтей у Плутона отъ Прозерпины не было. Ее особенно чтили на островѣ Сициліи, который ей былъ посвященъ; именемъ ея клялись и призывали ее на помощь, отыскивая что нибудь потерянное. Ей были посвящены летучія мыши, телки и черныя собаки; изъ растеній:

макъ, нарцисъ и гренада. Изъ праздниковъ въ ея честь, назовемъ: *Антесфоріи* (на островѣ Сициліи) въ память похищенія Прозерпины, когда она собирала цвѣты; *Коцитіи* — при которыхъ ее чествовали какъ повелительницу надъ рѣкою Коцитомъ; *Кореи*—праздники дѣвственницы; *Котитіи*, сопровождавшіеся таинствами, за откровеніе которыхъ казнили смертію; поэтъ Эвполисъ былъ убитъ Алкивіадомъ за нескромныя шутки надъ этими таинствами, состоявшими изъ возмутительныхъ неблагопристойностей. Богиню распутства *Котито* не слѣдуетъ однако же смѣшивать съ Прозерпиною, хотя и послѣднюю называютъ этимъ именемъ. Прозерпина Котито — богиня совокупленія, естественное послѣдствіе котораго есть плодородіе. *Ѳеогаміи* — въ память брака Плутона и Прозерпины. Въ этихъ празднествахъ могли принимать участіе и заѣзжіе чужеземцы.

Ознакомивъ читателя съ властителемъ и властительницею преисподней переходимъ къ описанію *Ада* древнихъ, о которомъ у грековъ и у римлянъ были не совсѣмъ одни и тѣ же понятія. Греки раздѣляли адъ на двѣ пространныя области: *Тартаръ* и *Елисейскія поля*. Почва въ Тартарѣ была иловатая, смрадная, покрытая болотами, изъ которыхъ отдѣлялись заразительныя испаренія и пересѣкаемыя огненною рѣкою. Населеніе Тартара состояло изъ чудовищъ и фурій, мучившихъ души грѣшниковъ. Елисейскія поля, предназначенныя для жилища душъ мудрецовъ, героевъ и людей добродѣтельныхъ, были покрыты роскошною растительностью и воздухъ ихъ пропитанъ благоуханіями. Въ Тартаръ и на Елисейскія поля по словамъ Гомера и Гезіода вели одни врата, находившіяся за окраинами океана. Ксенофонтъ мѣстомъ ихъ назначаетъ Гераклею понтійскую; Овидій — Лаконію, гдѣ нынѣ находится мысъ Матапанъ; по словамъ другихъ поэтовъ. ходъ въ преисподвюю находится въ Аркадіи, въ пещерѣ, изъ которой въ древности отдѣлялись удушливыя испаренія. Впослѣдствіи времени, греки раздѣлили преисподнюю на четыре области: 1) *Эревъ* или *адъ*, охраняемый Церберомъ и служившій жилищемъ Смерти и Фурій. Здѣсь же находились дворцы ночи, сна, сновидѣній и мѣста поселенія душъ усопшихъ, лишенныхъ погребенія. 2) *Адъ злыхъ*, мѣсто каторжныхъ работъ ок[illegible]нныхъ

грѣшниковъ. Здѣсь Иксіонъ вертѣлъ свое колесо, Сизифъ каталъ камень на вершину скалы, Танталъ томился неутомимыми жаждою и голодомъ. 3) *Тартаръ*—срединная область между адомъ и небомъ, служилъ темницею богамъ древнѣйшимъ, обладателямъ вселенной. Здѣсь обитали Гиганты, Титаны, Циклопы и Уранъ. 4) ***Елисейскія поля***—жилище Сатурна и ***Реи*** область вѣчнаго блаженства, въ которой добродѣтель получала достойную награду.

Адъ римлянъ, по преданіямъ народнымъ, находился подъ озеромъ Аверна въ римской Кампаніи. На днѣ его находились врата, охраняемыя: ***Грустію, Скорбію, Старостью, Болѣзнями, Ужасомъ, Голодомъ, Смертію*** и братомъ ея ***Сномъ, Войною, Раздоромъ*** и ***Фуріями*** (угрызеніями совѣсти). Близъ озера находилась пещера, сквозь которую души усопшихъ шли къ берегамъ Ахерона для переправы на берега адской области, находившейся за вторыми воротами охраняемыми Церберомъ. Самый адъ раздѣлялся на ***семь*** областей. 1) Жилище душъ младенцевъ безгрѣшныхъ, не заслуживающихъ ни наказаній, ни наградъ; 2) жилище невинно убіенныхъ; 3) самоубійцъ; 4) юдоль слезъ, по которой блуждали души клятвопреступниковъ, обманутыхъ женъ, обольщенныхъ дѣвицъ. Здѣсь находились души: ***Пазифаи, Прокриды, Аріадны, Федры, Дидоны*** и имъ подобныхъ; 5) область тирановъ и злодѣевъ; 6) *Тартаръ*—мѣсто истязаній грѣшниковъ. При входѣ возсѣдали трое судей: ***Миносъ, Радамантъ*** и ***Эакъ***, произносившіе свои приговоры. Тройная стѣна и рѣка Флегетонъ, кипящая смолой и сѣрою, болота Коцита и черныя волны Стикса служили границами Тартару. Входомъ служили алмазныя врата, завѣшанныя черною тучею, вѣрнѣе самаго непрогляднаго мрака; 7) ***Елисейскія поля***, заселенныя душами героевъ и орошаемыя волнами Леты, рѣки забвенія. Римляне полагали, что эта область находится близъ Пуццоло.

Жителями преисподней были ***Маны*** или тѣни усопшихъ, по понятіямъ древнихъ созданныя изъ трехъ частей: изъ пепла сожженнаго ***тѣла***, изъ ***души*** и ***тѣни*** или подобія (Umbrum, Simulacrum). Тѣни дѣлились на ***добрыя*** и ***злыя;*** послѣднія назывались ***Лемурами***, первыя ***Ларами***. До вступленія въ адъ, тѣни или преображенныя души усопшихъ, нѣсколько дней порхали предъ его вратами. Вслѣдствіе этого повѣрья древніе при погребеніяхъ трижды обходили вокругъ могилы, троекратно призывая имя усопшаго. Души усопшихъ три раза въ году возвращались на землю: 24 августа, 5 октября и 8 ноября. Эти дни были ***днями поминовенія*** и, кромѣ того, память усопшихъ чтили праздникомъ ***Февралій*** (21 и 24 февраля). Аѳиняне посвящали имъ одинъ день января мѣсяца, въ который воспрещено было сочетаться бракомъ. Жертвоприношенія совершались ночью, причемъ алтари украшались кипарисовыми и еловыми вѣтвями [1]). Жертву зарѣзывали въ то мгновеніе, когда она устремляла глаза въ землю; зарѣзавъ жертву ее сожигали до тла. Потомъ, присутствовавшіе ѣли вареные бобы и если желали бесѣдовать съ душами родныхъ, то оставались ночевать на ихъ могилахъ: тѣни являлись имъ въ сновидѣніяхъ.

Здѣсь необходимо отступленіе можетъ быть не лишенное интереса въ физіологическомъ отношеніи.

Изъ всѣхъ отправленій нашего организма ***сонъ*** едва-ли не самое любопытное. Воображеніе спящаго, воспринимая внѣшнія впечатлѣнія съ непостижимой быстротой, передаетъ ихъ спящему въ видѣ живыхъ образовъ и призрачныхъ событій, иногда безсвязныхъ, а иногда проникнутыхъ какимъ-то пророческимъ смысломъ. Извѣстно, на основаніи опытовъ, что можно по произволу заставлять спящаго видѣть сны, дѣйствуя единственно на его нервы. Если со спящаго снять теплое одѣяло и открыть окно въ той комнатѣ гдѣ онъ спитъ онъ подъ вліяніемъ чувства холода увидитъ во снѣ или, что онъ стоитъ на сквозномъ вѣтру, или ѣдетъ на лодкѣ въ открытомъ морѣ, или идетъ по снѣговымъ сугробамъ. Если къ носу спящаго поднести платокъ опрысканный духами онъ увидитъ во снѣ тѣ цвѣты, изъ которыхъ духи извлечены; запахъ кошачьей урины, дѣйствуя на нервы обонянія, можетъ воспроизвести въ сновидѣніи живой образъ самой

[1]) Отсюда и повсемѣстный обычай устилать дорогу похоронной процессіи ельникомъ.

кошки и т. п. Зная это свойство человѣческаго организма древніе жрецы и средневѣковые чернокнижники составляли наркотическія снадобья и мази, при употребленіи которыхъ люди имѣли сновидѣнія, сюжетъ которыхъ (если можно такъ выразиться) былъ имъ предначертанъ тѣми же самыми, которые ихъ морочили. Такъ *старецъ Горы* (le Vieux de la Montagne) владыка *Ассасиновъ* или *хашишиновъ* морочилъ ихъ давая имъ пріемы хашиша [1]. Этотъ составъ, дѣйствуя возбудительно на спящихъ, представлялъ имъ въ сновидѣніяхъ самыя упоительныя, сладострастныя грезы. По пробужденіи ихъ, старецъ горы увѣрялъ ассасиновъ, что души ихъ странствовали въ седьмомъ небѣ пророка и наслаждались ласками гурій... Ему вѣрили. Точно также въ XV и въ XVI вѣкѣ мнимые колдуны и вѣдьмы, натираясь одуряющими мазями, грезили будто летаютъ на шабаши и бесѣдуютъ съ демонами, въ чемъ простодушно сознавались даже и не подъ пытками. Теперь, возвращаясь къ обычаю древнихъ: *поминать усопшихъ вареными бобами* и принимая во вниманіе слова Пиѳагора и Плинія, что „въ бобахъ скрываются души усопшихъ“ —мы не ошибемся, если скажемъ, что это повѣрье было основано на фактѣ чисто физіологическомъ. Въ южномъ климатѣ сумчатыя овощи вообще пучатъ желудокъ, болѣе нежели въ сѣверномъ и производятъ (особенно въ спящемъ) волненіе въ крови. Родные и друзья покойника, отвѣдавъ вредной пищи и подъ вліяніемъ мыслей объ усопшемъ, засыпавшіе на его могилѣ, весьма естественно могли видѣть его во снѣ, такъ какъ сонная греза большею частію была тревожная, страшная. По этой самой причинѣ Пиѳагоръ совѣтовалъ ученикамъ воздерживаться отъ употребленія бобовъ въ пищу; а бобы, именно были посвящены усопшимъ. Въ память покойниковъ, на гробницахъ ихъ зажигали лампады и за поддержкою огня наблюдали нарочно для того приставленые рабы. Подобныя лампады (*лучерны*) сохраняются до нынѣ во многихъ музеумахъ; онѣ видны и въ нашемъ Императорскомъ Эрмитажѣ.

[1] Тѣсто, составленное изъ опіума и сока конопли, большинству читателей извѣстное, благодаря роману Александра Дюма: Графъ Монте-Кристо.

Ларвы или *Лемуры* (души злыхъ), по повѣрью древнихъ, въ ночную пору блуждали около могилъ или преслѣдовали своихъ непріятелей, завлекая ихъ въ опасныя мѣста. Поводомъ къ этому повѣрью послужили *блудящіе огни*, появляющіеся на кладбищахъ или болотистыхъ мѣстахъ. *Лемура*, на древнемъ этрусскомъ нарѣчіи, означала душу, отдѣленную отъ тѣла. Такъ душа Рема не вѣдала покоя до тѣхъ поръ, покуда его братъ и убійца Ромулъ, не учредилъ въ его память праздника *Ремурій* или *Лемурій* (съ 9 по 13 мая), во время котораго храмы были закрыты и брачныя торжества воспрещены. Въ эти праздники отцы семействъ, вставая въ глухую полночь босые, обязаны были идти куда нибудь въ уединенное мѣсто и слегка щелкать пальцами для отогнанія Лемуровъ... Обычай принятый отъ индусовъ (см. т. I, гл. VII, стр. 58). Дойдя до ручья, они трижды умывали руки, потомъ удаляясь, бросали черезъ спину зерна черныхъ бобовъ не оглядываясь и произнося девять разъ шепотомъ: „откупаюсь этими бобами я самъ и мое семейство!“ Въ заключеніе ударяли въ мѣдный сосудъ съ крикомъ: „Лемуры, уйдите!“ зажигали лампады.

Мы упоминали выше о пяти адскихъ рѣкахъ; здѣсь поговоримъ о нихъ подробнѣе.

1) *Ахеронъ* сынъ солнца и земли, когда-то протекалъ по владѣніямъ своей матери и былъ прекраснѣйшею рѣкою. За то, что титаны пили его воды, Юпитеръ превратилъ ихъ въ грязь и изгналъ Ахерона съ лица земли въ преисподнюю. Греки называли Ахерономъ одну изъ рѣкъ Эпира, а римляне—рѣку Брунціумъ въ Кампаніи. Ахерона изображали въ видѣ старика съ урною въ рукахъ и съ совою у подножія. Черезъ эту самую рѣку души усопшихъ перевозилъ *Харонъ*, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Харонъ былъ сыномъ Эреба и Ноги и исправлялъ должность перевозчика, получая за это съ каждой души по *оболу* (мѣдная монета цѣнностью около $^1/_4$ коп. сереб.). Для этого древніе при погребеніи усопшихъ клали имъ въ ротъ эту монету, называвшуюся: *данакеемъ*, *навлïемъ*, *полушкой* Харона. Душа покойника, похороненнаго безъ этой монетки, сто лѣтъ блуждала по берегамъ Ахерона, не попадая въ яликъ непреклоннаго старика, строго со-

блюдавшаго установленную таксу. Онъ безплатно перевозилъ только тѣхъ, которые показывали ему золотую вѣтку сивиллы, съ помощію которой и живые могли проникать въ обитель мертвыхъ. Что же такое, эта вѣтка сивиллы? Ничто иное какъ даръ прозорливости, способность проникать будущее, или, такъ сказать способность *заглядывать* въ вѣчность.

2) ***Коцитъ***, сынъ Плутона и Менты — журчалъ стенаніями, воплями, рыданьями и текъ слезами; воды его были вкусомъ похожи на морскую воду, т. е. были горько-соленыя... Грубую ошибку сдѣлали древніе, назвавъ Коцитъ рѣкою слезъ; не правильнѣе ли было бы назвать и весь океанъ этимъ именемъ? Слезъ страданья проливаемыхъ человѣчествомъ хватило бы и на весь океанъ на цѣлую вѣчность.

3) ***Флегетонъ*** или ***Пирифлигетонъ***, огненная рѣка, протекавшая въ обратную сторону отъ Коцита и впадавшая въ Ахеронъ. Въ ея волнахъ утопали души грѣшниковъ; по берегамъ не росло ни былинки.

4) ***Лета, Леѳея*** (рѣка іелея, рѣка забвенія) въ которой души усопшихъ омывались, чтобы забывать земныя страданія; рѣка, исцѣлявшая язвы души, какъ цѣлебный іелей исцѣляетъ язвы тѣла. Ея воду употребляли наружно и внутрь. Древніе не объясняли *чѣмъ* пьютъ души и какимъ образомъ въ нихъ совершается процесъ пищеваренія. Новѣйшіе спириты рѣшили, что души усопшихъ на томъ свѣтѣ питаются *звуками*... надобно полагать, что оно такъ; жаль, что господа столовращатели не говорятъ чѣмъ лечатся *души* отъ засоренія желудка, если въ числѣ этихъ звуковъ въ нихъ попадутъ произведенія кого нибудь изъ новѣйшихъ композиторовъ и кто имъ болѣе по вкусу: Вагнеръ или Оффенбахъ? Струи Леты, отнимая у покойниковъ память, обладали свойствомъ превращать ихъ въ души безсловесныхъ животныхъ, въ тѣла которыхъ онѣ поперемѣнно вселялись въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ, а потомъ снова возвращались на землю въ тѣлахъ человѣческихъ. Это ученіе объ индійской *метампсихозѣ* проповѣдывали грекамъ Орфей, Гомеръ и Пиѳагоръ. Кромѣ того, древніе вѣровали будто очищенная и просвѣтленная душа съ земли

переселялась на какую нибудь планету.... И эту старую сказку разсказываютъ наши современные спириты.

5) ***Стиксъ*** (правильнѣе: ***Стикса***) рѣка, которою клялись боги. За нарушеніе клятвы виновные подвергались изгнанію изъ предѣловъ Олимпа, лишенію правъ состоянія, дыханія, слова и жизни на девять лѣтъ. Стиксъ девять разъ обтекалъ адскіе предѣлы; воды его расплавляли сосудъ, въ который ихъ вливали. Въ сѣверной Аркадіи этимъ именемъ называли источникъ минеральной воды, одаренной ядовитыми свойствами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Церберъ.—Миносъ, Эакъ, Радамантъ.—Ночь.—Ея дѣти.—Смерть и Сонъ.—Обманъ.—Печаль.—Морфей.—Сновидѣнія.—Трудъ.—Старость.—Голодъ.—Чума.—Раздоръ.—Скорбь.—Душегубство.—Убійство.—Безначаліе.—Клевета.—Ложь.—Трауръ.—Забвеніе.—Мщеніе.—Немезида.—Парка.—Клото.—Лахезисъ или Лакезида.—Атропа.—Геката.—Фуріи.—Ихъ прозвища.—Эвмениды.—Алекто.—Мегера.—Тизифона.—Масса.—Эриннія.—Пандора.—Кересь.—Демоны и чудовища.—Данаиды.—Ихъ наказаніе.—Бочка Данаидъ.—Гипермнестра.—Праздникъ факеловъ.—Пелопсъ.—Его дѣти и позднѣйшіе потомки.—Ихъ имена.

Трехглавый ***Церберъ***, лютый, бѣшеный песъ былъ адскимъ привратникомъ. Вмѣсто шерсти тѣло его было покрыто змѣями, а пасти, вооруженныя острыми зубами, источали черный ядъ. Впуская души въ адскіе предѣлы, онъ лаялъ на тѣхъ изъ нихъ, которыя покушались возвратиться на бѣлый свѣтъ. Герои, нисходившіе въ адъ, задобривали Цербера, подавая ему медовыя лепешки съ макомъ. Меркурій пригрозилъ ему своимъ кадуцеемъ; Орфей усмирилъ звуками лиры, а Геркулесъ приструнивъ три морды Цербера вытащилъ его на поверхность земли.

Адскіе судьи: *Миносъ*, *Эакъ* и *Радамантъ* произносили приговоры надъ душами усопшихъ, приводимыми къ нимъ Меркуріемъ. Миносъ, при жизни бывшій царемъ критскимъ, прославился, какъ мудрый законодатель; Эакъ, прославился правосудіемъ на островѣ Европѣ; Радамантъ былъ просвѣтителемъ острововъ Кикладскихъ. Онъ ввелъ въ свои законы статьи о возмездномъ наказаніи, о присягѣ подсудимыхъ и запрещеніи при клятвахъ призывать имена боговъ.

Ночь супруга Эрева и мать многочисленнаго потомства, почиталась въ глубочайшей древности началомъ всѣхъ началъ. Ее изображали на черной колесницѣ, одѣтою въ черное покрывало усыпанное звѣздами; въ одной рукѣ она держало маковые цвѣты (эмблему сна) въ другой — полупотухшій факелъ. Изъ множества ея дѣтей, о которыхъ поговоримъ ниже, особенно замѣчательны двойни: черная дочь (Смерть) и бѣлая дочь (сонъ), которыхъ нерѣдко изображали на рукахъ ночи. Въ жертву ей приносили совъ и пѣтуховъ. Кромѣ того, у римлянъ былъ еще *Ноктурнъ*, богъ сумерекъ. Изъ многочисленныхъ дѣтей Ночи, назовемъ:

Смерть (Кере у Гезіода; Либитина у римлянъ), которую почитали въ Элидѣ и въ Спартѣ и воздавали особенныя почести въ Финикіи и въ Испаніи. Греки рѣдко произносили ея имя. Поэты выражались о ней, что у нея желѣзное сердце, мѣдная утроба, крылья черныя. Изображали ее въ видѣ женщины съ угрюмымъ, но благороднымъ лицемъ, или въ видѣ остова съ косою въ рукахъ. Эта эмблема смерти перешла и къ христіанскимъ народамъ. Ей были посвящены: дерево тисъ (Taxus baccata L) кипарисъ, ель; изъ птицъ—пѣтухъ. Помощниками ея называли *Обманъ*, *Печаль* и *Видунса*, отдѣлявшаго въ минуту кончины человѣка душу отъ тѣла. *Обманъ* или *Плутня* жила въ волнахъ Коцита, показывая на его поверхности только голову, но не туловище, которое, по словамъ миѳологовъ, было змѣиное. Весьма вѣрное олицетвореніе обмана; головою-человѣкъ, тѣломъ—змѣй.

Печаль (также забота или безпокойство) жила у воротъ ада и, что весьма странно, древніе называли ее братомъ *Момуса*, бога насмѣшки. Момусъ, котораго изображали съ маскою и гремушкою въ рукахъ, не щадилъ своими сарказмами ни боговъ, ни смертныхъ съ той разницею, что вторые были всегда обидчивѣе первыхъ.

Сонъ (*Бризо* на островѣ Делосѣ) изображали въ видѣ спящей женщины съ крыльями летучей мыши и окруженной снотворными растеньями. Главнымъ помощникомъ этой богини были: *Морфей*, богъ сновидѣній, котораго глубоко почитали древніе. Они называли его цѣлителемъ всѣхъ скорбей, возстановителемъ истощенныхъ силъ, утѣшителемъ въ печали. „Сонъ милѣе отца и матери,“ говоритъ наше русская пословица. Но ни одинъ изъ древнихъ поэтовъ не съумѣлъ такъ вѣрно охарактиризовать сонъ какъ Шекспиръ въ своемъ *Макбетѣ*: „Сонъ ежедневно хоронитъ наши радости и наше горе и на утро воскрешаетъ ихъ; сонъ, освѣжающая купель измученной души, цѣлебный іелей сердечныхъ ранъ и на пиру жизни самое лакомое блюдо!“ Морфея изображали въ видѣ толстаго, румянаго ребенка съ крыльями ночной бабочки, опутаннаго гирляндами изъ маку, ибо свойства этого растенія были извѣстны древнимъ съ не запамятныхъ временъ. Братьями Морфея были сны, именовавшіеся: *Фантазомъ* (принимавшимъ на себя видъ растеній и предметовъ неодушевленныхъ), *Икеломъ* и *Фобеторомъ* (страшныя сновидѣнія) и *Мнтісію* (сновидѣнія вѣщія и правдивыя). Эти помощники Морфея съ одинаковой охотою посѣщали чертоги богачей и лачуги бѣдняковъ.

Трудъ, котораго Виргилій называетъ жителемъ ада, изображали въ видѣ человѣка, удрученнаго усталостью, съ руками истерзанными до крови. Сестрою его называли *Старость*, а спутникомъ, или вѣрнѣе повелителемъ—*Голодъ*. Изъ прочихъ дѣточекъ Смерти назовемъ еще *Чуму* и *Раздоръ* (Дискордію) родительницу *Акте*, *Альгоса*, *Андроктазеи*, *Амфилогіи*, т. е. Несправедливости, Скорби, Душегубства и Спора. За ними слѣдовали: *Убійство* (Цэдесъ), *Безначаліе* (Анархія), *Клевета*, особенно яростно терзающая младенцевъ (невинность), *Ложь*, на деревянной ногѣ, *Трауръ* въ видѣ кипарисной вѣтви, *Забвеніе* и *Мщеніе* (Немезида). Послѣднюю чтили во многихъ областяхъ Греціи и Рима, гдѣ ее называли *святою*. Жилищемъ

Немезиды называли правое ухо человѣка, Нарциссъ называлъ ея символомъ. Впрочемъ о ней мы уже говорили въ предыдущихъ главахъ. Несравненно болѣе вниманія заслуживаютъ ***Парки***, дочери Юпитера и Ѳемиды, рукамъ которыхъ ввѣрена участь всѣхъ людей, животныхъ и растеній, за которыми они слѣдили отъ момента появленія ихъ на свѣтѣ и до смертной минуты. Древніе называли ихъ адскими пряхами по той причинѣ, что эти три сестры пряли и перестригали нити жизни человѣческой. ***Клото*** младшая держала въ рукахъ веретено, верхнимъ концомъ упиравшееся въ небо, нижнимъ въ адъ; веретено, на которомъ намотаны были разноцвѣтныя нитки, кой гдѣ перемѣшанныя съ золотой канителью. Клото была увѣнчана короною изъ семи звѣздъ и одѣяніе ея состояло изъ мантіи небесно-голубаго цвѣта. Она незримо присутствовала при появленіи младенца на свѣтъ и спускала съ веретена, ссучивая ихъ, нити его жизни—черныя и бѣлыя. ***Лахезисъ*** или ***Лахезида*** пропускала эти нити сквозь свои руки, т. е. невидимо сопутствовала человѣку на его жизненномъ пути. ***Атропа***, старшая изъ трехъ сестеръ, дряхлая старуха въ траурномъ одѣяніи, перестригала нити жизни, передаваемыя ей Лахезидою. Такимъ образомъ три сестры были олицетвореніями ***прошедшаго, настоящаго*** и ***будущаго.***

Геката, повелительница фурій и адскихъ чудовищъ, была никто иная какъ Діана, нисходившая въ адъ и измѣнявшая свой видъ. Древніе называли ее богинею чародѣевъ, которая при ихъ заклинаніяхъ выпускаетъ изъ адской области тѣни усопшихъ и всякихъ чудовищъ на поверхность земли.

Фуріи были олицетвореніями мученій загробныхъ. ***Евмениды*** — угрызеній совѣсти при жизни. Какъ тѣ, такъ и другія, по понятіямъ древнихъ, терзали сердца людей, изобрѣтая для нихъ самыя тяжкія истязанія. На алтарѣ Евменидъ клялись подсудимые, предстоявшіе предъ Ареопагомъ. Въ жертву имъ приносили черныхъ овецъ, голубей; шафранъ, нарцисы, ольху, шиповникъ, можжевельникъ и кипарисъ. Жрецовъ ихъ называли ***безихидами*** и праздники въ ихъ честь—***Евменидіями.***

Фурій главныхъ было три: ***Алекто*** (неугомимая), ***Мегера*** и ***Тизифона***; впослѣдствіи времени къ нимъ присоединили: ***Лиссу, Эриннію*** и ***Пандору***.

Алекто или Дѣва Коцита, вооруженная неугасимымъ факломъ и бичемъ изъ змѣй, была страшнѣйшею изъ всѣхъ фурій: неутомима при истязаніяхъ и неистощима на ихъ изобрѣтеніе. ***Мегера*** терзала души людей на ихъ смертномъ одрѣ и бичевала ихъ при появленіи въ Тартаръ. Мегерѣ былъ посвященъ храмъ на горѣ Киѳеронѣ, окруженный кипарисовой рощей. ***Тизифона*** наказывала душегубцевъ. ***Лисса*** была олицетвореніемъ ярости; ***Эриннія*** собирала голоса на судилищѣ грѣшниковъ; ***Пандора*** мучила одинаково яростно и живыхъ и мертвыхъ. ***Кересъ*** или вампиръ и при немъ цѣлый легіонъ демоновъ, питались кровью убитыхъ въ сраженіяхъ. Изъ остальныхъ фурій назовемъ: ***Эвриному, Фурину*** (нечаянную смерть) и ***Патаинею.***

Какъ видитъ читатель, миѳологическій адъ былъ весьма богато снабженъ всякаго рода мучителями и палачами, точно также какъ и орудіями истязаній въ видѣ кнутовъ, бичей, котловъ съ кипящей смолою, раскаленныхъ рѣшетокъ и т. п. Считаемъ лишнимъ распространяться объ этомъ предметѣ, такъ какъ ады всѣхъ языческихъ вѣрованій почти всѣ на одну стать и созданы воображеніемъ законодателей для устрашенія людей съ благою цѣлію удержать ихъ отъ преступленій. Тутъ къ слову можно было бы сказать такъ много, что уже лучше промолчать.

Изъ грѣшниковъ, приговоренныхъ въ языческомъ аду къ тягчайшимъ истязаніямъ, особенно замѣчательны дочери Даная—***Данаиды.*** Отецъ ихъ бѣжалъ изъ Египта въ Пелопонезъ и нашелъ себѣ пріютъ у аргосскаго царя ***Свенела***, который назначилъ Даная своимъ наслѣдникомъ. Братъ Даная ***Египтъ***, сватавшій своихъ пятьдесятъ сыновей за пятьдесятъ дочерей Даная, но получившій отказъ, пошелъ на него войною, требуя согласія съ оружіемъ въ рукахъ. Данай принужденъ былъ согласиться, но въ тоже время уговорилъ дочерей, чтобы онѣ убили мужей своихъ въ первую же ночь брака. Онѣ всѣ, за исключеніемъ ***Гипермнестры***, повиновались отцу. Гипермнестра спасла жизнь супругу своему ***Линкею***, наслѣдовавшему и престолъ послѣ Даная. Остальныя же его дочери, въ числѣ 49, умершія вскорѣ послѣ

убіенія своихъ мужей, были приговорены въ Тартарѣ наполнять бездонную бочку водою, которую должны были черпать разбитыми кувшинами. Отъ глубочайшей древности „бочкою Данаидъ“ называютъ предпріятіе, поглощающее безвозвратно трудъ и время; это выраженіе равносильно нашему: „толочь воду“.

Въ честь Гиперменестры аргійцы установили *праздникъ факеловъ* (Пирсонъ-Эорте) въ память факела, зажженнаго ею для подачи сигнала мужу своему, когда они оба, жена и мужъ, были внѣ опасности.

Сынъ Линкея *Пелопсъ* въ дѣтствѣ былъ зарѣзанъ своимъ отцемъ и въ видѣ жаркого или подъ соусомъ былъ поданъ на столъ богамъ, удостоившимъ этого нѣжнаго родителя своимъ посѣщеніемъ. Минерва даже скушала плечо бѣднаго царевича и тогда Юпитеръ, объявивъ богамъ о нечестіи Линкея, воскресилъ Пелопса, онъ принужденъ былъ замѣнить ему плечо другимъ, изъ слоновой кости. Пелопсъ, послѣ того поселился въ Элидѣ, при дворѣ царя *Эномаса*; женился на дочери его *Гипподаміи*, получивъ за нею въ приданое цѣлую область, названную *Пелопонезомъ*. Онъ установилъ въ честь Юпитера олимпійскія игры и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, стяжавъ громкую славу какъ мудрый и могучій царь. Памяти его посвятили алтарь, на которомъ приносили въ жертву черныхъ овецъ. Сыновьями Пелопса были: отъ Гипподаміи: *Атрей*, *Θіэстъ*, *Гиппалхъ* и *Плисѳенъ*; отъ Астіохеи: *Хризиппъ*; отъ другихъ безъименныхъ женъ *Треzенъ* и *Циѳей*.

Плисѳенъ умеръ въ юныхъ годахъ, оставивъ по себѣ двухъ героевъ: *Агамемнона* и *Менелая*, назначивъ ихъ опекуномъ брата своего *Атрея*. Нѣжность послѣдняго къ питомцамъ была такъ сильна, что имъ, какъ бы по отчеству, дали прозвище *Атридовъ*.

Ненависть *Θіэста* и *Атрея* была для древнихъ трагиковъ неистощимымъ сюжетомъ для ихъ произведеній. Когда Атрей взошелъ на престолъ, Θіэстъ овладѣлъ золотымъ руномъ, сохранявшимся въ семействѣ Пелопидовъ; обольстилъ жену Атрея *Эропу*, родившую отъ него *Тантала*. Но Атрей, отнявъ у Θіэста похищенное, присудилъ его удалиться въ Аргосъ. Во время изгнанія своего Θіэстъ изнасиловалъ дочь свою *Пелопею*, потомъ женился на ней. Послѣ этого братья примирились и отпраздновали возвращеніе Θіэста мясомъ его роднаго сына и напоилъ брата кровью его же дѣтища. Тогда Θіэстъ бѣжалъ вторично и воспиталъ другаго своего сына *Эгиста*, завѣщая ему непримиримую ненависть къ Атрею и всему его роду и племени. Съ этой цѣлію онъ прислалъ его ко двору брата, скрывъ отъ обоихъ происхожденіе Эгиста. Атрей полюбилъ племянника и когда Θіэстъ былъ взятъ въ плѣнъ, то поручилъ Эгисту убить его. Вмѣсто этого Эгистъ убилъ дядю и посадилъ отца своего на престолъ, съ котораго его свергли Агамемнонъ и Менелай.

Въ миѳологіи упоминается о мечѣ Θіэста, по которому Пелопея признали въ Θіэстѣ своего отца и умертвила себя. Это сказаніе—нелѣпая передѣлка исторіи Эдипа и Іокасты—на оборотъ и не заслуживаетъ вниманія. Эгистъ примирился съ Агамемнономъ, который, отправляясь въ троянскій походъ, поручилъ ему управленіе царствомъ, свою жену *Клитемнестру* и все свое семейство. Эгистъ обольстилъ ее, уговорилъ убить Агамемнона; воцарился имѣсто его, но и самъ вмѣстѣ съ Клитемнестрою былъ убитъ *Орестомъ*, сыномъ Агамемнона, спасеннымъ сестрою своею *Электрою*. Этимъ событіямъ предшествовала знаменитая война троянская, послужившая сюжетомъ безсмертной *Иліады*, къ разсказу о которой теперь мы и переходимъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Причины троянской войны. — Ненависть Пріама. — Похищеніе Елены Парисомъ. — Съѣздъ царей. — Ополченіе грековъ. — Составъ ополченія троянскаго. — Авлида. — Предзнаменованія. — Жертвоприношеніе Агамемнона. — Ифигенія. — Отплытіе грековъ. — Самопожертвованія Протезилая и Цигна. — Подвиги героевъ въ теченіе девяти лѣтъ осады. — Условія для взятія Трои. — Потомокъ Эака. — Стрѣлы Геркулеса. — Палладіумъ. — Законъ Діомида. — Кони Реза. — Смерть Троила. — Исцѣленіе Телефа. — Вражда Ахиллеса и Агамемнона. — Убіеніе Патрокла. — Месть Ахиллеса. — Деревянный конь. — Паденіе Трои.

Историческое событіе, послужившее Гомеру темою для его ***Иліады*** и ***Одиссеи***, а ***Виргилію*** для ***Энеиды***, можетъ быть передано въ немногихъ словахъ. Греческіе цари и подвластные имъ удѣльные князья, подъ предлогомъ отмщенія ***Парису***, сыну Пріама, царя троянскаго, за похищеніе Елены, ополчились противъ него и послѣ десятилѣтней, упорной войны разорили царство, оставивъ послѣ него одни воспоминанія и развалины. Это событіе относятъ къ 1185—1175 г. до Р. Х.

Древніе, благоговѣя къ памяти предковъ, почти каждому герою, принимавшему участіе въ походѣ троянскомъ, приписали божественное происхожденіе. Гомеръ, воспѣвая подвиги грековъ, причислилъ и самыхъ боговъ и богинь къ соучастникамъ этой войны... Такъ, на основаніи историческаго факта возникла эпопея, наполненная вымыслами и поэтическими прикрасами, составившими драгоцѣнную примѣсь къ лигатурѣ истины. Виргилій, приписывая всѣ историческія событія вмѣшательству боговъ (per Deorum ambages), говоритъ, будто Юнона, оскорбленная предпочтеніемъ, оказаннымъ Венерѣ Парисомъ, при присужденіи ей роковаго яблока (см. гл. XV, стр. 127), возбудила противъ Трои гнѣвъ боговъ, бывшій главною причиною гибели этого царства [1]).

Венера способствовала Парису при похищеніи имъ Елены и тогда весь Олимпъ раздѣлился на двѣ партіи, отстаивавшія — первая грековъ, вторая троянцевъ. Оставимъ, на время, сказки и побасенки въ сторонѣ и разсмотримъ въ чемъ заключались истинныя причины вражды Греціи и Трои.

Съ незапамятныхъ временъ жители малой Азіи производили грабежи по берегамъ Греціи. Въ свою очередь и жители Греціи, не желая оставаться передъ грабителями въ долгу, производили грабежи по берегамъ малой Азіи. Танталъ, прадѣдъ Агамемнона, похитилъ Ганимеда, прадѣда Пріама. Изъ-за этого была продолжительная война между Греціей и Троею. Послѣ того Геркулесъ похитилъ ***Гезіону***, сестру Пріама, и ненависть двухъ народовъ, вмѣсто того, чтобы утихнуть, съ годами ожесточилась. Съ тайною мыслію отомстить грекамъ, Пріамъ послалъ сына своего Париса въ Грецію, будто бы за полученіемъ наслѣдства послѣ Гезіоны, въ сущности же для изысканія способовъ къ отмщенію. Парисъ, радушно принятый ***Менелаемъ***, пользуясь его отсутствіемъ, обольстилъ супругу его ***Елену*** и похитилъ ее. Не приступая къ военнымъ дѣйствіямъ, греки отправили къ Пріаму посольство, требовавшее возвращенія Елены; но всѣ усилія пословъ были безуспѣшны. Пріамъ отвѣчалъ напоминаніемъ о похищеніи Ганимеда и Гезіоны. Тогда цари греческіе съѣхались на конгрессъ въ Аргосъ, принадлежавшій брату Менелая, могучему царю ***Агамемнону***. На этомъ съѣздѣ царей рѣшено было ополчиться и идти войною на царя троянскаго. Для перевозки войскъ на малоазіатскій берегъ собрано было, по словамъ Гомера, до 1,070 галеръ; по свидѣтельству Павзанія до 1,200. ***Агамемнонъ*** единогласно былъ избранъ въ главнокомандующіе. ***Менелай*** предводительствовалъ спартанцами; ***Несторъ*** — мессенійцами; ***Поликсенъ*** и ***Амфимахъ*** — элейцами; ***Діомидъ***, ***Сѳенелій*** и ***Эвріалъ*** — аргійцами; ***Мнесиѳей*** — аѳинянами; ***Аяксъ***, сынъ

---

[1]) . . . . . Verum inclementia Divum
Has evertit opes, sternitque a culmine Trojam.
Aeneid. Lib. 2.

Теламона—локрійцами и саламинцами; *Схедій* и *Эпистрофъ*—фокейцами. За ними слѣдовали: *Θоасъ* съ этолійцами, *Мегесъ* съ дулихійцами; *Улиссъ* съ воинами Атики и Кефалоніи. Беотійцами предводительствовали пять вождей: *Алегеноръ*, *Гиппаламъ*, *Леитъ*, *Промахъ* и *Θерсандръ*. Вождями воиновъ Іолхоса и Фереса былъ *Эвмелій;* Иθима и Экаліи *Подалиръ* и *Махаонъ;* минейцевъ *Аскалафъ* и *Ялменъ*. *Аяксъ*, сынъ Оилеевъ предводительствовалъ локрійцами; *Алфеноръ* — эвбейцами. Θессалійцы повиновались десяти начальникамъ: *Ахиллесу*, *Протезилаю*, *Филоктету*, *Эпигею*, *Патроклу*, *Пирру* и другимъ, менѣе знаменитымъ. *Идоменей* и *Меріонъ* начальствовали надъ критянами; *Тлеполемъ* былъ вождемъ воиновъ Родоса; наконецъ *Фидиппъ* и *Антипъ* начальствовали надъ воинами Коса и другихъ острововъ. Изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей греческой эскадры назовемъ: *Кикна*, *Экея*, *Эвмелія*, *Леонтея*, *Полипета*, *Протооса* и *Θалпа*. Изъ прочихъ участниковъ троянскаго похода особенно замѣчательны: *Амфіонъ*, *Калхасъ* — волхвъ и верховный жрецъ греческой арміи; *Ахамасъ* и *Демофонъ* сыновья Федры и Тезея; *Орестъ;* *Фениксъ* дряхлый слѣпецъ, наставникъ Ахиллеса; *Синонъ*—искусный лазутчикъ; *Стенторъ* прославившійся своимъ громовымъ голосомъ; *Тевкеръ* и *Θерситъ* — трусъ и скоморохъ, прототипъ шекспировскаго „Фальстафа“. Численность греческихъ войскъ простиралась до 75,000 человѣкъ, изъ которыхъ каждый по отвагѣ и мужеству могъ постоять противъ десяти троянцевъ.

Посмотримъ теперь составъ троянской арміи.

Главнокомандующимъ былъ *Пріамъ* царь Иліона или Трои. Сыновья его: *Агавъ* (свѣтозарный); *Антифонъ*, *Ароэмахъ*, *Аретъ*, *Аристодемъ*, *Антиной*, *Астиномъ*, *Аксіонъ*, *Віантъ*, *Віатъ*, *Брисоній*, *Буколіонъ*, *Кабріонъ*, *Хаонъ*, *Хорсидамасъ*, *Хризолай*, *Клоній*, *Дафнисъ*, *Дейопетъ*, *Деифобъ*, *Демокоонъ*, *Дій*, *Долонъ*, *Дориксъ*, *Эхемонъ*, *Эхепронъ*, *Эзакъ*, *Эвагоръ*, *Горгифіонъ*, *Гекторъ*, *Геленъ*, *Гипазій*, *Гипподамасъ*, *Гиппоθей*, *Гиппотрохъ*, *Гиперіонъ*, *Идоменей*, *Идей*, *Ифатъ*, *Изъ*, *Лаодокій*, *Ликаонъ*, *Ликъ*, *Меланиппъ*,

Месторъ, *Паммонъ*, *Парисъ*, *Филемонъ*, *Политъ*, *Полемонъ*, *Полидоръ*, *Троилъ*. Изъ нихъ отъ руки Ахиллеса погибли: Аретъ и Гекторъ; но и троянскіе царевичи умертвили не мало воиновъ греческихъ. На долю Гектора выпала едва ли не наибольшая часть. Имъ изъ воеводъ греческихъ были убиты: Амфимахій, Анхолій, Ассей, Керанъ, Клитоней, Долопсъ, Эпигей, Эпистрофій, Гиппоноосъ, Ликафронъ, Менесеей, Эномасъ, Офельтъ, Орестъ, Патроклъ, Перифемъ, Протезилай, Скедій и Тевoратъ. Изъ сподвижниковъ Пріама достойны упоминанія—*убитые Аяксами*, *Оилидомъ* и *Теламонидомъ*: Акамасъ, Амфій, Анеенонъ, Калеторъ, Клеовулъ, Гиппоθой, Гиртій, Лоодамасъ, Лизандръ, Форкитъ, Сатній и Симоисъ. *Убитые Ахиллесомъ*: Астероней, Віеноръ, Хилконъ, Дардамасъ, Демалеонъ, Делаукъ, Эхеклъ, Ифтіонъ, Лаогоній, Мнезій, Мидонъ, Пенеезилія, царица амазонокъ; Пилахантъ, Пилей и Θерсилохій. *Убитые Агамемнономъ:* Віаноръ, Коонъ, Делкоонъ, Элатъ, Гипполокій, Ифидамасъ, Одій, Пизандръ. *Убитые Менелаемъ:* Адрастъ, Далопсъ, Эвфорбій, Гипереноръ, Пизандръ, Падесъ и Пилеменъ. *Убитые Улиссомъ*: Алкандръ, Акторъ, Керонъ, Хромій, Долонъ, Гипподамъ, Ноэнонъ, Орсилохій, Пидитъ, Питаннтъ и Θоонъ. Не менѣе того было убито троянскихъ витязей: Несторомъ, Патрокломъ, Тевкеромъ, Діомидомъ и др. Изъ остальныхъ заслуживаютъ вниманія: *Амфотерій*, убійца Патрокла; измѣнникъ *Антеноръ;* упрямый *Антимахъ*, отказавшій грекамъ выдать Елену; лазутчикъ *Долонъ*, *Эней*, жрецъ *Лаокоонъ;* *Резъ*, *Полидамасъ*, *Θиметъ* и *Ксанеъ*.

Сборнымъ пунктомъ для ополченій греческихъ назначенъ былъ приморскій городъ Авлида, въ которомъ они долго и тщетно дожидались попутнаго вѣтра. Калхасъ, основываясь на двухъ предзнаменованіяхъ, предрѣкалъ походъ продолжительный. Во первыхъ онъ видѣлъ, какъ на дерево всползла змѣя и, пожравъ девять птенцовъ въ гнѣздѣ, пожрала послѣ того ихъ мать. О второмъ предзнаменованіи Калхаса говоритъ Эсхилъ въ своей трагедіи Агамемнонъ. Два орла напали на брюхатую зайчиху, растерзали ее и исклевали вмѣстѣ съ ея утробными зайчатами. Затишье продолжало задерживать грековъ въ Авлидѣ и тогда Калхасъ объ-

явилъ имъ, что Діана, гнѣваясь на Агамемнона за нечаянное убіеніе ея лани, до тѣхъ поръ не подастъ его войскамъ попутнаго вѣтра, покуда ей не будетъ принесена въ жертву дѣвственница царской крови. Агамемнонъ рѣшился пожертвовать своею дочерью *Ифигеніей*, которую *Улиссъ* вызвался, подъ благовиднымъ предлогомъ, исторгнуть изъ объятій ея матери *Клитемнестры*. Все было приготовлено къ жертвоприношенію; но Діана, тронутая покорностью царя, замѣнила Ифигенію молодой ланью или кобылицею, а ее перенесла въ Тавриду, назначивъ ее тамъ своею верховною жрицею. Гомеръ не упоминаетъ о принесеніи въ жертву дочери Агамемнона. Въ Иліадѣ сказано, что въ послѣдній годъ осады Трои Агамемнонъ предлагалъ руку дочери своей Ифіаниссы (Ифигеніи) Ахиллесу. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ въ біографическомъ очеркѣ Ифигеніи мы поговоримъ о ней подробнѣе; здѣсь же замѣтимъ только, что эпизодъ о принесеніи ея въ жертву былъ очевидно заимствованъ греками изъ библейскихъ сказаній *о дочери Іевфая* и былъ приплетенъ къ жизнеописанію Агамемнона въ позднѣйшія времена. Самое имя: *Ифигенія* имѣетъ сходство съ именемъ Іевфая, Ифія, Ифея.

Умилостивленная Діана ниспослала грекамъ попутный вѣтеръ, пользуясь которымъ они отплыли изъ Авлиды и благополучно достигли мыса Сигея. При высадкѣ на малоазіатскій берегъ произошелъ ожесточенный бой съ троянцами. *Протезилай*, зная о пророчествѣ оракула, что первый грекъ ступившій на берегъ Иліона будетъ убитъ, рѣшился пожертвовать собой. Со стороны троянцевъ то же самопожертвованіе оказалъ *Цигнъ*, послѣ смерти превращенный Нептуномъ въ лебедя (Ovid. Metam. lib 12). За первою битвою слѣдовалъ продолжительный перерывъ. Греки занялись осадными работами; троянцы—укрѣпленіями города. Одни не отваживались на приступъ, другія на вылазку. Девять лѣтъ были потрачены греками на завоеваніе сосѣднихъ городовъ и областей союзниковъ Пріама. По этой причинѣ силы ихъ были раздроблены и, при недостаточномъ продовольствіи, они не могли отважиться на приступъ. Лирнесса, родина Бризеиды, Педозія, Зелея, Абрастея, Пиѳія, Горкотея, Арисвея, Абидосъ, Хритея и Килла были покорены *Ахиллесомъ*. *Аяксъ* опустошилъ Ѳракію; прочіе герои покорили царство Цигна и обложили жителей податью изъ съѣстныхъ припасовъ. Добычу дѣлили въ укрѣпленномъ лагерѣ, расположенномъ на берегу моря у мыса Сигея. Корабли, вытащенные на берегъ, были окружены надежными окопами. Дѣлежъ производилъ Агамемнонъ, удерживая себѣ всегда лучшую долю. Въ теченіе девяти лѣтъ между греками и троянцами произошло нѣсколько стычекъ, были случаи угона стадъ, захвата плѣнниковъ, но вообще говоря, девять лѣтъ осады не были ознаменованы никакими особенными подвигами, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Настоящая война началась на десятый годъ и именно этому достопамятному году посвящены безсмертныя пѣснопѣнія Гомера:

„Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!
„Грозный, который Ахеянамъ тысячи бѣдствій содѣлалъ! [1])

Такъ начинаетъ Гомеръ свою поэму, описывая вражду Ахилеса и Агамемнона, однако же онъ упоминаетъ и о битвахъ прежнихъ годовъ и третью пѣснь начинаетъ разсказомъ объ Еленѣ, вышивающей по полотну битвы ея соотечественниковъ съ троянцами. Въ шестой пѣснѣ, *Андромаха*, супруга Гектора, говоритъ ему о трехъ безуспѣшныхъ приступахъ грековъ къ стѣнамъ троянскимъ. *Эней* говоритъ *Ликаону* (Иліада пѣснь 20) о нападеніи Ахиллеса на троянскія стада, при которомъ ему помогала сама Минерва. О подвигахъ Ахиллеса, предшествовавшихъ взятію Трои, упоминается и въ первой пѣснѣ:

„Многія души могучія славныхъ героевъ низринулъ
„Въ мрачный Аидъ и самихъ распростеръ ихъ въ корысть плотояднымъ....
„Птицамъ окрестнымъ и псамъ.

Если въ теченіе девяти лѣтъ, греки не совершили ни одного рѣшительнаго дѣла, тому причиною были предсказанія о неприступности Трои; предсказанія, придававшія смѣлости троянцамъ и отнимавшія бодрость у грековъ. Чтобы овладѣть Троею, необходимо было осаждавшимъ соблюсти нѣсколько условій. *Во пер-*

[1]) Иліада, переводъ Гнѣдича пѣснь I.

выхъ, городъ не могъ быть взятъ безъ содѣйствія потомковъ Эака —помощника Аполлона и Нептуна при строеніи ими городскихъ стѣнъ Иліона. Вотъ почему Улиссъ употребилъ всѣ средства, чтобы уговорить Ахиллеса принять участіе въ походѣ троянскомъ. *Во вторыхъ*, для овладѣнія городомъ необходимо было обладать стрѣлами Геркулеса; онѣ находились въ рукахъ Филоктета, покинутаго греками на островѣ Лемносѣ. Тотъ же Улиссъ выполнилъ возложенное на него въ этомъ случаѣ порученіе и уговорилъ Филоктета принять участіе въ осадѣ Трои. *Въ третьихъ*, Троею невозможно было овладѣть, не овладѣвъ палладіумомъ, сохраняемомъ въ храмѣ Минервы. Мы уже говорили, что этимъ именемъ называли статую богини, выточенную будто изъ костей Пелопса или упавшую съ неба. Если статуя Минервы была дѣйствительно выточена изъ костей Пелопса, въ такомъ случаѣ понятна сказка, о томъ будто-бы богиня скушала плечо Пелопса, когда этотъ царевичъ былъ приготовленъ подъ соусомъ и поданъ на столъ богамъ, его отцемъ Ликаономъ. Аполлодоръ (III книга) говоритъ, что эта статуя Минервы была ничто иное какъ автоматъ, выражавшій движеніями гнѣвъ или удовольствіе. Когда Діомидъ и Улиссъ, прокравшись въ Троянскую цитадель, овладѣли кумиромъ Минервы и принесли его въ лагерь, онъ трижды приподнимался на значительную высоту отъ земли, сверкалъ глазами и источалъ изъ всего тѣла соленый потъ (Энеида, кн. 2). Кононъ въ 14 разсказѣ говоритъ, будто палладіумъ былъ похищенъ Діомидомъ, которому Улиссъ только помогъ влѣзть на стѣны Иліона. Желая присвоить себѣ честь этого похищенія, Улиссъ, слѣдовавшій за Діомидомъ, извлекъ мечь, чтобы умертвить его, но Діомидъ отклонивъ ударъ, принудилъ Улиса идти впередъ. Въ воспоминаніе этого событія у грековъ существовала поговорка; „законъ Діомида,“ который примѣняли къ тѣмъ случаямъ, когда человѣкъ по неволѣ повиновался другому. *Въ четвертыхъ*, чтобы отклонить взятіе Трои, слѣдовало допустить коней Реза пить воду изъ рѣки Ксанеа и пастись на поляхъ Симоиса. Греки умертвили Реза, напавъ на него ночью въ расплохъ и увели его коней. *Въ пятыхъ*, для овладѣнія Троею необходимо было убить Троила, младшаго сына Пріама, и разрушить гробницу Лаомедона. Троянцы разрушили сами, чтобы впустить въ городъ деревяннаго коня, о которомъ ниже мы поговоримъ подробно. Наконецъ—*въ шестыхъ*—въ рядахъ греческихъ долженъ былъ находиться Телефъ, сынъ Геркулеса и Авгеи, зять и союзникъ Пріама. Въ одной изъ стычекъ онъ былъ раненъ Ахиллесомъ. Рана его разболѣлась и когда онъ вопросилъ оракула о томъ, чѣмъ ему исцѣлиться, оракулъ отвѣчалъ, что его можетъ уврачевать та рука, которая его ранила. Улиссъ истолковалъ эти слова по своему, понилъ слово „рука“ въ смыслѣ слова „стрѣла“ и изъ ржавчины ея наконечника составилъ пластырь, который послалъ Телефу. Исцѣленный этимъ средствомъ Телефъ передался грекамъ.

Такимъ образомъ всѣ условія, сопряженныя съ гибелью Трои, были соблюдены греками и участь царства Пріама была рѣшена.

Иліада начинается описаніемъ гнѣва Ахиллеса на Агамемнона и ихъ обоюдной вражды. Виновницею ея была *Хризеида*, дочь верховнаго жреца *Хриза*, взятая въ плѣнъ, которую Агамемнонъ сдѣлалъ своею наложницею. Старикъ отецъ тщетно умолялъ царя царей возвратить ему Хризеиду. За это оскорбленіе, нанесенное его верховному жрецу, Аполлонъ послалъ на греческій станъ моровое повѣтріе. Калхасъ, спрошенный Агамемномомъ о средствахъ къ превращенію бѣдствія, совѣтывалъ ему возвратить Хризеиду отцу; на этомъ Ахиллесъ особенно настаивалъ. Агамемнонъ послѣдовалъ совѣту Калхаса, но, желая отомстить Ахиллесу за его строптивость, похитилъ у него *Бризеиду*, рабыню, въ которую тотъ былъ страстно влюбленъ. Тогда взбѣшенный Ахиллесъ отказался отъ соучастія въ войнѣ и около года провелъ въ своемъ шатрѣ въ совершенномъ бездѣйствіи. Въ это время *Гекторъ*, *Эней*, *Деифобъ*, *Мемнонъ* и другіе вожди троянскіе дѣлали частыя вылазки и безпокоили грековъ въ ихъ лагерѣ. Другъ Ахиллеса *Патроклъ*, желая устрашить непріятелей, попросилъ у Ахиллеса позволенія одѣться въ его доспѣхи. Принявъ Патрокла за Ахиллеса, троянцы при первой же вылазкѣ обратились въ бѣгство, но Гекторъ, сразясь съ Патрокломъ, убилъ его и, снявъ съ него доспѣхи Ахиллеса, унесъ ихъ въ Трою какъ побѣдный трофей. Тогда Ахиллесъ, какъ разъяренный левъ, выбѣжалъ изъ своего шатра; напалъ на троянцевъ, произведя въ ихъ рядахъ

жестокое опустошеніе. Чего не могли сдѣлать съ героемъ ни мольбы, ни увѣщанія его ратныхъ товарищей, то совершила съ нимъ смерть Патрокла. Его появленіе одушевило грековъ, а у троянцевъ отняло прежнее ихъ мужество. Онъ убилъ Гектора и, привязавъ его трупъ къ своей колесницѣ, волочилъ его за собою въ виду троянскихъ стѣнъ. Не довольствуясь этимъ поруганіемъ надъ врагомъ, Ахиллесъ надъ могилою Патрокла зарѣзалъ двѣнадцать плѣнныхъ юношей троянскихъ... Насытивъ свою ярость, Ахиллесъ однако же выдалъ Пріаму трупъ Гектора для погребенія, взявъ впрочемъ съ престарѣлаго царя громадный выкупъ. Благодаря измѣнѣ ***Антенора*** и ***Энея*** греки овладѣли Троею и предали этотъ несчастный городъ огню и мечу. Антеноръ далъ имъ совѣтъ предложить миръ троянцамъ и пожертвовать храму Минервы огромнаго деревяннаго коня. Во внутренность этой статуи скрылись вооруженные воины и когда для впуска коня сами троянцы пробили городскую стѣну, то греки, скрывавшіеся въ конѣ, выскочили изъ внутренности и, не давая времени врагамъ, чтобы опомниться, подали сигналъ своимъ товарищамъ къ вторженію въ городъ.

Семейство Пріама, онъ самъ, жена его ***Гекуба*** погибли подъ мечами грековъ, превратившихъ нѣкогда цвѣтущій городъ въ груды развалинъ, залитыхъ кровью. Вотъ подлинный, правдивый разсказъ о разореніи Трои; посмотримъ теперь, какъ онъ былъ прикрашенъ поэтами и миѳологами. Для этого необходимо разсказать читателю біографію каждаго героя Иліады взятаго отдѣльно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Семейство Агамемнона.—Его наложницы.—Убіеніе Агамемнона.—Орестъ и Пиладъ.—Скитанія Ореста.—Ифигенія.—Электра.—Менелай.—Елена.—Ея сожительство съ Парисомъ.—Ахиллесъ.—Первыя шпоры.—Воспитаніе Ахиллеса.—Бризеида.—Распря съ Агамемнономъ.—Борьба съ рѣкою Ксанѳомъ.—Убіеніе Гектора.—Поликсена.—Убіеніе Ахиллеса.—Его потомки.—Пиррь.—Его злодѣйства.

Агамемнонъ, старшій сынъ Атрея, былъ женатъ на ***Клитемнестрѣ***, дочери Тиндара и Леды; ***Менелай***, младшій его братъ—на знаменитой ***Еленѣ***, рожденной Ледою отъ Юпитера. Такимъ образомъ эти братья были вмѣстѣ съ тѣмъ и свояками... Мы говорили выше (глава XXIX), что Агамемнонъ, простивъ Эгисту убіеніе Атрея, предъ отбытіемъ своимъ въ троянскій походъ, поручилъ этому злодѣю свой домъ, жену и все семейство. Кромѣ Эгиста при Клитемнестрѣ, въ видѣ попечителя, оставленъ былъ другъ царя, престарѣлый пѣвецъ ***Фемій***. Семейство Агамемнона состояло изъ двухъ сыновей: ***Галеза***, ***Ореста*** и четырехъ дочерей: ***Ифигеніи***, ***Электры***, ***Хризоѳемиды*** и ***Лаодикеи***.

Готовность Агамемнона пожертвовать Ифигеніею въ Авлидѣ заронила въ сердце Клитемнестры зародышъ непримиримой къ нему ненависти. Въ бытность свою въ походѣ троянскомъ, царь въ одинаковой степени прославился подвигами, грабежами, алчностью и сластолюбіемъ. Похитивъ ***Хризеиду***, но потомъ, возвративъ ее ***Хризу***, ея отцу, Агамемнонъ отнялъ ***Бризеиду*** у Ахиллеса. Когда греки овладѣли Троею, онъ взялъ себѣ въ наложницы ***Кассандру***, дочь Пріама, отъ которой имѣлъ сыновей двойней. Съ новымъ семействомъ, отягощенный добычею, онъ возвратился въ Аргосъ, гдѣ его встрѣтила нерадостная вѣсть о связи Клитемнестры съ Эгистомъ. Въ отвѣтъ на упреки мужа, эта старая развратница отвѣчала ласками и слезами. Уличить ее въ измѣнѣ

было некому, такъ какъ вѣрный Феній былъ убитъ Эгистомъ, не за долго до прибытія Агамемнона. Сговорясь съ любовникомъ, Клитемнестра принесла своему мужу новый хитонъ своей работы, прося его надѣть обновку. Рукава и воротъ хитона были умышленно зашиты и когда Агамемнонъ запутался въ нихъ, Клитемнестра и Эгистъ закололи его кинжалами. Одновременно съ Агамемнономъ, погибли многіе изъ преданныхъ ему вельможъ и въ числѣ другихъ—Кассандра, со своими дѣтьми. Клитемнестра вышла за Эгиста и провозгласила его царемъ Аргоса. Блаженство этихъ двухъ изверговъ было непродолжительно. *Орестъ* воспитанный въ Фокидѣ, при дворѣ дяди своего *Строфія*, тайно прибылъ въ Микену, сопровождаемый своимъ другомъ *Пиладомъ*. Спрятавъ брата въ храмѣ Аполлона, Электра объявила матери и Эгисту, что получено извѣстіе о смерти Ореста. Желая убѣдиться въ истинѣ словъ Электры, Эгистъ и Клитемнестра отправились въ храмъ для совѣщанія съ оракуломъ и здѣсь у самаго подножія кумира Аполлона, были оба умерщвлены Орестомъ и Пиладомъ. Получая достойное наказаніе и послѣ смерти, царь и царица безъ всякихъ почестей были погребены за градскими стѣнами Микены.

Умертвивъ злодѣевъ, *Орестъ* почувствовалъ страшныя угрызенія совѣсти; тѣнь матери, сопровождаемая фуріями, не давала ему покоя и онъ принужденъ былъ скитаться изъ одной страны въ другую, тщетно отыскивая душевный покой. Дельфійскій оракулъ объявилъ ему, что онъ обрѣтетъ спокойствіе свое въ Аѳинахъ. Сопутствуемый неразлучнымъ Пиладомъ, Орестъ отправился въ Аѳины и, представъ предъ Ареопагомъ, просилъ членовъ этого верховнаго судилища произнести ему оправдательный приговоръ. Ареопагъ оправдалъ Ореста, но не примирилъ его съ совѣстью. Онъ отправился въ Трезену и отдавъ свой поступокъ на судъ народный принесъ торжественное покаяніе. Отсюда послѣ плаванія по Эгейскому морю и Понту-Эвксинскому, Орестъ вмѣстѣ съ Пиладомъ и Электрою, прибылъ въ Тавриду, ко двору царя *Ѳаоса*. Странники были приняты имъ очень радушно, но по законамъ страны, одинъ изъ нихъ долженъ былъ быть принесенъ въ жертву богинѣ *Опидѣ*. Тогда началась великодушная борьба между друзьями, Орестомъ и Пиладомъ. Одинъ не хотѣлъ уступить другому, въ самоотверженіи: Пиладъ выражалъ желаніе умереть за Ореста; Орестъ за Пилада. Кинули жребій и судьба изрекла Оресту свой смертный приговоръ. Верховною жрицею богини Опиды была *Ифигенія*. Она узнала въ Орестѣ своего брата въ ту самую минуту, когда занесла надъ нимъ ножъ. Ссылаясь на то, что надъ жертвою тяготѣетъ гнѣвъ боговъ, за совершенное ею преступленіе, Ифигенія предложила отложить его убіеніе и въ ту же ночь бѣжала въ Грецію съ Орестомъ, Пиладомъ и Электрою, похитивъ и статую Діаны. Нѣкоторые древніе писатели утверждаютъ, будто Орестъ предъ отплытіемъ изъ Тавриды убилъ царя Ѳаоса. Статуя Діаны, перевезенная въ Грецію до временъ Ликурга, была предметомъ особеннаго обожанія; ей приносили даже человѣческія жертвы. По возвращеніи въ Грецію, Орестъ женилъ Пилада на Электрѣ и взошелъ на тронъ Аргоса, присоединивъ къ своей державѣ Лакедемонъ. Въ Дельфахъ онъ умертвилъ *Пирра*, сына Ахиллеса, и женился на его вдову, *Герміонѣ*. Онъ умеръ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ отъ уязвленія змѣи и ему наслѣдовалъ его сынъ *Пенѳилъ*. Послѣ смерти Ореста, долгое время показывали въ Орестіи его гробницу, наполненную костями какого-то великана. Древніе были убѣждены, что дѣти Агамемнона, подобно ему самому, были непомѣрнаго роста.

Ифигенія, дочь Агамемнона и Клитемнестры, еще въ отроческихъ лѣтахъ была обречена на принесеніе въ жертву Діанѣ, въ Авлидѣ. Отсюда она чудеснымъ образомъ была перенесена въ Тавриду, гдѣ по назначенію богини, была избрана въ ея верховныя жрицы. Царь Ѳаосъ долгое время и тщетно домогался ея взаимности. Посвятивъ себя Діанѣ, Ифигенія до преклонной старости хранила свое дѣвство.

Электра, образецъ сестриной любви, была неразлучною спутницею Ореста во время его скитаній и въ крайнихъ случаяхъ готова была жертвовать за него жизнію. Когда онъ убилъ Клитемнестру, Электра ударомъ скамьи оглушила Эгиста, рѣшившагося защищать эту старую блудницу. Когда въ Тавридѣ Орестъ былъ обреченъ на принесеніе въ жертву Діанѣ (Опидѣ), Электра, вооружившись горящей головней, рѣшилась защищать брата отъ ножа верховной жрицы. Выданная Орестомъ за Пилада, она имѣла отъ

него двухъ сыновей: *Строфія* и *Медеона*. Гомеръ, называя Электру Лаодикеею, можетъ быть смѣшиваетъ ее съ младшею дочерью Агамемнона, или даетъ ей прозвище Электры, такъ какъ она вышла замужъ будучи уже зрѣлою, даже перезрѣлою дѣвою.

Менелай, братъ Агамемнона и супругъ Елены, провелъ дѣтство и отрочество при дворѣ Тандарея и, получивъ руку его дочери, наслѣдовалъ послѣ него спартанскій престолъ. Парисъ украсилъ его лобъ рогами, въ бытность Менелая вмѣстѣ съ Еленою на Критѣ. До начала военныхъ дѣйствій Менелай, сопровождаемый Улиссомъ, ѣздилъ въ Трою для переговоровъ съ Пріамомъ, но Парисъ возмутилъ народъ противъ чужеземцевъ и, не давъ имъ никакого отвѣта, принудилъ ихъ уѣхать. Во время троянской войны Менелай отличался мужествомъ и многими подвигами. Во время единоборства съ Парисомъ онъ неминуемо задушилъ бы этого царевича, если бы не былъ раненъ стрѣлою *Пандара*. При взятіи Трои онъ приказалъ щадить жилище предателя *Антенора*, но предалъ оскопленію *Деифоба*, тогдашняго сожителя своей милой супруги. При возвращеніи на родину онъ потерпѣлъ жестокое крушеніе у береговъ Скироса и принужденъ былъ пристать къ берегамъ Египта, гдѣ провелъ семь лѣтъ при дворѣ *Хоона*. Отсюда онъ возвратился въ Спарту, гдѣ выдалъ дочь свою *Герміону* за Пирра, сына Ахиллеса. Послѣ смерти Менелай удостоился божественныхъ почестей.

Елена, его супруга, грязная знаменитость которой возобновлена нынѣ въ памяти потомства, благодаря балаганной пародіи Оффенбаха, начала свои любовныя похожденія въ отроческихъ лѣтахъ. На одиннадцатомъ году своего возраста она была похищена и растлѣна *Тезеемъ*. Освобожденная изъ плѣна своими братьями, Касторомъ и Поллуксомъ, она возвратилась ко двору отца своего Тиндарея, гдѣ вскорѣ явилось множество искателей ея руки. Изъ нихъ Елена избрала Менелая. Не смотря на рожденіе дочери Герміоны, Елена не питала къ мужу особенной привязанности и негодяй Парисъ безъ труда обольстилъ и похитилъ ее. Любовники во время бѣгства останавливались на островѣ Киѳеры, гдѣ Еленѣ воздали божескія почести. По прибытіи въ Трою Елена была принята какъ родная въ семействѣ Пріама и,

родивъ Парису нѣсколько человѣкъ дѣтей пребывала ему вѣрною до самой его кончины. Парисъ, со своей стороны, нѣжно и страстно любилъ Елену и до такой степени былъ ревнивъ, что приказалъ оскопить ея прислужника, аркадійца *Пританa*. Съ этого времени жители Аркадіи стали называть евнуховъ Пританами. Послѣ смерти Париса, Елена сожительствовала съ его братомъ, *Деифобомъ*. Когда греки овладѣли Троею, Елена, въ угоду Менелаю, ввела его въ комнату Деифоба и присутствовала при его операціи, выражая при этомъ свою радость. Вмѣсто того, чтобы навѣсить ей камень на шею и утопить ее, слабоумный Менелай помирился съ Еленою и, взявъ ее съ собою въ Грецію, жилъ съ нею въ совершенномъ согласіи и она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, имѣла свой придворный штатъ, въ составѣ котораго находились двѣ любимыя горничныя: *Алкипа* и *[illegible]анисса*.

Послѣдняя похитила у Елены поясъ, подаренный ей Венерою. Послѣ смерти Елена была взята на небо, гдѣ образовала яркую звѣзду въ зодіакальномъ созвѣздіи Близнецовъ.

Ахиллесъ, славнѣйшій изъ всѣхъ героевъ Илліады, былъ сынъ *Пелея* царя мирмидонцевъ въ Ѳессаліи и *Ѳетиды*, дочери Нерея. Когда онъ родился, мать натерла его амброзіею и проносила чрезъ огонь, чтобы сдѣлать безсмертнымъ, когда же мужъ ея Пелей помѣшалъ ей покончить эту операцію, она окунула Ахиллеса въ Стиксъ и онъ сталъ неуязвимъ, за исключеніемъ пятокъ, за которыя его держала Ѳетида. Воспитаніе Ахиллеса поручено было Кентавру *Хирону*. Этотъ Хиронъ, отрывъ изъ земли кость изъ пятки великана Дамаза, приладилъ ее къ пяткѣ Ахиллеса, а чтобы развить въ своемъ воспитанникѣ мужество, кормилъ его мозжечкомъ изъ львиныхъ и медвѣжьихъ костей. Мы уже говорили въ одной изъ первыхъ главъ, что кентаврами называли въ Греціи первыхъ всадниковъ. Хиронъ, обучая Ахиллеса верховой ѣздѣ, ознакомилъ его съ употребленіемъ шпоръ и первыя шпоры, надѣтыя Ахиллесомъ, были сдѣланы изъ кости. Отсюда произошла сказка о пяткѣ Дамаза названной *калькангума* (alcar — шпора). Что касается до кормленія Ахиллеса мозгомъ изъ костей львовъ и медвѣдей, мы замѣтимъ, что эта пища была въ большомъ употребленіи у первобытныхъ

обитателей древнихъ государствъ, видѣвшихъ въ ней можетъ быть симпатическое средство для развитія мужества. Ѳетида, зная, что сыну ея суждено прославиться, но и погибнуть на войнѣ, переодѣла его въ женское платье и подъ именемъ Пирры отправила ко двору Ликомеда, царя Скиросскаго, который воспиталъ его вмѣстѣ со своими дочерьми. Одна изъ нихъ, Деидамія, была первою любовью Ахиллеса. Когда Калхасъ объявилъ грекамъ, что безъ соучастія Ахиллеса покореніе Трои немыслимо, Улиссъ, переодѣвшись купцомъ, отправился ко двору Ликомеда и привезъ съ собою всякія женскія украшенія, наряды и между ними воинское вооруженіе. Царевны ухватились за наряды, Ахиллесъ взялъ оружіе и не могъ имъ достаточно налюбоваться. Такимъ образомъ юный герой, обнаруживъ свой полъ, не могъ отказаться отъ соучастія въ походѣ троянскомъ. Заливаясь слезами, Ѳетида снарядила его въ походъ, давъ ему оружіе и доспѣхи, выкованные Вулканомъ. Ахиллесъ, въ главѣ мидонцевъ, ахеянъ и мирмидонцевъ, размѣщенныхъ на пятидесяти корабляхъ, сопровождаемый вѣрными друзьями своими Фениксомъ и Патрокломъ, отплылъ къ берегамъ малой Азіи. Здѣсь онъ разрушилъ двѣнадцать приморскихъ и одинадцать внутреннихъ городовъ. На островѣ Лесбосѣ онъ овладѣлъ городомъ Миолиною, благодаря предательству Пизидики, дочери царя Пеліаса. Страстно влюбленная въ героя, царевна надѣялась, что онъ вознаградитъ ее взаимностью, но, вмѣсто того, Ахиллесъ приказалъ побить ее камнями. Юнона и Минерва постоянно покровительствовали Ахиллесу, своему любимому герою. Во время битвы при Лериссѣ онъ убилъ Минеса, мужа Бризеиды и взявъ ее въ плѣнъ сдѣлалъ ее своей рабынею, потомъ наложницей, наконецъ—любовницей и всей душей привязался къ ней. Когда Агамемнонъ похитилъ Бризеиду, Ахиллесъ, какъ мы уже говорили, удалился въ свой шатеръ и, проводя время съ любовницами, отказался отъ всякаго участія въ войнѣ. Смерть Патрокла, убитаго Гекторомъ, вызвала Ахиллеса опять на поле битвы. Онъ примирился съ Агамемнономъ, возвратившимъ ему Бризеиду съ увѣреньемъ, что ей во время плѣна не было причинено никакихъ обидъ; Ѳетида принесла сыну новое вооруженіе, выкованное Вулканомъ (между прочимъ, щитъ превосходной работы); Минерва по приказанію Юпитера накормила героя амброзіею, напоила нектаромъ. Разбивъ войско троянское Ахиллесъ загналъ его въ рѣку Ксанфъ, теченіе которой остановилось отъ множества труповъ. Тогда Ксанѳъ сталъ просить примиренія у Ахиллеса и когда герой отказалъ ему, Ксанѳъ вышелъ изъ береговъ и вступилъ съ нимъ въ борьбу. Вспомоществуемый Нептуномъ, Минервою, рѣкою Симоисомъ, Ахиллесъ продолжалъ борьбу до тѣхъ поръ, покуда Вулканъ не принудилъ мятежныя рѣки возвратиться въ свои русла. Возобновивъ бой съ троянцами Ахиллесъ настигъ Гектора и вступивъ съ нимъ въ единоборство умертвилъ его. Затѣмъ обнаживъ трупъ Гектора и привязавъ его за ноги къ своей колесницѣ, Ахиллесъ трижды объѣхалъ градскія стѣны Трои. Потомъ, предавъ трупъ Патрокла честному погребенію Ахиллесъ на его могилѣ собственноручно зарѣзалъ двѣнадцать плѣнныхъ троянцевъ.

На слѣдующую ночь въ шатеръ Ахиллеса пришелъ Пріамъ и со слезами сталъ просить героя выдать ему трупъ Гектора для погребенія. Тронутый его слезами, смягченный богатыми дарами и очарованный красотою Поликсены, младшей дочери Пріама, сопровождавшей его въ греческій станъ, Ахиллесъ возвратилъ Пріаму трупъ Гектора, въ то же время испрашивая у него согласіе на выдачу за него Поликсены. Пріамъ согласился и за это Ахиллесъ далъ ему слово, въ случаѣ взятія Трои, пощадить городъ и не давать его на разграбленіе воинамъ. Въ то самое время, когда Ахиллесъ привелъ Поликсену къ алтарю храма Аполлона, Парисъ изъ за угла спустилъ ему въ пятку стрѣлу, и убилъ знаменитаго героя. Поликсена возвратилась въ Трою; при взятіи города была взята въ плѣнъ Пирромъ, сыномъ Ахиллеса и по желанію его тѣни зарѣзана на его могилѣ. Кромѣ Пирра, послѣ героя остались Эвфоріонъ и Каистрій; первый прижитый съ Еленою; второй, съ Пенѳезилеею царицею амазонокъ и союзницею Пріама. Одѣвала Ахиллеса для погребенія атлантида *Іа*: она завернула его тѣло въ пелены чистѣйшаго льна и за тѣмъ была превращена въ фіалку (Viola odorata L). Многіе народы воздали Ахиллесу божескія почести; жители Лакедемона въ его честь воздвигли храмъ въ Бризіи, въ которомъ ежедневно совершали

жертвоприношеніе. Кромѣ воинской доблести, великодушія и добросердечія, Ахиллесъ при жизни славился глубокими познаніями въ ботаникѣ, въ память которыхъ именемъ героя древніе назвали нѣсколько цѣлебныхъ травъ (многіе виды Achillaea).

Преемникомъ Ахиллеса былъ его сынъ—Пирръ или Неоптолемъ. Имѣя отъ роду двѣнадцать лѣтъ Пирръ сопровождалъ Улисса на островъ Лемносъ и находился въ главѣ воиновъ, занявшихъ Трою и скрывавшихся въ деревянномъ конѣ. Во время разрушенія несчастнаго города Пирръ сбросилъ съ городскихъ стѣнъ Астианакса, сына Гектора и взялъ себѣ въ наложницы вдову послѣдняго, Андромаху, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Молосса, Піелея и Пергама. По возвращеніи въ Өессалію Пирръ умертвилъ похитителя престола Акаста, женился на Герміонѣ и былъ убитъ народомъ въ Дельфахъ по наущенію Ореста, ревновавшаго къ нему Герміону. По сказаніямъ нѣкоторыхъ писателей такъ погибъ не онъ, но другой сынъ Ахиллеса, Опиръ, котораго вообще смѣшиваютъ съ Пирромъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Патроклъ. — Фениксъ. — Аяксъ-Теламонидъ. — Аяксъ-Оилидъ.—Антилохій.—Калхасъ.—Діомидъ. — Эвмелъ.—Эврипилъ.—Кивотъ Бахуса. — Идоменей. — Несторъ.—Паламедъ.—Филоктетъ.—Махаонъ и Подалиръ.—Стенторъ.—Синонъ. — Тевкеръ. — Улиссъ. — Притворное помѣшательство.—Скитанія Улисса.—Страна Лотофаговъ.—Циклопы.—Эолъ.—Его мѣхъ.—Лестригоны. — Цирцея.—Превращеніе спутниковъ Улисса въ поросятъ.—Смыслъ этой басни.—Личность Цирцеи разоблаченная исторіею.—Латіумъ.

Другъ Ахиллеса ***Патроклъ***, сынъ локридскаго царя ***Актора***, въ дѣтствѣ нечаянно убилъ товарища своего ***Амфидамаса*** и покинувъ родину, пріютился при дворѣ Пелея, отца

Ахиллеса. Воспитывался у Хирона, вмѣстѣ съ послѣднимъ былъ его другомъ и сверстникомъ. При осадѣ Трои, послѣ многихъ подвиговъ, Патроклъ во время ссоры Ахиллеса съ Агамемнономъ, упросилъ своего друга одолжить ему свои доспѣхи, чтобы устрашить троянцевъ, начавшихъ брать перевѣсъ надъ греками. Три раза онъ отваживался на приступъ и три раза былъ отражаемъ Аполлономъ. Наконецъ Гекторъ, узнавъ Патрокла, сразился съ нимъ, умертвилъ его въ единоборствѣ и овладѣлъ вооруженіемъ Ахиллеса. Отбивъ у троянцевъ трупъ Патрокла, греки съ почестями его похоронили. По поводу смерти Патрокла, у древнихъ сложилась пословица: „Патроклъ погибъ, Өерситъ уцѣлѣлъ“. Этою пословицею они выражали упрекъ судьбѣ, которая иногда щадитъ ничтожество не жалѣя людей истинно великихъ. Въ отвѣтъ на эту жалобу можно было бы задать древнимъ вопросъ: почему громъ, ударяя въ высокій дубъ, не падаетъ на крапиву, или на рѣпейникъ?

Фениксъ, сынъ Аминтора, царя долопскаго, внушилъ къ себѣ страсть одной изъ его наложницъ, Клитіи; за это Аминторъ велѣлъ выколоть ему глаза. Бѣдный слѣпецъ удалился ко двору Пелея, гдѣ сердечно привязался къ Ахиллесу и всю свою жизнь былъ съ нимъ неразлученъ. Во время троянскаго похода, онъ охранялъ добычу, выпадавшую на долю его друга и воспитанника.

Аяксъ-Теламонидъ, царь Саламина, наслѣдовалъ отцу въ самыхъ юныхъ лѣтахъ. Въ бытность свою въ Троѣ прославился убіеніемъ многихъ витязей и отбитіемъ трупа Патрокла; принудилъ ***Полимнестора***, царя ѳракійскаго, выдать ему Полидора, сына Пріама, со всѣми его сокровищами. Послѣ Ахиллеса Аяксъ почитался красивѣйшимъ и доблестнѣйшимъ изъ грековъ и вообще былъ любимъ за его чистосердечіе. Послѣ смерти Ахиллеса, Аяксъ, ссылаясь на родство съ нимъ, требовалъ выдачи оставшагося послѣ него оружія, но когда Улиссу отдано было преимущество, то Аяксъ закололся. По сказаніямъ миѳологіи изъ его крови родился гіацинтъ, въ чашечкѣ или въ разрѣзѣ стебля котораго видны заглавныя буквы имени Аякса: А. и I. Въ Саламинѣ въ его память былъ воздвигнутъ храмъ и ежегодно праздновались игры ***Аякстіи***.

Аяксъ—Оилидъ [1]) въ отроческихъ лѣтахъ прославился искусствомъ стрѣлять изъ лука, отважностью и храбростью доходившею иногда до сумашествія. При взятіи Трои преслѣдовалъ Кассандру до самаго храма Паллады и здѣсь, какъ истый солдатъ, въ ярости своей не признающій ничего святаго, изнасиловалъ несчастную царевну. Когда Улиссъ въ негодованіи укорялъ Аякса за его нечестіе, герой клятвенно увѣрилъ его, что онъ этого злодѣйства не совершалъ и за клятвопреступленіе былъ утопленъ Палладою и Нептуномъ. Впрочемъ и всѣми прочими богами этотъ герой не былъ любимъ за свою страсть къ сквернословію и за частыя богохульства.

Антилохій, сынъ Нестора, въ младенчествѣ былъ оставленъ на горѣ Идѣ, гдѣ его вскормила лань. Былъ друженъ съ Ахилломъ и при высадкѣ грековъ на берега Трои убилъ *Эхепола*, за которымъ вскорѣ послѣдовали: *Мидонъ*, *Эхонъ*, *Авгиръ*, *Мермеръ* и *Итимнъ*. Увѣдомилъ Ахиллеса объ убіеніи Патрокла и самъ былъ убитъ Мемнономъ, спасая жизнь своему отцу.

Калхасъ, сынъ Ѳестора, знаменитый волхвъ, жилъ въ Мегарѣ и слѣдовалъ за греками въ Трою въ качествѣ верховнаго жреца и главнаго начальника флота. Выше мы уже говорили о его предсказаніяхъ. Послѣ паденія Трои Калхасъ остался въ Малой Азіи и здѣсь въ Колофонѣ встрѣтилъ волхва *Мопса*, жреца Аполлона. Не будучи въ состояніи разгадать загадку предложенную ему Мопсомъ, Калхасъ умеръ съ отчаянія.

Діомидъ, сынъ Тидея и Делилы, царствовалъ въ Аргосѣ и во время похода троянскаго начальствовалъ надъ восемьюдесятью кораблями. Ранилъ и убилъ многихъ героевъ, не пощадивъ даже Венеры и Марса. Овладѣлъ лошадьми Реза и паладіумомъ. При возвращеніи на родину Діомидъ былъ заброшенъ бурею на берега Фалеры.

[1]) Подобно народамъ востока, греки имѣли обыкновеніе называть по отечеству: Атридъ (сынъ Атрея), Теламонидъ (сынъ Теламона), Оилидъ (сынъ Оилея). У скандинавовъ, для этого, къ имени отца прибавляли частицу сонъ: Кнут-сонъ, Тор-тен-сонъ и т. п. У славянъ — вичъ: Ивановичъ, Петровичъ и т. д.

Ночью жители, принявъ грековъ за морскихъ разбойниковъ, напали на нихъ и принудили къ отступленію, во время котораго Діомидъ потерялъ и палладіумъ. По прибытіи на родину Діомидъ нашелъ жену свою Эгіалею не только не вѣрною, но и преданною страшному распутству. Любовники ея угрожали ему смертію и принудили его бѣжать изъ его владѣній. Онъ отплылъ къ берегамъ Италіи, здѣсь женился на *Эвиппѣ* дочери царя Дауна; убилъ страшнаго дракона, опустошавшаго страну и мирно царствовалъ въ удѣлѣ ему пожалованномъ.

Ѳессаліецъ *Эвмелъ* прославился не столько подвигами своими, сколько парою рысаковъ, вскормленныхъ, будто-бы, Аполлономъ. Если обладаніе хорошими конями почиталось въ древней Греціи доблестью, въ такомъ случаѣ любой купеческій сынокъ нашего времени могъ-бы попасть тамъ въ герои. *Эврипилъ*, при разореніи Трои, получилъ на свою долю изъ награбленной добычи ковчегъ съ изображеніемъ Бахуса. Отъ прикосновенія къ нему Эврипилъ мгновенно лишился разсудка, тѣмъ не менѣе не разставался съ ковчегомъ во время обратнаго своего плаванія на родину и даже во время бури, выбросившей его корабль у береговъ Патры. Здѣсь жрецы готовились принести въ жертву Діанѣ юношу и дѣвственницу, но при приближеніи Эврипила съ ковчегомъ оцѣпенѣли и ножи выскользнули изъ ихъ рукъ, повисли въ воздухѣ надъ головами жертвъ, которымъ тотчасъ же объявили пощаду и тогда разсудокъ возвратился къ Эврипилу.

Идоменей, сынъ Девкалiона, во время троянскаго похода предводительствовалъ критянами. Во время обратнаго плаванія на родину едва не погибъ отъ бури и въ отчаяніи далъ обѣтъ Нептуну принести ему въ жертву перваго человѣка, который попадется ему на берегахъ Крита. Первый человѣкъ, встрѣтившій Идоменея, былъ его сынъ, но герой, вѣрный своему обѣщанію, не пощадилъ юношу и зарѣзалъ его передъ алтаремъ храма Нептуна. Покинувъ свое царство, онъ отправился въ скитанія по великой Греціи, основалъ Салепту и въ этомъ городѣ умеръ.

Несторъ, сынъ Нелея и Хлориды, въ равной степени прославился воинскими доблестями и мудростью; былъ другомъ и совѣтникомъ Пелея. Послѣ многихъ подвиговъ въ Троѣ, Несторъ бла-

гонолучно возвратился въ Грецію, гдѣ черезъ десять лѣтъ послѣ своего возвращенія принималъ ***Телемака***, который совѣщался съ нимъ о способахъ къ отысканію родителя своего, Улисса. Несторъ былъ женатъ сперва на ***Эвридикѣ***, потомъ на ***Анаксивіи***, дочери Апрея, отъ которой имѣлъ семерыхъ сыновей ***Эхефрона***, ***Стратика***, ***Персея***, ***Арета***, ***Тразимеда***, ***Пизистрата***, ***Антилоха***, и двухъ дочерей: ***Пизидику*** и ***Поликасту***. Онъ мирно окончилъ дни, доживъ до преклонной старости.

Паламедъ, сынъ эвбейскаго царя Навплія, во время осады Трои начальствовалъ надъ тридцатью кораблями, убилъ Сарпедона и Деифоба. Улиссъ, завидуя дарованіямъ Паламеда, поддѣлалъ подъ его почеркъ нѣсколько писемъ измѣнническаго содержанія, адресованныхъ къ троянцамъ, и оклеветанный Паламедъ былъ побитъ камнями. Греки приписывали ему изобрѣтеніе игоръ въ кости, въ шахматы, равно и тактики, вѣсовъ и мѣръ, точное исчисленіе годичнаго солнечнаго періода и пяти буквъ алфавита: Φ. Χ. Θ. Ε и Υ.

Филоктетъ, другъ Геркулеса, которому герой оставилъ въ наслѣдство свои стрѣлы, взявъ съ него клятву никому не открывать мѣста гдѣ онѣ были зарыты. Въ исполненіе пророчества, греки убѣдили Филоктета быть ихъ сподвижникомъ въ троянскомъ походѣ, въ который онъ отправился, взявъ съ собою стрѣлы Геркулеса. Одна изъ нихъ, упавъ ему на ногу, произвела на ней нарывъ, издававшій столь гнилой запахъ, что греки, опасаясь заразы высадили Филоктета на пустынный берегъ острова Лемноса. На десятый годъ осады Трои Улиссъ и Неоптолемъ, пріѣхавъ за нимъ на Лемносъ, уговорили Филоктета помочь имъ въ овладѣніи городомъ. Старикъ прибылъ съ ними къ стѣнамъ Трои и здѣсь смертельно ранилъ ***Париса***. По окончаніи войны онъ поселился въ Италіи (въ Калабріи), гдѣ Махаонъ исцѣлилъ его отъ раны, вслѣдствіе которой Филоктетъ на всю жизнь остался хромымъ.

Махаонъ и ***Подалиръ*** братъ его, потомки Эскулапа, исправляли въ греческой арміи должности штабъ-докторовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, военачальниковъ. При возвращеніи Подалира

въ Грецію, буря пригнала его корабль къ берегамъ Кореи, гдѣ онъ женился на ***Сирнѣ***, дочери царя, принесшей за собою въ приданое Херсонесъ дорійскій.

Стенторъ прославился могучимъ своимъ голосомъ, завѣщая прозвище „стенторскаго голоса“ всѣмъ басамъ минувшихъ, настоящихъ и будущихъ временъ. ***Синонъ***, сынъ Сизифа, лазутчикъ грековъ, помогъ имъ овладѣть Троею, благодаря своему лукавству. Давъ имъ совѣтъ на время отступить, онъ явился въ городъ и объявилъ троянцамъ, что греки, передъ отплытіемъ отъ береговъ малой Азіи, хотѣли принести его въ жертву богамъ; увѣрилъ ихъ, что колосальный, деревянный конь, оставленный ими на берегу — приношеніе Минервѣ и залогъ несокрушимаго могущества Трои. Жители втащили коня внутрь градскихъ стѣнъ, не подозрѣвая, что его внутренность начинена была вооруженными воинами, вышедшими изъ него ночью и овладѣвшими Троею. Нѣкоторые коментаторы, отрицая эту сказку, говорятъ, что поводомъ къ ней послужила „пещера коня“, находившаяся близь города, въ которой спрятались греки. Другіе истолкователи миѳологическихъ сказаній утверждаютъ, что греки ворвались въ Трою чрезъ ворота Нептуна, украшенныя изображеніемъ коня, символа бога морей.

Какъ первое, такъ и второе толкованіе, можетъ быть, болѣе остроумно нежели справедливо.

Тевкръ или ***Тевкрій***, братъ Аякса Теламоніда, быть основателемъ Саламина въ Греціи и Карѳагены въ Испаніи. Дочь его ***Пезо*** или ***Арисба*** была супругою Дардана и матерью Сивиллы.

Перейдемъ теперь къ жизнеописанію героя, похожденіямъ котораго Гомеръ посвятилъ цѣлую поэму — ***Улиссею*** или какъ вообще и повсемѣстно принято называть ее ***Одиссею***[1]).

Улиссъ, царь острововъ Итаки и Дуликіи, былъ сыномъ царя Лаэрта и супруги его Антикліи. Лукавый, вкрадчивый, краснорѣчивый, Улиссъ снискалъ себѣ на долю не малую славу въ похо-

[1]) Настоящее имя поэмы Улиссея, было по ошибкѣ переписчика передѣлано въ Одиссею (U онъ превратилъ въ О, а Л въ Д).

дѣ троянскомъ. Не желая покинуть супругу свою *Пенелопу*, Улиссъ прикинулся сумасшедшимъ, но уличенный Паламедомъ, принужденъ былъ принять участіе въ походѣ троянскомъ. Въ отмщеніе за это онъ оклеветалъ Паламеда, который, какъ мы выше говорили, совершенно безвинно былъ побитъ камнями. Полагаясь на хитрость и на краснорѣчіе Улисса, греческіе вожди поручили ему привезти Ахиллеса изъ Скироса и Филоктета съ острова Лемноса; онъ вмѣстѣ съ Діомидомъ похитилъ палладіумъ, умертвилъ Реза и увелъ его коней. Скитанія его по бѣлому свѣту, послѣ разоренія Трои составляютъ предметъ Одиссеи, но прежде нежели мы разскажемъ о нихъ, сдѣлаемъ подробный обзоръ предъидущихъ подвиговъ Улисса.

Притворяясь сумасшедшимъ, онъ въ присутствіи Паламеда, Агамемнона и Менелая ходилъ по морскому берегу съ сохою, въ которой возилъ двухъ разнородныхъ животныхъ и проводя борозды по песку сѣялъ на немъ соль. Паламедъ, подозрѣвая обманъ, положилъ поперекъ дороги Улисса годовалаго его сына *Телемака*, и мнимый безумецъ осторожно своротилъ въ сторону. Дальнѣйшее притворство было-бы напрасно и Улиссъ, скрѣпя сердце, принужденъ былъ отправиться въ походъ. Стыдливая, цѣломудренная Пенелопа дала ему клятву пребывать ему вѣрною, хотя бы походъ продолжался цѣлый вѣкъ — и сдержала, какъ увидимъ, это обѣщаніе.

Послѣ смерти Ахиллеса, Улиссъ завелъ тяжбу съ Аяксомъ, изъ за обладанія вооруженіемъ, оставшимся послѣ умершаго, и одержалъ верхъ. По его совѣту греки соорудили и деревяннаго коня, о которомъ мы говорили... Троя пала; вожди греческіе и уцѣлѣвшія ихъ дружины отправились по домамъ, отягощенные добычею. Улиссъ, собравъ своихъ ратниковъ, подобно прочимъ поплылъ на родину и тутъ начались его похожденія. Буря разсѣяла его флотилію, пригнавъ собственный его корабль къ берегу Циконійскому, на которомъ Улиссъ со своими спутниками, не теряя времени занялся избіеніемъ жителей и насилованіемъ ихъ женъ и дочерей: однако же циконійцы собравшись съ силами принудили злодѣевъ къ отступленію, при которомъ Улиссъ потерялъ шесть кораблей. Послѣ того, корабли Улисса, игрушки

бурь, были пригоняемы ими поочередно къ мысу Малеѣ, къ острову Киоерѣ, къ мысу Кафареи, на которомъ *Навплій*, отецъ Паламеда, умышленно зажегъ огни надъ подводными скалами, о которыя разбилось нѣсколько кораблей Улисса. Послѣ девятидневнаго плаванія онъ присталъ къ африканскому острову *Лотофаговъ* изобиловавшему плодами, заставлявшими вкушавшихъ ихъ чужеземцевъ забывать о родинѣ (т. е. страна лотофаговъ изобиловала такими прекрасными плодами, что чужеземцы охотно поселялись въ ней). Улиссъ принужденъ былъ насильно увезти отсюда спутниковъ, привязавъ ихъ къ мачтамъ своихъ кораблей. Послѣ дневки на островѣ козъ (Эгуза) онъ приплылъ къ берегамъ Сициліи.

Здѣсь на плавателей напали людоѣды *Циклопы*, подъ предводительствомъ одноглазаго Полифема. Половина спутниковъ Улисса была съѣдена и самъ онъ едва спасся, выколовъ Полифему его единственный глазъ. Ослѣпленный царь циклоповъ созвалъ всѣхъ своихъ подданныхъ и велѣлъ ловить *утиса*... Онъ назвалъ такъ чужеземцевъ и циклопы не бросились за ними въ погоню, ибо *утисъ* или *аутисъ* на ихъ языкѣ означало: *никто*. Отъ острововъ циклоповъ Улиссъ прибылъ къ островамъ *Эоловымъ*.

По словамъ Өукидита циклопами назывались древнѣйшіе жители Сициліи. Гомеръ (Одиссея пѣснь XI и XII) называетъ ихъ сыновьями Нептуна, т. е. мореходами, по всей вѣроятности приплывшими изъ Финикіи. Сказка о томъ, что у нихъ одинъ глазъ, произошла отъ наличниковъ ихъ шлемовъ съ однимъ отверстіемъ въ видѣ круглаго глаза. Кузнецами Вулкана циклопы прослыли по поводу ихъ житія у подножія Этны. Ихъ прозвали людоѣдами за ихъ грубые нравы и непріязнь къ чужеземцамъ.

Эолъ подарилъ Улиссу и его спутникамъ мѣха, наполненные всѣми возможными вѣтрами, кромѣ Зефира, самаго благопріятнаго для плаванія къ острову Итакѣ, находившемуся на Адріатическомъ морѣ. Спутники Улисса открыли мѣха и вѣтры вырвавшись изъ нихъ произвели страшный вихрь и бурю, которая прогнала корабли Улисса обратно къ островамъ Эоловымъ. Видя, что на этихъ плавателяхъ тяготѣетъ проклятіе боговъ, Эолъ прогналъ Улисса, отказавъ ему въ попутномъ вѣтрѣ. Въ память этого со-

бытія у древнихъ существовала пословица: „сѣющіе вѣтры, пожинаютъ бури„ и эта метафора можетъ быть безспорно примѣнима ко многимъ случаямъ въ житейскомъ быту. Какой нибудь сплетникъ илиябедникъ, думая угодить кому либо своими совѣтами, развѣ не похожъ на мѣхъ Эола. вмѣсто попутнаго вѣтра дающій бурю?

Черезъ шесть дней Улиссъ попалъ въ страну *Лестригоновъ*, которыми управлялъ великанъ *Антифатъ*. Эти дикари съѣли двухъ спутниковъ Улисса и онъ поспѣшилъ отплыть отъ этихъ страшныхъ береговъ. Во время плаванія онъ присталъ къ острову *Эа*, царица котораго, *Цирцея*, приняла скитальцевъ самымъ радушнымъ образомъ, желая обольстить Улисса. Эта чародѣйка превратила всѣхъ его спутниковъ, кромѣ *Эврилохія*—въ поросятъ, но на Улисса чары ея не имѣли вліянія, благодаря травѣ *Моли*, данной ему Меркуріемъ. Однако же и съ этой травою онъ не могъ спастись отъ искушенія и плѣнился Цирцеею, вступилъ съ нею въ связь и тѣмъ принудилъ чародѣйку возвратить его товарищамъ прежній видъ. Послѣ годичнаго пребыванія на островѣ Цирцеи Улиссъ разстался съ нею, не смотря на то, что она была беременна отъ него сыномъ *Телегономъ*.—Объяснимъ эти басни согласно толкованіямъ комментаторовъ.

Цирцея, дочь Аэтеса царя Колхиды и родная сестра Медеи, обладала глубокими познаніями въ медицинѣ и врачебной ботаникѣ и благодаря имъ прослыла чародѣйкою. Выданная за скифскаго или сарматскаго царя, она послѣ непродолжительнаго сожительства отравила его ядомъ и, преслѣдуемая ненавистью его подданныхъ, бѣжала со своими прислужницами на берега Италіи и поселилась здѣсь, близъ мыса названнаго ея именемъ (нынѣ—*Монте Чирчелло* въ Тосканѣ). Здѣсь царица и ея приближенныя предались самому гнусному распутству, заманивая къ себѣ путешественниковъ по морямъ и по сушѣ. Превращеніе спутниковъ Улисса въ поросятъ намекъ на то, что они погрязли въ порокахъ или даже (еще вѣроятнѣе) заразились сифилисомъ, такъ какъ по гречески *си—филисъ* значитъ: „другъ свиньи.“ Не пострадали только Эврилохій и Улиссъ; послѣдній благодаря травѣ моли (дикая рута), данной ему Меркуріемъ.

Обходя молчаніемъ и это сближеніе Меркурія и сифилиса мы замѣтимъ только, что и трава моли, можетъ быть, обладала свойствами предохранять отъ гнусной болѣзни. *Горацій* говоритъ будто Цирцея опаивала жертвы своего сладострастія одуряющими ядами, которые превращали ихъ въ животныхъ—и это не сказка, такъ какъ древніе были знакомы съ составленіемъ разнаго рода напитковъ (афродизіаковъ), рецепты которыхъ и донынѣ сохранились въ сочиненіяхъ Плинія. Цирцея, по сказаніямъ древнихъ, умѣла низводить звѣзды на землю (по нашему русскому выраженію: „съ неба звѣзды хватала“). Нѣкоторые коментаторы видятъ въ этомъ намекъ на умѣнье этой чародѣйки низводить самаго нравственнаго человѣка на степень безсмысленнаго животнаго, а ученый *Бошаръ* говоритъ, что Цирцея дала имя „волшебной страны“ той части Италіи, въ которой поселилась, такъ какъ по финикійски: чары назывались *Лот* слово, отъ котораго произошло *Латіумъ* или *Лаціумъ* (Latium). За жителями, и особенно за жительницами Тосканы очень долгое время (даже до половины XVIII столѣтія) сохранялась репутація чернокнижниковъ и чародѣекъ. Цирцеѣ во времена Цицерона жители Италіи поклонялись какъ божеству.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Сцилла и Харибда.—Сирены.—Славянскія русалки.—Тринакрія.—Ортигія.—Калипса.—Возвращеніе Улисса на Итаку.—Собака Улисса.—Нищій Иръ.—Пенелопа.—Ея вышиванье.—Состязаніе жениховъ.—Побоище.—Смерть Улисса.—Телемакъ.—Фенелона.—Телемахида Тредіаковскаго.—Герои троянскіе.—Тевкръ.—Его сыновья.—Илъ.—Лаомедонъ.—Пріамъ.—Гекуба.—Гекторъ.—Андромаха.—Астіанаксъ.—Парисъ.—Сновидѣніе Гекубы.—Парисъ-пастухъ.—Энона.—Возвращеніе его ко двору Пріама.—Похищеніе Елены.—Предсказаніе Нерея.—Подвиги Париса.—Его смерть.

Высвободясь изъ объятій Цирцеи, Улиссъ попалъ, если не изъ

огня да въ полымя, то чуть не въ омутъ: его нанесло на опасное мѣсто въ морѣ, между *Сциллою* и *Харибдою*.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы говорили, что этими именами называли двухъ нимфъ, превращенныхъ въ морскихъ чудовищъ, въ дѣйствительности же Сцилла—водоворотъ у береговъ Реджіо, а Харибда—у береговъ Мессины. По мѣрѣ удаленія изъ пролива, прибережныя скалы (по закону оптики) какъ будто сближаются между собою; ревъ буруновъ и водоворотовъ напоминаетъ вой нѣсколькихъ собакъ и на основаніи этихъ данныхъ, древніе сплели басню о движущихся скалахъ и о бѣшеныхъ собакахъ, которыя опоясываютъ Сциллу. Имя ея произошло отъ финикійскаго: *соль:* крушеніе, а имя Харибды отъ *кари:* пропасть. Миновавъ Сциллу и Харибду Улиссъ наткнулся на сладко гласныхъ *сиренъ*, полу-женщинъ, полу-рыбъ, жившихъ на островѣ Капреѣ или у мыса Пелора въ Сициліи. Сиренъ было три сестры: *Аглаофона*, *Писиноя* и *Ѳелксіона*. Онѣ были превращены въ чудовищъ Церерою за то, что не спасли ея любезной Прозерпины. Впослѣдствіи времени онѣ состязались съ музами въ пѣніи и получивъ отъ боговъ въ даръ неограниченное долголѣтіе, до того дня, въ который ихъ пѣніе не произведетъ на людей своего обычнаго обаятельнаго впечатлѣнія. Мореплаватели, заслушиваясь сиренъ, забывали о пищѣ и питьѣ и умирали отъ изнуренія. Наша родимая, славянская демономанія, создавая русалокъ по образцу сиренъ, приписала русалкамъ способность заманивать людей въ воду и здѣсь умерщвлять ихъ посредствомъ щекотанія... Наслажденіе, конечно, не столь изящное какъ музыка, за то болѣе осязаемое. Толкованія коментаторовъ, будто сирены были прибрежныя прелестницы, заманивавшія моряковъ на берегъ, а потомъ ихъ грабившіе—не совсѣмъ правдоподобны. Не вѣрнѣе ли предположить, что подъ сказаніемъ о сиренахъ древніе разумѣли опасныя отмели, на которыя попадали моряки, принимавшіе ихъ за мѣста глубокія и судоходныя? Улиссъ избавился отъ искушенія пѣніемъ сиренъ и спасъ своихъ спутниковъ, заткнувъ уши имъ и себѣ восковыми шариками. Тогда, согласно прорицанію оракула, сирены низринулись въ море и превратились въ подводныя скалы. Эта сказка отчасти подтверждаетъ нашу догадку.

На островѣ *Тринакріи* спутники Улисса нашли стада, посвященныя солнцу, и убили нѣсколько головъ, но за это были всѣ поглощены моремъ во время жестокой бури. На этотъ разъ Улиссъ остался одинъ и девять дней носился по волнамъ, держась за обломокъ мачты. На десятый день его выбросило на берега острова *Ортигіи*, на которомъ жила нимфа *Кальипсо*. Она пріютила бѣднаго скитальца и онъ прожилъ у нея семь лѣтъ, наградивъ ее тремя сыновьями *Навсиноемъ*, *Навсиноемъ* и *Авзономъ*. На восьмой годъ Юпитеръ послалъ къ Калипсѣ Меркурія съ приказаніемъ немедленно отпустить Улисса. Бѣдная Калипсо снарядила корабль, посадила на него своего возлюбленнаго и онъ опять принялся за свои странствованія. Близъ земли феакійцевъ онъ потерпѣлъ крушеніе и на обломкѣ доски едва достигъ берега. Здѣсь его встрѣтила царевна *Навсикая*, давшая ему возможность возвратиться, наконецъ, на островъ Итаку, въ объятья Пенелопы. Эта бѣдная царица, во время продолжительнаго отсутствія супруга, не имѣла, какъ говорится, отбоя отъ жениховъ, которыхъ миѳологія насчитываетъ свыше двадцати. Осторожный Улиссъ, боясь соперниковъ, не отправился къ себѣ во дворецъ, но предварительно посѣтилъ стараго своего пастуха *Евмея*, у котораго нашелъ сына своего Телемака, недавно ѣздившаго въ сопровожденіи *Ментора* на поиски за своимъ родителемъ. Узнанный Евмеемъ и сыномъ, но взявъ съ нихъ слово молчать до времени о его пріѣздѣ, Улиссъ переодѣлся нищимъ и отправился въ городъ. У воротъ дворца его узнала старая собака Аргусъ: вѣрный песъ дотащился до ногъ своего хозяина и издохъ отъ радости. Не такъ встрѣтилъ Улисса *Иръ*, привилегированный нищій, пользовавшійся милостинею отъ Пенелопы: подозрѣвая въ Улиссѣ соперника по ремеслу, нищій бросился на него съ клюкой, но сбитый имъ съ ногъ принужденъ былъ отступить. На другой день Улиссъ нашелъ возможность быть представленнымъ Пенелопѣ и неузнанный, сказалъ ей, что она въ скоромъ времени увидится со своимъ супругомъ. Царица чистосердечно разсказала ему обо всемъ что она вытерпѣла во все продолженіе двадцатилѣтней разлуки. Женихи не давали ей покоя, приставая съ просьбами избрать достойнѣйшаго изъ нихъ. Пенелопа, откладывая время, отвѣчала имъ,

что займется выборомъ когда окончитъ свое вышиваніе (или, по другому варіанту когда окончитъ ткать полотно)... Эта работа *(Пенелопино полотно)* была безконечная: то что царица вышивала или ткала днемъ, ея вѣрныя служанки распарывали ночью. Женихамъ это прискучило и они рѣшили между собою уступить Пенелопу тому, кто одержитъ верхъ надъ соперниками, натянувъ тетиву у лука, принадлежавшаго Улиссу и стрѣлами собьетъ наибольшее число колецъ. Одобривъ это рѣшеніе Улиссъ распростился съ царицей и ночь наканунѣ испытанія провелъ въ домѣ у *Эврикеи*, своей кормилицы, узнавшей его по шраму, бывшему у него на лицѣ. Старуха его накормила, напоила, спать уложила, даже приготовила ему ванну, хотя вода крѣпко прискучила Улиссу во время его странствованій по морямъ.

Ночью Телемакъ тайно принесъ изъ комнаты смежную съ параднымъ чертогомъ оружіе отца, а поутру *Эвмей* и *Филетъ*, пастухи Улисса, принесли его лукъ и развѣсили двѣнадцать колецъ, которыя долженъ былъ сбить будущій супругъ Пенелопы. Состязаніе началось; но тщетно пытались женихи натянуть тетиву огромнаго лука. Улиссъ попросилъ позволенія принять участіе въ состязаніи, но женихи возстали противъ этого, а одинъ изъ нихъ *Антиной* даже ударилъ этого дерзкаго пришлеца. Телемакъ однако же вмѣшался въ это дѣло и истребовалъ согласіе у жениховъ. Улиссъ натянулъ тетиву, стрѣла свиснула и проскользнула чрезъ кольца. Не давая опомниться женихамъ, Улиссъ спустилъ вторую и она пробила сердце Антиноя... Началось побоище: Улиссъ, Телемакъ, Минерва въ видѣ Ментора, Филетъ и Эвмей сразились съ женихами Пенелопы и побѣдили ихъ всѣхъ до единого. *Дамторидъ*, *Деоптолемъ*, *Эвридамасъ*, *Эвримахъ* и *Ліодъ* пали отъ руки Улисса; Телемакъ убилъ *Эвріада*, *Леокрита* и *Амфимедона*; Филетъ—*Ктезиппа* и *Пизандра*; Эвмей—*Поливія*. Два жениха: *Медонъ* и *Феній* „въ постыдный обратились бѣгъ", а *Меланѳъ* и прочіе рабы были повѣшаны тутъ же, на колоннахъ столовой. Признанный Пенелопою, Улиссъ не былъ признанъ жителями Итаки, которыхъ взбунтовалъ *Эвпитъ*, отецъ Антиноя. Но Улиссъ, съ помощію отца своего Лаэрта, убилъ мятежника, усмирилъ бунтъ и вторично воцарился на долгіе годы. О смерти его было въ древности два преданія. По первому онъ умеръ своею смертію, по второму былъ убитъ *Телегономъ*, своимъ побочнымъ сыномъ, прижитымъ съ Цирцеею. Древніе, по обыкновенію, для поддержанія вѣры въ оракуловъ, говорили будто Улиссу предсказано было, что онъ погибнетъ отъ руки сына. Вслѣдствіе этого онъ, чуждаясь Телемака, покинулъ свое царство и опять пустился во вторичное чуть не кругосвѣтное путешествіе и палъ отъ руки Телегона, не узнавшаго въ немъ своего отца.

Наставникъ дофина, внука Людовика XIV, знаменитый *Фенелонъ*, вдохновенный чтеніемъ Одиссеи, вздумалъ присочинить къ ней продолженіе и написалъ для своего августѣйшаго ученика *Приключенія Телемака*. Это произведеніе, въ сравненіи съ Одиссеею, то же самое, что куколка севрскаго фарфора предъ изваяніемъ Фидія или Праксителя, и долгое время почиталось классическимъ, не смотря на то, что Калипсо и Эвхариса у Фенелона сильно смахиваютъ на маркизъ или виконтесъ двора Людовика XIV, а Телемакъ и Менторъ — на герцога Бургундскаго и на самого почтеннаго автора. Въ свою очередь вдохновенный произведеніемъ Фенелона, нашъ трудолюбивый піита *Тредьяковскій* переложилъ въ гекзаметры прозу Фенелона и создалъ *Телемахиду*. Этотъ трудъ былъ достойно оцѣненъ Екатериною II: на эрмитажныхъ собраніяхъ, нарушителей устава для посѣтителей наказывали чтеніемъ цѣлой страницы изъ Телемахиды или выучиваніемъ наизусть нѣсколькихъ стиховъ.

Окончивъ обзоръ героевъ греческихъ, перейдемъ къ героямъ троянскимъ.

Древнѣйшимъ царемъ Фригіи былъ *Тевкиръ*, уроженецъ острова Крита, сосланный въ эту страну. Жители ея, уважая въ немъ храбрость и многія другія добродѣтели, провозгласили Тевкира царемъ. Дочь его *Арисба* или *Низа* была выдана за *Дардана*, бѣжавшаго изъ Италіи послѣ убіенія брата своего *Язіона*. Дарданъ у подножія горы Иды основалъ городъ, названный сначала Дарданіею, а впослѣдствіи *Троею*. Потомки его назывались *Дарданидами*. Сынъ его *Эрихѳоній* былъ родителемъ *Троса* (во Фригіи это имя означало: властитель, подобно

словамъ: царь у вавилонянъ, гирамъ—у финикіянъ, фараонъ—у египтянъ и т. д.). У Троса было три сына: *Ганимедъ*, похищенный Юпитеромъ, *Илъ* и *Ассаракъ*. Онъ былъ строителемъ *Періама* или троянскаго кремля и переименовалъ Трою въ *Иліонъ*. При немъ съ неба упала статуя Минервы (палладіумъ) и для этой святыни онъ построилъ особый храмъ, истребленный пожаромъ, на которомъ Илъ, спасая статую, лишился зрѣнія. Ему наслѣдовалъ сынъ его *Лаомедонъ*. При Лаомедонѣ, Нептунъ и Аполлонъ, изгнанные съ Олимпа, построили стѣны вокругъ Трои. Обманутые Лаомедономъ они послали на его царство моровую язву. Чтобы умилостивить боговъ, Лаомедонъ ежедневно отдавалъ на съѣденіе морскому чудовищу юную дѣвственницу; когда же очередь дошла до его дочери *Гезіоны*, она была спасена Геркулесомъ. Обманутый Лаомедономъ, обѣщавшимъ ему руку дочери въ награду, Геркулесъ похитилъ Гезіону, подарилъ ее другу своему *Теламону*, отцу Аякса; убилъ Лаомедона и трехъ его сыновей, младшаго же *Пріама* или *Подарка* возвелъ на троянскій престолъ.

При этомъ царѣ Троя достигла самаго цвѣтущаго состоянія. Пріамъ, женатый на *Гекубѣ*, дочери ѳракійскаго царя Киссея, имѣлъ отъ нея девятнадцать сыновей и столько же дочерей. Благодаря этому многочисленному семейству, Пріамъ посредствомъ брачныхъ союзовъ породнился со всѣми сосѣдними государями и вскорѣ Троя стала могущественнѣйшимъ государствомъ малой Азіи. Пріамъ былъ человѣкъ добрый, разсудительный, честный, но довольно безхарактерный и „немножко слишкомъ“ сластолюбивый. Отъ нѣсколькихъ наложницъ онъ имѣлъ множество побочныхъ дѣтей. Когда Парисъ похитилъ Елену, Пріамъ не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы принудить этого негодяя возвратить Менелаю его супругу; въ войнѣ онъ не принималъ никакого участія и игралъ самую жалкую, пассивную роль... Сыновья его проливали кровь, а онъ проливалъ только слезы. Безъ жалости къ его сѣдинамъ Пирръ умертвилъ Пріама и несчастный старецъ испустилъ послѣдній вздохъ на развалинахъ своего дворца, орошеннаго кровью его дѣтей... *Гекуба* была побита камнями.

Гекторъ — гордость отца и слава Трои, въ весьма юныхъ

лѣтахъ былъ женатъ на *Андромахѣ*, дочери киликійскаго царя *Ээтіона*. Въ теченіе десяти лѣтъ осады онъ былъ верховнымъ вождемъ троянскихъ войскъ; убилъ Патрокла и самъ былъ убитъ Ахиллесомъ. Супруга его Андромаха послѣ убіенія сына своего *Астианакса* попала въ рабыни и наложницы къ Неоптолему, сыну Ахиллеса, была имъ увезена въ Эпиръ, гдѣ родила четырехъ сыновей. Когда Неоптолемъ влюбился въ Герміону, онъ отдалъ Андромаху *Гелену*, брату Гектора. Герміона имѣла намѣреніе умертвить эту несчастную соперницу, но устрашенная явленіемъ тѣни Пелея, отца Ахиллеса, пощадила Андромаху, которая послѣ смерти Неоптолема уѣхала въ Пергамъ. *Астианаксъ*, невинный младенецъ, жертва ярости грековъ, при прощаніи съ отцомъ своимъ Гекторомъ, испугался его косматаго шлема и спряталъ головку на груди кормилицы. Объ Астинаксѣ Калхасъ предсказывалъ, что онъ грекамъ будетъ опаснѣе, нежели самъ Гекторъ и злодѣи рѣшились умертвить его. Узнавъ о ихъ намѣреніи Андромаха спрятала Астіанакса въ гробницѣ Гектора. Лукавый Улиссъ, желая вывѣдать у несчастной матери, гдѣ спрятанъ ея сынъ, увѣрилъ ее, что ребенку не будетъ сдѣлано ничего худаго; когда же Андромаха вручила ему Астіанакса, онъ размозжилъ ему голову, бросивъ его съ высокой башни!

Парисъ — Главный виновникъ гибели Трои — олицетвореніе животнаго сластолюбія, предательства и самаго презрѣннаго ничтожества. Когда Гекуба была имъ беременна, ей снился сонъ будто она родила горящій факелъ, отъ котораго запылала вся Троя. Волхвы истолковали ей сонъ тѣмъ, что рожденный ею ребенокъ со временемъ погубитъ царство. Пріамъ, при появленіи Париса на свѣтъ, хотѣлъ умертвить его, но Гекуба уговорила пощадить его жизнь. Ребенка снесли на вершину горы Иды, гдѣ его нашли царскіе пастухи. Они выростили царевича, угадывая въ немъ не простое происхожденіе, однако же этотъ юноша пасъ стада наравнѣ съ простыми пастухами. Въ этой неважной должности онъ имѣлъ интригу съ нимфою *Эноною*, дочерью рѣки Кебрена, родившею отъ Париса сына *Коріоа*. Потомъ Минерва, Юнона и Венера явились къ нему на судъ для рѣшенія, которой изъ трехъ онъ отдастъ преимущество. *Судъ Париса*, надобно за-

мѣтить, весьма остроумная и нравоучительная аллегорія. Парисъ достигъ того возраста, въ которомъ человѣкъ въ состояніи избирать карьеру и ему предстояло три дороги: быть мудрымъ (Минерва), властвовать (Юнона) или посвятить всю жизнь любовнымъ похожденіямъ (Венера).. Парисъ выбралъ послѣднее. Вскорѣ послѣ суда богинь, одинъ изъ сыновей Пріама похитилъ изъ стада, охраняемаго Парисомъ, быка, для награжденія имъ побѣдителя на погребальныхъ играхъ ежегодно совершавшихся въ Троѣ. Парисъ, досадуя на похитителя, явился на состязаніе и выигралъ призъ. Гекторъ, оскорбленный этимъ, поднялъ мечь, чтобы наказать дерзкаго; но Парисъ, увернушись отъ удара, показалъ всѣмъ присутствовавшимъ богатыя пеленки, въ которыхъ былъ найденъ пастухами. Пріамъ и Гекуба узнали его и пастухъ-царевичь занялъ въ семействѣ царскомъ то мѣсто, которое по праву рожденія ему принадлежало, но котораго онъ былъ всего менѣе достоинъ..

Возвращаясь изъ Греціи въ Трою съ похищенною Еленою, Парисъ видѣлъ вышедшаго изъ волнъ *Нерея*, предрекшаго ему и царству великія бѣдствія, но ему и Еленѣ было не до предсказаній: они всю дорогу любезничали и нѣжничали. Началась война, въ которой Парисъ почти не принималъ участія, такъ какъ ему несносны были тяжелые доспѣхи и шлемъ. Послѣднему онъ предпочиталъ свой фригійскій колпакъ, который болѣе шелъ къ его изнѣженной женоподобной физіономіи. Впрочемъ онъ ранилъ нѣсколькихъ греческихъ витязей, изъ-за угла убилъ *Ахиллеса* и выходилъ на поединокъ съ Менелаемъ. Въ свою очередь раненый *Филоктетомъ*, пустившимъ въ него одну изъ ядовитыхъ стрѣлъ Геркулеса, Парисъ велѣлъ перенести себя на гору Иду къ прежней своей возлюбленной Энонѣ; однако же она отказалась излечить его и Парисъ издохъ, до половины сгнивъ еще за живо.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Эакъ.—Деифобъ.—Геленъ.—Политъ.—Полидоръ.—Троилъ.-Антеноръ.—Его предательство.—Эвфорбій.—Лаокоонъ.—Его гибель, вмѣстѣ съ сыновьями.—Группа Лаокоона.—Резъ.—Сарпедонъ.-Бальзамированіе его трупа.—Рожденіе Энея.—Креуза.—Асканій.—Подвиги Энея.—Бѣгство изъ Трои.—Делосъ.—Критъ.—Сицилія.—Царь Акесъ.—Дидона.—Сновидѣніе Энея.—Совѣщаніе съ кумскою сивиллою.—Сошествіе въ адъ.—Страна латинская.—Турнъ и Мезенцій.—Объясненіе сказокъ о немъ.—Дѣти Асканія.—Цари изъ его поколѣнія.—Исторія Дидоны.—Чудесное въ исторіи.—Средневѣковыя хроники.—Ихъ недостатки.—Народныя повѣрья и примѣты.

Изъ прочихъ сыновей Пріама достойны замѣчанія: *Эакъ*, побочный его сынъ отъ нимфы *Алекирои*, въ юности страстно влюбленный въ нимфу *Гескерію*, которую настойчиво преслѣдовалъ. Однажды, убѣгая отъ Эака, она была уязвлена въ пятку змѣею и умерла къ совершенному отчаянію своего обожателя, бросившагося въ море, гдѣ онъ былъ превращенъ въ нырка. Обладая даромъ прорицанія онъ истолковалъ Гекубѣ вѣщій сонъ, видѣнный ею передъ рожденіемъ Париса.

Деифобъ, заклятый врагъ грековъ, во время осады Трои отличался мужествомъ и многими подвигами. Парисъ, намѣреваясь предательски убить Ахиллеса, поручилъ Деифобу, чтобы тотъ, обнимая героя въ храмѣ, подольше подержалъ его въ объятіяхъ и этимъ далъ время Парису вѣрнѣе прицѣлиться въ пятку Ахиллеса. Послѣ смерти Париса, Елена сожительствовала съ Деифобомъ и когда Троя была взята, она же ввела грековъ въ комнату сожителя, котораго греки сперва оскопили, потомъ предали мучительной смерти.

Геленъ, находясь еще въ дѣтствѣ вмѣстѣ съ *Кассандрою* въ храмѣ Аполлона, уснулъ вмѣстѣ съ сестрою и во время сна

два дракона спустились на нихъ и обоимъ полизали уши. Съ тѣхъ поръ братъ и сестра были одарены способностью предсказывать [1]). Геленъ предрекъ грекамъ, что безъ Филоктета имъ невозможно овладѣть Троею. Взятый въ плѣнъ Неоптолемомъ, Геленъ былъ увезенъ въ Эпиръ; здѣсь женился на Андромахѣ и съ нею впослѣдствіи уѣхалъ въ малую Азію.

Политъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ сыновей Пріама, былъ убитъ Пирромъ; *Полидоръ*, младшій изъ царевичей, отправленный Пріамомъ къ своему зятю Полимнестору, царю ѳракійскому. былъ убитъ, съ цѣлію присвоенія бывшихъ при немъ сокровищъ. *Троилъ*, нѣжно любимый Ахиллесомъ, былъ имъ убитъ за то, что не отвѣчалъ ему сочувствіемъ... Участь дочерей Пріама и Гекубы была не менѣе плачевна: сперва позорныя ласки побѣдителей, потомъ мучительная смерть или рабство.

Изъ прочихъ героевъ троянскихъ особенно прославились: *Антеноръ*, посланный Лаомедономъ въ Дельфы для совѣщанія съ оракуломъ о средствахъ къ избавленію страны отъ опустошавшаго ее морскаго чудовища и впослѣдствіи ѣздившій въ Грецію для истребованія похищенной Гезіоны. Во время этого путешествія Антеноръ полюбилъ грековъ, подружился со многими изъ нихъ и не измѣнялъ этимъ чувствамъ пріязни даже во время осады Трои. Улиссъ пріѣхавъ за Еленою останавливался у Антенора, защищавшаго Улисса и Діомида отъ ярости народной. Во время войны Антеноръ сообщалъ грекамъ планы военныхъ дѣйствій троянцевъ. Помогъ Діомиду похитить палладіумъ; грекамъ присовѣтовалъ соорудить деревяннаго коня, а троянцамъ ввести его въ городъ и для этого сломать часть городской стѣны. Въ благодарность за это гнусное предательство греки при разореніи Трои пощадили домъ Антенора. Онъ же сопровождалъ Менелая и Елену въ Грецію; выброшенный бурею у береговъ Египта, основалъ богатую колонію въ Ливіи, гдѣ и умеръ.

Эвфорбій нанесъ первую рану Патроклу и въ тотъ же часъ самъ былъ убитъ Аяксомъ. *Главкосъ* промѣнялъ свое золотое оружіе

[1]) См. главы гдѣ сказано о Кассандрѣ.

на мѣдное, принадлежавшее Діомиду. Былъ раненъ Тевкиромъ и исцѣленъ Аполлономъ; впослѣдствіи палъ отъ руки Аякса.

Лаокоонъ, сынъ Капита и Ѳемиды, жрецъ Нептуна прославился настойчивостью, съ которою отговаривалъ соотечественниковъ отъ ввоза деревяннаго коня въ стѣны Трои. Подозрѣвая злодѣйскій умыселъ, онъ ударилъ копьемъ въ бокъ коня и во внутренности раздалось бряцаніе оружія. Видя, что всѣ его убѣжденія напрасны, Лаокоонъ, взявъ съ собою двоихъ сыновей *Антиѳата* и *Ѳимбрея* (или *Эѳрона* и *Меланѳа*) пошелъ въ храмъ Нептуна для жертвоприношенія, тогда изъ волнъ морскихъ отъ Тенедоса выползли два огромныя змѣя (*Поркетъ* и *Харивея*) и опутали сыновей Лаокоона своими кольцами; отецъ, бросившійся къ нимъ на помощь, подвергся той же участи.. Задушивъ отца и сыновей, змѣи уползли въ храмъ Минервы и спрятались за ея эгидою. Группа Лаокоона — совершенство древняго ваянія, безъ сомнѣнія знакома нашимъ читателямъ.

Резъ, царь ѳракійскій, славился своими конными дружинами, отсюда произошла басня о его чудесныхъ коняхъ, присланныхъ къ Пріаму. Было предсказаніе, что Троя никогда не будетъ взята, если кони Реза поѣдятъ траву на пастбищахъ Симоиса и попьютъ воды изъ рѣки Ксанѳа. Улиссъ и Діомидъ пробрались въ шатеръ спящаго Реза, умертвили его и увели коней.

Сарпедонъ, царь ликійскій, союзникъ Пріама, отправляясь въ походъ оставилъ на престолѣ своего малолѣтняго сына Эвандра. Палъ отъ руки Патрокла. Его трупъ по повелѣнію Юпитера былъ взятъ Аполлономъ, омытъ въ водахъ Ксанѳа, политъ амброзіею и на рукахъ Сна и Смерти перенесенъ въ Ликію. Переведемъ это поэтическое сравненіе на обыкновенный языкъ и скажемъ: трупъ Сарпедона послѣ смерти былъ набальзамированъ и отвезенъ въ его владѣнія. Бальзамическіе составы, предохраняющіе трупъ отъ гніенія — амброзія; искусно набальзамированный трупъ кажется тѣломъ спящаго человѣка—сонъ и смерть.

Перейдемъ къ герою, похожденія котораго едва-ли не любопытнѣе улиссовскихъ, были воспѣты *Виргиліемъ* въ безсмертной его ***Энеидѣ***.

Каписъ, сынъ Ассарака, внукъ Троса, былъ женатъ на двою-

родной сестрѣ своей *Θемирп* и имѣлъ отъ нея сына *Анхиза*. Въ юности своей Анхизъ пасъ стада своего отца и обратилъ на себя вниманіе Венеры, нисходившей съ Олимпа и имѣвшей свиданіе съ красавцемъ на берегахъ Симоиса. Плодомъ этихъ нѣжныхъ свиданій былъ *Эней*, котораго Венера отдала на воспитаніе Анхизу, строго запретивъ своему возлюбленному разглашать тайну его рожденія. Само собою разумѣется, что связи между богинею и Анхизомъ не было никакой, но въ древности водилось обыкновеніе, приписывать побочнымъ дѣтямъ, царей и царицъ происхожденіе отъ боговъ и богинь Олимпа и незаконность происхожденія маскировать сверхъ-естественностью. Законною супругою Анхиза была *Эріопида* или *Гипподамія*. Ей открылъ супругъ тайну происхожденія Энея и за это былъ ослѣпленъ ударомъ молніи.

Эней, рожденный у подножія горы Иды, былъ вскормленъ и взрощенъ дріадами до пятилѣтняго возраста, потомъ былъ возвращенъ отцу. Онъ женился на *Креузѣ*, дочери Пріама, родившей ему сына *Асканія* или *Авла*. Въ началѣ троянской войны Эней предлагалъ своему тестю примириться съ греками, но видя безуспѣшность своихъ совѣтовъ сталъ въ ряды защитниковъ Трои и отличался мужествомъ и отвагою. Во время единоборства съ Діомидомъ онъ, безъ сомнѣнія, былъ бы убитъ, еслибы его не спасли Аполлонъ и Венера. По возвращеніи на битву Эней убилъ Орсилохія и Хреѳрона, приблизился къ греческимъ окопамъ, но принужденъ былъ отступить предъ Антилохіемъ и Менелаемъ. Потомъ отъ его руки пали Эномай и Афарей, Медонъ и Язій; онъ защищалъ отъ похищенія тѣло Сарпедона и пытался унести съ поля сраженія трупъ Патрокла; бился съ Ахиллесомъ и въ ту самую минуту, когда греческій герой готовился нанести ему смертельный ударъ, былъ спасенъ Нептуномъ, который облекъ его непрогляднымъ облакомъ (т. е. Эней отступилъ, благодаря густому туману). Затѣмъ Эней защищалъ Трою до послѣдней крайности, но принужденный бѣжать изъ пылавшаго города онъ посадивъ себѣ на плечи Анхиза и взявъ за руку сына своего Асканія— отступилъ къ горѣ Идѣ, гдѣ вокругъ него собрались толпы обоего пола несчастныхъ жителей Трои... Жена Энея погибла въ пламени или, выражаясь на миѳологическій ладъ: была похищена

Цибеллою. Послѣ разоренія Трои Эней отплылъ на судахъ къ берегамъ Италіи. Во время плаванія приставалъ къ Ѳракійскимъ берегамъ и здѣсь основалъ городъ Эносъ; посѣтилъ островъ *Делосъ*, на которомъ *Аній*, старый другъ его отца, принялъ бѣглецовъ съ самымъ трогательнымъ радушіемъ. Съ Делоса Эней поплылъ на *Критъ*, гдѣ основалъ колонію, опустошенную вскорѣ моровымъ повѣтріемъ. Съ острова Крита онъ прибылъ въ Сицилію, гдѣ нѣсколько времени гостилъ у царя *Акеста*, подобно самому Энею, троянскаго переселенца. У береговъ Сициліи Эней потерпѣлъ жестокую бурю, поднятую Эоломъ по просьбѣ Юноны и утишенную Нептуномъ. Большая часть кораблей Энея была разсѣяна или превращена въ нереидъ (т. е. поглощена волнами). Плаватель былъ вынужденъ бросить якорь у береговъ Африки. Въ это время Венера принесла жалобу Юпитеру на Юнону за ея преслѣдованія и гоненія бѣднаго Энея и царь боговъ утѣшилъ богиню тѣмъ, что за всѣ страданія, претерпѣваемыя ея сыномъ, судьба вознаградитъ его славою въ будущемъ. Меркурій, посланный Юпитеромъ къ *Дидонѣ*, царицѣ Карѳагена, повелѣлъ ей дружески принять гостя, приставшаго къ берегамъ ея владѣній. Дидона приняла Энея и его спутниковъ, какъ нельзя лучше и изъявила ему желаніе видѣть его сына Асканія, оставшагося на кораблѣ. Покуда Эней бесѣдовалъ съ Дидоною, Венера перенесла Асканія на островъ Кипръ, а на его мѣсто посадила на корабль Купидона. Карѳагенская царица обласкала малютку, который не замедлилъ уязвить ея сердце, заронивъ въ него страстную любовь къ Энею. Его разсказы о битвахъ подъ стѣнами Трои, увлекательные, краснорѣчивые, окончательно очаровали Дидону. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Карѳагенѣ, Эней, по волѣ боговъ, принужденъ былъ разстаться со своей возлюбленной и Дидона съ отчаянія кончила жизнь самоубійствомъ.

Изъ Карѳагена Эней поплылъ въ Италію, но буря пригнала его къ берегамъ Сициліи, гдѣ онъ почтилъ память отца своего надгробными играми. Одержавъ верхъ надъ *Клоонтомъ* въ морскомъ состязаніи, онъ побѣдилъ *Антеллія* въ борьбѣ, а *Эвризіона* въ стрѣльбѣ изъ лука. Здѣсь, въ сновидѣніи ему явилась тѣнь отца и приказала ѣхать въ Италію для основанія новаго

царства. Жены спутниковъ Энея, при вѣсти о новомъ, дальнѣйшемъ плаваніи сожгли флотъ, чтобы принудить Энея остаться на островѣ Сициліи. Покорный велѣніямъ отца, онъ основалъ здѣсь городъ Акестъ, въ которомъ оставилъ дряхлыхъ троянцевъ и всѣхъ женщинъ; самъ же, сѣвъ на корабль, одинъ, безъ кормчаго отправился въ дальнѣйшій путь. Прибывъ въ Кумы, онъ совѣщался съ тамошнею сивиллою; по ея повелѣнію отыскалъ въ лѣсу золотую вѣтвь, могучій талисманъ отъ всякихъ бѣдствій; нисходилъ въ адъ. Здѣсь на берегахъ мрачныхъ рѣкъ преисподней онъ бесѣдовалъ со своимъ усопшимъ отцомъ, обучившимъ его таинствамъ мудрости человѣческой и открывшимъ ему грядущую участь великаго Рима.

По возвращеніи изъ ада, Эней въ Кумской гавани опять сѣлъ на корабль и поплылъ въ Каэту, а отсюда къ устьямъ Тибра; высадился на равнинахъ Лавренціи—страны, въ которой царствовалъ престарѣлый *Латинъ*. Онъ очень дружелюбно принялъ Энея и выдалъ за него свою дочь, *Лавинію*, не смотря на то, что рука ея уже была обѣщана царю Рутульскому, *Турну*. Богъ рѣки Тибра далъ Энею совѣтъ, во избѣжаніе преслѣдованій соперника, отправиться въ Паллантею, столицу царя Эвандра. Этотъ царь [illegible]въ Энею четыреста всадниковъ и предложивъ ему стать во [illegible]ѣ ополченія тирренійцевъ, послалъ его войною противъ тирана *Мезенція*. Венера снабдила Энея оружіемъ. Во время похода его войскъ къ лагерю Мезенція, Турнъ два раза нападалъ на нихъ, но былъ отражаемъ и наконецъ, обращенъ въ бѣгство. Когда же Турнъ и Мезенцій соединенными силами напали на Энея онъ побѣдилъ ихъ и убилъ Мезенція. Воздавъ убитымъ своимъ сподвижникамъ воинскія почести, Эней повелъ своихъ воиновъ въ Лауренцію и близъ нея опять встрѣтился съ Турномъ. Выведенный изъ терпѣнія (не менѣе читателей о его похожденіяхъ), Эней предложилъ сопернику рѣшить эту безконечную распрю единоборчествомъ; побѣдилъ Турна, убилъ его и остался обладателемъ Лаціума, въ которомъ основалъ городъ, въ честь супруги, названный *Лавиніумомъ*. Послѣ четырехъ лѣтъ мирнаго царствованія, Эней принужденъ былъ воевать съ этрусками и въ кровавой битвѣ на берегахъ рѣки Нумикія онъ пропалъ безъ вѣсти,

оставивъ Лавинію беременною сыномъ *Сильвіемъ*. Отъ дальнѣйшихъ набѣговъ этрусковъ ее избавилъ пасынокъ Асканій.

Нельзя не замѣтить, что древнія родословія—безконечныя, [illegible] спутанныя и перепутанныя нити, на которыя нанизаны [illegible]овъ героевъ, простыхъ смертныхъ—до безконечности. [illegible]ной Энея есть еще варіантъ или прибавка, о которой [illegible] умолчать. По этому Варіанту у Энея были еще жены: *[illegible]рндика*, *Лаунія* и *Диктея* (или одна жена съ тремя именами, или съ однимъ изъ этихъ трехъ именъ), родившая сына *Рома* и дочь *Этіаду*. Честь основанія Рима, одни историки приписываютъ троянскимъ переселенцамъ, другіе грекамъ, возвращавшимся изъ троянскаго похода. На чьей сторонѣ правда? Тѣ и другіе въ подтвержденіе истины приводятъ болѣе или менѣе правдоподобныя доказательства. Не отдавая преимущества однимъ передъ другими, мы замѣтимъ, что основателями Рима имѣли претензію быть четыре семейства, совершенно различныхъ корней: 1) семейство Энея: *Асканій*, *Ромулъ* или дочь *Альба*; 2) потомки *Латина*, въ женскомъ или мужскомъ колѣнѣ; 3) потомки Улисса, отъ *Ромула* или *Рома* сына его, рожденнаго Цирцеею—и 4) потомки дѣтей *Юпитера*. Послѣднее предположеніе, если и нелѣпо, то по крайней мѣрѣ грандіозно и въ духѣ гордыхъ римлянъ: царство ихъ основали, если не сыновья, то внуки царя боговъ... Эти ли не славнѣйшіе основатели?

Гробница Энея, на берегу рѣки Нумикія, существовала еще во времена Тита Ливія и передъ нею приносили жертвы Юпитеру Индигету. Сказки и присказки, приплетенныя къ исторіи Энея, неисчислимы: самое обыкновенное дѣяніе, совершенное этимъ героемъ древніе величали подвигомъ: каждый подвигъ чудомъ.. Боги и богини на перерывъ угождали ему и приключеній съ нимъ было не менѣе, нежели съ богатырями индійскихъ или нашихъ народныхъ сказокъ. О невозможности его связи съ Дидоною мы уже говорили (см. *Сабизмъ*, гл. XVII, стр. 317), но древніе въ своихъ сказаніяхъ именно за невозможнымъ и невѣроятнымъ всего болѣе гнались. Совѣщанія Энея съ Сивиллою кумскою, его сошествіе въ адъ, бесѣды съ Анхизомъ—на всѣ

эти чудныя событія существуетъ множество толкованій и объясненій и безчисленное множество дисертацій. Приводить хотя бы и тысячную ихъ долю, было-бы слишкомъ утомительно для вниманія читателей. Мы уже говорили. что древніе называли сошествіемъ въ адъ — тяжелыя болѣзни, во время которыхъ человѣкъ находится при смерти. По прибытіи въ Лаціумъ, Эней захворалъ горячкою и въ бреду бесѣдовалъ съ призракомъ Анхиза. Этихъ данныхъ было достаточно, чтобы поэты на основаніи ихъ сочинили разсказы о событіяхъ совершенно сверхъестественныхъ. Додонскій оракулъ и Сивилла приказали Энею основать Лавиніумъ на самомъ томъ мѣстѣ, на которомъ опоросится бѣлая свинья. Прибывъ въ Италію Эней намѣревался принести въ жертву богамъ именно бѣлую свинью, которая вырвалась изъ рукъ жреца и убѣжала на безплодное и пустынное нагорье. Эней вспомнилъ о предсказаніи, но увидя это мѣсто нашелъ его неудобнымъ для основанія города. Невидимый голосъ, исшедшій изъ чащи сосѣдняго лѣса, возвѣстилъ ему, что въ этомъ городѣ онъ проживетъ столько лѣтъ, сколько свинья намечетъ поросятъ... Эта вѣстница воли судебъ, поросилась тридцатью поросятами и Эней принялъ это за предзнаменованіе. Оставимъ однако этого героя съ его безконечными приключеніями и займемся двумя лицами, игравшими не послѣднія роли въ его похожденіяхъ.

Асканій, сынъ его, будучи шестнадцати лѣтъ отразилъ этрусковъ, напавшихъ на Лавиніумъ и убилъ на поединкѣ ихъ царя *Лавза*. Оставивъ престолъ матери своей Лавиніи, Асканій основалъ неподалеку отъ ея владѣній Альбу-долгую (Alba longa), и царствовалъ въ ней тридцать восемь лѣтъ. Ему наслѣдовалъ его сынъ *Іулъ*, ограничившій власть свою саномъ верховнаго жреца (1057 г. до Р. Х). За нимъ слѣдовали: *Сильвій Постумій* или *Эней-Сильвій* (1049); *Латинъ* (989); *Альба* (984); *Атисъ* или *Капетъ* (945); *Капитъ* (919); *Кальпетъ* (891); *Таворинъ* (878), *Агриппа* (870); *Ромулъ* (837); *Авентинъ* (808); *Прока* (781); *Нумиторъ* и *Амулій* (768).

Дидона, о которой мы уже говорили при обзорѣ исторіи Карѳагена, въ римской миѳологіи является совсѣмъ иною. Пигма-

ліонъ, братъ ея, царь финикійскій умертвилъ ея супруга *Сихія*, чтобы овладѣть его сокровищами, но увѣрилъ Дидону, что Сихей отправился въ чужіе края по весьма важному порученію. До времени она вѣрила этой лжи, но однажды Сихей явился ей во снѣ, объявилъ о дѣйствительной своей участи, совѣтуя Дидонѣ бѣжать изъ владѣній Пигмаліона. Она со всѣми сокровищами и прислужницами сѣла на корабль и послѣ долгаго и труднаго плаванія пристала къ берегамъ Африки, гдѣ купила у ливійскаго царя *Ярба* участокъ земли величиною съ воловью кожу... Нарѣзавъ тонкихъ ремешковъ она окаймила ими огромное пространство земли и построила на немъ Карѳагенъ. Сюда вскорѣ прибылъ Эней, которому Дидона отдала свое нѣжное сердце. Ярбъ, взбѣшенный предпочтеніемъ, оказаннымъ чужезенцу, объявилъ Дидонѣ войну; но Эней побѣдилъ враговъ и тѣмъ еще болѣе прежняго сталъ дорогъ Дидонѣ. Когда же, согласно волѣ боговъ, онъ объявилъ ей, что они должны разстаться, Дидона взошла на костеръ и приказавъ подложить подъ него огонь пронзила свое нѣжное сердце мечемъ Энея.

Шагъ за шагомъ, сквозь длинный рядъ вѣковъ, мы достигли временъ историческихъ, разсказы о которыхъ точно также не лишены примѣси баснословія, но мы передадимъ ихъ читателю въ слѣдующей части нашей миѳологіи, посвященной обзору нравовъ, обычаевъ, обрядовъ и преданій древней Греціи и Рима. Можно ли требовать истины отъ лѣтописцевъ язычниковъ, когда историки христіанскихъ государствъ, временъ не очень отдаленныхъ, имѣли слабость прикрашивать разсказы объ истинныхъ событіяхъ мишурой чудеснаго и сверхъ - естественнаго. Возьмите средневѣковыя лѣтописи Европы: ни одно политическое событіе не обходится безъ предзнаменованій, вѣщихъ сновидѣній, чудесъ и т. п. угрожаетъ-ли какому нибудь королю близкая кончина — и на небѣ, въ видѣ восклицательнаго знака, является комета; два герцога подрались — и солнце меркнетъ, и звѣзды падаютъ съ неба. Непріятельское войско обратило тылъ — непремѣнно его привело въ ужасъ явленіе призрака какого нибудь епископа, или папы. Кровавые дожди, паденія крестообразныхъ градинъ, воинства сражающіяся въ воздухѣ, разные голоса съ высоты и т. д. — безъ этихъ

эфектовъ въ среднiю вѣка не обходилось ни одного событія и хроники переполнены этими миѳологическими поисказсками, переведенными съ языка идолопоклонниковъ на языкъ христіанскій. Исторія въ весьма недавнее время отказалась отъ этихъ шутовскихъ выходокъ, но въ преданіяхъ народныхъ онѣ и донынѣ сохраняются во всей силѣ. У насъ, на святой Руси сѣверныя сіянія, затмѣнія, дожди и засухи простой народъ непремѣнно принимаетъ за знаменія *чего-то* и вообще, при случаѣ, но прочь къ метеорологіи примѣшать и политику, хотя здравый смыслъ говоритъ, что одно съ другимъ не можетъ рѣшительно имѣть ничего общаго.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Алфавитный перечень боговъ второстепенныхъ. — Анна Перенна.—Годъ грековъ и римлянъ. -Дни.—Пятница.—Геніи. — Демоны — Домовики.—Козлы и конюшни. -Мандукусъ—Провидиніе.—Вѣрованіе въ него у древнихъ. - Суккубы и инкубы.—Флуонія.

Кромѣ первостатейныхъ боговъ и богинь, а также божествъ степеней низшихъ, у древнихъ былъ еще—цѣлый легіонъ обоего пола невидимыхъ покровителей человѣка во всѣхъ его возрастахъ и состояніяхъ отъ колыбели до могилы. Для полноты нашего обзора считаемъ необходимымъ представить алфавитный списокъ и этихъ божествъ, порожденныхъ воображеніемъ черни, — праздныиъ воображеніемъ поэтовъ или алчностью жрецовъ.

Абеона присутствовала при разлукѣ *Адеона*—при возвращеніи *Агенорія* или *Агеронія* у грековъ—нимфа дѣятельности и энергіи, у римлянъ ее называли *Стренуа*, говоря что заклятыя ея противники: *Вакуна* (праздность) и *Мурція* (трусость малодушіе). *[illegible]* (сила) и *Алькона* (неутомимость) были спутницами странниковъ и путешествующихъ. *Алезъ* или *Галенъ*

былъ богомъ войны у древнѣйшихъ жителей Италіи: Вейтянъ, Авзоновъ, Арунковъ и Осковъ. *Амбиція*—богиня честолюбія имѣла особый храмъ въ древнемъ Римѣ, равно какъ и *Амицицiя* (дружба).

Богиню *Анэдію* (безстыдство) чествовали въ Аѳинахъ. *Анкарія* въ древней Этруріи была богинею мщенія. *Анкуліи* были покровителями рабовъ; *Ангерона* богинею молчанія. Именемъ *Анималесъ Діи* (Animales Dii) римляне называли вообще геніевъ, покровителей душъ человѣческихъ. *Анна Перенна* — божество символическое, было олицетвореніемъ полнаго луннаго года. Разсказывали будто она, родная сестра Дидоны, послѣ ея самоубійства прибѣжала въ Италію къ Энею, умоляя его о пристанищѣ. Лавинія приревновала Анну къ своему супругу и несчастная съ отчаянія утопилась, но послѣ смерти превращена была въ нимфу рѣки Нумиція. Память ея праздновали въ Римѣ 15 марта, черезъ двѣ недѣли послѣ новаго года.

Римскій годъ дѣлился на двѣнадцать мѣсяцевъ, изъ которыхъ у каждаго былъ соотвѣтствующій символическій знакъ и особый богъ-покровитель. *Мартъ* (телецъ и Минерва), *Април* (Венера и Апрмлій: юноша увѣнчанный миртомъ), *Май* или *Маій*—въ память атлантиды Маіи (Аполлонъ и близнецы); *Юній* или *Іюній* (Меркурій и ракъ), названный этимъ именемъ въ честь Юноны, или посвященный Юнію Бруту, изгнавшему въ этомъ мѣсяцѣ Тарквинія Гордаго изъ Рима (509 л. до Р. Х.). *Квинтилій* пятый мѣсяцъ впослѣдствіи въ честь Юлія Цесаря названный *Іюлемъ* (Юпитеръ и Левъ); *Секстилій*, впослѣдствіи *Августъ* въ честь императора Августа (30 л. до Р. Х.), покровительствуемый Церерою и имѣвшій символомъ дѣву съ колосомъ въ рукахъ. *Септембрій—Сентябрь* (Вулканъ и вѣсы); *Октоберъ*—октябрь (Марсъ и скорпіонъ); *Новемберъ*—ноябрь (Діана и стрѣлецъ); *Децемберъ*—декабрь (Веста и козерогъ); *Януарій*—январь (Янусъ и водолѣй); *Февруарій*—февраль (Нептунъ и рыбы).

Греческій годъ начинался съ половины мая и такимъ образомъ у аѳинянъ каждый мѣсяцъ состоялъ изъ второй половины одного и первой половины другаго мѣсяца. 1) *Маіосъ*; 2) *Дель-*

фиміонъ, или *Скирофоріонъ;* 3) *Даматріонъ* (іюль); 4) *Таргліонъ*; 5) *Боэдроміонъ* (сентябрь); 6) *Герменосъ* (октябрь); 7) *Плансепіонъ* (октябрь и ноябрь); 8) *Поссейдонъ* (ноябрь и декабрь); 9) *Гамелеонъ* и *Ленеонъ* (январь); 10) *Анѳестеріонъ* (февраль); 11) *Элафебеліонъ* (конецъ февраля и начало марта); 12) *Мунихіонъ* (апрѣль).

Дни, какъ у грековъ такъ и у римлянъ, были посвящены богамъ и богинямъ: *Солнцу*, *Лунѣ*, *Марсу*, *Меркурію*, *Юпитеру*, *Венерѣ* и *Сатурну*. Пятница и понынѣ у европейскихъ народовъ романскаго племени называется днемъ Венеры (Venerdi по итальянски, Vendredi — по французски и т. д.) у народовъ племени тевтонскаго и скандинавскаго—*днемъ Фреи* (богини любви, Freytag по нѣмецки, Frigdag по шведски, Fryday по англійски). У насъ, въ Россіи, простой народъ сопрягаетъ названіе дня пятницы съ именемъ св. мученицы *Параскевы*, буквально переводя, греческое наименованіе дня недѣли, или, вѣрнѣе сказать, превращая имя нарицательное въ имя собственное. День, посвященный Сатурну (субота), почитался у древнихъ тяжелымъ днемъ; день луны (понедѣльникъ) неудачливымъ. Предпринимая какое либо дѣло они обыкновенно призывали на помощь божество дня.

Анделіи домашніе боги—хранители отъ глазу и порчи, изображенія которыхъ греки ставили у входовъ въ свои дома. *Антидеи*—бѣсы, противники боговъ, вѣрованіе въ которыхъ было сильно развито у римлянъ. *Афтасъ* (египетскій Фта) — духъ огня. *Аркулъ* у римлянъ: хранитель крѣпостей, замкнутыхъ сундуковъ и шкафовъ. *Аргентинъ*, геній серебряной монеты, сынъ *Эскулапа*—богъ монеты мѣдной. *Аргосъ* — геній правосудія у грековъ.

Азилей, покровитель бѣглецовъ, пріютавшихся въ *азиліяхъ*, или отверзтыхъ храмахъ, въ которыхъ они были неприкосновенны. Въ слѣдующей части мы подробно поговоримъ объ азиліяхъ. *Ата* или *Атс* кривда. *Автоматія* богиня нечаянности. *Auксиліумъ*: геній помощникъ.

Бенефиціумъ, геній благодѣяній. *Біа* или *Віа*, богиня насилія у грековъ. *Бонусъ Эвентусъ* (удача) богъ, идолъ кото-

раго стояло въ Капитоліи рядомъ съ идоломъ Фортуны. Ему приносили въ жертву коня въ 15 день октября мѣсяца. *Бризо*, богиня сна у грековъ. *Буклонъ*, у римлянъ: геній мухъ и комаровъ.

Вакуна, у жителей Латіума—богиня отдыха и спокойствія. При праздновaніи въ ея честь *Вакунналій* въ домахъ, всѣ члены семейства попеременно садились передъ очагомъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ сохраняя совершенную неподвижность. *Вивилія* (въ Латіумѣ) покровительница заблудившихся путешественниковъ. *Викта* хранительница всякаго рода провизіи и жизненныхъ припасовъ. *Витула*, у римлянъ, богиня наслажденій. На праздникахъ въ ея честь (8 іюля), называемыхъ *Витуляціи* ей приносили въ жертву первые плоды и овощи. *Вольтумна*, *Волумній*, *Волумнія* и *Консусъ*, боги совѣщаній.

Геній у этруссковъ: небесный духъ, хранитель и спутникъ каждаго человѣка; добрый или злой, судя потому, подъ доброй или злой звѣздою родился человѣкъ. Генію у древнихъ былъ посвященъ Платанъ или яворъ (Platanus orientalis L); въ жертву ему на открытомъ воздухѣ приносили цвѣты, плоды и ладонъ. *Грундуліи* при Ромулѣ въ Римѣ: геніи — хранители хлѣвовъ, преимущественно свинныхъ. *Гелиѳея* или *Молпадія* и ея сестры *Рео* и *Парѳенія*, дочери Стафила, бѣжали отъ гнѣва отца за то, что допустили двухъ боровьевъ взрыть его поле. Сѣвъ на ладью всѣ три сестры поплыли въ море. Спасенныя Аполлономъ онѣ высадились на берегахъ Кастиліи, гдѣ имъ впослѣдствіи воздавали почести какъ морскимъ богинямъ. Не только у грековъ, римлянъ, но и у всѣхъ народовъ древняго міра, на иноземцевъ прибывавшихъ моремъ на ладьяхъ, смотрѣли какъ на существа сверхъ-естественныя, или, какъ на выходцевъ съ того свѣта.

Гересъ-Мартея, у римлянъ: покровительница наслѣдниковъ. Ей приносили жертвы послѣ кончины старшихъ родственниковъ. *Гонорѣ* (честь) богъ, которому Мерцеллъ воздвигъ храмъ въ Римѣ, рядомъ съ храмомъ добродѣтели. Не проходя чрезъ второй невозможно было попасть въ первый. *Гормея*, богиня быстроты, живости, имѣла особенный храмъ въ Аѳинахъ. *Горта*, богиня юности въ Римѣ. Двери ея храма постоянно были открыты. *Гапс-*

рихія или *Гиперборейская дѣва*, которой поклонялись на островѣ Делосѣ.

Дэмогоргонъ, духъ земли въ Аркадіи. *Демонъ* у грековъ то же, что геній у римлянъ: невидимый спутникъ человѣка и его совѣтникъ въ злыхъ или добрыхъ дѣлахъ. *Доликеній*, геній войны у грековъ. Его изображали въ видѣ воина, стоящаго на быкѣ и осѣненнаго распростертыми крыльями орла.

Эхехирія, въ Олимпіи, богиня мира. *Эхетлей* геній, устрашившій персовъ при Мараѳонѣ. Онъ явился въ видѣ пахаря съ сохою въ рукахъ. *Эдука*, *Эдуза*, *Эдулія* покровительница грудныхъ дѣтей. *Эгнатія*, богиня нечаяннаго огня въ Апуліи. *Элевѳерія*, богиня личной свободы. *Эльпида* или *Спесъ* — надежда, сестра сна и смерти, неразлучная спутница всѣхъ несчастныхъ и страждущихъ. *Эмпанда* покровительница деревень и весей. *Эѳона*, богиня зависти. *Эпона* у римлянъ, хранительница конюшень и покровительница конюховъ. Вѣрованіе въ домоваго, который, будто бы, по ночамъ безпокоитъ лошадей, стоящихъ въ конюшняхъ, распространено съ незапамятныхъ временъ повсемѣстно. У насъ, для отогнанія его, въ конюшняхъ держатъ козловъ. Это обыкновеніе (чисто гигіеническая мѣра для предохраненія лошадей отъ насѣкомыхъ-паразитовъ) у насъ облечено въ фантастическую форму. Нашъ простолюдинъ всему полезному вѣритъ съ отрицательной точки зрѣнія. Дайте ему совѣтъ полезный для его здоровья и скажите, что ему будетъ *добро*, если онъ этому совѣту послѣдуетъ: простолюдинъ усомнится. Скажите ему, что если онъ *не* послѣдуетъ вашему совѣту, то ему будетъ *худо*, тогда онъ непремѣнно васъ послушаетъ. Слѣдовательно, острастка самый могущій аргументъ для убѣжденія человѣка, всегда и всюду. Древніе законодатели, глубокіе знатоки сердца человѣческаго — зная это свойство нашей натуры, умѣли дѣйствовать на воображеніе имъ подвластныхъ, пугая ихъ въ случаѣ надобности, какъ няньки пугаютъ капризныхъ дѣтей стариками или трубочистами. *Эпунда* и *Валлонія* — два генія, сушившіе развѣшанное бѣлье. *Эресъ* или *Эскуланъ* римскій богъ мѣдной монеты. *Эвбулія* — богиня добраго совѣта. *Эвхея* — геній молитвы. *Эвдемонія* (у грековъ), *Фелицитасъ* (у римлянъ), богиня

благополучія. *Евгенія* - богиня благородства, не столько по происхожденію, сколько по его духовнымъ проявленіямъ. *Евсевія* — благочестіе.

Карпъ, *Карпусъ*, *Калабръ* богъ-покровитель мореходовъ въ Памфиліи, которому приносили въ жертву соленую рыбу. *Калиго* — богъ сумрака. *Калистагоръ* — богъ-покровитель острова Теноса. *Калумнія* (клевета) имѣла особый храмъ (!!) въ Аѳинахъ. *Кардея* или *Карна* — хранительница дверныхъ петель. Карна у римлянъ была также богинею-покровительницею мускуловъ человѣческаго тѣла. Въ первыхъ числахъ въ Римѣ, на горѣ Цэліи совершались въ ея честь особенныя празднества. *Каѳиры* (чистые) геніи-покровители въ Аркадіи. *Катій* или *Кавтій* духъ-внушитель осторожности и подозрительности. *Карусъ* духъ, внушавшій человѣку слово или дѣйствіе кстати; находчивость. *Клаора* — богиня замковъ и затворовъ, имѣвшая особенный храмъ на Квириналѣ, въ Римѣ. *Клеменція* (милосердіе): ея храмы преимущественно служили азиліями для преступниковъ. Въ Греціи ей воздвигли храмъ Гераклиды, а въ Римѣ народъ, въ память Юлія Кесаря. *Клоакина* - богиня отхожихъ мѣстъ, помойныхъ ямъ и стоковъ нечистотъ въ Римѣ. Первый храмъ былъ воздвигнутъ въ ея честь при царѣ Таціи... Пріятная обязанность! *Каллистрика*, *Каллатика* или *Каллина* (въ Римѣ), богиня холмовъ и пригорковъ. *Конкордія* — богиня согласія, храмъ которой находился на форумѣ, близъ Капитолія. У грековъ божество это называлось *Гоманея* и храмъ его находился въ Олимпіи. *Кредулитасъ* — богиня легковѣрія, которую всегда изображали рука объ руку съ Клеветою. *Крепитусъ* богъ-помощникъ при испусканіи вѣтровъ, особенно сопровождаемыхъ громкимъ звукомъ ([1]). *Кура* — богиня заботъ, безпокойства и душевной тревоги.

Латерагусъ или *Латеркулъ* — хранитель домашнихъ очаговъ. *Лаверна* — богиня плутовъ и мошенниковъ. Ей покланя-

([1]) До какого скотскаго отупѣнія надобно было дойти великому римскому народу, чтобы изобрѣтать божества для помощи людямъ, при ихъ органическихъ отправленіяхъ!

лись въ священныхъ рощахъ, молясь молча и прося ея особеннаго покровительства лѣвой рукѣ, почитавшейся у древнихъ искуснѣе правой. *Лима* или *Лиментина* (въ Латіумѣ) богиня пороговъ и входовъ въ жилища. *Луа*—богиня очищеній и омовеній.

Мондукусъ у римлянъ: бука, страшилище дѣтей, пожиравшій непослушныхъ на этомъ свѣтѣ. Римляне, пугая дѣтей этимъ чудовищемъ, сами весьма простодушно вѣрили въ его существованіе. *Менсъ*—богиня мысли и разума. Въ Римѣ ей были посвящены два храма. *Мефитида*—богиня гнилостныхъ и смрадныхъ испареній. *Метаноэя*—воплощеніе раскаянія. *Мизерикордія* богиня жалости и состраданія или милосердія имѣла храмъ въ Аѳинахъ. *Монтинъ*—богъ горъ и возвышенныхъ мѣстностей.

Насціо или *Насціо*—богиня благополучнаго рожденія младенцевъ. *Номія* (въ Аркадіи) богиня-покровительница пастуховъ. *Нумерія*—богиня вычисленій въ Римѣ. Ей молились беременныя женщины, которымъ при интересномъ положеніи дѣйствительно необходимо знать вычисленія сроковъ беременности и разрѣшенія отъ бремени. *Неосторожность* и *Напраслина* имѣли особые храмы въ Аѳинахъ.

Панда—латинская богиня дорогъ. *Пателла*, *Пателлана*—хранительница вещей не спрятанныхъ. *Пеллонія*—богиня разсѣянія скуки. *Піетасъ*—набожность. Ацилій Глабріонъ соорудилъ ей храмъ въ Римѣ. *Поллентія* и *Потестасъ*—богини могущества и власти. *Популонія* — хранительница земли отъ опустошеній, а народа отъ нашествій иноплеменниковъ. *Праксидика*, дочь *Сотера* (спасителя и хранителя людей)--богиня добрыхъ намѣреній. Съ дочерьми своими: *Гомонеею* (согласіе) и *Аретэ* (добродѣтель) она образовывала священную тріаду, которую призывали дававшіе клятву. *Промилея* — богиня мельничныхъ жернововъ и плотинъ. *Промиторъ* — латинскій богъ расходовъ и издержекъ. *Провиденція* (провидѣніе), божество, особенно чтимое при императорахъ римскихъ. Вѣрованіе въ провидѣніе или божественный промыслъ составляло, такъ сказать, переходъ отъ грубаго, матеріальнаго язычества къ религіи умозрительной или богопознанію съ точки зрѣнія христіанства. Символомъ Провиденціи было зеркало, окруженное змѣями: всевѣдѣніе и

мудрость. *Пиронисты:* огненные духи, заводящіе путниковъ въ болота, или сбивающіе ихъ съ дороги; т. е. *блуждающіе огни*. Праздность или лѣность подъ именемъ *Сегниціиды* древніе называли дочерью Сна и Ночи.

Ридикулусъ—богъ всего смѣшнаго, удостоенный особеннымъ храмомъ при Аннибалѣ. *Реверенція*—богиня почтенія, дочь величія и чести. *Росъ* или *Дрозосъ* — богъ росы, сынъ луны и воздуха. Обоготворяемый въ образѣ женщины, роса называлась *Герсеею* и *Пандрозою*.

Сабонъ или *Савусъ*—вседержитель у сабинянъ; *Санъ* или *Сангъ* — у нихъ же богъ клятвы и присяги. *Сатуритасъ* (сытость) покровительница паразитовъ или блюдолизовъ. *Скабіесъ*—богиня чесотки и паршей. *Сеній*—богъ дряхлости. *Стата*—охранительница отъ пожаровъ. *Стимула*—богиня соревнованія. *Стренуа*—энергіи и дѣятельности. *Стренія*—подарковъ на новый годъ. *Сумманусъ*—богъ ночныхъ грозъ и зарницъ. *Суккубами* и *инкубами* древніе называли духовъ ночныхъ, которые мучатъ спящихъ мужчинъ и женщинъ. Это вѣрованіе, поддерживаемое въ людяхъ страшными сновидѣньями (кошмарами) или любострастными грезами (pollutiones), сохранилось и донынѣ, даже въ христіанскомъ мірѣ. Средневѣковые демономаны и гонители ихъ инквизиторы, написали о суккубахъ и инкубахъ многія сотни томовъ. Тѣ и другіе утверждали, что бѣсы въ мужскомъ или въ женскомъ образѣ являются спящимъ женщинамъ и мужчинамъ и склоняютъ ихъ на грѣхъ... Доказывали, что женщина можетъ быть беременною отъ бѣса и родить *инкуба;* а мужчина можетъ оплодотворить бѣса въ женскомъ образѣ (т. е. трупъ женщины одушевленный бѣсомъ) или *суккуба* и плодомъ этого совокупленія будетъ также чудовище, исчадіе ада. „Все это было бы смѣшно,“ если бы за эти фантазіи въ минувшіе вѣка не жгли на кострахъ, не вѣшали и не запытывали до смерти. Къ группѣ *суккубовъ* и *инкубовъ* древнихъ можно присоединить *инкубоновъ*—духовъ-хранителей подземныхъ сокровищъ, рудниковъ и кладовъ. Эти гномы, подаривъ человѣку шапочку, дѣлали его способнымъ находить клады и обладать несмѣтными сокровищами.

Тацита — богиня тишины и безмолвія. *Темпеста* (буря) имѣла въ Римѣ особый храмъ, воздвигнутый при Марцеллѣ. *Трестонія* — покровительница путниковъ, поддерживавшая въ нихъ силы и предохранявшая ихъ отъ утомленія. *Унксія*—богиня ароматическихъ мастей и всякаго рода благоуханій, маслъ и эссенцій.

Фабулинъ или *Фабулъ*—покровитель дѣтей начинающихъ говорить. *Фаринъ* геній живаго слова. *Фаворъ* (милость, случай) божество, которое изображали въ видѣ юноши, готовящагося улетѣть. *Форкулъ* или *Форикулъ* геній — придверникъ или привратникъ. *Февруусъ* (у этруссковъ) богъ омовеній и преисподней. *Фессонія* — покровительница воиновъ на походѣ и вообще пѣшеходовъ. *Фидеса* (вѣрность и дружба); символомъ ея были двѣ руки одна въ другую вложенныя. Эмблемою ей служила собака. *Фидій* — богъ честнаго слова. Имѣлъ храмъ на горѣ Квиринальской, въ которомъ совершались празднества 5 іюня, *Флуонія* богиня женскихъ періодическихъ очищеній. При обзорѣ древнѣйшихъ религій востока мы говорили, что женщина вообще, въ періодъ этого органическаго отправленія, почиталась тамъ нечистою и малѣйшее прикосновеніе къ ней сквернило человѣка. Восточные законодатели облекли гигіеническую мѣру въ религіозный законъ; не то было у римлянъ, у которыхъ боги и богини были неразлучны съ человѣкомъ чистымъ и нечистымъ, здоровымъ и больнымъ.—*Форнакса*, богиня печей, измышленая царемъ Нума Помпиліемъ.

Ціонали называли вообще боговъ, олицетворенныхъ въ видѣ колоннъ и тумбъ: Гермеса, Терма, Факуса и т. п. *Церусъ Монусъ* (у этрусковъ)—податель всѣхъ благъ и милостей.

Югатинъ—богъ вершинъ горныхъ. *Юрита*, *Юсъ-Юрандумъ*: боги клятвы. Послѣдняго Гагинъ называлъ сыномъ земли и эфира. *Ювента*—богиня юности.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Постепенное развитіе идолопоклонства.—Поклоненіе свѣтиламъ.—Первобытные идолы.—Апоѳеотизаціи.—Обожаніе животныхъ.—Священные лѣса.—Камни.—Начало храмовъ.—Части храма.—Внутреннія украшенія.—Обрядъ заложенія храма.—Заложеніе Капитолія.—На какихъ мѣстностяхъ строились храмы.—Обязанности богомольцевъ.—Особенныя права храмовъ.—Алтари.—Бомосы.—Трибомосы.—Заповѣдные лѣса и рощи.—Азиліи—Первобытныя жертвы.—Жертвоприношенія человѣческія.

Понятіе о божествѣ, врожденное человѣку и тѣмъ болѣе присуще ему, чѣмъ неразвитѣе человѣкъ, распространялось у древнихъ грековъ и римлянъ постоянно. Первобытные жители Греціи по словамъ *Платона* (Dialoges: in Epinomis) поклонялись: солнцу, лунѣ, звѣздамъ, небу и землѣ, т. е. были сабистами. Впослѣдствіи времени по мѣрѣ умственнаго развитія и сношенія съ сосѣдними народами, греки (жрецы ихъ) о тѣхъ же свѣтилахъ, землѣ и стихіяхъ сочиняли басни, основою которымъ послужили наблюденія астрономическія, всѣ явленія и феномены природы. Въ миѳологическихъ сказаніяхъ о Сатурнѣ, Юпитерѣ, Марсѣ, Аполлонѣ, Меркуріи, Аммонѣ, Бахусѣ, Адонисѣ, Эскулапѣ. Геркулесѣ, Атисѣ, Панѣ—не трудно угадать, что герой всѣхъ этихъ сказокъ одинъ, именно: *солнце*. Точно также во всѣхъ олимпійскихъ богиняхъ легко угадать *луну* и прочія планеты. Отъ сабизма греки постепенно перешли къ идолопоклонству, т. е. къ поклоненію символамъ тѣхъ же самыхъ свѣтилъ небесныхъ, сопровождая это поклоненіе приличными обрядами. По словамъ Павзанія, аѳиняне временъ *Кекропса* (1560 л. до Р. Х.) приносили въ жертву Юпитеру хлѣбныя лепешки, называемыя *Босъ*. Переводчики принимая это слово за его омонимъ (за слово однозвучное) поняли, что греки въ жертву Юпитеру приносили быковъ. Изоб-

раженія боговъ и богинь состояли тогда изъ отесаныхъ бревенъ, или, просто древесныхъ пней... идолы, или, кумиры появились у грековъ одновременно съ началомъ ваянія и зодчества. Скульптурныя произведенія немало способствовали размноженію боговъ. Число музъ первоначально ограничилось тремя; но три скульптора изваяли, каждый въ своемъ родѣ, совершеннѣйшія статуи—и древніе признали существованіе девяти музы. Вообще говоря, чѣмъ совершеннѣе были у древнихъ изображенія боговъ, тѣмъ матеріальнѣе становилось богопознаніе. Отъ поклоненія рукотвореннымъ кумирамъ, древніе, мало по малу, перешли къ обоготворенію людей. Такъ развилась у нихъ страсть къ *апоѳеотизаціи*, т. е. возведенію героевъ на степень боговъ. Чтобы придать вѣрованію нѣкоторое значеніе, древніе утверждали, что душа обоготвореннаго героя превратилась въ звѣзду и, такимъ образомъ апоѳеоза на землѣ сочеталась съ апоѳеозою на небесахъ.

Мало по малу, увеличивъ число боговъ, древніе избрали изъ нихъ спеціалистовъ, вѣдѣнію которыхъ назначили особенныя части и области природы. Независимо отъ боговъ: воздуха, воды, земли и огня древніе выдумали будто и каждая часть тѣла человѣческаго находится подъ покровительствомъ особеннаго божества. Сердце находилось, по ихъ мнѣнію, подъ покровительствомъ солнца; голова и печень—Юпитера; внутренности и кишки—Марса; глаза и пальцы—Минервы; брови—Юноны; спина—Плутона; бедра—Венеры; селезенка—Сатурна; языкъ—Меркурія; слѣды ногъ—Ѳетиды; желудокъ—луны; лобъ—Генія и богини стыдливости; уши—Мнемозины, правая рука—Правды; колѣни—Милосердія.

Помимо обожанія кумировъ, т. е. вещественныхъ изображеній боговъ и богинь, простой народъ поклонялся ихъ символамъ: растеніямъ, животнымъ, рыбамъ, насѣкомымъ. Ѳессалійцы боготворили муравьевъ и называли ихъ своими родоначальниками; жители Акарнаніи особенно чтили мухъ и т. д.

Первобытные обитатели Греціи, не вѣдавшіе ни городовъ, ни особенныхъ домовъ, мѣстами сборища для поклоненія богамъ избирали рощи и лѣса. Такъ говоритъ Плиній (Исторія міра кн. II, гл. 1—15) и прибавляетъ при этомъ: „И конечно таинственное безмолвіе лѣсной чащи говорило воображенію молящихся несравненно болѣе, нежели раззолоченные потолки храмовъ, сооруженныхъ впослѣдствіи времени.“—Сооруженіе храмовъ не вытѣснило однако изъ обрядовъ богослуженія священныхъ рощъ и дубравъ. Архитектура родилась прежде ваянія, а потому и первобытные храмы были безъ идоловъ, Нума Помпилій особеннымъ указомъ воспретилъ вещественныя изображенія боговъ; даже во времена Тертулліана въ Римѣ были храмы безъ идоловъ. Однако же всѣ постановленія законодателей были не въ силахъ искоренить обычая завѣщаннаго глубочайшею древностью.

Независимо отъ обожанія рукотворенныхъ идоловъ древніе поклонялись камнямъ: *бетилямъ* или *веѳилямъ*, т. е. аэролитамъ, въ древности ниспадавшимъ съ неба гораздо чаще нежели въ наше время. Названіе *веѳиля* впервые встрѣчается въ Книгѣ Бытія (гл. XXVIII, ст. 19).

Первые храмы въ Греціи были сооружены *Девкаліономъ*; въ Римѣ—*Янусомъ*. Древніе римляне называли храмъ многими именами: Templum, Fanum, Aedes, Sacrarium, Delubrum и т. д. судя по объему и пространству самыхъ зданій. Словами *Темплумъ*, *Фанумъ* и *Эдесъ*, опредѣляли всякое огороженное мѣсто, назначенное для молящихся; *сакраріумъ* или *лараріумъ*—слова соотвѣтствующія слову: часовня; *Делубрумъ*—слово равносильное нашему: соборъ. Храмы древнихъ вообще состояли изъ нѣсколькихъ отдѣленій. 1) *Притворъ* (vestibulum) мѣсто храненія освященной воды для омовенія и очищенія входящихъ богомольцевъ; 2) *средина храма* или *корабль* (penetralium, sacrarium) и 3) *святилище* (sacrarium), входъ въ которое кромѣ жрецовъ былъ воспрещенъ всѣмъ постороннимъ. Храмы вообще были украшены портиками и во внутренность ихъ вело опредѣленное число ступенекъ. Храмы окаймленные однимъ рядомъ колоннъ назывались: *периптеры* (крылья, флигеля); двумя рядами—*диптеры*; четырьмя рядами—*гипеѳры*. Внутренность храмовъ была нерѣдко великолѣпно убрана; кромѣ статуй боговъ изъ золота, серебра, слоновой кости и чернаго дерева, стѣны были увѣшаны изображеніями великихъ людей, приношеньями и трофеями. Приношенія по обѣту (ex voto) состояли изъ отлитыхъ изъ серебра кораблей (въ память избавленія отъ бури) или членовъ че-

ловѣческаго тѣла, исцѣленныхъ богами у страдальцевъ прибѣгавшихъ къ нимъ съ молитвою. Оружіе отбитое у непріятелей, знамена и т. п. служили также украшеніями храмовъ. Кромѣ того, въ праздничные дни внутренность ихъ убирали древесными вѣтвями и цвѣточными гирляндами.

При *заложеніи храмовъ*, зодчій всегда совѣщался съ волхвами (авруспиціями), которые избирали мѣсто закладки и назначали ея день. Это мѣсто огораживали шестами, перевитыми лентами и увѣшанными вѣнками. Въ Римѣ весталки, сопровождаемыя юношами и дѣвицами, омывали это пространство освященною водою, а верховный жрецъ приносилъ очистительную жертву. Потомъ онъ прикасался къ основному камню, перевитому лентою и всѣ присутствовавшіе бросали на камень золотыя и серебряныя монеты или куски металла еще не плавленнаго въ горнилѣ. По окончаніи постройки происходило освященіе храма сопровождавшееся особыми торжествами.

Тацитъ, въ своей исторіи, подробно разсказываетъ объ обрядахъ при возобновленіи Капитолія въ царствованіе *Веспасіана* (69—79 л. по Р. Х.). Строителемъ былъ Луцій Вестинъ изъ ордена всадниковъ. Авруспиціи, съ которыми онъ совѣщался, приказали ему перенести изъ сосѣднихъ болотъ камни отъ развалинъ прежняго храма и изъ нихъ сложить фундаментъ храма новаго. Въ одиннадцатый день іюльскихъ Календъ при ясной погодѣ происходило оцѣпленіе мѣста постройки лентами и гирляндами. Воины, имена которыхъ признаны были благопріятными, вступили въ эту ограду съ древесными вѣтвями въ рукахъ; за ними шествовали весталки, дѣвы и юноши и омыли землю ограды чистою ключевою водою. По окончаніи омовенія преторъ Гельвидій Прискъ и верховный жрецъ Плавтъ Иліанъ, принесли корову и нѣсколько быковъ въ жертву Юпитеру, Юнонѣ, Минервѣ и богамъ покровителямъ имперіи, молясь имъ о благополучномъ окончаніи сооружаемаго храма. За тѣмъ жрецы, сенаторы, воины и весь присутствовавшій народъ, вдохновляемые усердіемъ, притащили огромный камень и немедленно приступлено было къ рытію фундамента. Въ вырытыя ямы бросали золотыя, серебряныя монеты и медали.

Изъ храмовъ не всѣ могли быть сооружаемы въ чертѣ города; выборъ мѣста зависѣлъ отъ того, которому изъ боговъ намѣревались посвятить храмъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ *Витрувій* (кн. II, гл. 2): „При построеніи храмовъ въ честь боговъ-покровителей города: Юпитера, Юноны или Минервы, слѣдуетъ избирать самыя возвышенныя мѣста, съ которыхъ можно было бы видѣть большую часть градскихъ стѣнъ. Храмы Меркурія должно строить на рынкахъ и торжищахъ; Аполлона и Вахуса—близъ театровъ; Геркулеса — близъ цирковъ. Храмы Марса надобно строить въ открытомъ полѣ: Венеры — у градскихъ воротъ. Въ книгахъ этрусскихъ авруспиціевъ сказано, что храмы Марса, Венеры и Вулкана должно строить за городомъ для того, чтобы предохранить отъ распутства юношей и матерей семействъ“ (хороши храмы!!) — „Храмы Вулкана въ чертѣ города могутъ быть причиною пожаровъ; храмы Марса—источниками раздоровъ.“

По словамъ *Арріана* всѣмъ посѣтителямъ храмовъ вмѣнялось въ священную обязанность сохранять строжайшее приличіе: не плевать, не сморкаться и вообще воздерживатся отъ оскверненія святыни Въ Римѣ были храмы, въ которые богомольцы обязаны были вступать ползкомъ, на колѣняхъ во время бѣдствій народныхъ, женщины по обѣщанію мели полъ въ храмахъ своими волосами или, въ теченіе нѣсколькихъ годовъ лежали ничкомъ предъ святилищемъ. Если же не взирая на эти самоистязанія, боги имъ не внимали и бѣдствіе не прекращалось, тогда народъ, бросаясь изъ одной крайности въ другую, замѣнялъ молитву богохульствомъ и осыпалъ стѣны храма камнями и комьями грязи.

Были храмы, входъ въ которые былъ разрѣшенъ однѣмъ только женщинамъ, или, на оборотъ—только мужчинамъ. Храмъ Діаны въ римской улицѣ Vicus Patricius былъ открытъ женщинамъ, но мужчины входить въ него не могли. Въ иные храмы кромѣ, жрицъ и жрецовъ, входъ былъ вовсе воспрещенъ постороннимъ лицамъ; самые жрецы входили въ нѣкоторые храмы единожды въ годъ.

Теперь поговоримъ о главной части храма —именно, объ алтарѣ. *Алтаремъ* называлось горнее мѣсто въ храмахъ, посвященныхъ богамъ небеснымъ; *аремъ* или *арою* - горнее мѣсто храмовъ боговъ подземныхъ; первобытные алтари состояли изъ земляныхъ на-

сыпей или изъ груды камней (cespititiae, aut, arae gramineae) Въ послѣдствіе времени древніе начали изсѣкать алтари изъ мрамора, порфира, базальта. вытачивать изъ слоновой кости, черного дерева; отливать ихъ изъ бронзы, серебра и золота. Судя по тому, какому божеству былъ посвященъ алтарь, ему придавали особую форму; были алтари круглые, четыре и треугольные; двойные и тройные. Высота ихъ тоже бывала различная: тѣмъ значительнѣе, чѣмъ важнѣе было божество. Кромѣ храмовъ алтари воздвигались въ священныхъ рощахъ, на горахъ и въ открытомъ полѣ. Алтари двойные (у грековъ *Бомосъ*) воздвигались въ честь двухъ боговъ, напр. Юпитера и Юноны, Аполлона и Діаны, Плутона и Прозерпины; тройные *(Трибомосъ)* въ честь боговъ группировавшихся тріадами, напр. Латона, Аполлонъ, Діана; Парки, адскіе судьи и т. п. Славнѣйшій изъ алтарей Греціи (Ara maxima) находился въ Олимпіи; славнѣйшій изъ алтарей римскихъ у воротъ Квиринальскихъ, основанный Геркулесомъ и возобновленный цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ. Къ этому алтарю воспрещено было приближаться женщинамъ, рабамъ и вольноотпущенникамъ. Особенные прислужники отгоняли отъ него сабакъ и мухъ.

Древніе вѣрили, что кромѣ алтарей земныхъ, сооружаемыхъ людьми есть еще и небесный (созвѣздіе этого имени), передъ которымъ боги, готовясь къ борьбѣ съ гигантами, принесли обоюдную клятву вѣрности и взаимной помощи. У древнихъ ни одинъ гражданскій актъ не совершался иначе какъ предъ алтаремъ. Примиреніе тяжущихся, показанія свидѣтелей, бракъ, присяга, мирные договоры съ послами, народныя пиршества—всѣмъ этимъ событіямъ гражданской жизни древнихъ были свидѣтелями алтари — представители боговъ и богинь. Нарушеніе клятвы данной предъ алтаремъ, вмѣстѣ съ казнію подвергало преступника позору и всеобщему презрѣнію.

Не смотря на сооруженіе храмовъ древніе не покинули и *священныхъ лѣсовъ*, въ которыхъ совершали таинства; эти священные лѣса и рощи, большею частью включенные въ священную храмовую ограду, пользовались правами неприкосновенности. За порубку деревьевъ въ этихъ лѣсахъ и рощахъ наказывали

смертію и народъ питалъ къ нимъ глубочайшее благоговѣніе: *Луканъ* говоритъ, что въ бытность Юлія Цесаря въ Галліи, онъ приказалъ своимъ воинамъ вырубить нѣсколько деревьевъ въ заповѣдномъ лѣсу близъ Массиліи (Марсели), но воины, обуянные ужасомъ отказались повиноваться ему изъ опасенія, чтобы топоры дровосѣковъ не поразили ихъ самихъ...

Для успокоенія воиновъ Юлій Цесарь самъ срубилъ первое дерево.

Азиліями (убѣжищами) назывались храмы и алтари, близъ которыхъ укрывшіеся преступники избавлялись отъ преслѣдованія, какъ лица отдавшіяся подъ покровительство божества. Первая азилія въ Греціи основана была *Кадмомъ* при основаніи Ѳивъ. Желая заселить городъ, онъ объявилъ, что Ѳивы неприкосновенное прибѣжище всѣхъ укрывающихся отъ преслѣдованій суда. *Тезей* и *Ромулъ* послѣдовали этому примѣру, первый въ Аѳинахъ; второй при основаніи Рима (753 г. до Р. Х.). Пользоваться азиліями могли преступники невольные, случайные; отъявленныхъ же злодѣевъ и государственныхъ преступниковъ не могли укрыть самыя стѣны храмовъ. *Павзаній* былъ уморенъ голодомъ въ храмѣ, въ которомъ онъ искалъ убѣжища.

Приношенія первобытныхъ жителей Греціи и Рима состояли изъ возліяній воды и вина, изъ плодовъ, цвѣтовъ и благоуханій, впослѣдствіи къ нимъ присоединили хлѣбъ и іелей. Ознакомившись съ мясною пищею, древніе эллины начали приносить въ жертву богамъ и животныхъ. Лучшую часть мяса отдавали богу (т. е. ее съѣдали жрецы), остальныя части дѣлились между богомольцами. Первое животное, принесенное въ жертву Церерѣ, была свинья; за нею слѣдовали тоже всѣ другія животныя и дѣло наконецъ дошло до человѣка. Аѳиняне смущаясь кровопролитіемъ сопровождали жертвоприношенія весьма забавными обрядами. *Жрецъ-заклатель* убивъ жертву бѣжалъ, бросивъ топоръ на землю. Преслѣдовавшіе жреца поднимали топоръ и затѣвали съ нимъ тяжбу. Защитникъ топора оправдывалъ его обвиняя точильщика; точильщикъ, въ свою очередь, сваливалъ вину на оселокъ и т. д. Судбище обыкновенно оканчивалось оправданіемъ и живыхъ людей, и орудій имъ послужившихъ. Подобнаго

рода обыкновеніе существуетъ донынѣ между нѣкоторыми полудикими племенами Сибири. Камчадалы убивъ медвѣдя просятъ у него извиненія, ссылаясь на оружіе, которымъ его умертвили.

Первыя человѣческія жертвы въ Греціи начали приносить *Сатурну*; потомъ и прочимъ богамъ. Къ чести древнихъ слѣдуетъ замѣтить, что подобныя жертвоприношенія совершались только въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію жрецовъ или по приговору оракула отъ жертвоприношенія зависѣла судьба цѣлаго города и всего царства. Даже и въ подобныхъ случаяхъ, цари уклонялись отъ душегубства и замѣняли людей животными. Плутархъ говоритъ, что накапунѣ сраженія съ персами, ***Павзаній*** видѣлъ сонъ, въ которомъ божество приказало ему для одержанія побѣды принести въ жертву бѣлокурую дѣвственницу. По совѣту волхва Ѳеокрита, полководецъ замѣнилъ дѣвственницу рыжей кобылицей и не смотря на это побѣдилъ непріятелей. Въ Италіи Геркулесъ замѣнилъ живыхъ людей восковыми куклами (oscillae), на что боги ни мало не обижались.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Разряды жертвъ. — Жертвы предварительныя. — Замѣстительныя. — Избранныя. — Жертвы сожженія. — Двойственныя. — Животныя, которыхъ приносили въ жертву. — Птицы и растенія. — Обряды. — Хлѣбъ приношенія. — Богослуженіе. — Стоглавыя и тысячеглавыя жертвы. — Таврaболъ. — Молитвы. — Храмовая утварь. — Храмъ Діаны Эфезской. — Его строители. — Храмъ Юпитера Олимпійскаго. — Храмъ Элидскій. — Кумиръ Юпитера. — Храмъ Дельфійскій. — Его богатство. — Современные оракулы. — Храмы римскіе. — Пантеонъ. — Новѣйшіе вандалы. — Древности Рима. — Всенародныя молебствія. — Лектистерніи. — Заклинанія. — Самопожертвованія — Обряды при заложеніи городовъ.

Въ глубочайшей древности цари и отцы семействъ были въ одно

и то же время жрецами; когда же возникли жреческія касты и установились духовныя іерархіи, жертвоприношенія предоставлены были жрецамъ. Хотя отцы семействъ и не лишились своихъ правъ, однако же имъ разрѣшено было приносить только малыя жертвы домашнимъ и второстепеннымъ богамъ; жрецы же приносили жертвы богамъ верховнымъ и были тѣмъ чиновнѣе, чѣмъ выше было божество. Главною обязанностью жрецовъ былъ выборъ жертвъ, при которомъ они руководствовались особенными правилами. Жертвы дѣлились на многіе разряды; 1) ***Предварительными*** (Praecidaneae hostiae) назывались жертвы, приносимыя богамъ наканунѣ праздничныхъ дней; 2) ***Замѣстительными*** (Succidaneae) тѣ, которыя приносились взамѣну предыдущихъ; 3) ***Избранными*** (Eximiae)—предназначенныя на великое приношеніе; 4) ***Жертвами сожженія*** (Prodigiae) — сожигаемыя до тла; 5) ***Двойственными*** (Ambiguae oves) — ягнятки, сожигаемыя вмѣстѣ съ ихъ маткою. Животныя, обреченныя на жертву, должны были быть безъ всякихъ пороковъ — бѣлыя и въ четномъ числѣ для боговъ небесныхъ; черныя и въ числѣ нечетномъ для боговъ подземныхъ. Представляемъ любопытный перечень животныхъ, которыхъ приносили въ жертву богамъ: поросныхъ свиней — ***Цибеллѣ, Землѣ, Церерѣ, Ларамъ***. Быковъ: ***Юпитеру, Нептуну, Плутону, Церерѣ, Солнцу, Марсу, Минервѣ***. Кобылицъ и жеребцовъ: ***Юнонѣ, Марсу***. Овецъ и барановъ: ***Юнонѣ, Аполлону, Марсу, Минервѣ***. Козъ и козловъ: ***Венерѣ, Бахусу, Аполлону, Діанѣ***. Ей же собакъ и оленей; коровъ: ***Прозерпинѣ***. Изъ животныхъ, птицъ и растеній, посвященныхъ богамъ и богинямъ, назовемъ: ***Льва*** (Вулканъ), ***Волка*** (Аполлонъ и Марсъ), ***Собаку*** (Марсъ, Лары), ***Змѣю*** (Эскулапъ), ***Пѣтуха*** и ***Фазана*** (Аполлонъ), ***Оленя*** (Діана, Геркулесъ), ***Овцу*** (Юнона), ***Коня*** (Марсъ, Нептунъ), ***Орла*** (Юпитеръ), ***Павлина*** (Юнона), ***Сову*** (Минерва), ***Ястреба*** (Марсъ), ***Голубя*** и ***Воробья*** (Венера), ***Сосна*** и ***Ель*** (Цибелла и Нептунъ), ***Дубъ*** и ***Букъ*** (Юпитеръ и Рея), ***Маслина*** (Минерва), ***Лавръ*** (Аполлонъ) ***Тростникъ*** (Панъ), ***Миртъ*** (Венера), ***Кипарисъ*** (Плутонъ), ***Нарциссъ***, ***Венеринъ волосъ***: Adiantum Capillis Veneris L (Прозерпина), ***Ясень*** и ***Пы-***

рей (Марсъ), *Тополь* (Меркурій), *Макъ* (Церера), *Хмѣль, Плющъ* и *Виноградъ* (Бахусъ), *Чеснокъ* (Пенаты), *Нарциссъ* и *Можжевельникъ* (Эвмениды), *Пальма* (Музы) *Яворъ* (Геніи), *Ольха* (Сильванъ) и т. д.

Животное, обреченное на жертву, убирали цвѣтами и лентами, золотили ей рога и клали между ними хлѣбъ, плоды и крупинки ладону. Эта часть обряда называлась *Иммолаціею* (immolatio), за нею слѣдовало *возліяніе* (libatio), питье вина жрецами и всѣми присутствующими; за симъ *постригъ* (litabatur): верховный жрецъ выстригалъ нѣсколько шерсти между роговъ и жегъ ихъ на огнѣ; становился лицемъ къ востоку, спиною къ жертвѣ и приказывалъ заклателю (виктимарію) рѣзать. Когда жертва падала, жрецъ погружалъ въ ея животъ священный ножъ, чтобы удостовѣриться, что жертва угодна богу (an perlitatum foret). Внутренности разсматривалъ авруспицій; потомъ жертву рѣзали на части жрецы *виктимаріи, попы* и *культраріи* (Victimarii, Popae, cultrarii), головы которыхъ были увѣнчаны вѣнками изъ растеній, посвященныхъ тому божеству, которому приносили жертву. Бедра закланнаго животнаго представлялись богу, прочія части свареныя раздавались молельщикамъ. Весь обрядъ сопровождался пѣніемъ гимновъ и музыкою.

Хлѣбы приношенія (у грековъ *экихотасъ*, у римлянъ *адоръ*) пеклись изъ чистой пшеничной муки съ различными примѣсями, смотря по божеству.

За жертвоприношеніемъ слѣдовало благодарственное молебствіе (litatio). Покуда части жертвы сожигались, присутствующимъ было разрѣшено разговаривать и отдыхать. Отсюда произошла пословица: inter caesa et porrecta. Когда жрецъ приступалъ къ приношенію глашатай восклицалъ: „Помни что творишь (hoc age)! напоминая ему о глубокомъ вниманіи (Въ Греціи онъ обращался къ присутствовавшимъ съ вопросомъ: „Кто здѣсь?“ и они отвѣчали ему: „добрые люди!“) Затѣмъ жрецъ восклицалъ: „удалитесь недостойные (procul este profani),“ всѣ лица, сознававшіяся внутренно въ содѣянныхъ ими преступленіяхъ удалялись изъ храма. Молебствіе начиналось. При жертвоприношеніяхъ двѣнадцати верховнымъ богамъ, жрецъ завѣшивалъ себѣ лицо пеленою. Нака-

нунѣ праздника онъ обязанъ былъ поститься и подвергнуться омовенію въ рѣкѣ. Только чистый, наружно и внутренно, жрецъ имѣлъ право приступать къ таинству.

Обряды жертвоприношеній измѣнялись сообразно празднествамъ и количеству жертвъ. При молебствіяхъ о прекращеніи моровой язвы, засухи, дождей, войны или о дарованіи побѣды—въ жертву богамъ приносили *сто*, а иногда и *тысячу* головъ (гекатомбы и хиліомбы). Для этихъ приношеній воздвигали соотвѣтствующее жертвамъ число алтарей на открытомъ воздухѣ. Въ Аѳинахъ ежегодно приносили въ жертву Діанѣ-Аргосской пятьсотъ козъ (*Агротеріи*) въ память избавленія страны отъ нашествія персовъ. Пиѳагоръ принесъ стоглавую, жертву въ благодарность за найденное имъ рѣшеніе 47 задачи первой книги Эвклида.

Тавроболомъ или *Таврiболіями* называли жертвоприношенія великой родительницѣ боговъ. Онѣ были введены въ богослуженіе римское при Антонинѣ (160 г. по Р. Х.) и продолжались до времени императора Валентиніана III (364—375 по Р. Х.). Вотъ подробное описаніе этого жертвоприношенія, заимствованное изъ сочиненій поэта Пруденція.

Предварительно вырывали глубокую яму, въ которую во время обряда садился верховный жрецъ или первосвященникъ, одѣтый въ парадное облаченіе, съ золотой тіарою на головѣ и въ шелковой мантіи. Яму, въ видѣ помоста, прикрывали досками, въ которыхъ были просверлены многія дыры. На эти доски ставили быка и зарѣзывали его, причемъ кровь жертвы орошала первосвященника, находившагося подъ помостомъ. Не довольствуясь тѣмъ, что кровь увлажала его съ головы до ногъ, онъ подставлялъ лице подъ ея капли и ловилъ ихъ ртомъ. Когда кровь вытекала изъ быка, его утаскивали и первосвященникъ вылѣзалъ изъ ямы. Не взирая на отвратительный его видъ, присутствовавшіе преклонялись передъ нимъ какъ предъ лицомъ праведника и дорожили его благословеніемъ.

Въ случаѣ замѣны быка ягненкомъ, обрядъ назывался *Кріоболіей;* козломъ — *Эгиболіей.*

Молитвы, которыя читались при жертвоприношеніяхъ, по словамъ жрецовъ, были сочинены богами и ими завѣщаны людямъ.

Большая часть этихъ молитвъ, по отзыву *Ямвлиха* (De Mysteriis) была переведена съ языковъ египетскаго или халдейскаго. Греки и римляне, не понимая нѣкоторыхъ словъ, приводили ихъ въ подлинникѣ. Вслѣдствіе этого молитвы были для народа непонятны, но тѣмъ болѣе внушали ему уваженіе.

Перейдемъ къ *орудіямъ* и *утвари*, употреблявшися древними при богослуженіи.

Ацерра — ящичекъ для храненія ладона. *Кадильницы* (Furibulum у римлянъ и *Θиміатаріонъ* у грековъ) были переносныя въ видѣ курильницъ, и ручныя въ видѣ сосудовъ на цѣпочкахъ. *Преферикулъ*—сосудъ для возліяній. *Тарелка* или доска для мяса и хлѣбовъ приношенія. *Кропильница*—кисть изъ лошадиныхъ волосъ для кропленія освященною водою. *Патера* или черпало для сбора крови жертвы, которою поливали жертвенникъ. *Симпулумъ* или *Симпулувіумъ*—большія ложки для того же употребленія. *Литуусъ*—посохъ или жезлъ авгуровъ и первосвященниковъ. *Маллеусъ* (молотъ) и *топоръ* для убіенія жертвъ. *Седеспита*—ножъ для ея зарѣзанія. *Лигула* или *Лингула*—совокъ, для извлеченія внутренности жертвы. *Канделабръ*—свѣтильникъ со многими вѣтвями. *Далабръ*—ножъ для разрѣзанія жертвы на части. *Энклабръ*—столъ, на который клали жертвы для ея разрѣзанія. *Оффа*—кострюля или котелокъ, въ которыхъ варилось мясо жертвы. *Урцеолусъ* рукомойникъ, изъ котораго младшіе жрецы подавали умываться старшимъ. Наконецъ *трубы*, *флейты* и *кимвалы* были неизбѣжными принадлежностями всякаго богослужебнаго обряда.

Ознакомивъ читателя съ обрядами и устройствомъ языческихъ храмовъ, считаемъ не лишнимъ представить ему краткія описанія славнѣйшихъ храмовъ древности.

Греція и Римъ, подобно Египту, изобилуютъ развалинами храмовъ, изъ которыхъ малѣйшій можетъ назваться образцовымъ произведеніемъ зодчества. Однако же всѣ эти храмы принадлежатъ къ позднѣйшему времени, когда греки и римляне достигли высшей степени совершенства въ зодчествѣ и ваяніи; славнѣйшіе храмы относятся къ эпохѣ болѣе отдаленной. *Храмъ Діаны въ Эфезѣ*—одно изъ семи чудесъ свѣта, былъ построенъ

амазонками и первоначально служилъ шатромъ надъ огромной ясенью, въ дуплѣ которой была поставлена статуя богини. Впослѣдствіи этотъ храмъ былъ перестроенъ и богато украшенъ. Такъ какъ почва, на которой стоялъ храмъ, была болотистая и вязкая, ее укрѣпили, всыпавъ подъ основаніе храма огромное количество толченаго угля, переложеннаго овчинами. Длина храма была въ 425 футовъ, ширина 200 футовъ. Сто двадцать семь колонъ, окаймлявшія зданія, были пожертвованы 127-ю царями. Въ числѣ этихъ колонъ, тридцать шесть были выточены знаменитымъ *Скопасомъ*. Строителемъ храма былъ *Херсефронъ* или *Ктизифонъ*. Чтобы посадить на колоны тяжелый архитравъ, строитель положилъ на каждую колонну мѣшокъ съ пескомъ, а на нихъ архитравъ, потомъ, постепенно выпустилъ песокъ изъ мѣшковъ и архитравъ ровно легъ на капителяхъ колоннъ. Много труда было архитектору съ камнемъ надъ притворомъ храма, но Діана (по словамъ *Плинія*), явясь Херсефрону, во снѣ, обѣщала ему свое содѣйствіе и на утро камень лежалъ на своемъ мѣстѣ, перенесенный туда сверхъ-естественною силою. Кровля храма состояла изъ кедровыхъ досокъ, а лѣстница, которая вела въ ея внутренность, была выдолблена изъ цѣльнаго виноградпаго пня. Херсефронъ и сынъ его *Метагинъ* начали постройку; окончена же она была черезъ 220 лѣтъ другими зодчими. Внутреннія богатства храма вполнѣ соотвѣтствовали его наружности. Это чудо искусства было сожжено *Геростратомъ* (330 л. до Р. Х.) и на мѣстѣ прежняго храма былъ сооруженъ другой *Динохаресомъ*. Алтарь этого храма былъ почти весь изваянъ руками Праксителя. По словамъ *Витрувія* храмъ былъ окаймленъ двойной колоннадою іоническаго ордена и имѣлъ 71 сажень длины и 736 ширины. Колонны въ числѣ 127 были въ 60 футовъ высоты. Пощаженный временемъ и только на половину разрушенный, этотъ храмъ былъ окончательно разметанъ крестоносцами (въ 1096 г. по Р. Х). Какъ самый храмъ, такъ и его ограда пользовались правами азилій на 125 футовъ въ окружности. *Митридатъ* ограничилъ это мѣсто однимъ поприщемъ (разстояніе выстрѣла стрѣлою изъ лука); *Маркъ Анто-*

ній удвоилъ это пространство; *Тиверій* отнялъ у храма его привилегію.

Вторымъ храмомъ послѣ Эфезскаго, былъ храмъ *Аполлона въ Милетѣ*: за нимъ слѣдовалъ *Элевзисскій* въ честь Прозерпины или Цереры, строенный *Иктиномъ*. Храмъ *Юпитера Олимпійскаго* въ Аѳинахъ, занималъ четвертое мѣсто. Построеніе его начатое *Пизистратомъ* было прервано на триста лѣтъ и возобновлено при *Антіохѣ Епифанѣ*, царѣ сирійскомъ. Строителемъ былъ римскій зодчій *Коссутій*. Однакоже *храмъ Юпитера въ Элидѣ*, превосходилъ это диво архитектуры. Строителемъ его былъ *Ливонъ*, уроженецъ Элиды. Высота храма была въ 68 футовъ, ширина въ 95, длина въ 230. Кровля была мраморная въ видѣ черепичной, съ середины плафона висѣла бронзовая статуя Побѣды, надъ золотымъ щитомъ съ изображеніемъ головы Медузы; по бокамъ висѣло два паникадила превосходной работы. Снаружи стѣны храма были обвѣшаны щитами, отбитыми во время войны Муммія съ Коринѳянами. На переднемъ фронтонѣ былъ барельефъ, изображавшій битву Пелопса съ Эномаемъ; задній —битву Кентавровъ и Лапидовъ. По карнизу были барельефы съ изображеніями подвиговъ Геркулеса, они же были изображены и на бронзовыхъ дверяхъ храма. Въ глубинѣ его на тронѣ, къ которому вела высочайшая лѣстница съ нѣсколькими площадками, на золотомъ тронѣ возсѣдала статуя Юпитера, изваянная Фидіемъ изъ золота и слоновой кости. Чело бога было увѣнчано масличнымъ вѣнкомъ, въ правой рукѣ онъ держалъ статую Побѣды: въ лѣвой—скипетръ, осѣненный орломъ. Одежда Юпитера, изъ золота, была украшена изображеньями разныхъ звѣрей и растеній. У подножія трона лежали изваянія побѣдъ, Сфинксовъ, Аполлона и Діаны, по траверсамъ четырехъ ступеней были выточены прекрасные барельефы съ изображеніями всѣхъ боговъ Олимпа и подвиговъ героевъ. Трудно было рѣшить, что въ этомъ храмѣ было драгоцѣннѣе: матеріалы, употребленные для сооруженія кумира, или работа художниковъ, создавшихъ это произведеніе.

Храмъ Аполлона Дельфійскаго отличался отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ, не столько изяществомъ архитектуры сколько

сокровищами, состоявшими изъ щедрыхъ приношеній царей и царицъ, совѣщавшихся съ оракуломъ Дельфійскимъ. Храмъ этотъ былъ нѣсколько разъ перестроиваемъ. Мы уже говорили, что главнымъ дѣйствующимъ лицемъ при прорицаніяхъ оракула была жрица Пиѳія, угаравшая отъ испареній, выходившихъ изъ пещеры. Эту самую пещеру въ глубокой древности, жители Дельфъ огородили заборомъ и прикрыли лавровыми вѣтвями. Второй храмъ, на мѣстѣ этого былъ построенъ пчелами, изъ воску; такъ говоритъ *Павзаній*. Третій храмъ былъ отлитъ изъ мѣди. Въ четвертый разъ его отстроили изъ камня Агамедъ и Трифоній. Онъ сгорѣлъ въ 1 годъ 58 Олимпіады (548 л. до Р. Х.). Въ пятый разъ храмъ былъ отстроенъ членами Амфиктіонова суда, на деньги собранныя съ народа, существовалъ до временъ Нерона, имъ былъ разграбленъ и разрушенъ.

Дельфійскій храмъ можно назвать золотымъ рудникомъ жрецовъ, отличавшимся отъ рудниковъ обыкновенныхъ тѣмъ, что изъ послѣднихъ золото выносили, а въ храмъ его приносили со всѣхъ концовъ Греціи и изъ чужихъ странъ.

Оракулъ служилъ суевѣрамъ главною приманкою: здоровые вопрошали его о будущемъ, больные совѣщались о леченіи; не было ни одного человѣка въ Греціи, который, хоть разъ въ жизни, не посѣтилъ-бы дельфійскаго храма. Въ наше время, съ такимъ же усердіемъ, обоего пола суевѣры (прекраснаго въ особенности) посѣщаютъ ворожеекъ и гадальщицъ.

Жители Петербурга помнятъ какого-то старичка въ Пулковѣ, Марѳушу у Бердова моста; москвичи и москвитянки до нынѣ вспоминаютъ Ивана Яковлевича. Въ весьма недавнее время въ одномъ казенномъ учебномъ заведеніи проживала ворожея, которую посѣщали даже дамы высшаго круга и которая сколотила себѣ копѣйку гаданьемъ на картахъ и продажею приворотныхъ корешковъ и любовныхъ зельевъ. Таковы наши доморощеныя пиѳіи, но и въ чужихъ краяхъ видно тоже самое. Знаменитая Ленормонъ была короткой пріятельницею Императрицы Жозефины, гадала Наполеону I и Людовику XVIII, Юмъ и братья Девенпортъ обратили на себя серьезное вниманіе людей ученыхъ и высокообразованныхъ, покуда наука не вывела на свѣжую воду ихъ...

помягче сказать, *ловкихъ* продѣлокъ. Послѣ этого удивяться ли, что оракулы Греціи и сивиллы Рима двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ эксплуатировали невѣжество и суевѣріе?

Римъ и Италія были не бѣднѣе Греціи храмами и мѣстами богомолья. Храмы *Мира* и *Юпитера Капитолійскаго*, почитались чудесами своего времени; во какъ тотъ, такъ и другой величіемъ и красотою уступали *Пантеону*, построенному Агриппою, зятемъ императора Августа. Храмъ этотъ, обращенный въ церковь всѣхъ святыхъ, понынѣ удивляетъ красотою постройки знатоковъ архитектуры и любителей изящнаго. Великолѣпный портикъ украшенъ шестнадцатью колоннами коринескаго ордена, состоящими изъ монолитовъ въ 35 футовъ вышины и пять футовъ въ поперечникѣ, надъ фронтономъ, при императорахъ римскихъ возвышалась колосальная бронзовая статуя Агриппы на четырехконной колѣсницѣ. Съ теченіемъ вѣковъ, время щадило стѣны храма, но варвары-язычники и невѣжды-христіане были безжалостны къ внутреннимъ украшеніямъ. Бронзовыя статуи и скрѣпы были расхищены императоромъ Констансомъ III и папою Урбаномъ VIII. Изъ нихъ отлиты были: сѣнь надъ базиликою Св. Петра и пушки для крѣпости Св. Ангела. Базальтовые львы и тигры близъ храма поступили на украшеніе фонтана Сикста V.

Впрочемъ Пантеонъ, далеко не единственный памятникъ древности, къ которому потомки римлянъ относились съ такимъ презрительнымъ пренебреженіемъ. О подвигахъ вандаловъ новѣйшихъ временъ можно было бы написать нѣсколько томовъ и нынѣшніе римляне по останкамъ города Ромула, и по своимъ отношеніямъ къ предкамъ напоминаютъ червей и букашекъ, копошащихся въ черепѣ и ползающихъ по остову исполина.

Отъ храмовъ перейдемъ къ обрядамъ, совершавшимся всенародно внѣ святилищъ. Таковы были: *всенародныя молебствія, Лектистерніи. Заклинанія, Самопожертвованія* и *обряды при заложеніи городовъ.*

Всенародныя молебствія въ Римѣ и въ Греціи бывали въ случаѣ появленія моровыхъ повѣтрій; во время войнъ, для испрошенія побѣды надъ непріятелемъ. Они продолжались по два, по три и до пятидесяти дней. Во время молебствій закрывались суды и рѣшенія тажебъ отлагались. *Частныя молебствія* были ничто иное какъ заклинанія или заговоры противъ болѣзней и всякаго рода невзгодъ. Вотъ для образца молитва отъ лихорадки, списанная со стариннаго памятника археологомъ *Груттеромъ*: „Капелла Амата молитъ за больнаго своего сына лихорадку божественную, лихорадку святую, лихорадку великую! Divinae febri, sanctae febri, magnae febri, Camilla Amata pro filio febri mali affecto.

Особенный родъ всенародныхъ молебствій назывался по *Лектистерніи* (отъ словъ lectus-постель, и aternere-стлать) состояли въ томъ, что въ храмѣ вокругъ стола, покрытаго разнаго рода явствами и напитками, разставляли кушетки, а на нихъ клали кумиры боговъ. Этотъ обрядъ (очень похожій на дѣтскую игру, гдѣ дѣвочки угощаютъ своихъ куколъ разнымъ лакомствомъ) имѣли цѣлію умилостивить боговъ и испросить у нихъ желанныхъ милостей. *Титъ Ливій, Цицероне, Витрувій* и многіе другіе писатели древности весьма часто упоминаютъ о Лектестерніяхъ, установленіе которыхъ относятъ къ 354 г. отъ основанія Рима (399 л. до Р. Х.) по случаю новаго повѣтрія. Этотъ обѣдъ давали богамъ: Аполонну, Латонѣ, Діанѣ, Геркулесу, Меркурію и Юпитеру. Это нелѣпое обыкновеніе существовало и въ Греціи.

Заклинанія у древнихъ были трехъ родовъ 1) для вызыванія душъ усопшихъ; 2) для охраненія города во время осады. При этомъ вызывали всегда бога—покровителя города; 3) для вызыванія боговъ и богинь. Первый разрядъ заклинаній сопровождался молитвами къ богамъ, или приказаніями злымъ духамъ, судя потому, прибѣгалъ ли волхвъ къ посредничеству боговъ (*ѳеургія*) или демоновъ (*гоэтія*). Образецъ заклинаній втораго разряда находимъ у *Макробія* и приводимъ его слово въ слово: „бога или богиню покровительствующихъ Карѳагену прошу, заклинаю, умоляю—васъ боги—покровители города и народа, отнять у нихъ ваше покровительство и изгнать ихъ изъ жилищъ, храмовъ и убѣжищъ. Внушите имъ страхъ, ужасъ и забвеніе—а покровъ нашъ даруйте народу римскому! Благоволите нашимъ жилищамъ, храмамъ и убѣжищамъ. Внемлите мнѣ, боги,

будьте покровителями народа римскаго и его воиновъ. Если вы исполните желаніе мое, я, въ благодарность, сооружу храмъ и установлю игры!" — Черта, достойная замѣчанія: римляне, воюя съ ненавистными имъ иновѣрцами, молились ихъ богамъ, привлекая ихъ на свою сторону... Слѣдовательно язычники умѣли чтить боговъ своихъ непріятелей иновѣрцевъ. Не худо было бы принять это къ свѣденію (хоть на будущее время) народамъ христіанскимъ, которые, воюя съ турками, поносятъ Магомета, или угрожая султану распѣваютъ вирши, сочиненныя какимъ нибудь пьянымъ каптенармусомъ, въ родѣ слѣдующихъ:

„Не спасутъ тебя отъ бѣдъ
„Ни Коранъ ни Магометъ!

Третій рядъ заклинаній у древнихъ состоялъ въ призываніи бога-покровителя города или страны, во время бѣдствій, ихъ постигшихъ.

Самопожертвованія (Devotiones) бывали: 1) ***частныя*** и 2) ***всенародныя.*** Въ первомъ случаѣ для спасенія страны отъ моровой язвы, или, для одержанія побѣды, одно лице жертвовало собою, бросаясь въ море или въ пропасть; во второмъ — полководецъ отдавалъ, на произволъ боговъ, всѣхъ своихъ воиновъ или жителей защищаемой имъ страны. Сущность этихъ торговъ и переторжекъ съ богами можно выразить такимъ образомъ: „выручите насъ изъ бѣды, а тамъ дѣлайте съ нами что вамъ угодно!" Иногда взамѣну собственной личности, просившіе помощи у боговъ, обѣщали имъ болѣе или менѣе драгоцѣнныя пожертвованія, въ видѣ отлитыхъ изъ золота или серебра изображеній болящихъ членовъ: головъ, грудей, рукъ, ногъ, животовъ и. т. д. При обзорѣ исторіи религіи индусовъ (Томъ I *Индія* и *Буддизмъ*) мы уже говорили объ этомъ.

При заложеніи городовъ молебствія у древнихъ сопровождались многими обрядами. Начинали жертвоприношеніемъ и призваніемъ бога, будущаго покровителя. Потомъ, всѣ участвовавшіе при постройкѣ, прыгали чрезъ зажженный костеръ, для очищенія. Послѣ того рыли ровъ, въ который присутствовавшіе бросали зерновый хлѣбъ, плоды, мясо, золотыя и серебряныя монеты. Градскую черту помѣчали, насыпая полосы изъ бѣлой земли (Terra casta), мѣла или муки и по нимъ проходили плугомъ, въ которой были впряжены бѣлые быкъ и телка. Черта города называлась святою. Во время прохожденія плугомъ дѣлали остановки; принося жертвы на этихъ мѣстахъ и означая ихъ грудой камней (Cippes), призывая шопотомъ боговъ покровителей, имена которыхъ должны были оставаться въ тайнѣ простолюдиновъ... наконецъ, день основанія города почитался до такой степени святымъ, что его ежегодно праздновали и ознаменовывали памятниками, общеполезными учрежденіями, освобожденіемъ узниковъ или торжествами народными. Особенное вниманіе обращали на примѣты, сопровождавшія заложенія городовъ. Появленіе птицъ благовѣстныхъ или зловѣщихъ, кости отрытыя при копаніи земли, дождь или ясная погода — все служило предзнаменованіемъ будущаго благоденствія или злополучія города. Случалось (весьма рѣдко), что основнымъ камнемъ города служилъ ***аэролитъ*** (веѳиль или бетиль), упавшій съ неба и тогда городъ посвящался тому богу, въ день котораго совершилось паденіе аэролита.

Замѣтимъ не безъ грустнаго чувства, что большая часть этихъ обрядовъ соблюдается и до нынѣ въ мірѣ христіанскомъ. Заложитъ-ли, въ наше время, хоть одинъ архитекторъ, какое нибудь зданіе, не сопровождая закладки разнаго рода суевѣрными обрядами? Монеты закапываются подъ фундаментъ, камни поливаютъ виномъ и т. д. Такъ налагаетъ свою печать суевѣріе на всѣ обряды и обычаи общежитія будто ржавчину на металлѣ, напоминая христіанамъ о язычествѣ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Жрецы и ихъ разряды. — Степени. — Галлы. — Скопчество у древнихъ. — Жрецы. — Миѳры. — Испытанія. — Язычники и раскольники. — Жрецы въ Римѣ. — Права и обязанности верховнаго жреца. — Царь-жертвоприноситель. — Эпулоны. — Прочіе разряды жрецовъ.

Какъ у грековъ, такъ и у римлянъ, для служенія богамъ и принесенія жертвъ въ храмахъ были ***жрецы*** и ***жрицы.***

*

Жрецы (по гречески: *іереосъ;* у Гомера: *аритиръ*) дѣлились на разряды, судя по божеству, которому служили, а каждый разрядъ дѣлился еще на степени (чины), составлявшіе іерархію. Верховный жрецъ пользовался титуломъ *царя* (*Базилеосъ*). Поступавшіе въ сословіе жрецовъ не должны были имѣть никакихъ природныхъ недостатковъ; быть безукоризненной нравственности. Гіетрофанты аѳинскіе употребляли разныя травы и лекарства для уничтоженія въ себѣ чувственныхъ побужденій. Впрочемъ жрецы могли жениться, но только однажды. Вдовому жрецу законъ воспрещалъ брать вторую жену. Каста *Гіерофантовъ* была старѣйшею. Она участвовала въ таинствахъ элевзисскихъ, бахусовыхъ и матери боговъ. Они же были и наставниками жрецовъ другихъ кастъ. Жены ихъ *Гіерофантиды*, въ свою очередь были наставницами жрицъ.

Жрецы младшихъ степеней въ Аѳинахъ назывались *паразитами*, ибо пользовались мясомъ, остававшимся отъ жертвенныхъ приношеній. Нѣкоторые археологи, отвергая подобное происхожденіе этого прозвища, говорятъ, что слово *паразитъ* происходило отъ *ситосъ:* пшеница, такъ какъ жрецы низшихъ степеней сортировали пшеницу для богослужебныхъ обрядовъ. Во всякомъ случаѣ слово паразитъ въ древности не имѣло того позорнаго значенія, которое ему придали впослѣдствіи времени, называя этимъ именемъ добровольныхъ шутовъ-прихлѣбателей и блюдолизовъ въ знатныхъ и богатыхъ домахъ.

Низшую степень жрецовъ составляли *керики*—глашатаи, возвѣщавшіе народу о распоряженіяхъ властей какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. На обязанности кериковъ, кромѣ того, лежало убіеніе жертвъ.

Верховный жрецъ или царь былъ въ Аѳинахъ вторымъ архонтомъ. По объясненію *Демосѳена*, древніе цари въ то же время были и первосвященниками; но при учрежденіи республики прозвище царя было оставлено первосвященнику, избранному изъ среды гражданъ аѳинскихъ и обязанному быть женатымъ на аѳинянкѣ, дѣвственницѣ. Царь-жрецъ былъ первенствующимъ лицемъ при совершеніи таинствъ въ храмахъ; судилъ и рѣшалъ всѣ дѣла касавшіяся жреческаго сословія, перенося дѣло (если оно было объ

убійствѣ) въ Ареопагъ и здѣсь, слагая вѣнецъ, судилъ на ряду съ прочими судьями. Свиту его составляли *эпимелеты;* супругѣ его, въ числѣ четырнадцати прислуживали, женщины—*геры*.

Такова была организація жреческой касты въ Аѳинахъ: одинъ верховный жрецъ и его помощники. Въ Дельфахъ верховныхъ жрецовъ было пять, а при нихъ въ видѣ помощниковъ, состояли *прорицатели* или *пророки*. Въ Опунтѣ — два верховника: одинъ, боговъ небесныхъ, другой — подземныхъ. Въ Сиракузахъ верховнаго жреца для храма Юпитера избирали ежегодно изъ числа трехъ кандидатовъ, выбранныхъ изъ трехъ сословій. Въ Эфезѣ, Смирнѣ, Пергамѣ и другихъ греческихъ городахъ Малой Азіи при храмахъ находились *неокары*, на попеченіе которыхъ возложено было соблюденіе чистоты въ храмахъ, ихъ украшенія, мытье утвари, окропленіе водою входящихъ и жертвеннаго мяса, относимаго къ царскому столу. *Пританомъ* или *агоноѳетомъ* называли неокара, присутствовавшаго при играхъ и раздававшаго призы.

Изъ жрицъ, славнѣйшія и почетнѣйшія находились въ Аргосѣ. Во время Пелопонезской войны верховною жрицею Юноны была *Хризида*, считавшая тогда пятьдесятъ шестой годъ службы. Однажды уснувъ въ храмѣ, она опрокинула лампаду, вслѣдствіе чего произошелъ пожаръ. Боясь наказанія старуха бѣжала въ Фліонтъ и на ея мѣсто была избрана *Фаинида*. Въ Аѳинахъ при храмѣ Минервы была верховная жрица; въ Дельфахъ—при храмѣ Аполлона; въ Клазоменѣ жрица Паллады именовалась: *Гезикія*. Бахуса—*Ѳіада*, Цибеллы—*Мелисса*. Въ Катанѣ, по словамъ Цицерона, жрицами храма Цереры были дѣвственницы. Въ Педазіи карійской, какъ повѣствуетъ Геродотъ, при храмѣ Минервы была жрица, у которой передъ каждымъ народнымъ бѣдствіемъ выростала борода, что замѣчено было три раза... Странное соотношеніе одного съ другимъ!

Жрецы Цибеллы — *галлы* или *архигаллы*, въ Греціи были во всеобщемъ презрѣніи—и не мудрено! Эти бѣснующіеся скоморохи, прося подаянія, скитались по городамъ обвѣшанные кимвалами, погремушками; ворожили, продавали приворотныя зелья и сами предавались неукротимому распутству. Въ Римѣ, по сло-

вамъ Цицерона, въ извѣстные дни воспрещалось обыкновеннымъ нищимъ просить подаянія, чтобы предоставить это право галламъ. Этихъ сборщиковъ подаяній называли *менаргиртами* или *метраргиртами*, также *агидіями* (штукарями, скоморохами). Вмѣстѣ съ ними бродили по городамъ старухи, въ родѣ нашихъ кликушъ и странницъ-проходимокъ. Послѣднія промышляли помимо нищенства ремесломъ гадальщицъ и сводчицъ. *Лукіанъ* (De Dea Syria Lib. II) говоритъ, что въ Сиріи, въ день праздника Цибеллы, ея жрецы Галлы, распѣвая гимны, бичевались и собственноручно производили надъ собою операцію кастрированія ножами или горшечными черепками. Послѣднее самооскопленіе, несравненно мучительнѣйшее, вмѣнялось фанатикамъ въ особенную заслугу. То же самое повѣрье существуетъ и у нашихъ скопцевъ и у ихъ последователей, идіотовъ-чухонъ.

Кромѣ галловъ, жрецовъ Цибеллы, у этой богини были еще другіе жрецы, не оскопленные, и жрицы, изъ которыхъ верховная именовалась въ Римѣ *Либерція Фелиция*.

Жрецы и жрицы бога солнца, *Миөры* (служеніе которому въ Римѣ было введено во времена Помпея), дѣлились на нѣсколько категорій. Верховнаго жреца называли *отцомъ* (Pater sactorum); верховную жрицу—*матерью;* простыхъ жрецовъ—*львами;* жрицъ—*гіенами.* Служители Миөры старѣйшихъ разрядовъ именовались *вранами* (Coraces) и *священными вранами* (Hyerocoraces). Посвящаемыхъ въ таинства подвергали предварительнымъ испытаніямъ, иногда весьма мучительнымъ. Взявъ себѣ древнихъ язычниковъ за образецъ, сектаторы христіанскаго міра позднѣйшихъ временъ (тампліеры, розенкрейцеры, иллюминаты, масоны) точно также испытывали своихъ неофитовъ, устрашая ихъ всякими ужасами или истязая ихъ, ради пробы ихъ терпѣнія. Такимъ образомъ, сопостовляя язычество съ христіанскими ересями, видимъ, что послѣднія ученія въ сущности и въ обрядахъ были возобновленіемъ ученій и обрядовъ языческихъ.

Жрецы и жрицы Бахуса дѣлились на множество разрядовъ, смотря по ролямъ, которыя они занимали на его празднествахъ: *Вакхіи*, *Монады* (пляшущія), *Бассариды*, *Өіады*, *Мамалониды*, *Эдониды*, *Элгады*, *Эліиды.* Служители и служи-

тельницы Бахуса были діаметральной противуположностью жрецамъ Цибеллы. Сравнивая послѣднихъ съ нашими скопцами, мы безошибочно можемъ назвать жрецовъ и жрицъ Бахуса—*скакунами* или *хлыстами* древняго міра. Но если судить безпристрастно и изъ двухъ разрядовъ сумасбродовъ кого оправдать и извинить — то уже конечно вакхантовъ и вакханокъ. Они бѣсновались за 500 л. до Р. Х. самое служеніе Вакху требовало отъ людей распутства и забвенія чувствъ собственнаго достоинства. Но что сказать о христіанахъ, совращающихся съ пути указаннаго Спасителемъ, совращающихся въ язычество?

Поговоримъ теперь о жрецахъ римскихъ.

Римъ въ первые годы своего бытія былъ притономъ бродягъ и разбойниковъ; Ромулъ не прилагалъ особенныхъ попеченій о религіи своихъ подданныхъ и въ теченіе 171 года въ Римѣ не было ни алтарей ни храмовъ; всѣ богослужебные обряды ограничивались жертвоприношеніями. Такъ говоритъ *Плутархъ*, но *Діонисій Галикарнасскій* упоминаетъ о раздѣленіи Рима на тридцать *курій* (участковъ) и о назначеніи Ромуломъ, въ каждую курію, по два жреца для богослуженія. Жрецъ долженъ былъ быть не моложе 50 лѣтъ, безукоризненной нравственности и безъ всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ. Впослѣдствіи времени *Нума Помпилій* преобразовалъ духовные уставы Рима, сохранявшіеся во всей силѣ и во времена республики. Первоначально жрецовъ избирали изъ касты *патриціевъ*, но потомъ, по требованію народа, жрецы были избираемы и изъ *плебеевъ.* Юлій Цесарь первый присвоилъ власть назначать верховнаго жреца, съ утвержденія духовной коллегіи. Посвященіе сопровождалось весьма сложнымъ обрядомъ, во время котораго на жреца возлагали: пурпуровую тогу (Toga pretexta) и тіару (Apex, Galerus, Albo-Galerus).

Жрецы въ Римѣ пользовались многими преимуществами и, между прочими, правомъ засѣдать въ сенатѣ; не платили никакихъ податей, были изъяты отъ военной службы. При ихъ выходѣ изъ дому, передъ ними носили обыкновенно зажженый факелъ и лавровую вѣтвь. Имъ было разрѣшено въѣзжать въ капитолій въ колесницѣ. Бывали должности жрецовъ пожизнен-

ныя и временныя; къ числу первыхъ принадлежали должности авгуровъ. У каждаго класса жрецовъ была своя коллегія: на иждивеніе жрецовъ возлагались расходы на народныя игры. Вслѣдствіе этого не всѣ охотно занимали эти почетныя должности.

Въ іерархіи римской *первосвященники* (pontifices) занимали первое мѣсто. Сначала ихъ полагалось четверо, впослѣдствіи времени, при увеличеніи ихъ числа, первосвященники были раздѣлены на *великихъ* и *малыхъ* (pontifices majori et minori); единственнымъ ихъ повелителемъ былъ верховный первосвященникъ (pontifex maximus), пользовавшійся въ Римѣ особеннымъ почетомъ. Его облаченіе, головной уборъ, свита и колесница (thensa) рѣзко отличались отъ принадлежавшихъ прочимъ жрецамъ. Ему были воспрещены: выѣздъ изъ предѣловъ римскихъ, прикосновеніе, даже взглядъ на мертвое тѣло. Впослѣдствіе по послѣднему узаконенію, на похоронахъ между трупомъ и первосвященникомъ навѣшивали завѣсу.

За верховнымъ первосвященникомъ слѣдовали *фламиніи*; число которыхъ царемъ Нумомъ Помпиліемъ было ограничено тремя: Фламиніемъ Юпитера (Flamen Dialis), Марса (Martialis) и Квифинуса (Quirinalis) ихъ избиралъ народъ, а верховный первосвященникъ утверждалъ ихъ избраніе. Впослѣдствіи времени число фламиніевъ возросло до 15 (трое изъ касты сенаторовъ и двѣнадцать изъ плебеевъ). Должность эта была пожизненная и каждый фламиній служилъ исключительно одному какому нибудь божеству.

Такъ какъ по старшинству въ іерархіи боговъ первое мѣсто принадлежало Юпитеру, то и его фламиній почитался важнѣйшимъ. По свидѣтельству Авла Геллія ему было воспрещено: ѣздить верхомъ; смотрѣть на войско, разставленное въ боевомъ порядкѣ; клясться; носить кольца, кромѣ одного—съ особенными прорѣзами. Никто не смѣлъ брать огня изъ дома фламинія, кромѣ огня священнаго для лампадъ; стричь его могъ только свободный человѣкъ, отнюдь не рабъ. Фламинію на празднествахъ уступалось всегда первое мѣсто, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда на нихъ присутствовалъ *царь жертвоприноситель* (Rex sacrificulus).

Фламиній не имѣлъ права разводиться съ своей женою; выходить изъ дому въ головномъ жреческомъ уборѣ; входить въ домъ, въ которомъ былъ покойникъ; прикасаться къ трупу и т. д. Головной уборъ трехъ главныхъ или старшихъ фламиніевъ состоялъ изъ бѣлой тіары (albo galerus). Эти жрецы, какъ мы уже говорили, были избираемы изъ сословія патриціевъ. Двѣнадцать младшихъ фламиніевъ избирались изъ плебеевъ. Таковы были фламиніи: 1) богини *Карменты*, 2) *Фалака*, 3) *Флоры*, 4) *Фурины*, 5) *Акки Лауренціи*, 6) *Люцины*, 7) *Палатины*, 8) *Помоны*, 9) *Вирбія*, 10) *Вулкана*, 11) *Волтурна*, 12) *Тибра*. При обоготвореніи памяти императоровъ (т. е. при причисленіи къ лику боговъ), для служенія имъ были также избраны особенные фламиніи. Сверхъ того былъ еще одинъ фламиній *всѣхъ боговъ* (Flamen deorum omnium). Санъ *царя жертвоприносителя* (Rex sacrificulus) по словамъ Діонисія Галикарнасскаго былъ учрежденъ по изгнаніи Тарквинія гордаго въ память царей благодѣтелей Рима: Нумы Помпилія и Сервія Туллія. Этимъ званіемъ народъ римскій удостоивалъ старѣйшихъ изъ согражданъ, снискавшихъ всеобщее уваженіе кротостью, правдивостью и другими высокими душевными качествами. Жена его, пользовавшаяся титломъ царицы (Regina sacrorum), приносила жертвы Юнонѣ. Точно также и жены фламиніевъ занимали должности жрицъ въ храмахъ, посвященныхъ богинямъ.

Такимъ образомъ и въ Греціи, и въ Римѣ были цѣлыя семейства служителей храмовъ. Изъ нихъ старѣйшими были въ Римѣ: *Потитіи* и *Пинаріи*—семьи жрецовъ Геркулеса. Вторые были помощниками первыхъ и должности эти переходили въ этихъ семьяхъ изъ рода въ родъ до 161 года по основаніи Рима (592 года до Р. Х.), въ которомъ онѣ были упразднены.

Кромѣ того въ Римѣ были еще жрецы помощники *Эпулоны* для служенія при лектистерніяхъ (трапезахъ боговъ). Одѣяніе ихъ состояло изъ бѣлаго хитона, окаймленнаго пурпуровыми нашивками. Первоначально число эпулоновъ ограничивалось тремя; впослѣдствіи времени оно возросло до десяти. Сообразно числу эпулоновъ ихъ называли: тріумвирами, квинкумвирами, септемвирами и децемвирами. Дочери ихъ были изъяты отъ набора въ весталки. Долж-

ность же этихъ жрецовъ была установлена въ 558 г. отъ основанія Рима (195 г. до Р. X.)

Были еще жрецы хранители священныхъ книгъ Сивиллы въ числѣ 15 человѣкъ. Эта корпорація существовала въ Римѣ до временъ императора *Өеодосія* (388 г. по Р. X.) Въ угоду суевѣрію народному, императоры не рѣшались ее упразднять. Удивляться ли послѣ этого, что въ католическомъ вѣроисповѣданіи встрѣчаемъ такое множество языческихъ примѣтъ и повѣрій? Римскіе императоры послѣдователи закона Христова вливали новое вино въ старые мѣхи; и въ ихъ рукахъ какъ и самое христіанство пріобрѣло характеръ безсмысленнаго язычества; они безъ всякихъ околичностей у язычества заимствовали нѣкоторые богослужебные обряды и ввели ихъ въ богослуженіе христіанское. Въ втомъ случаѣ католицизмъ похожъ на одинъ изъ древнихъ храмовъ римскихъ, превращенныхъ въ церковь христіанскую!

Перейдемъ къ остальнымъ корпораціямъ жрецовъ. Служители храмовъ Лихрса именовались *салійцами*; приносители жертвъ богамъ при моленіяхъ о плодородіи полей — *арвалами*; жрецы гадатели: *авгурами* и *авруспиціями*. *Фецгалы* во время военныхъ дѣйствій были вѣстниками битвы или перемирія; *фебидіи* служили Аполлону; *бассариды* Бахусу; *луперкіи* Пану; *камиллы* Меркурію и т. д.

Католицизмъ и тутъ не могъ не позаимствоваться у языческаго политеизма. Монашествующіе ордена съ ихъ особенными уставами и одѣяніями сильно смахиваютъ на корпораціи жрецовъ языческихъ.

ГЛАБА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Перечень праздниковъ у древнихъ грековъ.—Ихъ разряды.—Постепенный упадокъ язычества.—Философы и христіанство.—Заключеніе.

Число праздниковъ у древнихъ грековъ и римлянъ такъ гро-

мадно, что и нѣтъ возможности опредѣлить его съ точностію. По нижеслѣдующему обзору старинныхъ сочиненій, о нихъ написанныхъ, самъ читатель можетъ судить какъ были богаты праздниками языческіе календари. *Мейрсіусъ* написалъ шесть томовъ о праздникахъ греческихъ, *Фазольдусъ*, *Кастеланусъ*, *Поттеръ*, *Бегеръ* и др. были не менѣе изобильны. Изъ писателей о праздникахъ римскихъ укажемъ на *Овидія* и на *Розена* (Antiquités romaines. liv. XIV), разработавшихъ предметъ этотъ во всѣхъ подробностяхъ. Заимствуясь у вышеозначенныхъ писателей, представляемъ во первыхъ календарь греческій, располагая праздники въ алфавитномъ порядкѣ.

Ахиллеи, въ честь Ахиллеса, праздновались въ Бразеидѣ, гдѣ былъ храмъ посвященный памяти этого героя.

Актіаки, въ честь Аполлона, на мысѣ Акціумѣ. На этихъ праздникахъ въ жертву богу приносили быка и мясо его отдавали на съѣденіе мухамъ.

Агріоніи, на Аргосѣ, въ честь одной изъ дочерей Прета.

Агравліи въ Аттикѣ, въ честь Минервы, установлены были ея жрицею Агравлею, дочерью Кекропса.

Агріоніи, женскія празднества въ честь Бахуса. Участвовавшія сначала отыскивали бога, потомъ, рѣшивъ что онъ бесѣдуетъ съ музами, по его примѣру садились за ужинъ, во время застольной бесѣды задавали другъ другу загадки и, наконецъ, напивались до пьяна.

Агротеріи, праздники Діаны, на которыхъ въ жертву богинѣ приносили пятьсотъ козъ.

Аякстіи, праздники на Саламинѣ въ честь Аякса.

Алеи, въ Аркадіи въ честь Минервы. *Алотіи* тамъ же, въ память побѣды надъ спартанцами и плѣненія, ихъ въ огромномъ количествѣ. *Алеи*—въ честь солнца, т. е. Аполлона. *Алкаөеи* въ честь Алкаоа, сына Пелопса; *Алоои*—въ честь Цереры и Бахуса —праздники жатвы.

Амброзіи, въ честь Бахуса, праздники виноградарей. *Амфіареи* въ память волхва этого имени. *Анакеи* въ честь Кастора и Поллуска. *Анагогіи* въ Эриксѣ (на островѣ Сициліи) въ честь Венеры. *Андрогеніи* въ память сына царя Миноса, убитаго въ

Аѳинахъ. *Анѳесѳоріи*—Прозерпины. *Апобоміи*, на которыхъ жертвы приносились не на алтарѣ, но на голой землѣ

При *Анѳистеріяхъ*, которые праздновались въ половинѣ ноября, господа прислуживали рабамъ, въ продолженіе всѣхъ трехъ дней праздника. По прошествіи этого срока рабы возвращались къ прежнимъ занятіямъ. Вслѣдствіи этого у древнихъ была пословица: „корійцы (рабы) прочь, Анѳистеріи кончались“ равносильная нашей: не все коту масляница. „*Апатуріи* праздновались въ Аѳинахъ. Названіе этого праздника происходитъ отъ греческаго слова: *апата*—(обманъ). Во время войны Беотійцевъ съ Аѳинянами изъ за обладанія областью Калены, *Ксанѳъ* вождь беотійскій, предложилъ *Ѳимету*, царю аѳинскому. порѣшить споръ поединкомъ. Ѳиметъ отказался; и за это былъ свергнутъ и замѣненъ *Меланѳомъ* принявшимъ вызовъ. Когда Ксанѳъ явился на мѣсто поединка, Меланѳъ упрекнулъ его въ недобросовѣстности, за то что онъ является на поединокъ съ провожатыми. когда удивленный этимъ несправедливымъ замѣчаніемъ Ксанѳъ оглянулся, Меланѳъ сзади пронзилъ его мечемъ. Въ память этого подлаго (по мнѣнію древнихъ—остроумнаго) поступка было установлено трехдневное торжество. Въ первый день было всенародное пиршество; во второй—совершались жертвоприношенія, въ третій приписывали молодыхъ людей къ племенамъ или колѣнамъ.

Жители Эгіалеи установляли празднованіе *Аполлоній* по слѣдующему случаю. Предки ихъ, не давшіе у себя пріюта Діанѣ и Аполлону, были за то наказаны морскою язвою. Какъ водится они спросили оракула чѣмъ пособить горю и онъ приказалъ имъ отправить къ разгнѣваннымъ богамъ посольство, изъ семи дѣвъ и семи юношей. Аполлонъ и Діана приняли этихъ депутатовъ благосклонно, возвратились въ Эгіалею, гдѣ жители воздвигли алтарь въ честь богинѣ убѣжденія *(Пиѳо)*. Въ память этого событія установлено было празднество, на которомъ главную роль играли семь юношей и семь дѣвицъ. Истинное событіе, подавшее поводъ къ сочиненію вышеупомянутой сказки, состояло въ томъ, что когда-то въ глубочайшей древности Эгіалея постигнута была моровою язвою, вслѣдствіе продолжительнаго ненастья, во все время которого жители не видѣли ни яснаго неба, ни солнца, ни луны. Приписывая бѣдствіе гнѣву боговъ, они принесли имъ въ жертву семь юношей и семь дѣвственницъ и язва унялась, небо расчистилось.

Афродизіи праздновались въ честь Венеры на островѣ Кипрѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Во время Афродизій богомольцы при входѣ въ храмы богини клали на алтари серебряную монету: плату Венерѣ, какъ продажной женщинѣ. *Ареteи*—праздники Арета; *Аріаднеи*—Аріадны; *Артемизіи*—Діаны. На нихъ, въ жертву богинѣ приносили рыбу головля или кефоля (Mugil cephalus) *Асклепіи*—Эскулапа особенно въ Эпидаврѣ.

Боэдроміи въ Аѳинахъ сопровождались неистовыми криками и бѣгомъ богомольцевъ *Бореэзингіи* для умилостивленія бога сѣвернаго вѣтра. *Буфоніи* въ честь Юпитера. На этомъ праздникѣ ему приносили въ жертву быка.

При *Гематуріяхъ* молодые люди знатнѣйшихъ семействъ бичевались до крови. Этотъ обрядъ пришелся по вкусу средневѣковымъ изувѣрамъ и самобичеваніе было возведено въ догматъ въ католическомъ мірѣ. *Герестіи* въ честь Нептуна въ Эвбеѣ. *Геронтеи*—въ честь Марса, предводителя воинства. *Гекатомбеи*—на которыхъ приносили стоглавыя жертвы. *Галаксіи*, въ честь Аполлона, на которыхъ ему приносили въ даръ молочную кашицу изъ ячной крупы. *Гекатонфоріи* въ память убіенія лакедемонянами сотни непріятелей. *Гераклеи* праздники Геркулеса, *Гермесіи*—Меркурія; *Гіацинтеи*—Гіацинта; *Гамелеи*—Юноны, покровительницы брачнаго сожительства. Въ честь ея и мѣсяцъ, въ которомъ они праздновались назывался Гамеліонъ (январь). *Гереи*—праздникъ временъ года. *Гефестіи*—въ честь Вулкана.

Діиполей—праздники Юпитера. *Дадесіи*—праздники факеловъ бывавшіе трижды въ годъ: 1) въ честь Латоны и рожденія Аполлона; 2) въ честь боговъ; 3) въ память брата Подалира. *Дедаліи*, жители Платеи дѣлились на малыя (ежегодныя) и великія (каждыя шестьдесятъ лѣтъ) въ память возвращенія Платейцевъ изъ шестидесятилѣтняго изгнанія *Декіи*, въ честь Венеры были установлены Тезеемъ. *Дафнефоріи* празд-

новались каждыя девять лѣтъ. На этомъ праздникѣ въ процессію носили большую вѣтвь масличнаго дерева, вершина которой была украшена мѣднымъ шаромъ (изображавшимъ солнце), а вѣтки были увѣшаны малыми шарами (изображавшими прочія планеты). Имѣя въ лѣвой рукѣ лавровую вѣтвь, знатный юноша несъ вѣтвь масличную—въ правой. Это былъ праздникъ въ славу мірозданія, въ воздаяніе хвалы премудрому творцу міровъ. *Діамастиготъ*, великій праздникъ бичеванія, по разсказамъ Тартулліана особенно соблюдался въ Лакедемонѣ. Предъ алтарями въ храмахъ, въ присутствіи родителей немилосердно сѣкли ихъ сыновей, юношей. Бывали примѣры, что истязуемые умирали и, называя ихъ мучениками, ихъ предавали погребенію въ оливковыхъ вѣнкахъ. Во время этого сѣченія верховный жрецъ держалъ въ рукахъ статую Діаны, которая, по его словамъ, становилось тѣмъ легче, чѣмъ ожесточеннѣе было бичеваніе. О *Діонизіяхъ*, въ честь Бахуса, мы уже говорили довольно подробно въ исторіи этого бога.

Эоріи, въ Аѳинахъ праздновались въ память Эригоны. При *Эфестріяхъ*, въ честь Вулкана бѣгали взапуски три факелоносца. При *Эфестріяхъ* въ Ѳивахъ, жрецы попеременно переодѣвались въ женское и снова въ мужское платья, *Кабиріи*—праздники въ честь Кабировъ, перенятые греками отъ жителей Самоѳракіи. *Каллистіи*, праздники красоты, на которыхъ выдавались преміи красивѣйшимъ женщинамъ. *Кореи* въ честь Прозерпины. *Канофоніи* на Аргосѣ праздновались во время каникулярныхъ жаровъ и состояли въ истребленіи собакъ. Въ этомъ праздникѣ фурманщиковъ учредитель его умѣлъ соединить со служеніемъ божеству и врачебно-полицейскую мѣру до нынѣ повсемѣстно соблюдаемую. *Киссотиніи*—въ честь Гебы богини юности; на этихъ праздникахъ носили вѣтви плющу.

Лампетеріи (праздники лампадъ) праздновались три раза въ годъ. Первый праздникъ *Аѳеней* былъ посвященъ вѣчному огню, т. е. неугасимой мудрости божіей; второй *Вулканіи*—огню подземному; третій: *Прометей* огню земному, рукотворному, помощнику и благодѣтелю людей.

Абатъ Банье классифируетъ греческіе праздники на слѣдующіе разряды:

1) Праздники въ честь боговъ и богинь; 2) въ честь героевъ; 3) въ честь особенно достопамятныхъ событій; 4) по временамъ года и періодамъ полевыхъ работъ; 5) праздники мѣстные и 6)—повсемѣстные. Мы не продолжаемъ дальнѣйшаго перечня греческихъ праздниковъ потому, что о нихъ, большею частію, мы уже говорили въ предыдущихъ главахъ. Замѣтимъ только, что чѣмъ ограниченнѣе и грубѣе понятія какого либо народа о божествѣ, тѣмъ богаче календарь этого народа праздниками. Сами же древніе говорили: „праздность есть матерь всѣхъ пороковъ“ и въ тоже время размножали свои праздники до безконечности, пріучая народъ къ бездѣлью и расточительности. Жрецы, объясняя каждое естественное явленіе милостью или гнѣвомъ боговъ, установляли праздники въ знакъ признательности или мольбы народной, ни мало не заботясь о принятіи естественныхъ мѣръ противъ естественныхъ бѣдствій. Во время моровыхъ повѣтрій, вмѣсто того, чтобы искоренять болѣзни разумными гигіеническими мѣропріятіями, древніе приносили жертвы; во время войны, вмѣсто увеличенія войска ополченіемъ или подкрѣпленія ихъ продовольствіемъ—опять приносили жертвы богамъ... Этотъ ребяческій взглядъ на боговъ, какъ на попечителей людскихъ, какъ въ дѣлахъ важныхъ, такъ и въ бездѣлицахъ, велъ, разумѣется, къ постепенному сомнѣнію и разочарованію, окончившемуся крайнимъ безбожіемъ. Вѣрованія грековъ и римлянъ, основанные на грубой чувственности, не могли не рушиться, уступая свое мѣсто вѣрѣ истинной, основанной на здравомъ смыслѣ, на добрыхъ и благороднѣйшихъ чувствованіяхъ человѣка.

Язычество—было *тѣломъ*, христіанство явилось *душею*. Тѣло умерло, разложилось, обратилось въ прахъ; удѣлъ души—бытіе безконечное. По мѣрѣ умственнаго своего развитія древнее человѣчество охладѣвало къ первобытнымъ своимъ вѣрованіямъ. Ученія философовъ (безбожныхъ по мнѣнію жрецовъ, эксплуататоровъ невѣжества) пробудили въ людяхъ сознаніе, что кромѣ тлѣнной персти и побужденій чувственныхъ, руководящихъ ихъ животными отправленіями, въ нихъ есть еще *нѣчто*, называе-

мое *душею*, искрою божества, неугасимою, безсмертною... Сократъ и Платонъ подготовили умы къ воспринятію ученія, которое черезъ четыреста лѣтъ послѣ этихъ философовъ было проповѣдуемо Сыномъ божіимъ, Спасителемъ міра...

Здѣсь мы прекратимъ обзоръ эллинско-римской миѳологіи и перейдемъ теперь къ исторіи быта, нравовъ, обычаевъ, законодательства и философскихъ сектъ двухъ великихъ народовъ, властителей древняго міра. Въ тоже время мы сдѣлаемъ обзоръ праздниковъ римскихъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ПЯТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

стр.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

11.953.

ИСТОРІЯ РЕЛИГІЙ

ТАЙНЫХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ

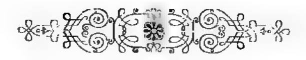
ОБРЯДОВЪ и ОБЫЧАЕВЪ

ДРЕВНЯГО МІРА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

VI ТОМЪ.

ГРЕЦІЯ И РИМЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговка, д. № 16.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе. — Географическій очеркъ Греціи. — Древніе и нынѣшніе нравы. — Острова и колоніи. — Области. — Ихъ заселеніе. — Первый періодъ. — Просвѣтители страны. — Второй періодъ. — Спарта и Аѳины. — Колоніи. — Третій періодъ. — Войны. — Покореніе Греціи. — Начало религіозной поэзіи. — Рапсоды. — Поэзія лирическая. — Философія и ея школы. — Исторія. — Краснорѣчіе. — Науки. — Нравственное вліяніе Греціи на ея поработителей.

Умственное развитіе каждаго народа въ прямой зависимости отъ климатическихъ и географическихъ условій обитаемой имъ страны и отъ событій политическихъ. Это аксіома, не подлежащая ни малѣйшему сомнѣнію. Вотъ почему, приступая къ обзору исторіи цивилизаціи древней Греціи, ея законодательства, нравовъ, обычаевъ, философскихъ школъ и біографій философовъ и мудрецовъ, мы считаемъ долгомъ бросить бѣглый взглядъ на географію древней Эллады и въ короткихъ словахъ разсказать о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ этой страны героевъ, даровитѣйшихъ поэтовъ, художниковъ и ученыхъ; страны, которую по всей справедливости можно назвать колыбелью европейской цивилизаціи, точно такъ-же какъ Индію — колыбелью цивилизаціи древняго міра.

Элладою или Греціею въ глубочайшей древности назывался юговосточный полуостровъ Европы, отдѣленный отъ материка съ сѣвера Камбунскими горами, съ запада ограниченный Іоническимъ моремъ, съ востока — Эгейскимъ, съ юга — Средиземнымъ. Нынѣ на этомъ участкѣ Европы находится — имперія турецкая — постепенно разрушающаяся и королевство Эллинское или греческое — слишкомъ безсильное, чтобы воскреснуть изъ подъ древнихъ раз-

валинъ. Въ нынѣшнихъ туркахъ точно такъ-же трудно узнать прежнихъ мусульманъ, какъ въ нынѣшнихъ грекахъ—потомковъ Мильціада и Ѳемистокла. Долговременное рабство измѣнило нравы жителей древней Эллады къ худшему и современный эллинъ, утративъ традиціональныя добродѣтели предковъ, богатъ единственно своими пороками. Горе странѣ, которая въ нравственномъ отношеніи оскудѣла до такой степени, что не можетъ обойтись въ гражданскомъ своемъ быту безъ иноземнаго ига, и призываетъ къ себѣ въ правители иноземца и иновѣрца. Ея удѣлъ — непрерывные мятежи и неурядицы, ведущія ее, шагъ за шагъ, къ конечному разрушенію. До двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, Греція была порабощена Турціею и лежала засыпанная прахомъ славнаго минувшаго, блеклыми лавровыми листьями своей прежней славы и орашенныя кровью своихъ сыновъ, лежала она подобно античной статуѣ, поросшей мохомъ и обезображенной временемъ. Не сама она возстала въ началѣ двадцатыхъ годовъ: ее подняли христіанскія державы Европы; ее вызвали изъ ничтожества восторженные поэты (всегда плохіе политики), вообразивъ, что Греція—эта мраморная статуя, можетъ воскреснуть; приподнявъ ее изъ праха и напѣвая ей о подвигахъ героевъ древности, надѣялись вдохнуть въ нее живую душу... Увѣнчались-ли успѣхомъ эти благородныя усилія? Въ наше время на ряду съ европейскими державами, Греція остается все той-же бездушной, античной статуей, которую не оживитъ ни какой Пигмаліонъ, точно такъ-же какъ и Италію и Египетъ и Персію... Всѣ эти страны отжили свое время: не то статуи, не то набальзамированные трупы, онѣ не воскреснутъ для новой жизни и не явятся въ блескѣ минувшей славы. Въ настоящее время жизнь государствъ отжившихъ—судорожныя подергиванія труповъ подъ вліяніемъ гальваническаго тока. Вся Греція обширное кладбище давно минувшаго; кладбище, покрытое обломками гробницъ и памятниковъ, давно поросшихъ травою, мохомъ и лопушникомъ, осѣненныхъ обнаженными вѣтвями когда-то зеленѣвшихъ лавровъ, въ которыхъ современный эллинъ и не нуждается. Всѣ лавры былаго времени онъ охотно отдастъ за оливы, такъ какъ изъ нихъ можно добывать прованское и деревянное масло—доходныя статьи торговли.

„Оно хотя не видно.
Да сытно!"

какъ говоритъ пѣтухъ въ баснѣ, нашедшій жемчужное зерно, и говоритъ великую, практическую истину. Развалины древней Греціи не та-ли самая жемчужина на грудахъ навоза? Въ современной Греціи и до нынѣ есть Ѳемистоклы, Леониды, Мильціады, Аристиды (эти имена тамъ въ большомъ употребленіи), но Ѳемистоклы и Леониды—занимаются торговлею и ростовщичествомъ, Мильціады содержатъ харчевни, а Аристиды за деньги способны на какую вамъ угодно низость... Эти потомки, носящіе славныя имена предковъ, похожи на карликовъ, вырядившихся въ одежду гигантовъ.... Возвратимся, однако, къ географіи древней Греціи.

Берега полуострова изобилуютъ множествомъ заливовъ, мысовъ и перешейковъ. На юго-востокѣ Архипелагъ съ группами острововъ Спорадъ (разсѣянныхъ) и Цикладъ или Кикладъ (круговыхъ). Изъ первыхъ назовемъ: Лемносъ, Гефестію, Самоѳракію, Ѳазосъ, Эвбею, Эгину, Саламинъ, Аморгосъ, Іосъ и Мелосъ. Группу Цикладъ составляли острова: Ортигія, Теносъ, Андросъ, Кіонъ, Паросъ, Антипаросъ, Наксосъ и Делосъ. У западныхъ береговъ Греціи въ Іоническомъ морѣ находилась група острововъ, нынѣ именующихся Іоническими, въ древности-же называвшихся Киѳера (Чериго), Сфагія, Закинфъ (Занте) Кефалонія или Саме, Коркира (Корфу), Итака (Ѳеакія) и Левкадія. Къ Греціи причислялись также Критъ (Кандія) и острова малоазіатскіе: Лесбосъ, Хіосъ и Родосъ. По географическому своему положенію Греція была призвана къ восприятію просвѣщенія путемъ торговыхъ сношеній съ берегами Малой Азіи и Африки, и очертаніемъ своихъ береговъ, напоминающая развѣтвленія корней древесныхъ, Греція для Европы была дѣйствительно (въ отношеніи нравственномъ) тѣмъ-же, чѣмъ бываетъ корень для дерева: какъ животворный сокъ по вѣтвямъ, такъ такъ изъ Греціи, по всѣмъ странамъ Европы,—распространились начатки гражданскаго благоустройства, наукъ и искусствъ.

Въ древности эта страна дѣлилась на сѣверную, среднюю и южную. Первую составляли двѣ области: Ѳессалія и Эпиръ.

Ѳессалія славилась плодородіемъ почвы, не смотря на гористое свое положеніе. Изъ ея горъ назовемъ: Олимпъ, Пиндъ, Ѳіамъ, Оссу и Пеліонъ; изъ рѣкъ: Пеней, вмѣстѣ съ Апиданомъ, орошавшій Темпейскую долину; Онхестъ, Ахелой, Инахъ. Эллада или средняя Греція состояла изъ четырехъ областей: Аттики, Віотіи или Беотіи, Фокиды и Локриды. Здѣсь, достойны упоминанія горы: Эта, Парнассъ, Кнемидъ, Геликонъ, Киѳеронъ, Гиметтъ, Лаврій; рѣки: Кефисъ. Ѳермиссъ, Азопъ, Илиссъ. Въ южной Греціи или Пелопонезѣ находились области: гористая и богатая пастбищами Аркадія; Лаконія, Элида, Ахаія, Сикіонія и Кориноъ. Изъ рѣкъ достойны упоминанія: Алфей и Эвротасъ; изъ горъ — Тайгетъ.

Климатъ древней Греціи могъ назваться, по всей справедливости, благорастворенными: теплый, ароматный воздухъ, ясная лазурь; богатая разнообразнѣйшими произведеніями почва... всѣ эти блага были по достоинству оцѣнены первобытными жителями Греціи, Пеласгами. Такъ именовались выходцы изъ Финикіи, Египта и Ливіи, заселившіе Пелопонезъ около 1800 г. до Р. Х. Отсюда они, мало по малу, распространились по средней и по южной Греціи, покоривъ туземныхъ дикарей, внушили имъ первыя понятія о необходимыхъ ремеслахъ, о гражданскомъ благоустройствѣ и о религіи. Въ послѣднемъ случаѣ, именно въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Греціи, видимъ смѣсь всѣхъ религій древняго міра и иначе не могло быть въ странѣ, заселенной инородцами и иновѣрцами, которымъ дикіе туземцы, наряду съ мнимыми божествами, воздавали божескія почести. Сравнительно, просвѣщенные пришельцы вызвали туземцевъ изъ пещеръ и лѣсныхъ чащъ, научили ихъ строить жилища и группировать ихъ въ селенія; изъ селеній возникли города. Тѣ же самые переселенцы обучили туземцевъ прирученію дикихъ животныхъ, обработкѣ земли; горшечному, кузнечному и ткацкому мастерствамъ. Явились первые города: Аргосъ, Сикіонъ, Эфира (Кориноъ), Спарта, Микены. Около 1600 г. до Р. Х. въ Греціи появились новые переселенцы: Ѳракіяне и Эллины съ сѣвера, африканскіе и азіатскіе выходцы съ юга. Пеласги, тѣснимые ими, переселялись въ Италію, на сосѣдніе острова, частію покорились новымъ властителямъ. Эллинами предводилъ Девкаліонъ, о которомъ мы уже говорили въ миѳологіи; отъ двухъ его внуковъ: Дора и Эола произошли племена Доряпъ и Эолянъ, отъ двухъ правнуковъ: Ахая и Іона—Ахаяне и Іоняне. Кромѣ этихъ племенъ существовали еще потомки третьяго сына Девкаліона, именовавшагося Амфиктіономъ, и бывшаго основателемъ перваго судилища для всей Греціи. Изъ пришельцевъ съ юга особенно прославились: египтянинъ Кекропсъ, поселившійся въ Аттикѣ (въ 1550 г. до Р. Х.); финикіянинъ Кадмъ—въ Віотіи; египтянинъ Данайй — въ Аргосѣ (оба въ 1500 г. до Р. Х) и фригіецъ Пелопсъ—въ Пелопонезѣ (1400 г. до Р. Х).

Кекропсъ, основатель Аѳинъ, былъ первымъ законодателемъ; учредилъ судилище Ареопагъ и ввелъ служеніе Юпитеру. Изъ его потомковъ особенно прославились: Тезей и Кодръ.

Кадмъ основалъ Ѳивы (сначала именовавшіеся Кадмеею) и ознакомилъ грековъ съ кузнечнымъ мастерствомъ и съ употребленіемъ письменъ.

Данай обучилъ грековъ земледѣлію, строительному искуству и сопряженныхъ съ послѣднимъ наукамъ и ремесламъ. Изъ его потомковъ особенно прославился Геркулесъ. Изъ потомковъ Пелопса—Агамемнонъ. Пятый переселенецъ въ Грецію—Девкаліонъ былъ современникомъ Кекропса.

Въ теченіи почти семи вѣковъ (1800—1185 г. до Р. Х.) Греція—до того времени пустынная, безлюдная, заселилась и въ ней появились города и первые признаки гражданскаго благоустройства, а жители ея, сравнительно, развились и просвѣтились. Области, заселенныя разными племенами, были подчинены правителямъ (царямъ); земледѣліе и скотоводство были главными источниками народнаго богатства. Походъ Аргонавтовъ и походъ троянскій доказали древнему міру до какой степени силенъ и могучъ греческій флотъ и на сколько опасны сосѣднимъ царствамъ воинственныя племена Греціи, во время обоихъ походовъ ополчавшіяся въ одну огромную рать — мужественную, непобѣдимую.

Второй періодъ греческой исторіи—отъ временъ разоренія Трои до начала персидскихъ войнъ (1185—500 л. до Р. Х.) былъ періодомъ высшаго умственнаго развитія Греція. Третій періодъ — отъ начала персидскихъ войнъ до покоренія Греціи

македонянами (500—333 г. до Р. Х.) представляетъ картину воинской славы этой страны и постепеннаго склоненія ея къ упадку.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ десятилѣтняго троянскаго похода былъ переворотъ въ политическомъ составѣ Греціи. Цари, возвратившіеся изъ похода, принуждены были силою оружія отнимать свои области у самозванцевъ, овладѣвшихъ ими. Гераклиды, потомки Геркулеса, ополчась вмѣстѣ съ доріанами и эллинами вторгнулись въ Пелопонезъ и въ теченіе ста лѣтъ вся Греція была опустошена междоусобными войнами (1100 л. до Р. Х.). Многіе жители принуждены были бѣжать въ Малую Азію, въ Италію, въ южную Испанію и Францію. Всѣ греческія области, кромѣ Эпира, перемѣнили правленіе монархическое на республиканское. Изъ множества республикъ, могущественнѣйшими явились: Спартанская и Аѳинская. Виновникомъ славы и могущества первой, мудрымъ ея законодателемъ, преобразователемъ нравовъ и обычаевъ былъ Ликургъ (880 л. до Р. Х.). Аѳинцы, бѣдствовавшіе сначала подъ кровавыми законами Дракона, въ кроткомъ Солонѣ обрѣли справедливаго и мудраго блюстителя ихъ нравственности и умственнаго развитія. Спарта была славна, благодаря воинскимъ доблестямъ суровыхъ своихъ гражданъ; науки и искусства были источниками славы и могущества Аѳинъ. Родственникъ Солона Пизистратъ, благодаря чрезмѣрному своему богатству, дарованіямъ и хитрости присвоилъ верховную власть и возстановилъ въ Аѳинахъ правленіе монархическое. За что не мало не сѣтовали аѳиняне, такъ какъ въ царствованіе Пизистрата, подъ кровомъ мира, процвѣтали науки, искусства и торговля. Сыновья его Гиппій и Гиппархъ наслѣдовали ему, но аѳиняне, опасаясь утвержденія династіи, а съ нею и тираніи, возмутились: Гиппархъ былъ убитъ; Гиппій бѣжалъ въ Персію. Вмѣшательство Спарты во внутреннія дѣла Аѳинъ было причиною столкновенія между собою обѣихъ республикъ, однако же враждовавшія стороны примирились въ виду угрожавшаго имъ вторженія персовъ.

Въ теченіе втораго періода, греческіе эмигранты и торговцы основали многія колоніи на берегахъ малой Азіи, морей: Мраморнаго, Чернаго и Азовскаго; въ южной Италіи, Франціи, Испаніи и Африкѣ. Изъ малоазіатскихъ колоній назовемъ: Митилене,

Хіо, Самосъ, Патмосъ, Косъ, Смирну, Эфезъ, Милетъ. Въ нынѣшнемъ Крыму и въ Новороссійскомъ краѣ: Танъ (нынѣшній Азовъ), Мелитополь (нынѣшній Бериславль), Пантикапея (Керчь), Херсонисъ Таврическій. Въ Кавказскомъ краѣ: Фанагорія (Тамань), Фазисъ. Въ южной Италіи: Тарентъ, Сибарисъ, Кротона, Реджіо, Кумы, Неаполь, Сиракузы, Агригентъ. Въ Испаніи: Сагунтъ. Въ южной Франціи: Массилія (Марсель). Въ Африкѣ: республика Киренейская.

Начало третьяго періода ознаменовалось длиннымъ рядомъ непрерывныхъ войнъ: съ персами (500 — 450 л. до Р. Х.) междоусобною Пелопонезскою (431—404), съ Артаксерксомъ Мнемономъ (387 до Р. Х.), Ѳиванскою (370—361), наконецъ священною или Фокейскою (338 г. до Р. Х.), слѣдствіемъ которой было покореніе Греціи Филиппомъ, царемъ македонскимъ. Во все продолженіе этого кроваваго періода, встрѣчаемъ въ исторіи Греціи имена героевъ, незабвенныхъ въ памяти потомства; таковы: Мильтіадъ побѣдитель Дарія Гистаспа на поляхъ Мараѳонскихъ; Ѳемистоклъ и Аристидъ; Леонидъ, обезсмертившій себя геройскою смертью въ ущельяхъ Ѳермопильскихъ; Павзаній побѣдитель Ксеркса при Платеѣ; Кимонъ, Периклъ, Алкивіадъ, Лизандръ, Ксенофонтъ, Агезилай, Пелопидъ и Эпаминондъ. Предъ этими именами меркнутъ имена героевъ Аргонавтовъ и славныхъ завоевателей Трои, къ разсказамъ о подвигахъ которыхъ примѣшано такъ много баснословной мишуры, что трудно отдѣлить правду отъ лжи!

Съ окончаніемъ политическаго бытія Греціи не прекратилась ея умственная жизнь; тѣло политическое обратилось въ прахъ, но съ нимъ не истлѣла безсмертная душа, втеченіе многихъ вѣковъ еще продолжавшая свою дѣятельность подъ игомъ македонскимъ и римскимъ. Наконецъ Греція и Римъ слились въ одну державу; и тотъ и другая отступились отъ язычества, чтобы воспринять ученіе евангельское. Когда же честолюбіе первосвященниковъ римскихъ увлекло ихъ до искаженія догматовъ вѣры Христовой — Византія отложилась отъ ихъ власти и явилась ревностною за-

щитницею церкви единой, апостольской и хранительницею православія (871 г. по Р. Х. раздѣленіе церквей).

Бѣглый очеркъ политической исторіи Греціи, представленный нами, можно назвать остовомъ великой страны, историческія событія — ея плотью и кровью. Согласно программѣ, предвзятой нами, мы по возможности будемъ уклоняться отъ разсказовъ, касающихся, такъ сказать, органическаго бытія Греціи, такъ какъ главный предметъ нашего труда ея умственная дѣятельность, ея духовное развитіе. И это бытіе, подобно политическому, можно раздѣлить на четыре періода слѣдующимъ образомъ:

Первый періодъ. Начало поэзіи религіозной. Космогоніи, ѳеогоніи и герогоніи воспѣвали таинства религіи, происхожденіе міровъ и божествъ, празднества, жертвоприношенія и подвиги героевъ. Изъ этихъ произведеній младенческаго лепета новорожденной поэзіи сложилась вся греческая миѳологія. Творенія первобытныхъ поэтовъ утрачены и только ихъ имена сохранились отъ забвенія, благодаря ихъ позднѣйшимъ преемникамъ. Первыми греческими поэтами были: Линъ, Памфъ, Амфіонъ, Эвмолпъ Мелампъ, Филаммонъ, Тамирисъ, Палефатъ, Орфей и Музей, жившіе между 1800 и 1000 г. до Р. Х.

Періодъ второй. Начало эпопеи, т. е. поэзіи героической. Страсть грековъ къ прославленію подвиговъ ихъ предковъ образовала особенный классъ странствующихъ пѣвцовъ рапсодовъ — живыхъ лѣтописей, разсказывавшихъ народу о временахъ давно минувшихъ и о герояхъ, прославившихся великими подвигами. Рапсоды распѣвали пѣсни, сложенныя другими поэтами, иногда импровизировали сами. Барды у древнихъ кельтовъ и каледонянъ, миннензенгеры въ средне-вѣковой Германіи, трубадуры и менестрели въ Провансѣ и южной Франціи, кобзари въ Малороссіи — то же самое, что были рапсоды въ древней Греціи. У насъ, въ Россіи, рапсодами были калики перехожіе и нищіе, пѣвшіе Лазаря, или иныя, но всегда духовныя пѣсни. Существенная разница между рапсодами древней Греціи и нашими доморощенными, заключается въ томъ, что рапсоды, напоминая правнукамъ о подвигахъ ихъ предковъ, внушали имъ благородную гордость и поддерживали въ нихъ традиціональное мужество, наши

же ныны только распространяли превратныя понятія о религіозныхъ догматахъ и служили невольными орудіями расколовъ. Представителями рапсодовъ греческихъ, во второмъ періодѣ умственнаго развитія Греціи являются: Гомеръ и Гезіодъ. Вслѣдствіе благоговѣнія грековъ къ памяти Гомера въ Іоніи появились Гомериды, поколѣнія рапсодовъ, посвящавшія всю жизнь на распространеніе его пѣснопѣній. Изъ подражателей великому поэту образовалась школа циклическихъ поэтовъ, въ пѣсняхъ своихъ подражавшихъ размѣру благозвучныхъ гекзаметровъ Иліады и Одиссеи. Гезіодъ жилъ двумя вѣками позже Гомера; его послѣдователи образовали особую школу поэтовъ гезіодическихъ, избиравшихъ предметами своихъ пѣсенъ гимны богамъ, теогоніи, космогоніи, гигантомахіи, титаномахіи и проч. Къ этому же времени относится и появленіе сатиры. Первыя произведенія въ этомъ родѣ принадлежали Архилоху, уроженцу паросскому, жившему лѣтъ черезъ двѣсти послѣ Гомера. Инаго точнѣйшаго опредѣленія сатирѣ не можемъ сдѣлать, какъ употребивъ сравненіе. Колкость — иголка и сатира — тоже; но остріе послѣдней всегда намазано ядомъ желчи. Рана первой — излечима; второй — никогда! Второй періодъ продолжался съ 1000 по 700 годъ до Р. Х.

Третій періодъ. Времена Солона; начало поэзіи лирической, драматической и философіи у грековъ. Первыми лириками были: Каллинъ эфезскій и аѳинянинъ Тиртей, писавшіе оды героическія, Алкей соотечественникъ и современникъ Сафо; Стесихоръ сицилійскій, Бакхилидъ и ѳивянинъ Пиндаръ — славнѣйшій изъ лириковъ. Около этого времени Аріонъ изъ Метимны изобрѣлъ диѳирамбъ, а Терпандръ — застольныя пѣсни. Эротическими и элегическими стихотвореніями прославились: Сафо, Миртида, Коринна, Симонидъ и Анакреонъ. За тѣмъ, поэзія лирическая стала приходить въ упадокъ: поэзія драматическая стала брать надъ нею замѣтный перевѣсъ. Основателемъ искуства драматическаго былъ Ѳесписъ аѳинянинъ, современникъ Солона; Фринихъ ученикъ Ѳесписа сдѣлалъ нѣкоторыя улучшенія, но произведенія ихъ обоихъ еще не имѣли ни изящной формы, ни достоинства поэтическаго. Послѣ

того, поэзія драматическая раздѣляясь на трагедію и комедію. Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ въ трагедіяхъ достигли высокаго совершенства; Эпихармъ, Кратинъ и Эвполисъ были первыми комиками. Истиннымъ создателемъ греческой комедіи былъ Аристофанъ (современникъ Сократа), а ея усовершенствователемъ — Менандръ. По мѣрѣ ослабленія лирическаго вдохновенія въ грекахъ, въ нихъ начала развиваться склонность къ разсужденію и мудрствованію. Умъ великаго народа созрѣлъ и недовольствуясь наслажденіями поэзіи сталъ жаждать знанія... Возникла философія, основателями которой были гномическіе поэты; баснописцы, и — такъ называемые — мудрецы. Изъ гномическихъ поэтовъ извѣстны: Θеогнисъ, Прокилидъ, Ксенафанъ; изъ баснописцевъ Эзопъ. Прозвища мудрецовъ снискали: Солонъ, Періандръ коринѳскій, Питтакъ лесбійскій, Θалесъ милетскій, Клеовулъ лидійскій, Біасъ пріенскій и Хилонъ эфоръ спартанскій. При самомъ своемъ началѣ философія дѣлилась на школы. Первая изъ нихъ была основана Θалесомъ и именовалась Іоническою. Ксенофонъ основалъ школу элеатическую. Зенонъ элеецъ и ученикъ его Левкиппъ положили основаніе второй школѣ элеатиковъ. Ученики Θалеса — Пиѳагоръ и Ферекидъ сироссскій образовали школу пиѳагорейскую или италіанскую. Въ исходѣ V вѣка до Р. Х. возникла школа софистовъ. Изъ послѣдователей этого ученія особенно прославились: Протагоръ, Горгій, Гиппій, Продика и Критій. Противникомъ софистовъ явился Сократъ. Изъ его учениковъ достойны упоминанія: Аристиппъ, Антисѳенъ, Эвклидъ и Платонъ. Каждый изъ нихъ былъ основателемъ особой философской школы.

Аристиппъ основалъ школу киринейскую и имѣлъ послѣдователями Эгесія, Θеодора и Анникериса. Главою школы цинической былъ Антисѳенъ, изъ учениковъ котораго особенно прославился Діогенъ. Эвклидъ образовалъ школу мегарскую; Платонъ — академическую, бывшую разсадникомъ славнѣйшихъ философовъ. Изъ нея вышли: Ксенократъ, Полемонъ, Кратесъ, Кранторъ и Аристотель. Послѣдній былъ основателемъ школы перипатетической. Славнѣйшими перипатетиками были: Θеофрастъ, Аристоксенъ и Димитрій фалерійскій.

Въ исходѣ IV вѣка до Р. Х. возникли еще три школы: эпикурейцевъ (Эпикуръ), скептиковъ (Пирронъ) и стоиковъ (Зенонъ).

Одновременно съ развитіемъ философіи преуспѣвали науки. Изъ поэзіи эпической образовавшаяся исторія или логографія. Первыми историками были: Кадмъ, Гекатей, Діонисій, и Гелланикъ. Около 450 г. до Р. Х. явился Геродотъ галикарнасскій — отецъ исторіи, подобно тому, какъ Гомеръ былъ отцемъ эпопеи. Θукидидъ и Ксенофонтъ были достойными его послѣдователями. „Ораторами дѣлаются, поэтами родятся (fiunt oratores, poetae nascuntur)“, сказалъ одинъ древній писатель и искуство ораторское, порожденное необходимостью, особенно процвѣтало въ Аѳинахъ, граждане которыхъ вообще славились словоохотливостью. Краснорѣчіе раздѣлилось на три рода: политическое, судебное и софистическое. Витіи перваго рода нерѣдко имѣли вліяніе на судьбы Аѳинъ и даже всей Греціи. Пизистратъ, Θемистоклъ, Кимонъ, Периклъ и Алкивіадъ въ равной степени совершенства владѣли мечемъ и языкомъ, а рѣчи Демосѳена стоили меча опытнѣйшаго полководца. Въ краснорѣчіи судебномъ пріобрѣли извѣстность: Антифонъ, Исей, Лидій и Андокидъ. Изъ витій-софистовъ назовемъ: Продика, Горгія, Прасимаха и Каллистрата.

Въ этомъ же третьемъ періодѣ процвѣтали въ Греціи математика и медицина, равно какъ и всѣ отрасли наукъ съ ними тѣсно связанныя. Изъ математиковъ прославились: Архита, Θеодоръ, Филолай, Эвдоксій, Геликонъ и Автомахъ. Кромѣ того, у многихъ философовъ, математическія науки полагались основою ихъ ученія. Медицина, происхожденіемъ своимъ въ Греціи обязанная Эскулапу, совершенствовалась благодаря стараніямъ Асклепіадовъ, впослѣдствіи времени раздѣлившихся на двѣ школы: книдскую и косскую. Съ именемъ послѣдней неразлучно безсмертное имя Гиппократа.

Продолжительность третьяго періода можно опредѣлить въ 400 лѣтъ, т. е. съ 700 по 300 г. до Р. Х.

Четвертый періодъ. Покоренная македонянами, а впослѣдствіи времени римлянами, Греція, въ отношеніи умственномъ сама была властительницею надъ своими поработителями, подобно женѣ, властвующей надъ мужемъ. Непобѣдимый Александръ Македонскій образованіемъ своимъ обязанный Аристотелю, Александръ—непреклонный герой, преклонился предъ именемъ Гомера и сохранялъ Иліаду въ золотомъ ковчегѣ. Его преемники усвоили греческую образованность и языкъ эллиновъ былъ владычествующимъ во всѣхъ областяхъ громадной державы Македонскаго. Словесность и науки, пришедшія въ упадокъ въ Аѳинахъ, процвѣтали въ Александріи. Сонмъ ученыхъ этого періода извѣстенъ подъ общимъ именемъ школы **александрійской**. Четвертый періодъ продолжался отъ 300 г. до Р. Х. до 325 г. по Р. Х. Римляне, наслѣдовавшіе послѣ Александра Великаго обладаніе надъ древнимъ міромъ, поклонялись идоламъ Греціи... она же была просвѣтительницею Рима.

Мы прослѣдимъ подробно исторію умственнаго развитія древней Греціи, располагая ее по вышеприведеннымъ періодамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гомеръ.—Сказки о его происхожденіи.—Сказаніе Геродота.—Скитанія Гомера.—Иліада и Одиссея.—Время, въ которое жилъ Гомеръ. — Батрахоміомахія.—Соединеніе рапсодій Гомера въ цѣлую поэму.—Гезіодъ.—Его произведенія.—Сатирикъ Архилохъ.—Ликургъ.—Его происхожденіе.—Рожденіе Херелая.—Законы Ликурга.—Надѣлъ землею.—Новая монетная система.—Искорененіе пьянства.—Поголовное ополченіе. — Воспитаніе дѣтей. — Бракъ.—Спартанки. — Яства и напитки.—Организація войскъ.—Смерть Ликурга.—Двѣ сказки о немъ.—Ихъ истолкованіе.

Дѣйствительно-ли существовалъ Гомеръ, или это личность вымышленная? Этотъ вопросъ долгое время занималъ древнихъ, ста-

ринныхъ и новѣйшихъ ученыхъ и донынѣ еще можетъ назваться спорнымъ. Въ Греціи семь городовъ оспаривали другъ у друга честь назваться отчизною Гомера. Приписывая ему божественное происхожденіе, древніе слагали о происхожденіи царя поэтовъ многія сказки. Отцемъ его называли египтянина Дамасгора; матерью—Эхру; кормилицею жрицу-прорицательницу. Въ минуту появленія младенца на свѣтъ девять голубицъ спустились на его колыбель и онъ игралъ съ ними. Когда же пришло время начать говорить, младенецъ Гомеръ запѣлъ девятью разными голосами...

Подобныя сказки слагались у всѣхъ древнихъ народовъ о ихъ геніальныхъ соотечественникахъ. Не мало чудесъ разсказывали индусы о Буддѣ; китайцы о Фо-ги, Кунг-фу-тзи и о прочихъ своихъ законодателяхъ; персы—о Зороастрѣ, халдеяне—о Семирамидѣ... Довольно сказокъ и басенъ сообщили мы читателямъ нашимъ въ греческо-римской миѳологіи и потому, не останавливаясь на фантастическихъ сказаніяхъ о происхожденіи Гомера, обратимся къ правдѣ, т. е. къ исторіи. Вотъ что разсказываетъ Геродотъ о происхожденіи Гомера.

У аѳинянина Меланопа, переселившагося въ Іонію и жившаго въ Кумахъ, была дочь Криѳеида и другъ Клеанаксъ. Меланопъ, умирая, поручилъ дочь его попеченіямъ, но недостойный опекунъ обольстилъ свою питомицу, и Криѳеида, чтобы скрыть позоръ, принуждена была удалиться въ Смирну. Здѣсь она родила младенца, названнаго Гомеромъ, и чтобы поддерживать свое существованіе принуждена была заниматься пряжею шерсти. Содержатель школы и учитель музыки Фемій познакомился съ Криѳеидою, принялъ въ ней искреннее участіе, женился на ней и усыновилъ Гомера, которому далъ превосходное образованіе. После смерти матери и нареченнаго своего отца, Гомеръ продолжалъ содержать его школу, нажилъ порядочное состояніе и пріобрѣлъ извѣстность, какъ добросовѣстный и опытный воспитатель юношества. Прибывшій въ Смирну на кораблѣ торговецъ Ментесъ познакомился съ Гомеромъ и своими разсказами о чужихъ странахъ имъ видѣнныхъ возбудилъ въ будущемъ авторѣ Иліады живѣйшее желаніе видѣть чужія края. Закрывъ школу, Гомеръ на кораблѣ Ментеса посѣтилъ берега Малой Азіи и на

пихъ развалины Трои; Испанію, Италію, островъ Итаку — царство Улисса. Разсказы старожиловъ о подвигахъ грековъ подъ стѣнами Трои дали Гомеру первую мысль воспѣть стихами участь царства Пріама и во время своего путешествія Гомеръ, запасшись богатыми матеріалами для своихъ безсмертныхъ поэмъ, начерталъ планъ Иліады и Одиссеи, отдѣлывая каждую пѣснь не послѣдовательно, но по мѣрѣ вдохновенія. Богатымъ въ отношеніи нравственномъ и — почти нищимъ — въ отношеніи матеріальномъ Гомеръ возвратился на родину. Чтобы снисковать пропитаніе онъ сдѣлался *рапсодомъ* (странствующимъ пѣвцомъ) и, скитаясь по городамъ малой Азіи, питался милостынею слушателей, которымъ пѣлъ отрывки изъ Иліады. На островѣ Хіосѣ ему удалось открыть небольшую школу, здѣсь же онъ женился, прижилъ съ женою двухъ дочерей и лишился зрѣнія. Безжалостные птицеловы выкалывають глаза соловьямъ, чтобы они постоянно пѣли: точно также и, какъ будто съ той же самой цѣлію, поступила съ Гомеромъ безжалостная судьба! Отчужденный отъ внѣшняго міра, бѣдный слѣпецъ погрузился въ міръ идеальный, призрачный, въ которомъ воображеніе является творцомъ неутомимымъ. Пѣснопѣнія слѣпца чрезъ сотни устъ распространились по малой Азіи, отсюда проникли въ Грецію, возбуждая всеобщій восторгъ и удивленіе. Съ цѣлію ознакомить Грецію съ Иліадой и Одиссеей, Гомеръ отправился въ эту страну, но достигнувъ острова Іоса (одного изъ Спорадъ), онъ заболѣлъ и скончался, хотя въ произведеніяхъ своихъ на многіе вѣка пребудетъ безсмертенъ въ памяти отдаленнѣйшаго потомства. Цѣлыя поколѣнія *циклическихъ* поэтовъ *подражали* ему, но отъ глубочайшей древности и донынѣ еще не нашелся ни одинъ, который могъ бы *сравняться* съ Гомеромъ.

Временемъ его существованія вообще принято считать X вѣкъ до Р. Х. (970 — 900 г.), хотя и въ этомъ случаѣ, дѣло безъ споровъ между учеными не обходится. Одни говорятъ, будто Гомеръ жилъ черезъ 50 лѣтъ послѣ разрушенія Трои (1125 — 955 л. до Р. Х.), другіе отдаляютъ эту эпоху на сто лѣтъ (925 — 825 л. до Р. Х.). Среднее число (900), во всякомъ случаѣ, самое вѣроятное.

Иліада и *Одиссея* несомнѣнно единственныя произведенія Гомера, чего никакъ нельзя сказать о шутовской поэмѣ *Батрохоміомахіи*, воспѣвающей войну лягушекъ съ мышами, приписываемой Гомеру, но отъ которой онъ такъ-же далекъ, какъ вершины Парнасса и Олимпа далеки отъ какого-нибудь болота. Батрохоміомахія относится къ Иліадѣ, какъ мраморная колоссальная статуя, изваянная Праксителемъ или Фидіемъ къ карикатурной, алебастровой куколкѣ. Эта поэма — пародія на Иліаду, написанная не Гомеромъ, но какимъ-то неизвѣстнымъ поэтомъ, по крайней мѣрѣ черезъ триста лѣтъ послѣ него. Она, въ своемъ родѣ, достойна вниманія, но чтобы называть ее произведеніемъ Гомера, для этого надобно имѣть весьма ограниченныя понятія о безсмертномъ поэтѣ.

Спартанскій законодатель *Ликургъ* (о которомъ мы поговоримъ ниже), во время своего путешествія по Малой Азіи, собралъ и привелъ въ порядокъ всѣ пѣсни Иліады и, такимъ образомъ, ознакомилъ древній міръ съ этимъ совершенствомъ поэзіи. Въ десяткахъ тысячахъ списковъ, изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ Иліада и Одиссея дожили до времени изобрѣтенія книгопечатанія, навсегда упрочившаго ихъ безсмертія. Первое изданіе Иліады напечатано было въ Римѣ въ 1517 году. Обѣ поэмы были переведены на всѣ европейскіе языки, тысячи комментаторовъ писали толкованія не только на поэмы, даже на нѣкоторые ихъ стихи, отдѣльно взятые. Мы, русскіе, можемъ гордиться переводомъ Иліады въ гекзаметрахъ Гнѣдича, Одиссею перевелъ Жуковскій не съ подлинника, а съ нѣмецкаго перевода... и то, да не то. Иліада и Одиссея — драгоцѣнны не въ одномъ только литературномъ отношеніи; та и другая — неистощимыя сокровищницы, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о древности, важныя для историка, естествоиспытателя, законодателя и художника.

Гезіодъ, ошибочно почитаемый современникомъ Гомера, жилъ позже его, по крайней мѣрѣ двумя вѣками. Отецъ его бѣднякъ, обремененный семействомъ, жилъ въ Кумахъ, откуда Гезіодъ переселился въ Аскру близъ Геликона и съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя служенію музамъ. На состязаніи поэтовъ при погребеніи Амфидамаса, царя *халкидскаго*, онъ удосто-

ился **первой награды**, состоявшей изъ золотаго треножника, который былъ отданъ Гезіодомъ въ храмъ музъ. Діонь-златоустъ (Хризостомъ) утверждаетъ, будто Гезіодъ соперничалъ съ Гомеромъ, что положительно отрицаютъ Авръ-Геллій, Сенека и Павзаній: не вѣрнѣе-ли принять слово: соперникъ, въ томъ смыслѣ, что талантомъ своимъ Гезіодъ могъ потягаться съ Гомеромъ? Изъ произведеній Гезіода до насъ дошли: 1) **Труды и дни** (Opera et dies), 2) **Щитъ Геркулеса** и 3) **Ѳеогонія**. Первая поэма, сочиненная Гезіодомъ въ назиданіе брату своему Персесу, заключаетъ въ себѣ руководства для земледѣльческихъ работъ и многія нравственныя разсужденія. Эта поэма послужила Виргилію-Марону образцомъ для его **Георгикъ**. Первое печатное изданіе Трудовъ и Дней вышло въ Миланѣ въ 1493 году; венеціанское Альда Мануччи (1495 года) почитается образцовымъ. **Щитъ Геркулеса**, поэма, воспѣвающая подвиги этого героя, есть отрывокъ изъ утраченныхъ для потомства Героидъ, сочиненный Гезіодомъ, съ содержаніемъ котораго читатели наши отчасти знакомы по заимствованіямъ, дѣланнымъ нами при обзорѣ миѳологіи. Кромѣ этихъ трехъ сочиненій Гезіодомъ были написаны, но не дошли до насъ: 4) **Великій астрономическій годъ**; 5) **Похвальное слово** на могилы Батраха, друга Гезіода; 6) **Ѳетида и Пелей**, эпиталама [1]; 7) **Вокругъ свѣта**, произведеніе на которое дѣлаютъ многія ссылки Страбонъ и Плиній; 8) **Сошествіе Тезея въ адъ**; 9) **Волхованіе**; 10) **Великіе труды**; 11) **Бракъ Ѳеиксы**.

Уроженецъ Пароса **Архилохъ**, жившій за 700 л. до Р. Х. былъ отцемъ греческой сатиры. Предметъ стихотвореній этого рода — осмѣяніе пороковъ. Браня дурное и вредное, сатирикъ въ тоже время не можетъ не хвалить доброе и хорошее: слѣдовательно Архилохъ, будучи первымъ сатирикомъ, въ тоже время былъ и однимъ изъ первыхъ греческихъ моралистовъ.

Упомянутые нами поэты жили въ тотъ періодъ бытія Греціи,

[1] Отъ греческихъ словъ эпи — надъ и таламосъ или ѳаламосъ: брачное ложе. Такъ назывались пѣснопѣнія въ честь новобрачныхъ, которыя читались или воспѣвались при бракосочетаніяхъ.

когда эта страна, раздираемая междоусобіями, дробилась на многія республики, изъ которыхъ особенно прославились **спартанская** и **аѳинская**. Основателемъ первый былъ Ликургъ, славнѣйшій и первый изъ законодателей Греціи (880 г. до Р. Х.).

Въ десятомъ колѣнѣ потомокъ Геркулеса, Ликургъ былъ сыномъ царя Проклесса (или Эвнома) и братомъ царя спартанскаго Полидекта. Послѣдній, умирая, хоть и оставилъ послѣ себя вдову, но завѣщалъ престолъ Ликургу. Мудрый и правосудный преемникъ Полидекта взялъ на себя трудную обязанность правителя и въ тоже время вдовствующая царица объявила себя беременною. Эта вѣсть, ужасная для тирана, принудила Ликурга принять всѣ мѣры къ упроченію законныхъ, наслѣдственныхъ правъ будущаго потомка покойнаго Полидекта. Царица, неравнодушная къ Ликургу, предложила ему свою руку, въ тоже время обѣщая умертвить младенца, если онъ будетъ мужескаго пола. Правитель наружно согласился на послѣднее предложеніе, но упросилъ царицу, чтобы она сама не убивала младенца, а немедленно по разрѣшеніи своемъ прислала его къ Ликургу, который (какъ онъ самъ говорилъ) уже знаетъ что надобно съ нимъ сдѣлать. Онъ сидѣлъ за ужиномъ, съ своими друзьями, когда посланные отъ царицы принесли къ нему рожденнаго ею мальчика. Будь на мѣстѣ Ликурга Ричардъ III, Годуновъ, Кромвель или Наполеонъ, тогда новорожденный младенецъ, разумѣется былъ-бы зарѣзанъ или отравленъ... но, Ликургъ, олицетворенное правосудіе, поступилъ иначе. Показавъ младенца присутствовавшимъ онъ тотчасъ же провозгласилъ его царемъ и объявилъ народу о рожденіи царицею наслѣдника покойному царю Полидекту. Въ память этого радостного событія новорожденный былъ названъ **Харилаемъ** (радость народная).

Давъ Спартѣ царя, Ликургъ озаботился дарованіемъ ей законовъ. Съ этой благой цѣлію онъ отправился путешествовать въ Египетъ и въ Малую Азію для изученія тамошней государственной администраціи и для заимствованія изъ тамошнихъ узаконеній тѣхъ, которыя могли быть примѣнимы къ Спартѣ. Восемнадцать лѣтъ путешествовалъ Ликургъ по чужимъ краямъ и вмѣстѣ съ запасами драгоцѣнныхъ свѣдѣній привезъ въ Грецію

(какъ мы уже говорили выше) полный списокъ Иліады. По возвращеніи въ Спарту Ликургъ нашелъ совершенное безначаліе и крайнее развращеніе нравовъ, угрожавшее гибельнымъ вліяніемъ самой породѣ жителей Спарты и Лакедемона. Мощной, желѣзной рукой Ликургъ исторгъ свою родину изъ смраднаго омута, въ которомъ она погрязла въ его отсутствіе; пересоздалъ ее; къ новой жизни призвалъ своихъ согражданъ, давъ имъ **законы**, до нынѣ достойные удивленія потомства.

Сила полезна человѣку въ такомъ только случаѣ, когда она подчинена разуму, дающему ей направленіе и указующему ей добрую цѣль. Силами государства Ликургъ назвалъ войско и народъ; разумомъ — правительство. Послѣднее состояло изъ двухъ царей, изъ совѣтниковъ (въ числѣ 22 человѣкъ) и пяти **эфоровъ**, на обязанность которыхъ былъ возложенъ надзоръ за неуклоннымъ соблюденіемъ законовъ царями и ихъ совѣтниками. Источникомъ кровавыхъ распрей жителей Лакедемона и Спарты было неравенство состояній. Ликургъ, сдѣлавъ поголовную перепись, раздѣлилъ всю страну на участки (9000 для Спарты, 30.000 для Лакедемона) и произведя **душевой надѣлъ**, каждаго гражданина сдѣлалъ землевладѣльцемъ собственникомъ. Важное это преобразованіе не обошлось безъ волненій: уравненіе состояній не могло нравиться богачамъ и въ нихъ законодатель встрѣтилъ ярыхъ противниковъ благимъ своимъ намѣреніямъ. Отъ споровъ перешли къ угрозамъ, отъ угрозъ къ дракѣ и въ одной изъ схватокъ, нѣкто **Алькандръ** вышибъ глазъ Ликургу ударомъ палки. Изувѣченный законодатель не только не подвергъ Альскандра наказанію, но приблизивъ къ себѣ съумѣлъ благодѣяніями пробудить въ его сердцѣ чувства самаго искренняго раскаянія... Наконецъ вопросъ о душевомъ надѣлѣ былъ рѣшенъ. За нимъ послѣдовалъ другой о преобразованіи монетной системы. Отрицая въ ходячей монетѣ всякую вещественную, ей присущую стоимость и принимая ее только за условный знакъ для выраженія цѣны вещей, Ликургъ распорядился о выпускѣ въ обращеніе монеты чугунной. Этой разумной мѣрой онъ истребилъ въ сердцахъ спартанцевъ гнусныя чувства сребролюбія и той животной скаредности, которая, обожая деньги, любитъ ихъ ради металла, изъ котораго онѣ

вычеканены. Каждому гражданину вмѣнено было въ обязанность обработывать свой участокъ земли и питаться собранною жатвою, довольствуясь немногимъ и чуждаясь затѣйливыхъ яствъ и всякихъ лакомствъ. Вино было изгнано и пьянство названо гнуснѣйшимъ изъ всѣхъ пороковъ... Здѣсь Ликургъ шелъ прямо на перекоръ религіи, такъ какъ у древнихъ Вакхъ, или Бахусъ, богъ пьянства, пользовался великимъ уваженіемъ. Ненавистники Ликурга сложили о немъ сказку, будто онъ окривѣлъ не въ дракѣ съ Альскандромъ, но былъ наказанъ самимъ Бахусомъ, выколовшимъ ему глазъ отросткомъ виноградной лозы, въ ту минуту когда Ликургъ вырывалъ ее съ корнемъ. По другимъ сказкамъ, Ликургъ былъ наказанъ Бахусомъ тѣмъ, что богъ лишилъ его разсудка. Всѣ эти выдумки доказываютъ только, какъ тяжело было жителямъ Спарты подчиняться строгимъ узаконеніямъ ихъ мудраго преобразователя, не оцѣненнаго по достоинству. Борьба съ старинными предразсудками и съ порочными наклонностями людей — таковъ удѣлъ законодателей древняго и новаго міра. Современники ихъ ненавидятъ, ропщутъ на нихъ, проклинаютъ ихъ и только потомки воздаютъ этимъ благодѣтелямъ должную справедливость. Гонитель пьянства и слѣдовательно отступникъ отъ служенія Бахусу, Ликургъ, желая удержать юношей отъ этого порока, приказалъ половымъ школъ и гимназій во время обѣда водить пьяныхъ **илотовъ** (рабовъ), служившихъ живыми примѣрами того скотообразнаго состоянія, до котораго можетъ дойти пьяница. Здѣсь не можемъ не сдѣлать сопоставленія законодателя Спарты съ нашимъ Петромъ великимъ: во многихъ чертахъ, какъ мощныя, энергическія натуры, они схожи между собою, кромѣ ихъ взглядовъ на трезвость и то что преслѣдовалъ Ликургъ — поощрялось Петромъ великимъ.. Впрочемъ и на нашихъ асамблеяхъ, полуведерный **кубокъ большаго орла** былъ наказаніемъ, а испивавшіе его ничѣмъ не отличались отъ спартанскихъ илотовъ.

Для внушенія народу должнаго довѣрія и уваженія къ своимъ законамъ, Ликургъ о каждомъ своемъ указѣ (**ретрам**) говорилъ, что онъ написанъ съ одобренія дельфійскаго оракула. Подобно всѣмъ великимъ законодателямъ, онъ выдавалъ себя за человѣка близкаго къ божеству и ему угоднаго. Для обнародованія

новаго узаконенія, эфоры созывали народное вѣче великое или малое. То и другое, большинствомъ голосовъ, рѣшало важнѣйшіе вопросы внѣшней и внутренней политики. Каждый гражданинъ — онъ-же землевладѣлецъ собственникъ и воинъ, защитникъ родной земли, пользовался правомъ подачи голоса. Въ случаѣ войны, каждый обязанъ былъ становиться въ ряды воиновъ и такимъ образомъ вся древняя Спарта и Лакедемонъ составляли одинъ дружный ландверъ, грозный врагамъ отечества. Назначеніе воина, по убѣжденію Ликурга, состояло въ охраненіи своей земли, отнюдь не въ завоеваніи чужой. На битвѣ онъ приказывалъ воину быть неустрашимымъ, жизни своей не жалѣть, но щадить жизнь врага безоружнаго или сдающагося въ плѣнъ. Изъ этихъ плѣнниковъ образовалось сословіе илотовъ, обрабатывавшихъ землю своихъ господъ и занимавшихся ремеслами и искуствами.

Законы Ликурга были изложены въ немногихъ статьяхъ, стихами, для удобнѣйшаго ихъ запоминанія. Изъ слѣдующей картины гражданскаго быта Спарты можно видѣть чего требовалъ Ликургъ отъ своихъ согражданъ.

Младенца, при появленіи его на свѣтъ, приносили для освидѣтельствованія судьямъ, рѣшавшимъ — жить или не жить новорожденному, судя по тому, здоровой-ли онъ комплекціи и нѣтъ ли въ немъ какихъ физическихъ недостатковъ. Дѣтей слабыхъ и уродовъ, безъ всякой жалости уносили на вершину горы Тайгета и оставляли тамъ на произволъ смерти. Не выходя изъ повиновенія отцу и матери, ребенокъ дѣлался достояніемъ республики: она заботилась о его физическомъ и нравственномъ воспитаніи. Связывая неразрывно одно съ другимъ Ликургъ, запретивъ пеленать дѣтей, приказалъ пріучать ихъ къ жизни суровой, чуждой роскоши, нѣги и къ умѣнью переносить тягчайшіе труды и страданія. Съ малыхъ лѣтъ, спартанцы занимались гимнастическими упражненіями въ школахъ, въ которыхъ они обучались плаванью, верховой ѣздѣ, искуству владѣть оружіемъ. Безпрекословное повиновеніе и уваженіе къ старшимъ, въ особенности — терпѣніе, полагались прочнѣйшими основами воспитанія нравственнаго. Ученикъ, навлекшій на себя тѣлесное наказаніе, обязанъ былъ подчиниться ему безропотно и переносить его безъ крику и сто-

новъ. Первоначальное воспитаніе дѣвочекъ было тоже самое; въ самомъ ихъ одѣяніи, состоявшемъ изъ коротенькихъ туникъ, не было никакой разницы съ одѣяніемъ мальчиковъ. Назначеніе женщины, по закону Ликурга—быть хозяйкой и матерью; главная заслуга женщины передъ отечествомъ—народить ему вѣрныхъ сыновъ и мужественныхъ защитниковъ.

Достигшему юношескаго возраста спартанцу вмѣнялось въ обязанность избрать себѣ жену. Видѣть свою невѣсту онъ могъ на зарѣ, во время прогулокъ ея съ подругами. На отношенія супружескія Ликургъ смотрѣлъ не очень строго и за прелюбодѣяніе не преслѣдовалъ. Мужу, утратившему воспроизводительную способность, позволялось избирать изъ круга друзей охотника быть продолжителемъ его рода и племени. Героическая твердость матерей-спартанокъ вошла въ пословицу. Онѣ не оплакивали сыновей павшихъ на полѣ битвы, но радовались получая извѣстіе о ихъ геройской кончинѣ. „Я знала, что онъ для этого былъ рожденъ мною!“ сказала одна спартанка, когда ей сообщили, что единственный сынъ ея убитъ въ сраженіи. Другая, снаряжая сына на битву и подавая ему щитъ произнесла: „возвращайся съ нимъ или на немъ!“

Вступивъ въ число гражданъ, спартанецъ подчинялся законамъ республики неуклонно. Онъ былъ обязанъ въ домашнемъ своемъ быту подчиняться закону — единому своему властителю. Обѣдали граждане за общими столами, довольствуясь блюдами не затѣйливыми: хлѣбъ, плоды и черная похлебка; для питья — вода, такова была неизмѣнная спартанская кухня, въ которой мясо допускалось въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, а рыба и вовсе не допускалась, какъ пища вредящая здоровью и возбуждающая въ человѣкѣ чувственныя побужденія. Были особо назначенные дни общественныхъ увеселеній, празднествъ, жертвоприношеній и упражненій воинскихъ. Послѣднія бывали въ Спартѣ чаще первыхъ. Войска дѣлились на полки (по 512 ратниковъ въ каждомъ); полкъ на четыре дружины; дружина—на отряды или роты. Въ жертву богамъ приносились не плоды, не мясо животныхъ—а кровь юношей, которыхъ немилосердно бичевали передъ алтарями. Ихъ без-

молвіе и перенесеніе страданій почитались приношеніями самыми угодными богамъ.

Кондильякъ, сравнивая Ликурга съ Солономъ, весьма справедливо сказалъ: „Ликургъ образовалъ нравы спартанцевъ согласно своимъ законамъ; Солонъ приноровилъ свои законы къ нравамъ аѳинянъ.“ Видя, что спартанцы окончательно свыклись съ его законами и сознаютъ ихъ пользу, Ликургъ отправился къ дельфійскому оракулу и вопросилъ его: дѣйствительно ли законы, данные имъ Спартѣ, безукоризненны? Оракулъ отвѣтствовалъ: „До тѣхъ поръ, покуда Спарта будетъ соблюдать ихъ, слава и могущество ея несомнѣнны!“ Послѣ этого Ликургъ, возвратясь въ Спарту, взялъ слово съ гражданъ, что они будутъ хранить вѣрность его законамъ—и навсегда покинулъ родину. Обрекая себя на добровольное изгнаніе, законодатель имѣлъ въ виду, что граждане Спарты въ его отсутствіе будутъ вѣрнѣе данному слову. Послѣ долгихъ странствованій онъ умеръ въ Фокидѣ, въ Циррѣ или на островѣ Критѣ, завѣщая, чтобы прахъ его былъ брошенъ въ море и, такимъ образомъ, чтобы его могила никому не была вѣдома.

Благодарные спартанцы воздвигнули храмъ въ память Ликурга и установили праздникъ Ликургій. Усобицы и безпорядки въ Спартѣ были неизбѣжными послѣдствіями кончины великаго законодателя.

Сказка о томъ, будто Ликургъ за преслѣдованіе пьянства былъ наказанъ Вакхомъ, была пущена въ ходъ жрецами бога пьянства; заимствовали же они ее изъ Иліады. Гомеръ дѣйствительно упоминаетъ въ своей поэмѣ о какомъ-то Ликургѣ, сынѣ Дріаса, изгнавшаго кормилицъ Вакха съ горы Низы и порубившаго ихъ топоромъ. Вакхъ бросился въ море, гдѣ его приняла трепещущая отъ ужаса Өетида. За это нечестіе Ликурга, Юпитеръ ослѣпилъ его и гонитель Вакха вскорѣ послѣ того умеръ. Одинъ изъ коментаторовъ Гомера, іезуитъ Гардуэнъ, объясняя это сказаніе, прямо говоритъ, что въ немъ идетъ рѣчь о царѣ, запретившемъ своимъ подданнымъ употребленіе вина. Его называли Ликургомъ (отъ словъ: волкъ и дѣяніе) за истребленіе виноградниковъ; отца его Дріасомъ (отъ слова: дубъ), намекая на его жестокосердіе. Кормилицы Вакха—виноградныя лозы; бѣгство Вакха и его низверженіе въ море: намекъ на приказъ Ликурга вылить въ море всѣ запасы вина, находившіеся въ его царствѣ. Плутархъ, упоминая объ этой баснѣ, говоритъ только, что Ликургъ, царствовавшій во Өракіи, приказалъ истребить всѣ тамошніе виноградники, чтобы подать примѣръ своимъ подданнымъ; онъ самъ взялся за топоръ и во время рубки лозъ, нечаянно отрубилъ себѣ обѣ ноги, отчего и умеръ.

Обращаемъ вниманіе читателя на оба сказанія, надъ которыми нельзя не призадуматься. Законодатель Ликургъ жилъ черезъ сто лѣтъ послѣ Гомера, но развѣ сказаніе о немъ не могло быть вставлено въ Иліаду позднѣйшими переписчиками поэмы? Трудно рѣшить что изъ двухъ вѣрнѣе: сказка о законодателѣ была ли заимствована изъ Иліады, или наоборотъ, была занесена на ея страницы впослѣдствіи времени? Во всякомъ случаѣ между обоими Ликургами есть какая-то необъяснимая связь и разительное сходство въ подвигахъ того и другаго относительно мѣръ къ пресѣченію пьянства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Безпорядки въ Спартѣ.—Мессенійская война.—Ея причины.—Царь Эвай.—Өеопомпъ.—Битвы.—Осада Иѳамы.—Воззваніе Эфебовъ.—Спасеніе дочери Лициска.—Дочь Аристодема.—Ея убіеніе. Побѣда Мессенійцевъ.—Царь Аристодемъ.—Пророчество о паденіи Иѳомы.—Покореніе Мессеніи.—Указъ спартанскаго сената.—Происхожденіе парѳеніевъ.—Ихъ заговоръ и переселеніе.—Аристоменъ.—Возстаніе Мессеніи.—Щитъ Аристомена.—Мнимые Діоскуры.—Тиртей и его пѣсни.—Лаконизмъ.—Измѣна царя Аристократа.—Осада Гиры.—Плѣнъ Аристомена.—Пропасть Кіады.—Освобожденіе Аристомена.—Бѣгство Өеокла.—Вторичное порабощеніе Мессеніи.—Панормъ и Мессина.—Образъ правленія въ разныхъ областяхъ южной Греціи.—Аркадія.—Коринѳъ.—Сикіонъ.—Аргосъ.—Ахайя.—Элида

Послѣ смерти Ликурга, какъ мы говорили, въ Спартѣ возникли

смуты и безпорядки. Эфоры и члены правительства, превративъ законъ въ орудіе для наживы, обогащались взятками и казнокрадствомъ. Угнетали народъ; притѣсняли, давили илотовъ. Деспотизмъ вездѣ и повсюду развивалъ и развиваетъ въ народахъ воинственныя склонности. Человѣкъ, притѣсняемый своимъ властелиномъ, старается, въ свою очередь, быть притѣснителемъ другаго человѣка, слабѣйшаго. Ликургъ завѣщалъ согражданамъ не искать завоеваній, а только охранять свою родину. Этотъ мудрый завѣтъ былъ забытъ; жители Спарты и Лакедемона стали дѣлать набѣги на сосѣднія области, захватывая участки земли и угоняя скотъ. Слѣдствіемъ этого были войны Спарты съ аргійцами, аркадійцами и мессенійцами (773—743 г. по Р. Х.). Оскорбляемые спартанцами жители сосѣднихъ областей въ свою очередь отплачивали имъ тою же монетою. Въ 742 году въ храмъ Діаны прибыли въ Спарту мессенійскіе юноши, для принятія участія въ празднествѣ, въ которомъ обыкновенно участвовали дѣвицы-спартанки знатнѣйшихъ фамилій. Красота дѣвицъ пробудила въ мессенійцахъ чувственные инстинкты и сластолюбцы, не обращая вниманія на день празднества, позабывъ уваженіе къ храму, бросились на красавицъ и подвергли ихъ позорному насилію. Дѣвицы, не желая пережить своего стыда, всѣ до одной зарѣзались; обидчики ихъ бѣжали. Это гнусное происшествіе было главною причиною двадцатилѣтней междоусобной войны Лаконіи съ Мессеніею (743—722 г. до Р. Х.), ознаменованной многими геройскими подвигами какъ съ той такъ и съ другой стороны.

Война началась вторженіемъ въ мессенійскій городъ Амфейю. Царь Эфай, собравъ многочисленныя полчища мессенійцевъ, вторгнулся въ Лаконію. Забирая плѣнниковъ и уводя стада одинъ у другаго, враги не истребляли ни жатвъ, ни садовъ, щадя ихъ какъ будущую свою собственность. Первая рѣшительная битва произошла на равнинахъ Θаламы, въ Мессеніи. Лакедемоняне, призывая на помощь своихъ боговъ покровителей, Деоскуровъ (Кастора и Поллукса), а мессенійцы — Юпитера Иθомейскаго, будто бурные потоки ринулись одни на другихъ; сразились; дрались отчаянно, упорно и верхъ одержали мессенійцы.. Лакедемоняне со стыдомъ возвратились во свояси. Сенатъ спартанскій, осыпавъ малодушныхъ справедливыми укоризнами, поклялся водами священной рѣки Эвретаса — мстить мессенійцамъ.. На слѣдующій годъ осенью, спартанскій царь Θеопомпъ, собравъ до 20,000 войска, съ вѣрными своими сподвижниками Эвриленомъ и Полидоромъ отправился въ Мессенію. Войска этой области, предводимыя царемъ Эфаемъ, Пиаратомъ и Клеонисомъ, хотя были и малочисленнѣе спартанскихъ, но не уступали имъ въ мужествѣ. Дрались, какъ и въ прошедшую войну съ одинаковымъ ожесточеніемъ, однако же на этотъ разъ спартанцы одолѣли мессенійцевъ и принудили Эфая отступить на вершину горы Иθомы (нынѣ Вуркано). Голодъ и моровая язва принудили враговъ заключить перемиріе, похоронить убитыхъ и собраться съ силами. По окончаніи срока перемирія, Θеопомпъ обложилъ Иθому и довелъ Эфая до отчаяннаго положенія. Царь мессенійскій обратился за совѣтомъ къ оракулу, который отвѣчалъ, что Иθома будетъ спасена, если въ жертву Діанѣ принесутъ дѣвственницу изъ царскаго рода. Выборъ палъ на дочь Лициска, родственника Эфая. Несчастная красавица сопровождаемая своимъ отцемъ была приведена въ храмъ; но въ ту самую минуту, когда жрецъ занесъ надъ нею ножъ, волхвъ Эфеболъ, возвѣстилъ присутствовавшимъ, что дѣвица, обреченная на закланіе, незаконнорожденна и прижита женою Лициска съ другимъ. Благодаря этой выдумкѣ волхва, подкупленнаго Лицискомъ, дочь послѣдняго была спасена и вмѣстѣ съ отцомъ бѣжала изъ Иθомы... Тогда другой родственникъ царя, Аристодемъ, привелъ свою дочь къ алтарю Діаны и выразилъ желаніе пожертвовать ею для спасенія отечества. На этотъ разъ, въ защиту новой жертвы, подалъ голосъ ея женихъ, объявившій, что ея закланіе едва-ли можетъ быть угодно богинѣ, такъ какъ дочь Аристодема — не дѣвственница и даже беременна. Аристодемъ въ бѣшенствѣ убилъ несчастную у подножія алтаря Діаны и убѣдился, къ невыразимой своей скорби, что женихъ убіенной оклеветалъ ее, чтобы спасти ей жизнь: осмотръ трупа доказалъ, что дочь Аристодема была безукоризненно чиста и непорочна! Возникъ споръ между царемъ Эфаемъ и волхвомъ Эфеболомъ. Послѣдній требовалъ новой жертвы; первый доказывалъ, что она уже принесена. Волхвъ ссылался на наруше-

ніе обряда, такъ какъ Аристодемъ не былъ жрецемъ и умертвилъ дочь подъ вліяніемъ бѣшенства; однако же Эфай поставилъ на своемъ и отклонилъ требованія Эфебола. Благодаря мужеству мессенійцевъ, спартанцы были отражены отъ Иоомы, но царь ихъ поплатился жизнію за побѣду. На мѣсто убитаго Эфая, единогласно былъ избранъ Аристодемъ. Въ теченіе пятилѣтняго своего царствованія онъ поддерживалъ въ мессенійцахъ неослабное мужество и они, въ битвахъ со спартанцами, постоянно брали верхъ. Впрочемъ враги мессенійцевъ не унывали. Они, также, совѣщались съ оракуломъ дельфійскимъ, который увѣрилъ ихъ, что Иоомою они овладѣютъ непремѣнно и вся Мессенія будетъ рабынею Спарты. Молва о пророчествѣ оракула распространилась между мессенійцами и они упали духомъ. Недавніе храбрецы, подобно слабымъ женщинамъ, заговорили о предчувствіяхъ, вѣщихъ снахъ, предзнаменованіяхъ близкой гибели и порабощенія Мессеніи. Суевѣріе окончательно подавило мужество мессенійцевъ. Аристодемъ, не желая быть свидѣтелемъ паденія Иеомы, закололся на могилѣ бѣдной своей дочери. Иеома была взята, съ ея взятіемъ была покорена и вся Мессенія. Жители порабощенной области бѣжали въ Аркадію, въ Сикіонъ, въ Аргосъ: жрецы храма Цереры -въ Элевзисъ.

Во время первой мессенійской войны, во внутреннемъ быту Лаконіи (т. е. Спарты и Лакедемона) произошли многія перемѣны къ худшему. Вслѣдствіе частыхъ ополченій и потерь на сраженіяхъ убитыми и ранеными, Лаконія обезлюдѣла, и цифра женскаго населенія почти вчетверо превзошла цифру населенія мужскаго. Сенатъ издалъ указъ, чтобы юноши лакедемонскіе, оставшіеся въ Спартѣ, а не ушедшіе на войну, позаботились объ увеличеніи семействъ отсутствующихъ согражданъ, сожительствуя съ ихъ женами. Слѣдствіемъ этихъ гражданскихъ браковъ было появленіе на свѣтъ новаго племени парѳенонійцевъ, лишенныхъ правъ наслѣдовать имѣнія послѣ своихъ отцевъ и занявшихъ среднее мѣсто, между свободными гражданами и илотами (744—686 г. до Р. Х.). Мужественно переносили они свою нищету, но общественное презрѣніе было для нихъ невыносимо. Они тѣсно сблизились съ илотами и рѣшились освободиться изъ подъ ненавистнаго ига привелигированныхъ сословій путемъ ихъ истребленія. Составился заговоръ; парѳенонійцы и илоты вооружась, назначили день кроваваго возмездія за всѣ мнгузшія обиды и притѣсненія, но одинъ изъ архонтовъ проникнулъ ихъ умыселъ и правительство отвратило угрожавшую ему опасность; лютѣйшія казни постигли илотовъ, а парѳенонійцы были выселены изъ Спарты въ южную Италію на берега Тарентскаго залива, гдѣ, благодаря ихъ стараніямъ, въ короткое время появились цвѣтущія колоніи.

Тридцать лѣтъ прошло со времени порабощенія Мессеніи. Область эта была спокойна какъ море передъ бурей. Подъ пепломъ покорности тлѣла непримиримая ненависть. Мессенійская молодежь, вдохновляемая разсказами о борьбѣ ея отцевъ и дѣдовъ съ лакедемонянами, образовывала тайныя общества, заготовляла оружія, входила въ сношенія съ сосѣдними областями, обѣщавшими подать помощь мессенійцамъ въ случаѣ ихъ возстанія. Душою заговора, нити котораго распространялись по всей Мессеніи, былъ Аристоменъ —красавецъ собою, въ одинаковой степени умный и мужественный (682 г. до Р. Х.). Возстаніе началось битвою у деревни Дорахъ, въ которой лакедемонскія войска были разбиты. Благодарные соотечественники предложили Аристомену быть царемъ мессенійскимъ, но онъ отказался, довольствуясь саномъ военачальника. Пораженіе спартанцевъ служило очевиднымъ доказательствомъ ихъ физическаго и нравственнаго перерожденія къ худшему; они были не тѣ воины, которымъ во времена Ликурга удивлялась вся Греція. Глумясь надъ врагами, Аристоменъ тайно пробрался въ Спарту и тамъ въ храмѣ Минервы повѣсилъ щитъ съ надписью: „Приношеніе богинѣ изъ трофеевъ отбитыхъ у лакедемонянъ.“ Эта визитная карточка мессенійскаго вождя, брошенная имъ въ лице всей Спартѣ, возбудила въ жителяхъ бѣшенство, негодованіе и они поклялись жестоко отомстить за обиду; но до исполненія этой угрозы еще было далеко. Друзья и сподвижники Аристомена, Панормъ и Гониппъ, сыграли со спартанцами другую шутку еще затѣйливѣе: она замѣчательна въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе о разумномъ взглядѣ мессенійцевъ на язычество и о ихъ умѣньи пользоваться суевѣріемъ невѣжественной

массы. Въ Спартѣ былъ праздникъ въ честь Кастора и Поллукса, на которомъ присутствовали тысячи народа. Во время молебствія совершенно неожиданно передъ ними явились два всадника въ красныхъ мантіяхъ, вооруженные копьями — по всѣмъ примѣтамъ — сами Діоскуры! Народъ палъ ницъ, а перечтётые Діоскурами Панормъ и Гониппъ, помявъ подъ копытами своихъ коней перепуганныхъ спартанцевъ и перебивъ ихъ великое множество благополучно возвратились къ своимъ дружинамъ. Войска мессенійцевъ, усиленныя присоединившимися къ нимъ аркадійцами, предводимыми ихъ царемъ Аристократомъ — были увѣрены въ побѣдѣ и еще тѣмъ болѣе, что ее предрекалъ волхвъ Ѳ е о к л ъ. И у лакедемонянъ былъ свой пророкъ — Г е к а т е й, предсказывавшій имъ несомнѣнную побѣду. По повелѣнію дельфійскаго оракула они, чрезъ пословъ, просили аѳинянъ дать имъ вождя и аѳиняне прислали имъ полководца Т и р т е я, хотя и не обладавшаго особенными воинскими дарованіями, но за то весьма талантливаго поэта, умѣвшаго слагать воинскіе гимны. Лакедемоняне отъ природы не были краснорѣчивы и, по законамъ Ликурга, избѣгая многоглаголанія, выражались обыкновенно съ той краткостью и ясностью, которую по нынѣ называютъ л а к о н и з м о м ъ. Появленіе Тиртея произвело на нихъ отрадное впечатлѣніе, а его пѣсни вдохнули мужество и въ самыхъ малодушныхъ. Онъ пѣлъ о той славѣ, которая бываетъ удѣломъ истиннаго героя, полагающаго душу свою за отечество: живыми красками описалъ почести, которыми осыпаютъ сограждане могилу убіеннаго на битвѣ съ врагами... Языкъ поэзіи благотворно подѣйствовалъ на лакедемонянъ и они единогласно отвѣчали Тиртею клятвою — побѣдить или умереть. Недавніе бѣглецы отъ оружія мессенійцевъ, теперь спартанцы жаждали битвы и рвались на нее съ нетерпѣніемъ застоявшагося коня, закусывающаго удила. Отправляясь на битву, каждый изъ воиновъ лакедемонскихъ привязалъ къ лѣвой рукѣ дощечку со своимъ именемъ, дабы по ней быть узнаннымъ между убитыми, въ случаѣ паденія на полѣ битвы [1]).

[1]) То же дѣлалось и въ прусскихъ войскахъ во время французской кампаніи 1870 года.

Трудно рѣшить, на чьей сторонѣ была бы побѣда, если бы Аристократъ со своими аркадійцами не измѣнилъ мессенійцамъ, покинувъ ихъ въ самую рѣшительную минуту. Пролагая себѣ путь сквозь ряды лакедемонянъ, Аристоменъ съ остатками своихъ воиновъ отступилъ въ Гиру, укрѣпленный городъ на горной вершинѣ. Здѣсь его осадили лакедемоняне и эта осада была славна не менѣе осады Трои, а изъ новѣйшей исторіи можно сравнить съ нею севастопольскую. Это сравненіе тѣмъ вѣрнѣе, что Гиру осаждали одиннадцать л ѣ т ъ, а Севастополь — одиннадцать м ѣ с я ц е в ъ, изъ которыхъ каждый, по всей справедливости, повелѣно было считать за годъ. Въ долгій періодъ осады Гиры, Аристоменъ, совершая частыя вылазки, дѣлалъ постоянно удачные набѣги на Лаконію. Вторгнувшись въ Карію, во время праздниковъ Діаны, онъ отпустилъ къ роднымъ всѣхъ дѣвушекъ, участвовавшихъ въ празднествѣ безъ малѣйшаго оскорбленія. Въ послѣдній годъ осады онъ сдѣлалъ набѣгъ на Эгину, когда женщины праздновали тамъ память Цереры... До нынѣ непобѣдимый, Аристоменъ былъ побѣжденъ спартанками и ими же захваченъ въ плѣнъ. Побѣдительницы намѣревались умертвить плѣнника, но его спасла жрица Цереры, неравнодушная къ герою. Выданный спартанцамъ, онъ былъ приговоренъ къ вверженію въ пропасть Кіады, въ которую бросали плѣнныхъ и преступниковъ. Въ знакъ уваженія къ храбрости Аристомена, — враги позволили ему умереть со щитомъ въ рукахъ и, такимъ образомъ, столкнули его въ пропасть...

Груды труповъ и умирающихъ, на которыя упалъ Аристоменъ, предохранили его отъ смерти. Холодныя струи ручья, протекавшаго на днѣ пропасти, привели его въ чувство и три дня онъ провелъ въ этой могилѣ. На четвертыя сутки въ пропасть пришелъ волкъ, поѣдавшій лежавшіе въ ней трупы и Аристоменъ, собравшись съ силами, слѣдуя за волкомъ, выбрался на поверхность земли. Преодолѣвая истощеніе, онъ достигъ Гиры и явился тамъ къ неописанной радости гарнизона и жителей осажденнаго города. Чудесное свое спасеніе Аристоменъ отпраздновалъ нападеніемъ на лагерь спартанцевъ и жестокимъ, въ немъ произведеннымъ, опустошеніемъ. Благодаря боговъ за эту побѣду, онъ при-

несъ стоглавую жертву (гекатомбъ) Юпитеру, въ третій разъ со времени начала войны. Спартанцы продолжали осаду Гиры; защитники ея, не унывая, съ прежнимъ неослабнымъ мужествомъ продолжали неровную борьбу, хотя положеніе ихъ могло назваться отчаяннымъ. Наконецъ прибылъ часъ паденія Гиры. Ночью, въ пятый мѣсяцъ одиннадцатаго года осады, Аристоменъ уснулъ и видѣлъ во снѣ духа-хранителя Мессеніи. „Ты спишь“ говорилъ ему призракъ—„а лакедемоняне устремились на приступъ, а твердыни Гиры рушатся подъ натискомъ ихъ стѣнобитныхъ орудій, а сподвижники твои гибнутъ подъ мечами враговъ!..“ Въ ужасѣ проснулся Аристоменъ и позвалъ своего сына, который подтвердилъ ему страшную вѣсть, сообщенную призракомъ въ сновидѣніи... Враги вторгнулись въ Гиру и ожесточенный бой кипѣлъ въ ея стѣнахъ. Жены и дочери мессенійцевъ бились въ рядахъ воиновъ и вмѣстѣ съ ними гибли, удивляя враговъ своею отвагою! Волхвъ Ѳеоклъ, защищая родину, сообщилъ Аристомену волю боговъ: они приказывали герою Мессеніи бѣжать въ Аркадію, а оттуда къ берегамъ чужого края. „Мнѣ же“ досказалъ Ѳеоклъ—„не суждено пережить паденія Гиры!“ Дѣйствительно волхвъ былъ убитъ (671 г. до Р. Х.), а Аристоменъ съ 500 воиновъ ушелъ въ Аркадію, гдѣ былъ принятъ жителями съ непритворнымъ радушіемъ. Въ то же время народъ устремился во дворецъ царя Аристократа, укоряя его въ предательствѣ и измѣнѣ мессенійцамъ въ предпослѣднюю ихъ битву съ лакедемонянами. Всѣ оправданія были безполезны, въ виду несомнѣнныхъ и неопровержимыхъ уликъ, и царь Аристократъ былъ казненъ народомъ а на могилѣ его сдѣлали надпись, изрекавшую вѣчный, неизгладимый позоръ памяти царя Аристократа, виновника гибели Мессеніи. Аркадія была объявлена республикою и царская власть въ ней уничтоженною. Аристомену и его спутникамъ аркадійцы предлагали участки земли и пріютъ, но вождь мессенійскій отказался по двумъ причинамъ: не желая, во первыхъ, быть въ тягость аркадійцамъ; во вторыхъ, во избѣжаніе тоски и муки — жить близь родной Мессеніи, видѣть ея страданія подъ игомъ лакедемонянъ и въ то же время сознавать свое безсиліе и невозможность помочь ей. Вмѣстѣ со своими спутниками Аристоменъ поплылъ къ берегамъ Си-

циліи, гдѣ эти добровольные изгнанники были основателями Панормы (Палермо) и Мессины.

Къ 668 году до Р. Х. двѣ пятыя доли всего Пелопонеза находились въ обладаніи Спарты. Изъ остальныхъ областей южной Греціи: Аркадія, Коринѳъ, Сикіонъ, Аргосъ и Элида еще сохраняли свою независимость отъ Спарты и каждая изъ этихъ областей была самостоятельною республикою.

Въ Аркадіи, первымъ царемъ былъ Аркасъ, давшій ей свое имя; послѣднимъ—Аристократъ II. При установленіи республики, администрація была довѣрена деміургамъ и сенату.

Въ Коринѳѣ царствовали первоначально потомки Сизифа (до 1089 г. до Р. Х.), изгнанные дорійцемъ Алетомъ, родоначальникомъ новой династіи, владычествовавшей до 777 г. За нею слѣдовала династія Вакхіадовъ потомковъ Геркулеса. При нихъ царская власть постепенно ослабѣвала и наконецъ Коринѳъ превратился въ республику, управляемую пританами. Въ 657 г. верховную власть присвоилъ Кипселъ; ему наслѣдовалъ (627 г.) сынъ его Періандръ—одинъ изъ семи мудрецовъ древней Греціи. Послѣ Періандра царствовалъ Псамметихъ, при которомъ Коринѳъ опять сталъ республикою (587 г.). Благодаря счастливому своему мѣстоположенію между сѣверной и южной Греціей (поэтъ Пиндаръ называлъ Коринѳскій перешеекъ — мостомъ, соединявшимъ югъ Греціи съ сѣверомъ), обладая превосходными гаванями, Коринѳъ обогощался торговлей и промышленностью. Его акрополисъ (кремль) былъ твердыней неприступною. Торговля коринѳянъ могла назваться всемірною; что же касается до внутренней промышленности—изъ ея произведеній особенно славились шерстяныя ткани, гончарныя и металическія издѣлія. Въ Коринѳѣ были изобрѣтены: гончарный верстакъ и сплавъ бронзы, донынѣ называемой коринѳскимъ металломъ. Какъ оно всегда бываетъ въ республикахъ торговыхъ, во главѣ правительства въ Коринѳѣ находились богатые купцы и промышленники—аристократія золота.

Сикіонъ, былъ превращенъ изъ республики въ монархію при Орѳагорѣ. Династія этого тирана (похитителя власти) царствовала сто лѣтъ (700—600 л. до Р. Х.). Послѣдней ея отраслью былъ Клисѳенъ.

Аргосъ—республика управляемая сенатомъ, народнымъ собраніемъ изъ 80 членовъ и выборными (артинами). Центромъ государственнаго управленія былъ Эпидавръ.

Ахаія составила двѣнадцать вольныхъ областей съ восемью демесами (кантонами) въ каждой. Правленіе было демократическое.

Элида съ 780 г. до Р. Х. была республикою, управляемою суіями (гелланодиками) и сенатомъ изъ 90 непремѣнныхъ членовъ, занимавшихъ должности пожизненно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кодръ.—Его самопожертвованіе.—Республика Аѳинская.—Законодатель Драконъ. — Мятежи. — Заговоръ Килона.—Моровая язва и привидѣнія.—Примѣръ изъ русской исторіи.—Простое объясненіе сверхъестественнаго феномена.—Эпименидъ.—Очищеніе Аѳинъ.—Вѣтвь маслины. —Солонъ.—Его происхожденіе. — Путешествія.—Пересмотръ законовъ.—Дѣленіе граждан на четыре касты.—Сенатъ.—Ареопагъ.—Святотатство и отцеубійство.—Кирбы.—Отнятіе Саламина у мегарійцевъ.—Пребываніе въ Египтѣ.—Сказаніе объ Атлантидѣ.—Филокиръ.—Изреченія Солона.—Крезъ и Солонъ.—Истинное счастіе.—Возвращеніе въ Аѳины.—Пизистратъ. — Его хитрость. — Слова Анахарзиса о законахъ.—Смерть Солона. — Его мнѣніе о верховной власти.

Изъ царей аѳинскихъ, потомковъ Тезея, славнѣйшимъ былъ Кодръ (1095 л. до Р. Х.). Добрый, правосудный, онъ полагалъ счастіе и благо своихъ подданныхъ выше собственной жизни, что и доказалъ геройскимъ самопожертвованіемъ. Во время междоусобныхъ войнъ съ дорійцами онъ вопрошалъ оракулъ, которая изъ двухъ враждующихъ сторонъ одержитъ верхъ и получилъ въ отвѣтъ, что побѣду одержитъ тотъ изъ двухъ народовъ, котораго царь падетъ въ битвѣ. Готовясь, послѣ того, къ сраже-

нію, Кодръ нарочно переодѣлся простымъ воиномъ и сталъ въ передовомъ отрядѣ, подвергавшемся особенно яростному нападенію дорійцевъ и палъ неузнанный ни своими, ни непріятелями. Пророчество оракула сбылось; побѣда, а за нею и главенство остались за аѳинянами. Послѣдніе, узнавъ какой дорогой цѣной было куплено рѣшеніе ихъ кровавой тяжбы съ дорійцами, признали Кодра полу-богомъ; его преемникомъ провозгласили Юпитера, объявивъ при этомъ, что инаго царя, послѣ Кодра, въ Аѳинахъ быть не должно. Такимъ образомъ это древнее царство было превращено въ республику, правленіе которой было ввѣрено девяти архонтамъ, избираемымъ на годъ изъ знатнѣйшихъ фамилій аѳинскихъ. Послѣ Кодра остались два сына: Нелей и Мидонъ; изъ нихъ первый, по приговору оракула дельфійскаго, былъ изгнанъ, а второй назначенъ архонтомъ [1]).

Безпорядки, неразлучно связанные съ аристократическимъ республиканскимъ правленіемъ, не замедлили обнаружиться: люди знатные и богатые, занявъ главнѣйшія должности, начали угнетать простой и бѣдный народъ; заимодавцы брали должниковъ своихъ въ кабалу и обращали въ рабовъ; одно сословіе усиливалось и богатѣло въ ущербъ другому. Слѣдствіемъ подобнаго порядка вещей были распри, вскорѣ перешедшія въ мятежи, оканчивавшіеся, всего чаще, жесточайшимъ порабощеніемъ народа. Для ограниченія злоупотребленій власти аристократовъ и въ то же время для удержанія демократіи въ предѣлахъ ей полагаемыхъ ея правами было необходимо дать аѳинамъ законы, которымъ всѣ граждане безъ изъятья обязаны были бы повиноваться безпрекословно. Тогда архонтъ Драконъ (624 г. до Р. Х.) человѣкъ умный, но по старости лѣтъ безстрастный и безжалостный, далъ республикѣ законы, о которыхъ вскорѣ сказали, что они написаны кровью. Не соразмѣряя наказаній со степенью провинности, Драконъ опредѣлилъ смертную казнь, какъ за маловажную погрѣшность, такъ и за самое чудовищное преступленіе. Этой же страшной карѣ подвергались граждане аѳинскіе за празднолюбіе и лѣность. Кто-то изъ архонтовъ замѣтилъ законодателю о жестокости и несоразмѣр-

[1]) Эліанъ разныя исторіи кн. VIII гл. 5.

ности присуждаемыхъ имъ наказаній. «Ты одинаково казнишь,“ сказалъ онъ Дракону—празднолюбца, вора и убійцу, хотя между ними есть великая разница!

— Я не вижу никакой! отвѣчалъ Драконъ. Каждый празднолюбецъ, точно также легко можетъ сдѣлаться воромъ, какъ воръ убійцею. Если же я въ моихъ законахъ не присудилъ убійцъ къ тягчайшему наказанію, сравнительно съ ворами и лѣнивцами, это потому, что на свѣтѣ нѣтъ двухъ смертей!

Драконовы законы были введены въ республикѣ аѳинской, но вмѣсто водворенія желанной тишины и общественнаго блага принесли гражданамъ одни мученія; рѣки крови полились на площадяхъ не въ борьбѣ мятежа съ властію, но по волѣ неумолимаго закона, размножившаго преступленія, а вмѣстѣ съ ними и казни... Было время, республика бѣдствовала отъ внутреней неурядицы, теперь она страдала вслѣдствіе введенія законовъ хуже совершеннаго безначалія! Въ послѣдніе годы жизни Драконъ удалился въ Эгину и здѣсь скончался безъ малѣйшаго упрека совѣсти, съ полной увѣренностью, что онъ, своими законами, даровалъ отечеству счастіе и спокойствіе.

Въ 598 году, архонтъ Килонъ отважился возстановить царскій престолъ и замѣнить республику монархіею. Помимо нарушенія правъ согражданъ дерзкій умыселъ Килона былъ святотатствомъ, такъ какъ онъ, желая взойти на престолъ, упраздненный послѣ смерти Кодра, свергалъ съ него царя незримаго и безсмѣннаго—самаго Юпитера. Преслѣдуемый аѳинянами, Килонъ со своими приверженцами заперся въ городскомъ акрополисѣ (кремль), готовясь дать отпоръ осаждавшимъ, которые, обложивъ убѣжище мятежниковъ, намѣревались заморить ихъ голодомъ. Килонъ, сдѣлавъ вылазку, спасся бѣгствомъ; сообщники его скрылись въ храмѣ Минервы, будучи вполнѣ увѣрены, что это святилище будетъ неприкосновенно... однако же аѳиняне исторгли ихъ изъ храма и всѣ они, какъ измѣнники и нарушители общественнаго спокойствія, были преданы смерти. Еще не утихли въ Аѳинахъ волненія, произведенныя въ нихъ заговоромъ Килона, какъ въ городъ пришла страшная вѣсть о взятіи Низіи и Саламина мегарійцами. Изъ за обладанія этими городами Аѳины и Мегара вели давнишнюю тяжбу, стоившую обѣимъ сторонамъ не мало крови, такъ какъ города, переходя изъ рукъ въ руки, каждый разъ были отстаиваемы ихъ обладателями съ отчаяннымъ упорствомъ. За отнятіемъ у республики аѳинской Низіи и Саламина, слѣдовало новое, страшнѣйшее бѣдствіе: въ Аѳинахъ открылась моровая язва, сопровождавшая, какъ говорятъ древнія лѣтописи, — „явленіемъ страшныхъ привидѣній, наводившихъ ужасъ и уныніе на всѣхъ гражданъ.“ Здѣсь считаемъ не лишнимъ сдѣлать любопытную замѣтку.

Не только въ древнихъ, но и въ средневѣковыхъ хроникахъ всѣхъ народовъ можно найдти сказанія о моровыхъ повѣтріяхъ, сопровождаемыхъ призраками. Такъ, между прочимъ и въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ 1091 годомъ находимъ сказаніе о томъ, какъ при великомъ князѣ Всеволодѣ, —„въ Полоцкѣ—ночью и днемъ, злые духи скакали на коняхъ, невидимо уязвляя гражданъ, отчего множество людей умерло [1]).“ Спириты, основываясь на своихъ завиральныхъ теоріяхъ, могли бы подобное явленіе объяснить по своему, но мы, не имѣя удовольствія принадлежать къ этой сектѣ, постараемся объяснить эти чудеса, основываясь на научныхъ данныхъ. Моровыя язвы, приправленныя призраками, вовсе не вымыслы лѣтописцевъ, вся вина которыхъ заключается только въ ихъ неумѣньи описывать симптомы страшной болѣзни. Призраки, появлявшіеся при моровыхъ повѣтріяхъ, были ничто иное какъ галлюцинаціи людей, зараженныхъ чумою; можетъ быть даже и не у зараженныхъ, а только подъ вліяніемъ ужаса страдавшихъ разстройствомъ нервовъ. Больнымъ бѣлою горячкою мерещатся, невидимые для здоровыхъ, змѣйки, мушки и, такъ называемые, чертики: эти видѣнія—слѣдствія раздраженія глазныхъ нервовъ. Точно такое же раздраженіе органовъ зрѣнія могло быть у людей во время вышеупомянутыхъ моровыхъ повѣтрій. Это самое естественное, и потому ближайшее къ истинѣ, объясненіе феномена страшнаго, загадочнаго.

Чума свирѣпствовала съ неослабѣвающей силой, ежедневно по-

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, изд. Смирдина 831 г. томъ III, стр. 97.

глощая по нѣскольку сотъ жертвъ; не исчезали и привидѣнія. Доведенные до отчаянія, аѳиняне отправили посольство на островъ Критъ къ знаменитому волхву и любимому богами поэту Эпимениду (593 г. до Р. Х.). О немъ по всей Греціи ходило множество чудесныхъ разсказовъ; между прочими, будто въ дѣтствѣ онъ погрузился въ глубокій сонъ, отъ котораго пробудился через сорокъ лѣтъ, одаренный способностью читать въ будущемъ, какъ въ отверзтой книгѣ. Многіе цари, депутаты республикъ и городовъ греческихъ, въ тяжкія годины народныхъ бѣдствій обращались къ Эпимениду за совѣтами, всегда благими и полезными. Онъ ласково принялъ аѳинскихъ пословъ, и, не отлагая дѣла, вмѣстѣ съ ними отправился въ Аттику. Появленіе Эпименида въ Аѳинахъ придало бодрости унылымъ жителямъ, а его вдохновенныя рѣчи благотворно подѣйствовали и на самыхъ малодушныхъ. Онъ объявилъ аѳинянамъ, что язва, ниспосланная на ихъ городъ, есть наказаніе свыше за непрерывныя междоусобія и за оскверненіе Аѳинъ частыми кровопролитіями. Для прекращенія чумы, Эпименидъ приказалъ, разрушивъ всѣ городскіе храмы, соорудить на ихъ мѣстахъ новые; воздвигнуть новые алтари, принося на нихъ жертвы для умилостивленія разгнѣванныхъ боговъ; предложилъ аѳинянамъ пѣть сочиненные имъ гимны и молитвы. Въ точности исполняя приказанія Эпименида, аѳиняне замѣтили съ восторгомъ, что чума стихаетъ, привидѣнія не появляются болѣе... наконецъ болѣзнь совершенно исчезла. Благодушный Эпименидъ пробылъ въ Аѳинахъ до самаго дня прекращенія язвы, и на всѣ предложенія гражданъ принять отъ нихъ щедрую, заслугамъ соразмѣрную награду, онъ отвѣчалъ отказомъ, выразивъ болѣе нежели скромное желаніе: увезти съ собою въ Кноссъ вѣтвь масличнаго дерева, посвященнаго Минервѣ. Съ этимъ подаркомъ, напутствуемый благословеніями аѳинянъ, Эпименидъ отправился на родину, оставивъ по себѣ память мужа святаго, свыше вдохновеннаго и снискавъ неотъемлемое прозвище спасителя Аѳинъ.

По мѣрѣ водворенія спокойствія, нарушеннаго чумою, въ Аѳинахъ опять начались распри между аристократіей и демократіей. Отъ этой новой язвы безначалія, республика была спасена архонтомъ Солономъ, причисляемымъ къ семи мудрецамъ греческимъ.

Солонъ родился въ 639 г. до Р. Х., на островѣ Саламинѣ. Отецъ его Эксекестидъ былъ потомкомъ царя Кодра; славился богатствомъ, но еще того болѣе благодѣяніями, которыя довели его самого чуть не до нищенской сумы. Ничего не наслѣдовавъ послѣ отца, кромѣ добраго имени, Солонъ былъ вынужденъ заняться торговлею. Сношенія съ купцами, бывалыми въ чужихъ краяхъ, ихъ разсказы о нравахъ и обычаяхъ разныхъ городовъ, развили въ любознательномъ Солонѣ страсть къ путешествіямъ, которую онъ имѣлъ возможность удовлетворить, не прибѣгая къ займамъ у друзей. Путешествуя по разнымъ областямъ Греціи и по иностраннымъ царствамъ, Солонъ повсемѣстно знакомился съ людьми учеными, стараясь въ бесѣдѣ съ ними почерпнуть множество полезныхъ свѣдѣній. Онъ познакомился съ знаменитыми мудрецами: Ѳалесомъ милетскимъ, Питтакомъ, Віасомъ, Клеовуломъ, Мизономъ, Хилономъ и скиѳомъ Анахарзисомъ. Кромѣ философіи, Солонъ питалъ пламенную любовь къ поэзіи, и до глубокой старости съ юношескимъ жаромъ занимался ею. Въ сознаніи, что умъ его достаточно развитъ и обогащенъ познаніями, Солонъ, по возвращеніи въ Аѳины, поступилъ на службу республики и въ 574 г. до Р. Х. былъ избранъ въ архонты. Распри между разными классами аѳинскихъ гражданъ, побудили людей благомыслящихъ обратиться къ Солону съ просьбою пересмотрѣть законы республики и, по мѣрѣ возможности, преобразовать ихъ къ лучшему. Солонъ взялся за этотъ громадный и неблагодарный трудъ, предварительно выслушавъ жалобы, какъ привилегированнаго, такъ и простаго сословій. Послѣднее роптало на притѣсненія, терпимыя имъ отъ богачей и землевладѣльцевъ, на непомѣрные проценты, взимаемые заимодавцами съ должниковъ, которые вслѣдствіе несостоятельности дѣлаются рабами первыхъ. Бѣдняки требовали душеваго надѣла землею въ ущербъ богачамъ. На первый случай, Солонъ принудилъ богачей простить ихъ бѣднымъ должникамъ всѣ долги и недоимки; закабаленныхъ отпустить на волю; при отдачѣ денегъ въ займы брать не свыше 12%, но желанія безземельниковъ не исполнилъ и душевыхъ надѣловъ имъ не роздалъ. Эти мѣропріятія возбудили ропотъ въ обѣихъ сторонахъ, мало по малу смирившихся, такъ какъ

онѣ не замедлили убѣдиться въ ихъ прямой пользѣ. Землевладѣльцы безпрепятственно могли пользоваться доходами съ ихъ недвижимаго имущества, а свободные безземельники—плодами своихъ трудовъ, работая сами на себя, а не на безжалостныхъ своихъ притѣснителей. Изъ законовъ дракоповыхъ, Солонъ оставилъ безъ измѣненія только статьи о наказаніи убійцъ, дѣлимыхъ (какъ то было при Драконѣ) на три категоріи: 1) неумышленныхъ, 2) изъ мщенія, 3) съ корыстной цѣлью, и сообразно тому наказуемыхъ. Во всѣхъ прочихъ статьяхъ, уложеніе Дракона было радикально преобразовано. Имѣя въ виду, что въ республикѣ не народъ существуетъ для властей, но власти для народа, огражденнаго отъ произвола законами, самимъ же народомъ начертанными, Солонъ предоставилъ согражданамъ право: всенародныхъ сходокъ, выбора правителей и состава судовъ. Важнѣйшіе государственные вопросы народъ долженъ былъ обсуждать большинствомъ голосовъ изъ числа 6,000 выборныхъ; сенату и Ареопагу было предоставлено утверждать приговоры общенародные. Всѣхъ аѳинскихъ гражданъ Солонъ раздѣлилъ на четыре касты, принимая въ соображеніе размѣры имуществъ. Къ первой кастѣ принадлежали пентакозимедимны, крупные землевладѣльцы, имѣвшіе ежегодный доходъ въ 500 мѣръ хлѣба и столько же іелея (оливковаго масла), что по переводу на наши деньги равняется 3,750 руб. серебра. За ними слѣдовали всадники (2,750 руб. сер. годоваго дохода); третью касту составляли севгиты (1,375 руб. сер.) и ѳеты, безземельники. Только граждане первыхъ трехъ кастъ имѣли право быть избираемыми въ правительственныя должности безъ производства жалованья. Сенатъ изъ 400 членовъ, независимо отъ предварительнаго просмотра новыхъ статей закона, имѣлъ право обнародывать указы, пользовавшіеся силою закона цѣлый годъ, послѣ же этого срока отмѣняемые или входящіе въ составъ государственныхъ законовъ. Кромѣ того только сенату предоставлено было право набирать войска, строить и снаряжать корабли, приговаривать виновныхъ къ арестамъ и къ смертной казни. Предсѣдатель сената былъ въ то же время и государственнымъ казначеемъ. Ареопагъ, состоявшій изъ девяти архонтовъ, былъ, такъ сказать, верховнымъ совѣтомъ министровъ.

Первый архонтъ (эпонимъ) давалъ свое имя гражданскому суду и былъ предсѣдателемъ верховнаго суда, состоявшаго изъ членовъ, избранныхъ по жребію. Второму архонту —царю—подвѣдомственны были дѣла духовныя, относящіяся до религіи и ея обрядовъ; третьему—полемарху—дѣла военныя. Остальные члены Ареопага (десмоѳеты) управляли низшими судебными инстанціями.

Преобразованное такимъ родомъ правленіе аѳинской республики представляло смѣсь аристократіи съ демократіей. Сущность же законовъ солоновыхъ состояла въ подчиненіи политики убѣжденіямъ нравственнымъ; у Ликурга спартанскаго было наоборотъ: общественные нравы были подчинены политикѣ. Въ своемъ уложеніи о наказаніяхъ Солонъ не упоминалъ ни о святотатствѣ, ни объ отцеубійствѣ. Ему указали на этотъ пропускъ.

— О святотатствѣ, отвѣчалъ законодатель — я не упоминаю потому, что преступленіе это еще невѣдомо аѳинянамъ. Предусматривая преступленія, законъ не долженъ выдумывать небывалыхъ; что же касается до отцеубійства, оно, по моему мнѣнію, невозможно, какъ противное здравому смыслу и законамъ природы!

Добродушный мудрецъ, какъ видно, имѣлъ слишкомъ высокое понятіе о сердцѣ человѣческомъ; или, въ его время, оно еще не было такъ извращено и испорчено, какъ въ наше. Нынѣ во многихъ государствахъ совершаются преступленія, не предусмотрѣнныя даже и самыми прозорливыми законодателями. Законы свои Солонъ изложилъ стихами и начерталъ ихъ на кирбахъ, деревянныхъ цилиндрахъ, свободно поворачивавшихся на своихъ осяхъ, прикрѣпленныхъ къ подставкамъ. Законодатель взялъ клятву со всѣхъ гражданъ, что его уложенія будутъ соблюдаться втеченіе ста лѣтъ; въ этотъ продолжительный срокъ (какъ онъ полагалъ) насажденныя имъ нравственныя правила должны были, прочно укоренясь, приносить обильные плоды. Совершивъ великій свой трудъ, Солонъ взялъ отъ Ареопага отпускъ на десять лѣтъ, которыя посвятилъ путешествіямъ по Египту, Криту, Лидіи и другимъ знаменитымъ странамъ древняго міра. Еще до избранія въ архонты Солонъ снискалъ глубочайшее уваженіе своихъ согражданъ великимъ подвигомъ, въ равной степени дѣлавшимъ честь его уму и доблестямъ. Когда мегарійцы отняли у аѳинянъ Саламинъ, пра-

вители республики обнародовали указъ, воспрещавшій, подъ опасеніемъ смертной казни, упоминать объ этомъ позорномъ событіи. Этому указу, разумѣется, всѣ повиновались и въ боязливомъ молчаніи не дерзали и думать объ отторженіи у мегарійцевъ ихъ завоеванія. Солонъ, притворясь помѣшаннымъ, отстранился отъ своихъ занятій; съ утра и до вечера, въ безпорядочной одеждѣ, бѣгалъ по площадямъ, размахивая руками и громко самъ съ собою разговаривая. Толпа, всегда любопытная, слѣдовала за нимъ прислушиваясь къ его страннымъ рѣчамъ, въ которыхъ по временамъ слышалось роковое имя Саламина, возбуждавшее въ народѣ тѣмъ пущее любопытство. Собравъ, наконецъ, вокругъ себя на площади нѣсколько сотенъ слушателей, Солонъ всталъ на камень и сопровождая слова рѣзкими тѣлодвиженіями обратился къ нимъ со слѣдующею рѣчью:

— Безуміе, самое счастливое состояніе въ странѣ, гдѣ народъ изъ прежняго доблестнаго превратился въ малодушнаго и трусливаго. Тѣ ли вы, аѳиняне, какими вы были встарь? Гдѣ ваше мужество, ваша любовь къ отечеству! Врагъ невозбранно пользуется Саламиномъ, своимъ незаконнымъ стяжаніемъ и вы, какъ безсильныя дѣти, уступаете ему... и ни одинъ изъ васъ не рѣшается, взявъ въ руки мечь, призвать своихъ согражданъ послѣдовать его примѣру?

— Къ оружію! къ оружію!! единогласно воскликнули всѣ бывшіе на площади.

— Да, сограждане, къ оружію! повторилъ Солонъ восторженно и отнимемъ Саламинъ у мегарійцевъ!

И не спрашивая разрѣшенія ни у сената, ни у Ареопага, аѳиняне подъ предводительствомъ Солона отправились въ походъ противъ мегарійцевъ; Саламинъ былъ отнятъ и обладаніе имъ было надолго упрочено за республикою аѳинскою. На мѣстѣ побѣды, одержанной надъ врагами, Солонъ соорудилъ храмъ Марса. Это происходило (какъ мы уже говорили выше) еще до избранія Солона въ архонты. Получивъ отпускъ на десять лѣтъ, законодатель отправился въ Египетъ. Здѣсь онъ посѣтилъ фараона Амазиса и удостоился чести, рѣдкой для иностранца, быть допущеннымъ на собранія жрецовъ. Противъ обыкновенія, они сообщили иноземцу множество свѣденій, до того времени сохранявшихся въ глубочайшей тайнѣ. Такъ, между прочимъ, бесѣдуя съ Солономъ о древности міра, они назвали грековъ „младенцами", сравнивая ихъ съ египтянами. По словамъ жрецовъ, міръ по прошествіи нѣсколькихъ тысячелѣтій подвергается великимъ геологическимъ переворотамъ, въ которыхъ огонь или вода являются главными дѣятелями. Вслѣдствіе этихъ переворотовъ поверхность земли неоднократно преобразовывалась и еще будетъ преобразовываться. За девять тысячъ лѣтъ до того времени, когда Солонъ вторично посѣтилъ Египетъ, Средиземное море (по словамъ жрецовъ) было рѣкою, орошавшею берега могучаго царства, называвшагося Атлантидою. Въ этомъ царствѣ были богатые города, жители которыхъ были весьма свѣдущи въ наукахъ и художествахъ. Они имѣли самыя дружественныя сношенія съ жителями древняго Египта, ихъ ближайшими сосѣдями. Нѣсколько тысячелѣтій существовала Атлантида до той поры, покуда разливъ океана, сопровождаемый страшными землетрясеніями, не поглотилъ Атлантиды и не превратилъ этой страны въ обширное Средиземное море, отдѣлившее материкъ южной Европы отъ материка сѣверной Африки [1]. Усвоивъ взглядъ египетскихъ жрецовъ на мірозданіе, Солонъ не могъ не отрѣшиться отъ буквальнаго пониманія миѳологическихъ символовъ. Свѣтлымъ своимъ умомъ онъ постигъ, что каждое олимпійское божество ничто иное, какъ грубое олицетвореніе творческихъ силъ природы, подчиненныхъ единому верховному и необъятно-великому разуму, именуемому ни Зевсомъ, ни Хроносомъ, ни Озирисомъ.

Изъ Египта Солонъ отправился на островъ Кипръ и здѣсь руководилъ юнаго царя Филокира въ многотрудной наукѣ управлять государствомъ. Совѣты и наставленія мудреца имѣли благодѣтельнѣйшія послѣдствія: кипріоты, повинуясь законамъ, имѣвшимъ главною цѣлью ихъ благосостояніе—блаженствовали: науки, искуства, промышленность были неистощимыми сокровищницами,

[1]) Подробный разсказъ объ Атлантидѣ, записанный Платономъ со словъ Критія, находится въ сочиненіи великаго философа: Тимей или разговоры о природѣ, о которомъ мы еще подробнѣе поговоримъ.

обогащавшими страну. Въ знакъ признательности своей къ Солону, дабы увѣковѣчить память мудреца, Филокиръ основалъ городъ, названный его именемъ. Изрѣченія Солона, въ видѣ риѳмованныхъ двустишій, были первообразы народныхъ пословицъ, многія изъ нихъ можетъ быть и донынѣ сохранились между европейскими народами; нѣкоторые же, отъ долговременнаго употребленія опошлились и сдѣлались общими мѣстами. Такъ, напримѣръ, слова Солона, сказанныя Крезу, царю лидійскому: „счастіе не въ богатствѣ, но въ добродѣтели“—такая же неопровержимая истина, какъ и та, что: „днемъ свѣтло и ночью темно“; при всемъ томъ, только впервые выраженная, она могла быть достойна мудреца, впослѣдствіи времени сдѣлалась достояніемъ пошлости. Возьмите любую нравоучительную сентенцію: она тѣмъ пошлѣе, чѣмъ менѣе опровержима.

При дворѣ Креза лидійскаго, этого просвѣщеннаго обладателя несмѣтныхъ сокровищъ, имя котораго донынѣ употребляется какъ синонимъ богача—Солонъ былъ въ 562 году до Р. Х. въ одно время со знаменитымъ Эзопомъ. Тотъ и другой были для Креза дорогими гостями и царь любилъ бесѣдовать съ ними, искренно уважая ихъ за правду, высказываемую Солономъ, во всей ея наготѣ, а Эзопомъ въ пестромъ одѣяніи шутки или въ звѣриной кожѣ затѣйливой басни. Однажды говоря именно о правдѣ, Эзопъ сказалъ Солону:

— Мудрецъ обязанъ или вовсе не приближаться къ царямъ, или говорить имъ только пріятную правду.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Солонъ—мудрецъ долженъ или держаться подальше отъ царей, или говорить имъ правду полезную; или наконецъ вовсе не говорить.

Крезъ, показывая Солону свои драгоцѣнности, спросилъ мудреца:

— Скажи мнѣ, кто счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ?

— Аѳинянинъ Теллосъ, отвѣчалъ Солонъ.

— Я о немъ не слыхивалъ!

— И не мудрено; имя его не гремѣло. Онъ былъ богатъ личными своими достоинствами и уваженіемъ согражданъ; воспиталъ дѣтей въ правилахъ пламенной любви къ отечеству, а самъ, уже

въ преклонныхъ лѣтахъ, имѣлъ счастіе умереть за отечество съ оружіемъ въ рукахъ. Это я называю счастіемъ. Другой образецъ счастливыхъ людей видѣлъ я въ аѳинскихъ братьяхъ Клеовисѣ и Витонѣ, сыновьяхъ Кидиппы, жрицы Юноны. Они неоднократно удостоивались первыхъ наградъ на олимпійскихъ играхъ; всѣми были любимы и уважаемы. Престарѣлой ихъ матери надобно было поспѣшить въ храмъ богини во время празднованія панаѳеней. У нея была колесница, но не было воловъ для закладки и не на что было нанять ихъ... Тогда Клеовисъ и Витонъ впрягались въ колесницу и на себѣ привезли свою мать въ храмъ. Здѣсь Кидиппа, благословляя сыновей за ихъ любовь и покорность, обратилась къ богамъ съ молитвою, чтобы они достойно наградили Клеовиса и Витона, и боги услышали ея молитву. Тутъ же въ храмѣ братья погрузились въ глубокій сонъ, перейдя отъ него въ непробудный. Завидная смерть, истинно счастливые люди! [1])

— Но, царь, подобный мнѣ, возразилъ Крезъ,—развѣ не имѣетъ права назваться счастливымъ?

— Царь! отвѣчалъ Солонъ,—крайній предѣлъ жизни человѣческой я полагаю въ семьдесятъ лѣтъ, т. е. въ 25,720 дней. Можешь ли ты поручиться за каждый изъ нихъ, когда они, чередуясь, такъ мало бываютъ похожи одинъ на другой? Все измѣнчиво на свѣтѣ, а счастіе всего болѣе.

Эти слова о превратности счастья запали въ память Креза и, какъ увидимъ, были причиною его спасенія отъ смерти, чего не могли сдѣлать и всѣ его сокровища.

По возвращеніи въ Аѳины (561 г. до Р. Х.), Солонъ къ крайнему своему прискорбію нашелъ великія перемѣны къ худшему. Родственникъ его Пизистратъ, пользуясь отсутствіемъ законодателя и распрями между аристократіей и демократіей, задумалъ овладѣть верховной властію, ставъ во главѣ демократовъ, будто бы, для защиты ихъ правъ отъ посягательствъ аристократовъ. Умный,

---

[1]) Это сказаніе, превращенное въ легенду, было приписано средневѣковыми католическими монахами нѣкоторымъ святымъ христіанскимъ.

вкрадчивый Пизистратъ съумѣлъ очень искусно обморочить согражданъ, изъ которыхъ одинъ только Солонъ умѣлъ проникнуть въ сокровеннѣйшіе его замыслы. Не внимая его совѣтамъ, Пизистратъ неуклонно стремился къ своей цѣли, не жалѣя золота, чтобы успѣшнѣе выковать цѣпь рабства, которую готовился наложить на свободныя Аѳины. Его дѣйствія въ этомъ случаѣ могли служить образцами для всѣхъ позднѣйшихъ похитителей власти. Желая возбудить въ народѣ сильнѣйшую къ себѣ привязанность и испытать степень расположенія приверженцевъ, однажды Пизистратъ, до крови исцарапавъ себѣ лице и сорвавъ одежды, выбѣжалъ на площадь, взывая о помощи. Когда же народъ сбѣжался на его вопли, онъ сказалъ:

— Вотъ награда за мои старанія о вашемъ счастіи! Убійцы, подкупленные моими врагами, напали на меня и я едва спасся!

Эта выходка (въ родѣ 18 брюмера Наполеона I и 2 декабря его племянника) произвела на народъ именно то самое впечатлѣніе, котораго желалъ Пизистратъ. Тысячи голосовъ отвѣчали ему, что они готовы положить за него свои головы. Солонъ, свидѣтель этой сцены одурачиванія народа Пизистратомъ, подошелъ къ хитрецу и сказалъ ему:

— Честь тебѣ и слава; ты мастерски играешь свою роль, подражая Улиссу! Вспомни только, что онъ обманывалъ враговъ, а ты обманываешь согражданъ!

Народъ отвѣчалъ Солону насмѣшками, называя его безумцемъ. По приговору ареопага, Пизистрату дана была почетная стража изъ 50 тѣлохранителей. Видя, что всѣ его совѣты пропадаютъ втунѣ, Солонъ рѣшился возмутить народъ противъ похитителя власти и, взявъ мечъ, явился на площади, призывая всѣхъ гражданъ, кому дорога свобода, присоединиться къ нему и принудить Пизистрата отказаться отъ своихъ тираническихъ замысловъ. Весьма немногіе подошли къ Солону и то затѣмъ, чтобы поглумиться надъ нимъ, какъ надъ безумнымъ.

— Кто далъ тебѣ право располагать участью республики? сказалъ ему кто-то изъ присутствующихъ.

— Мои сѣдины! кротко отвѣчалъ Солонъ.

Горькимъ опытомъ убѣдился мудрый законодатель въ той великой истинѣ, что народъ, какъ собака, охотнѣе повинуется тому кто его бьетъ; что его законы далеко не ограждаютъ правъ гражданъ — и, что, наконецъ, человѣкъ знатный и богатый, всегда съумѣетъ выпутаться изъ сѣтей суда. Правду говорилъ Солону скиѳскій философъ Анахарзисъ:

— Твои законы — паутина: маловажные проступки уловляются ими, какъ муха; преступленія крупныя прорываются сквозь законъ, какъ птицы сквозь паутину!

Въ безсильномъ негодованіи Солонъ покинулъ Аѳины и отправился въ Египетъ; оттуда на Кипръ, гдѣ и умеръ въ 559 г. до Р. Х. Пизистратъ нѣсколько разъ призывалъ его на родину, въ качествѣ совѣтника и руководителя, но мудрецъ былъ непреклоненъ. Доживая свой вѣкъ на чужбинѣ, Солонъ занимался поэзіей и плодами его бесѣдъ съ музами были его Элегіи, въ которыхъ бѣдный старикъ излилъ сѣтованія на судьбу Аѳинъ и на утрату ими гражданской свободы. Когда онъ находился на высотѣ могущества и славы, сограждане предлагали ему быть царемъ, указывая на Питтака, тирана митиленскаго, и на Періандра коринѳскаго.

— И вы желаете, чтобы я былъ также тираномъ? возразилъ Солонъ.

— Но подданные Питтака и Періандра блаженствуютъ...

— Желаю, чтобы блаженство это продлилось; что же касается до ихъ властителей, я скажу, что на престолъ царскій всходить пріятно; держаться же на немъ тяжело, а сходить съ него — еще того тяжеле.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пизистратъ. — Преобразованіе въ законахъ.—Уставы объ инвалидахъ. — Заговорщики. — Оскорбленіе жены.—Дочь и влюбленный.—Гиппій и Гиппархъ.—Убіеніе Гиппарха.—Мщеніе Аристогитона.—Сверженіе Гиппія Клисѳеномъ.—Анархія.—Конецъ періода.—Религія и наука.—Мудрецы.—Ѳалесъ Милетскій.—Солнечное затмѣніе.—Скитанія Ѳалеса.—Пребываніе въ Египтѣ.—Переселеніе въ Милетъ.—Занятіе астрономіею.—Великое открытіе.—Золотой треножникъ.—Холостякъ и отецъ семейства.—Ненависть къ тираніи.—Амазисъ.—Тираны и льстецы.

Похититель власти (тиранъ) Пизистратъ (561—528 г. до Р. Х.) былъ одаренъ всѣми наружными и внутренними качествами, обладая которыми человѣкъ недалекъ отъ совершенства. По происхожденію—царскаго рода; богачъ, красавецъ собою, уменъ, образованъ, добръ, великодушенъ; хитеръ—безъ плутовства, вкрадчивъ безъ подлости.., таковъ былъ правитель Аѳинъ, ихъ царь, подъ скромнымъ именемъ архонта.

Не отмѣняя солоновыхъ законовъ, Пизистратъ во многихъ статьяхъ ихъ дополнилъ и измѣнилъ къ лучшему. Широкія права, данныя имъ торговцамъ и земледѣльцамъ, успѣшно содѣйствовали народному обогащенію; покровительство, оказываемое Пизистратомъ ученымъ художникамъ, способствовало украшенію Аѳинъ многими прекрасными зданіями, но еще того болѣе—многочисленными школами для образованія юношества. До воцаренія Пизистрата, престарѣлые и увѣчные воины республики аѳинской существовали подаяніемъ согражданъ, не получая отъ казны ни пенсій, ни пособій. Эта недоглядка прежнихъ законодателей была исправлена Пизистратомъ и защитники отечества, на старости лѣтъ, были призрѣны и обезпечены. Эта разумная мѣра пріохотила къ военной службѣ тѣхъ изъ аѳинскихъ гражданъ, которые до того времени уклонялись отъ нея, изъ опасенія остаться въ безпомощномъ состояніи по окончаніи служебнаго поприща. Содержаніе инвалидовъ было необременительно для государственной казны, такъ какъ на него употреблялись сокровища, отнятыя у непріятелей. Зная, что правитель ничѣмъ инымъ не можетъ такъ успѣшно снискать любовь народную, какъ ласкою и общедоступностью, Пизистратъ дозволилъ всѣмъ гражданамъ, безъ изъятія, посѣщать сады своего дворца и здѣсь бесѣдовалъ съ посѣтителями, выслушивая ихъ просьбы, жалобы. по мѣрѣ возможности удовлетворяя просителей немедленнымъ и правосуднымъ рѣшеніемъ. Ревнуя о просвѣщеніи, мудрый правитель предоставилъ во всеобщее пользованіе свою библіотеку, обогащенную новымъ спискомъ безсмертныхъ твореній Гомера... Вообще время царствованія Пизистрата для Аѳинъ было прологомъ золотаго вѣка Перикла. Объ умѣ и сердцѣ правителя, читатель лучше всего можетъ судить по слѣдующимъ анекдотамъ изъ его жизни.

Однажды нѣкоторые изъ его друзей, избалованные его благодѣяніями, составили заговоръ къ его низложенію, въ который они безъ особеннаго труда вовлекли многихъ, особенно изъ лѣниво учащейся или праздношатающейся молодежи (всегдашній контингентъ мятежей и смутъ). Дѣйствія свои инсургенты начали тѣмъ, что удалились изъ Аѳинъ, съ цѣлію осадить городъ... Ихъ настигъ Пизистратъ, безоружный, сопровождаемый только двумя рабами, несшими за нимъ одежду и съѣстные припасы. Удивленные и смущенные заговорщики остановились и спросили у правителя, чего онъ отъ нихъ хочетъ?

— Ничего, отвѣчалъ Пизистратъ, я только иду за вами!

— Куда?

— Туда же куда и вы. Вѣдь мы—друзья, а друзья должны быть неразлучны. Если вы не хотите быть со мною, такъ я буду съ вами и не покину васъ..

Эти простыя, отъ сердца идущія слова обезоружили мятежниковъ, и они, осыпая Пизистрата ласками и похвалами, возвратились съ нимъ въ Аѳины.

Въ другой разъ, толпа пьяныхъ пристала на улицѣ къ его женѣ и обидѣла ее разными неблагопристойностями, отъ которыхъ

она едва избавилась. опрометью прибѣжавъ во дворецъ Пизистрата. На другой день буяны, отрезвись, рѣшились идти во дворецъ просить прощенія. Правитель ласково принявъ ихъ, съ притворнымъ удивленіемъ отвѣчалъ:

— Вы ошибаетесь! Вчера моя жена никуда не выходила изъ дому и если вы кого обидѣли, то уже никакъ не ее!

Въ дочь Пизистрата былъ страстно влюбленъ одинъ небогатый и незнатный молодой аѳинянинъ. Увидя ее въ процессіи на праздникѣ Минервы, въ бѣломъ одѣяніи, увѣнчанную цвѣтами, онъ до того увлекся, что, позабывъ всякое приличіе, бросился къ ней, сжалъ въ объятіяхъ и началъ осыпать поцѣлуями. Сумасброда, какъ нарушителя благочинія, схватили, посадили подъ арестъ и приверженцы Пизистрата требовали настоятельно, чтобы влюбленный въ его дочь былъ примѣрно наказанъ.

— За что? спросилъ Пизистратъ. Если мы будемъ наказывать любящихъ насъ, что же дѣлать тогда съ ненавидящими?

И онъ приказалъ немедленно освободить восторженнаго юношу, призвалъ его къ себѣ во дворецъ и къ невыразимой его радости выдалъ за него дочь.

Не смотря на высокія свои качества, Пизистратъ два раза принужденъ былъ удаляться изъ Аѳинъ, вслѣдствіе мятежей, но возвращался по ихъ усмиреніи. На смертномъ одрѣ онъ утѣшался, однако, мыслью, что ему, по желанію народному, будутъ наслѣдовать его сыновья Гиппархъ и Гиппій, достойные его преемники.

Сыновья Пизистрата, имъ самимъ воспитанные, были дѣйствительно достойны царскаго престола. Гиппархъ, мудрый покровитель ученыхъ и художниковъ, пользовался дружбою славнѣйшихъ поэтовъ этого времени — Симонида и Анакреона, бывшихъ безсмѣнными собесѣдниками его и Гиппія. Единственный упрекъ братьямъ можно было сдѣлать за ихъ излишнюю любовь къ роскоши и вообще къ удовольствіямъ изящнымъ, въ простомъ народѣ всегда возбуждающимъ завистливый ропотъ. Этимъ воспользовались молодые аѳиняне Гармодій и Аристогитонъ, питавшіе къ сыновьямъ Пизистрата непримиримую ненависть за нанесенную имъ обиду Гиппіемъ. Къ Гармодію и Аристогитону присоединились многіе отчаянные республиканцы, тяготившіеся тираніею династіи Пизистратидовъ. Рѣшено было, на тайномъ совѣтѣ мятежниковъ, умертвить Гиппарха и Гиппія на праздникахъ Панаѳиней. Въ назначенный день Гармодій и Аристогитонъ съ сообщниками явились на площадь, будто для принятія участія въ процессіи, держа въ рукахъ масличныя вѣтви, въ которыхъ спрятаны были кинжалы. Не смотря на то, что братья-правители были сопровождаемы вооруженными тѣлохранителями, Гармодій протѣснился къ Гиппарху и безстрашной рукой вонзилъ ему кинжалъ въ сердце, правитель упалъ не успѣвъ вскрикнуть; убійца на мѣстѣ былъ изрубленъ стражами, а сообщникъ его Аристогитонъ, не успѣвшій убить Гиппія, былъ схваченъ и преданъ лютѣйшимъ пыткамъ для показанія своихъ прочихъ сообщниковъ (514 л. до Р. Х.). Гиппій самъ присутствовалъ при допросахъ Аристогитона и съ ужасомъ услыхалъ изъ устъ пытаемаго имена своихъ друзей. Не слушая ихъ оправданій Гиппій казнилъ ихъ всѣхъ до единаго по мѣрѣ указаній Аристогитона, наконецъ спросилъ у истязуемаго, не забылъ ли онъ еще кого нибудь?— Мнѣ остается назвать тебя самаго! отвѣчалъ умирающій заговорщикъ — но вѣдь ты самъ себя къ смерти не приговоришь... Знай же, что я оклеветалъ твоихъ друзей, а ты казнилъ ихъ безвинно... Лучшаго мщенія я не могъ придумать и умираю съ радостнымъ сознаніемъ, что ты убійца людей, искренно тебѣ преданныхъ!

Сказавъ это, Аристогитонъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Не смотря на щедрыя вознагражденія родственниковъ, оставшихся послѣ невинно-казненныхъ, Гиппія за его жестокость возненавидѣли даже его приближенные и всѣ его старанія снискать народную любовь благодѣяньями остались тщетны. Тогда Гиппій сдѣлался настоящимъ тираномъ, окружась наемниками, лазутчиками, сыщиками и палачами, принуждая къ изгнанію гражданъ, навлекавшихъ на себя его неосновательныя подозрѣнія... Позабывъ о прежнихъ добрыхъ дѣлахъ Гиппія, народъ, проклиная его, трепеталъ передъ нимъ и четыре года переносилъ это иго (514—510 л. до Р. Х.) и наконецъ дождался освободителя.

Изгнанникъ Клисѳенъ, изъ знатнаго рода Алкмеонидовъ, проживавшій въ Македоніи и извѣщенный о бѣдственномъ положеніи Аѳинъ, покинувъ мѣсто изгнавія пробрался въ Спарту и убѣдилъ лакедемонянъ содѣйствовать ему въ низверженіи Гиппія. Желая убѣдить будущихъ своихъ сподвижниковъ, что его отважное предпріятіе—дѣло угодное богамъ, Клисѳенъ посѣтилъ вмѣстѣ съ ними дельфійскаго оракула и сама Пиѳія одобрила намѣренія заговорщика. Клисѳенъ двинулся къ Аѳинамъ. При вѣсти о его приближеніи Гиппій попытался дать ему отпоръ, но что могъ сдѣлать тиранъ, когда войска отъ него отложились, а народъ явно высказывалъ свою ненависть къ нему и любовь къ грядущимъ освободителямъ? Проклиная неблагодарныхъ аѳинянъ Гиппій бѣжалъ изъ города, въ который Клисѳенъ вступилъ безпрепятственно, привѣтствуемый благодарнымъ народомъ, вскорѣ провозгласившимъ его правителемъ.

Выражая свою признательность Клисѳену, аѳиняне вспоминали о Гармодіи и Аристогитонѣ, четыре года тому назадъ павшихъ жертвами своей любви къ свободѣ. Въ честь обоихъ заговорщиковъ были воздвигнуты статуи; для успокоенія ихъ тѣней аѳиняне стали приносить жертвы, будто тѣнямъ героевъ или полубоговъ. Между тѣмъ, по желанію народному Клисѳенъ сдѣлался правителемъ и, на первый случай, раздѣлилъ всѣхъ гражданъ республики аѳинской на десять кастъ, изъ которыхъ только къ двумъ были причислены аристократы; прочія восемь состояли изъ демократіи. Это дѣленіе, какъ и слѣдовало ожидать, усилило и возвысило простой народъ въ ущербъ знати и опять пошли въ Аѳинахъ неурядицы и междоусобія, длившіяся до 500 г. до Р. Х., т. е. до начала Персидскихъ войнъ.

Прежде нежели мы перейдемъ къ разсказамъ объ этой достопамятной эпохѣ греческой исторіи, займемся біографическимъ обзоромъ мудрецовъ, философовъ, ученыхъ и поэтовъ, прославившихся въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ (съ 700 до 500 г. до Р. Х.) историческаго бытія Греціи.

Религія этой страны—пестрая мозаика вѣрованій востока,—была сплочена поэтами въ одно стройное цѣлое; можно даже сказать, что Греція, заимствуя миѳы отъ востока, пользовалась ими какъ

тэмами, на которыя поэты придумывали варіаціи. Но въ религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ каждый человѣкъ стремится къ правдѣ, а ея нѣтъ въ поэзіи. Что въ религіи древнихъ эллиновъ было много лживаго—этого не могли не замѣтить люди, одаренные свѣтлымъ и пытливымъ разумомъ, люди, шедшіе на поиски божества стезями размышленія и естествоиспытанія. Религія устами поэзіи говорила имъ о мірозданіи, но ея затѣйливымъ росказнямъ они не хотѣли и не могли вѣрить наперекоръ разсудку. Всматриваясь въ природу, въ ея неистощимыя силы, въ ихъ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ ученые (т. е. мудрецы и философы), подъ знаменемъ науки, вступили въ борьбу съ ложной религіей — вмѣнявшей человѣку въ первѣйшую обязанность крайнее невѣжество и, если не попятное движеніе въ его умственномъ развитіи, то — остановку, а съ нею и отреченіе отъ свободы мысли. Показывая на свѣтила небесныя жрецъ говорилъ эллину: „это боги и богини“ и если тотъ былъ малый неразвитой онъ смѣло вѣрилъ жрецу и былъ убѣжденъ, что тамъ, за лазурнымъ сводомъ дѣйствительно находится жилище боговъ, гуляющихъ по поднебесью въ видѣ яркихъ звѣздъ. Иными глазами смотрѣла на то же небо наука, только что высвобождавшаяся изъ пеленокъ и свивальниковъ, которыми пытались ее опутать поэзія и религія [1]). Философъ—жрецъ науки, искатель истины взирая на небо, въ кущахъ звѣздъ видѣлъ не боговъ, но цѣлые міры, движущіеся по непреложнымъ законамъ въ сферахъ, начертанныхъ имъ не Юпитеромъ, не Сатурномъ, не Ураномъ; въ огнѣ философъ не видалъ Плутона, въ водѣ — Нептуна; клубы тумана не казались ему нимфами, а именно тѣмъ, чѣмъ были — т. е. парами, отдѣляющимися отъ земли, какъ потъ—отъ тѣла человѣческаго. Этотъ прозаическій взглядъ науки на весь міръ отъ свода небесъ до дна морскаго; отъ звѣзды до червя, отъ солнца до малой искорки—способствовалъ развитію наукъ въ ущербъ религіи. Наука дерзнула, наконецъ, назвать боговъ и богинь силами природы и отважилась на доискиванье законовъ, которымъ

[1]) Нужно ли пояснять читателю, что здѣсь мы называемъ религіею грубое язычество, догматы котораго въ бреднях миѳологіи?

силы эти подчинены. И началась борьба здраваго смысла и истины съ идеями вздорными, которыя навязывали разуму человѣческому вообще эксплуататоры невѣжества и суевѣрія.

Въ Греціи — первыми поборниками правды и истинными просвѣтителями страны были **мудрецы**, по старшинству распредѣляемые такимъ образомъ: **Θалесъ**, **Солонъ** (о которомъ мы уже говорили), **Хилонъ**, **Питтакъ**, **Періандръ**, **Віасъ** (или **Віантъ**), **Клеовулъ** и современники ихъ: **Мизонъ** и **Киилонъ**, къ семи мудрецамъ не причисляемые.

Θалесъ, основатель первой философской школы, называемой Іоническою, родился въ Финикіи въ 639 году до Р. X. и принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ фамилій. Хотя греки, указывая на данное ему прозвище **Милетскаго** и оспаривали у Финикіи честь быть мѣстомъ рожденія мудреца, но прозвище было дано Θалесу по мѣсту его пребыванія, а не по мѣсту явленія его на свѣтъ. Въ 625 году, четырнадцатилѣтній Θалесъ былъ свидѣтелемъ полнаго солнечнаго затмѣнія, побудившаго лидянъ, объявившихъ войну мидійцамъ, заключить съ ними миръ, подъ наитіемъ суевѣрнаго ужаса. Это астрономическое явленіе поразило наблюдательный умъ Θалеса и съ этого времени онъ посвятилъ себя изученію феноменовъ природы, называемыхъ невѣждами проявленіемъ воли боговъ, единственно ради желанія показать смертнымъ свое могущество. Родители Θалеса, люди богатые, отправили его для изученія естественныхъ наукъ въ Египетъ, куда вскорѣ и сами за нимъ послѣдовали, убѣгая изъ Финикіи отъ скиθовъ, вторгнувшихся въ Малую Азію. Тогда въ Египтѣ царствовалъ Псамметихъ, при которомъ науки и художества находились на высокой степени совершенства. Жрецы, учители Θалеса, обучая его геометріи и астрономіи, въ тоже время знакомили его и съ богословіемъ умозрительнымъ, съ высокими идеями о единствѣ божества, его премудрости и всемогущества. Успѣхамъ Θалеса въ наукахъ математическихъ много способствовало его участіе въ великомъ предпріятіи фараона **Нехао** (614 л. до Р. X.) соединить каналомъ рѣку Нилъ съ Чернымъ моремъ. Эти работы длились двадцать пять лѣтъ, но окончены не были, такъ какъ Нехао, увлекаемый безразсудной страстью къ

завоеваніямъ, отправился въ походъ на Іудею. Въ 609 году онъ овладѣлъ Іерусалимомъ и въ тоже время скиθы, устрашенные его побѣдами, очистили занятую ими Ассирію. Избавленіе Малой Азіи отъ варваровъ дало возможность Θалесу и его родителямъ возвратиться въ Финикію. Здѣсь мать будущаго мудреца предлагала ему жениться и обзавестись собственнымъ домомъ, но онъ отклонилъ ея предложеніе, въ твердой увѣренности, что спокойствіе Финикіи водворено не на долго и ей угрожаютъ новыя, политическія бури. Прозорливость Θалеса его не обманула: черезъ четыре года (въ 605 году до Р. X.) Навуходоносоръ, со своими союзниками скиθами, отнялъ Іерусалимъ у фараона Нехао и принудилъ его, побѣдою на берегахъ Евфрата, бѣжать въ Египетъ. Въ 587 году той же участи подвергся и Апріэтъ, наслѣдникъ Нехао, черезъ 17 лѣтъ свергнутый съ престола фараономъ Амазисомъ. Опасаясь дальнѣйшихъ переворотовъ Θалесъ вторично и навсегда удалился изъ Финикіи, избравъ своимъ мѣстопребываніемъ Милетъ, въ Греціи, и въ этомъ городѣ получилъ права гражданства. Θалесу, въ это время, было пятьдесятъ два года и не смотря на то, его мать предлагала ему избрать себѣ подругу жизни; Θалесъ отвѣчалъ ей: въ первый разъ вы съ предложеніемъ вашимъ поторопились, а теперь опоздали! Вмѣсто того, чтобы обзаводиться собственнымъ семействомъ, мудрецъ усыновилъ племянника своего, Кивисса.

Обладая весьма достаточнымъ состояніемъ Θалесъ имѣлъ возможность со всѣми удобствами заниматься астрономіей, любимѣйшею своею наукою. Дѣлалъ изысканія о свойствахъ сферическихъ треугольниковъ; раздѣливъ сферу на пять поясовъ; измѣрялъ кажущійся поперечникъ солнца. Первый изъ греческихъ ученыхъ объяснилъ точныя причины лунныхъ и солнечныхъ затмѣній и подтвердилъ объясненія свои вычисленіями; предсказалъ полное лунное затмѣніе 28 мая 585 г. до Р. X. къ совершенному торжеству науки и къ содѣянію имени своего безсмертнымъ [1]). За это открытіе и современники Θалеса признали его однимъ изъ мудрѣй-

[1]) Плиній въ Исторіи міра (кн. II гл. 9) относитъ это событіе къ 4 году XLVIII Олимпіады, т. е. къ 583 г. до Р. X.

шихъ мужей Греціи, но скромный мудрецъ не величался этимъ прозвищемъ, предоставляя его другимъ, по его мнѣнію, достойнѣйшимъ. Нѣсколько путешественниковъ, милетскихъ уроженцевъ, въ бытность на островѣ Косѣ, откупили у тамошнихъ рыбаковъ закидываемую ими тоню, съ условіемъ, чтобы весь уловъ, безъ изъятья, принадлежалъ покупщикамъ. Рыбаки, вмѣстѣ съ рыбою, извлекли неводомъ съ морскаго дна золотой треножникъ, по преданію брошенный въ море Еленою, во время бѣгства ея въ Трою. Рыбаки съ покупщиками затѣяли споръ; изъ спора возникла тяжба, изъ за которой Косъ и Милетъ готовы были объявить другъ другу войну, однако же обратились къ посредничеству пиоіи дельфійскаго храма. Она отвѣчала, чтобы спорный треножникъ отдали мудрѣйшему изъ грековъ и драгоцѣнность единогласно присуждена была Өалесу. Онъ переслалъ это приношеніе согражданъ Віасу; Віасъ—третьему изъ мудрецовъ и треножникъ изъ пятыхъ рукъ опять возвратился къ Өалесу. Онъ положилъ конецъ этой игрѣ въ великодушіе, пожертвовавъ треножникъ въ Өивскій храмъ Аполлона-Исменійскаго.

— Одинъ только Богъ премудръ, сказалъ при этомъ великій мужъ—и Его премудрости принесемъ нашъ даръ!

Въ 582 году до Р. Х. Өалесъ, посѣтившій дельфійскія игры, былъ на нихъ провозглашенъ мудрецомъ; той же чести удостоились: Питтакъ, Солонъ, Клеовулъ, Мизонъ и Хилонъ. Ни мало не соперничая, мудрецы жили очень дружно между собою, часто диспутируя, но въ спорахъ не переступая никогда границъ строжайшаго приличія. Солонъ, посѣтивъ Өалеса въ Милетѣ, не могъ удержаться, чтобы не посѣтовать на его одиночество, говоря, что пріемышъ никогда не можетъ замѣнить роднаго сына. Затѣмъ онъ сталъ съ увлеченіемъ разсказывать Өалесу о прелестяхъ семейной жизни и тѣхъ отрадныхъ минутахъ, которыя невѣдомы холостяку... Өалесъ отмалчивался. На другой день къ нему пришелъ новый гость, въ лицо не знавшій Солона, хотя и пріѣзжій изъ Аөинъ. Увидя земляка, Солонъ приступилъ къ нему съ разспросами о новостяхъ и въ числѣ прочихъ, сообщенныхъ ему гостемъ Өалеса, узналъ о скоропостижной смерти молодаго, знатнаго аөинянина. Солонъ спросилъ объ имени покойнаго.

— Имени его не знаю, отвѣчалъ гость, но мнѣ говорили, что онъ сынъ очень мудраго и ученаго человѣка, нынѣ путешествующаго по чужимъ странамъ... Имя его Солонъ!

При этихъ словахъ несчастный мудрецъ залился слезами и предался скорби, близкой къ отчаянію, не внимая утѣшеніямъ Өалеса.

— Вотъ именно для застрахованія себя отъ подобныхъ минутъ, сказалъ послѣдній — я и рѣшился на всю жизнь остаться холостякомъ. Но, успокойся Солонъ: вѣсть о смерти твоего сына—несправедлива; онъ живъ и здоровъ; я хотѣлъ тебѣ только доказать, что радости семейнаго человѣка едва ли могутъ его вознаградить за безпокойства и горести, которымъ онъ подвергается ежеминутно, чаще всякаго холостяка!

Жители Милета неоднократно предлагали Өалесу быть градоправителемъ, даже монархомъ; но онъ каждый разъ отвѣчалъ отказомъ, не желая лишать свободы своихъ согражданъ. „Много рѣдкостей видалъ я на своемъ вѣку,“ говорилъ онъ при этомъ— „но изъ нихъ—самая рѣдкостная, по моему мнѣнію, старость тирана!“ —Въ 570 году до Р. Х. Өалесъ посѣтилъ Египетъ и былъ, подобно многимъ грекамъ, радушно принятъ и обласканъ фараономъ Амазисомъ, свергнувшимъ Апріета (или Апрія) съ престола. Ожидая себѣ похвалъ отъ мудреца, фараонъ льстилъ ему, превознося его умъ, познанія и душевныя качества, но Өалесъ, питая отвращеніе къ похитителю власти отвѣчалъ ему рѣзко и непочтительно. Однажды за столомъ, къ которому былъ приглашенъ Өалесъ, фараонъ навелъ разговоръ на естествознаніе и собесѣдники начали разсказывать о звѣряхъ земнаго шара.

— По моему мнѣнію, замѣтилъ Өалесъ — лютѣйшій изъ дикихъ звѣрей называется тираномъ; опаснѣйшее изъ домашнихъ животныхъ — льстецомъ. Ни левъ, ни тигръ не истребятъ такого множества народу, какъ жестокосердый правитель; ни кошка, ни бѣшеная собака не могутъ повредить такъ, какъ вредитъ льстецъ своему ближнему!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ѳалесъ у Періандра.—Вопросы Амазиса и отвѣты царя эѳіопскаго.—Отвѣты Ѳалеса.—Іонійская школа.—Основы ея ученія.—Открытіе электрической силы.—Ученые труды и смерть Ѳалеса.—Хилонъ.—Его изреченія.—Питтакъ.—Выборъ жены.—Афоризмы.—Ферекидъ.—Его ученіе.—Обширныя познанія.—Примѣты и повѣрья.—Безотвѣтные вопросы объ инстинктѣ.—Смерть Ферекида.—Его біографы.—Хронологическія погрѣшности.

Изъ Египта Ѳалесъ отправился въ Мидію, гдѣ въ Сардесѣ видѣлъ царевича Кира, тогда еще малолѣтняго. Повсемѣстно мудреца встрѣчали съ должнымъ уваженіемъ, удивляясь его свѣтлому уму и обширнымъ разнообразнымъ познаніямъ. Въ 568 г. до Р. Х., проѣзжая черезъ Коринѳъ на пути своемъ въ Дельфы, Ѳалесъ посѣтилъ Періандра, который задалъ великолѣпный пиръ въ честь именитаго своего гостя. Одинъ изъ собесѣдниковъ, разсказывая про фараона Амазиса, удивлялся мудрымъ отвѣтамъ царя эѳіопскаго на вопросы, предложенные ему фараономъ. Что всего старѣе?—Время.—Всего огромнѣе? Міръ. Всего мудрѣе? Правда. Всего прекраснѣе? Свѣтъ. Всего обыкновеннѣе? Смерть. Всего полезнѣе? Богъ. Всего вреднѣе? Демоны. Всего сильнѣе? Счастье. Всего легче переносимо? Удовольствіе.

— Въ этихъ отвѣтахъ, замѣтилъ Ѳалесъ, я не вижу никакой мудрости и каждый изъ нихъ очень легко опровергнуть. Время дѣлится на прошедшее, настоящее и будущее: настоящее—намъ современно, а будущее—моложе каждаго изъ насъ ибо еще не наступило... Можно ли послѣ этого сказать, что время всего старѣе? Нѣтъ! на первый вопросъ я отвѣчалъ бы фараону: старѣе всего міра—Богъ, создатель вѣчности. Міръ, по словамъ эѳіопскаго царя, всего огромнѣе; а я полагаю, что огромнѣе самого міра, пространство вселенной, въ которомъ онъ вращается, потому что пространство ея неизмѣримо. О правдѣ никакъ нельзя сказать, что она всего мудрѣе: правда—одно, мудрость—другое; смѣшивать эти два понятія не то ли же самое, что смѣшивать свѣтъ съ глазомъ? ибо мудрость относится къ правдѣ, какъ глазъ къ свѣту. Всего мудрѣе—время. „Всего прекраснѣе—свѣтъ“ сказалъ эѳіопскій мудрецъ: но еслибы онъ сказалъ это о солнцѣ, источникѣ свѣта, въ его словахъ еще была бы частица правды... я же скажу, что всего прекраснѣе—весь міръ Божій. Можно ли назвать смерть самой обыкновенной вещью? Именно она, для каждаго человѣка, всего въ мірѣ необыкновеннѣе и для каждаго изъ живыхъ новость и неожиданность... Всего обыкновеннѣе—надежда. Сужденія эѳіопа о Богѣ и демонахъ—и дерзки, и нелѣпы: всего полезнѣе—добродѣтель: всего вреднѣе—порокъ, отравляющій все своимъ прикосновеніемъ. Всего сильнѣе не можетъ быть то, что всего измѣнчивѣе, а это именно счастье... Напротивъ! нужда—вотъ что въ мірѣ всего сильнѣе! Наконецъ, не могу сказать, чтобы удовольствіе было всего легче переносимо: это зависитъ отъ характера; иному и удовольствіе въ тягость... Всего легче давать совѣты другимъ и видѣть недостатки ближнихъ!

По возвращеніи въ Милетъ, Ѳалесъ для поученія согражданъ открылъ у себя въ домѣ собранія и этимъ положилъ основаніе школы іонійской. Здѣсь онъ преподавалъ, кромѣ математическихъ и естественныхъ наукъ, высокія правила нравственности и передавалъ ученикамъ новые догматы религіи съ философской точки зрѣнія на Бога и на мірозданіе. Главнѣйшія основы ученія Ѳалеса слѣдующія:

— Богъ единый—начало и источникъ всего видимаго и невидимаго; единый Богъ—безначальная и безконечная причина всѣхъ причинъ. Вода—начало всякаго вещества. Частицы единой, всемірной души, носясь въ пространствѣ, опускаются на землю и одѣваются по своему произволу тѣлами чистыми или нечистыми, созданными водою. По разрушеніи одного тѣла, душа вселится въ другое; за нимъ въ третье и, наконецъ, послѣ долгихъ переселеній возносится къ Творцу и неразрывно соединяется съ нимъ.

Изъ ученыхъ трудовъ Ѳалеса можно указать на его разсужденія о солнцестояніяхъ, равноденствіяхъ и затмѣніяхъ; замѣтки о

метеорахъ: руководство для астрономическихъ наблюденій мореплавателей. Измѣренія кажущагося поперечника солнца привели Өалеса къ заключенію, что онъ равняется одной семьсотъ двадцатой доли его орбиты... Изъ открытій по части физики, сдѣланныхъ Өалесомъ, самымъ замѣчательнѣйшимъ было то, что янтарь (электронъ) и гагатъ, разогрѣтые треніемъ, пріобрѣтаютъ свойство притягивать пушинки, соломинки, нитки и другія легкія тѣла. Мудрецъ объяснялъ это явленіе присутствіемъ въ янтарѣ особеннаго духа, т. е. силы. Эти опыты, впослѣдствіи времени, привели къ открытію электричества, примѣненія котораго въ медицинѣ, въ физикѣ, химіи и технологіи — неисчислимы. Эта сила оживляетъ нынѣ нервы каждаго благоустроеннаго государства — телеграфы; она же со временемъ замѣнитъ силу паровъ въ ея примѣненіи къ желѣзнымъ дорогамъ и всякаго рода машинамъ. Но, какъ бы ни были велики дальнѣйшія примѣненія электрической силы на пользу человѣчества, оно конечно не забудетъ имени Өалеса и его опытовъ съ янтаремъ.

Сердце Өалеса вполнѣ гармонировало съ его разумомъ: онъ былъ добръ, кротокъ, терпѣливъ, обязателенъ; въ особенности же безкорыстенъ. Одинъ изъ его учениковъ удивлялся его умѣнью довольствоваться малымъ, или, лучше сказать — его неумѣнью наживаться. „Право это не такъ трудно!“ отвѣчалъ Өалесъ и доказалъ это на опытѣ. Обладая умѣньемъ — по зимѣ, безошибочно опредѣлять урожай маслинъ — Өалесъ въ одну изъ зимъ, благопріятствовавшихъ урожаю, взялъ на откупъ всѣ пресовальни для выдѣлки елея въ Милетѣ и на островѣ Хіосѣ. Урожай маслинъ былъ необыкновенный; купцы и землевладѣльцы заплатили Өалесу большія деньги за отдачу маслинъ на выдѣлку елея въ его пресовальняхъ и онъ разбогатѣлъ въ самое короткое время. Живя воздержно во всѣхъ отношеніяхъ и всячески избѣгая потрясеній нравственныхъ, Өалесъ дожилъ до 90 лѣтъ. Онъ скончался въ 548 году до Р. Х. вслѣдствіе утомленія отъ дороги во время поѣздки на олимпійскія игры. Прославляя память великаго мужа, греки въ его честь воздвигли статуи во многихъ городахъ; на его гробницѣ было начертано: „какъ мала его гробница, такъ велика его слава.“ До нашихъ

временъ сохранилась и другая эпитафія, или — какъ ее называли древніе, эпиграмма, въ которой было сказано, что Юпитеръ взялъ Өалеса на небо для того, чтобы онъ удобнѣе могъ наблюдать за движеніемъ свѣтилъ, такъ какъ зрѣніе его ослабѣло отъ старости.

Школа, основанная Өалесомъ, прославленная многими знаменитыми послѣдователями его ученія, была разсадникомъ всѣхъ прочихъ философскихъ школъ древняго міра и нѣкоторыхъ сектъ — новаго. Иллюминаты, розенкрейцеры и масоны (нѣкоторыхъ толковъ) называли Өалеса своимъ родоначальникомъ, примѣшивая къ правдивымъ сказаніямъ о его жизни и ученыхъ трудахъ множество фантастическихъ выдумокъ.

Хилонъ, эфоръ лакедемонскій, жившій въ 556 г. до Р. Х. былъ удостоенъ прозвища мудреца не столько за ученость, сколько за свои заслуги на административномъ поприщѣ. Онъ оградилъ права народныя отъ произвола спартанскихъ царей, противупоставивъ имъ усиленную власть эфоровъ; славился правосудіемъ и могъ похвалиться пріязнью мудрецовъ и философовъ, своихъ современниковъ. Обладалъ, какъ повѣствуютъ древніе историки, даромъ прозорливости, доказавъ это предсказаніемъ матери Пизистрата, когда она была имъ беременна, что родитъ тирана. На какихъ данныхъ Хилонъ основывалъ свое пророчество, этого древніе историки не объясняютъ. По примѣру всѣхъ мудрецовъ онъ путешествовалъ для самообразованія: посѣтилъ Мидію и, можетъ быть, Египетъ. Умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ отъ радости, что сынъ его получилъ призъ на олимпійскихъ играхъ. До насъ дошли нѣкоторыя изъ его изреченій; приводимъ особенно замѣчательныя:

— Познай самого себя.

— Золото испытываютъ пробирнымъ камнемъ; сердце человѣческое — золотомъ.

— Не ручайся ни за кого, чтобы никогда не раскаяваться.

— Истинная добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы силою разума проницать тьму, скрывающую отъ насъ грядущее.

— Если ты одаренъ силою — будь кротокъ, чтобы тебя уважали, но не боялись.

Питтакъ, урожевецъ города Мителене на островѣ Лесбосѣ (жилъ между 649—579 г. до Р. Х.), заслужилъ прозвище мудреца не столько за свои заслуги на поприщѣ ученомъ, сколько на военномъ и гражданскомъ. Во время одного изъ междоусобій либийцевъ съ аѳинянами, Питтакъ предложилъ военачальнику послѣднихъ, Фривону, выйдти съ нимъ на поединокъ. Фринонъ согласился и когда явился на назначенное ему мѣсто, Питтакъ, неожиданно выхвативъ изъ подъ своего щита сѣть, накинулъ ее на противника, и, лишивъ, такимъ образомъ, возможности защищаться—умертвилъ его. Признательные жители Мителене выбрали Питтака въ градоправители, прося дать имъ законы. Мудрецъ исполнилъ ихъ желаніе и, судя по преданіямъ, данные имъ законы въ своемъ родѣ были не хуже солоновыхъ. Въ уложеніи о наказаніяхъ было, между прочимъ, одна статья, которую въ наше гуманное время многіе, конечно, назовутъ нелѣпою: Питтакъ присуждалъ къ двойному наказанію за проступки, совершаемые въ пьяномъ видѣ. Мителенцы, вообще довольные правленіемъ Питтака, предложили ему быть ихъ государемъ. Въ надеждѣ принести согражданамъ посильную пользу, будучи верховнымъ правителемъ, Питтакъ принялъ ихъ предложеніе и мителенцы блаженствовали подъ его скипетромъ. По прошествіи десяти лѣтъ мудрецъ добровольно сложилъ съ себя царскій санъ. Тщетно его умоляли властвовать въ Мителене пожизненно. „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ;—„десять лѣтъ я былъ отцомъ моихъ подданныхъ, и этого достаточно... Опасаюсь, чтобы не сдѣлаться тираномъ!“. Въ награду мудрецу за его правленіе сограждане предложили ему около сотни десятинъ земли, но онъ, довольствуясь десятой долею, сказалъ имъ: „Принятіемъ этого дара, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ вы мнѣ его предлагаете, я бы обидѣлъ васъ, точно также, какъ обидѣлъ бы и отказомъ... Не лучше ли довольствоваться немногимъ, не обижая никого?“

Однажды къ нему пришелъ юноша за совѣтомъ, на которой изъ двухъ невѣстъ жениться? Обѣ молоды, красивы; но одна богата—другая бѣдна, а самъ онъ тоже недостаточнаго состоянія.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь у меня совѣта, который тебѣ можетъ дать и малый ребенокъ? отвѣчалъ мудрецъ.

— Я тебя не понимаю...

— А вотъ, видишь ли тамъ, ребятишки играютъ въ кубари?.. Подойди къ нимъ и спроси, кто какой себѣ кубарь выбираетъ.

Юноша повиновался и вмѣстѣ съ Питтакомъ, подойдя къ играющимъ, спросилъ одного изъ нихъ, какой онъ выбираетъ кубарь? Тотъ, который ко мнѣ поближе, отвѣчалъ мальчикъ.

— И подражай ему при выборѣ невѣсты! досказалъ мудрецъ.

Про афоризмы и апоѳегмы Питтака можно сказать тоже что мы уже говорили объ изрѣченіяхъ Солона: онѣ выдохлись за давностью времени и сдѣлались общими мѣстами, достояніемъ прописей и книгъ для дѣтскаго чтенія. Вотъ для образчика нѣкоторыя изъ нихъ:

— Что всего невѣрнѣе? Будущее. Что всего полезнѣе? Правосудіе. Благоразуміе должно предвидѣть бѣдствіе, но истинное мужество состоитъ въ томъ, чтобы его переносить.—Не отзывайся дурно даже о своихъ врагахъ.—Чти правду.—Не будь посредникомъ между двумя твоими друзьями когда они спорятъ.—Ничего лишняго; и т. д.

Питтакъ скончался въ 579 г. до Р. Хр. на роднпѣ своей, которой онъ не покидалъ всю свою жизнь. Онъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ прочими мудрецами, а въ послѣдніе годы жизни любилъ бесѣдовать со своими учениками, изъ которыхъ особенно прославился Ферекидъ, біографія котораго не лишена интереса.

Ферекидъ родился въ 600 г. до Р. Хр. на Скиросѣ, одномъ изъ острововъ Кикладскихъ. Отецъ его Бабитъ, или Вавитъ, имѣлъ средства дать ему хорошее образованіе. Особенно прилежно Ферекидъ занимался естественными науками по книгамъ финикійскимъ. Іосифъ Флавій говоритъ, что онъ для дальнѣйшаго усовершенствованія себя въ познаніяхъ, ѣздилъ въ Египетъ и былъ посвященъ жрецами въ тамошнія таинства [1]). По возвращеніи на родину Ферекидъ поселился на островѣ Самосѣ и здѣсь открылъ школу, со всѣхъ концовъ Греціи привлекавшую любознательныхъ

[1]) Все это происходило, разумѣется, послѣ смерти Питтака, ибо Ферекиду было только 21 годъ когда учитель его умеръ.

юношей. Въ числѣ ихъ находился, впослѣдствіи прославившійся, Пиѳагоръ. Слушателямъ своимъ Ферекидъ внушалъ мысли о единствѣ Бога и о безсмертіи души, стараясь доказать примѣрами изъ окружающей природы, что конечнаго разрушенія нѣтъ, а существуетъ только видоизмѣненіе какъ живыхъ существъ, такъ и неодушевленныхъ предметовъ. Со смертью не можетъ окончиться бытіе души и оно должно продолжаться послѣ прекращенія бытія тѣла. Время и міръ, какъ училъ Ферекидъ — безконечны; міръ же сотворенъ волею божіею изъ вещества или матеріи силою любви, такъ какъ въ любви — творческая сила. Составъ міра тройственный: 1) душа, великій Офіоней (Богъ, котораго Ферекидъ олицетворялъ въ видѣ змѣи — символа премудрости), 2) вещество, 3) любовь, связующая душу съ веществомъ. Въ любви тайна жизни всего живущаго въ мірѣ.

Познанія Ферекида въ естественныхъ наукахъ были, по истинѣ, необъятны. Первый изъ грековъ онъ дѣлалъ наблюденія надъ фазисами луны и измѣрялъ величину солнца. Діогенъ Лаэрцій видѣлъ въ Магнезіи гномонъ, который употреблялъ Ферекидъ при своихъ астрономическихъ занятіяхъ. Однажды, увидя въ морѣ корабль, онъ предугадалъ по его ходу, что тотъ не дойдетъ до берега, что̀ дѣйствительно случилось. По вкусу воды, зачерпнутой въ колодцѣ, философъ предсказалъ землетрясеніе, бывшее послѣ того черезъ три дня. Друга своего Филикрона онъ предупреждалъ, чтобы тотъ переселился изъ Мессины, предрекая ея взятіе непріятелемъ; Филикронъ не послѣдовалъ его совѣту и попался въ плѣнъ. Современная наука отрицаетъ примѣты и повѣрья, смѣясь надъ ними; однако же нельзя отвергать, что въ природѣ существуетъ великое множество явленій, до нынѣ еще не изслѣдованныхъ съ должнымъ вниманіемъ. Къ числу таковыхъ можно отнести народныя примѣты бѣдственныхъ событій, основанныя на инстинктѣ животныхъ. Можетъ ли наука разгадать, напримѣръ, почему предъ особенно лютыми и продолжительными зимами муравьи запасаютъ большее количество пищи и глубже зарываются въ своихъ муравейникахъ? Почему осенью 1824 года, у насъ, въ Петербургѣ, мѣсяца за два до страшнаго наводненья, муравьи въ окрестностяхъ города миріадами всползали на вершины деревьевъ? Почему мыши и тараканы исчезаютъ изъ дому, которому угрожаетъ пожаръ; акула плыветъ за кораблемъ, на которомъ будетъ покойникъ; мухи и мошки появляются тучами въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ бываютъ повальныя болѣзни? Подобныхъ вопросовъ мы можемъ набрать тысячи, но люди ученые отвѣтятъ намъ только презрительной усмѣшкой... Усмѣшка не отвѣтъ.

О смерти Ферекида существуетъ два преданія: одно гласитъ, что онъ въ преклонныхъ лѣтахъ скончался въ Магнезіи; по словамъ другаго, идучи въ Дельфійскій храмъ онъ упалъ съ горы Корциры и до смерти убился.

Изъ древнихъ авторовъ о жизни и ученіи Ферекида писали: Діогенъ Лаэрцій (De vita philosophorum libri decem), Флавій Іосифъ, Цицеронъ (Tuscalan. lib 1 cap. 16) и многіе другіе. Предѣлы нашего труда не позволили намъ воспользоваться обширнѣйшими выписками изъ этихъ авторовъ, но въ показаніи времени, въ которое жили Хилонъ, Ѳалесъ, Питтакъ и Ферекидъ, мы нашли странные анахронизмы. Такъ нѣкоторые историки годомъ смерти Питтака показываютъ 470 годъ до Р. Х., говоря въ то же время, что онъ удостоенъ былъ прозвища мудреца въ 582 г. до Р. Х. слѣдовательно жилъ па свѣтѣ около 150 лѣтъ. Ученикъ его Ферекидъ—учитель Пиѳагора родился (какъ показано и у насъ) въ 600 г. до Р. Х., а между тѣмъ находимъ у Плинія (Исторія міра кн. II гл. 6), что Пиѳагоръ производилъ наблюденія надъ планетою Венеры въ періодъ 42 олимпіады, 142 г. отъ основанія Рима, т. е. въ 611 г. до Р. Х. за одиннадцать лѣтъ до рожденія своего учителя. Эти промахи служатъ только доказательствами какъ плохо разработана древняя хронологія, что̀ весьма немудрено при сбивчивости лѣтосчисленія древнихъ: у грековъ по олимпіадамъ, у римлянъ отъ основанія Рима и т. д. При всемъ желаніи придерживаться хронологическаго порядка, мы по неволѣ повторяемъ ошибки авторовъ, сочиненія которыхъ служатъ вамъ матеріалами при нашемъ трудѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Періандръ.—Его воцареніе.—Заботы о подданныхъ.—Ихъ неблагодарность.—Совѣтъ Өрасивула.—Казни.—Идолъ Юпитера.—Убіеніе жены.—Ликофронъ.—Его изгнаніе и убіеніе.—Месть Періандра.—Его смерть.—Безнравственный афоризмъ.—Віасъ.—Его понятія о Богѣ.—Дальнѣйшая участь мудреца.—Почести оказанныя его памяти.—Изреченія.—Клеобулъ.—Его афоризмы.—Мизонъ и Хилонъ.—Анахарзисъ.—Дружба съ Солономъ.—Нравственныя правила.—Убіеніе Анахарзиса.—Замѣтка о преобразованіяхъ.—Сочиненіе Бартелеми.—Анаксимандръ.—Его изобрѣтенія и открытія.—Анаксименъ.—Основы его ученія.—Философы и жрецы.—Причины вражды между ними.—Язычество и ученіе о единствѣ божества.

Періандръ, сынъ и преемникъ Кипсела, тирана коринескаго и похитителя престола Вакхіадовъ, жилъ—по всѣмъ вѣроятностямъ—въ VII вѣкѣ до Р. Х., такъ какъ былъ современникомъ Солона; но въ которомъ году именно воцарился—это вопросъ до нынѣ не рѣшенный и отвѣты на него разнорѣчивы. Нѣкоторые историки доказываютъ, что Періандръ восшелъ на престолъ въ 4 годѣ XXVI Олимпіады (633 г. до Р. Х.), другіе относятъ это восшествіе къ 627—598—585—545 годамъ; третьи, наконецъ, утверждаютъ, что Періандръ личность вымышленная, никогда не существовавшая. Послѣдній способъ рѣшать историческіе вопросы, если и не остроуменъ, то весьма легокъ и общедоступенъ. Стереотипная фраза исторіографовъ: „покрыто мракомъ неизвѣстности“ весьма многихъ избавляетъ отъ труда мысленно переноситься въ отдаленныя области вѣковъ давно минувшихъ. Вѣря болѣе сказаніямъ Діогена Лаэрція, нежели фантазіямъ ученыхъ скептиковъ, возвращаемся къ біографіи Періандра. Первые годы своего царствованія онъ снискалъ прозвище мудраго и благодѣтельнаго государя. Полагая благо подданныхъ въ ихъ умственномъ развитіи,

Періандръ покровительствовалъ ученымъ, художникамъ, промышленникамъ и торговцамъ; содержалъ войско и сильный флотъ, не для завоеваній чужихъ областей, а единственно для охраненія своихъ собственныхъ. Старался водворить правду въ судахъ, внушая судьямъ уваженіе, а народу—довѣріе къ законамъ. Эти разумныя и гуманныя мѣропріятія не могли примирить съ Періандромъ завистливыхъ олигарховъ. Послѣдніе не могли ему простить похищенія власти у Вакхіадовъ, разумѣется не столько изъ любви къ справедливости, сколько изъ зависти; такъ какъ каждый вельможа питалъ въ душѣ несбыточную надежду свергнувъ Періандра занять его мѣсто. Эти злодѣи начали подкапываться подъ него самымъ вѣрнымъ для того орудіемъ—клеветою. Распространяя въ народѣ лживые слухи о какихъ-то опасныхъ замыслахъ тирана они возбуждали въ черни неосновательный ропотъ, мало по малу перешедшій въ мятежъ. Усмиреніе его принудило Періандра прибѣгнуть къ силѣ и этимъ онъ по неволѣ оправдалъ прозвище жестокосердаго, данное ему крамольными олигархами. Ихъ коварство и народная неблагодарность озлобили Періандра и онъ дѣйствительно сдѣлался тираномъ для своихъ подданныхъ. Отъ строгости къ несправедливости одинъ только шагъ. Окруженный заговорщиками, утомленный борьбою съ мятежниками, Періандръ обратился за совѣтомъ къ Өрасивулу, тирану милетскому. Вмѣсто всякаго совѣта, Өрасивулъ повелъ его на поле засѣянное хлѣбомъ и хлыстомъ началъ сбивать головки у высокихъ колосьевъ, сравнивая ихъ съ низкорослыми... Періандръ понялъ намекъ и усердно принялся казнить и ссылать коноводовъ народныхъ мятежей. Вмѣстѣ съ головами виновныхъ, подъ топоръ палача попадали головы и невинныхъ, что, по мнѣнію Періандра, должно было внушать тѣмъ большій ужасъ его подданнымъ... Но онъ упустилъ изъ виду, что вмѣстѣ съ ужасомъ, въ народѣ возрастала и ненависть. Было время, Періандръ любилъ подданныхъ какъ дѣтей, а теперь онъ и собственное свое семейство возненавидѣлъ какъ подданныхъ: въ женѣ своей и въ сынѣ онъ видѣлъ заговорщиковъ, умышлявшихъ на его жизнь: ихъ ласки казались ему сѣтями, разставляемыми ему на погибель. Истребивъ въ своемъ сердцѣ чувства жалости и справедливости, Періандръ выказывалъ удивительную изобрѣтатель-

ность при наказаніи мятежниковъ. Усмиривъ одинъ изъ многочисленныхъ бунтовъ онъ, въ изъявленіе благодарности богамъ, приказалъ отлить золотую статую Юпитера изъ браслетовъ, колецъ, серегъ и ожерельевъ, отнятыхъ у всѣхъ женщинъ Коринѳа — правыхъ и виноватыхъ. Этотъ дешевый способъ благодарить боговъ чужимъ добромъ въ послѣдующіе вѣка нашелъ многочисленныхъ послѣдователей между многими тиранами даже и не идолопоклонниками. Папы римскіе, точно такимъ же образомъ, на доброхотныя приношенія сооружали христіанскіе храмы, снаряжали легіоны крестоносцевъ и наполняли собственную казну. Статуя Юпитера отлитая Періандромъ изъ награбленнаго золота, въ рукахъ Урбановъ и Григоріевъ была переплавлена въ такъ называемый динарій св. Петра!

Женою Періандра была Мелисса, дочь Прокла, тирана Эпидаврскаго, жившаго во дворцѣ у зятя. Красавица собою, кроткая, умная — Мелисса, не смотри на то, что была уже не молодыхъ лѣтъ, обращала на себя вниманіе молодежи, изъ которой весьма многіе (и разумѣется тщетно) домогались ея взаимности. Двадцать лѣтъ Періандръ прожилъ съ нею въ добромъ согласіи; на двадцать первый годъ сталъ неосновательно ревновать жену и часто ссориться съ нею. Однажды, во время ссоры, Періандръ, въ запальчивости, ударилъ ее ногою въ животъ и убилъ ее на мѣстѣ. Кромѣ Бога, инаго свидѣтеля этого злодѣйства не было. Періандръ, оплакивалъ жертву своего бѣшенства, похоронилъ ее съ должными почестями, въ полной увѣренности, что вмѣстѣ съ женою зарылъ и правду въ могилу — но жестоко ошибся: правда не горитъ въ огнѣ, не тонетъ въ водѣ, не хоронится въ землю; подобно басословному фениксу она воскресаетъ изъ пепла, всплываетъ со дна моря, возникаетъ изъ нѣдръ земныхъ... Эту простую истину мудрецъ упустилъ изъ виду. Сынъ его Ликофронъ, нѣжно любившій покойную свою мать, узналъ отъ своего дѣда, Прокла, о настоящей причинѣ смерти Мелиссы и возненавидѣлъ отца. Періандръ, внутренно сознавая, что Ликофронъ правъ, изгналъ его и Прокла изъ Коринѳа, запретивъ обоимъ показываться къ нему на глаза, подъ опасеніемъ смертной казни. Ликофронъ повиновался. Онъ могъ присоединись къ заговорщикамъ поднять противъ

отца знамя мятежа и свергнуть его съ престола; могъ — и по тогдашнимъ понятіямъ былъ бы правъ — умертвить Періандра рукою наемнаго убійцы... но ни одна изъ этихъ чудовищныхъ мыслей не пришла въ голову великодушному юношѣ и онъ, послѣ нѣсколькихъ дней скитанья по окрестностямъ Коринѳа возвратился въ городъ и былъ найденъ на улицѣ чуть живой отъ голода и усталости. При вѣсти о возвращеніи сына, Періандръ въ восторгѣ поспѣшилъ къ нему и осыпая поцѣлуями и окропляя его слезами умолялъ забыть прошедшее и примириться. Неумѣстно упрямый Ликофронъ отвѣчалъ ему упреками и напомнилъ о томъ, что самъ же тиранъ, изгоняя его, запретилъ возвращаться въ Коринѳъ. На минуту размягченное сердце Періандра ожесточилось болѣе прежняго и онъ приказалъ отправить сына въ ссылку на островъ Корциру.

Годы уходили. Одинокій, всѣмъ ненавистный Періандръ, подобно своему народу удрученный бременемъ власти, рѣшился сложить ее и возведя на престолъ своего сына изгнанника поселиться на Корцирѣ и здѣсь мирно дожить свой вѣкъ. Жители острова, извѣщенные о намѣреніи Періандра, обезумѣвъ отъ ужаса, убили Ликофрона, надѣясь этимъ злодѣйствомъ избавиться отъ изверга... Странный способъ избавляться отъ мнимой опасности, накликая на себя бѣдствіе неминуемое! Отъ дожди, жители Корциры, спрятались въ воду; желая перепрыгнуть черезъ яму — попали въ пропасть. Періандръ прибылъ къ нимъ на островъ какъ судія и палачь и, мстя за сына, ознаменовалъ свое прибытіе лютѣйшими казнями и истязаньями. Убійцы, ихъ сообщники и родственники погибли; но Періандръ этимъ не довольствовался: наказавъ виновныхъ онъ обрушилъ свое мщеніе и на правыхъ. По его повелѣнію 300 знатвѣйшихъ отроковъ были отправлены на кораблѣ въ Лидію, въ подарокъ тамошнему царю, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ превратилъ ихъ въ евнуховъ. Къ счастію для этихъ будущихъ страдальцевъ буря занесла корабль, на которомъ ихъ везли, къ берегамъ Самоса. Здѣсь они укрылись отъ мщенія Періандра и спокойно дожили до дня его смерти. Съ нимъ пресѣклась династія Кипселидовъ; онъ же царствовалъ 42 года (слѣдовательно умеръ въ 585—591—556—543 или 503 г. до

Р. Х.). По словамъ Діогена Лаэрція, престарѣлый Періандръ, не имѣя духу убить себя своеручно, призвавъ двухъ палачей въ сумерки послалъ ихъ въ уединенное мѣсто, съ приказаніемъ умертвить перваго прохожаго, и когда палачи придя туда, спрятались въ засаду, вслѣдъ за ними пришелъ закутанный въ хламиду Періандръ и палъ подъ ихъ ударами.

Изъ этого очерка читатель можетъ вывести весьма справедливое заключеніе, что Періандръ всего менѣе достоинъ прозвища мудреца: тоже думали о немъ многіе древніе историки, причисляя къ семи мудрецамъ, вмѣсто коринѳскаго тирана: Ласса, Мизона или Книлона. Противники этого мнѣнія отстаиваютъ права Періандра, указывая на собраніе его изрѣченій—въ числѣ 2000 сентенцій, пословицъ и апоѳегмъ. Судя по нѣкоторымъ изъ нихъ, Періандра, пожалуй, можно назвать мудрецомъ съ изнанки, т. е. проповѣдникомъ безнравственности: не истину, но безстыдную ложь возводившимъ въ догматъ. Подобныхъ правилъ придерживались іезуиты и высокоумные дипломаты -между прочими Талейранъ и Меттернихъ. Если они мудрецы, тогда и Періандръ мудрецъ. Изъ 2000 изрѣченій представляемъ одно, которое между ними можно назвать ложкою дегтю въ бочкѣ меду.

— Данное слово нарушай, если видишь въ томъ собственную твою выгоду.

Правило, кажется, гнусное, а между тѣмъ, донынѣ, сколько тысячъ людей ему слѣдуютъ. Послѣ этого, еще ли Періандръ коринѳскій не заслуживаетъ именоваться не только мудрецомъ, но даже и безсмертнымъ—на ряду съ Платономъ и Сократомъ?

Віасъ или Віантъ уроженецъ Пріенскій (въ Іоніи) жилъ въ 570 г. до Р. Х. и съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя изученію философіи и юриспруденціи; отличался здравомысліемъ, пламенной любовью къ правдѣ, честностью и многими другими высокими душевными качествами. Когда друзья спрашивали его мнѣнія о божествѣ, онъ отвѣчалъ имъ:

— Знаю и вѣрую, что есть Богъ единый и воздерживаюсь отъ всякихъ мудрствованій именно потому, что въ сознаніи слабости ума человѣческаго передъ Богомъ вижу истинную мудрость!

Желая приносить посильную пользу согражданамъ, Віасъ посвятилъ себя адвокатурѣ, и каждое дѣло въ его рукахъ, если только оно было правое (за неправыя онъ и не брался) непремѣнно выигрывалось. Онъ отстаивалъ своихъ кліентовъ такъ, какъ храбрый воинъ отстаиваетъ родную землю отъ вторженія иноплеменниковъ и грудью стоялъ за правду. Половину своего состоянія Віасъ употребилъ на выкупъ дѣвицъ мессенійскихъ изъ плѣна у морскихъ разбойниковъ и на выдачу каждой изъ нихъ замужъ съ порядочнымъ приданымъ. Завоеваніе царства Лидійскаго Киромъ персидскимъ встревожило іонійцевъ и они собрались въ Паніоніумѣ на народное вѣче, для обсужденія мѣропріятій противъ возможныхъ покушеній завоевателя на ихъ край. Віасъ, называя всякое вооруженное сопротивленіе безуміемъ, предложилъ согражданамъ переселиться на островъ Сардинію. Это предложеніе не было принято, въ чемъ іонійцы вскорѣ раскаялись, такъ какъ персидскія войска подъ предводительствомъ Мазарета вторглись въ ихъ области и всѣхъ жителей захватили въ плѣнъ. Персидскій военачальникъ каждому изъ нихъ позволилъ взять съ собою въ неволю всѣ свои сокровища. Віантъ явился съ пустыми руками и простодушно сказалъ поработителямъ:

— Все мое—при мнѣ.

Эта фраза, несправедливо приписываемая Діогену — цинику, произвела на Мазарета такое глубокое впечатлѣніе, что онъ далъ свободу Віасу и его согражданамъ наложивъ на нихъ легкую дань и удалился изъ предѣловъ іонійскихъ.

Мирно, безукоризненно Віасъ дожилъ до глубочайшей старости и заснулъ вѣчнымъ сномъ въ судѣ, положивъ голову на плечо своего внука. Сограждане мудреца посвятили его памяти ограду Тавталійскую близъ Пріены, въ чертѣ которой Віасъ былъ погребенъ и это мѣсто долгое время почиталось священнымъ. Такъ со своими усопшими мудрецами и героями поступали древніе индусы, китайцы, персы и вообще народы востока [1]). Они вѣровали,

[1]) См. Томы I, II, III и IV Исторіи религіи. Кромѣ этого обычая, великое ихъ множество перешло въ Грецію съ востока.

что душа усопшаго незримо носится надъ мѣстомъ погребенія бренной своей оболочки.

Кромѣ поэмы, содержавшей въ себѣ наставленія правителямъ Пріены, Віасъ оставилъ согражданамъ собраніе нравственныхъ изрѣченій, между которыми замѣчательны слѣдующія:

— Каждый другъ будущій врагъ; каждый врагъ — бывшій другъ: будь же остороженъ съ друзьями.

— Не берись за роль посредника между двумя поссорившимися друзьями: въ оправданномъ наживешь себѣ друга, въ обвиненномъ— врага.

— Во время бури на морѣ, находясь на кораблѣ, не призывай боговъ, чтобы не накликать смерти на свою голову: боги сами отыщутъ грѣшника.

Клеовулъ, сынъ и преемникъ тирана родосскаго, изъ племени Гераклидовъ (потомковъ Геркулеса), прославился, въ одинаковой степени, какъ мудростью, такъ и красотой. Въ юныхъ годахъ ѣздилъ въ Египетъ и тамъ учился философіи у жрецовъ; былъ друженъ съ Солономъ (639—559 г. до Р. Х.). Года его смерти не означаемъ, по той уважительной причинѣ, что не полагаемся на точность древней хронологіи; представлять же читателю цѣлый рядъ цифръ, съ ссылками — которую изъ нихъ какой именно ученый считаетъ вѣрною, полагаемъ трудомъ утомительнымъ и безполезнымъ. Съ духомъ ученія Клеовула можно ознакомиться по слѣдующимъ его изрѣченіямъ:

— Знай мѣру во всемъ.

— Благодѣянія оказываемыя друзьямъ упрочиваютъ дружбу;— оказываемыя врагамъ ведутъ къ примиренію.

— Выходя за порогъ твоего дома думай о томъ что дѣлаешь возвращаясь домой пораздумай о томъ что сдѣлалъ.

— Въ одинаковой степени развивай душевныя и тѣлесныя силы: тѣ и другія будутъ здоровы.

— Больше слушай, меньше говори: на то у тебя два уха и одинъ языкъ.

— При постороннихъ не ласкайся къ своей женѣ и не ссорься съ нею: первое—неприлично, второе—глупо!

Правило прекрасное; но неужели мудрецъ не зналъ, что при

постороннихъ, женъ своихъ ласкаютъ всегда именно тѣ мужья, которые наединѣ съ женами, не только ссорятся, но и дерутся съ ними?

Мизонъ и Хилонъ снискали прозвища мудрецовъ единственно за то, что жили между глупцами: такъ и кривой, между слѣпыми, можетъ назваться зрячимъ. Несравненно болѣе вниманія заслуживаетъ принадлежащій къ группѣ мудрецовъ ихъ современникъ и другъ—скиѳъ Анахарзисъ.

Младшій сынъ скиѳскаго царя Гнуроса и жены его, гречанки, Анахарзисъ съ юныхъ лѣтъ изучилъ языкъ Эллады и владѣлъ имъ какъ отечественнымъ. Подобно нашему Петру великому, скиѳскій царевичъ отправился путешествовать въ чужіе края для изученія законовъ, гражданскаго благоустройства, нравовъ и достойныхъ подражанія обычаевъ. Все это онъ обрѣлъ въ Греціи. Въ Аѳины онъ прибылъ въ то время, когда Солонъ трудился надъ составленіемъ своихъ законовъ. Плутархъ говоритъ, что Анахарзисъ, придя къ законодателю, объявилъ ему о своемъ желаніи, пріобрѣсти въ немъ вѣрнаго и добраго друга.

— Не лучше-ли, отвѣчалъ Солонъ, обзаводиться друзьями у себя на родинѣ, нежели искать ихъ на чужбинѣ?

— Потому-то вы и можете быть мнѣ другомъ, возразилъ Анахарзисъ — такъ какъ вы сами не на чужбинѣ.

Эта фраза до того понравилась Солону, что онъ принялъ скитальца въ свой домъ и въ короткое время полюбилъ его. Отличительною чертою характера Анахарзиса была откровенность, давшая грекамъ поводъ сложить пословицу о прямодушныхъ людяхъ: „онъ говоритъ какъ скиѳъ.“ Солонъ бесѣдовалъ и совѣщался съ Анахарзисомъ о своихъ законахъ и неоднократно давалъ ему возможность присутствовать на народныхъ собраніяхъ, на которыхъ большинствомъ голосовъ рѣшали какой законъ принять, какой—отринуть.

— Не могу не подивиться, замѣтилъ онъ при этомъ, что въ Греціи глупцы обсуждаютъ вопросы, предлагаемые имъ мудрецами!

Бесѣды съ Солономъ и другими мудрыми мужами изощряли свѣтлый разумъ Анахарзиса, всегда самостоятельный и чуждый духа подражанія. Полагая воздержность первымъ условіемъ физи-

ческаго и нравственнаго здоровья, Анахарзисъ особенно осуждалъ пьянство и былъ заклятымъ врагомъ вина. Онъ говаривалъ, что на виноградной лозѣ выростаетъ три плода: удовольствіе, пьянство и раскаяніе. Лучшимъ средствомъ для удержанія отъ пьянства полагалъ выставленіе на всеобщій позоръ одурѣлыхъ и спившихся съ кругу пьяницъ. Другою общественною язвою Анахарзисъ называлъ борьбу атлетовъ. „Греческіе законы говорилъ онъ — „караютъ обидчиковъ и, въ тоже время, поощряютъ атлетовъ увѣчущихъ и убивающихъ другъ друга!"

— Какой ядъ — опаснѣйшій? спросилъ кто-то у мудреца.

— Елей, которымъ атлеты натираютъ себѣ тѣло, отвѣчалъ онъ — ибо отъ него становятся бѣшеными.

Въ другой разъ онъ самъ спросилъ собесѣдника: какая толщина у корабельныхъ стѣнъ? — Четыре перста. — Таково разстояніе между мореходомъ и смертію, замѣтилъ Анахарзисъ и досказалъ: по моему, надежнѣйшій корабль тотъ, который стоитъ у берега.

Изъ прочихъ изрѣченій и отвѣтовъ Анахарзиса достойны замѣчанія слѣдующія:

— Соблюдай мѣру въ словахъ, въ пищѣ и въ любви.

— Что въ человѣкѣ всего лучше и всего хуже? — Языкъ.

Какой-то грекъ, думая унизить Анахарзиса, назвалъ его скиѳомъ и бранилъ его родину. „Знаю", отвѣчалъ мудрецъ, „что моя родина такъ же мало приноситъ мнѣ чести, какъ и ты своей родинѣ."

Въ другой разъ, на пиршествѣ одинъ изъ гостей сказалъ Анахарзису дерзость. „Юноша", возразилъ Анахарзисъ — „теперь ты не умѣешь переносить винныхъ паровъ; придетъ время будешь носить воду."

Обогащенный разнородными познаньями, Анахарзисъ изъ Греціи отбылъ на родину, съ благой цѣлью просвѣтить ее, преобразовать бытъ согражданъ и смягчить ихъ нравы... Всякая реформа въ общественномъ или административномъ строѣ одного государств по образцу другаго — тоже самое, что пересадка растенія одного климата подъ другое небо и на иную почву: условій къ тому, чтобы растеніе принялось — безчисленное множество. Конституція древнихъ Аѳинъ точно также была непримѣнима къ нравамъ

дикихъ скиѳовъ, какъ была бы непримѣнима пересадка маслины на суровую почву сѣвера. Преобразованія Анахарзиса возбудили въ его соотечественникахъ ненависть, свирѣпое упрямство и на народномъ собраніи, однимъ изъ приверженцевъ старыхъ порядковъ, Анахарзисъ былъ убитъ. Тѣмъ окончилась попытка мудреца превратить скиѳовъ въ эллиновъ. Такъ впослѣдствіи времени у насъ въ Россіи, при Петрѣ великомъ, его реформы вызвали мятежи стрѣльцовъ, раскольниковъ и приверженцевъ старины, не желавшихъ превратиться въ голландцевъ. Думая прежнихъ дикихъ звѣрей превратить въ людей изъ своихъ подданныхъ, Петръ, на первый случай, превратилъ ихъ только въ обезьянъ и предки наши въ теченіе почти цѣлаго вѣка, переставъ быть русскими рабски подражали европейцамъ [1]), полагая европеизмъ въ ношеніи французскаго кафтана, въ коверканіи нѣмецкихъ словъ на русскій ладъ, въ замѣнѣ червонцевъ роднаго слова иностранными, мѣдными жетонами. Техническіе термины въ морскомъ и сухопутномъ дѣлѣ, въ администраціи, въ промышленности, въ наукахъ, искуствахъ — мы заимствовали съ англійскаго, голландскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ; съ послѣдняго же — названія чиновъ военной и гражданской іерархіи и съ того времени нашъ родной языкъ сталъ похожъ на парчевую ткань съ мишурными заплатками.

Изъ всѣхъ біографовъ Анахарзиса, древнихъ и новѣйшихъ временъ, ни одинъ не выполнилъ предпринятой имъ задачи такъ успѣшно какъ аббатъ Бартельми (1716—1795), посвятившій этому добросовѣстному и въ высшей степени любопытному труду тридцать лѣтъ жизни. Изданіе этой книги (Voyage du jeune Anacharsis. P. 1788 IV vol. in 4°) было принято французами съ восторгомъ, и сочиненіе Бартелеми, переведенное почти на всѣ европейскіе языки долгое время пользовалось заслуженнымъ вниманіемъ просвѣщенной Европы. Нынѣ подобныя сочиненія ставятся

---

[1]) При Петрѣ Великомъ высшимъ идеаломъ человѣка у насъ былъ голландецъ; при Екатеринѣ I, Петрѣ II, и Аннѣ — нѣмецъ; при Елисаветѣ — французъ и итальянецъ; при Петрѣ III опять нѣмецъ и только при Екатеринѣ II началось, по немножку обрусѣніе Россіи.

(не читавшимъ ихъ) несравненно ниже издѣлій какихъ нибудь Жюля Верна или доктора Дебэ... Alia tempora!

Анаксимандръ, ученикъ и соотечественникъ Ѳалеса, родился въ 3 годъ XLII Олимпіады (610 г. до Р. Х.) и прославился глубокими своими познаніями въ космографіи и въ математикѣ. Имъ изобрѣтены были гномонъ и глобусы земной и небесный; онъ же впервые ввелъ во всеобщее употребленіе черченіе геометрическихъ фигуръ; кромѣ того доказалъ косость эклиптики и, по словамъ Плинія (Ист. міра кн. II гл. 6), раздѣлилъ ее на 12 частей, означивъ каждую изъ нихъ соотвѣтствующимъ знакомъ зодіака. Безконечность (апейронъ) по ученію Анаксимандра начало всему; она вмѣщаетъ въ себѣ безчисленное множество міровъ, которые кажутся намъ болѣе или менѣе яркими звѣздами. Небо содержитъ въ себѣ тепло и холодъ, воздухъ и огонь. Солнце находится въ высочайшей области неба и имѣетъ видъ колеса, окружность котораго въ двадцать восемь разъ болѣе окружности всей земли. Вращаясь на тверди оно, въ видѣ струй, испускаетъ изъ себя свѣтъ и огонь, сообщая ихъ и звѣздамъ. Луна, то же колесо подобное солнцу, но ея окружность только въ девятнадцать разъ превосходитъ окружность земли. По мѣрѣ поворотовъ луны бокомъ—измѣняются ея фазисы: когда же она становится ребромъ къ землѣ — наступаютъ затмѣнія. Земля есть средоточіе міра; она неподвижна, но планеты и звѣзды вращаются вокругъ нея. Хотя ученіе Анаксимандра, какъ видимъ, во многихъ своихъ пунктахъ ошибочно, оно, во всякомъ случаѣ, разумнѣе бредней миѳологическихъ; по крайней мѣрѣ Анаксимандръ называетъ солнце огненнымъ колесомъ—а не Аполлономъ; луну не величаютъ Діавою или Артемизою. Этотъ знаменитый ученый умеръ во 2 годъ LVIII Олимпіады (546 г. до Р. Х.) на 64 году отъ рожденія.

Анаксименъ, сынъ Эврістрата, былъ современникомъ и ученикомъ Анаксагора. Началомъ всего видимаго и невидимаго онъ называлъ воздухъ—вещество чистѣйшее, неистощимое, порчѣ не подверженное, вѣчное, постоянно движущееся. Изъ воздуха произошли: земля, вода и огонь. Звѣзды—тѣла землянисто-огненныя, висящія въ воздухѣ. Солнце и луна—свѣтозарныя диски, т. е. имѣютъ видъ плоскихъ круговъ, точно также какъ и земля. Послѣдняя, вслѣдствіе равномѣрнаго давленія воздуха сверху и снизу, виситъ въ пространствѣ вселенной и не падаетъ въ это безконечное пространство. Въ исторіи астрономіи имя Анаксимена занимаетъ почетное мѣсто за усовершенствованіе гномона (т. е. солнечныхъ часовъ), изобрѣтеннаго Анаксимандромъ.

Вокругъ каждаго изъ упомянутыхъ нами философовъ группировались многочисленные ученики, любознательные, большею частію молодые люди, враги тѣхъ обязательныхъ предразсудковъ, которые стараніями жрецовъ распространялись въ простомъ народѣ. Понятно, что на философовъ и на ихъ учениковъ, жреческая каста смотрѣла съ ненавистью и всѣми силами старалась уронить ихъ въ мнѣніи народной массы. Слова: „ученый“ и „философъ“ сдѣлались, наконецъ, синонимами безбожниковъ. Какъ и слѣдовало ожидать, вражда между жрецами и философами не замедлила. Распространеніе ученія о единствѣ божества было крайне невыгодно для служителей храмовъ и капищъ, для которыхъ безчисленное множество боговъ-спеціалистовъ составляло немаловажный доходъ съ легковѣрныхъ простяковъ. Философы, напримѣръ, проповѣдывали воздержаніе отъ объяденія и пьянства... не явный-ли подрывъ празднествамъ Комуса и Бахуса? Философы предостерегали учениковъ отъ распутства, а именно гнуснѣйшее распуство и играло главную роль въ таинствахъ Цереры, Киприды, Пана и Пріапа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Невѣжды и ученые.—Пиѳагоръ.—Его образованіе. — Прибытіе въ Кротону. — Чудесныя сказанія Эліана. — Ученіе Пиѳагора.—Значеніе чиселъ.—Гармонія вселенной.—Астрономическія открытія.—Первая община.—Правила для общинниковъ.—Діэтическія правила.—Странности ученія.—Книга золотыхъ стиховъ. — Пословицы. — Ученики Пиѳагора.—Идеализмъ и матеріализмъ.—Ксенофанъ.—Основаніе школы элеатической. — Космографія. — Доводы противъ многобожія. — Афоризмы о единствѣ божіемъ.—Достоинства и недостатки ученія Ксенофана.

Мы уже неоднократно говорили на страницахъ нашего труда,

что чѣмъ народъ неразвитѣе и невѣжественнѣе, тѣмъ болѣе въ немъ склонности къ чудесному и ко всему, такъ называемому, сверхъестественному. Не имѣя понятія о законахъ природы, изученіе которыхъ составляетъ цѣль естествознанія, невѣжды въ каждомъ феноменѣ, видятъ произволъ одной изъ двухъ силъ: или небесной или (такъ называемой) нечистой. Этотъ дикій взглядъ суевѣровъ распространялся встарь да и нынѣ распространяется и на геніальныхъ ученыхъ людей, посвятившихъ себя наукѣ. Искусный врачъ, даровитый физикъ или химикъ, въ былыя времена, непремѣнно пользовался нелестной репутаціей чернокнижника, пользующагося особеннымъ расположеніемъ духа тьмы. Но говоря о среднихъ вѣкахъ, укажемъ на нѣсколько личностей изъ новѣйшихъ временъ. Сто лѣтъ тому назадъ, графъ Сен-Жерменъ при дворѣ Людовика XV прослылъ за настоящаго волшебника, точно также какъ лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ него—графъ Каліостро. У насъ, въ простомъ народѣ, донынѣ ходятъ чудесные россказни про графа Брюса, автора астрономическаго календаря. Если Сен-Жерменъ и Каліостро эксплуатировали невѣжество современниковъ, этого отнюдь нельзя сказать про нашего Брюса, который всего менѣе домогался прозвища чародѣя. Еслибы, въ наше время, судьба забросила какого нибудь професора физики или химіи въ деревенскую глушь или даже въ уѣздный городишко и кто-либо изъ жителей увидалъ его опыты—нѣтъ сомнѣнія, что и онъ прослылъ бы за колдуна, имѣющаго сношенія съ нечистымъ духомъ. Удивляться ли послѣ этого, что за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ Греціи ученыхъ людей называли чуть не демонами и сочиняли о нихъ всякія небылицы въ лицахъ?

Къ числу таковыхъ принадлежитъ славный Пиѳагоръ, имя котораго извѣстно каждому школьнику, какъ имя изобрѣтателя во первыхъ—таблицы умноженія, а во вторыхъ геометрической задачи называемой пиѳагоровыми.... панталонами. Само собою разумѣется, что открытія великаго ученаго въ математикѣ двумя вышеупомянутыми открытіями не ограничивались: признавая математику—наукою всѣхъ наукъ, Пиѳагоръ во всемъ мірѣ божіемъ, въ каждомъ созданіи Всемогущаго—видѣлъ живое разрѣшеніе математической задачи. Такимъ образомъ онъ положилъ начало таинствен-

ной наукѣ чиселъ, впослѣдствіи времени превращенной въ кабалистику. По объясненію Пиѳагора, каждая цифра имѣетъ глубокое, символическое значеніе, о чемъ ниже мы поговоримъ подробнѣе; теперь же займемся его біографіей.

Пиѳагоръ, сынъ богатаго купца Мнеарха, родился на островѣ Самосѣ, въ которомъ именно году до Р. Х. донынѣ не опредѣлено съ точностью. По мнѣнію Лойда въ 3 годъ XLVIII Олимпіады (585 г. до Р. Х.), по показаніямъ Додуэля въ 4 годъ LII Олимпіады (568 г.), Ланеля и Фрере около 580 г. Біографіи Пиѳагора, составленныя его учениками — Аристоксеномъ, Гермипномъ, Ликономъ, Модератомъ Гадесскимъ и ученицею Ѳеано до насъ не дошли; его жизнеописаніе, составленное Діогеномъ Лаэрціемъ—сомнительно; сочиненія прочихъ біографовъ, между прочими Порфирія и Ямвлиха — пристрастны и наполнены баснями, выдуманными въ позднѣйшія времена послѣдователями его ученія. Обладая огромнымъ состояніемъ отецъ Пиѳагора имѣлъ возможность дать ему блестящее образованіе и для дальнѣйшаго усовершенствованія его въ наукахъ отправить Пиѳагора въ путешествіе по разнымъ царствамъ Азіи и по Египту. Пиѳагоръ посѣтилъ Финикію, Малую Азію, Мидію, Персію, Индію. Повсемѣстно жрецы допускали любознательнаго чужестранца въ свои бесѣды и посвящали въ таинства. Изучивъ астрономію у халдеевъ, математику и геометрію у финикіянъ, химію и медицину у жрецовъ Египта, Пиѳагоръ путешествовалъ по великой Греціи, гдѣ былъ удостоенъ высшихъ степеней при таинствахъ Орфея и Вакха. По возвращеніи на родину Пиѳагоръ открылъ на Самосѣ школу, въ которой обучалъ математикѣ, какъ наукѣ приготовительной для дальнѣйшаго образованія учениковъ. Слава философа возрастала день ото дня и когда онъ съ Самоса прибылъ въ Кротону, его встрѣтили тамъ какъ посланника боговъ и тысячи слушателей и слушательницъ, будто шумные рои пчелъ, стремились вслѣдъ за геніальнымъ учителемъ. Многіе называли его „божественнымъ" и съ языческой точки зрѣнія этотъ эпитетъ приличествовалъ Пиѳагору. Красота его лица, величіе всей фигуры, гармоническій голосъ и увлекательная рѣчь—всѣмъ и каждому внушали невольное уваженіе. Здѣсь кстати приведемъ нѣсколько сказаній о Пиѳагорѣ, записан-

ныхъ Эліаномъ [1]). Жители Кротоны прозвали Пиѳагора Аполлономъ Гиперборейскимъ. Его въ одинъ и тотъ же часъ видали многіе — въ Метапонтѣ и Кротонѣ. Однажды онъ показалъ народу свою лядвею изъ чистаго золота. Въ другой разъ съ высоты небесъ на него опустился бѣлый орелъ и, какъ ручной, ласкался къ нему. При переходѣ Пиѳагора чрезъ рѣку Козасъ (близь Латіума) съ неба раздавался голосъ, громко звавшій его по имени. Этотъ мудрецъ говорилъ кротонцамъ: „Начатки изъ которыхъ я созданъ чисты и до такой степени несокрушимы, что я безсмертенъ. Я присутствовалъ при осадѣ Трои и тогда духъ мой былъ одѣтъ тѣломъ Эвфорбія!" — Никто не осмѣливался выражать сомнѣнія въ истиннѣ словъ Пиѳагора (говоритъ при этомъ Эліанъ) и ему внимали будто вѣстнику боговъ.

До какой степени справедливы эти сказанія, предоставляемъ судить самому читателю. Перейдемъ къ ученію Пиѳагора.

Основою его мудрецъ полагалъ нравственное усовершенствованіе человѣка. Чистота тѣлесная, по его ученію — залогъ чистоты душевной. Воспитаніе въ правилахъ нравственности единственная и прочнѣйшая основа благополучія человѣческаго. Счастіе заключается въ спокойствіи совѣсти: спокойствіе же это достигается преодолѣніемъ страстей. Чѣмъ нравственность человѣка чище, тѣмъ онъ способнѣе приблизиться къ божеству. Огонь, теплота и свѣтъ — силы божественныя. Душа человѣческая — дуновеніе божіе: исходя отъ Бога она къ нему же возвращается, перемѣняя тлѣнныя оболочки. Души, судя по существамъ, дѣлятся на три разряда: одинъ — оживляетъ геніевъ, другой — гигантовъ, третій — людей обыкновенныхъ и низшихъ созданій. Творецъ, мудрый строитель міра и вселенной. Въ ней все подчинено правиламъ математическимъ. Монада или великая единица начало всему. Діада или двоица — символъ сочетанія двухъ силъ: дѣйствительной и страдательной; дающей и воспринимающей; мужественной и женственной. Тріада или троица — символъ Божества. Тетрада (четверня) — основа науки математики, число святое, совершеннѣйшее, изображающее имя творца и все мірозданіе (времена года, эпохи дня, страны свѣта, стихіи); въ числѣ 4 совмѣщаются всѣ творческія и производительныя силы природы. Семь святое число (сочетаніе божественной тріады и тріады всетворящей). Эннеада (девятка) первый квадратъ нечетныхъ чиселъ. Декада — символъ всей вселенной, т. е. сочетаніе единицъ въ стройное цѣлое.

[1]) Aelian: Hist. var. Кн. II гл. 26, Кн. IV гл. 17.

Планеты отдалены одна отъ другой на опредѣленныя разстоянія, называемыя тонами. Отъ земли до луны — цѣлый тонъ; отъ земли до Меркурія — пол-тона; столько же отъ Меркурія до Венеры; отъ Венеры до солнца — полтора тона; отъ солнца до Марса — цѣлый тонъ; отъ Марса до Юпитера — пол-тона; отъ Юпитера до Сатурна — тоже и отъ Сатурна до Зодіака — полтора тона. Эти семь тоновъ составляютъ полный гармоническій аккордъ вселенной. Въ движеніи своемъ Сатурнъ придерживается гаммы дорической, Юпитеръ — фригійской (Плиній: Ист. міра книга II гл. 20). По словамъ Плинія (кн. II гл. 6) Пиѳагоръ открылъ, что планета Венера предшествуетъ восходу и сопровождаетъ закатъ солнца. Въ первомъ случаѣ она называется Фосфоромъ или Люциферомъ (свѣтоносицею), во второмъ — Гесперомъ (вечерницею). Открытіе это сдѣлано было въ XLII Олимпіаду или въ 142 году отъ основанія Рима (т. е. въ 611 г. до Р. Х.).

Ученіе свое Пиѳагоръ проповѣдывалъ въ храмахъ, привлекая къ себѣ великое множество слушателей и послѣдователей. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ основалъ для помѣщенія учениковъ и учениць первую общину или, говоря языкомъ нашего времени — коммуну. Каждый поступившій въ нее обязывался внести въ общую кассу все свое состояніе и безусловно подчиниться уставамъ общины. Ученики и ученицы — соблюдая строжайшее цѣломудріе въ обоюдныхъ отношеніяхъ, были раздѣлены на два класса: низшій и высшій. Переходъ изъ перваго во второй былъ возможенъ только избраннымъ. Мѣсто избраній или общая аудиторія называлась Омахойонъ. Бесѣда мудреца съ учениками начиналась пѣніемъ гимновъ, за которымъ слѣдовало жертвоприношеніе Музамъ. Для обѣда, для прогулки, отдыха и сна были опредѣленые часы. Одежда общинниковъ состояла изъ бѣлоснѣжной туники. Опрятность была

первѣйшею обязанностью пиѳагорейца. Вино было изгнано изъ употребленія за трапезой. Строго воспрещалось ѣсть мясо палой скотины, сердце и мозги быкой а равно мясо бѣлыхъ пѣтуховъ — какъ птицъ посвященныхъ солнцу и пѣніемъ своимъ опредѣляющихъ время. Изъ овощей воспрещены были сумчатыя, въ особенности бобы и горохъ.

Передъ переводомъ въ высшую степень пиѳагорейцы подвергались многимъ испытаніямъ и, между прочими, на нихъ налагалось безмолвіе, болѣе или менѣе продолжительное (отъ одного года и до пяти лѣтъ). Удостоенные перевода въ высшую степень обязывались свято сохранять тайны высшихъ наукъ имъ ввѣряемыя. Тайны эти состояли въ изученіи астрономія, высшей математики и медицины. Въ Исторіяхъ Эліана (кн. IV гл. 17) приведены еще нѣкоторыя странности и особенности ученія Пиѳагора. Растеніе проскурнякъ (Malva L.) и листья его онъ называлъ святыми, говоря что они служили пищею первоначальнымъ людямъ. Землетрясенія, по мнѣнію Пиѳагора, происходятъ отъ накопленія мертвецовъ въ нѣдрахъ земныхъ. Разливы рѣки Нила происходятъ отъ радуги. Гудѣніе и шумъ или звонъ въ ушахъ — голоса геніевъ, которымъ люди обязаны повиноваться. Нравственныя сентенціи Пиѳагора, послѣ его смерти, были собраны его учениками въ одну книгу, названную Книгою златыхъ стиховъ. Каждая сентенція его — пословица и, по большей части, иносказательная. Вслѣдствіе этого многія изъ нихъ поняты были буквально и послужили къ распространенію суевѣрныхъ примѣтъ; напримѣръ: „Не принимай ласточки подъ кровлю своего дома". „Старательно счищай копоть съ кострюль". „Не разжѣшивай угольевъ лезвіемъ меча". „Не проходи подъ вѣсами". „Не складывай чистаго кушанья въ нечистый сосудъ". Первую пословицу можно перевести словами: не связывайся съ неблагодарными и съ такими людьми, которые въ минуты бѣдствія способны покинуть тебя, какъ покидаютъ ласточки свои гнѣзда при наступленіи осеннихъ холодовъ. Во второй пословицѣ Пиѳагоръ сравниваетъ сердце съ кострюлей, а злопамятіе съ копотью: примирясь съ обидѣвшимъ тебя не оставляй въ сердце ни малѣйшей досады. Раздражать строптиваго, не все-ли равно, что разжѣшивать уголья мечемъ, или лить масло на огонь? „Не проходи подъ вѣсами", т. е. не вмѣшивайся въ чужія сужденія. Наконецъ: не довѣряй чистыхъ и высокихъ чувствъ человѣку съ грязнымъ сердцемъ (не складывай чистаго кушанья въ нечистый сосудъ). Въ заключеніе скажемъ, что всѣ афоризмы и изрѣченія Пиѳагора носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ его свѣтлаго ума и прекраснѣйшихъ, чистѣйшихъ чувствъ.

Появленіе общины пиѳагорейцевъ, въ средѣ язычниковъ, возбудило, какъ и слѣдовало ожидать ненависть въ жрецахъ, перешедшую въ явныя гоненія и Пиѳагоръ палъ жертвою языческаго фанатизма. Былъ ли онъ убитъ или отравленъ — положительно неизвѣстно, только не своею смертью онъ умеръ въ 500 г. до Р. Х., доживъ чуть ли не до ста лѣтъ. Платонъ, впослѣдствіи времени распространилъ и развилъ ученіе Пиѳагора, но первыми его учениками были, его сыновья: Телангъ (учитель Эмпидокла). Мнезархъ, Аримнестъ (учитель Демокрита) и его рабы: Астрей и Замолксисъ ѳракійскій. Жена или дочь Пиѳагора — Ѳеано, написала, какъ мы уже говорили, его біографію, до насъ къ сожалѣнію не дошедшую.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, ученіе Пиѳагора, какъ видитъ читатель, было составлено изъ догматовъ религій древняго востока, именно тѣхъ, въ которыхъ здраваго смысла было болѣе нежели во всѣхъ прочихъ. Проповѣдуя безсмертіе души Пиѳагоръ допускалъ и индусскую метампсихозу (переселенія душъ), но не въ тѣла животныхъ, а изъ одного человѣческаго тѣла въ другое. По объясненіямъ пиѳагорейцевъ — это несомнѣнная истина. Душа переселяясь изъ одного тѣла въ другое даже запоминаетъ нѣкоторыя событія изъ того времени, когда она обитала въ прежнемъ тѣлѣ, изъ котораго переселилась въ новое. Одни говорили, будто эти воспоминанія бываютъ видимы человѣку во снѣ; другіе — будто воспоминанія мгновенно проявляются и исчезаютъ въ памяти человѣка бодрствующаго... Тоже разсказываютъ и современные спириты. Символистика Пиѳагора вся заимствована отъ египтянъ; правила для веденія образа жизни отъ гимнософистовъ индійскихъ. Принимая религію въ томъ смыслѣ, что она есть нравственное общеніе человѣка съ Богомъ, Пиѳагоръ — первый изъ мудрецовъ Греціи отринулъ грубый матеріализмъ язычества и обратилъ самое

заботливое вниманіе на умственную и на духовную дѣятельность человѣка. Изъ всей греческой миѳологіи нельзя сдѣлать ни единаго нравственнаго вывода: боги, богини, герои, нимфы, геніи—цѣлію своего бытія полагаютъ животную чувственность... Даже въ миѳѣ о Психеѣ (душа) эта частица божества одѣта плотію женщины пылкой и сладострастной, для которой Эротъ (т. е. любовь) единственное божество. До временъ Пиѳагора, древніе въ чувствѣ любви видѣли только животное, инстинктивное стремленіе къ удовлетворенію страсти, хотя бы даже и путемъ противуестественнымъ. Пиѳагоръ доказывалъ своимъ соотечественникамъ, что помимо любви чувственной, тѣлесной, въ человѣкѣ можетъ быть иная любовь—душевная и духовная, полагающая высшее свое наслажденіе въ чистотѣ своихъ ласокъ и въ совершеннѣйшемъ безкорыстіи. Эта любовь, названная платонической (по имени Платона, заимствовавшаго изъ ученія Пиѳагора) по мнѣнію мудреца источникъ благороднѣйшихъ чувствъ человѣка и мощный рычагъ, подвизающій его къ самымъ похвальнымъ дѣяніямъ. Заботясь о нравственномъ усовершенствованіи человѣка, увлекаясь этой мыслію и созидая безукоризненный идеалъ совершенства, до котораго долженъ достигнуть человѣкъ—Пиѳагоръ упустилъ изъ виду простую истину, что побѣдить бренную персть силою духа и порабощать собственныя страсти—подвигъ, на который изъ тысячи людей едва-ли способенъ одинъ человѣкъ. Платонизмъ, безспорно, чувство чистое, прекрасное, но плохо его примирять съ натурою человѣка. Въ большинствѣ случаевъ, идеалистъ любитъ дѣвушку платонически, вслѣдствіе ея недоступности и въ самомъ неудовлетвореніи страсти находитъ своего рода чувственное наслажденіе. Полагая высшій предѣлъ наслажденія въ лицезрѣніи своей возлюбленной, идеалистъ тѣмъ однако же не ограничивается; онъ жаждетъ услышать звуки ея голоса; ея рѣчь лелѣетъ его слухъ, какъ самая дивная гармонія; онъ способенъ горячими устами прикоснуться къ оттиску слѣдка ея ножки на грязной землѣ; способенъ жгучими поцѣлуями испепелить цвѣтокъ, къ которому она прикасалась... Онъ, бѣдный, не дерзаетъ и помыслить о томъ блаженствѣ, которымъ его возлюбленная всегда вознаградитъ исканія человѣка менѣе идеальнаго, но болѣе предпрі-

имчиваго, и вѣчный удѣлъ идеалиста—нянчить дѣтей своей возлюбленной прижитыхъ ею съ другимъ. Можетъ ли что быть безобразнѣе и нелѣпѣе подобныхъ отношеній мужчины къ женщинѣ? Между тѣмъ, именно — того и требовалъ Пиѳагоръ отъ послѣдователей своего ученія. Языческая миѳологія путемъ чувственности низводила боговъ на степень людей; Пиѳагоръ хотѣлъ, чтобы люди, нравственною чистотою, уподоблялись богамъ. То и другое смѣшная крайность.

Ксенофанъ, основатель Элеатической философской школы, родился въ Колофонѣ (малоазіатской іонійской колоніи), въ 617 г. до Р. Х. Вторженіе мидянъ въ его родной городъ побудило философа, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, бѣжать въ южныя европейскія области и поочередно находить пристанище на островѣ Сициліи и въ Катанѣ. Въ 636 г. до Р. Х. на берегахъ Италіи Ксенофанъ положилъ основаніе колоніи для колофонійскихъ переселенцевъ, названной Элеею. Здѣсь же онъ началъ проповѣдывать свое ученіе, сочетавшее въ себѣ доктрины школъ іонической и пиѳагорійской. Смѣлѣйшій изъ всѣхъ ему современныхъ философовъ, Ксенофанъ напалъ на бредни миѳологическія и доказалъ — ясно до осязаемости всю неосновательность греческой космогоніи. Хотя космографическія свѣденія Ксенофана не согласовались съ открытіями современныхъ астрономовъ, тѣмъ не менѣе выводы его о несомнѣнности бытія божія и о единствѣ Бога были неопровержимы. Признавая землю средоточіемъ міра а солнце, луну и всѣ свѣтила какъ бы живою рамкою нашей планеты, философъ утверждалъ, что она неподвижна, а звѣзды вокругъ нея обращаются. По космографіи Ксенофана, земля не шаръ, но конусъ, основаніе котораго безконечно. Материкъ произошелъ изъ воды; вода соединяясь съ землею, при содѣйствіи огня и воздуха, создала растенія, животныхъ и человѣка. Испаренія, отдѣлившіяся отъ земли, по мѣрѣ своего удаленія въ высь небесную, превратились въ облака, воспламенились и, такимъ образомъ, произошли звѣзды и всѣ свѣтила небесныя. Во внутренности земли клокочетъ неугасимый огонь, отъ котораго происходитъ животворная теплота, одушевляющая тѣла всѣхъ животныхъ, не выключая и человѣка.

Отказывая душѣ человѣческой въ правахъ ея на безсмертіе,

низводя человѣка на степень животнаго, существованіе котораго обусловлено бренной оболочкою его души—Ксенофанъ, въ то же время, высказывалъ о Создателѣ міра мысли достойныя удивленія, особенно въ язычникѣ. Осуждая Гомера за его крайній антропоморфизмъ [1]), вслѣдствіе котораго царь поэтовъ представляетъ боговъ въ образѣ обыкновенныхъ смертныхъ, со всѣми слабостями и пороками людямъ присущими, Ксенофанъ осмѣивалъ ѳеологовъ вообще, даже и тѣхъ изъ нихъ, которые называли богами и богинями—звѣзды и производительныя силы природы. „Ирида (радуга), по словамъ сказочниковъ—посланница Юноны" говорилъ философъ—„это вздоръ! Ирида ничто иное, какъ облако, окрашеное краснымъ и синимъ пламенемъ и другими цвѣтами смѣсью лучей этихъ двухъ колеровъ [2])... Діоскуры, Касторъ и Поллуксъ—дѣти Юпитера: огневидныя облака! Вулканъ—огонь, Нептунъ—вода, Церера—земля. Никогда никакихъ боговъ и богинь и не существовало на землѣ!»

— Люди создали себѣ боговъ по образцу самихъ себя. Если бы мы, люди, имѣли наружность быковъ или лошадей, точно такими же мы бы воображали себѣ и боговъ.

— Есть Богъ единый, которому нѣтъ конца, а потому нѣтъ Ему и начала; ибо все имѣющее начало имѣетъ и конецъ.

— Единый Богъ—зиждитель неутомимый, вездѣсущій, всевидящій. Міръ безъ Бога — немыслимъ, точно также какъ немыслимъ и Богъ—безъ міра. Все въ Богѣ единомъ и единый Богъ во всемъ.

— Если Богъ единъ, то само собою Онъ же и всемогущъ. Еслибы существовало много боговъ, тогда между ними непремѣнно были-бы высшіе и низшіе, смотря по степени могущества; но съ мыслію о всемогуществѣ неразлучна мысль и о единствѣ.

— Мысль о безконечности врождена разуму человѣческому. Какъ невозможно отрицать существованія безконечности въ пространствѣ, точно также какъ и во времени, такъ невозможно отрицать и того, что Богъ безконеченъ и потому — безначаленъ. Какъ нельзя допускать существованія многихъ безконечностей, такъ нелѣпо допускать бытіе многихъ боговъ.

Всѣ эти афоризмы, высказанные Ксенофаномъ въ его книгѣ о природѣ, дошли до насъ въ отрывкахъ, записанныхъ Аѳинеемъ и Аристотелемъ. И такъ, вотъ сущность ученія школы элеатической: единство Бога, безконечность міра и отрицаніе безсмертія души человѣческой; другими словами: монотеизмъ въ отношеніи божества и грубый матеріализмъ въ отношеніи человѣка. Сознаніе величія и необъятнаго могущества Творца и въ то же время сознаніе ничтожества прекраснѣйшаго изъ всѣхъ его созданій —человѣка. Но ученіе Ксенофана и его послѣдователей достойно вниманія въ томъ отношеніи, что оно подрубило подъ корень нелѣпую идею о многобожіи, или политеизмъ. Единство Бога съ этого времени сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ почти всѣхъ послѣдующихъ философскихъ школъ.

Ксенофанъ жилъ до ста лѣтъ, и былъ современникомъ великихъ политическихъ событій и многихъ славнѣйшихъ философовъ древней Греціи. Любимый и глубокоуважаемый учениками онъ былъ ненавидимъ многочисленными противниками своего ученія, какъ за вольнодумство, такъ и за нападки на Гомера, на Гезіода и ихъ ѳеогоніи.

---

[1]) Олицетвореніе бога въ образѣ человѣческомъ.

[2]) Замѣчательно, что Ксенофанъ—происхожденіе всѣхъ колеровъ радуги приписываетъ двумъ цвѣтамъ, красному и синему и признаетъ ихъ основными.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Обзоръ персидскихъ войнъ.—Лидійское царство.—Наказаніе Аліата богами.—Крезъ.—Покореніе малоазіатскихъ колоній.—Предсказаніе пиѳіи.—Покореніе Лидіи.—Спасеніе Креза.—Оправданія оракула.—Киръ и послы іонейскіе.—Апологъ о рыбкахъ.—Посольство Лакринета.—Порабощеніе колоній.—Вмѣшательство Аѳинъ.—Походъ Датиса и Артаферна въ Грецію.—Мараѳонская битва,—Кинны и древнѣйшія пули.—Клевета Ксантиппа.—Смерть Мильціада.—Остракизмъ.—Походъ Ксеркса.—Прорицанія оракула.—Леонидъ и Ѳермопилы.—Разные эпизоды битвы.—Эпитафія героямъ.—Покровительство Нептуна.—Оракулъ Дельфійскій.—Спасеніе храма.—Священная земля храма Минервы.—Переселеніе Аѳинянъ.—Разрушеніе города.—Битва при Саламинѣ.—Волхвъ Эвфрантидъ.—Кровавыя жертвы.—Чудесныя видѣнія.—Замѣтка о ихъ возможности.—Дары богамъ и награды героямъ.—Битва при Платеѣ.—Праздникъ поминовенія убитыхъ.—Побѣда при Микале.—Освобожденіе колоній.—Измѣна и казнь Павзанія.

Въ исторіи религіи древней Персіи (см. томъ III, главы V и VIII. стр. 42—79), мы подробно говорили о борьбѣ Греціи съ Даріемъ Гистаспомъ и его преемниками (504—451 г. до Р. Х). Теперь, не вдаваясь въ безполезныя подробности, мы прослѣдимъ только тѣ изъ событій долговременныхъ персидскихъ войнъ, которыя были въ тѣсной связи съ религіозными вѣрованіями грековъ [1]), и представимъ біографическіе очерки великихъ полководцевъ греческихъ, вѣнчавшихся неувядаемыми лаврами на

поляхъ Мараѳона, въ ущеліяхъ Ѳермопилъ; близъ Саламина при Платеѣ и при Микалѣ.

Греческія колоніи въ малой Азіи: Милетъ, Колофонъ, Фокея, Эфезъ и Смирна, сопредѣльныя царству Лидійскому, своимъ богатствомъ и цвѣтущимъ состояніемъ возбуждали зависть въ тамошнихъ царяхъ, особенно изъ династіи Гигеса (718—607 г. до Р. Х). Правнукъ послѣдняго, Аліатъ прозванный „счастливымъ“ ежегодно производилъ набѣги на Милетъ и каждый разъ возвращался въ свои владѣнія съ богатой добычей. Однажды сдѣлавъ вторженіе въ предѣлы этой колоніи, Аліатъ пожогъ обширныя поля, засѣянныя хлѣбомъ и примыкавшія къ храму Минервы Ассезенійской, который сдѣлался также добычею пламени. За это оскорбленіе святыни (какъ гласятъ древніе лѣтописцы), Аліатъ былъ пораженъ меланхоліею. Цѣлые дни онъ проводилъ въ глубокой задумчивости; по ночамъ его тревожили страшныя сновидѣнія; совѣсть ни днемъ ни ночью не давали ему покоя. Истощивъ всѣ средства для излеченія отъ мучительнаго недуга, Аліатъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи небесной. Съ этой цѣлію онъ отправилъ пословъ къ дельфійскому оракулу. Вопрошенная лидійскими послами, пиѳія отвѣтствовала, что Аліатъ тогда только избавится отъ своей болѣзни, когда отстроитъ въ Милетѣ новый храмъ Минервѣ, на мѣстѣ сожженнаго. Повинуясь волѣ боговъ Аліатъ заключилъ перемиріе съ Ѳрасивуломъ, тираномъ милетскимъ и построилъ новый храмъ. За это Минерва исцѣлила разсудокъ царя лидійскаго, и онъ въ добромъ здоровьи и—самое главное—въ мирѣ съ милетцами прожилъ послѣ того 52 года.

Преемникъ Аліата, прославившійся несмѣтными своими богатствами, Крезъ (562—514 г. до Р. Х), за исключеніемъ Ликіи и Киликіи, покорилъ и обложилъ данью всѣ греческія малоазіатскія колоніи. Дворъ Креза былъ пристанищемъ для ученыхъ и художниковъ всѣхъ странъ, и царь особенно дорожилъ пріязнью людей умныхъ и даровитыхъ. Онъ былъ друженъ съ мудрецами Біасомъ и Солономъ; знаменитый баснописецъ Эзопъ, долгое время пользовался расположеніемъ Креза. Покоренныя имъ греческія колоніи не могли пожаловаться на тираннію царя лидійскаго: не угнетая поселенцевъ и давъ имъ совершенную автономію (т. е.

[1]) Подобными событіями мы называемъ тѣ, въ которыхъ играли важную роль: предсказанія оракуловъ, явленія кометъ, метеоровъ, молебствія богамъ и мнимое вмѣшательство послѣднихъ, выражавшееся бурями, грозами, морьскими язвами и т. п.

управленіе ихъ собственными законами), Крезъ требовалъ отъ нихъ только покорности; его тѣшила мысль, хотя номинально быть повелителемъ грековъ. Побѣды Кира царя персидскаго побудили Креза, для охраненія собственнаго царства, заключить союзъ съ Амазисомъ фараономъ египетскимъ и Периглиссаромъ — царемъ вавилонскимъ. Отваживаясь на борьбу съ завоевателемъ всѣхъ царствъ древней Азіи, царь лидійскій отправилъ пословъ въ Дельфы, чтобы вопросить тамошнюю пиѳію о томъ, суждено ли ему или Киру быть побѣдителемъ? Послы, разумѣется, отправились не съ пустыми руками: кромѣ драгоцѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и статуй, они, отъ имени Креза, принесли въ жертву Аполлону тридцать гекатомбовъ (тысячеглавыхъ жертвъ). За подобныя приношенія отвѣчать царю зловѣщимъ пророчествомъ было-бы со стороны оракула и неделикатно и несправедливо. Угорѣлая, бѣснующаяся пиѳія объявила посламъ Креза, что онъ, во первыхъ „будетъ виновникомъ паденія великаго царства“, а во вторыхъ — „покоривъ врага и супостата, обременитъ себя славными трофеями и прославитъ имя свое, особенно если будетъ друженъ съ греками!“

Лучшаго пророчества нельзя было и ожидать. Увѣренный въ успѣхѣ, Крезъ двинулъ свои войска на встрѣчу полчищамъ Кира, но побѣда одержанная царемъ персидскимъ при Ѳимбреѣ (544 г. до Р. Х.) доказала царю лидійскому, что и оракулъ подчасъ можетъ солгать не хуже простаго смертнаго. За Ѳимбрейскою битвою слѣдовала осада и взятіе Сардеса и вмѣстѣ съ тѣмъ завоеваніе царства лидійскаго [1]) и превращеніе его въ персидскую сатрапію.

Обремененный оковами Крезъ былъ приведенъ къ Киру. Послѣдній, взбѣшенный упорствомъ недавняго противника, приказалъ возвести его на костеръ. Въ виду неминуемой смерти, Крезъ потрясая цѣпями, трижды, громкимъ голосомъ, произнесъ имя Солона. Удивленный этимъ, Киръ приказалъ снять царя лидійскаго съ костра и спросилъ его, чье имя онъ призывалъ?

См. Исторія Религій, томъ III главы I и II, стр. 20 и 21.

— Имя мудрѣйшаго изъ людей — Солона (отвѣчалъ Крезъ), который говорилъ мнѣ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, не окончившій жизненнаго своего пути, не имѣетъ права называться счастливымъ [2]).

Тронутый этими словами и видя передъ собою живой примѣръ превратности счастья, Киръ пощадилъ жизнь Креза и далъ ему въ удѣлъ городъ Барену, близь Экбатаны. Негодуя на лживое предсказаніе пиѳіи, Крезъ послалъ въ дельфійскій храмъ свои цѣпи, приказавъ посланнымъ сказать оракулу, что это трофеи царя лидійскаго. Эта иронія могла смутить всякаго мало мальски совѣстливаго человѣка, но такъ какъ оракулъ былъ въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ бездушнымъ истуканомъ — онъ нимало не сконфузился. Что же касается до находчивой пиѳіи, она въ этомъ случаѣ вышла суха изъ воды, точно такъ же какъ и Крезъ вышелъ невредимъ изъ огня.

— Царь не понялъ оракула! отвѣчала она его посланнымъ. Оракулъ сказалъ, что онъ „будетъ виновникомъ паденія великаго царства“... но развѣ Лидія пала не по его винѣ? Врага своего онъ побѣдилъ своимъ великодушіемъ и будетъ славенъ — если до конца жизни будетъ чтить боговъ греческихъ. Если же Крезъ и пострадалъ — на то воля боговъ: онъ понесъ наказаніе за пращура своего Гигеса, убившаго царя Кандавла и овладѣвшаго престоломъ лидійскимъ!

По другимъ сказаніямъ, въ минуту возведенія Креза на костеръ, Аполлонъ вспомнилъ о его щедрыхъ приношеніяхъ въ храмъ дельфійскій и проливнымъ дождемъ залилъ разведенное подъ костромъ пламя. Эта басня, очевидно выдуманная жрецами, невѣроятна, за то прразоучительна.

Жители греческихъ колоній, подвластныхъ Крезу, изъ опасенія попасть изъ огня да въ полымя, т. е. испытать всѣ ужасы, которымъ подвергаются страны завоеванныя, отправили къ Киру пословъ съ изъявленіемъ покорности. Негодуя на грековъ за ихъ недавнюю пріязнь къ Крезу и за ихъ отказъ покориться побѣ-

²) См. выше, стр. 46—47.

дителямъ до завоеванія Лидіи. Киръ отвѣчалъ посланникамъ слѣдующимъ апологомъ:

— Однажды рыбакъ, сидя наберегу моря, игралъ на флейтѣ, думая тѣмъ вызвать рыбъ изъ водныхъ пучинъ. Видя, что труды его напрасны, онъ закинулъ неводъ и наловилъ рыбы огромное количество. Плѣнницы бились и прыгали. „Полноте, други", сказалъ онъ имъ, „поздно взялись вы за умъ. Зачѣмъ не плясали, когда я игралъ на флейтѣ"!

Іонійцы поняли, что имъ угрожаетъ порабощеніе и возвратясь въ свои колоніи, дѣятельно занялись укрѣпленіемъ городовъ съ моря и съ сухаго пути. Въ тоже время, сознавая ничтожество своихъ военныхъ силъ, поселенцы отправили въ Спарту посольство съ просьбою о защитѣ. Республика, не желая вступать въ бой съ персидскимъ царемъ, вошла съ нимъ въ переговоры, требуя, чтобы онъ не посягалъ на независимость греческихъ колоній, угрожая ему войною въ случаѣ отказа. Требованія эти передалъ Киру лакедемонскій посланникъ Лакриметъ.

— Скажи своимъ согражданамъ, отвѣчалъ ему Киръ — что я не боюсь угрозъ народа, у котораго посреди городовъ есть торжища, на которыхъ люди еще призываютъ имена боговъ, чтобы искуснѣе обмануть другъ друга. Если боги продлятъ мнѣ жизнь я заставлю спартанцевъ тужить о ихъ собственномъ горѣ и отобью у нихъ охоту мѣшаться не въ свое дѣло [1]).

И чтобы доказать непрошеннымъ посредникамъ, что онъ не любитъ тратить словъ по пустому, Киръ поручилъ своему полководцу Мазарету, покорить Эолиду, Дориду и Іонію. Мазаретъ овладѣлъ Пріеной и разграбилъ Магнезію. Преемникъ его Гарпагъ поработилъ всѣ малоазіатскія колоніи. Тогда-то жители Фокеи бѣжали на острова и берега южной Европы, гдѣ и основали Массилію (нынѣшній Марсель) и заселили островъ Кирносъ (Корсику). Жители Теоса бѣжали въ Абдеру (во Ѳракіи). Въ 504 г. до Р. Х. въ царствованіи Дарія, сына Гистаспа, въ греческихъ поселеніяхъ вспыхнулъ мятежъ, принявшій вскорѣ

1) Геродотъ Книга I главы 152 и 153. Киръ намекалъ на рынки, о которыхъ ни въ Мидіи ни въ Персіи не имѣли понятія.

угрожающіе размѣры (см. томъ III стр. 42—44). Правитель Милета Аристагоръ отправился въ Спарту, умоляя республику о содѣйствіи; эфоръ Клеоменъ отвѣчалъ ему отказомъ. Какъ бы на зло своей соперницѣ, Спартѣ — республика аѳинская приняла сторону мятежныхъ поселеній и отправила въ малую Азію войска подъ предводительствомъ Харонимоса. Онъ до тла сжегъ Сардесъ. Въ свою очередь Дарій овладѣлъ Милетомъ, а зятя своего Мардонія послалъ въ Грецію (494 г. до Р. Х.); буря истребила персидскій флотъ у мыса Аѳона. Покореніе Македоніи отчасти вознаградило Мардонія за эту первую неудачу. Наканунѣ крушенія персидскаго флота, надъ берегомъ Аѳона носились стаи бѣлыхъ голубей, будто предвѣщавшихъ врагамъ ихъ гибель. Въ 490 г. до Р. Х. персидскіе полководцы Датисъ и Артафернъ, прибывъ на корабляхъ къ берегамъ Греціи, разорили Эвбею и высадились въ Аттикѣ. Здѣсь на равнинахъ Мараѳона (29 сентября 490 года до Р. Х.) сынъ Кимона, Мильціадъ, разбилъ персовъ на голову. Сподвижниками его были прославившіеся впослѣдствіи времени Ѳемистоклъ и Аристидъ. Готовясь къ битвѣ аѳиняне предлагали спартанцамъ соединиться противъ врага, но суевѣрные спартанцы отклонились отъ этой чести по случаю полнолунія; ибо въ этомъ періодѣ мѣсяца никогда ничего не предпринимали. Двѣ тысячи спартанцевъ прибыли на поля Мараѳона на другой день битвы, чтобы присутствовать при погребеніи убитыхъ, со всѣми имъ подобающими почестями и позавидовать славѣ, какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ.

Почести воздаииыя воинамъ, павшимъ въ битвѣ мараѳонской состояли въ томъ, что трупы ихъ предавали землѣ увѣнчанные масличными вѣнками, а надъ могильными насыпями воздвигали киппы — тумбы изъ обожженой глины съ начертанными на нихъ именами усопшихъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, на поляхъ Мараѳона были произведены археологическія изысканія, при которыхъ были отрыты изъ земли остатки киппъ и множество свинцовыхъ коническихъ пуль, метавшихся съ пращей.

Воины убитые въ сраженіи были счастливѣе Мильціада. Не прошло и года послѣ мараѳонской побѣды, какъ ядовитая кле-

вета бросила грязью въ лавры героя. Ксантиппъ, отецъ Перикла и завистникъ Мильціада, обвинилъ его въ тайныхъ сношеніяхъ съ персами и въ государственной измѣнѣ. Судьи, во вниманіе къ заслугамъ полководца, замѣнили смертный приговоръ громадною пенею; герой не въ состояніи былъ ее выплатить и заключенный въ тюрьму и умеръ въ ней въ оковахъ. Такъ отблагодарили аѳиняне своего избавителя отъ иноплеменнаго ига. Ѳемистоклъ, завидуя Аристиду, оклеветалъ его передъ аѳинянами. и этотъ герой былъ изгнанъ по приговору народному, причемъ голоса подавались не шарами бѣлыми или черными (какъ то бываетъ при баллотировкѣ), но устричными раковинами (остраконъ), на которыхъ начертывали имя обвиняемаго. Какой-то гражданинъ, не знавшій Аристида въ лицо, точно также какъ и не знавшій азбуки, обратился къ нему съ просьбою написать на устричномъ черепкѣ его же собственное имя... Аристидъ исполнилъ его желаніе и остракизмомъ былъ приговоренъ къ изгнанію.

Въ 485 г. до Р. Х. Дарію Гистаспу наслѣдовалъ сынъ его Ксерксъ (см. томъ III. гл. V стр. 44—51). Имѣя, по словамъ Геродота, около шести милліоновъ войска, Ксерксъ пошелъ походомъ на Грецію, съ мыслію покорить ее, а за нею и всю Европу. Этому грозному нашествію предшествовали многія удивительныя знаменія: на небесахъ пылала комета, воды рѣкъ и источниковъ обращались въ кровь, во многихъ мѣстахъ Греціи свирѣпствовали необыкновенныя бури, у женщинъ и у животныхъ самокъ рождались уроды... Пораженные ужасомъ жители Греціи молились богамъ, совѣщались съ знаменитымъ дельфійскимъ оракуломъ. Устами своей жрицы онъ изрекъ, что Греція будетъ спасена, если царь изъ колѣна Геркулеса пожертвуетъ собою, а жители Аѳинъ укрѣпятся за деревянными стѣнами. Послѣднія, по объясненію Ѳемистокла, означали корабли; что же касается до первой половины пророчества — ее оправдалъ геройскимъ своимъ самопожертвованіемъ Леонидъ, царь спартанскій.

Подобно громовой тучѣ полчища Ксеркса подвигались на Грецію и уже вступили въ ея предѣлы. Путь въ Аттику прегра-

дало врагамъ ущеліе Ѳермопильское, въ которомъ и укрѣпился Леонидъ съ тремя стами героевъ...

— Васъ слишкомъ мало! говорили ему, когда онъ отправлялся въ походъ.

— Довольно, чтобы умереть за отечество! отвѣчалъ Леонидъ.

Предъ отбытіемъ своимъ на мѣсто своей неминуемой смерти, но съ нею и безсмертія, Леонидъ со своею дружиною отпраздновалъ погребальныя игры въ память себя самого и своихъ спутниковъ. Эти игры въ языческой Греціи, имѣли точно тоже значеніе, которое у насъ, христіанъ, имѣютъ панихиды. Прибывъ къ Ѳермопиламъ, гдѣ къ его малочисленной дружинѣ должны были присоединиться ополченія нѣкоторыхъ племенъ Греціи (въ числѣ 7000 человѣкъ). Леонидъ принесъ жертву богамъ, а находившійся при немъ волхвъ Мегистіей, гадая по внутренностямъ жертвъ, объявилъ ему, что исходъ битвы будетъ бѣдствіемъ для спартанцевъ. Это предсказаніе не только не ослабило въ нихъ мужества, но какъ будто воодушевило героевъ. Въ первый день прибытія къ ущеліямъ Ѳермопильскимъ, одинъ изъ воиновъ Леонида сказалъ ему: „Персы близко!“ Нѣтъ, отвѣчалъ царь, не они къ намъ, а мы къ нимъ приближаемся!

Въ теченіе шести дней спартанцы отражали приступы персовъ, на седьмой день, предатель Эфіальтъ бѣжалъ къ непріятелямъ и вызвался указать имъ путь въ обходъ неприступному ущелію. Это злодѣйское предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ: персы обложили защитниковъ Ѳермопильскихъ ущелій со всѣхъ сторонъ; союзники Леонида бѣжали или попались въ плѣнъ, но онъ бился съ многочисленными полчищами до тѣхъ поръ, покуда не палъ со всѣми своими сподвижниками. Утромъ этого рокового дня, передъ битвою, завтракая со своей дружиной, Леонидъ сказалъ: „Вечернюю трапезу совершимъ въ области Плутона“! „Персовъ такое множество, что стрѣлы ихъ затмѣваютъ солнце“, сказалъ одинъ изъ воиновъ Діонекету, товарищу Леонида. — Намъ же лучше, отвѣчалъ тотъ, мы будемъ драться въ тѣни!

Впослѣдствіи времени на одной изъ скалъ ущелія Ѳермопильскаго, въ память Леонида и его дружины была начертана слѣдующая надпись: „Прохожій, если ты идешь въ Спарту, скажи,

что мы пали здѣсь повинуясь ея святымъ законамъ"! Память героевъ донынѣ сохраняется въ Греціи и во время ея борьбы съ Турціею за независимость (въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія), подвиги сульетовъ, жителей Парги и Миссолунги доказали всему міру, что кровь героевъ Ѳермопилъ тогда еще не иссякла въ жилахъ ихъ несчастныхъ потомковъ.

Въ одинъ день съ битвою Ѳермопильскою, персы потерпѣли жестокое пораженіе на морѣ у мыса Артемизіума. Вскорѣ послѣ того персидская эскадра была разбита бурею у береговъ Ѳессаліи. Видя въ этомъ бѣдствіи враговъ проявленіе небесной помощи, греки почтили Нептуна торжественными играми и празднествами. Между тѣмъ полчища Ксеркса, проникнувъ въ Беотію, въ Дориду и въ Фокиду, разоряли эти области, жгли города и разрушали храмы. Оракулъ Аполлона абійскаго былъ разбитъ въ дребезги и та же участь угрожала оракулу дельфійскому. На вопросъ устрашенныхъ жрецовъ онъ отвѣчалъ, чрезъ свою пиѳію, что Аполлонъ защититъ самъ себя лучше всякихъ воиновъ. Дѣйствительно, при приближеніи персовъ къ Дельфамъ, въ воздухѣ надъ ихъ полками появилось пламя и раздались какіе-то необыкновенные голоса. Это чудесное явленіе заставило персовъ отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній на храмъ дельфійскій, но многочисленныя ихъ дружины быстро приближались къ Аѳинамъ, оставленнымъ безъ всякой защиты, ибо почти всѣ жители мужскаго пола ушли въ ополченіе и на корабли. Въ городѣ для защиты стариковъ, женщинъ и дѣтей оставалось самое ничтожное количество гражданъ. О сдачѣ города непріятелямъ не было и помину; поэтъ Кириллосъ и жена его, дерзнувшіе предложить согражданамъ покориться персамъ — были побиты каменьями. Однако жъ, съ каждымъ днемъ возрастала опасность, угрожавшая Аѳинамъ, и греческіе военачальники рѣшили вывести всѣхъ жителей изъ стѣнъ несчастнаго города. Къ этому рѣшенію побудило ихъ извѣстіе, сообщенное имъ жрецами, что священная змѣя, изъ храма Минервы, невѣдомо куда скрылась. „Сами боги подаютъ намъ примѣръ", говорили жрецы, и „если Аполлонъ дельфійскій защитилъ самъ себя, тоже самое, безъ сомнѣнія, можетъ сдѣлать и Минерва для любимаго своего города"! Участь Аѳинъ была рѣшена. Подобно нашей Москвѣ въ 1812 году, городъ этотъ былъ обреченъ на жертву ярости непріятельской; старики, женщины, дѣти были перевезены въ Эгину, въ Трезену, въ Саламинъ. Въ Аѳинахъ и ихъ окрестностяхъ остались немногіе граждане, рѣшившіеся не разставаться съ родимымъ городомъ, и оставленныя хозяевами домашнія животныя и птицы. Жалобный ревъ, вой и стоны послѣднихъ, по словамъ историковъ, были невыносимы, даже и не для сострадательнаго уха. Вскорѣ городъ былъ обложенъ персами и послѣ непродолжительнаго, но отчаяннаго сопротивленія, былъ взятъ и сожженъ. Подобно Наполеону I, вступившему въ Москву, Ксерксъ воображалъ, что взятіемъ Аѳинъ окончится война и греки будутъ вымаливать у него пощады и мира... но жестоко ошибся царь персидскій въ своихъ разсчетахъ. Подобно Кутузову, Ѳемистоклъ въ паденіи Аѳинъ не видѣлъ гибели всей Греціи.

— Отъ Аѳинъ не осталось и камня на камнѣ, сказалъ полководецъ — но остались аѳиняне съ кораблями.

Забывъ личную вражду Ѳемистоклъ примирился съ Аристидомъ и недавніе соперники, съ братскимъ единодушіемъ, принялись готовиться къ продолженію борьбы съ могучимъ врагомъ. Какъ-бы въ предзнаменованіе грядущихъ великихъ событій на небесахъ явилась роговидная комета (Кератія) и затмила солнце [1]). Она была вѣстницею славной битвы Саламинской (18 - 19 октября 480 г. до Р. Х.).

Утромъ этого дня, Ѳемистоклъ предъ отплытіемъ изъ гавани Саламина озаботился принесеніемъ жертвы богамъ. Этимъ важнымъ обрядомъ распоряжался волхвъ Эвфрантидъ, по примѣтамъ гадавшій объ успѣхѣ предстоявшей битвы. Въ числѣ присутствовавшихъ находились трое плѣнниковъ изъ знатнаго персидскаго семейства, это были юноши прекрасно одѣтые, красивые собою. При ихъ приближеніи огонь ярче вспыхнулъ на жертвенномъ алтарѣ и чихнулъ кто-то изъ жрецовъ, стоявшихъ по правую руку жертвенника. По объясненію Эвфрантида это были знаменія воли боговъ, требовавшихъ, чтобы плѣнники были прине-

---

1) Pingré: Cométographie и Шпиціо. Ист. міра, кн. II, гл. 23—25.

сены имъ въ жертву. Покорствуя волѣ этихъ боговъ-людоѣдовъ, Ѳемистоклъ отдалъ на закланіе несчастныхъ юношей и они были зарѣзаны на алтарѣ Вакха-Оместеса (Бахуса жестокаго). Послѣ того греки сѣвъ на свои корабли запѣли молитвенные гимны и пѣніе это продолжалось также во время битвы — рѣшившей участь персидскаго флота. Изъ двухъ тысячъ кораблей его составлявшихъ, едва ли уцѣлѣло два, спасшіеся бѣгствомъ; остальные были потоплены или захвачены въ плѣнъ. Побѣда, тѣмъ болѣе, славная, что въ распоряженіи Ѳемистокла было всего 340 судовъ. Сохранилось преданіе, записанное Плутархомъ, будто во время саламинской битвы надъ побоищемъ носились въ воздухѣ цѣлые легіоны призраковъ, наводившихъ ужасъ на персовъ и придававшихъ мужества грекамъ. Назвать этотъ феноменъ вымысломъ лѣтописцевъ было бы, по крайней мѣрѣ, опрометчиво, такъ какъ въ лѣтописяхъ всѣхъ вѣковъ и народовъ мы встрѣчаемъ подобныя же сказанія очевидцевъ. Не далѣе какъ два года тому назадъ (именно весною 1870 года) близъ Піотркова жители одного села видѣли въ воздухѣ миражъ, состоявшій изъ группъ конныхъ и пѣшихъ солдатъ цѣлыми отрядами нападавшихъ другъ на друга [1]). При всѣхъ успѣхахъ современной оптики, подобныя явленія еще до нынѣ не объяснены съ должной точностью и ихъ можно назвать феноменами, „научными законами не предусмотрѣнными“. Прямой долгъ науки давать разгадки всѣмъ загадочнымъ явленіямъ въ природѣ и тогда только каждая естественная наука будетъ доведена до совершенства, когда эпитетъ: „сверхъестественный“ исчезнетъ изъ разговорнаго языка; ибо въ природѣ нѣтъ — да и не можетъ быть, ничего сверхъестественнаго.

Одержавъ надъ персами блестящую побѣду на морѣ, Ѳемистоклъ счелъ долгомъ отблагодарить Нептуна торжественными праздненствами. Всѣ отнятыя у непріятеля сокровища онъ пожертвовалъ въ храмы; наградою побѣдителямъ были лавровые и масличные вѣнки, для греческихъ воиновъ бывшими дороже всѣхъ сокровищъ.

———

[1]) См. „Голосъ“ и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ за февраль или мартъ 1870 года.

Свидѣтель этого торжества, плѣнный персидскій полководецъ Тигранъ воскликнулъ въ удивленіи:

— Чудный народъ, герои достойные обожанія! Они отдаютъ богамъ добычу, которой алкаютъ люди, сами же довольствуются наградами приличествующими только богамъ!

Мардоній, главный военачальникъ Ксеркса, чрезъ царя македонскаго Александра, предложилъ грекамъ честный миръ. Они отвѣчали гордымъ отказомъ и единодушно предали проклятію и гнѣву боговъ, малодушныхъ, дерзавшихъ даже думать о мирѣ. Пораженіе Мардонія при Платеѣ (22 сентября 479 года, до Р. Х.) Павзаніемъ и Аристидомъ окончательно избавило Грецію отъ вторгнувшихся въ нее и угрожавшихъ ея свободѣ, иноплеменниковъ. Вмѣсто цѣпей, которыя Ксерксъ готовилъ Греціи, онъ оставилъ ей въ добычу несмѣтныя сокровища, захваченныя побѣдителями при Платеѣ въ лагерѣ Мардонія. Серебро, золото, драгоцѣнные камни и ткани были отданы Павзаніемъ и Аристидомъ въ храмы Юпитера олимпійскаго, Нептуна истмійскаго, Аполлона дельфійскаго и Минервы — Аѳины. Въ вѣчное воспоминаніе побѣды, а съ нею и освобожденія Греціи и позорнаго изгнанія врага постановлено было: въ третій день мѣсяца боэдроміона (22 сентября) на поляхъ Платеи ежегодно совершать поминовеніе въ память убитыхъ воиновъ, а каждыя пять лѣтъ торжествовать игры освобожденія.

Праздникъ поминовенія совершался въ присутствіи выборныхъ отъ всѣхъ городовъ Греціи. Раннимъ утромъ въ 22 день сентября на поле Платеи отправлялось слѣдующее шествіе. Его открывалъ трубачъ, игравшій военскій маршъ. За нимъ слѣдовали запряженныя черными конями колесницы, нагруженныя лавровыми, масличными, миртовыми вѣнками и вѣтвями. За колесницами вели черныхъ быковъ, обреченныхъ на жертву, сопровождаемыхъ жрецами и юношами въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, несшими сосуды, наполненные виномъ, елеемъ и молокомъ для возліяній. За ними шелъ со свитою архонтъ, облаченный въ пурпуръ, съ мечемъ и съ урною въ рукахъ. Надобно замѣтить, что во всѣ прочіе дни года архонтъ, по закону, долженъ былъ носить бѣлую одежду и ни подъ какимъ видомъ не прикасаться къ оружію. Шествіе замыкали вои-

ны и безчисленныя толпы народа. По прибытіи на поле, покрытое могильными холмами, осѣненными кипарисами, архонтъ омывалъ эти надгробные столбы и потомъ каждый изъ нихъ поливалъ елеемъ и окроплялъ растворомъ благовонной смолы. Жертвеннаго быка рѣзали надъ ямой заблаговременно вырытой: въ нее стекала кровь. Послѣ того призывая имена Юпитера, Меркурія, Плутона [1]) и всѣхъ погребенныхъ воиновъ, архонтъ вливалъ въ яму, наполненную кровью, вино и молоко, произнося громогласно: „совершаю это въ память воиновъ, павшихъ за освобожденіе Греціи“!

Въ самый день побѣды надъ персами при Платеѣ — Леотихидъ царь спартанскій и аѳинскій полководецъ Ксантиппъ, одержали не менѣе блестящую побѣду надъ Артаинтетомъ, Иѳамитрстомъ, Мардонтетомъ и Тиграномъ при Микале (въ Каріи). Эта побѣда освободила іонійскія колоніи, Сестосъ и Херсонесъ Ѳракійскій отъ персидскаго ига. Кипръ и Византія были освобождены Павзаніемъ и Аристидомъ въ 476 — 475 г. до Р. Х. Вслѣдъ затѣмъ, Павзаній, уличенный въ измѣнѣ и въ сношеніяхъ съ Ксерксомъ, былъ казненъ и сѣкира палача, отрубившая ему голову, вѣчнымъ позоромъ заклеймила имя предателя.

---

¹) Юпитеръ—творецъ души, Меркурій—ея проводникъ въ преисподнюю, Плутонъ—ея властитель послѣ смерти.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Обновленіе Аѳинъ.—Вмѣшательство Спарты.—Переговоры и хитрость послов.—Изгнаніе Ѳемистокла.—Его достоинства и пороки.—Изгнаніе бои.—Аристидъ и политика.—Кимонъ.—Миръ съ персами.—Землетрясеніе.—Вѣкъ Перикла. Перикла прасол.—Сновидѣніе матери Перикла.—Его воспитаніе.—Высокія дарованія.—Перикл правитель.—Новыя зданія и храмы.—Перемѣны въ судахъ, правахъ и въ образѣ жизни.—Неумѣренная роскошь.—Гетеры.—Аспазія.—Диктеріады.—Величіе Аѳинъ.—Пелопонезская война.—Опустошенія областей.—Морская война.—Мысль объ управителяхъ.—Мужество Перикла.—Солнечное затмѣніе.—Отчаяніе Аѳинъ.—Амулетки.—Отзывъ Перикла о своемъ правленіи. Его смерть.—Обычай желать здоровья при чиханіи.

Изгнаніе персовъ изъ всѣхъ областей Эллады дало возможность жителямъ Аѳинъ возвратиться на ихъ родное пепелище и приступить къ обновленію города. По совершеніи обрядовъ и по принесеніи благодарственныхъ жертвъ богамъ, аѳиняне принялись за расчистку развалинъ, возводя новыя стѣны городскихъ укрѣпленій изъ старыхъ камней, взятыхъ даже съ могилъ предковъ, разоренныхъ варварами. Работа кипѣла день и ночь и въ ней самое рьяное участіе принимали всѣ сословія и даже женщины.

Возобновленіе укрѣпленій Аѳинъ возбудило ревнивыя подозрѣнія въ спартанцахъ и, суровая республика, соперница республики аѳинской, отправила въ послѣднюю пословъ съ требованіемъ, чтобы аѳиняне прекратили начатыя работы и городъ не укрѣпляли, ибо, въ случаѣ вторичнаго нашествія персовъ или иныхъ варваровъ, укрѣпленный городъ можетъ имъ же самимъ послужить неприступнымъ убѣжищемъ. Это непрошенное вмѣшательство одной республики въ дѣла другой побудило Ѳемистокла отправиться въ Спарту для категорическихъ объясненій съ эфорами. Великій пол-

ководецъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хитрый дипломатъ, умышленно тянулъ и волочилъ переговоры, чтобы дать своимъ согражданамъ время окончить постройку укрѣпленій. Недовольные его поступками, спартанцы задержали Ѳемистокла какъ плѣнника; та же самая участь постигла въ Аѳинахъ и пословъ спартанскихъ. Рѣшать спорный вопросъ оружіемъ было бы безразсудно, такъ какъ война съ персами еще продолжалась, хотя и не въ предѣлахъ Греціи. Республики размѣнялись плѣнниками и Ѳемистоклъ возвратился въ Аѳины, напутствуемый проклятіями спартанцевъ, но встрѣченный восторженными похвалами своихъ согражданъ. Спарта не забывая обиды, нанесенной ей Ѳемистокломъ, жестоко отомстила ему: подкупленные клеветники обвинили его въ соучастіи въ заговорѣ Павзанія (473 г. до Р. Х.). По приговору остракизма, Ѳемистоклъ, объявленный измѣнникомъ, былъ приговоренъ къ изгнанію. Негодуя на согражданъ за ихъ неблагодарность, оклеветанный Ѳемистоклъ оправдалъ клевету: онъ бѣжалъ къ царю персидскому Артаксерксу ¹), давшему недавнему своему врагу цѣлый удѣлъ и осыпавшему его почестями и щедротами. Тоска по родинѣ и угрызенія совѣсти довели однакоже Ѳемистокла до самоубійства (466 г. до Р. Х.). Въ одинаковой степени одаренный высокими достоинствами и презрѣннѣйшими пороками, Ѳемистоклъ снискалъ благодарность и ненависть своихъ согражданъ. За свои побѣды надъ персами онъ заслужилъ имя великаго; за клеветы на Аристида, за постоянные происки и каверзы — имя низкаго интригана. Установленные имъ въ память Саламинской побѣды пѣтушьи бои, вошли у грековъ въ непреложный обычай. Эліанъ говоритъ (кн. II, гл. 28), что Ѳемистоклъ, готовясь къ отплытію и увидя двухъ дерущихся пѣтуховъ — бѣлаго и чернаго, загадалъ, который изъ двухъ останется побѣдителемъ: бѣлый (олицетворявшій греческія войска) или черный? Бѣлый одолѣлъ чернаго, и Ѳемистоклъ, увѣренный въ побѣдѣ, объявилъ своимъ воинамъ о благопріятномъ предзнаменованіи. Такъ искусно великій полководецъ умѣлъ вліять на своихъ подчиненныхъ, употребляя са-

¹) См. Томъ III, глава VI, стр. 57.

мое суевѣріе орудіемъ своего вліянія. Этимъ талантомъ обладали впрочемъ многіе правители и полководцы позднѣйшихъ временъ. Такъ суевѣріе въ рукахъ нашего чудо-богатыря Суворова было нерѣдко могучимъ жезломъ, указывавшимъ солдатамъ путь къ побѣдамъ и къ славѣ. Солдаты наши были твердо убѣждены, что Суворовъ знаетъ небесную планиду и геніальный вождь не выводилъ ихъ изъ этого заблужденія. Немаловажную роль играло суевѣріе и во время отечественной войны 1812 года: кабалистическія выкладки съ буквами именъ Александра и Наполеона ¹), комета, орелъ парившій надъ головою Кутузова при выступленіи нашихъ войскъ изъ Смоленска и т. п., мощно вліяли на умы, пробуждая отвагу и мужество въ самыхъ малодушныхъ.

Ѳемистоклъ окончилъ жизнь свою позорно и вѣсть о его смерти возбудила въ грекахъ одно презрѣніе. Не такъ умеръ Аристидъ, имя котораго донынѣ служитъ синонимомъ человѣка честнаго и безкорыстнаго. Будучи блюстителемъ общественной казны, Аристидъ скончался въ крайней бѣдности и былъ погребенъ на государственный счетъ, завѣщая своему семейству доброе, незапятнанное имя, а республикѣ аѳинской достойнаго своего ученика Кимона, сына Мильціада. Съ 470 по 466 г. до Р. Х. Кимонъ, одержавъ многія блестящія побѣды надъ персами, на сушѣ и на морѣ, вытѣснилъ ихъ изъ Ликіи, Каріи и принудилъ царя Артаксеркса заключить съ аѳинами выгоднѣйшій для нихъ миръ. Независимость малоазіатскихъ колоній была окончательно упрочена.

Въ то время какъ великій вождь прославлялъ оружіе греческое въ Малой Азіи, разныя бѣдствія и неурядицы свирѣпствовали во многихъ областяхъ Греціи. Въ 469 г. Спарта пострадала отъ страшнаго землетрясенія, причемъ гора Тайгетъ рух-

¹) Съ именемъ Александра I сопрягали число 12, игравшее важную роль во многихъ событіяхъ его жизни. Сумма буквъ незлобиваго стиха: И посла Богъ міровн Ангела кротости составляетъ: 1777—годъ рожденія Государя. Переводя точно также на цифры слова: Le (') empereur Napoléon quarante deux—получали апокалипсическое число звѣрино: 666. Находили пророчества о войнѣ въ книгахъ пророковъ: Даніила, Іезекіиля и Исаіи.

нула и погребла подъ своими облочками до 2000 человѣкъ. Мессенійцы, илоты и поселенцы великой Греціи (южной Италіи) подняли знамя мятежа; усмиреніе его повлекло за собою междоусобія... Эти политическіе безпорядки можно было назвать бурями, предшествовавшими благодатному затишью и тому достопамятному періоду исторіи Греціи, который называется *вѣкомъ Перикла* или „золотымъ вѣкомъ бытія республики аѳинской.“

Золото самый дорогой металлъ, не подлежащій порчѣ, издревле обладаетъ свойствомъ портить сердце человѣческое; золото не ржавѣетъ, но почти у каждаго человѣка, имѣющаго въ своемъ обладаніи большое количество золота, сердце ржавѣетъ или черствѣетъ. Золотой вѣкъ Перикла, вѣкъ процвѣтанія наукъ, искуствъ, промышленности и земледѣлія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ нравственной порчи аѳинской республики и изъ этой порчи выработались гибельные начатки паденія Аѳинъ. Безумная роскошь, утонченный развратъ, а съ нимъ и отупѣніе чувствъ нравственности, внѣдрившіеся въ гражданскій бытъ республики, подобно острымъ ядамъ разрушили ея государственный организмъ. Въ царствованіе Перикла мраморъ оживалъ подъ геніальнымъ рѣзцомъ Фидія, но живые люди превращались въ бездушныхъ статуй; Периклъ украсилъ Аѳины великолѣпными храмами и, въ то же время, вытѣснилъ изъ сердецъ согражданъ понятія о божествѣ, или, вѣрнѣе сказать: пластическая красота явилась единственнымъ божествомъ аѳинянъ. Здѣсь невольно задаешься вопросомъ безотвѣтнымъ: почему во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ процвѣтаніе наукъ и изящныхъ художествъ всегда сопрягалось съ упадкомъ нравственности? Вѣка: Франциска I и Людовика XIV во Франціи; Медичи и Льва X въ Тосканѣ и въ Римѣ; Карла II въ Англіи служатъ тому очевидными доказательствами. Или наука и искуства, подобно винамъ, полезны въ количествѣ умѣренномъ и гибельны при употребленіи чрезмѣрномъ?

Супруга аѳинскаго полководца, Ксантиппа (того самаго, по навѣтамъ котораго Мильціадъ умеръ въ оковахъ) за мѣсяцъ до рожденія ею Перикла видѣла сонъ будто она родила льва. Такимъ образомъ будущему младенцу еще до появленія его на свѣтъ уже предрѣкали славную будущность. Периклъ родился въ

491 г. до Р. Х. Прелестная наружность, богатѣйшія умственныя способности; нѣжное, пламенное сердце, обнаруживавшееся въ отрокѣ, подобно воспріимчивой почвѣ ожидали только руки опытнаго воздѣлывателя. Наставникомъ Перикла былъ философъ Дамонъ, ученикъ Зенона и Анаксагора. Ретиво принялся Периклъ за ученіе, выказывая особенное сочувствіе къ правиламъ Пиѳагора. Готовясь съ юныхъ лѣтъ къ важной роли правителя, Периклъ притворялся любителемъ уединенія, тишины и поклонникомъ наукъ. Скромность юноши обратила на него всеобщее вниманіе; его ораторскій талантъ возбуждалъ всеобщее удивленіе. Дѣйствительно, Периклъ обладалъ завиднымъ даромъ слова: рѣчь его не была высокопарна и мощна подобно орлу (таковы были рѣчи Демосѳена); вѣрнѣе всего ее можно было сравнить съ вкрадчивою змѣею, вливавшею тончайшій ядъ лести и лжи въ сердца слушателей. Въ одинаковой степени, умѣя владѣть языкомъ и выраженіемъ своего прекраснаго лица, Периклъ могъ плакать по произволу и исторгать слезы изъ глазъ собесѣдниковъ. Прозвище *олимпійскаго ритора*, данное Периклу соотечественниками, вполнѣ ему приличествовало. Хотя онъ и принадлежалъ, по происхожденію своему, къ аристократіи (къ эвпатридамъ), однако же, при каждомъ удобномъ случаѣ выказывалъ пламенную любовь къ народу, являясь всегда защитникомъ его интересовъ, хотя бы то было въ ущербъ сословіямъ привилегированнымъ. Пойманный на эту удочку народъ отплачивалъ Периклу живѣйшею привязанностью. Заручившись любовью народною, геніальный лукавецъ имѣлъ возможность уронить Кимона въ мнѣніи демократіи и этотъ соперникъ Перикла подвергся остракизму. Путь къ верховной власти былъ очищенъ. Единогласно избранный въ правители республики, Периклъ немедленно перемѣнилъ маску и явился рьянымъ приверженцемъ аристократіи. Ставъ, такимъ образомъ, между двухъ огней, правитель однако же съумѣлъ, не обжигаясь, пользоваться тепломъ отъ одного и другаго. Льстя эвпатридамъ и усыпляя ихъ зависть своими обаятельными рѣчами, Периклъ далъ народу добрый кусокъ хлѣба, занявъ ремесленниковъ прибыльными работами; художниковъ заказами; купцовъ—новыми, доходными промыслами; покровительствуя земледѣльцевъ въ ихъ благородномъ,

честнѣйшемъ трудѣ. Личный врагъ и завистникъ Перикла, Эфіалтъ, умышлявшій на его жизнь, самъ палъ отъ руки тайнаго убійцы, приверженца Перикла. Съ согласія ареопага, Периклъ перенесъ государственную казну съ острова Делоса въ Аѳины и, безъ всякихъ околичностей, началъ располагать ею, какъ своей собственностью. Будто по мановенію волшебнаго жезла, Аѳины украсились великолѣпнѣйшими мраморными зданіями, воздвигнутыми по планамъ геніальнѣйшихъ зодчихъ. Таковыми были: Парѳенонъ, сооруженный Иктиномъ и Калликратидомъ; Одеонъ; Пропилеи — созданіе Мнезиклета, украшенное золотою статуею Минервы, изваянною Фидіемъ. Знаменитѣйшіе храмы: Юпитера Олимпійскаго и Цереры въ Элевзисѣ (строители: Корибатъ, Метагонъ и Холагръ) были также безсмертными памятниками царствованія Перикла. Въ его рукахъ эти произведенія изящныхъ искуствъ были драгоцѣнными игрушками, которыми правитель тѣшилъ народъ, чтобы этотъ избалованный и своенравный ребенокъ не капризничалъ и былъ, какъ говорятъ нянюшки: „умницей". Зодчіе и ваятели, сотрудники Перикла въ великомъ дѣлѣ украшенія Аѳинъ, обворовывали казну безъ зазрѣнія совѣсти: славнаго Фидія раза два уличали въ утайкѣ золота, даннаго ему на изваяніе идоловъ Минервы и Юпитера, но геніальный художникъ оба раза увертывался; на третій — попался и умеръ, какъ казнокрадъ, въ темницѣ. Натурщицами художникамъ, для изображеній ими боговъ и богинь, служили аѳинскія прелестницы: Гетеры и Диктеріады [1]). Аѳинская молодежь, предпочитая живые оригиналы мертвымъ копіямъ, обоготворяя первыхъ не поклонялась вторымъ. Кумиры богинь внушали посѣтителямъ храмовъ однѣ сладострастныя мечты и язычество, во времена Перикла, перешла въ самый чувственный антропоморфизмъ (т. е. обоготворенія человѣка); сладострастіе сдѣлалось религіознымъ догматомъ. Женщины и дѣвицы аѳинскія, забывъ всякій стыдъ, обнажаясь предъ пылкими взорами мужчинъ, одна передъ другою хвалились красотою формъ, домагаясь, какъ особенной

[1]) Ниже мы объяснимъ значеніе этихъ словъ.

чести, попасть въ мастерскую Фидія и служить ему натурщицею. Предъ мраморною копіею народъ въ храмахъ воскурялъ еиміамы, а живой подлинникъ продавалъ свои ласки на вѣсъ золота. Этотъ искаженный взглядъ на нравственность произвелъ радикальное преобразованіе въ одеждѣ женщинъ. Старинныя, длинныя тюники и покрывала, стыдливо окутывавшія женщину съ головы до ногъ, были замѣнены легкими прозрачными платьями съ вырѣзками на груди и на бедрахъ. Обнаженную грудь аѳинянки украшали драгоцѣнными ожерельями; руки и ноги браслетами, пальцы рукъ и ногъ — перстнями. Простыя, льняныя и шерстяныя ткани, изгнанныя изъ употребленія, уступили мѣсто финикійскому виссону, тирскому пурпуру, аравійской парчѣ, шелкамъ и кисеямъ Индіи. Роскошь въ мужскихъ и женскихъ нарядахъ дошла, наконецъ, до безумія. Могла ли она не отразиться и на домашнемъ быту? Прежняя простая утварь и мебель исчезли: золото, серебро, черепаха, алавастръ [1]), черное дерево, слоновая кость — служили матеріалами для выдѣлки мебели и утвари. Для золотой и серебряной посуды пришлось изобрѣтать затѣйливыя яства и напитки и возникла цѣлая наука — гастрономія, доведенная въ Аѳинахъ до высочайшей степени совершенства. Столовыя аѳинскія превратились въ музеумы рѣдчайшихъ яствъ и напитковъ собранныхъ изъ произведеній богатѣйшихъ царствъ природы: растительнаго и животнаго. Пиры аѳинскіе, въ особенности же ужины (такъ называемые аѳинскіе вечера) длились по нѣскольку часовъ. Хозяинъ (амфитріонъ) не забывалъ ничего что только могло услаждать чувства его гостей. Воздухъ былъ упоенъ драгоцѣнными благоуханіями; цвѣточные вѣнки и гирлянды украшали столы, отягощенные кушаньями и напитками; полунагія менады (танцовщицы) и авлетриды (игрицы на флейтахъ) тѣшили взоры и слухъ собесѣдниковъ. По окончаніи пира опьянѣлые гости засыпали въ объятьяхъ прелестницъ. Застольная бесѣда всегда живая, остроумная искрилась шутками, приправленными той игрою словъ, которую до нынѣ на-

[1]) Алавастръ драгоцѣнный въ древности минералъ перламутроваго цвѣта — полевой шпатъ или нынѣшній лабрадоръ.

зываютъ атическою солью. Въ домашнемъ быту женщинъ преобладающею чертою была изнѣженность и склонность къ сумасброднымъ причудамъ. Во времена Перикла аѳинскія женщины ввели въ моду иноземныхъ птицъ пѣвчихъ или украшенныхъ разноцвѣтными перьями и покупали ихъ за баснословныя цѣны. Эту страсть къ птицамъ прозвали особеннымъ видомъ помѣшательства (орнитоманія).

Упомянувъ о женщинахъ, считаемъ нужнымъ объяснить значеніе словъ: Гетера и Диктеріада.

Гетерами (пріятельницами) называли въ древней Греціи эмансипированныхъ женщинъ, посвятившихъ себя служенію наукамъ или художествамъ и не стѣснявшихся ни условіями свѣта, ни общественнымъ мнѣніемъ. Домъ гетеры былъ мѣстомъ сходбища богатой и образованной молодежи, въ бесѣдѣ съ учными, граціозными женщинами, доканчивавшей и усовершенствовавшей свое образованіе. Чтобы удостоиться чести попасть въ гостиную гетеры, мужчинѣ слѣдовало обладать умомъ, любезностью, изяществомъ манеръ и извѣстной долей скромности; наглецовъ и пошляковъ изъ гостиной гетеры выталкивали за двери. Супруга Перикла Аспазія была гетерою, законодательницею модъ и высокимъ образцомъ изящества для аѳинянокъ. Знаменитыя поэтессы: Каринна и Сафо; Лаиса, Фрина и Ѳаиса, были также гетерами. Снискать любовь гетеры могъ только человѣкъ достойный ея любви; она измѣняла ему тогда только, когда встрѣчала достойнѣйшаго. Покинутый любимецъ не имѣлъ права сѣтовать на измѣну: обоюдная независимость была первымъ и непремѣннымъ условіемъ любви гетеры. Отставленный любовникъ при увольненіи въ отставку, на всю жизнь пользовался правами друга.

Диктеріадами греки называли вообще продажныхъ прелестницъ. Чтобы сдѣлаться диктеріадою достаточно было женщинѣ быть красивой и развратной. Гетерою могла быть только женщина умная и образованная.

Роскошь и развращеніе нравовъ, привитыя къ Аѳинамъ Перикломъ и Аспазіею, навлекли на нихъ гнѣвъ Ареопага. Обвиненная въ безбожіи ораторомъ Ѳукидитомъ, Аспазія однако же была оправдана, а Ѳукидитъ изгнанъ. Гораздо труднѣе было оправдаться самому Периклу, на котораго весь народъ роппталъ за расточительность. Благодаря своему искуству говорить красно и убѣдительно, Периклъ выпутался изъ бѣды; ропотъ народный замолкъ и суровый Ареопагъ успокоился. Цвѣтущее положеніе и могущество Аѳинъ возбудили ревность въ Спартѣ, всегда завистливой. Чтобы угомонить кичливую республику и доказать ей, что Аѳины, въ случаѣ надобности, могутъ доказать ей свое превосходство силою оружія, Периклъ вмѣшался въ распрю возникшую между Коринѳомъ и Коркирою и принудилъ ихъ примириться. Это вмѣшательство, пуще прежняго, ожесточило Спарту и вскорѣ вся Греція раздѣлилась на два лагеря. Области недовольныя самовластіемъ Аѳинъ и весь Пелопонезъ приняли сторону Спарты; Хіо, Лесбосъ, Коркира, колоніи малоазіатскія, ѳракійскія и македонскія объявили себя союзниками Аѳинъ. Вспыхнула Пелопонезская война, продолжавшаяся съ кратковременными перерывами 27 лѣтъ (съ 431 по 404 г. до Р. Х).

Многіе историки (и въ числѣ ихъ Діодоръ Сицилійскій) утверждаютъ, будто главнымъ виновникомъ Пелопонезской войны былъ самъ Периклъ, желавшій этимъ гнуснымъ путемъ междоусобной брани отвлечь отъ себя вниманіе Ареопага, уличавшаго его въ казнокрадствѣ. Это обвиненіе несправедливо: война, во всякомъ случаѣ, была неминуема.

Начало войны ознаменовано было взятіемъ Платеи ѳиванскими полководцами Пиѳангеломъ и Діемпоромъ. Затѣмъ спартанскій эфоръ Архидамасъ съ 60,000 воиновъ вторгнулся въ Аттику и, опустошая города и села, приступилъ къ Аѳинамъ; Периклъ съ 20,000 войска, въ свою очередь, опустошалъ Мегариду. Ожесточеніе было одинаково съ обѣихъ сторонъ; грабежи и сожженіе нивъ были неизбѣжными спутниками спартанцевъ въ Аттикѣ и аѳинянъ въ Мегаридѣ. Весною 430 года до Р. Х. Аѳины подверглись ужаснѣйшему бѣдствію: въ городѣ и его окрестностяхъ открылась моровая язва. Пораженный недугомъ чувствовалъ невыносимую головную боль, палящій жаръ, сопровождаемый гнойною сыпью, разливался по всему тѣлу и человѣкъ въ нѣсколько часовъ умиралъ въ жесточайшихъ мученіяхъ. Заболѣвали и умирали тысячи; выздоравливали десятки, да и тѣ немногіе счаст-

ливцы лишались рукъ или ногъ, отваливавшихся вслѣдствіе антонова огня, либо слѣпли. Жажда у зачумленныхъ (по словамъ лѣтописцевъ) была такъ сильна, что они погружались въ воду и захлебывались. Аѳиняне, обезумѣвъ отъ ужаса, называли виновниками моровой язвы своихъ непріятелей, спартанцевъ, отравившихъ будто бы колодцы и даже источники. Замѣчательно, что мысль объ отравленіи—пунктъ помѣшательства простонародья повсемѣстно во время повальныхъ болѣзней. Не забираясь въ даль вѣковъ давно минувшихъ, напомнимъ читателю о безпорядкахъ въ Петербургѣ въ холерный 1831 годъ. Жильцы трущобъ Сѣнной площади разбивали больницы, убивали прохожихъ, врачей и полицейскихъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы они, за одно съ поляками, отравляютъ жизненные припасы, Неву и городскіе каналы... Тоже самое было и въ Парижѣ въ 1832 году. Цивилизованные европейскіе народы XIX столѣтія въ тяжкія годины бѣдствій безумствовали, точно также, какъ и греки V вѣка до Р. Х. Жертвами аѳинской чумы пали въ числѣ многихъ тысячъ—дѣти Перикла. Несчастный правитель не имѣлъ времени ихъ оплакивать: онъ предавалъ огню трупы умершихъ, заботился о больныхъ, вдовахъ и сиротахъ; усмирялъ мятежъ и въ тоже время дѣятельно занимался приготовленіями къ войнѣ, собираясь съ вооруженными галерами плыть къ берегамъ Пелопонеза. Затмѣніе солнца, заставшее флотилію Перикла въ Пиреѣ, навело паническій страхъ на всѣхъ его спутниковъ, а кормчій его корабля рѣшительно отказался взяться за руль.

— Безумецъ! сказалъ ему Периклъ, накидывая кормчему на голову свою хламиду—видишь-ли ты что нибудь?

— Ничего не вижу...

— Не видишь потому, что между твоими глазами и дневнымъ свѣтомъ находится темное тѣло. Точно также теперь, между солнцемъ и землею находится планета его затмившая. Пройдетъ затмѣніе и солнце опять появится въ полномъ блескѣ.

Опытъ и убѣдительный голосъ Перикла придалъ бодрости малодушнымъ и флотилія пустилась въ путь. Но не такъ-то легко было разсѣять суевѣрный ужасъ аѳинянъ, боровшихся съ чумою. Жители сгруппировались на три партіи: одна молилась богамъ и приносила имъ напрасныя жертвы; другая, позабывъ боговъ, тѣшилась всѣми наслажденьями жизни въ ожиданіи смерти; третья занялась грабежемъ и разбоемъ. Съ утра и до ночи въ окрестностяхъ города пылали костры, на которыхъ горѣли трупы погибшихъ отъ чумы и клубы смраднаго дыму черными тучами носились надъ бѣдствующимъ городомъ. Разоривъ Эпидавръ, Периклъ съ богатою добычею возвратился въ Аѳины и былъ встрѣченъ всеобщимъ ропотомъ за всѣ бѣдствія войны и моровой язвы. Оправдательная рѣчь Перикла была его лебединой пѣснію: чума не пощадила великаго правителя. Крѣпкая его натура и врачебныя средства продлили на нѣсколько дней его жизнь, но вмѣстѣ съ нею и мученія больнаго.

Одинъ изъ друзей Перикла, посѣтивъ страдальца, нашелъ его лежащимъ на роскошномъ ложѣ и обвѣшаннымъ разными симпатическими амулетками, присланными къ нему знатными аѳинянками. Посѣтитель спросилъ больнаго о его здоровьи.

— Можешь судить до какой степени мнѣ худо, отвѣчалъ Периклъ, показывая на амулетки, если я, для моего излеченія, не пренебрегаю даже смѣшными средствами суевѣровъ!

Желая разсѣять больнаго, посѣтитель завелъ рѣчь о славныхъ его дѣяніяхъ и о громадныхъ услугахъ, оказанныхъ Аѳинамъ.

— Я могу гордиться только тѣмъ, сказалъ умирающій, что во все время моего правленія я никого не заставилъ ни плакать, ни носить траурнаго одѣянія!

На другой день трупъ Перикла былъ сожженъ на кострѣ. Нѣсколько горстокъ золы и обуглившихся костей—вотъ все что осталось отъ великаго мужа, но сооруженные имъ памятники сохранились до нынѣ па удивленіе потомства; но имя Перикла и память о немъ не умрутъ, покуда будетъ существовать наука исторіи.

Описывая признаки аѳинской моровой язвы, мы забыли упомянуть о первомъ изъ нихъ—чиханіи. Нѣкоторые историки полагаютъ, будто съ того времени у грековъ вошло въ обычай желать здоровья чихающему, а отъ грековъ обычай этотъ распространился повсемѣстно и перешелъ даже къ новѣйшимъ народамъ. Впрочемъ о чиханьи и о сопряженныхъ съ нимъ повѣрьяхъ и

примѣтахъ написано такое множество красноречивыхъ диссертацій, что мы за справедливость нашей замѣтки не осмѣливаемся поручиться.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Состояніе Аѳинъ послѣ смерти Перикла. — Продолженіе войны.—Разныя бѣдствія.—Очищеніе Делоса. — Клеонъ.— Его подвиги.—Комедія Аристофана.—Миръ.—Алкивіадъ.— Его пороки. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Статуи Меркурія.—Кощунства Алкивіада. — Зловѣщее предзнаменованіе.—Бѣгство Алкивіада.—Гибель Никія и Демосѳена.—Возвращеніе Алкивіада въ Аѳины.—Празднества элевзинскія.—Іерофантъ.—Замѣтка о цикутѣ. — День Иганѳерій. — Алкивіадъ во Ѳракіи. — Лизандръ. — Битва при Эгосъ Потамосъ.—Униженіе Аѳинъ и главенство Спарты.— Тираны.—Убіеніе Алкивіада. -Павзаній II. — Агезилай.— Деспотизмъ Спарты.—Ѳиванская война.—Подвиги Пелопида и Эпаминонда.—Левктры.—Мантинея.—Неурядицы.—Фокейская или священная война.—Ея причины.—Вмѣшательство Филиппа Македонскаго. — Порабощеніе Греціи.—Заключеніе.

— Со смертью Перикла могущество и слава Аѳинъ миновали безвозвратно. Борьба со Спартою и ея союзниками была не по силамъ республикѣ, поглощая множество жертвъ и истощая казну до такой степени, что каждая побѣда аѳинянъ надъ непріятелями не вознаграждала ихъ ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ. Правителями Аѳинъ послѣ Перикла были: Гагнонъ, Пахетъ, Клеонъ далеко уступавшіе ему въ дарованіяхъ. Гагнонъ овладѣлъ Потидеею; Пахетъ возмутившимся Лесбосомъ, причемъ наказалъ мятежниковъ отнявъ у нихъ, въ пользу храмовъ, 300 участковъ земли; демагогъ Клеонъ—завистливый хвастунъ, почитавшій себя геніальнымъ администраторомъ и полководцемъ, поддерживалъ въ согражданахъ духъ вражды и ненависти къ

Спартѣ, хотя обѣ республики постигнутыя всевозможными естественными бѣдствіями видимо сочувствовали миру. Въ 427 г. до Р. Х. моровая язва прекратилась, но взамѣну ея въ Греціи повсемѣстно было сильное землетрясеніе; Оробія, на берегахъ Эвбеи была разрушена и потоплена, затѣмъ слѣдовало страшное изверженіе Этны и моровое повѣтріе въ Сициліи. Видя во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ проявленіе гнѣва боговъ, аѳиняне и спартанцы совершали молебствія, приносили жертвы. Оракулъ дельфійскій объявилъ, что боги караютъ грековъ за оскверненіе священнаго острова Делоса погребеніемъ на немъ усопшихъ, въ особенности же тѣмъ, что женщины дерзали рожать на немъ (Діодоръ Сицил. кн. XII, гл. 24). Островъ былъ подвергнутъ торжественному очищенію и, подъ опасеніемъ смертной казни, запрещено было впредь осквернять священную его землю—преданіемъ ей труповъ или женскими родами. Таково вліяніе испытаній свыше на умы народовъ—идолопоклонниковъ: чѣмъ тяжеле бѣдствія, тѣмъ люди суевѣрнѣе.

Аѳинскій полководецъ Демосѳенъ, съ значительными силами, былъ посланъ въ Этолію, Амбрацію и Левкаду для покоренія этихъ областей, преданныхъ Спартѣ. Потерпѣвъ жестокое пораженіе при подножіи горы Коракса онъ отступилъ къ Навпактѣ и, въ свою очередь, разбилъ амбраційцевъ въ ущельяхъ Идоменеи. Этотъ перевѣсъ надъ врагами, далъ аѳинянамъ возможность возобновить Пилосъ (Наваринъ), разрушенный спартанцами, и возвести въ немъ новыя укрѣпленія. Бразидасъ полководецъ спартанскій, посланный для овладѣнія Пилосомъ, палъ подъ его стѣнами. Вѣсть о его пораженіи побудила Спарту отправить въ Аѳины пословъ для мирныхъ переговоровъ и они, безъ сомнѣнія, привели-бы къ благопріятному результату, если-бы неугомонный Клеонъ, видя въ нихъ признакъ слабости враговъ, не настоялъ на продолженіи войны, предложивъ спартанцамъ для заключенія мира самыя постыдныя условія. По милости этого демагога обѣ республики, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, продолжали междоусобіе. Обвиняя полководцевъ въ недостаткѣ энергіи Клеонъ доказывалъ имъ, что нѣтъ ничего легче какъ овладѣть островомъ Сфактеріей и тѣмъ значительно ослабить спартанцевъ. На народномъ совѣтѣ самому Клеону предложили подтвердить истину

своихъ словъ на опытѣ и онъ, скрѣпя сердце, отправился на Сфактерію защищаемую Эпитадомъ и Гиппагростомъ (425 г. до Р. Х.). Сдѣлавъ высадку, Клеонъ обложилъ городъ и отчаяваясь въ успѣхѣ, въ теченіе семидесяти двухъ дней держалъ его въ осадѣ. Пожаръ лѣса помогъ Клеону отважиться на приступъ: Эпитадъ и Гиппагрестъ пали въ бою и Сфактерія была взята. Съ богатой добычей и со множествомъ плѣнныхъ, кичась побѣдою, неожиданной для него самого, Клеопъ возвратился въ Аѳины. Глупцы и недальновидные энтузіасты встрѣтили его съ восторгомъ; люди благомыслящіе—съ презрѣніемъ. Аристофанъ осмѣялъ хвастуна въ своей комедіи „Всадники", въ которой вывелъ народъ аѳинскій въ видѣ дряхлаго, выжившаго изъ ума старика, а Клеона въ видѣ пройдохи управителя. Вмѣсто чаямыхъ лавровъ, голову Клеона осѣнили шутовскія гремушки.

Подобно всѣмъ продолжительнымъ войнамъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ временъ, Пелопонезская война была похожа на шахматную партію, въ которой игроки размѣниваются фигурами, взаимно ослабляя другъ друга. Спартанцы грабили области аѳинскія; аѳиняне—спартанскія. Никій овладѣлъ Киѳерою; Демосѳенъ и Гиппократъ заняли Низію (гавань Мегары) и опустошили берега Пелопонеза. Въ свою очередь спартанцы выиграли у Гиппократа битву при Деліонѣ, въ которой онъ былъ убитъ, а вождь ихъ Вразидъ покорилъ Ѳракію. Наконецъ благодаря Никію, между враждовавшими сторонами заключено было перемиріе на пятьдесятъ лѣтъ (въ 421 г. до Р. Х.). Первыя десять лѣтъ Пелопонезской войны привели Спарту и Аѳины къ тому убѣжденію, что „худой миръ лучше доброй ссоры."

Къ несчастію Греціи судьба послала ей на гибель злаго демона, геніальнаго негодяя, дерзнувшаго положить на одни вѣсы свое дрянное самолюбьице съ участью нѣсколькихъ тысячъ людей и спокойствіемъ отечества. Человѣкъ этотъ, достойное исчадіе своего вѣка, герой своего времени, былъ Алкивіадъ, сынъ Клинія, попавшій въ великіе люди потому, что аѳиняне стали слишкомъ мелки и вступили въ періодъ перерожденія къ худшему. Солонъ былъ представителемъ младенчества Аѳинъ; Пизистратъ—юности; Периклъ—возраста мужества; Алкивіадъ дряхлости и умственнаго отупѣнія. Сравнивая давно минувшее время съ настоящимъ—Францію съ Аѳинами, эпоху революціи 1789 года можно уподобить вѣку Солона; консульство — правленію Пизистрата; первую имперію—царствованію Перикла; вторую—временамъ Алкивіада. Аѳинскій герой, чтобы занять чѣмъ нибудь общественное мнѣніе рубилъ хвостъ своей собакѣ, а французскій Алкивіадъ — герой 2 декабря не щадилъ человѣческихъ головъ, забавляя Францію войнами въ трехъ частяхъ свѣта.

Мы не намѣрены утомлять читателя подробной біографіей Алкивіада и ограничимся только обзоромъ тѣхъ событій его жизни, при которыхъ онъ имѣлъ столкновенія съ религіозными убѣжденіями своихъ соотичей. Одаренный умомъ и всѣми талантами особенно любезными аѳинянамъ, отличный ораторъ (не смотря на дѣтское пришептыванье), съ душой развращенной и испорченной—Алкивіадъ къ стыду Сократа былъ его ученикомъ. Усвоивъ отъ великаго мудреца теоретическія правила добродѣтели, онъ никогда не умѣлъ и не хотѣлъ примѣнять ихъ къ дѣлу; прекрасно говорилъ, но гнусно поступалъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ не давалъ покою гражданамъ аѳинскимъ, вкрадчивыми своими рѣчами раздувалъ въ ихъ сердцахъ ненависть къ спартанцамъ и обѣщая имъ владычество надъ всею Греціею, если только ему довѣрятъ главное начальство надъ войсками. Настойчивость Алкивіада увѣнчалась успѣхомъ и война возобновилась, не взирая на разумные доводы Никія и Сократа. Ареопагъ рѣшилъ, по настояніямъ Алкивіада, снарядить флотъ для завоеванія Сициліи, довѣривъ его начальство Алкивіаду, Никію и Ламаху. Наканунѣ отплытія всѣ статуи Меркурія на аѳинскихъ площадяхъ были гнуснымъ образомъ изуродованы и опрокинуты; въ этомъ глумленіи надъ богами всеобщая молва обвинила Алкивіада. Въ Ареопагъ явились свидѣтели, доказывавшіе, что верховный вождь, кромѣ того, былъ неоднократно замѣченъ въ неуваженіи къ богинямъ Церерѣ и Прозерпинѣ, а равно и въ кощунствѣ; ибо неоднократно онъ облачался въ одѣяніе іерофанта и въ смѣшномъ видѣ изображалъ обряды элевзинскихъ таинствъ. Судебное слѣдствіе могло замедлить походъ и потому, отложивъ его до времени, архонты приказали Алкивіаду готовиться къ отплытію. Оно пришлось въ тотъ

день праздника Адониса, когда въ храмахъ оплакивали гибель любовника Реи (См. Томъ V гл. 1. стр. 13) и въ этомъ сближеніи многіе видѣли зловѣщее предзнаменованіе. Начальники флота совершили узаконенныя возліянія въ честь Нептуна и флотъ отплылъ изъ Пирея. Подъ начальствомъ аѳинскихъ вождей находилось 134 корабля и 20,000 воиновъ. По прибытіи въ Сицилію, Алкивіадъ, безъ особеннаго труда, овладѣлъ Никіею и Катаною; готовился и къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, но его вызвали въ Аѳины къ суду, по дѣлу объ увѣчьи причиненномъ идоламъ Меркурія. Замѣшанные въ этомъ дѣлѣ извѣстные безбожники: Тимей и Андокидъ указывали на Алкивіада какъ на сообщника. Человѣкъ честный и правый, конечно, не побоялся бы предстать предъ судилищемъ; Алкивіадъ будучи ни тѣмъ, ни другимъ бѣжалъ въ Спарту и предложилъ свои услуги врагамъ аѳинянъ. Здѣсь-то во всей наготѣ выказались какъ чернота его души, такъ равно и способность уживаться и ладить съ людьми противуположныхъ и иныхъ съ нимъ мнѣній и правилъ. Въ Аѳинахъ Алкивіадъ удивлялъ согражданъ роскошью и распутствомъ; въ Спартѣ онъ удивилъ суровѣйшихъ постниковъ воздержностью и скромностью: носилъ грубую одежду, довольствовался кускомъ черстваго хлѣба и черной ликурговской похлебкой, вина въ ротъ не бралъ. Эта покорность строгимъ уставамъ республики дала Алкивіаду возможность сблизиться съ вождями спартанскими и настроивать ихъ противъ аѳинянъ.

Никій приступилъ къ осадѣ Сиракузъ (415—414 г. до Р. Х.), но вслѣдствіе чумы обнаружившейся въ его лагерѣ рѣшился отступить и покинуть берега Сициліи. Это отступленіе аѳинскій полководецъ могъ бы совершить успѣшно и безъ всякого позора, если бы не послушалъ жрецовъ, которые, по случаю затмѣнія луны, присовѣтовали ему отложить отступленіе на три дня. Покорность глупому суевѣрному обычаю была причиною гибели всего греческаго флота: онъ былъ сожженъ сиракузянами, воины были захвачены въ плѣнъ; Никій и Демосѳенъ были преданы смертной казни. Одновременно съ этимъ бѣдствіемъ, въ Аѳинахъ начались смуты, имѣвшія цѣлію перемѣну въ правленіи, именно— учрежденіе олигархіи. Доведенный до отчаянія народъ призвалъ

Алкивіада изъ его добровольнаго заточенія и презрѣнный переметчикъ, измѣнивъ Спартѣ, возвратился въ Аѳины (411 г. до Р. Х.). Желая опровергнуть на дѣлѣ возведенныя на него обвиненія въ безбожіи, Алкивіадъ немедленно по прибытіи въ Аѳины, возстановилъ во всемъ прежнемъ великолѣпіи религіозныя торжества элевзисскія, сопровождаемыя узаконенными процессіями. Въ послѣднихъ онъ самъ принималъ самое усердное участіе, возбуждая вообще удивленіе своимъ поддѣльнымъ благочестіемъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ процессіи былъ верховный жрецъ Цереры (іерофантъ) въ коронѣ на головѣ и въ свѣтлой одеждѣ осыпанной золотыми звѣздами. Этотъ іерофантъ былъ обязанъ всю жизнь соблюдать обѣтъ безбрачія, для чего, по словамъ лѣтописцевъ, онъ ежедневно натирался сокомъ цикуты (cicuta virosa L или conium maculatum L). Это растеніе играло важную роль не только въ аѳинскихъ богослужебныхъ обрядахъ и таинствахъ, но и въ тамошнемъ судопроизводствѣ. Сокомъ цикуты отравляли государственныхъ преступниковъ [1]).

По окончаніи религіозныхъ торжествъ Алкивіадъ отплылъ съ флотомъ аѳинскимъ къ берегамъ Малой Азіи съ цѣлію покорить Хіосъ, Эфесъ и Милетъ. Жрецы предрекали ему неудачу, такъ какъ онъ отплылъ въ тяжелый день Плинѳерій, въ который идолъ Минервы завѣшивали покрываломъ. Военныя дѣйствія свои Алкивіадъ началъ блокадою острова Андроса, но оттѣсненный къ берегамъ Іоніи онъ сдалъ начальство Антіоху; послѣдній отважился сразиться съ Лизандромъ—спартанскимъ и потерпѣлъ жестокое пораженіе. По приговору архонтовъ Алкивіадъ былъ смѣненъ и начальство надъ войсками ввѣрено было десяти вождямъ, изъ которыхъ одинъ только Кононъ могъ назваться талантливымъ полководцемъ. Обиженный Алкивіадъ бѣжалъ во Ѳракію и пріютился въ городѣ Византіи (Родосто), въ которомъ оста-

---

[1]) Eusèbe de Salvertes (Essai sur les sciences occultes. P. 1814. r. 8 ...) говоритъ, что мази и втиранія изъ наркотическихъ ядовъ обладаютъ свойствомъ представлять во снѣ усыпленному ими человѣку будто онъ летаетъ по воздуху въ какія-то невѣдомыя страны. Такъ морочили жрецы посвященныхъ въ ихъ таинства, а средневѣковые колдуны—жертвъ суевѣрія, будто-бы нечистою силою уносимыхъ на шабашъ.

вался праздным зрителем борьбы обѣих республик, ему в одинаковой степени враждебных.

Личный враг и ненавистник Алкивіада—Лизандр, вождь спартанскій, заключив союз с персами, окончил утомительную Пелопонезскую войну, истребив аѳинскій флот в устьях ѳракійской рѣки Эгосъ Потамоса (401 г. до Р. Х.), отторгнув от республики всѣ подвластныя ей области и овладѣв Аѳинами. Республика навсегда лишилась своего главенства над Греціею и смиренно уступив свое мѣсто Спартѣ снизошла на степень области второстепенной. Лизандр явился чуть не самодержавным обладателем всѣх греческих областей. Управленіе Аѳинами ввѣрено было тридцати администраторам, извѣстным в исторіи под именем тиранов. Они грабили и угнетали народ, доводя его до отчаянія. В третій раз аѳиняне намѣревались призвать Алкивіада, но он был убит злодѣями, подосланными к нему от спартанцев. Соперник Лизандра Павзаній II смягчил участь Аѳин, преобразовав в них гражданское управленіе (401 г. до Р. Х.), но могла ли примириться со своею плачевною участью республика, пред которою в былыя времена раболѣпствовала вся Греція?

Страсть спартанцев к завоеваніям вовлекла их сначала в союз с персидским царем Киром младшим (см. том III стр. 64—70), а потом в войну с его преемником Артаксерксом Мнемоном. Побѣды Агезилая, царя спартанскаго, угрожали опасностью монархіи великаго Кира, но аѳиняне, ѳиванцы, коринѳяне и аргосцы, отклонив удар, приняли сторону персов. В отмщеніе за это, Агезилай чрез посредство Анталкида заключил с Артаксерксом постыдный мир (387 г. до Р. Х.), главною статьею котораго было признаніе владычества Персіи над малоазіатскими греческими колоніями. Тяжкое ярмо рабства, наложенное на всю Грецію Спартою, не могло быть выносимо и знамя возстанія для сверженія ига было поднято ѳиванцами... Началась знаменитая ѳиванская война (370—361 г. до Р. Х.), истощившая у всей Греціи послѣднія силы и доведшая ее до крайняго изнеможенія. Длинный ряд междоусобій, ознаменовавших послѣдніе годы самостоятельнаго бытія республик

древней Греціи, служит самым сильным опроверженіем мечтателям, полагающим благо народов в многоголовном правленіи. Самая благоустроенная республика всегда напоминает баснословную гидру—символ безначалія.

Пелопид избавил Ѳивы от угнетавших их тиранов и друг его Эпаминонд—послѣдователь ученія Пиѳагора—с самыми незначительными силами рѣшились защищать свободу Греціи от самовластія Спарты. Послѣ нѣскольких незначительных схваток, рѣшительная битва между ѳиванцами (в числѣ 12,000 пѣхоты и 1200 конницы) и лакедемонянами (превосходивших их численностью вдвое), предводимыми Клеомбротом, произошла на границах Беотіи, близ деревни Левктры (нынѣ Ливадостро). Вожди ѳиванскіе и товарищи Пелопида и Эпаминонда убѣждали послѣдняго уклониться от боя, но полководец отвѣчал им стихом Гомера: „защитнику родины всегда помогают сами боги“! Чтобы пріободрить робѣвших своих воинов, Эпаминонд распустил между ними слух, будто двери всѣх храмов в Ѳивах отверзлись сами собою, а хранившееся в одном из них вооруженіе Геркулеса исчезло, в ознаменованіе того, что сам полу-бог незримо присутствует в рядах ѳивян. Эти слухи одушевили войска: неисправимым трусам Эпаминонд предложил удалиться из рядов. Исход битвы был самый благопріятный для ѳиванцев: спартанцы, разбитые на голову, бѣжали. Пользуясь побѣдою Эпаминонд и Пелопид со своими сосоюзниками вторглись в Пелопонез, опустошили берега Эвротаса и угрожали самой Спартѣ, которую однако же пощадили, благодаря ходатайству Аѳин. В 364 г. до Р. Х. Эпаминонд лишился своего вѣрнаго сподвижника Пелопида, павшаго в битвѣ с Александром, тираном ферсским, но с удвоенною энергіею продолжал борьбу. Аркадійцы, пользуясь празднованіем в Олимпіи CIV олимпіады ворвались в город и разграбив храм удалились, обуянные суевѣрным ужасом. К спартанцам присоединились аѳиняне, чтобы положить предѣл успѣхам оружія ѳиванцев. Участь их была рѣшена на полях Мантинеи (27 іюня 362 года до Р. Х.). Смертельно раненный дротиком, Эпаминонд был вынесен из рядов, но сохраняя полное присут-

ствіе духа, слѣдилъ за ходомъ битвы и отдавалъ приказанія. Восторгъ его былъ выше всякаго описанія, когда ему принесли вѣсть о побѣдѣ. Тогда герой приказалъ принести свой щитъ и спросилъ у присутствовавшихъ, не достоинъ ли щитъ этотъ названія священнаго? Видя слезы друзей своихъ, Эпаминондъ утѣшалъ ихъ, говоря, что оставляетъ по себѣ двухъ безсмертныхъ дочерей: Левктру и Мантинею, а потому и умираетъ спокойно. Вырвавъ изъ груди дротикъ, Эпаминондъ испустилъ духъ и былъ похороненъ на полѣ мантинейскомъ. Его могильный холмъ, украшенный кипцомъ, еще существовалъ въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., возбуждая въ посѣтителяхъ благоговѣніе къ памяти героя. Съ его кончиною слава и могущество Ѳивъ затмились. Греція, раздираемая междоусобіями, сдѣлалась театромъ крайняго безначалія. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣвали въ сердцахъ эллиновъ чувства религіозности; почитаніе боговъ и соблюденіе обрядовъ еще сохранялись между ѳессалійцами и жителями Беотіи. Впрочемъ первые занимались чародѣйствомъ, а вторые славились тупоуміемъ и суевѣріемъ.

Фокейская или священная война была слѣдствіемъ святотатства Фокеянъ, овладѣвъ священными полями храма Аполлона, обрѣченными на вѣчное безплодіе, превратили ихъ въ нивы; спартанцы точно также поступили съ Кадмеею. За это амфиктіоновъ судъ приговорилъ фокеянъ къ пенѣ и предалъ спартанцевъ вѣчному проклятію. Филомелъ вождь фокейскій, отказавшись отъ платежа тяжкой пени, предложилъ Архидамасу спартанскому союзъ противъ своеволія ѳеократовъ и для отторженія, вооруженною рукою, храмовыхъ имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ. Архидамасъ уклонился отъ союза вооруженнаго, однако же далъ Филомелу значительную сумму денегъ на военныя издержки. Овладѣвъ Дельфами безбожникъ обратился къ пиѳіи съ вопросомъ: угодны ли богамъ его поступки? Пиѳія молчала; тогда Филомелъ далъ ей нѣсколько толчковъ и испуганная прорицательница отъ имени Аполлова объявила ему, что онъ можетъ дѣлать что хочетъ! Отвѣтъ уклончивый, но святотатецъ имъ удовольствовался и до чиста ограбилъ храмъ (355 г. до Р. Х.). Онъ погибъ въ битвѣ съ беотійцами на вершинахъ Парнасса, но братья его: Ономархъ и Фаилъ успѣшно продолжали начатое Филомеломъ: разоряли и гра-

били храмы, золотыхъ и серебряныхъ идоловъ переплавляли въ монету, убивали жрецовъ, выжигали священныя рощи и питались мясомъ жертвенныхъ животныхъ. Въ Ѳессаліи грабители были отражены фалангами Филиппа, царя македонскаго. Могучіе противники грабителей, въ знакъ того, что защищаютъ святыню, сражались въ шлемахъ, осѣненныхъ лавровыми вѣтвями, замѣнявшими имъ и знамена. Это первое столкновеніе грековъ съ македонянами было прологомъ къ длинному ряду войнъ съ могущественнымъ врагомъ, покорившимъ всю Грецію, а потому оканчивая здѣсь историческій обзоръ этой страны мы перейдемъ къ таковому же обзору Македоніи. Во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ, Греція играла роль пасивную, второстепенную; героями тридцатисемилѣтняго періода древней исторіи (360—323 г. до Р. Х.) были цари македонскіе: Филиппъ и сынъ его Александръ Великій.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Царство Македонское.—Каранъ.—Сыновья царя Аминта.—Филиппъ и Эпаминондъ.—Бѣгство въ Македонію.—Преобразованіе—Фаланги и дружины.—Завоеванія.—Золотые рудники.—Царь Котисъ.—Осада Меѳоны.—Стрѣлокъ Астеръ.—Бракъ Филиппа.—Рожденіе Александра Великаго.—Комета и пожаръ эфезскаго храма.—Геростратъ.—Три радости.—Предсказаніе о колесницѣ.—Политика царя и рѣчи Демосѳена.—Побѣды.—Фокіонъ.—Скиѳы.—Отвѣтъ Аѳеана.—Битва съ трибаллами.—Циклопъ, Вулканъ, Юпитеръ.—Подкупы и сила золота.—Законодатель Антифонъ.—Распри ораторовъ.—Битва при Херонеѣ.—Слова Демада.—Ужасъ Аѳинъ.—Общество шестидесяти.—Растлѣніе нравовъ.—Демокаресъ.—Вторая жена.—Примиреніе съ Олимпіею.—Предсказаніе Пиѳіи.—Павзаній и Атталъ.—Совѣтъ Гермократа.—Брачный пиръ.—Апоѳеоза Филиппа и его убіеніе.—Анекдоты изъ его жизни.—Слова Парменіона.

Царство Македонское, основанное Караномъ, въ 794 д. до

Р. Х. первоначально было заселено выходцами изъ странъ варварскихъ, можетъ быть даже и скиѳами; хотя Карана и величали потомкомъ Геркулеса, но Геродотъ (кн. V гл. 22) о томъ не говоритъ ни слова. Отъ временъ Карана до воцаренія Филиппа, въ теченіе четырехсотъ тридцати четырехъ лѣтъ, насчитываютъ до шестнадцати царей, но ни одинъ изъ нихъ не удостоился занять мѣста въ исторіи. При нихъ Македонія—слабая, ничтожная, была данницею могущественныхъ республикъ греческихъ, попеременно: Аѳинъ, Спарты, Ѳивъ; а въ царствованіе Аминта II, съ помощью ѳессалійцевъ Македонія освободилась отъ дани, которую платила жителямъ Олинѳа. Аминтъ умеръ въ 375 г. до Р. Х., оставивъ послѣ себя трехъ законныхъ сыновей: Александра, Филиппа, Пердику и одного незаконнаго—Птоломея. Александръ царствовалъ только одинъ годъ; преемникъ его Пердика былъ принужденъ силою оружія отстаивать свой престолъ противъ покушеній Птоломея. Для прекращенія усобицы, враждовавшіе между собою братья обратились съ посредничеству Пелопида, который рѣшивъ вопросъ въ пользу законнаго наслѣдника примирилъ Птоломея съ Пердикою, потребовавъ у послѣдняго тридцать заложниковъ и въ числѣ ихъ десятилѣтняго Филиппа (онъ родился въ 383 году до Р. Х.).

Привезенный въ Ѳивы, царевичъ македонскій былъ отданъ на попеченіе славнаго Эпаминонда, соединявшаго въ прекрасной душѣ своей съ правилами безукоризненной нравственности, дарованія полководца, правителя и прозорливаго политика. Усвоивъ таланты своего воспитателя, Филиппъ не могъ усвоить его добродѣтелей; лукавство и скрытность были главными недостатками царевича. Всѣ историки, единогласно, удивляются тому роковому предопредѣленію, которое судило будущему поработителю Греціи быть воспитанникомъ ея освободителя. Эпаминондъ преподавалъ Филиппу правила тактики и стратегіи и талантливый ученикъ, впослѣдствіи времени воспользовался этими уроками въ войнахъ своихъ съ соотечественниками своего учителя. Въ отношеніяхъ своихъ къ Греціи, Филиппъ напоминалъ змѣю, уязвившую ту грудь, на которой она была пригрѣта. Пердика умеръ и завѣщалъ престолъ малолѣтнему своему сыну Аминту III. Пользуясь этимъ переворотомъ, Филиппъ

бѣжалъ въ Македонію и провозгласивъ себя опекуномъ племянника, вскорѣ прибралъ къ рукамъ верховную власть и наименовался царемъ (372 г. до Р. Х.). Стараясь благодѣяніями заставить позабыть своихъ подданныхъ, что онъ похититель престола, Филиппъ, по образцу священнаго легіона ѳиванцевъ, преобразовалъ войско, обучивъ его строиться фалангами и учредивъ свиту тѣлохранителей царскихъ, которыхъ назвалъ товарищами и слугами (ѳеропевтами) царскими. Въ товарищи онъ избралъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій, съ той цѣлью, чтобы приближеніемъ ихъ къ престолу тѣшить ихъ честолюбіе, а благодѣяніями и довѣрчивостію удерживать отъ всякихъ преступныхъ умысловъ на особу царскую. Къ числу обширныхъ правъ членовъ царской дружины принадлежало совершенное изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія: одинъ только царь могъ поднимать на нихъ руку и то келейно, отнюдь же не всенародно. Имѣя превосходно дисциплинованное войско Филиппъ могъ приступить къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ замысловъ, дѣйствуя оружіемъ противъ слабѣйшихъ и силою ума противъ сильнѣйшихъ себя. Заискивая расположеніе Аѳинъ, Филиппъ въ угоду республикѣ призналъ независимость Амфиполиса подъ ея покровительствомъ, а этотъ городъ, надобно замѣтить, стоялъ на границахъ Ѳессаліи и въ рукахъ царя македонскаго могъ быть опасенъ этой области особенно своими укрѣпленіями. Затѣмъ Филиппъ покорилъ пеонійцевъ и одержалъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ надъ иллирійцами, часто тревожившими македонскія области своими набѣгами. Наружно покорствуя предъ греческими республиками, Филиппъ, въ тоже время, во всѣхъ ихъ городахъ содержалъ многочисленныхъ лазутчиковъ, слѣдившихъ за ходомъ тамошнихъ дѣлъ и агитаторовъ, принимавшихъ дѣятельное участіе во всѣхъ народныхъ волненіяхъ. Во время ѳиванской войны Филиппъ соблюдалъ строжайшій нейтралитетъ, съ тайной радостью взирая на униженіе Аѳинъ, Спарты и на ослабленіе торжествующихъ Ѳивъ. Пользуясь междоусобіями грековъ, Филиппъ покорилъ Амфиполисъ; овладѣлъ Пидною, Потидеею и Кренидами, близь которыхъ нашелъ богатѣйшіе золотые пріиски, дававшіе ежегодно до 1000 талантовъ (1.500.000 руб. сер.). Этотъ городъ онъ переименовалъ Филиппами въ свою

честь. Началась священная война и пользуясь ею, Филиппъ двинулся съ своими войсками въ Ѳракію, гдѣ царствовалъ Котисъ, помѣшанный, влюбленный въ Минерву. Этотъ бѣдный сумасбродъ отыскивалъ богиню, скитался въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ по доламъ и по горамъ, дѣлая привалы въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя по красотѣ почиталъ достойными быть пріютами богини. Небольшаго труда стоило Филиппу овладѣть царствомъ Ѳракійскимъ, за которымъ послѣдовала осада Меѳоны. Здѣсь, подъ стѣнами города, въ станъ Филиппа явился нѣкто Астеръ и предложилъ ему свои услуги. По собственному признанію переметчика, онъ былъ такой искусный стрѣлокъ, что не давалъ промаха ни по одной птицѣ. „Я возьму тебя къ себѣ на службу", сказалъ ему Филиппъ — „когда буду воевать съ жаворонками"! Оскорбленный Астеръ удалился, давъ клятву отомстить царю. На другой же день съ городской стѣны въ него была пущена стрѣла, вонзившаяся ему въ правый глазъ. Къ перьямъ стрѣлы была прикрѣплена записка: „Царю Филиппу отъ Астера, въ правый глазъ". Окривѣлый царь велѣлъ пустить въ городъ другую стрѣлу съ надписью: „По взятіи города, царь Филиппъ повѣситъ Астера"! Городъ былъ взятъ и царь сдержалъ свое слово. Съ этого времени, однако, никто изъ придворныхъ въ присутствіи Филиппа не дерзалъ произносить слова „циклопъ" для него ненавистнаго.

Въ 357 году до Р. Х. царь женился на Олимпіи сестрѣ эпирскаго царя Арриба. Брачныя торжества совершались въ Пеллѣ, столицѣ Македоніи, а на слѣдующій 356 годъ, 20 сентября (6 число чекатомбеона 1 года CVI Олимпіады), царица разрѣшилась отъ бремени сыномъ Александромъ, будущимъ героемъ древняго міра. Въ самую ночь его рожденія, на небесахъ явилась лучезарная комета, а въ Эфезѣ пылалъ храмъ Діаны подожженный рукою сумасброда Герострата, желавшаго этимъ поджогомъ обезсмертить свое имя. Это совпаденіе двухъ великихъ событій древности достойно замѣчанія. Геростратъ, ради честолюбія, уничтожилъ чудо свѣта, но съ его именемъ вся Греція сопрягла вѣчное проклятье и это имя сдѣлалось нарицательнымъ для означенія невѣжды и живаго ничтожества, чудовищнымъ поступкомъ пріобрѣтающаго извѣстность. Александръ Македонскій, одушевляемый точно той же любовью къ славѣ, огневымъ ураганомъ пронесся по древнему свѣту, разрушая цѣлыя царства, выжигалъ города — и современники называли его богоподобнымъ, а потомки и донынѣ именуютъ великимъ... Сравните безпристрастно обоихъ честолюбцевъ и Герострата вы назовете миньятюрнымъ Александромъ, либо Александра — колоссальнымъ Геростратомъ. Зарево храма Діаны Эфезской было зарею пожара Персеполиса.

Рожденіе сына царя Филиппа совпало также со днемъ полученія имъ двухъ радостныхъ извѣстій: о побѣдѣ его вождя Парменіона надъ иллирійцами и о полученіи приза колесницею Филиппа на конныхъ ристаніяхъ при играхъ Олимпійскихъ. Онъ торжествовалъ тройнѣ: какъ царь, какъ счастливый отецъ и какъ человѣкъ видимо угодный богамъ. „О Зевсъ"! воскликнулъ онъ — „ты слишкомъ ко мнѣ милостивъ и если, за всѣ эти щедроты готовишь мнѣ испытаніе, то пошли его скорѣе"! Въ ознаменованіе рожденія Александра, царь повелѣлъ чеканить золотую монету съ изображеніемъ колесницы. Немедленно онъ увѣдомилъ о радостномъ событіи славнаго Аристотеля, назначая его въ наставники своему преемнику. Радость царя была нѣсколько омрачена предсказаніемъ оракула трофоніевой пещеры, что колесница будетъ причиною его смерти. Съ этого времени Филиппъ боялся колесницъ и даже, бывая въ Беотіи, объѣзжалъ мѣсто называвшееся квадрига (т. е. четырехконная колесница); ниже мы увидимъ, какимъ образомъ предсказаніе это оправдалось [1]).

Священная война открыла какъ военной, такъ и политической дѣятельности Филиппа обширное поприще. Подъ предлогомъ защиты боговъ отъ посягательствъ святотатцевъ на храмовыя имущества онъ вступилъ съ своими войсками въ греческія области: освободилъ Ѳессалію и потопивъ въ морѣ 3018 плѣнныхъ фокейцевъ двинулся къ Фокидѣ, но аѳиняне преградили ему дальнѣйшій путь чрезъ ущеліе Ѳермопильскія. Морочa маскою благочестія всю Грецію, Филиппъ не могъ обмануть славнаго оратора Демосѳена, проникавшаго его замыслы и предостерегавшаго отъ

[1]) Эліанъ кн. III, гл. 45.

нихъ аѳинянъ знаменитыми своими рѣчами: филиппиками и олинѳіями. Изобличая царя македонскаго онъ доказывалъ согражданамъ, что это волкъ въ овечьей кожѣ; что вмѣшиваясь въ междоусобіе онъ желаетъ только поработить всю Грецію. Демосѳена съ удовольствіемъ слушали, но не слушались. Задаренные македонскимъ золотомъ всѣ члены Амфиктіонова суда, ораторъ Эсхинъ, дряхлый Изократъ называли Филиппа освободителемъ, благодѣтелемъ Греціи. Въ 348 г. до Р. Х. этотъ благодѣтель овладѣлъ Олинѳою, благодаря измѣнѣ ея защитниковъ Эвѳикрата и Лисѳена и въ Діонѣ праздникомъ музъ торжествовалъ побѣду. На слѣдующій годъ Филиппъ покорилъ Фокиду подъ предлогомъ умиротворенія мятежной страны; однако же риторическіе громы Демосѳена удержали его отъ дальнѣйшихъ завоеваній и царь македонскій отступилъ въ Ѳракію, тогда опустошаемую Діофитомъ. Потомъ, будто бы для защиты Аргоса и Мессеніи отъ притѣсненій Спарты, вступилъ въ Пелопонезъ и осадилъ островъ Эвбею. Здѣсь флотъ его былъ оттѣсненъ аѳинскимъ вождемъ Фокіономъ, но Филиппъ опустошивъ Коринѳъ, двинулся къ Византіи и отсюда отправилъ пословъ къ скиѳскому царю Аѳеату, предлагая ему союзъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ мятежныхъ областей Греціи. Онъ просилъ Аѳеата позволить ему занять берега Дуная, чтобы воздвигнуть на нихъ бронзовую статую Геркулеса, согласно обѣту, данному богамъ.

— Статую привези, отвѣчалъ ему хитрый Аѳеатъ, угадывая предательство — я воздвигну ее самъ; если же дозволю это сдѣлать тебѣ, мои скиѳы ее разобьютъ и изъ обломковъ выкуютъ наконечники для своихъ стрѣлъ!

Тогда Филиппъ со своими войсками вторгнулся въ Скиѳію, разбилъ на голову Аѳеата, взялъ его въ плѣнъ и съ огромною добычею, состоявшею изъ рабовъ и цѣлыхъ табуновъ лошадей, пустился въ обратный путь въ Македонію. На границахъ Скиѳіи на Филиппа напали хищническія племена Трибалловъ, чтобы отбить плѣнныхъ и табуны. Въ битвѣ съ ними Филиппъ едва не лишился жизни: какой-то трибаллъ ранилъ его копьемъ въ лядвею и если бы юный Александръ не прикрылъ отца своимъ щитомъ, Филиппъ конечно палъ бы подъ ударами варвара. Къ прежнему

увѣчью кривого царя македонскаго прибавилось новое: онъ охромѣлъ на всю жизнь. Теперь придворные не смѣли называть при немъ Вулкана; хотя прозвище Циклопа и Вулкана тѣмъ болѣе приличествовали Филиппу, что онъ всю жизнь свою ковалъ цѣпи на Грецію, не пренебрегая при случаѣ подобно Юпитеру и золотымъ дождемъ для обольщенія своихъ недоброжелателей. Царь зналъ цѣну золота. Оракулъ предсказывалъ ему, что золотымъ мечемъ онъ всѣхъ побѣдитъ и царь вѣдалъ это самъ, по опыту. Онъ часто говаривалъ, что всякая крѣпость въ мірѣ можетъ быть взята, если только въ ея ворота пройдетъ лошакъ, нагруженный золотомъ. Предъ походомъ въ Скиѳію онъ подкупилъ аѳинянина Антифона поджечь флотъ въ гавани Пирея. Трижды попадался злодѣй; два раза оправдывался, благодаря ходатайству Эсхина, но уличенный Демосѳеномъ въ третій разъ былъ казненъ.

Въ 338 г. до Р. Х. жители Локриды, по примѣру фокейцевъ, овладѣли священными полями Кирры. Аѳиняне желая наказать виновныхъ отправили къ Филиппу посольство, прося вступиться за боговъ. Демосѳенъ убѣждалъ не приглашать волка въ овчарню, но Эсхинъ и Писонъ настаивали на противномъ. Для прекращенія споровъ обратились къ дельфійской вѣщей; она отвѣчала, что изъ спорящихъ неправъ тотъ, кто противъ мнѣнія большинства: Эсхинъ указалъ на Демосѳена, Демосѳенъ на Эсхина. Пользуясь этими безполезными словопреніями, Филиппъ и Александръ съ 32,000 войска вступили въ предѣлы Беотіи. Ѳивы и Аѳины ополчились на непрошенныхъ покровителей и довѣривъ начальство надъ войсками Харету и Лизиклу выслали ихъ на встрѣчу царю македонскому. Битва произошла при деревнѣ Херонеѣ (2 августа 338 г. до Р. Х.). Греческія союзныя войска были разбиты, разсѣяны и этотъ роковой день былъ послѣднимъ днемъ греческой независимости! Торжествуя побѣду, Филиппъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, объѣзжая поле битвы, издѣвался надъ трупами аѳинянъ и пѣлъ пасквильную пѣсню про Демосѳена.

— Государь, сказалъ ему взятый въ плѣнъ аѳинскій ораторъ Демадъ, — небудь Терситомъ, если боги допустили тебя быть Агамемнономъ!

Эти слова, смѣсь лести и упрека, образумили побѣдителя. Онъ

безъ всякаго выкупа отпустилъ плѣнныхъ аѳинянъ, а убитыхъ почтилъ погребеніемъ.

Лизиклъ по возвращеніи въ Аѳины былъ казненъ. Демосѳенъ, пламенными своими рѣчами, убѣдилъ гражданъ ополчиться поголовно и отстаивать свою свободу до послѣдней капли крови. Всеобщій энтузіазмъ былъ однакоже ослабленъ возникшимъ въ Аѳинахъ обществомъ шестидесяти, состоявшимъ изъ молодыхъ, знатныхъ сластолюбцевъ, глумившихся надъ патріотизмомъ согражданъ и проводившихъ время въ безумныхъ пиршествахъ въ кругу гетеръ, диктеріадъ и паразитовъ [1]). Видя въ этихъ негодяяхъ отличныхъ себѣ помощниковъ, Филиппъ, чрезъ своихъ эмиссаровъ, снабжалъ ихъ деньгами и они, развращая молодежь, въ благородныхъ сердцахъ заливали виномъ послѣднія искры любви къ отечеству... Впрочемъ, послѣдніе годы самостоятельнаго бытія Аѳинъ были годами крайняго растлѣнія нравовъ. Развратъ во всѣхъ его естественныхъ и противуестественныхъ проявленіяхъ, пьянство, обжорство, игра въ кости была любимѣйшимъ времяпрепровожденіемъ аѳинянъ. Пользуясь правами неприкосновенности въ храмахъ, игроки собирались для игры чуть не въ самые алтари. Свободная Греція умерла и уже нравственно разлагалась, подобно смрадному трупу. Аѳинскіе послы, въ числѣ ихъ Демохаресъ были приняты Филиппомъ весьма благосклонно. Онъ увѣрялъ ихъ въ своей любви къ республикѣ, въ нежеланіи тревожить ее войною и въ готовности сдѣлать все что угодно для ея благополучія.

— Если такъ, сказалъ Демохаресъ, — то скажи это на дѣлѣ: повѣсься! Спокойно взглянувъ на наглеца единственнымъ своимъ глазомъ, Филиппъ отвѣчалъ ему:

— Прощаю тебѣ эту дерзость, но предоставляю тебѣ самому судить, въ которомъ изъ двухъ болѣе кротости и миролюбія: въ

[1]) Паразиты, т. е. чужеядники или лизоблюды составляли цѣлый цехъ и [illegible] въ знатныхъ аѳинскихъ домахъ [illegible] одного [illegible] пріхлебатели, за лакомый кусокъ [illegible] лѣнно льстили хозяевамъ, исправляя при нихъ должность шутовъ. Эта порода общественныхъ [illegible] знакомыхъ существуетъ донынѣ и у насъ на святой Руси въ домахъ аристократическихъ и купеческихъ.

тебѣ ли, ходатайствующемъ о пощадѣ Аѳинъ и говорящемъ мнѣ грубости; или во мнѣ — прощающемъ ихъ?

337 годъ до Р. Х. былъ ознаменованъ важнымъ семейнымъ событіемъ въ жизни Филиппа. Влюбясь въ Клеопатру, дочь своего вельможи Аттала, онъ вздумалъ отпустить отъ себя Олимпію и жениться на молодой красавицѣ. На пиру, данномъ царемъ будущему своему тестю, послѣдній съ бокаломъ въ рукахъ пожелалъ царю законнаго сына отъ новой жены. „А я, по твоему, незаконный?“ воскликнулъ Александръ, бросивъ ему свой кубокъ въ лице. Филиппъ, выхвативъ мечь, хотѣлъ броситься на сына, но вставая изъ за стола запнулся и упалъ. „Хорошъ царь!“ усмѣхнулся будущій герой Македоніи, — изъ Европы хочетъ шагнуть въ Азію, а самъ не можетъ перейдти отъ одного стола къ другому!“

Негодуя на отца, Александръ, вмѣстѣ съ матерью, удалился въ Иллирію, откуда они вскорѣ были вызваны Филиппомъ, который примирился и съ сыномъ и съ Олимпіею. Тогда онъ готовился къ походу въ Персію, куда намѣревался вести ополченія, собранныя со всей Греціи. Совѣщаясь съ пиѳіей объ этомъ великомъ предпріятіи, царь македонскій получилъ зловѣщій отвѣтъ: „Быкъ увѣнчанъ цвѣтами, конецъ его близится и скоро онъ будетъ преданъ закланію.“ Филиппъ понялъ въ этихъ словахъ намекъ на персидскаго царя Дарія Кодомана и съ большею ревностью сталъ готовиться къ походу, рѣшивъ предъ своимъ отбытіемъ въ Персію отпраздновать въ Эдессѣ бракосочетаніе дочери своей, Клеопатры съ Александромъ, царемъ эпирскимъ (336 до Р. Х.). За нѣсколько дней до торжества, одинъ изъ царскихъ „товарищей“, Павзаній былъ жестоко оскорбленъ Атталомъ и жаловался царю на обидчика, но Филиппъ оправдалъ его, такъ какъ Атталъ былъ его любимецъ. Павзаній рѣшился отомстить царю, или собственною кровью смыть безчестіе. Желая однако же умереть и съ тѣмъ вмѣстѣ заслужить безсмертіе, Павзаній спросилъ у философа софиста Гермократа: чѣмъ можно прославиться ничтожному человѣку?

Всего вѣрнѣе: убійствомъ человѣка великаго, отвѣчалъ софистъ — имя убійцы не умретъ, покуда будутъ помнить имя убитаго героя!

*

Эти слова заронили въ сердце Павсанія рѣшимость умертвить Филиппа. За мыслью не замедлило и ея исполненіе.

Брачный пиръ поразилъ весь дворъ пышностью и великолѣпіемъ. Депутаты отъ городовъ греческихъ поднесли Филиппу золотые вѣнки; поэтъ Неоптолемъ написалъ къ этому дню аллегорическую трагедію, представленную во дворцѣ и наполненную намеками на близкое торжество македонскаго оружія въ Персіи. Въ концѣ трагедіи на сцену вынесли двѣнадцать статуй боговъ и вслѣдъ за ними тринадцатую, изображавшую Филиппа съ атрибутами божества. Въ самую эту минуту обоготворенія (апоѳеозы) царя — Павсаній бросился на него и закололъ ударомъ кинжала въ сердце. Самъ убійца былъ тутъ же умерщвленъ присутствовавшими. На костяной рукояти кинжала было выточено изображеніе колесницы и, такимъ образомъ, предсказанія оракула трофоніевой пещеры и пиѳіи оправдались. Къ слову о смерти Филиппа замѣтимъ еще, что по достиженіи имъ могущества, онъ въ числѣ прочихъ придворныхъ чиновъ приказалъ состоять при своей особѣ, сановнику, обязанность котораго состояла въ ежедневномъ напоминаніи царю, что онъ смертенъ. Это memento mori (помни смерть) должно было удерживать Филиппа отъ чрезмѣрной гордости.

Характеръ этого великаго государя видѣнъ изъ его біографическаго очерка, но для лучшаго уясненія его приводимъ нѣсколько выраженій Филиппа, обличающихъ какъ его умъ, такъ и сердце.

— Дѣти забавляются игрою въ бабки, а взрослые игрою въ обѣщанія.

— Любя правду, презирай ложь; но умѣй употреблять и ту и другую для своей выгоды.

Ему донесли на человѣка, который его злословилъ и совѣтовали Филиппу изгнать его. „Чтобы онъ разнесъ обо мнѣ дурную славу по всему свѣту!“ отвѣчалъ Филиппъ — „нѣтъ, пусть живетъ въ Македоніи: здѣсь его рѣчамъ посмѣются, но въ чужихъ краяхъ имъ повѣрятъ.“

Какая-то старуха преслѣдовала царя своею просьбою. Некогда! отвѣчалъ онъ ей.— Некогда выслушивать просителей, сердито ска-

зала старуха — тогда зачѣмъ же быть и царемъ? Филиппъ засмѣялся, выслушалъ просительницу и рѣшилъ дѣло въ ея пользу.

Въ другой разъ, той же старухѣ-просительницѣ, онъ, будучи подъ хмѣлькомъ, объявилъ рѣшеніе несправедливое. Буду жаловаться! бойко крикнула она. „На меня?“ спросилъ Филиппъ — „кому же?“ — Тебѣ же, когда отрезвишься! отвѣчала старуха — и царь рѣшилъ дѣло иначе.

Врачъ Менекратъ, ослѣпленный своими познаніями, величался „Юпитеромъ“ и однажды написалъ Филиппу: „Юпитеръ - Менекратъ желаетъ здравія царю Филиппу.“ Царь, въ свою очередь, отвѣчалъ ему: „Филиппъ желаетъ здравія разсудку Менекрата и зоветъ его къ себѣ откушать.“ Врачъ явился. Царь усадилъ его за столъ на золотой тронъ, но вмѣсто яствъ и напитковъ, во все время обѣда подчивалъ его цвѣточными вѣнками и куреніемъ ладану. — „Если ты богъ“, говорилъ онъ при этомъ — „то довольствуйся же приношеніями, приличными богамъ!“

— Аѳиняне, говорилъ Филиппъ, — ежегодно избираютъ по десять вождей, а я въ десять лѣтъ нашелъ только одного Парменіона.

Этотъ же любимецъ царя, весьма остроумно отозвался о немъ аѳинскимъ посламъ. Придя во дворецъ они долго ждали въ пріемной покуда Филиппъ проснется. „Долго же онъ у васъ спитъ!“ сказалъ одинъ изъ нихъ Парменіону.— Да, отвѣчалъ тотъ, за то, когда вы спите, онъ бодрствуетъ!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Участіе жены и сына Филиппа въ его убіеніи.—Дѣтство Александра.—Леонидъ, Лизимахъ, Аристотель.—Неумѣстная щедрость.—Буцефалъ.—Предсказаніе Филиппа.—Первые подвиги Александра.—Бунтъ Ѳивъ.—Разореніе города.—Страшныя предзнаменованія.—Походъ въ Персію.—Пиѳія дельфійскаго храма.—Обряды предъ отплытіемъ и при высадкѣ въ Малой Азіи.—Битва при Граникѣ.—Трифеи.—Гордіевъ узелъ.—Болѣзнь Александра.—Врачъ Филиппъ.—Битва при Иссѣ.—Золотой ковчегъ.—Алтари Юпитера.—Паденіе Тира и Сидона.—Сказаніе Іосифа Флавія.—Ладанъ и мирра.—Александръ въ Египтѣ.—Сынъ Юпитера Аммона.—Послы персидскіе.—Александръ и Парменіонъ.—Битва при Арбеллахъ.—Затмѣніе луны.—Астрологи египетскіе.—Волхвъ Аристандръ.—Таинственныя жертвоприношенія.—Появленіе орла.—Побѣда.—Вавилонъ.—Астрономическія лѣтописи халдеевъ.—Преображеніе въ войскѣ.—Суза.—Сокровища Персеполиса.—Пожаръ дворца.—Убіеніе Дарія Кодомана.

Послѣ смерти Филиппа обнаружилось, что дѣлу цареубійства были причастны супруга его Олимпія и сынъ, знаменитый Александръ. Первая, со времени размолвки съ Филиппомъ, возненавидѣла его; славолюбивый наслѣдникъ зналъ о заговорѣ Павзанія, но счелъ не безполезнымъ не предпринять никакихъ мѣръ къ отклоненію отъ царя угрожавшей ему опасности. По приказанію царицы Олимпіи, трупъ Павзанія былъ похороненъ съ великими почестями; она собственноручно увѣнчала убійцу золотымъ вѣнкомъ. Вѣсть о смерти Филиппа обрадовала всю Грецію: въ закатѣ солнца Македоніи она видѣла зарю своего освобожденія и жестоко ошиблась. Филиппъ опуталъ Грецію веревками: Александръ наложилъ на нее цѣпи.

Двадцатилѣтній преемникъ царя македонскаго еще въ дѣтствѣ

обнаруживалъ умъ и дарованія необыкновенныя. Воспитателями его были Леонидъ, родственникъ царицы Олимпіи и Лизимахъ: первый, на сколько могъ, развилъ въ Александрѣ добрыя качества, второй, раболѣпной лестью и чрезмѣрными похвалами заронилъ въ сердце героя начатки пороковъ. Аристотель образовалъ умъ героя, ознакомивъ его со всѣми науками, въ которыхъ самъ былъ такъ глубоко свѣдущъ. Гуляя съ ученикомъ по тѣнистымъ садамъ Эвртаса, великій философъ бесѣдовалъ съ нимъ о естествознаніи, разсказывалъ о славныхъ дѣяніяхъ героевъ древности, читалъ ему Иліаду и тѣмъ развилъ въ Александрѣ страстную любовь къ славѣ и желаніе уподобиться героямъ гомерическимъ. Иліада была любимѣйшимъ чтеніемъ Александра во всю его жизнь отъ самаго отрочества. Вотъ нѣсколько чертъ его характера обнаруженныхъ имъ въ дѣтствѣ. Ему предлагали принять участіе въ бѣгахъ на олимпійскихъ играхъ. „Охотно", сказалъ Александръ—„если взапуски со мною будутъ бѣгать цари!" Завидуя подвигамъ отца онъ досадовалъ на его побѣды и завоеванія: „надобно же оставить сколько нибудь славы и на мою долю!" Однажды, во время богослуженія Зевсу, малолѣтній Александръ, присутствовавшій въ храмѣ вмѣстѣ съ Леонидомъ, бросалъ на алтарь полными горстями ладанъ и мирру. „Будь умѣреннѣе" замѣтилъ ему наставникъ—„расточать эти ароматы можешь тогда, [illegible] завоюешь тѣ царства, въ которыхъ они произрастаютъ!" Мальчикъ перемолчалъ, но эти слова запали ему въ память и онъ черезъ десять лѣтъ напомнилъ о нихъ Леониду. Къ царю Филиппу привели прекраснаго, но дикаго и еще не выѣзжаннаго [illegible]. Никто изъ придворныхъ, даже искуснѣйшихъ наѣздниковъ, не [illegible] къ четвероногому дикарю, котораго укротила рука шестнадцатилѣтняго Александра. Этотъ конь, за свою огромную [illegible] прозванный Буцефаломъ (воловья голова), носилъ царственнаго своего [illegible] на кровавыхъ его путяхъ къ славѣ, по полямъ Исса, Граника и Арбеллъ, попирая подъ копытами трупы воиновъ всѣхъ царствъ древняго міра. Въ битвѣ херонейской Александръ оказалъ чудеса храбрости и тогда-то Филиппъ сказалъ ему: „Сынъ мой, ищи себѣ иного царства: Македонія слишкомъ ничтожна для тебя!"

Первымъ дѣломъ Александра по вступленіи на родительскій престолъ было обнародованіе манифеста къ грекамъ, въ которомъ онъ обѣщалъ всѣмъ областямъ покровительство и благоволеніе. Горделивый тонъ манифеста не понравился республикамъ Эллады, еще мечтавшимъ о возстановленіи утраченной независимости. Въ Аѳинахъ краснорѣчіе Демосѳена разжигало народныя страсти; Спарта сурово смотрѣла на юнаго царя; Ѳивы готовились къ мятежу и—тѣмъ не менѣе выборные отъ всѣхъ областей Греціи (синедры) признали Александра верховнымъ вождемъ всѣхъ войскъ, собранныхъ для предстоящаго похода въ Персію и самодержцемъ (автократомъ) областей. Волненія Иллирійцевъ побудили царя смирить ихъ силою оружія; затѣмъ онъ окончательно покорилъ державѣ македонской трибалловъ, ѳракійцевъ и гетовъ. Ложный слухъ о смерти Александра на полѣ битвы призвалъ ѳивянъ къ возстанію. Народъ предводимый Фениксомъ умертвилъ македонскихъ градоправителей Аминта, Тимолеяи вытѣснили изъ города бывшія тамъ войска. Примѣру Ѳивъ могли послѣдовать и всѣ прочія республики Греціи, а потому мятежный городъ заслуживалъ и примѣрнаго наказанія. Отправляясь въ Ѳивы Александръ сказалъ: „когда я былъ въ Иллиріи Демосѳенъ называлъ меня ребенкомъ; въ Ѳессаліи—юношей... но теперь я докажу ему, что я мужъ!“ Обложивъ городъ, царь обѣщалъ жителямъ пощаду, если они выдадутъ ему зачинщиковъ. Вѣстникамъ Александра ѳивяне отвѣчали дерзостями и насмѣшками. Тогда Ѳивы были взяты приступомъ; шесть тысячъ обоего пола жителей пало подъ мечами македонянъ. тридцать тысячъ были уведены въ плѣнъ и въ городѣ, за исключеніемъ храмовъ и дома поэта Пиндара (пощаженнаго по повелѣнію Александра), не осталось камня на камнѣ. Этому разгрому, по словамъ лѣтописей, предшествовали многія чудесныя знаменія. Еще за три мѣсяца до паденія Ѳивъ въ храмѣ Цереры статую богини заволакивала радужнаго цвѣта пелена въ родѣ паутины; со статуй боговъ на улицахъ и площадяхъ струился потъ; озеро Онхестъ выло и стонало по ночамъ; въ Дирцеѣ вода источниковъ превращалась въ кровь.... Наконецъ, въ Дельфахъ, кровля Аполлонова храма неоднократно покрывалась кровавыми каплями.

Участи Ѳивъ царь могъ подвергнуть и Аѳины, но имъ онъ объявилъ пощаду, потребовавъ только изгнанія оратора Харимеда, особенно волновавшаго народъ своими возмутительными рѣчами. Греція смирилась.

Весною 335 г. до Р. Х. Александръ, сопровождаемый Гефестіономъ, Клитомъ, Парменіономъ, Филотомъ и Кассандромъ съ 35,000 войска готовился къ отплытію чрезъ Геллеспонтъ къ берегамъ Малой Азіи. Управленіе Греціею онъ довѣрилъ Антипатеру. Предъ отплытіемъ въ походъ, Александръ совѣщался съ пиѳіею дельфійскаго храма и это совѣщаніе было довольно оригинальное. Вѣщунья не хотѣла садиться на свой треножникъ, но царь принудилъ ее къ тому силою и пиѳія сказала ему: „никто не дерзаетъ тебѣ противиться!“ Будущій завоеватель былъ весьма доволенъ этимъ пророчествомъ. Садясь на корабль, Александръ принесъ въ жертву Нептуну и Нереидамъ бѣлаго быка, а во время плаванія совершилъ возліяніе, бросивъ въ волны Геллеспонта золотой кубокъ, наполненный виномъ. Достигнувъ береговъ Малой Азіи Александръ высадился на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли развалины Трои. Сходя на берегъ, царь вонзилъ въ землю свое копье и принесъ благодарственную жертву Минервѣ. Поклонникъ Гомера, онъ посѣтилъ могилу Ахиллеса, оросилъ елеемъ надгробный камень, осыпалъ его цвѣтами и совершилъ въ честь героя игры, обѣгавъ нѣсколько разъ нагой вокругъ его могилы; потомъ воззвалъ къ его памяти: „герой трижды счастливый! Ты обезсмертилъ имя свое великими подвигами; другомъ твоимъ былъ Патроклъ, тебя воспѣлъ Гомеръ!“ Затѣмъ, Александръ принесъ жертву для успокоенія тѣни Пріама...

О побѣдахъ великаго завоевателя надъ царемъ персидскимъ Даріемъ Кодоманомъ мы уже говорили (См. Томъ III глава восьмая) и потому ограничимся здѣсь разсказомъ эпизодовъ каждой битвы, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Греціи. Въ сраженіи при Граникѣ персидскій вождь Митридатъ палъ отъ руки Александра; другой вождь, Резокесъ, напавъ на героя разрубилъ шлемъ на его головѣ; третій—Спиоридатъ былъ убитъ Клитомъ, въ ту самую минуту, когда занесъ руку, чтобы поразить Александра. Побѣда была совершенная, но не дешево она обошлась

грекамъ, уронъ ихъ былъ значителенъ и въ числѣ убитыхъ было 25 военачальниковъ изъ царской свиты. Александръ приказалъ почтить ихъ память сооруженіемъ бронзовыхъ статуй; 300 богатыхъ вооруженій персидскихъ были отправлены въ Грецію для украшенія храма Минервы. Вслѣдъ за побѣдою при Граникѣ, Александру покорились Іонія, Карія и Фригія, области до того времени подвластныя державѣ персидской. Въ фригійскомъ городѣ Гордіумѣ Александру показали знаменитый **Гордіевъ узелъ**, съ которымъ, по преданіямъ, была тѣсно связана судьба всѣхъ царствъ Малой Азіи. Гордій, простой пахарь, былъ призванъ на тронъ отъ плуга. Ярмо на быкахъ было завязано такимъ затѣйливымъ узломъ, что никто не могъ его распутать и волхвы объявили, что тотъ, кому это удастся, будетъ обладателемъ всей Малой Азіи. Долго не задумываясь надъ этой задачей судьбы, Александръ вынулъ мечь и разсѣкъ роковой узелъ. Сказаніе о гордіскомъ узлѣ вошло въ пословицу, почти у всѣхъ народовъ для означенія преодоленной трудности; но всего вѣрнѣе было-бы называть этимъ именемъ политическія задачи, разрѣшаемыя оружіемъ; дипломатика путаетъ, война перерубаетъ хитросплетенія дипломатическія.

Грозный на полѣ битвы, Александръ умѣлъ быть кроткимъ и великодушнымъ въ покоренныхъ областяхъ. Прибывъ въ Киликію, онъ послѣ купанья въ рѣкѣ Киднѣ опасно заболѣлъ лихорадкою и ввѣрилъ себя попеченіямъ греческаго врача Филиппа. Парменіонъ предостерегалъ царя, утверждая, что Филиппъ подкупленный греками умышляетъ его отравить; тоже было сказано и въ безъимянномъ доносѣ на врача. Однажды, когда Филиппъ подавалъ царю лекарство, Александръ, принявъ его, передалъ врачу доносъ... Тогда смущенный врачъ сталъ увѣрять его, что это клевета, но на всѣ увѣренія Александръ съ улыбкою отвѣчалъ: „если бы я вѣрилъ, то не принялъ бы лекарства.“

Битва при Иссѣ была вторымъ, страшнымъ ударомъ нанесеннымъ царю персидскому. Кромѣ славы, достояніемъ побѣдителя были несмѣтныя сокровища, найденныя въ лагерѣ Дарія Кодомана. Раздѣливъ ихъ между своими воинами, Александръ, на свою долю взялъ только золотой ковчегъ, осыпанный драгоцѣн-

ными камнями и положилъ въ него списокъ Иліады съ собственноручными замѣтками и поправками Аристотеля. Благодаря боговъ за побѣду онъ приказалъ соорудить на берегахъ Тинара три алтаря въ честь Зевса, Минервы, Гермеса и Геркулеса. Послѣ того богатая Финикія привлекла вниманіе завоевателя (332 г. до Р. Х.), многіе города покорились ему за исключеніемъ Тира и Сидона. Послѣ отчаяннаго сопротивленія оба города были взяты, разграблены и торговля, душа Финикіи, покинула опустошенную страну, превращенную въ область македонской монархіи. Изъ Финикіи, Александръ отправился въ Іудею, но это сказаніе Іосифа Флавія подлежитъ сильному сомнѣнію. Хитрый іудейскій историкъ, желая снискать милости кесарей римскихъ, для своего несчастнаго отечества, могъ выдумать и сказку о великодушіи Александра македонскаго. По словамъ Іосифа Флавія, герой войдя въ храмъ іерусалимскій, палъ ницъ предъ алтаремъ Іеговы и принялъ благословеніе отъ первосвященника. Газа дерзнула противиться и за то подверглась разоренію и грабежу. Изъ огромной добычи Александръ послалъ драгоцѣнные подарки своей матери и сестрѣ, а Леониду — 50000 фунтовъ ладану и 10000 фунтовъ мирры съ напоминаніемъ о его словахъ, сказанныхъ Александру-мальчику въ храмѣ, когда онъ слишкомъ щедрился на ладанъ. Египетъ привѣтствовалъ Александра какъ освободителя своего отъ ненавистнаго персидскаго ига (см. томъ IV, стр. 54, 55). Заложивъ здѣсь **Александрію** герой отправился ливійскою степью въ оазисъ Юпитера Аммона. Жрецы этого знаменитаго капища устами оракула провозгласили Александра сыномъ Зевса. Съ этого времени мысль о божественномъ происхожденіи не покидала героя, заставляя вѣрить въ нее своихъ приближенныхъ; онъ повѣрилъ ей самъ и кончилъ тѣмъ, что она свела его съ ума. Украсивъ свой шлемъ символомъ Аммона — рогами овна, Александръ гордился прозвищемъ **богоподобнаго**. Далѣе мы еще подробнѣе поговоримъ о странномъ помѣшательствѣ героя. Маршруты великихъ завоевателей тѣже самые, которыхъ придерживались моровыя язвы, черная смерть и холера. Изъ Египта Александръ возвратился къ берегамъ Тигра и здѣсь принималъ пословъ Дарія Кодомана. Царь персидскій предла-

галъ ему въ супруги одну изъ своихъ дочерей съ 10.000 талантовъ приданаго (до 14.000.000 руб. сер.) и всѣми областями монархіи персидской. до рѣки Евфрата...

— Если бы я былъ Александромъ, сказалъ Парменіонъ—я бы согласился!

Согласился бы и я, если бы былъ Парменіономъ! отвѣчалъ ему Александръ.

Силы персовъ, простиравшіяся до 600.000 воиновъ, превосходили македонскія въ десятеро. Вожди сомнѣвались въ успѣхѣ, Парменіонъ предлагалъ царю напасть на укрѣпленный лагерь Кодомана близъ Арбеллъ - ночью. „Я не привыкъ прятаться отъ славы и драться въ потемкахъ!“ сказалъ герой ему въ отвѣтъ. Полное лунное затмѣніе возмутило воиновъ Александра. Видя въ затмѣніи гнѣвъ боговъ они роптали на царя, которому въ этомъ случаѣ помогли находившіеся при немъ египетскіе астрологи. Они успокоили мятежниковъ, объяснивъ имъ затмѣніе такимъ образомъ: „Солнце - покровитель Греціи; луна —покровительница Персіи: ея затмѣніе знаменуетъ гибель этого царства!“ Утишивъ волненіе воиновъ, которое легко могло разрѣшиться бунтомъ, самъ Александръ внутренно тревожился. Ночью, наканунѣ битвы (съ 1 на 2 октября 331 г. до Р. X.) онъ въ своей палаткѣ совѣщался съ волхвомъ Аристандромъ, принося таинственныя жертвы Юпитеру, Побѣдѣ и Страху. При этихъ обрядахъ лице царя было завѣшено покрываломъ и въ лѣвой рукѣ онъ держалъ вѣтвь желѣзняка (Verbena officinalis L). На зарѣ началась битва—ожесточенная и упорная. Греки слабѣли; Парменіонъ тѣснимый персами увѣдомилъ Александра, что враги овладѣли обозомъ. Герой македонскій отвѣчалъ посланному:

— Скажи Парменіону, что въ случаѣ нашего пораженія намъ не будетъ нужды въ обозѣ; если же мы побѣдимъ—тогда отобьемъ и обозъ!

Въ самую рѣшительную минуту боя, когда побѣда колебалась между обѣими сторонами, въ ряды греческихъ воиновъ прибѣжалъ волхвъ Аристандръ, въ бѣломъ одѣяніи съ лавровой вѣткою въ рукахъ. „Воины“, возвѣстилъ онъ имъ громогласно: „мы побѣдимъ! Надъ головою Александра я видѣлъ орла, парящаго въ выси небесной... Зевсъ видимо покровительствуетъ своему сыну“! Вдохновленные суевѣріемъ воины оказали чудеса храбрости; и персы были разбиты; Дарій Кодоманъ едва спасся бѣгствомъ отъ плѣна. Овладѣвъ Арбеллами Александръ пошелъ къ Вавилону и вступилъ въ городъ по пути осыпанномъ лаврами, цвѣтами, привѣтствуемый гимнами халдейскихъ жрецовъ и радостными кликами нѣсколькихъ сотъ тысячъ народу. Здѣсь онъ приказалъ возобновить храмы, разрушенные царями персидскими и милостиво принялъ депутацію жрецовъ, поднесшихъ ему астрономическія лѣтописи за 1903 года, которыя, по приказанію Александра отосланы были къ Аристотелю. Въ Ситакенѣ царь дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ сопровождавшійся воинскими играми (маневрами) и здѣсь же онъ преобразовалъ составъ арміи, раздѣливъ пѣхотныя полки на тысячи начальствуемые хиліархами, а конные на эскадроны (хиліады), тоже въ 1000 всадниковъ каждый. Овладѣвъ Сузою Александръ нашелъ въ ней серебра и золота на 50.000 талантовъ (70.000.000 руб. сер.); сокровища найденныя въ Персеполисѣ превосходили эту сумму вдвое. Здѣсь въ угоду наложницѣ своей Ѳаисѣ, опьянѣлый Александръ сжегъ дворецъ Ксеркса. Эта выходка „широкой натуры“, приличная какому нибудь россійскому пьяному купеческому сынку, была признакомъ бѣлой горячки, до которой иногда допивался сынъ Юпитера Аммона.

Весною 330 г. до Р. X. Александръ вступилъ въ Мидію. Здѣсь, отъ руки Бесса и сообщника его Набарзана погибъ Дарій Кодоманъ. Выдавъ убійцу брату несчастнаго царя персидскаго Оксафрету Александръ съ подобающими почестями предалъ погребенію тѣло Дарія Кодомана (см. томъ III стр. 77).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Избіеніе бранхидовъ.— Мятежъ въ Греціи.—Изгнаніе Эсхина. Репетъ судей.—Заговоръ Димноса.— Казнь Филота и убіеніе Парменіона.—Нравственный упадокъ Александра.—Старое поколѣніе.—Пѣвецъ Праникъ.—Убіеніе Клита.—Каллисоенъ. Вопросъ объ апоѳеозѣ царя.—Отказъ [illegible].—Признаніе царя богомъ. [illegible].—Грозы.—Безумная роскошь.—Походъ въ Скиоію. Роксана.—Индія.—Царь Поръ.—Алтари на берегахъ Иѳаза. Мореплаватель Неархъ.—Бѣдственный походъ.—Шествіе Баху-са.—Брамины и гимнософисты.—Пророчества.—Гарпалъ въ Аои-нахъ.—Брачные пиры.—Помѣшательство.— Смерть Гефестіо-на.—Его погребеніе.—Вавилонъ.—Страшныя предзнаменованія. Послѣдніе дни Александра.—Его смерть.—Гробница.—Распа-деніе Македонской монархіи.

Высказывая великодушіе въ отношеніи убитаго царя персидскаго и его семейства, Александръ обнаруживалъ варварское жестокосердіе, обрушивъ свой гнѣвъ на людей невиновныхъ въ смерти Дарія Кодомана. Убійца его Бессъ былъ схваченъ въ небольшомъ городкѣ Милія, заселенномъ греками бранхидами. Этотъ городокъ, по повелѣнію Александра былъ опустошенъ, а жители его, отъ мала до велика перерѣзаны за укрывательство злодѣя. Пользуясь отсутствіемъ Александра греческія области обнаружили неповиновеніе Антипатеру и пришли въ мятежное волненіе. Спартанскій царь Агисъ, собравъ до 10.000 войска, осадилъ Мегалополисъ, но былъ разбитъ подъ стѣнами этого города Антипатеромъ и палъ въ битвѣ. Пораженіе Агиса навело ужасъ на всю Грецію и тишина водворилась. Внутреніе безпорядки въ Аѳинахъ не имѣли характера политическаго. Здѣсь шла упорная борьба между ораторами: Эсхиномъ и Демосоеномъ. Первый подкапываясь подъ втораго самъ ввалился въ ту яму, которую ему рылъ. Ареопагъ приговорилъ неугомоннаго Эсхина къ изгнанію. Великодушный Демосоенъ снабдилъ заклятаго своего врага на дорогу значительною суммою денегъ. „Жалкая страва“, сказалъ при этомъ Эсхинъ — „здѣсь враги добрѣе и благороднѣе друзей“. Удалясь на островъ Родосъ, Эсхинъ открылъ здѣсь школу краснорѣчія. Въ числѣ прочихъ образцовъ ораторскаго искуства онъ читалъ слушателямъ рѣчи Демосоена и когда они выражали чтецу удивленіе ихъ силѣ и красотамъ, Эсхинъ отвѣчалъ: „Что же вы сказали бы, еслибы слышали самого Демосоена“!

На слѣдующей годъ (329 г. до Р. X.) Александръ со всѣми войсками расположился въ городѣ Гекатомпилосѣ. Здѣсь разнеслась ложная вѣсть о скоромъ его возвращеніи въ Грецію и радость солдатъ была выше всякаго описанія; или, вѣрнѣе сказать, она равнялась огорченію Александра, когда онъ о ней услышалъ. Не малого труда стоило ему убѣдить воиновъ, что подвиги ихъ еще далеко не кончены. Бѣдняки, скрѣпя сердце, покорились своей участи и опять впряглись въ лямки, которыми тянули великаго героя ко храму славы, въ побѣдной колесницѣ давившей подъ колесами престолы древнихъ царей и катившейся по дорогѣ, вымощенной человѣческими головами. Гораздо труднѣе Александру было справиться съ вождями его дружинъ, роптавшими на царя за его деспотизмъ, за безумную роскошь; за то, что отъ персовъ онъ перенялъ многіе ихъ обычаи и по образцу двора персидскаго организовалъ свой дворъ: одѣвался къ костюмъ Кодомана, держалъ при себѣ на службѣ сатраповъ и содержалъ до 300 наложницъ. Молодой грекъ Димносъ рѣшился, по примѣру Павзанія, умертвить царя и сообщилъ о своемъ намѣреніи царедворцамъ Никомаху и Кебаллину. Эти донесли о томъ сыну Парменіова—Филоту, который не обратилъ на умыселъ Димноса ни малѣйшаго вниманія.- Тогда доносчики довели о томъ до свѣдѣнія Александра. Призванный къ царю Димносъ зарѣзался, а Филотъ, какъ сообщникъ, былъ приговоренъ къ распятію на крестѣ, замѣненному, во вниманіе къ его прежнимъ заслугамъ другою казнію: онъ былъ побитъ камнями. Старикъ Парменіонъ, находившійся въ Экбатанѣ, по повелѣнію Александра, былъ предательски убитъ тамошнимъ намѣстникомъ Клеандромъ. Усвоивъ нравы и обычаи царей персидскихъ, македонскій герой вмѣстѣ съ ними усвоилъ и ихъ пороки вообще,—лютость въ особенности.

Позорный для памяти Александра 328 г. до Р. X. запятналъ

страницы его біографіи грязью и кровью. Герой, утопая въ смрадномъ омутѣ разврата, требовалъ себѣ отъ всѣхъ окружавшихъ воздаянія себѣ божескихъ почестей. Льстецы, падая передъ нимъ ницъ, молясь ему воскуряли благоуханіе, а самозванный богъ, величаясь „сыномъ Зевса“ издѣвался надъ памятью своего настоящаго отца и надъ его сподвижниками, какъ мертвыми, такъ и живыми, принадлежавшими къ старому поколѣнію. Упоенный ядомъ лести своихъ царедворцевъ, Александръ былъ убѣжденъ, что до него ни Греція, ни Македонія не жили, а что только онъ создатель величія и могущества этихъ странъ. Если бы въ героѣ были чувства справедливости, онъ, превознося новое поколѣніе въ ущербъ старому, могъ бы понять, что первое—безъ втораго также немыслимо, какъ вѣтви безъ корней. Филиппъ подготовилъ путь Александру; онъ положилъ основаніе тому храму славы, который былъ достроенъ его сыномъ и это основаніе сложенное изъ костей стараго поколѣнія, вмѣсто цемента, скрѣплено было кровью героевъ, павшихъ въ битвѣ херонейской. И всѣ рабы Александра ползали предъ нимъ, кромѣ Клита, намѣстника Мараканды, спасшаго царю жизнь при Граникѣ и философа Каллисѳена. Они, правдивыми рѣчами, старались пробудить въ Александрѣ совѣсть, убитую въ немъ гордостью и лестью.

Однажды у царя былъ пиръ, на который, въ числѣ прочихъ, былъ приглашенъ Клитъ. Послѣ обѣда пѣвецъ Праникъ или Пикріонъ, воспѣвая гимнъ въ честь подвиговъ Александра, позволилъ себѣ насмѣшки надъ покойнымъ царемъ Филиппомъ и его вождями. Оскорбленный Клитъ велѣлъ наглецу молчать, но Александръ, возбужденный виномъ требуя продолженія, вмѣстѣ съ пѣвцомъ сталъ издѣваться надъ стариками, называя ихъ трусами. Клитъ не выдержалъ: „трусости одного изъ нихъ, именно моей, ты обязанъ спасеніемъ жизни; а отцу обязанъ ею!“ Взбѣшенный царь схвативъ кинжалъ бросился на обличителя, но Птоломей и Пердика удержали его. Тогда, не помня себя, Александръ велѣлъ гасить огни и напавъ на Клита въ темнотѣ поразилъ его, сказавъ при этомъ: „ступай же къ царю Филиппу и его героямъ!“ На другой день когда винные пары, отягощавшіе голову героя, разсѣялись, онъ опомнился и лицемѣрной горестью хотѣлъ доказать свое раскаяніе. Орошая трупъ бѣднаго Клита притворными слезами онъ проклиналъ себя за неблагодарность и съ почестями похоронивъ трупъ убитаго, три дня не принималъ никакой пищи (діэта послѣ попойки дѣло не лишнее)... Но льстецы убѣдили царя не мучить себя несправедливымъ раскаяніемъ. „Ты богъ!“ говорили они ему „а Ѳемида всегдашняя спутница Юпитера, въ знакъ того, что все дѣлается богомъ—справедливо!“

Избавясь отъ Клита, Александръ задумалъ избавиться и отъ Каллисѳена, врагами котораго были Анаксархъ и прочіе софисты, тѣснившіеся вокругъ царя. На совѣтѣ созванномъ Александромъ для обсужденія вопроса о его апоѳеозѣ (причисленію къ сонму боговъ), одинъ только Каллисѳенъ сказалъ, что эта мысль—сумасбродство и кощунство; что еще примѣра не бывало, чтобы какому нибудь герою, при жизни воздавали божескія почести... Эти слова были смертнымъ приговоромъ философу. Вскорѣ послѣ того, царь жестоко наказалъ своего пажа Гермолая любимаго Каллисѳеномъ, которому пажъ на это наказаніе пожаловался. На основаніи этихъ ничтожныхъ данныхъ, приспѣшники царя, по его повелѣнію, сочинили доносъ о заговорѣ на его жизнь. Гермолай былъ запытанъ, а Каллисѳенъ приговоренный къ смерти погибъ—повѣшенный на крестѣ, или, уморенный голодомъ въ клѣткѣ.

Вопросъ объ апоѳеозѣ былъ отданъ на голосованіе всѣхъ областей Греціи. Остроумнѣе всѣхъ отозвалась Спарта: если царь хочетъ быть богомъ—пусть себѣ будетъ таковымъ. Ораторъ Ликургъ сказалъ: „при входѣ въ храмы богомольцы обыкновенно совершаютъ омовенія; выходя же изъ храма этого бога надобно будетъ умываться!“ Аѳины протестовали и во время преній особенно высказывался противъ апоѳеозы ораторъ Пиѳій.—„Ты еще слишкомъ молодъ, чтобы судить объ этомъ!“ замѣтилъ ему кто-то: „Но будущій богъ еще моложе меня!“ отвѣчалъ Пиѳій. Не взирая однако же на протесты людей благоразумныхъ большинство взяло верхъ и Греція признала Александра богомъ; а такъ какъ увеличивать олимпійскаго штата боговъ не сочли удобнымъ—то и пожаловали царя въ Бахусы, что вполнѣ гармонировало съ его склонностью къ пьянству. Узнавъ, что Алек-

сандръ - Бахусъ, философъ Діогенъ сказалъ: „послѣ этого я богъ Сераписъ!"

Возведенный подвластными ему народами на степень божества, Александръ, именно въ это время самъ снизошелъ на степень животнаго. Проводя дни и ночи въ попойкахъ и распутствахъ, царь ежедневно наряжался какимъ нибудь олимпійскимъ божествомъ. То являлся онъ въ багряницѣ, съ золотыми рогами Юпитера Аммона на головѣ; то въ одѣяніи Меркурія, либо въ львиной кожѣ съ палицею Геркулеса... Передъ нимъ жгли ладанъ, къ нему обращались съ молитвами. Иные смѣльчаки, невольно повинуясь здравому смыслу, позволяли себѣ шутки надъ царемъ-богомъ, за которыя могли поплатиться и головою. Однажды, во время пира, на которомъ присутствовалъ Анаксархъ, раздался громовой ударъ. Государь, спросилъ Анаксархъ — не ты-ли это изволишь гремѣть? „Нѣтъ" отвѣчалъ Александръ „я щажу людей". Въ этотъ періодъ своей жизни, царь, въ роскоши достигъ крайняго предѣла. Свита его, состоявшая изъ персидскихъ мелофоровъ и дорифоровъ, была залита въ золото; его шатеръ изъ парчи— съ алтаремъ и золотымъ трономъ, могъ, своими богатствами, потягаться съ любымъ изъ богатѣйшихъ греческихъ храмовъ. Ежедневный обѣдъ царя стоилъ 400 талантовъ (750.000 р. сер.).

Въ 327 г. до Р. Х. Александръ со своими непобѣдимыми дружинами совершилъ походъ въ Скиѳію и послѣ многихъ, славныхъ побѣдъ, женился на Роксанѣ, дочери царя Оксіарта. Въ этомъ родственномъ союзѣ Александръ видѣлъ благую политическую цѣль. Затѣмъ слѣдовалъ знаменитый походъ въ Индію, сопряженный съ великими трудностями и бѣдствіями для воиновъ. Отъ Окса до береговъ Инда переходъ былъ совершенъ въ 16 дней. Одержавъ блистательную побѣду надъ индійскимъ царемъ Поромъ, македонскій герой заключилъ съ нимъ честный миръ не посягнувъ на его владѣнія, а только основавъ на мѣстѣ побѣды городъ Никію. Но Индія состояла изъ владѣній многихъ царей и Александръ спѣшилъ далѣе, не взирая на непрерывныя грозы его сопровождавшія. Достигнувъ береговъ Ифаза воины рѣшительно отказались идти далѣе и, впервые въ жизни, Александръ повиновался тѣмъ, которымъ до того времени повелѣвалъ.

Памятниками своего пребыванія въ Индіи герой оставилъ двѣнадцать алтарей воздвигнутыхъ имъ на берегахъ Ифаза со слѣдующими подписями: Родителю моему Аммону... Минервѣ Пронойѣ... Юпитеру Олимпійскому... Кабирамъ самоѳракійскимъ... Солнцу Индіи... брату моему Аполлону. Выступая изъ предѣловъ Индіи (326 г. до Р. Х.) царь заложилъ укрѣпленный городъ въ Потталѣ, при устьяхъ Инда; съ начальникомъ своего флота Неархомъ плавалъ по Индійскому океану (принося жертвы Нептуну) и поручивъ ему дальнѣйшее плаваніе къ проливу Ормусскому, а по Евфрату — пошелъ въ Гедрозію. Путь отъ предѣловъ этой области къ предѣламъ Карманіи былъ для арміи Александра скорбнымъ путемъ: воины гибли тысячами, сражаемые усталостью, голодомъ и моровою язвою... но что значили эти потери для героя, покупавшаго себѣ безсмертіе — смертью людей? Проходя чрезъ Карманію въ Сузу, герой потѣшалъ жителей этой области, шествуя въ костюмѣ Бахуса, окруженный свитою изъ лицъ обоего пола, наряженныхъ силенами, сатирами, вакхантами и вакханками. Вино лилось рѣкой, такъ какъ во время прежнихъ походовъ лилась кровь.

Во время пребыванія своего въ Индіи, Александръ видѣлъ тамошнихъ браминовъ и гимнософистовъ [1]). Онъ удивлялся ихъ ученію и самоистязаніямъ, а они, въ свою очередь, удивлялись жалкому самоослѣпленію великаго человѣка. Когда вельможи требовали отъ браминовъ, чтобы они признали Александра „сыномъ Зевса", они отвѣчали имъ:

— Всѣ люди — дѣти божіи, но смертный никогда не можетъ быть богомъ!

Нѣкоторые изъ нихъ, привѣтствуя побѣдителя, топали ногами и показывали ему на землю. Въ этомъ, спутники Александра видѣли безмолвное пророчество о близкой его смерти. Гимнософистъ Калапусъ, добровольно восходя на костеръ въ присутствіи Александра, объявилъ, что „увидится съ нимъ въ Вавилонѣ" (см. Т. I, стр. 100).

---

[1]) См. Томъ первый Гл. XII, стр. 95—101.

По возвращеніи изъ Индіи, Александръ казнилъ сатраповъ, правителей персидскихъ областей, уличенныхъ въ казнокрадствѣ и лихоимствѣ. Гарпалъ, намѣстникъ Вавилона, укравъ изъ казны 5818 талантовъ (до 8.000.000 руб. сер.) бѣжалъ въ Аттику и разсчитывая на взятки архонтамъ просилъ пріюта у Аѳинъ; но градоправители оказались неподкупными и отказали вору въ пристанищѣ. Демосѳенъ, заподозрѣнный въ доброжелательствѣ Гарпалу, былъ изгнанъ. Этимъ временемъ Александръ, находившійся въ Сузѣ, дѣятельно занимался брачными союзами, выдавая за своихъ приближенныхъ, царевенъ—своихъ плѣнницъ. Кромѣ Роксаны женами его были Статира и Паризатида; младшую дочь Дарія Кодомана, свою своячиницу Драпатиду онъ выдалъ за Гефестіона: прочихъ царевенъ и знатныхъ дѣвицъ персидскихъ за именитыхъ вождей и хиліарховъ. По примѣру начальниковъ и простые воины женились на персіянкахъ, которымъ Александръ давалъ приданое. Брачные пиры вельможъ стоили ему до 15,000 талантовъ (24.275.000 р. с.), а сверхъ того, въ ихъ ознаменованіе онъ раздарилъ воинамъ до 10,000—(1.375,000 р. с.). По этой баснословной щедрости царя можно было заключить, что онъ, въ предчувствіи близкой смерти окончательно потерялъ разсудокъ. и оно дѣйствительно было такъ! Не боги Олимпа - порожденные воображеніемъ людей, но Богъ единый, создатель міра, предъ которымъ великій завоеватель былъ только чуть примѣтною, ничтожною порошинкою, въ его лицѣ каралъ гордыню человѣческую и кару свою началъ отнятіемъ разсудка у того:

„Кому въ державу тѣсны міры"!

Въ Экбатанѣ Александръ лишился своего безцѣннаго друга Гефестіона; сподвижникъ Александра во всѣхъ его побѣдахъ и неизмѣнный его собесѣдникъ умеръ за столомъ, самой позорной смертью—опился на пиру! Безутѣшный Александръ три дня не принимая никакой пищи оплакивалъ Гефестіона, казнилъ его врача Главкія, велѣлъ срыть градскія стѣны Экбатаны, разрушить тамошній храмъ Эскулапа и погасить всѣ огни на алтаряхъ; воины, въ знакъ траура, должны были остричь волосы себѣ, а гривы—лошадямъ... За смерть пьяницы поплатились и боги и люди и животныя! Но этого мало: Александру угодно было, въ память Гефестіона, совершить кровавую тризну: напавъ на воинственныя племена Коссейцевъ великій завоеватель перерѣзалъ нѣсколько тысячъ человѣкъ захваченныхъ въ плѣнъ. Погребенію покойнаго царь назначилъ быть въ Вавилонѣ, гдѣ суждено было окончить свое земное поприще и самому Александру.

Погребеніе Гефестіона (т. е. сожженіе его трупа) совершилось съ истинно царскимъ великолѣпіемъ. Сложенный изъ кирпичей костеръ, пространствомъ въ одну квадратную стадію (94½ сажени) имѣлъ до 130 локтей (325 футовъ или 46 сажень и 3 фута) высоты и былъ раздѣленъ на шесть ярусовъ. Самый нижній былъ украшенъ золочеными изображеніями корабельныхъ носовъ и воиновъ съ драпировкою изъ алаго сукна. Второй ярусъ состоялъ изъ арокъ со стоявшими подъ ними фигурами боговъ, пальмовыхъ деревьевъ и факеловъ съ сидящими на нихъ орлами и драконами. Третій ярусъ—рядъ урнъ и изображеній звѣрей; четвертый—рядъ центавровъ; пятый—львы и быки; шестой—трофеи и статуи сиренъ, пустыя внутри для помѣщенія пѣвцовъ. Всѣ фигуры и украшенія были золоченыя; пурпуръ, пальмовыя и лавровыя вѣтви придавали всему этому зданію видъ необыкновенный. Погребая Гефестіона, какъ царя, Александръ, не задумался причислить его къ богамъ, въ чемъ ему никто не дерзнулъ противорѣчить. Аполлодоръ, правитель Вавилона, встревоженный извѣстіемъ о прибытіи Александра въ этотъ городъ, совѣщался со своимъ братомъ Пиѳагоромъ свѣдущимъ въ наукѣ волхованія. Этотъ гадатель по внутренностямъ жертвъ узналъ, что царю жить недолго. Тоже говорили и халдейскіе жрецы, вышедшіе на встрѣчу Александру и возвѣстившіе царю, что оракулъ Бела, спрошенный ими объ участи героя, предрекъ ему близкій конецъ въ стѣнахъ Вавилона. Смущенный Александръ хотѣлъ было отложить свое намѣреніе, но находившіеся при немъ философы-софисты убѣдили его не поддаваться суевѣрному ужасу и не вѣрить волхвамъ. Онъ вступилъ въ Вавилонъ, но во все время своего тамъ пребыванія находился въ грустномъ и тревожномъ расположеніи духа. Здѣсь онъ принялъ пословъ изъ разныхъ странъ и депутатовъ изъ областей греческихъ. Онъ милостиво бесѣдовалъ съ ними, вручилъ депутатамъ Эпидавра подарки въ храмъ Эскулапа, замѣтивъ при

этомъ, что онъ сердитъ на бога медицины за смерть Гефестіона. Коринѳскіе синедры объявили царю, что городъ признаютъ Александра своимъ обладателемъ... царь усмѣхнулся, но когда ему объяснили, что подобную почесть ему оказываютъ вторую, послѣ Геркулеса, онъ былъ очень доволенъ. Въ Аѳины царь послалъ манифестъ о прощеніи изгнанниковъ, приказавъ прочитать его на предстоящихъ олимпійскихъ играхъ. Послѣдніе мѣсяцы жизни царь провелъ въ заботахъ о благоустройствѣ городовъ царства ассиро-вавилонскаго: возобновлялъ храмы, приказалъ очищать каналы; обратилъ вниманіе на судоходство по Тигру и Евфрату; поручилъ Неарху совершить плаваніе по заливамъ Персидскому и Аравійскому. Въ минуты отдохновенія отъ царственныхъ трудовъ, Александръ бесѣдовалъ съ волхвами, колдунами и астрологами и бывалъ очень доволенъ, если они, хоть столько нибудь, разгоняли страхъ и предчувствія о близкой смерти, обуявшіе всемірнаго завоевателя. Какъ на зло, страшныя предзнаменованія тревожили и царя и народъ. На небѣ сіяла комета, какой-то сумашедшій вбѣжалъ во дворецъ, проникъ въ тронный чертогъ и надѣвъ на голову корону сѣлъ на царскій престолъ... Безумца схватили, допрашивали, что могло его побудить къ этой выходкѣ? онъ отвѣчалъ, что и самъ не понимаетъ, какъ это сдѣлалось; будто какая-то таинственная сила его побуждала. По совѣту волхвовъ, бѣдняка зарѣзали на алтарѣ Апотропей и Аверрунковъ (боговъ-защитниковъ отъ внезапныхъ бѣдствій). Черезъ нѣсколько времени послѣ того, плавая въ галерѣ по озеру близь Вавилона, Александръ уронилъ въ воду свой царскій вѣнецъ. Одинъ изъ гребцовъ нырнулъ за нимъ и чтобы удобнѣе доплыть до царской галеры надѣлъ себѣ вѣнецъ на голову... За это, вмѣсто награды, гребца казнили, ибо и въ этомъ событіи видѣли предзнаменованіе близкаго перемѣщенія короны съ больной головы на здоровую. Въ маѣ 324 года до Р. Х. царь, подобно Гефестіону опился на пиру, занемогъ горячкою и 28 числа того же мѣсяца скончался, завѣщая престолъ достойнѣйшему и предрекая страшныя междоусобія. Какъ бы для доказательства тлѣнности величія земнаго, тѣло великаго царя,—этого самозваннаго сына Юпитера Аммона, очень скоро разложилось и дальнѣйшая порча трупа была пріостановлена

стараніями египетскихъ бальзамирователей. Мумію Александра въ золотомъ гробу, въ великолѣпномъ храмѣ сооруженномъ на колоссальной колесницѣ, повезли въ Мемфисъ, оттуда въ Александрію, гдѣ и похоронили въ 321 г. по Р. Х. По преданію, гробъ былъ украденъ однимъ изъ Птоломеевъ, а въ IV вѣкѣ по Р. Х. никто не могъ указать мѣста погребенія великаго завоевателя. Горесть приближенныхъ Александра не имѣла предѣловъ. Мать Дарія Кодомана царица Сизигамбида, обожавшая героя за его великодушіе, уморила себя голодомъ.

Затѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, монархія Александра великаго, умѣщавшая въ своихъ предѣлахъ царства трехъ странъ свѣта, сдѣлалась театромъ кровавыхъ междоусобій: Пердики, Антигона, Птоломея и Касандра. Царское семейство было истреблено; послѣ убіенія Пердики европейскія владѣнія достались Касандру, азіатскія—Антигону, африканскія Птоломею. Въ 301 г. по Р. Х. Антигонъ палъ въ битвѣ при Ипсѣ и затѣмъ послѣдовало вторичное раздробленіе македонской монархіи. О царствахъ, возникшихъ изъ его развалинъ въ Азіи и въ Африкѣ, мы уже говорили (См. Томы III и IV) и потому закончимъ нашъ историческій обзоръ немногословнымъ очеркомъ событій въ европейскихъ владѣніяхъ царей македонскихъ.

При Антигонѣ Гонатѣ (227—221 г. до Р. Х.) произошло отложеніе отъ Македоніи греческихъ областей, вступившихъ между собою въ тѣсные союзы: Этольскій и Ахайскій, подъ покровительствомъ могучей республики римской. Побѣды послѣдней: надъ Филиппомъ II при Киноскефалахъ (179 г. до Р. Х.) и надъ Персеемъ — при Пиндѣ (168 г. до Р. Х.) рѣшили судьбу Греціи и Македоніи: та и другая были превращены въ римскую провинцію подъ именемъ Ахаія. Двадцать два года Ахаія провела въ той мучительной агоніи, которая предшествуетъ окончанію политическаго бытія государствъ. Окованная римскими цѣпями, истощенная, парализованная — Ахаія сдѣлала послѣднее усиліе освободиться изъ подъ тяжкаго ига и погибла окончательно. Въ 146 г. до Р. Х. римскій консулъ Муммій овладѣлъ Коринѳомъ, выжегъ его до тла и подъ его пепломъ была похоронена свобода древней Греціи.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Философы Греціи.—Анаксагоръ.—Его взглядъ на естественныя явленія.—Изгнанье.—Смерть.—Ученіе объ атомахъ.—Нусъ.—Открытіе астрономическія.—Ошибки.—Архелай.—Гераклитъ.—Разсужденіе о природѣ.—Прозвище туманнаго.—Сущность его ученія. Парменидъ.—Матеріализмъ.—Зенонъ.—Его таланты.—Силлогизмъ, парадоксъ, софизмъ. Отрицаніе движенія.—Нигилизмъ Зенона.—Левкиппъ.—Анахронизмы.—Ученіе Левкиппа.—Демокритъ.—Его образованіе.—Книга о великомъ мірѣ.—Глубокія познанія.—Дружба съ Гиппократомъ.—Продленіе жизни.—Последователи ученія Демокрита.—Эмпедоклъ.—Исцѣленіе Панѳіи.—Эмпедоклъ и Этна.—Книга о природѣ.—Стихіи.—Міроздание.—Душа.—Сущность ученія.—Софисты.—Религія и наука.—Вредъ отъ школы софистовъ.—Безбожіе.—Протагоръ.—Его безвѣріе.—Изгнаніе и смерть.—Отзывъ о Протагорѣ св. Климента Александрійскаго.

Окончивъ обзоръ политическихъ событій въ древней Греціи, мы возвращаемся къ біографическимъ очеркамъ завоевателей въ областяхъ науки, борцевъ за истину, складывавшихъ иногда и головы въ борьбѣ съ невѣжествомъ и суевѣріемъ. При всемъ нашемъ желаніи придерживаться строгаго, хронологическаго порядка мы привуждены отчасти отступить отъ него въ тѣхъ случаяхъ, когда, говоря о какой нибудь философской школѣ, группируемъ ихъ основателей и послѣдователей, т. е. учителей и учениковъ. Начнемъ съ послѣдователей школы іонической.

А н а к с а г о р ъ, сынъ знатнаго и богатаго гражданина города Клазомена, родился въ 1 годъ LXX олимпіады (500 л. до Р. Х.) и по достиженіи двадцатилѣтняго возраста посвятилъ себя изученію философіи у Анаксимандра. По обыкновенію ученыхъ нужей того времени, путешествовалъ по чужимъ странамъ для дальвѣйшаго образованія; былъ въ Египтѣ и возвратился на родину послѣ

двадцати лѣтъ странствованій. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ извѣстность какъ математикъ, естествоиспытатель и философъ и эта извѣстность, распространяясь по Греціи, достигла Аѳинъ. Прибывъ въ этотъ городъ Анаксагоръ былъ радушно принятъ Перикломъ, съ которымъ онъ вскорѣ подружился и, благодаря содѣйствію котораго, получилъ важную должность въ республикѣ. Въ числѣ многихъ учениковъ Анаксагора особенно прославились трагическій поэтъ Э в р и п и д ъ и философъ А р х е л а й милетскій. Бесѣдуя со своими слушателями о естествознаніи Анаксагоръ доказывалъ имъ, что всѣ феномены астрономическіе, метеорологическіе и геологическіе не имѣютъ ни малѣйшей связи съ богами. Онъ говорилъ, что появленіе кометъ, громы, землетрясенія суть послѣдствіе причинъ физическихъ, но отнюдь не служатъ богамъ для выраженія ихъ гнѣва какъ о томъ думаютъ невѣжды и суевѣры: боги не гнѣваются, благоволенія своего смертнымъ не выражаютъ, ибо никакихъ боговъ нѣтъ, а есть только единая причина всѣхъ причинъ и начало всѣхъ началъ... Само собою разумѣется, что Анаксагоръ, подобными рѣчами, не замедлилъ навлечь на себя обвиненіе въ безбожіи и ненависть суевѣровъ. Благодаря заступничеству Перикла онъ неоднократно избѣгалъ суда, но послѣ Пелопонезской войны, по доносамъ Клеона, былъ призванъ къ отвѣту. О рѣшеніи участи философа существуетъ три мнѣнія, одно изъ которыхъ, непремѣнно, должно быть справедливо. Одни историки говорятъ, что Анаксагоръ былъ оправданъ; другіе—будто онъ былъ казненъ; по мнѣнію третьихъ, онъ бѣжалъ изъ Аѳинъ или подвергался изгнанію. Послѣднее мнѣніе едва-ли не самое справедливое. Изгнанный въ Лампсаку, философъ умеръ въ этомъ городѣ на 72 году отъ рожденія (въ 128 г. до Р. Х.). Когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, находившійся при немъ Архелай спросилъ Анаксагора: не желаетъ ли онъ, чтобы тѣло его послѣ смерти отнесено было для погребенія въ Клазоменъ? „Къ чему"? отвѣчалъ философъ—„дорога въ адъ повсюду одна и та же!"

Сущность ученія Анаксагора слѣдующая:

— Изъ ничего не можетъ быть ничего и всему видимому въ природѣ непремѣнно должна быть причина. Начало всему—атомы (г о м е о м е р і и) однородные съ тѣлами, которыя изъ нихъ обра-

зуются. Движеніе атомамъ дано верховнымъ разумомъ или духомъ, имя которому—Нусъ. Изъ атомовъ образовалась вся вселенная: атомы чистѣйшіе и легчайшіе, вознесясь вверхъ, слились въ эѳиръ и огонь: болѣе плотные и землянистые атомы, осѣвъ книзу, образовали землю. Составъ тѣла звѣздъ тотъ же самый что и составъ земли. Солнце—масса раскаленыхъ камней; объемъ его горяздо болѣе Пелопонеза. Млечный путь и радуга—отраженія солнечныхъ лучей. Луна, планета сама по себѣ тусклая, свѣтъ свой заимствуетъ отъ солнца; она, подобно нашей землѣ — обитаема. Кометы—ничто иное какъ блуждающія звѣзды. Разсматривая ученіе Анаксагора съ точки зрѣнія современной науки, самъ читатель можетъ судить въ чемъ былъ правъ древній философъ и въ чемъ нѣтъ; но къ числу его заблужденій не можемъ не причислить страннаго и нелѣпаго вывода, основаннаго Анаксагоромъ на такъ называемомъ сродствѣ атомовъ. Вода, говорилъ онъ, кажется намъ черною: снѣгъ происходитъ отъ воды, слѣдовательно онъ черенъ, хотя и кажется намъ бѣлымъ.

Архелай милетскій, ученикъ, другъ и спутникъ Анаксогора въ его изгнаніи, усвоивъ его ученіе о природѣ, сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Началомъ всему онъ признавалъ: воздухъ и вмѣстилище его—безконечность. Воздухъ имѣетъ способность сгущаться и разжижаться, и вслѣдствіе этой его способности изъ воздуха образовались огонь и вода. Изъ воды образовался илъ; изъ илу произошли всѣ животныя и люди. Въ началѣ своего бытія вся земля была плоскимъ болотомъ, которое постепенно иссушалось, твердѣло и высыхало отъ солнечныхъ лучей. Солнце величайшее изъ всѣхъ небесныхъ свѣтилъ.—Въ природѣ нѣтъ ни правды, ни лжи: та и другая порождены законами людскими. Послѣднее умозаключеніе Архелая можетъ служить образчикомъ такъ называемыхъ софизмовъ, о которыхъ ниже мы поговоримъ подробнѣе.

Гераклитъ эфезскій [1]) родился, по всей вѣроятности, въ

[1] Съ именемъ каждаго философа древніе всегда соединяли прозвище по мѣсту его рожденія. Прозвища эти то же что фамиліи у современныхъ европейскихъ народовъ.

536 г. до Р. Х. и принадлежалъ къ знатному, богатому семейству, но уступивъ брату своему всѣ родовыя права посвятилъ себя наукамъ. Съ юныхъ лѣтъ угрюмый, не общительный, со враждебнымъ взглядомъ на жизнь и на людей, Гераклитъ донынѣ пользуется въ потомствѣ репутаціею какого-то плаксы, въ параллель смѣющемуся Демокриту, что (надобно замѣтить) вовсе не основательно: одинъ вовсе не плакалъ, а другой не проводилъ жизни своей смѣючись. Вѣрнѣе сказать, что Гераклитъ смотрѣлъ на жизнь враждебно, а Демокритъ—примирительно; первый былъ пессимистъ, второй оптимистъ; первый жилъ сердцемъ, второй—разсудкомъ. Въ юности Гераклитъ горячо привязался къ ученію Пиѳагора, потомъ, по мѣрѣ своего разочарованія въ жизни и въ людяхъ, онъ увлекся идеями элеатиковъ школы Ксенофана. Такимъ образомъ доктрина Гераклита сложилась изъ двухъ почти противуположныхъ ученій. Какъ-бы то ни было, но въ 496 г. до Р. Х. (LXIX олимпіада) слава Гераклита гремѣла не только въ малоазіатскихъ греческихъ колоніяхъ и въ Греціи, но проникла даже въ Персію. Дарій Гистаспъ приглашалъ философа ко двору, но Гераклитъ уклонился отъ этой чести. Обвиняемый согражданами въ безбожіи онъ удалился въ горы и здѣсь, въ уединеніи, поддерживалъ свое существованіе, питаясь вареными травами и кореньями. Вслѣдствіе образа жизни, суроваго и черезъ чуръ воздержнаго, у Гераклита открылась водянка. Не обращая вниманія на законъ, воспрещавшій ему жить въ Эфезѣ, философъ возвратился въ городъ и созвавъ врачей, намекая на свой недугъ, спросилъ ихъ: могутъ ли они сырую и дождливую погоду превратить въ ясную? Получивъ, разумѣется, отрицательный отвѣтъ, Гераклитъ удалился и въ жесточайшихъ страданіяхъ умеръ на грудахъ навозу; по другимъ сказаніямъ онъ былъ заѣденъ собаками (477 г. до Р. Х.). Изъ его учениковъ славнѣйшимъ былъ отецъ медицины—безсмертный Гиппократъ.

Плодомъ многолѣтнихъ трудовъ Гераклита было написанное имъ Разсужденіе о природѣ, въ которомъ философъ изложилъ свои возрѣнія на физику, на политику и на богословіе. Писалъ онъ также темно и непонятно какъ говорилъ. За его страсть говорить намеками, загадками и полу-словами Гераклиту

дано было прозвище туманнаго (скотинос). Сократъ прочитавъ книгу Гераклита сказалъ о ней: „что я въ ней понялъ, то все хорошо, но понялъ я очень немногое; остальное темно и загадочно“. Ученіе Гераклита въ немногихъ словахъ слѣдующее:

— Единое начало всему — огонь, чистѣйшій, неугасимый, вѣчно движущійся. Отъ него произошли всѣ стихіи, или, вѣрнѣе сказать, начинаясь отъ огня, одна стихія порождена была другою. Изъ огня образовался воздухъ; изъ воздуха образовалась вода; изъ воды — земля. Покоя и неподвижности — нѣтъ въ природѣ: вся она — вѣчное движеніе, происходящее отъ сгущенія и разжиженія, соединенія и разъединенія. Душа человѣческая — паръ происходящій отъ души вселенной, т. е. отъ огня. Притяженіе и оттолкновеніе — причины происхожденія всѣхъ тѣлъ. Гдѣ движеніе там и вещество; гдѣ вещество — тамъ и движеніе. Жизнь — безконечная, непрерывная цѣпь, состоящая изъ видоизмѣненій; самая смерть есть только преобразованіе тѣла, а въ разрушеніи — зачатки новыхъ тѣлъ (въ смыслѣ матеріальномъ). Весь міръ и вселенную можно уподобить вѣчно катящемуся потоку, состоящему изъ безчисленнаго множества капель: одна поглощается другою, одна дробится на тысячи, но потокъ все кажется неизмѣннымъ. Признавая огонь верховнымъ началомъ всему, признавая въ немъ свойства неугасимости, чистоты и неистощимаго творчества нельзя не признать огонь за божество. Разумъ есть чистѣйшее его испареніе, распространенное повсюду и нами вдыхаемое. Проявленіе дѣятельности разума — память; упадокъ этой дѣятельности — забвеніе.

Этотъ взглядъ на Бога и на мірозданіе, весьма естественно привелъ Гераклита къ самымъ безотраднымъ выводамъ. — Что такое человѣкъ? говорилъ философъ. Знаніе, которымъ онъ хвалится ничто иное какъ невѣжество; величіе его — низость; сила — хворость, радость — горе. Полезно только познаніе себя самого и, такъ называемая добродѣтель — ничто другое какъ умѣренность, умѣнье — воздерживаться ото всего.

Въ этомъ ученіи уже замѣтенъ былъ ядъ софизма, но еще того рѣзче, онъ, обнаружился въ ученіи Парменида, послѣдователя первой элеатической школы.

Парменидъ — элеецъ родился около 504 г. до Р. Х. былъ

ученикомъ Ксенофана и Анаксимандра. Его же учениками были Мелисъ, Зенонъ и Анаксименъ. Къ обширнымъ познаніямъ въ астрономіи Парменидъ присоединялъ завидный даръ слова и умѣнье принаравливаться къ понятіямъ слушателей, т. е. быть безбожникомъ съ людьми развитыми, ханжею и суевѣромъ съ невѣждами [1]). Онъ подтвердилъ открытіе Пиѳагора, что денница и вечерняя звѣзда одна и та же планета Венера; землю называлъ шаромъ, висящимъ посрединѣ вселенной, который не падаетъ въ пространство вслѣдствіе равномѣрнаго и всесторонняго давленія воздуха. Земную сферу онъ дѣлилъ на поясы, изъ которыхъ, по его словамъ, людьми заселены только два средніе; крайніе же необитаемы. Причинами всего созданнаго онъ признавалъ два начала: воду и огонь. Грубый матеріализмъ, на которомъ основано было ученіе Парменида, нашелъ достойнаго поборника въ лицѣ его ученика Зенона, котораго не должно смѣшивать съ одноименнымъ ему основателемъ школы стоической.

Зенонъ, подобно Пармениду, уроженецъ Элеи, былъ основателемъ второй элеатической школы. Этотъ философъ, по всей справедливости можетъ быть причисленъ къ разряду тѣхъ мудрствователей, о которыхъ говоритъ пословица, что у нихъ „умъ за разумъ заходитъ.“ Безбожникъ (даже и не въ языческомъ смыслѣ этого слова) Зенонъ почитается изобрѣтателемъ діалектики или искуства основательно разсуждать и вести диспуты, хотя по примѣрамъ, приведеннымъ его біографами, въ немъ незамѣтно ни того ни другаго. „Онъ умѣлъ“, говорятъ они — „ставить противника въ тупикъ и заставлять его умолкать передъ собою...“ Если въ этомъ заслуга Зенона, то еще вопросъ: заслуживаетъ ли это искуство названія діалектики? Дуракъ можетъ заставить замолчать передъ собою умнаго человѣка если съ запасомъ заносчивости, свойственной дуракамъ вообще, обладаетъ способностью забрасывать словами, но способность эта еще не даетъ

[1]) Разъ навсегда дѣлаемъ оговорку, что въ мірѣ языческомъ безбожниками называли враговъ многобожія, не вѣровавшихъ въ олимпійскихъ боговъ, называвшихъ ихъ только силами природы и признававшихъ единаго Бога.

ему права называться человѣкомъ умнымъ. Зенонъ былъ уменъ, безспорно; но онъ умѣлъ превосходно говорить глупости. Въ его устахъ силлогизмы, парадоксы и софизмы были орудіями неотразимыми; но вооруженный ими Зенонъ былъ похожъ на бойца, вооруженнаго топоромъ и дерущагося съ противникомъ, у котораго вмѣсто топора — иголка. Намъ извѣстно изъ риторики, что силлогизмы бываютъ и **рогатые**[1]); парадоксъ — ложь, безстыдную свою наготу выдающая за правду, а софизмъ — фальшивая монета. Таковъ былъ риторическій арсеналъ Зенона.

Уступая просьбамъ элеянъ онъ написалъ имъ законы, которые долгое время пользовались силою; посѣтивъ Аѳины, гдѣ сблизился съ Перикломъ, Зенонъ первый изъ ученыхъ преподаваніе наукъ превратилъ въ ремесло, собирая съ учениковъ посильныя благостыни. По возвращеніи на родину онъ погибъ насильственной смертію по повелѣнію какого-то тирана, забитый батогами или запытанный. Какъ-бы не было отдалено отъ насъ время гибели мученика за правду мы не можемъ безъ жалости отозваться о немъ, но этого нельзя сказать о Зенонѣ, не заслуживающемъ ни малѣйшей признательности потомства. Ученіе его, проникнутое духомъ крайняго отрицанія, было противно не только религіи, но и доктринамъ всѣхъ прочихъ философскихъ сектъ. Подобно всѣмъ людямъ, увлекающимся нелѣпою идеею, Зенонъ былъ деспотомъ въ отношеніи мнѣній чужихъ, съ его мнѣніями несогласныхъ. Онъ утверждалъ, во первыхъ, что движенія нѣтъ въ природѣ, но его мнѣнію единство и недвижность одно безъ другаго существовать не могутъ. Во вторыхъ, онъ увѣрялъ, что такъ называемаго духа или силы тоже нѣтъ въ природѣ, а есть только вещество или матерія. Душа, ничто иное какъ гармоническое сочетаніе всѣхъ тѣлесныхъ элементовъ. Аристотель приводитъ нѣкоторые доводы или **аргументы** Зенона въ подтвержденіе его теоріи о недвижности.

---

[1]) Силлогизмъ — разсужденіе состоящее изъ трехъ предложеній: большаго, малаго и вывода. Напр. добродѣтель дѣлаетъ счастливыми; мы хотимъ быть счастливы — слѣдовательно должны быть добродѣтельны. Прозвище рогатаго силлогизма дано всякому нелѣпому выводу въ родѣ слѣдующаго: Что ты не терялъ, то у тебя есть; ты не терялъ роговъ, слѣдовательно они у тебя есть.

Стрѣла пущенная изъ лука только перемѣняетъ мѣсто, но сама по себѣ она недвижна. Герой Иліады Ахиллъ, прозванный **быстроногимъ**, не могъ бы обогнать черепаху, ползущую отъ него въ двадцати шагахъ и т. д. Въ наше время, когда науки и первая изъ нихъ — математика доказала какъ $2 \times 2 = 4$ всю несостоятельность завиральныхъ идей Зенона, смѣшно было-бы ихъ и опровергать, но мы не можемъ не замѣтить, что еще древніе біографы и старинные коментаторы называли отрицаніе, на которомъ основано ученіе Зенона — **нигилизмомъ**... Наши современники, воображающіе, будто они изобрѣли нѣчто новое, жестоко ошибаются: ничто не ново подъ луною и то знамя, подъ которымъ они нынѣ копошатся, ничто иное какъ старая тряпка, обрывокъ той хламиды, въ которой щеголялъ философъ Зенонъ 2300 лѣтъ тому назадъ. Въ одномъ только современные нигилисты не сходятся съ древнимъ философомъ: они не отрицаютъ движенія, что и доказываютъ собственнымъ существованіемъ, состоящимъ изъ праздношатанія изъ угла въ уголъ, или, изъ безполезнаго толченія воды. Въ мірѣ духовномъ, точно такъ же, какъ и въ физическомъ есть свои недуги и иногда случаются и тѣ же моровыя повѣтрія... Придетъ время и правнуки наши будутъ смѣяться надъ нигилизмомъ XIX вѣка, точно такъ же какъ смѣялись правнуки Зенона надъ нигилизмомъ V вѣка до Р. Х.

Ученикъ Зенона **Левкиппъ** родился въ Абдерахъ около 370 г. до Р. Х. Такъ показываютъ годъ его рожденія біографы, но лживость этой цифры не можетъ подлежать и сомнѣнію. Демокритъ, котораго тѣ же біографы называютъ ученикомъ Левкиппа, родился въ 3-й годъ LXXVII олимпіады, т. е. въ 470 г. до Р. Х. ровно черезъ сто лѣтъ послѣ Левкиппа. Чтобы приблизиться къ истиннѣ намъ, по неволѣ, приходится пускаться въ предположенія. Если Левкиппъ преподавалъ философію, имѣя отъ роду тридцать лѣтъ, а Демокритъ слушалъ его лекціи, имѣя лѣтъ двадцать пять отъ роду, мы можемъ допустить, что Левкиппъ родился въ 475 г. до Р. Х., но не ручаемся за вѣрность, а допускаемъ только вѣроятность. Ученіе его о мірозданіи, подобно ученію Анаксагора, было основано на сцѣпленіи и разъединеніи атомовъ. Міръ, по его словамъ, безконеченъ, но вѣчно видоизмѣняется: одно тѣло

разрушаясь превращается въ другое, или въ тысячи другихъ тѣлъ и, обратно: изъ тысячи однородныхъ тѣлъ образуется единое. Солнце вращается вокругъ луны; земля вокругъ солнца. Но о законахъ, на основаніи которыхъ совершается сцѣпленіе и разъединеніе атомовъ, ни о Томъ, рукою котораго законы эти начертаны и въ безконечномъ пространствѣ вмѣщающемъ въ себѣ міры и въ нѣдрахъ земли и на ея поверхности—Левкиппъ не говорилъ ни слова. Отрицая легіоны боговъ языческихъ онъ не въ силахъ былъ сознать бытія единаго Бога. Разрушая вѣрованія былыхъ временъ, Левкиппъ не съумѣлъ замѣнить ихъ новыми, очищенными отъ нелѣпыхъ предразсудковъ. Природа въ его глазахъ была анатомируемымъ трупомъ: онъ весьма дѣльно говорилъ о матеріальномъ строеніи міра, но умалчивалъ о его Душѣ.

Городъ Абдеры находился на берегу Эгейскаго моря во Ѳракіи и въ глубочайшей древности пріобрѣлъ печальную извѣстность за тупоуміе своихъ жителей. Левкиппъ и Демокритъ доказали справедливость пословицы: въ семьѣ не безъ урода. Демокритъ сынъ знатнаго и богатаго абдеритянина (Гелестрата, Адевократа или Дамазиса), родился какъ мы уже говорили въ третій годъ LXXVII олимпіады (470 г. до Р. Х.). Ксерксъ, царь персидскій, особенно благоволившій отцу Демокрита, поручилъ воспитаніе мальчика халдейскимъ магамъ и жрецамъ Египта. Между первыми находился и знаменитый магъ Останесъ, славившійся глубокими своими познаніями въ астрологіи, магіи, и алхиміи. Для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, Демокритъ, уступилъ братьямъ все отцовское наслѣдство, взялъ на свою долю только наличныя деньги и отправился въ Египетъ. Чтобы удостоиться посвященію въ таинства храма мемфисскаго, Демокритъ перешелъ въ законъ страны фараоновъ и подвергся обрѣзанію. Въ Египтѣ онъ основательно изучилъ геометрію, алхимію, ботанику и медицину. Затѣмъ посѣтилъ Халдею, Индію гдѣ бесѣдовалъ съ гимнософистами и браминами. На всѣ эти путешествія Демокритъ истратилъ всю свою долю отцовскаго наслѣдства и возвратился на родину богатый только своими познаніями. Младшій его братъ Даматій далъ ему средства побывать въ Аѳинахъ и здѣсь онъ познакомился съ Сократомъ и другими философами. По вторичномъ возвращеніи въ Абдеры. Демокритъ не желая обременить брата читалъ публично отрывки изъ своего сочиненія о великомъ мірѣ (макрокозмѣ). За эти чтенія абдеритяне наградили философа 500 талантовъ (687,500 руб. сер.), воздвигли въ его честь статуи и объявили, что въ случаѣ его смерти обязуются похоронить его на общественный счетъ. Это послѣднее обязательство было слѣдствіемъ статьи закона, по которой, человѣкъ расточившій свое имущество, лишался погребенія. Кромѣ того, Демокриту предлагали занять важную должность при градскомъ правленіи, но онъ уклоняясь отъ этой чести удалился въ уединеніе и здѣсь занялся страстно изъ любимыми естественными науками: собиралъ травы, анатомировалъ птицъ и животныхъ, занимался опытами герметической философіи или алхиміи, которой его научили египетскіе жрецы. По словамъ Сенеки [1]) Демокритъ умѣлъ плавить голыши, дѣлать изъ нихъ изумруды, окрашивать камни во всѣ возможные цвѣта и размягчать слоновую кость. Уединенный образъ жизни Демокрита, его насмѣшливое обхожденіе съ докучливыми посѣтителями, нѣкоторыя причуды въ характерѣ—привели абдеритянъ къ тому убѣжденію, что философъ помѣшался. Радѣя о его здоровьи они пригласили къ нему Гиппократа и „божественный косскій старецъ“ посѣтилъ Демокрита. Знаменитый врачъ, послѣ непродолжительной бесѣды съ мнимымъ больнымъ, убѣдился, что онъ не только въ своемъ умѣ, но что умъ этотъ едва-ли имѣетъ себѣ подобнаго по обширности и обработкѣ. Философъ и врачъ подружились и Демокритъ бывалъ у Гиппократа на островѣ Косѣ. Древніе писатели, въ доказательство глубокихъ познаній философа, приводятъ два примѣра: Однажды, когда Гиппократъ подчивалъ его козьимъ молокомъ, Демокритъ по цвѣту и вкусу безошибочно опредѣлилъ масть шерсти и возрастъ козы. Въ другой разъ, когда къ Гиппократу пришла молодая посѣтительница, Демокритъ привѣтствуя ее, назвалъ дѣвою, а на слѣдующій день—женщиною, угадавъ, по цвѣту лица совершившуюся съ нею перемѣну. Достигнувъ маститой старости, Демокритъ, до того времени не знавшій болѣзней, объявилъ своей сестрѣ, что конецъ

[1]) Seneca, liber XIV, epist. 91.

его приближается. Жалѣя о братѣ, она, въ тоже время сокрушалась о томъ, что онъ умретъ во время праздниковъ Цереры и тѣмъ лишитъ ее (т. е. сестру) возможности принять въ нихъ участіе. Чтобы утѣшить ее, Демокритъ продлилъ свою жизнь на всѣ дни праздниковъ, вдыхая паръ отъ хлѣбовъ, вынутыхъ изъ печки. Онъ умеръ 109 лѣтъ отъ роду въ 361 г. до Р. Х.

Чтобы не повторять однажды сказаннаго объ ученіи атомовъ, которое распространяли до Демокрита Анаксагоръ и Левкиппъ, мы замѣтимъ, что Демокритъ былъ ревностнымъ его послѣдователемъ а новѣйшіе ученые, проповѣдывавшіе теорію атомическую, **Декартъ, Спиноза и Мальбраншъ** [1]), не прибавили къ ней ничего новаго, а только стряхнули съ нея прахъ вѣковъ, подъ которымъ она покоилась. Теорія Гераклита о происхожденіи міровъ изъ стихій и схожая съ нею теорія **Эмпедокла**, о которой мы поговоримъ теперь, были гораздо ближе къ истинѣ.

Эмпедоклъ, прославившійся въ одинаковой степени, какъ врачъ и какъ философъ, былъ современникомъ Демокрита и годами тремя его старѣе. Онъ родился на островѣ Сициліи, въ Агригентѣ въ 473 г. до Р. Х. и съ юныхъ лѣтъ изучалъ природу, слѣдуя доктринѣ пиѳагорцевъ. Обширная медицинская практика доставляла ему и лавры и золото. **Панѳея**, знатная жительница Агригента, опасно заболѣвъ нервными припадками, впала въ летаргію, отъ которой ее не могъ пробудить ни одинъ изъ приглашенныхъ врачей, Эмпедоклъ излечилъ ее, возвративъ обмершую къ жизни послѣ тридцатидневнаго усыпленія. Этотъ удивительный случай много способствовалъ громкой извѣстности Эмпедокла, который и самъ удивляясь себѣ провозгласилъ себя богомъ и едва ли не помѣшался на этой мысли. Онъ началъ появляться въ общество сопровождаемый цѣлой свитой рабовъ; одѣвался въ пурпуръ и носилъ на головѣ золотую царскую повязку. Жители Агригента предлагали ему быть верховнымъ правителемъ республики, но Эмпедоклъ, врагъ тираніи, не только отказался отъ

[1] **Ренатъ Картезіи** или **Декартъ** родился въ 1596, умеръ въ 1650 году; **Спиноза** родился 1632, умеръ 1677 г, **Мальбраншъ** родился въ 1638, умеръ въ 1715 году.

этой чести, но еще способствовалъ преобразованію правленія изъ аристократическаго въ демократическое, освободивъ народъ изъ подъ ига сената, состоявшаго изъ тысячи членовъ. Онъ жилъ безвыѣздно въ Агригентѣ, до взятія города карѳагенянами въ 403 г. до Р. Х. Тогда онъ переселился въ Пелопонезъ, гдѣ и умеръ въ преклонной старости. О смерти Эмпедокла сохранилось преданіе, будто онъ, желая узнать внутреннее строеніе огнедышущей Этны, бросился въ жерло волкана и погибъ жертвою своей любознательности. Эта сказка замѣчательна по своему нравоученію, не безполезному людямъ ученымъ. Разуму человѣческому при всей его обширности положенъ предѣлъ разумомъ всевышняго. Пытаться переступить этотъ рубежъ, не одно ли и тоже, что бросаться въ жерло огнедышащей горы, или погружаться въ бездонныя пропасти океана? Въ нравственномъ смыслѣ, Эмпедоклъ, воображавшій себя богомъ — развѣ не бросился въ волканъ испепелившій его разсудокъ?

Въ сочиненіи своемъ **о природѣ** или **о причинахъ вещей**, Эмпедоклъ изложилъ свои возрѣнія на мірозданіе. Началами всего существующаго въ природѣ онъ полагалъ стихіи: огонь, землю, воздухъ и воду. Отъ ихъ сочетанія происходитъ все. Эта теорія, по толкованіямъ Эмпедокла, была извѣстна въ глубочайшей древности и миѳологія олицетворила стихіи назвавъ, огонь **Юпитеромъ**, землю **Юноною**, воздухъ **Плутономъ**, воду **Нестидою** (?). Огонь (т. е. теплота и жаръ солнечный), распространяясь по поверхности земли при содѣйствіи влаги, производитъ растенія. Отъ влаги согрѣтой огнемъ происходятъ зародыши всѣхъ живыхъ существъ; **все же, что живо, родится отъ яйца**: въ растеніяхъ оно называется сѣменемъ или зерномъ, въ рыбахъ икрою, въ живыхъ существахъ плодотворною влагою или спермою. Безъ теплоты нѣтъ разложенія; безъ разложенія не можетъ быть и зарожденія. Такимъ образомъ при сочетаніи живыхъ существъ ими руководитъ чувство **дружбы**; при ихъ разъединеніи чувство **ненависти**. Эти двѣ могучія силы главные дѣятели во всѣхъ процессахъ размноженія живыхъ существъ. Жизнь непрерывное, безконечное переселеніе душъ изъ одного тѣла въ другое или во многія другія тѣла. Сѣмя, разлагаясь въ нѣдрахъ

земли, даетъ ростокъ; изъ ростка образуются корень и стебель, затѣмъ появляется цвѣтъ, плодъ и сѣмя для новыхъ, дальнѣйшихъ посѣвовъ. У животныхъ, точно также зародышъ развивается въ утробѣ самки, формируется, является на свѣтъ, растетъ, пріобрѣтаетъ способность размножать существа себѣ подобныя, затѣмъ — умираетъ. Но то что мы называемъ смертію, есть въ сущности только переходъ души изъ одного тѣла въ другое, или во многія другія и разобщеніе души съ тѣломъ еще не окончаніе бытія и ошибочно называть разрушеніе *концомъ*, ибо конечнаго разрушенія нѣтъ въ природѣ: отъ разложенія большихъ тѣлъ родятся малыя; отъ соединенія малыхъ возникаютъ большія. Таковъ круговоротъ мірозданія.

При всей матеріальности воззрѣній Эмпедокла, въ нихъ здраваго смысла, конечно, въ тысячу разъ болѣе нежели въ діалектикѣ Зенона и во всѣхъ его риторическихъ фейерверкахъ.

Теперь мы перейдемъ къ біографическимъ очеркамъ послѣдователей школы *софистической*.

Софистами, въ древней Греціи, называли преподавателей философіи и естественныхъ наукъ, обучавшихъ юношей за соразмѣрное ихъ состоянію или за условленное вознагражденіе. Этимологію слова „софистъ“ объясняютъ двояко: одни производятъ его отъ слова *софія*, т. е. мудрость и называютъ софистовъ *мудрствователями*; другіе отъ глагола *софизо* (плутую, мошенничаю). Софизмъ умозаключеніе ложное, но имѣющее всѣ признаки умозаключенія правдиваго и вѣрнаго. „Парадоксъ“, какъ сказалъ одинъ французскій ученый, „затемняетъ истину, чтобы придать болѣе блеску лжи“, но софизмъ отуманиваетъ и самый разумъ, опутывая его ложными и вредными убѣжденіями. Парадоксъ можно себѣ олицетворить въ видѣ лгуна, но софизмъ демонъ искуситель. Онъ, срывая запрещенный плодъ съ древа познанія добра и зла, обольщаетъ имъ разумъ человѣческій, алчущій познаній, и ведетъ его къ изгнанію изъ рая, т. е. отвлекаетъ его отъ богопознанія. Библейское сказаніе о древѣ жизни и о древѣ познанія добра и зла имѣетъ глубокое символическое значеніе, изображая въ первомъ *религію*, во второмъ *науку*. Спѣшимъ оговориться, чтобы отклонить отъ себя упрекъ въ обскурантизмѣ. Одна и

та же наука можетъ быть добромъ и зломъ, судя по выводамъ, которые изъ нея дѣлаютъ. Можно ли отрицать пользу естествознанія, а между тѣмъ какъ разнорѣчивы умозаключенія изъ однихъ и тѣхъ же наблюденій и опытовъ! Почему одинъ ученый, посвятившій себя естественнымъ наукамъ, смиренно преклоняется предъ величіемъ Творца; почему другой, кичась своимъ умомъ, отрицаетъ бытіе источника самаго бытія? Видимъ же мы, что въ глубочайшей древности, между философами-язычниками, были ученые мужи, путемъ науки приходившіе къ убѣжденію, что есть Богъ *единый*; что Онъ непремѣнно долженъ быть. Язычники называли ихъ безбожниками за отрицаніе ими бытія легіона боговъ олимпійскихъ. Софисты пошли далѣе и отрицали самое бытіе единаго Бога. Вопросъ о *моноѳеизмѣ*, *аѳеизмѣ* и *полиѳеизмѣ* могъ быть предметомъ ученыхъ распрей древняго міра языческаго; еще ли его въ наше время считать нерѣшеннымъ?

Школа софистовъ образовывалась постепенно, и въ исторіи философіи нельзя найти имени ея основателя. Каждый послѣдователь этого вреднаго ученія вкладывалъ по камню въ его основаніе и этотъ вавилонскій столпъ слагался вѣками и рухнулъ подобно библейскому, но обломки его попали во всѣ области наукъ и во многихъ изъ нихъ замѣтны и понынѣ. Софисты древнихъ Аѳинъ были виновниками дикихъ, репрессивныхъ мѣръ тамошнихъ архонтовъ, воспретившихъ, наконецъ, преподаваніе естественныхъ наукъ юношамъ, признавая его вреднымъ и безбожнымъ. Неправы были архонты преслѣдуя науку, но они должны были изъ чистыхъ ея храмовъ изгнать торгашей, систематически развращавшихъ юношество и подъ личиною учителей, проповѣдывавшихъ совершенное безбожіе. Не умѣя отдѣлить чистаго отъ грязнаго, язычники и изувѣры архонты почти въ одно и то же время заставили выпить цикуту-софиста *Продику* и заклятаго врага софистовъ — великаго *Сократа*. Издѣваясь надъ первымъ въ своей комедіи: „Птицы“ Аристофанъ издѣвался и надъ вторымъ, въ другой комедіи: „Облака“.

Первымъ извѣстнымъ софистомъ былъ *Протагоръ* абдеритянинъ, родившійся въ 488 году до Р. Х. и, по необъяснимой

ошибкѣ біографовъ, называемый ученикомъ Демокрита [1]). Чтобы добывать насущный хлѣбъ, Протагоръ, занимался переноскою тяжестей. Однажды, когда онъ несъ вязанку дровъ, его встрѣтилъ Демокритъ, котораго поразила геометрически правильная кладка полѣнницы. Угадавъ по этому способности носильщика философъ предложилъ ему поступить въ число своихъ учениковъ. Оказавъ большіе успѣхи Протагоръ черезъ нѣсколько лѣтъ самъ занялся преподаваніемъ граматики (т. е. риторики, поэзіи и музыки) и, собравшись со средствами, переселился въ Аѳины, гдѣ открылъ школу для слушателей. Его аудиторію посѣщалъ Периклъ; знатные аѳиняне платили софисту по 100 минъ (1250 р. сер.) за лекцію. Разбогатѣвъ Протагоръ путешествовалъ по Греціи, малой и великой, повсемѣстно собирая дань удивленія и щедрыя платы учениковъ. Посѣтивъ вольный городъ Туріумъ въ Сициліи онъ, по просьбѣ гражданъ, далъ имъ законы. Въ бытность въ Аѳинахъ въ 420 г. до Р. Х., дерзкимъ своимъ отзывомъ о богахъ, Протагоръ навлекъ на себя обвиненіе въ нечестіи. Онъ выразился такъ: „не говорю о богахъ, потому что не знаю есть ли они!“ Обвинителемъ его передъ судомъ явился Пиѳодоръ и добился того, что софистъ былъ приговоренъ къ изгнанію и погибъ во время бури въ 419 г. до Р. Х.

Увлекательно краснорѣчивый, умный, находчивый Протагоръ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ алченъ на деньги, дерзокъ, самоувѣренъ и деспотически обходился съ учениками, отъ которыхъ требовалъ повиновенія безпрекословнаго (что замѣтимъ, бываетъ всегда у проповѣдниковъ свободы и независимости мнѣній). Св. Климентъ Александрійскій, сочувствуя Протагору, не какъ атеисту, разумѣется, но какъ врагу язычества — сказалъ о немъ: „Вся вина этого философа была въ томъ, что онъ далѣе своихъ современниковъ проникалъ въ мрачную глубину язычества!“

---

[1]) Который родился въ то время, когда Протагору былъ девятнадцатый годъ (470 г. до Р. Х.). Сколько же ему лѣтъ могло быть когда послѣдній началъ учиться? По нашему расчету выходитъ около 60, а Демокриту было 40, когда онъ началъ учить Протагора.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Горгій.—Его краснорѣчіе.—Статуи въ его честь.—Горгіевы фигуры.—Продика.—Его правила.—Мода на самоубійства.—Критій.—Другъ народа.—Тиранъ.—Казнь сикофантовъ.—Происхожденіе этого слова.—Наплывъ софистовъ въ Аѳины.—Сократъ.—Его происхожденіе.—Геній или демонъ.—Слова оракула.—Надпись на храмѣ.—Сократъ и софисты.—Иронія.—Наружность философа.—Физіономистъ Зопиръ.—Ксантиппа.—Рубище Антисѳена.—Подвиги Сократа при Потидеѣ и Деліумѣ.—Поклоненіе солнцу.—Происки враговъ.—Анитъ, Ликонъ и Мелитъ.—Доносы.—Спокойствіе Сократа.—Истинная мудрость.

Успѣхамъ ученія софистовъ и ихъ владычеству надъ умами, главнымъ образомъ, содѣйствовало развращеніе нравовъ въ Аѳинахъ, начатки котораго посѣяны были Перикломъ и развиты — Алкивіадомъ. Софисты гордились именами Горгія леонтскаго и учениковъ его, Продики и Критія.

Горгій, уроженецъ города Леонта, на островѣ Сициліи, родился около 485 г. до Р. Х. и жилъ свыше ста лѣтъ. Онъ былъ ученикомъ Эмпедокла и Тизія; своими высокими дарованіями снискалъ прозвище царя софистовъ. Современниками его были: Софоклъ, Эврипидъ, Аристофанъ, Парменидъ, Протагоръ, Сократъ, Ѳукидитъ и многіе другіе великіе мужи Греціи, прославившіеся на поприщахъ философіи, наукъ и искуствъ. Даръ слова, способность убѣждать безъ всякихъ споровъ, умѣнье заронить въ душу собесѣдника сомнѣніе и отрѣшиться отъ прежняго, недавняго убѣжденія — таковы были таланты Горгія, доставившіе ему славу и богатство. Жители Леонта поручили ему ходатайствовать въ Аѳинахъ о покровительствѣ республики ихъ городу и ходатайство Горгія было уважено. Плѣненные его увлекательнымъ краснорѣчіемъ, аѳиняне убѣдили его остаться у нихъ и онъ уступилъ ихъ желанію (427 г. до Р. Х.). Послѣ побѣды саламинской, Горгій

говорилъ похвальное слово въ память павшимъ въ бою. При нашествіи персовъ онъ же пламенными своими рѣчами (Олимпиками) разжегъ въ аѳинянахъ угасавшія въ нихъ чувства гражданской гордости и самолюбія. „Вы сѣяли стыдъ“ говорилъ имъ Горгій, „а теперь пожинаете страхъ“! Воздавая должное должному, депутаты отъ городовъ греческихъ на пиѳійскихъ играхъ присудили — въ честь Горгія воздвигнуть статуи въ храмѣ Аполлона дельфійскаго. Слава оратора гремѣла повсемѣстно. Дни, въ которые онъ говорилъ рѣчи, называли, въ Аѳинахъ — праздниками; самыя же рѣчи — свѣточами, намекая на то, что онѣ, подобно свѣточамъ, разгоняютъ мракъ невѣжества. Горгій путешествовалъ по всѣмъ греческимъ областямъ, повсемѣстно возбуждая удивленіе, доходившее до энтузіазма. Онъ пріохотилъ грубыхъ жителей Ѳессаліи къ занятію науками и къ слушанію своихъ вдохновенныхъ рѣчей. Для выраженія удовольствія испытываемаго ими, ѳессалійцы, ввели въ общеупотребительный языкъ новый глаголъ: горгіазировать, а затѣмъ и въ риторику введено было названіе горгіевыхъ фигуръ остроумнымъ оборотамъ рѣчи, приправленнымъ игрою словъ. По отзывамъ людей свѣдущихъ въ риторскомъ искусствѣ, рѣчи Горгія были дѣйствительно безподобныя, хотя нѣкорыя изъ нихъ отличались высокопарностью. Враги софистовъ и ихъ школы, при жизни Горгія, и послѣ его смерти, осыпали его многими клеветами, но безславіе падало на нихъ же самихъ и память царя софистовъ осталась незапятнанною. Софисты указывали на него какъ на образецъ философа ихъ ученія, упуская изъ виду, что Горгій былъ только счастливымъ исключеніемъ изъ общаго правила. Ученикъ его Продика, уроженецъ острова Цеоса, славился при жизни, но отравленный по приговору Ареопага сошелъ въ могилу напутствуемый проклятьями недавнихъ своихъ поклонниковъ. Преподавая аѳинскимъ юношамъ естественныя науки Продика путемъ дедукцій, велъ ихъ къ совершенному отрицанію божества, внушая имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, презрѣніе къ жизни и сознаніе ничтожества человѣка. Вслѣдствіе этого аѳинская молодежь смотрѣла на самоубійство, какъ на единственный исходъ изъ омута мученій, неудачъ и всякаго рода непріятностей — называемаго жизнію. Шутя жили, шутя и умирали, повторяя одну изъ двухъ любимѣйшихъ фразъ ихъ учителя:

— Боги изобрѣтены людьми: это дѣти человѣческой благодарности.

— Обращеніе въ то ничтожество, изъ котораго человѣкъ произошелъ — вотъ единственное блаженство, къ которому онъ долженъ стремиться.

И ученики Продики своей жизнію — никому не нужной, и смертію — никому неполезной, но гнусной, подлой смертію самоубійцъ — доказывали согражданамъ къ чему ведутъ мудрствованія софиста, еще бравшаго деньги съ учениковъ, которыхъ онъ систематически развращалъ. Самоубійство вошло въ моду, оно сдѣлалось какой-то эпидемической маніей и юность — цвѣтущая здоровьемъ, одаренная способностями, энергіею и умомъ, глумясь надъ божествомъ, втаптывала въ грязь эти неоцѣненные дары и въ числѣ многихъ сотенъ погибала въ петлѣ, принимая яды или кинжаломъ пронзая сердце, испорченное ученіемъ софиста.

Другой ученикъ Горгія — Критій, прямыми и окольными путями пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность въ Аѳинахъ, откуда былъ изгнанъ за безбожіе и вольнодумство. Находясь въ Ѳессаліи, онъ, вмѣстѣ съ Прометеемъ Ѳессалійцемъ, возмутилъ тамошнихъ рабовъ (пенестовъ), а когда мятежъ былъ усмиренъ — бѣжалъ въ Спарту. Внутреннія неурядицы въ Аѳинахъ дали возможность этому агитатору возвратиться на родину (404 г. до Р. Х.) и занять важную должность въ градоправленіи. Зная Критія за ретиваго защитника (на словахъ) личной независимости человѣка и свободы его мысли, аѳиняне возрадовались, но потомъ убѣдились въ той великой истинѣ, что другъ человѣчества и народа, говорящій красно и цвѣтисто, покуда не имѣетъ ни силы, ни власти — сплошь да и рядомъ дѣлается злѣйшимъ деспотомъ, чуть только выйдетъ изъ ничтожества. Попавъ въ число тридцати тирановъ, Критій ознаменовалъ свое избраніе казнями ненавистныхъ народу сыщиковъ и шпіоновъ, которыхъ называли сикофантами. Прозвище это, происходящее отъ слова сика, т. е. смоква, первоначально давалась торговымъ приставамъ, наблюдавшимъ за тѣмъ, чтобы изъ Аѳинъ не вывозили смоквъ, что было запрещено зако-

номъ. Впослѣдствіи времени, сикофанты къ доносамъ на провинившихся торговцевъ, стали, изъ любви къ искуству, присоединять извѣты и доносы на гражданъ вообще, особенно за ихъ дерзкіе отзывы о правительствѣ. Наконецъ, въ Аѳинахъ, образовался цехъ сикофантовъ, т. е. шпіоновъ и доносчиковъ, весьма часто и выдумывавшихъ свои обвиненія лишь бы получить за доносъ узаконенное вознагражденіе [1]). Казнію сикофантовъ Критій угодилъ народу, но вслѣдъ за нею и его самого прибралъ къ рукамъ и во время его правленія — плахи не просыхали и этотъ „другъ народа“ явилъ къ своей особѣ тѣ же самыя возмутительныя черты звѣрства и лютости, которыми во Франціи 1794 года по Р. Х. прославились: Каррье, Журданъ... и нѣкоторые другіе члены конвента. Самъ Критій погибъ въ междоусобіи. Таковъ былъ софистъ на поприщѣ государственнаго дѣятеля и если говорить правду, то подобному герою было бы конечно лучше, въ юныхъ лѣтахъ убить себя самого, нежели жить на пагубу другимъ.

Какъ бы то ни было, но во второй половинѣ V и въ началѣ IV вѣка до Р. Х. софисты прибрали къ рукамъ общественное воспитаніе въ Аѳинахъ, стекаясь въ этотъ центръ греческой цивилизаціи со всѣхъ концовъ Греціи великой и малой. Гиппій Элисскій, Полъ агригентскій, Ѳрасимархъ халкедонскій, Эвфадемій хіосскій — въ нравственномъ смыслѣ подобно возвратной горячкѣ, холерѣ, тифу, сифилису свирѣпствовали въ Аѳинахъ, заражая умы и сердце молодого поколѣнія. Одинъ проповѣдывалъ, что человѣкъ долженъ повиноваться единственно естественнымъ своимъ побужденіямъ, на томъ основаніи, что все то логично что естественно. Въ силу этой логики — если отецъ или братъ чувствовали вожделѣніе къ дочери или сестрѣ, они не стѣсняясь могли удовлетворять свои желанія. Другой софистъ говорилъ: „на свѣтѣ нѣтъ ни абсолютнаго добра, ни абсолютнаго зла; какъ одно такъ другое условны.“ Третій, путемъ пресыщенія, велъ своихъ послѣ-

[1]) Здѣсь не можемъ не сдѣлать замѣтки о странномъ этимологическомъ сближеніи. Смокву, какъ извѣстно, по русски называютъ также и фигой. На языкѣ воровъ и мазуриковъ (нѣкоторыя фразы и слова котораго В. Крестовскій приводитъ въ „Петербургскихъ трущобахъ“) слово фигарисъ или фига означаетъ сыщика.

дователей къ разочарованію, повторяя имъ: „жить хорошо, а умереть еще того лучше“... Но, подобно тому, какъ въ природѣ вещественной, каждому яду есть и противоядіе; подобно тому, какъ за томительною засухою слѣдуютъ благотворные дожди, точно также и въ духовномъ мірѣ — противъ вреднаго броженія умовъ всегда являются мощные реагенты. Благодѣтельнымъ ливнемъ одождившимъ нравственную почву Аѳинъ былъ — Сократъ.

Сынъ посредственнаго ваятеля Софрониска и жены его Фенареты, повивальной бабки — Сократъ родился въ шестой день мѣсяца Ѳаргеліона (въ половинѣ мая) 470 г. до Р. Х. Умъ, прекрасное сердце и богатѣйшіе способности обнаружились въ немъ въ лѣта нѣжнѣйшаго отрочества. Желая, чтобы сынъ, по его примѣру, посвятилъ себя ремеслу ваятеля, Софронискъ обучалъ ему Сократа и мальчикъ весьма порядочно лѣпилъ статуи, бюсты и барельефы. Это занятіе много способствовало развитію въ немъ любви къ изящному и къ красотѣ пластической. Въ досужее время, бесѣдуя съ матерью, женщиной умной и въ естественныхъ наукахъ весьма свѣдущей, Сократъ почувствовалъ охоту къ ихъ изученію и читалъ произведенія философовъ, особенно Анаксагора. Разсужденія этого естествоиспытателя привели молодого Сократа къ твердому, непоколебимому убѣжденію въ бытіи Бога и въ осязаемомъ проявленіи Его въ душѣ человѣческой, называемомъ совѣстью, или, врожденной человѣку способностью отличать добро отъ зла, стремиться къ первому и гнушаться второго. Чистое и чуткое сердце Сократа слышало этотъ голосъ, взывавшій къ нему весьма явственно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по юношеской неопытности онъ колебался между добромъ и зломъ. Внутренній голосъ обыкновенно говорилъ Сократу: „не дѣлай этого“ и онъ повиновался, хотя бы запрещеніе налагалось на дѣйствіе, по видимому невинное и безвредное. Мальчикъ самъ себѣ не могъ дать отчета въ той чудесной силѣ, которая имъ руководила, но сообщая о ней отцу и матери онъ назвалъ ее геніемъ. Софронискъ счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ дельфійскимъ оракуломъ на счетъ незримаго собесѣдника Сократа, и оракулъ отвѣчалъ ему: „не стѣсняй своего сына и да повинуется онъ своему генію, который принесетъ ему гораздо болѣе пользы, нежели тысяча наставниковъ.“ Объ этомъ

геніи Сократа (или какъ называютъ нѣкоторые коментаторы —д е м о н ѣ) написано много дисертацій; современные спириты увѣряютъ, что это дѣйствительно былъ духъ; средневѣковые фанатики утверждали, что это былъ никто иной, какъ дьяволъ собственной персоной; самъ же Сократъ говоря о своемъ геніи ученикамъ, называлъ его б о ж е с т в е н н ы м ъ г о л о с о м ъ, всегда предостерегавшимъ его отъ зла. И такъ, всего болѣе мы будемъ близки къ правдѣ, если скажемъ, что геній этотъ — незримый, но присущій Сократу, былъ голосомъ его совѣсти и прозорливости тѣсно связанный съ способностью предчувствовать — въ чудесной степени развитою. При посѣщеніи дельфійскаго храма, Сократъ, тогда уже юноша, былъ пораженъ надписью надъ входомъ: „П о з н а й с а м о г о с е б я“, и принявъ эти слова за внушеніе божества онъ по себѣ самому изучалъ и глубоко изучилъ человѣка, со всѣми его достоинствами и слабостями.

Богатый аѳинянинъ К р и т о н ъ убѣдилъ Сократа оставить ваяніе и заняться исключительно философіею. Основательно изучивъ естественныя науки, служившія ей основами, Сократъ долженъ былъ избрать себѣ школу и наставника и проницательный его взоръ остановился на софистахъ. Сократъ присоединился къ толпѣ слушателей этихъ философовъ и содрогнулся лишь только ихъ рѣчи коснулись его слуха, но незримый геній шепнулъ ему: „иди и побѣждай“! и великій мужъ отважился на борьбу съ могучими противниками... погибъ въ борьбѣ, но погибъ подобно ветхозавѣтному Самсону—подъ развалинами храма нечестивцевъ, имъ же самимъ разрушеннаго. Оружіе избранное Сократомъ для борьбы состояло въ и р о н і и. Притворяясь приверженцемъ ученія софистовъ онъ расточалъ ему самыя восторженныя хвалы, выставлявшія въ яркомъ и смѣшномъ свѣтѣ всѣ недостатки этого ученія. Вопросы, которые онъ задавалъ софистамъ, непримѣтно для нихъ, вели ихъ къ самымъ нелѣпымъ умозаключеніямъ и ихъ риторическія тенета, которыми они уловляли довѣрчивыхъ юношей, рвались подъ рукою Сократа, какъ легкая паутина. Имѣя уже тридцать лѣтъ отъ роду (въ 440 г. до Р. Х.) Сократъ снялъ маску поклонника софистовъ и явился въ полномъ цвѣтѣ силъ ихъ грозою. Они совращали юношей съ пути, а онъ наводилъ послѣднихъ на

путь истинный. Невозмутимый, кроткій, терпѣливый онъ спасалъ юношей изъ смраднаго омута, въ который ихъ вталкивали софисты и въ томъ полагалъ свое торжество. Таковъ былъ Сократъ какъ мудрецъ; онъ же какъ человѣкъ, при безобразной наружности, могъ служить живымъ опроверженіемъ всѣхъ физіономическихъ теорій, въ особенности же альбомнаго афоризма: „лице есть зеркало души“. Небольшаго роста, широкоплечій и довольно полный, Сократъ отличался крутымъ выдающимся лбомъ, казавшимся еще круче отъ огромной лысины; глазами на выкатѣ; толстыми обвислыми губами. Ко всему этому, Сократъ былъ непозволительно курносъ. Однажды физіономистъ З о п и р ъ, не знавшій Сократа, сказалъ его ученикамъ, „что онъ, по наружности судя, долженъ быть золъ, развратенъ, жестокъ и“... тутъ Зопиръ остановился: голосъ его заглушили ученики Сократа самымъ дружнымъ хохотомъ.

— Чему вы смѣетесь? сказалъ имъ Сократъ—критикъ моей наружности совершенно правъ: я родился съ самыми порочными наклонностями и донынѣ стараюсь искоренить ихъ въ себѣ!

Но онъ, по скромности, оправдывалъ Зопира: добрѣе, нравственнѣе и милосердѣе Сократа едва ли можно было найдти человѣка. Учениковъ своихъ онъ любилъ, какъ родныхъ дѣтей. Софисты, стараясь всячески очернить Сократа, говорили будто эта любовь доходила до противуестественнаго, но подлая эта клевета положительно опровергнута. Жена Сократа, знаменитая К с а н т и п п а била его по щекамъ, таскала за бороду, обливала помоями, а онъ переносилъ всѣ эти обиды съ самымъ стоическимъ терпѣніемъ. Заботясь объ усовершенствованіи души человѣческой и всѣхъ ея прекрасныхъ способностей, безобразный Сократъ подавалъ ученикамъ своимъ примѣръ—беречь здоровье, соблюдая строгую опрятность, умѣренность въ пищѣ и въ питьѣ. Упрекая ученика своего А н т и с ѳ е н а за его неряшливость, Сократъ говорилъ ему:

— Изъ каждой прорѣхи твоего рубища проглядываетъ непомѣрная гордость!

Какъ гражданинъ аѳинскій, Сократъ заплатилъ свой долгъ отечеству, послуживъ ему на поприщахъ военномъ и гражданскомъ. Сократъ—воинъ снискалъ похвалы за храбрость и разумную рас-

порядительность. Въ битвѣ при Потидеѣ онъ спасъ жизнь недостойному ученику своему Алкивіаду; а при Деліумѣ отступилъ въ порядкѣ, собравъ остатки разбитыхъ войскъ. Подъ стѣнами Потидеи, въ лагерѣ, воины были свидѣтелями, какъ Сократъ всю ночь до зари простоялъ недвижно, на одномъ мѣстѣ, погруженный въ восторженное созерцаніе... Занялась заря, взошло солнце и философъ глубоко преклонился предъ дневнымъ свѣтиломъ, тѣмъ воздавая хвалу его Создателю.

Какъ членъ аѳинскаго правительства Сократъ отличался безкорыстіемъ, честностью и прямодушіемъ. Несправедливость, хотя-бы одобряемая тысячами устъ, находила въ немъ опаснаго противника. Наученный многолѣтнимъ опытомъ, Сократъ, въ республикѣ отдавалъ преимущество аристократіи, передъ демократіею, говоря что масса народная, во многихъ случаяхъ, какъ ребенокъ, видитъ благо свое тамъ, гдѣ ея вредъ. За эти воззрѣнія онъ былъ ненавидимъ такъ называемыми демагогами. Мало по малу на Сократа озлобились всѣ сословія и этимъ озлобленіемъ воспользовались софисты, чтобы погубить его. Злодѣйскимъ ихъ умысламъ не мало способствовали тогдашнія политическія событія. Алкивіадъ и Критій — виновники многихъ бѣдствій Аѳинъ, были учениками Сократа; нѣкоторые изъ тридцати были дружны съ нимъ [1]). Демагогъ Анитъ, свергнувшій ихъ иго, изъ прежнихъ поклонниковъ Сократа явился его врагомъ и прямо обвинялъ передъ Ареопагомъ въ измѣнѣ и предательствѣ. Два злодѣя подкупленные софистами: Ликонъ и Мелитъ явясь въ судъ обвиняли Сократа въ преподаваніи юношамъ безнравственныхъ правилъ и въ явныхъ умыслахъ ниспровергнуть владычествовавшую религію введеніемъ новыхъ боговъ: геніевъ или демоновъ.

Громовыя тучи, собравшіяся надъ головою Сократа, ужаснули его родныхъ, учениковъ и друзей, онъ же самъ — семидесятилѣтній старецъ, былъ невозмутимъ и съ младенчески спокойною улыбкою смотрѣлъ на приближавшуюся опасность. На краю могилы

[1]) Критій, до перехода къ софистамъ, дѣйствительно былъ ученикомъ Сократа, но они разстались и не сходились болѣе. Это не мѣшало софистамъ называть Сократа учителемъ Критія.

онъ озирался на свое прошедшее и оно было точно также свѣтло, какъ было мрачно будущее. Мудрость придавала ему силъ и спокойствія. Въ былыя времена онъ говорилъ ученикамъ:

— Пиѳія храма дельфійскаго, на мой вопросъ: есть-ли человѣкъ мудрѣе меня? отвѣчала: нѣтъ! А хотите-ли знать въ чемъ моя мудрость? Въ сознаніи ограниченности моихъ познаній. Я знаю только то, что ничего не знаю...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Сократъ передъ судилищемъ.—Его рѣчи.—Приговоръ.—Отсрочка казни.—Цикута.—Гоненіе учениковъ.—Позднее раскаяніе.—Ученіе Сократа.—Ученики.—Аристиппъ.—Школа Киренейская.—Діонисій сиракузскій.—Дамоклесовъ мечь.—Дамонъ и Пиѳій.—Молитвы старухи.—Бесѣды съ Аристиппомъ.—Арета.—Ѳеодоръ-атей.—Отвѣты Лизимаху. Секта ѳеодоритовъ.—Антисѳенъ.—Школа циниковъ.—Что такое цинизмъ.—Заслуги циниковъ.—Смерть Антисѳена.—Философы и завоеватели.

Знаменитый ораторъ того времени Лизій предложилъ Сократу довѣрить ему свою защиту. — Не надо! отвѣчалъ мудрецъ. Другъ Сократа Гермогенъ, умолялъ его подумать о себѣ, но и ему великій мужъ отвѣчалъ, что не забывалъ себя ни разу въ жизни. — Но ты обязанъ избавить судей своихъ отъ упрека ихъ совѣсти за осужденіе невиннаго! возразилъ Гермогенъ.

— Другъ, сказалъ ему Сократъ, въ теченіе этого времени я дважды принимался обдумывать свою защиту и оба раза мой геній запрещалъ мнѣ... Буду же только отвѣчать на вопросы, но оправдываться не стану! До нынѣ я могъ называться счастливѣйшимъ человѣкомъ и тихая смерть была всегдашнимъ моимъ желаніемъ. Если мнѣ суждено умереть, я умру, какъ нельзя спокойнѣе. Позднѣйшее потомство рѣшитъ, кто изъ насъ былъ правъ: я или мои судьи?

Слѣдственная комиссія, въ которую былъ призванъ Сократъ, состояла изъ 556 членовъ (**геліатовъ**). На первое обвиненіе, будто подсудимый не признаетъ боговъ, онъ отвѣчалъ отрицательно; когда же ему упомянули о его вѣрованіи въ генія и о томъ, что онъ повинуется его голосу, Сократъ возразилъ, что вѣрованіе это ничѣмъ не хуже совѣщаній съ оракулами, пиоіями и съ гадаліями по внутренностямъ жертвъ. Затѣмъ философа обвинили въ развращеніи юношей, его учениковъ. „Во первыхъ" отвѣчалъ Сократъ „я никого и никогда не развращалъ и ничему не училъ; я только давалъ совѣты людямъ всѣхъ возрастовъ и всякихъ состояній. Если изъ числа людей совѣщавшихся со мною бывали злые и безнравственные, моя ли въ томъ вина? Я не оправдываюсь потому, что не признаю себя виновнымъ. Если вы, судьи, отпустите меня, съ условіемъ, чтобы я молчалъ и никому не давалъ совѣтовъ — я не приму этого условія! Я не могу молчать при видѣ поступковъ несправедливыхъ, унижающихъ достоинство человѣческое. Я говорилъ всегда и буду говорить, что добродѣтель и честность выше всякихъ сокровищъ! Если же вы произнесете мой смертный приговоръ, я не возмущусь, ибо всю жизнь мою пріучался къ мысли о смерти, не боюсь ея и съумѣю умереть... объ одномъ только попрошу афинянъ: строго наказать дѣтей моихъ, если который нибудь изъ нихъ не будетъ подражать мнѣ въ своемъ образѣ мыслей и въ своихъ дѣяніяхъ."

Геліаты перешли къ голосованію. Двѣсти восемьдесятъ одинъ голосъ противъ двухсотъ семидесяти пяти призналъ Сократа виновнымъ и тогда Мелитъ предложилъ подвергнуть философа изгнанію; но онъ самъ способствовалъ измѣненію приговора, предложивъ своимъ судьямъ, вмѣсто изгнанія дать ему пріютъ и содержаніе на общественный счетъ въ Пританеѣ. Это предложеніе Сократа принято было геліатами за насмѣшку надъ судилищемъ, усугублявшую его вину. Изъ 275 голосовъ недавно поданныхъ въ его защиту, 80 присоединились къ большинству обвинителей и Сократъ былъ приговоренъ къ смерти, чрезъ отравленіе цикутою.

— Прощаю вамъ смерть мою, кротко сказалъ философъ своимъ судьямъ. Что время мое пришло я это знаю: голосъ генія моего умолкъ во мнѣ и говорить намъ болѣе нечего... Удаляюсь, пора мнѣ разстаться съ вами: я приму смерть, вы останетесь въ живыхъ, но не знаю, кому изъ насъ будетъ лучше!

Смертный приговоръ, произнесенный надъ Сократомъ, громомъ поразилъ всѣхъ его приближенныхъ. Ученикъ его Аполлодоръ, заливаясь слезами, сказалъ: ты погибаешь ни въ чемъ не виновный!

— А ты желалъ бы, отвѣчалъ Сократъ съ кроткой улыбкой — чтобы я былъ виновенъ? Полно, другъ мой. Тогда, я дѣйствительно былъ бы достоинъ жалости. Мелитъ и Анитъ могутъ убить меня, но зла мнѣ никто не можетъ сдѣлать!

Закованный въ цѣпи Сократъ былъ уведенъ въ темницу, куда его провожали многіе ученики. Казнь, по случаю праздниковъ **Делій**, была отложена на тридцать дней, т. е. до возвращенія съ Делоса священной галеры (см. томъ V, стр. 214). Эти тридцать дней Сократъ провелъ въ бесѣдахъ съ учениками и предсмертныя увѣщанія великаго мужа, на удивленіе грядущимъ вѣкамъ, сохранились въ книгѣ Платона: **Разговоръ съ Критономъ**. Этотъ Критонъ былъ другомъ и однимъ изъ любимыхъ учениковъ Сократа. О чемъ же именно бесѣдовалъ съ ними мудрецъ? О единствѣ божества, о безсмертіи души, о добродѣтели. Въ этой лебединой пѣснѣ звучали ноты иной религіи, той самой, заря которой черезъ 400 лѣтъ послѣ Сократа возсіяла надъ Виѳлеемомъ, при пѣніи безплотныхъ силъ возвѣщавшихъ людямъ: „слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ"!

Раннимъ утромъ дня возвращенія священной галеры съ острова Делоса, Критонъ пришелъ съ этой нерадостной вѣстію въ темницу Сократа. Ему была возможность, по случаю ослабленія надзора, бѣжать и при содѣйствіи учениковъ скрыться отъ преслѣдованій въ Өессаліи. Съ радостью предложилъ ему Критонъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, но Сократъ отказался.

— Развѣ въ Өессаліи не умираютъ? сказалъ онъ Критову и остался въ темницѣ, изъ которой ему было суждено вскорѣ освободиться на вѣки.

Пришли, въ числѣ одинадцати человѣкъ, судьи, которымъ было поручено наблюсти за исполненіемъ Сократомъ объявленнаго ему

смертнаго приговора. Цѣпи съ него сняли и ученики окружили одръ славнаго учителя. Ксантиппа, заливаясь слезами, принесла къ мужу младшаго изъ сыновей; тутъ же были и другіе его сыновья: Софрونискъ, Менексенъ и Лампроклъ. Простясь съ дѣтьми и съ женою, которую приказалъ Критону увести, Сократъ, въ послѣдній разъ увѣщалъ учениковъ любить добродѣтель, ненавидѣть порокъ и неусыпно заботиться о чистотѣ душевной. Потомъ онъ пожелалъ взять ванну, какъ человѣкъ готовящійся къ великому таинству. Тюремщикъ приблизясь къ нему сказалъ:

— Сократъ, друзья твои негодуютъ на меня.... но зная тебя за человѣка добраго, кроткаго и храбраго, подобнаго которому еще никогда не бывало здѣсь въ темницѣ, я скажу тебѣ, что пришло время выпить отраву.

И сказавъ это тюремщикъ заплакалъ. Нарочно для того назначенные люди выжимали, въ это время, сокъ цикуты въ роковой кубокъ и затѣмъ подали его Сократу. „Могу ли я сдѣлать изъ него возліяніе въ честь боговъ“? спросилъ онъ.

— Въ кубкѣ налито только необходимое для тебя количество отравы, отвѣчали прислужники.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Сократъ, я только помолюсь. Попрошу у боговъ, чтобы они дали мнѣ силъ на предстоящій, далекій путь!

Онъ помолился безмолвно; твердою рукою взялъ кубокъ и тихо осушилъ его до послѣдней капли.

Цикута, по словамъ древнихъ токсикологовъ, умерщвляла безъ всякихъ страданій: не теряя самосознанія, отравленный постепенно ослабѣвалъ; холодъ, начинаясь съ конечностей, распространялся по всему его тѣлу и когда достигалъ сердца—дыханіе пресѣкалось. Чувствуя начало предсмертнаго оцѣпенѣнія Сократъ прилегъ на постель и прося учениковъ быть твердыми и не сожалѣть о немъ, еще бесѣдовалъ съ ними о догарающей жизни и о предстоящей смерти.

— Смерть не зло! говорилъ онъ—и не можетъ быть, что бы съ тѣломъ человѣка уничтожалась его душа, со всѣми прекрасными свойствами, данными ей Богомъ. Если же смерть вѣчный сонъ, безъ сновидѣній—она блаженство. Если будетъ пробужденіе, то за нимъ уже не послѣдуетъ другаго сна!

Сократъ умолкъ; холодъ приближался къ его груди; взоръ старика мутился, языкъ коснѣлъ. Послѣдними его словами было напоминаніе ученикамъ—принести пѣтуха въ жертву Эскулапу. Нѣкоторые историки видятъ въ этомъ тонкую насмѣшку надъ язычествомъ; другіе полагаютъ, будто Сократъ хотѣлъ этимъ напоминаніемъ уподобить жизнь—недугу, а смерть—исцѣленію. Второе предположеніе гораздо разумнѣе перваго.

Великій философъ, сквозь тьму язычества прозиравшій свѣтъ ученія христіанскаго, скончался въ 400 или 399 году до Р. Х. Опасаясь гоненій, нѣкоторые изъ его учениковъ (Антисѳенъ, Платонъ, Эсхинъ, Критовулъ, Симмій, Кебесъ и Федонъ) бѣжали въ Ѳивы, другіе въ Мегару, къ Эвклиду и Терпсіону. Опасенія ихъ было, однако же, совершенно напрасны: народъ аѳинскій опомнился и побуждаемый позднимъ раскаяніемъ почтилъ память Сократа статуями и хвалебными рѣчами, а на враговъ его обрушилъ жестокое свое мщеніе. Мелитъ былъ казненъ, Анитъ—изгнанъ; всеобщее презрѣніе заклеймило доносчиковъ и клеветниковъ: аѳиняне, чуждаясь ихъ какъ зачумленныхъ, гнушались даже черпать воду изъ однихъ съ ними колодцевъ. Многіе изъ этихъ отверженцевъ окончили жизнь самоубійствомъ. То же самое презрѣніе было удѣломъ софистовъ.

Сократъ умеръ семидесяти лѣтъ, успѣвъ передать доктрину свою ученикамъ во всей ея цѣлости. Она состояла, какъ мы уже говорили, изъ правилъ строгой нравственности, любви къ добродѣтели, глубокаго почитанія единаго божества, вѣрованія въ безсмертіе души и надежды на жизнь будущую. Соблюдая обряды древней религіи своихъ предковъ, Сократъ не могъ принимать сказаній миѳологическихъ въ буквальномъ смыслѣ и, будучи наружно поклонникомъ цѣлой массы боговъ и богинь, онъ внутренно признавалъ бытіе только единаго Бога. Олимпійскія божества въ глазахъ философа были только символическими изображеніями проявленія единаго могущества въ мірозданіи. Благость, неизмѣримое милосердіе и благоволеніе къ людямъ—любимѣйшимъ своимъ созданіемъ—были, по мнѣнію Сократа, первыми свойствами

Бога. Счастіе онъ полагалъ въ неослабномъ служеніи добродѣтели и въ слѣпомъ повиновеніи законамъ своей страны. Это второе условіе счастія—большая ошибка со стороны философа. Онъ упустилъ изъ виду, что гражданскіе законы не повсемѣстно могутъ сказаться непогрѣшимыми и, въ иныхъ случаяхъ, на совѣсть человѣка налагаютъ тяжкія вериги ложнаго стыда. Узаконенія одной страны никогда не могутъ служить образцами для другой; примѣнимость ихъ къ пользѣ и благу человѣка обусловливаются мѣстностью, климатомъ, духомъ времени. Это уваженіе Сократа къ законамъ своей родины есть, какъ мы уже выше сказали, ошибка и она рѣзко бросается въ глаза въ его ученіи, будто черное пятно на чистой ткани. Затѣмъ философъ всегда внушалъ ученикамъ, что располагать жизнью своею человѣкъ не имѣетъ права, а самоубійство есть самое безумное малодушіе. Каждаго человѣка онъ сравнивалъ съ часовымъ, занимающимъ свой постъ, съ котораго, снять часоваго, можетъ только тотъ, кто его поставилъ: отлучиться самовольно часовой не имѣетъ права.

Каждое правило ученія Сократа составляло мысль свѣтлую, глубокую и каждая изъ нихъ, впослѣдствіи времени, развитая учениками, образовала основный догматъ новаго ученія. Изъ учениковъ Сократа мы назовемъ преимущественно тѣхъ, которые были основателями особыхъ школъ, или донынѣ пользуются извѣстностью въ потомствѣ. Таковыми были: Ксенофонъ, Критовулъ, Эсхинъ, Кебесъ, Симонъ-чеботарь; Симмій, Аристиппъ, Антисѳенъ, Критонъ, Эвклидъ и Платонъ.

Аристиппъ, основатель школы Киренейской, былъ сыномъ богатаго, знатнаго жителя Киренеи и до двадцати лѣтъ прожилъ въ свое собственное удовольствіе, не думая ни о философахъ, ни о ихъ школахъ. Случайная встрѣча съ Исхомахомъ, однимъ изъ учениковъ Сократа, имѣла громадное вліяніе на всю будущность Аристиппа. Восторженные разказы Исхомаха о Сократѣ, возбудили въ молодомъ киренянинѣ живѣйшее желаніе познакомиться съ философомъ и, не откладывая дѣла, онъ прибылъ въ Аѳины и попалъ въ число его учениковъ. Изъ наставленій Сократа, Аристиппъ усвоилъ только тѣ, которыя пришлись ему особенно по вкусу и изъ нихъ выработалъ ученіе совершенно самостоятельное

Онъ проповѣдывалъ, что всѣ ощущенія человѣка можно раздѣлить на два разряда: пріятности и скорби. Къ первымъ человѣкъ стремится, вторыхъ—избѣгаетъ. Такъ называемое счастіе состоитъ изъ сочетанія всѣхъ возможныхъ пріятностей и удовольствій, собранныхъ человѣкомъ руководящимся здравымъ смысломъ, т. е. умѣющимъ отличать вредное отъ безвреднаго. Человѣкъ долженъ отказывать себѣ только въ тѣхъ пріятностяхъ жизни, которыя сами по себѣ, или, въ излишествѣ, могутъ разстроить здоровье. Принявъ эти правила за глубокую и неопровержимую истину, Аристиппъ слѣдовалъ имъ въ своемъ образѣ жизни: одѣвался богато, вкусно ѣлъ, сладко пилъ и не убѣгалъ наслажденій чувственныхъ. Иногда, въ доказательство своей силы воли, онъ переоблачался въ рубище, довольствовался грубою пищею и проводилъ время въ мирномъ уединеніи. Всѣ старанія Сократа образумить новаго философа Киренейскаго были—тщетны и кончилось тѣмъ, что они между собою разладили. Аристиппъ пустился странствовать, для распространенія своей доктрины, по великой и малой Греціи. Во время смерти Сократа онъ находился въ Эгинѣ. Отсюда отправился въ Коринѳъ, гдѣ нѣкоторое время былъ въ связи съ знаменитой гетерой Лаисой; изъ Коринѳа онъ отправился на островъ Сицилію и въ Сиракузахъ былъ радушно принятъ тираномъ Діонисіемъ.

Вотъ личность, къ которой нельзя не питать сочувствія, не смотря на ея тираннію и жестокости, записанныя исторіею. Діонисій былъ царемъ-самозванцемъ; вихрь мятежа сорвалъ вѣнецъ съ его головы и онъ сдѣлался скромнымъ школьнымъ учителемъ. При жестокости умѣлъ быть правосуднымъ и, во многихъ случаяхъ, обнаруживалъ умъ и благороднѣйшія чувства. Одинъ изъ его придворныхъ Дамоклъ или Дамоклесъ, часто выражалъ ему зависть царскому сану и счастливому житью государей.—Хочешь на нѣсколько дней быть царемъ? спросилъ его Діонисій. „Ты шутишь"? возразилъ Дамоклъ. Нисколько не шучу и въ доказательство уступаю тебѣ пурпуръ, вѣнецъ, а съ ними даю право повелѣвать, карать и миловать какъ тебѣ угодно!—

Подобно воронѣ въ павлиньихъ перьяхъ, Дамоклъ въ цар-

скомъ одѣяніи; внѣ себя отъ радости, сѣлъ на тронъ, а Діонисій смиренно помѣстился въ толпѣ придворныхъ, строго приказавъ имъ повиноваться временному царю, какъ настоящему. Сѣвъ на тронъ Дамоклъ случайно поднялъ глаза на осѣнявшій его наметъ и по внутренней его сторонѣ увидѣлъ мечъ, обращенный къ его головѣ остріемъ и повѣшанный на ниточкѣ. Чтобы не уронить своего достоинства, онъ старался скрыть смущеніе, но ему плохо сидѣлось и онъ не могъ дождаться минуты, когда ему возвѣстили о шествіи къ обѣденному столу. Здѣсь, едва только онъ легъ на пышное царское ложе, какъ съ ужасомъ замѣтилъ тотъ-же мечъ привѣшенный на ниточкѣ къ потолку. Плохо ѣлось и плохо пилось бѣдному Дамоклу: онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и кусокъ не лѣзъ ему въ горло. Пришла пора идти въ опочивальню, но и здѣсь висѣлъ роковой мечь надъ самымъ изголовьемъ... Какъ обѣдъ прошелъ безъ ѣды, такъ и ночь Дамокла прошла безъ сна; утромъ повторилась вчерашняя исторія: надъ трономъ, надъ обѣденнымъ столомъ, надъ постелью Дамокла висѣлъ покачиваясь страшный мечъ, ежеминутно угрожая несчастному вонзиться въ его голову... Понялъ Дамоклъ злую шутку Діонисія и сталъ просить пощады:

— Нѣтъ, сказалъ тотъ — оставайся царемъ!

— Но я умру отъ ужаса!

— Твое дѣло, ты самъ того хотѣлъ...

Однако Діонисій смиловался и разжаловалъ Дамокла изъ царей въ царедворцы, давъ ему такого рода наставленіе: точно такой же мечъ невидимо виситъ надъ моей головою и подобно тебѣ глупъ тотъ человѣкъ, который воображаетъ, что царскій вѣнецъ залогъ счастія, довольства и спокойствія [1]).

Названіе Дамоклесова меча до нынѣ даютъ всякому несчастію, которое угрожая человѣку виситъ надъ его головой, своимъ предвкушеніемъ заставляя его испытывать адскія муки.

Шиллеръ въ своемъ прелестномъ стихотвореніи „Залогъ“ (Die

[1]) То же самое преданіе существуетъ у насъ въ народѣ о Петрѣ Великомъ, ту же шутку, будто-бы, сыгравшимъ съ Меншиковымъ: Si non é vero, é mal trovato!

Bürgschaft) разсказалъ трогательный эпизодъ о Меросѣ и его другѣ (Дамонъ и Пиѳій), рѣшившемся идти за него на распятіе. Обоихъ друзей пощадилъ Діонисій, прося ихъ принять его третьимъ въ ихъ число. — Еще одинъ анекдотъ къ его же характеристикѣ.

Довели до свѣдѣнія Діонисія, что какая-то дряхлая старуха, часто приноситъ жертвы въ храмѣ Цереры за сохраненіе его жизни. Зная всеобщую къ себѣ ненависть, тиранъ былъ весьма обрадованъ этимъ извѣстіемъ и приказалъ привести къ себѣ свою доброжелательницу. Что побуждаетъ тебя молиться за меня? спросилъ онъ старуху.

— Я пережила двухъ тирановъ, отвѣчала она ему простодушно. — Когда властвовалъ первый, я молила боговъ, чтобы они избавили насъ отъ него и онъ скоро умеръ, но наслѣдовавшій ему оказался еще злѣе. И объ этомъ я молилась, чтобы онъ умеръ поскорѣе и на этотъ разъ боги услышали меня: онъ погибъ при возмущеніи и ты ему наслѣдовалъ. Такъ какъ ты своей злобою превосходишь обоихъ своихъ предшественниковъ, то я уже молюсь о твоемъ здравіи, по той причинѣ, что если послѣ тебя воцарится тиранъ еще худшій, тогда намъ всѣмъ придется лѣзть въ петлю!

Діонисій засмѣялся и щедро наградивъ старуху попросилъ ее продолжать подольше свои моленія о немъ.

Тиранъ сиракузскій подружился съ Аристиппомъ и они часто бесѣдовали, причемъ тотъ и другой состязались въ остроуміи. — Скажи мнѣ, какая польза отъ философіи? спросилъ однажды Діонисій философа. „Польза та“, отвѣчалъ Аристиппъ, „чтобы переселяясь въ какую нибудь страну не сообразоваться къ ея законамъ, а въ случаѣ ихъ преобразованія не перемѣнять своего образа жизни!“ Въ другой разъ Аристиппъ, имѣя надобность въ деньгахъ, попросилъ ихъ у Діонисія. „Не ты ли самъ говорилъ недавно, что философъ никогда и ни въ чемъ не нуждается?“ возразилъ тиранъ. — Да, отвѣчалъ Аристиппъ — говорилъ и опять скажу и докажу тебѣ это. Дай только денегъ! Діонисій исполнилъ его просьбу и философъ сказалъ: вотъ же тебѣ самое ясное

доказательство, что философъ никогда не нуждается ни въ чемъ: теперь я болѣе не нуждаюсь.

Дочь Аристиппа Арега, имъ самимъ воспитанная, была его преемницею въ распространеніи доктрины школы киренейской, сынъ ея Аристиппъ, прозванный Метродидактъ (ученикъ матери), былъ учителемъ Θеодора-атея, (т. е. безбожника). Эта кличка дана была Θеодору за постоянныя его глумленія надъ язычниками и ихъ суевѣріемъ.

Однажды приговоренный къ смерти, но помилованный, благодаря заступничеству Димитрія Фалерійскаго, Θеодоръ все же кончилъ тѣмъ, что за безбожіе былъ отравленъ цикутою. Онъ нѣкоторое время служилъ при царѣ Птоломеѣ и въ качествѣ посланника былъ отправленъ къ царю Лизимаху. Забавно было ихъ объясненіе при свиданіи.

— Тебя изъ Аθинъ изгнали? спросилъ Лизимахъ.

— Меня! гордо отвѣчалъ Θеодоръ. Аθиняне, какъ слабосильная Семела, мать Бахуса, не могли доносить меня.

— Я могу убить тебя, какъ изгнанника.

— Это можетъ даже шпанская мушка пекстати и не у мѣста поставленная.

— Я велю распять тебя на крестѣ!

— Мнѣ совершенно все равно, гнить въ землѣ, или на открытомъ воздухѣ.

— Не смѣй болѣе показываться мнѣ на глаза.

— Я и самъ этого не желаю; но увижу тебя, если Птоломей опять пришлетъ меня къ тебѣ.

Бывшій при этомъ объясненіи вельможа, Митретъ, сказалъ Θеодору:

— Ты, какъ видно не признаешь ни боговъ ни царей?

— Видно признаю и тѣхъ и другихъ, огрызнулся философъ—если считаю тебя и подобныхъ тебѣ льстецовъ ихъ первыми врагами!

Этотъ Θеодоръ былъ основателемъ секты Θеодоритовъ, отвергавшей поклоненіе идоламъ, вѣрованіе въ оракуловъ и въ гаданія и признававшей Единаго творца вселенной. Безсмертіе души Θеодориты не признавали, ограничивая ея бытіе продолженіемъ

жизни человѣческой. Ихъ вѣрованіе было идеально для язычества, но въ то же время грубо матеріально сравнительно съ ученіемъ Сократа и Платона.

Антисθенъ, основатель знаменитой школы циниковъ, представителемъ которой былъ Діогенъ первоначально слушалъ поученія Горгія-софиста, но потомъ бросилъ его и присоединился къ ученикамъ Сократа. Онъ былъ бѣденъ, угрюмъ, суровъ въ обхожденіи, но имѣлъ прекрасное сердце и горячо любилъ Сократа. Чтобы слушать его, онъ ежедневно приходилъ изъ Пирея въ Аθины, между которыми считали до 40 стадій (22½ версты) разстоянія. Правила внушаемыя Сократомъ: любить правду и презирать богатства Антисθенъ принялъ въ руководство на всю свою жизнь. Всѣ ея блага онъ полагалъ въ томъ, чтобы довольствоваться только существенно необходимымъ и говорить правду не обинуясь, всѣмъ и каждому. Съ посохомъ въ рукахъ, съ котомкой за плечами, закутанный въ покрывало (палліумъ) Антисθенъ ходилъ по улицамъ, обращая на себя всеобщее вниманіе, какъ своей одеждой, такъ равно рѣчами и поступками. Когда Сократъ палъ жертвою злобы и невѣжества Антисθенъ, поселившійся въ Циносоргѣ (аθинская гимназія), много способствовалъ своими рѣчами пробужденію въ аθинянахъ раскаянія въ умерщвленіи Сократа и чувствъ ненависти къ его врагамъ. Отъ мѣста своего жительства Циносорга, Антисθенъ, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, получилъ прозвище циника, но это словопроизведеніе не совсѣмъ вѣрно. Циникомъ или киникомъ (отъ греческаго кинеа собака) Антисθена прозвали за то, что онъ, подобно вѣрной собакѣ, лающей на постороннихъ безъ всякаго лицепріятія—рѣзалъ всѣмъ правду въ лице и не скупился на ругательства, т. е. „облаивалъ" почти всѣхъ и каждаго. Таково было первоначальное значеніе слова „циникъ", но впослѣдствіи, его весьма несправедливо стали употреблять какъ синонимъ „безстыдника", и въ этомъ смыслѣ это слово до нынѣ всего чаще употребляется, хотя „циникъ" и „безстыдникъ" далеко не синонимы. Заклятый врагъ лжи и лицемѣрія, Антисθенъ стыдилъ и вгонялъ въ краску всѣхъ тѣхъ, съ кого онъ срывалъ личину, самъ же рѣдко стыдился потому, что не дѣлалъ ничего постыднаго. Правда имъ высказы-

вая была нагая правда, но наготою ея могли возмущаться только лицемѣры или вообще тѣ, у которыхъ дѣла не всегда ладились со словами. Антисѳенъ требуя отъ людей откровенности, самъ подавалъ имъ примѣръ, отдавая совѣстливый отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Откровенность можетъ быть въ ладу съ стыдливостью, если послѣдняя руководитъ человѣкомъ во всѣхъ его поступкахъ; если поступки эти безукоризненны и чисты. Дѣти откровенны до тѣхъ поръ, покуда не извѣдаютъ чувствъ стыда. По откровенности своей каждый младенецъ можетъ быть названъ циникомъ и чѣмъ онъ безгрѣшнѣе, тѣмъ откровеннѣе. У многихъ скромныхъ и цѣломудренныхъ дѣвицъ румянецъ стыдливости можно назвать зарею страстности и не даромъ сказалъ одинъ писатель: „дѣвица, которая слишкомъ часто краснѣетъ, слишкомъ многое знаетъ". И такъ самый вѣрный синонимъ цинизма есть только **откровенность**.

Циники въ древнихъ Аѳинахъ играли важную роль по благотворному вліянію на развращавшіеся нравы; они напоминали аѳинянамъ о достоинствѣ человѣческомъ, они отрезвляли ихъ взглядъ на жизнь и если бы человѣкъ здравомыслящій поставилъ на одну доску бѣдно одѣтаго, но здороваго и умнаго циника съ юношею, облеченнымъ въ пурпуръ и виссонъ, опрысканнымъ благоуханіями, но постоянно хвораго, отупѣлаго отъ непрерывныхъ оргій; онъ, конечно, назвалъ бы скорѣе человѣкомъ, убогаго циника, нежели знатнаго, но заживо подгнившаго аѳинянина. Негодяи подобные Алкивіаду были отравою общественной нравственности; Антисѳенъ и Діогенъ — противоядіемъ. Доживъ до преклонныхъ лѣтъ Антисѳенъ заболѣлъ тяжкимъ, мучительнымъ недугомъ и скончался послѣ невыносимыхъ страданій на рукахъ Діогена, своего ученика. За нѣсколько дней до смерти, страдалецъ, потерявъ терпѣніе, сказалъ:

— Чѣмъ избавиться мнѣ отъ моихъ мученій!

— Вотъ этимъ! отвѣчалъ Діогенъ подавая ему ножъ; но Антисѳенъ съ неудовольствіемъ оттолкнулъ его руку:

— Я говорю о моемъ избавленіи отъ мученій, а не отъ жизни!

Приступая къ біографическимъ очеркамъ философовъ Греціи, мы назвали ихъ завоевателями въ областяхъ мысли; въ этомъ

случаѣ Сократа можно сравнить съ Александромъ Македонскимъ: философъ завоевывалъ небо; герой македонскій — землю. Изъ громадной монархіи Александра, послѣ его смерти образовались новыя государства; изъ школы Сократа возникли новыя секты, и представителю одной изъ нихъ Діогену-цинику суждено было быть современникомъ всемірнаго завоевателя, занять страничку въ его исторіи и умереть въ одинъ день съ нимъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Діогенъ.—Излишнее усердіе.—Прошеніе милостины у статуй.—Противотеченіе.—Поиски съ фонаремъ.—3000 драхмъ берестія.—Расточитель.—Ощипанный пѣтухъ.—Ксеніадъ.—Воспитаніе его дѣтей.—Діогенъ и Александръ.—Смерть Діогена.—Его ученики.—Три періода цинизма.—Кратесъ.—Спасеніе Аѳинъ.—Изреченія.—Гиппархія.—Собачья свадьба.—Драка съ Ѳеодоромъ-аѳеемъ.—Цинизмъ позднѣйшихъ временъ.—Современные циники.—Критонъ и его сыновья.—Эвклидъ.—Мегарійская или эристическая школа.

Діогенъ, прозванный **циникомъ**, уроженецъ города Синопа въ Малой Азіи (414 г. до Р. Х.), былъ сыномъ тамошняго мѣнялы и самъ занимался тѣмъ же промысломъ, но обвиненный въ подделкѣ монеты, принужденъ былъ бѣжать и нашелъ себѣ пристанище въ Аѳинахъ. Здѣсь тотъ явился къ Антисѳену и изъявилъ желаніе обучаться у него философіи. Антисѳенъ былъ не въ духѣ и крикнулъ пришлецу, чтобы онъ убирался вонъ; Діогенъ не повиновался... Раздосадованный его упрямствомъ, философъ погрозилъ ему палкою, но упрямецъ отвѣчалъ, что нѣтъ той палки, которою его можно было бы выгнать изъ жилища Антисѳена. Дѣлать было нечего и Діогенъ былъ принятъ въ число его учениковъ. Вскорѣ онъ снискалъ пріязнь Антисѳена, но навлекъ на себя всеобщія насмѣшки за свое черезъ чуръ усердное слѣдованіе уста-

вамъ секты циниковъ, въ чемъ превзошелъ и самого Антисѳена.

— Я, какъ запѣвало въ хорѣ, говорилъ Діогенъ самъ о себѣ—нарочно кричу всѣхъ громче, чтобы дать другимъ вѣрный тонъ! Однако же немного нашлось послѣдователей его примѣрамъ. Антисѳенъ училъ презирать богатство; Діогенъ, вслѣдствіе этого выказывалъ особенную любовь къ нищетѣ; первый совѣтовалъ избѣгать роскоши, второй—наслаждался неряшливостью; первый разсуждалъ всегда здраво и послѣдовательно; второй юродствовалъ. Большое одѣяло, наброшенное на плечи, посохъ, котомка и деревянная чашка для воды - таково было движимое имущество Діогена, съ которымъ онъ скитался по греческимъ областямъ, питаясь подаяніемъ... Даже и изъ этого убогаго скарба, философъ выключилъ чашку, послѣ того какъ увидѣлъ на берегу ручья, мальчика черпавшаго воду пригоршнею: философъ въ ту же минуту разбилъ свою чашку о камень. Въ Аѳинахъ онъ проводилъ ночи подъ портиками храмовъ или у пропилей, называя прекрасныя ихъ колоннады своимъ дворцомъ; въ Коринѳѣ онъ ночевывалъ въ пустой бочкѣ и въ нее же прятался отъ дневнаго зноя. Готовясь къ печальному промыслу нищаго, онъ нѣсколько времени репетировалъ жалкую роль попрошайки передъ мраморными статуями, украшавшими аѳинскія площади.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? спросилъ его кто-то.

— Пріучаю себя къ отказу! отвѣчалъ Діогенъ.

Однажды, при выходѣ многочисленныхъ зрителей изъ театра, философъ расталкивая ихъ пробирался ко входу. „Ты идешь противъ тысячи людей и силишься пробраться противъ теченія!“ кричали ему.

— Это мое постоянное занятіе! отозвался циникъ.

Вообще, трудно было, подъ пару ему отыскать человѣка, который выказывалъ бы болѣе презрѣнія и ненависти къ людямъ. Разъ онъ цѣлый день ходилъ по улицамъ съ зажженнымъ фонаремъ и останавливаясь передъ каждымъ прохожимъ всматривался ему въ лице. Всѣ смѣялись этому сумасбродству, но Діогенъ очень серьезно объяснилъ, что онъ ищетъ, но никакъ не можетъ найдти *человѣка*, а встрѣчаетъ только скотовъ. На ругательства онъ отвѣчалъ ругательствами и, вообще, не стѣснялся въ выраженіяхъ.

Оскорбленный его насмѣшками, богачъ *Мидасъ* надавалъ Діогену пощечинъ и чтобы доказать ему, что за деньги можно дѣлать все что угодно, велѣлъ философу идти къ своему казначею и получить за безчестіе 3000 драхмъ. На другой день Діогенъ, надѣвъ рукавицы атлета, пришелъ къ Мидасу, избилъ его немилосердно и кинувъ ему въ лице полученныя наканунѣ деньги, сказалъ очень спокойно:

— Теперь я поквитался съ тобою!

У одного молодаго человѣка, столько же расточительнаго, сколько богатаго, Діогенъ настоятельно просилъ дать ему *мину* (около 23 руб. сер.). Другіе подаютъ тебѣ по *оболу*, сказалъ расточитель— и ты довольствуешься подобной бездѣлицей, почему же отъ меня ты такъ много требуешь?

— Потому, отвѣчалъ Діогенъ, что другіе подаютъ мнѣ часто, а ты едва ли будешь въ состояніи подать мнѣ милостину въ другой разъ!

Циникъ въ насмѣшкахъ своихъ не щадилъ даже и философовъ, особенно искусно улавливая неловкіе обороты ихъ рѣчей, или, издѣваясь надъ тѣми изъ нихъ, которые прикрывали высокопарностью скудость мысли. Услышавъ, что Платонъ опредѣлилъ человѣка словами: „человѣкъ—животное двуногое и безперое“, Діогенъ ощипалъ пѣтуха и поставивъ его передъ Платономъ, сказалъ: „вотъ твой человѣкъ!“ Знаменитый основатель платонической школы, называлъ обыкновенно Діогена: *Сократомъ въ бреду*, но очень рѣдко обижался на его выходки. Циникъ, гордясь прозвищемъ *пса*, всю свою жизнь разыгрывалъ роль животнаго, чтобы, подобно четвероногимъ героямъ басенъ эзоповыхъ, читать аѳинянамъ и коринѳянамъ полезныя нравоученія. Судъ собственной совѣсти каждаго человѣка онъ всегда ставилъ выше такъ называемаго „общественнаго мнѣнія“, не всегда непогрѣшимаго. До шестидесяти лѣтъ дожилъ Діогенъ въ нищетѣ, униженіи, осыпаемый насмѣшками, нерѣдко и ударами... на шестьдесятъ первый годъ судьба сжалилась надъ нимъ и существованіе его измѣнилось къ лучшему, хотя и этой перемѣны бѣдный циникъ достигъ весьма тернистымъ путемъ. Отправляясь изъ Аѳинъ на островъ Эгину, онъ былъ взятъ въ плѣнъ морскими разбойниками,

которые продали его богатому коринеянину Ксеніаду. Съ первыхъ же словъ, сказанныхъ Діогеномъ, хозяинъ его понялъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и ввѣрилъ цинику воспитаніе своихъ сыновей. Діогенъ—педагогъ превзошелъ ожиданія добраго Ксеніада. Прежде всего обратилъ онъ вниманіе на физическое развитіе дѣтей: роскошную ихъ одежду замѣнилъ самою простою, обрилъ имъ головы, пріучалъ ходить безъ обуви во всякую погоду, пить чистую воду и довольствоваться самой грубой пищей. Въ тоже время онъ обучалъ ихъ гимнастикѣ, верховой ѣздѣ, кулачному бою, стрѣльбѣ изъ лука; ходилъ съ ними на охоту, ежедневно водилъ гулять своихъ воспитанниковъ и, во время прогулокъ, дѣлился съ ними обширными своими познаніями. Давалъ имъ заучивать наизусть отрывки изъ произведеній славнѣйшихъ поэтовъ, читалъ сочиненія философовъ и свои собственныя. Нужно ли говорить, что сыновья Ксеніада всей душой привязались къ Діогену? что же касается до ихъ отца, онъ довѣрилъ философу управленіе всего своего дома и, повинуясь ему во всемъ безпрекословно, изъ хозяина самъ сдѣлался рабомъ. Аѳинскіе друзья Діогена предлагали Ксеніаду значительный выкупъ за Діогена; но ни онъ самъ, ни Ксеніадъ, не согласились разстаться другъ съ другомъ. Въ бытность свою въ Коринѳѣ, циникъ Діогенъ пользовался благосклонностью Лаисы и соперничая съ Аристиппомъ, смѣялся надъ нимъ, говоря, что Аристиппъ за деньги покупаетъ тѣ самыя ласки, которыми Діогенъ пользуется безплатно. На это соперникъ цинника отвѣчалъ ему: „я обладаю Лаисою, а она обладаетъ тобою!“ Въ Коринѳѣ же, происходило знаменитое свиданіе Александра Македонскаго съ Діогеномъ. Герой подойдя къ бочкѣ, въ которой сидѣлъ циникъ, спросилъ его: не желаетъ ли онъ чего и не можетъ ли Александръ оказать ему какую милость?

— Окажи мнѣ милость, только одну, отвѣчалъ Діогенъ — не отнимай у меня того, чего дать не можешь: не заслоняй мнѣ солнца, на которомъ я грѣюсь!

Шутливо сравнивая себя съ царемъ персидскимъ, у котораго для каждаго времени года былъ особенный городъ, Діогенъ проводилъ зиму въ Аѳинахъ, лѣто въ Коринѳѣ, гдѣ говорилъ свои поученія въ гимназіи Краніонѣ. Подъ старость лѣтъ онъ не только не выжилъ изъ ума, но разсудокъ его, какъ будто, яснѣлъ и возросталъ съ годами, а вмѣстѣ съ нимъ возростала и его слава. Въ маѣ 324 г. до Р. Х. отправляясь со своими друзьями на истмійскія игры, Діогенъ, дорогою, заболѣлъ лихорадкою. Не желая стѣснять своихъ попутчиковъ онъ убѣдилъ ихъ оставить его на дорогѣ и сѣвъ подъ дерево сказалъ имъ: „одно изъ двухъ: либо я убью лихорадку, либо она убьетъ меня; но на возвратномъ пути вы меня здѣсь найдете“. Дня через два друзья Діогена нашли его повѣсившимся на сучкѣ того самаго дерева, подъ которымъ они его оставили. Трупъ его былъ похороненъ близъ Коринѳа и на гробницѣ было поставлено мраморное изваяніе собаки. Изъ учениковъ Діогена прославились Менандръ и Кратесъ.

Всякое философическое ученіе, всякая религіозная доктрина въ развитіи своемъ дѣлится на три періода: основанія, возрастанія и упадка. Основателемъ школы циниковъ былъ Антисѳенъ: его правила могли быть примѣнимы къ жизни; Діогенъ довелъ эти правила до крайняго предѣла благоразумія, утрируя ихъ и преувеличивая; Кратесъ—превзошелъ Діогена и юродство своего учителя превратилъ въ шутовство. Послѣдователями первоначальнаго ученія Антисѳена могли быть сотни людей; преобразованнаго діогеновскаго ученія—десятки; слѣдовать же ученію Кратеса могли весьма немногіе... Діогенъ былъ эксцентрикомъ, Кратесъ дошелъ до фанатизма, граничавшаго съ безуміемъ.

Сынъ богатаго и знатнаго ѳивянина, Кратесъ, въ юности слушалъ поученія пиѳагорейцевъ. Потеря состоянія пустила его по міру и онъ, щеголяя рубищемъ и хвастая нищетою сдѣлался циникомъ вступивъ въ число учениковъ Діогена. По сказаніямъ нѣкоторыхъ біографовъ, Кратесъ добровольно обрекъ себя на нищету, раздавъ имущество свое бѣднымъ согражданамъ, или пожертвовавъ принадлежавшія ему земли подъ пастбища, всѣ же свои деньги бросивъ въ море. Діогенъ не дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ, но Кратесъ презиралъ его и шелъ ему всегда на перекоръ. Діогенъ ходилъ въ плащѣ; Кратесъ—горбатый и хромой не носилъ никакого одѣянія; Діогенъ валялся въ грязи; Кратесъ валялся на грудахъ навозу. При всемъ томъ доброе сердце и

честныя правила привлекали къ нему весьма многихъ. Отцы семействъ обращались къ нему за совѣтомъ въ затруднительныхъ домашнихъ дѣлахъ и онъ, къ совершенному ихъ удовольствію, разрѣшалъ самые запутанные вопросы. Увлекательность дара слова Кратеса бросила его и на политическое поприще. Въ 288 г. до Р. Х. аѳиняне навлекли на себя гнѣвъ Димитрія Поліорцета за союзъ съ Пирромъ, царемъ эпирскимъ и Аѳинамъ угрожала неминуемая гибель, отъ которой ихъ спасъ Кратесъ, мольбами своими тронувшій Димитрія. Послѣ этого всѣ странности и причуды циника безнаказанно сходили ему съ рукъ. Нѣкоторыя выходки Кратеса не лишены были своего рода остроумія. Раздосадованный его насмѣшками, музыкантъ Никодромъ ударилъ его однажды въ лице и оцарапалъ ему щеку. Циникъ залѣпилъ царапину лоскутомъ холста, написавъ на немъ, будто на статуѣ: „работы Никодрома". Посѣтивъ пиръ богача окруженнаго прелестницами и паразитами Кратесъ сказалъ ему: „народу вокругъ тебя много, а все же ты одинокъ"! Расточителей вообще, онъ называлъ смоковницами растущими надъ пропастями: птицы, но не люди, пользуются ихъ плодами, а имущества расточителей расхищаютъ друзья, паразиты и продажныя красотки. Золотую статую гетеры Фринеи, Кратесъ называлъ „трофеемъ греческаго разврата". Когда Александръ Македонскій послѣ разоренія Ѳивъ предложилъ Кратесу возобновить ихъ, циникъ отказался:

— Почему? спросилъ завоеватель.

— А потому, что со временемъ можетъ явиться другой разоритель, подобный тебѣ, и вторично разрушитъ твои постройки!

Не смотря на безобразіе Кратеса, молодая, прелестная собою, богатая и знатная уроженка города Маронеи — Гиппархія страстно влюбилась въ циника и объявила родителямъ, что кромѣ Кратеса не выйдетъ ни за кого. Уступая просьбамъ отца и матери, циникъ рѣшился самъ отговорить Гиппархію отъ ея сумасброднаго намѣренія.

— Я старъ, безобразенъ, хромъ и горбатъ! сказалъ онъ ей.

— Для меня ты молодъ, красивъ и строенъ! отвѣчала Гиппархія.

— Я нищій: кромѣ лохмотьевъ, хламиды и посоха у меня ничего нѣтъ.

— По уму и добродѣтелямъ ты первый богачъ въ мірѣ.

— У меня нѣтъ пріюта; вся моя жизнь проходитъ въ скитаньяхъ; я жажду, голодаю, хожу нагой...

— Я буду слѣдовать за тобою повсюду, какъ вѣрная собака, буду терпѣть голодъ, жажду и, подобно тебѣ, буду ходить безъ одежды!

Тутъ Гиппархія сбросила съ себя всѣ одѣянія и явилась въ костюмѣ Венеры, вышедшей изъ волнъ морскихъ. Дальнѣйшія увѣщанія были напрасны и Кратесъ взялъ себѣ въ жены эксцентрическую дѣвицу. Брачнымъ ихъ покоемъ былъ портикъ богатаго дома и всѣ наслажденія супружества. Кратесъ и Гиппархія вкусили въ глазахъ многочисленныхъ зрителей (слова Апулея: coram in luce clarissima). Этотъ „гражданскій подвигъ" привелъ въ восторгъ всѣхъ аѳинскихъ циниковъ: они съ торжествомъ пронесли Гиппархію по городу на рукахъ и въ память ея бракосочетанія установили праздникъ циногамію (собачья свадьба). Вѣрная своему обѣщанію, жена Кратеса никогда не разлучалась съ нимъ, слѣдуя за циникомъ повсюду и дѣятельно помогая ему, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Метокломъ въ распространеніи цинизма. Во дворцѣ Лизимаха, супруги циники встрѣтили Ѳеодора—аѳея, ученіе котораго было имъ ненавистно.

— Ты убѣжденъ, что все что ты дѣлаешь справедливо и безукоризненно, сказала ему Гиппархія. Ты можешь самъ себѣ дать пощечину, стало быть и я могу сдѣлать тебѣ тоже!

И она заушила Ѳеодора, за что онъ сорвалъ съ нея хламиду и обнаружилъ всѣ ея прелести. Такъ полемизировали древніе философы Греціи: оно неприлично, но внушительно!

Кратесъ и Гиппархія дожили до преклонной старости, завѣщая свое ученіе ихъ сыну Пазиклу. Въ заключеніе нашего біографическаго обзора группы философовъ—циниковъ, замѣтимъ, что ихъ секта пережила многія философскія школы и, пройдя длинный рядъ вѣковъ, сохранилась до нынѣ, имѣя послѣдователей и между новѣйшими народами. Въ первые вѣка христіанства, послѣдователи ученія евангельскаго: отшельники, стран-

ники и юродивые, довольствовавшіеся только необходимымъ, въ образѣ жизни и въ привычкахъ являли черты древнихъ циниковъ, за исключеніемъ, разумѣется ихъ безстыдныхъ выходокъ. Средневѣковые ученые и художники, весьма многіе, любили драпироваться въ хламиды Діогена и Кратеса, иные по убѣжденію, другіе ради оригинальности. Въ нашъ просвѣщенный и цивилизованный вѣкъ, цинизмъ, не смотря на свою ветхость и отсталость, повсемѣстно находитъ рьяныхъ послѣдователей и последовательницъ, какъ въ молодомъ, такъ и въ старомъ поколѣніи. Необъятной длины волосы у юношей и остриженныя косы у юницъ, очки при исправности зрѣнія, ботфорты, чуйки, красныя рубахи, неряшливость, грубость въ разговорѣ, задорное ухарство въ манерахъ и презрѣніе ко всѣмъ общепринятымъ приличіямъ—таковы атрибуты современныхъ Кратесовъ и Діогеновъ молодаго поколѣнія, которые, еслибы были посвѣдущѣе въ исторіи, то не считали бы за новость шутовскія выходки, которыми греческіе циники (даже не смотря на свой умъ) смѣшили своихъ согражданъ ровно за двѣ тысячи двѣсти лѣтъ до нашего времени. Древніе-то циники, во многихъ случаяхъ на поминали хоть золото въ грязи... Но, довольно! Насъ ожидаетъ возгласъ подобный тому, которымъ героиня одного романиста, ненавистнаго современнымъ Кратесамъ и Гиппархіямъ, защищаетъ своихъ собратьевъ: „ахъ, оставьте, это свѣжая рана“ [1]).

Богатый и знатный Критонъ былъ другомъ и ученикомъ Сократа. Во время бѣдствія, постигшаго этого незабвеннаго мученика за истину, Критонъ не щадилъ ни денегъ, ни трудовъ для его спасенія: давалъ взятки судьямъ, подкупалъ тюремщиковъ и золотыми ключами отворилъ двери темницы Сократа, но философъ отказался отъ предложеннаго ему бѣгства. Годами Сократъ и Критонъ были ровесники. Сыновья послѣдняго: Критовулъ, Гермогенъ, Эпигеній и Стезиппъ были также учениками Сократа.

Эвклидъ (котораго не должно смѣшивать съ одноименнымъ и современнымъ ему славнымъ математикомъ, отцомъ геометріи, Эвклидомъ) родился въ Мегарѣ и въ весьма юныхъ годахъ поступилъ въ число учениковъ Сократа. Во время Пелопонезской войны, впускъ въ Аѳины, иногороднымъ грекамъ, былъ воспрещенъ подъ страхомъ казни. Не смотря на это Эвклидъ, переодѣтый въ женское платье, посѣщалъ въ Аѳинахъ своего учителя. Послѣ его кончины, онъ далъ у себя въ Мегарѣ пріютъ многимъ ученикамъ. Этотъ Эвклидъ былъ основателемъ мегарійской или эристической школы, основанной преимущественно на искуствѣ спорить и щеголять риторическими фокусами, которые къ истинѣ относятся точно также какъ фейерверкъ къ солнцу: блескъ, трескъ, разноцвѣтныя искры—а въ результатѣ дымъ и чадъ, только способствующіе мраку. Самый эпитетъ школы Эвклида можно перевести словами: школа спорщиковъ.

[1]) Госпожа Ван-Скокъ, въ романѣ Стебницкаго „На ножахъ“.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Сократъ, Платонъ, Аристотель.—Происхожденіе Платона.—Пчелы горы Гиметта.—Сновидѣніе.—Лебедь.—Образованіе Платона.—Пребываніе въ Сициліи.—Политическія убѣжденія.—Законодательство.—Академія.—Ученіе Платона.—Идеи.—Душа.—Загробное бытіе.—Символъ воскресенія.—Чистота доктрины.—Платоническая любовь.—Сочиненія Платона.—Спевсиппъ.—Ксенократъ.—Его способности.—Любовь къ Платону.—Безстрастіе.—Закладъ Фринеи.—Афоризмы.—Безкорыстіе.—Тиранъ и философъ.—Выкупъ изъ тюрьмы.—Обращеніе Полемона.—Аристотель.—Юность.—Письмо Филиппа македонскаго.—Неблагодарность къ Платону.—Ненависть къ персамъ.—Обоготвореніе жены.—Школа перипатетиковъ.—Ученіе Аристотеля.—Его заслуги. Двадцативѣковой авторитетъ. Опалы.—Всеобщая ненависть.—Обвиненіе Эвфимедона.—Смерть Аристотеля.—Его сочиненія.—Ѳеофрастъ.—Мракобѣсіе Ареопага. Открытіе и труды Ѳеофраста.—Біонъ.—Димитрій фалерійскій.—Чиновничество и философія.

Говоря сравненьями, ученіе Сократа, можно уподобить золотой рудѣ, въ сыромъ, необработанномъ видѣ; ученіе Платона—чистое золото, выплавленное изъ этой руды; ученіе Аристотеля—

сосудъ отлитый и вычеканенный изъ золотаго слитка. Заслуги Аристотеля, въ глазахъ потомства, неоспоримы, но труды Сократа и Платона относятся къ его трудамъ, точно также, какъ работы рудокопа и маркшейдера къ работамъ золотыхъ дѣлъ мастера. Платонъ по чистотѣ своей доктрины, не имѣлъ подобнаго себѣ философа ни въ древнихъ, ни въ новѣйшихъ вѣкахъ; отцы церкви, воздавая ему должную справедливость, не возбраняли чтенія его произведеній христіанамъ, до такой степени онѣ чисты, высоко-нравственны и проникнуты духомъ истины... Нѣкоторые богословы въ ученіи Платона видѣли проявленіе предчувствія грядущаго появленія на землѣ Сына Божія и называли Платона — святымъ. Подобный взглядъ на этого философа нельзя назвать даже и пристрастнымъ, ибо ученіе Христово — достояніе всего міра и Слово божіе было „чаяніемъ языковъ".

Платонъ родился на островѣ Эгинѣ въ 7 день мѣсяца Фаргеліона LXXXVII Олимпіады (въ маѣ 430 г. до Р. X.) и, по происхожденію принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ Греціи. Отецъ его Аристонъ былъ изъ племени Кадма; мать, Периктіона доводилась праправнукою великому Солону. По сказаніямъ древнихъ біографовъ, знаменія будущей славы проявлялись еще надъ колыбелью Платона — младенца.

Эліанъ говоритъ (Разн. ист. кн. X гл. 21), что когда родители философа отправились на вершину горы Гимета, для принесенія жертвъ музамъ и нимфамъ. Периктіона положила спящаго грудного своего сына въ миртовый кустъ. Здѣсь на полуоткрытыя его уста, съ тихимъ жужжаніемъ опустились цѣлымъ роемъ пчелы и положили на нихъ медъ — „означая тѣмъ будущую сладость рѣчей Платона" прибавляетъ Эліанъ. Другіе біографы, называя Платона сыномъ Аполлона, разсказываютъ о чудномъ его сновидѣніи, въ которомъ отроку явился его двойникъ, съ тремя глазами на лбу. Третьи утверждаютъ, будто наканунѣ его прихода къ Сократу, этотъ послѣдній видѣлъ, какъ съ алтаря Амура, поднялся лебедь и оглашая воздухъ необычайно сладостнымъ пѣніемъ, плавно воспарилъ въ высь небесную и сгинулъ въ ясной лазури. Всѣ эти знаменія, очевидно выдуманныя въ эпоху славы Платона, а можетъ быть даже и послѣ его смерти, доказываютъ только,

какого высокаго мнѣнія были о немъ современники. Дѣйствительно, Платонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранныхъ, Богомъ возлюбленныхъ натуръ, въ которыхъ Онъ являетъ всѣ совершенства свойственныя человѣку. Наружность Платона вполнѣ гармонировала съ его необъятнымъ умомъ и высокими душевными качествами. До поступленія своего въ число учениковъ Сократа, Платонъ изучалъ творенія пиѳагорейцевъ, подготовившія его къ воспріятію доктрины безсмертнаго философа. Поученія его Платонъ слушалъ восемь лѣтъ (408 — 400 г. до Р. X.). Когда гнусная клевета предала Сократа въ руки судей, которые, въ свою очередь, ввергли его въ темницу, а за нею — въ могилу, Платонъ, всѣми силами краснорѣчія защищалъ своего учителя, но принужденъ былъ умолкнуть предъ неистовыми воплями злодѣевъ, требовавшихъ смерти Сократа. Послѣ страдальческой его кончины, Платонъ нашелъ пріютъ въ Мегарѣ у Эвклида и въ бесѣдахъ съ нимъ достигъ въ діалектикѣ неподражаемаго совершенства. Затѣмъ Платонъ отправился путешествовать для окончательнаго образованія. Въ Италіи онъ былъ радушно принятъ въ общину пиѳагорейцевъ, слушалъ поученія: Архиты Тарентскаго, Тимея Локрійскаго, Филолая Гераклейскаго, Эврита, Эфекрата, Аріона и былъ посвященъ въ таинства высшихъ степеней общины. Изъ Кирены, гдѣ онъ обучался геометріи у Ѳеодора, Платонъ отправился въ Египетъ. Здѣсь жрецъ Секосуфисъ преподавалъ ему астрономію, ознакомилъ его съ книгами Гермеса Трисмегиста и выхлопоталъ ему доступъ на таинственныя засѣданія жрецовъ, на которыя допускались немногіе избранники. Въ Египтѣ же, какъ говорятъ нѣкоторые ученые, Платонъ сошелся съ еврейскими богословами: читалъ Пятикнижіе Моисея и нѣкоторые книги ветхозавѣтныхъ пророковъ. По возвращеніи въ Европу, Платонъ посѣтилъ Діонисія, тирана сиракузскаго, который сначала обласкалъ философа, а потомъ задержалъ какъ плѣнника, благодаря предательству Поллиса, посла лакедемонскаго. Анникерисъ выкупилъ его изъ плѣна и далъ ему возможность бѣжать въ Аѳины. Діонисій опасался мщенія Платона, но благодушный философъ и не думалъ о мщеніи, посвятивъ всѣ помыслы свои философіи и наукамъ. Преемники тирана сиракузскаго: Діонисій младшій и Діонъ

пользовались совѣтами Платона и, можетъ быть, не были бы свергнуты, еслибъ слѣдовали его наставленіямъ въ многотрудныхъ дѣлахъ правительства. По мнѣнію Платона, совершеннѣйшимъ образомъ правленія можно признать теократизмъ, т. е. верховнымъ владыкою страны долженъ быть жрецъ; при немъ въ качествѣ сотрудниковъ допускаются три царя, а при нихъ три совѣта: законодательный, политическій и судебный. Киренея, Аркадія и Ѳивы просили философа начертать имъ законы, но онъ отказался отъ этого, по той причинѣ, что жители перваго города были слишкомъ корыстолюбивы, а жители двухъ прочихъ областей — слишкомъ склонны къ равенству, котораго Платонъ въ абсолютномъ смыслѣ слова не допускалъ ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ. Великій философъ доказывалъ, что: свободѣ (если только можно такъ выразиться) не слѣдуетъ давать свободы, иначе государство подвергнется всѣмъ ужасамъ безначалія. Истинная свобода, по его мнѣнію, въ подчиненности законамъ разума, которые самимъ Богомъ начертаны въ сердцѣ каждаго человѣка. Такимъ образомъ Платонъ, единымъ властителемъ всѣхъ царствъ земли признавалъ Бога, а царей—блюстителями его предначертаній, въ чемъ сотрудниками царей должны быть судьи, воины и сами граждане. Вообще нравственность и политика, по ученію Платона, должны быть связаны неразрывно. Онъ составилъ XII книгъ законовъ для города Магнезіи; въ правители Элеѣ далъ Формiона; Пиррѣ—Менодема. Совѣтами своими руководилъ Пиѳона и Гераклида,—освободителей Ѳракіи, былъ друженъ съ Архелаемъ, царемъ македонскимъ. При всемъ томъ, великій мужъ отклонялся отъ дѣятельности административной и живя въ Аѳинахъ въ печальную эпоху правленія тридцати тирановъ, не принималъ въ государственныхъ дѣлахъ никакого участія. У Платона было собственное царство. Оно было не обширно, однако же заключало въ себѣ сокровища несвѣтныя: царство это состояло изъ тѣнистыхъ садовъ дачи Академа, въ которыхъ Платонъ бесѣдовалъ съ учениками. Отсюда происхожденіе слова Академія и названіе школы Платона—академическою. Здѣсь мирно царствовалъ великій философъ, проповѣдуя прекрасное свое ученіе, здѣсь и скончался въ 347 г. до Р. Х., завѣщая управленіе академіею племяннику своему Спевсиппу, говоря прочимъ ученикамъ о возрожденіи души за гробомъ и о жизни будущей.

Въ догматахъ своего ученія Платонъ соединилъ въ стройное, гармоническое цѣлое доктрины Пиѳагора, Гераклита и Сократа. Если въ его ученіи физика не отдѣлена отъ метафизики, космографія отъ космогоніи; если онъ, какъ естествоиспытатель ниже Аристотеля и его послѣдователей—перипатетиковъ, тѣмъ не менѣе Платонъ имѣетъ полное, неотъемлемое право на имя основателя естественнаго богословія и вотъ сущность его ученія:

— Единый Богъ—создатель всего видимаго и невидимаго; все истинное и прекрасное отъ Бога; правда, гармонія и красота непремѣнныя принадлежности всѣхъ дѣлъ божіихъ; добродѣтель и чистая нравственность—пути къ богопознанію. Кромѣ видимаго вещественнаго міра, есть міръ идей, доступный разуму человѣческому, не омраченному страстями, не удрученному заботами о вещественномъ. Идеи или первообразы (архетипы), нисходя въ вещественный міръ, облекаются въ матерію и воспринимаютъ предназначенную форму. Знаніе врождено душѣ, ибо она, до облаченія своего въ тѣлесную оболочку, сроднилась съ идеями, и разумъ человѣческій знакомясь съ науками только припоминаетъ сродныя ему идеи, видя ихъ облеченными въ вещественную форму. Душа безсмертна. Она заключена въ тѣлѣ, какъ узница въ темницѣ, изъ которой ее освобождаетъ смерть. По окончаніи преходящаго земнаго бытія, для души начнется новое безконечное бытіе, въ которомъ ее ожидаетъ (смотря по дѣяніямъ человѣка въ земной жизни) или блаженство общенія съ Богомъ, или страданія, вслѣдствіе отчужденія души отъ ея прекраснаго и всеблагаго источника. Бытіе человѣка на землѣ Платонъ сравнивалъ съ существованіемъ хризалиды. Слабый червячекъ пресмыкается на землѣ: готовитъ себѣ кокону, хоронится въ ней, чтобы воскреснуть въ видѣ пестрокрылой бабочки и порхать въ эфирѣ при теплыхъ лучахъ весенняго солнца. Вотъ символъ земной жизни, смерти и воскресенія для безконечнаго бытія загробнаго! Далѣе этого, какъ видитъ читатель, не могла идти философія, выработанная изъ элементовъ грубаго язычества; Платонъ довелъ разумъ человѣческій къ преддверію того ученія, божественный про-

повѣдникъ котораго говорилъ о себѣ: „я есмь дверь: кто войдетъ мною, тотъ спасется“ (Отъ Іоанна гл. X ст. 9).

Вселяя въ сердце учениковъ презрѣніе къ богатству и къ нелѣпымъ затѣямъ причудливой роскоши. Платонъ не только не вмѣнялъ имъ въ обязанность отвратительнаго неряшества, но напротивъ. внушалъ чувства любви къ опрятности, соединенной съ изящною простотою. Зная по собственному опыту, что чистыя наслажденія произведеніями разныхъ искусствъ облагораживаютъ душу, онъ дозволялъ ученикамъ чтеніе поэтовъ. занятіе музыкою, живописью и ваяніемъ. Внушая имъ отвращеніе къ грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ, Платонъ не отчуждалъ ихъ отъ женскаго общества, допуская даже нѣкоторую короткость въ обхожденіи, безъ нарушенія, разумѣется, правилъ строжайшаго цѣломудрія. Въ глазахъ идеалиста платоника дѣвушка была неприкосновенною святынею; онъ могъ склоняться къ ея стройнымъ стопамъ, могъ восхищаться ея дѣвственною красою, какъ благоуханнымъ цвѣткомъ на стеблѣ. или, какъ порхающею бабочкою, которая отъ грубаго прикосновенія къ своимъ крылышкамъ теряетъ съ нихъ радужную пыль, и лишенная способности летать — пресмыкается.

Академія Платона была раздѣлена на два курса: низшій, или общедоступный и высшій, доступный особеннымъ избранникамъ. Сообразно этой классификаціи учениковъ, и сочиненія Платона (почти всѣ дошедшія до насъ) дѣлятся на экзотерическія (популярныя) и эзотерическія (избранныя). Къ первымъ принадлежатъ его Діалоги (разговоры) и Пиръ, ко вторымъ: Республика и Законы. Всѣ произведенія Платона донынѣ достойны изученія, какъ по чистотѣ и богатству мыслей, такъ равно и по прелести неподражаемаго слога. Все что только есть привлекательнаго (и вмѣстѣ съ тѣмъ — несбыточнаго) въ сочиненіяхъ новѣйшихъ утопистовъ — все заимствовано. или безъ околичности выкрадено ими у Платона... Знаменитые Фурье и Викторъ Консидеранъ — блѣдныя копіи греческаго философа. Послѣ его кончины афиняне воздвигли ему статую, соорудили алтари, чеканили медали съ его изображеньями.. но несокрушимый памятникъ Платона имъ самимъ себѣ воздвигнутый — его безсмертныя произведенія!

Спевсиппъ — племянникъ и преемникъ Платона въ управленіи

Академіею (съ 347 по 339 до Р. Х.) не съумѣлъ поддержать славы этого великаго учрежденія, такъ какъ въ дарованіяхъ далеко отсталъ отъ своего геніальнаго дяди, а по своему поведенію былъ несравненно ниже его. Ученики Платона, повиновавшіеся ему, какъ пчелы своей царицѣ не захотѣли покорствовать Спевсиппу — лѣнивому трутню, и улей Академіи постепенно началъ пустѣть и приходить въ упадокъ; но отъ конечнаго паденія Академія была спасена Ксенократомъ.

Небогатый способностями, но прилежный и учителю своему всегда покорный, Ксенократъ родился въ Халкедоніи около 406 г. до Р. Х. Сравнивая Ксенократа съ Аристотелемъ, Платонъ говорилъ: „первому, для понужденія необходимы шпоры, какъ лѣнивому коню; втораго, какъ чрезъ мѣру ретиваго, нужно постоянно держать въ уздѣ!“ Сознавая свою тупость и непонятливость, Ксенократъ сравнивалъ себя съ узкогорлымъ сосудомъ, въ который трудно влить вино, однако же изъ котораго не легко его и вылить. Онъ не хваталъ на лету подобно Аристотелю, за то и не считалъ себя умнѣе Платона, котораго боготворилъ всѣми силами доброй своей души. Сопровождая учителя въ Сиракузы и будучи свидѣтелемъ притѣсненій и непріятностей, причиняемыхъ Платону Діонисіемъ старшимъ, Ксенократъ грудью отстаивалъ его и однажды, когда тиранъ грозилъ Платону казнію — выразилъ готовность пожертвовать за него собственною головою. Впрочемъ и учитель питалъ къ доброму ученику нѣжнѣйшія, отеческія чувства. Кто-то изъ академиковъ сказалъ Платону, что Ксенократъ дурно отзывался о немъ. „Не вѣрю“, отвѣчалъ философъ, „меня не можетъ злословить человѣкъ, котораго я такъ сильно люблю!“ Добраго Ксенократа онъ сравнивалъ со скалою, въ нѣдрахъ которой хранится золотой рудникъ. Этимъ сравненіемъ Платонъ хотѣлъ выразить, что наружность его ученика нисколько не гармонируетъ съ его душевными качествами. Угрюмый, неуклюжій, грубоватый и не словоохотливый, Ксенократъ могъ служить чистѣйшимъ типомъ добродѣтельнаго грубіяна (bourru bienfaisant). Послушный только Платону, онъ былъ упрямъ, непреклоненъ и, благодаря удивительной силѣ воли, ничѣмъ невозмутимъ и безстрастенъ. „Другъ“, говаривалъ ему Платонъ, „не мѣшало бы тебѣ иногда приносить жертвы

Граціямъ!“ Безчувственный увалень, въ отношеніи любви, какъ идеальной, такъ и матеріальной, Ксенократъ былъ жалостливъ до безконечной степени. Однажды, спасаясь отъ преслѣдованій ястреба, бѣдный воробей укрылся въ складкахъ его хламиды: Ксенократъ выпуталъ изъ нихъ трепещущую птичку, обогрѣлъ ее дыханіемъ, тихо поцѣловалъ и пуская въ густую листву, гдѣ воробей былъ внѣ опасности, сказалъ своимъ спутникамъ: „грѣшно и стыдно употреблять во зло оказываемое намъ довѣріе!“ Подозрѣвая, что равнодушіе Ксенократа къ женщинамъ ничто иное какъ лицемѣріе, нѣсколько знатныхъ и богатыхъ аѳинянъ сговорились обольстить его ласками знаменитой Фринеи. Она побилась съ нимъ объ закладъ, что безстрастный философъ не устоитъ отъ ея обаятельныхъ ласокъ. Не столько желаніе выиграть, сколько самолюбіе одушевляло Фринею и она расточила предъ Ксенократомъ весь запасъ любезностей, кокетливыхъ выходокъ, не скупясь и на поцѣлуи... Но увы! философъ пребылъ непоколебимъ. Возвратясь къ своимъ пріятелямъ Фринея съ досадою сказала имъ:

— Во всякомъ случаѣ я выиграла! Мы бились объ закладъ, что я обольщу человѣка, но Ксенократъ — статуя!

Съ 339 по 314 годъ до Р. Х. Ксенократъ управлялъ Академіею, преподавая въ ней философію Платона, и сады Академіи, какъ въ былые годы, опять наполнились слушателями. Отъ своихъ учениковъ философъ требовалъ всего прежде знанія математики, называя ее ключемъ всѣхъ наукъ. Отвергая бредни язычества, но и не восходя въ размышленіяхъ своихъ о Богѣ до идеальной высоты умозрѣній Платона, Ксенократъ признавалъ богами: небо и семь планетъ. Его разсужденія: о философіи, о природѣ и о смерти не дошло до насъ; но записанныя слушателями сохранились нѣкоторыя изрѣченія, изъ которыхъ особенно замѣчательно слѣдующее:

— Истинный философъ по собственному побужденію дѣйствуетъ такъ, какъ поступаютъ другіе по принужденію законовъ.

Неподкупная честность и прямодушіе Ксенократа были до того извѣстны въ Аѳинахъ, что ему даже въ судилищахъ вѣрили безъ всякихъ присягъ и клятвъ. Александръ Македонскій чрезъ нарочныхъ пословъ прислалъ ему въ подарокъ 50 талантовъ (68,750

руб. сер.). Философъ, принявъ пословъ въ своемъ убогомъ жилищѣ, угостилъ ихъ вседневнымъ, незатѣйливымъ обѣдомъ и когда они вручили ему царскій подарокъ, онъ отвергъ его, сказавъ:

— По моему обѣду вы можете видѣть, умѣю ли я довольствоваться малымъ и желаю ли избытка!

Не желая однако обидѣть великаго завоевателя, Ксенократъ взялъ изъ присланныхъ ему денегъ два таланта, но и тѣ раздалъ бѣднымъ..

Угнетаемые Антипаторомъ, аѳиняне поручили Ксенократу исходатайствовать имъ нѣкоторыя льготы у жестокаго правителя. — Развѣ я мало дѣлаю имъ добра? сказалъ Антипаторъ философу.

— Такъ, отвѣчалъ Ксенократъ—тебя можно было бы назвать милостивымъ, если бы ты управлялъ рабами, но для народа свободнаго — ты слишкомъ жестокъ!

Ходатайство Ксенократа было уважено и, при всемъ томъ, эти же самые Аѳины—городъ неблагодарности и безчувственной казенщины—не постыдились засадить философа въ тюрьму за неуплату недоимокъ! Его выкупилъ Димитрій фалерійскій, занимавшій тогда должность градоправителя. Выпущенный изъ тюрьмы Ксенократъ встрѣтилъ его сына:

— Не благодарю отца твоего за свободу, сказалъ онъ ему. Ты самъ слышишь всеобщія похвалы за это доброе дѣло: вотъ лучшая ему награда!

Ксенократъ умеръ въ 314 г. до Р. Х. и изъ всѣхъ его учениковъ Полемонъ оказался достойнѣйшимъ его преемникомъ. Этотъ Полемонъ, въ юности удивлялъ аѳинянъ роскошью и распутствами, приводившими въ отчаяніе все его семейство. Однажды онъ, пьяный, въ цвѣточномъ вѣнкѣ на всклокоченныхъ волосахъ, въ богатой, но перепачканой и изорванной одеждѣ, забрелъ въ сады Академіи и пошатываясь достигъ того мѣста, на которомъ Ксенократъ читалъ слушателямъ свои поученія. Предметомъ чтенія въ этотъ день, было, какъ нарочно, сужденіе о пьянствѣ. Философъ только что описалъ живыми красками гнусное изображеніе человѣка, преданнаго этому ужасному пороку, какъ явившійся Полемонъ предсталъ передъ ними, будто живая иллюстрація. Всеобщій хохотъ мгновенно отрезвилъ пьяницу, а настав-

ленія Ксенократа зажгли огонь стыда на его впалыхъ щекахъ и въ этомъ огнѣ порокъ Полемона сгорѣлъ до тла... Онъ раскаялся, остепенился и съ этого дня, ставъ въ ряды учениковъ философа, превзошелъ ихъ всѣхъ въ твердости характера и въ повиновеніи нравственнымъ правиламъ платонизма. Проповѣдуя невозмутимость и безстрастіе, Полемонъ подавалъ примѣръ своимъ ученикамъ— какая мощь заключается въ волѣ человѣка! Онъ умеръ отъ чахотки, имѣя не болѣе сорока лѣтъ отъ роду, въ 272 году до Р. Х.

Теперь мы перейдемъ къ группѣ философовъ школы перипатетической, составившей какъ-бы расколъ или, вѣрнѣе, отколъ— отъ школы платонистовъ. Начнемъ съ основателя.

Аристотель —по уму и дарованіямъ, достойнѣйшій —по чувствамъ недостойнѣйшій изъ всѣхъ учениковъ Платона—родился въ городѣ Стагирѣ (въ Македоніи) въ 1 годъ XCIX Олимпіады (384 г. до Р. Х.). Онъ былъ сыномъ Никомаха, изъ племени Асклепіадовъ (потомковъ Эскулапа) и жены его Фаэтиды. Никомахъ былъ врачемъ при дворѣ царя Аминта III и сына своего готовилъ себѣ въ преемники. Обучаясь медицинѣ Аристотель съ юныхъ лѣтъ обнаружилъ пламенную любовь къ естественнымъ наукамъ вообще и повинуясь голосу внутренняго призванія былъ впослѣдствіи временъ отцемъ натуральной философіи. Имѣя не болѣе 18 лѣтъ отъ роду, Аристотель лишился отца и матери и нашелъ себѣ пріютъ въ Аттарнѣ, у друга покойнаго своего отца Проксена. Не желая особенно его обременять Аристотель занимался врачебною практикою, составленіемъ и продажею лекарствъ. Въ 364 г. до Р. Х. онъ прибылъ въ Аѳины, представился Платону, который, угадывая въ Аристотелѣ геніальную натуру, принялъ въ число академиковъ. Успѣхи ученика превзошли ожиданія учителя: черезъ восемь лѣтъ (въ 356 г. до Р. Х.) слава Аристотеля уже гремѣла по всей Греціи, а Филиппъ, царь македонскій, писалъ ему слѣдующее посланіе: „отъ Филиппа царя македонскаго, привѣтъ Аристотелю философу. Вѣдай, что у меня родился сынъ. Благодарю боговъ не столько за то, что они дали мнѣ его, сколько за его рожденіе при Аристотелѣ. Ввѣряя тебѣ его воспитаніе надѣюсь, что ты сдѣлаешь изъ него царя — достойнаго мнѣ наслѣдовать и властвовать надъ македонянами." Превознесенный философъ, горделиво собирая дань уваженія къ себѣ—отъ царя до нищаго, не могъ не кичиться предъ бывшимъ своимъ учителемъ, Платономъ, снисходительно называя его человѣкомъ умнымъ, но „немножко отсталымъ и съ устарѣлыми понятіями". Въ отвѣтъ на эти отзывы, разумѣется заочные, ибо при свиданіяхъ Аристотель всегда оказывалъ Платону глубокое уваженіе, послѣдній сказалъ: „Аристотель, какъ жеребенокъ: насосавшись молока, лягаетъ свою матку!" [1]). Послѣ смерти Платона Аристотель поселился въ Аттарнѣ и здѣсь особенно подружился съ военачальникомъ Герзоніемъ, казненнымъ за измѣну царемъ Артаксерксомъ. Слѣдствіемъ этой казни была непримиримая ненависть философа къ персамъ, которую онъ съумѣлъ привить къ сердцу юнаго своего питомца Александра Македонскаго. Оплакивая своего друга Аристотель женился на его сестрѣ Пиѳіадѣ, но жилъ съ нею недолго; когда она скончалась, философъ причислилъ ее къ богинямъ и памяти ея воздавалъ божескія почести. Это не помѣшало ему однако взять себѣ въ наложницы рабыню Герпиллиду и прижить съ нею сына. Ко двору Филиппа Македонскаго Аристотель прибылъ въ 343 г. до Р. Х. и двѣнадцать лѣтъ былъ неразлученъ съ Александромъ, своимъ воспитанникомъ: сопутствовалъ ему въ походахъ, занимаясь естествоиспытаніями и собирая драгоцѣнныя коллекціи рыбъ, звѣрей, птицъ и растеній чужихъ странъ покоряемыхъ героемъ. Оставивъ при Александрѣ своего родственника Каллисоена (павшаго отъ пьяной руки безсмертнаго героя) Аристотель возвратился въ Аѳины и открылъ новую академію въ садахъ Ликея, получившую названіе перипатетической или Академіи прогуливающихся. Прозвище это было дано ей за то, что Аристотель читалъ свои лекціи слушателямъ прогуливаясь съ ними, избирая предметами для своихъ бесѣдъ произведенія окружавшей ихъ природы. Эти прогулки можно было назвать первыми опытами демонстративныхъ лекцій и ученыхъ экскурсій. Подобно Платону, Аристотель дѣлилъ свои лекціи на общедоступныя и исключительныя (эзотерическія и ахроматическія). „Пустота ненавистна природѣ" говорилъ онъ сво-

[1]) Эліанъ. Разн. Ист. Кн. IV гл. 9.

имъ ученикамъ. — „Въ естественныхъ наукахъ не должно быть мѣста ни догадкамъ ни предположеніямъ; всѣ умозаключенія должны быть выведены изъ собственныхъ опытовъ. Естествознаніе не должно основываться на сужденіяхъ отвлеченныхъ, или, на мудрствованіяхъ какихъ-бы то ни было авторитетовъ. Наука вѣруетъ въ факты; изъ нихъ выводятся ея законы.“ Истины неоспоримыя, но проповѣдуя ихъ, слѣдовалъ ли имъ самъ Аристотель? Въ его естественной исторіи мы встрѣчаемъ множество исключительныхъ фактовъ имъ же обобщенныхъ и тысячи исключеній, которымъ онъ придавалъ значеніе правилъ. Собственный опытъ онъ ставилъ выше всякаго авторитета, а между тѣмъ, при жизни и въ теченіе двадцати вѣковъ послѣ смерти былъ авторитетомъ для цѣлыхъ поколѣній ученыхъ. Фанатики первыхъ вѣковъ христіанства предали ученіе Аристотеля анаоемѣ; за то аравитяне въ VI вѣкѣ по Р. Х. провозгласили его свѣтиломъ науки и преклонились передъ нимъ; затѣмъ, въ теченіе двѣнадцати вѣковъ, до половины XVIII столѣтія, шла ожесточенная борьба между послѣдователями и противниками школы Аристотеля... Произведенія первыхъ сожигались (иногда вмѣстѣ съ авторами) на инквизиціонныхъ кострахъ; не довольствуясь битвою на перьяхъ, враждовавшія стороны не гнушались ни ядами, ни кинжалами: Петръ Да-Раме палъ отъ руки убійцъ (въ 1572 году), подкупленныхъ его противникомъ Шарпантье, и палъ за то, что слѣдовалъ ученію Аристотеля! Папы неутомимо громили его своими буллами; государи изгоняли его изъ университетовъ... И вся эта буря подымалась на основателя перипатетической школы единственно за то, что Аристотель первый дерзнулъ изгнать изъ науки идеализмъ и прочныя ея основы положилъ на реализмъ, т. е. грубой, но осязаемой дѣйствительности. Можно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что ученіе Аристотеля проложило широкій путь всѣмъ естествоиспытателямъ былыхъ и новѣйшихъ временъ къ ихъ великимъ открытіямъ: безъ Аристотеля, человѣчество не гордилось бы ни Коперникомъ, ни Кеплеромъ; безсмертные: Ньютонъ и Локкъ [1]) были ревностными послѣдователями его ученія.

Послѣ убіенія Каллисоена, между Александромъ Македонскимъ и Аристотелемъ возникли отношенія далеко непріязненныя. О степени прежняго благоволенія героя къ своему учителю, читатель можетъ судить по тому, что Александръ въ угоду Аристотелю вновь воздвигъ разрушенную Стагиру (жители которой, въ память философа установили ежегодныя празднества Аристотелій) и по его просьбѣ — городъ Эрезосъ, родину Θеофраста. Однако же опала царская была непродолжительна и не тяжела для Аристотеля: бѣдственные для него дни начались съ кончиною Александра. Ранняя кончина героя возбудила во всѣхъ его приближенныхъ неосновательныя подозрѣнія объ отравѣ и они пали на Аристотеля, будто бы подославшаго убійцу въ Вавилонъ для отмщенія Александру за смерть Каллисоена. Ученый міръ въ Аоинахъ возсталъ на философа и ненависть къ нему собрала въ одно ополченіе послѣдователей двухъ школъ враждебныхъ другу другу: академиковъ и софистовъ. Одни не могли простить Аристотелю его соперничества съ Платономъ; другіе его презрѣнія къ шарлатанству, котораго не чужды были всѣ софисты вообще; къ нимъ присоединились и жрецы — враги всѣхъ философовъ и также морочилы, не хуже софистовъ. Гіерофантъ Эвримедонъ, предъ лицемъ Ареопага, обвинилъ Аристотеля въ безбожіи и хотя философу не угрожала участь Сократа, но онъ удалился на Эвбею и здѣсь умеръ въ 322 г. по Р. Х., завѣщая душеприкащикамъ своимъ похоронить его вмѣстѣ съ женою, воздвигнуть статуи его родителямъ и дать свободу всѣмъ его рабамъ.

Преемникомъ Аристотеля былъ его любимый ученикъ Θеофрастъ Эрезосскій. Изъ множества сочиненій великаго философа по всѣмъ отраслямъ естествознанія, по части политики, словесныхъ наукъ и эоики (науки о нравственности), почти всѣ дошли до насъ. Первое печатное изданіе произведеній Аристотеля вышло въ свѣтъ изъ подъ станковъ славнаго Альда Манучци въ Венеціи, въ 1495 году. Всѣ они переведены, кромѣ арабскаго — и латинскаго, на всѣ европейскіе языки и съ вѣками не теряютъ своихъ достоинствъ.

1) Исаакъ Ньютонъ — родился въ 1642, умеръ въ 1727 году. Локкъ — родился въ 1632, умеръ въ 1704 году. Обоими именами по справедливости гордится Англія.

Θеофрастъ сынъ валяльщика суконъ, Менанта, родился на островѣ Лесбосѣ въ городѣ Эрезосѣ, въ 5 число гекатомбеона 2 года CII Олимпіады (371 г. до Р. Х.). Посвятивъ себя изученію философіи прибылъ въ Аѳины, слушалъ лекціи Платона и въ Академіи сблизился съ Аристотелемъ. Когда Спевсиппъ наслѣдовалъ дядѣ своему. Θеофрастъ отправился въ Эрезосъ; принялъ участіе въ освобожденіи города отъ правителей—тирановъ, затѣмъ уѣхалъ въ Македонію и участвовалъ въ битвѣ Херонейской. При основаніи Лицея, Аристотель взялъ Θеофраста себѣ въ помощники и тѣмъ открылъ для умственной его дѣятельности обширное поприще. При всемъ своемъ благоговѣніи къ Аристотелю, Θеофрастъ, преподавая философію, сдѣлалъ удачную попытку къ примиренію доктрины перипатетиковъ съ ученіемъ Сократа и Платона и, въ первый же годъ своихъ чтеній въ Лицеѣ, имѣлъ до 2000 слушателей. Будучи перипатетикомъ въ отношеніи естествознанія, Θеофрастъ былъ идеалистомъ въ своихъ нравственныхъ и религіозныхъ возрѣніяхъ. Этотъ идеализмъ не могъ нравиться Ареопагу и Θеофрастъ обвиненный въ безбожіи былъ призванъ въ судилище. Ему удалось оправдаться, но вслѣдствіе закрытія Академіи, Лицея и всѣхъ философскихъ аудиторій, онъ былъ принужденъ удалиться изъ Аѳинъ. Премудрый Ареопагъ, видя въ изученіи естественныхъ наукъ и въ просвѣщеніи вообще источникъ порчи нравовъ, изволилъ постановить:

„Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился!"

Это дикое узаконеніе въ теченіе года сохранялось во всей силѣ; потомъ Ареопагъ опомнился и дозволилъ людямъ быть людьми, т. е. учиться и просвѣщаться. По возвращеніи въ Аѳины, Θеофрастъ снова занялся чтеніями въ Лицеѣ и продолжалъ ихъ по самую смерть, въ 286 г. до Р. Х. Преемникъ его былъ Стратонъ Лампсакскій. Заслуги Θеофраста, какъ естествоиспытателя, неоцѣнимы. Ученые его труды по зоологіи, минералогіи и въ особенности—ботаникѣ (впервые отпечатанные у Альда Мануччи въ 1477 году) не утратятъ своихъ достоинствъ и въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ. Ботаническая физіологія и морфологія обязаны ему многими драгоцѣнными открытіями, чтобы не сказать—своимъ основаніемъ. Изъ сочиненій по части этики особенно важны психологическіе этюды, подъ заглавіемъ: Характеры. Изъ многихъ учениковъ Θеофраста особенно прославились: Біонъ и Димитрій фалерійскій.

Біонъ, сынъ рыбака и публичной женщины, родился на берегахъ Борисоена (Днѣпра). въ юности прибылъ въ Аѳины и поочередно слушалъ философію у Кратеса циника, у Θеодора аѳея, наконецъ у Θеофраста. Заимствовавъ у каждаго изъ своихъ учителей только то, что особенно согласовалось съ его характеромъ. Біонъ по откровенности и грубости могъ назваться циникомъ; по убѣжденіямъ религіознымъ—безбожникомъ; по возрѣніямъ нравственнымъ — перипатетикомъ. Ему особенно покровительствовалъ Антигонъ Гонатъ и высоко цѣнилъ его прямодушіе.

Димитрій фалерійскій, другъ и ученикъ Θеофраста, доброжелатель всѣхъ философовъ и ходатай за нихъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣли непріятныя столкновенія съ властями, посвятилъ себя служебной карьерѣ и на ней: „знаковъ тьму отличья нахваталъ". При Кассандрѣ (въ 316 году до Р. Х.) былъ правителемъ Аѳинъ и прославился какъ администраторъ. Вообще формулярный списокъ этого философа-чиновника очень любопытенъ и назидателенъ, но къ предмету нашей исторіи не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія... Недоумѣваемъ только, какимъ образомъ Димитрій, въ чиновной своей особѣ, могъ совмѣстить односторонніе способности бюрократа съ возрѣніями философа, и щеголяя въ одѣяніи сановника учить простотѣ и смиренію? Въ мертвящей, отупляющей сферѣ бюрократизма черствѣетъ сердце, цѣпенѣетъ умъ и человѣкъ невольно превращается въ автомата. Александръ Македонскій, думая 50 талантами купить пріязнь Ксенократа, обманулся въ расчетѣ, потому что Ксенократъ, какъ истинный философъ, чуждался почестей; но Димитрій фалерійскій, при всей своей философіи, льнулъ къ сильнымъ міра сего, лебезилъ предъ Кассандромъ, подличалъ предъ Птоломеями.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Зенонъ и основанная имъ секта стоиковъ. — Прибытіе въ Аѳины. — Слова оракула. — Портикъ. — Филологи и логофилы. — Ученіе стоицизма. — Ученикъ Зенона. — Почести. — Антигонъ Гонатъ. — Пьяница и стоикъ. — Позднѣйшіе стоики. — Хризиппъ. — Логомахія. — Эпикуръ и его школа. — Основы эпикуреизма. — Погрѣшности космологіи эпикурейцевъ. — Пирронъ. — Его образованіе. — Скептицизмъ. — Апатія. — Вредъ скептицизма. — Сравненіе философскихъ школъ между собою. — Науки въ древней Греціи. — Искусства. — Зодчество. — Ордены. — Изобрѣтеніе ордена коринѳскаго. — Ваяніе. — Его совершенство. — Вліяніе на религіозныя вѣрованія. — Иконографія западная и восточная. — Достоинства послѣдней. — Живопись. — Ея изобрѣтеніе. — Монохромы и полихромы. — Славнѣйшіе живописцы. — Первыя выставки. — Апеллесъ и чеботарь. — Пословица. — Каллиграфія. — Письмена. — Музыка. — Музыкальныя орудія. — Пѣсни. — Пляски. — Гимнастика. — Цирки. — Театръ. — Его устройство. — Маски. — Котурны. — Актеры. — Высокое значеніе театра въ древней Греціи.

Основатель знаменитой и долговѣчной секты стоиковъ, Зенонъ, родился на островѣ Кипрѣ, въ Цитіумѣ въ 3 годъ CIV Олимпіады (въ 362 году до Р. Х.). Отецъ его и онъ самъ занимались торговлею и обладали значительнымъ состояніемъ. Зенонъ былъ предпріимчивъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ остороженъ во всѣхъ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ и благоразумно расчетливъ. Однако же судьба готовившая ему иную будущность, бросила его на поприще философіи, въ одинъ день отнявъ у него все состояніе. Корабль Зенона, на которомъ онъ плылъ изъ Финикіи съ богатымъ грузомъ пурпура, потерпѣлъ крушеніе у береговъ Пирея. На время принужденный жить въ Аѳинахъ, Зенонъ, по цѣлымъ днямъ, бродилъ по городскимъ площадямъ и улицамъ, любуясь украшав-

шими ихъ зданіями. Однажды, проходя мимо лавки книжника, онъ услышалъ, какъ тотъ читалъ вслухъ „Записки о Сократѣ" Ксенофона. Пораженный нравоученіями, которыя авторъ приводилъ въ своемъ сочиненіи за образцы философіи Сократа, Зенонъ спросилъ книжника, живутъ ли въ Аѳинахъ преподаватели этой великой науки? Книжникъ указалъ ему на проходившаго мимо **Кратеса** и Зенонъ упросилъ его взять себя въ ученики. Однако же школа циниковъ не понравилась ему своими крайностями: цѣня немногія прекрасныя правила, подобно крупинкамъ золота, блиставшія въ грязи этой школы, Зенонъ не могъ примириться съ ея грязью и рѣшился идти на поиски истины инымъ путемъ. Указаніе этого пути онъ предоставилъ оракулу, къ которому обратился за совѣтомъ и получилъ въ отвѣтъ: „окрасься въ цвѣтъ усопшихъ". Понявъ эти слова въ томъ смыслѣ, что ему слѣдуетъ читать творенія старинныхъ, уже умершихъ философовъ. Зенонъ, послѣ продолжительнаго ихъ изученія, слушалъ поученія **Стильпона** мегарскаго, **Діодора** спорщика (эристика), **Ксенократа** и **Полемона**, послѣдователей платонизма. Изъ нѣкоторыхъ элементовъ этого прекраснаго ученія и нѣсколькихъ правилъ цинизма, Зенонъ образовалъ основы новой доктрины **стоической** и читалъ свои поученія желающимъ подъ сѣнію Портика аѳинскаго, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ по повелѣнію тридцати тирановъ было зарѣзано 400 аѳинскихъ граждан. Слушателей своихъ онъ дѣлилъ на двѣ категоріи: любителей знанія (**филологи**) и любителей чтенія (**логофилы**). Рѣчь его была сжатая, отрывистая; многословіе и всякая риторическая мишура были ему ненавистны. Въ чемъ же именно заключалось ученіе стоиковъ? Вотъ его основы:

— Непоколебимое терпѣніе, равнодушіе къ страданіямъ физическимъ и нравственнымъ, воздержность, трезвость, презрѣніе къ богатству. Мы говорили, что Пиѳагоръ и Платонъ желали преобразить людей въ ангеловъ; Зенонъ, послѣдователей своего ученія желалъ превратить въ безчувственныхъ истукановъ, или автоматовъ. Образъ жизни, который онъ имъ предписывалъ, былъ чисто **спартанскій**, во вкусѣ Ликурга (см. гл. II стр. 19—27). Вѣруя въ единаго Бога, говоря, что отъ него человѣкъ не мо-

жетъ скрыть ни малѣйшаго мимолетнаго своего помысла, Зенонъ однако же отрицалъ всякое участіе провидѣнія въ судьбахъ людей и говорилъ всегда, что жизнь человѣка зависитъ отъ его собственной воли. Зенонъ присудилъ какого то раба за кражу къ жестокому наказанію и когда тотъ оправдывался тѣмъ, что это преступленіе было вѣроятно „написано у него на роду", философъ прибавилъ:

— Точно также, какъ и наказаніе!

Бесѣдуя съ учениками объ умственныхъ способностяхъ человѣка, Зенонъ символически изобразилъ ихъ, постепенно сжимаемою рукою. Повернувъ ее къ нимъ разжатую, онъ сказалъ: „способность воспринимать": слегка согнулъ пальцы: „воспринятіе"; стиснувъ кулакъ: „усвоеніе понятія"; сжавъ одну руку другою: „знаніе". Сомнѣніе, по словамъ Зенона, то же невѣжество; истинный философъ никогда и ни въ чемъ не долженъ сомнѣваться. Мысль душа слова: безсмысленныя рѣчи—тѣло безъ души. Говори только то, о чемъ надобно говорить, но вообще меньше говори, больше слушай. Всякая страсть болѣзнь души, до которой человѣкъ не долженъ ея допускать силою воли. Страсть укоренившаяся есть порокъ. Въ безстрастіи—основы всѣхъ добродѣтелей, первая же изъ нихъ всѣхъ терпѣніе.

Одинъ изъ учениковъ Зенона возвратясь къ своему отцу былъ имъ встрѣченъ вопросомъ: „Чему ты научился!" Увидите! отвѣчалъ сынъ. За этотъ отвѣтъ отецъ прибилъ его. Ученикъ Зенона не выразивъ ни чувства боли, ни обиды, кротко сказалъ: „видите ли, что я выучился переносить оскорбленія?"

Среди развращеннаго аѳинскаго общества, Зенонъ со своими стоиками образовывалъ особую общину высоко нравственныхъ постниковъ, которымъ всѣ удивлялись и оказывали глубочайшее уваженіе. Аѳины приняли Зенона въ число своихъ граждaнъ; при жизни почтили его бронзовыми статуями и золотыми вѣнками. Царь Антигонъ Гонатъ (въ 282 г. до Р. Х.) весьма льстивымъ письмомъ приглашалъ философа ко двору, умоляя его быть наставникомъ царскимъ и руководителемъ на стезяхъ добродѣтели. Извиняясь дряхлостью, Зенонъ вмѣсто себя послалъ учениковъ своихъ: Филонида ѳивскаго и Персея цитіумскаго

Послѣдній не оправдалъ выбора учителя и съ пути философіи совратился на поприще политики, на которомъ запятналъ себя поступками недостойными не только стоика, но и просто честнаго человѣка. Впрочемъ престарѣлый Зенонъ, уступая просьбамъ Антигона Гоната посѣтилъ его и былъ принятъ какъ вѣнценосецъ. Царь смотрѣлъ ему въ глаза, изъявляя всегдашнюю готовность предупреждать малѣйшія его желанія; но желаній у Зенона никакихъ не было. Лежа за царскимъ столомъ онъ не прикасался къ затѣйливымъ его яствамъ, довольствуясь черствымъ хлѣбомъ, смоквами и чистою водою. Однажды Антигонъ послѣ пиршества, пошатываясь отъ чрезмѣрнаго употребленія вина, подошелъ къ философу, обнялъ его и увѣряя въ своемъ уваженіи, сказалъ, что готовъ исполнить все что только онъ ему не прикажетъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Зенонъ—поди же и прими рвотнаго.

Изъ послѣдователей секты Зенона болѣе прочихъ прославились: Клеантъ, Хризиппъ, Зенонъ Тарсскій, Діогенъ Вавилонскій, Антипатеръ Сидонскій, Панетій и Посидоній. Стоицизмъ особенно пришелся по сердцу суровымъ римлянамъ: Катонъ цензоръ, Цицеронъ, Сенека, Эпиктетъ, императоръ Маркъ Аврелій были ревностными его послѣдователями. Многія житейскія правила Зенона были приняты въ руководство составителями монастырскихъ уставовъ первыхъ вѣковъ христіанства, ибо воздержность, безстрастіе и терпѣніе и въ христіанствѣ тѣ же самыя что въ язычествѣ. Ученіе Зенона безспорно прекрасное; однако же слѣдовать ему могутъ натуры избранныя, исключительныя. Слова нѣтъ, что безстрастіе высокая добродѣтель, избавляющая человѣка отъ многихъ страданій: блаженъ человѣкъ, живущій разсудкомъ, умѣющій подчинить ему свое сердце: онъ застрахованъ отъ горя, за то ему невѣдомы и радости. Чтобы быть стоикомъ, необходимо быть эгоистомъ; но эгоизмъ порокъ и на этомъ порокѣ Зенонъ основывалъ всѣ добродѣтели стоицизма.

Біографіи стоиковъ всѣ на одну стать и потому мы не намѣрены утруждать ими вниманія читателей. Хризиппъ, ученикъ Клеанта, прославился какъ діалектикъ, или, какъ логомахъ (словесный боецъ) и какъ злѣйшій врагъ ученія Эпикура. Логомахія Хризиппа не принесла ни малѣйшей пользы ученію стои-

ковъ. хотя и снискала ему громкую извѣстность. Подобно Зенону
элеатику. Хрозиппъ умѣлъ ловить своего антагониста на словѣ,
ставилъ его въ тупикъ своими остротами, либо душилъ силло-
гизмами весьма дикой конструкціи, въ родѣ слѣдующаго:

— „Одна и та же вещь не можетъ въ одно и то же время
находиться въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Въ Мегарѣ живутъ люди,
слѣдовательно ихъ не можетъ быть въ Аѳинахъ". Не правда ли,
остроумно? По крайнему нашему разумѣнію это риторическое га-
ерство; но аѳинянамъ оно нравилось и они восхищались выходка-
ми Хризиппа. Къ ученію Зенона онъ примѣшалъ нѣсколько пра-
вилъ собственнаго сочиненія, чѣмъ не мало способствовалъ изуро-
дованію первоначальной доктрины стоицизма. Хризиппъ называлъ
вздоромъ всѣ ѳеогоніи (сказанія о происхожденіи боговъ); допу-
скалъ и оправдывалъ кровосмѣсительные брачные союзы между
братьями и сестрами, отцами и дочерьми; говорилъ, что мертвыхъ,
вмѣсто погребенія, слѣдуетъ съѣдать и т. д. Нѣсколько разъ ему
предлагали принять участіе въ дѣлахъ правленія, но Хризиппъ
всегда отказывался, говоря: „если я буду поступать по волѣ бо-
говъ—меня возненавидятъ люди; если же буду угождать людямъ, -
то навлеку на себя гнѣвъ боговъ". Онъ умеръ семидесяти трехъ
лѣтъ (въ 207 г. до Р. Х.) отъ припадка удушья, вслѣдствіе
смѣха при видѣ осла, который ѣлъ смоквы, приготовленныя для
обѣда философа.

Объ Эпикурѣ и основанной имъ сектѣ, съ давнихъ временъ
сложилось самыя несправедливыя понятія. Большинство, даже обра-
зованныхъ людей, принимаетъ слово: эпикуреизмъ, въ смыслѣ
служенія грубымъ, чувственнымъ наслажденіямъ и утонченнаго чре-
воугодія, тогда какъ Эпикуръ, во всю свою жизнь, ничего по-
добнаго не проповѣдывалъ, будучи человѣкомъ высокой нрав-
ственности и самыхъ чистыхъ правилъ, что можетъ видѣть чита-
тель изъ слѣдующаго біографическаго очерка этого философа.

Эпикуръ, сынъ Неокла, изъ поколѣнія Аякса, родился на
островѣ Самосѣ въ 341 г. до Р. Х. Съ юныхъ лѣтъ онъ по-
могалъ своей матери, занимавшейся прибыльнымъ ремесломъ зна-
харки и отчитываніемъ порченныхъ и бѣсноватыхъ (т. е. лече-
ніемъ эпилептиковъ). Потомъ, вмѣстѣ съ Неокломъ будущій фи-

лософъ содержалъ школу для дѣтей. Философіи Эпикуръ началъ обучаться, имѣя отъ роду не болѣе четырнадцати лѣтъ: прилежно читалъ творенія Демокрита, слушалъ лекціи у Навсифана и у Памфила платоника. Изъ правилъ обѣихъ сектъ Эпикуръ извлекъ элементы, послужившіе ему основами для новаго, самостоятельнаго ученія, первыми послѣдователями котораго были братья Эпикура: Неоклъ, Хередемъ и Аристовулъ. Желая распространить свою доктрину Эпикуръ въ 323 году до Р. Х. отправился въ Аѳины, изъ которыхъ, однако же, былъ вынужденъ удалиться вслѣдствіе тамошнихъ мятежей. Затѣмъ, четырнадцать лѣтъ онъ провелъ въ странствованіяхъ по Колофону, Іоніи, Митилене и Лампсакѣ, основывая общины, наполнявшіяся учениками и ученицами. Въ 309 г. до Р. Х. Эпикуръ вторично прибылъ въ Аѳины и на этотъ разъ поселился въ нихъ, купивъ небольшую дачу, на которой и открылъ школу эпикурейцевъ. Школа эта была учреждена на артельныхъ началахъ. Ученики и ученицы жили въ складчину, соблюдая строгое приличіе, не подавая повода ни къ толкамъ, ни къ пересудамъ. „Не желай ничего излишняго и довольствуйся малымъ"—таково было основное правило эпикуреизма. „Пользуйся естественными благами жизни, но знай во всемъ мѣру, собственнымъ твоимъ разсудкомъ опредѣляемую. Истинная мудрость заключается въ жизни тихой и мирной, огражденной отъ всякихъ треволненій. Не жертвуй ни кому собою, но и въ жертву собственному своему эгоизму не приноси никого. Иди жизненнымъ путемъ, одинаково опираясь на сердце и на разумъ: одному надъ другимъ не давай перевѣса."

Къ естественнымъ наукамъ и къ математикѣ Эпикуръ не питалъ самъ, и ученикамъ своимъ не внушалъ, особеннаго уваженія. Вслѣдствіе этого, космологія эпикурейцевъ въ заблужденіяхъ своихъ доходила до смѣшнаго. Признавая атомы единственными основами всего созданнаго, они утверждали, что земля неподвижна, а солнце закатываясь вечеромъ въ волны океана, гаснетъ, а восходя, утромъ, вновь загарается и т. д. Какъ Эпикуръ, такъ и его послѣдователи не уважали математики, полагая, что ея изученіе не только не способствуетъ развитію умственныхъ способностей, но ослабляетъ ихъ, дѣлаетъ односторонними и притупляетъ чувства.

Преемникомъ Эпикура былъ Гермахъ, долгое время поддерживавшій цвѣтущее состояніе общины и много способствовавшій распространенію эпикуреизма и славѣ его основателя, хотя и послѣ его смерти. Эпикурейцы глубоко уважая память своего учителя ежегодно праздновали день его рожденія, украшая лаврами его гробницу. Въ теченіи вѣковъ первоначальное, чистое ученіе Эпикура исказилось, и эпикурейцами въ древнемъ Римѣ назывались вообще чувственники, полагавшіе всѣ блага жизни въ наслажденіяхъ и въ удовлетвореніи страстей даже противуестественныхъ.

Пирронъ, основатель школы скептиковъ (сомнѣвающихся), уроженецъ Элиды, славился въ 336—328 г. до Р. Х. По образу жизни — по безукоризненной нравственности былъ стоикомъ, но по ученію своему могъ назваться противуположнымъ полюсомъ стоицизма. Въ юности занимался живописью; потомъ, вдохновленный чтеніемъ произведеній Демокрита и лекціями Анаксарха, посвятилъ себя философіи. Извѣстность, пріобрѣтенная Пиррономъ на этомъ поприщѣ, доставила ему доступъ ко двору Александра Македонскаго, которому философъ сопутствовалъ въ походахъ. Въ Персіи Пирронъ бесѣдовалъ съ магами, въ Индіи — съ гимнософистами. Эти бесѣды, особенно не обогативъ ума его познаніями, заронили въ его сердце начатки того сомнѣнія, которое легло въ основаніе доктрины Пиррона. Девизомъ его было правило: „Не останавливайся на одномъ убѣжденіи (non liquet) и вѣрь только тому, что на свѣтѣ ничего нельзя доказать и назвать истиннымъ, непреложнымъ. Все въ мірѣ измѣнчиво. Есть истина, однако же она еще не найдена, сомнѣніе есть путь къ ея обрѣтенію. Сомнѣвайся во всемъ и знай, что догадка не есть знаніе; хотя всѣ познанія людей основаны на догадкахъ. Самое же счастливое состояніе ума — невозмутимое спокойствіе и безстрастіе (апатія). Не привязывайся къ жизни не желай смерти: бытіе или прекращеніе бытія — одно и то же. Ничтоженъ живой человѣкъ, ничтоженъ онъ и мертвый!“

— Но если жить, или, умереть — все равно, возразилъ Пиррону одинъ изъ его антагонистовъ зачѣмъ же ты живешь, а не умираешь?

— Именно потому, что мнѣ все равно, жить или не жить! отвѣчалъ философъ.

Высоко цѣня его душевныя качества, аѳиняне удостоили Пиррона правами гражданства и саномъ іерофанта (первосвященника); изъ уваженія къ нему уменьшили подати съ философовъ всѣхъ школъ. Но мало не гордясь почестями, Пирронъ, до послѣдней минуты, живя скромно, въ уединеніи, раздѣлялъ заботы о хозяйствѣ со своей престарѣлой сестрою.

Нужно ли говорить о вредѣ ученія скептицизма? Ученіе это, расторгая въ душѣ человѣческой всѣ связи ея общенія съ Богомъ, съ знаніемъ и людьми, ввергая ее въ непроглядный омутъ страданій, въ то же время говоритъ, что блаженство ея въ спокойствіи. Но можетъ ли быть спокоенъ сомнѣвающійся? Можетъ ли быть вѣра тамъ, гдѣ есть сомнѣніе? а гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ ни любви, ни надежды!

Шагъ за шагъ, мы прошли съ читателемъ длинный (отчасти и утомительный) рядъ философскихъ школъ древней Греціи и этотъ обзоръ приводитъ къ тому убѣжденію, что за исключеніемъ Сократа и Платона прочіе основатели сектъ, въ большей или меньшей степени, развращали людей вмѣсто веденія ихъ къ истинѣ; уродовали, насиловали природу человѣка, не принимая во вниманіе ни возраста, ни пола. Циники низводили людей на степень скотовъ; эпикурейцы прививали к душѣ черствый эгоизмъ; стоики и скептики возводили въ догматъ безчувственность и жестокосердіе; элеатики полагая мудрость въ болтовнѣ и въ риторическомъ гаерствѣ. Всѣ эти школы, будто допотопныя чудовища, выплывали изъ пучинъ язычества, поглощая тысячи жертвъ, до того дня, покуда человѣчество не увидѣло Ковчега обновленія и воскресенія. Не на высотахъ Арарата узрѣли люди этотъ Ковчегъ: онъ находился въ пещерѣ сада Іосифа Аримаѳейскаго; мачтою этого Ковчега былъ крестъ Голгоѳы...

Отъ философіи мы перейдемъ теперь къ обзору наукъ и ихъ состоянію въ древней Греціи.

Всѣ философы были въ то же время и учеными, математиками или естествоиспытателями. Собирая въ странахъ востока сѣмена знаній, они сѣяли ихъ на воспріимчивой почвѣ Эллады, которая, въ свою очередь, была питомникомъ наукъ, для средневѣковой Европы. Самое очевидное этому доказательство въ томъ, что име-

на всѣхъ наукъ—греческія [1]) и нѣтъ той науки—кромѣ новѣйшихъ, разумѣется, въ исторіи которой не упоминалось бы о греческихъ ученыхъ. Ѳалесъ, Анаксагоръ, Анаксимандръ, Анаксименъ, Гиппархъ, Тимей, Пиѳагоръ, Эвклидъ, Онесикритъ, Эратосѳенъ, Архита, Аристотель, Гіеронъ, Архимедъ и др. прославились на поприщѣ математики, космографіи и астрономіи. Даресъ, Диктидъ, Ганнонъ, Ктезій, Аристиппъ, Ѳеофрастъ, Динархъ, Неархъ, Мегасѳенъ и мн. др. славнѣйшіе географы. Въ исторіи естественныхъ наукъ незабвенны имена: Асклепіадовъ, Гиппократа, Аристотеля, Аполлодора Віона, Ѳеофраста, Ѳрасила, Діоскорида, Эразистрата, Ѳемизона и т. д. Кому изъ читавшихъ исторію неизвѣстны имена: Геродота, Ѳукидита, Ксенофона, Полибія, Плутарха, Діодора Сицилійскаго, Квинта Курція? Простому перечню именъ греческихъ ученыхъ, намъ пришлось бы посвятить многія сотни страницъ, и потому, перейдемъ къ болѣе подробному обзору изящныхъ искуствъ, такъ какъ они были тѣсно связаны съ религіозными вѣрованіями древнихъ грековъ.

Зодчество и ваяніе возникли въ Греціи одновременно. Каменныя постройки существовали въ глубочайшей древности и герои миѳологіи: Амфіонъ, Дедалъ, Геркулесъ, Кекропсъ, Птерасъ и мн. др. прославились, какъ искусные строители. Деревянныя постройки на столбахъ подали мысль замѣнить дерево камнемъ, а столбы—колоннами. Для послѣднихъ, въ Греціи существовали три образца, или ордена: іоническій, дорическій и коринѳскій, признаваемые совершеннѣйшими и въ новѣйшей архитектурѣ. Первый орденъ поразителенъ по своей изящной простотѣ; во второмъ, верхняя часть колонны (капитель) украшена завитками; въ третьемъ, она состоитъ изъ букета акантовыхъ листьевъ, изящно сгруппированныхъ. Образцомъ для капителей коринѳскаго ордена, послужилъ его изобрѣтателю Каллимаху акантовый кустъ, выросшій на могилѣ его возлюбленной. Каменныя постройки размножились, благодаря изобрѣтенію кирпича Гипербіемъ и Эвріаломъ; мраморныя ломки Пароса снабжали зодчихъ и ваятелей драгоцѣннымъ матеріаломъ. Во времена Перикла Аѳины славились уже великолѣпными зданіями, изящество и красота которыхъ затмили громадныя постройки древняго Египта. Архитектура египетская относится къ греческой такъ же точно, какъ оставъ къ стройному, безукоризненно сложенному живому тѣлу. Памятники греческаго зодчества сохранились и донынѣ въ развалинахъ въ десяткахъ тысячъ слѣпковъ во всѣхъ музеяхъ и академіяхъ художествъ просвѣщенной Европы.

Архитектурныя украшенія привели грековъ къ усовершенствованію ваянія. Рѣзцы геніальныхъ скульпторовъ: Фидія и Праксителя заселили храмы греческіе мраморными богами и богинями, святость которыхъ заключалась въ ихъ красотѣ. Эти бездушныя статуи не могли возносить помысловъ молящихся къ небу, пробуждая въ нихъ чувство благоговѣнія, но за то онѣ разжигали въ нихъ чувственность и сладострастіе. Такимъ образомъ, съ идолопоклонствомъ греческимъ были неразлучно связаны самыя нечистыя помышленія. Въ исторіи находимъ примѣры, какъ въ кумировъ Юноны, Діаны, Венеры, Грацій или Музъ влюблялялись до безумія и посѣщали храмы ими украшенные единственно для страстныхъ мечтаній... Такъ ваятель Пигмаліонъ влюбился въ созданную имъ статую Галатеи. На сколько было величія въ архитектурѣ греческихъ храмовъ, на столько было чувственности въ произведеніяхъ скульптуры. Идоламъ поклонялись, не какъ олицетвореніямъ божества, но какъ божествамъ самостоятельнымъ. Юнона или Венера одного храма соперничала съ идолами этихъ богинь—другаго. Отсюда прозвища стыдливой, безстыдной, каллипиги (съ прекрасными бедрами) и т. д. Греческое ваяніе научало не любить божество, но любоваться богами и богинями. Здѣсь не можемъ не сдѣлать сопоставленія иконографій [2])

[1]) Астрономія, Астрологія, Ариѳметика, Ботаника, Географія, Геологія, Геометрія, Зоологія, Ихтіологія, Исторія, Космографія, Космологія, Логика, Математика, Медицина, Оптика, Орнитологія, Психологія, Риторика, Физика, Физіологія, Философія, Энтомологія, Эѳика и т. д. Большая часть названій новѣйшихъ наукъ и ихъ отраслей—то же греческія.

[2]) Т. е. церковной живописи, или иконописи.

запада и востока. Мадонны Рафаэля, Перуджино, Гвидо-Рени, Сассо-Феррато и въ особенности Мурильо; изображенія мучениковъ и мученицъ, писанныя пламенными кистями Тиціана, Тинторетто, Кореджіо и Доменикино можно назвать прекраснѣйшими *картинами*, но не *иконами* въ христіанскомъ значеніи слова: они слишкомъ много говорятъ сердцу, т. е. чувственности и почти ничего не говорятъ душѣ; ихъ красота — земная; ореолы, озаряющіе ихъ лики, слишкомъ похожи на брачные вѣнцы: не молитву шепчутъ ихъ полуоткрытыя уста.... Взгляните теперь на произведенія византійскихъ иконографовъ: они уступаютъ иконамъ западной церкви въ правильности рисунка, въ композиціи, въ колоритѣ, но за то сколько въ нихъ истинно божественнаго величія, простоты и святости! Вы видите только ликъ, отъ котораго вѣетъ божественною кротостью; видите руку, благословляющую молящагося — но вся фигура изображенія святаго или святой скрыта подъ складками длиннаго одѣянія, скромно ниспадающими до самыхъ ногъ, чуть прикасающихся къ облакамъ или попирающихъ орудія истязаній. Эту изящную стыдливость иконографовъ византійскихъ мы ставимъ несравненно выше безстыднаго изящества художниковъ италіанскихъ и испанскихъ. Въ характерѣ иконографіи — восточной и западной отразился духъ обоихъ вѣроисповѣданій.

Какъ ваяніе греческое родилось отъ зодчества, такъ *живопись* родилась отъ ваянія и вотъ что разсказываютъ о ея происхожденіи. *Дибутада*, дочь сикіонскаго гончара, разставаясь со своимъ женихомъ, вздумала снять съ него портретъ и на плоской глиняной доскѣ обвела абрисъ его лица, по тѣни падавшей на доску (силуэтъ). Отецъ Дибутады покрылъ этотъ очеркъ, по наведеннымъ линіямъ, слоемъ цвѣтной глины и сдѣлалъ, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ барельефа. Впослѣдствіи времени, вмѣсто выпуклыхъ изображеній лицъ, рисовальщики силуэтовъ начали дѣлать ихъ темными на свѣтломъ фонѣ, или, наоборотъ, свѣтлыми на темномъ, мало по малу перешли и къ изображенію цѣлыхъ фигуръ. Портреты и картины въ этомъ родѣ назывались *монохромами* (одноцвѣтными). Затѣмъ, первые живописцы ознакомились съ употребленіемъ красокъ: бѣлой, черной,

красной и желтой и называли произведенія свои *полихромами* (многоцвѣтными). По мѣрѣ обрѣтенія прочихъ красокъ совершенствовалась и живопись. Первоначально картины состояли изъ одиночныхъ изображеній, потомъ изъ группъ, но художники еще не скоро ознакомились съ употребленіемъ тѣней и съ законами перспективы. Наконецъ, усовершенствованная *Аполлодоромъ*, *Зевксомъ*, *Парразіемъ* и *Апеллесомъ* греческая живопись была доведена до совершенства. Произведенія этихъ художниковъ цѣнились на вѣсъ золота и народъ, въ числѣ десятковъ тысячъ, сбѣгался любоваться выставленными на показъ, картинами. На этихъ выставкахъ, каждому зрителю было предоставлено право указывать на замѣченные имъ недостатки. По этому поводу не можемъ не вспомнить, изъ множества анекдотовъ, два, довольно забавныхъ. Парразій выставилъ картину, изображавшую мальчика съ корзиною плодовъ на головѣ. Одинъ любитель, восхваляя другому эту картину, сказалъ, будто плоды изображены до такой степени живо, что къ нимъ подлетаютъ птицы и хотятъ ихъ клевать. „Плохо же изображенъ мальчикъ, если птицы его не пугаются!“ отвѣчалъ пріятель любителя.

Апеллесу Александръ Македонскій предоставилъ исключительное право снимать съ него портреты. Эта высокая почесть не препятствовала, однако же, великому художнику выставлять свои произведенія на судъ публики. Однажды, когда огромная толпа единодушно восхищалась какой-то картиною Апеллеса, бывшій въ числѣ зрителей чеботарь заявилъ, что въ картинѣ есть и довольно важные промахи. Апеллесъ ласково обратился къ своему строгому судьѣ и попросилъ его указать на замѣченныя имъ погрѣшности. „Ремни на обуви фигуры изображены не вѣрно“, сказалъ чеботарь, „и есть ошибки въ фасонѣ сандалій!“ Апеллесъ покорно взялъ краски, кисть и по указанію чеботаря исправилъ свои ошибки. Самозванный критикъ, восхищенный оказаннымъ ему вниманіемъ, сказалъ самодовольно: „если хочешь знать правду, такъ и вся-то нога на твоей картинѣ нарисована не совсѣмъ правильно...“

— Другъ, перебилъ его Апеллесъ, смѣясь — далѣе сапожковъ не смѣй судить о моей картинѣ!

Ne sutor ultra crepidam, такъ перевели фразу живописца латинскіе біографы и опа до нынѣ сохрапилась въ ученомъ и литературномъ мірѣ какъ пословица, вродѣ нашей: „знай сверчокъ свой шестокъ.“ На нѣмецкомъ языкѣ опа переведена буквально: Schuster, bleib' bei deinem Leisten (сапожникъ, оставайся при своихъ колодкахъ).

Отъ живописи перейдемъ къ искуству писанія или, какъ называли греки, къ каллиграфіи. Первоначальными матеріалами для письма были дощечки, покрытыя слоемъ воску, на которомъ буквы начертывались острымъ шильцемъ — стилосомъ (отъ него слово стиль, т. е. складка рѣчи, слогъ). Чтобы дощечки не слипались, онѣ были съ рамочками по краямъ или по угламъ съ высокими гвоздиками. Впослѣдствіи времени греки писали заостреными тростинками и чернилами па свиткахъ пергамента и на листьяхъ папирусовыхъ. Книги, по неимѣрной цѣнѣ, были доступны весьма немногимъ и потому книгопродавцы, въ извѣстные дни, читали народу вслухъ ученыя и литературныя произведенія. Писцы или каллиграфы наживали огромныя деньги. Эліанъ (кн. I гл. 17) упоминаетъ о Мирмекидѣ Милетскомъ и Калликратѣ Лакедемонскомъ, написавшихъ двустишіе на зернышкѣ кунжута (Sesamum orientale L). Плиній, ссылаясь на Цицерона (Ист. міра кн. VII гл. 21), упоминаетъ объ экземплярѣ Иліады, написанномъ на кусочкѣ пергамента, умѣщавшемся въ орѣховой скорлупѣ. Во времена Александра Македонскаго его указы и постановленія писались киноварью, иногда и золотомъ. Исписанныя полосы пергамента или папируса свертывались въ трубки, которыя назывались хартіями. Первобытныя литеры греческаго алфавита были финикійскія; съ теченіемъ времени очертанію ихъ было придано свойственное имъ изящество. Замѣтимъ, что изъ 24 буквъ азбуки греческой — двадцать вошли въ составъ азбуки славянско-русской [1]).

Намъ извѣстно уже изъ миѳологіи, что греки приписывали музыкѣ божественное происхожденіе. Аполлонъ, Меркурій,

---

[1]) А. В. Г. Д. Е. Н. Θ. І. К. Л. М. О. П. Р. Т. Ѵ. Ф. Х. Ψ. Ѵ.

Панъ, Минерва, Музы, были первыми музыкантами и музыкантшами; Аріонъ, Амфіонъ, Орфей творили чудеса своими пѣснями и игрою на лирѣ. Въ теченіе вѣковъ число музыкальныхъ орудій размножилось. Первобытная лира, изобрѣтенная Меркуріемъ, была трехструнная (символъ гармоніи мірозданія и трехъ грацій); мало по малу, число струнъ умножилось до сорока. Изъ духовыхъ инструментовъ первое мѣсто принадлежало флейтамъ; за ними слѣдовали: свирѣль, рогъ, трубы (каринкса), тибіа, пандоріонъ и кларнетъ. Флейтъ разныхъ видовъ было великое множество и каждый изъ нихъ имѣлъ особое назначеніе. Одинъ употреблялся въ войскахъ, другой — при богослуженіяхъ, третій въ театрахъ, четвертый на играхъ, пятый — на пиршествахъ и т. д. Для акомпанимента унылымъ пѣснямъ употреблялась пеана; пѣсни религіозныя сопровождались звуками дорики, брачныя пѣсни — звуками: монавлій и зигій (двуствольвыхъ кларнетовъ). Въ театрахъ играла на пеанѣ, питавликѣ и хоравликѣ; при погребеніяхъ — на фригикѣ и іоникѣ. Игроки и игрицы на флейтахъ назывались авлетами и афлетридами; первые обязаны были носить женскія платья, въ память изобрѣтенія флейты Минервою.

Пиѳагоръ и Платонъ, питая къ музыкѣ особенное благоговѣніе, вмѣняли занятіе ею ученикамъ въ непремѣнную обязанность; въ программѣ воспитанія музыка занимала одно изъ первыхъ мѣстъ и греки были вообще страстные ея любители: безъ пѣсень у нихъ не обходилось ни единаго торжества, ни единаго обряда. Пѣсня встрѣчала младенца при появленіи его на свѣтъ; она убаюкивала его въ колыбели, учила уму-разуму въ школѣ, смягчала ему нравъ и возносила мысли его къ Богу. Юноша восхищался пѣснопѣвіями Гомера и поэтовъ, состязавшихся на играхъ. Вступая въ ряды защитниковъ отечества онъ шелъ на битву при пѣніи гимновъ и молитвъ; сограждане привѣтствовали его пѣніемъ, когда онъ возвращался съ поля битвы, или воспѣвали ему хвалебныя элегіи, если онъ погибалъ съ оружіемъ въ рукахъ!

Называя музъ — сестрами, древніе и къ танцамъ питали точно такое же уваженіе, какъ и къ музыкѣ. Анакреонъ, Эпаминондъ, Сократъ плясали вмѣстѣ съ юношами и никто не

смѣялся надъ этими сѣдовласыми танцорами. Кромѣ священныхъ плясокъ, хореографическій репертуаръ грековъ былъ побогаче нынѣшняго европейскаго. Были пляски одиночныя, парныя, хороводы, особаго рода кадрили. Пиррики были пляскою воиновъ, деликка — дѣвицъ, гимнопедика — юношей. На театрахъ трагическія представленія сопровождались эммелиями, комическія — сатириками. Мимическіе балеты и пантомимы давались также на театрахъ.

Гимнастика, изученіе которой было обязательно для каждаго гражданина, принадлежала къ числу изящныхъ искуствъ и дѣлилась на педагогическую и практическую. Послѣдняя состояла изъ: бѣга въ запуски, борьбы, метанія дисковъ, прыганья черезъ барьеръ, лазанья на шесты и всякихъ вообще акробатическихъ упражненій, которымъ обучали въ гимназіяхъ и палестрахъ. Искусные атлеты и гимнасты допускались къ состязаніямъ на играхъ: олимпійскихъ, истмійскихъ, пиѳійскихъ и т. п. и удостоивались призовъ наряду съ пѣвцами и поэтами. Богомъ, покровителемъ гимнастовъ и атлетовъ былъ Геркулесъ. Мѣста для гимнастическихъ представленій назывались цирками. Кулачные бои и поединки (мономахіи) атлетовъ, разумѣется, не обходились безъ увѣчья, нерѣдко оканчивались и смертью одного изъ противниковъ; но, при всемъ томъ, кровопролитіе не было непремѣннымъ условіемъ представленій въ греческихъ циркахъ, какъ то было у римлянъ.

Греческій театръ былъ храмомъ всѣхъ изящныхъ искуствъ, въ которомъ зодчество, ваяніе, живопись, музыка и хореграфія являлись въ полномъ блескѣ обаятельной красоты. Сцена была осѣнена навѣсомъ, но мѣста для зрителей, расположенныя противъ нея полукругомъ или въ видѣ подковы, были открытыя. На томъ мѣстѣ, гдѣ въ нашихъ театрахъ находится оркестръ, помѣщались хористы, пѣніемъ объяснявшіе зрителямъ сюжетъ піэсы и нравоучительный ея смыслъ. Сюжеты выбирались обыкновенно изъ жизни древнихъ, миѳологическихъ героевъ; таковы были безсмертныя произведенія Эсхила, Софокла и Эврипида. Декораціи и машины, введенныя на сценѣ во времена Перикла, конечно, не могли назваться совершенствами своего рода, однако же были на столько хороши, что много способствовали эфектамъ піэсы. Актеры играли въ маскахъ, соотвѣтствовавшихъ характеру дѣйствующаго лица и его положеніямъ въ разныхъ сценахъ. Такимъ образомъ одному актеру, въ теченіе піесы, приходилось иногда перемѣнять нѣсколько масокъ. Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что актеры, представлявшіе лица историческія, надѣвали маски слѣпленныя съ бюстовъ послѣднихъ. Для приданія себѣ росту, трагическіе герои и героини выходили на сцену въ котурнахъ, т. е. въ сапожкахъ съ высокими каблуками. Женщинамъ выходъ на сцену былъ воспрещенъ закономъ и женскія роли на греческихъ театрахъ всегда исполнялись мужчинами. Званіе актера считалось почетнымъ, первыя мѣста въ амфитеатрѣ раздавались въ видѣ особенной награды воинамъ за ихъ подвиги, гражданамъ за ихъ заслуги. Законодатели и правители видѣли въ театрѣ огромную каѳедру, съ которой актеры трагедіи и ихъ сотрудники авторы поучали народъ и исправляли нравы путемъ слезъ, или смѣха. Театръ уважали авторы, артисты и зрители; первые не осмѣливались осквернять его пошлостями въ родѣ современныхъ произведеній всѣхъ европейскихъ театровъ; вторые не низводили искуства на степень ремесла или гаерства; третьи умѣли достойно цѣнить и писателей и артистовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Нравы и обычаи.—Сословія.—Аристократія и демократія.—Цари.—Облаченія ихъ.—Воины.—Ихъ бытъ.—Вооруженія.—Оружія.—Стѣнобитныя и осадныя орудія.—Флотъ.—Священный парусъ.—Якорь спасенія.—Обряды при плаваніи и высадкахъ.—Корабль-исполинъ.—Сигналы.—Грубость нравовъ и суевѣріе моряковъ.—Бытъ гражданъ.—Родины.—Принятіе въ семью.—Тессаракостосъ.—Воспитаніе дѣтей.—Образованіе.—Законы.—Казни.—Браки.—Сватовство.—Брачные обряды.—Гамеліи.—Мѣсяцъ гамеліонъ.—Разводъ.—Права замужнихъ женщинъ.—Наряды и туалетъ.—Свобода въ избраніи поприща.—Уваженіе къ наукамъ.—Погребальные обряды.—Агонія.—Погребеніе.—Поминовенія.—Утопленники.—Время для похоронъ.—Могилы.—Памятники.—Эпитафіи и эпиграммы.—Заключеніе.

Хотя греческій народъ никогда не дѣлился на касты, подобно индусамъ или египтянамъ, однако же, издревле, въ Греціи существовали с о с л о в і я, и общество слагалось слоями, рѣзко отличавшимися другъ отъ друга правами, нравами и обычаями. Цари и жрецы стояли въ главѣ правительства, близкія къ нимъ сословія вождей и судей назывались а р и с т о к р а т і е ю (высокомочными); граждане, купцы, земледѣльцы, ремесленники составляли д е м о к р а т і ю (народную силу). Рабы и илоты были совершеннымъ подобіемъ индусскихъ парій. О жрецахъ мы уже достаточно разсказывали читателю и потому разсмотримъ теперь права ц а р е й греческихъ и ихъ отношеніе къ народу.

Царь, въ древности, соединялъ въ своей особѣ должности правителя и верховнаго вождя, а иногда и первосвященника. Онъ имѣлъ право, не отдавая никому отчета, казнить и миловать; требуя отъ подданныхъ безусловнаго себѣ повиновенія, никому не повиновался. Ведя свой родъ отъ боговъ, или, отъ героевъ, сыновей Юпитера, цари пользовались чуть не божескими почестями. Волю ихъ возвѣщали народу г л а ш а т а и, исправлявшіе должность Меркуріевъ при этихъ самозванныхъ Зевсахъ. Масличная вѣтвь, пурпуровая повязка на головѣ и таковая же хламида на плечахъ были отличительными знаками царскаго достоинства. Впослѣдствіи времени, вѣтвь была замѣнена золотымъ скипетромъ, повязка вѣнцомъ. Головное украшеніе царицъ состояло изъ небольшой діадимы въ видѣ опущеннаго книзу полумѣсяца; бѣлый цвѣтъ былъ преобладающимъ цвѣтомъ ихъ одѣянія. Филиппъ Македонскій образовалъ свой дворъ по образцу царей персидскихъ; при Александрѣ пышность двора превзошла и самый образецъ: серебро, золото, жемчуги и драгоцѣнные камни украшали не только царскую одежду, но даже утварь, мебель и стѣны дворцевъ... Впрочемъ, Македонскій герой, не довольствуясь титуломъ царя, называлъ себя богомъ.

В о ж д и и в о и н ы были сословіями ближайшими къ царю, будучи его постоянными сподвижниками. Іерархія военныхъ чиновъ, составъ войскъ пѣшихъ и конныхъ, были очень похожи на нынѣшніе, европейскіе. Воинская повинность распространялась на всѣхъ гражданъ и, кромѣ постояннаго войска, въ крайнихъ случаяхъ, созывалось ополченіе. Религіозные обряды играли важную роль во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Передъ выступленіемъ въ походъ совершались молебствія и приносились жертвы Юпитеру-путеводителю. Жрецъ, п и р о ф о р ъ (огненосецъ), взявъ съ алтаря горящую головню шествовалъ впереди полковъ, съ хоромъ пѣвшихъ гимны, и доводилъ ихъ до границы. Здѣсь приносили козу въ жертву Марсу. Сражались въ вѣнкахъ надѣтыхъ на шлемы; воинскимъ кличемъ грековъ былъ возгласъ: а т а л а г м о с ъ! Побѣдителя чествовали и награждали масличнымъ или лавровымъ вѣнкомъ; смерть въ бою называлась славнѣйшею и завидною: убитаго предавали погребенію съ великими почестями, на могилѣ его воздвигали памятникъ, совершали въ его память надгробныя игры и на общественныя суммы содержали его вдову и дѣтей. Неизгладимымъ позоромъ клеймили воиновъ терявшихъ въ сраженіи свои щиты или, еще того хуже, бѣжавшихъ съ поля битвы. Уличенныхъ въ послѣднемъ преступленіи одѣвали въ женское платье и въ немъ сажали на три дня на а г о р ъ (лагерный алтарь), по-

зомъ: имъ сбривали половину бороды и на всегда запрещали этимъ трусамъ входъ въ храмы. Кромѣ награжденія храбрыхъ вѣнками, имъ дозволялось жертвовать въ храмы трофеи, отбитые у враговъ и собственные доспѣхи, а также занимать первыя мѣста въ театрахъ. Вооруженіе грековъ состояло изъ шлемовъ, латъ, наплечій, налокотниковъ, наколѣнниковъ и щитовъ. Шлемы, кожаные и мѣдные, украшались изображеньями грифовъ, орловъ, змѣй и красными или черными гривами. Латы были грудныя и спинныя (зома и хораксъ); наплечія (птеригіи) налокотники и наколѣнники надѣвались преимущественно всадниками. Щиты—родоначальники европейскихъ гербовъ—украшались изображеньями Медузы или знаковъ зодіака. Иногда, на щитахъ, для устрашенія непріятеля, изображали фурій или адскихъ чудовищъ. Древній греческій арсеналъ изобиловалъ разнообразнѣйшимъ оружіемъ. Мечи, копья, дротики, сѣкиры, бердыши, стрѣлы холодныя и огненныя (скилатиды) и пращи—вотъ перечень оружій, благодаря которымъ Александръ Македонскій поработилъ древній міръ. При осадахъ городовъ употреблялись стѣнобитныя орудія: тараны, подвижныя башни, баллисты (камнеметныя машины) и катапульты (машины для метанія нѣсколькихъ стрѣлъ или горючихъ составовъ). По этому перечню читатель можетъ судить, что артилерія древнихъ за 400—300 лѣтъ до Р. Х. была доведена почти до совершенства. Еслибы имъ извѣстенъ былъ порохъ, то можно сказать почти съ достовѣрностью—что вся Европа была бы теперь необозримою пустынею.

Военный флотъ у грековъ могъ смѣло поспорить съ флотами всѣхъ прочихъ народовъ древности. Походы: Аргонавтовъ и троянскій служатъ доказательствами, что за 2000 лѣтъ до Р. Х. греки были весьма свѣдущи въ кораблестроеніи и мореплаваніи. Ихъ суда были парусныя и гребныя. Между парусами находился главный—священный, подъ сѣнію котораго преступникъ пользовался правомъ неприкосновенности. Точно также самый большой якорь назывался священнымъ или якоремъ спасенія. Спускъ корабля сопровождался молебствіями морскимъ богамъ, жертвоприношеніями и многими суевѣрными обрядами. При выступленіи въ море столархъ (адмиралъ) совершалъ возліянія въ честь Нептуна и вы-

пускалъ со своего корабля бѣлаго голубя, въ предзнаменованіе благополучнаго возвращенія флота къ роднымъ берегамъ. При высадкѣ на чужую землю моряки пѣли благодарственные гимны и приносили жертвы богамъ. Во время безвѣтрія молились Эолу: въ бурю призывали на помощь всѣхъ боговъ и богинь, небесныхъ, морскихъ и сухопутныхъ. Если же за шумомъ волнъ и за ревомъ урагана боги не внимали морякамъ—они кидали жребій, указывавшій на того изъ нихъ, смерть котораго могла утишить бурю и несчастнаго бросали въ море. Спасшіеся при кораблекрушеніи жертвовали въ ближайшій храмъ свои одежды, а за ихъ отсутствіемъ—остриженные свои волосы. Корабль, одержавшій побѣду надъ непріятелемъ, вступалъ въ гавань украшенный лавровыми и сосновыми вѣтвями, ведя за собою на буксирѣ суда, захваченныя въ плѣнъ. Послѣднихъ сжигали, какъ жертвы Нептуну, отрубивъ у нихъ предварительно носы. Этими носами украшали монументы, воздвигаемые въ память побѣды и подобныя колонны назывались ростральными. Мы хвалимся нашими мониторами и броненосными судами исполинскихъ размѣровъ; но подобнаго рода постройки бывали и у грековъ: «Этна», корабль Птоломея Филопатора, умѣщалъ въ своей громадной утробѣ до 7400 человѣкъ экипажа! Во время плаванія, съ адмиральскаго корабля подавались сигналы: днемъ, разноцвѣтными вымпелами, а ночью, зажженными факелами. Точно такіе же телеграфы были въ употребленіи въ военное время и на сухомъ пути, и начало этого изобрѣтенія теряется въ глубинѣ вѣковъ бытія древнѣйшихъ царствъ востока. Сигналы были въ употребленіи и у іудеевъ, во время ихъ странствія по пустынѣ къ землѣ обѣтованной (См. Исхода гл. XIV ст. 19—20).

Вслѣдствіе частаго отчужденія отъ сообщества съ гражданами, греческіе моряки отличались грубостью нравовъ, невѣжествомъ и суевѣріемъ. Донынѣ у многихъ европейскихъ мореходовъ существуютъ примѣты и повѣрья дошедшія къ намъ отъ древнихъ грековъ. Сказка о громадномъ морскомъ змѣѣ теперь появляется иногда въ газетахъ, возбуждая полемическіе толки и ужасъ въ легковѣрныхъ... А легенда о Летучемъ голландцѣ, чѣмъ остро-

умнѣе росказней древнихъ моряковъ о странахъ, притонахъ и переядахъ [1]?

Перейдемъ теперь къ обзору быта, нравовъ и обычаевъ жителей древней Эллады. Начнемъ съ *родинъ*.

Чувствуя приближеніе родовъ, женщина ложилась въ постель, призывая богинь-помощницъ (см. томъ V гл. VII стр. 58) и осѣняя свое изголовье пальмовою вѣтвію. Это дѣлалось въ память Латоны, которая родила Діану и Аполлона подъ сѣнію пальмы. Тотчасъ по появленіи младенца на свѣтъ его обмывали: въ Спартѣ виномъ, въ прочихъ областяхъ греческихъ—водою, и клали въ колыбель съ изображеніями змѣй (символы мудрости, здравія и знаки воспоминанія о Геркулесѣ). Если младенецъ былъ мужескаго пола, надъ входными дверьми вѣшали масличную вѣтвь; если женскаго—миртовую. На пеленкахъ, въ которыя завертывали младенца и заблаговременно приготовленныхъ, вышивали голову Медузы—для отогнанія порчи, а также и отъ «призору очесъ» т. е. отъ сглазу, въ который древнія греческія женщины вѣрили не хуже нынѣшнихъ итальянокъ и нашихъ родимыхъ мамокъ и кормилокъ... Впрочемъ, не беремъ смѣлости отрицать основательности этого повсемѣстнаго повѣрья: его нелѣпость можетъ быть доказана тогда только, когда наука скажетъ что магнетизмъ нелѣпость, чего она однако-же доселѣ не дерзаетъ выговорить. На *пятый* день младенца обносили три раза вокругъ домашняго очага, этого алтаря хозяйства и послѣ обряда новорожденный причислялся къ членамъ семьи, съ предоставленіемъ ему всѣхъ дальнѣйшихъ правъ законнаго ребенка. На *восьмой* день родильницу посѣщали родственники и знакомые и приносили ей подарки; на *сороковой* (тессаракостосъ) ей дозволялось, по омовеніи, идти въ храмъ Діаны и въ жертву богинѣ приносить свой поясъ (въ знакъ разрѣшенія).

[1] Въ эту сказку вѣрятъ моряки всего свѣта, а сочинена она не болѣе 300 лѣтъ тому назадъ. Голландскій капитанъ, Ван-дер-Деккенъ, застигнутый бурею у Мыса Доброй Надежды, въ досадѣ произнесъ страшное богохульство и за это присужденъ былъ скитаться по морямъ, до преставленія свѣта и предвѣщать своимъ появленіемъ крушеніе другимъ кораблямъ. На морѣ этотъ голландецъ то же самое что вѣчный жидъ на сухомъ пути.

Первоначальное *воспитаніе дѣтей* было тоже самое какое дается и нынѣ у народовъ европейскихъ. Укачивали младенцевъ, распѣвали колыбельныя пѣсни, унылыя, монотонныя. Мать молилась о своемъ дѣтищѣ богамъ и богинямъ покровителямъ дѣтскаго возраста во всѣхъ его фазисахъ. Для острастки дѣтей въ семейныхъ домахъ были маски, которыми пугали капризныхъ. По правамъ своимъ дѣти дѣлились на *четыре* категоріи: къ *первой* принадлежали дѣти законныя, отъ жены; ко *второй*, полузаконныя, отъ рабыни, или, наложницы; къ *третьей*, незаконнорожденныя; къ *четвертой*, пріемыши и подкидыши. До двѣнадцатилѣтняго возраста одежда мальчиковъ и дѣвочекъ была одинакова и между ними допускалось совершенное сверстничество. Двѣнадцатилѣтнему мальчику брили голову, одѣвали его въ хламиду и отдавали въ школу, затѣмъ въ гимназію. Физическое воспитаніе шло рука объ руку съ нравственнымъ; основою послѣдняго была религія. Молитвою солнцу (филелія) начинался день, молитвою лунѣ (упингія) онъ оканчивался. Повиновеніе родителямъ и наставникамъ, уваженіе къ старшимъ вмѣнялись дѣтямъ въ непремѣнную обязанность. Розги были неизбѣжнымъ атрибутомъ педагога, который сѣкъ учениковъ за каждую бездѣлицу немилосердно. Въ Спартѣ этими экзекуціями пріучали къ терпѣнію и награждали дѣтей, которыя молча переносили стыдъ и боль.

Отъ успѣховъ образованія юноши зависѣло его принятіе въ среду гражданъ, и узаконеннаго совершеннолѣтія въ Греціи не полагалось, хотя въ Спартѣ, для брачнаго сожительства опредѣленъ былъ: мужчинѣ—тридцатилѣтній, а женщинѣ—двадцати четырехлѣтній возрастъ. Принадлежность къ одному сословію не препятствовала гражданину переходить въ другое. Сынъ ремесленника могъ сдѣлаться ученымъ; сынъ художника—гражданскимъ чиновникомъ. Не происхожденіе, не связи—но умъ и дарованія открывали греку всѣ поприща. Бывали примѣры, что даже рабы достигали до почестей и до извѣстности. Не распространяемся о законахъ разныхъ областей, по той причинѣ, что характеръ узаконеній и количество ихъ статей измѣнялись по мѣрѣ умственнаго развитія эллиновъ съ каждымъ вѣкомъ. Поступокъ извинительный во времена героическія назывался преступленіемъ при Солонѣ

и влекъ за собою жестокое наказаніе при Периклѣ. Воровство, напримѣръ, въ глубочайшей древности, въ Греціи почиталось удальствомъ: цари и царевичи уводили другъ у друга коней, угоняли стада и хвалясь этими подвигами ссылались на Аполлона, Меркурія, Геркулеса и Язона. Когда же въ основаніе гражданскаго благоустройства легли законоположенія, когда нравы смягчились — кража была названа преступленіемъ и подобно ей многіе проступки названы были настоящими именами. Въ Греціи, какъ и во всѣхъ государствахъ древняго и новаго міра, были законы вызванные преступленіями, были и преступленія созданныя законами. Чтобы не пугать по извилинамъ юридическаго лабиринта и утомлять читателя перечнемъ статей о гражданахъ, о духовныхъ завѣщаніяхъ, о торговомъ уставѣ и т. п. мы ограничимся только указаніемъ на тѣ преступленія, за которыя въ Греціи полагалась смертная казнь. Изъ таковыхъ, первое мѣсто занимало убійство; за нимъ слѣдовали святотатство, государственная измѣна, грабежъ, насиліе, сводничество. Наказанія состояли изъ денежныхъ пеней, тюремнаго заключенія, изгнанія, розогъ, батоговъ и смертныхъ казней: чрезъ повѣшеніе на висѣлицѣ или на крестѣ; обезглавленіемъ, побіеніемъ камнями и отравленіемъ цикутою. Рабамъ, за похищеніе вина изъ хозяйскихъ погребовъ, кайдали, ножжени руки и ноги; военноплѣнныхъ топили въ морѣ. Люткійшія пытки были введены въ употребленіе въ эпоху персидскихъ войнъ.

Браки, помимо обоюднаго согласія, заключались непремѣнно съ дозволенія родителей, или опекуновъ, если дѣвица, которую сватали, была сирота. Обычная формула изъявленія согласія отцомъ на бракъ дочери заключалась въ словахъ обращенныхъ къ искателю ея руки: «даю тебѣ эту дѣвицу, отъ которой предковъ моихъ, отъ крови моей». Затѣмъ будущіе зять и тесть уговаривались о приданомъ. Женихъ и невѣста давали обоюдную клятву въ вѣрности; онъ вручалъ ей подарокъ (арръ), она подавала ему руку и этотъ предварительный договоръ скрѣплялся поцѣлуемъ. У эліанъ сговоръ происходилъ въ храмѣ Іолая, друга и сподвижника Геркулеса. Наканунѣ дня брачнаго торжества, невѣста со своими подругами приносила въ жертву Діанѣ и Минервѣ свои волосы; въ день бракосочетанія сватья (т. е. роди-

тели жениха и невѣсты) приносили жертвы Паркамъ, причемъ печень и желчь зарѣзанныхъ на алтарѣ животныхъ бросались черезъ алтарь. Въ день бракосочетанія невѣсту вели въ домъ родителей жениха, сопровождая ее цѣлой процессіей. Бѣлая одежда, вѣнокъ изъ розъ, маку и миртъ, покрывало и ожерелье — были непремѣнными принадлежностями новобрачной, которую называли нимфою. Ей предшествовали пѣсенники, музыканты, факелоносцы; гимны въ честь Эрота, Венеры и Гименея оглашали воздухъ. Впереди новобрачной, молоденькая дѣвушка несла рѣшето и ткацкій челночекъ; она же сама держала въ рукахъ горшокъ, наполненный ячменемъ. Эти три вещи были символами хозяйства и домоводства. У богатыхъ и знатныхъ людей, новобрачная ѣхала въ колесницѣ, которую по прибытіи въ домъ къ мужу сожигали, въ знакъ того, что изъ этого дома супругѣ уже нѣтъ возврата къ родителямъ. При шествіи новобрачныхъ въ ихъ домъ, мужъ, точно также какъ и жена, былъ увѣнчанъ розами, миртами и маковыми цвѣтами; наружность и внутренность дома была украшена гирляндами и древесными вѣтвями. Брачный пиръ (гамелія) отличался пышностью, обиліемъ и веселостью. Къ молодой во время пиршества подходило дитя, обвитое вѣтвями дуба и шиповника, и поздравляло ее отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ съ перемѣною ея участи къ лучшему. По окончаніи гамелій молодыхъ вели въ опочивальню и на ея порогѣ осыпали смоквами, миндальными орѣхами и зерновымъ хлѣбомъ. Каждый гость, въ особенности же гостья, долгомъ считали высыпать свою пригоршню на головы молодымъ [1]). Брачное ложе обыкновенно осыпали шафраномъ и когда молодые ложились въ постель, имъ пѣли эпиталаму и давали съѣдать плодъ айвы (Pirus cydonia L), въ которомъ смѣсь сладости, кислоты и горечи символически изображала наслажденіе и горести супружеской жизни. Цѣломудріе не особенно цѣнилось у эллиновъ, такъ какъ дѣвицамъ сама религія давала право приносить свою невинность въ жертву Венерѣ.

---

[1] Обычай заимствованный отъ индусовъ см. томъ I гл. VIII стр. 67 и донынѣ соблюдаемый у многихъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ.

У аѳинянъ благопріятнѣйшимъ временемъ для заключенія брачныхъ союзовъ почитались: мѣсяцъ январь (по этому названный гамеліономъ, т. е. брачнымъ), дни новолуній (неоменіи) и праздники бракосочетаній боговъ (ѳеогаміи). Бракъ между кровными родными былъ воспрещенъ, но не возбранялся лицамъ состоявшимъ въ родствѣ по линіи нисходящей. Многоженство было дозволено только царямъ, какъ лицамъ стоявшимъ всегда выше закона: у Александра Македонскаго было двѣ или три жены. Наложницы были непремѣнной принадлежностью богатаго семейнаго дома; въ Греціи, какъ и вездѣ и повсюду, мужчины въ супружествѣ выторговали себѣ у закона широкія права. Поводовъ къ разводу было множество. Мужъ имѣлъ право отпустить отъ себя жену за ея неплодіе, или за излишнюю плодовитость, за вѣтреность или за докучливое постоянство; имѣлъ право уступать жену свою другу, если полагалъ, что самъ виновникъ ея неплодія... Однако же за явный торгъ женою подвергался смертной казни.

Замужняя женщина пользовалась нѣкоторою свободою только тогда когда была матерью уже взрослыхъ дѣтей. Вся ея молодость проходила въ затворничествѣ, къ которому было приспособлено самое расположеніе домовъ у эллиновъ, раздѣленныхъ на двѣ половины: женскую или теремъ (геникей) и мужскую (андронъ). Замужняя женщина, точно также какъ и дѣвушка, выходя на улицу, была обязана закрывать лице свое фатою и имѣть при себѣ для сопровожденія служанку, старика раба или евнуха. Большая или меньшая свита зависѣла разумѣется отъ степени достатка греческой барыни. Бѣдныя женщины и дѣвицы ограждали себя отъ нескромныхъ взоровъ встрѣчныхъ любезниковъ только покрывалами. Затворничество однако же не мѣшало ни женщинамъ, ни дѣвицамъ древней Греціи модничать и кокетничать, чуть-ли не искуснѣе современныхъ барынь и барышень европейскихъ государствъ. Шиньоны, головныя сѣтки и всевозможныя затѣйливыя прически были извѣстны имъ, чуть-ли не со временъ Елены-прекрасной. Серьги, ожерелья, браслеты, перстни древнихъ гречанокъ изяществомъ превосходили издѣлія ювелировъ нашего времени, а таинства косметики и туалета были имъ извѣстны едвали не лучше нежели современнымъ модницамъ. Древняя гречанка съ юныхъ лѣтъ узнавала цѣну своей красотѣ и обладала умѣньемъ скрывать физическіе недостатки. Ароматическія ванны придавали нѣжность и бѣлизну ея тѣлу, гибкость ея членамъ. Сурьма, румяна, бѣлила, пудра, духи и помада—составляли лабораторію, въ которой красавица превращалась въ богиню красоты, дурнушка — въ красавицу. Сандаліи открытыя давали возможность обладательницѣ стройной ножки плѣнять ею взоры мужчинъ; ботинки на каблучкахъ придавала стройность и самой нескладной ногѣ. Впрочемъ, древнія гречанки не стыдились носить платье съ туниками разрѣзанными выше колѣна и корсажи съ обнаженными по плечи руками и грудью... Отчаянная декольтировка не считается за стыдъ и въ наше время. Однимъ словомъ между греческой дамой временъ Перикла и парижанкой XIX вѣка по Р. Х. почти не возможно провести хронологической демаркаціонной линіи. Отраднѣйшимъ явленіемъ въ древней Греціи были права женщинъ заниматься науками и искуствами и слушать лекціи философовъ. Имена Сафо и Коринны на поприщѣ поэзіи, Гипатіи—на поприщѣ наукъ, Аспазіи—на поприщѣ политики и изящныхъ художествъ, служатъ доказательствами, что женщины Эллады не были обречены на обязательную пошлость и жалкое ничтожество, изъ чего впрочемъ еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ древнія гречанки были славными поэтессами, учеными, дипломатками или художницами. Спартанки почитали за счастіе, если имъ помогали небеса родить республикѣ нѣсколько человѣкъ здоровыхъ ребятишекъ, будущихъ воиновъ. Аѳинянки (т. е. тѣ изъ нихъ, которыя не чувствовали призванія къ наукамъ или художествамъ) довольствовались скромной долей хозяекъ и ограничивали свою дѣятельность сферой, заключавшей въ себѣ дѣтскую и домашній очагъ. Въ Греціи появлялись даровитыя натуры между женщинами именно потому, что на ученое или артистическое поприще вступали дѣятельницы сознававшія свои силы и способности, а не бездарныя тупицы, хватавшіяся за науку, оригинальности, или скандала ради. У гэтеръ и у диктеріадъ (см. выше главу X стр. 108) была своя профессія; онѣ не лѣзли ни въ лицей, ни въ академію, ни подъ сѣнь портика и служенія наукѣ не осмѣливались смѣшивать со служеніемъ Пріапу.

Окончимъ нашъ обзоръ очеркомъ *погребальныхъ обрядовъ* Эллады, изъ которыхъ большая часть введена была Платономъ.

При болѣзняхъ, помимо врачей, совѣщались съ знахарями и заклинателями (*орфеотелесты*). Надъ крыльцомъ дома тяжко больнаго обыкновенно вывѣшивали вѣтвь крушины (Rhamnus catharticus L) или лавра. Чувствуя приближеніе смерти, больной и окружавшіе его одръ молились Минервѣ и Меркурію—душеводителю (психопомпу). Воля умирающаго, предсмертныя слова, почитались священными. Когда онъ испускалъ послѣдній вздохъ, присутствующіе ударяли въ мѣдные тазы и бряцали кимваламъ, чтобы отогнать невидимыхъ адскихъ духовъ. Затѣмъ трупъ усопшаго обмывали, натирали его благовоніями и одѣвали въ бѣлую тунику (плащъ), а голову покрывали пеленою. Въ ротъ покойнику клали оболъ, для уплаты Харону за перевозъ черезъ адскія рѣки; въ правую руку—медовый пирожокъ для подачкія Церберу. На голову надѣвали вѣнокъ изъ цвѣтовъ, посвященныхъ подземнымъ божествамъ. Остриженные его волосы вѣшали у входа и весь домъ украшали кипарисовыми и еловыми вѣтвями. Потомъ покойника выносили въ сѣни и клали ногами къ выходу, а въ изголовье его ставили сосудъ съ освященною водою. Хоронили обыкновенно, богатыхъ—на восьмой, а—бѣдныхъ на другой день смерти. *Погребеніе* бывало двухъ родовъ: зарываніе въ землю и сожженіе на кострѣ. Въ послѣднемъ случаѣ золу и пепелъ складывали въ урны, которыя сохранялись въ храмахъ, или въ домахъ семействъ покойныхъ, или, наконецъ, отвозились на родину, если человѣкъ умиралъ на чужбинѣ, ибо хорониться долженъ былъ каждый на родной землѣ. Свѣчи, еиміамъ, пѣніе гимновъ и трауръ—были непремѣнными принадлежностями похоронъ. Кромѣ чернаго одѣянія, ближайшіе родственники усопшаго остригали себѣ волосы, а мужчины и бороды. *Поминовенія* совершались въ девятый, въ сороковой дни и въ день рожденія усопшаго. Оно, какъ и въ день погребенія, сопровождалось пиршествомъ и надгробными играми. Законы строго воспрещали говорить худо объ умершихъ и это обыкновеніе свято соблюдалось, какъ у грековъ, такъ и у римлянъ (De mortuis aut bene aut nihil). Скоропо-

стижно умершихъ мужчинъ называли сраженными стрѣлами Аполлона, женщинъ—стрѣлами Діаны. Убитыхъ громомъ хоронили на самомъ мѣстѣ ихъ убіенія; утонувшихъ—на томъ берегу, на который тѣло ихъ выбрасывало волнами. Этотъ видъ смерти почитался ужаснѣйшимъ, а погребеніе утопленника называли богоугоднѣйшимъ дѣломъ. Отправлявшіеся въ морскія путешествія во время бури нарочно одѣвались въ богатыя платья, надѣвали дорогія ожерелья или перстни, чтобы наградить ими находчика за погребеніе, въ случаѣ ихъ гибели въ волнахъ и принесенія ихъ труповъ къ чужимъ берегамъ. Путникъ, случайно натолкнувшійся на трупъ утопленника, обязанъ былъ кинуть на него три горстки песку, и этимъ подобіемъ погребенія успокоить свою совѣсть и тѣнь усопшаго. Временемъ для похоронъ полагался, для взрослыхъ—непремѣнно день, для дѣтей, юношей и дѣвственницъ—разсвѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ эллины говорили, что это дѣлается для того, чтобы зрѣлищемъ преждевременной смерти не возмущать дневнаго свѣтила. Самоубійцъ хоронили безъ всякихъ почестей; казненныхъ, святотатцевъ и предателей вовсе лишали погребенія. Могилы вельможъ и сановниковъ ненавистныхъ народу, были предметами поруганія, выражавшагося бросаемыми на нихъ комьями грязи и каменьями. Памятники, подобные европейскимъ (или вѣрнѣе сказать европейскіе памятники подобіе греческихъ) состояли изъ мраморныхъ саркофаговъ, колоннъ, тумбъ (киппы) урнъ и плитъ. Кромѣ имени покойнаго, на нихъ изсѣкали *эпитафіи* и *эпиграммы* (первоначальное значеніе этого слова: надгробная надпись)...

Окончимъ очеркъ Греціи тѣми же словами, которыми мы его начали: эта великая страна—обширное кладбище, подъ монументами и памятниками котораго покоятся непробуднымъ сномъ—ея величіе, могущество и слава!..

РИМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе.—Римъ и міръ.—Три періода.—Постепенное возрастаніе.—Періодъ царей.—Этимологическія догадки.—Эней и его потомки. — Нумиторъ и Амулій.—Рея Сильвія.—Рожденіе Ромула и Рема.—Волчиха и дятелъ.—Пастухъ Фавстулъ и Акка Ларенція.—Арвалы.—Вторичное воцареніе Нумитора.—Берега Тибра.—Семь холмовъ.—Заложеніе Рима.—Священная ограда.—Три имени.—Убіеніе Рема.- Лемуріи.—Азилъ.—Похищеніе сабинокъ. — Герцилія.—Ея обоготвореніе.—Тацій. — Матроналіи. — Тубилустріумъ.—Боги сабинцевъ.—Убіеніе Тація.—Патриціи.—Плебеи.—Сенатъ.— Трибы. — Куріи. — Патроны.—Кліенты.—Ликторы. — Поклоненіе Марсу. — Праздники очищенія.—Луперкаліи.—Прокулъ Юлій.—Убіеніе Ромула.—Эра римлянъ. —Избраніе Нумы-Помпилія.

Творецъ «послѣдняго дня Помпеи», покойный К. П. Брюллов ъ, въ равной степени талантливый художникъ и энциклопедически образованный человѣкъ, говоря о великомъ Римѣ, охарактеризовалъ его, однажды, весьма вѣрно и остроумно: «Языческій Римъ», сказалъ онъ, «обладалъ свѣтомъ, держа въ рукахъ мечь. Римъ христіанскій перевернулъ этотъ мечь крестообразною рукояткою вверхъ и крестъ въ его рукахъ превратился во всемірный скипетръ... Не даромъ же въ имени Рима скрывается анаграмма міръ [1])».

[1]) Анаграмма нѣсколько грѣшитъ противъ грамматики: міръ пишет-

Судьбы великихъ и могущественныхъ царствъ древняго міра— одинаковы. Въ первые вѣка бытія рода человѣческаго обладателями всѣхъ царствъ Малой Азіи были цари Вавилона; Вавилонъ палъ, изъ его обломковъ образовались иныя государства и изъ нихъ, на долю Персіи, досталось всемірное владычество. Пало царство персидское уступивъ свое главенство надъ древнимъ міромъ—Греціи... пробилъ часъ ея и Римъ, какъ мощный орелъ, сжалъ въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ всю южную и среднюю Европу, сѣверныя области Африки и западныя—Азіи. Тысячу двѣсти двадцать девять лѣтъ (съ 753 г. до Р. Х. по 476 г. нашей эры) длилось его могущество, наконецъ и онъ рухнулъ, но изъ каждаго осколка римской державы возникло новое царство. Изъ таковыхъ почти всѣ существуютъ и понынѣ. Которому изъ современныхъ европейскихъ государствъ Богъ судилъ дать въ обладаніе весь міръ это Ему одному вѣдомо; но что и это царство неминуемо постигнетъ участь древнихъ Рима, Греціи, Персіи или Вавилона—въ томъ порукою исторія. Въ библейскомъ сказаніи о столпотвореніи вавилонскомъ (Бытія гл. XI ст. 1—9) скрывается таинственное пророчество о грядущей участи всѣхъ могущественнѣйшихъ царствъ земли: они возрастаютъ, чуть не до небесъ, но достигнувъ высоты свыше предопредѣленной—рушатся, и зодчіе, говоря разными языками, расходятся во всѣ стороны, дѣлаясь родоначальниками новыхъ народовъ и основателями новыхъ царствъ.

Событія римской исторіи группируютъ обыкновенно на три періода, которые можно назвать: младенчествомъ, юностью, зрѣлымъ возрастомъ и дряхлостью Рима. Младенчество объемлетъ періодъ въ 244 года (съ 753 по 509 г. до Р. Х.), впродолженіе котораго семь царей смѣнили другъ друга и монархія была превращена въ республику. Періодъ второй или юность (съ 509 по 30 г. до Р. Х.) длилась 479 лѣтъ. Въ третьемъ періодѣ

ся чрезъ i; но это, впрочемъ, педантическая придирка не умаляющая значенія словъ Брюллова. По приговору современныхъ эстетиковъ, для которыхъ жанръ выше исторической живописи „послѣдній день Помпеи“ гроша не стоитъ, точно также какъ: „сапоги — полезнѣе Пушкина“.

Римъ достигъ зрѣлаго возраста (съ 30 г. до Р. Х. по 330 г.
нашей эры) и затѣмъ началъ дряхлѣть, хирѣть и палъ въ не-
равной борьбѣ съ новыми свѣжими силами — полчищами инопле-
менныхъ варваровъ (330— 476 г.). Съ политической точки зрѣ
нія, періоды римской исторіи представляются, въ трехъ фазисахъ:
царства, республики и имперіи. Римъ, основанный Ро-
муломъ и Ремомъ, можно сравнить съ желудемъ, брошеннымъ на
воспріимчивую почву и давшимъ ростокъ, который, въ теченіе
двухсотъ слишкомъ лѣтъ превратился въ стройное деревцо. Поли-
ваемое кровью оно быстро разрослось и развѣтвилось въ продол
жительный періодъ республики и когда ширококрылый орелъ им-
періи свилъ на этомъ деревѣ свое гнѣздо, дубъ-исполинъ уже
осѣнялъ своими вѣтвями три части свѣта... Вѣка уносились за
вѣками; дубъ дряхлѣлъ, червоточина разъѣдала его сердцевину.
листья блекли, корни ослабѣвали... Ударилъ громъ и рухнулъ
дубъ-исполинъ, но вѣтви его вонзились въ землю, укрѣпились, и
въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ образовали новую дубраву—
республикъ, княжествъ, королевствъ, имперій!

Теперь приступимъ къ историческому очерку первобытнаго римскаго царства.

Сказки неразлучны съ дѣтствомъ и повѣствованія римскихъ историковъ о первыхъ двухъ вѣкахъ бытія славной ихъ родины переполнены мишурою фантастическихъ вымысловъ. Тысячи коментаріевъ и дисертацій средневѣковыхъ и новѣйшихъ ученыхъ донынѣ еще не привели къ разрѣшенію вопросовъ о томъ, дѣйствительно-ли существовалъ Ромулъ, или этотъ основатель Рима— лице баснословное; онъ ли далъ свое имя вѣчному городу, или напротивъ собственное имя отъ него заимствовалъ? Нѣкоторые коментаторы утверждаютъ будто за долго до воцаренія основателя Рима, на берегахъ Тибра, въ древности называвшагося Румонъ, существовала колонія троянскихъ переселенцевъ—Рума... Иные, этимологію именъ: Ромы (т. е. Рима) и Ромула производятъ отъ греческаго слова: роми: сила; а имя царя Нумы—отъ нома: законъ. Но если къ личностямъ и событіямъ древней исторіи относиться съ подобнымъ недовѣріемъ, то можно придти къ отрицанію существованія, не только Кира, но и Александра Македонскаго. Не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія остановимся на сказаніяхъ историковъ римскихъ.

Изъ нихъ узнаемъ, что Италія въ глубочайшей древности была заселена аборигенами, этрусками, латинами, сабинцами, рутулами, вольсками, эквами, антеннатами и многими другими народами, управляемыми царями, имѣвшими жрецовъ, храмы и рощи, посвященные божествамъ грековъ, даже можетъ быть, и атлантидовъ (см. томъ IV гл. XXIV стр. 254—258). Послѣ разгрома Трои и паденія царства Пріама, предатель Эней, послѣ долгихъ скитаній, прибылъ въ Лаціумъ, или Латіумъ, область царя Латина, женился на дочери его Лавиніи и основалъ городъ, названный ея именемъ. Сынъ Энея, отъ Креузы, Асканій, основалъ царство Альбанское, существовавшее, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго 432 года. Послѣ смерти Асканія народъ возвелъ на престолъ брата его Сильвія или Постумія, рожденнаго Лавиніею послѣ смерти Энея; но чтобы не обидѣть Юлія, сына Асканія, латины провозгласили этого прямаго наслѣдника верховнымъ жрецомъ. Сильвію наслѣдовалъ Эней II; затѣмъ царствовали: Латинъ, Альба, Капетъ, Каписъ, Кальпетъ и Тиберій, утонувшій въ рѣкѣ Альбулѣ, послѣ того названной Тибромъ. Преемниками Тиберія были: Агриппа; прославившійся своимъ нечестіемъ Алладій; давшій свое имя горѣ,—Авентинъ; за нимъ Прокасъ, оставившій послѣ себя двухъ сыновей: Нумитора и Амулія. Этотъ перечень царей альбанскихъ—присказка, теперь начинается настоящая сказка:

Старшему своему сыну Нумитору, царь Прокасъ завѣщалъ свой престолъ, младшему, Амулію—всѣ свои сокровища. Старшій былъ добръ и кротокъ; младшій золъ и завистливъ; слѣдствіемъ этого несходства характеровъ было сверженіе Нумитора съ престола Амуліемъ и насильственное посвященіе въ весталки дочери царя— Реи-Сильвіи. Однажды ночью, когда она молилась въ храмѣ предъ неугасимымъ огнемъ на алтарѣ, ей явился во всемъ блескѣ своего величія богъ войны, Марсъ и безъ труда убѣдилъ отречься отъ насильственнаго обѣта безбрачія. Слѣдствіемъ этой интимной бесѣды съ богомъ войны было рожденіе Реею-Сильвіею сыновей-двойней: Ромула и Рема (въ 770 г. до Р. Х.). Царь Амулій,

извѣщенный о преступленіи племянницы велѣлъ одному изъ своихъ служителей убить новорожденныхъ. Вмѣсто того, чтобы исполнить это варварское приказаніе, служитель уложилъ младенцевъ въ крѣпкую корзину, снесъ ихъ на берегъ Тибра и оставилъ здѣсь на произволъ судьбы; но боги невидимо бодрствовали надъ Ромуломъ и Ремомъ. Къ берегу прибѣжала недавно ощенившаяся волчиха: она сжалилась надъ младенцами и покормила ихъ, а во время отлучекъ волчихи должность кормилицы занималъ дятелъ... Чѣмъ онъ могъ кормить дѣтей, объ этомъ исторія умалчиваетъ, но, вѣроятно, птичьимъ молокомъ. Долго-ли продолжалось чудесное кормленіе Ромула и Рема и это съ точностью неизвѣстно; только, въ одинъ прекрасный день, несчастныхъ близнецовъ нашелъ пастухъ **Фавстулъ**, снесъ ихъ къ себѣ домой и ввѣрилъ попеченіямъ своей жены **Акки Лауренціи**.

Сказку о волчихѣ объясняютъ обыкновенно такимъ образомъ. Служитель Амулія, вмѣсто убіенія дѣтей, отдалъ ихъ на воспитаніе пастухамъ. Жена одного изъ нихъ, вскормившая малютокъ, за распутное поведеніе была прозвана «волчихою» [1]. Какъ бы то ни было, древніе римляне были твердо убѣждены, что настоящая волчиха была кормилицею основателей ихъ великаго города. Что же касается до Фавстула и жены его, римляне воздавали ихъ памяти божескія почести: первому на праздникахъ Фавна, второй при Лауренталіяхъ. Ромулъ, послѣ своего воцаренія, желая вознаградить семейство Фавстула, возвелъ двѣнадцать сыновей Акки-Лауренціи въ санъ жрецовъ и они были первыми **арвалами**.

Ничего не вѣдая о своемъ происхожденіи, Ромулъ и Ремъ выросли въ кругу пастуховъ, помогали имъ въ пастьбѣ стадъ, оберегая послѣднія отъ хищниковъ, съ которыми имѣли довольно частыя столкновенія. Въ одной изъ схватокъ Ремъ былъ взятъ въ плѣнъ и, какъ человѣкъ давно замѣченный въ буйствахъ, отданъ на судъ Амулію. Узнавъ о несчастіи постигшемъ брата, Ромулъ добровольно послѣдовалъ за нимъ къ царю. Здѣсь оба царевича были узнаны и сами, въ свою очередь, узнали о всѣхъ злодѣ-

[1] По латыни: lupa. Отсюда слово—lupanar: трущоба, домъ распутства.

ствахъ Амулія. Они умертвили его, опять возвели на престолъ Нумитора и, вмѣсто всякой награды, выпросили у дѣда небольшой участокъ земли на берегахъ Тибра, покрытый лѣсами, болотами и довольно значительными холмами, отъ которыхъ Римъ, впослѣдствіи времени, получилъ прозвище **семихолмнаго**. Надобно замѣтить, что кромѣ семи холмовъ на лѣвомъ берегу Тибра, были еще два—на правомъ: **Яникулъ** и **Ватиканъ**. Имена же семи холмовъ слѣдующія: 1) **Капитолійскій**, 2) **Квириналъ**, 3) **Виминалъ**, 4) **Эсквилинъ**, 5) **Коцилій**, 6) **Авентинъ**, 7) **Палатинъ**. Нѣкоторыя изъ этихъ возвышенностей принадлежали ко владѣніямъ сабинскаго царя **Тація**; съ юга, къ прибрежьямъ Тибра прилегали горы, заселенныя вольсками, съ сѣвера, ближайшими сосѣдями владѣній Ромула и Рема были этруски. Нумиторъ подарилъ внукамъ землю, которую даже не имѣлъ права назвать своею собственностью. Это не помѣшало однако же юнымъ героямъ приступить къ заложенію города. Не споря о первенствѣ, братья прибѣгнули къ **авгурамъ** для рѣшенія вопроса, которому изъ двухъ быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при торжественномъ обрядѣ? Авгуры объявили, что основателемъ долженъ быть тотъ изъ братьевъ, который, первый, увидитъ, сверкнувшую, слѣва отъ себя, молнію и летящаго орла. Эти знаменія воли боговъ первый увидѣлъ—Ромулъ и приступилъ къ заложенію города, въ 11 день майскихъ календъ (21 апрѣля) 753 года, до Р. Х. въ самый праздникъ латинской богини Палесы [2], покровительницы стадъ, онъ впрегъ въ соху молодаго бычка и телку и означилъ бороздою мѣсто для священной ограды (**померіума**) будущаго города. Авгуры произнесли надъ нею заклинанія, отъ вражескаго покушенія на ея цѣлость; затѣмъ молили боговъ, чтобы эта ограда, во вѣки вѣчные, пребывала ненарушимою. Новому городу было дано три имени: **священное**, **таинственное** и **гражданское**. Первое—въ честь богини весны, было: **Флора** или **Анѳуза**; второе: **Эросъ** или **Аморъ** (любовь); третье—его анаграмма: **Рома** (Римъ). Когда приступили къ рытью рва,

[2] См. томъ V гл. XIV стр. 119.

братъ Ромула, завидуя ему, сталъ смѣяться надъ малою шириною рва и въ доказательство перепрыгнулъ чрезъ него. Основатель, оскорбленный этой выходкою, убилъ брата ударомъ лопаты по головѣ, сказавъ при этомъ: «такъ да погибнетъ каждый, кто дерзнетъ посягнуть на мой городъ и проникнетъ въ его ограду»! Правдиво ли, нѣтъ ли, это сказаніе, оно во всякомъ случаѣ замѣчательно: первый камень, положенный въ основаніе Рима, будущаго всесвѣтнаго властителя, былъ обагренъ кровью, пролитою братоубійцею... Невольно приходятъ на память Каинъ и Авель— родоначальники людей послѣ грѣхопаденія перваго человѣка. Тѣнь Рема и угрызенія совѣсти не давали покоя Ромулу и для ея успокоенія онъ установилъ пятидневное празднество усопшихъ Ремуріи или Лемуріи (съ 9 по 13 число мая).

Для скорѣйшаго заселенія строившагося Рима, основатель его открылъ на холмѣ Капитолійскомъ, при храмѣ Зевса, убѣжище (азиль) для подданныхъ сосѣднихъ царей, въ которомъ злѣйшіе преступники могли найти совершенную безопасность отъ заслуженной ими кары. Благодаря этому средству, число жителей достигло до 3000 пѣшихъ и 300 конныхъ воиновъ. Однако же совершенное отсутствіе женщинъ, помимо ожесточенія нравовъ римлянъ, угрожало новому городу въ недалекомъ будущемъ совершеннымъ опустѣніемъ; но Ромулъ и тутъ нашелся. Народы Латіума и сопредѣльныхъ ему областей, ежегодно въ 21 день августа мѣсяца праздновали Консуаліи, въ честь бога-союза Консуса [1]). Какъ-бы изъ желанія сблизиться съ сосѣдями, Ромулъ объявилъ имъ, что имѣетъ намѣреніе праздновать консуаліи въ Римѣ и приглашаетъ окрестныхъ жителей на праздникъ, съ ихъ женами и дочерьми. Этимъ приглашеніемъ воспользовались одни сабиняне и жестоко поплатились за опрометчивое довѣріе. Праздникъ прошелъ своимъ порядкомъ, но когда гости собрались домой, хозяева—римляне бросились на нихъ и отнявъ у нихъ дочерей, силою увлекли послѣднихъ въ свои жилища. Всѣмъ хищникамъ достались въ жены дѣвственницы, одному только Ромулу попалась

[1]) То же самое божество, которое въ Халдеѣ и въ Сиро-Финикіи называли Ваал-Берифомъ (см. томъ IV Сабизмъ гл. XI стр. 159).

замужняя сабинка, Герцилія. Долго ли она съ нимъ сожительствовала—неизвѣстно, но послѣ смерти она удостоилась божескихъ почестей подъ именемъ Герты, или Гораты: ей поклонялись какъ богинѣ моложавости и неувядаемой красоты.

Чтобы наказать римлянъ за дерзкое насиліе, сосѣднія племена ходили на нихъ войною, но были отражаемы всѣ, кромѣ сабинскаго царя Тація, которому удалось овладѣть холмомъ Капитолійскимъ. Война готовилась принять угрожающіе размѣры, но жены римлянъ примирили со своими мужьями—сабинянъ, своихъ отцевъ и братьевъ. Въ память этого событія Ромулъ установилъ празднество Матроналій и заключилъ самый дружественный союзъ съ Таціемъ. Свиданіе царей и ихъ обоюдная присяга въ вѣрности происходили въ храмѣ Вулкана. Цари клялись огнемъ, водою и жертвоприношеніемъ рыбъ «вмѣсто душъ человѣческихъ (pro anima humana)». Для ознаменованія этого союза Ромулъ учредилъ, 27 мая, праздникъ Губилустріумъ (освященіе воинскихъ трубъ) и ввелъ въ Римѣ служеніе сабинскимъ богамъ: Санкусу (5 іюня), Суммапусу; Лунѣ, Солнцу, Сатурну, Янусу; богинямъ Вакунѣ и Неріи (23 марта). Кромѣ того Ромулъ пригласилъ Тація къ себѣ въ соправители, выговоривъ присоединеніе къ Риму областей сабинскихъ, въ случаѣ смерти ихъ царя. Она не замедлила: Тацій былъ предательски умерщвленъ и его могила была звеномъ присоединившимъ его царство къ владѣніямъ Ромула. Съ этого времени основатель Рима сталъ царемъ самодержавнымъ, соединивъ съ этимъ саномъ, въ своей особѣ, званія: полководца и верховнаго жреца. Народъ свой онъ раздѣлилъ на знать (патриціи) и чернь (плебеи). Изъ знати онъ избралъ членовъ сената или отцевъ (patres); чернь раздѣлилъ на трибы (въ числѣ трехъ), каждую трибу на куріи. Каждая курія имѣла въ сенатѣ своего патрона (милостивца, покровителя), который называлъ подвѣдомственныхъ ему членовъ курій—клієнтами. Въ память этой классификаціи Ромулъ приказалъ, при входѣ въ храмъ Квирина (бога войны), посадить два миртовыя дерева; одно было символомъ патриціевъ, другое—плебеевъ. Свиту царя составляли триста всадниковъ (рейтарей, или рыцарей) и двѣнадцать ликторовъ. Послѣдніе исправляли должность палачей, они при

выходахъ Ромула несли впереди его пучки батоговъ, обвязанные вокругъ топора и, по приговору царскому, употребляли въ дѣло то или другое.

Съ дѣятельностью Ромула, какъ верховнаго жреца, мы уже отчасти ознакомили читателя, исчисливъ установленные имъ праздники, скажемъ, въ дополненіе къ сказанному, что мнимаго отца своего Марса онъ призналъ верховнымъ покровителемъ Рима, выше самаго Зевса. Подъ именемъ Квирина, олицетворяя его въ видѣ копья (а впослѣдствіи самого Ромула) римляне поклонялись Марсу, какъ богу войны; имя же его какъ покровителя призывали безразлично воины, граждане, пастухи и земледѣльцы. Новый годъ, въ честь его, Ромулъ повелѣлъ считать съ мѣсяца марта (Марса), хотя въ Италіи повсемѣстно годъ начинали съ января, въ честь Януса. Кромѣ вышеупомянутыхъ праздниковъ Ромуломъ были установлены праздники очищенія (Луперкаліи), неблагопристойные обряды которыхъ [1]) совершались на равнинѣ названной Луперкаль. На ней посажена была священная смоква, которой въ теченіе многихъ лѣтъ воздавали божескія почести.

Въ послѣдніе годы жизни, властвуя уже надъ 40,000 подданныхъ, Ромулъ впалъ въ деспотизмъ, возбудившій негодованіе патриціевъ. Составился заговоръ и сенаторы рѣшивъ цареубійство, исполненіе его поручили Прокулу Валезусу, изъ ихъ же среды избранному. Лѣтомъ 716 г. до Р. Х. Ромулъ производилъ смотръ войскамъ; внезапно поднялась страшная буря, нагнавшая ужасъ на всѣхъ присутствовавшихъ, кромѣ заговорщиковъ: они умертвили Ромула непримѣтно для воиновъ, ликторовъ и всей его свиты, скрыли его тѣло (изрубивъ его на части) и, затѣмъ, объявили народу, что Марсъ похитилъ своего сына на небо, осѣнивъ его громовой тучею... Народъ повѣрилъ и единогласно призналъ Ромула за божество. Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ тридцати семи лѣтъ своего существованія Римъ занесъ въ свои лѣтописи—третье убійство и земля священной ограды приняла въ свои нѣдра истерзанный трупъ своего основателя! Годъ основанія Рима соотвѣтствовалъ 4 году VI олимпіады греческаго лѣтосчисленія и до послѣдняго года царствованія Александра Севера (235 г. по Р. Х. онъ былъ эрою римлянъ). Вслѣдствіе этого мы, при обзорѣ событій римской исторіи, будемъ показывать годы и ихъ лѣтосчисленія.

[1]) См. томъ V гл. XVIII стр. 158.

Послѣ смерти Ромула, сенатъ былъ правителемъ народнымъ два года (716—714 г. до Р. Х.). Наконецъ на престолъ, по желанію римлянъ, былъ возведенъ зять покойнаго царя Тація, кроткій и мудрый ѳеократъ Нума-Помпилій, преобразователь нравовъ, первый законодатель римлянъ, 44 года блаженствовавшихъ подъ его скипетромъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нума Помпилій. — Его книги. — Нимфа Эгерія. — Богъ Термъ.—Корпораціи жрецовъ. — Куріоны. — Фламиніи. — Вожди всадниковъ.—Авгуры.—Весталки.—Салійцы.—Феціалы.—Понтифексы.—Праздники. — Законы.—Туллъ Гостилій.—Гораціи и Куріаціи.—Первая казнь.—Вызываніе грома.—Анкъ Марцій.—Тарквиній Древній.—Танаквилія.—Орелъ.—Капитолій. — Аттнусъ Невій.— Оваціи и тріумфы.—Кайя Цецилія, ея перстень и поясъ.—Сервій Туллій.—Чудесное рожденіе.—Фортуна.—Храмъ Діаны.—Либитиніи и Компиталіи.—Перепись, цензъ, люстръ. — Кварталы Рима.—Древнѣйшее зданіе въ Европѣ.—Туллія.—Заговоръ.—Убіеніе царя.—Тарквиній Гордый.—Всеобщая ненависть.—Лукреція и Секстъ.—Изгнаніе царя.—Праздникъ его бѣгства.

Нума Помпилій родился въ день основанія Рима и при избраніи своемъ въ цари имѣлъ уже 39 лѣтъ отъ роду (714 г. до Р. Х.). Одаренный всѣми способностями правителя, кромѣ воинственныхъ наклонностей, онъ не домогался и не искалъ верховной власти: она сама его отыскала и Нума Помпилій, избранный въ цари, вполнѣ оправдалъ этотъ выборъ. Численность римскаго

народа простиралась тогда до 50.000 человѣкъ—буйныхъ, заносчивыхъ, суевѣрныхъ, но не религіозныхъ, съ самыми шаткими понятіями о нравственности, полагавшими все свое благополучіе въ стяжаніи чужаго — путемъ душегубства. Этихъ звѣрей, въ образѣ человѣческомъ, надобно было укротить, приручить; необходимо было пробудить въ нихъ чувства человѣческія. Эту трудную задачу, Нума Помпилій, разрѣшилъ какъ нельзя удачнѣе, давъ римлянамъ законы и пріохотивъ ихъ къ земледѣлію. Въ первомъ случаѣ, царь воспользовался суевѣріемъ народнымъ. По примѣру древнихъ законодателей всѣхъ странъ, Нума Помпилій, при каждомъ новомъ постановленіи, объявлялъ, что законъ диктованъ ему однимъ божествомъ, покровительствующимъ Риму и особенно благоволящимъ его царю. Это таинственное, незримое божество—была нимфа Эгерія, съ которою царь совѣщался о дѣлахъ государственныхъ и о пользахъ народа. Чтобы пріохотить римлянъ къ земледѣлію, Нума Помпилій роздалъ имъ участки земли, завоеванной Ромуломъ у сосѣднихъ народовъ и составлявшей царскую собственность. Богомъ покровителемъ земледѣльцевъ царь призналъ Терма или Термина, котораго символически изображали межевыя вехи и столбы. Это разумное соединеніе религіознаго вѣрованія съ мѣрами административными пріучило римлянъ къ уваженію чужой собственности и къ ненарушимости размежевокъ.

Плодомъ бесѣдъ царя Нумы съ нимфою Эгеріею были восемь книгъ законовъ, преимущественно богослужебныхъ уставовъ имъ сочиненныхъ, каждая книга была посвящена которой нибудь изъ корпорацій жрецовъ. Эти корпораціи были слѣдующія: 1) куріоны, 2) фламиніи, 3) вожди всадниковъ или целеровъ, 4) авгуры, 5) весталки, 6) салійцы, хранители анциліи, 7) феціалы, 8) понтифексы.

При Ромулѣ, какъ мы уже говорили выше, народъ дѣлился на 30 курій, управляемыхъ избранными изъ сословія патриціевъ—куріонами. Нума Помпилій установилъ, чтобы куріоны, какъ представители общинъ, въ опредѣленные дни приносили отъ ихъ именъ жертвы у подножія горы Палатина и присутствовали при трапезахъ народныхъ, каждый при своей куріи.

Фламиніи—сначала въ числѣ трехъ, впослѣдствіи времени 15, были жрецами верховныхъ боговъ: Юпитера (flaminius dialis), Марса (f. martialis) и Квирина или Ромула (f quirinalis). Въ зимнее время головной уборъ фламиніевъ состоялъ изъ шлема (apex) съ шерстяною кистью; лѣтомъ изъ покрывала (filaminum), отъ котораго произошло и самое ихъ названіе.

Вожди всадниковъ или целеровъ были жрецами сословія воинскаго и въ древнемъ Римѣ занимали должности полковыхъ священниковъ. Они, въ станахъ, избирали мѣста для постановки алтарей и приносили на нихъ жертвы отъ лица воинскихъ дружинъ.

Въ царствованіе Ромула при каждой трибѣ состоялъ одинъ авгуръ (волхвъ, гадатель, вѣдунъ); при Нумѣ Помпиліи вмѣсто трехъ, ихъ было пять; при слѣдующихъ царяхъ девять и пятнадцать. Должность ихъ состояла въ томъ, что они къ добру или къ худу истолковывали небесныя знаменія, т. е. затмѣнія, явленія кометъ и метеоровъ, грозы, дожди, засухи, полетъ птицъ. Гаданіемъ по внутренностямъ жертвъ занимались аруспиціи, званіе которыхъ было ниже, чѣмъ званіе авгуровъ. Послѣдніе обязаны были жить безотлучно въ Римѣ, какъ посредники между богами и народомъ. Волхвы Этруріи, особенно гадатели по грому (фульгураторы), славились задолго до основанія Рима; они, по словамъ Плинія (Ист. міра кн. II гл. 51—56), умѣли вызывать громовую стрѣлу и направлять ее по своему произволу, и этимъ способомъ умертвили чудовище Вольту, опустошавшее окрестности Вольсиній. Не мы первые удивляемся чудесному сходству именъ: чудовища убитаго громомъ и безсмертнаго физика-электролога, давшаго свое имя изобрѣтенному имъ гальваническому снаряду [1]). Царь Нума Помпилій, посвященный въ таинства науки фульгураторовъ, самъ умѣлъ вызывать молнію и направлять ея удары.

Весталки, какъ мы уже говорили въ миѳологіи (см. томъ V гл. II стр. 16) были жрецами Весты богини огня и земли (такъ о

[1] Вольта родился въ 1745—, кончался въ 1826 году.

ней говоритъ Овидій: significant sedem terra, focusque suam). Нума Помпилій, при сооруженіи новаго храма богинѣ, установилъ, чтобы стѣны и куполы ему подобныхъ храмовъ были непремѣнно круглые, для означенія круглоты земли; для поддержанія на алтарѣ неугасимаго огня назначилъ четырехъ дѣвственницъ и учредилъ праздникъ *весталій*, въ 9 день мая мѣсяца. Права весталокъ, а равно и страшная казнь нарушительницъ обѣта цѣломудрія, были опредѣлены во времена республики.

Учрежденіе жреческой корпораціи *салійцевъ* было вызвано удивительными событіями. Въ царствованіе Нумы Римъ былъ постигнутъ ужасными засухами, сопровождаемыми сухими же грозами. По совѣту Эгеріи, царь отправился въ лѣсъ—жилище Пика и Фауна; обоихъ ихъ опоилъ виномъ, связалъ и принудилъ вымолить у Юпитера откровеніе великой тайны управлять громами. Богъ обѣщалъ явиться царю. На другой день, когда Нума возсѣдалъ на тронѣ изъ кленоваго дерева, окруженный народомъ, онъ увидѣлъ медленно спускавшійся съ неба мѣдный щитъ (*анцилій*) и въ то же время объявилъ, что это знаменіе особенной милости Юпитера къ Риму и таинственный блюститель безопасности города. По образцу анцилія, Нума поручилъ кузнецу *Матурію* выковать еще одиннадцать щитовъ и, довѣривъ храненіе, какъ оригинала, такъ и снимковъ—*салійцамъ*, установилъ праздники *анцилій* 1 марта и *мамурій* — 14 числа того же мѣсяца. Жрецы носили щиты вокругъ города, сопровождая шествіе пѣніемъ гимновъ и особенными плясками. Салійцы дѣлились на два класса: *палатиновъ* и *агоній*. Царь Нума, благодаря Юпитера за ниспосланіе анцилія, принесъ ему въ жертву *рыбью душу*, подавъ при этомъ народу благой примѣръ чуждаться древняго, гнуснаго обычая жертвоприношеній человѣческихъ.

На обязанности *феціаловъ* лежало: охранять иноземныхъ пословъ, объявлять войну и заключать миръ. При объявленіи войны феціалы призывали боговъ въ свидѣтели уважительности повода къ ней, бросали на непріятельскую землю копья съ окровавленными и закопчеными на огнѣ наконечниками. Они же во время войны отворяли двери храма Януса и затворяли ихъ, при

заключеніи мира. Въ царствованіе Нумы Помпилія этотъ храмъ не отворялся ни разу, въ теченіи 44 лѣтъ.

Понтифексы (въ числѣ четырехъ) были блюстителями народнаго повиновенія законамъ и карателями ослушниковъ. Великимъ понтифексомъ (pontifex maximus) былъ самъ царь.

Возобновивъ забытое служеніе Янусу (праздники *агоналій* 9 января и 21 мая) Нума Помпилій установилъ начало новаго года, вмѣсто марта—съ января мѣсяца, съ предшествующими ему праздниками *сатурналій*, во время которыхъ старшіе служили младшимъ: господа — рабамъ, патриціи — плебеямъ. Этимъ обрядомъ царь обуздалъ непомѣрную гордость знати и богачей, внушивъ имъ ту мысль, что передъ временемъ и смертію всѣ люди равны. Изъ прочихъ праздниковъ, Нумою установленныхъ, назовемъ: *аргеи* (14 мая), при которыхъ въ Тибръ бросали куколъ сплетенныхъ изъ тростнику; *праздникъ мертвыхъ* (приношенія богинѣ Тацитѣ ладону, черныхъ бобовъ и головокъ рыбъ анчоусовъ); *праздникъ живыхъ* (каристіи) съ возліяніями въ честь ларъ и пенатовъ; *Форнакаліи* (21 февраля); *Фордицидіи* (15 апрѣля); *сементиніи*; *терминаліи* и *робигаліи*—были праздниками земледѣльцевъ и пастуховъ [1]). Изъ гражданскихъ установленій Нумы Помпилія достойны вниманія: бракъ съ соотвѣтствующими обрядами; трауръ по усопшимъ; принесеніе жертвъ: въ нечетномъ числѣ—богамъ небеснымъ, въ четномъ — земнымъ; обращеніе, при молитвахъ, лицемъ на востокъ; запрещеніе оглядываться при выходѣ изъ дому.

Оплаканный своими подданными Нума Помпилій скончался 83 лѣтъ въ 640 г. до Р. Х., завѣщая зарыть, вмѣстѣ съ нимъ въ могилу, книги его законовъ. Подобно Ромулу онъ не былъ причисленъ къ богамъ, но память его римляне чтили въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ.

Туллъ Гостилій, преемникъ царя Нумы (670—640 годъ до Р. Х.) велъ постоянныя войны съ фиденетами, сабинянами. лати-

---

[1]) Во избѣжаніе частыхъ выносокъ при именахъ боговъ и названіяхъ праздниковъ, указываемъ читателю на V томъ нашей исторіи, посвященный миѳологіи Греціи и Рима.

нами, вейентами. Для прекращенія распрей между Альбою и Римомъ онъ допустилъ поединокъ между семействами Гораціевъ и Куріаціевъ. Этотъ эпизодъ его царствованія слишкомъ извѣстенъ, чтобы о немъ распространяться: побѣда осталась за Римомъ, представителемъ котораго былъ одинъ изъ Гораціевъ. Осыпаемый похвалами согражданъ и ядовитыми упреками сестры—за убіеніе ея возлюбленнаго Куріація, побѣдитель не пощадилъ и ея, умертвивъ ее на холмѣ, названномъ съ того времени холмомъ сестроубійства (sororium Tigillum). Царство альбанское было на вѣки присоединено къ римскому царству, городъ Альба былъ разрушенъ, а жители его переселены въ Римъ. Одна изъ войнъ съ вейенетами была ознаменована измѣною Метія Суффетія, котораго Туллъ Гостилій приговорилъ за нее ужасной казни разсѣченія по суставамъ. «Ты дѣлилъ свое сердце между собратьями и врагами», сказалъ царь при этомъ—«точно также твое тѣло будетъ истерзано на тысячу кусковъ»! Эта казнь произвела тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что она была первою со времени основанія Рима. О смерти Тулла Гостилія существуетъ три сказанія по словамъ перваго—царь палъ жертвою мороваго повѣтрія; по словамъ втораго—былъ убитъ Анкомъ Марціемъ, внукомъ Нумы Помпилія; наконецъ Титъ Ливій говоритъ, что онъ, при вызываніи громовой стрѣлы не принялъ должныхъ предосторожностей и былъ убитъ ею... Если оно дѣйствительно было такъ, то царь Туллъ Гостилій погибъ смертію профессора Рихмана (друга Ломоносова), въ 1753 году, дѣлавшаго опыты надъ воздушнымъ электричествомъ; ибо не подлежитъ сомнѣнію, что тайна вызыванія громовой стрѣлы заключалась въ громоотводахъ, извѣстныхъ этрускамъ и Нумѣ Помпилію: щитъ анцилій, о которомъ мы упоминали выше, былъ, конечно, одною изъ принадлежностей громоотводнаго снаряда, честь изобрѣтенія котораго могутъ оспаривать у Франклина даже и не этруски. Вотъ что говоритъ Геродотъ (кн. IV гл. 94): «ѳракійцы имѣютъ обыкновеніе во время грозы пускать стрѣлы въ небо, чтобы устранить гро» Въ храмахъ нѣкоторыхъ городовъ Вавилона, Сиро-финикіи и Египта, громоотводы, сквозь куполы проникали въ святилище и соединялись съ алтарями, къ которымъ, безнаказанно, могъ прикасаться

только верховный жрецъ; посторонніе же, осмѣливавшиеся приближаться къ алтарямъ, были поражаемы громомъ. Благодаря громоотводамъ жрецы имѣли возможность, въ случаѣ надобности, низводить небесный огонь на жертвенники и имъ сожигать приношенія.

Четвертый римскій царь Анкъ Марцій (640—614 г. до Р. Х.) былъ внукомъ Нумы Помпилія. Онъ увеличилъ области Рима присоединеніемъ къ нимъ земель завоеванныхъ у латинянъ; завелъ первыя солеварни; построилъ нѣсколько каменныхъ мостовъ чрезъ Тибръ, храмъ Юпитера-Феретрія, большой водопроводъ (Aqua Martia) и зданіе градской тюрьмы. Велъ войны съ сабинцами, вольсками и прочими сосѣдними народами.

Тарквиній-древній (priscus), преемникъ Анка Марція (614—578 г. до Р. Х.), былъ сыномъ Демарата уроженца коринѳскаго, переселившагося въ Латіумъ и въ юности именовался Лукумономъ. Жена его, Танаквилія, женщина умная, одаренная необыкновенной силой воли, была свѣдуща въ чародѣйствахъ и всякаго рода волхованіяхъ; мужъ слѣдовалъ ея совѣтамъ и повиновался ей безпрекословно. Она уговорила его переселиться въ Римъ и когда супруги, со своими пожитками приближались къ городу, на Лукомона опустился орелъ, снялъ съ его головы—и опять надѣлъ на нее шляпу. По объясненію Танаквиліи это было знаменіемъ грядущей славной участи ея мужа. Царь Анкъ Марцій радушно его принялъ; далъ ему участокъ земли; удостоилъ своей дружбы и умирая завѣщалъ этому переселенцу—назвавшемуся Тарквиніемъ, быть опекуномъ обоихъ своихъ сыновей. Честолюбивая Танаквилія, руководившая мужемъ, указала ему путь къ царскому престолу—обычный путь похитителей власти: усердствуя о благѣ народномъ, Тарквиній привлекъ на свою сторону чернь, занялъ тысячи рукъ постройками, прикормилъ безпріютныхъ пролетаріевъ (безземельниковъ). Заботясь объ украшеніи города онъ, вмѣсто прежнихъ окоповъ, обнесъ Римъ стѣнами изъ шлифованнаго камня; заложилъ храмы: юпитеру Капитолійскому (Капитолій) близъ Тарпейской скалы; Юнонѣ и Минервѣ; построилъ циркъ. При заложеніи Капитолія Тарквиніемъ древнимъ, когда рыли землю для кладки фундамента, была найдена сохранившаяся, безъ всякой пор-

чи, голова нѣкоего Толія (caput Tolii). Авгуры, вслѣдствіе этой находки, назвали будущій храмъ Капитоліемъ, и объявили, что онъ, во вѣки, будетъ главою Рима, точно также какъ Римъ — главою всей Италіи [1]. По мѣрѣ возрастанія любви народной къ Тарквинію, возрастало всеобщее нерасположеніе къ сыновьямъ Анка Марція, наконецъ всенароднымъ голосованіемъ (плебисцитъ) Тарквиній былъ провозглашенъ царемъ. Въ благодарность за это избраніе новый царь произвелъ въ сенаторы сто человѣкъ плебеевъ, бывшихъ родоначальниками худородныхъ патриціевъ, или дворянъ меньшихъ (patres minores gentium). За тѣмъ, Тарквиній увеличилъ до 1400, число царскихъ всадниковъ. Замѣтивъ въ народѣ ослабленіе довѣрія къ авгурамъ, царь, уговорясь съ однимъ изъ нихъ, Аттусомъ Невіемъ, высоко поднялъ это сословіе въ мнѣніи народномъ. Однажды, въ присутствіи сенаторовъ и черни, царь спросилъ авгура: исполнимо ли то что онъ задумалъ? Авгуръ, сообразуясь съ примѣтами, отвѣчалъ утвердительно. Царь, смѣясь, вынулъ изъ подъ своей тоги бритву, камень и объявилъ, что онъ задумалъ: возможно-ли разрѣзать его бритвою?—Рѣжь! спокойно сказалъ Аттусъ Невій и царь—ко всеобщему удивленію, разрѣзалъ камень пополамъ, будто ломоть хлѣба. Съ этой поры на пророчества Авгуровъ смотрѣли съ благоговѣніемъ даже отъявленные вольнодумцы. Благодаря побѣдамъ надъ сабинцами, царь овладѣлъ областью Калатіею и покорилъ римской державѣ двѣнадцать сосѣднихъ племенъ. Ему, римляне, были одолжены заведеніемъ первыхъ колесницъ, воинскихъ торжествъ: оваций (пѣшихъ) и тріумфовъ (на колесницахъ), одѣяній сенаторскихъ и курульныхъ сѣдалищъ (троновъ для засѣданій сенаторовъ). Царица Танаквилія пользовалась славою вѣщей при жизни, а послѣ смерти удостоилась обоготворенія подъ именемъ Каіи Цециліи. Ея веретено и поясъ долгое время сохранялись въ храмѣ Санкуса; поясу приписывали чудесную цѣлебную силу, въ особенности при женскихъ недугахъ.

Тарквиній древній былъ убитъ сыновьями Анка-Марція, за это

[1] Нѣкоторые историки относятъ это событіе къ царствованію Тарквинія Гордаго.

злодѣйство приговоренными къ вѣчному изгнанію. Царемъ единогласно былъ провозглашенъ другъ и родственникъ Тарквинія— Сервій Туллій (578—534 г. до Р. Х.).

О происхожденіи этого царя существуетъ три разнорѣчивыя преданія. Первое гласитъ, будто супруга царя области Корникулума Окрезія, беременная, была взята въ плѣнъ Тарквиніемъ; родила сына и назвала его Тулліемъ съ прозвищемъ Сервія (раба), въ память его рожденія въ рабствѣ. Другое преданіе, немножко скандалезное, отцемъ Сервія Туллія величаетъ самого Тарквинія. Третье сказаніе—фантастическое, историкъ Діонисій Галикорнасскій выдаетъ за истину. Окризія, взятая въ плѣнъ, занималась во дворцѣ самыми черными работами, между прочимъ—стряпней и мытьемъ посуды. Любимымъ ея мѣстомъ для отдохновенія былъ уголокъ у домашняго очага. Здѣсь она какъ-то вздремала и тогда изъ огня вышелъ Плутонъ или Домидукусъ (домовой) или Ларъ (богъ хранитель дома) въ видѣ Пріапа и заключилъ спавшую въ свои страстныя объятія. Черезъ девять мѣсяцевъ по пробужденіи, Окризія родила Сервія-Туллія. Ни царь Тарквиній, ни супруга его Танаквилія, всегда ласковые съ Окризіею, не бранила ее за грѣхъ, не пренебрегли ни ею, ни ребенкомъ; послѣ же того, какъ однажды вечеромъ надъ его головою внезапно явилось яркое сіяніе—царь и царица признали чудесное происхожденіе Сервія, а послѣдняя предрекла ему великую будущность. Какъ-бы въ подтвержденіе своего предсказанія, Танаквилія воспитала Сервія какъ роднаго сына и впослѣдствіи женила на своей дочери Тарквиніи. Отъ этого брака у Сервія было двѣ дочери, выданные имъ за внуковъ Тарквинія древняго, Тарквинія и Арунса, надъ которыми Сервій былъ назначенъ опекуномъ. Облекшись царскимъ саномъ по волѣ народной Сервій Туллій оказался вполнѣ достойнымъ своего избранія, какъ служитель боговъ, какъ мудрый законодатель, какъ военачальникъ. Разсмотримъ подробно его тройственную дѣятельность.

Сынъ рабыни, неисповѣдимой волею судебъ вознесенный на царскій престолъ, Сервій Туллій, не забылъ своего происхожденія и, не величаясь дарованіями, приписывалъ свое возвышеніе единственно особенной милости къ нему боговъ, преимущественно

Фортуны. Богиня счастія, въ жизни Сервія Туллія, играя тужe самую роль подательницы благихъ совѣтовъ, которую при Нумѣ Помпиліи играла его Эгерія. Сервій Туллій увѣрилъ народъ, что Фортуна посѣщаетъ его, приходя во дворецъ воротами Фенестеллы; диктуетъ ему законы, даетъ наставленія касающіяся блага римлянъ. Этой богинѣ (Нартіи, этрусской) царь воздвигъ храмъ съ ея кумиромъ, завѣшеннымъ покрываломъ и установилъ, въ 11 день іюня, ежегодное празднество. При заключеніи мира съ латинянами, Сервій Туллій, для лучшаго его упроченія, построилъ храмъ Діаны на горѣ Авентинѣ для сохраненія договора, начертаннаго на мѣдной доскѣ, и для ежегодныхъ праздниковъ, соединявшихъ всѣ племена Латіума въ одну родственную семью. Имъ же учреждены были праздники Либитиній и Компиталій. Вообще, Сервій Туллій—человѣкъ глубоко религіозный, подавалъ подданнымъ примѣръ уваженія боговъ и служенія имъ.

Какъ законодатель, этотъ царь достоинъ удивленія потомства. Въ его царствованіе населеніе Рима было въ 80,000 душъ. Приказавъ произвести народную перепись для приведенія въ ясность стоимости имущества каждаго изъ своихъ подданныхъ, царь раздѣлилъ ихъ на шесть классовъ, по количеству имѣнія, а классы на центуріи или сотни. Изъ 193 центурій—98 состояли изъ богачей и патриціевъ. Голоса на народныхъ собраніяхъ подавались не поголовно, а по центуріямъ и такимъ образомъ большинство голосовъ было на сторонѣ классовъ привилегированныхъ, платившихъ за то и большія подати. Перепись имѣнія (цензъ) царь повелѣлъ совершать черезъ каждыя пять лѣтъ и время этой переписи называлось люстромъ. Кромѣ податей по центуріямъ царь установилъ налогъ поголовный за каждаго новорожденнаго, за каждаго юношу, облачаемаго въ одежду совершеннолѣтняго, и за каждаго покойника; пригородныхъ жителей раздѣлилъ на 15 трибъ; роздалъ казенные участки земли для обработки пролетаріямъ; ввелъ первую металлическую монету, мѣдную съ изображеніемъ агнца. Кромѣ того, при Сервіи Тулліи въ черту города включены были холмы Виминалъ и Эсквиналъ, самый же Римъ былъ раздѣленъ на четыре квартала: Палатинъ, Субурра, Каллатинъ и Эсквилинъ.

При всемъ своемъ миролюбіи, первыя двадцать лѣтъ царствованія, Сервій Туллій велъ войны съ латинами и этрусками, окончившіяся выгоднымъ миромъ и приращеніемъ областей римскихъ. За каждаго воина павшаго въ бою, царь могъ дать совѣстливый отчетъ богамъ и народу: онъ жертвовалъ жизнію подданныхъ ради пользы отечества, а не изъ пустаго тщеславія. Предпочитая всегда миръ—войнѣ, царь пріохотилъ подданныхъ къ земледѣлію и къ искуству строительному. Памятникомъ его царствованія осталась тюрьма на холмѣ Капитолійскомъ. Это древнѣйшее зданіе въ Европѣ существуетъ понынѣ: въ немъ помѣщается подземная церковь поклоненія веригамъ св. Петра (San Pietro in carcere), ибо именно въ этой темницѣ былъ заточенъ святый апостолъ.

Выше мы уже говорили, что обѣ дочери Сервія Туллія были выданы за внуковъ царя Тарквинія Древняго—Аруиса и Тарквинія. Женою перваго была Туллія—страстная, злая, властолюбивая; вообще на столько порочная, на сколько мужъ ея, Арунсъ былъ добродѣтеленъ. Эта тигрица влюбилась въ своего зятя, Тарквинія, и послѣ преступной съ нимъ связи убѣдила его отравить жену (свою сестру), а сама отравила своего мужа. Скрывъ отъ царя и отъ народа эти преступленія, убійцы сочетались законнымъ бракомъ и, затѣмъ, приступили къ осуществленію злодѣйскаго замысла свергнуть Сервія Туллія съ престола. Любимый плебеями, Сервій Туллій не былъ любимъ патриціями за разумное обузданіе ихъ своеволія и тиранніи надъ народомъ. Пользуясь этимъ настроеніемъ аристократіи, Тарквиній и Туллія привлекли ее на свою сторону и, льстивыми посулами всевозможныхъ льготъ, склонили къ принятію участія въ цареубійствѣ. Заручившись сочувствіемъ патриціевъ, Тарквиній сталъ вмѣшиваться въ дѣла правленія и явно присоединился къ опозиціи. Увѣщанія и угрозы царя не привели ни къ чему и зять, безъ зазрѣнія совѣсти, издѣвался надъ своимъ державнымъ тестемъ. Лѣтомъ 534 г. до Р. Х. Тарквиній придя въ сенатъ облекся въ царскую тогу и надѣлъ вѣнецъ Сервія Туллія. Царь, пришедшій туда вслѣдъ за зятемъ, началъ его укорять; назвалъ извергомъ, мятежникомъ и въ запальчивости сорвалъ съ него знаки царскаго достоинства. Злодѣй,

въ свою очередь возабывъ родство, уваженіе къ сапу и старости наря—избилъ Сервія Туллія и сбросилъ его съ лѣстницы. Окровавленный, оглушенный, несчастный старекъ поддерживаемый преданными ему вельможами, побрелъ къ себѣ во дворецъ: Въ это время дочь его Туллія, прибывшая въ сенатъ, убѣдила мужа покончить съ отцемъ... Убійцы посланные въ погоню за нимъ, настигли Сервія Туллія въ улицѣ Ципрія, и здѣсь, разогнавъ его спутниковъ, безжалостно умертвили. Торжествующая Туллія, проѣзжая этой улицей въ колесницѣ, нарочно велѣла возничему помять тѣло отца подъ копытами лошадей и возвратилась домой обрызганная его кровью! Съ этого времени улица Ципрія была переименована въ улицу злодѣйства (Via Scelerata).

Тарквиній прозванный Гордымъ (superbus) былъ послѣдниимъ царемъ римскимъ. Двадцать пять лѣтъ этотъ деспотъ душилъ народъ въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ (534—509 л. до Р. Х.); свергнутый съ престола и изгнанный онъ еще одиннацать лѣтъ поддерживалъ пламя войны, льстясь надеждою воцариться снова... Къ счастію для Рима пересталъ наконецъ тяготить собою землю, по его милости пропитанную кровью.

Царствованія тирановъ, всякихъ странъ, почти всѣ на одну стать: Обременительные налоги, шпіонство, доносы, пытки, казни; сооруженіе зданій для занятія рабочихъ рукъ и праздныхъ умовъ, побѣды надъ сосѣдними народами для собственнаго возвышенія въ мнѣніи народномъ: такова вѣчная, неизмѣнная программа политики деспотовъ и Тарквиній былъ ей вѣренъ. При немъ было введено служеніе многимъ божествамъ греческимъ. За громадную цѣну онъ купилъ у Сивиллы ея роковыя книги (libri fatales), о которыхъ мы уже упоминали (см. томъ V гл. XI стр. 87); неоднократно совѣщался съ оракуломъ дельфійскимъ, вѣрилъ гадателямъ, знахарямъ, астрологамъ, будто-бы предугадавшимъ, но не отклонившимъ отъ царя угрожавшую ему участь. Ненависть къ злодѣю и его проклятому племени соединила патриціевъ и плебеевъ въ одну дружную семью. Народъ ждалъ только удобнаго повода къ возстанію и поводъ не замедлилъ. Первая страница исторіи царства римскаго запятнана братоубійствомъ; на послѣднихъ страницахъ ея—отцеубійство и гнусное

изнасилованіе, слѣдствіемъ котораго было самоубійство женщины. Жертва сластолюбиваго Секста, сына Тарквинія, знаменитая Лукреція, можетъ быть названа олицетвореніемъ свободы народа римскаго: поруганная она низошла въ могилу, изъ которой воскресла республика!

Личность Лукреціи, супруги Коллатина, не смотря на ея мученическую смерть, до нынѣ не разгадана. Угрожая красавицѣ клеветою, Секстъ принудилъ ее согласиться на его гнусныя предложенія.—За тѣмъ Лукреція закололась, завѣщая мужу отомстить обидчику. Все это очень странно и загадочно... Какъ бы то ни было Брутъ и Коллатинъ стали въ главѣ народнаго возстанія: Тарквиній со всѣмъ своимъ семействомъ бѣжалъ изъ Рима въ Габію; престолъ его рухнулъ и монархія была превращена въ республику. Въ память этого событія, римляне, ежегодно 24 февраля праздновали бѣгство царя (Regifugium), принося богамъ благодарственныя жертвы за избавленіе отъ злодѣя и ненавистника свободы. По совершеніи обряда жрецъ бѣжалъ отъ алтаря и изъ храма преслѣдуемый бранью и хохотомъ молельщиковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Очеркъ исторіи республики.—Консулы.—Диктаторы.—Трибуны.—Непрерывныя войны.—Законы.—Децемвиры.—Ценсоры.—Галлы.—Капитолійскіе гуси.—Новыя войны.—Первое тріумвирство. Юлій Цесарь.—Его подвиги.—Второе тріумвирство.—Конецъ республики.—Состояніе религіи.—Суевѣріе.—Игры.—Антропоморфизмъ.—Гражданскіе чины.—Войска.—Орлы.—Лабарумъ.

Первое десятилѣтіе бытія римской республики (508—498 г. до Р. Х. или, съ 245 до 255 года отъ основанія Рима) протекло кровавыми рѣками междоусобій и битвъ съ союзниками Тарквинія: этрусскимъ царемъ Порсенною и латинами. Брутъ,

казнившій своихъ сыновей за ихъ участіе въ заговорѣ приверженцевъ царской власти, Горацій Коклесъ, Муцій Сцевола, диктаторъ Ларцій—личности давно знакомыя читателю, еще во времена его пребыванія на школьной скамьѣ. Принимая это въ соображеніе, мы поговоримъ о событіяхъ періода республиканскаго, съузивъ рамки нашего повѣствованія до возможной степени.

Царскую власть, единодержавную—раздѣлили между собою два консула, ежегодно избираемые, сенатъ и (номинально) народъ, которому дозволено было собираться на форумѣ, чтобы тамъ потолковать, поспорить и пошумѣть... покуда его не разгонятъ ликторы своими палками. Консульское правленіе не дало народу того благополучія, которое ему обѣщала республика: по прежнему сильный угнеталъ слабаго, богатый—бѣднаго, сытый патрицій—голоднаго плебея. Для водворенія порядка сенатъ, къ двумъ консуламъ прибавилъ одного диктатора, но и эта мѣра оказалась недостаточною: выше сената, консуловъ и диктаторовъ въ свободномъ Римѣ оказался могучій властитель—деньги: заимодавцы деспотствовали надъ должниками; ростовщики не только заточали несостоятельныхъ въ тюрьмы, но даже наносили имъ побои и увѣчья, обходясь съ ними какъ съ презрѣннѣйшими рабами. Народъ выведенный изъ терпѣнія взбунтовался, взялъ изъ Капитолія знамена и удалясь изъ Рима на священную гору оставилъ его во власть патриціямъ и ростовщикамъ. Правительству пришлось вступить въ переговоры съ начальниками возстанія. По совѣту одного изъ нихъ, Юнія Брута, народъ потребовалъ установленія новыхъ чиновниковъ—трибуновъ, должность которыхъ состояла въ охраненіи народныхъ правъ отъ произвола патриціевъ. На этомъ помирились и народъ возвратился въ Римъ, будто шумный пчелиный рой въ свой улей (260 г. отъ осн. Р.—493 г. до Р. Х.). Въ числѣ прочихъ преимуществъ, каждому трибуну было предоставлено право отмѣнить законы и постановленія сената, единымъ словомъ: «запрещаю» (veto). Демократія возвысилась въ ущербъ аристократіи; патриціи затрепетали предъ плебеями.

Слѣдствіемъ бунта былъ голодъ. Правители выписали хлѣбъ изъ Сициліи, по совѣту побѣдителя вольсковъ, Кая Марція, прозваннаго Коріоланомъ, продавали его по огромной цѣнѣ. За

это народъ потребовалъ Коріолана къ суду и, побуждаемый трибунами, приговорилъ его къ изгнанію. Проклиная сограждань, герой удалился къ вольскамъ, не давнимъ своимъ врагамъ и предложилъ имъ свои услуги. Вольски разумѣется приняли ихъ и измѣнникъ, во главѣ огромныхъ полчищъ, двинулся къ стѣнамъ Рима. Тогда то сенаторы и трибуны, патриціи и плебеи рѣшились смиренно просить прощенія и убѣдили мать Коріолана Ветурію быть посредницею между Римомъ и ея сыномъ. Старуха, сопровождаемая многими патриціанками, явилась въ станъ вольсковъ и преклонивъ колѣни предъ сыномъ умоляла его сжалиться надъ родимымъ городомъ. «Ты спасаешь Римъ и губишь сына», отвѣчалъ ей Коріоланъ и—отступилъ. Въ память спасенія города, римляне воздвигли храмъ женскаго счастія, провозгласили Ветурію спасительницею отечества; что же касается до Коріолана онъ поплатился головою за свое нѣжное сердце: вольски его умертвили. По минованіи угрожавшей опасности со стороны внѣшнихъ враговъ, въ Римѣ опять возникли внутреннія неурядицы. Консулъ Кассій предложилъ законъ о размежеваніи завоеванныхъ полей (lex agraria) и о надѣлѣ плебеевъ участками земли (267 г. Рима, 486 г. до Р. Х.). Этому воспротивились патриціи и своимъ сопротивленіемъ возмутили народъ. Черезъ нѣсколько времени трибунъ Теренцій поднялъ вопросъ о введеніи въ республикѣ общихъ законовъ и объ ограниченіи власти консуловъ (lex Terentilla): новыя столкновенія патриціевъ съ плебеями... Пользуясь внутренними раздорами вѣковые враги Рима: вольски, эквы, этруски вторглись въ области республики. Славный Цинциннатъ, призванный отъ плуга къ диктатурѣ, отразивъ непріятелей, на время водворилъ тишину въ республикѣ. Патриціи, скрѣпя сердце, приняли предложеніе трибуна Теренція: рѣшено было управленіе республики довѣрить децемвирамъ (десяти мужамъ) и составить новый сводъ законовъ, начертанный на двѣнадцати мѣдныхъ таблицахъ, выставленныхъ на площади ко всеобщему свѣдѣнію (302 г. Рима; 451 г. до Р. Х.). Три года народъ терпѣливо сносилъ иго децемвировъ; наконецъ потребовалъ упраздненія этихъ должностей и, въ то же время, отмѣны закона воспрещавшаго патриціямъ вступать въ родственные союзы съ плебеями. Сенатъ и патриціи уступили

желанію народному; но для обузданія неугомонныхъ агитаторовъ расширили права ценсоровъ, т. е. чиновниковъ, производившихъ народныя переписи. Имъ поручено было наблюденіе за общественной нравственностью и за ненарушимостью семейнаго согласія. Римъ успокоенный внутри, былъ встревоженъ извнѣ вейенетами и фиденетами (игравшими въ исторіи римской республики туже роль, которую въ нашей исторіи играли печенѣги, касоги, хозары и т. п.). Мамеркъ Эмилій и Камиллъ отразили ихъ; но трибуны, вмѣсто благодарности, обвинили послѣдняго въ самовольномъ принесеніи на жертву богамъ, значительной части военной добычи. Не дожидаясь приговора, спаситель Рима удалился изъ его стѣнъ, моля боговъ, чтобы они не наказали народъ за его неблагодарность. Молитва Камилла, однако же, не была услышана. Набѣги какихъ нибудь вейенетовъ и фиденетовъ были ничто въ сравненіи со вторженіемъ новыхъ, еще невѣдомыхъ варваровъ именно галловъ предводимыхъ Бренномъ (333 г. Рима 420 г. до Р. Х.). Овладѣвъ Римомъ, Бреннъ принудилъ республику купить постыдный миръ цѣною золота; но во время подоспѣвшій Камиллъ вторично спасъ отечество и изгналъ галловъ изъ Италіи. Въ великомъ дѣлѣ освобожденія Рима, какъ вѣроятно извѣстно читателю, сподвижниками римскихъ орловъ—Манлія капитолійскаго и Камилла были гуси, находившіеся при храмѣ Капитолія: они, пробужденные ночью, при покушеніи галловъ вторгнуться въ городъ, подняли крикъ и тѣмъ извѣстили гарнизонъ объ угрожавшей ему опасности. Басня нашего Крылова обезсмертила капитолійскихъ гусей, а страсбургскіе паштеты съ гусиными печенками можно назвать несокрушимыми памятниками мщенія потомковъ Бренна пернатымъ потомкамъ спасителей Рима!

Камиллъ обновилъ городъ; безуспѣшно пытался обуздать своеволіе трибуновъ и примирить патриціевъ съ плебеями. Къ бѣдствіямъ междоусобій присоединилось новое: моровое повѣтріе, жертвою котораго палъ доблестный диктаторъ. Съ его кончиною, Римъ, по видимому долженъ былъ погибнуть, но ни внутреннія раздоры ни войны съ сосѣдями не ослабили республики; напротивъ-она мужала, крѣпла; она была сильна любовью своихъ дѣтей и, какъ Ахиллъ выкупанный въ струяхъ Стикса, дѣлалась неуязвимою

вслѣдствіе непрерывнаго купанья въ крови человѣческой. Прошла пора войнъ оборонительныхъ и республика занялась войнами наступательными. Первою изъ нихъ была самнитская, продолжавшаяся сорокъ девять лѣтъ (414—463 г. Рима; 359—290 л. до Р. Х.); за нею вскорѣ послѣдовали: Тарентинская и эпирская (471 г. Рима; 282 г. до Р. Х.), а послѣ двадцатилѣтней перемежки, знаменитыя пуническія войны. Изъ нихъ первая длилась 24 года (491—515 г. Рима; 262—238 л. до Р. Х.); вторая—17 лѣтъ (534—551 г. Рима 219—202 г. до Р. Х.); третья—три года (604—607 г. Рима; 149—146 г. до Р. Х.). Самнитская война, ознаменованная подвигами Деція, Курія Дентата и пораженіемъ римлянъ при Каудинскихъ Фуркулахъ, окончилась выгоднымъ миромъ увеличившимъ владѣнія республики. Союзникъ тарентинцевъ Пирръ, царь эпирскій, разбилъ консула Левина при Гераклеѣ, но самъ былъ побѣжденъ великодушіемъ Фабриція и прекратилъ войну, въ которую вмѣшался ради безумнаго славолюбія... Вся южная Италія признала надъ собою владычество римской республики. Изъ за обладанія островомъ Сициліею вспыхнули Пуническія войны между Римомъ и Карѳагеномъ, о которыхъ мы, довольно подробно, бесѣдовали съ читателями [1]). Развалины Карѳагена, сѣверная Африка, часть Малой Азіи, Сицилія и Испанія сдѣлались добычею республики римской; Греція была порабощена еще за 22 года до паденія Карѳагена. Такимъ образомъ вся южная Европа, части Африки и Азіи были окованы цѣпями свободной республики. Подобно счастливому игроку, Римъ срывалъ ставки со всего свѣта: желѣзо доставляло ему груды золота; но золото занесло въ республику и нравственную порчу; оно сдѣлалось кумиромъ алчныхъ потомковъ безкорыстнаго Цинцината, неподкупнаго Фабриція, честнаго Регула, благороднаго Сципіона... Внуки послѣдняго, братья Гракхи (Тиверій и Кай) отважились отстаивать права народа отъ посягательства патриціевъ и оба погибли въ волнахъ крови ожесточеннаго междоусобія. Въ 112 г. до Р. Х. (641 г. Рима) кон-

[1] См. томъ четвертый: Сабизмъ гл. XX. XXI и XXII стр. 329—341.

сулы Метеллъ и Марій завоевали Нумидію, взявъ въ плѣнъ ея царя Югурту, до того времени оберегавшаго свои владѣнія взятками, даваемыми сенату. «О, продажный городъ!» говаривалъ онъ неоднократно про великій Римъ: «чтобы купить тебя—не за деньгами, а развѣ только за покупщикомъ станетъ дѣло!» Въ 105 г. до Р. Х. (648 г. Рима) въ предѣлы республики вторгнулись полчища кимвровъ и тевтоновъ, угрожая и самому Риму; но Марій своими побѣдами при По и Провансѣ принудилъ варваровъ къ отступленію. Въ исходѣ 90 г. до Р. Х. (663 г. Рима) началась союзническая война. Народы Италіи покоренные республикою требовали себѣ съ оружіемъ въ рукахъ одинаковыхъ правъ съ гражданами римскими. Усмиреніе этого мятежа охватившаго всю Италію поручено было Марію, Силлѣ и Помпею; но союзники были непобѣдимы, именно вслѣдствіе своего единодушія. Чтобы разрушить этотъ союзъ, сенатъ даровалъ права римскихъ гражданъ—сильнѣйшимъ: послѣдніе отстали отъ слабѣйшихъ, смирить которыхъ было уже не трудно. Изъ всѣхъ властителей древняго міра одинъ только Митридатъ VI, царь понтійскій, не преклонялся предъ республикою и она рѣшилась сломить его гордыню. Главное начальство возложено было на Марія—по происхожденію—плебея; Силла, кровный патрицій, рѣшился исхитить диктатуру изъ его рукъ и силою оружія принудилъ Марія бѣжать изъ Рима въ Африку, гдѣ онъ скитался на развалинахъ Кареагена; но отсюда пользуясь отсутствіемъ Силлы возвратился въ Римъ, овладѣлъ городомъ и казнилъ приверженцевъ своего противника. Силла одержалъ надъ Митридатомъ блистательныя побѣды при Херонеѣ и Орхоменѣ принудилъ его къ миру; затѣмъ, при содѣйствіи Красса, вытѣснилъ Марія изъ Рима и, въ свою очередь, казнилъ его приверженцевъ. До ста тысячъ гражданъ погибло въ этихъ междоусобіяхъ! Силла былъ провозглашенъ царемъ, подъ псевдонимомъ безсмѣннаго диктатора; однако же пресыщенный почестями оставилъ всѣ государственныя дѣла и скончался въ уединеніи. Его примѣръ не остался безъ подражателей; консулы: Лепидъ и Катуллъ, за ними Серторій дѣятельно раздули угасшее пламя междоусобій. Съ другой стороны Митридатъ, пользуясь этими позорными распрями, грозилъ Риму,

(679 г. Рима; 74 г. до Р. Х.). Побѣды Помпея и измѣна сына Митридата, Фарнака, довели царя понтійскаго до отчаянія, разрѣшившагося самоубійствомъ. Сирію и царство понтійское Помпей превратилъ въ римскія провинціи; предателя Фарнака наградилъ царствомъ Босфорскимъ (нынѣшній Крымъ), Іудею отдалъ Ироду и отягощенный несмѣтными сокровищами возвратился въ Римъ съ истинно царственнымъ тріумфомъ.

По предѣламъ своимъ—необъятная, по силамъ—непреодолимая римская республика—или, правильнѣе царство диктаторовъ, едва не сдѣлалась добычею новаго смѣльчака, составившаго громадный заговоръ къ возстановленію трона и возведенію на него... себя самого, разумѣется. Этотъ заговорщикъ былъ знаменитый Катилина, побѣжденный громовыми рѣчами Цицерона и принужденный бѣжать изъ Рима. Одна изъ этихъ рѣчей: «до коихъ поръ Катилина, будешь ты злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ? (Quo usque tandem, Catilina, abutere patientiam nostram) до нынѣ служитъ пробнымъ камнемъ терпѣнія учениковъ старшихъ классовъ гимназій. Сенатъ выслалъ войско противъ Катилины и преданныхъ ему полчищъ; они были разбиты и самъ Катилина смертельно раненъ. Признавая въ Цицеронѣ избавителя Рима отъ угрожавшей ему опасности, сенатъ почтилъ великаго оратора титломъ отца отечества. Для водворенія часто нарушаемаго гражданскаго порядка и для огражденія областей республики отъ покушеній сосѣднихъ народовъ, сенатъ ввѣрилъ ея управленіе тремъ мужамъ (тріумвирамъ), избраннымъ на пять лѣтъ. Этими правителями на первый случай были: Юлій Цесарь, Помпей и Крассъ. Первый назначенъ былъ правителемъ Галліи, второй—Испаніи, третій—провинцій азіатскихъ. Всѣ трое были одинаково честолюбивы; одинаково стремились къ одной и той же цѣли, избравъ къ ней разные пути—цѣлью же этою былъ вѣнецъ царскій. Тѣмъ усерднѣе всѣ трое служили республикѣ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе ее задушить, хотя бы подъ гнетомъ трофеевъ и вѣнковъ тріумфальныхъ (693 г. Рима 60 л. до Р. Х.).

Побѣды надъ гельветами, покореніе Бельгіи, прекращеніе всей Галліи въ римскую провинцію и прославленіе римскаго оружія на берегахъ Альбіона (Англіи), таковы были первые подвиги безсмерт-

наго Юлія Цесаря. Пользуясь его отсутствіемъ Помпей въ Римѣ прибралъ къ рукамъ верховную власть. Съ быстротою орла Цесарь вступилъ въ Италію, овладѣлъ Римомъ, гналъ Помпея до предѣловъ Греціи и разбилъ его на голову при Фарсалѣ (704 г. Рима, 49 г. до Р. Х.). Помпей бѣжалъ въ Египетъ, но тамошній царь умертвилъ его, боясь навлечь на себя за укрывательство гнѣвъ Цесаря. Прибывъ въ Египетъ онъ рѣшилъ споръ о наслѣдствѣ престола Птоломеевъ возведя на него **Клеопатру**. Затѣмъ отнялъ у Фарнака его область, увѣдомивъ сенатъ о своей побѣдѣ тремя словами: **пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ** (veni, vidi, vici!). Приверженцы Помпея, друзья свободы и защитники независимости республики вздумали преградить оружіемъ путь Цесарю къ престолу, но онъ разбилъ своихъ враговъ при Мундѣ (въ Испаніи) и доказалъ имъ, что онъ непобѣдимъ. Пробилъ послѣдній часъ республики римской: Юлій Цесарь былъ провозглашенъ **безсмѣннымъ диктаторомъ** и **верховнымъ вождемъ** (императоромъ) всѣхъ военныхъ силъ, ему ввѣрили власть цензоровъ, особу его объявили священною (709 г. Рима, 44 г. до Р. Х.). Далѣе этихъ почестей идти было уже невозможно; безсмертному оставалось только умереть, чтобы удостоиться божескихъ почестей... и смерть не замедлила. Пріемышъ Цесаря **Юній Брутъ**, которому диктаторъ спасъ жизнь при Фарсалѣ, со многими единомышленниками, составилъ заговоръ на жизнь своего благодѣтеля, выше чувствъ благодарности ставя любовь къ свободѣ и независимости. Убивая **человѣка** заговорщики воображали убить **власть**, которою онъ былъ облеченъ; ослѣпленные, они не хотѣли понять той простой, вѣковѣчной истины, что чѣмъ страна громаднѣе, тѣмъ необходимѣе для нея монархія, правительство единодержавное; что равенство возможно только въ математикѣ, а безусловная свобода немыслима! Заговорщики рѣшили умертвить Цесаря въ сенатѣ. Диктатора предупреждали объ угрожавшей ему опасности и жена, ее предчувствовавшая, и астрологи предостерегавшіе его отъ «идъ марта мѣсяца»; наконецъ, по словамъ лѣтописцевъ и самое небо, въ кровавыхъ дождяхъ, въ кометѣ и въ метеорахъ являвшее знаменія близкой гибели великаго человѣка. Покорный роковому предопредѣленію Юлій Цесарь, однако же, отпра-

вился въ сенатъ. Здѣсь заговорщики окружили его — и герой, покрытый двадцатью тремя ранами, закрывъ лице тогою, палъ къ подножію статуи Помпея. Послѣднія его слова были обращены къ неблагодарному фанатику: «Брутъ — и ты — противъ меня!» (Tu quoque, Brute!). Плиній (Ист. міра кн. VII гл. 27), говоря о высокихъ дарованіяхъ Юлія Цесаря упоминаетъ о 50 сраженіяхъ имъ выигранныхъ, о 846 корабляхъ имъ плѣненныхъ, о 1538 городахъ завоеванныхъ и о 12.183,000 человѣкъ — убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ въ битвахъ Цесаря — и заключаетъ заключеніе: «исчисленію всѣхъ его подвиговъ нѣтъ и конца!» Дѣйствительно, одинъ каталогъ біографій этого великаго человѣка составилъ бы цѣлый томъ и довольно объемистый. Изъ современныхъ біографовъ Юлія Цесаря нельзя не назвать бывшаго императора французовъ Людовика Наполеона III.

Мы говорили выше, что исторія республики римской началась **дѣтоубійствомъ** — (Брутъ казнилъ своихъ дѣтей); теперь, не можемъ не обратить вниманія читателей на послѣднія страницы запятнанныя отцеубійствомъ: Юній Брутъ обагрилъ руки кровію своего благодѣтеля, можетъ быть даже и отца, какъ полагаютъ нѣкоторые историки!

Завѣщаніе Юлія Цесаря было прочитано въ сенатѣ и въ немъ отразилась благородная душа убіеннаго диктатора: часть своего имѣнія онъ завѣщалъ народу и не забылъ убійцъ, которыхъ до послѣдней минуты считалъ за друзей. Народъ взялся за оружіе, чтобы мстить злодѣямъ; они спаслись бѣгствомъ. Сенатъ, для успокоенія мятежа, воздвигъ Цесарю памятникъ съ надписью: **отцу отечества**. Верховная власть опять была раздѣлена между тріумвирами: **Антоніемъ**, **Лепидомъ** и **Октавіемъ**, внукомъ покойнаго Цесаря, покровительствуемымъ Цицерономъ (710 г. Рима; 43 г. до Р. Х.). Начались междоусобія, ужаснѣе тѣхъ, которыя ознаменовали первое тріумвирство; жертвами ихъ пали, кромѣ многихъ тысячъ гражданъ: братъ Лепида, дядя Антонія, Цицеронъ и 300 сенаторовъ. Враги монархіи предводимые Брутомъ и Кассіемъ бѣжали въ Македонію; ихъ преслѣдовали соединенными силами Октавій и Антоній и побѣдили при Филиппахъ (711 г. Рима 42 г. до Р. Х). «Послѣдніе римляне» Брутъ и Кассій прекратили жизнь

самоубійствомъ. Затѣмъ, недавніе союзники, Антоній и Октавій заспоря о первенствѣ затѣяли усобицу окончившуюся битвою при Акціумѣ (723 г. Рима 30 г. до Р. Х), рѣшившею судьбу республики: Антоній бѣжалъ въ Египетъ, гдѣ погибъ смертью самоубійцы; Октавій присоединивъ къ своему имени прозвище Августа, сдѣлался самодержцемъ римской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обладателемъ всего древняго міра, царства котораго именовались римскими провинціями.

Пламенная любовь къ отечеству, великодушіе, безкорыстіе римлянъ первыхъ трехъ вѣковъ республики, вошли въ пословицу, и каждая изъ этихъ добродѣтелей имѣла множество представителей, героевъ, мучениковъ. Честное слово римлянина было для него свято и ненарушимо подобно клятвѣ или присягѣ; характеръ великаго народа выковали двѣ мощныя силы: религія и законъ въ равной степени чтимые гражданами республики римской. Въ теченіе этого періода списокъ римскихъ боговъ и богинь, помимо греческихъ, умножился многими божествами собственно римскаго изобрѣтенія и, большею частью, божествами аллегорическими. Таковыми были: Конкордія (согласіе), Страхъ (тиморъ), Война (Беллона), Свобода, Смѣтливость и т. п. Къ сожалѣнію набожность римлянъ была тѣсно связана съ суевѣріемъ, въ которомъ повѣрья и примѣты всѣхъ странъ древняго міра играли роль догматовъ.

Безъ совѣщанія съ авгурами или астрологами не предпринимали ни одного государственнаго дѣла; въ частномъ быту авгуровъ замѣняли гадальщики, ворожейки, знахари, заклинатели. Читая лѣтописи: Тита-Ливія, Тацита, Діона-Кассія, Діонисія, Галикарнасскаго и прочихъ историковъ республики, мы видимъ, что изъ политическихъ событій нами исчисленныхъ, каждое сопровождалось знаменіями, видѣньями, вѣщими снами, пророчествами и разными чудесами, о которыхъ написаны цѣлые томы на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Въ годины бѣдствій каждый народъ особенно суевѣренъ, какъ и отдѣльно взятый человѣкъ во время испытанія. Привычка древнихъ римскихъ историковъ: каждое сказаніе о важномъ событіи приправлять фантастическими прибаутками, была усвоена средневѣковыми лѣтописцами европейскихъ народовъ и въ недавнее время исторія избавилась, наконецъ, отъ этой дурной привычки многo способствовавшей распространенію суевѣрія. Донынѣ повсемѣстно существуетъ предразсудокъ, будто каждому великому событію непремѣнно предшествуютъ затмѣнія, кометы, либо какіе нибудь чудесные метеоры, а между тѣмъ, сколько событій наберется во всемірной исторіи, которыя обошлись безъ астрологическихъ эфектовъ и не сопровождались освѣщеніемъ бенгальскими огнями метеоровъ, сѣверныхъ сіяній и проч. Французская революція 1848 года, воцареніе Наполеона III, послѣдняя прусско-французская война—прошли безъ всякихъ знаменій, а это ли не міровыя событія? Замѣтимъ еще, что историки—любители чудеснаго, въ старину и еще въ весьма недавнее время, не стѣсняясь хронологіей, подгоняли событія къ знаменіямъ и обратно знаменія къ событіямъ. Положимъ, комета явилась въ 462 г. по Р. Х. ничѣмъ особенно важнымъ не ознаменованнымъ: лѣтописецъ безъ околичностей приписываетъ ея явленіе 444 году и называетъ ее вѣстницею появленія Атиллы; подобныхъ примѣровъ можно найдти множество въ старинныхъ хроникахъ.

Возвращаясь къ предмету нашего труда скажемъ, что римляне были суевѣрнѣйшимъ народомъ древней Европы и жители нынѣшней Италіи наслѣдовали эту слабость отъ своихъ славныхъ предковъ. Вѣрованія въ тяжелые и легкіе дни, въ дурной глазъ (джеттатура), въ сны, въ гаданья, въ предчувствія и т. д. донынѣ не искоренились и едвали когда искоренятся въ Италіи. Въ этомъ отношеніи тамошніе простолюдины (даже многіе и изъ средняго класса), не смотря на исповѣданіе ими христіанства, чистѣйшіе язычники. Большинство относится къ изображеніямъ святыхъ, точно такъ же, какъ древніе римляне за 400 или 300 лѣтъ до Р. Х. относились съ своимъ идоламъ. Они, вслучаѣ неудачи, бросали объ полъ изображенія своихъ пенатовъ (домашнихъ боговъ), а современные веттурини (извощики), дрягили, рыбаки и земледѣльцы точно такъ же обходятся съ образочками святыхъ за неисполненіе своихъ моленій. Намъ говорилъ очевидецъ, какъ одинъ веттурино, на нѣсколько дней опустилъ въ колодезь эмалевый образокъ своего патрона, за то, что въ день его праздника имѣлъ ничтожную выручку...

По мѣрѣ упадка нравственности въ римской республикѣ (имен-

но послѣ пуническихъ войнъ), ослабѣвала и религія; золото и желѣзо сдѣлались единственными божествами римлянъ. Изъ боговъ и богинь особеннымъ почетомъ пользовались тѣ, служеніе которымъ сопряжено было съ безчинствами и неблагопристойностями (Бахусъ, Церера, Венера, Фаллусъ). Игры взяли перевѣсъ надъ прежними богослужебными обрядами. Словомъ сказать, съ превращеніемъ республики въ имперію, преобразовалась и самая религія. Санъ императора, неограниченныя его права, понятіе о святости его особы вели прямымъ путемъ къ антропоморфизму (обоготворенію человѣка). Подданные Октавія Августа, въ угоду ему, не только признали богомъ Юлія Цесаря, но даже, благодаря астрологамъ, нашли на небѣ новую звѣзду, въ которую будто бы превратилась душа убитаго диктатора. Мы не отдалимся отъ правды, если скажемъ, что римская имперія создала себѣ новую религію, основою которой былъ, именно, антропоморфизмъ.

Приступая теперь къ обзору послѣдняго періода исторіи римской, считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ объ организаціи гражданскаго и военнаго управленій во времена республики и имперіи.

Судопроизводствомъ занимались преторы; сборщиками податей были квесторы; надзоръ за публичными зданіями довѣренъ былъ эдиліямъ. Военные генерал-губернаторы провинціи назывались проконсулами, а гражданскіе пропреторами. Военныя силы дѣлились на полки (легіоны); полки на когорты (баталіоны); когорты на центуріи (сотни, роты) и манипулы. Знамена состояли изъ насажденныхъ на длинныя древки, золотыхъ орловъ, подъ которыми, на золотыхъ же дощечкахъ, изображены были четыре буквы: S. P. Q. R. senatus populusque romanus (сенатъ и народъ римскій). Эти орлы носились, подобно живымъ, надъ грудами труповъ бранныхъ полей Европы, Азіи и Африки; въ этихъ четырехъ буквахъ многіе царства древняго міра видѣли свой смертный приговоръ...

Въ 324 году языческій орелъ пересталъ осѣнять римскія войска своими крылами, уступивъ свое мѣсто хоругви со знаменіемъ креста (Лабарумъ) подъятой рукою императора Константина святаго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Римская имперія. — Упадокъ религіи при воцареніи Августа. — Писатели-безбожники. — Обоготвореніе императора.— Рождество Христово. — Пророчества сивиллъ.— Бѣгство въ Египетъ.— Арминій и Варъ.— Жрецы августалы.— Тиверій. — Его характеръ. — Астрологъ Өрасиллъ. — Слава Германика. — Тріумфъ и смерть. — Агриппина. — Сеянъ.— Капрея.— Гибель Сеяна.— Тиранства Тиверія.— Акты Понтія Пилата.— Попытка ввести христіанство въ Римъ.— Сказанія Тертулліана.— Сказанія Іосифа Флавія объ Іоаннѣ Крестителѣ и объ Іисусѣ Христѣ.— Годъ распятія и воскресенія.— Убіеніе Тиверія.— Разныя бѣдствія.— Циркъ Фидены.

Третій и послѣдній періодъ исторіи римской объемлетъ пять вѣковъ (30 г. до Р. Х. 476 г. по Р. Х.). Самый сжатый очеркъ, самый бѣглый обзоръ событій въ римской имперіи, отвлекая насъ отъ предмета нашего труда, заставилъ бы насъ въ то же время, расширить рамки нами предвзятой программы. О царствованіи каждаго, отдѣльно взятаго, императора, написаны многія тысячи книгъ: политическія событія римской имперіи большею частью уже извѣстны просвѣщенному читателю. Чтобы не утомлять его вниманія мы особенно пристально займемся только тѣми изъ нихъ, которыя въ прямой связи съ судьбами религіи, доводя нашъ обзоръ до кончины Юліана-отступника (361—363 г.).

При воцареніи Октавія Августа нравы римлянъ и религіозныя ихъ убѣжденія были совершенно извращены и расшатаны. Весь пантеонъ боговъ греческихъ былъ переселенъ въ Римъ, вмѣстившій въ своихъ стѣнахъ, кромѣ того, исповѣдниковъ и проповѣдниковъ всѣхъ религій древняго міра и послѣдователей всѣхъ философскихъ школъ. Простой народъ еще вѣрилъ въ боговъ и въ богинь, греческихъ и доморощенныхъ; онъ еще совѣщался съ авгурами, нося на алтари послѣднія свои лепты; но средній и

высшіе классы, позабывъ религію праотцевъ, не исповѣдуя никакой, глумились надъ язычествомъ не признавая, въ тоже время, бытія и единаго Бога. Жрецы Вавилона и Египта старались вовлекать этихъ отступниковъ въ свои ученія; философы проповѣдывали имъ свои доктрины; послѣдователи закона Моисеева знакомили ихъ съ пятикнижіемъ великаго законодателя народа израильскаго; наконецъ—ученые и поэты исторгали изъ умовъ послѣдніе остатки преданій политеизма, глумясь надъ ними, или анализируя ихъ съ научной точки зрѣнія. Три произведенія славнаго Цицерона: о естествѣ боговъ, о волхованіи и посланія Тускуланамъ разбивали въ пухъ и въ прахъ всѣ миѳологическія бредни. Въ пѣсняхъ Горація, Овидія, Виргилія, Лукреція — звучали насмѣшки надъ олимпійскими богами; Плавтъ издѣвался надъ ними въ своихъ комедіяхъ. Вмѣсто поклоненія богамъ, льстецы поэты пѣли гимны Августу, буквально превознося его до небесъ.

Императоръ, однако, не на столько былъ упоенъ одуряющимъ ѳиміамомъ лести, чтобы требовать обоготворенія отъ народа. Правда, онъ самъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы вѣрить въ Юпитеровъ, Аполлоновъ, Нептуновъ и т. п., но тѣмъ не менѣе, въ религіи видѣлъ могучую помощницу своей политикѣ. Облеченный саномъ верховнаго первосвященника (pontifex maximus) Августъ возобновилъ служеніе Цибеллѣ, Вестѣ, Ларамъ и Пенатамъ; приказалъ исправить вѣщія книги Сивиллы и построилъ множество храмовъ, въ Римѣ и его окрестностяхъ. Эти разумныя мѣропріятія не воспрепятствовали однако же римскому народу называть Августа богомъ, еще при его жизни, за дарованіе имперіи желаннаго спокойствія, за продолжительный миръ, подъ сѣнію котораго процвѣтали науки, художества; преуспѣвали торговля и промышленность. Въ исходѣ тридцатаго года царствованія Августа, совершилось событіе міровое, въ лѣтописяхъ рода человѣческаго—незабвенное. Въ Виѳлеемѣ родился Спаситель міра, Іисусъ Христосъ, сынъ божій, рождество Котораго пѣніемъ своимъ привѣтствовали силы небесныя; которому поклонялся весь родъ человѣческій — въ лицѣ смиренныхъ пастырей и трехъ царей —

волхвовъ, лучезарною звѣздою-путеводительницею приведенныхъ къ яслямъ—въ которыхъ покоился сынъ Царя небеснаго.

Воплощеніе слова божія «чаянія языковъ» предсказано было, кромѣ пророковъ іудейскихъ, многими мудрецами древняго востока; но были-ли пророчества о Немъ въ Греціи и въ Римѣ—отвѣчать положительно на этотъ вопросъ не осмѣливаемся, даже въ виду какъ будто и несомнѣнныхъ тому доказательствъ — въ книгахъ нѣкоторыхъ сивиллъ, которыя можно причислить и къ апокрифамъ, написаннымъ въ первые вѣка христіанства. Воздерживаясь отъ дальнѣйшихъ разсужденій мы только представимъ читателю выдержки изъ книгъ сивиллъ: Ливійской, Дельфійской, Кумской, Эриѳрейской, Самосской, Іонійской, Геллеспонтинской, Фригійской и Тибурской. Первая изъ нихъ говоритъ о рожденіи «святою дѣвою» того, кто будетъ воскрешать мертвыхъ и исцѣлять всѣхъ недужныхъ [1]); тоже сказано о Рождествѣ Дельфійскою и Кумскою сивиллами. Въ книгахъ сивиллы Эриѳрейской встрѣчаются греческіе акростихи, по поводу которыхъ св. Августинъ говоритъ [2]); «сивилла Эриѳрея пророчила весьма явственно объ Іисусѣ Христѣ. Я уже видѣлъ одинъ переводъ, очень невѣрный; но проконсулъ Флавіанъ, человѣкъ ученый, показалъ мнѣ греческій подлинникъ, заключавшій это пророчество, въ видѣ акростиха, изъ заглавныхъ буквъ котораго составлялись четыре слова: «Іисусъ Христосъ, Сынъ божій, Спаситель». Въ книгахъ сивиллы Самосской, о бытіи единаго Бога сказано такъ ясно и вѣрно, какъ лучше быть не можетъ: «Онъ вмѣщаетъ въ себѣ начало, средину и конецъ всего; все произошло отъ него, онъ—единый Богъ и нѣтъ другаго Бога... Имъ созданъ и существуетъ міръ; Онъ же единый былъ и пребудетъ во вѣки вѣковъ [3])». Сивилла Іонійская говоритъ о воскресе-

1) Virgo, nunc sancta, dabit terris...
Ille quidem morbis pressos sanabit, et omnes
Firmos restituet laesos... et .

2) S. Augustinus: De Civ. Dei: lib. XVIII.

3) Principium, finem, media omnia novit: ab ipso
Omnia sunt, solus Deus est, neque est Deus alter!
. . . .
Illum igitur solum existentem colite opificem mundi,
Qui solus e saeculo, et in saeculum fuit estque futurus!

нія Іисуса Христа, о кончинѣ міра, объ огнѣ, которымъ онъ истребится. Въ ея же книгахъ находятся предсказанія о паденіи монархіи Александра Македонскаго и о возникновеніи изъ ея развалинъ могущественной римской имперіи. Геллеспонтинская предрекаетъ грядущее блаженство людей, которое даруетъ имъ пришествіе Іисуса Христа и упоминаетъ о солнечномъ затменіи при Его кончинѣ. Сивилла Фригійская говоритъ не только о жизни Спасителя и Его воскресеніи, но даже и объ осязаніи божественныхъ Его ранъ сомнѣвающимися учениками [4]. Наконецъ, сивилла Тибуртинская предрекаетъ Рождество Спасителя, именно, въ Виѳлеемѣ... Повторяемъ: приводя эти сказанія мы не осмѣливаемся высказывать о нихъ своего мнѣнія и пускаться въ оцѣнку ихъ правдивости [5].

Лѣтописи римской исторіи не упоминаютъ ни слова о томъ, какъ было принято Октавіемъ Августомъ извѣстіе объ избіеніи младенцевъ, совершенномъ по повелѣнію царя Ирода, подвластнаго державѣ цесаря... Сопровождаемая нарѣченнымъ супругомъ своимъ Іосифомъ, Святая Дѣва, до времени, укрылась съ Сыномъ божіимъ въ Египтѣ. Подобно Моисею, спасенному дочерью Фараона, будущій Спаситель міра нашелъ пристанище на берегахъ Нила, откуда, въ отроческихъ лѣтахъ, возвратился на берега Іордана, чтобы начать проповѣдывать божественное Свое ученіе.

Тридцать восемь лѣтъ имперія наслаждалась тишиною, нарушенную на тридцать девятый годъ. Владѣя древнимъ міромъ, попирая подъ ногами царства земли, императоръ нашелъ мужественныхъ и гордыхъ противниковъ своему властолюбію въ жителяхъ нынѣшней Германіи, тогда покрытой дремучими лѣсами. Границами этихъ областей и имперіи римской служили, по превосходному выраженію историка: легіоны римскіе и обоюдный ужасъ (mutuus

[4] Tum Dominus liquet manes, hic magno [illegible]
Prima resurgendi lectis vestigia monstrans.
Post haec suis primum Dominus patefiet, utique
Corporeus, sicut fuit ante, manusque pedesque
Ostendet... etc.

[5] См. Abbé Banier. La Mythologie et les fables expliquées par l'histoire. Paris in 12. 1748 tome [illegible] 91—99.

terror)». Полководецъ германскій Арминій въ 9 г. по Р. Х. хитростью заманилъ вождя римскихъ легіоновъ, Вара, въ чащи и болота Герцинскаго, или, Тевтобургскаго лѣса и здѣсь истребилъ ихъ, загромоздивъ родную землю трупами враговъ ненавистныхъ, дерзавшихъ посягать на независимость племенъ, мужествомъ и любовью къ родинѣ, имѣвшихъ полное право потягаться съ римлянами. Тиверій, пасынокъ Августа, на время усмирилъ воинственныхъ сыновъ Германіи; а внучатый племянникъ императора Германикъ, съ многочисленными полчищами, замѣнилъ бездарнаго Вара, въ охраненіи границъ имперіи отъ дальнѣйшихъ покушеній Арминія и его дружинъ... Но дряхлый Августъ, послѣ извѣстія о гибели своихъ легіоновъ, до самой своей смерти, былъ неутѣшенъ: ему мерещились груды остововъ бѣлѣющіяся въ болотахъ страшнаго лѣса: въ его ушахъ постоянно раздавались вопли римлянъ, гибнущихъ подъ мечами германцевъ и часто, среди ночей, томимый безсонницею императоръ восклицалъ: «Варъ, отдай мнѣ мои легіоны!»

Боготворимый подданными еще при жизни, Августъ, послѣ смерти, былъ признанъ богомъ: въ его память установлены были игры; для служенія въ храмѣ, воздвигнутомъ надъ его гробницею были назначены особые жрецы Августалы. Вѣстницею кончины императора была комета съ кроваво-красными лучами. Лежа на смертномъ одрѣ императоръ выказывалъ удивительное присутствіе духа, а въ день смерти (19 августа 14 г. по Р. Х.), шутя съ окружающими и сравнивая жизнь съ комедіей, спросилъ ихъ: «хорошо-ли я игралъ мою роль?» Ему отвѣчали похвалами и выраженіемъ напрасной надежды на выздоровленіе... «Рукоплещите-же!» произнесъ онъ—«комедія кончена!» Съ этими словами императоръ испустилъ послѣдній вздохъ. Права на наслѣдство престола могли предъявить пасынокъ Августа Тиверій и внучатый его племянникъ Германикъ, о которыхъ мы уже говорили. Выборъ императора палъ на перваго и Тиверій былъ провозглашенъ его преемникомъ.

Этотъ цесарь (14—37 л. по Р. Х.), имя котораго сдѣлалось нарицательнымъ для названія деспота, въ своемъ характерѣ явилъ тѣ же самыя черты, которыя черезъ 1500 лѣтъ явили: Эрикъ XIV

въ Швеціи, Христіанъ II въ Даніи, Иванъ IV въ Россіи, Людовикъ XI во Франціи и Филиппъ II въ Испаніи. Умный, превосходно образованный Тиверій въ то же время отличался недовѣрчивостью, скрытностью, ненавистью къ людямъ и звѣрской лютостью. До призванія своего на престолъ онъ пріобрѣлъ извѣстность своими подвигами въ Германіи, но прикрываясь личиною скромности, будто избѣгая почестей, удалился изъ Рима на островъ Родоссъ и проживалъ здѣсь окруженный волхвами и астрологами, съ которыми постоянно совѣщался. Провѣряя ихъ предсказанія онъ, иногда, спрашивалъ: знаютъ ли они собственную свою судьбу? и за отрицательный отвѣтъ топилъ несчастныхъ въ морѣ. Астрологъ Ѳрасиллъ, не задолго до смерти Августа, предсказывалъ Тиверію вѣнецъ императорскій. — А что тебѣ говорятъ звѣзды о твоей собственной участи? спросилъ злодѣй. «Говорятъ, что мнѣ угрожаетъ великая опасность!» отвѣчалъ находчивый астрологъ и тѣмъ спасся отъ смерти, дѣйствительно угрожавшей ему. Пророчество Ѳрасилла вскорѣ оправдалось: Тиверій былъ усыновленъ Августомъ, принявъ прозвище цесаря, какъ наслѣдникъ престола, и хотя у него уже былъ взрослый сынъ Друзъ, однакоже по требованію Августа, Тиверій своимъ преемникомъ призналъ Германика, женатаго на Агриппинѣ, дочери Агриппы, друга императора. Любимый войсками, Германикъ, во время кончины Августа, со всѣмъ своимъ семействомъ находился въ Германіи. Опасаясь чтобы римляне не отдали предпочтенія этому доблестному и великодушному вождю, Тиверій немедленно по восшествіи на престолъ, щедрыми подарками принудилъ сенаторовъ подтвердить свое избраніе и, за одно съ ними, одурачилъ римскій народъ искусно разыгранною комедіею. Прикидываясь великодушнымъ, Тиверій объявилъ, что онъ намѣренъ отказаться отъ престола: сенаторы, неотступными мольбами, убѣдили его, для пользы отечества, не слагать вѣнца императорскаго и цесарь уступилъ ихъ желанію. Этимъ временемъ Германикъ, вмѣстѣ со своими легіонами, предалъ погребенію бренные останки воиновъ, перерѣзанныхъ въ Тевтобургскомъ лѣсу дружинами Арменія и этимъ возбудилъ во всѣхъ своихъ подчиненныхъ, чувства живѣйшей признательности. Почести воздапныя убитымъ, глубоко тронули воиновъ римскихъ,

еще не задолго народъ тѣмъ взволнованныхъ мятежемъ, жертвою котораго едва не сдѣлался Германикъ. Извѣщенный о томъ вліяніи, которое вождь этотъ имѣетъ на свои легіоны, Тиверій отозвалъ его въ Римъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы почтить его тріумфомъ; Германикъ повиновался и дѣйствительно былъ встрѣченъ съ почестями невиданными въ Римѣ со временъ Юлія Цесаря. Побѣдитель, Арминія, ѣхалъ по римскимъ улицамъ въ колесницѣ, осыпаемый цвѣтами, увѣнчанный лаврами, сопровождаемый толпами плѣнныхъ, привѣтствуемый восторженными кликами народа. Тиверій въ его честь приказалъ выбить медали съ его изображеніемъ и надписью: «Фортуѣ возврата». Это воздаяніе герою за его подвиги понравилось народу и онъ видѣлъ въ немъ залогъ правосудія императора. Пребываніе Германика въ Римѣ, послѣ тріумфа, было однако же непродолжительно: парѳы угрожали азіатскимъ областямъ имперіи и тому же Германику Тиверій поручилъ усмирить варваровъ. Сопровождаемый неразлучною съ нимъ Агриппиною, Германикъ отправился къ мѣсту своего назначенія; усмирилъ парѳовъ, но по возвращеніи въ Антіохію внезапно заболѣлъ и послѣ нѣсколькихъ дней страданій скончался въ безутѣшной горести своей жены и легіоновъ римскихъ. Скоропостижная кончина героя была приписана отравѣ, а подозрѣніе въ этомъ злодѣйствѣ пала на императорскаго правителя Азіи—Пизона и на жену его Планкину. Какъ-бы въ подтвержденіе этой молвы они оба скрылись изъ Антіохіи и бѣжали въ Римъ, ибо дѣйствительно отравили Германика повинуясь тайному повелѣнію Тиверія. Жертва зависти деспота, Германикъ, былъ погребенъ съ царскими почестями: трупъ его былъ сожженъ на кострѣ, а пепелъ съ него собранный заключенъ былъ въ урну для перенесенія въ Римъ. Эту печальную обязанность приняла на себя Агриппина. Жители Антіохіи, въ знакъ траура, остригли себѣ головы и бороды: они выбросили изъ домовъ статуи ларъ и пенатовъ, не внявшихъ ихъ мольбамъ о выздоровленіи Германика... Осиротѣлые легіоны признали его богомъ.

Агриппина, съ урною въ рукахъ, сопровождаемая шестерыми дѣтьми и толпою друзей, немедленно по прибытіи въ Римъ явилась въ сенатъ и въ присутствіи Тиверія требовала казни убійцъ

Германика. Изъ опасенія, что-бы при слѣдствіи Пизонъ не обличилъ его самаго, Тиверій велѣлъ тайно его умертвить и онъ былъ заколотъ рукою подосланнаго убійцы; Планкина избѣгла этой участи благодаря ходатайству Ливіи, матери императора. Оказывая Агриппинѣ знаки глубочайшаго уваженія и сочувствія, Тиверій далъ ей пріютъ во дворцѣ и усыновилъ всѣхъ ея дѣтей.. Это было единственное доброе дѣло деспота, но и оно обратилось въ злодѣйство, благодаря проискамъ Сеяна префекта императорскихъ тѣлохранителей (преторіанцевъ), любимца Тиверія. Не вѣдая предѣловъ своему честолюбію Сеянъ устремилъ помыслы свои на императорскій престолъ и шелъ къ своей цѣли путемъ всякихъ злодѣйствъ, попирая подъ ногами слабыхъ, раболѣпствуя предъ сильными. Благодаря лести и наушничеству, ему удалось отдалить отъ Тиверія вельможъ, которые могли быть его соперниками. Друза, своего ненавистника, Сеянъ отравилъ; Агриппину поставилъ къ императору въ самыя непріязненныя отношенія, внушая ей не довѣряться его лицемѣрнымъ ласкамъ; Тиверію-же онъ постоянно твердилъ о ея неблагодарности и о томъ, будто вдова Германика умышляетъ на его жизнь... Императоръ повѣрилъ предателю, сослалъ Агриппину, назначивъ ея мѣстопребываніемъ пустынный островокъ на Средиземномъ морѣ; здѣсь она вскорѣ умерла, изнуренная нищетою, можетъ быть даже отъ голоду, или, отъ яду; оба ея старшіе сына погибли, благодаря навѣтамъ Сеяна. При Тиверіи остались только дочери Агриппины и младшій ея сынъ Кай, прозванный Калигулою. Такимъ образомъ, путь къ императорскому престолу былъ расчищенъ Сеяномъ и онъ тѣмъ смѣлѣе могъ идти къ нему, что дряхлый Тиверій допустилъ совершенно ослѣпить себя презрѣнному временщику. Сеянъ убѣдилъ императора удалиться изъ Рима на островъ Капрею и здѣсь наслаждаться всѣми благами жизни, соединяя пріятное съ полезнымъ, управлять имперіею при содѣйствіи надежныхъ министровъ. Тотчасъ по удаленіи Тиверія, Сеянъ прибралъ къ рукамъ верховную власть и сдѣлался императоромъ, хотя еще покуда безъ вѣнца и багряницы. Приказанія его исполнялись безпрекословно; его окружала толпа льстецовъ; въ его честь воздвигли статуи на форумѣ и нашлись даже презрѣнные людишки, признававшіе Сеяна—богомъ и сожигавшіе ѳиміамъ предъ его изображеньями. Извѣщенный матерью своею Ливіею о продѣлкахъ временщика, Тиверій послалъ приказъ сенату казнить его, какъ измѣнника— и Сеянъ, закиданный грязью, осыпанный насмѣшками былъ обезглавленъ, истерзанный его трупъ—брошенъ въ Тибръ. Повинуясь императору палачи не пощадили даже малолѣтнихъ дѣтей временщика: сыновья и дочь его были зарѣзаны. За этими казнями послѣдовалъ указъ «объ оскорбленіи величества», въ силу котораго обвиненные въ произнесеніи дерзкихъ рѣчей объ императорѣ подвергались изгнанію или смертной казни, а часть ихъ имѣнія отобранная въ казну отдавалась доносчикамъ. Благодаря этому указу весь Римъ превратился въ вертепъ шпіонства и грабежа, узаконенныхъ самимъ правительствомъ. Щадя простой народъ, Тиверій былъ немилосердъ къ патриціямъ: они гибли цѣлыми семьями; ихъ казни и истязанія въ Капреѣ доставляли кровожадному деспоту величайшее наслажденіе. Тиверій заплакалъ только однажды; именно при полученіи вѣсти о самоубійствѣ приговореннаго къ смерти Карнутія... Капрейскій тигръ жалѣлъ, что эта добыча выскользнула изъ его когтей!

Всѣ эти звѣрства не только не мѣшали, а напротивъ—способствовали всеобщему раболѣпству предъ императоромъ. Въ азіатскихъ областяхъ въ его честь воздвигали храмы, въ которыхъ бюсты Тиверія замѣняли кумировъ боговъ. Какъ деспотъ, Тиверій былъ доволенъ этими выраженьями покорности; какъ человѣкъ умный, онъ смѣялся надъ ними. Надобно замѣтить, что этотъ людоѣдъ, прикидываясь благочестивымъ, любилъ вести диспуты со жрецами, какъ римскими, такъ и иноземными, но, при всемъ томъ, выказывалъ самую разумную вѣротерпимость. Здѣсь мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о великихъ событіяхъ, которыми ознаменовано было девятнадцатое лѣто царствованія Тиверія.

Правитель Іудеи Понтій Пилатъ, осенью 786 г. отъ основанія Рима (33 г. по Р. Х.) увѣдомилъ Тиверія о волненіяхъ, бывшихъ въ этой области: волненіяхъ, для усмиренія которыхъ, онъ былъ вынужденъ: «выдать іудеямъ для казни, чрезъ распятіе на крестѣ—человѣка праведнаго, кроткаго, именовавшагося

Христомъ и проповѣдывавшаго новое, еще невѣдомое ученіе[1]). Проповѣдуя его іудеямъ и язычникамъ, Онъ исцѣлялъ недужныхъ, возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, воскрешалъ мертвыхъ и творилъ многія чудеса; скончался на крестѣ, но согласно пророчествамъ, бывшимъ о Немъ, воскресъ въ третій день, явился многимъ ученикамъ и послѣ сороколдневнаго пребыванія на землѣ—вознесся на небо». Акты присланные Пилатомъ произвели на Тиверія глубокое впечатлѣніе и по словамъ Тертулліана, онъ предложилъ сенату обратить вниманіе на новую религію и обсудить вопросъ о томъ, возможно-ли ея введеніе въ имперію? но, какъ говоритъ упомянутый авторъ: «Богъ въ Римѣ не можетъ быть богомъ, если онъ не угоденъ сенату».Тиверій, при которомъ имя: христіанинъ, начало входить въ извѣстность, извѣщенный изъ самой Палестины о событіяхъ, ознаменовавшихъ божественность Христа, передалъ сообщенные ему свѣденія сенату, выразивъ, при этомъ, свое одобреніе. Сенатъ отвергъ это предложеніе за то, что императоръ съ нимъ предварительно не совѣщался. Императоръ настаивалъ и грозилъ наказаніемъ обвинителямъ христіанъ. Справьтесь въ вашихъ архивныхъ спискахъ и вы увидите, что Неронъ былъ первымъ гонителемъ этой религіи» (Tertulliani Apologetica cap. 5). Не менѣе этихъ сказаній, намъ, христіанамъ, драгоцѣнны одобрительные отзывы о Спасителѣ міра и о Его Предтечѣ—лѣтописцевъ, ихъ современниковъ. Вотъ что говоритъ объ Іоаннѣ Крестителѣ іудейскій историкъ Іосифъ Флавій (Antiquit judaic. Lib. XVIII cap. 7): «Онъ былъ человѣкъ благочестивый, убѣждавшій іудеевъ идти стезями добродѣтели, быть справедливыми, принимать омовеніе (крещеніе), соединяя чистоту тѣлесную съ душевною... Такъ какъ за нимъ слѣдовало множество народа, слушавшаго его поученія, то Иродъ опасаясь его вліянія, заточилъ его въ темницу Махеру и тамъ казнилъ». Тотъ же Іосифъ Флавій (lib. XVIII cap. 4) гово-

[1]) О реляціяхъ Пилата Тиверію упоминаютъ: св. Іустинъ Apologia §§ 35 et. 48, Евсевій Hist. eclesiast. Lib. II 2, и Тертулліанъ Apologetica § 21. До Пилата, объ Іисусѣ Христѣ писалъ въ Римъ проконсулъ Лентулъ, посланіе котораго послужило иконописцамъ руководствомъ для изображенія божественнаго лика Спасителя. Мы представимъ это посланіе въ концѣ нашей исторіи.

ритъ объ Іисусѣ Христѣ: «въ это время появился Іисусъ, человѣкъ мудрый, если только возможно назвать Его человѣкомъ, ибо Онъ совершилъ множество чудесъ и проповѣдывалъ истину всѣмъ желавшимъ ее слышать. У Него было много учениковъ, изъ іудеевъ и язычниковъ, принявшихъ Его ученіе. Это былъ Христосъ. Пилатъ, по обвиненію старѣйшинъ народа нашего, распялъ его, но это не воспрепятствовало первымъ Его послѣдователямъ пребыть Ему вѣрными. Онъ явился имъ живой, черезъ три дня послѣ своей смерти, согласно пророчествамъ о Его воскресеніи и о многомъ до Него касающемся, и еще понынѣ существуетъ секта христіанъ, носящая Его имя». Скажемъ въ заключеніе, что распятіе, крестная кончина и воскресеніе Іисуса Христа происходили 30, 31 марта и 1 апрѣля 786 года отъ основанія Рима, отъ воплощеніяже Спасителя въ 33 годъ.

Тиверій, ненавистный олигархамъ, былъ задушенъ Макрономъ, префектомъ преторіанцевъ, который провозгласилъ императоромъ Каія Калигулу—сына Германика (37 г. по Р. Х.). Вмѣсто стараго тигра на престолъ взошелъ бѣшеный вепрь, въ теченіе шести лѣтъ своего царствованія, купавшійся въ крови и въ грязи, которыми и запятналъ страницы лѣтописей. Въ дополненіе ко всему нами сказанному о царствованіи Тиверія, замѣтимъ, что оно было обильно многими бѣдствіями, явленіемъ метеоровъ и кометъ, всегда ужасавшихъ близорукихъ суевѣровъ. Въ 17 году повсемѣстно свирѣпствовали моровыя язвы: въ Азіи землетрясеніемъ разрушено было 12 городовъ, въ томъ числѣ Эфезъ, Магнезія и Сардесъ. Хотя лѣтописи утверждаютъ будто убіенію Тиверія предшествовала комета, однако же, по вычисленіямъ Пенгре[1]), она явилась черезъ два года. Разрушеніе цирка въ Фиденѣ, подъ развалинами котораго погибло до 50.000 зрителей, было ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ бѣдствій: римляне ставили его на ряду съ позорнымъ пораженіемъ ихъ легіоновъ при Каннахъ и въ лѣсу Тевтобургскомъ.

Само собою разумѣется, что обоготвореніе Тиверія и служеніе

[1]) Pingré: Cométographie, Paris 1783 II vol in 4 Tome I. Section II p.p. 283—287.

ему въ храмахъ—окончились вмѣстѣ съ его смертью: послѣдній вздохъ тирана погасилъ огни на его алтаряхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кай Калигула. — Обоготвореніе сестеръ. — Собственная апоѳеоза. — Юпитеръ латинскій. — Алхимія. — Потитій. — Казни. — Любимый конь. — Петроній въ Іудеѣ. — Цесарь и Іегова. — Убіеніе Калигулы. — Цесари и громъ. — Клавдій. — Мессалина. — Сатиры Ювенала. — Религіозныя постановленія. — Бунтъ Камилла. — Петъ и Аррія. — Голодъ. — Убіеніе Мессалины. — Агриппина. — Пророчество о Домитіи. — Неронъ. — Локуста. — Отравленіе Клавдія. — Апоѳеоза. — Воцареніе Нерона. — Обоготвореніе Агриппины. — Британникъ. — Потѣха Нерона. — Аникетъ. — Убіеніе Агриппины. — Смерть Октавіи. — Поппея. — Комета. — Новый видъ казни. — Разбои. — Пожаръ Рима. — Сказаніе Тацита о первыхъ христіанскихъ мученикахъ. — Указъ о чародѣяхъ. — Обновленіе Рима. — Золотой дворецъ. — Заговоръ. — Эпихарида. — Смерть Сенеки. — Убіеніе и похороны Поппеи. — Актэ. — Гальба и Виндексъ. — Смерть Нерона. — Сирійская богиня. — Куколка. — Безвѣріе Нерона.

Преемнику Тиверія, Каію Калигулѣ [1]), при восшествіи его на престолъ, было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ. Сенатъ, войско и народъ, видя въ немъ сына доблестныхъ Германика и Агриппины, были увѣрены, что императоръ наслѣдовалъ отъ отца и отъ матери ихъ добрыя качества. Разочарованіе было тѣмъ ужаснѣе, что Калигула, въ первые два года своего воцаренія, какъ будто и оправдалъ возлагаемыя на него надежды. Онъ отмѣнилъ законъ

[1]) Прозвище Калигулы Кай получилъ еще въ младенчествѣ за то, что обувался въ маленькіе сапожки (калиги) которые носили римскіе воины.

объ оскорбленіи величества; освободилъ изъ тюремъ томившихся тамъ узниковъ; перенесъ въ Римъ и похоронилъ въ гробницѣ Августа прахъ матери и старшаго брата, умершихъ въ ссылкѣ. Эти дѣянія были послѣдними человѣческими поступками Калигулы; за ними слѣдовалъ длинный рядъ злодѣйствъ, звѣрскихъ и сумасбродныхъ выходокъ и всякаго рода гнусностей. У Калигулы было три сестры: Агриппина, Друзилла и Юлія. Страстно любя ихъ императоръ приказалъ вычеканить медали съ ихъ изображеньями, ежедневно совершать молебствія о ихъ благополучіи и принудилъ сенаторовъ принести присягу въ томъ, что его сестры, для нихъ, дороже всего на свѣтѣ. Когда Друзилла скончалась, Калигула причислилъ ее къ богинямъ, посвятилъ ей храмъ, въ которомъ, вмѣстѣ со жрецами воскурялъ ей ѳиміамъ и приносилъ жертвы. Эти почести памяти усопшей, по его повелѣнію признанной безсмертною, вскружили голову самому императору. По примѣру Александра Македонскаго (которому только и могъ подражать въ сумасбродствахъ) Калигула превозгласилъ себя богомъ подъ именемъ Юпитера Латинскаго. Нѣкоторые снисходительные историки говорятъ, будто эта мысль свела его съ ума и дѣйствительно, по нѣкоторымъ его поступкамъ можно было бы усомниться въ его разсудкѣ, еслибы они не были запечатлѣны ироніею и какимъ-то злорадостнымъ глумленіемъ надъ богами и надъ людьми. Такимъ образомъ, Калигула повелѣлъ поставить свои бюсты во всѣхъ храмахъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, отпиливъ головы идоламъ приналалъ къ ихъ туловищамъ отлитыя изъ золота, серебра или бронзы изображенія своей собственной головы; приказалъ, чтобы ему лично, ежедневно приносили на жертву куръ, фазановъ, павлиновъ и вообще всякую живность, до которой былъ большой охотникъ. Посѣщая храмъ Капитолійскій императоръ взбирался на пьедесталъ статуи Юпитера, шептался съ нею и подставлялъ ухо къ ея устамъ будто-бы разговаривая и совѣщаясь. Иногда, въ дни полнолуній онъ приказывалъ ставить въ комнатѣ дворца, освѣщенной луною, великолѣпное ложе и приглашалъ Діану пожаловать на ночлегъ къ нему... Луна, разумѣется, не сходила съ неба къ этому новому Эндимі-

ону [1]) но это не мѣшало ему, на другой день, говорить придворнымъ, будто богиня ночевала во дворцѣ, въ чемъ, разумѣется никто не осмѣливался ему противорѣчить: Сенатъ и народъ раболѣпствовали и молчали; жрецы храмовъ морщились отъ неудовольствія и... приносили жертвы богинѣ Друзиллѣ и новому богу, Юпитеру Латинскому.

Пренебрегая государственными дѣлами, Калигула посвящалъ цѣлые дни пиршествамъ, или забавлялся битвою гладіаторовъ и звѣриными травлями въ циркахъ. Плиній говоритъ (Ист. міра кн. XXXIII гл. 4) будто Калигула, нѣкоторое время, занимался алхиміею и умѣлъ выдѣлывать золото, истрачивая на матеріалы несравненно болѣе настоящаго золота, нежели добывалъ искусственнаго. Всѣ эти сумасбродства не только никого не возмущали, но даже для многихъ вельможъ служили источниками для возвышенія и обогащенія: толпы льстецовъ окружали императора, выражая ему самую раболѣпную преданность. Однажды онъ опасно заболѣлъ и царедворецъ Потитій, моля боговъ о его выздоровленіи, изъявилъ желаніе отдать за жизнь императора свою собственную. Калигула выздоровѣлъ и по его собственному выраженію «чтобы Потитій не былъ клятвопреступникомъ» приказалъ сбросить его съ Тарпейской скалы. Это безчеловѣчное приказаніе было исполнено и Потитій погибъ увѣнчаный, подобно жертвѣ, цвѣточными вѣнками и опутанный гирляндами. За первой жертвою не замедлили многіе десятки другихъ; разъ отвѣдавъ крови человѣческой Юпитеръ Латинскій (т. е. Калигула) вошелъ во вкусъ и предался запою. Онъ приказалъ предать смерти обоихъ внуковъ Тиверія и одинъ изъ нихъ закололся, другой былъ отравленъ. Затѣмъ императоръ возстановилъ отмѣненный имъ законъ объ оскорбленіи величества и, какъ во время Тиверія, опять начались въ Римѣ доносы, аресты, пытки, казни, изгнанія; имущества осужденныхъ отбирались въ императорскую казну: она богатѣла, а знатнѣйшія семейства нищали и сиротѣли...

Возведя себя на степень бога, Калигула вздумалъ возвести любимаго своего коня на степень сановника. Помѣщенный въ мраморномъ стойлѣ, съ яслями изъ слоновой кости, этотъ конь былъ выводимъ на показъ народу въ пурпуровой попонѣ, съ жемчужнымъ ожерельемъ на шеѣ. Для ухода за нимъ была назначена цѣлая свита, ему прислуживали рабы; иногда императоръ приглашалъ коня къ своему столу и изъ собственныхъ рукъ угощалъ виномъ и пшеницею... Знатнѣйшіе сенаторы, въ угоду Калигулѣ, посѣщали его коня и освѣдомлялись о здоровьѣ четвероногаго любимца двуногаго звѣря.

[1]) См. Томъ V гл. VIII стр. 6.

Быть богомъ въ Римѣ показалось Калигулѣ недостаточнымъ; онъ пресытился почестями, которыя воздавали ему подданные соотечественники и появленіе его на римскихъ улицахъ въ костюмѣ Юпитера съ громами и молніями въ рукахъ уже не производило прежняго эффекта... онъ рѣшился ввести служеніе своей особѣ во всѣхъ областяхъ имперіи и, на первый случай, обратилъ вниманіе на Іудею. По его повелѣнію Петроній отправился въ эту страну съ грузомъ идоловъ Калигулы и оставивъ ихъ въ Птолемаидѣ прибылъ въ Іерусалимъ, для предварительныхъ переговоровъ со священниками о помѣщеніи этихъ кумировъ въ храмѣ. Глубоко оскорбленные предложеніемъ Петронія, іудеи отвѣчали ему, что они всегда готовы молиться Іеговѣ за императора римскаго и за его народъ, но ему самому поклоняться никогда не будутъ. Эти-же самыя слова они повторили Петронію и на съѣздѣ въ Тиверіадѣ. Посланный Калигулы, чтобы не раздражать іудеевъ, согласился во времени отложить исполненіе даннаго ему приказанія и возвратясь въ Римъ обо всемъ доложилъ императору. Взбѣшенный Калигула едва не казнилъ Петронія за ослушаніе, а бывшаго тогда во дворцѣ Ирода-Агриппу осыпалъ упреками и ругательствами. Мысль ввести язычество въ Іудеѣ долгое время не давали покою Калигулѣ; но мало по малу ее вытѣснили изъ его головы другія сумасбродныя фантазіи. Злодѣй неоднократно выражалъ сожалѣніе, что въ его царствованіе не было еще ни одного народнаго бѣдствія, подобнаго гибели легіоновъ Вара—при Августѣ, или разрушенія цирка въ Фиденѣ—при Тиверіи. Однажды въ порывѣ сладострастія лютости, Калигула воскликнулъ: «какъ бы я желалъ, чтобы у римскаго народа была одна голова!.. Тогда я могъ-бы отмахнуть ее однимъ ударомъ!» Этому желанію

вскорѣ суждено было исполниться: единственною главою народа былъ онъ же самъ и, такимъ образомъ, въ вопіяхъ призвалъ гибель на собственную свою голову.

Въ послѣдніе годы его царствованія, частые заговоры на его жизнь, доказала этому чудовищу, что онъ достигъ своей цѣли, возбудивъ во всѣхъ римлянахъ непримиримую ненависть. Окруживъ себя преторіанцами, шпіонами и палачами, Калигула началъ, по подозрѣнію, преслѣдовать правыхъ и виноватыхъ: сестеръ своихъ Юлію и Агриппину онъ сослалъ въ Галлію; казнилъ побѣдителя Гетуловъ, Косса Корнелія Лентула: тотъ самый Макронъ, которому Калигула былъ обязанъ возведеніемъ своимъ на престолъ, принужденъ былъ прекратить свою жизнь самоубійствомъ... Мысль поразить народъ какимъ нибудь огромнымъ бѣдствіемъ не покидала императора и, наконецъ, онъ придумалъ произвести въ Римѣ голодъ, скупивъ весь хлѣбъ и спрятавъ его въ собственныхъ своихъ житницахъ. Тогда мѣра народнаго терпѣнія переполнилась; преторіанцы, подъ предводительствомъ рѣшительнаго Хереи, умертвили Калигулу въ театрѣ, 24 января 43 г. [1]) и затѣмъ зарѣзали его жену и дочь (невинныя поплатились за виноватаго).

Здѣсь, къ біографіи Калигулы мы прибавимъ замѣтку, достойную вниманія читателя. Въ исторіи трехъ первыхъ царей римскихъ громъ игралъ не послѣднюю роль: Ромулъ исчезъ во время грозы; Нума Помпилій наученный этрусками умѣлъ управлять громовыми стрѣлами; Туллъ Гостилій палъ жертвою своего неумѣнья убитый громомъ. Совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ къ воздушному электричеству были три первые императора римскіе. По свидѣтельству Светонія, Августъ, Тиверій и Калигула—боялись грома, и эта боязнь доходила до смѣшнаго. Во время грозы Августъ прятался въ подвалъ и постоянно носилъ нагрудникъ изъ тюленьей кожи, которую древніе почитали неподверженною ударамъ молніи. Тиверій покрывалъ голову лавровымъ вѣнкомъ, вѣруя, что громъ никогда не ударяетъ въ лавръ. Что же касается до

[1]) Числа показаны нами по Кометографіи Пе[illegible]ре, [illegible] хронологіи руководствовался астрономическими вычисленіями [illegible] часть историковъ относитъ убіеніе Калигулы къ 41 году.

Калигулы, наряжавшагося Юпитеромъ и собственноручно метавшаго перуны изъ смолы или сѣры—онъ смертельно боялся настоящихъ и чтобы не видѣть ихъ, забивался подъ перины!

Убіеніе Калигулы произвело смуты въ Римѣ, а въ людяхъ благомыслящихъ пробудило заботу о томъ, кто будетъ правителемъ имперіи? Одинъ изъ преторіанцевъ, Гратъ, отыскалъ во дворцѣ одурѣлаго отъ старости и полумертваго отъ страха—Клавдія, дядю убитаго Калигулы и привѣтствовалъ его какъ императора. Примѣру Грата послѣдовали остальные преторіанцы; за ними—сенатъ, за сенатомъ—народъ и Клавдій взошелъ на престолъ цесарей римскихъ.

Робость и тупоумie были отличительными чертами характера Клавдія еще въ дѣтствѣ и въ своемъ семействѣ бѣднякъ былъ посмѣшищемъ даже для родной своей матери. Женившись на знаменитой Мессалинѣ, Клавдій прижилъ съ нею сына Британника и дочь Октавію; затѣмъ, предоставивъ этой развратницѣ полную свободу жить согласно гнуснымъ ея наклонностямъ, посвятилъ свою жизнь гастрономіи, ѣлъ, пилъ, спалъ и жирѣлъ ни о чемъ другомъ не заботясь, ни о чемъ не думая, кромѣ яствъ и напитковъ. За него думали его вольноотпущенники: Нарциссъ и Палласъ, а Мессалина повелѣвала надъ нимъ какъ надъ самымъ ничтожнымъ рабомъ. Эта женщина, имя которой донынѣ служитъ браннымъ словомъ, въ любовныхъ своихъ неистовствахъ превзошла развратницъ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ временъ. Не довольствуясь мужскимъ гаремомъ, набраннымъ изъ сильныхъ, здоровенныхъ гуртовщиковъ и гладіаторовъ; не насыщаясь ласками фигляра Мнестера, которому она воздвигла статуи и чуть-ли не алтари—Мессалина, подъ именемъ Лизиски ходила по лупанарамъ и въ этихъ грязныхъ трущобахъ не пренебрегала объятьями пьяныхъ солдатъ и простолюдиновъ. На принадлежащей ей дачѣ Лукулла, эта тигрица, одержимая нимфоманіей, разыгрывала вакханаліи, при видѣ которыхъ и самыя отчаянныя жрицы Бахуса могли покраснѣть отъ стыда... Она была первымъ лицемъ на празднествахъ Озириса, введенныхъ въ Римъ и сопровождавшихся процессіями, въ которыхъ знатнѣйшія матроны носили на рукахъ Фаллуса—бывшаго при первыхъ цесаряхъ чуть-ли не верховнымъ божествомъ, и ихъ самихъ

и народа. Дополнимъ характеристику Мессалины переводомъ ядовитыхъ строфъ Ювенала: «Взгляни на императора Клавдія: лишь только безстыдная его супруга замѣчала, что онъ погрузился въ сонъ, она, державная куртизанка, переодѣвалась въ простое платье и прикрывая черные свои волосы бѣлокурымъ парикомъ, уходила въ лупанаръ и здѣсь, подъ именемъ прелестницы Лизики обнажала ложе сна, носившія великодушнаго Британика! Увлекательная и сладострастная она не отвергала ни чьихъ объятій... не принимала даже и платы! Наконецъ, утомленная, но не сытая возвращалась съ омертвѣлымъ лицомъ, примѣшивая къ ароматамъ изголовья вонь лупанаровъ [1])». Такова была Мессалина, правнука Октавіи, сестры Августа!

Щедро наградивъ преторіанцевъ, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ восшествіемъ на престолъ, Клавдій однако же казнилъ Херею и прочихъ убійцъ Калигулы, карая ихъ не за убіеніе злодѣя, но за цареубійство. Эта казнь не помѣшала ему, однако же, отмѣнить многія постановленія своего предшественника, переплавить всѣхъ его идоловъ и даже перечеканить монету съ его изображеніемъ. Желая явить народу свое благочестіе, Клавдій возстановилъ многіе древніе обряды и между прочими вѣковыя игры (ludi seculari). По праву первосвященника (pontifex maximus) повелѣлъ совершать общественныя молебствія послѣ землетрясеній, бурь, грозъ, метеоровъ и появленій зловѣщихъ птицъ надъ Капитоліемъ, или надъ дворцомъ. Въ послѣднихъ случаяхъ самъ Клавдій читалъ молитвы, удаливъ, изъ толпы слушателей, рабовъ и ремесленниковъ. Приращеніе имперіи римской, вслѣдствіе завоеванія нѣкоторыхъ областей Британіи, было радостно привѣтствуемо сенатомъ и народомъ и вообще въ первые годы царствованія Клавдія онъ былъ любимъ и уважаемъ подданными.

Племянницы императора, Юлія и Агриппина были возвращены изъ ссылки и съ подобающими имъ почестями помѣщены во дворцѣ. Первая изъ нихъ вскорѣ навлекла на себя ненависть Мессалины,

[1] Et lassata viris, sed non satiata, recessit:
Obscurisque genis turpis, fumoque lucernae
Foeda lupanaris tulit ad pulvinar odorem.

и снова удаленная изъ Рима была тайно умерщвлена; осталась одна только Агриппина, бывшая тогда за вторымъ мужемъ патриціемъ Пассіеномъ. Вкрадчивая, лукавая, она умѣла угождать Мессалинѣ и своему державному дядѣ. Бунтъ Камилла, начальника римскихъ легіоновъ въ Галліи, едва не свергъ Клавдія съ престола, но по счастію былъ усмиренъ и всѣ сообщники Камилла подверглись казни. Одинъ изъ нихъ, Петъ, занялъ страницу въ исторіи, благодаря геройскому самоотверженію жены своей Арріи. Не желая пережить мужа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уговаривая его предупредить казнь самоубійствомъ, она закололась и передавая ему кинжалъ произнесла, испуская послѣдній вздохъ: «возьми... это не больно!»—Покуда Клавдій занятъ былъ казнями мятежниковъ, Мессалина, обезумѣвшая отъ распутства, желая пополнить свои сокровищницы, скупила весь хлѣбъ и жизненные припасы, чтобы перепродавать ихъ народу по непомѣрной цѣнѣ. Слѣдствіемъ этого былъ голодъ, жертвами котораго пали тысячи. Для пресѣченія бѣдствія, Клавдій былъ принужденъ назначить таксу на предметы народнаго продовольствія. Затѣмъ императоръ, поручивъ управленіе Римомъ сенату, отправился въ Остію. Не стѣснявшаяся его присутствіемъ Мессалина только развратничала; пользуясь его отъѣздомъ она формально взяла себѣ другаго мужа, Силлана, отпраздновавъ свое бракосочетаніе чудовищной вакханаліей. Нарциссъ довелъ объ этомъ до свѣденія Клавдія и убѣдилъ полоумнаго старика казнить преступницу: она была зарѣзана ликторами. Вѣсть о ея смерти застала супруга Мессалины за столомъ и, погруженный въ это любимѣйшее свое занятіе, онъ отнесся къ ней съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. На другой день онъ очень наивно спросилъ: гдѣ Мессалина? Ему отвѣчали молчаніемъ; дня черезъ два онъ забылъ жену. Убійца Нарциссъ надѣялся овладѣть императоромъ и его именемъ властвовать въ Римѣ, но его предупредила Агриппина.

Пассіенъ, какъ мы уже говорили, былъ ея вторымъ мужемъ; послѣ перваго—Домитія Энобарба, у нея остался сынъ Домитій, котораго она обожала до безумія. Когда Домитію было года три, Агриппина совѣщалась съ волхвами о будущей его участи. Ей отвѣчали, что Домитій будетъ императоромъ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ и ея убійцею. «Пусть убьетъ меня» отвѣчала Агриппина— «лишь-бы царствовалъ!» Любимая дядею еще при Мессалинѣ, она послѣ ея убіенія отравила Пассіена и вышла за Клавдія, который, женивъ Домитія на дочери своей Октавіи, усыновилъ его назвавъ Нерономъ; роднаго же сына своего Британника отстранилъ отъ престолонаслѣдія. Нарциссъ, по проискамъ Агриппины, былъ изгнанъ. Такимъ образомъ, до воцаренія изверга рода человѣческаго—Нерона, на престолѣ римскомъ находился старый крокодилъ, опутанный кольцами ядовитой змѣи. Ласки Агриппины погасили въ Клавдіи послѣднія искры разсудка и остатки дней онъ проводилъ только за столомъ и въ своей опочивальнѣ... Но этотъ остатокъ показался императрицѣ слишкомъ долгимъ. Она приказала отравительницѣ Локустѣ придумать приправу къ кушанью Клавдія, отъ которой онъ могъ-бы заболѣть неизлечимымъ воспаленіемъ желудка... Локуста повиновалась и посовѣтовала Агриппинѣ угостить супруга блюдомъ грибовъ (по всей вѣроятности мухоморовъ—Agaricus muscarius L.). Откушавъ съ обычнымъ апетитомъ, Клавдій погрузился въ усыпленіе, перешедшее въ непробудный сонъ (13 октября 54 г.). Скрывъ, до времени, отъ народа смерть Клавдія, супруга его удержала Британника во дворцѣ, а наставникъ у Нерона, Бурру, поручила идти, вмѣстѣ съ нимъ, въ лагерь преторіанцевъ и не жалѣя золота убѣдить ихъ провозгласить Нерона императоромъ римскимъ. Подъ ихъ восторженными кликами, замолкли голоса справедливости и совѣсти: Неронъ воцарился (54—68 л. 807—821 г. Рима). Клавдій, удостоенный пышнаго погребенія и апоѳеозы, былъ призналъ богомъ; сама Агриппина пожелала быть его верховною жрицею. Храмы въ его память были сооружены въ Римѣ и во многихъ областяхъ имперіи. Храмъ въ Прузѣ въ Виѳиніи существовалъ пятьдесятъ лѣтъ и разрушился въ царствованіе Траяна (99—118 г.). Тогдашній правитель Виѳиніи, Плиній-младшій намѣревался построить на его мѣстѣ термы (бани), но императоръ запретилъ ему, поставивъ на видъ, что мѣсто храма, хотя бы и разрушеннаго, должно быть на вѣки свято и неприкосновенно.

Неронъ, воспитанный Бурромъ и Сенекою, но развращенный родною матерью, въ отроческихъ и юношескихъ лѣтахъ

обнаруживалъ богатыя способности и прекрасныя чувства. Желая властвовать надъ сыномъ, Агриппина, задушивъ въ себѣ чувства человѣческія, была его первою руководительницею на поприщѣ разврата, распаляя въ немъ чувственность кровосмѣсительными ласками. Оставивъ свою супругу Октавію, Неронъ привязался къ Поппеѣ, и Агриппина, ревнуя сына, соперничала съ этой презрѣнной женщиной, будучи сама тысячу разъ ея презрѣннѣе. Семнадцатилѣтній Неронъ, въ первые два года царствованія, снискалъ благословеніе подданныхъ. Когда ему принесли для подписи первый смертный приговоръ онъ, заплакавъ, произнесъ: «какъ-бы я желалъ не умѣть писать!...» И этотъ самый человѣкъ, черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ того—кровью вписалъ свое имя на страницахъ исторіи!—Отдавая справедливость матери за ея содѣйствіе его воцаренію, Неронъ призналъ ее богинею: разрѣшилъ ей, подобно кумиру, или верховному жрецу, въѣзжать въ Капитолій на священной колесницѣ (Карпентумъ); установилъ праздники въ ея честь; во многихъ храмахъ поставилъ ея изображенія... Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе, при обзорѣ состоянія религіи въ Римѣ, въ царствованіе Нерона; сперва окончимъ обзоръ историческій.

Воздавая матери столь великія почести, Неронъ въ тоже время, по совѣту Бурра и Сенеки, отстранялъ эту злодѣйку отъ правительства: она постоянно вмѣшивалась въ государственныя дѣла, онъ—еще того постояннѣе, отвлекалъ ее отъ нихъ и не слѣдовалъ ея наставленіямъ. Однажды Агриппина вздумала сѣсть на тронъ рядомъ съ сыномъ, но онъ, осыпая мать ласками и поцѣлуями, ловко выпроводилъ ее изъ троннаго чертога. Оскорбленная Агриппина напомнила ему о правахъ Британника и этимъ словомъ произнесла смертный приговоръ несчастнаго. Опасаясь, чтобы Агриппина не возвела Британника на престолъ, Неронъ потребовалъ у Локусты самого быстраго яду и, за пиршествомъ, тайно влилъ его въ кубокъ своего шурина. Британникъ въ жесточайшихъ мученіяхъ скончался чрезъ нѣсколько минутъ и Неронъ, оплакивая притворными слезами его преждевременную кончину, отклонилъ отъ себя, до времени, всякое подозрѣніе въ убійствѣ. Локусту онъ щедро наградилъ деньгами и помѣстьями, давъ ей

вмѣстѣ съ тѣмъ, привилегію на поставленіе и продажу всевозможныхъ ядовъ. Это было первое злодѣйство Нерона, за которымъ слѣдовала тысяча прочихъ, одно другаго ужаснѣе.

Вслѣдствіе разлада между сыномъ и матерью, всѣ льстецы и приспѣшники послѣдней отшатнулись отъ нея; единственнымъ ея другомъ и собесѣдницей была Октавія, супруга Нерона, имъ забытая для Поппеи. Этотъ демонъ въ образѣ женщины, развилъ въ Неронѣ страсть къ поэзіи, къ музыкѣ, къ сценическимъ представленіямъ. Онъ самъ писалъ очень дрянненькіе стихи превозносимые льстецами; игралъ на лирѣ, пѣлъ, выходилъ на арену цирка и на театральные подмостки... Раболѣпный Римъ, тогда городъ лести и холопства, рукоплескалъ цесарю, вѣнчая его лаврами—какъ поэта, цвѣтами—какъ артиста. Эти вѣнки, скоморохъ кровопійца цѣнилъ выше императорской короны. Переходя изъ человѣчьей породы въ звѣрную, Неронъ соблюдалъ систематическую постепенность: сначала онъ превратился въ обезьяну; потомъ въ медвѣдя; затѣмъ—въ тигра и наконецъ въ звѣря чудовищнаго, подобнаго допотопному птеродактилю, или, ихтіозавру. Поппея потребовала у него голову Агриппины, которую ненавидѣла вдвойнѣ: какъ женщину и какъ соперницу, и Неронъ не задумался. Вольноотпущенникъ Аникетъ, посовѣтовалъ ему приказать изготовить галеру съ опускнымъ днищемъ и предложить ее къ услугамъ Агриппины для морской прогулки. Императрица мать приняла роковой подарокъ и лишь только отплыла отъ берега, какъ галера погрузилась въ воду. Агриппинѣ удалось доплыть подъ водою до берега, откуда сострадательные рыбаки проводили ее о дворца. Собравшись съ силами она отправилась къ сыну и застала его за пиршествомъ. Сначала онъ принялъ ее за призракъ; потомъ, опомнясь, лицемѣрными ласками надѣялся увѣрить свою мать въ непричастности своей къ гнусному покушенію на ея жизнь. Выигравъ, такимъ образомъ, время злодѣй далъ приказъ тому же Аникету, умертвить Агриппину, но уже безъ промаха. Взявъ съ собою ликторовъ, вольноотпущенникъ вошелъ въ покои матери Нерона и первый нанесъ ей ударъ, дубиною по головѣ... Она же, обнаживъ грудь и утробу, сказала ему: «рази въ животъ (ventrem ferri!) за то, что онъ выносилъ чудовище!» На этотъ разъ она дѣйствительно была убита.

Смерть Агриппины была праздникомъ для Нерона. Сенаторы и народъ поспѣшили въ храмы благодарить боговъ за спасеніе императора отъ угрожавшей ему опасности; память его матери всѣ проклинали единогласно. Служеніе ей было, разумѣется, отмѣнено Нерономъ; храмы были упразднены; день рожденія и дни торжествъ въ ея честь были признаны роковыми, проклятыми и только день смерти повелѣно было праздновать играми и всенародными пиршествами. За Агриппиною вскорѣ послѣдовала Октавія и на престолѣ, рядомъ съ Нерономъ, возсѣла Поппея; и воцарилась воплощенныя злость и сладострастіе. Императоръ повелѣлъ причислить къ богинямъ, какъ Поппею, такъ и ея новорожденную дочь. Въ честь беременной супруги Неронъ соорудилъ храмъ Плодородія и установилъ молебствіе о благополучномъ ея разрѣшеніи отъ бремени. Чего не былъ способенъ сдѣлать народъ римскій для своего повелителя, осыпавшаго его золотомъ, разыгрывавшаго лотереи безплатныя и безпроигрышныя, забавлявшаго римлянъ своими артистическими способностями на сценѣ и кучерскими при гонкѣ колесницъ въ циркахъ... Тщетно Бурръ и Сенека пытались образумить Нерона: онъ уже не внималъ ихъ совѣтамъ! Разыгрывая комедіи и пантомимы на сценѣ онъ разыгрывалъ кровавыя трагедіи въ дѣйствительной жизни, рѣдкій день не знаменуя страшными казнями. Въ 64 году явилась комета, не первая и не послѣдняя въ царствованіе Нерона. Разумѣется суевѣры тотчасъ-же принялись толковать, что явленіе лучезарной скиталицы вселенной, предвѣщаетъ какое нибудь бѣдствіе народное; нашлись смѣльчаки, предрекавшіе близкую гибель Нерону. За это, всѣ эти пророки были казнены, ибо Неронъ, пожаловавшій себя въ боги, установившій игры въ свою честь (Tacit. Annal. LXIV c. 15 L. XV c. 33), былъ увѣренъ, не только въ неизмѣнномъ своемъ благополучіи, но и въ безсмертіи. Комета, однако же, дѣйствительно оказалась вѣстницею великихъ народныхъ бѣдствій; она ознаменовала начало эпохи лютѣйшихъ казней и мономаническихъ припадковъ императора. Казни сдѣлались его насущной потребностью; недовольствуясь прежними ихъ видами, Неронъ изобрѣталъ новыя... Самой

модной казнію для опальныхъ патриціевъ было погруженіе въ теплую ванну, въ которой осужденный, открывъ себѣ кровь изъ рукъ и изъ ногъ, погружался въ смертный сонъ безъ всякихъ страданій... Пріятно и комфортабельно! Вообще почиталось хорошимъ тономъ, не отдаваясь въ руки палачей, по приговору императора, прекращать жизнь самоубійствомъ; самъ подсудимый бывалъ собственнымъ же своимъ палачемъ. Не довольствуясь казнями, Неронъ, съ цѣлой шайкою придворныхъ, занимался ночными разбоями и грабежами. Въ одной изъ подобныхъ экспедицій онъ былъ побитъ сенаторомъ, его не узнавшимъ. Побѣдитель цесаря осмѣлился на другой день извиниться предъ вчерашнимъ атаманомъ разбойниковъ и за это немедленно былъ казненъ.

Ужасъ, наведенный на Римъ злодѣйствами Нерона, былъ поглощенъ страшнымъ бѣдствіемъ, востигшимъ городъ: онъ сдѣлался добычею пламени. Пожаръ этотъ былъ произведенъ самимъ Нерономъ, который находясь на терассѣ загороднаго дворца любовался пылающимъ городомъ и пѣлъ строфы о пожарѣ Трои, акомпанируя себѣ на лирѣ. Вдохновенный чтеніемъ Иліады императоръ пожелалъ иллюстрировать безсмертную поэму Гомера, и надобно отдать ему справедливость, иллюстрація вышла на славу! По окончаніи пожара, Неронъ приказалъ авгурамъ посовѣщаться съ книгами сивиллъ, и по ихъ приговору принесъ жертвы Вулкану Церерѣ и Прозерпинѣ; полилъ морскою водою храмъ Юноны и приказалъ знатнѣйшимъ гражданкамъ Рима совершать въ немъ бдѣнія, длившіяся цѣлыя ночи. Боги, можетъ быть, были умилостивлены этими обрядами, но не умилостивилась и не умолкла молва, называвшая Нерона зажигателемъ... Тогда злодѣй, для своего оправданія, прибѣгнулъ къ средству вполнѣ его достойному, и вотъ что, по этому случаю, говоритъ Тацитъ въ своихъ лѣтописяхъ [1]): «чтобы утишить эту молву, Неронъ нашелъ за себя подставныхъ; утонченными истязаніями онъ наказалъ ненавистныхъ за ихъ преступленія людей, называвшихся въ простонародьѣ **христіанами**. Имя это происходитъ отъ **Христа**, въ царствованіе Тиверія приговореннаго къ смерти Понтіемъ Пилатомъ. Ихъ суевѣріе усмиренное сначала, возникло опять, не только въ Іудеѣ, гдѣ оно родилось, но и въ Римѣ, въ которомъ всякія гнусности находятъ притонъ и послѣдователей. Называвшіеся христіанами были схвачены; по слѣдствію, произведенному надъ множествомъ изъ нихъ, они были уличены не столько въ поджогахъ Рима, сколько во всеобщей къ нимъ ненависти. Надъ ними наругались предавая ихъ смерти: ихъ одѣвали въ звѣриныя шкуры, чтобы травить собаками; ихъ распинали на крестахъ, предварительно обливъ горючими веществами, дабы они ночью замѣняли факелы. Для этого позорища, Неронъ отдалъ свои сады, присоединивъ къ нему игры: онъ, при этомъ, явился народу на колесницѣ, въ одеждѣ возничаго. Но, хотя варварства эти были совершаемы надъ преступниками достойными смерти, о нихъ однако же жалѣли, потому что ими жертвовали лютости государя, а не общественному благу!»

¹) Tacit: Annal Lib. XV cap. 14.

Такъ въ 65 году по Р. Х. совершилось въ Римѣ **первое гоненіе христіанъ** и были принесены въ жертву язычеству — первые мученики. Исчитая ихъ колдунами и чернокнижниками Неронъ издалъ указъ объ изгнаніи таковыхъ, вмѣстѣ съ христіанами изъ Рима, не смотря на то, что самъ вѣрилъ въ магію и, до того времени глубоко уважалъ чародѣевъ, даже учился магіи у **Тиридата** армянскаго, но безуспѣшно, ибо лице его было покрыто веснушками а, по ученію маговъ, это было важнымъ препятствіемъ къ успѣшному властвованію надъ духами (Плиній: Ист. міра кн. XXX гл. 6).

Дѣятельно занялся Неронъ возобновленіемъ Рима, большая часть зданій котораго была обращена въ развалины. Заботясь о народѣ, онъ не забылъ и себя и увеличилъ свой **золотой дворецъ** многочисленными пристройками. Въ это же время на императора напала неукротимая щедрость; вознаграждая погорѣльцевъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ осыпалъ драгоцѣнными подарками каждаго, кто попадалъ ему подъ руку; жаловалъ помѣстья рабамъ, гладіаторамъ, музыкантамъ. Эта расточительность была по сердцу плебеямъ, но ею оскорбились патриціи и вскорѣ составился заговоръ къ убіенію Нерона; заговоръ, въ которомъ приняли участіе нѣсколько сотъ человѣкъ. **Эпихарида** имѣла неосторожность сообщить о томъ одному изъ прето-

ріанцевъ; этотъ донесъ на нее Нерону... Ее и многихъ заговорщиковъ схватили, допрашивали съ жесточайшими пытками. Эпиха рида, боясь, чтобы жестокія муки не вынудили у нея признанія—удавилась. Ярости Нерона не было предѣловъ, онъ казнилъ заговорщиковъ, ихъ сродниковъ и знакомыхъ; казнилъ виноватыхъ, оговоренныхъ, заподозрѣнныхъ и совершенно невинныхъ... Погибъ и Сенека, по повелѣнію Нерона, пустившій себѣ кровь въ теплой ваннѣ! Въ послѣдніе три года своего царствованія Неронъ окончательно утратилъ чувства человѣческія, даже въ любви искалъ наслажденій противуестественныхъ, чудовищныхъ. Умертвивъ Поппею ударомъ ноги въ животъ, императоръ взялъ себѣ въ наложницы рабыню Актэ. Любитель всякаго рода зрѣлищъ онъ, изъ погребенія своей жены, сдѣлалъ великолѣпный спектакль. По словамъ Плинія (Ист. міра кн. XII гл. 41) ладану, мирры и разныхъ благоуханій было сожжено болѣе нежели ихъ можетъ дать вся Аравія въ одинъ годъ. «Сочтите теперь ежегодныя погребенія всего міра» заключаетъ онъ—и громадное количество ладану, которымъ чествуютъ мертвыхъ, того самого ладану, который при богослуженіи употребляютъ самыми малыми крупицами». Поппею Неронъ приказалъ признать богинею и въ память ея построилъ храмъ...

Наконецъ, Гальба, предводитель римскихъ легіоновъ въ Испаніи, соединивъ свои силы съ полчищами гальскаго бренна (военачальника) Виндекса, поднявъ знамя мятежа, двинулся къ Риму. Вѣсть о его приближеніи застала Нерона за ужиномъ. Одурѣлый отъ ужаса онъ началъ плакать и стенать; когда-же ему объявили, что преторіанцы приняли сторону Гальбы, а сенатъ провозгласилъ послѣдняго императоромъ, Нерона же врагомъ отечества—онъ убѣжалъ въ небольшой загородный дворецъ сопровождаемый вольноотпущенникомъ Фаономъ. Въ погоню за нимъ посланы были ликторы и отрядъ всадниковъ. Заслышавъ конскій топотъ Неронъ рѣшился убить себя и, дрожащей рукой, занося кинжалъ надъ своимъ каменнымъ сердцемъ, жалобно воскликнулъ: «какой великій художникъ гибнетъ! (Qualis artifex pereat)!». Однако же этотъ художникъ, или вѣрнѣе «кровавыхъ дѣлъ мастеръ» не съумѣлъ ни зарѣзаться, ни заколоться и

Фаонъ былъ принужденъ оказать ему эту послѣднюю услугу. Такъ погибъ Неронъ въ 68 г. и вѣчное проклятье человѣчества отяготѣло надъ его памятью.

Жалуя въ богини свою мать и обѣихъ женъ, а себя самого—въ боги, Неронъ, глумясь надъ отечественной миѳологіей, вѣрилъ только въ два божества: въ богиню сирійскую (поклоненіе которой занесено было въ Римъ бродягами жрецами) и въ куколку (icuncula puellaris), подаренную ему какимъ то простолюдиномъ и рекомендованную имъ какъ вѣрнѣйшее средство отъ злыхъ чаръ и всякихъ навожденій. Къ этой куколкѣ Неронъ питалъ глубочайшее благоговѣніе: трижды въ день приносилъ ей жертвы и разъ въ годъ чествовалъ ее праздниками и играми. Первый гонитель христіанъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ ненавистникомъ и всѣхъ религій древняго міра, замѣняя богослуженіе комедіями и предпочитая храмамъ цирки и театры.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Гальба, Оттонъ, Вителлій.—Фортуна и сновидѣніе Гальбы.—Призракъ старика.—Оттонъ и Изида.—Вителлій.—Бунтъ.—Стая вороновъ.—Веспасіанъ.—Разрушеніе Іерусалима.—Пророчества и знаменія. — Богъ горы Кармила. — Сераписъ. — Возобновленіе Капитолія. — Новые храмы.—Сабинъ и Эпонина. — Комета. — Смерть Веспасіана. — Титъ.—Извверженіе Везувія, гибель Геркуланума, Помпеи и Стабіи.—Плиній.—Извлеченія изъ его исторіи.—О Богѣ.—О человѣкѣ.—О душѣ и будущей жизни.—Христіанство и вѣрованія языческія. — Милосердіе Тита. — Заговоръ.—Береника.—Колизей.—Умствованія Плинія и мученики.—Домиціанъ.—Его пороки.—Книжество и самообожаніе. — Второе гоненіе христіанъ. — Страшный пиръ. — Домитія.—Убіеніе Домиціана.—Нерва. — Апостолы и чародѣи.—Источники ересей.—Аполлоній Тіанскій.

Впродолженіе года истекшаго со дня убіенія Нерона (68—69 г.), на престолѣ императорскомъ смѣнились три цесаря: Гальба, Оттонъ и Вителлій. Первый былъ убитъ преторіанцами за то,

что не уплатилъ имъ денегъ, обѣщанныхъ за свое избраніе; второй, другъ Нерона, былъ свергнутъ и закололся послѣ своего пораженія германскими легіонами; третій, избранный ими, прославился обжорствомъ и былъ истерзанъ во время мятежа, неистовыми преторіанцами... при немъ же Капитолій сдѣлался добычею пламени. Не распространяясь о событіяхъ политическихъ годичнаго періода этого несчастнаго тріумвиратства, мы займемся только религіозными вѣрованіями каждаго изъ трехъ эфемерныхъ императоровъ.

Гальба, за нѣсколько лѣтъ до своего избранія, видѣлъ сонъ, въ которомъ ему явилась Фортуна, требуя настоятельно, чтобы онъ взялъ мѣдную ея статуйку, положенную у его дверей. Тотчасъ по пробужденіи, Гальба, еще не совсѣмъ очнувшійся отъ чудеснаго сна, бросился за двери и у порога, дѣйствительно, нашелъ мѣдную статую Фортуны, въ шесть локтей вышиною, невѣдомо кѣмъ и откуда и когда принесенную. Съ этой минуты онъ не разставался со своимъ кумиромъ и Фортунѣ отдалъ предпочтеніе передъ всѣми прочими богинями Рима и Греціи. Избранный на престолъ, Гальба соорудилъ ей храмъ въ Тускулумѣ и установилъ въ ея честь ежегодныя празднества; намѣревался украсить статую драгоцѣннымъ жемчужнымъ ожерельемъ, найденнымъ въ сокровищницѣ Нерона, однако передумалъ и пожертвовалъ его въ храмъ Венеры. На слѣдующую же ночь, Фортуна опять пригласилась ему и, осыпая упреками, предсказала Гальбѣ близкую гибель. Надѣясь умилостивить свою покровительницу, императоръ приказалъ принести въ храмѣ Тускулума искупительныя жертвы разгнѣванной богинѣ, самъ горячо ей молился... но, въ ту самую минуту, какъ онъ приблизился къ алтарю, огонь погасъ на немъ и Гальбѣ предсталъ—неизвѣстно откуда взявшійся, старикъ въ черной тогѣ, со стеклянною тарелкою ладану и съ глиняною чашею вина въ рукахъ [1]). Фортуна его покинула и самъ онъ вскорѣ покинулъ свѣтъ, обезглавленный однимъ изъ своихъ воиновъ. Послѣднія слова дряхлаго Гальбы, были достойны истиннаго героя: «убивай, если это необходимо для счастія имперіи!»

[1]) Suetonii: Galba. cap. 18.

Любимѣйшимъ божествомъ Оттона, смѣнившаго Гальбу, была египетская Изида: онъ самъ назвался ея верховнымъ жрецомъ, поставивъ ея статуи въ римскихъ храмахъ. Уважая память Нерона, котораго онъ былъ постояннымъ собутыльникомъ и прихлебателемъ, Оттонъ возобновилъ служеніе кумирамъ Нерона и Поппеи. Авгуровъ ненавидѣлъ и издѣваясь надъ ихъ прорицаніями, совершенно отдалилъ ихъ отъ богослуженія.

Обжорливый Вителлій, суевѣрный до крайней степени, принявъ вмѣстѣ съ императорскимъ вѣнцомъ санъ верховнаго понтифекса, вздумалъ также обогатить римскій календарь новыми праздниками, но навлекъ на себя всеобщія насмѣшки и негодованіе. Въ календарѣ были дни роковые и тяжелые; именно въ нѣкоторые-то изъ нихъ Вителлій и назначилъ новые свои праздники. Кромѣ того, страдая гастроманіей, не имѣя терпѣнія и одного часа пробыть безъ ѣды, или безъ питья, Вителлій, присутствуя при богослужебныхъ обрядахъ, безъ околичностей бралъ съ алтарей жертвенные хлѣбы и части мяса, къ крайнему соблазну жрецовъ и народа. Вождь римскихъ легіоновъ, находившійся въ Александріи— Веспасіанъ былъ провозглашенъ ими императоромъ и отправился оттуда въ Италію для занятія престола. Начальникъ войскъ Вителлія, Примъ передался Веспасіану—и римскій императоръ былъ принужденъ отстаивать свои права съ помощью народнаго ополченія, на скорую руку вооруженнаго. Когда онъ говорилъ рѣчь народу, надъ нимъ появилась цѣлая туча вороновъ, въ которой и самъ Вителлій и немногіе его приверженцы видѣли ужасное, зловѣщее предзнаменованіе. Начались битвы, сначала подъ стѣнами города, наконецъ и въ самомъ Римѣ; Капитолій запылалъ и въ нѣсколько часовъ превратился въ груды развалинъ! На этотъ разъ, предзнаменованіе могло быть страшно и всей имперіи... Затѣмъ, Вителлій, какъ мы уже говорили, былъ истерзанъ мятежниками въ Гемоніяхъ, на мѣстѣ казней преступниковъ. Императоромъ римскимъ былъ признанъ сенатомъ и народомъ, уже избранный своими войсками — благородный Веспасіанъ. Бѣдствія Рима окончились.

Между тѣмъ, въ другой части свѣта, на юго-западѣ Азіи, происходили событія достопамятныя: тамъ рѣшалась участь царства

іудейскаго и надъ Іерусалимомъ совершался приговоръ, произнесенный надъ нимъ тридцать шесть лѣтъ тому назадъ, устами Сына Божія. Непрерывные мятежи іудеевъ противъ римлянъ требовали окончательнаго усмиренія и Веспасіанъ, до своего избранія, осадилъ святой городъ, съ твердымъ намѣреніемъ не оставить на немъ камня на камнѣ. Отправляясь въ Италію, онъ довѣрилъ окончить имъ начатое старшему сыну своему Титу и палъ Іерусалимъ послѣ отчаяннаго сопротивленія и 1.100,000 его жителей разсѣялись по лицу земли, чтобы вѣчно оплакивать горькую участь ихъ родимаго, святаго города! Іудейскій историкъ Іосифъ Флавій, кровью и слезами описалъ событія въ Іерусалимѣ въ послѣдній годъ его существованія [1]). Мечевидная комета (ксифія) пылала надъ городомъ, казалась жителямъ пламеннымъ мечемъ того ангела, который преградилъ обратный путь въ рай изъ него изгнаннымъ прародителямъ. Іерусалимъ палъ въ сентябрѣ 69 года по Р. Х. или въ 5577 году отъ сотворенія міра; или наконецъ въ 822 годъ основанія Рима.

Воцареніе Веспасіана въ тѣсной связи съ древними пророчествами о судьбахъ царства іудейскаго. Переводъ Библіи Семидесяти толковниковъ и книги пророковъ, были извѣстны римлянамъ; предсказанія о томъ, что властителемъ всемірнымъ будетъ человѣкъ вышедшій изъ Іудеи, они примѣнили къ Веспасіану и были убѣждены, что онъ будетъ обладателемъ всего міра. Новый императоръ, проведшій всю юность и годы зрѣлаго возраста въ Малой Азіи и въ Египтѣ, былъ почти чуждъ вѣрованіямъ грековъ и римлянъ, поклоняясь богамъ тѣхъ странъ востока, въ которыя его заносила судьба. Въ бытность свою въ Палестинѣ, онъ поклонялся Незримому богу горы Кармила и совѣщался съ его жрецомъ Василидомъ [2]); въ Египтѣ посѣщалъ храмы Сераписа. Здѣсь, однажды, онъ пожелалъ совѣщаться съ оракуломъ и остался въ капищѣ одинъ: ему явился Василидъ съ вѣтвію желѣзняка (Verbena officinalis L) жертвенными хлѣбами и вѣнками въ рукахъ. Съ этого времени Веспасіанъ слѣпо вѣрилъ въ Сераписа

[1]) Josephus Flavius: Da bello Judaico. lib. V cap. 12.
[2]) Tacit Hist. II. 78; Sueton. Vespasianus cap. 5.

египетскаго и призналъ его своимъ верховнымъ покровителемъ. Съ его помощію, по словамъ Светонія и Тацита, онъ даже творилъ чудеса [1]): возвратилъ зрѣніе слѣпому и исцѣлилъ разслабленнаго. Сдѣлавшись императоромъ Веспасіанъ ввелъ служеніе Серапису въ Римѣ и у новаго иноземнаго божества явились многочисленные поклонники.

Стараясь вознаградить римлянъ за всѣ бѣдствія ими испытанныя въ предъидущія царствованія, Веспасіанъ не щадилъ ни трудовъ, ни средствъ. Чрезвычайно умѣренный, почти скупой въ собственномъ образѣ жизни, онъ не жалѣлъ денегъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о пользѣ гражданъ. Приступилъ къ возобновленію Капитолія, поручивъ его постройку Луцію Вестину. Закладка, съ великими церемоніями, происходила въ 11 календы іюля мѣсяца 71 года. Кромѣ того, Веспасіанъ возобновилъ храмы: Клавдія на горѣ Целія и Мира. Этотъ императоръ, особенно послѣ своихъ предшественниковъ — звѣрей, могъ-бы назваться прекраснѣйшимъ человѣкомъ, если бы чувства правосудія не увлекали его до жестокости; но онъ былъ неумолимъ, какъ законъ. Галльскій вождь Сабинъ составившій заговоръ противъ Веспасіана и воднявшій знами бунта, былъ побѣжденъ, бѣжалъ и скрылся въ подземельи. Только жена его Эпонина и двое вѣрныхъ слугъ знали тайну его убѣжища, а для пущей безопасности Сабина, послѣдніе распустили слухъ о его смерти. Къ несчастію, слѣдившіе за ними шпіоны открыли пріютъ Сабина, который по повелѣнію Веспасіана былъ казненъ вмѣстѣ съ женою и добрыми слугами. Это была строгость напрасная и неумѣстная; она тѣмъ болѣе набросила неблаговидную тѣнь на Веспасіана, что императоръ этотъ умѣлъ бывать и великодушнымъ.

Весною 79 года въ созвѣздіи тельца появилась копьевидная комета (акóнтія); на островѣ Кипрѣ три города разрушены были землетрясеніемъ и жестокое моровое повѣтріе опустошало Римъ и его окрестности. Во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ видѣли знаменіе

[1]) Suet. ibid. cap. 7 Tacit. lib. IV cap. 81. Тотъ и другой очевидно заимствовали свои разсказы о Веспасіанѣ изъ сказаній евангельскихъ о божественныхъ чудесахъ Іисуса Христа.

близкой кончины императора. Дѣйствительно онъ видимо клонился къ гробу, но перемогаясь не хотѣлъ ложиться въ постель, говоря, что цесарь долженъ умереть стоя. Такъ и скончался Веспасіанъ—24 іюня 79 года, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, сказавъ окружающимъ: «мнѣ кажется, что я становлюсь божествомъ!» Эти слова были только сознаніемъ того безмятежнаго, ничѣмъ невозмутимаго блаженства, которое императоръ предвкушалъ въ великую минуту разлуки души съ тѣломъ; но, принятыя за злѣтъ, они заставили римлянъ признать Веспасіана богомъ и почтить его память апоѳеозою.... Впрочемъ его боготворили еще при жизни за высокія душевныя качества.

Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Титъ, прозванный «утѣхою рода человѣческаго»; кроткій, милосердый, оплакивавшій и называвшій потеряннымъ тотъ день, въ который ему не приходилось сдѣлать добраго дѣла. Но, подобныхъ дней было очень мало въ его кратковременное, благословенное царствованіе. Черезъ два мѣсяца послѣ его воцаренія (въ августѣ того же 79 года) новое, еще не бывалое бѣдствіе постигло Италію: страшное изверженіе Везувія истребило въ Кампаніи нѣсколько деревень и похоронило подъ дождемъ пеплу, золы, обломковъ пемзы и подъ волнами лавы города: Геркуланумъ, Помпею и Стабіи. Изъ жителей многіе успѣли спастись, но въ Помпеѣ—въ наше время отрытой изъ ея восемнадцати вѣковой могилы, погибъ жертвою своей любознательности славный Кай Плиній Секундъ—прозванный «старшимъ» для отличія отъ своего племянника, жившаго въ царствованіе Траяна. Такимъ образомъ царствованіе Веспасіана было ознаменовано въ своемъ началѣ и въ концѣ двумя великими событіями: паденіемъ Іерусалима и гибелью Помпеи и остальныхъ двухъ городовъ... Какъ будто провидѣнію угодно было явно доказать роду человѣческому, что іудейство отжило свое время, что язычеству пробилъ послѣдній часъ и что настала пора распространенія по лицу земли новаго ученія - христіанскаго! Плинія погибшаго въ Помпеѣ можно назвать представителемъ язычества, или, вѣрнѣе сказать убѣжденій религіозныхъ изъ язычества выработанныхъ, и вотъ, представляемъ читателю образцы этихъ убѣжденій, передавая ихъ словами самого Плинія:

— Малодушный ищетъ бога олицетвореннаго, Богъ же весь — чувство, око, слухъ, душа, жизнь, все! Многобожіе превосходитъ крайніе предѣлы безумія. Кромѣ божествъ олицетворенныхъ добродѣтелямъ, богами называютъ и самыя болѣзни. Императоры воздвигли на горѣ Палатинѣ—храмъ «Горячки»; подлѣ храма домашнихъ боговъ — храмъ Орбоны (хранительницы дѣтей) и алтарь «Неудачи» въ Эсквиліяхъ. По языческимъ понятіямъ боги влюбляются, боги женятся, боги родятся; боговъ больше чѣмъ людей. Но этимъ безуміе человѣческое не ограничивается: нѣкоторые народы поклоняются звѣрямъ, всякой нечистотѣ, клянутся вонючимъ лукомъ. Смертный, ищущій Бога на землѣ, боготвори своихъ благодѣтелей и вотъ тебѣ самое лучшее олицетвореніе бога! Таковы были герои Рима, таковъ нынѣ царствующій императоръ (Веспасіанъ). По моему мнѣнію міромъ управляютъ два могущественнѣйшія божества: Счастье (Fortuna) и Случай или Судьба (Fatum). Нынѣ существуетъ вѣрованіе будто у каждаго человѣка своя предопредѣленная судьба и своя звѣзда и это вѣрованіе укореняется. Не одни простолюдины вѣрятъ въ примѣты и знаменія. Августъ цесарь сокрушался о томъ, что въ день военнаго мятежа обулся съ лѣвой ноги... Эти повѣрья мучатъ и тревожатъ людей. Вѣрно только то, что на свѣтѣ нѣтъ ничего вѣрнаго; человѣкъ—самое гордое ничтожество; жизнь—тяжкая цѣпь страданій, а смерть, эту цѣпь расторгающая, конечно прекраснѣйшій даръ божій [1])!

Такъ Плиній говоритъ о Богѣ; послушаемъ его рѣчи о человѣкѣ:

— Деревья одѣты корой, звѣри — шерстью, птицы — перьями, рыбы — чешуей; изъ всѣхъ животныхъ одинъ только человѣкъ родится нагимъ и одѣвается въ ущербъ всѣмъ прочимъ. Жизнь свою онъ начинаетъ слезами; улыбка на его лицѣ появляется не ранѣе, какъ на сороковой день рожденія... Взгляните на младенца и скажите, есть-ли существо въ мірѣ, которое болѣе новорожденнаго было бы достойно жалости? Связанный пеленками, съ утра до вечера плачетъ и воетъ будущій властитель земли. Медленно онъ

[1]) Плиній Исторія міра кн. II гл. 5.

развивается; учится жевать, ходить, говорить; послѣднее не ранѣе покуда не заростетъ его бьющееся темя, и эта медленность въ развитіи—знакъ величайшей слабости существа. Каждое животное при появленіи своемъ на свѣтъ что нибудь да умѣетъ и знаетъ, а человѣкъ, этотъ владыка міра, умѣетъ только плакать. Глядя на это жалкое созданіе невольно скажешь: «лучше бы тебѣ и не родиться!» Слаба природа человѣка, жалокъ и бѣденъ человѣкъ; за то щедро одаренъ пороками, другимъ животнымъ невѣдомыми. Звѣри одной породы ладятъ между собою: львы не пожираютъ львовъ, змѣи не язвятъ змѣй; даже въ морскихъ пучинахъ рыбы нападаютъ на рыбъ только другихъ породъ, но человѣкъ — изъ всѣхъ животныхъ наиболѣе дѣлаетъ зла себѣ подобному [1]).

Этотъ ядовитый взглядъ на человѣка и на его бытіе, весьма естественно велъ Плинія къ грубѣйшему матеріализму и къ такого рода воззрѣніямъ:

— Теперь, говоритъ Плиній,—вопросъ объ усопшихъ. Для всѣхъ животныхъ безъ изъятья, состояніе души послѣ послѣдняго дня тоже что было и до перваго. Послѣ смерти, какъ и до рожденія, у тѣла съ душой нѣтъ—да и не можетъ быть—ничего общаго. Загробное бытіе—мечта, порожденная человѣческимъ тщеславіемъ. Одни толкуютъ о безсмертіи души, другіе вѣрятъ въ ея переселенія въ адъ; всѣ оказываютъ усопшему какія-то божескія почести; будто человѣкъ нѣчто выше животнаго, будто въ мірѣ нѣтъ существъ гораздо его долговѣчнѣе, которыхъ однако-же никто не жалуетъ въ безсмертные. Что будетъ съ душой? Какая у нея будетъ оболочка? Въ чемъ будетъ заключена мысль? Будетъ-ли душа слышать, осязать? Что она будетъ дѣлать? Какія страны заселены миріадами душъ, усопшихъ съ начала вѣка? Мечты, мечты человѣчества, жаждущаго безконечности. Демокритъ обѣщалъ ожить, однако же не ожилъ... И не безуміе-ли, не жалкое-ли безуміе, желать жить послѣ смерти? Тогда, можетъ-ли быть покой смертнымъ, если они, послѣ смерти, опять возродятся: душами на небесахъ, или тѣнями въ преисподней? Эта мысль можетъ отравить человѣку прекраснѣйшій даръ природы—его послѣднюю минуту...

¹) Онъ же, тамъ-же: кн. VII гл. 1.

Эта мысль, будто за гробомъ есть иная, безконечная жизнь, удвоиваетъ предсмертныя муки! Не легче-ли, не основательнѣе-ли намъ думать, согласно опыту, что послѣ смерти мы будемъ тѣмъ-же, чѣмъ были до рожденія [1])?

Такъ, устами Плинія, говорило умирающее язычество и слова великаго естествоиспытателя были отголоскомъ вѣрованій развитаго большинства. Со временъ Августа, въ Римъ стекались вѣрованія всего свѣта, но все что было въ нихъ разумнаго, высокаго, чистаго — все это сосредоточилось въ христіанствѣ будто въ фокусѣ зажигательнаго стекла. Именно ученія евангельскаго и чуждались римляне, и, точно испытывая вѣроисповѣданія языческія, отъ отечественныхъ боговъ переходили къ алтарямъ боговъ иноземныхъ, воскуряя ѳиміамъ Астартѣ сирійской, Серапису египетскому, Миѳрѣ персовъ, или усопшимъ цесарямъ.... Самъ императоръ Титъ чтилъ Аписа и поклонялся этому символу производительныхъ силъ природы, хотя чистая душа государя, чуждаясь заблужденій языческихъ, была щедро одарена истинно христіанскими добродѣтелями. При восшествіи на престолъ, милосердый Титъ далъ обѣтъ никого не казнить и пребылъ ему вѣренъ. Изгналъ шпіоновъ, сыщиковъ и упразднилъ эти должности. Получивъ извѣстіе о заговорѣ на его жизнь, онъ призвалъ виновныхъ къ себѣ, кротко усовѣстилъ, и объявивъ имъ прощеніе, пригласилъ къ обѣденному столу. Мать одного изъ заговорщиковъ сокрушалась о его участи, и императоръ, чрезъ нарочнаго, увѣдомилъ ее о совершенной безопасности ея дѣтища. Страстно любя плѣнную іудейскую царевну Беренику, Титъ имѣлъ намѣреніе жениться на ней, но видя, что бракъ этотъ не угоденъ сенату и народу, пожертвовалъ имъ своимъ сердцемъ—и разстался съ Береникою. Онъ жилъ для блага подданныхъ и кратковременное его царствованіе было непрерывнымъ рядомъ благодѣяній. При немъ была окончена постройка громаднаго цирка Колизея или Колоссея, начатая при Веспасіанѣ. На аренѣ этого цирка происходили звѣриныя травли; давались представленія гладіаторовъ и цѣлыя піэсы, изображавшія морскія сраженія, для чего обширная арена

¹) То же. кн. VII гл. 56.

наполнялась водою и превращалась въ огромное озеро... Въ этомъ же Колизеѣ, при безчеловѣчныхъ преемникахъ, кроткаго, незлобиваго Тита, происходили истязанія христіанъ, предаваемыхъ на растерзаніе звѣрямъ. Эти звѣри, собранные со всѣхъ странъ свѣта, были союзниками язычниковъ въ ихъ борьбѣ съ христіанствомъ и, при всемъ томъ, мученики гибли тысячами, въ твердомъ упованіи на воскресеніе и непоколебимо вѣруя въ жизнь будущую... Какъ, при этомъ, не сдѣлать сопоставленія: Плиній, посвятившій многіе годы жизни естествознанію; Плиній, одинъ изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей своего времени, отрицалъ тѣ великія истины, за которыя христіанскіе мученики жертвовали жизнію, испуская духъ подъ когтями львовъ, тигровъ, подъ клыками вепрей, подъ ногами слоновъ! Безсмертный духъ торжествовалъ надъ бренною перстію и надъ грубою, животною силою Если-бы Плиній могъ быть свидѣтелемъ этого торжества христіанства надъ язычествомъ, олицетвореннымъ звѣрями, изъ которыхъ многіе были посвящены—или служили символами богамъ, онъ бы понялъ, что съ уничтоженіемъ тѣла не можетъ уничтожиться душа; онъ бы повѣрилъ, что ея безсмертіе не «мечта порожденная человѣческимъ тщеславіемъ!»

Титъ скончался, имѣя отъ роду не болѣе 43 лѣтъ (въ 81 году), завѣщая престолъ младшему своему брату Домиціану (81—96 г.), пятнадцатилѣтнее царствованіе котораго напомнило римлянамъ времена Тиверія, Нерона и Калигулы.

Его самолюбіе могло потягаться развѣ только съ его лютостью доходя до ребячества въ первомъ, Домиціанъ превосходилъ, во второй, злѣйшихъ кровопійцъ. На всѣхъ зданіяхъ Рима сооруженныхъ его предшественниками онъ приказалъ замѣнить своимъ именемъ имена настоящихъ строителей; самъ себя пожаловалъ въ «боги приказавъ начинать указы сената такого рода формулою: «нашъ повелитель и богъ хочетъ и приказываетъ»... Установилъ игры (квинкатріи) въ честь Юпитера и Минервы; соревнуя о соблюденіи благочестія безъ милосердія, казнилъ за всякое нарушеніе уставовъ религіозныхъ... Такъ весталка Корнелія, за нарушеніе обѣта цѣломудрія, была заживо замурована въ склепъ; такъ трупъ сына одного вольноотпущенника былъ вырытъ изъ могилы

и брошенъ въ Тибръ за то, что отецъ его поставилъ надъ нихъ гробницу, сложенную изъ камней, назначенныхъ для постройки храма. Христіане, въ царствованіе Домиціана были гонимы немилосердно и въ лѣтописяхъ церкви эти гоненія составляютъ вторую эпоху послѣ нероновскихъ [1]). Казня виновныхъ (по его мнѣнію) Домиціанъ потѣшался, пугая правыхъ и невинныхъ: ихъ блѣдность радовала тирана, точно также, какъ кровь первыхъ. Однажды, онъ пригласивъ нѣкоторыхъ вельможъ на пиръ, во дворецъ, помѣстилъ ихъ въ столовой, обтянутой черными тканями и установленной погребальными принадлежностями; блюда подаваемыя на столъ имѣли видъ гробницъ, чаши и сосуды—урнъ и намогильныхъ столбовъ. Пѣвцы и пѣвицы, въ траурныхъ одеждахъ, пѣли похоронныя пѣсни, и нагоняли ужасъ на всѣхъ присутствующихъ, кромѣ Домиціана, катавшагося со смѣху. Въ досужее время онъ любилъ ловить мухъ и прокалывать ихъ иглою... То же очень милая забава!

Трусливый и недовѣрчивый, какъ всѣ тираны, Домиціанъ во всѣхъ своихъ приближенныхъ видѣлъ измѣнниковъ и предателей. Опасаясь даже супруги своей Домитіи, онъ имѣлъ намѣреніе тайно ее умертвить, но она избавилась сама и избавила Римъ отъ изверга, убѣдивъ преторіанцевъ убить Домиціана. Стефанъ, одинъ изъ нихъ, отважился на это преступленіе и императоръ былъ убитъ въ 96 г., оставивъ по себѣ страшную память, хотя легіоны римскіе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ его смерти, еще признавали его «богомъ».

Престарѣлый, добродѣтельный Нерва былъ его преемникомъ. Онъ царствовалъ только три года (96—99 г.), но снискалъ благословенія подданныхъ за свое кроткое правленіе, главное же за назначеніе своимъ наслѣдникомъ Трояна (99—117 г.). Здѣсь въ историческомъ нашемъ обзорѣ мы сдѣлаемъ небольшой перерывъ, чтобы посвятить нѣсколько страницъ біографіи человѣка

[1] Всѣхъ гоненій христіанъ, со времени появленія ученія Евангельскаго, въ римской имперіи было одиннадцать и вотъ имена императоровъ гонителей: 1) Неронъ, 2) Домиціанъ, 3) Траянъ, 4) Маркъ-Аврелій, 5) Септимій-Северъ, 6) Максиминъ, 7) Децій, 8) Валеріанъ, 9) Авреліанъ, 10) Діоклитіанъ и 11) Юліанъ-Отступникъ.

замѣчательнаго, въ которомъ язычники видѣли защитника ихъ вѣрованій противъ торжествующаго христіанства.

Намъ извѣстно изъ Дѣяній святыхъ апостоловъ (гл. VIII ст. 9—13 и гл. XIX ст. 14—19), что волхвы и чародѣи, всячески препятствуя распространенію Евангелія, смущали народъ своими мнимыми чудесами. Таковыми были: Симонъ уроженецъ Самаріи (въ 34 г.), Керинѳъ (54 г.), Эвіонъ (72 г.) и Менандръ, ученикъ Симона (73 г.). Подобно волхвамъ фараона, состязавшимся съ Моисеемъ и Аарономъ, эти чародѣи отважились вступить въ состязаніе со святыми апостолами, собирая вокругъ себя многочисленныя толпы легковѣрныхъ. Хотя подробности этой борьбы тьмы со свѣтомъ, лжи съ правдою и принадлежатъ къ исторіи христіанства, мы однако же не можемъ не упомянуть о нихъ. Кромѣ чародѣевъ, названныхъ нами, одновременно съ апостолами въ каждомъ городѣ Азіи и Африки появлялись и проповѣдники язычества, если не совсѣмъ отвлекавшіе людей отъ ученія Христова, то, по крайней мѣрѣ, способствовавшіе превратнымъ толкованіямъ его догматовъ и этимъ самымъ — распространенію ересей. Таковымъ, между прочими, былъ прославленный и превознесенный язычниками — Аполлоній Тіанскій, о которомъ его біографъ Филостратъ, разсказывалъ таинственныя, необыкновенныя вещи, правдивость которыхъ подлежитъ сильному сомнѣнію; въ чемъ самъ читатель легко можетъ убѣдиться изъ нижеслѣдующаго біографическаго очерка [1]).

---

[1]) Матеріалами намъ служили, кромѣ извлеченій изъ Филострата, лѣтописи Тацита и Светонія. Съ большею и дробностью мы поговоримъ объ Аполлоніи Тіанскомъ въ Исторіи ересей, которою закончимъ нашъ обширный трудъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Образованіе Аполлонія.—Храмъ Эскулапа.—Исцѣленія.—Приношенія по обѣтамъ.—Увертки жрецовъ.—Змѣя Эскулапа.—Пятилѣтнее молчаніе.—Бунтъ въ Аспендѣ.—Странствія.—Тѣнь Ахиллеса.—Прибытіе въ Римъ.—Воскресшій юноша.—Объясненіе мнимаго чуда.—Пріязнь императоровъ.—Смерть Домиціана.—Легенды о смерти Аполлонія.—Почести.—Траянъ.—Памятники.—Надпись на золотыхъ воротахъ.—Адріанъ.—Окопъ въ Каледоніи.—Тиволи.—Гробница Адріана.—Его пороки.—Антиной.—Элій Веръ.—Новые храмы.—Разореніе Іерусалима.—Мнимое чудо.—Апоѳеоза.—Антонинъ.—Его кротость.—Арены и Гардскій мостъ.—Маркъ-Аврелій и Веръ.—Фаустина.—Стоикъ Эпиктетъ.—Отвѣтъ христіанина язычнику.—Стоицизмъ и христіанство.—Бѣдствія и войны.—Суевѣріе Марка Аврелія.—Астрологъ Арнуфій.—Библіомансія.—Злодѣйства Коммода.—Страшныя жертвы.—Убіеніе Коммода.—Пертинаксъ.—Продажа императорскаго вѣнца съ публичнаго торга.—Дидій Юліанъ.—Казни.—Боги преисподней.—Гаданіе зеркаломъ.—Нигеръ, Альбинъ, Септимій Северъ.—Его воцареніе и походы.—Бракъ вслѣдствіе пророчества.—Смерть Септимія.—Каракалла.—Гета.—Каракалла и Александръ Македонскій.—Обоготвореніе Аполлонія Тіанскаго.—Позоръ имперіи.—Геліогабалъ и Макринъ.—Превозвышеніе Геліогабала.—Вступленіе въ Римъ.

Аполлоній родился въ Тіанѣ (Каппадокія) въ 1 или во 2 г. по Р. Х. и былъ сыномъ достаточнаго тамошняго гражданина. Четырнадцати лѣтъ отправился въ Тарсъ для изученія грамматики и риторики у Эвѳидема, но въ этомъ городѣ пробылъ недолго, возмущенный его роскошью и изнѣженностью жителей. Удалясь въ Эгею онъ слушалъ поученія философовъ пиѳагорейской школы, усвоилъ ихъ правила и строго имъ слѣдовалъ: одѣвался въ льняныя ткани, питался плодами, пилъ чистую воду и большую часть

времени проводилъ въ глубокомысленномъ безмолвіи. Жилищемъ своимъ онъ избралъ храмъ Эскулапа, съ которымъ (т. е. съ Эскулапомъ) вошелъ въ самыя дружескія сношенія. Являясь Аполлонію во снѣ, богъ медицины сообщалъ ему рецепты лекарствъ и давалъ разные совѣты по части гигіены, а съ ними вмѣстѣ и возможность помогать больнымъ, приходившимъ въ храмъ и обращавшимся къ Аполлонію съ просьбами о помощи. Храмами Эскулапа, въ древности, назывались нынѣшнія лечебницы для приходящихъ и полуклиники: жрецы подавая ручную помощь, или предписывая внутренее употребленіе лекарствъ больнымъ, всегда говорили, что они совѣтуютъ то или другое средство по внушенію и приказанію Эскулапа, и что больные, повинуясь имъ, повинуются богу медицины. Внушая это паціентамъ, жрецы-доктора, съ тѣмъ вмѣстѣ, внушали имъ полное довѣріе къ себѣ и надежду на исцѣленіе. Случалось, разумѣется, что больной и умиралъ; но въ такихъ случаяхъ увертливые жрецы сваливали всю вину на ихъ патрона и выходили сухи изъ воды... За то, сколько чести, славы, а главное—прибыли пріобрѣтали они сами и ихъ храмъ въ случаѣ удачнаго исцѣленія какого нибудь знатнаго и богатаго паціента! Послѣдній, по обычаю перешедшему въ Грецію и Римъ — изъ Индіи, жертвовалъ въ храмъ отлитое изъ золота или изъ серебра изображеніе болѣвшей и исцѣленной части тѣла: головы груди, живота, руки, ноги (иногда и въ настоящую величину которое вѣшалось на стѣну храма. У римлянъ эти изваянія назывались приношеніями по обѣту (ex voto) и въ нѣкоторыхъ храмахъ Эскулапа изъ нихъ составлялись цѣлыя гирлянды

Возвращаясь къ герою нашего повѣствованія скажемъ, что онъ, живя въ храмѣ Эскулапа, занимался врачебною практикою весьма успѣшно и, въ короткое время, снискалъ всеобщее уваженіе и репутацію человѣка особенно угоднаго богу покровителю врачей. Въ наше время докторъ, прописывая больному какой нибудь декоктъ или минеральную воду, прямо называетъ ему лекарство; у древнихъ жрецовъ Эскулапа это дѣлалось иначе. Назвавъ траву, изъ которой нужно было выварить декоктъ, жрецъ приказывалъ больному сорвать ее непремѣнно въ такой-то день, въ такой-то часъ и въ томъ-то, а не въ другомъ мѣстѣ; варить при чтеніи опредѣленнаго числа молитвъ (ими измѣрялось время); пить, взявъ сосудъ—смотря по болѣзни—лѣвою или правою рукою, а потомъ ходить, сдѣлавъ опредѣленное количество шаговъ. Посылая больнаго къ минеральному источнику, ему точно также приказывали соблюсти нѣсколько обрядовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ чисто гигіеническую цѣль. Аполлоній Тіанскій придерживался методы леченія діетой (Hungerkur), которую называлъ «постомъ», а она во всѣхъ желудочныхъ болѣзняхъ несомнѣнно полезна и весьма часто спасительна. Однажды, при огромномъ стеченіи народа въ храмѣ, Аполлоній показалъ присутствующимъ яйцо, въ которомъ, по его словамъ, находился самъ Эскулапъ въ образѣ змѣи и когда разбилъ, изъ яйца дѣйствительно выползъ небольшой ужъ и скрылся въ складкахъ одежды чародѣя. Съ этого времени этотъ ужъ сдѣлался его постояннымъ собесѣдникомъ и когда обвивался вокругъ его шеи, Аполлоній говорилъ, что онъ шепчетъ ему на ухо рецепты. Возвратясь въ Тіану и схоронивъ отца, чудодѣй рѣшился открыть школу, давъ предварительно обѣтъ пятилѣтвяго молчанія. Путешествовалъ по Киликіи и по Памфиліи; былъ въ Аспиндѣ и утишилъ бунтъ по случаю голода, давъ коноводамъ мятежниковъ прочитать нѣсколько словъ начертанныхъ на дощечкѣ... вѣроятно заключавшихъ въ себѣ извѣстіе о скоромъ привозѣ въ Аспинду съѣстныхъ припасовъ. По окончаніи срока даннаго обѣта Аполлоній былъ въ Антіохіи, въ Эфезѣ, знакомясь съ жрецами и собирая учениковъ, число которыхъ, на первый случай ограничилось семью. Когда Аполлоній объявилъ имъ о намѣреніи отправиться въ Вавилонъ и въ Индію, они отказались ему сопутствовать и укоряя ихъ за малодушіе онъ пустился въ путь сопровождаемый двумя рабами и другомъ своимъ Дамисомъ, считавшимъ Аполлонія за божество. Въ богатомъ великолѣпномъ Вавилонѣ философъ даже и взглядомъ не удостоилъ знаменитый дворецъ; за то въ Индіи былъ очень хорошо принятъ тамошнимъ царемъ Фраоргомъ, который ввелъ его въ общину гимнософистовъ, посвятившихъ Аполлонія въ свои таинства. У нихъ онъ пробылъ четыре мѣсяца и затѣмъ возвратился въ Вавилонъ; отсюда отправился въ Эфезъ. Прибывъ въ Пергамъ, Аполлоній посѣтилъ гробницу Ахиллеса, провелъ на ней цѣлую ночь, бесѣдуя съ вызван-

ною имъ, тѣнью героя Иліады. Тѣнь явилась въ воинскихъ доспѣхахъ, съ оружіемъ въ рукахъ и, будучи исполинскаго роста, говорила громовымъ голосомъ: она скрылась, сообщивъ Аполлонію разныя новости изъ преисподней. Изъ Пергама чародѣй отправился на Лесбосъ, затѣмъ въ Аѳины, гдѣ его, какъ чародѣя, не очень-то скоро и неохотно посвятили въ таинства. Послѣ того, путешествуя по Греціи, онъ лечилъ, прорицалъ и показывалъ разныя чудеса бѣлой магіи и экспериментальной физики; судя по сказаніямъ онъ обладалъ даромъ духовидѣнія, не хуже Юма, или братьевъ Давенпортъ, подобно имъ счастливо нападая на суевѣровъ или на легковѣрныхъ... Наконецъ Аполлоній явился въ предѣлахъ римской имперіи, не смотря на недавній указъ царствовавшаго тогда Нерона объ изгнаніи колдуновъ. Изъ 34 учениковъ Аполлонія, только восемь человѣкъ послѣдовали за нимъ. Консулъ Телезинъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе видѣть храмы, прося при этомъ чародѣя, для его же собственной безопасности, не давать лишней воли языку и не волновать народъ опытами спиритизма. Живя въ Римѣ Аполлоній только лечилъ, во славу Эскулапа, исцѣляя множество больныхъ; но не смотря на громкую репутацію ко двору Нерона приглашенъ не былъ... Пришлось, ради сближенія съ цесаремъ, пуститься на хитрости, и въ одно прекрасное утро, по всему Риму разнеслась молва, будто Аполлоній воскресилъ какого-то юношу, что подтвердили многіе очевидцы. Знакомый съ употребленіемъ наркотическихъ снадобьевъ Аполлоній легко могъ усыпить какого нибудь сговорчиваго малаго на извѣстный срокъ и произнеся въ моментъ пробужденія свои заклинанія, обморочить присутствующихъ... Дайте склянку хлороформу ловкому пройдохѣ, пошлите его — не говоримъ уже въ деревню, а просто въ какой нибудь захолустный, уѣздный городишко и онъ такихъ чудесъ надѣлаетъ, что прослыветъ за первостатейнаго чернокнижника. За мнимое свое чудо Аполлоній былъ высланъ изъ Рима. Изъ Италіи онъ отправился въ Египетъ и здѣсь подружился съ Веспасіаномъ и его сыновьями. Титъ разгромивъ Іерусалимъ отказался отъ тріумфа и за это Аполлоній писалъ ему: «взамѣну вѣнка тріумфальнаго, прими отъ меня вѣнокъ, сплетенный скромностью и великодушіемъ». Въ кратковременное свое

царствованіе Титъ весьма часто совѣщался съ Аполлоніемъ. При Домиціанѣ, послѣдній былъ заподозрѣнъ въ соучастіи съ заговорщиками, приверженцами Нервы, и хотя оправдался, но былъ удаленъ въ Эфезъ. Здѣсь онъ безпрепятственно проповѣдывалъ ученіе пиѳагорейцевъ, удивляя народъ мнимыми чудесами. Въ день убіенія Домиціана, Аполлоній на эфезской площади говорилъ поученія народу. Внезапно онъ умолкъ — вперивъ глаза въ даль, воскликнулъ: «Мужайся Стефанъ... бей, бей смѣлѣе! Вотъ, тиранъ падаетъ... кончено... онъ умеръ!» Вскорѣ пришла вѣсть о смерти Домиціана, въ тотъ самый день и въ тотъ самый часъ, въ которые Аполлоній произносилъ вышеупомянутыя слова. О собственной его кончинѣ существуютъ многія сказанія. По одному — онъ умеръ въ царствованіе Нервы въ 97 году; по другому—пропалъ безъ вѣсти; по третьему, обладая философскимъ камнемъ и элексиромъ безсмертія жилъ многія вѣки. Иллюминаты XVII и XVIII столѣтій увѣряли, что Аполлоній живъ и будетъ жить до скончанія міра. Основанная имъ секта довольно распространенная держалась, и имѣла послѣдователей, до временъ неоплатоника Плотина (205—270 г.), потомъ, первоначальныя ея основы исказились и она внѣдрилась въ нѣкоторыя ереси. Храмы въ честь Аполлонія были сооружены въ Тіанѣ, въ Эфезѣ и во многихъ другихъ городахъ Азіи, ему воздавали божескія почести, обожая его подъ именемъ Геркулеса-Алексикака. О поклоненіи ему въ Римѣ мы поговоримъ ниже.

Преемникъ Нервы Траянъ былъ провозглашенъ въ бытность свою въ Германіи, гдѣ охранялъ границы отъ набѣговъ воинственныхъ племенъ Дакіи, надъ которыми будучи уже императоромъ одержалъ многія побѣды, усмирилъ пароовъ, завоевалъ Месопотамію и вообще прославился какъ полководецъ и завоеватель. Для увѣковѣченія своихъ подвиговъ онъ воздвигалъ многіе памятники, изъ которыхъ знаменитая траянова колонна въ Римѣ и золотыя ворота въ Беневентѣ сохранились донынѣ. Первый винтообразно обведенъ барельефами, изображающими тріумфы Траяна; во вторыхъ сохранилась надпись, которую приводимъ читателю въ подлинникѣ и въ переводѣ, чтобы дать ему понятія о римскихъ монументныхъ надписяхъ: Imp(eratori) Caesar(i) divi Nervae

filio, Nervae Trajano optimo, aug(usto), Germanico, Dacico, pont(ifici) max(imo) (ex) trib(unicia) potest(atae): XIX, imp(eratori): VII, cons(uli): VII, p(atri) p(atriae) Fortissimo principi S. P. Q. R. (Senatus popolus que romanus): Государю императору сыну божественнаго Нервы, Нервѣ Траяну, добрѣйшему, великому, германскому, дакійскому, великому понтифексу, трибуну 19 лѣтъ, императору—7, консулу—7, отцу отечества, повелителю могущественнѣйшему (посвящаютъ) сенатъ и народъ римскій [1]).

Грозный врагамъ, Траянъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ своихъ подданныхъ, въ чемъ достойною его сотрудницею была его супруга Плотина. Хотя царствованіе его было омрачено гоненіемъ, подвигнутымъ на христіанъ, однако же императоръ предлагалъ проконсуламъ провинцій щадить ихъ по возможности и кроткими мѣрами убѣждать отступиться отъ религіи, враждебной язычеству. Письма Плинія-младшаго и инструкціи Траяна о христіанахъ Вифиніи дѣлаютъ въ одинаковой степени честь уму одного и сердцу другаго. Траянъ тѣмъ болѣе заслуживалъ любовь римлянъ, что былъ иноземецъ, уроженецъ Испаніи. Память о немъ донынѣ сохраняется между румынами, потомками даковъ, въ древности заселявшихъ Молдавію и Валахію.

Траянъ скончался въ Селинонтѣ (Малая Азія) шестидесяти девяти лѣтъ въ 118 г. по Р. Х. или въ 871 отъ основанія Рима. Благодаря хитрости Плотины, ему наслѣдовалъ любимый ею племянникъ Траяна, Адріанъ, человѣкъ очень развращенный, злой и завистливый, что не мѣшало ему однако-же быть любимымъ римлянами при жизни, а послѣ смерти удостоиться апоѳеозы. Въ одномъ изъ предыдущихъ томовъ нашей исторіи мы говорили, что многіе тираны древности, какъ будто возрождались въ тиранахъ позднѣйшихъ вѣковъ: въ Филиппѣ II, въ Людовикѣ IX, въ Иванѣ

[1]) Памятники временъ Траяна встрѣчаются въ изобиліи въ южной и средней Европѣ, а также и въ другихъ частяхъ древняго свѣта. Ими особенно богаты Соріа и Сеговія въ Испаніи; Эвора въ Португаліи; Римъ, Падуя, Верона, Сиракузы и Агригентъ—въ Италіи; Румелія (въ Турціи), Молдавія, Валлахія и т. д. Въ послѣднихъ областяхъ каждую древнюю развалину относятъ къ временамъ Траяна.

Грозномъ легко было узнать Тиверія; также, между Генрихомъ III французскимъ и Адріаномъ—можно найдти огромное сходство... Совершенная метампсихоза!

Обладая дарованіями хорошаго полководца, Адріанъ былъ сподвижникомъ Траяна. Отразивъ отъ предѣловъ Каледоніи ихъ тревожившихъ Пиктовъ и Скоттовъ, Адріанъ для безопасности этой области на сѣверѣ ея воздвигъ окопы, остатки которыхъ находятся донынѣ, между берегами залива Сольуэй и устьями рѣки Тайнъ, въ Великобританіи. При восшествіи же своемъ на престолъ, преемникъ Траяна, пренебрегая воинскими подвигами, занялся внутреннимъ государственнымъ благоустройствомъ; покровительствовалъ ученымъ и художникамъ; заботясь о народномъ образованіи образовывался самъ; до страсти любилъ строиться. Его загородный дворецъ въ Тиволи, близъ Рима, съ прекрасными садами и водопадами рѣки Аньо, его гробница—нынѣшняя крѣпость св. Ангела на берегу Тибра будутъ предметами удивленія даже нашихъ правнуковъ. Въ неурожайные годы Адріанъ, для безплатнаго продовольствія народа, открывалъ собственныя свои житницы; во время моровыхъ повѣтрій, самоотверженно, дѣлилъ съ народомъ труды и опасности; воздвигалъ цѣлые города, разрушенные землетрясеніемъ... Такова лицевая сторона двадцатилѣтняго его царствованія; посмотримъ изнанку.

Завистливый и злопамятный, Адріанъ въ 130 году казнилъ талантливаго зодчаго Аполлодора за неосторожное слово. Пресыщенный наслажденіями чувственными, Адріанъ питалъ гнусную, противоестественную страсть, къ двумъ красавчикамъ, сперва къ Антиною, потомъ къ Элію Веру. Когда Антиной, 132 году, утонулъ въ Нилѣ, Адріанъ былъ неутѣшенъ: почтивъ память любимца заложеніемъ въ Египтѣ города Антинополя, Адріанъ приказалъ причислить его къ сонму боговъ, т. е. жечь ѳиміамъ, приносить жертвы предъ его бюстомъ и совершать ежегодныя празднества. Придворные льстецы-астрологи нашли новую звѣздочку въ созвѣздіи Ганимеда (очень кстати!) и увѣривъ императора, что это душа покойнаго его любимца, назвали звѣздочку его именемъ. Въ Ланувіумѣ (въ Италіи) основалось цѣлое общество поклонниковъ новаго «бога», назвавшееся общиною Діаны и Антиноя...

За исключеніемъ превращенія въ звѣзду, точно такого же обоготворенія удостоился и Элій-Веръ, послѣ своей смерти. Храмъ въ Римѣ и базилика въ Немаузусѣ (нынѣшній Нимъ) въ честь императрицы Плотины, тоже, произведенной въ «богини» въ одно и тоже время свидѣтельствовали и о признательности Адріана и о его дикихъ понятіяхъ о божествѣ! Этимъ императоромъ было еще построено въ Римѣ нѣсколько храмовъ, съ алтарями, но безъ идоловъ... Злые языки говорили, будто онъ хотѣлъ посвятить ихъ себѣ самому; нѣкоторые же историки утверждаютъ, что эти храмы онъ назначалъ для служенія Іисусу Христу, предъ ученіемъ котораго онъ благоговѣлъ, что̀ весьма сомнительно: грязной душѣ Адріана, въ послѣдніе годы его жизни очерствѣлой до лютости, не могли быть понятны правила ученія христіанскаго! Этому человѣку въ одинаковой степени ненавистны были какъ послѣдователи Евангелія, такъ и послѣдователи закона Моисеева. Въ 134 году совершилось второе, послѣднее разореніе Іерусалима римлянами, при которомъ погибло, обоего пола, свыше 500.000 человѣкъ. Отстроенный и заселенный въ теченіе 65 лѣтъ, послѣ перваго разрушенія своего Титомъ, на этотъ разъ святой городъ явилъ своими развалинами предреченную ему пророками окончательную «мерзость запустѣнія».

Самъ Адріанъ, въ послѣдніе годы жизни, былъ живою развалиною. Снѣдаемый недугомъ, разочарованный, выжившій изъ ума, онъ медленно угасалъ на попеченіи Тита-Антонина, котораго избралъ себѣ въ преемники. Этотъ кроткій, добродѣтельный и уже не молодой сенаторъ римскій, заботился о больномъ съ истинно сыновнею нѣжностью и съ удивительнымъ терпѣніемъ. Когда Адріанъ задумалъ прекратить свои страданія самоубійствомъ, Антонинъ, чтобы чѣмъ нибудь скрасить ему ненавистную жизнь, пустился на хитрость. Онъ уговорилъ какую-то старуху притвориться слѣпою, придти къ императору и просить, чтобы онъ исцѣлилъ ее, такъ какъ она (будто бы) видѣла сонъ, въ которомъ невѣдомый голосъ говорилъ ей, что императоръ выздоровѣетъ непремѣнно; она усомнилась и за это наказана слѣпотою, отъ которой никто кромѣ императора исцѣлить ее не можетъ. Въ подтвержденіе истины своихъ словъ, старуха спросила воды, вымыла

ею глаза въ присутствіи Адріана—и прозрѣла!.. Больной, такъ чудесно обманутый, вооружился терпѣніемъ, въ твердой надеждѣ на скорое выздоровленіе; съ этою надеждою и умеръ 72 лѣтъ отъ роду (138 годъ, 891 отъ основ. Рима).

Обрядъ его апоѳеозы состоялъ въ томъ, что на трехэтажномъ кострѣ сожгли его восковую куклу и въ ту минуту, когда огонь добирался до верхняго этажа, съ него поднялся орелъ и исчезъ въ синевѣ небесной. Тысячамъ зрителей объявили, что душа императора, въ видѣ орла, вознеслась на небо, въ чемъ, разумѣется, никто не смѣлъ сомнѣваться. Настоящій же трупъ Адріана былъ погребенъ, какъ мы уже говорили, въ громадной башнѣ, нынѣшней цитадели св. Ангела (Sant Angelo).

Антонинъ, уроженецъ Галліи, принадлежалъ къ знатной и старинной патриціанской фамиліи Піевъ, почему и прозывался Піемъ; это имя въ смыслѣ прилагательномъ (pius) значило «благочестивый» и тѣмъ болѣе приличествовало Антонину. Миролюбіемъ, кротостью, набожностью, этотъ цесарь былъ совершеннымъ подобіемъ царя Нумы-Помпилія. Возвратилъ сенату его прежнее значеніе; издалъ многіе благодѣтельные указы и, между прочими, одинъ, воспрещавшій преслѣдовать христіанъ, если только вся вина ихъ въ томъ, что они исповѣдуютъ Евангеліе; заботился о счастіи народа и народъ, дѣйствительно, былъ счастливъ; наконецъ, Антонинъ украсилъ Римъ и города многихъ областей великолѣпными зданіями и памятниками. Изъ нихъ особенно замѣчательны арены (цирки) и Гарскій мостъ близъ Рима. Онъ умеръ 73 лѣтъ (въ 161 г.) оплаканный своими подданными, причисленный къ богамъ, оставивъ по себѣ благословенную память, для увѣковѣченія которой его преемники замѣнили прежнее прозвище «цезарей» именемъ Антонина. По желанію Адріана, Антонинъ, восходя на престолъ усыновилъ сына Элія Вера, Луція, и родственника своего Марка-Аврелія; они же были и его преемниками. Луцій Веръ былъ олицетвореніемъ всѣхъ пороковъ; Маркъ Аврелій — всѣхъ добродѣтелей; а между тѣмъ они явили на престолѣ рѣдкій примѣръ согласія, выражавшагося, главнымъ образомъ, тѣмъ, что одинъ не мѣшалъ другому... Даже супругѣ своей, Фаустинѣ, кроткій Маркъ-Аврелій предоставилъ совер-

шенную свободу, а она точно на столько-же была распутна, на сколько онъ, благоразумный стоикъ, былъ нравственъ и воздержанъ. Ученіе стоиковъ, въ царствованіе Домиціана, занесено было въ Римъ Эпиктетомъ и нашло многихъ послѣдователей. Біографія Эпиктета довольно любопытна, но мы, избѣгая отступленій, приведемъ изъ нея одинъ только эпизодъ. Эпиктетъ былъ рабомъ грубаго, скотообразнаго вольноотпущенника. Однажды, ради забавы, этотъ господинъ, призвавъ къ себѣ Эпиктета, вздумалъ схватить его за ногу и сталъ крутить ее во всѣ стороны. Преодолѣвая боль, бѣдный рабъ молчалъ, сказавъ своему мучителю только четыре слова: «ты мнѣ сломаешь ногу!» Дѣйствительно подъ сильною рукою разжирѣвшаго холопа, кость хрустнула и Эпиктетъ былъ искалѣченъ. «Я говорилъ, что ты мнѣ ее сломишь?» повторилъ онъ, лишаясь чувствъ. Одинъ изъ злѣйшихъ враговъ христіанскаго ученія, диспутируя съ послѣдователемъ Евангелія, дерзко спросилъ его: «основатель вашей вѣры, говорилъ-ли когда нибудь что либо подобное?» — «Ничего подобнаго не говорилъ», отвѣчалъ христіанинъ—«но Онъ молился о прощеніи своихъ мучителей!» Такъ сравниваемый съ христіанствомъ стоицизмъ оказался несостоятельнымъ. Безропотное перенесеніе страданій, которымъ хвалились стоики, было основано на суетномъ тщеславіи; сила воли стоиковъ затрачивалась непроизводительно, ихъ доктрина не говорила имъ, что страданіе — путь ко спасенію и ни одинъ изъ ея проповѣдниковъ не выразилъ святой высокой идеи — любить ближняго какъ самаго себя, самую-же любовь измѣрять самопожертвованіемъ, полагая душу за друзей своихъ. Если бы Маркъ-Аврелій, при высокихъ качествахъ души, былъ просвѣщенъ свѣтомъ ученія Христова, онъ былъ бы истиннымъ благодѣтелемъ всего свѣта; но, исповѣдникъ язычества, онъ былъ добрымъ геніемъ для своихъ только единовѣрцевъ и врагомъ христіанъ. Голодъ, моровыя язвы, наводненія, пожары, нашествіе варваровъ тревожили обширныя области его имперіи: Маркъ-Аврелій не щадилъ ни своихъ трудовъ, ни казны, чтобы отстранять эти бѣдствія, заглаживать самые ихъ слѣды. Почти всю свою жизнь онъ провелъ въ войнахъ съ пароами, квадами, маркоманами и прославилъ оружіе римское ратными подвигами на бере-

гахъ Дуная. Проливалъ кровь враговъ; но жалѣя своихъ подданныхъ запретилъ кровавыя побоища въ циркахъ — и въ то же время издавалъ указы о преслѣдованіи христіанъ, а уличенныхъ въ распространеніи Евангелія казнилъ безъ милосердія. Марка-Аврелія оправдываютъ тѣмъ, будто онъ въ подобныхъ случаяхъ слѣдовалъ внушеніямъ сената, жрецовъ и философовъ; но можетъ ли это служить ему оправданіемъ? Съ другой стороны, если бы онъ щадилъ христіанъ и сочувствовалъ имъ, то нѣтъ сомнѣнія, палъ бы жертвою ярости народной, разожженной жрецами-фанатиками. Въ угоду язычникамъ Маркъ-Аврелій почтилъ апоеозою Луція Вера и супругу свою Фаустину. При всемъ своемъ умѣ, какъ истый язычникъ суевѣрный, онъ совѣщался съ астрологами, вѣрилъ въ сны, въ примѣты. Кромѣ астролога, египтянина Арнуфія, при дворѣ Марка Аврелія находились волхвы и чародѣи. Между многими способами гаданья особеннымъ довѣріемъ императора пользовалась библіомансія (гаданіе книгою). Для этого брали обыкновенно «Энеиду» Виргилія, и, открывъ на удачу, читали попавшіяся на глаза строки. Такъ изрекалъ свои прорицанія и оракулъ Фортуны Пренесты....

Маркъ-Аврелій скончался послѣ девятнадцати-лѣтняго царствованія въ 180 году, завѣщая престолъ сыну своему, Коммоду— звѣрю той же самой породы, къ которой принадлежали Калигула, Неронъ, Домиціанъ и проч. Четырнадцатилѣтнее его царствованіе (180—194 гг.), рядъ гнусностей, злодѣйствъ и сумасбродствъ, самыхъ возмутительныхъ. Мы не будемъ распространяться о нихъ, потому что описаніе подвиговъ Коммодовъ и имъ подобныхъ животныхъ, къ какому вѣку и къ какой націи они не принадлежали-бы, такой же непріятный трудъ какъ раскопка какой нибудь клоаки или помойной ямы. Мы разсмотримъ это чудовище только съ точки зрѣнія религіозныхъ его убѣжденій. Во первыхъ, онъ возобновилъ давно оставленныя, человѣческія жертвоприношенія; при немъ алтари Беллоны, Изиды, Минервы (въ подземельяхъ Капитолія) и Геркулеса обагрялись кровью людей, которыхъ онъ нерѣдко зарѣзывалъ собственноручно, или можжилъ имъ головы палицей, воображая себя Геркулесомъ. Неронъ былъ убѣжденъ, что онъ отличный актеръ музыкантъ, а Коммодъ почиталъ себя

первымъ въ имперіи непобѣдимымъ гладіаторомъ. Въ доказательство тому онъ сражался въ циркахъ, причемъ его противнику давался мечь со свинцовымъ лезвіемъ а Коммодъ былъ вооруженъ мечемъ настоящимъ, превосходно отточеннымъ. При подобномъ неравенствѣ оружій онъ, разумѣется, зарѣзывалъ своихъ противниковъ на вѣрняка! Наконецъ Коммодъ насытился и, подобно сытому удаву, погрузился въ дремоту, въ объятьяхъ Марціи. Эта женщина съумѣла подчинить своему вліянію этого изверга; онъ слушался ея совѣтовъ и на нѣкоторое время казни затихали; даже христіане вздохнули свободнѣе; но эта тишина была не продолжительна и Коммодъ снова сдѣлался Коммодомъ. Желая вознаградить себя за воздержаніе отъ звѣрскихъ неистовствъ, злодѣй выразилъ Марціи намѣреніе перерѣзать всѣхъ сенаторовъ и замѣнивъ императорскую багряницу, одеждою—или, правильнѣе нагото гладіатора царствовать самодержавно. На этотъ разъ мольбы и слезы Марціи не смягчили изверга, а въ длинныхъ спискахъ приговоренныхъ къ смерти она нашла даже свое имя. Сообщивъ о намѣреніяхъ Коммода одному изъ вельможъ, Электу и префекту преторіанцевъ Лету, Марція составила съ ними заговоръ, имѣвшій цѣлію избавленіе имперіи отъ кровопійцы путемъ убійства. Долго не откладывая, Марція опоила Коммода отравленнымъ виномъ; но видя, что ядъ дѣйствуетъ слишкомъ медленно, она ввела въ столовую атлета Нарцисса, который, схвативъ Коммода за горло, удавилъ его. Трупъ вынесли ночью изъ дворца и мѣсяца черезъ два удостоили погребенія въ гробницѣ Андріана, въ которой покоились Антонинъ и Маркъ-Аврелій.

Кромѣ преторіанцевъ и воиновъ объ убитомъ Коммодѣ никто не жалѣлъ; народъ и сенаторы ликовали, Летъ и Эклектъ принудили престарѣлаго префекта Пертинакса принять императорскій вѣнецъ. Преторіанцамъ этотъ выборъ не понравился; они умертвили его, послѣ восьмидесяти шести-дневнаго царствованія и объявили, что престолъ продается съ публичнаго торга!! Буйная казарменная сволочь располагала судьбами имперіи и далѣе этого, кажется, не могло идти ея униженіе. На торгъ явились два охотника: Помпеянъ, родственникъ Пертинакса и Дидій-Юліанъ, сенаторъ. Первый обязывался уплатить

преторіанцамъ по восшествіи на престолъ; второй, увеличивъ сумму, предложилъ вручить ее наличными и немедленно... Разумѣется его и провозгласили императоромъ!

Пользуясь своими правами, Дидій-Юліанъ казнилъ убійцъ Коммода: Лета и Марцію; Эклектъ, избѣгая казни, убился. Затѣмъ покупщикъ престола занялся приведеніемъ въ порядокъ государственныхъ дѣлъ, обративъ, между прочимъ, вниманіе и на религіозные обряды. Благоговѣя предъ волхвами и чародѣями онъ возвысилъ ихъ въ ущербъ жрецамъ, а признавая могущество однихъ только боговъ преисподней, ихъ особенно чествовалъ празднествами и таинственными церемоніями. Заклинанія замѣняли, Дидію-Юліану, молитвы; вмѣсто благовонныхъ мастей онъ жегъ на алтаряхъ одуряющія травы, сквозь клубы дыму отъ которыхъ надѣялся прозрѣть будущее. Особенно вѣрилъ въ гаданіе зеркаломъ (катонтромансія). Гаданіе это состояло въ томъ, что передъ зеркаломъ сажали ребенка и заставляли его не спускать глазъ съ блестящей поверхности: утомленному взору представлялись въ туманной перспективѣ разныя видѣнія, о которыхъ онъ говорилъ присутствовавшимъ. Однажды, по сказаніямъ историковъ, ребенокъ при подобномъ опытѣ увидѣлъ въ зеркалѣ толпу воиновъ, предводимыхъ вождемъ иллирійской арміи, Септиміемъ Северомъ и это предзнаменованіе близкаго свержения Дидія Юліана вскорѣ оправдалось.

Съ трехъ сторонъ угрожала опасность этому арендатору имперіи: Нигеръ вождь легіоновъ, расположенныхъ въ Сиріи, Альбинъ, вождь легіоновъ британскихъ и Септимій Северъ — иллирійскихъ, стремились къ Риму, а съ нимъ и къ вѣнцу императорскому. Септимій опередилъ своихъ соперниковъ; Дидій Юліанъ былъ убитъ; иллирійскіе легіоны истребили дружины преторіанцевъ, этихъ римскихъ янычаровъ, которыхъ Септимій замѣнилъ болѣе надежными и вѣрными тѣлохранителями. Воздавъ памяти Пертинакса божескія почести, Септимій сразился съ Нигеромъ, провозглашеннымъ императоромъ въ Византіи. Рѣшительная битва между соперниками произошла при Иссѣ: Нигеръ былъ убитъ; жители Византіи перерѣзаны, самый ихъ городъ былъ разграбленъ и превращенъ въ простое поселеніе. Избавясь отъ Нигера, Септимій

разбилъ Альбина въ Галліи близъ Лугдунума (Ліона) и взявъ его въ плѣнъ казнилъ, а отрубленную его голову прислалъ въ сенатъ римскій. Этой же участи подверглись въ числѣ 29 человѣкъ сенаторы, его приверженцы. Обагривъ такимъ образомъ ступени престола кровью жертвъ своего честолюбія, Септимій взошелъ на него, въ угоду войскамъ признавъ Коммода «богомъ». Послѣднею жертвою новаго императора былъ атлетъ Нарциссъ, отданный на растерзаніе звѣрямъ на аренѣ Колизея... Такъ началъ Септимій Северъ свое царствованіе (194—212 г.). Походы въ Британію и сооруженіе новой пограничной стѣны, для охраненія тамошнихъ владѣній римскихъ, отъ набѣговъ каледонійцевъ, были важнѣйшими дѣяніями этого императора.

Въ одинаковой степени честолюбивый и суевѣрный, Септимій женился на Юліи, дочери патриція, единственно потому, что колдуны предсказали ей будто мужемъ ея будетъ обладатель имперіи римской. Отъ этого брака, въ которомъ сама судьба играла роль свахи, у императора было два сына: Маркъ-Аврелій-Антонинъ, прозванный Каракаллою и Гета; Каинъ и Авель. Каракалла, ненавистникъ отца, въ послѣдніе годы его царствованія, составлялъ непрерывные заговоры къ его сверженію; наконецъ отважился на отцеубійство. Преступное его покушеніе не удалось, но нравственно онъ убилъ отца, вскорѣ послѣ этого сошедшаго въ могилу... На смертномъ одрѣ, Септимій убѣдился въ суетности земныхъ почестей и взявъ въ руки урну, предназначенную для сохраненія его пепла, отчаянно произнесъ: «какъ ты мала!... А между тѣмъ скоро въ тебѣ умѣстится тотъ, кому и весь міръ былъ тѣсенъ!»

Каракалла царствовалъ только шесть лѣтъ (212—218 г.), но этого было слишкомъ много, такъ какъ каждый день его царствованія былъ ознаменованъ всякими злодѣйствами. Уступивъ брату Азію и Египетъ, Каракалла оставилъ себѣ европейскія области. При немъ Римъ былъ превращенъ въ бойню и въ лупанаръ. Императрица Юлія, заботясь о цѣлости имперіи, попыталась объединить ее примиривъ братьевъ, но вмѣсто этого накликала гибель на голову Геты, который, по повелѣнію Каракаллы былъ зарѣзанъ въ объятьяхъ матери. За его убіеніемъ слѣдовали казни

и страшная рѣзня въ Александріи, ради потѣхи Каракаллы, который сравнивалъ себя съ Александромъ Македонскимъ! Это сравненіе было далеко не такъ дико и смѣшно, каковымъ оно, съ перваго взгляда, намъ кажется. Каракалла покушался на отцеубійство, а герой Македоніи и его родительница были не чужды убіенію Филиппа; Каракалла убилъ Гету, Александръ — Каллисѳена; римскій императоръ залилъ кровію Римъ и Александрію, а царь македонскій — сжегъ дворецъ Персеполиса, кромѣ Тира и Сидона разрушилъ десятки городовъ и выцѣдилъ кровь не изъ одной сотни тысячъ людей... Оба кровопійцы и изверги; только Александръ Македонскій, упивался кровью какъ напиткомъ безсмертія; онъ отнялъ жизнь у милліона людей, чтобы жить въ потомствѣ; а тупоумный Каракалла пилъ кровь, единственно ради забавы и, хоть для проклятія потомства, но все-таки занялъ страничку въ исторіи... Онъ былъ зарѣзанъ преторіанцемъ Марціаломъ, возведшимъ на престолъ своего префекта Макрина. Этотъ казарменный императоръ продержался не долго и, въ свою очередь, палъ съ окровавленнаго престола, убитый преторіанцами.

Для исторіи религіи царствованіе Каракаллы замѣчательно, во первыхъ тѣмъ, что онъ питалъ особенное уваженіе къ божествамъ египетскимъ: Изидѣ, Серапису и Пооху (лунѣ), во вторыхъ, что онъ призналъ за бога Аполлонія Тіанскаго и многіе римскіе храмы украсилъ его бюстами и портретами.

Жалкую картину представляла громадная римская имперія! Смрадно разлагалась она и, съ этого времени, каждый новый ея повелитель напоминалъ червя, копошащагося на трупѣ. Было время, на престолѣ возсѣдали кровные римляне; за ними слѣдовали иноземцы: Траянъ, Адріанъ были уроженцы Испаніи, Антонинъ—Галліи; иноземцевъ смѣнили императоры-преторіанцы, изъ казармъ попадавшіе на престолъ, товарищи которыхъ избирали ихъ какъ вахмистровъ или фельдфебелей... Дошло, наконецъ, до продажи короны императорской съ публичнаго торга; но и этимъ позоръ имперіи не ограничился: были на престолѣ солдаты, были на немъ чудовища и звѣри; но вотъ, послѣ убіенія Макрина, на немъ появился цѣлый гаремъ женщинъ подъ предводительствомъ

гермафродита и идіота — Геліогабала вывезеннаго изъ Азіи своею маменькою Соэмидою и бабушкою Мезою.

Этотъ уродъ, которому настоящее мѣсто съ минуты рожденія было бы въ банкѣ со спиртомъ, назывался первоначально Вассіаномъ и съ отроческихъ лѣтъ былъ посвященъ въ жрецы эмезскаго храма Эласа-ваала или Геліо-ваала, т. е. господа-солнца, или царя небеснаго. Въ этомъ храмѣ поклонялись и приносили жертвы аэролиту (веѳилю) [1]. Вассіанъ, двоюродный братъ Каракаллы, былъ очень похожъ на него лицемъ и нравомъ. Войска, избалованныя тираномъ, не переставали жалѣть о немъ и эта жалость дала Соэмидѣ и Мезѣ несчастную мысль возвести Вассіана на римскій престолъ. Щедрыми подкупами и всякими распутствами имъ удалось привлечь на свою сторону начальниковъ легіоновъ, которые одинъ за другимъ отложились отъ Макрина, находившагося тогда въ Азіи и подняли наконецъ знамя мятежа, въ которомъ онъ погибъ. Провозглашенный императоромъ сирійскими легіонами, Вассіанъ, принявшій имя Элаг-ваала или Геліогабала, увѣдомилъ римскій сенатъ о своемъ избраніи, вмѣстѣ съ посланіемъ отправилъ въ Римъ и свой портретъ въ одѣяніи верховнаго жреца храма солнца. При этомъ онъ самъ, и маменька и бабушка питали скромное желаніе, что Геліогабалъ будетъ немедленно провозглашенъ «богомъ», подобно ѳеократамъ Индіи и Тибета. Сенатъ призналъ Геліогабала императоромъ, такъ какъ его окружалъ частоколъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ пикъ и мечей римскихъ легіоновъ... Аргументъ внушительный! Сопровождаемый Соэмидою, Мезою и огромной свитою мужчинъ и женщинъ, Геліогабалъ прибылъ въ Римъ (218 г.) и вступилъ во всемірную столицу съ церемоніаломъ, ослѣпившимъ народъ своею истинно азіатскою роскошью... Черная смерть, чума, или холера, могли только, въ физическомъ отношеніи принести Риму тотъ вредъ, который, въ отношеніи нравственномъ принесло ему появленіе Геліогябала.

---

[1]) О значеніи слова ваалъ въ царствахъ древней Азіи мы говорили въ исторіи сабизма: Томъ IV гл. IV, V, XI, XIV, XX.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Геліогабалъ. — Попытка объединенія языческихъ вѣрованій. — Идолъ Элагавaала. — Человѣческія жертвоприношенія. — Новыя одѣянія. — Древнія одежды римлянъ. — Женскій сенатъ. — Замужство Геліогабала. — Сумасбродства. — Предсказаніе волхва и Фортуны-Пренесты. — Смерть Геліогабала. — Александръ Северъ. — Уваженіе къ закону христіанскому. — Максиминъ. — Своеволіе преторіанцевъ. — Смѣны императоровъ. — Плотинъ и неоплатоники. — Рогатіанъ. — Эдизій. — Оденатъ. — Царица Зиновія. — Лонгинъ. — Побѣды Авреліана. — Разрушеніе Пальмиры. — Тѣнь Аполлонія Тіанскаго. — Тріумфъ. — Тацитъ. — Провъ. — Каръ, Каринъ и Нумеріанъ. — Аперъ. — Пророчество друидиссы о кабанѣ. — Діоклитіанъ. — Гоненіе христіанъ и мученики. — Августы и цесари. — Констанцій Хлоръ. — Шесть императоровъ. — Междоусобія. — Константинъ и Максенцій.

Вассіану, Геліогабалу или Элагаваалу, при его воцареніи было только четырнадцать лѣтъ. Мать и бабка, предоставивъ ему совершенную свободу предаваться всякимъ распутствамъ и сумасбродствамъ, его именемъ правили имперіею. На первый случай, онѣ вздумали произвести религіозную реформу; слить во едино всѣ вѣрованія подданныхъ римской имперіи, сосредоточивъ ихъ въ храмѣ солнца, котораго верховнымъ жрецомъ долженъ былъ быть императоръ. Единство религіи, безспорно, надежный залогъ могущества каждаго государства, если только это единство не хаотическая смѣсь самыхъ противурѣчивыхъ догматовъ. Въ III вѣкѣ по Р. Х., какъ мы уже говорили, въ Римѣ находились исповѣдники всѣхъ религій древняго міра. Кромѣ язычниковъ были тутъ іудеи, послѣдователи закона Моисеева и разныхъ сектъ; были и христіане, какъ апостольской церкви, такъ и еретики. Меза и Соэмида, подъ кровлею одного храма, рѣшились собрать язычниковъ, іудеевъ и христіанъ. Храмъ этотъ воздвигли на горѣ Палатинѣ, и въ него были перенесены главнѣйшие идолы всѣхъ прочихъ хра-

мовъ. Главнымъ божествомъ, которому объявлены были подвластными всѣ прочія, имѣлъ быть Элагаваалъ, т. е. аэролитъ храма эмезскаго. Эту драгоцѣнность перевезли изъ Азіи въ Римъ и съ торжествомъ доставили въ храмъ палатинскій на колесницѣ, запряженной шестью бѣлыми конями, управляемыми Вассіаномъ. Шествіе медленно двигалось по дорогѣ, усыпанной золотымъ пескомъ, цвѣтами, ладаномъ. Принеся жертву Элагаваалу, императоръ объявилъ, что отнынѣ, поклоняясь ему одному, онъ будетъ носить и его имя; что поклоняющіеся лично ему воздаютъ поклоненіе самому солнцу, и на оборотъ... Жертвоприношенія новому богу не ограничивались елеемъ, хлѣбомъ, виномъ, или животными: императоръ присоединилъ къ нимъ и людей. Онъ собственноручно зарѣзывалъ дѣтей на алтарѣ Элагаваала и гадалъ по ихъ внутренностямъ. Во дни служенія чудовищному божеству по скатамъ горы Палатинской, на которой находился его храмъ, струились ручьи крови, елея и вина; цѣлыя тучи дыму, отъ сожигаемыхъ благовоній и жертвенныхъ туковъ, носились въ воздухѣ. Черезъ нѣсколько времени императоръ вывезъ изъ Карѳаина кумиръ Астарты и праздновалъ ея бракосочетаніе съ Элагавааломъ! Вмѣстѣ съ обрядами восточнаго язычества онъ ввелъ въ Римѣ моды и обычаи Сиріи: одежду цесарей замѣнилъ облаченіемъ жрецовъ, изъ шелковыхъ тканей вышитыхъ золотомъ; голову покрывалъ тіарою, шею обвѣшивалъ ожерельями, руки унизывалъ браслетами и въ видѣ набѣленнаго и нарумяненнаго чучела являлся народу. Въ угоду Элагаваалу начали и римляне наряжаться въ восточные костюмы, тогда какъ по древнимъ узаконеніямъ и уставамъ, каждому сословію и возрасту опредѣленъ былъ особый нарядъ изъ тканей шерстяныхъ или льняныхъ. Въ семьнадцать лѣтъ гражданинъ римскій имѣлъ право облачаться въ тогу; воины носили особаго покроя плащъ (паллiумъ); консулы и сенаторы носили претексты и латиклавы, окрашенные пурпуромъ; граждане, стоявшіе на очереди къ замѣщенію государственныхъ должностей одѣвались въ бѣлое и потому именовались бѣльцами (кандидатами, отъ слова candidus: бѣлый). При Элагаваалѣ въ одеждахъ, въ нравахъ и обычаяхъ произошелъ хаотическій сумбуръ и Римъ сталъ похожъ на какую то персидскую сатрапію.

Меза и Соэмида, бабка и мать императора, предсѣдательствовали въ сенатѣ и кромѣ этого были первоприсутствующими лицами въ сенатѣ женскомъ, нарочно для нихъ учрежденномъ. Здѣсь обсуждались вопросы о нарядахъ и разныхъ туалетныхъ таинствахъ... Въ лицахъ Мезы и Соэмиды для несчастнаго Рима воскресли двѣ Іезавели, двѣ блудницы, въ грязныхъ своихъ рукахъ державшія участь великой имперіи! Элагаваалъ, имѣвшій сначала четырехъ женъ, окончилъ тѣмъ, что самъ облачился въ женское платье и вышелъ за мужъ за какого-то сенатора.... Государственной казны этотъ презрѣнный гермафродитъ не щадилъ: онъ безумно расточалъ ее, точно черпалъ изъ баснословнаго Пактола; пиры, праздники, игры, забавы поглощали безвозвратно громадныя суммы! Однажды, съ похмѣлья, Элагаваалъ почувствовалъ припадокъ меланхоліи и задумался о самоубійствѣ; затрудняясь выборомъ рода смерти и не зная, что лучше: заколоться, или разбить голову объ мостовую, онъ велѣлъ приготовить нѣсколько кинжаловъ съ золотыми лезвіями, а мостовую подъ окнами дворца вымостить драгоцѣнными камнями... Дня два, или три, идіота тѣшила эта мысль; потомъ онъ передумалъ. Судьба готовила ему конецъ достойный—и мѣсто его убіенія, какъ увидимъ, было самое приличное!

У Мезы, кромѣ Соэмиды, была еще дочь—Маммеа, а у этой дочери былъ сынъ—Александръ, мальчикъ съ отличными способностями и съ прекраснымъ сердцемъ. Нѣжно любящая его мать вопрошала волхва о его будущности и получила въ отвѣтъ, что «онъ будетъ обладателемъ неба, земли и морей». Этого Александра, Меза избрала въ преемники Элагаваалу, убѣдивъ милѣйшаго своего внука усыновить двоюроднаго брата; тотъ сперва согласился, но потомъ, опасаясь, чтобы Александръ его не свергъ, сталъ всячески притѣснять Маммею и ея сына. Послѣдній, страшась ярости сумасброда, прибѣгнулъ къ оракулу Фортуны-Пренесты, который отвѣтилъ ему стихомъ изъ VI книги Энеиды:

Если возможешь одолѣть враждебную судьбу.
Ты Марцелломъ будешь! [1])

[1]) Si qua fata aspera rumpas
Tu Marcellus eris!..

Эта «враждебная судьба» явилась Александру въ видѣ жаркой бани (терма), въ которой Элагаваалъ велѣлъ-было его задушить, но онъ счастливо избѣжалъ почти неминуемой смерти. Вѣсть объ этомъ злодѣйствѣ возмутила преторіанцевъ: Соэмида была убита, а Элагаваалъ, спрятавшійся въ ретирадникѣ, былъ здѣсь умерщвленъ и тѣло его истерзанное въ клочья бросили въ Тибръ, предавъ имя Элагаваала вѣчному безславію. Александръ былъ провозглашенъ императоромъ (222 г.), подъ опекою матери своей Маммеи и бабки, Мезы. При восшествіи на престолъ онъ принялъ прозвища *Севера* и *Марка-Аврелія*.

Царствованіе его достопамятно во многихъ отношеніяхъ. Онъ отмѣнилъ служеніе Элагаваалу и Астартѣ, отославъ ихъ кумировъ въ Эмезу и Карѳагенъ; не только запретилъ преслѣдовать христіанъ, не только благоволилъ имъ, но даже въ дворцовой своей молельнѣ (ларарiумъ) помѣстилъ изображеніе Іисуса Христа, которому поклонялась императрица Маммея. Въ послѣдніе годы царствованія своего Александръ имѣлъ намѣреніе ввести христіанство въ римской имперіи, но жрецы тому воспротивились, а супруга его *Юлія* особенно чтила Аполлонія Тіанскаго... Она восхищалась его афоризмами, Александръ, въ свою очередь, повторялъ правило христіанское и слѣдовалъ ему: «не дѣлай другому того, чего не желаешь самому себѣ!» Кротость и милосердіе были отличительными чертами его царствованія; простота въ образѣ жизни презрѣніе къ роскоши и щедрость при награжденіи заслугъ снискали Александру всеобщія похвалы и уваженіе. За блистательныя побѣды, одержанныя надъ персами въ Мессопотаміи, императоръ, по возвращеніи въ Римъ, былъ удостоенъ тріумфа. При всемъ томъ, буйные преторіанцы не любили Александра: они обижались на то, что онъ не награждаетъ ихъ достаточно, будучи обязанъ имъ престоломъ; водворяетъ дисциплину, запрещаетъ грабежи и безчинства... Вліяніе Маммеи на сына, хотя и благотворное, было также положено на вѣсы и дерзкая солдатчина, смотря на нее съ негодованіемъ, считала за позоръ повиноваться ей.

Въ рядахъ легіоновъ расположенныхъ на Рейнѣ находился тогда *Максиминъ*, уроженецъ Ѳракіи, изъ пастуховъ попавшій въ воины. Это былъ великанъ, силачъ и обжора; лютый, какъ мед-

вѣдь и глупый невообразимо... Лучшаго предводителя мятежникамъ не было и нужно! Александръ Северъ прибылъ на берега Рейна для смотра тамошнихъ легіоновъ. Внезапно вспыхнулъ бунтъ, въ которомъ погибли подъ мечами злодѣевъ Маммея и сынъ ея (235 г.), которому было только 26 лѣтъ... Императоромъ своимъ цареубійцы провозгласили Максимина, но съ этого времени имперію можно было бы, и правильнѣе было бы, назвать республикою, такъ какъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ у каждаго легіона являлся свой императоръ—бывшій батальонный или ротный командиръ. Вѣсть о его избраніи не успѣвала достигнуть въ отдаленныя области, какъ воины уже срывали съ него императорскій вѣнецъ, вмѣстѣ съ головою, и повергая ее къ ногамъ новаго властителя возлагали окровавленный знакъ царскаго достоинства на его голову... Черезъ нѣсколько дней его постигала участь предшественниковъ. Такъ на престолѣ римскомъ промелькнули: *Максиминъ*, три *Гордіана*, *Максимъ* и *Бальбинъ*, арабъ *Филиппъ*, *Декій*, *Гостиліанъ*, *Галлусъ*, *Эмиліанъ*, *Валеріанъ*, *Галліанъ*, *Оденатъ*, *Клавдій II* и *Авреліанъ*. Эта неурядица продолжалась съ 235 по 270 годъ! Само собою разумѣется, что иноземныя провинціи отложились отъ имперіи, а разныя племена варваровъ: *готы*, *аллеманы*, *франки*, *сарматы* и *персы* начали тревожить своими вторженіями ея области, въ Европѣ и въ Азіи.

При Филиппѣ имперія праздновала свое тысячелѣтіе (247 г.). Валеріанъ велъ несчастную войну съ Сапоромъ I, царемъ персидскимъ, окончившуюся плѣненіемъ императора. Послѣ страшныхъ униженій и наругательствъ, измыслить которыя могъ только варваръ подобный Сапору (см. Томъ III *Персія* Гл. IX стр. 79—80) съ Валеріана была содрана кожа, изъ которой персіяне выдѣлали чучело. При Галліанѣ въ Римѣ явился основатель школы неоплатониковъ—*Плотинъ* и проповѣдуя свое ученіе пріобрѣлъ громкую репутацію мудреца и преобразователя нравовъ. Язычники съ гордостью указывали на него христіанамъ, превознося его доктрину въ ущербъ Евангелію и не принимая въ соображеніе того, что все хорошее въ неоплатонизмѣ было заимствовано у христіанства. Плотинъ просилъ у императора Галліана разрѣшенія осно-

вать въ Римѣ общину, однако же Галліанъ не изъявилъ на то согласія, изъ опасенія, чтобы эта община не сдѣлалась разсадникомъ идей республиканскихъ, опасныхъ правительству монархическому. Ревностнѣйшимъ послѣдователемъ неоплатонизма явился патрицій Рогатіанъ, раздавшій все свое имѣніе бѣднымъ и обрекшій себя на добровольное скитальчество. Кромѣ неоплатониковъ, тогда же возникла въ Римѣ секта послѣдователей Эдизія ученика Ямвлиха, пытавшагося воскресить въ умахъ прежнее уваженіе къ богамъ языческимъ. Обуянные какимъ-то духомъ уединенія, принимая за образецъ христіанскихъ отшельниковъ, многие жители Рима, провинцій Африки и Азіи удалялись въ пустыни, чтобы проводить дни въ благоговѣйномъ созерцаніи и въ занятіяхъ естественными науками. При всемъ отчужденіи отъ суеты мірской, каждый пустынникъ утѣшался мыслію прослыть въ народѣ человѣкомъ особенно угоднымъ небу и привлечь къ себѣ толпы слушателей и учениковъ.

Оденатъ царь Пальмиры сирійской, соправитель Галліана, одержалъ блистательныя побѣды надъ персіянами и оттѣснилъ ихъ за Эвфратъ. Убитый однимъ изъ своихъ вельможъ онъ завѣщалъ престолъ своей супругѣ, знаменитой Зиновіи, которая объявила свое царство независимымъ отъ Рима и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самовольно объявила себя императрицею востока. Женщина ума необыкновеннаго, Зиновія сочетала въ своемъ лицѣ дарованія мудраго правителя и храбраго полководца. Завоевала Египетъ, заключила союзъ съ персидскимъ царемъ Сапоромъ II и угрожала самому Риму. Преемникъ Клавдія II — Авреліанъ, усмиривъ дикарей Германіи и прибережьевъ Дуная, рѣшился положить предѣлъ честолюбію Зиновіи. Съ многочисленными войсками онъ вступилъ въ Сирію и приближаясь къ областямъ Пальмиры, дерзкимъ посланіемъ потребовалъ отъ царицы покорности и выдачи ему всѣхъ ея сокровищъ. Бывшій наставникъ и секретарь Зиновіи, Лонгинъ, отъ ея имени и по желанію героини, отвѣчалъ Авреліану отказомъ и выраженіемъ готовности защищать неприкосновенность своихъ правъ оружіемъ, до послѣдней крайности. Послѣ первыхъ, неудачныхъ попытокъ римлянъ овладѣть Пальмирою она была взята голодомъ; Зиновія пыталась бѣжать, но захваченная въ плѣнъ была приведена къ Авреліану. Великодушно прощая ей подвиги, которые назвалъ «мятежемъ», императоръ римскій потребовалъ у нея выдачи Лонгина и этотъ добродѣтельный и ученый мужъ, послѣ лютѣйшихъ пытокъ, былъ казненъ въ 273 году. Зиновія со всѣмъ семействомъ была отправлена въ Римъ...

Лишь только римляне выступили изъ предѣловъ Пальмиры, оставивъ въ ея столицѣ незначительный гарнизонъ, жители Пальмиры взбунтовались и перерѣзавъ ненавистныхъ имъ блюстителей ихъ покорности, опять объявили себя независимыми. Авреліанъ, на этотъ разъ неумолимый, возвратился въ Пальмиру и разрушилъ этотъ великолѣпный городъ, судя по развалинамъ, уцѣлѣвшимъ до нашего времени — богатый прекраснѣйшими образцами зодчества и ваянія! Та же участь угрожала и Тіанѣ, родному городу Аполлонія, но она была пощажена Авреліаномъ, благодаря сновидѣнію, въ которомъ чародѣй явился императору, убѣждая его преложить гнѣвъ на милость... Панегиристы Аполлонія Тіанскаго утверждали будто бы его тѣнь бесѣдовала съ Авреліаномъ на яву; но вѣрить этому мы уже предоставляемъ современнымъ спиритамъ и столоврашателямъ.

Вступленіе Авреліана въ Римъ, по усмиреніи Пальмиры, сопровождалось пышнымъ тріумфомъ. Въ числѣ множества плѣнныхъ, шествовавшихъ за колесницей, находилась Зиновія въ золотыхъ кандалахъ... Испивъ чашу уничиженія до послѣдней капли, она поселилась въ загородномъ дворцѣ въ Тиволи, гдѣ мирно окончила дни. Дочери ея вышли за римскихъ вельможъ; сынъ получилъ въ потомственное владѣніе небольшой удѣлъ. Авреліанъ, прозванный великимъ, былъ убитъ, благодаря предательству своего раба Мнесфея, котораго (весьма удивительно!) преторіанцы за это не возвели на престолъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ остававшійся празднымъ (275 г.). Затѣмъ опять пошли неурядицы, рѣзня правителей и мятежи солдатчины. Тацитъ (изъ семейства великаго историка) царствовалъ двѣсти дней и былъ убитъ; та же участь постигла и его преемника Прова или Проба, вытѣснившаго изъ Галліи франковъ, бургундовъ; насадившаго въ этой области первые виноградники и воздвигшаго каменную стѣну ме-

жду Рейномъ и Дунаемъ, для огражденія Германіи отъ набѣговъ варваровъ. Послѣ Прова одновременно царствовали три императора: **Каръ** и сыновья его, **Каринъ** и **Нумеріанъ**. Отецъ сгорѣлъ въ шатрѣ, сожженномъ молніею; Нумеріанъ былъ убитъ префектомъ преторіанцевъ—**Аперомъ**. Злодѣй обманулся въ расчетѣ: преторіанцы не только не провозгласили его императоромъ, но чуть не умертвили и Аперъ спасся подъ сѣнію знаменъ, которая пользовалась правами неприкосновенности настоящаго азиля. Этимъ онъ, однако же, не на долго уберегъ свою жизнь; его умертвилъ **Діоклитіанъ**, раскроивъ ему черепъ (284 г.), а преторіанцы отрубивъ голову Карину поднесли ее убійцѣ, вмѣстѣ съ вѣнцомъ императорскимъ.

Діоклитіанъ изъ простыхъ воиновъ, дослужившійся до званія начальника манипулы (роты), участвовалъ въ походахъ противъ германскихъ и галльскихъ варваровъ, отличаясь храбростью, распорядительностью и прямизною характера. Въ бытность свою въ Галліи, онъ однажды, въ присутствіи хозяйки корчмы, пересчитывалъ свои деньги, свѣряя расходъ съ приходомъ. «Какой же ты скупой!» сказала ему хозяйка,—буду щедрѣе, отвѣчалъ Діоклитіанъ — когда попаду въ императоры!... Хозяйка (занимавшаяся колдовствомъ и посѣщавшая сходки **друидессъ**) произнесла очень серьезно: «ты будешь императоромъ, **когда убьешь кабана** (cum aprum occideris)!» Это предсказаніе запало въ душу Діоклитіана и онъ, съ этого времени, сталъ усердно заниматься охотою на кабановъ; билъ ихъ немилосердно, однако же на избраніе его въ императоры не было даже и ничего похожаго. Когда Аперъ, преслѣдуемый воинами, бѣжалъ подъ знамена, тогда Діоклитіанъ вспомнилъ, что имя его значитъ **кабанъ** (aper), а умертвивъ этого двуногаго звѣря вскорѣ удостовѣрился, что колдунья не обманула его [1]).

[1]) Этотъ странный, необъяснимый случай напоминаетъ намъ разсказъ о смерти князя **Понятовскаго** въ 1813 году. Ему въ молодости предсказывала какая-то цыганка, что виновницею его смерти будетъ **сорока**. Вслѣдствіе этого у Понятовскаго явилось непреодолимое отвращеніе къ этимъ птицамъ. Человѣкъ храбрости испытанной, онъ блѣднѣлъ при видѣ сороки. Однако же въ его памяти изгладилось воспоминаніе

Съ именемъ этого императора, въ исторіи церкви, неразлучны сказанія о лютѣйшихъ гоненіяхъ, воздвигнутыхъ имъ на христіанъ, и конечно, ни въ одно царствованіе не было казнено такого великаго множества мучениковъ и мучениць. Подстрекаемый своимъ зятемъ и соправителемъ **Галеріемъ**, Діоклитіанъ далъ повелѣніе исторгать христіанъ изъ катакомбъ, въ которыхъ они совершали богослуженіе и предавать ихъ на растерзаніе звѣрямъ, или на невыносимыя пытки. Оракулъ, спрошенный Діоклитіаномъ, назвалъ христіанъ «праведными» и этимъ еще пуще прежняго распалилъ ярость язычника! Онъ повелѣлъ разрушить христіанскую церковь въ Никомидіи, сжечь богослужебныя книги, казнить священниковъ и, при всемъ томъ, ученіе христіанское, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространялось: мученики, умирая съ молитвою на устахъ, лучше всякихъ проповѣдей доказывали язычникамъ высокое совершенство своей вѣры и случалось, что ихъ кровь, для самыхъ палачей, превращалась въ купель крещенія... Думая искоренить христіанство, Діоклитіанъ только способствовалъ его распространенію.

При немъ императорскую власть раздѣляли между собою четыре правителя, два **Августа**: онъ (Діоклитіанъ) и **Максиміанъ-Геркулесъ** и два **цесаря**: **Констанцій-Хлоръ** и **Галерій**. Резиденціею Максиміана былъ Медіоланъ; Діоклитіана—Никомидія. Послѣ двадцати лѣтъ царствованія (284—304 г.) Діоклитіанъ добровольно сложилъ съ себя вѣнецъ и пурпуръ и удалился на родину, въ Салону, городокъ на берегу Адріатическаго моря. Здѣсь, недавній обладатель великой имперіи занялся огородничествомъ и умеръ въ 313 году послѣ тяжкихъ, невыносимыхъ страданій. Существуетъ сказаніе будто онъ уморилъ себя голодомъ, но это подлежатъ большому сомнѣнію. Въ 306 году имперіею управляли опять два августа: Галерій и Констанцій-Хлоръ и два цесаря: **Максиминъ** и **Северъ**.

о цыганкѣ и ея пророчествѣ, а слѣдуя за наполеоновскими орлами Понятовскій позабылъ и о сорокѣ. Въ 1813 году подъ Лейпцигомъ, преслѣдуемый непріятельскимъ отрядомъ Понятовскій на конѣ бросился съ крутаго берега въ рѣку—и утонулъ. Рѣка называлась **Эльстеръ** (Elster) а имя это, по нѣмецки, значитъ **сорока**.

Констанцій, за блѣдность своего лица прозванный «Хлоромъ», царствовалъ не долго, однако же оставилъ по себѣ славную память, какъ храбрый вождь и какъ покровитель христіанъ, ибо супруга его Елена была послѣдовательницею ученія евангельскаго. Констанцій умеръ въ городѣ Эборакумѣ (Іоркъ) и войска его единогласно провозгласили преемникомъ, сына его Константина, прибывшаго изъ Никомидіи. Скрѣпя сердце Галерій призналъ его избраніе, но назвалъ Константина не августомъ, а только цесаремъ. Тогда Максиміанъ Геркулесъ, сошедшій съ престола въ одно время съ Діоклитіаномъ, опять взошелъ на него вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Максенціемъ, зятемъ Галерія. Такимъ образомъ въ имперіи явилось шесть правителей, именовавшихся императорами: Галерій—въ Азіи; Константинъ—въ Галліяхъ (т. е. въ нынѣшней Франціи и Великобританіи); Максиминъ—въ Египтѣ; Северъ — въ Равеннѣ; Максиміанъ и Максенцій въ прочихъ областяхъ Италіи. Разумѣется, начались страшныя междоусобія! Максиміанъ побѣдивъ и взявъ въ плѣнъ Севера, принудилъ его открыть себѣ кровь на рукахъ и на ногахъ; послѣ того, самъ гонимый своимъ сыномъ бѣжалъ къ Константину. Уличенный въ преступныхъ умыслахъ свергнуть своего защитника и зятя (Константинъ былъ женатъ на дочери его Фаустѣ) Максиміанъ удавился... Галерій умеръ своею смертію въ 311 году, отмѣнивъ всѣ указы и постановленія противъ христіанъ и разрѣшивъ имъ строить по прежнему свои храмы и явно исповѣдывать законъ Іисуса Христа. Преемникомъ своимъ онъ назначилъ Лицинія.... Новыя усобицы между Лициніемъ и Максиминомъ. Разбитый подъ Аквилеею этотъ послѣдній бѣжалъ въ Никомидію, гдѣ вскорѣ умеръ; его сынъ и дочь, взятые въ плѣнъ Лициніемъ, были зарѣзаны. Между тѣмъ ожесточенная борьба кипѣла въ Италіи между Константиномъ и Максенціемъ. Права и силы противниковъ были равныя; римская пѣхота стоила галльской конницы; судьбы имперіи были брошены на вѣсы вмѣстѣ съ мечами Максенція и Константина...

Крестъ, упавшій въ чашку этихъ вѣсовъ, принадлежавшую Константину, рѣшилъ въ его пользу вопросъ о первенствѣ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Знаменіе креста.—Побѣда надъ Максенціемъ.—Принятіе вѣры христіанской. — Ереси. — Никейскій вселенскій соборъ.—Символъ вѣры. — Праздникъ Воздвиженія. — Казнь Криспа и Фаусты.—Константинополь.—Раздѣленіе имперіи.— Смерть Константина.—Распри его сыновей.—Констанцій. — Цесарь Галлъ. — Юліанъ. — Ненависть къ христіанству.—Подвиги.—Лютеція.— Избраніе въ императоры. — Возстановленіе язычества. — Прозвище: Отступника.—Обновленіе Іерусалима.—Чудеса.—Походъ въ Персію.—Черный всадникъ.— Битва при Маранѣ.—Смерть Юліана.—Конецъ язычества. — Христіанство. — Посланіе проконсула Лентула объ Іисусѣ Христѣ.—Заключеніе.

Елена, родительница Константина, какъ мы уже говорили, была христіанкою. Благодаря ея внушеніямъ, сынъ, съ юныхъ лѣтъ, уважалъ ученіе евангельское и питалъ живѣйшую пріязнь къ его послѣдователямъ. Во время борьбы съ Максенціемъ Константинъ неоднократно вспоминалъ о Томъ, который училъ людей молиться и призывать святое имя Свое въ минуты скорби и напастей. Отправляясь на битву съ противникомъ, собравшимъ свои войска на берегахъ Тибра, Константинъ (по сказаніямъ христіанскихъ лѣтописцевъ) увидѣлъ на небѣ лучезарный крестъ съ надписью: «симъ знаменіемъ побѣдишь! (Hoc signo vinces!)» Пораженный этимъ видѣніемъ онъ далъ обѣтъ: въ случаѣ побѣды принять христіанскую вѣру и, въ то же время, приказалъ изобразить на своихъ знаменахъ крестъ и имя Іисуса Христа... Побѣда надъ Максенціемъ была совершенная; войска его легли костьми и самъ онъ утонулъ въ вязкой тинѣ, бѣгствомъ спасаясь съ поля сраженія. Такъ избавленный отъ опаснаго совмѣстника, Константинъ упрочилъ за собою власть императорскую и, вѣрный своему обѣщанію, обратился ко Христу; объявивъ Его законъ владычествующимъ вѣроисповѣданіемъ въ имперіи, приказалъ раз-

рушить многіе языческіе храмы, капища, и замѣнить ихъ храмами Бога живаго, хотящаго отъ людей милости, но не жертвы. Нѣкоторые изъ вельможъ послѣдовали примѣру Константина; что же касается до войскъ они пребывали въ язычествѣ и хотя не осмѣливались обижать христіанъ, однако же, принося жертвы своимъ богамъ, празднуя игры въ ихъ честь, совѣщаясь съ авгурами и чародѣями, какъ будто глумились надъ новою религіею. Подобно солнцу, заслоняемому тучами, первоначальное апостольское ученіе было тогда затмѣваемо многочисленными ересями, изъ которыхъ наиболѣе распространенною былъ аріанизмъ, или ученіе Арія, отрицавшаго божественность происхожденія Іисуса Христа. Для догматическаго опроверженія этой доктрины, Константинъ повелѣлъ христіанскимъ епископамъ собраться въ Никеѣ (325 г.). На этомъ первомъ вселенскомъ соборѣ для поученія христіанъ, для отвращенія чадъ церкви апостольской отъ ложныхъ мудрствованій и превратныхъ толкованій догматовъ—былъ составленъ Символъ вѣры. Въ слѣдующемъ 326 году, въ 14 день сентября произошло событіе незабвенное: Константинъ и матерь его, царица Елена, воздвигли на поклоненія всему міру честный и животворящій крестъ Христовъ, обрѣтенный въ Іерусалимѣ и воскрешеніемъ усопшаго, убѣдившій людей въ несомнѣнной своей подлинности. Этотъ достопамятный день Воздвиженія до нынѣ празднуется и во вѣки вѣковъ будетъ праздноваться христіанскою церковью, которая причислила Константина и Елену къ лику святыхъ.

Избѣгая распрей и междоусобій, Константинъ раздѣлилъ верховную власть съ Лициніемъ и нѣкоторое время они жили въ добромъ согласіи. Затѣмъ, Лициній вздумавъ отложиться, поднялъ знамя мятежа, но побѣжденный императоромъ и сосланный въ Ѳессалонику, тамъ былъ удавленъ. Съ этой минуты Константинъ сталъ единодержавнымъ обладателемъ римской имперіи. По могуществу, равнаго ему не было на землѣ; какъ супругъ и отецъ онъ могъ назваться несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Старшій сынъ его отъ перваго брака, Криспъ, воспитанный ученымъ и добродѣтельнымъ Лактанціемъ, по закону долженъ былъ наслѣдовать отцу. Его свѣтлый умъ, прекрасные способности и доброе сердце были надежными залогами грядущаго счастія имперіи. Богъ судилъ иначе. Императрица Фауста, мачиха Криспа, радѣя о своихъ родныхъ сыновьяхъ, оклеветала пасынка передъ супругомъ въ небывалыхъ умыслахъ на низложеніе и даже убійство Константина... Императоръ казнилъ Криспа, невинность котораго была доказана — вскорѣ послѣ казни. Неумѣстная строгость императора возбудила всеобщій ропотъ; онъ же самъ, поправляя одну ошибку другою, приказалъ задушить Фаусту въ жаркой банѣ. Она погибла, оставивъ послѣ себѣ трехъ сыновей: Константа, Констанція и Константина-младшаго, наслѣдовавшихъ отъ матери всѣ ея пороки, отъ отца же не наслѣдовавшихъ ни одной его добродѣтели. Послѣ всѣхъ этихъ семейныхъ несчастій, престарѣлому Константину пребываніе въ Римѣ сдѣлалось невыносимо. Онъ рѣшился перенести столицу имперіи на рубежъ Европы и Азіи и выборъ его палъ на Византію, болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ разрушенную Септиміемъ Северомъ. Украсивъ этотъ городъ великолѣпными зданіями, и назвавъ его въ свою честь Константинополемъ, императоръ назначилъ его своею резиденціею (330 г.). Обширную свою имперію онъ раздѣлилъ на четыре префектуры: Восточную, Иллирійскую, Италіанскую и Гальскую, а каждую префектуру на епархіи и провинціи.

Непріязненныя дѣйствія персидскаго царя Сапора II принудили Константина, для его усмиренія, прибѣгнуть къ оружію. Предводительствуя своими войсками императоръ отправился въ Азію, но достигнувъ Никомидіи тяжко заболѣлъ и скончался здѣсь въ день св. Троицы 22 мая 337 года, принявъ предъ кончиною св. крещеніе. Прозвище великаго, данное ему потомствомъ, можетъ служить мѣриломъ его достоинствъ и заслугъ въ глазахъ человѣчества, изъ нихъ же главнѣйшая: принятіе вѣры христовой и миръ дарованный Его святой церкви.

Раздѣливъ между собою имперію, будто какую наслѣдственную усадьбу, сыновья Константина затѣяли между собою кровавыя распри. Возмутивъ константинопольскую чернь они перерѣзали сродниковъ императорскаго дома, изъ которыхъ спаслось только два внучатые племянника покойнаго Константина: Галлъ и Юліанъ, бѣжавшіе въ Аѳины. Послѣ того, Константъ и Константинъ

младшій сами погибли въ междоусобной битвѣ, а старшій ихъ братъ Констанцій остался самодержцемъ и единымъ повелителемъ имперіи (337—361 г.). Царствованіе его было однимъ изъ несчастнѣйшихъ. Слабый, нерѣшительный, неопытный, онъ напоминалъ своимъ правительствомъ ребенка, которому довѣрили кормило корабля во время страшной бури. Громадные валы—полчища варваровъ—грозили конечнымъ разрушеніемъ имперіи — кораблю, 360 лѣтъ тому назадъ построенному Октавіемъ Августомъ и хотя флагъ его былъ знаменованъ крестомъ, но бури рвали его въ клочья, а мачты и снасти надломленныя, подгнившія готовы были рухнуть ежеминутно... Римъ отжилъ свое время и христіанство въ этой языческой имперіи было «новымъ виномъ влитымъ въ старый мѣхъ».

Сознавая свое безсиліе и неспособность, Констанцій, въ качествѣ соправителя, пригласилъ Галла, давъ ему титулъ цесаря; но этотъ его помощникъ своимъ упрямымъ и свирѣпымъ характеромъ возбудилъ въ Констанціи боязливыя подозрѣнія. Опасаясь, чтобы Галлъ не свергъ его съ престола, недостойный сынъ Константина-великаго, заманивъ цесаря въ городъ Петовіумъ, въ Пеннопіи (нынѣшняя Венгрія) отрубилъ ему голову. Совершивъ этотъ подвигъ Констанцій, вызвалъ въ Миланъ младшаго брата казненнаго — Юліана. Историки первыхъ вѣковъ христіанства предаютъ это имя позору незаслуженному и проклятьямъ слишкомъ пристрастнымъ.

Погрѣшности и заблужденія Юліана не умаляютъ его заслугъ и не затмѣваютъ его достоинствъ. Правда, онъ былъ врагомъ ученія евангельскаго; правда и то, что онъ ненавидѣлъ христіанъ; но судя безпристрастно: его ли это была вина? Сыновья Константина святаго, исповѣдывавшіе законъ Христовъ поступали хуже закоснѣлыхъ язычниковъ. Спаситель завѣщалъ любить враговъ, а здѣсь братья единокровные ненавидѣли другъ друга и какъ лютые звѣри терзали своихъ родныхъ. Юліану было шесть лѣтъ, когда онъ бѣжалъ въ Аѳины, однако же воспоминанія о бѣдственныхъ дняхъ дѣтства, до преклонныхъ лѣтъ не изгладились изъ его памяти. Въ Аѳинахъ онъ посвятилъ себя изученію естествознанія, философіи и, мало по малу, отклонился отъ христіанства тѣмъ же

самымъ—только обратнымъ путемъ, какимъ до святыхъ истинъ ученія Христова доходили язычники. Отъ многобожія люди перешли къ моноѳеизму; отъ моноѳеизма къ усвоенію многихъ правилъ чисто христіанскихъ... Юліанъ родился христіаниномъ; потомъ сдѣлался послѣдователемъ доктринъ философскихъ; затѣмъ, впалъ въ грубое идолопоклонство. Чуждый всякихъ честолюбивыхъ видовъ Юліанъ желалъ посвятить всю жизнь свою наукамъ и философіи; даже облекся въ коричневую мантію философа, но, по волѣ Констанція, принужденъ былъ промѣнять ее на пурпуръ цесаря. Немедленно по прибытіи ко двору онъ снискалъ отъ христіанъ прозвище чародѣя и чернокнижника. Причинами тому были, во первыхъ, обширныя его познанія въ естественныхъ наукахъ во вторыхъ — его невѣріе, склонность ко всякаго рода гаданіямъ и къ бесѣдамъ съ волхвами. Онъ посѣщалъ храмы христіанскіе явно; а между тѣмъ тайно приносилъ жертвы идоламъ и бывалъ на ночныхъ сходкахъ жрецовъ Изиды, Цереры, Діаны и Миѳры.

Констанцій поручилъ ему очистить Галлію отъ вторгнувшихся въ нее варваровъ и Юліанъ, какъ нельзя успѣшнѣе, исполнилъ возложенное на него порученіе. Восхищенные его мужествомъ, распорядительностью и прямодушіемъ легіоны провозгласили Юліана императоромъ, поднявъ его на щитѣ и вмѣсто вѣнка возложивъ ему на голову воинское ожерелье. Мѣстопребываніемъ своимъ въ Галліи новый императоръ избралъ Лютецію (нынѣшній Парижъ), которую украсилъ многими зданіями; изъ которыхъ, между прочими, донынѣ уцѣлѣли развалины теплыхъ бань (термовъ) называемыхъ Юліановыми. Здѣсь онъ оставался до кончины Констанція (361 г.) и прибывъ въ Римъ немедленно приступилъ къ осуществленію давнишняго своего замысла, именно—къ возстановленію древняго идолослуженія. Отмѣнилъ всѣ указы и постановленія Константина святаго въ пользу христіанъ, запретилъ имъ строить новыя церкви и школы для дѣтей; далъ язычникамъ обширнѣйшія права и преимущества и самъ облекся саномъ великаго понтифекса... Прозвище отступника, данное ему христіанами, было отвѣтомъ на эти безумства, за то воины и чернь въ восторгѣ отъ Юліана называли его мудрымъ и великимъ. Явныхъ гоненій христіанъ въ его царствованіе не было, но притѣ-

спеніе всякаго рода они терпѣли отъ фанатиковъ жрецовъ и развратныхъ преторіанцевъ. Христіанинъ судившійся, съ язычникомъ, при очевидной своей правотѣ, могъ быть увѣренъ, что проиграетъ свое дѣло. Издѣваясь надъ послѣдователями ученія христіанскаго и всячески стараясь опровергнуть пророчества о бѣдственной участи евреевъ, пророчества уже сбывшіяся, Юліанъ обнародовалъ манифестъ, разрѣшавшій евреямъ возобновить Іерусалимъ и, придавъ этому городу его прежній блескъ—заселить его. Со всѣхъ концевъ имперіи стеклись евреи на развалины ихъ святаго города и оросивъ ихъ слезами приступили къ работамъ.... Трудились всѣ, безъ различія пола, возраста и состоянія: женщины въ одеждахъ изъ драгоцѣнныхъ тканей, въ золотыхъ браслетахъ, серьгахъ и ожерельяхъ, почитали за счастье свозить мусоръ и щебень съ расчищаемыхъ развалинъ; дряхлые старцы истощали послѣднія силы, разгребая груды обломковъ и камней!.. При всемъ томъ дѣло не богоугодное не увѣнчалось успѣхомъ: стѣны и окопы, возведенные втеченіе дня, разрушались ночью, будто опрокидываемые незримыми руками; струи пламени и клубы дыму вылетали изъ подъ ногъ работниковъ; землетрясеніе колебало почву подъ ихъ ногами и страшные призраки отнимали бодрость и охоту у отважнѣйшихъ. Приписывая всѣ эти явленія чародѣйствамъ христіанъ, разгнѣванный императоръ, принужденный отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ обновить Іерусалимъ, сталъ пуще прежняго угнетать ихъ.

Завоеванія царя персидскаго Сапора II (см. Томъ III гл. IX стр. 86) побудили Юліана отправиться въ походъ въ Ассирію. Предъ отбытіемъ изъ Рима онъ далъ клятву въ храмѣ Марса, въ случаѣ побѣды—всѣ христіанскіе храмы обратить въ языческіе, самихъ же христіанъ отдать на избіеніе войскамъ и народу. Не смотря на неблагопріятные предзнаменованія и, между прочимъ, на комету, въ которой приближенные Юліана видѣли вѣстницу его кончины, онъ отправился въ походъ, изъ котораго ему уже не суждено было воротиться. Недостатокъ жизненныхъ припасовъ замедлилъ военныя дѣйствія и отступивъ къ Кордуэни Юліанъ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ. Это было лѣтомъ 363 года. Надъ станомъ римлянъ носился какой-то ужасъ; воины и ихъ

вожди, изнуренные голодомъ и зноемъ, роптали на Юліана, и самъ онъ сознавалъ необдуманность экспедиціи, и его душу волновали мрачныя предчувствія; но непомѣрная гордость запрещала ему со стыдомъ возвратиться во свояси. Будто повинуясь таинственному предопредѣленію императоръ отдалъ приказаніе двинуться къ Марангѣ. Накапунѣ этого рокового дня Юліанъ былъ необыкновенно задумчивъ и озабоченъ. Ночью къ его шатру подъѣхалъ какой-то черный всадникъ и встрѣченный Юліаномъ пробылъ у него до зари. Въ отвѣтъ приближеннымъ на вопросъ: Кто былъ его собесѣдникъ? императоръ говорилъ:

— Со мною бесѣдовалъ духъ имперіи римской!..

Легіоны двинулись къ Марангѣ и неподалеку отъ этого города натолкнулись на сильный отрядъ персовъ, предводимый Мереномъ. Завязалась битва жаркая, отчаянная; обѣ стороны дрались съ одинаковымъ мужествомъ.. наконецъ, подъ дружнымъ натискомъ римлянъ, персы поколебались и въ самую эту рѣшительную минуту, всадникъ на бѣломъ конѣ метнулъ дротикъ въ грудь Юліана. Почувствовавъ рану, въ сознаніи, что она смертельна, Юліанъ яростно взглянулъ на небо и скрежеща зубами воскликнулъ:

— Ты побѣдилъ, Галилеянинъ (Vicisti, Galileae)!

Воины вынесли императора изъ свалки и онъ прожилъ нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ еще на столько обладалъ присутствіемъ духа, что самъ читалъ свое духовное завѣщаніе. Въ немъ, милостями императора, не былъ обойденъ ни одинъ изъ его сподвижниковъ; все свое имущество онъ завѣщалъ въ раздѣлъ воинамъ. Юліана похоронили въ Тарсѣ на берегахъ рѣки Кидна, струи которой были такъ гибельны Александру Македонскому.

Юліанъ былъ послѣднимъ императоромъ изъ рода Констанція Хлора; преемникъ его Іовіанъ, провозглашенный легіонами, былъ простаго происхожденія. Царствовалъ онъ не долго, но какъ возстановитель христіанскаго богослуженія въ имперіи римской заслуживаетъ признательность потомства. Вѣсть о кончинѣ отступника громовымъ ударомъ поразила язычниковъ; за то христіане вздохнули свободнѣе. Въ его лицѣ умерло язычество; въ возгласѣ Юліана: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» звучалъ предсмертный вопль идолопоклонства. Рухнули храмы, угасли алтари,

попадали со своихъ пьедесталовъ и въ дребезги разбились кумиры, умолкли оракулы и надъ развалинами древняго міра, надъ обломками вѣрованій языческихъ возсіялъ крестъ—святой символъ прощенія и спасенія... Солнце Правды разсѣяло мракъ лжи; при немъ померкли звѣзды, которымъ поклонялись язычники, «воскресъ Богъ и расточились враги Его!»

Желая достойнымъ образомъ заключить нашъ историческій очеркъ, мы представляемъ читателю переводъ посланія проконсула Лентула, бывшаго въ Іудеѣ въ 31 или 32 году и видѣвшаго Іисуса Христа. Когда, гдѣ и кѣмъ было обрѣтено это посланіе; чѣмъ доказана его подлинность? Чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы потребно употребить многіе годы на розысканія и изслѣдованія, которыя мы предоставляемъ другимъ. Что касается до насъ, мы возьмемъ только смѣлость заявить, что если посланіе Лентула даже апокрифъ, то несомнѣнно—апокрифъ современный Спасителю. Описать Его наружность такими свѣжими красками, могъ только человѣкъ, имѣвшій счастіе лицезрѣть Его. Посланіе Лентула, переведенное на всѣ европейскіе языки, во многихъ тысячахъ изданій, распространилось по всѣмъ государствамъ, было напечатано и у насъ. Мы слышали отъ очевидцевъ, что оно было даже выставлено въ рамкахъ для чтенія прихожанамъ въ нѣкоторыхъ церквахъ Москвы и Петербурга. Вотъ его содержаніе:

— Великому и почтенному Сенату римскому Публій Лентулъ правящій Іудеею [1]) здравія (желаетъ).

Въ настоящее время явился у насъ въ Іудеѣ и еще понынѣ живъ человѣкъ весьма добродѣтельный, именуемый Іисусомъ Христомъ. Народъ почитаетъ Его великимъ пророкомъ, а ученики признаютъ Его Сыномъ Божіимъ. Онъ воскрешаетъ усопшихъ и исцѣляетъ всякаго рода недуги единымъ словомъ. Этотъ человѣкъ имѣетъ высокій и стройный станъ; видъ его исполненъ величія и

[1]) Правителемъ Іудеи съ 27 по 40 годъ былъ Понтій-Пилатъ. Патриціанское семейство Лентуловъ пользовалось извѣстностью въ періодъ имперіи отъ Августа до Каракаллы, многіе изъ его членовъ занимали важныя должности въ военной и гражданской службѣ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ правителемъ Іудеи... Не Понтіемъ-ли Пилатомъ написано было это посланіе?

производитъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, такъ что взирающіе на Него не могутъ не чувствовать къ нему любви и вмѣстѣ съ тѣмъ не ощущать нѣкотораго страха. Волосы Его цвѣта орѣха созрѣлаго, безъ блеска и гладки до ушей; а отъ ушей до плечъ и ниже, кудрявы, блестящи и посрединѣ головы прямымъ проборомъ раздѣлены на обѣ стороны, по обычаю Назарянъ. Чело гладкое и чистое; на всемъ лицѣ нѣтъ никакого пятна и оно озарено легкимъ румянцемъ; носъ и уста правильны; бороду имѣетъ такого же цвѣта какъ и волосы, густую, но не долгую и раздвоенную на концѣ. Взглядъ Его тихъ, величественъ и пріятенъ; глаза цвѣта небеснаго, проницающіе въ душу, блестящіе. Онъ весьма ласковъ и обходителенъ когда учитъ и увѣщеваетъ; строгъ и страшенъ когда обличаетъ. Черты Его лица соединяютъ удивительную привлекательность съ величіемъ. Никто не видалъ Его смѣющимся, но часто видятъ Его плачущимъ... Ростомъ Онъ высокъ; руки у Него прямыя и Онъ часто воздѣваетъ ихъ; плечи стройныя. Говоритъ не много, но съ достоинствомъ и каждое слово Его взвѣшено. По истинѣ человѣкъ этотъ прекраснѣйшій изъ людей и въ Немъ видна правдивость, чуждая лести».

Такъ отзывался объ Іисусѣ Христѣ видѣвшій Его язычникъ, угадывавшій въ Немъ основателя новой вѣры, краеугольными камнями которой были—любовь и самопожертвованіе; вѣры—требующей отъ человѣка только добрыхъ дѣлъ, а не кровавыхъ приношеній. На алтаряхъ языческихъ въ угоду бездушнымъ истуканамъ рѣзали людей; божественный же основатель христіанства, какъ непорочный агнецъ, Самъ Себя отдалъ на закланіе людямъ, спасая ихъ души Своею кровью и крестною смертію Своею, даровавшей имъ жизнь вѣчную!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Науки и художества въ древнемъ Римѣ. — Астрономія и космографія. — Годъ. — Календы. — Ноны. — Иды. — Дни. — Созигенъ. — Юліанскій календарь. — Старый и новый стиль. — Естественныя науки. — Плиній. — Содержаніе исторіи міра. — Географія. — Исторія. — Краснорѣчіе. — Правовѣдѣніе. — Философія. — Поэзія. — Изящныя художества. — Витрувій и Фронтинъ. — Театръ. — Плавтъ и Теренцій. — Цирки. — Кровожадность. — Бои гладіаторовъ. — Разряды. — Ретіаріи. — Мирмиллоны. — Лаквеаторы. — Гипломахи. — Димахаріи. — Андамиты. — Меркурій и Плутонъ. — Нравы и обычаи. — Родины. — Воспитаніе. — Совершеннолѣтіе. — Бракъ. — Разводъ. — Погребальные обряды. — Похороны и сожженіе.

Науки и художества, пересаженныя съ плодоносной эллинской почвы на жесткую—римскую, туго принялись, медленно развивались, никогда не достигли того роста и цвѣтущаго состоянія, которымъ отличались въ Греціи и дали плоды, сравнительно говоря, довольно скудные. Въ римлянахъ, народѣ воинственномъ кровожадныя и звѣрскія стремленія поглощали умственныя способности и въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ своего существованія Римъ, не смотря на старанія своихъ законодателей, стремившихся къ благой цѣли смягченія нравовъ—Римъ, былъ сборищемъ душегубцевъ и мясниковъ, полагавшихъ славу въ рѣзнѣ, въ умѣньи убивать другихъ и умирать самому. Мало по малу науки проникли въ этотъ вертепъ, но и тутъ религія наложила на нихъ печать своего суевѣрія: астрономія и космографія смѣшались съ астрологіей, естественныя науки и медицина—съ магіей; даже исторія, подъ перомъ любителей чудеснаго и сверхъестественнаго, переполнилась сказками и разными фантастическими прикрасами... Географы, вмѣстѣ съ дѣльными разсужденіями о чужихъ странахъ, съ дѣтскимъ легковѣріемъ писали о безголовыхъ людяхъ, о кино-

кефалахъ, струтіоподахъ, арамаскахъ и имъ подобныхъ племенахъ, порожденныхъ досужимъ воображеніемъ сказочниковъ. Изъ изящныхъ художествъ, зодчество и ваяніе достигли совершенства, но почти всѣ ихъ произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ духа народнаго, созданы же они были руками греческихъ художниковъ. Тріумфальныя арки, тюрьмы и цирки—были любимѣйшими зданіями римлянъ и зданія эти можно назвать памятниками гордости, жестокости и кровожадности великаго народа. Любимѣйшею его музыкою была музыка военная съ ревущими трубами, звонкими кимвалами; гимнастику, вольтижировку, кривлянья фигляровъ и борьбу гладіаторовъ онъ ставилъ выше искусства сценическаго. Принимая все это во вниманіе довольно трудно (чтобы не сказать невозможно) представить читателю послѣдовательный очеркъ умственнаго развитія римлянъ и успѣховъ ихъ въ цивилизаціи.

Астрономія и космографія, со временъ основанія монархіи до послѣдняго вѣка бытія республики, было достояніемъ жрецовъ, т. е. авгуровъ и, какъ священныя науки, были недоступны людямъ, не принадлежавшимъ къ этой привиллегированной кастѣ. При императорахъ, начиная съ Юлія Цесаря, всѣ астрономы и астрологи римскіе были родомъ изъ Халдеи, изъ Греціи, или, изъ Египта; между ними не находимъ ни одного чистокровнаго римлянина. То же можно сказать и о математикѣ. Славные: Птоломей и Созигенъ—были египтяне и только римскіе подданные. Къ слову объ астрономіи поговоримъ о лѣточисленіи римскомъ. О раздѣленіи года на двѣнадцать мѣсяцевъ и о названіяхъ ихъ, мы уже упоминали [1]); здѣсь объяснимъ значеніе словъ: календы, ноны и иды, употреблявшихся у римлянъ. Календами назывался первый день каждаго мѣсяца [2]), въ который народъ собирался на форумъ, что бы услышать отъ жреца распредѣленіе дней праздничныхъ, будничныхъ, постныхъ и тяжелыхъ. Нонами называли 5 день января, февраля, апрѣля, іюня, августа, сентября, ноября, декабря и 7 день — марта, мая, іюля и

[1]) См. Томъ V Гл. XXXV, стр. 285.

[2]) Отсюда слово **календарь**; въ буквальномъ переводѣ латинское **calenda**: призывъ.

октября; идами—15 число этихъ четырехъ мѣсяцевъ и 13 число вышеупомянутыхъ восьми. Дни раздѣлялись на праздничные (fasti), роковые (nefasti, nefasti ex parte priori, arti), постные (comitales, nundinales) и полупостные (intercisi); на тяжелые и легкіе. Рабочая недѣля полагалась въ семь дней; восьмой былъ днемъ отдохновенія. Сутки отъ полуночи до полуночи дѣлились первоначально на 16 или на 17 частей; впослѣдствіи, при введеніи въ Римѣ солнечныхъ и песочныхъ часовъ, а равно и водяныхъ (клепсидровъ) было узаконено считать сутки въ 24 часа. Юлій Цесарь поручилъ астроному Созигену заняться провѣркою календаря и опредѣлить точный годичный періодъ. Созигенъ опредѣлилъ годъ въ 365 дней и 6 часовъ (по настоящему 5 часовъ 48 минутъ и 16 секундъ); образующіеся изъ часовъ сутки, черезъ три года на четвертый положено было прибавлять къ февралю мѣсяцу и годы эти назывались (високосными bissextilis). Это лѣтосчисленіе, называемое Юліанскимъ, донынѣ въ употребленіи у насъ въ Россіи, въ Греціи и въ нѣкоторыхъ графствахъ Шотландіи; во всей же Европѣ его придерживались до 1582 года, а затѣмъ замѣнили болѣе правильнымъ лѣтосчисленіемъ, Григоріанскимъ (по имени папы Григорія XIII). Въ теченіе вѣковъ минуты и секунды образовали полные 12 сутокъ, которые и составляютъ разность между обоими лѣтосчисленіями, или старымъ и новымъ стилемъ. 1 января—стараго, соотвѣтствуетъ 13 января новаго стиля.

Съ естественными науками римляне ознакомились путемъ занятія сельскимъ хозяйствомъ. Кромѣ перевода Магона, карфагенскаго агронома о разныхъ отрасляхъ ботаники и зоологіи въ ихъ примѣненіи къ хозяйству писали: Катонъ-цензоръ, Варронъ, Палладій, Колумелла, Фенестелла, Виргилій (Георгики). Кромѣ того о естествознаніи писали: Сенека и славный Кай Плиній Секундъ, авторъ первой энциклопедіи, написанной имъ подъ именемъ «Исторіи міра». Онъ составилъ ее по выпискамъ, какъ изъ отечественныхъ, такъ и изъ иноземныхъ авторовъ, число которыхъ, свыше 500 человѣкъ. Исторія міра произведеніе драгоцѣнное; въ достоинствахъ ему не откажетъ и позднѣйшее потомство. Къ сожалѣнію, Плиній, не подвергая своихъ

выписокъ строгому, научному анализу, компилировалъ ихъ безъ разбору, не отдѣляя басни отъ исторіи, лжи отъ правды. Сынъ своего времени, легковѣрный и суевѣрный Плиній, питалъ одинаковое уваженіе къ предразсудкамъ и повѣрьямъ какъ и къ самой наукѣ. Исторія его раздѣлена на тридцать шесть книгъ, изъ которыхъ первая содержитъ оглавленіе остальныхъ 35 и именные списки авторовъ; содержаніе же ихъ слѣдующее: 2) Космографія, астрономія, метеорологія, геологія, гидрографія; 3—6) географія, 7) антропологія, біографія, физіологія, частію и этнографія; 8) зоологія; 9) ихтіологія; 10) орнитологія, амфибіологія; 11) инсектологія и сравнительная анатомія; 12—27) ботаника, агрономія, паталогія, терапія; 28—30) зоопатія, магія; 31) гидропатія, минеральныя воды; 32) ихтіопатія (леченіе мясомъ морскихъ животныхъ и рыбъ); 33—36) минералогія, металлургія, зодчество, ваяніе, живопись, технологія [1]. Изъ ботаниковъ римскихъ назовемъ еще: Антонія Кастора, Цельза и Музу, врача императора Августа; Діоскоридъ, современникъ Плинія былъ грекъ и писалъ по гречески.

Народъ, положившій цѣлью своего бытія завоеванія чужихъ земель, не могъ не заниматься географіею. Въ исторіи этой науки не могутъ быть забыты: Энній, Юлій Цесарь, Педо Альбинованусъ, Помпоній Мела, Страбонъ, Амміанъ Марцеллинъ Луціанъ. Но изъ всѣхъ наукъ, наибольшее число почтеннѣйшихъ дѣятелей принадлежитъ исторіи. Въ этой отрасли древній Римъ богатствомъ и обиліемъ превзошелъ Грецію. Тацитъ, Титъ Ливій, Саллюстій, Светоній, Юстинъ, Квинтъ Курцій, Корнелій Непотъ, Плутархъ, Веллей Патеркулъ, Авлъ-Геллій, Юлій Цесарь, Валерій Максимъ, Плиній младшій, Помпоній Мела, Лампридій, Флавій Вопискъ, Макробій, Солинъ, Сульпицій Галлъ, Флоръ, Фенестелла, Фанній,

[1]) Переведенная на всѣ европейскіе языки, Исторія міра, вполнѣ никогда не была переведена на русскій языкъ. Предпринявъ этотъ трудъ мы его успѣшно окончили нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Полежавъ подъ спудомъ онъ былъ брошенъ нами въ огонь по той причинѣ, что подобныя произведенія еще рано или ужъ поздно читать нашей публикѣ, но во всякомъ случаѣ не любопытно.

Фабій Пикторъ, Діогенъ Лаэрцій, Діонъ Кассій, Діодоръ Сицилійскій, Капитолинъ, Трогъ Помпей, Квадригарій, Діонисій Галикарнасскій, Варронъ, Іосифъ Флавій.

Изъ историческаго очерка монархіи и республики римской мы видимъ, что великому народу было «некогда» заниматься науками; но въ замѣну этого риторика процвѣтала въ Римѣ съ давнихъ временъ: консулы, трибуны, диктаторы, цензоры были въ то же время и превосходными ораторами. Нерѣдко одно слово сказанное кстати утишало мятежъ, рѣшало участь цѣлаго царства; такъ Цицеронъ за избавленіе Рима отъ Катилины снискалъ прозвище «отца отечества». Достойнымъ его преемникомъ былъ Квинтиліанъ. Также достойны упоминанія: Луцій Плотій, Маркъ Гнифо, Вивій Галлъ, Осбъ, Пакотъ, Касторъ; Сенека, Монтанусъ, Юлій Флоръ, Клавдій Квиринались, Урсулъ, Аферъ, Габіанъ, Юлій Секундъ, Аперъ, Сальвій Руфъ, Агрикола, Руфинъ, Сальвій Либералисъ, Фаворинъ, Маркъ Корнелій Фронто.

Чему ораторы изустно поучали народъ, то самое составляло предметъ юриспруденціи. Сводъ законовъ древняго Рима, или, такъ называемое римское право послужило руководствомъ для законодателей почти всѣхъ европейскихъ государствъ и его изученіе обязательно для каждаго посвящающаго себя поприщу правовѣдѣнія. Глубокая нравственность и здравый смыслъ составляютъ основные элементы римскаго права, что, по истинѣ, достойно удивленія въ народѣ, питавшемъ особенное уваженіе къ праву кулачному.

Философія проникла въ Римъ черезъ 500 лѣтъ послѣ его основанія. Изъ всѣхъ сектъ древней Греціи только четыре привились къ нравамъ римлянъ, которые усвоили (и при этомъ исказили) доктрины: стоиковъ, циниковъ, эпикурейцевъ и платониковъ. Во время имперіи одна изъ четырехъ доктринъ была замѣною религіи у высшихъ классовъ. Катонъ и Өразея, отчасти Цицеронъ и Сенека были послѣдователями стоицизма; Димитрій и Максимъ (наставникъ Юліана отступника)—цинизма; Котта, Веллей, Пансa, Аттикъ, поэтъ Луканъ—эпикуреизма; Варронъ, Пизонъ, Маркъ Брутъ, Галлъ—неоплатонизма.

Поэзія процвѣтала въ Римѣ въ царствованіе Августа, кото-

рое, по справедливости названо «золотымъ вѣкомъ». Еще при диктаторахъ славились: Силій Италикъ, Варронъ, Проперцій, Левій, Манилій; но славу ихъ затмили: Катуллъ, Виргилій, Горацій, Лукреній, Тибуллъ, Овидій, Апулей, Авзоній; баснописецъ Федръ. Сатиры Ювенала, Персія были самыми энергическими протестами на развращеніе нравовъ при преемникахъ Августа; но и эти протесты были безсильны предъ геніальными неблагопристойностями въ родѣ искуства «любить» (Ars amandi) Овидія и «золотаго осла» Апулея. Томныя элегіи Катулла, Проперція и Тибулла, эти страстныя воркованья голубковъ, не удовлетворяли извращенному вкусу народа, который въ самой чувственности любилъ только чудовищное и противуестественное; народъ, которому вакханки и Фаллусъ замѣняли музъ и Аполлона. Въ изящныхъ художествахъ, какъ мы уже говорили, римляне предпочитали громадность изяществу, грубую силу — граціи. Отпечатокъ этого вкуса находимъ на всѣхъ произведеніяхъ римскаго зодчества и ваянія. Желающимъ изучать исторію римской архитектуры не можемъ не указать на сочиненія Витрувія и Фронтина.

Хотя римляне и смотрѣли на театръ какъ на школу нравовъ, хотя они и говорили что, «смѣхъ исправляетъ нравы» (ridendo castigat mores), однако же благодѣтельнаго вліянія на нихъ театръ не оказалъ и великій народъ, довольствуясь произведеніями Плавта и Теренція, высоко цѣнилъ только комедію и грубый фарсъ, не уважая трагедій... Да и къ чему было любоваться трагедіями народу, который на аренахъ цирковъ проливалъ ручьями настоящую кровь; котораго звѣрныя травли и бои гладіаторовъ тѣшили лучше всякихъ театральныхъ представленій? Колизей — самый приличный каменный вѣнецъ имперіи, населенной людьми съ каменными сердцами, не вѣдавшими ни жалости ни состраданія къ ближнему, считавшими за стыдъ всякія человѣческія чувства! «Хлѣба и зрѣлищъ» (Panem et circenses!) ревѣла чернь въ первые годы республики... прошли вѣка и она неистово рукоплескала, когда сотни гладіаторовъ умирали ради ея потѣхи, обагряя кровію арены цирковъ. Эти зрѣлища заслуживаютъ подробнаго описанія.

Благодаря вѣчнымъ своимъ войнамъ, Римъ не терпѣлъ недостатка въ плѣнныхъ. Не довольствуясь душегубствомъ на полахъ сраженій онъ, какъ сытый волкъ, угонялъ въ свое логовище непріятелей, захваченныхъ живьемъ, чтобы растерзать ихъ на потѣху своимъ волченятамъ. Изъ этихъ плѣнниковъ составлялись цѣлые легіоны **гладіаторовъ**, обрекаемыхъ на смерть въ циркахъ, между прочими въ Колизеѣ, вмѣщавшемъ въ своихъ стѣнахъ до 80,000 зрителей **обоего пола**; прекраснаго—половина на половину съ непрекраснымъ. Почтенная матрона (мать семейства) отправлялась въ Колизей со своими дочерьми, какъ въ наше время благовоспитанная дама отправляется во французскій театръ, или, въ итальянскую оперу. Тутъ собирался цвѣтъ аристократіи: императоръ, сенаторы, весталки. Они занимали такъ называемый **подіумъ**; гладіаторы входили чрезъ ворота—**вомитарію** [1]), уносили же ихъ въ **споліарій** (погребъ) или они сами уходили (изъ тысячи одинъ) сквозь дверь **помилованныхъ** (Sana vivaria). При звукахъ трубъ входили гладіаторы и преклоняясь предъ подіумомъ говорили: «Здравствуй государь императоръ, мертвецы тебя привѣтствуютъ (Ave, domine caesar, morituri te salutant!)». Эти «мертвецы» дѣлились на группы; программа этихъ **танцевъ смерти**, отъ которыхъ у Гольбейна, или, у **Клаубера**, волосы на головахъ поднялись-бы дыбомъ въ видѣ щетинистой кисти, программа ихъ—говоримъ мы, была составлена по образцу нынѣшнихъ балетовъ. Танцоры дѣлились: 1) на **ретіаріевъ**, 2) на **мирмиллоновъ**, 3) на **лавкеаторовъ**, 4) на **гипломаховъ**, 5) на **димахаріевъ**, 6) на **андамитовъ**.

Ретіаріи были вооружены сѣтями и трезубцами; **мирмиллоны**, въ шлемахъ, украшенныхъ рыбками, были вооружены серпами. Первые, будто рыбаки закидывали сѣти, а вторые должны были ловко увертываться отъ поимки, перерубая сѣть косами. Запутавшагося въ сѣтяхъ мирмиллона ретіарій пронзалъ трезубцемъ и

[1]) **Vomitaria**, слово въ слово: **изрыгальница**: ворота будто изрыгивали гладіаторовъ на арену... Какая картинность выраженія была въ древнемъ Римѣ!

предсмертный трепетъ несчастнаго напоминалъ зрителямъ судороги пойманной рыбы и для вящшаго очарованія, кровь замѣняла воду... «подхватилъ (hic habet!)» вопили зрители и ревъ 80,000 людей, и аплодисменты 160,000 рукъ напоминали дѣйствительно ревъ и плескъ волнъ морскихъ!... «Великій народъ!!»...

Лавкеаторы ловили другъ друга арканами, какъ у насъ фурманщики ловятъ собакъ... Этого рода поединки гладіаторовъ были уже не такъ интересны: крови не было и хотя лица удавленниковъ, для милыхъ римлянокъ и мягкосердыхъ римлянъ имѣли также своего рода привлекательность, но не отовсюду были видны. **Гипломахи** были вооружены съ головы до ногъ; **гладіаторы**—только мечами и щитами (дрались narie); **Димахаріи**—двумя мечами въ обѣихъ рукахъ... Бой **андамитовъ** былъ опять очень забавенъ: они дрались съ завязанными глазами; эти несчастные играли въ жмурки со смертью!

Въ случаѣ раны, свергнувшей съ ногъ гладіатора, его противникъ обращался къ весталкамъ и онѣ движеніемъ рукъ рѣшали: помиловать раненаго, или, дорѣзывать [1]). Груды труповъ и раненыхъ стаскивали съ арены крючьями прислужники и складывали ихъ въ споліарій. Здѣсь два чиновника: **Меркурій** и **Плутонъ** осматривали тѣла. Въ случаѣ признаковъ жизни и надежды на излеченіе, Меркурій клеймилъ принесеннаго съ арены раскаленнымъ желѣзомъ и его отдѣляли отъ прочихъ; если же рана была смертельная, а несчастный еще дышалъ, тогда Плутонъ можжилъ ему голову желѣзною палицей... Во времена Траяна на аренахъ Колизея въ одинъ день дралось до 5000 паръ гладіаторовъ разныхъ разрядовъ; при императорахъ гонителяхъ христіанъ, въ циркахъ происходили травли послѣднихъ дикими звѣрями.... Повторяемъ: какой же **Софоклъ** или **Эврипидъ** своими трагедіями могъ бы расшевелить сердце римскаго народа?

Заключимъ нашу исторію обзоромъ обычаевъ римскихъ при родинахъ, и ихъ обрядовъ: **брачныхъ, семейныхъ и погребальныхъ**.

[1]) См. Томъ V гл. II стр. 14.

Отцу новорожденнаго вмѣнялось въ непремѣнную обязанность осмотрѣть его, чтобы признать или нѣтъ своимъ и рѣшить его судьбу: жить, или, не жить ребенку. Отвергнутыхъ и непризнанныхъ отцомъ, или уродовъ, уносили изъ дому и оставляли на произволъ судьбы гдѣ нибудь на распутіи, послѣднихъ, чаще всего, умерщвляли. Въ случаѣ рожденія ребенка въ отсутствіе отца, его воспитали въ ожиданіи возвращенія. Рожденіе сына было радостнымъ событіемъ въ семьѣ: двери украшали цвѣтами; въ случаѣ траура—смѣняли черныя одежды на цвѣтныя; родные задавали пиръ, на которомъ присутствовала и роженица съ грудью украшенною лентами и перевязями, вышитыми въ храмахъ. Благодарственныя жертвы Юнонѣ и богинямъ родовспомогательницамъ были непремѣннымъ условіемъ празднованія родинъ. Дѣтей, во времена республики, (когда нравы еще не были испорчены) вскармливали сами матери, во времена имперіи это было возложено на кормилецъ, наемныхъ, или рабынь. Суевѣріе охраняло младенца въ колыбели: богъ Фасцинусъ отклонялъ отъ него порчу; отъ дурнаго глаза кормилица или мать трижды плевали на грудь младенца. На восьмой день (dies lustricus) очищали новорожденныхъ дѣвочекъ; на девятый — мальчиковъ. Вынувъ младенца изъ колыбели старшая въ семействѣ —теща или свекровь, мазала ему своею слюною губы и лобъ, слегка ударяла по рукамъ и давала ему имя, которое вписывалось въ городскіе реэстры. Этотъ день каждый римлянинъ обязанъ былъ чествовать пиромъ и жертвоприношеніями ларамъ и пенатамъ и непремѣнно быть облаченнымъ въ бѣлое одѣяніе. Въ этотъ день, имянинника дарили; дѣвица его любящая имѣла право прислать ему отъ себя подарокъ, что во всякое другое время почиталось неприличнымъ.

Гражданамъ бездѣтнымъ разрѣшалось брать пріемышей отъ ихъ родныхъ отцевъ и матерей. Бравшій младенца дарилъ его родителямъ монету и ударялъ по вѣсамъ въ присутствіи либрипенса (городоваго маклера). Этотъ обрядъ возобновлялся трижды и на третій разъ ребенокъ дѣлался членомъ новой семьи. Усыновленіе взрослыхъ происходило въ присутствіи жрецовъ и народа, не иначе какъ съ ихъ разрѣшенія.

Съ шестнадцати лѣтъ гражданинъ долженъ былъ облечься въ тогу и это празднество совершалось обыкновенно въ 16 календы марта мѣсяца въ день Либералій (праздника Бахуса). Тогу на юношу надѣвалъ дѣдъ, или отецъ и ее называли: мужественною, чистою, свободною. По совершеніи этого обряда все семейство шло въ Капитолій и здѣсь новый гражданинъ приносилъ жертвы богамъ и медовую лепешку Бахусу. Игрушки свои совершеннолѣтній вѣшалъ на шею своимъ пенатамъ. На другой же день онъ обязанъ былъ избрать себѣ родъ жизни, посвятивъ себя гражданской или военной службѣ.

Брачные обряды у римлянъ были почти тѣ же что и у грековъ. Помолвка, сговоръ и обрученіе сопровождались пирами; женихъ надѣвалъ невѣстѣ на безымянный палецъ лѣвой руки гладкое желѣзное кольцо; съ будущимъ тестемъ заключалъ контрактъ. Браки праздновались въ особые дни, причемъ принимались во вниманіе разныя предзнаменованія. Май мѣсяцъ (по случаю бывшаго въ немъ праздника Лемурій) и первые—13 дней іюня почитались неблагопріятными для брачныхъ союзовъ; только бѣдныя вдовы не обѣгали этихъ дней. Предъ бракосочетаніемъ женихи и невѣсты приносили жертвы Юнонѣ, Венерѣ и Граціямъ. Наканунѣ свадьбы будущіе зять и тесть заключали еще одинъ контрактъ, касавшійся приданаго; невѣста, проводя послѣднюю ночь въ домѣ родительскомъ, обязывалась быть въ бѣломъ платьѣ и въ покрывалѣ, окрашеномъ шафраномъ. Браки раздѣлялись на три разряда: 1) сожительство (usucapio), которое узаконялось по прошествіи годичнаго срока, въ теченіе котораго сожительница была вѣрна своему сожителю; 2) обоюдная покупка (coemptio) и 3) бракъ духовный (confarreatio). Для обоихъ этихъ разрядовъ существовали особыя церемоніи.

При обоюдной покупкѣ невѣста приходила въ храмъ съ тремя асами (мелкая монета), одинъ изъ которыхъ клала въ башмакъ. За эту монету она покупала право молиться пенатамъ чужой семьи; за вторую покупала мужа; за третью — домъ. При этомъ бракосочетавшіеся размѣнивались слѣдующими вопросами и отвѣтами: «жена, желаешь ли быть матерью моего семейства?—«Желаю, а ты, мужъ желаешь ли быть отцомъ моего семейства?»—«Желаю». Тѣмъ и оканчивался весь обрядъ.

Бракъ духовный сопровождался моленіями въ храмѣ, совершаемыми верховнымъ жрецомъ и фламиніемъ въ присутствіи десяти свидѣтелей. При этомъ приносили въ жертву богамъ лепешку изъ ячменя, называвшуюся фаръ (откуда и имя обряда: конфарреація). Продолжительную эту церемонію слѣдовало начинать сызнова, если ее прерывалъ ударъ грома. Жениха и невѣсту приносили на однихъ носилкахъ, покрытыхъ руномъ отъ овцы, заколотой передъ алтаремъ. Одежда и уборъ невѣсты составляли: 1) огненнаго цвѣта вуаль (фламмеумъ), подобный носимымъ жёнами фламиніевъ, браки которыхъ были нерасторжимы; 2) бѣлая туника—символъ невинности; 3) прическа подобная прическѣ весталокъ, заколотая стрѣлою (въ память битвы при похищеніи сабинокъ); 4) вѣнокъ изъ желѣзняка (Verbena officinalis L), символъ плодородія —и 5) шерстяной поясъ—символъ цѣломудрія. По принесеніи жертвъ верховный жрецъ, читая молитвы, давалъ съѣдать жениху и невѣстѣ по половинѣ священной лепешки (far) и соединялъ ихъ руки. По окончаніи обряда молодые шествовали въ свой домъ. Выходя изъ дома родительскаго, молодая была сопровождаема тремя дѣтьми, изъ которыхъ двое держали ее за руки, а третій, для отгонанія чаръ, несъ впереди зажженный факелъ изъ терновника. За нею слѣдовали еще двое дѣтей, несшихъ въ рукахъ веретено и разныя орудія женскаго хозяйства; шествіе же замыкали четыре замужнія женщины съ факелами въ рукахъ. Участвовавшіе въ процессіи молодые люди забавляли невѣсту шутками, заставлявшими ее улыбаться, а всего чаще и краснѣть, ибо шутки эти бывали весьма неблагопристойны. На порогѣ своего дома новобрачную встрѣчалъ мужъ и спрашивалъ: кто она?—Гдѣ ты будешь Кайемъ, тамъ я буду Каіею (Ubi tu Caius, ego Caja!), отвѣчала она. Послѣ того на порогѣ же, ей подавали факелъ и воду: она прикасалась къ факлу и омочивъ руку окропляла себя водою; эти дѣйствія изображали символически готовность жены слѣдовать за мужемъ «въ огонь и въ воду». Черезъ порогъ ее проносили подруги, мужъ же ея въ эту минуту бросалъ орѣхи дѣтямъ, въ знакъ того, что онъ прощается съ рѣзвостью и шалостями, свойственными младенчеству. Выслушавъ хоръ пѣвчихъ, сидя на овечьемъ рунѣ, молодая изъ рукъ старѣйшаго родственника

принимала ключъ—символъ хозяйства и домоводства. Празднество оканчивалось пиромъ, послѣ котораго гостямъ раздавали пирожки изъ тѣста на сладкомъ винѣ, начиненные лавровыми листьями (mustacea)... Факелъ, которымъ освѣщали дорогу новобрачной, свято сохраняли. Молодую вели въ спальню пожилыя замужнія женщины и укладывали ее на богато убранное ложе, окруженное шестью статуями боговъ и богинь. На другой день молодые супруги давали пиръ всей роднѣ (repotia).

Въ случаѣ несогласнаго житья супругамъ дозволялось расходиться. Разводъ бывалъ офиціальный и простой; первый происходилъ при полицейскомъ чиновникѣ и при свидѣтеляхъ; второй — безъ всякихъ церемоній: мужъ говоритъ женѣ: «жена, уйди» (I foras mulier!) и этого было довольно.

О погребальныхъ обрядахъ можно было бы сказать очень многое, но не желая утомлять вниманія читателя, ограничимся замѣткою, что у римлянъ погребенія бывали двухъ родовъ: зарытіе въ землю (sepultus) и сожженіе (humatus). Факелы; ельникъ; наемныя плакальщицы; лизоблюды—охотники до поминокъ; вдовы съ притворными слезами; наслѣдники съ вытянутыми физіономіями; провожатые съ избитыми утѣшеніями... и пошлыми фразами, все это въ древнемъ языческомъ Римѣ было тоже что видимъ нынѣ въ государствахъ европейскихъ. Вникая въ эти обряды мы можемъ замѣтить, что всѣ они заимствованы были у народовъ востока, обзоромъ религіи которыхъ мы начали нашу исторію; воспоминаніемъ о нихъ же намъ приходится ее и закончить...

КОНЕЦЪ

ИСТОРІИ РЕЛИГІЙ ДРЕВНЯГО МІРА.

СОДЕРЖАНIЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Стран.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Стран.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Стран.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

РИМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Стран.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Стран.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

АЛФАВИТНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНІЯ ШЕСТИ ТОМОВЪ „ИСТОРІИ РЕЛИГІЙ ДРЕВНЯГО МІРА“

Томъ I: ***Индія. Буддизмъ.*** Томъ II: ***Китай. Японія. Іезуиты въ Китаѣ.*** Томъ III: ***Персія.*** Томъ IV: ***Египетъ. Сабизмъ.*** Томы V и VI: ***Греція и Римъ.***

Въ оглавленіи томы означены римскими — а страницы арабскими цифрами. Курсивъ означаетъ приложенный къ статьѣ рисунокъ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Ж.

З.

І.

И.

К.

Л.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Э.

Я.

Ѳ.

КОНЕЦЪ.

4953